РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д. Е. Мишин

ХОСРОВ I АНУШИРВАН (531–579), ЕГО ЭПОХА И ЕГО ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ПОУЧЕНИЕ В ИСТОРИИ МИСКАВЕЙХА

Москва
ИВ РАН
2014

УДК 94(55)“05”
ББК 63.3(5Ирн)-8
М711

Ответственный редактор
д.и.н. Д. В. Микульский

Мишин Д. Е.
Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2014. – 696 с.
ISBN 978-5-89282-588-7

Исследование посвящено истории правления сасанидского царя Ирана Хосрова I Ануширвана (531–579) и двум сравнительно мало изученным источникам по ней – приписываемым авторству самого монарха «Жизнеописанию» и «Поучению», которые сохранились в трудах мусульманских писателей Мискавейха (ум. в 1030 г.) и ан-Нувайри (ум. в 1332/33 г.). На основе сравнительного анализа источников в работе восстановлена историческая картина царствования Хосрова, сделаны выводы относительно того, могут ли указанные источники восходить к нему и считаться достоверными.

УДК 94(55)“05”
ББК 63.3(5Ирн)-8

ISBN 978-5-89282-588-7

9 785892 825887

© Институт востоковедения РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Часть I. Сасанидская держава до Хосрова I 64
Глава 1. Государство и общество Сасанидской эпохи 64
Глава 2. Предшественники Хосрова 147
Глава 3. Внешняя политика 216

Часть II. Жизнь и правление Хосрова I Ануширвана 311
Глава 1. Хосров до прихода к власти 311
Глава 2. Внутренняя политика 346
Глава 3. Внешняя политика и войны 479

Часть III. Жизнеописание и поучение Хосрова Ануширвана 598

Источники и литература 637

Указатель имён 657

Указатель географических и некоторых иных названий 679

Дополнение к стр. 291 693

ВВЕДЕНИЕ

Сасанидский «царь царей» Хосров I Ануширван (531–579) – одна из наиболее замечательных личностей истории Ближнего и Среднего Востока доисламской эпохи. Почти полувековое правление, длительное и упорное противостояние с Византией, разгром главного противника Сасанидов на Востоке – государства эфталитов, уничтожение остатков маздакитского движения, меры, направленные на подъём хозяйства и совершенствование государственного управления – все эти свершения Хосрова оставили заметный след в истории региона. В рассказах о событиях той эпохи средневековые авторы неизменно уделяют ему особое внимание. Значимость фигуры Хосрова признаётся всегда, хотя средневековые традиции запомнили его по-разному. Для зороастрийцев правление Хосрова стало новым этапом в истории Сасанидской державы, «стальным веком»[1]; сам он предстаёт как «человек с бессмертной душой» (ср.-перс. *anōšag-rūwān*, отсюда – *Ануширван*) который восстановил устои религии, попранные маздакитами. В мусульманской литературе, сохранившей часть сасанидского наследия, Хосров – справедливый царь, заботившийся о подданных. Христианские авторы Востока подчёркивают терпимое и в общем покровительственное отношение Хосрова к их единоверцам.

Эти различия объяснимы: каждый автор смотрел на Хосрова со своих позиций, подчас отражая представления своего общества. Но современный исследователь не может не задаться вопросом, каков был Хосров на деле. Общая методология говорит в пользу того, что истину следует искать посередине, на пересечении сообщений источников, однако на практике осмысление фигуры Хосрова требует большой работы, направленной на выявление реального и отсечение легендарных элементов и поздних наслоений.

Задача историка в данном случае осложняется тем, что от сасанидской литературы до нас дошла лишь малая часть. Мы обычно смотрим на Хосрова глазами представителей других

---

[1] Так представляется правление Хосрова в трактате *Вахман-Яшт* [Pahlavi Texts, 1880. P. 193].

обществ и культур, которые не всегда понимали реалии Сасанидской державы, а иногда относились к ней враждебно. Поэтому особую ценность имеют известия, восходящие к зороастрийским традициям: они позволяют хотя бы отчасти представить себе, каким видели Хосрова в обществе, которым он правил.

В этом отношении особый интерес представляют два текста, которые сохранились в историческом своде мусульманского автора Абу Али Ахмада Ибн Мухаммада Ибн Якуба Мискавейха (ум. в 1030 г.) «Опыт народов и чередование забот» (*Tağārib al-umam wa ta'āqub al-himam*) – отрывок из жизнеописания (*sīra*) Хосрова и его назидательной речи (*ḫuṭba*)[2]. В источнике оба текста приписываются самому Хосрову. По какой-то причине они остались вне поля зрения большинства средневековых авторов. Помимо Мискавейха их приводит лишь пользовавшийся его трудом поздний компилятор Шихаб ад-Дин Ахмад Ибн Абд ал-Ваххаб ан-Нувайри (ум. в 1332/33 г.) в трактате «Предел желаний в искусствах словесности» (*Nihāyat al-arab fī funūn al-adab*). Сведения о Сасанидах Мискавейх черпал почти исключительно из великого исторического свода «История пророков и царей» (*Tārīḫ al-rusul wa al-mulūk*) ат-Табари (838/839–923), текст которого он приводит очень близко к оригиналу. Но у ат-Табари нет ни «Жизнеописания», ни «Поучения», равно как нет их и у авторов, основывавшихся на его труде. Эти фрагменты попали в труд Мискавейха из не известного нам источника. Поэтому проследить историческую эволюцию текстов до XI в. нельзя.

Невозможность проведения литературного анализа сильно затрудняет решение вопроса о достоверности обоих текстов как исторических источников. В средние века Хосрову I приписывали несколько текстов. Об этом можно судить по библиографическому своду Ибн ан-Надима (ум. в 995 г.), где упоминаются, например, «Завет Хосрова его сыну Хормузду» (*Kitāb*[3] *'ahd*

---

[2] Далее они именуются «Жизнеописание» и «Поучение» соответственно. Их перевод, основанный на сравнительном анализе текстов, приведён в Части III.

[3] В арабских переложениях сасанидских источников словом *kitāb* (письменный текст) передаётся среднеперсидское *nāmag* с тем же значением. Такой текст мог быть и небольшим, меньше того, что в нашем понимании составляет книгу. Поскольку ни один из указанных

Kisrā ilā ibni-hi Hurmuzd) и «Завет Хосрова Ануширвана своему сыну» (*Kitāb ʻahd Kisrā Anūširwān ilā ibni-hi*)[4], а также тексты, которые, возможно, тождественны с тем, что приводит Мискавейх – «Книга короны о жизни Ануширвана» (*Kitāb al-tāǧ fī sīrat Anūširwān*), «Жизнеописание Ануширвана» (*Kitāb sīrat Anūširwān*), «Книга деяний о жизни Ануширвана» (*Kitāb al-kārnāmaǧ fī sīrat Anūširwān*) и «Писание Ануширвана» (*Kitāb Anūširwān*) [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 172, 424, 438]. О поучении (завете), составленном Хосровом для его сына и преемника Хормузда IV, упоминают и некоторые другие авторы [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 187; Muǧmal…, 2000. S. 61], а в знаменитой исторической поэме Фирдоуси (ум. ок. 1020 г.) *Шахнамэ* или «Книге о царях» приводится его стихотворное переложение [Ferdowsi's…, 1935. P. 2526–2530]. Отдельные высказывания, приписываемые Хосрову, обнаруживаются во многих источниках; некоторые из них будут рассмотрены далее.

В относящемся к началу XII в. трактате Ибн ал-Балхи «Книга о Фарсе» (*Fārs-nāmeh*) мы читаем:

«О том достопамятном, что он (Хосров I Ануширван. – *Д. М.*) совершил, сложили книгу. И у него самого есть сочинения (*taṣnīfāt*) и поучения (*waṣāyā*), изучение которых очень полезно» [The Fársnáma…, 1921. P. 96].

Чем больше подобных сведений мы встречаем в источниках, тем актуальнее становится вопрос о том, насколько правомерно приписывать их Хосрову. Едва ли он может быть автором всех таких текстов и каждого из них. У нас нет однозначных свидетельств того, что Хосров действительно писал или

текстов до нас не дошёл, и мы не можем оценить его размер, буквально переводить *kitāb* как «книга» было бы неправомерно.

[4] В тексте приведены только те названия, которые определённо указывают на Хосрова I Ануширвана. Помимо них Ибн ан-Надим упоминает также «Книгу завета Хосрова тем из дома его, кто дорос до учения» (*Kitāb ʻahd Kisrā ilā man adraka al-taʻlīm min bayti-hi*), «Книгу о том, что Хосров написал *марзбан*-у и об ответе того ему» (*Kitāb mā kataba bi-hi Kisrā ilā al-marzubān wa iǧābati-hi iyyā-hu*), «Послание Хосрова к Джаваспу и ответ на него» (*Risālat Kisrā ilā Ǧawāsb wa ǧawābu-hā*) [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 438]. Строго говоря, эти тексты или некоторые из них могут приписываться внуку Хосрова I Ануширвана – Хосрову II Парвизу, однако по источникам склонность последнего к литературным занятиям не просматривается.

диктовал тот или иной текст, но мы можем приблизиться к решению поставленного вопроса. Можно строить гипотезы на базе того, что нам известно о Мискавейхе и его творчестве, в том числе, как историка. В этом отношении наибольшей ценностью обладает подробное известие о Мискавейхе в биографическом словаре Якута (1179–1229), где мы читаем:

«Мискавейх был зороастрийцем (*maǧūsī*); он принял ислам. Он хорошо знал науки древних, у него есть об этом “Большая книга успеха” (*Kitāb al-fawz al-akbar*) [и] “Малая книга успеха” (*Kitāb al-fawz al-aṣġar*). Он составил “Книгу об опыте народов” (*Kitāb taǧārib al-umam*) об истории; она начинается с потопа, а заканчивается на триста шестьдесят девятом году [хиджры] (29 июля 979 – 16 июля 980 г. – *Д. М.*). У него есть “Книга приобщения к неповторимому” (*Kitāb uns al-farīd*) – сборник, который содержит известия, стихи, мудрые речения и примеры и не разделён на главы, “Книга упорядоченного изложения обычаев” (*Kitāb tartīb al-ʻādāt*), “Книга исчерпывающего” (*Kitāb al-mustawfī*), [где] избранные стихи, “Книга собрания” (*Kitāb al-ǧāmiʻ*), “Книга вечного разума”[5] и “Книга жизнеописаний” (*Kitāb al-siyar*); он написал её хорошо, упомянув в ней о мирских делах, через которые проходит человек, и добавив в неё [письменные] памятники (*aṯar*), поучительные примеры (*āya*), мудрые речения и стихи» [Муджам ал-удаба…, 1993. С. 495–496].

Видя в Мискавейхе зороастрийца, который интересовался стариной и, судя по названию трактата «Книга вечного разума», был знаком со среднеперсидским языком, мы едва ли сочтём невероятным, что он использовал тексты, восходящие к сасанидским временам.

Другое направление исследования состоит в анализе самих текстов. Следует рассмотреть упоминаемые в них исторические детали, а также дух каждого источника, его соответствие идеям и характеру Хосрова как они раскрываются по другим материалам. В некоторых случаях мы можем на основании этого прийти к однозначным результатам. Так, откровенным апокрифом представляется составленное неизвестным средневековым поэтом стихотворное «Поучение Ануширвана» (*Pandnāmeh-i-*

---

[5] В арабском тексте – كتاب جاوذان خرد (*Kitāb ǧāwiḏān ḫ.r.d*), в чём легко узнаётся среднеперсидское *ǧāwīdan ḫrad* (вечный разум).

Anūširwān), содержащее, в частности, призыв не селиться по соседству с царём [Панднамэ…, 1933/1934. С.10]. Есть, кажется, основания видеть фальшивку и в среднеперсидском «Поучении Хосрова, сына Кавада» (*Andarz-i-Ḫusraw-i-Kawādān*) [Андарз…, 1947/1948. С. 15–17]. Согласно тексту источника, Хосров дал это поучение перед самой смертью, однако оно представляет собой изложение общих этических норм. Трудно представить себе, чтобы в последнем обращении к своему окружению, т. е., прежде всего, к Сасанидам и знати, Хосров стал бы говорить только об абстрактных этических принципах, не сказав ни слова о государственных делах и внешней политике. Это настолько расходится с характером Хосрова (см. далее), что принять данный текст как исторический источник невозможно.

Сложнее разобраться с трактатом «Рескрипты Хосрова» (*Tawqī'āt-i-Kisrā*), составленным в середине XVII в. Мухаммадом Табатабаи Завареи (Мирза Джалала). Эта книга во многом аналогична текстам, которые приводят Мискавейх и ан-Нувайри. По словам составителя, она представляет собой сборник ответов Хосрова I и его *даствар*-а[6] на обращения подданных. Всего она содержит сто семьдесят три обращения (*marfū'*) и столько же ответов или рескриптов (*tawqī'*)[7]. В самом источнике утверждается, что Хосров приказал составить сборник достойных примеров, к которым впоследствии были добавлены слова самого царя и его *даствар*-а. В мусульманское время этот сборник был переведён со среднеперсидского языка на арабский; труд Мирзы Джалалы представляет собой его персидскую версию [Тавкиат…, 1845. С. 6–7; Тавкиат…, 1874. С. 6–7]. В пользу достоверности «Рескриптов» можно привести несколько аргументов. В IX в. был известен их среднеперсидский текст; отрывок из него, транслитерированный арабской графикой, приводит Ибрахим ал-Байхаки (писал в первой трети X в.) со ссылкой на ал-Кисрауи, т.е., видимо, на автора IX в. Мусу Ибн Ису ал-Кисрауи [Ал-Махасин…, 1999. С. 214]. Далее, «Ре-

---

[6] Т.е. духовного наставника. О значении понятия *даствар* (в современном произношении – *дастур*) см. главу 1 части I.

[7] В самом тексте *tawqī'* определяется как *ḫaṭṭ-i-ḫāṣṣ* [Тавкиат…, 1845. С. 7; Тавкиат…, 1874. С. 7], что можно перевести как «особая грамота». Поскольку *tawqī'* всегда представляет собой ответ на *marfū'*, наиболее верным переводом представляется «рескрипт».

скрипты» посвящены оправданию решений Хосрова[8], который, как будет показано далее, по всей вероятности инициировал создание нескольких таких документов. Вместе с тем, в тексте источника отчётливо видны следы последующих наслоений, появившихся уже в исламскую эпоху [Тавкиат…, 1845. С. 40, 58; Тавкиат…, 1874. С. 40, 58]. Кроме того, в средние века было известно много рескриптов, приписывавшихся Хосрову. В настоящей работе мы используем как арабские (в трактатах Ибн Абд Раббихи (860–940) и Ибн ал-Джаузи (ум. в 1200/1201 г.)), так и персидские (в *Шах-намэ* Фирдоуси) переложения этих рескриптов. Тексты источников подчас разнятся. Поэтому, даже признавая историческую реальность рескриптов, мы не можем утверждать, что какое-либо из встречающихся в источниках переложений точно соответствует оригиналу.

Приведённые у Мискавейха и ан-Нувайри тексты ставят перед нами более сложные задачи. «Жизнеописание» представляет собой событийное изложение, в «Поучении» раскрывается политическая концепция. Сказать что-либо определённое по поводу данных текстов можно лишь на основании возможно более детального воссоздания картины эпохи Хосрова, её идей и представлений.

При всём богатстве эпохи Хосрова, мы не можем, однако, ограничиться рассмотрением только её. Наряду с общим принципом, согласно которому изучение любого явления требует рассмотрения его предыстории, у нас есть и иные основания выйти за пределы времени Хосрова. Сасанидская держава пала в VII в., и из памятников её культуры до нас дошло сравнительно немногое. Недостаток сведений о времени Хосрова нам приходится восполнять за счёт аналогий с другими эпохами, как предыдущими, так и последующими.

Для изучения эпохи Хосрова и истории Сасанидов в целом мы должны, как представляется, определить для себя две константы, необходимые для исторического исследования – характер источников и хронологию. Относительно источников мы можем сказать, что их одновременно и много, и мало. Как будет

---

[8] Это хорошо видно, например, по тем фрагментам, где подробно рассказывается, почему тот или иной сановник был удалён из окружения Хосрова или смещён с должности [Тавкиат…, 1845. С. 20, 69, 92; Тавкиат…, 1874. С. 20, 69, 92].

показано далее, в нашем распоряжении множество разнообразных источников, однако далеко не все тексты дошли до нас в оригинале, сохранившись в виде цитат, выписок, сокращений и т.п. По существу, мы имеем не единый комплекс источников, а множество рассказов и упоминаний, разбросанных по разным произведениям.

Обзор источников логично начать с сасанидских текстов. Единого понятия «история» мы в них не находим. В текстах на среднеперсидском языке встречаются понятия *zamān* (время) [The Dinkard, 1900. Ср.-перс. текст, с. 456], *sāl* (букв. – «год», но подразумевается подсчёт сроков правления или иных временных периодов по годам) [The Bûndahishn, 1908. P. 238–240] и *kārnāmag* (описание деяний)[9]. В немалой степени им соответствовали две существовавшие в сасанидское время историографические традиции. Одна из них была представлена дворцовыми анналами, о которых мы знаем благодаря византийскому историку Агафию Миринейскому (ум. между 579 и 582 гг.). Поскольку к этому сообщению мы не раз будем обращаться в настоящем исследовании, целесообразно привести его полностью.

«Преемственный ряд (διαδοχὴ) персидских царей и указание лет [их правления] и, говоря в общем, всё, о чём я обещал [сказать][10], окончено. Я полагаю, что эти сведения очень достоверны и тщательно проработаны, так как взяты из персидских книг. Переводчик Сергий, оказавшись там, стал упрашивать хранителей царских анналов и служителей передать ему записи (а мне много раз случалось побуждать его к этому), выдвигая и то обоснование, что не хочет получить их ни для чего кроме как для того, чтобы и у нас были списки известных и почитаемых у них [писаний], и те, поступив верно, немедленно дали ему доступ к ним, полагая, что делают дело не бесполезное, но такое, которое послужит доброй славе их царей, если и у ромеев узнают, какие они были, в каком числе, и откуда происходит их род. Сергий выписал имена и сроки [правления], а также наиболее важные их деяния и красиво перевёл их на греческий

---

[9] Так называется дошедшая до нас «Книга деяний Ардашира Папакана» – историческая новелла о жизни Ардашира I, основателя династии Сасанидов.

[10] Речь идёт о краткой истории сасанидских царей, построенной на выписках Сергия (см. ниже).

язык (а из всех переводчиков он был самым лучшим, так что Хосров восхищался им как человеком, которому в обеих державах досталось первенство в умении) и выполнил своё переложение как следует, очень тщательно, [а затем] отдал всё мне с большим доверием и любовью и просил меня довести до конца то, из-за чего он это и переписал. Теперь это доведено до конца. Таким образом, если Прокопий Ритор[11] повествует о чём-то, что рассказывают о Каваде, по-другому[12], нам надлежит следовать персидским летописям и придерживаться того, что изложено в них, как более верного» [Agathiae..., 1828. P. 273–274][13].

Из сказанного следует, что дворцовые анналы Сасанидов содержали как минимум список царей с указанием времени правления и важнейших деяний каждого из них. Осталось ли что-либо от этого свода? При сравнении хронологических данных Сергия со сведениями персидских традиций, сохранившимися у мусульманских авторов (см. ниже), наибольшее сходство обнаруживается с трудом ат-Табари и одним из списков сасанидских царей, приводимым у Бируни (973–1048). Последний, со ссылкой на Хамзу ал-Исфахани (писал во второй половине X в.), утверждает, что этот список был уточнён по Авесте [Chronologie…, 1878. S. 123–124]. Вероятно, имеется в виду тот список царей, который Хамза приводит первым из всех, хотя и без упоминания об Авесте [Hamzae…, 1844. P.14–16]. Немногие различия между текстами ал-Исфахани и Бируни заключаются в основном в несовпадении дней и месяцев после указания лет. Но Авеста – не исторический трактат. Кажется, Бируни имеет в виду скорее какой-то зороастрийский источник, фрагменты которого были включены в частный список Авесты[14]. Весьма близки к выпискам Сергия и список сасанидских царей, который Хамза ал-Исфахани заимствует из труда зороастрийского учёного исламской эпохи Вахрама Марданшахана [Hamzae…,

---

[11] Т.е. Прокопий Кесарийский (см. ниже).

[12] Т.е. по-другому чем в сасанидских дворцовых анналах, известных византийцам через посредство Сергия.

[13] Эту хронологию впоследствии приводил, с некоторыми изменениями и дополнениями, Георгий Синкелл [Georgius Syncellus…, 1829. P. 677–679].

[14] Тем не менее, этот список мы будем в дальнейшем условно именовать «авестийским».

1844. P.27–28][15], а также известия ал-Якуби (ум. в 897/98 г. или после 905 г.). Однако, сведения этих авторов нигде полностью не совпадают. Эти разночтения вызваны, очевидно, тем, что авторы исламской эпохи черпали данные, восходившие к сасанидским анналам, из поздних выдержек и переложений, где начали уже появляться ошибки.

Одним из таких поздних переложений пользовался, видимо, Хамза ал-Исфахани. Читая его известия о Сасанидах, мы замечаем, что он приводит описание внешнего облика каждого царя. Это вызывает в памяти следующий фрагмент, принадлежащий перу знаменитого мусульманского историка и географа ал-Масуди (ум. в 956/957 г.):

«В городе Истахре из земли Фарса я в триста третьем году хиджры (17 июля 915 г. – 4 июля 916 г. – *Д. М.*) видел у одного человека из почитаемых у персов родов великолепную книгу, которая включала в себя много сведений из их наук, об истории их царей, их постройках и правлении, которых я не обнаружил ни в одной из книг персов, таких как “Книга о владыках” (*Ḫudāy-nāmāh*), “Книга об установлениях” (*Āyīn-nāmāh*), “Книга о местах” (*Kah-nāmāh*)[16] и других. В ней есть изображения ца-

---

[15] В арабском тексте – Ибн Марданшах. Мы приводим это «отчество» в его изначальной, среднеперсидской форме. Об этом авторе известно только со слов Бируни, согласно которому Вахрам был мобедом в «городе Шапура» [Chronologie…, 1878. S. 99], т.е. в Бишапуре (Фарс). Мы увидим далее, что Вахрам пользовался книгой Ибн ал-Мукаффа. Значит, он жил между серединой VIII в., когда писал Ибн ал-Мукаффа, и серединой X в., временем создания труда Хамзы ал-Исфахани.

[16] *Kah* ал-Масуди соответствует персидскому *gah* или *gāh* (букв. – место). Имеется в виду место (положение) в социальной или чиновничьей иерархии. О «Книге об установлениях» и «Книге о местах» ал-Масуди рассказывает в том же источнике немного ранее. По его словам «Книга о местах» представляла собой своего рода табель о рангах и входила в состав «Книги об установлениях», которая, в свою очередь, была огромным всеобъемлющим сводом [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 104]. Судя по названию, которое ал-Масуди переводит очень точно (*Kitāb al-rusūm*), «Книга об установлениях» содержала изложение норм жизни зороастрийского общества. В то же время, этот свод включал в себя и другое. В одном фрагменте зороастрийского трактата *Динкард* (о нём см. прим. 30) говорится: «Человек с прекрасным *фраваши* (идеальный духовный образ человека, действующий как хранитель [Dhalla M. N., 1938. P. 234–240; Duchesne-

рей Персии из рода Сасанидов; их двадцать семь – двадцать пять мужчин и две женщины. Изображение каждого из них делали в день его смерти, будь он стариком или юношей, причём рисовали его платье, корону, оклад бороды и черты лица. Они правили страной четыреста тридцать три года, один месяц и семь дней. И у них (персов. – *Д. М.*) было заведено, что, если кто-либо из их царей умирал, делали его изображение – каким он был – которое помещали в хранилище, чтобы образ умершего не был [навсегда] сокрыт от живых из них. [В этой книге были также] изображения каждого царя, восставшего на войну, и каждого сидевшего [за разбором] какого-нибудь дела, рассказ об отношениях каждого из них со знатью и простонародьем и указание великих событий, происшедших в его правление. История этой книги состоит в том, что она была переписана с того, что было обнаружено в сокровищницах царей Персии в середине [месяца] *джумада* второго сто тринадцатого года [хиджры] (приблизительно 8-9 августа 731 г. – *Д. М.*) и переве-

---

Guillemin J., 1962. P. 328–329]. – *Д. М.*), Адур-Фарнбаг (мы предпочитаем форму *Фарнбаг* другому возможному чтению, *Фарробаг*, потому, что на печатях сасанидского времени обнаруживаются надписи פרנבג (*Farnbag*) [Sassanidische Siegelsteine, 1891. S. 23, 27] – *Д. М.*), сын Фаррохзада, бывший предводителем тех, кто придерживается правильного вероучения, изящно изложил речение из *Динкард*-а *порйоткиш*-ей (о значении слова *порйоткиш* см. главу 1 части I. – *Д. М.*) об учении (судя по контексту, имеются в виду постулаты, изложенные в цитируемом разделе *Динкард*-а – *Д. М.*), выписанное из “Книги об установлениях” и включённое в этот свод» (*Ān-i-ḫūfraward Adur Farnbag Farroḫ-zādān i ḫūdēnān pēšōbāy būd az pōryōtkēšān dēn kard* (так в издании 1883 г.; в издании 1911 г. – *kardag*) *gūbišn andar dar-i-amōg az Ēwēn-nāmag nibišt ō-č īn mādayān burd payrāst estēd*) [The Dinkard, 1883. Ср.-перс. текст, с. 168; The Complete Text…, 1911. P. 145]. *Ēwēn* соответствует персидскому *āyīn*. Ибн Кутайба ссылается на «Книгу об установлениях» (*Kitāb al-āyīn*), приводя изречения сасанидских царей, рассказы о тактике ведения боя и персидских приметах, а также нормы о расположении ложа и трона правителя [‘Uyūn…, 1996. Vol. I, P. 8, 112, 151–153, 312]. Всё это подтверждает данную ал-Масуди характеристику «Книги об установлениях». Об этом своде упоминает и Ибн ан-Надим, хотя он (или издатели его труда) ошибается, когда пишет его название как اثنين نامه [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 424] (правильно آيين نامه, *Āyīn-nāmeh*).

дено с персидского языка на арабский для Хишама Ибн Абд ал-Малика Ибн Марвана[17]» [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 106].

Далее ал-Масуди приводит описание изображений Ардашира I и Ездигерда III – первого и последнего царей Сасанидской династии [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 10–107]. Они точно, практически слово в слово, соответствуют тексту Хамзы ал-Исфахани [Hamzae…, 1844. P. 48, 62]. Отметим, совпадает именно арабский текст описаний. Из этого можно заключить, что ал-Масуди и Хамза ал-Исфахани пользовались одним и тем же арабским переводом сасанидского трактата.

В приведённом тексте ал-Масуди для нас особо важно следующее. С одной стороны, книгу, о которой идет речь, обнаружили в царских хранилищах Сасанидов. Это было не сочинение одного автора, а летопись, которую разные авторы периодически дополняли. Всё говорит в пользу того, что эта книга, которую Хамза ал-Исфахани называет «Книгой изображений сасанидских царей» (*Kitāb ṣuwar mulūk Banī Sāsān*) – переложение дворцовых анналов Сасанидов. Предположив это, мы легко можем объяснить некоторые особенности изложения истории Сасанидов в труде Хамзы ал-Исфахани – и чёткую структуру, которая включает описание изображения каждого царя, указания продолжительности его правления и краткий перечень важнейших свершений и построенных городов, и отсутствие среди царей узурпатора VII в. Шахрвараза, и уже отмеченную выше близость хронологии к выпискам Сергия.

Другую традицию, которую можно условно назвать литературной, составляют легендарные повествования. Судя по некоторым сведениям, ими немало интересовались и при царском дворе. В числе приближённых Хосрова II Парвиза в источниках называется некий Вехруз, бывший сказителем (*samar-gū*) [Muǧmal…, 2000. S. 75], т.е. хранителем преданий. Вероятно, ряд таких рассказов дошёл до нас через посредство «Книги о владыках» (*Ḫ(w)adāy-nāmag*), которая в ранее средневековье приобрела широкую известность благодаря сделанному знаменитым литератором Ибн ал-Мукаффа (ум. ок. 757/58 г.) переводу, имевшему арабское название «Книга жизнеописаний царей персов» (*Kitāb siyar mulūk al-furs*) [Hamzae…, 1844. P. 8; Ал-

[17] Имеется в виду омейядский халиф Хишам Ибд Абд ал-Малик (724–743).

Фихрист…, 1929/1930. С. 172]. Об этой книге мы знаем, что она включала в себя рассказы о легендарных царях персов. Это видно из упоминания о книге Ибн ал-Мукаффа у ал-Масуди [Maçoudi, 1863. P. 118–119][18]. В трактате неизвестного автора «Предел желаний в [познании] истории персов и арабов» (*Nihāyat al-arab fī aḫbār al-furs wa al-‘arab*) со ссылкой на Ибн ал-Мукаффа приводятся не только известия о легендарных царях, но и история Будасфа (Будды) [Browne E. G., 1900. P. 206, 212, 216]. Это показывает, что «Книга жизнеописаний» Ибн ал-Мукаффа и, соответственно, «Книга владык», не были переложениями сасанидских дворцовых анналов. В процитированном выше фрагменте ал-Масуди особо отмечает, что виденная им «Книга изображений сасанидских царей» содержала сведения, отсутствовавшие в «Книге о владыках», т. е., как минимум, не была тождественна с ней.

В то же время, известно, что и Ибн ал-Мукаффа основывался на книгах из царских хранилищ Сасанидов. Персидский автор Нур ад-Дин Ауфи (писал в период 1220–1236 гг.) приводит следующее высказывание, приписываемое Ибн ал-Мукаффа:

«То, что я создал – из книг мудрецов, которые я видел в сокровищнице царей Персии» [Мунтахаб…, 1945/1946. С. 92].

---

[18] Можно возразить, что ал-Масуди ссылается здесь на книгу, именуемую كتاب السّكيسران. Однако, это название приводится только в парижском издании труда ал-Масуди. В каирском издании 1927/1928 г. в данном фрагменте название книги пишется как كتاب السّكيكين [Мурудж…, 1927/1928. Т. 1, с. 140]. Ранее ал-Масуди относит некоторые эпизоды иранской легендарной истории к другой переведённой Ибн ал-Мукаффа книге; в парижском издании она именуется كتاب البنكش, в каирском – كتاب السّيكس [Maçoudi, 1863. P. 44; Мурудж…, 1927/1928. Т. 1, с. 121]. Сходство форм наводит на мысль о том, что речь идёт об одной и той же книге. В её названии первой графемой был, очевидно, *син*; заканчивалось оно фрагментом, который по форме изгиба напоминал конечный *син* или *нун*. В середине, очевидно, стоял *каф*. Если попытаться реконструировать единую общую форму, от которой происходят все указанные выше, она будет выглядеть приблизительно как كتاب السّكس. Судя по всему, это – результат искажения كتاب السّيَر. Видимо, огласовка *фатха* над графемой *йа* в исходном списке оказалась слишком большой, и зубец *йа* с ней был принят за *каф*.

Хотя наши знания о «Книге о владыках» фрагментарны, можно, кажется, утверждать, что полностью это произведение не вошло в состав ни одного более позднего источника. Мы видели, например, что некоторые легенды были позаимствованы у Ибн ал-Мукаффа автором «Предела желаний в [познании] истории персов и арабов». Но нельзя утверждать, что этот последний трактат вобрал в себя труд Ибн ал-Мукаффа. Согласно «Пределу желаний в [познании] истории персов и арабов», война с легендарным царём Дайзаном[19] произошла в правление Шапура II [Browne E. G., 1900. P. 221]. Между тем, автор компилятивного трактата XII в. «Собрание историй и рассказов» (*Muǧmal al-tawārīḫ wa al-qiṣaṣ*) сообщает, что, согласно «Жизнеописаниям царей» (*Siyar al-mulūk*), эту войну вёл Шапур I [Muǧmal…, 2000. S. 52][20]. В другом фрагменте автор «Собрания» сообщает, что в «Жизнеописаниях царей» он читал длинную историю о том, как сасанидский царь Валаш предпринял поход в Индию и после боёв привёз оттуда дочь местного царя [Muǧmal…, 2000. S. 58]. Из других авторов эту историю приводит только знаменитый литератор ал-Джахиз (788–868/869) [Le livre..., 1898. P. 242–251]. Скорее всего, поздние авторы приводили отдельные отрывки из труда Ибн ал-Мукаффа через какие-то промежуточные источники. Заметим, что к тому времени текст Ибн ал-Мукаффа уже был искажён переписчиками, а может быть – и другими переводчиками. Хамза ал-Исфахани приводит следующее высказывание ал-Кисрауи (заметим, что именно с его слов ал-Джахиз приводит легенду о Валаше):

«Я изучал книгу, именуемую *Худай-намэ* – а эта книга, будучи переведённой с персидского языка на арабский, была названа “История царей персов”, – неоднократно изучал рукописи этой книги и полностью их исследовал. И вот, я нашёл,

---

[19] В этих известиях следует видеть легендарное отражение борьбы Сасанидов с правителем Хатры в первой половине III в. (см. главу 1 части I).

[20] Можно возразить, что трактатов с названием «Жизнеописания царей» было несколько [Hamzae…, 1844. P. 8–9], и в «Собрании» имеется в виду не труд Ибн ал-Мукаффа. Однако, автор «Собрания», рассказывая в начале книги об использованных им источниках, называет только «Жизнеописания царей» Ибн ал-Мукаффа [Muǧmal…, 2000. S. 2].

что они расходятся, так что в руки мне не попало и двух согласующихся между собой рукописей. Произошло это вследствие неясности дела для переводивших эту книгу с одного языка на другой» [Hamzae…, 1844. P. 16–17].

В средневековой литературе сохранились сведения и о другом подобном своде. Первый издатель *Шах-намэ* Т. Мэкэн приводит, со ссылкой на неназванных «рассказчиков сохранившихся известий» и «передатчиков сообщений», историю о том, что Хосров I Ануширван послал людей во все страны и владения с приказом собрать известия о правителях и передать их в царское книгохранилище. Позднее Ездигерд III приказал одному учёному *дехган*-у[21] сделать список разрозненных рукописей и

---

[21] Значение термина *дехган* до конца не выяснено. В сасанидском юридическом трактате «Книга тысячи решений» (*Mādiyān-i-hazār dādastān*) мы находим фрагмент о том, что кто-то продал *дехган*-а царя царей в рабство или на службу другому человеку [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 26–27]. К сожалению, этот фрагмент дошёл до нас не полностью, что сильно затрудняет его интерпретацию. Может показаться, что слово *дехган* по крайней мере в данном контексте означает крестьянина (от персидского *deh* – деревня), однако маловероятно, чтобы Ездигерд III поручил составление свода человеку из простонародья. В рассказах об арабском завоевании *дехган*-ы предстают перед нами в совершенно ином качестве. У ат-Табари они командуют войсками [Annales…, 1964. Ser. I, P. 2194, 2421, 2422, 2473], ведут с арабами переговоры о капитуляции [Annales…, 1964. Ser. I, P. 2051, 2461]. *Дехган*-ами именуются правители Кермана и Мерва [Annales…, 1964. Ser. I, P. 2876]. Ездигерд III, отступая перед арабами, возил с собой заложников – детей *дехган* [Annales…, 1964. Ser. I, P. 2876]. В одном фрагменте ат-Табари со ссылкой на источник так описывает сельское население земель, перешедших под контроль арабов: «Крестьяне (*al-fallāḥūn*) – для дорог, мостов, рынков (т.е. для строительства и поддержания в надлежащем состоянии дорог и мостов, торговли на рынках… и т.д. – *Д. М.*), пахоты и служения проводниками, а также для уплаты *джизьи* монетой в меру сил их, а *дехган*-ы – для уплаты *джизьи* монетой и обустройства [земли]» [Annales…, 1964. Ser. I, P. 2470]. Нетрудно заметить, что *дехган*-ы, в отличие от крестьян, не трудятся сами (под «обустройством» (*ʻimāra*) понимается скорее организация работ). В другом мусульманском источнике, «Книге завоевания стран» (*Kitāb futūḥ al-buldān*) ал-Балазури (ум. в 892 г.), *dehqān* стоит в одном ряду с *asāwira* (конными воинами, т.е. аристократами, составлявшими кавалерию – см. главу 1

создать на их основе исторический свод, добавив к ним сообщения о правлении Сасанидов до конца царствования Хосрова II Парвиза (590–628). Учёный написал книгу на среднеперсидском языке, списки которой после арабского завоевания попали в Хорасан и Индию. Один из списков был впоследствии привезён из Индии ко двору саффаридского правителя Якуба Ибн Лайса (867–879); тот распорядился перевести трактат на новоперсидский язык и дополнить известиями о поздних Сасанидах, царствовавших после Хосрова II. Впоследствии, при Саманидах, поэту Дакики было поручено создание стихотворной версии трактата, но он погиб, не довершив дела [The Shah Nameh, 1829. Перс. предисловие, с. 11–13]. Этот рассказ перекликается с начальными фрагментами *Шах-намэ*, где Фирдоуси повествует о том, как некий богатырь (*pahlawān*) или военачальник (*spahbad*) из рода *дехган*-а (*dehqān-nižād*) составил большой ис-

---

части I) и *dehsālārūn* (правителями поселений) [Liber…, 1863. P. 408]. Это интересно сопоставить с приводимым у Бируни описанием официальных празднеств по случаю зороастрийского нового года в Сасанидской державе. В первый день царь возвещал о своём вступлении на престол «людям» (*al-nās*), т.е. знати вообще, на второй день принимал *дехган* (*al-dahāqīn*) и людей из знатнейших домов (*ahl al-buyūtāt*), на третий – конных воинов (*asāwira*) и высших мобедов, а на четвёртый – родственников, близких и сподвижников [Chronologie…, 1878. S. 218–219]. Это очень напоминает сасанидскую иерархию, опыт восстановления которой предложен в главе 1 части II. Высокое положение *дехган* в описании Бируни заставляет отождествить их с Сасанидами-*шахрдар*-ами, т.е. правителями областей (о них см. главу 1 части I). Сопоставляя эти данные, мы можем заключить, что в сасанидскую эпоху слово *dehqān* не имело определённого социального смысла и обозначало главу или правителя какой-то области или поселения, условно называемого *deh*. *Дехган*-ом мог быть как глава деревенского рода или сельский староста (этот случай, видимо, описан, в «Книге тысячи решений»), так и представитель высшей аристократии (о таких людях говорят мусульманские авторы). Возвращаясь к создателю свода, мы должны отметить, что в приводимом у Т. Мэкэна рассказе он характеризуется как человек из числа вельмож Ктесифона (*az ğumlah-i-akābir-i-Madā'in*). Поскольку свод предназначался для царя и включал в себя историю правившей династии, вполне возможно, что его титульным автором был сасанидский *шахрдар*, который, очевидно, имел в своём распоряжении целый штат писцов и помощников.

торический свод. Поэт, по его собственным словам, пользовался списком этого свода, полученным от одного из друзей [Firdusii…, 1877. P. 8, 10]. В одном фрагменте Фирдоуси прямо заявляет:

«… я изложил слова *дехган*-а изящными стихами …» [Ferdowsi's…, 1935. P. 2354].

Судя по ссылкам в *Шах-намэ* на свод *дехган*-а, он представлял собой литературное собрание исторических рассказов и легенд[22], именовался «Книгой о персидских царях» (*Nāmeh-i-ḫusrawān*) [Firdusii…, 1877. P. 10; Ferdowsi's…, 1935. P. 1923] и

---

[22] Так, свод, видимо, вобрал в себя какое-то переложение сюжета позднесасанидской «Книги деяний Ардашира Папакана». Повествуя о начале правления Ардашира I, Фирдоуси дважды ссылается на *дехган*-а [Ferdowsi's…, 1935. P. 1944, 1947]. При этом он, как и автор «Книги деяний», помещает рассказ о борьбе Ардашира с его противниками в Фарсе, Хафтвадом и Кармом, после известия о победе основателя Сасанидской державы над последним парфянским царём Артабаном [Ferdowsi's…, 1935. P. 1941–1961; ср. The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 18–33]. Более вероятно, однако, что Ардашир сначала разгромил своих противников в Фарсе и впоследствии одержал победу над Артабаном; именно в такой последовательности рассказывает об этих событиях ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 817–819]. Эту очевидную, противоречащую логике событий, ошибку Фирдоуси можно объяснять лишь тем, что в его источнике воспроизводится та же сюжетная линия, что и в «Книге деяний». Кроме того, история Сасанидов в *Шах-намэ* представляет собой прежде всего собрание рассказов о наиболее популярных персонажах – царях Ардашире I, Варахране V Горе, Хосрове I Ануширване и мятежнике Варахране (Вахраме) Чубине, которые значительно подробнее других известий. Именно об этих людях в сасанидское время были созданы сборники легенд, которые были известны ещё авторам X в. Помимо «Книги деяний Ардашира Папакана» можно назвать «Книгу о Вахраме и Нарсе» (о Варахране V и его брате), «Книгу о Вахраме Чубине» [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 424], а также многочисленные тексты о Хосрове, о которых говорилось выше. Краткий пересказ «Книги о Вахраме Чубине» у ал-Масуди [Maçoudi, 1863. P. 223] схож с сюжетом, который мы находим в *Шах-намэ*. Очень возможно, следовательно, что свод *дехган*-а включал в себя если не сами эти книги, то, по крайней мере, их сюжеты.

сохранился в виде какого-то арабского переложения[23], хотя до Фирдоуси мог дойти и в персидском переводе. Название *Nāmeh-i-ḫusrawān* могло появиться только после арабского завоевания, когда всех сасанидских царей стали именовать «хосровами»; вполне возможно, что оно представляет собой переложение *Siyar mulūk al-furs*. Вместе с тем, не оснований утверждать, что свод *дехган*-а был именно той книгой, которую переводил Ибн ал-Мукаффа[24]. Отмеченные выше сюжеты из «Книги жизнеописаний царей» в *Шах-намэ* не встречаются[25], да и сам Ибн ал-Мукаффа не упоминается. Из текста Фирдоуси можно заключить, что свод *дехган*-а не во всём совпадал с другими произведениями, хотя содержал сведения, считавшиеся в средние века достоверными[26]. Более того, со ссылкой на *дехган*-а Фир-

---

[23] На это указывают, в частности, арабские имена некоторых сасанидских царей в *Шах-намэ* (например, Шапура II – *Šāpūr ḏū-l-Aktāf*, или Хосрова I Ануширвана – *Kisrā*), а также тот факт, что сведения, схожие с рассказами Фирдоуси, обнаруживаются в написанной на арабском языке истории ас-Саалиби.

[24] Так считал знаменитый османский библиограф Хаджи Халифа (1609–1657), согласно которому трактат, переведённый Ибн ал-Мукаффа, стал основой *Шах-намэ* [Kâtib Çelebi, 1941. S. 244]. Хаджи Халифа не уточняет, о каком именно *Шах-намэ* идёт речь, однако это название применяется у него прежде всего к поэме Фирдоуси, а одноимённые произведения фигурируют как «старое *Шах-намэ*» или «великое *Шах-намэ*» [Kâtib Çelebi, 1941. S. 1025–1027]. Но полагаться на слова Хаджи Халифы в данном случае очень рискованно. Он ссылается на тот фрагмент «Промывален золота» ал-Масуди, который разобран в прим. 18. Но в этом фрагменте ал-Масуди не упоминал о *Шах-намэ*, да и не мог этого сделать, так как умер за несколько десятилетий до создания поэмы. Сам же Хаджи Халифа вряд ли сравнивал эти труды. Вероятнее всего, библиограф повторяет здесь слова какого-то источника, определить достоверность которого невозможно.

[25] Отметим, что автор «Собрания историй и рассказов» прямо подчёркивает различия между текстами «Книги жизнеописаний царей» и поэмы Фирдоуси [Muǧmal…, 2000. S. 52].

[26] Ссылаясь на *дехган*-а, Фирдоуси сообщает, что Шапур II был провозглашён царём, будучи грудным младенцем [Ferdowsi's…, 1935. P. 2029]. Этот эпизод разобран в прим. 113, где даны и ссылки на источники. Здесь следует отметить, что Фирдоуси не приводит наиболее распространённую, восходящую, вероятно, к сасанидским

доуси приводит некоторые сообщения, которые в других источниках встречаются редко или вообще отсутствуют – например, о мятеже Анушзада, сына Хосрова I Ануширвана, против отца или о войне тюрков (в *Шах-намэ* ошибочно именуемых китайцами) против эфталитов [Ferdowsi's…, 1935. P. 2354, 2412]. Вполне возможно, что к своду *дехган*-а относится и известие о борьбе Хосрова с вновь вступившим на престол императором Византии, которое Фирдоуси приводит по «древней книге» (*nāmeh-i-bāstān*) [Ferdowsi's…, 1935. P. 2541][27].

В сасанидское время существовали и повествования об отдельных исторических персонажах или событиях. Для настоящего исследования особое значение имеют два рассказа, сохранившиеся в трактате сельджукидского визиря Низам ал-Мулька (1018–1092) «Поступки царей» (*Siyar al-mulūk*) или «Книга об управлении» (*Siyāsat-nāmeh*). Один из них озаглавлен «О явлении Маздака, его учении и о том, как он был казнён Нуширваном Справедливым» (*Andar ḫurūǧ-i-Mazdak wa maḏhab-i-u wa čegūnegī-i-košteh šodan-i-u bar dast-i-Nūšīrwān-i-'ādil*) [Siyar…, 1962. P. 239–259]. У него есть параллельная стихотворная версия, составленная в 1616 г. Нуширваном Марзбаном Кермани [The Persian Rivayats…, 1932. P. 582–585]. Ни Низам ал-Мульк, ни Кермани не называют свой первоисточник, однако, судя по ожесточённости нападок на Маздака и попыткам во что бы то ни стало очернить его, основой обоих текстов был какой-то зороастрийский памфлет, направленный против маздакитов. Ненависть к ним автор первоначального текста переносит и на покровительствовавшего им царя Кавада, которого, в обеих версиях Хосров вопреки исторической правде отстраняет от власти[28]. По всей вероятности, справедливо высказываемое в ли-

---

дворцовым анналам версию о том, что Шапур II стал царём ещё в утробе матери. О том, что Шапур был объявлен царём в младенчестве (но после рождения) прежде рассказывал Балами, который, переводя на персидский язык арабскую историю ат-Табари, предпочёл это сообщение сведениям своего оригинала. Таким образом, свод *дехган*-а содержал в этой части оригинальные сведения, в достоверности которых Балами не сомневался.

[27] В начале *Шах-намэ* свод *дехган*-а именуется книгой «из старых времён» (*az gah-i-bāstān*) [Firdusii…, 1877. P. 8]

[28] Об этом см. главу 2 части II.

тературе предположение о том, что речь идёт о «Книге о Маздаке» (*Mazdak-nāmeh*), которая, судя по сведениям Ибн ан-Надима, в исламское время была известна по двум арабским переводам, сделанным Ибн ал-Мукаффа и Абаном ал-Лахики [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 172, 232; Christensen A., 1944. P. 68–69].

Другой текст озаглавлен «Рассказ о справедливом царе» (*Ḥikāyat-i-malik-i-ʻādil*), под которым подразумевается Хосров Ануширван. Текст посвящён его правлению и в основном – борьбе с произволом знати за установление справедливости [Siyar…, 1962. P. 41–52]. Как будет показано ниже, рассказ в целом соответствует тому, что мы знаем о Хосрове и его времени. Правда, в самом начале текста автор сообщает, что в момент вступления на престол Хосрову было восемнадцать лет [Siyar…, 1962. P. 41]. Из других восточных традиций следует что во время воцарения Хосрову было уже за тридцать[29]. Такую ошибку едва ли мог допустить придворный сказитель, хорошо знакомый с историей сасанидских царей. Создаётся впечатление, что автор намеренно изменил возраст Хосрова, чтобы уподобить ему кого-то из более поздних Сасанидов, приведя в пример великого предшественника. Рассказ о борьбе царя с всевластием аристократии вызывает аналогии со временем Хормузда IV, однако из приведённых ниже расчётов видно, что последний вступил на престол в возрасте более двадцати лет. О других поздних Сасанидах мы, к сожалению, знаем слишком мало, чтобы предложить однозначную идентификацию адресата текста. Возможно, это последний Сасанид Ездигерд III, о котором мы знаем, что он вступил на престол в пятнадцать [The Fársnáma…, 1921. P. 111; Kitâb al-Mâʻarif..., 1960. P. 666] или шестнадцать [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2962; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 1210] лет, а правление его ознаменовалось всевластием аристократии.

Отдельную тему для исследования составляют созданные при Хосрове I Ануширване псевдоисторические тексты, такие как «Послание Тосара» и «Завет Ардашира». Поскольку они неразрывно связаны с политикой Хосрова, мы более подробно анализируем их в главе 2 части II.

В период, последовавший за арабским завоеванием VII в., зороастрийская литература сильно изменилась, что более всего

[29] Об этом см. главу 1 части II.

сказалось на историографии. Сасанидские дворцовые анналы по понятным причинам более не велись. В результате распространения ислама в иранском обществе светская литература развивалась теперь как мусульманская. Зороастрийские трактаты этого времени принадлежат в основном священнослужителям, которые, как Адур-Фарнбаг (о нём см. прим. 16, 30), видели свою главную задачу в том, чтобы сохранить традиционные религиозные постулаты и установления. Исторические персонажи появляются в таких книгах довольно редко; упоминания о них кратки и разрозненны. Наиболее важные фрагменты содержатся в сборнике *Динкард*[30], представляющем собой свод

---

[30] Название *Динкард* (*Dēnkard*) можно интерпретировать по-разному, в зависимости от того, чем является *kard* – причастием от *kardan* (делать, творить) в значении «сотворённый» или существительным в значении «действие». В первом случае название трактата должно переводиться как «Сотворённый религией», во втором – приблизительно как «Действие религии» (если субъектом действия является сама религия) или как «Действие на пути (вариант – во имя) религии» (если субъектом действия является человек). Название трактата должно объясняться в начале трактата, однако, оно до нас не дошло. Авторами *Динкард*-а переписчики называют упомянутого выше Адур-Фарнбага, сына Фаррохзада и Адурбада Амидана [The Complete Text…, 1911. P. 947, 950; The Dinkard, 1928. Ср.-перс.текст, с. 97, 102]. В самом тексте *Динкард*-а четвёртый и пятый тома прямо приписываются Адур-Фарнбагу; сообщается также, что он собрал высказывания и тексты, вошедшие в свод [The Dinkard, 1900. Ср.-перс. текст, с. 451–453, 476; The Complete Text…, 1911. P. 406–407, 409, 432]. Автором *Динкард*-а Адур-Фарнбаг называется и в другом зороастрийском трактате – «Разбивающее сомнения изложение» (*Škand-gumānīg wizār*) [Pahlavi Texts, 1885. P. 139]. Что касается даты создания *Динкард*-а, то она точно не известна, и определить её сложно, так как исторических подробностей в трактате немного. Решающее значение имеет то, можно ли отождествлять Адур-Фарнбага с Адур-Фарнбагом, сыном Фаррохзада, который, согласно зороастрийскому «Повествованию о проклятом Абалише (в другом прочтении – Абалаге. – *Д.М.*)», участвовал в религиозном диспуте при дворе халифа ал-Мамуна (813–833) [Barthélémy A., 1887. P. 10–32]. В пользу этого отождествления свидетельствует тот факт, что и в «Повествовании», и в *Динкард*-е Адур-Фарнбаг, сын Фаррохзада именуется *pēšōbāy*, т.е. предводителем зороастрийской общины (новоперс. *pēšwā*). Правда, в третьем томе *Динкард*-а утверждается,

зороастрийских религиозных постулатов и установлений, а также в одном из посланий Манучихра, о котором мы знаем, что он в 881 г. стал предстоятелем зороастрийских общин Фарса и Кермана. Несмотря на малую информативность таких материалов мы видим по ним, как относилось к Хосрову и другим Сасанидам зороастрийское духовенство, что очень важно для восстановления отношений государства и религии в рассматриваемый период.

Из сказанного видно, что дошедшие до нас исторические тексты сасанидской эпохи сохранились в основном в произведениях мусульманской литературы. Проследить их эволюцию трудно, так как утеряно важнейшее промежуточное звено – книги VIII и, в немалой степени, IX вв. О том, что это было за богатство, свидетельствует хотя бы рассказ Хамзы ал-Исфахани, который, по его словам, опирался на восемь различных трактатов, среди которых были перевод Ибн ал-Мукаффа и книга Вахрама Марданшахана, собравшего более двадцати рукописей «Книги о владыках» [Hamzae…, 1844. P. 8–9, 24]. Между тем, начиная с последних десятилетий IX в. мы имеем ряд источников, основанных, в конечном счёте, на сасанидских текстах, прежде всего – трактат ад-Динавари (ум. в 895/896 г.) «Долгие сообщения» (*al-Aḫbār al-ṭiwāl*). Однако, поскольку авторы этих источников использовали не сами тексты сасанидской эпохи, а их арабские переложения, ссылки на исходные тексты отсутствуют, и мы не можем установить, к какому из них относится тот или иной фрагмент. Но если двигаться по хронологии вперёд, связь между текстами прослеживается более чётко. Можно выделить определённые традиции, т.е., в данном случае, своего рода цепочки, по которым тексты переходили от автора к автору без больших изменений. Наиболее

что Адур-Фарнбаг, сын Фаррохзада, собрал воедино разрозненные тексты после арабского завоевания [The Dinkard…, 1900. Ср.-перс. текст, с. 451; The Complete Text…, 1911. P. 406]. Такую деятельность логично было бы отнести к периоду, более раннему, чем начало IX в. Заметим, впрочем, что именно в IX в. и, в частности, в правление ал-Мамуна, персидский элемент в халифате заметно активизировался. Вполне возможно, что деятельность Адур-Фарнбага тоже шла в этом русле и была направлена на консолидацию зороастрийских общин и религиозного учения. Создание всеобъемлющего свода религиозных установлений соответствует этой гипотезе.

значительной является традиция ат-Табари, на сведениях которого о Сасанидах основываются его персидский переводчик Балами (писал в середине X в.), а также Мискавейх, Ибн ал-Джаузи, Ибн ал-Асир (1160–1233) и Ибн Халдун (1332–1406). К этой традиции относится и трактат ан-Нувайри, который, как отмечено выше, пользовался трудом Мискавейха. Разумеется говорить о «традиции ат-Табари» можно лишь условно. Сходство известий ат-Табари и его современника Евтихия Александрийского (ум. в 940 г.) о Сасанидах наводит на мысль о том, что оба пользовались каким-то общим источником. Этот источник нам неизвестен, однако, судя по общим сведениям у ат-Табари и Евтихия, он представлял собой компиляцию из различных данных. Часть из них восходила к сасанидским анналам. Указания сроков правления Сасанидов у ат-Табари очень близки к выпискам Сергия[31]. Подобно Хамзе ал-Исфахани, ат-Табари и Евтихий называют построенные каждым Сасанидом города. Кроме того, этот первоисточник содержал и переложения некоторых легенд о сасанидских царях. Вместе с тем, ат-Табари использовал и иные традиции, о чём можно судить хотя бы по тому, что о некоторых событиях он даёт по несколько рассказов. Например, послание Хосрова Ануширвана к Вари, фрагмент которого приведён в главе 2 части II, возможно восходит к упомянутой у Ибн ан-Надима «Книге о том, что Хосров написал *марзбан*-у, и об ответе того ему» (см. прим. 4). Более того, в некоторых случаях ат-Табари пересказывает известия христианских традиций[32]. Вместе с тем, поскольку названные мусульманские авторы основываются на тексте ат-Табари, мы в дальнейшем будем называть эту традицию его именем.

Можно выделить и некоторые другие традиции. На одних и тех же источниках основываются ад-Динавари и автор «Предела желаний в [познании] истории персов и арабов» (традиция ад-Динавари), Хамза ал-Исфахани и автор «Собрания историй и

---

[31] Евтихий указывает иные сроки правления Сасанидов, однако это объясняется скорее тем, что он пытался создать свою собственную хронологическую систему, сопоставляя сведения о персидских царях с данными об императорах Рима и Византии.

[32] Один из таких примеров рассмотрен автором этих строк в анализе сведений источников о походе императора Юлиана Отступника (361–363) против Сасанидского государства [Мишин Д. Е., 2010].

рассказов». Мусульманские авторы обычно очень точно копируют рассказы источников, и несоответствия, если таковые возникают, в основном вызваны ошибками при переписывании сходных графических элементов; мы увидим это при сравнении текстов Мискавейха и ан-Нувайри. Поэтому при цитировании мы сочли возможным приводить лишь первый, наиболее ранний источник (труды ад-Динавари, ат-Табари), ссылаясь на остальные лишь тогда, когда они сообщают оригинальную информацию.

То же самое можно сказать и об исторических сводах, которые в части, относящейся к Сасанидам, в основном представляют собой краткие или развёрнутые компиляции из пересказов сведений более ранних авторов. К таковым относятся «Книга знаний» (*Kitāb al-ma'ārif*) Ибн Кутайбы (828–889), история ал-Якуби, «Промывальни золота и рудники драгоценных камней» (*Murūǧ al-ḏahab wa ma'ādin al-ǧawhar*, 947/48 г.) и упомянутая выше «Книга замечаний и пересмотра» (956/57 г.) ал-Масуди, «Книга о творении и истории» (*Kitāb al-bad' wa al-tārīḫ*) Мутаххара ал-Макдиси (писал в середине X в.), «Памятники, оставшиеся от прошедших веков» (*al-Āṯār al-bāqiya 'an al-qurūn al-ḫāliya*) Бируни, «Наилучшие истории и жизнеописания царей» (*Ġurar aḫbār al-mulūk wa siyari-him*) ас-Саалиби (писал приблизительно в 1017–1022 гг.), «Наилучшее из известий» (*Zayn al-aḫbār*) Гардизи (писал в 1050–1052 гг.), «Собрания рассказов и блестящие повествования» (*Ǧawāmi' al-ḥikāyāt wa lawāmi' al-riwāyāt*) Ауфи, «Насирские разряды» (*Ṭabaqāt-i-nāṣirī*) Минхадж ад-Дина ал-Джузджани (кади Минхадж Сирадж, писал в 1260 г.), «Сокращённая история человеческого рода» (*Kitāb al-muḫtaṣar fī aḫbār al-bašar*) Абу-л-Фида (1273–1331), её продолжение, составленное Ибн ал-Уарди (ум. в 1348 г.), «Сад мудрейших в познании истории и родословных» (*Rawḍat awwalī al-albāb fī ma'rifat al-tawārīḫ wa al-ansāb*) Банакати (писал в 1313–1314 гг., ум. в 1329/1330 г.), «Изысканная история» (*Tārīḫ-i-guzīdeh*, 1329/1330 г.) Мустауфи Казвини (писал в первой половине XIV в.), «Сад чистоты» (*Rawḍat al-ṣafā'*) Мирхонда (1433/1434–1498) и «Наилучшее [из] историй» (*Lubb al-tawārīḫ*) Яхьи Казвини (писал в 1541/1542 гг.). Сюда же можно отнести и *Шах-намэ*. Для нас ценность этих источников заключается главным образом в том, что они сохранили некоторые сведения из не дошедших до нас произведений. За-

метим в этой связи, что было бы неверно отказывать в достоверности таким известиям только на том основании, что они содержатся в произведениях поздних авторов.

Об одном из поздних произведений следует сказать особо. Во время работы автора этих строк над настоящим исследованием на интернет-страничке www.ketabfarsi.org было опубликовано факсимиле рукописи одной поздней персидской книги, завершённой, согласно надписи на последней странице, первого *шабан*-а 1286 г.х. (5 ноября 1869 г.). Заголовок на первой странице гласит: «Это – книга, представляющая собой историю персов» (*Hāḏā kitāb mawsūm bi al-tārīḫ li-ʻaǧam*) [Китаб ал-муджам…, 1869. С. 1]. Из дальнейшего изложения видно, что книга называлась «Книга собрания [известий] о следах [деяний] царей персов» (*Kitāb al-muʻǧam fī āṯār mulūk al-ʻaǧam*), принадлежала перу некоего «бедного раба» (*al-ʻabd al-faqīr*) Фадлуллаха и была создана при «великом *атабек*-е» Ахмад-шахе, среди эпитетов которого фигурирует «помощник мира и вероучения» (*nuṣrat al-dunyā wa al-dīn*) [Китаб ал-муджам…, 1869. С. 24–25]. По этим указаниям книгу можно отождествить с трактатом «Собрание [известий] о следах [деяний] царей персов» (*al-Muʻǧam fī āṯār mulūk al-ʻaǧam*) который османский библиограф Хаджи Халифа (1609–1657) приписывает Фадлуллаху Ибн Абдиллаху[33]. Согласно Хаджи Халифе, книга была создана в правление *атабек*-а Нусрат ад-Дина Ахмада, сына правителя Луристана Юсуф-шаха, в 654 г.х. (30 января 1256 – 19 января 1257) [Kâtib Çelebi, 1941. S. 1736][34]. Список начинается с истории первых, легендарных персонажей иранской истории и заканчивается правлением Хосрова Ануширвана. Фадлуллах не ссылается на источники информации, однако по встречающимся у него фрагментам, иногда не имеющим параллелей в других источниках, видно, что он пользовался какими-то не дошедшими до нас сочинениями.

Особое направление в мусульманской литературе, прежде всего, персидской, составляют локальные истории. Их ценность в немалой степени определяется тем, что в них сохранились

---

[33] В первом издании труда Хаджи Халифы Фадлуллах именуется ал-Казвини [Lexicon…, 1850. P. 628–629].

[34] Указанная Хаджи Халифой дата, скорее всего, неверна, так как Ахмад правил с 1296 по 1330 или 1333 гг.

местные предания, которые подчас существенно дополняют сведения исторических сводов. Среди них следует выделить прежде всего «Историю Табаристана» Ибн Исфандияра (писал в 1216/1217 г.). Последний имел, очевидно, в своём распоряжении ряд восходивших к сасанидским временам текстов, в частности, новоперсидский перевод упомянутого выше «Послания Тосара». Некоторые из этих текстов явно сохранились в местных преданиях. На известиях, приводимых у Ибн Исфандияра, основывались Мавла-на Авлияуллах Амоли[35] в «Истории Руяна» и Захир ад-Дин Мараши (1412–1489) в «Истории Табаристана, Руяна и Мазандарана». В дальнейшем мы будем называть эту традицию именем самого раннего автора – Ибн Исфандияра. Ценные и оригинальные сведения об эпохе Хосрова обнаруживаются и в некоторых поздних, но основанных на более ранних источниках, локальных историях, в частности – в «Истории Йезда» Джафари (XV в.) и «Истории Кермана» Вазири (ум. в 1877 г.). В этом последнем труде сохранился отрывок об истории Кермана при наместнике Хосрова I Адур-Махане, восходящий, кажется, к фамильным преданиям.

Местные сказания сохранились также в географических и историко-географических трактатах. Оригинальные сведения мы находим в административном справочнике «Книга путей и государств» (*Kitāb al-masālik wa al-mamālik*) Ибн Хордадбеха[36],

---

[35] Определить дату создания труда Мавла-на Авлияуллаха можно лишь по тому, что своё повествование он заканчивает на 805 г.х. (1 августа 1402–20 июля 1403). В одном месте Мавла-на Авлияуллах прямо указывает, что пользовался трудом Ибн Исфандияра [Тарих-и-Руйан, 1903/1904. С. 16].

[36] В «Книге путей и государств» Ибн Хордадбеха обыкновенно выделяют две редакции, относящиеся к 846/847 и 885/886 гг. Ибн Хордадбех, внук принявшего ислам зороастрийца, происходил из семьи, где, судя по одному сообщению Якута, хранили легенды о сасанидских царях, и был знатоком персидских древностей. Ал-Масуди приписывает ему большой исторический свод, который включал в себя родословные царей персов. Возможно, этот свод тождествен с трактатом «Собрание родословных персов» (*Ǧamharat ansāb al-furs*), называемым у Ибн ан-Надима в числе сочинений Ибн Хордадбеха [Maçoudi, 1861. P. 13; Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 212–213; Муджам ал-удаба…, 1993. С. 1573–1574]. Ас-Саалиби в своём повествовании о Сасанидах несколько раз ссылается на Ибн

а также в двух произведениях начала X в. – «Книге драгоценных украшений» (*Kitāb al-aʻlāq al-nafīsa*) Ибн Ростэ и «Книге стран» (*Kitāb al-buldān*) Ибн ал-Факиха, на труде которого в части, относящийся к Сасанидам, основывался также Хасан Куми (писал в первой половине X в.) в «Книге истории Кума». Правда, книга Ибн ал-Факиха дошла до нас в сокращении, а трактат Куми – в позднем персидском переводе, что затрудняет использование обоих источников. В упомянутой выше «Книге о Фарсе» (*Фарс-намэ*) мы находим историю Сасанидов, которая имеет немало общего с текстом ат-Табари, но существенно дополняет его. Необходимо, разумеется, отметить, что все произведения классической мусульманской географии имеют большую ценность для настоящего исследования, ибо содержат описания памятников сасанидской эпохи какими они были при жизни авторов этих трактатов.

Известия, восходящие к сасанидским временам, можно найти и в других источниках. Занимательные и поучительные истории о персидских царях и их приближённых были очень популярны в литературе исламского периода. Такие истории обнаруживаются в литературных антологиях (например, в трудах «Наилучшие известия» (*ʻUyūn al-aḫbār*) Ибн Кутайбы или «Книга неповторимого ожерелья» (*Kitāb al-ʻiqd al-farīd*) Ибн Абд Раббихи). Мы находим их в трактатах об этике и правлении – например, в приписываемых ал-Джахизу «Книге короны» (*Kitāb al-tāǧ*) и «Книге о добродетелях и [их] противоположностях» (*Kitāb al-maḥāsin wa al-aʻḍād*), в «Книге о добродетелях и пороках» (*Kitāb al-maḥāsin wa al-masāwī*) Ибрахима ал-Байхаки, «Книге о *ноуруз*-е» (*Nowrūz-nāmeh*) Омара Хаййяма (1048–1131), а также в трактате «Средство того, кому повинуются, против враждебности последователей» (*Sulwān al-muṭāʻ fī ʻudwān al-atbāʻ*) Ибн Зафира (писал в середине XII в.). Сюда же можно отнести упомянутый выше трактат Низам ал-Мулька. При использовании этих трудов следует учесть, что их авторов интересовала не столько историческая правда, сколько убедительность примера или красота рассказа. Поэтому, используя

Хордадбеха, заимствуя у него, в частности, легенду о том, как по приказу Хосрова Ануширвана был казнён Маздак [Histoire…, 1900. P. 485, 556, 605–606].

такие известия, мы должны всякий раз задаваться вопросом, насколько они относимы к Хосрову и его времени.

Анналы, в том числе и сасанидские, представляют собой официальную историю, а легенды уже в силу жанра создают образ. Поэтому мы, читая такие источники, должны в каждом отдельном случае задаваться вопросом, насколько правдоподобен рассказ о Хосрова и его действиях, и, во всяком случае, иметь в виду специфику жанра и цели рассказчика. Кроме того, за крайне редкими исключениями сасанидские тексты не дают никакой иной датировки кроме указаний на время правления царей. В произведениях мусульманских авторов к этому добавляется ещё одно существенное для нас неудобство: они повествуют о Хосрове и иных Сасанидах языком своего времени, когда господствовала иная культура. Это создаёт затруднения, особенно в части терминологии, применяемой для обозначения титулов и социальных категорий.

Для воссоздания истории Сасанидов огромное значение имеют византийские источники, а также произведения авторов Христианского Востока. Особенно важны для нас те произведения, которые восходят к современникам Хосрова или представляют собой непосредственные пересказы оригинальных сообщений. В этом отношении очень ценны труды Прокопия Кесарийского или Ритора, как его называли другие византийские авторы. Прокопий, по его словам, был назначен советником (ξύμβουλος) византийского полководца Велисария незадолго до воцарения Юстиниана I (527–565) [Procopius, 1914. P. 100–101] и в дальнейшем участвовал в войнах с Хосровом. Сведений Прокопия сосредоточены главным образом в трактатах «О войне с персами» (о событиях, происшедших в период с начала V в. по апрель 550 г.) и «О войне с готами» (о событиях в Закавказье в 550–552 гг.). Из одного фрагмента этого последнего трактата следует, что Прокопий работал над ним через одиннадцать лет и шесть месяцев после заключения очередного перемирия (конец 551 – начало 552 г.) [Procopius, 1962. P. 212–213], т.е. приблизительно в 563 г. Некоторые ценные сведения можно почерпнуть и из других книг Прокопия – трактата «О постройках» и «Тайной истории».

Книги Прокопия уже в византийское время считались основным источником по истории его эпохи. Ими пользовались Евагрий Схоластик (писал в конце VI в.), позднее Феофан Ис-

поведник (род. между 752 и 760 гг., ум. в 818 г.), а через посредство последнего – Георгий Кедрин (писал в середине XI в.). Агафий Миринейский считал своё произведение продолжением истории Прокопия [Agathiae…, 1828. P. 11], а впоследствии Иоанн Эпифанийский (писал в конце VI в.) называл своими предшественниками Прокопия и Агафия [Fragmenta…, 1851. P. 273].

Как продолжатель Прокопия Агафий Миринейский подробно освещает историю борьбы в Закавказье в 555–557 гг. Однако, значение его истории не исчерпывается этим. Агафий не только сохранил выписки Сергия (см. выше), но и составил на их основе собственный рассказ о Сасанидах, частью которого является подробное сообщение о смерти Хосрова, отсутствующее в других источниках. Перевод и анализ этого сообщения даны в главе 2 части II.

Некоторые сведения о Хосрове и его времени встречаются и в других византийских исторических сводах. Иоанн Малала (писал в середине VI в.) приводит важнейшие сообщения о расправе Кавада над маздакитами, участии Хосрова в войнах с Византией незадолго до его воцарения, а также о начале его правления. Известия о последних годах царствования Хосрова мы находим у Феофилакта Симокатты (писал в первой половине VII в.), а также в дошедших до нас пересказах трудов Феофана Византийского (писал в конце VI или начале VII в.) и упомянутого выше Иоанна Эпифанийского.

Особое место в византийской историографии занимает труд Менандра Протектора (писал в конце VI в.). Он дошёл до нас в выдержках, в основном посвящённых дипломатии, в том числе – и отношениям с Сасанидской державой. Менандр использовал воспоминания Петра Патриция, который, как будет показано в главе 3 части II, участвовал в переговорах с Хосровом. Фрагмент, в котором Менандр повествует об этой книге, важен для понимания обоих источников:

«[Вот] что говорит историк Менандр о после Петре и Хосрове: “Такие слова исходили от них двоих[37]. Никакие иные мысли о Свании не высказывались, а я не заменял одни слова другими и не пересказывал дошедшие до меня низкие слова в более свойственной аттическому стилю манере. Мне не доставляет

[37] Речь, очевидно, идёт о переговорах 561–562 гг.

удовольствия переиначивать то, что было сказано правителями и передано мне, как я полагаю, с точностью, и ради изящности речения показывать не то, что было сказано, а силу риторики – особенно тогда, когда я веду речь о мирном договоре между двумя великими правителями и державами. Если же кто-либо пожелает узнать, что точно [говорили] царь персов и Пётр, пусть прочитает это в сочинении Петра. Он точно приводит всё что говорили и выслушивали Хосров и послы ромеев и персов, их собственными словами, будь то лесть, которая, бывало, высказывалась с обеих сторон, или то, что изрекали в гордыне, с притворством (чтобы потом осмеивать), в насмешку или уничижительно. Ясное и достоверное изложение того, что говорили, беседуя о тех делах, мужи двух держав, следует читать там. Оно (сочинение Петра. – *Д. М.*) – огромный сосуд, исполненный, я полагаю, правдивых слов, хотя Пётр, ради своей славы, кое-что приукрашивает, чтобы представить себя потомкам как важную особу, [человека] непобедимого в словесных прениях и смягчившего твёрдые варварские гордость и высокомерие. Всё это читатель найдёт в его книге. Мне же не было необходимым или иным образом подобающим прибегать в [своём] сочинении к избыточному многословию и помещать [всё это] в одной главе. Ведь если бы я написал всё так как оно ясно представлено в этой книге, [одного этого] повествования о мирном договоре хватило бы для пространной истории. Я же, черпая оттуда, изложил вкратце то, что было необходимо”» [Dexippi…, 1829. P. 429–430].

Византийские источники важны для нас прежде всего в том отношении, что они позволяют восстановить последовательность событий, что не всегда можно сделать по восточным легендам. Вместе с тем, здесь мы встречаемся с немалыми трудностями. Чтобы восстановить ход событий, необходимо определить их хронологию. Однако манера повествования авторов наших основных источников – Иоанна Малалы, Прокопия, Агафия, Феофилакта и, по-видимому, Феофана Византийского и Иоанна Эпифанийского – такова, что основное внимание было сосредоточено на описании события, а его датировке отводилась вспомогательная роль. Даты сообщаются не всегда и с указана различные временные ориентиры – например, годы правления императоров или действия мирных договоров. Иногда это приводит к погрешностям; например, последователь-

ность событий у Иоанна Малалы и отнесение их к правлению того или иного императора весьма сомнительны. Нельзя сказать, что хронологическая история была в принципе чужда византийской литературе. В первой половине VI в. была создана хроника Марцеллина Комита, в которой известия об исторических событиях располагаются по годам, в хронологической последовательности. Следовательно, отсутствие хронологии объясняется особенностями жанра в понимании того времени. Однако с течением времени исторический контекст забывался, и встраивать сообщения источников в общую канву событий прошлого становилось всё труднее. Это хорошо видно на примере «Хронографии» Феофана Исповедника. В том, что касается правления Хосрова, Феофан основывался на сведениях Иоанна Малалы и Прокопия Кесарийского, но при этом интегрировал их в собственную хронологическую систему, что подчас приводило к ошибкам. Мы должны логически вычислять датировки практически любого события, упомянутого в византийских нарративных источниках.

Другая проблема, с которой мы сталкиваемся, изучая византийские источники, состоит в откровенно отрицательном отношении их авторов к Хосрову. Едва ли подлежит сомнению, что Хосров, десятилетиями воевавший против Византии, в глазах её населения, в том числе «читающей публики», был врагом и злодеем. Это хорошо видно по тому, какие эпитеты дают ему византийские авторы VI в. Иоанн Лидийский считал Хосрова «неразумным» (κακοδαίμων) [Ioannes Lydus, 1837. P. 246], Прокопий Кесарийский – человеком злого нрава (πονηρός τό ἦθος) [Ανεκδοτα…, 1856. P. 222], Агафий Миринейский – варваром, неспособным по настоящему приобщиться к эллинистической культуре[38]. Разумеется, это всякий раз следует учитывать при анализе рассказов византийских авторов о Хосрове и его времени.

Ещё один важнейший корпус сведений о Сасанидском государстве и, в частности, о правлении Хосрова, составляет литература Христианского Востока. Для настоящего исследования наибольшее значение имеет церковная история Иоанна Эфесского (род. ок. 507 г., ум. ок. 588 г.). В нашем распоряжении есть только одна часть этого труда, где мы находит подробный

[38] Характеристика, которую Агафий Миринейский даёт Хосрову, разобрана в главе 2 части II.

рассказ о событиях 70-х годов VI в., т.е. последних лет правления Хосрова. Этот рассказ представляет собой, видимо, компиляцию сообщений разных источников; как будет показано далее, о некоторых событиях Иоанн даёт различные известия. Сведения Иоанна использовал в дальнейшем Михаил Сирийский (ум. в 1199 г.), который в одном месте ссылается на трёхтомную историю Иоанна Амидского (т.е. Иоанна Эфесского) как на источник по событиям от эпохи Константина Великого (306–337) до царствования Маврикия (582–602) [Chronique…, 1901. P. 356].

Как и другие христианские авторы, Иоанн Эфесский уделяет внимание не столько самому Хосрову, сколько его отношениям с христианскими общинами. Немалое внимание на повествование автора оказывают его монофизитские убеждения. Особенно это проявляется в описаниях диспутов монофизитов с несторианами. Эти диспуты изображаются как триумф монофизитов даже тогда, когда это едва ли соответствует действительности.

Помимо Михаила Сирийского фрагменты ранних монофизитских исторических повествований приводятся в некоторых других источниках, среди которых следует выделить прежде всего хронику, условно называемую «Хроникой 1234 г.».

Несторианская точка зрения на Хосрова и его правление представлена прежде всего в другом важнейшем источнике – «Сиртской хронике». Как компиляция различных известий она схожа с трудом Михаила Сирийского – прежде всего, в том отношении, что является одновременно и политической, и церковной историей. Сведения «Хроники», которые, кажется, исходят от христиан при сасанидском дворе, существенно дополняют и историю Хосрова, и его образ. Вместе с тем, основной предмет изложения – история христианской (несторианской) церкви Сасанидской державы. В этом отношении «Хроника» важна также как источник по истории взаимоотношений церкви и Сасанидского государства. Помимо неё мы имеем и другие источники по этой теме – исторические трактаты Илии Нисибисского (975–1046), Мари Ибн Сулаймана (писал в середине XII в.) и Амра Ибн Маттая (жил в XIV в.) с несторианской стороны, того же Михаила Сирийского и Григория Бар Эбрея (1225/1226–1286) – с монофизитской, а также жития деятелей

церкви и мучеников, которые в основном рассматриваются в главе 2 части II.

Отдельную группу источников составляют анналы. Этот жанр, в котором описание события привязывается к его дате, представлен целым рядом произведений, как то: «Эдесский хроникон», сирийские хроники, относимые в историографии к 724, 819, 846 и 1234 годам, хроника, приписываемая Дионисию Телль-Махрскому (ум. в 845 г.), а также труды Иакова Эдесского (640–708) и упомянутого выше Илии Нисибисского. Довольно чётко выдерживается привязка к датам и в «Книге указания» (*Kitāb al-ʻunwān*) Агапия (Махбуба) Манбиджского (писал в 942 г.). В отсутствие хронологической определённости хронологии (см. выше) эти источники подчас содержат уникальные данные, позволяющие восполнить пробелы при воссоздании исторического контекста. Вместе с тем, каждое такое указание нуждается в критическом осмыслении. Порой создаётся впечатление, что хронист относит событие к тому времени, когда ему стало о нём известно.

Большое значение для настоящего исследования имеют и труды армянских и грузинских авторов. Они не только освещают историю Закавказья, раз за разом становившегося объектом борьбы между Сасанидской державой и Римом (позднее – Византией), но и дают некоторое понятие об организации управления в подвластных персам землях. Между тем, правление Хосрова не освещается такими подробными источниками, как трактаты историков V в. Егишэ или Лазара Парбеци, не говоря уже о труде Мовсеса Хоренаци, или «Жизни Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншериани (XI в.). Единственный подробный рассказ даёт лишь Себеос (жил в VII в.), который, заметим, пользуется не одним источником и приводит разные сообщения об одних и тех же событиях VI в. Остальные сведения мы черпаем из общих историй (история, приписываемая Мовсесу Каланкатуаци[39], труды Иованнеса Драсханакертци (род. в 40-х или 50-х гг. IX в., ум. в 925 г.), Степаноса (Асохика) Таронеци (писал в конце X – начале XI вв.), Леонти Мровели (XI в.), Вардана Великого (род. ок. 1198 г., ум. в 1271 г.), Сте-

[39] Та часть этого трактата, в которой речь идёт о сасанидской эпохе, восходит ко второй половине VIII в. [Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 16].

паноса Орбеляна (ум. ок. 1304 г.)), где изложение менее подробное. Кроме того, для подвластных Сасанидам земель Армении и Ивирии эпоха царствования Хосрова была во многом безвременьем. Армения значительную часть этого времени находилась под управлением сасанидских наместников, а в Ивирии царская династия Мцхеты, о которой повествуют Леонти Мровели и Джуаншер Джуаншериани, не имела, кажется, реальной власти. Рассказы армянских историков в основном сосредоточены на выступлении Вардана Мамиконяна и битве на Хагамахском поле, но и об этих событиях сообщения весьма кратки. Кроме того, в указанных источниках отсутствует однозначная хронология. Та же, которую мы находим у Самвела Анеци (жил в XII в.), слишком расходится с данными других источников, чтобы на неё можно было полагаться.

Итак, для изучения истории правления Хосрова мы располагаем множеством разнородных материалов, в основном дошедших до нас в поздних переложениях. Выделить основной источник невозможно; каждый автор вносит свой, часто уникальный, вклад в формирующуюся таким образом мозаику. Необходимо искать истину на пересечении сообщений источников, учитывая то, что иногда образ Хосрова может и не соответствовать реальности. Наиболее достоверными мы будем считать, как это принято, свидетельства современников, не упуская из виду, разумеется, их отношение к Сасанидской державе вообще и к Хосрову в частности. Что касается легенд, мы будем исходить из того, что они обычно правильно передают суть событий, но не всегда верны в деталях.

Другая константа, которую мы должны прояснить перед началом рассмотрения эпохи Хосрова, – хронология. Источники не всегда ясны и нередко расходятся, и хронология Сасанидов, несмотря на достаточное число работ по их истории, остаётся нечёткой. Основная проблема, стоящая здесь перед исследователем, заключается в необходимости свести воедино данные из разных хронологических систем. У Сасанидов практически не было единой хронологии, восходившей к единой начальной дате. Единственное, причём весьма неопределённое, свидетельство наличия такой хронологии даёт открытая Р. Гиршманом в 1935/1936 г. надпись Шапура I в Бишапуре, которая содержит датировку «в месяце *фравардин*-е пятьдесят

восьмого года, на сороковом году огня Ардашира и двадцать четвертом году огня Шапура» [Nyberg H. S., 1964. P. 124–125]. Но дальнейшего применения этой хронологии мы не наблюдаем. Напротив, в источниках даже не упоминается событие, ставшее в ней отправной точкой. Это косвенно указывает на то, что данная хронология не получила распространения или скоро вышла из употребления. Вместо неё была принята другая система, по которой летосчисление велось по годам правления царей. Когда один царь умирал, и на его место вступал новый, счёт лет начинался заново. Примеры использования этой системы относятся уже к началу правления второго Сасанида, Шапура I. Согласно надписи Абнона в Барм-и-Дилаке, на третьем году царствования Шапура I римляне начали войну против Сасанидской державы [Gignoux Ph., 1991. P. 12]. В надписях на среднеперсидском языке в синагоге крепости Дура Европос в качестве даты называются четырнадцатый и пятнадцатый годы правления Шапура I [Rostovtzeff M. I., 1943. P. 49; Dodgeon M. H., 1991. P. 283–284]. Такое летосчисление использовалось до конца сасанидской эпохи, о чём свидетельствует следующий рассказ:

«Умар[40] сказал сподвижникам Пророка Аллаха: “Установите для людей летосчисление, по которому они будут взаимодействовать между собой”. И один из них сказал: “Записывайте [годы] по летосчислению ромеев. Они записывают [их] по летосчислению Александра Двурогого[41]”. Но было сказано, что это [слишком] длинно. Другие сказали: “Записывайте [годы] по летосчислению персов”. И было сказано, что у персов всякий раз, когда [на престол] вступал новый царь, он оставлял летосчисление [по годам правления] того, кто был до него» [Chronologie..., 1878. S. 30; Annales…, 1964. Ser. I, P. 1251].

Другой источник по хронологии Сасанидов – сведения дворцовых анналов, о которых речь шла выше. Мы видели, что в анналах содержались указания на число лет правления каждого царя. Говоря так, мы должны понимать, что следует считать годом правления. Для нас год – промежуток времени либо от первого до последнего дня года по календарю (календарный год), либо от какого-либо дня одного года до соответствующей

[40] Имеется в виду халиф Умар Ибн ал-Хаттаб (634–644).
[41] Т.е. Александра Македонского. Имеется в виду селевкидская эра.

даты (числа и месяца) следующего года. То же самое было и в сасанидскую эпоху. Применялся зороастрийский календарь, реконструкция которого дана в работе Ф. Паризе «Книга о календарях» (*The Book of Calendars*). В то же время годом считался и промежуток времени в 365 дней, что хорошо видно на примере годовщин. В описании одной из встреч Хосрова Ануширвана с византийскими посланниками, которое обнаруживается в труде Менандра Протектора, царь говорит:

«Сегодня минуло десять лет с тех [пор], как мы овладели Сванией» [Dexippi…, 1829. P. 371].

Соответственно исчислялись сроки. В том же источнике мы находим подробное описание переговоров между византийцами и персами, завершившихся подписанием мирного договора (561/562 г.). При определении срока действия договора стороны установили, что

«… мирный договор будет пятидесятилетним, и мир будет установлен на пятьдесят годичных отрезков (ἐνιαυτοὺς), а [протяжённость] годичного отрезка будет исчисляться по старинному обычаю, [т.е.] каждый год[ичный отрезок] будет истекать на триста шестьдесят пятый день» [Dexippi…, 1829. P. 363].

Изложенное непосредственное касается хронологии правления Сасанидов, что хорошо видно на примере царствования правнука Хосрова Ануширвана Кавада II, более известного как Широй. В нарративных источниках утверждается, что Широй правил восемь месяцев, вступив на престол вслед за свержением своего отца, Хосрова II Парвиза [Hamzae…, 1844. P. 16, 21, 28; Chronologie…, 1878. S. 122, 124, 127, 131; Corpus..., 1903. Сир. текст, с. 29; Ал-Ахбар..., 1960. С. 110; Annales..., 1964. Ser. I, P. 1061; The Book of Creation…, 1962. P. 171–172; Ibn Wādhih…, 1969. P. 196]. Но уже Т. Нёльдеке справедливо обратил внимание на монеты Широя, которые, как явствует из легенд на них, были начеканены на втором году его правления [Nöldeke Th., 1879. S. 405; см. также Mordtmann A. D., 1853. S. 141; Valentine A., 1921. P. 63–64; Колесников А. И., 1998. С. 143]. Наиболее достоверный источник о дате начала правления Широя – приводимое в «Пасхальном хрониконе» послание императора Ираклия (610–641), зачитанное в Константинополе 15 или 16 мая первого года очередного индикта, т.е. 628 г. Согласно этому тексту, Широй вступил на престол 25 февраля [Chronicon…, 1832. P. 729]. Это почти точно совпадает с датой,

указанной у ат-Табари, который сообщает, что заговорщики, приведшие к власти Широя, схватили его отца, царствовавшего тогда Хосрова II Парвиза, в день *адар* (т.е. девятый день) месяца *адар* [Annales…, 1964. Ser. I, P. 1043], приходящийся на 26 февраля. В 628 г. зороастрийский календарный год истёк 21 июня [Parise F., 2002. P. 101]. Таким образом, по зороастрийскому календарю правление Широя началось в одном году, а закончилось в другом. Логично предполагать, что на монетах Широя указан именно зороастрийский календарный год, который и был для царя годом его правления. Не менее важен и обратный вывод: в нарративных источниках указывается время фактического пребывания царя у власти, без привязки к календарным годам. Поскольку Широй, вероятно, действовал в русле сложившейся традиции, мы можем считать, что так поступали и другие Сасаниды. Это значит, что, если в том или ином нарративном источнике указывается протяжённость царствования какого-либо сасанидского царя, речь вероятнее всего идёт о времени его фактического правления. Однако если называется выраженный порядковым числительным год правления царя, то, возможно, имеется в виду год по зороастрийскому календарю, т.е. не обязательно полный год.

В нарративных источниках мы находим различные хронологии, которые подчас (например, у Иакова Эдесского или Феофана Исповедника) в немалой степени представляются плодами расчётов их создателей. В некоторых случаях авторы пытаются наложить друг на друга хронологии правления римских и византийских императоров с одной стороны и сасанидских царей – с другой (Мовсес Хоренаци, Евтихий Александрийский). Естественно, что их таких данных следует принимать лишь те, в правильности которых можно быть уверенным.

Сложность воссоздания хронологии заставляет нас вернуться к самым истокам, т.е. ко времени падения Парфянской державы и установления власти основателя сасанидской династии Ардашира I. Один из хронологических ориентиров даёт дошедший до нас в труде Бируни рассказ Мани, основоположника манихейского учения, о том, что он родился в 527 г. Александра Македонского (т.е. селевкидской эры) по летосчислению вавилонских звездочетов; к тому времени прошли четыре года правления последнего парфянского царя Артабана IV (в персидском произношении – Ардавана), с победы над которым началось царствование Ардашира [Chronologie…, 1878. S. 118,

208][42]. По наиболее распространенной и обоснованной точке зрения Мани родился 14 апреля 216 г. [Кефалайа..., 1998. С. 18; Виденгрен Г., 2001. С. 44]. Эта дата близка к началу нового года по вавилонскому летосчислению; он наступил восемью днями ранее. Если теперь попытаться установить дату прихода к власти Артабана, можно либо отсчитывать назад годы его правления по селевкидской эре, либо искать время, когда можно было бы сказать, что с его вступления на престол не прошло и года. В первом случае Артабан должен был прийти к власти между началом апреля 211 и двадцатыми числами апреля 212 г., во втором – между началом второй декады апреля 211 и концом апреля 212 г.

Согласно мусульманским авторам Артабан IV царствовал 13 лет [Chronologie..., 1878, S. 116; Kitâb at-Tanbîh.., 1894. P. 96; The Book of Creation…, 1962. P. 152; Табакат..., 1963/1964. С. 153; Annales…, 1964. Ser. I, P. 707, 710][43]. Если правление Артабана началось в апреле 212 г., Ардашир должен был победить его в апреле 225 г. Интересно сопоставить этот вывод с данными «Арбельской хроники», согласно которой парфянская держава прекратила свое существование 27 *нисан*-а[44] 535 г. селевкидской эры, в среду [Sources..., 1907. P. 29]. Этот год не со-

---

[42] Заметим, что Бируни считал восходившие к Мани фрагменты очень достоверным источником. Отмечая неточности в приводимых авторами исторических трактатов списках царей, Бируни далее пишет: «Оставим их всех и для исправления их почерпнём [сведения] из книги Мани, именуемой *Шабураган*; ведь она – из книг персов и составлена вскоре после явления Ардашира, а Мани – из тех, кто исповедовал запрет лжи, и ему не нужно искажать историю» [Chronologie…, 1878. S. 118].

[43] Альтернативные оценки, согласно которым Артабан правил 20, 31 или 55 лет [Hamzae..., 1844. P. 14, 27; Chronologie..., 1878. P. 114, 115, 117], являются, очевидно, преувеличенными и в научной литературе не используются.

[44] В данном случае под *нисан*-ом, видимо, понимается апрель. Если автор «Арбельской хроники», как и Мани, пользуется вавилонским календарём, дата 27 *нисан*-а пришлась на конец апреля в 225 г., а в 224 г. (о дискуссии относительно этой даты см. ниже) – на первую декаду мая. Но тогда датировка битвы 224 г. отпадает, так как исчезает близость между 27 *нисан*-а и последним днём *михр*-а (28 апреля). Если же рассматривать 225 г., для 27 *нисан*-а трудно найти соответствующий день недели.

ответствует 225 г. н.э., однако издатель хроники А. Мингана отметил, что 27 *нисан*-а приходится на среду только в 225 г. [Sources..., 1907. P. 106].

Для настоящего исследования дата падения парфянской державы важна в том отношении, что, согласно традиции ат-Табари, Ардашир, одержав решающую победу над Артабаном в битве при Хормуздагане, принял титул царя царей [Annales…, 1964. Ser. I, P. 819]. Это вполне логично, так как верховная царская власть естественным образом перешла к победителю. Следовательно, время царствования Ардашира следует отсчитывать от даты этого сражения.

Некоторые историки полагают, что автор «Арбельской хроники» ошибается не в годе, а в дате, и сражение при Хормуздагане состоялось 28 апреля 224 г. [Christensen A., 1944. P. 88; Gagé J., 1964. P. 157]. Безусловно, 224-й год лучше соответствует правилам подсчета дат селевкидской эры, по которым в данном случае из 535 следует вычесть 311. Кроме того, согласно традициям ад-Динавари и ат-Табари Артабан и Ардашир договорились сразиться в последний день месяца *михр* по зороастрийскому календарю [Ал-Ахбар…, 1960. С. 42; Annales…, 1964. Ser. I, P. 818–819], который и в 224, и в 225 г. пришелся на 28 апреля, однако в первом случае это была среда (как в «Арбельской хронике»), а во втором – четверг. Согласно традиции ад-Динавари, сражение состоялось именно в этот день.

Между тем, ат-Табари сообщает лишь, что Ардашир прибыл на поле битвы раньше намеченного срока. У ад-Динавари в последний день *михр*-а Ардашир сражался не с Артабаном, а с правителем по имени Фаррохан. Не исключено, конечно, что переписчик ошибся, и вместо исходного أردوان (*Ardawān*) или أرذوان (*Arḏawān*) появилось فرّخان (*Farruḫān*). Однако форма *Ardawān* встречается в том же фрагменте, и, значит, такая ошибка маловероятна. В тексте ад-Динавари Фаррохан именуется последним из сыновей Артабана и царём Мидии – определение, которое более подходило бы к сыну парфянского царя, управлявшему одной из областей державы подобно более поздним сасанидским *шахрдар*-ам (см. главу 1 части II). Поэтому не исключено, что Ардашир сначала победил Артабана, а затем, в последний день *михр*-а, сразился с его сыном, который вёл к отцу подкрепления. Поэтому решающая битва, в которой погиб

последний парфянский царь, всё-таки могла состояться до последнего дня *михр*-а.

Другой довод против датировки 224 г. состоит в том, что она далеко не идеально сочетается с данными других источников. Если принять её, мы должны заключить, что поскольку Артабан правил тринадцать лет, он пришёл к власти не позднее апреля 211 г. В этом случае, однако, велика вероятность того, что к моменту рождения Мани Артабан правил не четыре года, как утверждает Мани, а пять лет.

В нарративных источниках мы находим две оценки длительности правления Ардашира – 14 лет 10 месяцев и 14 лет 6 месяцев. Каждая из них подкреплена авторитетными источниками: первая указана в выписках Сергия, которые воспроизводят Агафий Миринейский[45] и Георгий Синкелл (писал в первой половине VII в.), истории ат-Табари и списке сасанидских правителей Вахрама Марданшахана [Agathiae…, 1828. P. 259; Georgius Syncellus…, 1829. P. 678; Hamzae..., 1844. P. 27; Chronologie..., 1878. S. 125; Annales…, 1964. Ser. I, P. 821], вторая – в «авестийском списке», трактате Ибн Кутайбы (одной из самых ранних передач хронологии Сасанидов в дошедших до нас произведениях мусульманской литературы), а также у Евтихия Александрийского и Мутаххара ал-Макдиси [Hamzae..., 1844, P. 14; Eutychii…, 1906. P. 108; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 654; The Book of Creation…, 1962. P. 156]. Устранить противоречие можно только посредством сравнения этих данных с хронологическими указаниями на другие события, встречающимися в источниках.

Одним из наиболее важных таких событий была коронация Шапура I. Ибн ан-Надим, ссылаясь на манихейских авторов, сообщает, что Мани выступил со своим вероучением в день коронации Шапура, первого *нисан*-а[46], когда солнце стояло в со-

---

[45] В тексте Агафия буквально – 15 лет без двух месяцев. С этим внешне схожа оценка Иакова Эдесского, согласно которому Ардашир правил 15 лет [Chronica..., 1907. P. 286]. Между тем, в отношении других Сасанидов данные Иакова сильно отличаются и от выписок Сергия как их передаёт Агафий, и от сведений других авторов. Для того, чтобы опираться на них, необходимо весомое обоснование.

[46] В данном случае речь идет о вавилонском месяце *нисанну*. Этот день был первым днём года по селевкидской эре в версии «вавилонских звездочётов», которой пользовался Мани.

звездии Овна [Ал-Фихрист..., 1930. С. 457]. В литературе отмечается, что этой дате соответствует либо 12 апреля 240 г., либо 9 апреля 243 г. [Richter-Bernburg L., 1993. P. 78]. Однако мы знаем из «Глав» (Кефалайа) самого Мани, что при коронации Шапура как царя он не присутствовал, так как еще в конце правления Ардашира ушел проповедовать на восток, откуда вернулся только после вступления на престол нового монарха [Кефалайа..., 1998. С. 65]. Сообщение Ибн ан-Надима поддается объяснению только если предположить, что Мани имеет в виду коронацию Шапура как соправителя Ардашира, которая, как мы знаем из других источников, произошла при жизни последнего [Annales…, 1964. Ser. I, P. 820]. Мани, видимо, находился неподалеку от двора и счел этот день лучшим моментом, чтобы начать проповедовать своё вероучение.

Предположим теперь, что решающее сражение между Ардаширом и Артабаном состоялось 28 апреля 224 г. Если считать, что после этого Ардашир правил 14 лет и 10 месяцев, его царствование должно было закончиться в начале марта 239 г. Даже если мы будем отсчитывать время правления Ардашира от первого дня следующего года по зороастрийскому календарю (1 октября 224 г. [Parise F., 2002. P. 99]), оно подойдёт к концу летом 239 г. Но Ардашир ещё стоял у власти 12 апреля 240, а затем, как будет показано в главе 3 части I, совместно с сыном Шапуром I совершил поход на город Хатру.

На основании изложенного автор этих строк предпочитает датировать сражения 27 апреля 225 г. Однако, и в этом случае остаётся неясным, когда именно завершилось правление Ардашира. Здесь мы располагаем двумя ориентирами. Мани утверждал, что достиг двадцати четырех лет в год, когда войска Ардашира взяли город Хатру, а Шапур возложил на свою голову корону [The Cologne Mani Codex…, 1979. P. 18–19]. Поскольку Мани пользовался календарем селевкидской эры в его «вавилонской» версии, речь идет о годе, который продолжался с 12 апреля 240 г. по начало апреля 241 г. Другое указание можно, кажется, получить из текста бишапурской надписи. В отношении счёта лет «по огням» Р. Н. Фрай высказал весьма правдоподобную гипотезу о том, что имеются в виду годы правления царей, каждый из которых обладал собственным священным огнём [The Cambridge History…, 1983. P. 118]. Однако слова о сорокалетнем царствовании Ардашира I совершенно не

подкрепляются источниками. Видимо, текст надписи следует интерпретировать по-иному: первый год правления Шапура начался по окончании шестнадцатого года царствования Ардашира, причём речь идёт о годах по зороастрийскому календарю. Под первым годом огня (т.е. правления) Ардашира понимается тот зороастрийский календарный год, в котором он встал у власти, т.е. промежуток времени с 1 октября 224 года по 31 сентября 225 года. Соответственно, шестнадцатый год царствования Ардашира тоже должен отождествляться с соответствующим календарным годом, т.е. с отрезком времени с 28 сентября 239 года по 26 сентября 240 года [Parise F., 2002. P. 99][47].

Здесь целесообразно обратиться к другому утверждению Мани – о том, что в 539 г. селевкидской эры (опять-таки, по летосчислению вавилонских зведочётов), когда ему было тринадцать лет, на него впервые снизошло озарение; к тому времени прошли два года правления Ардашира [Chronologie..., 1878, S. 118, 208]. Хотя Бируни дважды приводит эти слова именно в таком виде, правомерность данного утверждения можно оспаривать уже хотя бы на том основании, что год рождения Мани приходился на 527 г. Поэтому вернее, видимо, пишет Ибн ан-Надим, согласно которому озарение снизошло на Мани после того, как ему исполнилось двенадцать лет [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 457], т.е. в апреле 228 г, То был тринадцатый год жизни Мани. Но тогда встаёт вопрос, почему Мани утверждал, что к этому времени Ардашир I правил лишь два года, хотя со дня решающей битвы с Артабаном прошло почти три. Скорее всего, Мани в данном случае отсчитывает время правления Ардашира не от даты битвы при Хормуздагане, а с первого дня последовавшего затем зороастрийского года (1 октября 225 г. [Parise F., 2002. P. 99]). В этом случае к апрелю 228 г. прошли два зороастрийских года, из которых последний закончился 30 сентября 227 г. [Parise F., 2002. P. 99]. Именно эти годы Мани, по всей вероятности, принимает за время правления Ардашира. Не исключено, что это имеет реальную основу. Хотя Ардашир назвал себя царём царей, говорить о том, что парфянская династия Аршакидов перестала существовать, можно было

[47] Заметим в этой связи, что, если принимать датировку 28 апреля 224 г., шестнадцатый год правления Ардашира закончится 27 сентября 239 г., и мы вновь не достигаем апреля 240 г.

только после смерти её последнего представителя. Именно этим, видимо, объясняются рассказы источников о казни малолетнего сына Артабана в Ктесифоне [Sources…, 1908. P. 29] и стремлении Ардашира не оставить в живых никого из Аршакидов [Annales…, 1964. Ser. I, P. 823]. Возможно Ардашир, одержав победу над Артабаном, потратил некоторое время на то, чтобы устранить остававшихся Аршакидов и официально провозгласил себя царём в первый день нового зороастрийского года.

Наши хронологические ориентиры, следовательно, таковы:

27 апреля 225 г. – провозглашение Ардашира I царём царей;

1 октября 225 г. – первый зороастрийский новый год правления Ардашира;

12 апреля 240 г. – провозглашение Шапура I соправителем стоящего у власти Ардашира (согласно манихейским авторам);

26 сентября 240 г. – последняя возможная дата окончания правления Ардашира.

Как сочетаются эти даты с указанными выше оценками срока правления Ардашира (14 лет и 10 месяцев или 14 лет и 6 месяцев)? 14 лет и 6 месяцев приблизительно соответствуют времени от первого дня зороастрийского года, следовавшего за победой Ардашира (1 октября 225 г. [Parise F., 2002. P. 99]), до даты коронации Шапура как соправителя отца. Снова, как и в проанализированном выше высказывании Мани, начальная дата правления Ардашира – 1 октября 225 г. Если отсчитать от этой даты 14 лет и 10 месяцев, мы придём в конец июля – начало августа 240 г. Это очень близко к указанной выше позднейшей возможной дате окончания правления Ардашира. В связи с этим представляется вполне вероятным, что смерть Ардашира следует относить на конец июля – начало августа 240 г.

После ухода из жизни Ардашира Шапур I, прежде деливший с отцом престол, остался единственным правителем державы. Вместе с тем, из изложенного следует, что первым годом его правления считается год, который, согласно зороастрийскому календарю начался 27 сентября 240 г. Кажется, именно эту дату следует считать днём коронации Шапура как единоличного правителя. После смерти Ардашира не было никакого смысла затягивать с коронацией – тем более, что Шапур имел прекрасную возможность поступить по примеру отца. К тому же, произойди коронация Шапура ранее, первым годом его

правления стал бы не тот год, который начался 27 сентября 240 г., а предыдущий.

Согласно выпискам Сергия, Шапур I правил 31 год [Agathiae…, 1828. P. 259; Georgius Syncellus…, 1829. P. 678]. Из авторов, принадлежащих к восточным традициям, точно такие же сведения сообщают Иаков Эдесский, ад-Динавари и, видимо, с опорой на последнего, Мирхонд [Histoire..., 1843. P. 185; Browne E. G., 1900. P. 220; Chronica..., 1907. P. 286; Ал-Ахбар..., 1960. С. 47]. В других источниках данные о сроке правления Шапура I колеблются от 30 лет с несколькими месяцами или днями [Hamzae..., 1844. P. 15; Chronologie..., 1878. S. 121, 123, 125; Eutychii…, 1906. P. 108; Ferdowsi's…, 1935. P. 2008; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 654] до 31 года 6 месяцев и, возможно, нескольких дней [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100; The Fársnáma..., 1921. P. 20, 63][48]. Ат-Табари приводит данные обеих версий: 30 лет 15 дней и 31 год 6 месяцев 19 дней [Annales…, 1964. Ser. I, P. 831]. Если опираться на выписки Сергия, правление Шапура I должно было закончиться к 20 сентября 271 г., когда с момента его вступления на престол истёк тридцать один год по зороастрийскому календарю [Parise F., 2002. P. 99]. Данные мусульманских авторов слишком сильно расходятся, чтобы на их основе можно было совершить точный подсчёт. Но сам факт существования таких различий показывает, что в персидских источниках мусульманских авторов время правления Шапура I отсчитывалось от разных дат. Кроме 27 сентября 240 г. начальной датой могло быть только 12 апреля того же года. Если учитывать особенности зороастрийского календаря и, в частности, отсутствие в нём високосных годов, между 12 апреля 240 г. и 20 сентября 271 г. – 31 год, 5 месяцев и 16 дней, что очень напоминает цифры мусульманских авторов. Разумеется, мы вправе допускать возможность некоторой погрешности.

Двигаясь в хронологической последовательности далее, мы получаем следующие результаты. Правление сына и наследника Шапура – Хормузда I заняло, согласно выпискам Сергия, 1 год и 10 дней [Agathiae…, 1828. P. 260]. Аналогичные данные приводятся у ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 833], хотя в некоторых источниках 10 дней заменяются на 10 месяцев года [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100; Eutychii…, 1906. P. 111; Kitâb

[48] Как вариант – 31 год 6 месяцев 18 дней [Chronologie..., 1878. S. 127].

al-Mâʿarif..., 1960. P. 654]. Но упоминание о 10 месяцах кажется скорее ошибкой позднейших компиляторов – в одних случаях невольной, в других – сознательной. Например, в «авестийском списке» как он приведён у Хамзы ал-Исфахани Хормузду отводятся 1 год и 10 дней правления [Hamzae…, 1844. P. 15], но у Бируни в передаче того же списка – 1 год и 10 месяцев [Chronologie…, 1878. S. 123]. По мнению самого ал-Исфахани Хормузд правил 1 год 10 месяцев [Hamzae…, 1844. P. 20]. Если считать, что Хормузд I вступил на престол сразу после смерти Шапура I, его правление должно было завершиться в конце сентябре или самом начале октября 272 г.

Преемнику Хормузда Варахрану[49] I выписки Сергия отводят 3 года правления [Agathiae…, 1828. P. 260], что соответствует данным ал-Якуби [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 182], но в ряде восточных источников можно встретить такие указания как 3 года и 3 месяца [Hamzae…, 1844. P. 27; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100; Eutychii…, 1906. P. 111; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 655] или даже 3 года. 3 месяца и 3 дня [Hamzae…, 1844. P. 15; Chronologie…, 1878. S. 121, 127; Ferdowsi's…, 1935. P. 2015; The Book of Creation…, 1962. P. 158; Annales..., 1964. Ser. I, P. 834]. Такие цифровые комбинации кажутся украшением какого-то легендарного рассказа. Если отбросить их и ориентироваться на данные Сергия, получается, что Варахран I правил с конца сентября или начала октября 272 г. по конец сентября или начало октября 275 г. Тогда правление Варахрана II, протяжённость которого во всех основных источниках оценивается в 17 лет, длилось с начала октября 275 г. по начало октября 292 г.

Относительно царствования следующего Сасанида, Варахрана III, данные источников сильно расходятся. Согласно выпискам Сергия, оно длилось всего 4 месяца [Agathiae…, 1828. P. 260]. Это соответствует данным многих восточных источников [Hamzae…, 1844. P. 15; Ferdowsi's…, 1935. P. 2022; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 655; The Book of Creation…, 1962. P. 159], но ал-Якуби и ат-Табари полагают, что Варахран III правил 4 года [Annales..., 1964. Ser. I, P. 835; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 182]. И здесь, видимо, не обошлось без путаницы с числами. Например, ал-Масуди сначала отводил Варахрану III 4 месяца правления [Maçoudi., 1863. P. 174], позднее – 4 года и

[49] В более позднем произношении – Вахраму.

4 месяца [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100], а Вахрам Марданшахан даже называл 40 лет и 4 месяца [Hamzae…, 1844. P. 27; Chronologie…, 1878. S. 125], что в «Собрании историй и рассказов» прямо называется ошибкой [Muǧmal…, 2000. S. 53]. Разумеется, предпочтение следует отдать оценке в 4 месяца, которая, как мы увидим далее, лучше соответствует другим хронологическим данным. Соответственно, Варахран III царствовал с начала октября 292 г. по начало февраля 293 г.

Правление следующего Сасанида, Нарсе, представляет собой в части хронологии наибольшую проблему. Евтропий (ум. после 387 г.), а затем и Павел Орозий (ум. в 418 г. или позднее) связывают установление в Риме тетрархии (1 марта 293 г.) с натиском противников империи, в том числе и с наступлением Нарсе на востоке [Pauli Orosii…, 1889. P. 264; Eutropii…, 1936. P. 64]. Но поздней осенью и зимой боевые действия обычно не велись. Значит, это утверждение может быть правильным только если Нарсе пришёл к власти не позднее лета 292 года. Но такое допущение противоречило бы хронологии и предыдущих, и последующих времён. Вероятно, рассматриваемый фрагмент труда Евтропия, который с небольшими изменениями повторяется у Орозия, призван показать, что на момент установления тетрархии Рим окружали многочисленные враги. Если такова была цель Евтропия, не исключено, что упоминание о войне с Нарсе, начавшейся позднее, было произвольно перенесено на более раннее время, чтобы царь встал в один ряд с другими врагами Рима.

Столь же неоднозначны сведения и о протяженности правления Нарсе. Согласно выпискам Сергия, Нарсе и его сын Хормузд II правили по 7 лет и 5 месяцев каждый. Такое совпадение показалось Агафию Миринейскому странным, и сведения Сергия он снабдил следующим комментарием:

«Может показаться удивительным, что и тому, и другому было отмерено совершенно одинаковое число лет и месяцев правления» [Agathiae…, 1828. P. 261].

В восточных источниках мы обнаруживаем другие данные. Утверждение о том, что Нарсе правил 7 лет и 5 месяцев, встречается только в «Собрании историй и рассказов», где оно соседствует с более распространёнными указаниями на 7 лет и 9 лет [Muǧmal…, 2000. S. 53]. В основном восточные авторы полагают, что Нарсе правил 9 лет [Hamzae…, 1844. P. 15, 20, 27;

Chronologie…, 1878. S. 121, 127; Ferdowsi's…, 1935. P. 2024; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 655; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 182] или 7 лет [Ал-Ахбар..., 1960. С. 48; Annales..., 1964. Ser. I, P. 835].

Спорными остаются и важнейшие вехи царствования Нарсе – даты войны против Рима. Наиболее известна датировка «Пасхального хроникона», из текста которого можно заключить, что римляне одержали победу над Нарсе на третьем году 269-й Олимпиады, т.е. в 297–298 гг. [Chronicon…, 1832. P. 512–513]. Для автора «Пасхального хроникона» год начинался 1 сентября[50]. С другой стороны, согласно «Сиирткой хронике» Нарсе вступил на престол на девятом году правления Диоклетиана (начало 293 года, кажется, удовлетворяет этому условию), а на пятом году своего царствования начал войну с Римом, закончившуюся поражением [Histoire…, 1907. P. 254]. Если Нарсе пришёл к власти в начале февраля 293 г., то пятый год его царствования приходится на время с 13 сентября 296 по 12 сентября 297 г. [Parise F., 2002. P. 99]. Это вполне соответствует историческому контексту. Как показано в главе 3 части I, Нарсе сражался с римлянами не раз. Наиболее важными событиями этих войн были вторжение Нарсе в Сирию и состоявшийся вскоре после этого неудачный поход в Армению, о котором фактически говорится в «Пасхальном хрониконе». Маловероятно, чтобы Нарсе, который, судя по сведениям той же «Сиирткой хроники», правил в пожилом возрасте [Histoire…, 1907. P. 254], мог в течение одного года предпринять два масштабных похода на разных направлениях. Поэтому вернее считать, что Нарсе предпринял поход в Сирию весной-летом 297 г., а через год потерпел поражение в Армении.

Хотя в некоторых источниках войны Нарсе против Рима относятся к периоду 300–304 гг., [Sancti Prosperi…, 1744. P. 420; Theophanis…, 1839. P. 11; F. L. Dextri…, 1846. Col. 423–424, 435–436], предложенные датировки вступления Нарсе на престол (начало февраля 293 г.) и начала его большой войны против Рима (весна–лето 297 г.) представляются наиболее правдоподобными, так как только они соответствуют временным вехам более поздних периодов. Об этом свидетельствуют дальнейшие расчёты. Если довериться выпискам Сергия и принять

[50] Об этом см. прим. 366.

время правления Нарсе за 7 лет и 5 месяцев, оно должно было завершиться в начале июля 300 г. Что касается преемника Нарсе Хормузда II, в оценке протяжённости его правления большинство восточных авторов согласны с Сергием [Hamzae…, 1844. P. 15; Maçoudi, 1863. P. 174; Chronologie…, 1878. S. 121; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100; Eutychii…, 1906. P. 114; The Fársnáma…, 1921. P. 21; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 655; The Book of Creation…, 1962. P. 159; Annales..., 1964. Ser. I, P. 835[51]]. Небезынтересно отметить, что и там, где восточные авторы дают иные сведения, протяжённость правления Хормузда II часто оказывается равной времени царствования Нарсе – 7 лет [Ал-Ахбар…, 1960. С. 48] или 9 лет [Abulfedae…, 1831. P. 82; Chronologie…, 1878. S. 127; Ferdowsi's…, 1935. P. 2024, 2026; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 182]. Тем самым, то, что Хормузд II правил 7 лет и 5 месяцев, представляется вполне правдоподобным; его царствование должно было закончиться в декабре 307 г. Такая гипотеза в какой-то степени подкрепляется рассказом Балами о том, что Хормузд умер от ран, нанесённых ему гассанидскими арабами, которые подстерегли его на охоте [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 904]. Это, разумеется, не могло произойти в тёплое время года, так как в это время царь должен был находиться в Мидии или севернее, и для того, чтобы встретиться с ним, арабам пришлось бы пересечь горы Загроса. Но зимой арабы, которые, как мы увидим, предпринимали походы вниз по Евфрату и доходили до Ктесифона, могли устроить вылазку и напасть на царя, охотившегося в районе столицы.

Если считать, что Хормузд II погиб приблизительно в декабре 307 г. первым годом правления его сына и преемника Шапура II следует считать тот год по зороастрийскому календарю, который начался 11 сентября 307 г и закончился 9 сентября 308 г. [Parise F., 2002. P. 99]. По словам Аммиана Марцеллина, в одном из походов на владения Рима Шапур взял крепость Бет-Завде; издатели текста относят это событие к 360 г. [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 40–51]. В литературе сохранились рассказы о ставших мучениками христианах-пленниках из Бет-Завде, причём датой взятия крепости называ-

[51] Заметим, впрочем, что ат-Табари приводит две оценки протяжённости правления Хормузда II – 6 лет 5 месяцев и 7 лет 5 месяцев.

ется пятьдесят третий год правления Шапура [De sanctis martyribus…, 1675. P. 821; Assemani S. E., 1743. P. 134; Acta..., 1891. P. 316; Hoffmann G., 1880. S. 24[52]; Braun O., 1915. S. 110; Delahaye H., 1981. P. 53/453]. Такие походы обычно предпринимались весной. Весна 360 года попадает в тот год по зороастрийскому календарю, который начался 29 августа 359 г. и закончился 27 августа 360 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Если это был пятьдесят третий год правления Шапура II, первым окажется именно год, продолжавшийся с 11 сентября 307 по 9 сентября 308 г.

В отношении сроков правления Шапура II и его преемников выписки Сергия соответствуют данным Вахрама Марданшахана, ат-Табари и ал-Якуби. Шапуру II отводятся 72 года правления, его брату и преемнику Ардаширу II 4 года, преемнику последнего и сыну Шапура II Шапуру III – 5 лет, Варахрану IV – 11 лет [Agathiae…, 1828. P. 263; Hamzae…, 1844. P. 27; Annales..., 1964. Ser. I, P. 845–847; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 183]. Заметим, однако, что на IV век в сасанидской истории приходится несколько дворцовых переворотов, вследствие чего границы допустимой погрешности следует расширить. Учитывая рассматриваемые далее данные о правлении Ездигерда I, мы можем сказать, что Шапур II царствовал приблизительно с декабря 307 или января 308 по декабрь 379 или январь 380 г., Ардашир II – с декабря 379 или января 380 г. по декабрь 383 или январь 384 г., Шапур III – с декабря 383 или января 384 г. по декабрь 388 или январь 389 г., Варахран IV – с декабря 388 или января 389 г. по декабрь 399 или январь 400 г.

Интересно отметить, что такие же данные мы находим и в некоторых других источниках, в частности, в «авестийском списке», у Ибн Кутайбы, ал-Масуди и Евтихия Александрийского, но с единственным отличием: утверждается, что Шапур III правил не 5 лет, а 5 лет и 4 месяца [Abulfedae…, 1831. P. 84, 86; Hamzae…, 1844. P. 15; Chronologie…, 1878. S. 123[53], 126; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100–101; Eutychii…, 1906. P. 134,

---

[52] В тексте данного издания называются ещё две даты взятия Бет-Завде – 324 г. от Распятия Христова и 374 г. греков (т.е. по селевкидской эре). Эти датировки, однако, различаются между собой и едва ли могут быть использованы в историческом исследовании.

[53] Необходимо отметить, что в этом месте Бируни или его источник неверно копирует и из пяти лет делает пятьдесят.

152; The Fársnáma…, 1921. P. 21, 22, 73, 74[54]; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 658]. Если от декабря 383 г. или января 384 г. отступить назад на 4 месяца, мы попадаем в август, т.е. именно в то время, когда начался очередной зороастрийский год. По всей вероятности, мы имеем дело с двумя разными указаниями протяжённости времени правления Шапура III. В выписках Сергия оно отсчитывается с момента фактического прихода царя к власти, у указанных выше мусульманских авторов – с начала первого года правления царя по зороастрийскому календарю.

Аналогичные расхождения возникают и при определении хронологии царствования Ездигерда I. Согласно выпискам Сергия, Ездигерд правил 21 год [Agathiae…, 1828. P. 265]; то же самое сообщают некоторые восточные авторы [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101; Eutychii…, 1906. P. 155; Ferdowsi's…, 1935. P. 2076; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 183]. По сообщениям других источников время царствования Ездигерда составило 21 год, 5 месяцев и 16 или 18 дней [Hamzae…, 1844. P. 15, 27; Maçoudi, 1863. P. 190[55]; Chronologie…, 1878. S. 123; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 660; Annales..., 1964. Ser. I, P. 850[56]]. Если применять эту последнюю оценку, срок правления Ездигерда I следует отсчитывать с первого дня того зороастрийского года, в котором он пришёл к власти, т.е. с 19 августа 399 г. [Parise F., 2002. P. 100]. В этом случае смерть царя следует отнести к концу января 421 г. По сообщению Мовсеса Хоренаци, незадолго до смерти Ездигерда его сын Шапур, прибыл к нему в Ктесифон [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 198]. Как показано в главе 1 части I, Ктесифон был зимней столицей Сасанидов. Стало быть, Ездигерд находился тогда в своей зимней столице, что косвенно говорит в пользу января. Приблизительно к таким же выво-

---

[54] Заметим, впрочем, что в *Фарс-намэ* продолжительность правления Шапура III в одном месте оценивается в 5 лет и 4 месяца, в другом – в 5 с половиной лет.

[55] Данная ссылка, заметим, показывает лишь то, что такие сведения ал-Масуди получил из одного из своих источников. Рядом приводится другая оценка – 22 года без двух месяцев [Maçoudi, 1863. P. 190].

[56] У ат-Табари мы находим и иное указание срока царствования Ездигерда I – 22 года, 5 месяцев и 16 дней [Annales..., 1964. Ser. I, P. 850], однако оно не встречается более ни в каком источнике и, вероятно, представляет собой результат ошибки или неверного копирования.

дам можно прийти на основании выписок Сергия: получается, что Ездигерд должен был вступить на престол в конце 399 или в начале 400 г. Если от этого времени отсчитать двадцать один год, мы можем вновь оказаться в январе 421 г.[57]

Как показано в главе 1 части I, после гибели Ездигерда I началась борьба за власть между его сыном Варахраном (будущим Варахраном V), опиравшимся на помощь арабского правителя Хиры, и ставленником аристократов-заговорщиков Хосровом. Это противостояние, несомненно, заняло некоторое время, однако летом 421 г., когда началась война против Восточной Римской империи, Варахран V уже стоял у власти (см. главу 3 части I).

Два интересных хронологических указания содержатся в *Шах-намэ*. Одно из них мы находим в пересказе письма Варахрана V к «царю Индии» Шангалу[58]. Согласно тексту поэмы, сасанидский дворцовый писец, перечисляя эпитеты Варахрана, отметил, что он принял царскую корону от Ездигерда в день *ард* месяца *хордад* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2223]. Этот день должен соответствовать 5 ноября 420 г. Хотя текст содержит изрядную долю художественного вымысла Фирдоуси[59], дата вполне может быть правильной. Если принимать её, события должны были развиваться так: Ездигерд I скончался 5 ноября 420 г. в своей зимней столице Ктесифоне, но сановники скрыли это и стали обсуждать кандидатуру преемника. В январе 421 г. они сделали выбор в пользу Хосрова, и тогда же было объявлено о смерти царя. Именно эта дата считалась официальным окончанием правления Ездигерда; иначе невозможно объяс-

---

[57] Заметим, что в сирийской истории Мар Эвды события, о которых в ней повествуется, датированы двадцать вторым годом правления Ездигерда [Hoffmann G., 1880. S. 34; Acta..., 1894. P. 250; Braun O., 1915. S. 139]. Однако этот год, если отсчитывать его от августа 399 г., охватывает и январь 421 г. Очевидно, преследования, о которых говорится в этом источнике, развернулись в самом конце жизни Ездигерда.

[58] Этот эпизод разобран в главе 3 части I.

[59] В изображении поэта дворцовый писец включает в титулатуру Варахрана и такое: «взимающий дань с *саклаб*-а (т.е. со славян. – *Д. М.*) и *рум*-а». Упоминание о славянах здесь – явный анахронизм, который не мог появиться в документах сасанидской канцелярии.

нить, почему в выписках Сергия ему отводится двадцать один год царствования.

Другое указание обнаруживается в рассказе о борьбе Варахрана со сторонниками Хосрова. Фирдоуси пишет, что знать приветствовала Варахрана как победителя и царя в день *срош* месяца *адар* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2115]. Эта дата соответствует 26 апреля 421 г. Она не противоречит историческому контексту: можно представить себе, что поход Варахрана с арабским войском на Ктесифон и переговоры продлились около трёх месяцев, с января по апрель 421 г.

Выписки Сергия отводят Варахрану 20 лет правления [Agathiae…, 1828. P. 266]. Данные восточных авторов сильно расходятся[60]. Судя по разобранному выше фрагменту *Шахнамэ*, канцелярия Варахрана V считала началом его правления 5 ноября 420 г. Следовательно, царствование Варахрана закончилось в самом начале ноября 440 г. И это не противоречит историческому контексту. Как показано в главе 3 части I, преемник Варахрана Ездигерд II вскоре после прихода к власти начал войну против Восточной Римской империи. Единственное точное хронологическое указание, касающееся этого противостояния, обнаруживается у Марцеллина Комита, который сообщает, что в девятом году очередного индикта (сентябрь 440 – август 441) персы разоряли земли Востока [MGH, 1894. P. 80]. Вряд ли имеется в виду осень, когда боевые действия обычно не велись; скорее, речь идёт о весне 441 г., когда Ездигерд II уже стоял у власти.

Согласно выпискам Сергия, Ездигерд II правил 17 лет и 4 месяца, а его преемник Пероз погиб на двадцать четвёртом году своего правления [Agathiae…, 1828. P. 266]. У мусульманских авторов протяжённость правления Ездигерда II составляет

---

[60] Например: 18 лет [Eutychii…, 1906. P. 179], 18 лет и 10 месяцев [Chronologie…, 1878. S. 121], 18 лет 10 месяцев и 20 дней [Annales…, 1964. Ser. I, P. 871], 18 лет и 11 месяцев [Eutychii…, 1906. P. 176], 19 лет [Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 184], 23 года [Hamzae…, 1844. P. 15; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101; The Fársnáma…, 1921. P. 22, 82; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 661; The Book of Creation…, 1962. P. 165], 23 года, 10 месяцев и 20 дней [Annales…, 1964. Ser. I, P. 871]. Ад-Динавари сообщает, что Варахран V погиб по истечении двадцати трёх лет царствования [Ал-Ахбар…, 1960. С. 58].

17 лет [Annales…, 1964. Ser. I, P. 872; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 184] или колеблется вокруг 18 лет 4 месяцев[61], а Перозу отводятся 27 лет царствования [Abulfedae…, 1831. P. 86; Chronologie…, 1878. S. 121, 127; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101; Мурудж…, 1927/1928. Т. 1, с. 140[62]; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 185][63].

Сообщения мусульманских авторов о двадцати семи годах правления Пероза могут показаться результатом ошибки, но из других источников видно, что они не случайны: Лазар Парбеци сообщает, что на двадцать пятом году царствования Пероза началось восстание против персов в Армении [Collection…, 1869. P. 326]. Если следовать рассказу Лазара, затем прошли две зимы [Collection…, 1869. P. 332–333, 343], и Пероз двинулся в поход на эфталитов, закончившийся его гибелью [Collection…, 1869. P. 343–350]. В сообщениях о соборах христианской (несторианской) церкви Сасанидской державы мы дважды встречаем упоминания о встрече иерархов, происшедшей на двадцать седьмом году правления Пероза; в одном из случаев уточняется, что она состоялась в месяце *нисан*, т.е. в апреле [Synodicon…, 1902. P. 63, 210 (сир. текст), 312, 475 (фр. перевод)]. Монофизитский автор Денха (ум. в 660 г.) сообщает, что его единомышленники подвергались преследованиям в Сасанидской державе на двадцать седьмом году правления Пероза [Histoires..., 1905. P. 67].

---

[61] Именно: 18 лет и 4 месяца [Annales…, 1964. Ser. I, P. 872], 18 лет 4 месяца и 18 дней [Hamzae…, 1844. P. 17, 28; Maçoudi…, 1863. P. 193; Chronologie…, 1878. S. 123, 127], 18 лет и 5 месяцев [The Fársnáma…, 1921. P. 22, 82], 18 лет, 5 месяцев и несколько дней [Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 661].

[62] Мы ссылаемся здесь на каирское издание «Промывален золота» ал-Масуди по той причине, что его текст (سبعًا وعشرين سنة, двадцать семь лет) лучше соответствует другим источникам, в том числе и более поздней «Книги замечаний и пересмотра» того же автора, чем текст парижского издания, где стоит تسعًا وعشرين سنة (двадцать девять лет) [Maçoudi…, 1863. P. 195]. По-видимому, в последнем случае графическая близость этих форм ввела в заблуждение переписчика или издателя.

[63] В «авестийском списке» как он приводится у Хамзы ал-Исфахани – 27 лет 1 месяц [Hamzae…, 1844. P. 17], в передаче Бируни – 27 лет и 1 день [Chronologie…, 1878. S. 124].

Особого внимания заслуживают известия ат-Табари и авторов, копирующих его сведения. В одном месте ат-Табари, как и остальные восточные авторы, говорит о двадцати семи годах правления Пероза [Annales..., 1964. Ser. I, P. 873]. Затем, однако, ат-Табари воспроизводит сведения другой традиции, согласно которой царствование Пероза заняло двадцать шесть лет или двадцать один год [Annales..., 1964. Ser. I, P. 880]. Видеть в этом графическую ошибку было бы, скорее всего, неправомерно, так как аналогичное сообщение приводится и у некоторых других авторов, основывавшихся на данных ат-Табари [Histoire..., 1843. P. 230; Ал-Мунтазам…, 1992. С. 105]. Напротив, по тем данным, которыми, вероятно, пользовался ат-Табари, можно представить себе, как возникло это сообщение. В переводе Балами обнаруживается подробный рассказ о войнах Пероза с эфталитами (об этом см. главу 3 части I). По этому рассказу война началась после семнадцати лет правления Пероза [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955]. Затем подробно рассказывается о развитии конфликта, причём сообщается, что Пероз, возмущённый предосудительными действиями правителя эфталитов, направил к нему посольство, однако, переговоры ни к чему не привели. Четыре или пять лет спустя Пероз предпринял первый поход на эфталитов [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955]. Второй поход, закончившийся гибелью Пероза, состоялся четырьмя годами позже[64]. Эти сведения можно трактовать двояко. С одной стороны, эти четыре или пять лет могли закончиться к моменту, когда со времени воцарения Пероза прошло семнадцать лет. В этом случае продолжительность правления Пероза определяется как сумма семнадцати лет и четырёх, прошедших от первого похода на эфталитов до второго, и составляет двадцать один год. Если же считать, что конфликт начался по истечении семнадцати лет правления Пероза, один из вариантов дальнейших подсчётов может быть таким: к семнадцати годам прибавляются пять, а за-

[64] В издании М. П. Гунабади приводятся две версии – через один год или четыре года [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 959]. Но в издании М. Дж. Машкура, где текст несколько отличается, мы видим упоминание только о четырёх годах [The History…, 1959. P. 135]. Скорее всего, тексты рукописей истории Балами различаются между собой, но основным вариантом должно быть сообщение о четырёх годах.

тем ещё четыре, что в сумме даёт двадцать шесть. Ат-Табари, кажется, так и не остановился ни на одной из версий и сообщил обе: двадцать один год или двадцать шесть лет. Балами, в свою очередь, считал, что Пероз царствовал двадцать шесть лет [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 952].

Путаница в определении лет правления Пероза в немалой степени вызвана тем, что он пришёл к власти в результате борьбы против своего старшего брата Хормузда (в настоящем исследовании – Хормузд III). Этот эпизод более подробно рассматривается в главе 2 части I; здесь же необходимо сказать, что на первых порах победу одержал Хормузд, но затем Пероз, укрывшись у правителя эфталитов, получил от него войско и сверг брата. Примечательно, что Хормузд не упоминается в числе сасанидских царей ни в выписках Сергия, ни в произведениях авторов, сведения которых основывались на дворцовых анналах. Возможно Пероз, одержав победу над братом, приказал «вычеркнуть» его из истории. Время правления Хормузда зачислили в годы царствования Пероза – как впоследствии годы правления Жамаспа[65] относили к царствованию Кавада (см.

---

[65] Восстановление этого имени представляет собой проблему, так как в источниках оно фигурируют в разных формах. В произведениях на арабском и новоперсидском языках оно пишется как *Джамасп*. Такую же форму мы видим и в пазендском тексте средневековой новеллы *Джамасп-намаг* [Jâmâspi…, 1903. P. 59], хотя дошедший до нас список – довольно поздний. Форма *Джамасп* обнаруживается и в армянской хронологии Самвела Анеци [Collection…, 1876. P. 389]. Между тем, на одной дошедшей до нас монете царя его имя написано еврейскими буквами как *Замасп* [Mordtmann A. D., 1853. S. 78]. В единственном источнике, восходящем ко времени царя – сирийском известии о церковном соборе, состоявшемся в ноябре 499 г., его имя пишется как *Замасп* [Synodicon…, 1902. P. 62, 63, 65, 310, 312, 314]. Точно так же пишет имя царя другой ранний автор – Иисус Столпник (Иешу Стилит) [Wright W., 1968. P. 19]. Если бы это имя начиналось с *дж*, авторы, писавшие на сирийском языке, скорее всего передавали бы его через *г*. В связи с этим наиболее правильным кажется написание *Жамасп* (*Žāmāsp*), применяемое в статье Х. У. Бэйли, посвящённой *Джамасп-намаг* [Bailey H. W., 1930–1932. P. 55]. Только такое написание могло одновременно передаваться как *дж* в арабском и *з* в сирийском и иврите. Дошедшие до нас источники на новоперсидском языке, очевидно, копируют арабское написание имени.

ниже). Тогда вполне вероятно, что первым годом своего царствования Пероз считал тот, в котором умер Ездигерд II. Этот год можно восстановить так. Семнадцать лет и четыре месяца правления Ездигерда II истекли в конце февраля или, может быть, начале марта 458 г., то есть в том зороастрийском году, который охватывает время с 4 августа 457 по 3 августа 458 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Если мусульманские авторы и в этом случае фактически отсчитывают время правления Пероза от начала первого года его царствования по зороастрийскому календарю, царь должен был погибнуть в августе 484 г. Из «Арбельской хроники» нам известно, что Пероз погиб в августе [Sources…, 1908. P. 67], хотя год в источнике не указан.

К датировке гибели Пероза августом 484 г. можно прийти и иным путём, через расчёт хронологии правления Кавада. О последнем мы знаем, что он стоял у власти весной 491 г., в момент смерти императора Зенона, и летом-осенью 502 г., когда начался поход на Амиду (см. главу 1 части I) и, по словам Иоанна Малалы, умер 13 сентября 531 г. [Ioannis Malalae…, 1831. P. 471]. В выписках Сергия хронология правления преемников Пероза представлена так. Около четырёх лет царствовал брат Пероза Валаш. Пришедший затем к власти Кавад был свергнут на одиннадцатом году правления[66], и на престол вступил его брат Жамасп. Правление Жамаспа длилось четыре года. Затем Кавад вновь вернул себе власть и правил ещё тридцать лет [Agathiae…, 1828. P. 267–269].

Эти сведения следует рассмотреть в сравнении с данными других источников. Исторические традиции, воспроизводимые в трудах мусульманских авторов, единодушно отводят Валашу четыре года правления [Hamzae…, 1844. P. 15, 28; Maçoudi…, 1863. P. 195; Chronologie…, 1878. S. 124, 125, 127; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101; The Fársnáma…, 1921. P. 23; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 662; The Book of Creation…, 1962. P. 167; Annales..., 1964. Ser. I, P. 882; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 185]. У ат-Табари и ад-Динавари мы находим рассказы о том, что Кавад вследствие своей приверженности учению маздакитов был свергнут по истечении десяти лет пребывания у власти [Ал-Ахбар…, 1960. С. 61, 65; Annales..., 1964. Ser. I, P. 882, 885]. Что касается правления Жамаспа, то отдельно оно, как правило, не

[66] Свержение Кавада более подробно рассматривается в гл. 2 части I.

упоминается. Очевидно, годы правления Жамаспа включались в царствование Кавада, как поступает ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 888]. Каваду как правило отводятся сорок три года правления [Abulfedae…, 1831. P. 88; Hamzae…, 1844. P. 15; Maçoudi, 1863. P. 195; Chronologie…, 1878. S. 124, 127; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101; Eutychii…, 1906. P. 191; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 663; Annales..., 1964. Ser. I, P. 888; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 186]. О том, сколько правил Жамасп, восточные авторы имели лишь приблизительное представление. Ал-Масуди отводит ему два года правления [Maçoudi, 1863. P. 196], ат-Табари – шесть лет [Annales..., 1964. Ser. I, P. 887]. Показательны сведения *Фарс-намэ*, где мы читаем, что Кавад правил сорок лет, а Жамасп – три года [The Fársnáma…, 1921. P. 23]. Сложив их, мы получаем сорок три года, о которых говорят другие авторы.

К известиям восточных авторов близки утверждения Иоанна Малалы о том, что Кавад правил сорок три года и два месяца [Ioannis Malalae…, 1831. P. 471]. В настоящем исследовании мы увидим, что Иоанн пользовался сведениями, близкими к тем, которые сохранились в восточных традициях. Возможно, он, как и мусульманские авторы, включает во время царствования Кавада и правление Жамаспа.

Если от 13 сентября 531 г. отсчитать назад 43 года и 2 месяца или 43 года, мы попадём в середину июля или середину сентября 488 г. соответственно. В 488 г. новый год по зороастрийскому календарю начался 27 июля [Parise F., 2002. P. 100]. От этой даты до 13 сентября 531 г. меньше двух месяцев, однако следует иметь в виду, что в 531 г. новый год по зороастрийскому календарю начался не 27 июля, а десятью днями ранее [Parise F., 2002. P. 101]. Мы уже видели, что в некоторых случаях источники донесли до нас по две даты начала правления некоторых Сасанидов – дату фактического прихода к власти и дату начала первого года царствования по зороастрийскому календарю. Вполне возможно, что подобное происходит и в данном случае. Тогда можно заключить, что Кавад фактически пришёл к власти в середине сентября 488 г., а первым годом его правления считался тот, который начался 27 июля 488 г.

От сентября 488 г. следует отступить назад ещё на четыре года, составляющие период правления Валаша, который, соответственно, должен был прийти к власти в сентябре 484 г. Это

почти совпадает со временем, когда предположительно погиб Пероз, однако здесь необходимо допустить небольшой интервал. Как будет показано ниже (см. главу 3 части I), Пероз погиб далеко от Ирана, около Марварруда. Чтобы донести эту весть до столицы, требовалось время. Затем вельможи, собравшись в столице, взялись избирать нового царя, и, согласно Лазару Парбеци, их совещания заняли много дней [Collection…, 1869. P. 352]. Поэтому вполне вероятно, что Пероз погиб в августе 484 г.[67], а Валаша провозгласили царём приблизительно через месяц или немногим более.

Здесь необходимо вернуться к словам Сергия о том, что Пероз погиб на двадцать четвёртом году своего правления. Если относить гибель Пероза на август 484 г., его царствование должно было начаться в том зороастрийском году, который соответствует промежутку времени от 3 августа 461 по 2 августа

---

[67] Против этой датировки можно возражать на основании того, что Илия Нисибисский относит гибель Пероза к *канун*-у II 795 года селевкидской эры [Eliae…, 1910. P. 116]. Илия пользовался классическим календарём и считал началом года 1 сентября, что хорошо видно на следующих примерах. В перечне сирийских месяцев Илия называет первым сентябрь (*ēlūl*) [Eliae…, 1909. P. 15]. Последняя дата его хроники – начало 409 года хиджры, которую он отождествляет с понедельником 19 мая 1329 года греков (селевкидской эры) [Eliae…, 1910. P. 227]. Поскольку 409 год хиджры начинается в понедельник 19 мая 1018 г., указание Илии на 1329 г. можно объяснить только тем, что началом года он считал сентябрь. Если применять такую систему определения года селевкидской эры, Пероз должен был погибнуть в январе 484 г. Путаница в определении года исключается, так как Илия со ссылкой на источник (церковную историю первой половины VIII в. Бэр Сахде) сближает дату гибели Пероза с датой солнечного затмения. По расчётам НАСА, опубликованным на момент написания настоящей работы на страничке *http://eclipse.gsfc.nasa.gov*, солнечное затмение произошло 14 января 484 г., причём его вполне могли наблюдать на Ближнем Востоке (см. Plate 295). Однако все источники сходятся в том, что Пероз погиб в походе против эфталитов. Крайне маловероятно, чтобы такое начинание он предпринял зимой. Поэтому указание Илии Нисибисского в данном случае, скорее всего, неверно. Вместе с тем, вступление на престол Валаша Илия там же датирует 796 годом селевкидской эры, что в общем соответствует приведённым в настоящей работе расчётам.

462 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Даже если Пероз пришёл в власти в самый первый день этого года, с момента смерти Ездигерда II должно было пройти более трёх лет. Это время мы представляем себе довольно слабо, но очевидно, что на него должно было прийтись правление Хормузда III, который на первых порах победил и изгнал Пероза. Но, поскольку Хормузд был «вычеркнут» из истории, сведения о его правлении весьма скупы. Согласно *Шах-намэ*, он правил год и месяц [Ferdowsi's…, 1935. P. 2265], а в некоторых поздних историях протяжённость его правления оценивается в один год [Lubb…, 1783. S. 40; Histoire…, 1843. P. 226; The Ta'ríkh-i-Guzída, 1910. P. 114][68]. Тем самым, правление Хормузда покрывает лишь один год из трёх лет, отделяющих смерть Ездигерда от начала правления Пероза.

При нынешнем уровне знаний мы не можем найти однозначное объяснение этому разрыву в хронологии. Можно лишь предполагать, что восточные авторы ошибаются, и в действительности Хормузд правил не год (или год и месяц), а более, с весны 458 до осени 461 или весны 462 г. – в зависимости от того, когда Пероз, получив помощь от эфталитов, двинулся в поход, чтобы захватить престол.

Обратимся теперь к правлению Кавада. Если считать, что он пришёл к власти в сентябре 488 г., одиннадцатый год его правления должен приходиться на период с 25 июля 498 г. по 24 июля 499 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Согласно выпискам Сергия, в этом году Кавад был свергнут[69], и на престол возвели Жамаспа, который правил четыре года. Однако даже если отсчитывать эти четыре года от конца июля 498 г., мы приходим в конец июля 502 г. Между тем, как будет показано в главе 3 части I, в конце лета или начале осени 502 г. началась война с Византией, а 5 октября войско Кавада подошло к Амиде. При этом Кавад выступил в поход не сразу после

---

[68] Абу-л-Фарадж аз-Зинджани, труд которого был источником для Бируни, полагал, что Хормузд царствовал семь лет [Chronologie…, 1878. S. 127], однако это не вяжется с другими хронологическими ориентирами.

[69] Если правильна гипотеза, высказанная нами в гл. 2 части I на основании сведений об истории иудейских общин Сасанидской державы, свержение Кавада должно было произойти в 498 г.

вступления на престол; он восстановил власть Сасанидов над кадусиями и тморийцами, нашёл компромисс с армянской знатью и предводителями арабов, послал посольство к императору Анастасию, требуя денег[70]. Всё это требовало больше времени, чем несколько месяцев. С другой стороны, если сопоставить выписки Сергия со словами Иоанна Малалы, второе правление Кавада продолжалось тридцать лет и закончилось с его смертью 13 сентября 531 г. Соответственно, Кавад должен был вернуться к власти в середине сентября 501 г. Всё это приводит нас к заключению о том, что сведения сасанидских анналов о правлении Жамаспа были, по всей вероятности, неверно истолкованы их передатчиками. Жамасп пришёл к власти в том году (по зороастрийскому календарю), который считался одиннадцатым годом правления Кавада (25 июля 498 г. – 24 июля 499 г.), и занимал престол до сентября 501 г., лишившись, таким образом, власти на четвёртом году своего царствования. Возможно, именно это последнее создало иллюзию того, что Жамасп царствовал четыре года[71].

Итак, складывается следующая хронология правления предшественников Хосрова:

Царь	Начало правления	Окончание правления
Ардашир I	27 апреля / 1 октября 225 г.	июль-август 240 г.
Шапур I	27 сентября 240 г.	сентябрь 271 г.
Хормузд I	сентябрь 271 г.	сентябрь – начало октября 272 г.
Варахран I	начало октября 272 г.	начало октября 275 г.
Варахран II	начало октября 275 г.	начало октября 292 г.

[70] Об этом более подробно в главах 2 и 3 части I.

[71] Опираясь на тексты источников, мы можем даже попытаться представить себе, как это произошло. В выписках Сергия мы читаем, что Кавад был свергнут на одиннадцатом году своего царствования [Agathiae…, 1828. P. 268]. Затем, однако, Сергий или Агафий, подсчитывая общее время правления Кавада, складывает эти одиннадцать лет с тридцатью годами второго царствования и получает в сумме сорок один год [Agathiae…, 1828. P. 268]. Тем самым, упоминание об одиннадцатом годе было истолковано как указание на одиннадцать полных лет правления. Мусульманские авторы, как указано выше, включали годы царствования Жамаспа в правление Кавада и, соответственно, оперировали количественными, а не порядковыми, числительными.

Варахран III	начало октября 292 г.	начало февраля 293 г.
Нарсе	начало февраля 293 г.	начало июля 300 г.
Хормузд II	начало июля 300 г.	начало декабря 307 г.
Шапур II	декабрь 307 г. или январь 308 г.	декабрь 379 г. или январь 380 г.
Ардашир II	декабрь 379 г. или январь 380 г.	декабрь 383 г. или январь 384 г.
Шапур III	декабрь 383 г. или январь 384 г.	декабрь 388 г. или январь 389 г.
Варахран IV	декабрь 388 г. или январь 389 г.	декабрь 399 г. или январь 400 г.
Ездигерд I	январь 400 г.	январь 421 г. (официально), 5 ноября 420 г. (фактически)
Варахран V	5 ноября 420 г. (официально), 26 апреля 421 г. (фактически)	начало ноября 440 г.
Ездигерд II	ноябрь 440 г.	конец февраля – начало марта 458 г.
Хормузд III	весна 458 г.	осень 461 г. или весна 462 г.
Пероз	осень 461 г. или весна 462 г.	август 484 г.
Валаш	сентябрь 484 г.	сентябрь 488 г.
Кавад	сентябрь 488 г.	между концом июля 498 г. и концом июля 499 г.
Жамасп	между концом июля 498 г. и концом июля 499 г.	сентябрь 501 г.
Кавад	сентябрь 501 г.	13 сентября 531 г.

ЧАСТЬ I
САСАНИДСКАЯ ДЕРЖАВА ДО ХОСРОВА I

ГЛАВА 1
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО САСАНИДСКОЙ ЭПОХИ

Сословная структура общества

Зороастрийские авторы представляют иранское общество разделённым на сословия – *пишаг*-и (ср.-перс. *pēšag*). Это разделение освящалось нормами религии. В трактате «Создание основы» (*Бундахишн*) сообщается, что Заратуштра сделал трёх своих сыновей верховным мобедом[72], главой земледельцев (*wāstaryōš rad*)[73] и предводителем воинов и войска (*artēštār spāh sardār*) [The Bûndahishn, 1908. Ср.-перс. текст, с. 235]. За достоверность этого известия трудно поручиться, однако по нему видно, что в представлениях автора, свойственных, вероятно, и сасанидской эпохе, сословия существовали издревле, и сам Заратуштра подтвердил их законность. Каждому сословию покровительствовал особый священный огонь, о чём можно судить по толкованию сна Папака в «Книге деяний Ардашира Папакана». Священный огонь Фарнбаг должен был даровать усыновлённому Папаком Ардаширу мудрость лучших людей, то есть магов (*meh mardān i mōġmardān*), Гушасп – помощь воинов (*artēštārān*) и военачальников (*spāhbadān*), Бурзин-Михр – поддержку крестьян (*wāstaryōšān*) и земледельцев (*warzkardārān*) [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 2–3; ср. The Persian Rivayats… 1932. P. 60].

В истории древнего мира и средневековья можно найти немало примеров, когда мыслители считали сословное деление общества его нормальным состоянием, обусловленным естественным разделением функций между его членами [См. напр. История Европы, 1992. С. 268; Marseille J., 2002. P. 251–252]. У

---

[72] В тексте – [illegible]. Видимо, переписчиком допущена ошибка, и [illegible], помещаемое в самом конце, следует перенести в форму [illegible] так, чтобы получилось [illegible]. Принимая эту форму, мы имеем *asrawan mowbedān mowbed būd*, т.е. «был священнослужителем мобедан-мобедом» (т.е. верховным мобедом).

[73] О смысле понятия *вастарйош* см. ниже.

зороастрийских авторов общество уподобляется человеческому телу, где каждое сословие играет роль определённого органа. В *Динкард*-е это представляется так:

«… в человеческом теле главная часть, голова – священнослужители, [они –] над руками, которые суть воины, утробой, т.е. крестьянами, и ногами, т.е. ремесленниками; [таково и] устройство мира: священнослужители занимают положение головы, превосходное и высшее, над воинами, которые суть руки, крестьянами, т.е. утробой, и ремесленниками, т.е. ногами мира» [The Dinkard, 1874. Ср.-перс. текст, с. 38; The Complete Text…, 1911. Part I, P. 34][74].

Каждому сословию сословию отводились особые знания [The Dinkard, 1874. Ср.-перс. текст, с. 23–25; The Complete Text…, 1911. P. 21–24] и сфера деятельности. В *Динкард*-е мы находим и полное описание сословий и их общественных функций:

«Наилучшее дело, более [всего] уничтожающее ложь и достойное дара праведности в миру – то, которым среди четырёх сословий маздеистской религии [занимается] высшее из них – сословие священнослужителей; они служат божествам, наставляют, научают суждениям о вере, судят и делают иное что присуще священнослужителям.

[Удел] воинов – [служба] в коннице и пешем войске и прочее что присуще воинам.

[Удел] крестьян – умелый выпас скота и прочее что присуще простолюдинам.

[Удел] ремесленников – добывать хлеб и заниматься низкими делами, а также [делать] иную работу, присущую ремесленникам […]

А наиболее низкое и малопочтенное занятие – торговля; она – последнее дело податного сословия»[75] [The Dinkard, 1876.

---

[74] *Ēwak az-č tan i mardōm mehīh sar asrawanīh abar dast i artēštārīh ud aškom i wāstaryōšīh ud pāy hūtuḫšīh ud gēhān nīmūdārīh sar ud mehīh-i-abartarīh i asrawanīg abar sar abar artēštārīh abar dast ud wāstaryōšīh i abar aškom ud hūtuḫšīh i abar pāy-i-gēhān.*

[75] *Ud meh kār ān i drōž-wānīdārīhātar ud gēhān ahlayīh frāy dahišnšāytar ān-i andar čahār pēšag-i-dēn māzdēst andar asrawanīh pēšagān abartōm yazišn i yazdān čahšišn ud ušmurišn-i-dēn-wizīrīh ud dādwarīh kardan ud abārīg asrawanīg. Ud andar artēštārīh aswārān ud paygīh ud abārīg*

Ср.-перс. текст, с. 66; The Complete Text…, 1911. P. 59–60; ср. Shikand-Gûmânîk..., 1887. Ср.-перс. текст, с.183–184][76].

К обоим процитированным текстам следует отнестись критически. Даже если принять во внимание рост влияния зороастрийских священнослужителей в сасанидскую эпоху (об этом см. ниже), они не имели тех главенствующих позиций, которые им приписывают авторы. Представляется, что оба текста были созданы в среде священнослужителей и отражают прежде всего их социальные идеалы.

Но эти тексты нельзя считать чисто теоретическими построениями. В источниках упоминаются «предводители сословий». В рассказе о событиях середины V в. ат-Табари называет предводителей сословия воинов и податного сословия (*артештаран-салар* и *вастарйошан-салар* соответственно) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 869]. *Артештаран-салар* появляется затем в известиях о правлении Кавада у Прокопия Кесарийского [Procopius, 1914. P. 90–91, 94–95][77], а *вастарйошан-салар* – в списке сановников Сасанидского государства у ал-Масуди [Kitâb..., 1894. P. 104][78]. В юридическом трактате сасанидского времени «Книга тысячи решений» (*Mādigan-i-hazār dādastān*) упоминается «предводитель сословия» (*pēšag-sardār*) [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 30–31], хотя это слово кажется скорее общим понятием, чем определённым званием.

---

artēštārīg. Ud andar wāstaryōšīh dahīh-i-pasūšhōrwarīh ud abārīg wāstaryōšīg. Ud andar hūtuḫšīg hūtuḫšīh nānīgīh ud ḫ(w)āhrīgarīh abārīg hūtuḫšīg kār […] Ud frōd ud nīdōm-i-kārān-i-wāzāragānīh pasōm kār-i-andar wāstaryōšīh pēšag. Особого внимания заслуживает перевод *wāstaryōšīh pēšag* последней фразы. Слово *wāstaryōš* значит «крестьянин». Но, как показано в тексте, в административном отношении к *вастарйош*-ам относились все кто не принадлежал к воинам или духовенству и жил своими трудами, т.е. крестьяне, ремесленники и купцы. Поскольку в последней фразе торговцы выделяются из общей массы *вастарйош*-ей, есть все основания полагать, что здесь слово *wāstaryōšīh* означает податное сословие в целом.

[76] Похожий текст, хотя и без упоминания о торговцах, обнаруживается также в другом среднеперсидском источнике – трактате «Суждение духа разума» (*Dādastān-i-mēnōy-i-ḫrad*) [The Dînâ..., 1895. P. 49–50].

[77] У Прокопия этот титул передан в искажённом виде – ἀδρασταδάραν σαλάνης.

[78] Это упоминание более подробно рассматривается ниже.

– Царь и знать (воины)

– Царь

Главенствующая роль принадлежала сословию воинов. Формально к нему принадлежал и царь. На это указывает сохранившаяся в некоторых восточных источниках, принадлежащих, заметим, к разным традициям, легенда о том, что Хосров Ануширван должен был сам, при оружии, являться на смотр и получал жалование как воин [Ferdowsi's…, 1935. P. 2321–2324; Annales..., 1964. Ser. I, P. 964–965]. На деле, однако, царь стоял над всеми сословиями. Процитированный выше фрагмент «Книги тысячи решений» гласит, что «принимать решения предводителю сословия не положено, разве что по указу правителей» [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 30–31]. Царь обладал абсолютной властью над подданными и мог решать вопросы их жизни и смерти.

В известном смысле сасанидский царь обожествлялся, хотя этот вопрос требует отдельного изучения. В официозе Сасаниды именовались «богами» (ср.-перс. *bag* или *baġ*), что фиксируется и в надписях, и на монетах, и в нарративных источниках. Этот эпитет, кажется, сохранялся за ними неизменно. Например, хотя на монетах Пероза, данные по которым были доступны автору этих строк, царь – видимо, в подражание легендарным правителям Ирана – именуется лишь *кей*-ем [Mordtmann A. D., 1853. S. 73–75; Valentine A., 1921. P. 54; Цоцелия М. В., 1981. С. 82–99; Khurshudian E., 2002. P. 59], на его печати сначала помещено стандартное *mazdēsn bag(ġ)* и лишь затем «*кей* Пероз» [Daryaee T., 2005. P. 195]. В «Книге тысячи решений» Хосров Ануширван, равно как и его сын и наследник Хормузд IV, называется *bag* [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 226–227, 320–321].

Можно возразить, что слово *bag* (*baġ*) многозначно; его можно толковать и как «бог», и как «господин» или «властелин» [Faravashi B., 1967. P. 66; Nyberg H. S., 1974. P. 42]. Однако, перевод «бог» вернее, так как лучше соответствует тому, какое значение вкладывалось в это понятие в сасанидские времена. В греческих текстах надписях Сасанидов стандартной для официоза среднеперсидской формуле *mazdēsn bag* соответствует греческое Μασδα(α)σνης θεὸς [Herzfeld E., 1924. P. 84, 86;

Maricq A., 1958. P. 305], т.е. «маздеистский бог». Следы представлений о «божественном» статусе царя сохранились в литературе Христианского Востока сасанидского времени. Наиболее характерен пример из «Повествования о блаженном Симеоне (Шимоне) Бэр Сэббаэ» (*Tâš'ī̱tā ḏ-ṭūbanā Šim'ōn Bâr Ṣâbba'ē*), где приводится переложение послания Шапура II к наместникам. Этот фрагмент приводится ниже, в разделе, посвящённом истории христианских общин Сасанидской державы. В нём Шапур, употребляя «множественное монархическое» число, называет себя буквально «мы, боги» (*âlahē*). В истории другого мученичества времён Шапура II епископ Кашкара Эвда заявляет в полемике с сасанидскими сановниками, что Шапур – не бог, а человек [Assemani S. E., 1743. P. 155; Acta..., 1891. P. 340], из чего можно представить себе, какую позицию отстаивали его оппоненты. В «Романе о Юлиане[79]» – литературном произведении, созданном в первые десятилетия после похода на Персию римского императора Юлиана Отступника (363 г.), посол Шапура II к римлянам называет своего повелителя «великим зороастрийским царём» и «достойным почитания богом» (*âlahā yâqīrā*) [Iulianos…, 1880. S. 182]. Согласно «Арбельской хронике», Ардашир I считался царём царей и богом (*âlahā*) [Sources…, 1908. P. 31]. Для последующих времён ценнейшее свидетельство даёт Менандр Протектор, который приводит текст письма Хосрова I к византийскому императору Юстиниану (527–565), где царь именует себя «божественным» (θεῖος) [Dexippi…, 1829. P. 353], т.е. *bag*.

В пользу интерпретации *bag* (*baġ*) как «бог» говорит и следующая часть официального эпитета царя – *az čihr-i-yazdān*, т.е. «от семени божеств». В греческих текстах надписей Сасанидов этому соответствует ἐκ γένους θεῶν [Herzfeld E., 1924. P. 84, 86; Maricq A., 1958. P. 305] с тем же значением. Интересно, что и здесь мы находим параллели в литературе Христианского Востока. В одном из мученичеств в уста Шапура II вкладываются следующие слова, обращённые к христианам:

«Разве вы не знаете, что я – от семени богов (*zrī'ā ... ḏ-âlahē*)?» [Assemani S. E., 1743. P. 227; Acta..., 1891. P. 53].

Нельзя сказать, что сасанидский царь был богом в полном смысле этого слова. Судя по источникам, ему не приписывали

[79] Т.е. императоре Юлиане Отступнике (361–363).

никаких сверхъестественных качеств, он не был введён в зороастрийский пантеон. Кажется, наилучшее представление о «божественном» статусе сасанидского царя даёт приводимый у Феофилакта Симокатты текст послания Хосрова II к узурпатору Варахрану (Вахраму) Чубину. В начале послания перечисляются эпитеты царя, среди которых – «достойный и вечный человек среди богов» (ἐν θεοῖς ... ἄνθροπος ἀγαθὸς καὶ αἰώνιος) и «величественнейший бог среди людей» (ἐν ... τοῖς ἀνθρώποις θεὸς ἐπιφανέστατος) [Theophylacti…, 1834. P. 175]. Безусловно, в этих словах виден скорее стиль образованного византийца чем автора официального сасанидского письма, однако суть, кажется, отражена верно. Сасанидский царь был человеком по отношению к богам, но для людей приравнивался к божеству. Как человек царь получал власть от богов, что видно по сасанидским рельефам, а также упомянутому выше письму Хосрова [Dexippi…, 1829. P. 353]. В человеческом обществе статус бога и потомка богов создавал для царя легитимность власти. Поэтому прямой перевод *bag* (*baġ*) как «бог» применительно к сасанидскому царю был бы не вполне верен. Правильнее – «божественный», как мы и будем переводить далее.

Царская власть была наследственной и, как правило, переходила от отца к старшему сыну. Для эпохи, предшествующей правлению Хосрова Ануширвана, об этом прямо говорит Зосим (жил в конце V – начале VI в.). По его словам Хормузд, сын и наследник Хормузда II, не вступил на престол вследствие противодействия придворных[80],

«… хотя закон (ὁ νόμος) давал власть над всем старшему из сыновей царя» [Zosimus, 1837. P. 160].

Этот «закон», под которым следует, видимо, понимать укоренившуюся политическую традицию, применялся и далее.

Особого внимания заслуживает вопрос о столице сасанидских царей. Обыкновение парфянских Аршакидов жить зимой в Ктесифоне, а лето проводить на севере, в Мидии (именно – в Хамадане) или Гургане [Flavii Josephi…, 1865. Vol. I, P. 732; The Geography…, 1930. P. 218–219], в общем и целом сохранилась и в сасанидское время, хотя необходимо сделать ряд оговорок. Одержав победу над парфянами и закрепившись в Ктесифоне, Ардашир I основал на западном берегу Тигра, рядом с

[80] Об этих событиях см. ниже.

Селевкией, город Вех-Ардашир («лучше [сделал] Ардашир»). Хотя, судя по названию, новый город должен был превзойти прежнюю парфянскую столицу и занять её место, мы знаем, что сасанидские цари бывали там далеко не всегда[81]. В начале

[81] Ал-Масуди утверждает, что Вех-Ардашир был резиденцией сасанидских царей до правления Шапура II, когда столицу перенесли за Тигр [Maçoudi, 1863. P. 186]. Но Шапур I, кажется, тяготел к построенному им Гундишапуру, который называли также *Вех-аз-Андив Шапур* («лучше Антиохии [сделал] Шапур») [Hamzae…, 1844. P. 48; Annales…, Ser. I, P. 831]. Варахран I тоже какое-то время жил в Гундишапуре, где и приказал бросить в темницу Мани [Polotsky H. J., 1934. S. 45–46]. Согласно *Фарс-намэ*, из Гундишапура правили Варахран II, Варахран III и Нарсе [The Fársnáma..., 1921. P. 65–66]; это подтверждается сообщением «Сиртской хроники» о том, что Варахран II в начале своего царствования жил в Хузестане [Histoire…, 1907. P. 237]. Мусульманский автор конца X в. ал-Мукаддаси сообщает, воспроизводя, очевидно, местные предания, что Гундишапур в древние времена был столицей царей [Descriptio…, 1906. P. 405]. Кроме того, Хормузд I построил так называемое «царское имение» на пути в Хамадан (около нынешней ал-Микдадиййи к северо-востоку от Баакубы); в дальнейшем оно было резиденцией Сасанидов по крайней мере в зимнее время. В «Сиртской хронике», а также в трудах мусульманских авторов оно именуется *Daskarat al-malik* [Hamzae…, 1844. P. 49; Histoire..., 1900. P. 499; Histoire…, 1907. P. 273; The Fársnáma..., 1921. P. 64; Yāqūt…, 1957. T. II, P. 455; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 654; Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 69]. Арабское *daskara* представляет собой передачу персидского *dastkard* в значении «имение» (см. ниже). Название «царское имение» фигурирует в рассказе об одном из церковных соборов, имевшем место в 423 или 424 г., где мы находим упоминание о епископе *Dasqartā ḏ-mâlkā* [Synodicon…, 1902. P. 44, 287]. В персидском языке этому названию соответствовала бы форма *dastkard-i-šāh*. Вполне возможно, что именно её, хотя и в искажённом, появившемся в результате неверной записи со слуха, виде (Δασταγερχοσὰρ), мы видим в известии «Пасхального хроникона» о дворце Хосрова II [Chronicon…, 1832. P. 729]. Географы исламского времени сообщают о ещё сохранявшихся там сасанидских дворцах [Kitâb al-Aʿlâk…, 1892. P. 163–164, 270; Abū-Dulaf…, 1955. P. 46–47, ар. текст, с. 15]. То, что «царское имение» было зимней резиденцией, явствует из слов мусульманского географа X в. ал-Истахри, который пишет: «Говорят, что царь пребывал там в течение одного времени года, и поэтому оно было названо “царским имением”» [Viae…, 1927.

правления Шапура II его резиденция из-за нападений арабов (об этом см. ниже) была перенесена на восточный берег Тигра [The Fársnáma…, 1921. P. 21], где для царя отстроили дворец [Maçoudi, 1863. P. 186; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 659]. Хамза ал-Исфахани, который, как показано выше, основывался на переложении сасанидских дворцовых анналов, пишет, что Шапур до тридцати лет правил из Гундишапура, а затем перенёс свою столицу в Ктесифон, где оставался до конца жизни [Hamzae…, 1844. P. 52]. Хотя, согласно многим источникам, Шапур часто пребывал и в других городах[82], по происходившим в его время

P. 87] (летняя резиденция, как будет показано далее, находилась в Мидии). Между тем, обстоятельства могли сложиться и по-другому. В конце III в. царь Нарсе во время мятежа (о нём см. ниже) укрылся в некоем *дасткард*-е, о чём упомянул в своей надписи [Herzfeld E., 1924. P. 95]. Представляется весьма вероятным, что речь идёт о «царском имении». Согласно Феофану Исповеднику, в VII в. Хосров II сделал «царское имение» своей главной резиденцией и вообще не появлялся в Ктесифоне [Theophanis…, 1839. P. 494].

[82] В ряде источников, относящихся к Шапуру II или его времени, резиденцией царя называются Сузы. Из современников Шапура софист Ливаний, друг императора Юлиана Отступника (361–363), называет Сасанидскую державу «царством тех, кто в Сузах» [Libanii…, 1904. P. 342], а Аммиан Марцеллин сообщает, что в Сузах часто жили цари [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 364–365]. Некоторые мусульманские историки рассказывает, что Шапур провёл последние годы жизни именно в этом городе [Histoire…, 1900. P. 531; Eutychii…, 1906. P. 134; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 659]. Между тем, в мученичестве Милита сообщается, что вельможи Суз составили заговор против Шапура, и тот в ответ послал усиленное тремя сотнями слонов войско, которое перебило жителей и сровняло с землёй город, который пребывал в разрушенном состоянии и во время создания произведения [Assemani S. E., 1743. P. 70; Acta…, 1891. P. 264–265]. Очень похожие сведения сообщает Хамза ал-Исфахани, который тут же говорит, что они относятся к Сузам (называемым также عكبراوازان خرّه شابور – эта форма, не поддающаяся интерпретации, кажется искажением приведённого ниже написания, встречающегося у ат-Табари) или к другому, не названному, городу поблизости от них. Далее прибавляется, что в новый город были переселены пленники-ромеи [Hamzae…, 1844. P. 52–53]. Основываясь на похожих сведениях, ат-Табари пишет, что Шапур II построил в Хузестане два города – Карх (с иранским названием إيران خرّه شابور, *Ērān-ḫwarrag Šāpūr*) и Сузы [Annales…, 1964. Ser. I, P. 839–840]. Этот Карх следует отождествить с

и позднее событиям видно, что столицей считался Ктесифон. Именно он был главной целью Юлиана Отступника в его походе 363 г. Показательны также события, связанные со смертью Ездигерда I. Его сын Шапур, узнав о болезни отца, прибыл к нему в Ктесифон [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 198]. Затем, после смерти Ездигерда I его сын Варахран (будущий царь Варахран V Гор) вместе со своими лахмидскими союзниками предпринял поход на Ктесифон для захвата власти [Histoire…, 1900. P. 550; Ал-Ахбар…, 1960. С.50; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 934; Annales..., 1964. Ser. I, P. 858–859][83]. О последующих временах информации меньше, но и имеющиеся сведения указывают на то, что столицей был Ктесифон. Армянский историк V в. Егишэ, повествуя о Ездигерде II, называет Тизбон, т.е. Ктесифон, его городом [Егишэ, 1971. С. 28]. Согласно одной из легенд, которую приводит Ибн ал-Факих, Кавад, закончив межевание земель и обложение населения податями, воссел в Ктесифоне [Compendium…, 1885. P. 212]. Между тем, по словам ал-Якуби, Ктесифон стал столицей лишь при Хосрове I, тогда как прежде ей был Истахр [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 201]. Это утверждение контрастирует едва ли не со всем сказанным выше. Поэтому слова ал-Якуби следует, видимо, истолковывать в том смысле, что в правление Хосрова значение Ктесифона как

Кархой-з-Ледан, о которой в мученичестве Пусига сообщается, что царь очень любил её и переселил туда пленных из различных народов [Acta…, 1891. P. 209]. Таким образом, по нарративным источникам можно заключить, что после карательной экспедиции и разорения Сузы пришли в упадок, и их место заняла отстроенная Карха-з-Ледан, которая официально называлась *Иран-хварраг-Шапур*. К таким же выводам, но на основании изучения археологических материалов, монетных находок и печатей, пришли Р. Гизелен и Г. Гаше [Gyselen R., 1994. P. 21–35]. Стало быть, возможно, что Аммиан Марцеллин и Ливаний, а также мусульманские авторы, на которых мы ссылаемся выше, фактически говорят не о Сузах, а о Кархе-з-Ледан, где Шапур действительно бывал. В одном из мученичеств христиан периода его правления мы находим эпизод, в котором царь переезжает из Гундишапура в Карху-з-Ледан [Acta…, 1891. P. 339]. Не исключено, что Шапур провёл какое-то время и в Истахре, о котором автор *Фарснамэ* сообщает, что в начале правления царя этот город был его столицей [The Fársnáma..., 1921. P. 68].

[83] Эти события подробнее разбираются ниже.

столицы ещё более возросло – видимо, благодаря частому присутствию монарха.

Как и Аршакиды, Сасаниды проводили жаркое время года на севере своих владений. Римский автор Аммиан Марцеллин (род. ок. 330 г., ум. после 390 г.) называет Мидию «богатейшим обиталищем царей» [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 366–367]. В одном сирийском мученичестве, которое, к сожалению, не содержит однозначных хронологических указаний, мы читаем, что Ездигерд I или Ездигерд II выехал из Селевкии и Ктесифона, как обычно делал в летнее время [Hoffmann G., 1880. S. 36; Acta…, 1894. P. 175; Braun O., 1915. S. 145]. Для более поздних времён сообщается, что Хормузд IV жил зимой в Ктесифоне, а летом в Мидии [Histoire…, 1896. P. 435; Ал-Ахбар…, 1960. С. 78], Хосров II уезжал на летнее время в Мидию [Histoire…, 1896. P. 517], проводил зиму в Ктесифоне, а лето – между Ктесифоном и Хамаданом [Annales…, 1964. Ser. I, P. 1041][84], а его сын Кавад II Широй умер на пути в Хульван, т.е. на север от Ктесифона, куда направлялся, чтобы провести лето, «по обычаю царей персов» [Histoire…, 1983. P. 553][85]. Поздний географ-компилятор Закария Казвини (1203–1283) писал:

«Сасанидские цари (*al-akāsira*) сделали её (Мидию. – *Д. М.*) себе местом летнего пребывания, так как в ней хороший воздух, и она свободна от [свойственных] Ираку жаркого ветра (*samūm*), теплоты воды, обилия мух, зыбучих песков и насекомых» [Zakarija…, 1848. S. 228].

– Сасанидская знать

Сасаниды: шахрдар-ы, васпур-ы и пр.

В среде сасанидской знати выделяются несколько разрядов, которые, вместе с их иерархией, можно восстановить по надписям первых царей династии. В надписях Шапура I (в Хаджиабаде) и Нарсе несколько раз упоминаются разряды знати, при-

---

[84] При изучении данного сообщения необходимо, разумеется, учитывать рассмотренное в прим. 81 указание Феофана Исповедника на то, что Хосров II жил в «царском имении» и не появлялся в Ктесифоне.

[85] Учитывая временные рамки правления Кавада II (см. Введение), мы вправе считать, что речь идёт скорее о его возвращении из Мидии.

чём последовательность их всегда неизменна: *шахрдар*-ы (*šahrdārān*), т.е. правители областей – *васпур*-ы (*wāspūhrān*) – *вузург*-и (*wuzurgān*) [Herzfeld E., 1924. P. 87, 109, 117]. В свете этой закономерности интересно проанализировать надпись Шапура I на «Каабе Заратуштры» в Накш-и-Рустаме, которая содержит списки сановников как его самого, так и его отца Ардашира I и деда Папака. В этих надписях первыми после царя неизменно упоминаются правители крупных областей – Авринака[86], Мерва, Кермана и Систана (список приближённых Ардашира I), Адиабены, Кермана и Ивирии, а также царица Месены[87] (список приближённых Шапура I) [Sprengling M., 1953. P. 18–19; Maricq A., 1958. P. 322–323, 326–327]. В перечне сановников Ардашира они помещаются перед Динак, «царицей цариц», сестрой и (если учитывать брачные обычаи персов сасанидского времени) женой царя. По столь возвышенному положению можно заключить, что эти люди принадлежали к роду Сасанидов. Это подтверждается как аналогией с самой надписью Шапура I, где среди Сасанидов называются цари Гиляна, Месены, Армении, царь и царица Систана, а также дети царей Армении, Месены и Систана [Sprengling M., 1953. P. 17–18; Maricq A., 1958. P. 322–323, 326–327], так и с некоторыми данными нарративных источников. От ат-Табари нам известно, что Ардашир I ещё до решающего сражения с парфянами назначил наместником Кермана своего сына и тёзку [Annales..., 1964. Ser. I, P. 817].

Обыкновение Сасанидов назначать родственников правителями областей сохранялось и впоследствии. Из предшественников Хосрова Ануширвана двое – Варахран III и Варахран IV, взойдя на престол, сохраняли за собой в качестве почётных имён прежние титулы наместников – *саган-шах* (правитель саков, т.е. Систана) и *керман-шах* (правитель Кермана) соответственно. Эти почётные имена попали в сасанидские анналы, а оттуда, через посредство Сергия – в историю Агафия Миринейского. Последний, комментируя почётное имя *саган-шах* применительно к Варахрану IV, указывал на политическую традицию Сасанидской державы:

---

[86] Область Нишапура (в сасанидские времена – Абаршахр), которая в *Бундахишн*-е фигурирует как Аварнак [Pahlavi Texts…, 1880. P. 139].
[87] Район низовьев Евфрата до впадения его в Персидский залив.

«Ведь цари персов, когда они, поведя войну против большого народа из живущих поблизости, сокрушают его и захватывают его земли, не убивают побеждённых, но, обложив их податями, оставляют их жить на завоёванной земле и обрабатывать её, однако самым ужасным образом уничтожают прежних правителей [этого] народа и раздают своим сыновьям властные титулы – для памяти, как я думаю, а также для того, чтобы кичливо похвалиться победой» [Agathiae…, 1828. P. 260–261].

С этой традицией мы столкнёмся и при рассмотрении эпохи, предшествующей правлению Хосрова Ануширвана. Дед Хосрова Пероз, как мы увидим далее, какое-то время управлял Систаном.

Вопрос о следующем разряде, *васпур*-ах, несколько сложнее. В литературе нередко встречается утверждение, что к ним относились Сасаниды и представители крупнейших аристократических родов. Соответственно, к *васпур*-ам помимо Сасанидов причисляются семь крупнейших аристократических родов, о которых упоминает Феофилакт Симокатта [Theophylacti…, 1834. P. 153–154; Christensen A, 1907. P. 23–29; Herzfeld E., 1924. P. 170–173; Christensen A., 1944. P. 103–110; Chaumont M.-L., 1960. P. 356].

При всём уважении к авторитету специалистов, труды которых процитированы выше, мы не имеем оснований поддержать эту точку зрения. В надписи Нарсе *васпур*-ами называются только Нарсе, прямо причисляемый к Сасанидам и, возможно, тождественный с царевичем Адур-Нарсе (о нём см. ниже), и Пероз, который стоит перед ним и, соответственно, тоже должен принадлежать к правящей династии [Herzfeld E., 1924. P. 99]. В кратком пехлевийском тексте «Похвальное слово с выказыванием уважения к трапезному столу» (*Abar stāyēnīdārīh-i-sūr afrīn*), известном также как «Застольное слово» (*Sūr saḫ(w)an*), где приводится список первых лиц Сасанидского государства, *пус-и-васпур* определённо означает наследника престола, т.е. принца из правящего рода [The Pahlavi Texts, 1913. P. 157]. В «Слове в память о Зарире» (*Ayādgār-i-Zarērān*), которое, кажется, отражает положение дел аршакидского или раннесасанидского времени, *васпур*-ом именуется сын царя Виштаспы [The Pahlavi Texts, 1913. P. 11–12]. Если среднеперсидское *wāspūhr* передавалось пехлевийскими идеограммами как *bâr bâytā* (по-сирийски – отпрыск дома, т.е. рода), то к

васпур-ам будут отнесены упомянутые в списках приближённых Шапура I Валаш, два Сасана и два Нарсе, которые, судя по их более высокому положению по отношению к *бидахш*-у и *хазарбад*-у[88], были Сасанидами [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 326–327]. В другом перечне, где фигурируют члены правящего рода, мы находим *васпур*-ов Пероза и Нарсе [Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 320–321]. Тем самым, все *васпур*-ы, которых можно идентифицировать по источникам, относятся к Сасанидам. Более того, как мы увидим далее, в представителях крупнейших аристократических родов правомернее видеть *вузург*-ов. Поэтому до появления новых источников *васпур*-ов следует идентифицировать с членами правящего рода.

В первые века существования Сасанидской державы представители царского рода занимали и важнейшие государственные должности. При Ардашире I и Шапуре I высшими сановниками считались *бидахш* и *хазарбад*. Обе эти должности были военными. *Бидахш*, как показывает очевидная аналогия с *vitaxa* и *magister equitum* Аммиана Марцеллина [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 356–357], был командиром конницы. *Хазарбад*, судя по названию должности, был тысячником, т.е., видимо, командиром некоего элитного подразделения. В списке приближённых Ардашира I они следуют за «царицей цариц», сестрой и женой царя, в перечне сановников Шапура I – за принцами из царствующего рода. Кем были они сами? Надписи не дают ответа, однако предложить его можно, кажется, на основе изучения их имён. Суммируя данные надписей, мы имеем:

должность / правление царя	Ардашир I	Шапур I	Нарсе
Бидахш	Ардашир	Шапур	Папак
Хазарбад	Папак	Папак	Ардашир

[Herzfeld E., 1924. P. 97, 99; Sprengling M., 1953. P. 18–19; Maricq A., 1958. P. 322–323, 326–327].

Нетрудно заметить, что все указанные имена типичны для Сасанидов, причём уже со времён Ардашира I. Это важно в

[88] О *бидахш*-е и *хазарбад*-е см. ниже.

следующем отношении. При Шапуре I мы видим представителей ведущих парфянских родов, названных по имени основателя Сасанидского государства. Представители великих парфянских родов Варазов, Суренов и Каренов носят имя Ардашир [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 326–327]. Это контрастирует со списком сановников Ардашира I, которые в основном ещё носят нетипичные для Сасанидов имена (например Дин или, в другом прочтении, Дихин Вараз, Пероз и Гук, или Гоок, Карены). Мы, правда, уже видим Сасана Сурена [Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 322–323], но Ардашира в числе отпрысков великих парфянских родов пока нет. Видимо, лишь после утверждения власти Ардашира представители великих родов из верноподданничества стали называть его именем своих детей. Поэтому при Ардашире и *бидахш* Ардашир, и *хазарбад* Папак были, скорее всего, родственниками царя, т.е. Сасанидами. Это соответствует логике вооружённой борьбы за объединение Ирана: Ардашир I опирался на ближайших родственников, которых назначал правителями областей. Впоследствии, опять-таки, судя по именам, эта традиция продолжилась при Шапуре I и Нарсе.

То же самое можно, видимо, сказать о должности *аргабад*-а (букв. – комендант цитадели[89]), хотя сведения источников о ней не вполне ясны. В надписях ранних Сасанидов мы не находим *аргабад*-а среди приближённых Ардашира I и Шапура I. Ат-Табари упоминает о том, что при Ардашире I некий Ибн Сам (إبن سام), занимал должность هرجند [Annales..., 1964. Ser. I, P. 823], что, очевидно, следует читать как هرجبد (*harǧabad*). В «Ибн Саме» легко угадывается Абурсам (أبرسام) Ардашир-хварр, которого мы встречаем у ат-Табари в другом фрагменте, где сообщается, что Ардашир I ещё в самом начале своего правления, задолго до победы над парфянами, назначил Абурсама, сына Рахфара[90], визирем [Annales..., 1964. Ser. I, P. 816]. Абурсам принадлежал к персидской знати и, судя по всему, был ближайшим соратником Ардашира[91]. Он фигурирует в списке при-

---

[89] От среднеперсидского *arg* (цитадель).

[90] «Ибн Рахфар» ат-Табари – очевидно, искажённое *Ардашир-хварр*.

[91] По рассказу ат-Табари, Ардашир назначил Абурсама «визирем» сразу после победы над братьями и коронации, т.е. ещё в то время, когда под его властью были только Дарабгерд, Истахр и соседние

ближённых Ардашира I в надписи Шапура I на «Каабе Зратуштры», но не как *аргабад* [Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 322–324]. В надписи Нарсе *аргабад* с характерным для Сасанидов именем Шапур дважды ставится перед царевичем по имени Нарсе[92] [Herzfeld E., 1924. P. 97, 101]. Возможно, ат-Табари основывается на не совсем достоверном источнике (за это говорит и то, что графические формы в его тексте искажены), и его слова об *аргабад*-е и «визире» означают лишь то, что Абурсам был высокопоставленным сановником. Точно так же один потомок Абурсама, живший в IX в., считал его «великим *фрамадар*-ом» (об этой должности см. ниже), визирем и управляющим делами (*ṣāḥib amr*) Ардашира [Муджам аш-шуара…, 1982. С. 286]. Если так, первым известным *аргабад*-ом остаётся Сасанид Шапур. Если же ат-Табари прав, следует предполагать, что Нарсе пожаловал должность *аргабад*-а фавориту из правящего рода. В какой-то мере это подтверждается сообщением Петра Патриция (см. гл. 3 части I) о переговорах царя Нарсе с римлянами, из которого явствует, что *аргабад* (ἀρχαπέτος) входил в число самых доверенных приближённых царя [Dexippi…, 1829. P. 135].

Сосредоточив в своих руках высшую политическую власть, Сасаниды одновременно были крупными землевладельцами. Балами писал, отступая от текста ат-Табари, что Ардашир I во время борьбы за объединение Ирана сделал область Истахра своим личным владением (*ṣāfī*) [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 883]. Ат-Табари упоминает о землях царского рода (*ṣāfīya*, мн.ч. *ṣawāfī*) между Кадисией и Хульваном и на всём пространстве от Хульвана до Ирака [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2469, 2471]. Южнее владения Сасанидов обнаруживаются в Саваде [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2471], районе Басры и землях, распо-

---

местности. Вскоре после этого Абурсам защищал построенный Ардаширом город Ардашир-хоррэ от правителя Хузестана, посланного Артабаном IV. Согласно другому сказанию, именно Абурсаму, именуемому *аргабад*-ом, была поручена деликатная миссия казни дочери парфянского царя [Annales…, 1964. Ser. I, P. 816–817, 823]. Это явно легенда, но показательно, что именно Абурсама восточный рассказчик считает тем, кому Ардашир мог дать такое поручение.

[92] Скорее всего, имеется в виду Адур-Нарсе (см. ниже).

ложенных в нижнем течении Тигра[93] [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2539–2540]. Известия ат-Табари хорошо согласуются со словами некоторых более поздних авторов, согласно которым халиф Усман (634–644) сделал земельные пожалования в Ираке из бывших владений Сасанидов [Yāqūt, 1957. T. V, P. 286; Китаб ал-ахкам…, 1989. С. 251][94].

Вузург-и

За Сасанидами в иерархии шли другие представители знати, обозначаемые терминами *вузург*-и (*wuzurgān*, буквально – великие), *азад*-ы (*āzādān*) и *кадагх(в)адай*-и (*kadagḫ(w)adāyān*). В надписях Шапура I (в Хаджиабаде) и Нарсе *вузург*-и неизменно стоят выше остальных [Herzfeld E., 1924. P. 87, 95, 97, 103, 109, 113, 117]. Уже этот факт даёт основание заключить, что к *вузург*-ам относились представители наиболее богатых и знатных родов.

Упоминания о таких родах обнаруживаются в источниках, хотя и в довольно специфической форме. Феофилакт Симокатта пересказывает слова одного перса, который, по его словам, был священнослужителем и приобрёл огромный опыт в составлении царских пергаментов:

«Он (перс. – *Д. М.*) говорил также, что у мидийцев дела, требующие наибольшей мудрости и самые почётные, вверены семи родам и отданы им в наследственные уделы по старинному закону, а иные [роды] отстранены от дел, и что род, называемый Артавидами, управляет царством[95] и возлагает на царя диадему,

---

[93] Точнее определить не удаётся. Во фрагменте, на который сделана ссылка, сообщается, что владения «рода Хосрова» (*āl Kisrā*) находились между Тигром и ал-Хаджром *(al-Ḥağr*), под которым в данном контексте может пониматься только центр Йемамы [Al-Hamdânî's…, 1884. S. 161; Descriptio..., 1906. P. 94]. Но едва ли у Сасанидов были владения в той области. Поэтому более вероятно, что ат-Табари рассказывает о землях, расположенных вблизи нижнего течения Тигра. Это косвенно подтверждается и тем, что далее упоминаются владения Сасанидов в районе Басры.

[94] Якут ссылается на историка арабских завоеваний ал-Уакиди (ум. в 822 г.), что, несомненно, делает его сообщения более достоверными.

[95] В тексте – τὴν βασιλείαν κατέχειν, что можно переводить и как «обладает царской властью». Доводы в пользу предлагаемого перевода изложены ниже.

другой предводительствует над войском, ещё один облечён заботами о государстве, ещё один разрешает споры тех, кто восстаёт [друг на друга] и нуждается в судье, пятый командует конницей, следующему предназначено собирать подати и заведовать царской казной, седьмой же ведает оружием и доспехами; этот закон установил в [своих] владениях Дарий, сын Гистаспа (Дарий I – *Д.М.*)» [Theophylacti..., 1834. P. 153–154].

Весьма похожая легенда обнаруживается у ат-Табари:

«Среди тех семи человек, кого Виштаспа назначил на почётные должности, назвав “великими” (*ʻuẓamāʼ*) – Испахбад (Спахбад. – *Д. М.*), обиталище которого – Дехистан в области Гургана, Карен Пахлав, обиталище которого – Мах Нехавенд, Сурен Пахлав, обиталище которого – Систан, и Исфандияд (Спандияд. – *Д. М.*) Пахлав, обиталище которого – Рей» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 683][96].

История «семерых» появилась задолго до Сасанидов. Семеро составили заговор против магов, приведший к воцарению Дария I [Iustinus, 1849. P. 11; Herodotus…, 1928. P. 92–93]. Для времени правления Артаксеркса в Библии упоминаются «семь князей Персидских и Мидийских, которые могли видеть лице царя и сидели первыми в царстве» [Есфирь, 1, 14; ср. 2 Ездры, 8, 11]. По словам Евнапия Сардийского (II половина IV – начало V в.), столько же было сподвижников Аршака, основателя Парфянского государства [Fragmenta…, 1851. P. 20]. В данном случае мы имеем дело с ещё одной вариацией этого мотива, где теперь появляются сановники парфянского времени. Перечень «великих» у ат-Табари вызывает в памяти приводимую у Мовсеса Хоренаци легенду о том, что после смерти персидского (парфянского) царя Аршавира началась борьба за власть между его сыновьями. В итоге дело закончилось компромиссом. Сын Аршавира Арташес (Ардашир), провозглашённый царём после смерти отца, сохранил за собой престол, а его братья Карен и Сурен основали отдельные роды. Тогда же образовался и род Испахбадов (Спахбадов – *Д. М.*), названный так по титулу главнокомандующего войском царя и мужа Кошм, дочери Аршавира. Роды Каренов, Суренов и Испахбадов стали называться Пахлавами [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 83].

---

[96] В данном переводе учтены поправки к тексту издания М. Я. Де Гуйе, внесённые Й. Марквартом [Marquart J., 1895. S. 635].

В литературе родовое имя «Артавиды» интерпретируется как искажённое «Аршакиды» (династия парфянских царей) [Феофилакт Симокатта, 1996. С. 258], или как дериват от титула *аргабад*, который, по сведениям ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 815], в молодости носил Ардашир I, находясь на службе у парфян [Christensen A., 1907. P. 27; Christensen A., 1944. P. 107]. Но ни одна из этих гипотез не кажется убедительной. Видеть в слове ʼΑρταβίδην, которую мы находим у Феофилакта Симокатты, искажённое ʼΑρσακίδην, вряд ли правильно, так как последняя форма встречается у того же самого автора через несколько строк. Трудно объяснить, почему Феофилакт Симокатта, зная правильную форму из осведомлённого источника, вдруг сделал такую странную ошибку. Гипотеза, связанная с титулом *аргабад*, наталкивается на то препятствие, что под 410 г. в источниках упоминается особый «дом *аргабад*-а» (*bēṯ ḏ-arguwaṭā*) [Synodicon..., 1902. P. 21, 260–261], который, судя по отдельному упоминанию, не тождествен с родом Сасанидов. Маловероятно, чтобы источник Феофилакта Симокатты приписывал царскую власть такому роду; кроме того, в источниках не обнаруживается доказательств того, что диадему на голову царя возлагал именно *аргабад*. Возможно, имя было неверно записано со слуха, и в тексте Феофилакта Симокатты вместо ʼΑρταβίδην следует читать Παρταβίδην. В среднеперсидском языке слово *партав* означала парфян, что видно и по сасанидским надписям [Herzfeld E., 1924. P. 95, 97, 113, 117]; она соответствует более поздней форме *Пахлав*, которую мы видели выше. Более того, в источниках обнаруживается интересная параллель, которая, кажется, указывает на то, что под «Артавидами» понимается один из родов Пахлавов. Повествуя о событиях I в. до н.э., Плутарх сообщает, что парфянский полководец Сурен «издавна имел родовое [право] первым возложить тиару на того, кто становился царём парфян» [Plutarch's…, 1932. P. 378].

Тем самым, перед нами, должно быть, восходящее к парфянским временам сообщение о том, что род Сурена Партава (Пахлава) имел привилегию короновать царя. Можно возразить, что Феофилакт Симокатта приписывает Артавидам и право τὴν βασιλείαν κατέχειν, однако это выражение в данном случае означает скорее «управлять делами государства» (букв. – «держать государство»), что подразумевает фактическое могущество и не обязательно предполагает царский титул. Это вполне

подходит к Сурену, о котором тот же Плутарх рассказывает, что он «по богатству, родовитости и славе [был] вторым после царя, по мужеству и способностям – первым из своих сподвижников среди парфян» [Plutarch's…, 1932. P. 378].

Если рассмотренная легенда относится к парфянским временам, почему её пересказывали в сасанидскую эпоху? В комментарии к русскому изданию текста Феофилакта Симокатты высказано мнение, что это – «справка исторического характера» [Феофилакт Симокатта, 1996. С. 258–259], не отражающая реального положения дел. Между тем, сопоставление процитированных текстов с источниками по сасанидской эпохе показывает, что сведения легенды во многом можно принять. Существование «семи родов» было реальностью сасанидского времени. В рассказе об арабском завоевании Ирана ат-Табари сообщает, что знатный полководец Хормузан, который участвовал в битве при Кадисии, затем был взят в плен в Шуштаре и снискал немалую известность благодаря своим встречам с халифом Умаром (634–644), принадлежал к «семи родам» (*al-buyūtāt al-sab'a*) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2533]. Ат-Табари основывается не на иранской легенде о древних временах, а на совершенно иной, более реалистичной традиции, восходящей к рассказам участников завоевания.

Более подробное сообщение о Хормузане встречается у Балами:

«... цари персов (*akāsireh*) установили для них (членов рода Хормузана. – *Д. М.*) [право] возлагать на голову тиару. Среди персов было семь царей, которые по царскому установлению имели тиары, так как состояли в прямом родстве с царём. Тиары их были меньше царской» [The History…, 1959. P. 308].

Довольно правдоподобными выглядят и утверждения источника Феофилакта Симокатты о закреплении придворных и государственных функций за различными родами. Такая традиция существовала, причём с ней считались и цари. Прокопий Кесарийский описывает случай, когда Кавад, вернувшись к власти в 501 г., собирался назначить нового *канаранг*-а[97] взамен бывшего его врагом Гусанастада[98]:

---

[97] В тексте Прокопия название этой должности пишется как χαναράγγης, однако мы воспроизводим его в том виде, в каком оно вошло в персидский язык – *kanārang*. Об этой должности известно

«... он (Кавад. – *Д. М.*) сказал некоторым из приближённых, что поставит *канаранг*-ом того человека, кто первым из персов, явившись в тот день ему на глаза, изъявит желание ему служить. Сказав это, он [затем] пожалел об этих словах, ибо на ум ему пришёл закон, по которому у персов властные должности даются не чужим, но тем, кому сан причитается по роду. Ведь он опасался, что первым к нему придёт кто-то не являющийся родственником *канаранг*-а, и он (Кавад. – *Д. М.*) будет вынужден нарушить закон, чтобы сдержать слово» [Procopius, 1914. P. 46–47].

Но, продолжает далее Прокопий, «пока он размышлял об этом, случилось то, что [позволило] ему сдержать слово, не высказывая неуважения к закону». Первым к Каваду явился один из родственников *канаранг*-а – Адур-Гудунвад[99], который и получил назначение [Procopius, 1914. P. 46–47].

В какой-то степени подтверждаются и сведения о географическом расположении вотчин знатных родов. В пересказе легенды у ат-Табари обиталищем Карена называется район Маха-

---

очень мало, и наши сведения в основном сводятся к тому, что мы знаем о Гусанастаде и его сыне Адур-Гудунваде. Последний, по словам Прокопия Кесарийского, воевал с двенадцатью народами «варваров» и считался у персов непобедимым полководцем [Procopius, 1914. P. 214–215]. Следовательно, *канаранг*-а вёл войны на границах державы. Само по себе это ещё не даёт представления о характере должности, так как царь мог послать на войну любого сановника. Вместе с тем, в свете изложенного напрашивается интерпретация понятия *kanārang* как «предводитель пограничных войск» (от *kanār*, «граница», и *hang*, «воин» или «войско»).

[98] В тексте Прокопия – Γουσαναστάδης. Скорее всего, следует читать Γουσανασπάδης и толковать это как *Гушнасп-дад* или *Гушнасп-зад*. Имя *Гушнасп* и дериваты от него были распространены среди сасанидской знати, и трудно сказать, к какому роду принадлежал этот вельможа.

[99] Поскольку речь идёт о личном имени, маловероятной представляется высказанная в литературе гипотеза о том, что *Гудунвад* следует объяснять как *Гундубад* [Justi F., 1895. S. 4]. Это последнее слово означает «командующий войском» (сочетание *gund*, войско, и суффикса *bad*). Кажется, Прокопий воспроизводит здесь имя *Адур-виндад* (заметим, что в раннее средневековье у персов изначальное *w* в начале слова переходило в *g*, что мы видим в современном языке).

на[100] и Нехавенда. Когда во время арабского завоевания туда пришли мусульманские войска, их предводители выяснили, что самый знатный правитель в этой области – Карен [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2628].

Считая реальным существование «семи родов», мы имеем, однако, все основания усомниться в достоверности исторической составляющей рассматриваемой легенды. У Феофилакта и ат-Табари мы читаем, что родоначальников «семи родов» возвысили древние персидские цари. Однако, судя по известиям Мовсеса Хоренаци, эти роды выделились намного позже, в парфянскую эпоху. Следовательно, легенда была создана искусственно, вероятнее всего – для обоснования могущества «семи родов», которое изображается существовавшим издревле.

Если следовать этой логике, надо обратить внимание и на то, что в тексте ат-Табари приближённые Виштаспы именуются «великими» (*ʻuẓamāʼ*). Это точно соответствует среднеперсидскому *wuzurgān*. Если легенда обосновывала то положение, которое занимали «семь родов», можно считать, что в глазах её автора им по праву принадлежал титул *wuzurgān*. Тем самым, именно представителей «семи родов» следует в первую очередь отнести к *вузург*-ам. Эту идентификацию подтверждает и рассказ Балами о Хормузане, который именуется *buzurg-zādeh*, т.е. «сын *вузург*-а» [The History…, 1959. P. 308].

Определить, какие роды относились к «семи», непросто. По мнению Э. Герцфельда и А. Кристенсена, в их число входили и Сасаниды [Christensen A., 1907. P. 23–29; Herzfeld E. 1924, P. 170–173; Christensen A., 1944. P. 103–110], однако эта гипотеза основана на сомнительном, как мы видели отождествлении формы «Артавид» и титула *аргабад*. В легенде, пересказываемой у ат-Табари, к «семи сановникам» относятся Карен, Сурен и Спахбад. Все эти три рода обнаруживаются в источниках по сасанидской эпохе. Мовсес Хоренаци сообщает, что после падения парфянского царства Сурены и Спахбады признали власть Сасанидов, а Карены вступили с ними в борьбу и были почти полностью истреблены [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 118–

[100] Согласно географическому своду Якута, название *Māhān* (по-арабски – «два Маха») означало Динавар и Нехавенд [Yāqūt..., 1957. T. V, P. 48]. Тем самым, речь идёт о местностях, расположенных к югу, юго-западу и западу от Хамадана.

120]. В том, что касается Каренов, это сообщение нельзя воспринимать как однозначно достоверное. Из греческого текста истории Агатангелоса (Агафангела, писал в первой половине V в.) следует, что Карен, именуемый «великим старейшиной рода (γενεάρχης) и полководцем», был отправлен Ардаширом послом к Артабану IV ещё в начале их противостояния [Acta…, 1762. P. 322]. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» среди приближённых Ардашира I обнаруживаются два Карена [Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 322–325]. По-видимому, отношения между Ардаширом I и Каренами развивались не так радикально, как изображает Мовсес Хоренаци, и компромисс всё же был найден.

Сурены при ранних Сасанидах неизменно занимали высокое положение. В списках приближённых Ардашира и Шапура I в надписи на «Каабе Заратуштры» представители Суренов – вторые среди знатных родов. Выше них – лишь члены рода Варазов и, разумеется, Сасаниды [Sprengling M., 1953. P. 18–19; Maricq A., 1958. P. 322–323, 326–327]. Но в надписи Нарсе Ардашир из рода Суренов стоит выше Хормузда Вараза [Herzfeld E. 1924, P. 101]. У нас нет сведений, чтобы объяснить эту перемену, но она полностью соответствует историческому контексту. Могущество Суренов растёт и, как будет показано далее, достигает своей высшей точки в IV в., тогда как упоминания о Варазах встречаются очень редко. Мы знаем лишь Шапура Вараза, управлявшего в III в. Азербайджаном и впоследствии казнённого по приказу Нарсе, и ещё одного представителя рода, который в середине IV в. командовал персидскими войсками в Армении [История Армении..., 1953. С. 40–41, 46, 190].

Говорить о Спахбадах довольно трудно. При любом упоминании о *спахбад*-е необходимо определить, кто имеется в виду – полководец (*спахбад*) или член рода Спахбадов. Сделать это можно не всегда. Но примечательно, что в списке сановников Ардашира из надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» и в надписи Нарсе упомянуты два *спахбад*-а с одинаковым именем Рахш [Herzfeld E. 1924, P. 103; Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 324–325]. Если считать, что Рахш – популярное в роду имя, в обоих следует видеть Спахбадов, а не полководцев. Оба Спахбада стоят ниже Варазов и Суренов.

Род Спандиядов, упомянутый у ат-Табари четвёртым среди Пахлавов, появляется в источниках по истории Сасанидской

державы лишь однажды, однако контекст не оставляет сомнений в его высоком положении. Влиятельный сановник V в. Михр-Нарсе (о нём см. ниже) был, согласно ат-Табари, потомком Исфандияра (т.е. Исфандияда, Спандияда), сына Виштаспы [Annales..., 1964. Ser. I, P. 869; ср. Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 944]. Интересно отметить, что в приводимой у ат-Табари родословной Михр-Нарсе в числе его предков называются также Дарий и Аршак, основатель Парфянского государства. Видимо, Спандияды также происходили от Аршакидов, но при этом возводили свою историю во временам Ахеменидов.

Потомками Аршакидов были и Михраны, на что в рассказе об узурпаторе конца VI в. Варахране (Вахраме) Чубине прямо указывает Феофилакт Симокатта [Theophylacti..., 1834. P. 154][101]. Представители этого рода тоже далеко не сразу появляются на политической сцене. В надписях ранних Сасанидов Михраны упоминаются только раз. Среди приближённых Шапура I мы видим человека, именуемого Аштатом из рода Михранов. Обращает на себя внимание то, что в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» вельможи упоминаются только с указанием принадлежности к роду. Очевидно, для Сасанидского государства они имели ценность именно как представители того или иного рода, даже их звание не имело такой важности. Михран же упоминается как писец, причём в самом конце списка приближённых Шапура I [Maricq A., 1958. P. 330–331]. В надписи царя Нарсе Михраны не фигурируют вовсе. Но в IV в. мы видим возвышение этого рода, который сохранял солидные позиции вплоть до крушения Сасанидского государства. Вопрос о политической роли Михранов в её историческом развитии будет рассматриваться ниже.

Оплотом Михранов, как и Спандиядов, был город Рей, что хорошо видно по биографии того же Варахрана Чубина. В си-

---

[101] Древние авторы сообщают, что во время похода на Персию Александр Македонский отдал Армению в удел некоему Мифрину (Μιθρίνης) или Митрену, сдавшему ему Сарды [Quintus Curtius Rufus, 1883. P. 84; Diodori…, 1906. P. 234]. В этом имени узнаётся форма *Михран* (в более раннем произношении – *Митран*). Мы увидим далее, что в сасанидское время позиции Михранов были сильнее всего именно в северных областях державы. Возможно, потомки этого Михрана правили в дальнейшем как *кадагх(в)адай*-и (об этом термине см. ниже), на каком-то этапе породнились с Аршакидами, а потом смогли выдвинуться при Сасанидах.

рийской истории последних Сасанидов, принадлежащей перу неизвестного автора и известной также как «аноним Гвиди», он упоминается как Варахран Рейский (*razīqayā*) [Chronica…, 1903. Сир. текст, с. 15]. Персидская традиция сохранила воспоминания о том, что Варахран происходил из Рея [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 102; Мунтахаб..., 1945/1946. С. 120; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 1077; Таджариб…, 2003. С. 144]. Примечательно, что поражение Варахрана, который в глазах Сасанидов был преступником, не привело к уничтожению рейских Михранов. Во время арабского завоевания одним из сасанидских полководцев, противостоявших мусульманам, был Михран Рейский, погибший в сражении при Джалуле [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2420, 2421, 2439, 2473]. Город Рей защищал впоследствии Сиявуш, сын Михрана и, если верить ат-Табари, внук того же Варахрана Чубина [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2653–2654]. Другой известный представитель рода Михранов – Пиран-Гушнасп, который при Хосрове Ануширване был наместником нескольких областей, но впоследствии крестился и принял кончину как мученик, также принадлежал к рейцам [Histoire..., 1896. P. 350–351].

Владения Михранов простирались далеко за пределы Рея. Феофилакт Симокатта сообщает, что Варахран Чубин происходил из имения (οἰκαρχία) в Арзанене [Theophylacti..., 1834. P. 153]. В какой-то степени это подтверждает Ауфи, согласно которому Вахрам принадлежал к знати Ирака [Мунтахаб..., 1945/1946. С. 120].

В литературе к «семи родам» причисляют Зигов [Herzfeld E., 1924. P. 173; Christensen A., 1944. P. 105]. Человек по имени Зиг упоминается в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» как сановник Папака, отца Ардашира I; он был распорядителем царской трапезы [Maricq A., 1958. P. 322–323]. При Ардашире I эту должность занимал некий Папак [Maricq A., 1958. P. 322–325], а при Шапуре I – снова Зиг [Maricq A., 1958. P. 328–329]. Однако, во всех указанных случаях Зиг – скорее личное, чем родовое имя[102]; кажется, речь идёт о деде, отце и сыне. Более того, в тексте Феофилакта Симокатты мы не обнаруживаем среди «семи родов» распорядителя трапезы. В то же время, в

[102] Аналогию даёт та же надпись Шапура I, в которой упоминается также некий Зиг Забриган [Maricq A., 1958. P. 324–324; ср. Sprengling M., 1953. P. 18].

источниках немало и таких упоминаний о Зигах, где, кажется, имеется в виду родовое имя. Согласно Агатангелосу, Ардашир I послал к Артабану IV, наряду с Кареном, Зига, к которому также относятся упомянутые выше характеристики «великий старейшина рода» и «полководец» [Acta…, 1762. P. 322]. Несколько упоминаний о Зигах (часть которых может, правда, относиться и к одному человеку) обнаруживаются среди известий истории, приписываемой Фавстосу Бузанду (написана в 70-х гг. V в.) о событиях IV в. Один Зиг был командующим царской стражи и погиб, командуя войском, посланным в Армению. Впоследствии в Армению был направлен другой Зиг, который воевал там вместе с Кареном [История Армении..., 1953. С. 117, 131– 136]. Как мы увидим далее, в VI в. Зиг наряду с Суреном участвовал в переговорах с византийцами. Таким образом, Зиги занимались государственными делами наравне с «пахлавскими» родами и, следовательно, должны были входить самое меньшее в число *вузург*-ов.

Вопрос о Хормузане, о котором говорилось выше, остаётся открытым. Источники не указывают, к какому именно аристократическому роду он принадлежал. У «анонима Гвиди» Хормузан (*Hūrmīzdan*), называется «мидийцем» (*madayā*) [Chronica…, 1903. Сир. текст, с. 35], однако Балами утверждает, что представители его рода были наследственными правителями Хузестана [The History…, 1959. P. 308]. При этом в некоторых случаях мусульманские авторы изображают Хормузана родственником Сасанидов – дядей по материнской линии Кавада II Широя [Ал-Ахбар..., 1960. С. 129] или даже сыном Хосрова Ануширвана [Китаб ал-футух…, 1991. Ч. 1, с. 211]. При такой неопределённости утверждать что-то однозначно трудно. Вместе с тем, указание «анонима Гвиди» позволяет, кажется, считать, что Хормузан принадлежал к какому-то из «семи родов».

Понятия «семь родов» и *вузурган* не были тождественны. Известный зороастрийский религиозный деятель III в. Кардир (о нём см. прим. 137) сообщает в своих надписях, что царь Варахран II возвёл его в ранг *вузург*-ов [Sprengling M., 1953. P. 50; Chaumont M.-L., 1960. P. 343, 347; Gignoux Ph., 1968. P. 394]. Тем самым, если для принадлежности к «семи родам» требовалась соответствующая родословная, то попасть в число *вузург*-ов можно было и иным способом, по воле царя.

Азад-ы и кадагх(в)адай-и

Ниже *вузург*-ов в сасанидской иерархии стояли, как мы видели, *азад*-ы и *кадагх(в)адай*-и, составлявшие бóльшую часть аристократии. Ни одна из этих прослоек не имела явного преимущества над другой. В надписи Нарсе *азад*-ы в одном месте стоят перед *кадагх(в)адай*-ами [Herzfeld E., 1924. P. 108], в другом – после них [Herzfeld E., 1924. P. 97]. Очевидно, в этой многочисленной (по крайней мере – по сравнению с *вузург*-ами) категории вельмож встречались очень разные по богатству и знатности роды, вследствие чего устанавливать какие-то закономерности практически невозможно.

Говорить об *азад*-ах довольно трудно – о них почти нет упоминаний в других источниках. Слово *āzād* в современном языке означает «свободный», однако в сасанидскую эпоху оно имело также смысл «благородный», «обладающий честью»[103]. Вероятно, *азад*-ы составляли среднюю и мелкопоместную знать и служили при дворе и в войске. Говоря о парфянских временах, Иосиф Флавий (род. ок. 37 г., ум. ок. 100 г.) в одном месте упоминает об отряде, в котором было двести всадников и десять «свободных» [Flavii Josephi…, 1865. Vol. I, P. 558], т.е. *азад*-ов. Подобную картину мы видим в жизнеописании христианского мученика IV в. Мар Кардага, где обнаруживается следующий эпизод. Шапур II, узнав о религиозных убеждениях Мар Кардага, отослал его из столицы для размышлений о смене веры, дав ему эскорт (или, скорее, конвой) из сотни всадников, пятидесяти пеших и двадцати человек, именуемых в тексте «свободными» (*ḫērē*) [Acta..., 1890. P. 75]. В арабских текстах понятие *āzādān* передаётся через *aḥrār* (т.е. «свободные» – мн. ч. от *ḥurr*). Потомки персидских *азад*-ов, осевших в Йемене, именовали себя *banū al-aḥrār*; в Басре таких людей называли *asāwira* (конные воины) [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 16, с. 73].

Кадагх(в)адай-ами, т.е., в буквальном переводе, владыками уделов[104], в персидской традиции называли удельных царей,

---

[103] Пример этому обнаруживается в «Книге деяний Ардашира Папакана». Когда юный Ардашир предлагает служанке Артабана бежать из дворца, та отвечает: «Я почту за честь и сделаю всё, что ты велишь» (*pad ā z ā d ī h dāram ud har če tu framāyī konam*) [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 11].

[104] Слово *kadagḫ(w)adāy* буквально означает домовладыку, однако в контексте политики оно имело смысл «удельный правитель». В

правивших до установления власти Сасанидов. В арабских традициях они именуются *mulūk al-ṭawā'if* (букв. – цари сообществ). Этот термин, несмотря на происхождение от слова *ṭā'ifa* (группа, сообщество), в средние века указывал на владение уделами. Ибн ал-Джаузи поясняет в одном месте, что

«… они назывались *mulūk al-ṭawā'if* потому, что владение каждого царя из них составляло небольшой [участок] земли» [Ал-Мунтазам..., 1992. С. 49].

Ведя борьбу за объединение Ирана и сопредельных территорий под своей властью, Ардашир, согласно многим средневековым авторам, писал удельным правителям, предлагая добровольно признать его власть и примкнуть к нему[105]. В итоге некоторые из удельных правителей подчинились Ардаширу и сохранили свои владения. Весьма интересен в этом отношении один фрагмент из сирийской истории мучеников из Тор-Брэйн, где речь идёт о событиях IV в. Хотя история повествует о том, что происходило в одном из округов области Бет-Гармай (район Киркука на севере Ирака), автор в самом начале делает обобщение и заявляет, что в описываемое им время повсеместно властвовали «правители земель» (*rēšanē d̲-âṯrawaṯā*), которые признавали над собой верховенство сасанидского царя Шапура II и платили ему дань [Hoffmann G., 1880. S. 9]. Обратим внимание на очевидное сходство *rēšanē d̲-âṯrawaṯā* с рассмотренными выше терминами «*кадагх(в)адай*-и» и *mulūk al-ṭawā'if*; очевидно, что мы имеем здесь дело с ещё одним обозначением удельных правителей. Это отнюдь не сасанидские *шахрдар*-ы. В истории мучеников из Тор-Брэйн речь далее идёт о правителе по имени Пулар, который возводил свою родословную к библейскому Кедорлаомеру [Hoffmann G., 1880. S. 9]. О другом христианском мученике IV в., Мар Кардаге, сообщается, что он принадлежал к ассирийскому царскому роду [Acta, 1890. P. 12].

«Книге деяний Ардашира Папакана» мы читаем: «Написано, что после смерти Александра Румийского (т.е. Александра Македонского. – *Д. М.*) в Иране было двести сорок удельных правителей» (*Nibišt estēd ku pas az marg-i-Aleksandr-i-arūmīg Ērān-šahr dōsad ud čehel kadag ḫ(w)adāy būd*) [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 1]. Представления о том, что после македонского завоевания Иран распался на удельные государства, типичны для средневековых авторов.

[105] Об этих письмах и их пересказах в источниках см. главу 2 части II.

В последнем случае речь идёт о роде Нахварганов, что видно из текста «Деяний Мар Кардага» [Acta, 1890. P. 53]. В надписях ранних Сасанидов Нахварганы не упоминаются, однако некоторые данные позволяют судить, что их возвышение началось уже в конце III в. В истории Петра Патриция сообщается, что Нарсе, потерпев разгромное поражение от римлян (см. главу 3), послал на переговоры с ними Нахваргана[106], который предстаёт в тексте как «человек, до крайности любезный царю» [Dexippi..., 1829. P. 126]. Едва ли случайному человеку доверили бы важнейшую дипломатическую миссию, от успеха которой зависела, помимо прочего, жизнь близких родственников царя. Когда же к Нарсе прибыло римское посольство, Нахварган участвовал в переговорах в числе особо приближённых к царю сановников, наряду с *аргабад*-ом [Dexippi..., 1829. P. 135]. Фактически он поднялся выше *вузург*-ов.

Владения Нахварганов находились в Ираке, на западных рубежах Сасанидской державы. В «Деяниях Мар Кардага» сообщается, что родители его жили в местности Бет-Хевтон (*Bēṯ-Ḫēwtōn*) [Acta, 1890. P. 51], что, видимо, следует идентифицировать с Хефтоном (в восточносирийском произношении – Хевтон), поселением на берегу реки Большой Заб. Сам Мар Кардаг, побывав при дворе Шапура II, был назначен наместником Асуристана [Acta, 1890. P. 15][107]. И опять, как и в случае с Михранами, мы видим, что принцип наследования должностей неуклонно выдерживался. В документах начала VI в. упоминается *марзбан* (военный наместник, букв.: «страж границы») Нисибина, который принадлежал к роду Нахварганов и тоже носил имя Кардаг [Synodicon..., 1902. P. 526, 529, 532, 536]. Несколько позже Иосиф[108], будущий католикос христианской (несторианской) церкви Сасанидской державы, возвратившись из византийских владений, обосновался в монастыре и поддерживал отношения с наместником Нисибина – «царём набатеев на

---

[106] В тексте Петра Патриция – ᾿Αφφαρβᾶν. Отождествление этой формы с именем Нахварган представляется вероятным вследствие близости «ф» и «хв», «в» и «г», а также возможности пропуска первой буквы слова при неверной записи со слуха.

[107] О территориях, на которые распространялась власть Мар Кардага, см. главу 2 части II.

[108] О нём см. главу 2 части II.

посту *марзбан*-а» [Histoire…, 1950. P. 176]. Для правильной интерпретации этого известия следует учесть, что в арабских источниках набатеями именовали всех семитов, кроме арабов и евреев. Нахварганы, считавшие себя потомками ассирийских царей, идеально подходят для идентификации с этим наместником. Тем самым, в течение нескольких столетий Нахварганы сохраняли и царский титул, и должность наместника Сасанидов.

К местным царям, подчинённым Сасанидам, относились и арабские правители Хиры – Лахмиды. Вопрос о них представляет собой отдельный объект исследования и будет рассмотрен далее.

Парфянская и персидская знать

В Сасанидском государстве знать разделялась не только по разрядам (см. выше), но и по происхождению, в частности – персидскому или парфянскому. Это официально признаётся в надписи Нарсе, где отдельно упоминаются «персы» и «парфяне» (*pars* и *partaw*, *parsān* и *partawān* [Herzfeld E., 1924. P. 97, 103]). За всю историю Сасанидского государства водораздел между ними, кажется, так и не исчез. Согласно ат-Табари, в начале арабского завоевания в Сасанидской державе боролись между собой две партии, которые в тексте источника именуются الفهلوج, в чём, скорее всего, следует видеть искажённое الفهلويج, т.е. *pahlawīg* (парфянский), и *ahl Fārs* (люди из Фарса) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2176].

Экономические основы жизни знати

У наиболее состоятельных аристократов были особняки в столице [Hoffmann G., 1880. S. 93; Histoire…, 1896. P. 435; Braun O., 1915. S. 223], но в основном вельможи жили в своих имениях – *дасткард*-ах, которые в арабских источниках именуются словом *daskara* (множ. число – *dasākir*). В «Книге тысячи решений» упоминаются *дасткард*-ы с чинарами и кипарисами, с виноградником [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 106–107, 284–285]. Христианский мученик начала VII в. Мар Гиваргис, который, видимо, принадлежал к роду Нахварганов[109],

[109] Отец Мар Гиваргиса был наместником области с центром в Нисибине, а дед происходил из царского рода [Hoffmann G., 1880. S.

во время вспышки эпидемии в Ктесифоне уехал в один из своих *дасткард*-ов [Hoffmann G., 1880. S. 95; Histoire…, 1896. P. 439; Braun O., 1915. S. 225]. Иногда *дасткард*-ы располагались рядом. Ат-Табари, например, упоминает о семи *дасткард*-ах в районе Басры [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2378].

Как правило *дасткард*-ы были собственностью их владельцев и передавались по наследству. О наличии права собственности на *дасткард* свидетельствует возможность его отчуждения или залога, которую можно проследить по «Книге тысячи решений» [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 62–63, 106–107, 260–261, 308–309]. Иногда *дасткард* был царским пожалованием. В «Книге тысячи решений» обнаруживаются два практически идентичных фрагмента, в которых указано, что имение (*ẖ(w)āstag*) перешло в собственность от царя царей (*az šāhān-šāh ō ẖ(w)ēšīh mad*) [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 88–89, 158–159], причём используется именно выражение «в собственность» (*ō ẖ(w)ēšīh*) [ср. Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 156–157].

Были ли в Сасанидской державе другие формы земельных пожалований – например, аналогичные более позднему сельджукскому *икта* или военно-ленной системе? Употребление в арабоязычных источниках на арабском языке термина *iqṭā‘* или глагола, от которого он образован – *aqṭa‘a* – может навести на мысль о существовании при Сасанидах условного землевладения [Пигулевская Н. В., 1956. С. 216]. Но применение указанных терминов является прежде всего передачей сасанидских реалий средствами арабского языка. В рассказах о Сасанидском государстве восточные авторы нередко употребляют слово «визирь», но это не значит, что визири в нём действительно были. Кроме того, нельзя однозначно утверждать, что более поздние арабские и персидские авторы, которые в повествованиях о Сасанидах главным образом ограничивались пересказом легенд, так хорошо разбирались в поземельных отношениях в доисламском Иране, что отождествили какой-то из существовавших тогда институтов с современным им *икта*. Вероятнее то, что глагол *aqṭa‘a* в таких случаях употребляется в его изначальном значении – «предоставить земельное владение, нарез» – без

93; Histoire…, 1896. P. 435; Braun O., 1915. S. 223]. Возможно, речь идёт о Нахварганах.

конкретизации объёма прав. За этой общей формулировкой стоял неодинаковый смысл. Когда мы читаем, что брат Хосрова Ануширвана Кавус предлагал ему любую область в качестве *iqṭā‘*, или что сам Хосров пожаловал в *iqṭā‘* область своей дочери (оба примера рассматриваются далее), очевидно, что речь идёт не о военном лене, а об управлении областью, статусе *шахрдар*-а. Когда Якут в своём географическом своде сообщает, что Хосров[110] пожаловал *iqṭā‘* какой-то женщине, муж которой был в войске [Yāqūt…, 1957. T. V, P. 269], это более походит на рассмотренные выше примеры из «Книги тысячи решений», где земли переходили в собственность, а приобретателями их были женщины или дети. Такие случаи не всегда можно истолковать однозначно. Например, ал-Масуди пишет, что Варахран II «отдал поселения в уделы своим приближённым» (*aqṭa‘a al-ḍiyā‘ li-ḫawāṣṣi-hi*) [Maçoudi, 1863. P. 168], а Ибн ал-Джаузи сообщает, что Шапур II, разместив на границах с арабскими племенами переселенцев-*дехкан*, предоставил им земельные наделы (*aqṭa‘a-hum al-qaṭā’i‘*) [Ал-Мунтазам..., 1992. С. 84]. Мы ничего не знаем о правах людей, получавших земли, но в любом случае они едва ли были одинаковы у приближённых царя и переселенцев, защищавших границу. Конечно, отвергать всякую возможность наличия условного землевладения при Сасанидах было бы неправильно, однако имеющихся сведений совершенно недостаточно для того, чтобы настаивать на её реальности.

Хозяйством *дасткард*-ов, судя по источникам, ведали управляющие [Hoffmann G., 1880. S. 95; Histoire…, 1896. P. 439; Braun O., 1915. S. 225]. Кто именно обрабатывал поля во владениях аристократов, пока неясно – в источниках нет надёжных данных на этот счёт. Мы располагаем лишь несколькими косвенными указаниями. В «Книге тысячи решений» приводится казус, в котором обещание владельца передать в собственность *дасткард* и всё, что в нём находится, толкуется как распространяющееся, в частности, на лошадей (*stōr*, возможно – тягловых) и рабов (*anšahrīg*) [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 62–63]. Хотя вполне возможно, что эти рабы выполняли полевые работы, нельзя делать определённые выводы только на основа-

[110] В тексте – *Kisrā*, что не даёт возможности определить, идёт речь о Хосрове I Ануширване или о Хосрове II Парвизе.

нии этого материала, так как речь может идти и о слугах, занятых в усадьбе. В то же время, в «Книге об Арда-Вирафе» мы находим среди грешников человека, который не платил заработную плату наёмным работникам (*mizd-i-mizdwarān*) и не выделял долю (*bār*) людям, именуемым *bārwarān* [The Book of Arda Viraf…, 1872. P. 69–70]. Это последнее слово образовано, очевидно, по аналогии с употреблённым ранее *mizdwarān* и, следовательно, должно означать обладателя доли, т.е. издольщика. О том, какой уклад был господствующим, можно только догадываться, но вероятнее всего на земле трудились наёмные работники и издольщики. У Сасанидского государства не было постоянных источников поступления новых невольников для организации классического рабовладельческого хозяйства, подобного римскому.

Взаимоотношения царя и знати

Взаимоотношения царей и аристократии составляли главную проблему политической истории Сасанидского государства. Мы видели, что многие парфянские знатные роды подчинились Сасанидам и пошли к ним на службу. Вероятно, они выговорили себе взамен сохранение прежнего высокого положения, что можно наблюдать на примере списка приближённых Ардашира в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры». Представители Варазов, Суренов и Каренов стоят в нём сразу за Сасанидами и, что примечательно, выше Абурсама Ардашир-хварра [Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 322–323], который, как мы видели, принадлежал к знати Фарса, давно примкнул к основателю династии и выполнял его ответственные поручения. У нас нет прямых доказательств, однако вероятно, что Ардашир сделал такую уступку парфянской знати потому, что желал привлечь её на свою сторону. Судя по надписям Шапура I и Нарсе, а также по последующим событиям (см. ниже), достигнутый тогда компромисс послужил основой политической традиции, которая сохранялась и позднее.

Разумеется, подобные соглашения имели место далеко не всегда. Агафий Миринейский в рассмотренном выше фрагменте с полным правом говорит об уничтожении Сасанидами местной знати. Источники говорят о десятках удельных прави-

телей, погибших в борьбе с Ардаширом I[111]. Проведя многие годы в борьбе за власть, Ардашир I, несомненно, жёстко контролировал знать, по крайней мере в центре. В первые несколько десятилетий правления Сасанидов мы не видим попыток аристократии бороться за власть в столице, хотя на периферии порой случались выступления[112].

Но влияние знати подспудно чувствовалось и в центре. Если следовать восточным источникам, вступление на престол нового сасанидского монарха сопровождалось аудиенцией со знатью, во время которой царь и вельможи обменивались речами. Хотя приводимые в источниках тексты речей, несомненно, апокрифичны, можно с уверенностью предполагать, что стороны так или иначе давали понять, чего именно ждут друг от друга. Если такие ожидания не оправдывались, это вызывало недовольство.

Судя по источникам, первый случай противостояния между царём и знатью имел место в правление Варахрана II. Судить об этих событиях можно лишь по легендам, которые сильно различаются между собой [Maçoudi, 1863. P. 168–174; Histoire..., 1900. P. 503–506]. Можно, пожалуй, утверждать лишь то, что действия царя вызвали недовольство знати, однако впоследствии компромисс был-таки найден. При этом легенды, принадлежащие к разным традициям, сходятся в том, что уступить пришлось именно царю.

Вскоре, однако, роль знати становится более определённой. Она начинает заявлять собственные интересы и принимать участие в борьбе за престол. Надпись царя Нарсе, которая изрядно пострадала от времени и не читается полностью, позволяет, тем не менее, заключить, что против его воцарения выступил сановник по имени Вахунам [Herzfeld E., 1924. P. 94–119; Луконин В. Г., 1979. С. 64–68; Gignoux Ph., 1991. P. 10], который, видимо, тождествен с Вахунамом, занимавшим при Шапуре I должность *фрамадар*-а (о ней см. ниже) [Sprengling M., 1953.

---

[111] В одном источнике говорится о девяноста погибших правителях [Hamzae…, 1844; t. II. P. 46], в другом – о восьмидесяти [The Fársnáma…, 1921. P. 60].

[112] Например, выступление Гуфрашнаспа, правителя Адиабены, против Варахрана I, о чём повествует «Арбельская хроника» [Sources…, 1908…, 1908. Сир. текст, с. 36–38].

P. 19; Maricq A., 1958. P. 326–327]. Из надписи можно заключить, что Вахунам поднял мятеж и возвёл на престол своего ставленника. Нарсе был вынужден оставить столицу, укрывшись в «царском имении», но затем верные ему вельможи одержали победу над Вахунамом, который был схвачен и казнён. Суть этих событий, к сожалению, во многом остаётся неясной. Нельзя, например, однозначно утверждать, что Нарсе был законным наследником престола – тем более, что его предшественник Варахран III пребывал у власти совсем немного. Из надписи, однако, следует, что воцарение Нарсе приняли Спахбады, Сурены и Варазы; быть может, именно их поддержка и определила исход борьбы.

Очень важные события развернулись после смерти Хормузда II, сына и наследника Нарсе. Хотя престол должен был достаться старшему сыну умершего монарха, знать и предводители войска провозгласили царём малолетнего Шапура II[113]. В

---

[113] Согласно известной восточной легенде, Хормузд II погиб, не оставив наследника. Но одна из жён его была беременна. Корону возложили на живот роженицы, и таким образом Шапур стал царём ещё в утробе матери [Hamzae…, 1844. P. 52; Histoire..., 1900. P. 511–512; Eutychii…, 1906. P. 114–115; Histoire..., 1909. P. 287; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 656; Ал-Ахбар…, 1960. С. 47; The Book of Creation..., 1962. P. 159-60; Annales…, 1964. Ser. I, P. 836]. Ад-Динавари даже утверждает, что это было сделано по приказу Хормузда, который перед смертью взял с подданных обещание не провозглашать царём никого иного [Ал-Ахбар… 1960. С. 47]. Судя по тому, что эта легенда появляется в выписках Сергия у Агафия Миринейского [Agathiae…, 1828. P. 261–262], она стала частью официальной истории. Между тем, она вызывает недоверие хотя бы потому, что по одной надписи, относящейся ко второму году царствования Шапура II, мы знаем его брата и тёзку, бывшего в то время *шахрдар*-ом Систана [Herzfeld E., 1924. P. 121], а в нарративных источниках упоминаются и другие братья царя – Нарсе (о нём см. прим. 341), Жамасп и Адурфразкард [Hoffmann G., 1880. S. 23–24]. Более того, как показано во Введении, преемником Шапура стал его брат Ардашир. Правда, ас-Саалиби утверждает, что Ардашир был младшим братом Шапура и появился на свет через месяц после его рождения [Histoire..., 1900. P. 532]. Но Балами пишет, что Ардашир был старше Шапура, хотя и не пользовался расположением Хормузда. В дошедшем до нас тексте труда ат-Табари мы не находим такого, однако Мирхонд рассказывает об этих событиях со ссылкой на него [Histoire…, 1843. P. 206; Тарих-и-

Балами, 1962/1963. С. 918]. Кроме того, легенду о воцарении Шапура в утробе матери принимали не все авторы. По словам ал-Якуби и Балами, в момент смерти Хормузда Шапур был младенцем, т.е. уже родился [Тарих-и-Балами, 1962/63. С. 904; ср. Ibn Wādhih… 1969. Pars I, P. 182]. Явная фальшь легенды наводит на мысль о том, что она прикрывает борьбу за власть, и это находит подтверждение в источниках. Согласно Иоанну Антиохийскому (писал предположительно в середине VII в.) и позднему, но хорошо осведомлённому компилятору Иоанну Зонаре (ум. после 1118 г.), у царя Нарсе было три сына – Адур-Нарсе, Шапур и Хормузд. После смерти Нарсе между братьями началась междоусобица. В описании её рассказы названных авторов расходятся. У Иоанна Антиохийского Адур-Нарсе победил и взял в плен обоих братьев; Шапура он велел ослепить, а Хормузда – бросить в темницу. Однако текст Иоанна Антиохийского, дошедший до нас в поздних выдержках, вероятно, искажён, так как тут же говорится, что Адур-Нарсе лишился власти. Правильнее, видимо, рассказывает Иоанн Зонара, по словам которого трон унаследовал Адур-Нарсе, но он своей жестокостью вызвал ненависть подданных и вскоре был свергнут. На престол возвели Шапура, который приказал ослепить Адур-Нарсе, а Хормузда заключил в тюрьму. Но, согласно обоим рассказам, Хормузду удалось с помощью близких выбраться из темницы и бежать в римские владения [Fragmenta…, 1851. P. 605; Ioannis Zonarae… 1870. P. 190]. Очевидно, речь идёт о царевиче Хормузде, о бегстве которого к римлянам сообщают Аммиан Марцеллин (в не дошедшей до нас части труда), а также Зосим. Сообщение Зосима особенно важно следующей важной подробностью: Хормузд был старшим сыном царя и имел все права унаследовать трон, однако знать, опасаясь его угроз, не дала ему вступить на престол и привела к власти его младшего брата [Zosimus, 1837. P. 92]. Впоследствии Хормузд участвовал в походе императора Юлиана (361–363) на Персию (363 г.) [Zosimus, 1837. P. 146, 165; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 400–401, 404–405, 410–411, 414–415, 420–421, 450–451]. Однако, и в данном случае достоверность сведений источников сомнительна. Если бы междоусобица действительно началась после смерти Нарсе, то нам пришлось бы допустить, что у него было два сына по имени Хормузд, один из которых стал преемником царя Хормуздом II, а другой бежал к римлянам. Но такая гипотеза не подтверждается источниками. Кроме того, в «Бревиарии» римского историка Евтропия, современника Шапура II, Нарсе именуется «дедом» (как в данном случае следует, видимо, переводить *avus*), но не отцом Хормузда и Шапура [Eutropii…, 1936. P. 65]. Следовательно, сообщения Иоанна Антиохийского и Иоанна Зонары на деле относятся к событиям, последовавшим за смертью Хормузда

его правление роль знати в политике очень заметна; выделяются прежде всего Сурены. Аммиан Марцеллин, повествуя о походе императора Юлиана (361–363) на Сасанидов (363 г.), описывает Сурена (*Surenas*) как человека «наивысшего достоинства у персов после царя» [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 410–411][114].

II, сыновьями которого были Шапур и Хормузд; первого возвели на престол на престол в детском возрасте, второй бежал. Воспоминания об этих событиях сохранила одна местная традиция. Персидский историк Ширази (писал в первой половине XIV в.) в «Книге о Ширазе» (*Шираз-намэ*) рассказывает историю одной ширазской крепости под названием Кухандаз. По его словам, против Шапура II выступил брат, носивший имя Кухандаз или Кухандиз (*Quhandaz*, *Quhandiz*), который с войском ушёл в Шираз, где к нему присоединились восставшие против царя члены рода Сасанидов. Власть Хормузда признали в Фарсе. На этом рассказ Ширази фактически обрывается; сообщается лишь, что царевич построил несколько крепостей, в частности – Кухандаз, названный его именем [Шираз-намэ…, 1931/1932. С. 26]. Но это – только легенда. Слово *kuhan-dez* на среднеперсидском языке означало «старая крепость», и это значение отражено в переводе Якута – *al-qal'a al-'atīqa*. Тот же Якут несколькими примерами доказывает, что так назывались многие крепости [Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 419]. Поэтому слово *Quhandaz* не может быть именем царевича, и надо искать графическую конъектуру. По написанию форма هرمز (Хормузд) ближе других персидских имён к قهندز – особенно если составное название крепости написать по частям: قهن دز. Скорее всего, именно Хормузд, старший брат Шапура (см. указание Зосима выше), имевший законное право на престол, и был человеком, вокруг которого объединились некоторые члены правящего рода. Эти события ещё во многом неясны, и особенно непонятна роль Адур-Нарсе. Но можно утверждать, что предводители войска и знати не приняли Хормузда и возвели на престол малолетнего Шапура. Хормузд начал вооружённую борьбу, занял Фарс, бывший оплотом Сасанидов, и привлёк к себе сторонников из правящего рода и местной знати. Однако вельможи, возведшие на престол Шапура, одержали победу, и Хормузд в конце концов бежал.

[114] У Зосима такая характеристика относится не к Сурену, а к другому персидскому вельможе, именуемоему в греческом тексте Πιγράξης [Zosimus, 1837. P. 160]. Это, вероятно, искажение от *Pigranes* Аммиана Марцеллина [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 462–463]. Может показаться, что *Pigranes* – неверно написанное *Tigranes* [Justi F., , 1895. S. 252]. Но, если так, в Пигране / Тигране следует видеть какого-

Не менее интересно упоминание Аммиана Марцеллина о том, что в одном из сражений, имевших место во время похода, римлянам противостоял полководец Мерен (*Meren*), бывший предводителем конного войска (*equestris magister militiae*); вместе с ним находились два сына Шапура II. Впоследствии этот Мерен продолжал командовать персидскими войсками; он погиб в той самой битве, в которой смертельный удар получил Юлиан [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 480–481, 494–495][115].

В Мерене Аммиана Марцеллина легко узнать Михрана. Упоминание о нём важно для настоящего исследования в том отношении, что, как показано выше, в первые десятилетия Сасанидской державы Михраны практически не появляются на сколько-нибудь заметных позициях. Но в середине IV в. представитель рода не только командует конницей, т.е. лучшей, элитной частью войска, но и в критический момент оберегает сыновей царя. Столь внезапную перемену можно объяснить только возвышением Михранов, которое, очевидно, произошло при Шапуре II.

Начиная с эпохи Шапура II аристократия регулярно принимает участие в борьбе за власть, устраняет одних царей и возводит на престол других. Брат Шапура II Ардашир II был свергнут знатью. На трон был посажен Шапур III, сын Шапура II, однако после непродолжительного правления он погиб. По одной из версий, бытующих в источниках, вельможи перерезали канаты палатки царя, и та обрушилась, причинив ему смерть [Ал-Ахбар..., 1960. С. 50–51; Annales..., 1964. Ser. I, P. 846]. Сын и наследник Шапура III Варахран IV, согласно наиболее распространённой в источниках версии, погиб в результате покушения [Ал-Ахбар..., 1960. С. 50–51; Annales..., 1964. Ser. I, P. 847]. Ал-Якуби описывает это так:

«… восстали на него некоторые (*qawm*) и убили его» [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 183].

Можно с уверенностью предполагать, что и в данном случае убийство царя явилось результатом действий каких-то группировок аристократии.

то армянского вельможу, а таковой вряд ли мог считаться вторым после царя. Кроме того, и Зосим уважительно пишет: «сам Сурен» (ὁ Σουρήνας αὐτός).

[115] В этом фрагменте у Аммиана Марцеллина – *Merenas*.

Особым этапом стало правление Ездигерда (Яздкарда) I, который стремился полностью подчинить знать, заставить её служить себе и государству. Это хорошо видно по тому, как Ездигерд I относился к собственному сыну Варахрану (будущему Варахрану V Гору), которому, несмотря на происхождение, было приказано служить при дворе (об этом см. главу 2 части II). Мусульманские авторы, сообщают, пересказывая известия сасанидских времён, что Ездигерд I требовал от аристократии неуклонного исполнения приказов царя. Нарушившие царскую волю даже в мелочах подвергались суровым наказаниям [Histoire..., 1900. P. 537–539; Ал-Ахбар..., 1960. С. 51; Annales..., 1964. Ser. I, P. 848].

Согласно Балами,

«… с каждым днём он (Ездигерд I. – *Д. М.*) проливал всё больше крови» [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 921].

Ещё более драматичной представляется ситуация в *Фарснамэ*:

«Он (Ездигерд I. – *Д. М.*) истребил великие роды» [The Fársnáma…, 1921. P. 74].

При анализе правления Ездигерда I необходимо иметь в виду несколько существенных нюансов. Жестоким тираном он предстаёт только в персидских рассказах, воспроизводимых в трактатах мусульманских авторов. Христианские традиции относятся к Ездигерду I далеко не так негативно, хотя случаи мученичества имели место и при нём. Тем самым, оценка личности и действий Ездигерда I отнюдь не однозначна, и выпады против него в мусульманских источниках представляются скорее наследием позиции его противников – аристократов. Об этом свидетельствуют уничижительные эпитеты, которые стоят в источниках на месте почётных имён царя[116].

Между тем, подавление Ездигердом I аристократии имело свои пределы. Конечно, правление Ездигерда I стало торжеством, хотя и временным, царского самовластья над своеволием аристократии. Но высшие сановники Ездигерда I тоже были представителями знати. Первым из приближённых царя был Михр-Нарсе, принадлежавший к Спандиядам – одному из «семи родов». Михр-Нарсе был очень богат, о чём говорит его прозвище «[Обладатель] тысячи слуг» (*hazār-bandag*)

[116] Об эпитетах Ездигерда I см. гл. 2 ч. II.

[Annales..., 1964. Ser. I, P. 849], которое, очевидно, указывает на роскошный выезд. Неприязнь мусульманских авторов к Ездигерду I отнюдь не переносится на Михр-Нарсе. Напротив, ат-Табари пишет, что именно с Михр-Нарсе были связаны надежды знати на отказ Ездигерда I от репрессий [Annales..., 1964. Ser. I, P. 849]. Балами добавляет, что Ездигерд I проливал кровь знати, не слушая Михр-Нарсе [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 921]. Ад-Динавари прямо заявляет, что «визири» (читай – высшие сановники) Ездигерда I были «людьми добрыми, милостивыми и благосклонными» [Ал-Ахбар..., 1960. С. 51], что должно относиться в первую очередь к Михр-Нарсе. Тем самым Ездигерд I не уничтожал высшую аристократию, а репрессировал тех, кого считал ненадёжными, и выдвигал верных себе людей из той же верхушки общества.

Аристократия, подвергшаяся преследованиям, обладала значительной силой и была готова бороться за свои интересы. После смерти Ездигерда I, происшедшей, согласно источникам, в результате несчастного случая, знать в открытую выступила против его преемников. Согласно Мовсесу Хоренаци, в день смерти Ездигерда I придворные убили его сына и, по-видимому, наследника Шапура, который тогда правил персидскими владениями в Армении [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 198]. Вслед за этим вельможи, твёрдо решив не отдавать власть никому из потомков Ездигерда I, чтобы не повторилось происшедшее, возвели на престол одного из потомков Ардашира I по имени Хосров.

Благодаря ад-Динавари мы знаем по именам нескольких вельмож, выступивших против сыновей Ездигерда I. Среди них были *хазарбад* Вистам, бывший *спахбад*-ом Савада[117], Язд-Гушнасп, наместник[118] земель, расположенных по течению Большого и Малого Заба, Пираг Михран, писец войска (*kātib al-ǧund*), Гушнасп Адар-виш, писец по делам поземельной подати

[117] Как мы увидим далее, до реформ Хосрова Ануширвана *спахбад* в Иране был один. По всей вероятности, под *спахбад*-ом здесь подразумевается полководец (имя нарицательное, а не название титула).

[118] *Пайгосбан* (*paygōsbān*), в арабском тексте ад-Динавари – *fāḏūsfān*. Об этой должности см. гл. 2 ч. II.

(*kātib al-ḫarāǧ*)[119], и Панах-Хосров, должность которого именуется в тексте «управляющий государственными пожалованиями» (*ṣāḥib ṣadaqāt al-dawla*) [Ал-Ахбар..., 1960. С. 55]. Тем самым, против сыновей Ездигерда I выступили Михраны и, судя по разнообразию должностей, другие аристократические роды. По словам того же ад-Динавари, выступление поддержали и другие представители знати и благородных родов [Ал-Ахбар..., 1960. С. 55].

Эта коалиция представляла собой внушительную силу. Когда с претензиями на престол выступил другой сын Ездигерда I Варахран (будущий царь Варахран V Гор), его поддержали Лахмиды (о них см. главу 3). Но даже с войском лахмидского царя Варахран не смог одержать победу и был вынужден вести переговоры. Согласно одной традиции, Варахран даже предлагал дать ему своего рода испытательный срок длиною в год и обещал оставить власть, если будет править дурно [Eutychii…, 1906. P. 176; Annales..., 1964. Ser. I, P. 849]. В итоге дело закончилось компромиссом. Варахран занял престол, но в принятии политических решений ориентировался на позицию знати. Лучше всего это видно по тексту мученичества Пероза, где развернувшиеся в начале правления Варахрана гонения на христиан прямо объясняются тем, что

«… он (Варахран. – *Д. М.*) должен был отблагодарить нечистых магов и языческих вельмож, бывших в его землях, ибо они возложили тиару на него, [избрав его из] всех его братьев» [Hoffmann G., 1880. S. 39; Acta..., 1894. P. 254; ср. Maris Amri…, 1899. P. 33].

В источниках Варахран V изображается любителем охоты, войны и развлечений, который мало занимался государственными делами и вверил их сановникам. По сообщению ат-Табари уже с первых лет царствования Варахрана администрированием государственных дел занимался Михр-Нарсе, удосто-

---

[119] Этот титул, видимо, аналогичен среднеперсидскому *šahr-amār dibīr*, о существовании которого мы можем судить по особому виду сасанидской канцелярии – *šahr-amār dibīrīh* (ведение податных записей) [Liber…, 1895. P. 118]. Заметим, что, поскольку из всех выступивших вельмож ад-Динавари называет именно этих пятерых, они, вероятно, были не простыми писцами, как может показаться по переводу, а высокопоставленными чиновниками.

енный звания *вузург-фрамадар*, т.е. великий *фрамадар* (распорядитель) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 863–868][120]. Не исключено, что его следует отождествить с «визирем» Раст-Равишном, которому Варахран, если верить легенде, приводимой у Низам ал-Мулька, поручил управление государством [Siyar..., 1962. P. 30][121]. Согласно этой легенде правление Варахрана Гора стало вольницей для знати. В уста Раст-Равишна вкладывается высказывание: «Подданные утратили выучку из-за великой нашей справедливости и осмелели» [Siyar..., 1962. P. 30].

---

[120] Рассказ ат-Табари, на который дана ссылка, подкрепляется сохранившимся до наших дней оттиском печати Михр-Нарсе, на которой он именуется *вузург-фрамадар* [Gyselen R., 2008. P. 46], а также приводимым у Егишэ письмом Михр-Нарсе к армянскому духовенству и знати. Разумеется, за подлинность текста трудно поручиться, однако заслуживает внимания то, что Михр-Нарсе фигурирует как *взурк hраматар* [Егишэ, 1971. С. 39]. В этой форме без труда угадывается *вузург-фрамадар*.

[121] В новоперсидском тексте Низам ал-Мулька – راست روشن, сочетание двух прилагательных – *rāst* (прямой, праведный) и *rowšan* (светлый). Хотя персидские имена так не образуются, эту форму предпочитало большинство средневековых переписчиков. Например, такой вариант был в источнике, которым пользовался Низами. Пересказывая легенду о «визире», поэт так говорит о его имени: «Светлой прямоты в нём [было] очень мало. Прямота [его была] кривой, а светлость – тёмной» (*Rowšan-u-rāstī-š bas bārīk rāstī kūž wa rowšanī tārīk*) [Хаким Низами…, 1936/1937. С. 321]. Между тем, эта форма приобретает смысл, если видеть в ней не понятое переписчиками среднеперсидское *rāst rawišn* (праведный в поведении). Приблизительно так, вероятно, рассуждал и один из переписчиков трактата Низам ал-Мулька, написавший имя «визиря» как راست روش [Siyar..., 1962. P. 30, прим. 5], т.е. *rāst rawiš*, что на новоперсидском языке означает то же, что *rāst rawišn* в пехлеви. Такое имя (скорее – прозвище) вполне могли дать Михр-Нарсе. Согласно источникам оба управляли делами государства, но по воле царя лишились высокого положения. Михр-Нарсе был отстранён от должности (см. текст). Раст-Равишна казнили [Хаким Низами…, 1936/1937. С. 345–347; Siyar..., 1962. P. 37–38], хотя это, скорее всего, обычная для легенд гипербола. Правда, Низами пишет о Михр-Нарсе и Раст-Равишне как о разных людях [Хаким Низами…, 1936/1937. С. 321], но это скорее результат механического соединения известий, которые мы находим у ат-Табари и Низам ал-Мулька.

История звания *вузург-фрамадар* весьма показательна. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» упоминаются два *фрамадар*-а – Вахунам и Шапур, причём первый из них, очевидно, идентичный упомянутому выше Вахунаму, стоит после Сасанидов и представителей крупнейших парфянских родов [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 326–327, 330–331]. Ни один из них не носит титула *вузург-фрамадар*. Функции *фрамадар*-а были административными. В греческой версии надписи это звание в обоих случаях переводится как ἐπίτροπος, что здесь следует переводить как «управляющий». Впоследствии влияние *фрамадар*-а неуклонно росло. Уже в начале V в. к титулу *фрамадар* добавлялся эпитет «великий» [122]. В «Застольном слове» *вузург-фрамадар* стоит непосредственно за наследным принцем *васпур*-ом [The Pahlavi Texts, 1913. P. 157], а для мусульманских авторов ассоциируется с высшим сановником их эпохи – визирем [Kitâb at-Tanbîh..., 1894. P. 103; Ibn Wādhih…, 1969. Pars. I, P. 202].

Вывод о возвышении *фрамадар*-а интересно сопоставить со сведениями о других сановниках, прежде всего *бидахш*-е и *хазарбад*-е. *Бидахш* почти полностью исчезает из источников; нам известно лишь о *vitaxae* – начальниках конницы, причём не в столице, а в областях (см. выше)[123]. *Хазарбад*, выступивший против Варахрана Гора, носит не свойственное Сасанидам имя Вистам. Для более поздних времён известны оттиски печати другого Вистама, который был *хазарбад*-ом и *вузург*-ом [Gyselen R., 2001. P. 42–43]. Возможно, оба Вистама принадлежали к одному роду, представители которого занимали должность *хазарбад*-а. Таким родом мог быть, например, род Спахбадов, из которого происходил Вистам, дядя Хосрова II Парвиза (см. главу 1 части II). Следовательно, в отличие от времён Ардашира I и Шапура I, должность *хазарбад*-а, а возможно – и *бидахш*-а, была теперь достоянием знати, что, разумеется, несколько снижало её значение.

То же самое во многом справедливо и для должности *аргабад*-а. В конце III в., как показано выше, её занимал Сасанид, но

---

[122] О «великом *фрамадар*-е» упоминается в известиях о церковном соборе 410 г. [Synodicon..., 1902. P. 21, 260].

[123] Об одном из таких *бидахш*-ей в правление Шапура II упоминается в сирийских мученичествах [Hoffmann G., 1880. S. 33].

в начале V в. мы видим отдельный род *аргабад*-а [Synodicon..., 1902. P. 21, 260–1]. В то время *аргабад* ещё занимал важное место в иерархии и стоял выше предводителей сословий [Annales..., 1964. Ser. I, P. 869]. Однако, ни тогда, ни позднее *аргабад* не мог сравниться по влиянию с *вузург-фрамадар*-ом. В источниках более поздних времён *аргабад* уже не упоминается.

Таким образом, высшие государственные должности постепенно переходили от Сасанидов к знати. Михр-Нарсе явно стремился закрепить за своим родом хотя бы некоторые из высших титулов; об этом свидетельствует рассказ ат-Табари о сыновьях Михр-Нарсе. Зурвандад стал верховным *хирбед*-ом[124], Магушнасп – предводителем податного сословия (*wāstaryōšān-sālār*), а Кард – предводителем воинов (*artēštārān-sālār*) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 869].

Дошедшие до нас известия о Михр-Нарсе рисуют его искусным и умелым царедворцем, долгое время стоявшим у вершин власти. Изменения, последовавшие за гибелью Ездигерда I, практически не коснулись его. Можно с большой долей уверенности предполагать, что компромисс, в результате которого на престол вступил Варахран V, был достигнут при непосредственном участии Михр-Нарсе, если не под его влиянием. В правление Варахрана V он управлял государственными делами в должности *вузург-фрамадар*-а. Согласно «Книге тысячи решений», Варахран отправил Михр-Нарсе на служение сначала в одно святилище огня, а затем в другое [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 318–319]. Судя по контексту, речь идёт о ссылке, хотя Балами утверждает, что Михр-Нарсе сам просил царя разрешить ему оставить государственные дела и посвятить себя культовому служению [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 949]. Ездигерд II, видимо, вновь призвал Михр-Нарсе, который в самом начале его царствования командовал войском, посланным против Византии (см. гл. 3). Правда, в «Книге тысячи решений» мы далее читаем, что Ездигерд II за какую-то провинность отправил Михр-Нарсе в *остан*, т.е. в царские владения[125], где тот

---

[124] Об этой должности см. ниже.

[125] Это действие Ездигерда следует рассматривать в свете предшествующего фрагмента из того же источника, в переводе которого мы не совсем согласны с издателем текста А. Г. Периханян. По-видимому, слово *āzādīh* здесь означает не свободу, а благородство,

провёл несколько лет; вслед за этим Пероз, посовещавшись с верховным мобедом Мардбудом и иными наставниками, назначил его служителем священного огня в храме Хормузд-Пероз. Но Лазар Парбеци упоминает о Михр-Нарсе как о высоком сановнике (во французском переводе – *ministre*) под семнадцатым годом правления Ездигерда II [Collection…, 1869. P. 318]. Этот год должен приходиться на период с 4 августа 456 г. по 3 августа 457 г. [Parise F., 2002. P. 100], т.е. на время окончания правления Ездигерда. Стало быть, опала Михр-Нарсе, завершившая многолетнюю карьеру при дворе, произошла в самом конце правления Ездигерда II.

Этот последний вывод следует сопоставить с другими сведениями о правлении Ездигерда II. В сирийской истории мучеников из Кархи з-Бет-Слох (Киркук) сообщается, что на восьмом году правления (7 августа 447 – 5 августа 448 [Parise F., 2002. P. 100]) Ездигерд казнил свою сестру, на которой, по зороастрийской традиции, был женат, и многих сановников царства. Восемнадцать тысяч человек были оскоплены. Многие из них умерли, не выдержав операции; остальных определили на службу. Более того, Ездигерд отменил старинный обычай, по которому любой знатный человек (*yâdī‘ā*) имел право в течение первых семи дней каждого месяца пожаловаться царю на злоупотребления [Acta…, 1891. P. 518–519][126]. Поскольку это, судя по источ-

---

т.е. знатность. Соответственно, перевод принимает вид: «И сказано также, что служителя священных огней, который при служении своём огням в силу благородства своего был отделён от [иных] подданных царя (т.е. с благородным человеком поступили не так, как с остальными подданными. – *Д. М.*), за провинность царь отправляет в *остан*, а из *остан*-а – к другому огню» [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 318–319]. В пользу этого перевода говорит то, что иллюстрацией к данному фрагменту служит особая судьба представителя знати – Михр-Нарсе.

[126] Вероятно, об этой традиции повествует приводимая у Низам ал-Мулька легенда, согласно которой в определённые дни года каждый мог жаловаться непосредственно царю, а тот был обязан разобрать дело. Если же подавалась жалоба на действия самого царя, в роли судьи выступал верховный мобед. Согласно Низам ал-Мульку, этот обычай был отменён Ездигердом I [Siyar…, 1962. P. 53–55]. Здесь, однако, мы сталкиваемся с обычным для легенд явлением, когда

никам, не отразилось на Михр-Нарсе, можно предполагать, что тогда Ездигерд ещё продолжал опираться на него, и расстановка сил на вершине власти в целом оставалась прежней.

Изучение истории карьеры Михр-Нарсе позволяет сделать некоторые общие выводы о взаимоотношениях царя и знати в V в. Репрессии Ездигерда I были направлены на подчинение знати власти царя; можно, следовательно, предполагать, что они коснулись в первую очередь Суренов и Михранов, которые были весьма влиятельными при Шапуре II, но в V в. практически не упоминаются в источниках. На первые роли выдвинулись Михр-Нарсе и незаметные прежде Спандияды, которые были лояльны к царю, но при этом не проявляли открытой враждебности к аристократии, чем, несомненно, снискали её симпатии. Это позволило Михр-Нарсе сохранить ведущие позиции среди сановников и при преемниках Ездигерда I. Однако, опала Михр-Нарсе при Ездигерде II привела, по-видимому, к появлению своего рода вакуума, что, в свою очередь, создало почву для борьбы среди аристократии. Эти события будут рассмотрены в главе 2.

– Духовенство

Духовенство играло в жизни Сасанидской державы важнейшую роль. Зороастрийская теологическая система была построена на постулате о противоборстве двух начал – доброго и злого. Каждый человек был изначально вовлечён в эту борьбу, и любое его действие либо умножало добро, либо усиливало зло. Слово священнослужителя, религиозного наставника, важное в любом традиционном обществе, имело для зороастрийцев особую значимость.

Мобеды

Высший разряд духовенства составляли мобеды, которые не только доводили до людей зороастрийские религиозные догмы и совершали церемонии [The Persian Rivayats…, 1932. P. 334], но и выполняли определённые общественные функции, важнейшей из которых было судопроизводство. Об этом прямо

дурные поступки приписываются тем, кого считают злодеями – а именно таким предстаёт Ездигерд I в персидских традициях.

говорится в «Книге тысячи решений», где мы, в частности, читаем, что мобеды могли решать любые вопросы, входившие в компетенцию судей. При неясности дела мобед был обязан приостановить вынесение решения [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 266–267, 294–295]. Со временем эта функция развивалась всё более; мусульманские авторы объясняют слово «мобед» как «судья» [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 103; Liber…, 1895. P. 37, 116].

Сан мобеда, кажется, был наследственным. Автор *Бундахишн*-а утверждает, что мобеды Фарса принадлежали к одному роду, который вёл своё происхождение от легендарного царя Манучихра [Pahlavi Texts…, 1880. P. 142, 147, 148]. Это подтверждает Аммиан Марцеллин, согласно которому маги (т.е. мобеды – *Д. М.*) происходят от одного рода [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 368–369].

На основании одной фразы из «Книги тысячи решений», которая, правда, дошла до нас не полностью, мы можем предполагать, что мобеды назначались указом (*frāmān*) царя [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 272–273]. Из-за многочисленности мобедов нельзя однозначно утверждать, что каждый из них был назначен таким образом. Вместе с тем, мы знаем, что царь назначал главу корпуса мобедов – верховного мобеда (*мобедан-мобед*-а). Ардашир I ещё до решающей победы над Артабаном IV назначил верховным мобедом своих владений человека, имя которого у ат-Табари пишется как *Fāh.r* (فاهر) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 816], а в «Собрании историй и рассказов» – как *Māh.r* (ماهر) [Muǧmal…, 2000. S. 74]. Бируни сообщает, что Шапур II назначал верховными мобедами людей, родословная которых восходила к Заратуштре или знаменитому мудрецу и подвижнику Адурбаду Махраспандану (о нём см. ниже) [Fück J., 1952. S. 76]. В приписываемой ал-Джахизу «Книге короны» приводится рассказ о том, как кандидат на должность верховного мобеда не получил назначения, так как на собеседовании с царём не смог произвести на него благоприятного впечатления [Djâẖiz̲, 1914. P. 15–16].

Как главный священнослужитель верховный мобед пользовался огромным влиянием. В «Книге тысячи решений» прямо указывается:

«Верховный мобед [таков], что, если какой-либо человек станет говорить о чём-то, это будет сомнительным; если же вы-

скажется верховный мобед, это не подлежит сомнению» [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 272–273][127].

По словам некоторых мусульманских авторов верховный мобед у персов был подобен пророку [Solwan…, 1852. Vol. I, P. 209; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 103].

Хирбеды

Другую группу священнослужителей составляли хирбеды. Судя по источникам, они выполняли только религиозные функции. Мусульманские авторы считали, что слово *хирбед* означает «служитель [священного] огня» (*ḫādim al-nār*, *qayyim al-nār*) [Liber…, 1895. P. 116; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 202] или «смотритель святилища огня» (*ṣāḥib bayt al-nār*) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2627]. Однако, хирбеды не только поддерживали священные огни и обслуживали храмы, но и руководили религиозными церемониями [Pahlavi Texts, 1882. P. 205]. Зная положения Авесты и Зенда, хирбед выступал наставником [Pahlavi Texts, 1882. P. 151–153; ср. The Persian Rivayats…, 1932. P. 334].

Как и мобеды, хирбеды составляли замкнутую прослойку. Хирбедом мог стать только сын хирбеда, посвящённый на особой церемонии [The Persian Rivayats…, 1932. P. 419][128]. Над всеми стоял верховный хирбед (*хирбедан-хирбед*), о котором мы знаем от ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 869].

---

[127] Здесь, очевидно, автор «Книги» оказался в затруднительном положении, так как мнение верховного мобеда теоретически могло противоречить воле царя. Видимо, поэтому далее прибавлено: «Но нельзя быть выше приказа правителя, так как он непреложен в том, что не относится к делам сословия священнослужителей; поступать следует по воле правителя и мирскому закону» [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 294–295]. В переводе мы сочли возможным изменить не поддающееся толкованию чтение *yāt-gēhān* на *dād-i-gēhān* (мирской закон), имея в виду, что среднеперсидское [illegible] можно читать и как *yāt* (*yād*), и как *dād*. Кроме того, последнее *pat-š* текста как он восстановлен в издании можно читать и как *padīh* («превосходство»); в этом случае перевод должен быть примерно таким: «лучше всего поступать по велению правителей и мирскому закону».

[128] По всей вероятности, такая наследственность была характерна и для мобедов.

Рад-ы и *даствар*-ы

Как и в современном языке, слово *рад* в сасанидские времена было многозначным. Его основным значением было «начальник» или «руководитель». В государственной администрации *рад* был чиновником, который, наряду с *амаргар*-ом, отвечал за сбор податей и, соответственно, был наделён определённой властью [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 294–297]. В том, что касалось религии, эта власть понималась как духовное руководство. О роли *рад*-а как учителя прямо говорится в пересказе авестийских текстов (*наск*-ов) в *Динкард*-е [The Dinkard, 1917. Ср.-перс. текст, с. 42]. В том же источнике мы обнаруживаем понятия *rad-pēšag* (мн.ч. *rad-pēšagān*) и *rad-pēšag-sardārīh* [The Dinkard, 1915. Ср.-перс. текст, с. 12–13; The Dinkard, 1917. Ср.-перс. текст, с. 43]. Первое из них означало принадлежность к сословию *рад*-ов, второе – верховенство над ним. Предводитель этого сословия считался главой общества в делах исправления пороков, подавления греха, подаяния нуждающимся и назначения священнослужителей для выполнения обрядов. Имеются в виду, конечно, сословие священнослужителей и его предводитель – верховный мобед. Тем самым, наставниками-*рад*-ами были священнослужители для общества в целом и наиболее авторитетные вероучители – для них самих.

Сходным по значению было понятие *даствар* (или *дастур*), которое также не имело официального статуса и относилось к духовному наставнику, мобеду или хирбеду. Одна персидская молитва содержит призыв к Ахура-Мазде объявить, что религию следует поддерживать с помощью *даствар*-а [Translation…, 1963. P. 13]. Согласно *Динкард*-у, *даствар* извещал человека о том, стоит ли ему браться за то или иное дело [The Dinkard, 1894. Ср.-перс. текст, с. 366; The Complete Text, 1911. P. 331].

В восприятии зороастрийцев наставник-*даствар* принадлежал к лучшим из людей и стоял в одном ряду с царём:

«Лучшие из всех людей – владыка над всеми людьми, мудрый правитель, и *даствар* [этого] времени»[129] [The Dinkard, 1894. Ср.-перс. текст, с. 369; The Complete Text, 1911. P. 334].

---

[129] *Pahlūm-i-mardōmān hamāg mardōmān ḫ(w)adāy dēhōbad dānāg ud dēn dastwar-i-zamānag*.

Интересно, что далее в том же фрагменте к *даствар*-ам причисляется Заратуштра:

«А из лучших *даствар*-ов наилучшим был Заратуштра, потомок Спитамы; он сильнее [всех] в мире [повлиял] на души людей»[130] [The Dinkard, 1894. Ср.-перс. текст, с. 370; The Complete Text, 1911. P. 334].

Хотя из источников можно заключить, что *даствар* мог быть у любого человека [The Dinkard, 1926. Ср.-перс. текст, с. 26], его деятельность не ограничивалась наставничеством среди мирян. В одном фрагменте *Динкард*-а мы находим «*даствар*-а хирбедов» (*dastwar-i-hērbedān*) [The Dinkard, 1928. Ср.-перс. текст, с. 17]. Учитывая отмеченную выше замкнутость корпуса хирбедов, мы можем предположить, что наиболее авторитетные из них становились наставниками для остальных.

Порйоткиш-и

Слово *порйоткиш* вернее всего переводить как «вероучитель». Это можно проиллюстрировать следующим фрагментом из *Динкард*-а:

«*Порйоткиш* – человек, который в совершенстве умеет славно хранить Авесту и правильный Зенд, доводить до мирян их очевидные [истины], верно толковать их, выявлять заблуждения тех, кто в споре выдвигает противные доводы, оценивать нужду, давать наставления о засухе и влаге, совершать поклонение божествам, направлять, как наставник, решения правителей, судить людей, давать четырём сословиям людей, стремящихся действовать в соответствии со своим призванием, на вопрос верный ответ [, основанный] на этом установлении, быть учителем и совершать обряды, а также поддерживать в употреблении иное что соответствует [учению] людей духовного звания…» [The Dinkard, 1900. Ср.-перс. текст, с. 467; The Complete Text…, 1911. Part I, P. 424][131].

---

[130] *Ud az pahlūmān dēn dastwarān Spītāmān Zardūšt pahlūm būd kardārtōm gētīg i pad rūwān-i-mardōm*.

[131] *Pōryōtkēš kas ka-š Awistag ud Zand drudist ḫu-abīhā* (или *awāzīhā*. – *Д. М.*) *pādan az-š pēdāgīh ō gēhānīgān agāhēnidan ud farroḫīhā wizārdan ud ǧud-paygārān ērangīh pēdāgēnīdan ud* (это слово отсутствует в издании 1911 г.– *Д. М.*) *niyāzišnīg andāḫtan ud hāḫtagān-i-ḫuškīh ud namgarīh ud yazišn yazdān dastwarīh dēhōbadān wizīr ud dādwarīh-i-*

В источниках к *порйоткиш*-ам относятся наиболее известные зороастрийские мудрецы – прежде всего Адурбад Махраспандан[132]. Можно сказать, что *порйоткиш*-и определяли лицо зороастризма как религии. Показателен следующий эпизод. В VII в. христианский мученик Мар Гиваргис, был предан суду за отречение от зороастризма, который он прежде исповедовал. Его обязали изложить показания в письменном виде. Не желая называть зороастризм «лучшим вероучением» (*wēhdēn*), как он официально именовался, Мар Гиваргис назвал его *порйоткиш*-ством (сир. *pūrīqīšyah*, от ср.-перс. *pōryōtkēšīh*) [Histoire..., 1896. P. 526].

Жизнь зороастрийского духовенства и его роль в обществ и государстве

Материальное положение зороастрийских священнослужителей было неодинаковым. Их содержание по крайней мере в теории было обязанностью податного сословия. В пересказе *наск*-ов в *Динкард*-е говорится:

«[Обязанность обеспечить то, чтобы] у священнослужителей было пропитание – на *вастарйош*-ах» [The Complete Text…, 1911. Part II, P. 863; The Dinkard, 1926. Ср.-перс. текст, с. 41][133].

Трудно, однако, сказать, что стоит за этими словами. У нас нет данных, позволяющих утверждать, что в пользу священнослужителей поступала часть податей. Возможно, речь шла о моральной обязанности. В одном среднеперсидском тексте, ко-

---

kēšwarīgān kardan ud čahār pēšag mardōm pad ḫ(w)ēškārīh wizīdār pad pūrsišn passoḫ-i-čamīg az ān ayēnag ud čāšīdārīh ud yaštārīh ud abārīg asrawan niyābag rawāg dāštan spurrigihēd šāyēd…

[132] Адурбад Махраспандан был современником Шапура II; точные даты жизни этого яркого исторического персонажа неизвестны. Для настоящей работы наиболее важен рассказ источников о его победе в ордалиях – испытании расплавленной медью. Согласно источникам, Адурбаду на грудь вылили расплавленную медь, но он остался невредимым, что убедило свидетелей в правильности его учения [The Book…, 1872. Ср.-перс. текст, с. 5; Pahlavi Texts, 1880. P. 199; Pahlavi Texts., 1885. P. 171; The Ta'ríkh-i-Guzída…, 1910. P. 109; The Persian Rivayats…, 1932. P. 46; Translation…, 1963. P. 118; Muǧmal…, 2000. S. 55].

[133] *…ḫūrišn dārišn-i-asrawanān abar wāstaryōšān*. Слово *wāstaryōšān* означает здесь, кажется, податное сословие в целом.

торый в рукописях обычно прилагается к трактату «Закон вероучения» (*Dādastān-i-dēnīg*), указывается, что люди должны подавать *даствар*-ам, и с этим согласны все [The Pahlavi Rivāyat…, 1990. Vol. II, P. 298].

В самом «Законе вероучения» подробно рассказывается о том, как хирбед мог зарабатывать на жизнь, если доходов от исполнения обязанностей священнослужителя ему не хватало. Подразумевается, очевидно, что выполнение обязанностей хирбеда приносило доходы, однако в источнике, к сожалению, не указывается, какие именно. Но продолжается текст совсем в ином тоне. Хирбеду разрешалось взимать плату за исполнение религиозных обрядов. Если этих доходов не хватало, он мог заниматься сельским хозяйством, разводить овец или работать писцом. Если и этого было недостаточно, ему разрешалось заниматься военным делом или охотиться. В самом крайнем случае дозволялось собирать милостыню [Pahlavi Texts..., 1882. P. 154–155]. О платном отправлении обрядов в том же трактате упоминается ещё дважды [Pahlavi Texts..., 1882. P. 201–202, 250–253]. Упоминание о гонораре священнослужителя, со ссылкой на более ранние источники, есть и в трактате *Хирбедистан* [Aerpatastan…, 1915. P. 11]. Заметим, что упоминание о возможности заниматься военным делом не может относиться к исламской эпохе; рассматриваемый фрагмент из «Закона вероучения» должен, следовательно, восходить к сасанидским временам.

Роль священнослужителей в обществе определялась, конечно, не их материальным положением, а влиянием на умы людей. Мы видим это уже в парфянскую эпоху. Страбон, опираясь на свои источники, отмечает, что у парфян существовал высший совет, избиравший царя; одна половина его состояла из членов царского рода, другая – из мудрецов и магов [The Geography…, 1928. P. 276–277]. О влиянии последних можно судить и по той приверженности зороастризму, которую, судя по «Истории посланника Мар Мари» (*Tâš‘īṯā ḏ-Mâr Mārī Šlīḥā*), демонстрировали жители Селевкии [Les Actes…, 2003. P. 29][134].

[134] О Мар Мари и его проповеднической деятельности во владениях парфян, а также полемике с огнепоклонниками (зороастрийцами) см. ниже.

Правление Сасанидов изображается в источниках как время ещё большего повышения роли зороастрийского духовенства. Наиболее показательны слова Агафия Миринейского:

«... с того времени племя (φῦλον)[135] магов усилилось и возгордилось. Так было и прежде; оно имело это название, но было лишено почестей и свободы речи, подчинялось власть имущим и должно было вести себя осмотрительно» [Agathiae…, 1828. P. 122].

Время, о котором говорит Агафий – период правления Ардашира I, который, судя по сведениям источников, был стойким приверженцем зороастрийской религии и лично участвовал в таинствах [Agathiae…, 1828. P. 122]. Среди его начинаний источники отмечают строительство многочисленных святилищ огня [Sources, 1908. P. 31; The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 17, 19, 42–43] и унификацию священных трактатов зороастризма[136]. Отношения Ардашира I и его преемников с зороастрийским духовенством составляют отдельный объект исследования, но не приходится сомневаться, что священнослужители выступали близкими союзниками царя[137]. В то же время, при

---

[135] О происхождении магов см. выше.

[136] В зороастрийской литературе история унификации религиозных трактатов связана с личностью Тосара, ближайшего сподвижника Ардашира. Сведения о деятельности Тосара рассмотрены в гл. 2 ч. II.

[137] Яркий пример тому – карьера мобеда Кардира, о которой мы знаем из его надписей. Кардир подробно распространяется о своих заслугах перед державой, которые, по его словам, состояли в том, что он выполнял религиозные церемонии, строил святилища огня, назначал священнослужителей (в том числе – и на территориях, занятых сасанидскими войсками во время походов Шапура I против Рима), преследовал отступников от зороастрийского вероучения и иноверцев – иудеев, шраманов (буддистов), брахманов, назореев, христиан, не известных по другим источникам *мактик*-ов и *зандик*-ов (еретиков). Сасанидские цари начиная с Ардашира последовательно возвышали Кардира. Шапур I сделал его хирбедом. При Хормузде I Кардир стал мобедом и получил пояс и тиару, которые в Сасанидской державе означали принадлежность к определённому разряду в государственной иерархии. Особенно милостиво относился к Кардиру Варахран II. При нём Кардир стал верховным мобедом и судьёй всей державы, был причислен к *вузург*-ам и получил почётное звание «спасителя души Варахрана» [Sprengling M., 1953. P. 38, 49–53, 66–67; Chaumont M.-L., 1960. P. 341–349; Gignoux Ph., 1968. P. 390–399].

критическом изучении источников нельзя однозначно сказать, в чём именно состояло то повышение влияния духовенства, о котором говорит Агафий. Строительство святилищ огня и сбор религиозной литературы (вероятно – в целях кодификации)[138] происходили и в парфянскую эпоху. Видимо, сообщение Агафия Миринейского отражает дошедшие до него представления той части зороастрийского духовенства, которая при парфянах не играла заметной роли, но возвысилась с установлением власти Сасанидов. Логично предполагать, что Ардашир возвышал прежде всего священнослужителей из Фарса, из которых, как мы видели, избрал верховного мобеда ещё до окончательной победы над парфянами.

Подчиняясь царям, зороастрийские священнослужители одновременно оказывали на них и некоторое обратное воздействие. Статус обладателей священного знания, недоступного подчас даже высшим слоям общества, давал им возможность говорить с позиций божественной мудрости и наставлять знать и царей. Пример этого – дошедшая до нас в *Динкард*-е таблица соотношения мирского и духовного, которую верховный мобед Адурбад Зардуштан составил в назидание Ездигерду I [The Dinkard, 1883. Ср.-перс. текст, с. 162–164][139].

Рассказы Кардира о себе в принципе соответствуют тому, что мы знаем по другим источникам. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» Кардир фигурирует как хирбед. Хотя в списке приближённых царя Кардир занимает одно из последних мест, он – единственный кто упомянут в надписи как священнослужитель [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 330–331]. Последнее упоминание о Кардире встречается в надписи Нарсе, где он именуется мобедом, но занимает место сразу после Сасанидов и Сурена, выше многих вельмож [Herzfeld E., 1924. P. 103]. Трудно не заметить, что эти сведения контрастируют с полным отсутствием каких-либо изречений Кардира или даже упоминаний о нём в зороастрийской религиозной литературе. Это можно объяснить лишь тем, что Кардир был не вероучителем, а организатором, занимавшимся главным образом практическими вопросами.

[138] Об этом собирании религиозных книг упоминают даже равнодушные к Аршакидам авторы *Динкард*-а [The Dinkard, 1900. Ср.-перс. текст, с. 456].

[139] Это поучение как образец религиозной мысли сасанидского времени заслуживает отдельного исследования. Между тем, ссылаясь

Дуалистические зороастрийцы и зурваниты

Зороастризм сасанидского времени невозможно представить себе без его главной теологической проблемы, связанной с учением зурванитов. Поскольку изучение зороастрийской догматики не входит в предмет настоящей работы, мы ограничимся здесь лишь несколькими замечаниями. Одно течение в зороастризме исходило из того, что верховные божества добра и зла, Ахура-Мазда и Ахриман, существовали изначально[140]; мы

на него как на пример, мы должны сделать некоторые комментарии. Можно видеть противоречие в том, что адресат поучения в тексте *Динкард*-а именуется Ездигердом (Яздкардом), сыном Шапура, тогда как Ездигерда I обычно считают сыном Варахрана IV. Возможность идентификации явствует из того, что, согласно ат-Табари, некоторые персидские знатоки родословных полагали, что Ездигерд I был братом Варахрана IV, т.е. сыном Шапура II [Annales…, 1964. Ser. I, p. 847]. В некоторых источниках, в частности, зороастрийских, Ездигерд I именуется сыном Шапура [Gihan-numa…, 1818. Pars I, p. 317; Jâmâspi…, 1903. P. 117; The Persian Rivayats…, 1932. P. 483; Nyberg H. S., 1964. P. 114]. Очевидно, этой точки зрения придерживался и автор данного фрагмента *Динкард*-а. О том, что Адурбад Зардуштан был верховным мобедом, свидетельствует одно его приписываемое ему высказывание, которое обнаруживается в среднеперсидских текстах [The Pahlavi Texts, 1913. P. 81]. Правда, оно кажется скорее легендарным и апокрифичным: Адурбад якобы сообщает, что прожил 150 лет и 90 из них был верховным мобедом. Но, при всём справедливом недоверии к цифрам, можно, кажется, полагать, что Адурбад действительно занимал эту должность в течение длительного времени. Исторический контекст говорит в пользу допущения того, что такое поучение действительно существовало. Одна из персидских традиций, воспроизводимая у ат-Табари, упрекает Ездигерда I в пренебрежении к знаниям окружающих [Annales..., 1964. Ser. I, p. 848]. Поучение как оно интерпретируется в *Динкард*-е представляет собой указание на неразрывную связь мирского, в том числе и царской власти, и духовного, однако сама таблица, т.е. текст Адурбада, не содержит никаких определённых идей и допускает различные трактовки. Можно предположить, что поучение Адурбада стало ответом духовенства на своевольные действия Ездигерда, но верховный мобед, зная отмеченную выше склонность царя к репрессиям, высказался обтекаемо.

[140] Эта позиция лучше всего представлена в кратком списке *Бундахишн*-а: Ахура-Мазда был, есть и будет, Ахриман был и есть, но не будет, то есть погибнет [Der Bundehesn, 1868. Ср.-перс. текст, с. 1].

будем называть его дуалистическим. Доктрина зурванитов утверждала, что Ахура-Мазда и Ахриман не существовали изначально, но были порождены общим для них отцом – Зурваном, которого, судя по имени, считают божеством времени.

Сведения о зурванитах и их учении подробно рассматриваются в литературе по религиоведению, однако для того, чтобы представить себе религиозную ситуацию в Сасанидском государстве, следует ещё раз обратиться к имеющимся данным источников. Надписи времён первых Сасанидов не содержат никаких проявлений их приверженности зурванитскому учению, однако среди сановников Шапура I мы находим некоего Зурвандада, т.е. «данного Зурваном» [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 330–331]. Едва ли это имя могло появиться у кого-то, кроме почитателей Зурвана.

В дошедших до нас фрагментах трактатов Мани (III в.) имя *Зурван* применяется к Богу (Книга великанов) [Henning W.B., 1943. P. 63] или к Богу-Отцу (Живое Евангелие) [Manichaean Texts, 2004. P. 158].

В IV в. христианский мученик Пусиг заявил Шапуру II, что верховное божество зороастрийцев – брат сатаны [Acta…, 1891. P. 221; Braun O., 1915. S. 67]. Это применимо только к зурванитской доктрине, в которой, как показано выше, Ахура-Мазда и Ахриман происходили от одного и того же отца.

Согласно истории, приписываемой Фавстосу Бузанду, в конце IV в. у персидского царя была сестра по имени Зрвандухт (Зурвандохт, т.е. буквально «Дочь Зурвана») [История…. 1953. С. 201]. В этом отрывке царь не называется по имени, однако из контекста можно заключить, что речь идёт о Шапуре III. Это, в свою очередь, означает, что именем «дочь Зурвана» назвал свою дочь Шапур II, который, судя по словам Пусига (см выше), придерживался зурванитского учения.

Для V в. есть немало свидетельств, сохранившихся у армянских авторов. Езник Кохбаци в трактате «Книга опровержений (о добре и зле)» представляет вероучение персов как зурванитское [Езник Кохбаци, 1968. С. 85–99]. В трактате Мовсеса Хоренаци говорится, что Зрадашт (Заратуштра) называл Зрвана (Зурвана) началом и концом богов [Мовсес

Хоренаци, 1990. С. 14]. Эти утверждения могли произойти только от общения армян с персами-зурванитами, сведения о котором обнаруживаются у Егишэ. Последний приводит письмо Михр-Нарсе к знати и духовенству Армении, в котором даётся изложение зороастрийского учения в его зурванитской интерпретации [Егишэ, 1971. С. 40]. За достоверность передачи текста послания, конечно, трудно поручиться, однако из того, что одного из своих сыновей Михр-Нарсе назвал Зурвандадом (см. выше), явствует, что он был зурванитом.

Для последующих времён какие-либо однозначные указания отсутствуют. Есть некоторый соблазн считать, что опала Михр-Нарсе ознаменовала собой начало отхода от зурванитского учения, однако её могли вызвать и иные причины. Вообще говоря, судя по отсутствию следов какой-либо полемики в зороастрийской литературе, идейного антагонизма между зурванитами и «дуалистическими» зороастрийцами не было. На основании этого можно судить, что не было и преследований приверженцев какой-либо из двух доктрин; скорее, обе продолжали уживаться в обществе и при дворе.

– Податное сословие

О податном сословии Сасанидской державы нам известно очень немного. В условиях аграрной экономики основу его должны были составлять крестьяне. Некоторые аспекты их отношений со знатью рассмотрены выше. Помимо крестьян к податному сословию относились ремесленники и торговцы. Их роль в обществе была, видимо, незначительной. Несмотря на приведённый выше фрагмент *Динкард*-а, есть, кажется, основания полагать, что в Сасанидском государстве ремесленники не считались отдельным сословием. Это видно по следующему фрагменту из описания высших сасанидских чиновников у ал-Масуди:

«*Хутохш-бад* (*hūtuḫšah-bad*) объясняется как попечитель (*ḥāfiẓ*) всех кто трудится собственноручно, как ремесленники, крестьяне, торговцы и иные, и их предводитель. Среди них (персов. – *Д. М.*) есть те, кто называют его *wāstaryūš*[141]» [Kitâb at-Tanbîh..., 1894. P. 104].

[141] Т.е. *wāstaryōšān-sālār* (см. ниже).

Форма *hūtuḫšah* (в арабской графике – هوتخشه) – конъектура издателя текста М. Я. Де Гуйе, который по совету Дж. Дармстетера выводил её из среднеперсидского *hūtuḫš* (ремесленник). Но в рукописях, которыми он пользовался, стоит иная форма – استحشه. Графическая разница между этими написаниями, особенно хорошо заметная в начале слова, делает предложенную конъектуру маловероятной; решение следует искать ближе к исходной форме. Наиболее правдоподобный вариант – واستريشه (*wāstaryušah* или *wāstarīšah*). Ал-Масуди, видимо, приводит различные слышанные им формы одного и того же названия – *wāstaryōš-bad* и *wāstaryōš*. Этот *вастарйош-бад*, бывший, согласно ал-Масуди, предводителем, тождествен с *вастарйошан-салар*-ом, т.е. главой податного сословия, о котором говорилось выше. Тем самым, ремесленники подчинялись *вастарйошан-салар*-у, т.е. принадлежали к *вастарйош*-ам и образовывали не отдельное сословие, а скорее прослойку податного сословия. Возвращаясь к фрагментам *Динкард*-а, рассмотренным в начале настоящей главы, мы можем заключить, что их авторы излагают прежде всего свои собственные воззрения, а не реалии сасанидского времени. Но и эти воззрения весьма показательны. Заслуживает внимания другой фрагмент *Динкард*-а, в котором ремесленникам отводится лишь роль «помощника» по отношению ко всем прочим сословиям, в том числе и крестьянскому[142].

Торговцы в тексте *Динкард*-а занимают последнее место среди социальных групп; их занятие считается наименее почётным. Ввиду высказанных ранее наблюдений о характере этого текста логично задаться вопросом, что стоит за этими словами – пренебрежение автора, посвятившего себя служению духовному началу, к людям, по определению стремившимся к выгоде, представления, вынесенные из прошлого, когда торговля у персов была слабо развита[143], или реальное положение дел в обществе. Согласно источникам персидские торговцы вели

---

[142] «Сословие ремесленников есть помощник тех трёх [сословий]» (*Hūtuḫšīh ān sē pēšag ayār*) [The Dinkard, 1874. Ср.-перс. текст, с. 24; The Complete Text…, 1911. P. 22].

[143] На это указывает следующее высказывание Страбона: «… они (персы. – *Д. М.*) не заходят на рынок, не продают и не покупают» [The Geography…, 1930. P. 182–183].

крупные операции. Уже в парфянское время города Хузестана Сузы и Шуштар были населены торговцами. Купцы из Хузестана и Фарса отправлялись по торговым делам на запад [Les Actes..., 2003. P. 43], т.е. в Ирак. Когда впоследствии, при Шапуре I, был построен Хормузд-Ардашир (нынешний Ахваз), одну часть города отвели знати, а другую – торговцам. Эта «торговая сторона» стала называться *Хузестан-вазар*, т.е. рынок Хузестана [Hamzae…, 1844. P. 47].

Источники говорят о развитии как внутренней, так и внешней торговли. В рассказах об арабском завоевании Ирана упоминаются процветающие ярмарки в районе ал-Анбара – в ал-Ханафис и Багдаде[144]; их посещали торговцы из Ктесифона и Савада [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2203], но также из Хузестана, Фарса и других областей [Ал-Ахбар..., 1960. С. 116]. Описывая ярмарку в Багдаде, один житель Хиры заявил арабам, что туда привозят столько товаров, что их стоимость сопоставима с царской казной [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2203–2204]. Развивалась торговля и за пределами державы. В одной космографии середины IV в. богатство персов объясняется их торговлей с соседними народами [Geographi…, 1861. P. 516]. Филосторг в рассказе о первой половине того же столетия называл дальние пределы владений царя Йемена, расположенные вблизи Персидского залива, персидским торговым анклавом [Philostorgius, 1913. S. 34]. Имеется в виду, очевидно, Оман, который для более поздних времён описывается в мусульманской географии почти в тех же выражениях: «рынок для всего мира» (*bārkadah-i-hameh ǧahān*) [Худуд..., 1961/1962. С. 169] или «морской [торговый] порт» (*furḍat al-baḥr*) [Муджам ма истаджам..., 1983. С. 970]. Персидских купцов можно было встретить и на других направлениях. Один торговец жемчугом и драгоценными камнями послал сына торговать в Византию; тот ехал через Нисибин [Liber…, 1901. P. 468]. В середине VI в., уже при Хосрове Ануширване, Козьма Индикоплов сообщает о прибытии персов на Цейлон [The Christian Topography…, 1909. P. 323].

С развитием торговли росли портовые города. Важнейшим портом была Убулла в нижнем течении Тигра, которая в источ-

---

[144] По ат-Табари, ярмарка в Багдаде была ежегодной [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2203], по ад-Динавари – ежемесячной [Ал-Ахбар..., 1960. С. 116].

никах по арабскому завоеванию неизменно предстаёт как центр торговли, главным образом – с Индией[145]. На побережье Фарса аналогичную роль играл Сираф, который, согласно Якуту, в древние времена был торговым портом в сношениях с Индией (*furḍat al-Hind*) [Yāqūt…, 1957. T. III, P. 294].

При столь значительном размахе операций обращает на себя внимание практически полное отсутствие элементов торгового права – например, норм о купеческих товариществах – в «Книге тысячи решений». Конечно, «Книга» дошла до нас не полностью, а её автор явно не интересовался ни торговлей, ни её государственным регулированием. И всё же такое молчание показательно. По всей вероятности, торговля сасанидских времён велась в основном как закрытое «семейное дело»; делами занимались близкие родственники, и потому споры не рассматривались в судах. В таком случае иранское купечество было глубоко разобщённым и не могло сплотиться в одну социальную прослойку, объединённую общими интересами его членов.

Наряду с персами торговлей занимались и представители иных этноконфессиональных общин. Христианский подвижник Рэббэн Бэр Сахде до ухода в монастырь был купцом и совершал торговые поездки в Индию [Liber…, 1901. P. 487]. Иудеи вели торговлю в бассейне Красного моря, что, согласно Феофилакту Симокатте, помогло им скопить немалые богатства [Theophylacti..., 1834. P. 218].

Судя по некоторым данным, торговля подвергалась государственному регулированию. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» среди его сановников упомянут некий Вород или Вируд, носивший титул *вазарбад* (в греческом тексте – ἀγορανόμος), т.е. заведующий рынком [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 330–331]. Функции этого чиновника в надписи не описаны, но логично предполагать, что *вазарбад* должен был пресекать те действия торговцев, которые считались неправомерными. О таковых мы можем судить по следующим упоминаниям в источниках. В «Книге об Арда-Вирафе» среди грешников фигурирует человек, который

---

[145] Ал-Балазури называет Убуллу портом (*furḍa*) торговли с Бахрейном, Оманом, Индией и Китаем [Liber…, 1863. P. 341], а ат-Табари – зоной контактов (*farǧ*, *furǧa*) с Индией и Синдом [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2016, 2021].

«имел неверные кафиз, [мерный] сосуд, вес и меру, примешивал воду к вину, добавлял землю к зерну и по высокой цене продавал людям[146]» [The Book of Arda Viraf…, 1872. P.59].

В других трактатах осуждаются действия тех, кто скупал зерно и придерживал его в ожидании роста цен; это считалось грехом. В то же время, допускалась покупать товары в одном месте и с прибылью перепродавать в другом. Это, видимо, относилось и к зерну, хотя вводились дополнительные требования: его следовало покупать там, где оно было в избытке, а затем продавать по общепринятым (т.е. рыночным) ценам [Pahlavi Texts, 1882. P. 174–176; The Persian Rivayats…, 1932. P. 531][147].

Податное сословие несло налоговую нагрузку, о которой для времени, предшествующего правлению Кавада и Хосрова, мы имеем лишь приблизительное понятие. Можно сказать, что подати были разнообразны и охватывали всевозможные объекты. Егишэ называет некоторые подати, которые наместник Ездигерда II наложил на население Армении – *мут*, *сак* (ср. ср.-перс. *sāg*), *баж* (ср. ср.-перс. *bāž*), *хас* [Егишэ, 1971. С. 39]. В более раннем издании труда Егишэ эти термины переведены как сбор на лучшие съестные припасы, инструменты, доходы, пенсии [История…, 1853. С. 37]. Помимо этого, судя по другим переводам труда Егишэ, существовали подати на горы, долины и леса или их продукты [Eliseo, 1840. P. 31; История…, 1853. С. 37; Collection..., 1869. P. 190]. В хронике, приписываемой Захарии Митилинскому, сообщается, что в Арзанене при Каваде население платило подушную подать (*ksif rēšā*)[148], а также отдельный сбор на содержание наместника (*aksiyā* от греческого ἀξία) [Historia…, 1921. P. 97]. Судя по отдельным упоминаниям в источниках, эти подати были весьма обременительны. Егишэ резко осуждает действия сасанидского наместника, который взимал

---

[146] *…kafīz ud dūlak ud sang ud andāzag na rāst dāšt āb ō may gūmēḫt ud ḫāk ō yūrdag kard ud pad wahāg-i-gerān ō mardōmān frōḫt*.

[147] Отдельные запреты касались лишь зороастрийцев. Так, возбранялось продавать иноверцам рабов [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 28–29] и вино [Pahlavi Texts, 1882. P. 176–177].

[148] Подушная подать именовалась *gazīd*, о чём мы знаем по печати ведавшего её сбором чиновника – *gazīdbad*-а [Brunner Ch. J., 1979. P. 39].

подати вдвойне, причём даже с церквей, которые стояли в развалинах [Егишэ, 1971. С. 39]. Иисус Столпник (Иешу Стилит) сообщает, что Пероз повысил подушную подать (*ksif rēšā*) для выплаты эфталитам [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 10].

Были, вероятно, и другие повинности, из которых мы относительно точно представляем себе лишь воинскую[149]. Собранное, очевидно, принудительно крестьянское ополчение составляло пехоту, статус и боевые качества которой были невысоки и подчас вызывали пренебрежение как у своих, так и у чужих. Аммиан Марцеллин писал:

«Их пехотинцы … выполняют приказы как обозные слуги. Эта толпа, отданная в вечное рабство, служит, не получая ни жалования, ни даров» [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 394–395].

Приблизительно такую же характеристику сасанидской пехоты мы находим у Прокопия Кесарийского. По его словам в 530 г. перед сражением с сасанидскими войсками византийские командующие Велисарий и Гермоген обратились к своим бойцам с речью, где был в частности такой фрагмент:

«Пехота [Сасанидов] – не что иное как толпа жалких сельчан, которые идут на войну для того, чтобы пробивать [кре-

---

[149] Здесь, разумеется, необходимо задаться вопросом, были ли в Сасанидской державе трудовые повинности. В гл. 2 приводится перевод фрагмента истории ат-Табари, в котором Пероз освободил подданных от принудительных работ. Можно возразить, что ат-Табари в данном отрывке говорит языком своего времени, упоминая, например, мусульманские подати *харадж* и *джизью*, тогда как содержание исходных персидских категорий, вероятно, было иным. Однозначных свидетельств таких работ (не касаясь использования пленных) мы не имеем. В рассказе о церковном соборе 554 г. есть упоминание о *ʻbīdaṯā ḏ-mâlkā* [Synodicon…, 1902. P. 103, 346], что в принципе можно переводить как «царские работы». Однако, в одном смысловом ряду с этим словосочетанием стоит *mšakē ḏ-ʻalmā*, т.е. мирские суеты. В этом отношении *ʻbīdaṯā* вернее переводить как «действия». Следовательно, в данном известии нельзя видеть указание на такие работы. Но и отрицать их реальность едва ли правомерно. Сасаниды воздвигли немало городов, а кроме того, им нужны были дороги, крепости, ирригационные системы и т.д. Чтобы строить всё это, вряд ли было достаточно рабов, пленных или вольнонаёмных. Вероятно, люди из податного сословия привлекались для проведения принудительных работ.

постные] стены, грабить убитых и вообще служить воинам» [Procopius, 1914. P. 120–121].

Положение крестьян, ремесленников и торговцев характеризовалось низким правовым статусом. Они были бесправны перед лицом царя и знати. Аммиан Марцеллин сообщает, что персы (читай – аристократы)

«… присваивают себе право [решать вопросы] жизни и смерти рабов и безродных (*obscuros*) простолюдинов» [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 392–393].

Воспоминания о таком бесправии сохранились и в легенде о Раст-Равишне, где сообщается, что некий купец продал ему нить с жемчужинами. Сановник, однако, отказался платить и заключил купца в тюрьму [Siyar..., 1962. P. 34–35]. За достоверность рассказа трудно поручиться, однако сюжет выглядит вполне реалистично.

Не-зороастрийские религиозные общины

Религиозных течений на Ближнем Востоке того времени было множество, и в настоящей работе мы коснёмся лишь тех, на примере которых можно судить о политике Сасанидов по отношению к иноверцам.

– Христиане

Христианство начало распространяться на землях, ставших впоследствии владениями Сасанидов, ещё в парфянские времена. Проповедники приходили из Сирии, через север Ирака. Наиболее важная миссия описана в «Истории посланника Мар Мари». Этот проповедник крестил царей Арзанены, Адиабены и Бет-Гармай, наставлял жителей Забдицены и Арвастана[150], а затем направился на юг. В Селевкии деятельность Мар Мари не имела большого успеха, однако известно, что он крестил многих хузестанских торговцев [Les Actes…, 2003. P. 19–43][151]. Ес-

---

[150] Об Арвастане см. главу 3.

[151] Датировать эти события позволяют известия о том, что Мар Мари умер 19 июля 393 г. по «греческому» летосчислению [Maris…, 1899. P. 5; Maris…, 1906. P. 2], т.е. 19 июля 82 г., но при жизни исцелил сестру царя Артабана [Les Actes…, 2003. P. 36–40] – Аршакида

ли верить церковной истории Амра Ибн Маттая, Мари назначил епископа Кашкара (ал-Уасит), который стал первым епископом Востока [Maris…, 1906. P. 1]. Эти сведения единичны, однако через несколько десятилетий в источниках появляются епископы Арбелы и Забдицены [Sources..., 1908. P. 3–5][152], что указывает на наличие многочисленных христианских общин.

В дальнейшем христианское вероучение всё более распространялось по парфянским владениям. Согласно «Арбельской хронике», в первые годы власти Сасанидов было более двадцати епархий, из которых в источнике называются семнадцать. Этот список весьма показателен. Многие епархии расположены на севере современного Ирака и в сопредельных районах Ирана: Карха з-Бет-Слох (Киркук), Хнайта[153], Хульван (Сар-и-Пул-и-Захаб), Хирбат Глаль[154], Арзанена, Бет-Никатор (Кутруббул), Шахркард[155], Бет-Хэзайе[156] и Сингара. Ниже по течению Тигра

Артабана III (79/80–80/81). Тем самым, пребывание Мар Мари на востоке следует отнести к концу 70-х – началу 80-х годов I в.

[152] Принимаем хронологические построения издателя текста «Арбельской хроники» А. Минганы, согласно которому в Арбеле епископ появился в 104 г., а в Забдицене был в 120 г., но мог появиться и ранее [Sources…, 1908. P. 76–80]. Такая же хронология принята и в более позднем переводе хроники [Die Chronik…, 1985. S. 19, 21].

[153] Определить месторасположение Хнайты затруднительно. Мы можем судить о нём лишь по рассказу Феофилакта Симокатты о походе Хосрова Парвиза и византийцев против Варахрана Чубина (592 г.). Из него следует, что Хнайта находилась в Адиабене, между Большим и Малым Забом, и, скорее всего, западнее Арбелы [Theophylacti…, 1834. P. 215, 219–220].

[154] Идентифицируется с областью Геллала на реке Малый Заб [Hoffmann G., 1880. S. 261].

[155] Шахркард был расположен около Кархи з-Бет-Слох (Киркук) [Hoffmann G., 1880. S. 270–271].

[156] Бет-Хэзайе сирийских текстов следует отождествить с Хаззой мусульманских источников. Месторасположение Хаззы точно не известно. У Хамзы ал-Исфахани и ат-Табари она отождествляется с городом Буд-Ардашир, который Ардашир I построил в области Мосула [Hamzae…, 1844. P. 46; Annales..., 1964. Ser. I, P. 820]. Город с названием Буд-Ардашир действительно существовал. Известна печать *дар-амаргар*-а (придворного сборщика податей) Буд-Ардашира [Herzfeld E., 1924. P. 80–81]. Между тем, Якут утверждает, что Хазза

была расположена епархия с центром в Кашкаре, а далее – епархии Хузестана и Месены (Бет-Лапат, т.е. Гундишапур), Хормузд-Ардашир (Хузестан-Вазар, Сук ал-Ахваз) и Прат-Майсан[157]. Две епархии располагались на окраинах Сасанидской державы – в областях катарийцев[158] и дейлемитов (*daylūmayē*) [Sources…, 1908. P. 30]. Этот список неполон, но даёт основания для некоторых наблюдений. Прежде всего, нельзя не отметить, что самые сильные позиции церковь имела

(которую он тоже идентифицирует с Буд-Ардаширом) находилась в области Арбелы [Yāqūt, 1957. T. I, P. 256].

[157] Представляется вполне обоснованным утверждение Ж.-Б. Шабо о том, что Прат Майсан находился около современной Басры и был тождествен с сасанидским Вахман-Ардаширом [Synodicon…, 1902. P. 679]. В одном перечне несторианских епархий Прат Майсан прямо отождествляется с Басрой [Synodicon…, 1902. P. 619]. В известиях о несторианском соборе 554 г. мы читаем, что епископ Вахман-Ардашира был главой церкви Месены [Synodicon…, 1902. P. 89, 94, 345, 350]. Мусульманские авторы идентифицируют Вахман Ардашир с Фурат ал-Басра [Compendium…, 1885. P. 198; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 654; Цкитишвили О. В., 1977. Ар. текст, с. 4] или с Басрой [Histoire…, 1900. P. 485].

[158] В тексте источника – *Bēṯ q.ṭ.rayē*. Катарийцы жили на берегах Персидского залива. Ал-Истахри называет их *al-qaṭariyya* и собщает, что они занимались морским разбоем [Viae…, 1927. P. 33]. В пользу того, что в этой области был епископ, говорят сведения о состоявшемся в 677 г. соборе, на котором присутствовали епископы страны катарийцев, острова Дайрин (вероятно – остров Тарут в Персидском заливе около Бахрейна, где расположен город Дарин), Тирхана, страны оманцев (*madūnayē*; эта трактовка вытекает из того, что, согласно ал-Масуди, персы называли столицу Омана *Mazūn* [Maçoudi, 1861. P. 331]), Хаджара (*Hagar*) и ал-Хатта. Ат-Табари отождествляет ал-Хатт с городом Фаса Ардашир, который Ардашир I построил на Бахрейне [Annales…, 1964. Ser. I, P. 820]). Правда, Евтихий Александрийский в пересказе того же исходного сообщения утверждает, что ал-Хатт был построен в Саваде [Eutychii…, 1906. P. 108]. Но версия ат-Табари предпочтительна, так как ал-Идриси называет ал-Хатт одним из городов Бахрейна [Al-Idrīsī…, 1974. P. 386]. Местом проведения собора был остров Дайрин [Synodicon..., 1902. P. 216, 482]. Судя по тому, что в соборе приняли участие епископы только из районов северо-восточной Аравии и Персидского залива, земля катарийцев находилась там же. Вероятно, область катарийцев тождественна с сегодняшним Катаром.

в северном Ираке и Хузестане, т.е. там, где с наибольшим успехом проповедовал Мар Мари. Возможно, в этих областях христианские общины расширялись с конца I в. В Гундишапуре, согласно источникам, христианская община умножилась за счёт полона, приведённого Шапуром I из Антиохии [Maris…, 1899. P. 8; Maris…, 1906. P. 14; Histoire…, 1907. P. 221]. В то же время, в остальных областях Сасанидской державы христианские общины были менее заметными. Из «Арбельской хроники» мы узнаём, что в середине III века в ктесифонской агломерации христиан было немного [Sources…, 1908. P. 33]. Примечательно, что автор «Арбельской хроники» не называет епархий тех областей, где наиболее сильны были позиции зороастризма – прежде всего, Фарса и Азербайджана. Там зороастризм при поддержке государства оставался господствующей религией.

На первых порах ведущие роли в христианских общинах Сасанидской державы принадлежали выходцам с севера Ирака. В поздних церковных историях одними из первых предстоятелей христианской церкви Сасанидской державы называются Ахадабухи и Шэхлуфа [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 23–28; Maris…, 1899. P. 6–7; Maris…, 1906. P. 5–13; Eliae, 1909. P. 45]. Однако в более ранней «Арбельской хронике» Шэхлуфа и Ахадабухи фигурируют как епископы Адиабены [Sources…, 1908. P. 32–42]. Со временем, однако, главенствующее положение среди христиан Сасанидской державы перешло к епископу Ктесифона. Подробный рассказ об этом мы находим в той же «Арбельской хронике»: епископ Ктесифона Папа, рукоположённый епископами Арбелы и Суз, преодолел сопротивление многочисленных оппонентов и установил своё верховенство в церковной иерархии [Sources..., 1908. P. 41–45, 119–123][159]. Воз-

[159] В поздних церковных историях об этом ничего не сообщается, но их данные о Папе не вызывают доверия. Папа называется патриархом, преемником Шэхлуфы, но время его служения неправдоподобно растянуто: 67 лет [Eliae, 1909. P. 45], 69 [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 31–32], 70 [Maris…, 1899. P. 9] и даже 79 [Maris…, 1906. P. 15]. Мы видели, что список первых патриархов Ктесифона был искусственно расширен за счёт включения в него епископов Арбелы. Вероятно, авторы, данные которых воспроизводятся в церковных историях, и здесь идут действуют так же, удлиняя время служения первых патриархов, чтобы хронологически связать их с Мар Мари. Между тем, автор «Сиртской хроники», использовавший иные источники,

можно, этому в какой-то степени способствовали сасанидские власти, которым было куда проще контролировать предстоятелей христианской общины, когда они были в Ктесифоне, а не на границе с римскими владениями, в Адиабене [160].

Вторая половина III в. прошла для христианских общин в целым благоприятно. Число христиан росло за счёт пленных, которых приводили Шапур I и, вероятно, другие Сасаниды; общины имели возможность возводить церкви и совершать ритуалы [Histoire…, 1907. P. 220–221; Sozomenus, 1995. S. 61]. Сасанидские цари относились к христианам если не дружественно, то, во всяком случае, покровительственно. Шапур I и Варахран II изучали христианское вероучение; последний даже немного знал сирийский язык [Histoire…, 1907. P. 237]. Согласно церковным историям, выступления против христиан если и начинались, то быстро сходили на нет [Histoire…, 1907. P. 237–239; Sources…, 1908. P. 39–41]. О преследованиях, о которых в своих надписях говорит Кардир (см. прим. 137), христианские авторы уже ничего не помнят.

Положение резко изменилось с приходом к власти Шапура II. Этот царь вошёл в историю как жестокий и непримиримый гонитель христиан. До нас дошёл объёмный свод известий о мученичествах христианских подвижников, которые сохранились в сирийских и греческий версиях. Обычный сюжет мученичества состоит в том, что подвижника в течение какого-то времени разными способами, будь то уговорами или силой, склоняли к переходу в зороастризм и в ответ на отказ сменить веру казнили.

Судя по источникам, преследования христиан были вызваны несколькими причинами. Притягательная сила христианского вероучения постоянно привлекала к нему всё новых приверженцев, в том числе и знатных. Одними из первых мучеников

практически ничего не знает о Папе. Хронология этих событий неясна; видимо, они относятся к 10-м – 20-м годам IV в.

[160] Согласно «Арбельской хронике», епископы нуждались в Папе для дел, которые в тексте называются *ṣibwaṯā nūkrayaṯā*. Если понимать *nūkrayaṯā* как «сторонние, чуждые (христианам)», можно предположить, что речь идёт об отношениях с другими общинами – прежде всего с зороастрийской и, следовательно, с сасанидскими властями.

называются два сына и дочь одного из *кадагх(в)адай*-ев области Бет-Гармай [Hoffmann G., 1880. S. 9–16; Acta..., 1891. P. 1–39][161]. Вскоре после них мученичество принял Мар Муайн, которого Шапур II прежде сделал полководцем [Hoffmann G., 1880. S. 28–33]. Другой принявший мученичество христианин, Милит, происходил из Рея и в юности был послан ко двору царя. В этом виден обычай знатных родов парфянской и сасанидской эпох посылать юных отпрысков на службу при дворе царя или его наместника[162]. Возможно, Милит принадлежал к роду Михранов или Спандиядов. Прослужив некоторое время в войске, он затем принял крещение и стал епископом Суз[163]. Впоследствии при царском дворе служил в юности и другой молодой аристократ – Кардаг из рода Нахварганов, который впоследствии был наместником ряда пограничных районов, а далее принял мученичество[164]. Религиозные убеждения христиан исключали возможность признания ими сасанидского царя божеством[165]. К тому же Шапур II, вероятно, знал, что начиная с

---

[161] Их казнили 12 *канун*-а второго девятого года правления Шапура II, т.е. в январе 316 г.

[162] Следы этой традиции, идущей, очевидно, из аршакидских времён, сохранились в сасанидской литературе. В «Книге деяний Ардашира Папакана» рассказывается о его службе при дворе последнего из Аршакидов – Артабана IV [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 5–8]. Этот рассказ вряд ли достоверен: согласно традиции ат-Табари, Ардашир в детстве и юности пребывал при дворе аршакидского наместника Дарабгерда [Annales…, 1964. Ser. I, P. 815]. Но рассказчики времени поздних Сасанидов создали именно этот сюжет, поместив Ардашира в реалии своей эпохи. Из «Послания Тосара», фрагменты которого приведены в гл. 2 ч. II, видно, что этот обычай существовал при Хосрове I.

[163] О Милите мы знаем прежде всего из его мученичества [Assemani S.E., 1743. P. 66–79; Acta..., 1891. P. 260–275]. Он упоминается также у Созомена [Sozomenus..., 1995. S. 68–69] и в «Сиртской хронике [Histoire…, 1907. P. 236, 310].

[164] В данном случае мы располагаем подробным мученичеством [Acta…, 1890. P. 11–103; Acta..., 1891. P. 442–506], а также упоминаниями в других источниках [Le livre…, 1896. Сир. текст, с. 6; Maris Amri…, 1899. P. 21–22; Maris Amri..., 1906. P. 20].

[165] Этот мотив звучит уже в рассказе о мученичестве Брих-Иешу, Ионы и других (конец 324 или начало 325 г.) Мученики заявили, что считают царя смертным, чем вызвали гнев допрашивавших их

правления Константина Великого (312–337) христиане Римской империи пользовались покровительством государства[166]. Вероятно, царь боялся остаться в окружении чуждых ему по вере людей, которые не признавали «божественной» легитимности его власти и были более близки к врагам-римлянам, чем к другим его подданным. Именно так мотивируются его действия в «Повествовании о блаженном Симеоне Бэр Сэббаэ», согласно которому Шапур повелел наместникам центральной части Месопотамии:

«Как только вы увидите это повеление от нас, божественных[167], в этом этом послании, от нас присланном, схватите главу христиан (*naṣrayē*) Симеона[168] и не отпускайте его до тех пор, пока он не примет на себя обязательство собирать со всех христиан, которые находятся в земле [принадлежащей] нам, божественным, и поселились в наших владениях, и передавать нам подушную подать и [иные] подати в двойном размере, и не скрепит печатью грамоту [в подтверждение этого]. Ведь мы, божественные, испытываем тяготы и ведём войны, они же пребывают в покое и наслаждениях. Они живут в нашей земле, но держатся учения императора, нашего врага. И вот, мы сражаемся, а они пребывают в покое» [S. Simeon Bar Sabbaʿe, 1907. Col. 791].

зороастрийских священнослужителей [Assemani S. E., 1743. P. 217; Acta..., 1891. P. 42, 51; Les versions…, 1981. P. 424, 436]. В рассказе о мученичестве Шапура, епископа Бет-Никатора, Исаака, епископа Кархи з-Бет-Слох, и их сподвижников приводится их диалог с царём – возможно, апокрифический. Царь, который по традиции называет себя «происходящим от семени божеств», получает ответ, что христиане признают лишь одного Бога [Assemani S. E., 1743. P. 227; Acta..., 1891. P. 53]. В другом мученичестве епископ Кашкара Эвда заявляет в полемике с сасанидскими сановниками, что Шапур – не бог, а человек [Assemani S. E., 1743. P. 155; Acta..., 1891. P. 340].

[166] Созомен (ум. около 450 г.) прямо пишет, что Константин, узнав о преследованиях христиан в Сасанидской державе, направил письмо Шапуру II, призывая его прекратить гонения [Sozomenus, 1995. S. 69–70]. Аналогичные сведения обнаруживаются в житии Мар Муайна [Hoffmann G., 1880. S. 29]. Сходство сведений двух разных традиций говорит в пользу реальности письма.

[167] В этом фрагменте Шапур II называет себя буквально «богом». Предлагаемый перевод основан на изложенной выше интерпретации «божественного» статуса сасанидских царей.

[168] Имеется в виду Симеон Бэр Сэббаэ. О нём см. ниже.

То, что Шапур со временем стал видеть в христианах внутренних врагов, подтверждается и хронологией преследований. Хотя гонения случались и прежде[169], масштабные преследования начались приблизительно с 337–338 гг.[170] Как показано в главе 2, именно тогда, после смерти Константина Великого, Шапур II начал войну против Рима. При этом после заключения мира с императором-христианином Иовианом (363 г.) Шапур на время приостановил преследования[171].

Как и во времена Кардира, зороастрийское духовенство поддержало преследования христиан. В силу самоё сути вероучения зороастрийские священнослужители были идейными

---

[169] Мы видели, что отдельные случаи преследований и мученичеств имели место в 316 и 324/325 гг.

[170] Первая известная нам казнь епископов – Шапура (епископ Бет-Никатора) и Исаака (епископ Кархи з-Бет-Слох) приходится на тридцатый год правления Шапура II (3 сентября 336 – 2 сентября 337 [Braun O., 1915. S. 1–4; Parise F., 2002. P. 100]. В следующем, тридцать первом году правления Шапура (3 сентября 337 – 2 сентября 338) был схвачен предстоятель церкви Сасанидской державы Симеон Бэр Сэббаэ; его казнили 13 *нисан*-а [S. Simeon Bar Sabba‘e, 1907. Col. 887–888], т.е. в апреле 338 г. С этого начались широкомасштабные преследования. В мученичестве Экибшма и его сподвижников указывается, что гонения на христиан начались с казни Симеона, которая, очевидно, ошибочно, отнесена к тридцать второму году правления Шапура II [Assemani S.E., 1743. P. 202; Acta..., 1891. P. 395; Braun O., 1915. S. 137]. В «Арбельской хронике» рассказ о гонениях на христиан начинается с сообщения об указе Шапура II, изданном в апреле тридцать первого года его правления [Les Sources…, 1908. P. 50]. Правда, в «Подвиге многих мучеников и Азада, царского евнуха» (*Âgōnā ḏ-sâhdē sâgiyē u ḏ-Azad mhâymnā ḏ-mâlkā*) говорится, что указ был обнародован 14 апреля тридцать второго года правления Шапура [Assemani S. E., 1743. P. 45, 47; Acta…, 1891. P. 248, 251], т.е. 14 апреля 339 г. Однако, здесь дата начала преследований определяется, кажется, по казни Азада, которого предали смерти на следующий год после Симеона [Sozomenus, 1995. S. 65–66].

[171] Об этом мы знаем из «Сииртской хроники» [Histoire…, 1907. P. 288]. В сирийском «Романе о Юлиане» приводится легенда о том, что Иовиан согласился сдать персам Нисибин при условии, что, пока город остаётся под их властью, они не будут преследовать христиан; Шапур немедленно издал соответствующий указ [Iulianos…, 1880. S. 222–223].

оппонентами любых монотеистов и христиан в частности. Подобно тому как монотеисты отвергали возможность существования любого божества кроме единого Бога, зороастрийцы не могли понять, каким образом и добро, и зло могут исходить от одного и того же создателя[172]. В источниках не раз рассказывается, как мобеды вели дискуссии с мучениками, убеждая их принять зороастризм.

Репрессии Шапура II нанесли по христианским общинам сильный удар. По словам Созомена, в его время только по именам знали шестнадцать тысяч мучеников; всего же их было значительно больше [Sozomenus, 1995. S. 69]. Какое-то время церковь оставалась без предстоятеля. В некоторых сёлах не было священников [Sources…, 1908. P. 61].

С конца IV в. политика Сасанидов по отношению к христианам вновь изменилась – в сторону большей терпимости. В конце правления Шапура III был избран новый епископ Ктесифона[173]. Особенно важным стало время правления Ездигерда I,

---

[172] Аргументы зороастрийцев представлены в трактате «Разбивающее сомнения изложение» (*Škand-gumānīg wizār*) [Pahlavi Texts, 1885. P. 173–202].

[173] Об этих событиях повествуют многие авторы, но их сообщения сильно расходятся. Преемником Симеона Бэр Сэббаэ стал архидьякон Шахдуст. По некоторым сообщениям, он был провозглашён епископом Селевкии и Ктесифона тайно, через три месяца [Eliae..., 1910. P. 46; Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 37–38] или через три года [Maris Amri…, 1906. P. 19] после казни Симеона. В церковных историях мы читаем, что служение Шахдуста продолжалось два года; затем он был схвачен и через пять месяцев предан казни [Maris Amri…, 1899. P. 19; Maris Amri…, 1906. P. 19; Histoire..., 1907. P. 311; Eliae..., 1910. P. 46]. Но в других источниках мы читаем, что Шахдуст был казнён 20 февраля [Assemani S. E., 1743. P. 91; Acta..., 1891. P. 280] или в марте [Maris Amri…, 1899. P. 19; Maris Amri…, 1906. P. 19]. Если отсчитывать два года и пять месяцев от апреля 341 г. (когда истекли три года со дня казни Симеона Бэр Сэббаэ) или от июля 338 г. (если в источниках имеются в виду не три года, а три месяца), мы не попадаем ни в февраль, ни в март. Далее мы читаем у Амра Ибн Маттая, что после казни Шахдуста церковь оставалась без предстоятеля ещё три года [Maris Amri…, 1906. P. 19], чего нет в других источниках. Затем предстоятелем стал Бэр Бэшмин, служение которого продлилось семь лет [Maris Amri…, 1906. P. 20; Eliae..., 1910. P. 46], а по другим данным – три года или десять лет [Maris Amri…,

1899. P. 21, 28]. Бэр Бэшмин тоже был казнён; известен день его смерти – 9 января [Assemani S. E., 1743. P. 116; Acta..., 1891. P. 303]. В последующие двадцать лет (варианты: двадцать два года, тридцать один год) в церкви вновь не было предстоятеля [Assemani S. E., 1743. P. 116; Acta..., 1891. P. 303; Maris Amri…, 1899. P. 28; Maris Amri…, 1906. P. 20]. Особую точку зрения высказал Илия Нисибисский, по словам которого отсутствие предстоятеля продлилось тридцать семь лет и закончилось на первом году правления Варахрана IV, когда церковь Селевкии и Ктесифона возглавил Тумарса [Eliae..., 1910. P. 46–47]. Если принять это утверждение и основываться на тех данных, в отношении которых источники не расходятся, хронологию епископов церкви Селевкии и Ктесифона можно представить примерно так:

Середина 338 – февраль–март 341 г. – Шахдуст;

Февраль–март 341 – 344 г. – церковь без епископа (если верить Амру Ибн Маттаю);

344 – 9 января 351 г. – Бэр Бэшмин;

351 – 388 – тридцатисемилетний период, о котором говорит Илия Нисибисский.

При внешней стройности этой хронологии мы, тем не менее, продолжаем сталкиваться с проблемами. О тридцати семи годах существования столичной церкви без предстоятеля упоминает только Илия Нисибисский. Другие авторы говорят о более коротком периоде – от двадцати лет до тридцати одного года. Возможно, в этих словах так или иначе воспроизводится фрагмент сирийского сообщения о соборе Мар Дад-Иешу, согласно которому при католикосе Исааке было восстановлено отсутствовавшее двадцать два года главенство высшего клира над всей христианской общиной (*itqīmât rēšanūṯā ḏ-rabbūṯ kahnūṯā ʻal ʻâmā ḏ-krisṭiyanē*) [Synodicon…, 1902. P. 48, 292]. Исаак был избран католикосом на первом году царствования Ездигерда I и занимал престол одиннадцать лет [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 51–52; Maris Amri…, 1899. P. 25; Maris Amri…, 1906. P. 25; Eliae..., 1910. P. 47]. Как показано во Введении, первым годом царствования Ездигерда был год по зороастрийскому календарю, который начался 19 августа 399 г. и завершился 17 августа 400 г. [Parise F., 2002. P. 100], причём Ездигерд фактически правил с начала 400 г. Скорее всего, Исаак стал католикосом в первой половине 400 г. Это соответствует данным о преемнике Исаака – Ахае, который стал католикосом в первой половине 411 г., т.е. ровно через одиннадцать лет после начала служения Исаака. Возможно, речь идёт о периоде в двадцать два года – от начала 388 г. (см. выше) до исторического собора Мар Исаака на котором были устроены организационные дела церкви и официально утверждено верховенство

который проводил иную политику, нежели его предшественники, и, в частности, стремился установить партнёрские отношения с Римом. Немалую роль сыграл в этом епископ Майферката (Сильван) Марута, который не раз приезжал в Персию в составе римских посольств, излечил сына Ездигерда (по другим сведениям – его самого) и заручился благосклонностью царя [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 47–48; Maris…, 1899. P. 30; Synodicon…, 1902. P. 49, 293; Maris…, 1906. P. 23–25; Socrates, 1995. S. 353–354]. Изменения во внешней политике и заступничество Маруты привели к тому, что христиане на какое-то время перестали считаться внутренними врагами. Отношение к ним стало более терпимым. Наиболее очевидным свидетельством этого стал церковный собор, который прошёл в Ктесифоне и открылся первого *шват*-а одиннадцатого года правления Ездигерда, т.е. 1 февраля 410 г. Через несколько дней после начала собора высокопоставленные сановники Сасанидской державы, *вузург-фрамадар* Хосров-Ездигерд и Михр-Шапур, принадлежавший к родственникам *аргабад*-а, объявили присутствовавшему тогда в Ктесифоне Маруте и предстоятелю церкви Мар Исааку указ царя, согласно которому преследования считались законченными, и христианам дозволялось избрать главу церкви. Собор сформулировал ряд догматических положений, а также установил церковную иерархию. Главой церкви Сасанид-

---

епископа столицы (теперь – католикоса) над другими диоцезами (февраль 410 г.). Это подтверждается и тем, что, согласно Илии Нисибисскому, Тумарса был епископом 8 лет, а его преемник Каюма – 4 года; затем предстоятелем церкви стал Исаак [Eliae..., 1910. P. 47]. Отступая из начала 400 г. на 4 года, а затем ещё на 8 лет, мы приходим в первые месяцы 388 г. На основании этого можно сделать два вывода. Первый состоит в том, что Илия Нисибисский, по всей вероятности, ошибается, относя избрание Тумарсы к первому году правления Варахрана IV. По зороастрийскому календарю этот год начался 21 августа 388 г. [Parise F., 2002. P. 100], причём, как показано во Введении, царь фактически вступил на престол на рубеже 388-389 гг. Видимо, избрание Тумарсы епископом санкционировал Шапур III, который заключил с римлянами мирный договор и потому мог относиться к христианам либерально. Другой вывод – ни Тумарса, ни Каюма не считались общепризнанными главами церкви в целом. Таким главой стал впоследствии Мар Исаак.

ской державы признавался епископ Селевкии и Ктесифона, именовавшийся также католикосом, великим митрополитом и главой епископов. Его ближайшим сподвижником становился епископ Кашкара, который по смерти католикоса должен был занять его престол. Далее в порядке старшинства епархий, называются митрополиты Хузестана, Нисибина, Месены, Адиабены и Бет-Гармай [Synodicon…, 1902. P. 17–36; 253–275].

Не менее интересно и то, что Ездигерд I –опять-таки в отличие от своих предшественников – поручал предстоятелям церкви важные миссии. О католикосе Ахае мы узнаём, например, что Ездигерд послал его урегулировать какой-то вопрос между царём и его братом Вехваром[174], правившим в Фарсе [Maris Amri…, 1906. P. 25–26]. Преемник Ахая Йэбэлаха был в 417 или 418 г. направлен на переговоры к императору Феодосию II (408–450) [Synodicon…, 1902. P. 37, 277; Maris…, 1899. P. 31; Maris Amri…, 1906. P. 27][175]. Едва ли такое могло слу-

---

[174] В арабском тексте источника – *Bīhwar*.

[175] Хронология служения названных католикосов определяется следующим образом. Из повествования о соборе, который организовал Йэбэлаха на двадцать первом году правления Ездигерда I (14 августа 419 – 12 августа 420) следует, что Ездигерд направил Йэбэлаху к Феодосию на девятнадцатом году своего правления (14 августа 417 – 13 августа 418) и на третьем году служения католикоса [Synodicon…, 1902. P. 37, 277]. Этому более всего соответствуют данные Илии Нисибисского, согласно которому Йэбэлаха был избран католикосом на семнадцатом году царствования Ездигерда [Eliae…, 1910. P. 48], т.е. в промежуток времени между 15 августа 415 и 13 августа 416 г. При этом следует иметь в виду, что, по словам Илии, Йэбэлаха был католикосом пять лет и умер ещё при Ездигерде I [Eliae…, 1910. P. 48], царствование которого, как показано во Введении, завершилось в конце 420 г. Если так, Йэбэлаха, по всей вероятности, стал католикосом в августе 415 г. и умер через пять лет. Его предшественник Ахай был провозглашён католикосом на двенадцатом году правления Ездигерда I (16 августа 410 – 15 августа 411) и занимал престол четыре года и пять месяцев [Eliae…, 1910. P. 48]. Единственной альтернативной датировкой можно считать ту, которую предлагает Амр Ибн Маттай – четыре года [Maris Amri…, 1906. P. 26], однако против его данных говорит то, что избрание Йэбэлахи относится к шестнадцатому (а не семнадцатому) году правления Ездигерда I [Maris Amri…, 1906. P. 26]. Явно ошибаются те авторы церковных историй, согласно которым Ахай был католикосом семь лет

читься без установления некоторого доверия и партнёрства между церковью и государством.

Всё это способствовало возрождению церкви. Михаил Сирийский отмечает, что благодаря мирному договору между Феодосием II и Ездигердом христиане в сасанидских владениях вновь стали многочисленны [Chronique…, 1901. P. 15]. Правда, перед самой смертью Ездигерда на христиан опять обрушились гонения, однако в них следует видеть скорее реакцию царя на необдуманные действия некоторых священников – действия, которые, судя по утверждениям источника Феофана Исповедника, уже в средние века признавались ошибочными[176]. Действия царя не сказались на общей оценке его времени в источниках. Сократ Схоластик, говоря о Ездигерде, отмечает, что он

«… никак не преследовал [живших] там (в пределах Сасанидской державы. – Д. М.) христиан» [Socrates, 1995. S. 363].

Ездигерд I умер вскоре после начала гонений, но они продолжились в начале правления его преемника Варахрана V Гора, причём по воле не столько царя, сколько знати и высшего зороастрийского духовенства. На это прямо указывают приведённый выше отрывок из мученичества Пероза, а также некоторые другие фрагменты источников. По словам Сократа Схоластика, Варахран V, принял царскую власть и начал гонения на христиан, поддавшись уговорам «магов» [Socrates, 1995. S. 363]. Правда, в более позднем произведении Мари Ибн Сулай-

---

[Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 51–52; Maris Amri…, 1899. P. 31. В этом случае именно Ахай должен был занимать престол во время собора 410 г., но мы знаем, что католикосом служил тогда Мар Исаак (см. текст выше). Если основываться на данных Илии Нисибисского, начало служения Ахая на престоле католикоса следует относить к весне 411 г.

[176] Один из сподвижников Мар Эвды, которого Мари Ибн Сулайман считает епископом Хузестана (что не находит подтверждения в других источниках), разрушил святилище огня [Hoffmann G., 1880. S. 34–35; Maris Amri…, 1899. P. 32; Acta..., 1894. P. 252–253; Maris Amri…, 1906. P. 27; Braun O., 1915. S. 142–149]. Феофан Исповедник, который в данном фрагменте основывается, видимо, на каком-то источнике, отражающем мнения современников, не встаёт на сторону единоверцев, но, приписывая разрушение святилища самому Мар Эвде, пишет, что тот «был движим рвением во имя Господа, но употребил это рвение не на должное» [Theophanis…, 1839. P. 128].

мана именно Варахран приказал главнокомандующему преследовать христиан [Maris Amri…, 1899. P. 33]. Эти гонения, однако, продлились сравнительно недолго (согласно тому же мученичеству Пероза – пять лет [Maris Amri…, 1899. P. 39]). Те мученичества, даты которых мы можем определить, относятся к самым первым годам правления Варахрана [Assemani S. E., 1743. P. 234–246; Hoffmann G., 1880. S. 39–42; Acta..., 1891. P. 535–558; Chronique…, 1901. P. 17; Maris Amri…, 1906. P. 28–29; Braun O., 1915. S. 150–169; Chronicon…, 1920. P. 6]. Как показано в главе 3, начало царствования Варахрана V ознаменовалось новой войной против Рима (421–422 г.), и не исключено, что преследования христиан объяснялись этим. В некоторых источниках мы читаем, что по окончании войны гонения христиан на прекратились [Maris Amri…, 1899. P. 34; Chronique…, 1901. P. 22; Socrates, 1995. S. 367].

Тогда же, видимо, произошли и следующие события, указывающие на постепенное сближение церкви и государства. После смерти католикоса Йэбэлахи епископы просили командующего войском составить протекцию митрополиту Фарса Мане, которому благоволил и Ездигерд. Мана вступил на престол католикоса, но вскоре (у Илии Нисибисского – несколько дней спустя) начались гонения. Мана был брошен в темницу, а затем отправлен в ссылку обратно в Фарс. Вслед за этим Ездигерд умер. Епископ Казаруна Фаррох-бохт с помощью командующего войском Михр-Шапура заставил других иерархов избрать его католикосом, однако последние в душе не приняли его и очень быстро сместили. О кандидатуре нового католикоса Варахран совещался с епископом Туса Самуилом, к которому благоволил; тот указал на епископа Дад-Иешу. С одобрения царя Дад-Иешу провозгласили католикосом, однако вскоре Варахран разгневался на него и заключил в темницу. Затем, однако, начались мирные переговоры с Феодосием II, и Варахран приказал освободить Дад-Иешу [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 57–60; Maris Amri…, 1899. P. 36; Eliae…, 1909. P. 48][177].

---

[177] Как показано в гл. 3, война между Варахраном и Феодосием II завершилась в конце 422 г. Вероятно, и описываемые в тексте события произошли примерно тогда же. Амр Ибн Маттай, видимо, ошибается, утверждая, что Дад-Иешу был освобождён на четвёртом году правления Варахрана, который столь же неверно относится на 741 г.

В начале правления Ездигерда II вновь развернулись масштабные преследования христиан. Как и прежние гонения, они были связаны с войной против Рима и завершились с её окончанием [Maris Amri…, 1899. P. 37]. В последующие несколько лет к христианам в общем относились терпимо, однако затем произошёл какой-то инцидент, резко изменивший ситуацию. Согласно сирийскому повествованию о мучениках из Кархи з-Бет-Слох, на восьмом году своего правления (7 августа 447 – 5 августа 448 [Parise F., 2002. P. 100]) Ездигерд предпринял поход в «землю Чора» и изгнал из войска христиан (см. гл. 3). По окончании похода начались преследования. Группа сановников во главе с «советником магов» (*mōġān-andarzbad*) Тахм-Ездигердом была направлена в область Бет-Гармай, чтобы привести христиан в лоно зороастризма. Судя по приводимым в том же источнике словам советника, Ездигерд II издал указ, согласно которому всякого кто не подчинится царю и не будет поклоняться сонцу, огню и воде, следует казнить [Hoffmann G., 1880. S. 50, 53; Acta…, 1891. P. 518–519, 522–523]. Очень похожие сведения сообщает Егишэ, который также приводит переложения указов царя о всеобщем принятии зороастризма. Отметим, что Егишэ, внимание которого обычно сосредоточено на Армении, в данном случае отмечает, что действие указа распространялось и на другие области [Егишэ, 1971. С. 35, 59–61]. Всё это указывает на то, что Ездигерд действительно стремился к насаждению зороастризма и искоренению других религий во всех своих владениях. Судя по тому, что инцидент, подтолкнувший царя к преследованиям, произошёл на войне, христиан вновь сочли неблагонадёжными. Насколько массовыми были репрессии установить сложно – церковные истории мало что сообщают об этом. Скорее всего, преследования христиан не получили такого размаха, как при Шапуре II. Известные нам мученичества времён Ездигерда II немногочисленны. Католикосы времён Ездигерда II Дад-Иешу и Бабой занимали престол без перерыва, и у нас нет сведений, что хотя бы один из них подвергся преследованиям[178]. Возможно, гонения коснулись

Александра Македонского (сентябрь 429 – октябрь 430 г.) [Maris Amri…, 1906. P. 28].

[178] Дад-Иешу был католикосом тридцать пять лет [Maris Amri…, 1899. P. 36; Maris Amri…, 1906. P. 29; Eliae…, 1910. P. 49]. Если, с учётом сказанного выше, считать, что он был провозглашён католикосом в

лишь тех областей, из которых происходили воины, вызвавшие недоверие царя.

– Иудеи

Иудеи появились в Иране задолго до создания государства Сасанидов. В рассматриваемый период (III–VI вв.) наиболее заметны общины, жившие в районе Пероз-Шапура и в Исфахане[179]. В отношениях с государством иудеи, как и христи-

---

самом начале правления Варахрана V, т.е. в первой половине 421 г., его смерть должна была прийтись на первую половину 456 г. Это соответствует утверждению Илии Нисибисского о том, что следующий католикос, Бабой, занял престол в царствование византийского императора Маркиана (450–457) [Eliae…, 1910. P. 49].

[179] Обычно обращает на себя внимание прежде всего столичная община, однако в данном случае о ней трудно сказать что-то определённое. По сообщению Иосифа Флавия, в I в. н.э. иудеи вследствие конфликтов с греческой и сирийской общинами были вынуждены покинуть Селевкию и Ктесифон и уйти в Нисибин и Нахардею [Flavii Josephi…, 1865. Vol. I, P. 731–732]. Правда, упоминания об иудеях в ктесифонской агломерации эпизодически встречаются в источниках [New Edition…, 1903. Tract Abuda Zara, P. 126; New Edition…, 1918. P. 20; Le Talmud, 1986. P. 313], но сведений о заметной роли столичной общины нет. Что касается Нахардеи, то по замечанию средневекового иудейского историка Рав Шриры (900–1000), она находилась около Пероз-Шапура [MJC, 1887. Vol. I, P. 35; Épître…, 1904. P. 49], а по словам Иосифа Флавия – была со всех сторон окружена водами Евфрата [Flavii Josephi…, 1865. Vol. I, P. 725]. Это очень похоже на описание Пероз-Шапура (Пирисаборы) у Аммиана Марцеллина [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 414–415]. В Нахардее находилось религиозное училище, разрушенное, согласно Рав Шрире, в 570 г. селевкидской эры (сентябрь 258 –август 259 г.; о системе подсчёта лет у Рав Шриры см. прим. 181). Рав Шрира сообщает также, что многие наставники из Нахардеи переместились в Пумбадиту, где были и община, и религиозное училище [MJC, 1887. Vol. I, P. 29; Épître…, 1904. P. 42–43]. Известный путешественник Вениамин Тудельский (ум. в 1173 г.) отождествлял Пумбадиту с поселением, название которого в одном месте пишется как אל יובר (*al Yūbar*), а в другом – אילגבר (*īl.G.bar*) [The Itinerary…, 1841. Текст на иврите, с. 53, 69]. Судя по тому, что первые буквы здесь *а* и *л*, эти формы передают какое-то арабское название. По всей вероятности, следует читать אלנבר (*Alanbar, al-Anbār*), как в исламское время назывался Пероз-Шапур. Согласно Рав Шрире, во время арабского

ане, выступали единой общиной, которую возглавлял «глава рассеяния» (*rēš gōlā* или *rēš galūt*). По источникам видно, что «главы рассеяния» изучаемого периода возводили свою родословную к царю Давиду. Они управляли общиной, опираясь на «мудрецов» (*ḥaḵamīm*) и представляли её перед властями.

Положение иудеев по отношению к государству напоминало положение христиан: и те, и другие были иноверцами, оппонентами зороастрийского учения. Предводители общины должны были искать общий язык с властями. Как и католикосы, «главы рассеяния» посредством демонстрации лояльности и подношений царю и сановникам защищали интересы своих общин. Видимо, поэтому торговля, которую вели раввины, осво-

---

завоевания Ирана глава пумбадитского училища пребывал именно в Пероз-Шапуре [MJC, 1887. Vol. I, P. 35; Épître…, 1904. P. 50]. Возможно, училища в Нахардее и Пумбадите располагались в разных частях или, может быть, предместьях Пероз-Шапура. Поблизости находился и другой крупный центр духовного образования иудеев – училище в поселении Сура, известном у иудейских авторов как *Matā Mḥaṣyā* (возможно – от сирийского *matā ḏ-mḥâsyē*, т.е. «земля непорочных»). Селение Сура хорошо известно Ибн Хордадбеху и Кудаме Ибн Джафару (ум. в 922/23 г.); они помещают её в округ Среднего Вех-Кавада, включавший, в частности, район Нахр ал-малик, т.е. «царской реки», канала от Пероз-Шапура к Ктесифону [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 8, 233, 236]. Именно там, на пути из Пероз-Шапура в Ктесифон, мы находим поселение иудеев, о котором говорит Аммиан Марцеллин [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 430–431]. Что касается Исфахана, то важнейшее известие о существовании в этом городе иудейской общины обнаруживается в среднеперсидском трактате «Города Ирана» (*Šahrastānhā-i-Ērān-šahr*). Согласно этому источнику, город Гай (одна из частей исторического Исфахана) представлял собой обитель (*mānišn*) иудеев, которых поселили там по настоянию Шишиндохт, жены Ездигерда I, иудейки по вероисповеданию и дочери главы иудейской общины [Nyberg H. S., 1964. P. 116, 117]. Впрочем, иудейское поселение в Исфахане появилось, кажется, раньше. Мовсес Хоренаци сообщает, во время вторжений сасанидских войск в Армению (60-е гг. IV в., см. главу 3) персы увели с собой всех иудеев, которых поселили в Исфахане [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 174]. По одной легенде, которую пересказывает Ибн ал-Факих, иудеи поселились в Исфахане потому, что он по своим природным условиям более остальных городов бых схож с Иерусалимом [Compendium…, 1885. P. 261–262].

бождалась от податей [New Edition…, 1901. P. 157]. По словам Рав Шриры, в сасанидскую эпоху и в начале периода арабского владычества «главы рассеяния» при помощи денег (т.е. денежных подношений) снискали «весомое господство и большую власть» [MJC, 1887. Vol. I, P. 33; Épître…, 1904. P. 47].

Но возможности «глав рассеяния», как и католикосов, были ограничены, и им не всегда удавалось предотвратить гонения. О мотивах этих спорадических преследований мало что известно; видимо, власти истолковывали какие-то действия иудеев как враждебные государству или зороастризму. Первые известные нам гонения начались после воцарения Шапура II. Согласно трактату «Малая история мира» (*Ṣeder ʻōlam zūṭa*), тогда иудеям было предписано порвать со своим вероисповеданием[180], т.е. перейти в зороастризм. Другой эпизод произошёл в правление Юлиана Отступника (361–363). Пронеслось известие, что Юлиан разрешил иудеям отстроить иерусалимский храм. Какой-то иудей из сасанидских владений призвал своих единоверцев из Ктесифона пойти в Иерусалим, чтобы помочь в работе. Те, кто откликнулся на этот призыв, направились в Сирию, но войска Шапура перебили уходивших [S. Simeon Bar Sabbaʻe, 1907. P. 809–812].

Возможно, к Шапуру II относится и сообщение о том, что царь по имени Сабура собирал деньги с иудеев, чтобы раздавать их беднякам-персам [New Edition…, 1901. P. 173].

Ездигерд II, согласно Рав Шрире, преследовал иудеев и запрещал им праздновать субботу. О преследованиях Рав Шрира упоминает дважды, под 760 и 766 годами селевкидской эры

---

[180] Об этом говорится в двух текстах, входящих в состав «Малой истории мира»; один из них составлен преимущественно на арамейском языке, другой – на иврите. Наша интерпретация рассматриваемых событий основана на втором из этих текстов, где мы читаем *gazarū šemed*. Другая проблема состоит в том, что в арамейском тексте рассматриваемый эпизод отнесён к 245 г. от разрушения иерусалимского храма (т.е. 315–316 гг.), а в тексте на иврите – к 285 г. (355–356 гг.) [MJC, 1887. Vol. II, P. 72, 75]. Более вероятной кажется первая из этих дат: судя по последовательности изложения в обоих текстах, инцидент произошёл до походов Шапура II на Нисибин, которые пришлись на на 337, 346 и 350 гг.

[MJC, 1887. Vol. I, P. 33, 34, Épître…, 1904. P. 48][181]. Первая из этих дат близка к времени начала гонений на христиан (см. выше). Видимо, преследования Ездигерда касались не только христиан, но и представителей других общин – по крайней мере, единобожников. Но Ездигерд не казнил ни католикоса, ни «главу рассеяния». Репрессии, следовательно, не были безграничными.

– Манихеи

Основоположник учения Мани начал проповедовать в 240 г. О размахе этой деятельности свидетельствуют его поездки. Пользуясь покровительством Шапура I, Мани в составе его свиты побывал в Фарсе, Парфии, Адиабене и северо-западных районах державы вплоть до римских границ [Кефалайа…, 1998. С. 65]. Известно также, что Мани странствовал и самостоятельно, с охранными грамотами Шапура [Polotsky H. J., 1934. S. 48]. Ученики Мани действовали в других областях. Один манихейский «наставник» учил в Хульване; некоторые миссионеры были посланы в Абаршахр (Нишапур) и дошли до границ сасанидских владений [Henning W.B., 1977. P. 199–200]. Проповеди Мани и его учеников не везде имели успех. В «Главах» Мани прямо говорится, что в Месене против него восстали не только «архонтство и собрание демонов», но и «род человеческий», в земле Вавилона и Ассирии цари и вожди повели войну против него, а судьи следили за ним, земля парфян и мидийцев «не смогла принять силу его истины» [Кефалайа…, 1998. С. 204–205]. О неуспехе проповеди среди знати косвенно говорит то, что нам почти не известны факты принятия манихейства

---

[181] О том, какой календарь применял Рав Шрира, свидетельствует одна из названных им дат – среда 13 *кислев*-а 811 г. [MJC, 1887. Vol. I, P. 34; Épître…, 1904. P. 48]. Месяц *кислев* соответствует ноябрю–декабрю. Соответственно, речь может идти либо о ноябре–декабре 499 г. (если считать началом года сентябрь) или ноябре–декабре 500 г. (если Рав Шрира использовал «систему вавилонских звездочётов» и отсчитывал дни года от начала *нисан*-а (март-апрель)). Среда выпадает на 1 декабря 499 г. Основываясь на этом, мы можем заключить, что Рав Шрира считал началом года сентябрь. Следовательно, 760 году Рав Шриры соответствует время от сентября 448 г. по август 449 г., а 766 г. – от сентября 454 г. по август 455 г.

высокопоставленными сановниками, хотя некоторые из них стали христианами[182]. В надписях Шапура, где указываются имена его сподвижников, Мани не назван. Из упоминания о «роде человеческом» (отдельно от «архонтства») можно сделать вывод о том, что и народ отнёсся к проповедям без энтузиазма. Но главными противниками Мани были зороастрийские священнослужители. В зороастрийской литературе Мани предстаёт как воплощение лжи[183]; явно апокрифические «десять наставлений», приписываемые ему, противопоставляются десяти наставлениям Адурбада Махраспандана [The Dinkard, 1888. Ср.-перс. текст, с. 242–244]. В трактате «Разбивающее сомнения изложение» (*Škand-gumānīg wizār*) мы находим развёрнутую критику манихейского учения [Pahlavi Texts, 1885. P. 243–251].

Некоторое время, однако, сасанидские цари поддерживали Мани; из одного источника видно, что он пользовался покровительством не только Шапура I, но и его преемника Хормузда I [Polotsky H. J., 1934. S. 48][184]. Положение изменилось с приходом к власти Варахрана I, который, согласно одному тексту, поклялся не пускать Мани в свои владения [Manichaean

---

[182] Единственное известное нам исключение составляет брат Шапура I Пероз. Последний, судя по рассказу Ибн ан-Надима, симпатизировал учению Мани и ввёл проповедника к бывшему тогда на престоле Шапуру [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 458].

[183] Во фрагменте, на который в тексте сделана ссылка, Мани именуется *drūž-hastag*, что можно условно перевести как «сама Ложь» (т.е. демон лжи).

[184] Заметим, что персидские легенды представляют дело по-иному. Бируни со слов *спахбад*-а Марзбана Ибн Рустама, если не зороастрийца, то, во всяком случае, перса, сообщает, что Шапур изгнал Мани и обязал его не возвращаться. При Варахране Мани вернулся, что дало царю право казнить его [Chronologie…, 1878. S. 209]. Согласно *Фарс-намэ*, Шапур послал людей схватить Мани, однако тому удалось бежать в Китай, а Хормузд хоть и «переусердствовал в подавлении еретиков» (*dar qam'-i-zindīqān mubālaġat kard*), но тоже не смог добраться до проповедника [The Fársnáma…, 1921. P. 62–63]. Сравнение этого текста с фрагментом, на который сделана ссылка выше, показывает, что персидские традиции представляют не реальные, а желаемые действия царей. Можно считать, что и здесь мы имеем дело с выражением неприязни знати и духовенства к Мани и его учению.

Texts…, 2004. P. 84]. Впоследствии Мани по приказу Варахрана I был брошен в темницу, где и умер [Polotsky H. J., 1934. S. 48, 60][185]. Неизвестно, что двигало Варахраном – неприязнь к самому Мани или его учению. В течение трёх лет после смерти Мани его последователи не подвергались гонениям. Затем, однако, начались широкомасштабные преследования, продолжавшиеся до пятнадцатого года правления Варахрана II (15 сентября 289 – 14 сентября 290) [Polotsky H. J., 1934. S. 46]. За-

---

[185] Точная дата смерти Мани не установлена. Манихейские авторы дают два хронологических ориентира. Согласно одному, Мани был схвачен и закован в цепи восьмого числа месяца *эмшир* (по египетскому календарю) и умер через двадцать шесть дней [Polotsky H. J., 1934. S. 60]. По другому тексту, Мани умер четвёртого числа месяца *шахривар* (по персидскому календарю), в понедельник [Henning W. B., 1977. P. 291]. Эта последняя датировка представляется исходной (дату смерти Мани его ученики должны были сначала установить по персидскому, а не египетскому, календарю) и потому предпочтительной, однако день четвёртого *шахривар*-а, который на всём протяжении правления Варахрана I соответствует 19 февраля, ни разу не приходится на понедельник. С другой стороны, манихейские авторы утверждают, что основоположник их учения умер в возрасте шестидесяти лет [Henning W.B., 1936. S. 6; Haloun G., 1953. P. 199]. Если считать датой рождения Мани 14 апреля 216 г. (см. Введение), он должен был умереть в 276 или 277 г. В какой-то степени это подтверждается тем, что в 277 г. день четвёртого *шахривар*-а приходится на воскресенье (18 февраля), что в принципе можно отнести к допустимой погрешности. В этом случае, однако, получается, что Мани был брошен в тюрьму при Варахране I, но умер уже при его преемнике Варахране II. Интересно предложить следующую догадку. В коптском календаре, наследнике египетского, тринадцать месяцев, т.к. последние пять дней года, не входящие ни в один из месяцев, считаются за «малый» месяц. Если предположить, что переписчик текста, на который дана ссылка выше, ошибся, и под «днями» на деле имеются в виду месяцы, то получается, что Мани умер через два года (2×13=26) после того, как был брошен в темницу. Месяц *эмшир* или *мешир* начинается 8 февраля, и восьмой день его приходится на 15 февраля. Возможно, обе указанные выше даты правильны: Мани был закован в цепи 15 февраля 275 г. (заметим, что это произошло в Гундишапуре [Polotsky H.J., 1934. S. 45, 60], который, как видно из прим. 81, был тогда зимней резиденцией сасанидских царей), а умер практически ровно через два года, около 18 февраля 277 г.

метим, что именно при Варахране II наибольшего возвышения достиг Кардир, который, судя по его надписям, был непримиримым гонителем манихеев. В те годы погиб Сисинний (Сис Ибн ан-Надима), который после смерти Мани принял на себя руководство общиной [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 466; Polotsky H.J., 1934. S. 83].

Преследования манихеев объяснялись не только наущениями зороастрийского духовенства. Манихеи питали отвращение к материальному, что делало их в лучшем случае безразличными к мирским делам. Такие подданные не могли дать царю ни воинов, ни богатства, ни потомства. Это видно по следующему фрагменту из «Сиртской хроники», где говорится, что Варахран II первоначально хорошо относился к христианам, но затем

«… ему стало известно, что манихеи утверждают, будто они – христиане, одеваются как они и неприязненно относятся к браку и деторождению, а католикос и епископы ведут себя так же. Из-за порочности своего мышления он счёл, будто оба учения утверждают одно и то же. И вот, он повелел казнить манихеев и разрушить их храмы. Зороастрийцы, не разбирая, набросились на христиан, а он казнил свою жену, ромейку Кандиру, так как она держалась христианского вероисповедания […] Зороастрийцы стали угнетать христиан, и Папу[186] постигли страдания и бедствия. Тогда христиане пожаловались Варахрану на то, что произошло с ними. Он же пожелал узнать, в чём различие между ними и манихеями. И он спросил их, почему католикос и епископы воздерживаются от брака и деторождения в миру. Он сказал: “Если это (брак и деторождение. – *Д. М.*) у них считается мерзостью и запрещено, тогда они заслуживают казни, так как стремятся разрушить мир. Если же это разрешено и считается добром, тогда их предстоятели не стали бы воздерживаться от него и относиться к нему с неприязнью”. Христиане ответили, что манихеи верят в двух изначальных божеств и в то, что земля обладает жизнью и духом, а души переселяются из одного тела в другое, и считают брак мерзостью; христиане же признают единого Бога, творца всего, изначального, существовавшего всегда, а брак считают полезным и одобряют, и так они установили в своём Писании […] [Они ска-

[186] Имеется в виду епископ Ктесифона, о котором речь шла выше.

зали], что манихеи одеваются как христиане, чтобы скрыть свои дела. И царь одобрил то, что они сказали, и приказал отступиться от них» [Histoire…, 1907. P. 237–239].

Подробными сведениями о манихеях в более позднее время мы уже не располагаем. Единственное упоминание о них сводится к тому, что во время преследований христиан при Шапуре II вместе с одним из мучеников в тюрьме находился какой-то манихей, впоследствии отрекшийся от своего учения [Assemani S.E., 1743. P. 196; Acta..., 1891. P. 385–386; Braun O., 1915. S. 132][187]. Логично считать, что репрессии Шапура затронули и манихеев. Те, спасаясь от преследований, уходили на окраины державы. По аналогии с более поздними, исламскими временами, когда, согласно Бируни, во владениях мусульман была лишь одна манихейская община (в Самарканде), а остальные находились во владениях тюрков, Индии, Тибете и Китае [Chronologie…, 1878. S. 209], можно предполагать, что многие манихеи эмигрировали на северо-восток.

ГЛАВА 2
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ХОСРОВА

Время правления предшественников Хосрова – Пероза, Валаша, Жамаспа и Кавада – заслуживает особого внимания. Именно тогда возникли некоторые немаловажные явления, оказавшие непосредственное влияние и на эпоху Хосрова.

---

[187] Можно возразить, что в истории мучеников из Кархи з-Бет-Слох упоминаются какие-то манихеи, выступавшие противниками христиан [Hoffmann G..., 1880. S. 49, 52]. Однако в данном случае мы имеем дело с произведением не манихейского автора, который мог зачислить в манихеи и тех, кто ими не был. Согласно источнику, манихей был командиром отряда пехоты, стоявшего в Кархе з-Бет-Слох [Hoffmann G..., 1880. S. 47]. Маловероятно, чтобы такую должность сасанидские власти поручили представителю враждебного учения, тем более отрицавшего убийства и войну. Возможно, под манихеями здесь подразумеваются дуалистические зороастрийцы, которые в данном случае отделяются от зурванитов (не будем забывать, что в источнике описываются события середины V в., когда господствующим течением в зороастризме был зурванизм).

Царствование Пероза
(осень 461–весна 462 – август 484 г.)

После смерти Ездигерда II (середина 458 г.) в Сасанидской державе началась междоусобица. Ездигерд оставил двух сыновей от одной матери – Пероза и Хормузда. По единодушному мнению мусульманских авторов старшинство принадлежало Перозу [The Fársnáma…, 1921. P. 82; Ал-Ахбар…, 1960. С. 58; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 951; Annales..., 1964. Ser. I, P. 871], однако в этом следует видеть лишь отголоски утверждённой им «официальной» версии, так как более ранние авторы, Егишэ и Лазар Парбеци, называют старшим Хормузда [Collection..., 1869. P. 319; Егишэ, 1971. С. 169][188]. В источниках есть и ещё одно расхождение. По словам ат-Табари, Хормузд был наместником Систана [Annales..., 1964. Ser. I, P. 871; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 312; ср. Китаб ал-муджам…, 1869. С. 252]. Балами утверждает обратное: эту должность занимал Пероз, тогда как Хормузд находился в столице при отце [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 950; ср. Табакат…, 1963/1964. С. 162; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 58].

По некоторым рассказам, Ездигерд II завещал престол Хормузду [Histoire..., 1843. P. 225; The Ta'ríkh-i-Guzída…, 1910. P. 114; Ferdowsi's…, 1935. P. 2264], что, ввиду рассмотренной в гл. 1 традиции наследования царской власти, было вполне естественным. После смерти Ездигерда Хормузд вступил на престол. Пероз бежал к эфталитам просить помощи. Согласно некоторым восточным преданиям, для обоснования своих притязаний на престол Пероз утверждал, что старший из братьев – он [Ferdowsi's…, 1935. P. 2265; Ал-Ахбар…, 1960. С. 58]. С помощью правителя эфталитов Пероз одержал победу над Хормуздом, который погиб в решающем сражении вместе с тремя ближайшими родственниками [Histoire..., 1900. P. 575; Annales..., 1964. Ser. I, P. 872][189].

---

[188] Перевод соответствующего фрагмента труда Егишэ приведён ниже.

[189] О судьбе Хормузда существовали и иные рассказы. Утверждалось, например, что Пероз захватил брата в плен и заточил его в темницу [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 312] или даже простил [Ал-Ахбар…, 1960. С. 58]. Однако, приводимый далее фрагмент истории Егишэ заставляет предпочесть версию о гибели Хормузда.

История о том, как Пероз утвердился у власти с помощью эфталитов, присутствует почти в любом восточном повествовании о Сасанидах. Важность поддержки эфталитов невозможно отрицать, однако в восточных источниках говорится и о междоусобице в среде знати. По словам Евтихия Александрийского,

«одни стали с Хормуздом, другие – с Перозом» [Eutychii…, 1906. P. 183–184].

В «Собрании известий о достопамятном наследии царей персов» утверждается, что противостояние Хормузда и Пероза началось

«из-за разрушительных действий некоторых людей, сеявших вред и разрушение» [Китаб ал-муджам…, 1879. С. 252][190].

Возможно, отголоски полемики о том, кто должен занять престол, дошли до нас в труде ас-Саалиби, согласно которому Ездигерд II вообще не стал назначать наследника и доверил выбор знати [Histoire..., 1900. P. 573].

Самое ценное свидетельство даёт Егишэ, который тоже говорит о междоусобице и называет тех, кто сыграл в этих событиях решающую роль:

«А воспитатель младшего сына Йазкерта (Ездигерд II. – *Д. М.*) по имени Рахам из рода Михрана, хотя и видел, что арийцы[191] разделились надвое, но с [одной] половиной зверски напал на старшего сына царя. Поразил, истребил отряд и, взяв в плен царского сына, приказал там же на месте убить его. А остальные войска привел и уговорил, и установил единодушие по всей Арийской стране, и поставил царем своего воспитанника, имя которого было Пероз» [Егишэ, 1971. С. 169].

Обратим внимание на полное отсутствие упоминаний о какой бы то ни было роли Михр-Нарсе и его сыновей в рассматриваемых событиях. Судя по всему, после опалы Михр-Нарсе в последние годы правления Ездигерда II (см. гл. 1) влияние его дома сошло на нет. Другим родам – прежде всего, Михранам – это давало шанс восстановить былое могущество. Не исключено, что именно поэтому противником Хормузда стал именно Пероз, изначально близкий к Михранам. Не только воспитатель Пероза, но и молочный брат царевича Язд-Гушнасп были из Михранов [Collection..., 1869. P. 319, 323]. Логично предпола-

---

[190] В оригинале – بواسطة افساد گروهي از مفسدان.

[191] Имеются в виду иранцы – *ērān*.

гать, что Михраны поддержали Пероза в борьбе. Видимо, недаром Хормузд, утвердившись на престоле, переехал в Рей [Annales..., 1964. Ser. I, P. 872]; по всей вероятности, он пытался вернуть мятежный род к подчинению царю. Именно возле Рея произошло решающее сражение [Abulfedae…, 1831. P. 86], в котором Михраны выступили за Пероза – возможно, перейдя на его сторону в ходе сражения.

В свете такой реконструкции событий ясно, что сила и влияние Михранов росли. Хотя законным наследником – и по старшинству, и по воле царя – был Хормузд, Михраны решились выступить и против устоявшейся традиции, и против сил, которые поддерживали её. Пероз, несомненно, отблагодарил тех, кто встал на его сторону, да и сами Михраны, скорее всего, ждали от царя вознаграждения. Можно считать, что в правление Пероза Михраны укрепили свои позиции и, вероятно, снискали первенство среди *вузург*-ских родов.

В правление Пероза общество и государство пережили несколько кризисов. Победив в борьбе за власть, Пероз, скорее всего, репрессировал сторонников Хормузда[192]. Вскоре началась засуха, которая в источниках изображается как страшное бедствие, продолжавшееся несколько лет подряд[193]. В зороастрийской традиции засуха в некоторых случаях приписывалась недостаточному религиозному рвению или неправедности

---

[192] Ат-Табари сообщает, что Пероз правил дурно для подданных; далее следует рассказ о засухе. При этом особо отмечается, что эти сведения восходят не к Хишаму ал-Кальби (о нём см. прим. 292) [Annales..., 1964. Ser. I, P. 873]. В переводе Балами говорится, что Пероз в начале своего царствования вершил произвол, но с началом засухи раскаялся [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 953]. Вероятно, слова о дурном правлении или произволе (прежде всего, конечно, по отношению к аристократии) относятся именно к начальному периоду правления Пероза, который, чтобы утвердиться у власти, преследовал вельмож, прежде поддерживавших Хормузда.

[193] Согласно большей части восточных традиций, засуха растянулась на семь лет [Compendium…, 1885. P. 265; Ferdowsi's…, 1935. P. 2268–2269; Kitâb al-Mâʿarif …, 1960. P. 661; Ал-Ахбар…, 1960. С. 59; The Book of Creation …, 1962. P. 165; Annales..., 1964. Ser. I, P. 873; Muǧmal…, 2000. S. 58]. Лишь ал-Якуби говорит о трёх годах [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 184].

царей[194]. По словам Балами, подданные Пероза считали его злосчастным царём, так как в его правление случилось невиданное прежде бедствие [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 954]. Нетрудно представить себе, что реакцией царя и общества стало усиление религиозности. Легенды о Перозе повествуют о том, как он ездил на моление в Фарс [Chronologie…, 1878. S. 228–229][195],

---

[194] В аграрном обществе, каким было сасанидское, дождь, дававший необходимую влагу, считался ниспосланным свыше благом. В зороастрийских трактатах обнаруживается легенда о борьбе доброго божества Тистара и демона Апаоша, стремившегося не допустить дождя. Поначалу Апаош одерживал верх. Тистар обратился за помощью к Ахура-Мазде, сказав, что, если бы люди почитали его, Тистара, должным образом, у него достало бы сил победить демона. Ахура-Мазда помог Тистару, и тот, обретя силу, победил демона. Затем начался дождь [The Zend-Avesta, 1882. P. 99–102]. Мотив этой легенды звучит по-разному; так, в *Бундахишн*-е и у Зад-Спарама он связан с изначальным созданием морей и рек [Pahlavi Texts, 1880. P. 27–29, 112, 169–171]. Однако в *Динкард*-е он приобретает политическое звучание; утверждается, что обилие и благодатность дождя зависят от праведности правителя: «Правитель увеличивает всеобщее благо от дождя и искупает отдельный вред посредством хороших повелений, законности и высшего могущества, а угнетатель и преступник увеличивает отдельный вред от дождя и уничтожает всеобщее благо посредством дурных повелений и многого беззакония. Правитель от вызывающих дождь божеств увеличивает полезное действие и силу дождя и уменьшает мощь противостояния дождю у противостоящих дождю дэвов» (*Ud amaragānīg sūd i az wārān afzāyēnīdār ān-i-ēwāzīg ziyān wizārēnīdār dēhōbad kas pad ḫūframānīh ud dād [ud] ōz abērtar ud ēwāzīg ziyān i az wārān afzāyēnīdār ud ān-i-amaragānīg sūd kāstār sāstār mar pad dūšframān ud adād wēš. Wārān kārdārān yazdān dēhōbad sūdimand wārān kārdārīh ōz afzāyēnīdār ud wārān petyārag dēwān zōr i pad wārān petyāragīh nirfsinīdār*) [The Dinkard, 1881. Ср.-перс. текст, с. 126; The Complete Text…, 1911. P. 109]. Поскольку автор явно имеет в виду зороастрийского правителя, вряд ли приходится сомневаться в том, что приведённый текст восходит к сасанидским временам.

[195] В тексте Бируни, на который выше сделана ссылка, говорится, что Пероз направился в храм огня *Āḏar Ḫ.w.rā*, который, однако, далее фигурирует как город (*madīna*). Это сильно затрудняет даже гипотетическую идентификацию святилища. В рассказе о *даствар*-е Юнане (см. главу 2 части II) сообщается, что он укрывался от Хосрова в храме Адур-Хварр [Noshirvan K. A. D., 1918. P. 497; The Persian Rivayats…, 1932. P. 585], который вполне подходит для

призвал народ выйти на улицы и вместе с подданными молился о ниспослании дождя [Ал-Ахбар…, 1960. С. 59]. Эти сведения сильно переработаны мусульманскими авторами, но вряд ли следует сомневаться, что именно в религии царь и его подданные искали ответы на вопросы о причинах бедствия и путях избавления от него.

Наряду с вознесением молитв Пероз принимал и практические меры для преодоления трудностей. По словам ат-Табари,

«… он (Пероз. – *Д. М.*) написал всем своим подданным, уведомляя их, что не будет ни поземельной (*ḫarāǧ*), ни подушной (*ǧizya*), ни чрезвычайной (*nā'iba*) подати, ни принудительных работ (*suḫra*), но [что] он сделал их хозяевами самим себе и приказывает им изыскивать то, что питает и поддерживает их. Затем он написал ещё одно послание, [приказав], чтобы каждый достал свои припасы, содержимое амбаров, продовольствие и [всякую] иную пищу, делился этим с другими поровну и ничего не оставлял только для себя, и чтобы при таком равном разделении положение богатых и бедных, знатных и низших было одинаковым. И он (Пероз. – *Д. М.*) возвестил им, что, если до него дойдёт, что кто-то умер от голода, он покарает население города или деревни или места, в котором от голода умер этот человек» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 873–874].

Из приведённого фрагмента видно, что Пероз ввёл принудительную продажу продовольствия (скорее – его излишков), о чём говорится также в *Шах-намэ* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2268]. Эта мера была направлена прежде всего против торговцев, которые взвинчивали цены на нехватке продовольствия. Такие действия вызывали у зороастрийских авторов резкое осуждение (см. гл. 1), отражавшее, вероятно, и умонастроения в обществе.

идентификации. Но упоминание о городе наводит на мысль о том, что Бируни мог иметь в виду Ардашир-хоррэ (около Фирузабада в Фарсе), где находился почитаемый зороастрийцами храм огня, известный и в исламское время [Viae…, 1927. P. 118]. В любом случае, рассказ Бируни о дальнейших действиях Пероза (покинув храм, он направляется в «город Дария» (Дарабгерд) и по пути проезжает *рустак* Кам-Пероз) свидетельствует о том, что царь был именно в Фарсе.

Другой мерой стало введение круговой поруки, заставлявшей относительно зажиточных поддерживать бедных[196].

Положение, однако, оставалось тяжёлым. У Балами мы находим отсутствующее в дошедшем до нас тексте ат-Табари сообщение о том, что на четвёртом году засухи у людей ничего не осталось, и Пероз распорядился помогать им раздачами из государственных запасов [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 953]. Эти сведения подкрепляются и некоторыми другими источниками [Chronologie…, 1878. S. 228; Histoire…, 1900. P. 576; Ferdowsi's…, 1935. P. 2268; Мунтахаб…, 1945/1946. С. 46; The Book of Creation…, 1962. P. 165].

С окончанием засухи положение стало легче, но многие проблемы оставались. Из-за недостатка воды не могло не сократиться поголовье скота; не хватало также семян для посевов. Более того, к этим проблемам добавились и новые. Требовалось финансировать кампании Пероза против кидаритов и эфталитов. Иисус Столпник рассказывает, что после неудачного похода на эфталитов Пероз поднял подушную подать (*ksif rēšā*), чтобы собрать причитавшуюся им контрибуцию [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 10].

Второй поход Пероза на эфталитов закончился поражением и гибелью царя (август 484 г.). Вместе с Перозом погибли его ближайшие родственники[197], среди которых, вероятно, был старший сын и наследник царя.

---

[196] В некоторых источниках этому придаётся иной смысл: Пероз обещал карать наместников или вельмож, если в подвластных им областях кто-либо умрёт от голода [Мунтахаб…1945/1946. С. 46–47; Ал-Ахбар…, 1960. С. 59; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 953]. Между тем, едва ли Пероз пошёл бы на конфликт с наместниками и знатью из-за неимущих. Поэтому более правильной кажется версия, согласно которой отвечать за смерть бедняка должны были односельчане, а не наместник. Помимо ат-Табари (см. перевод фрагмента выше) её излагает ас-Саалиби [Histoire…, 1900. P. 577].

[197] Согласно ат-Табари, в походе погибли четыре брата и четыре сына Пероза, каждый из которых именовался царём [Annales..., 1964. Ser. I, P. 873]. Фирдоуси сообщает, что в последнем сражении с эфталитами погибли брат Пероза Нарсе и ещё семь шахов, носивших золотые короны [Ferdowsi's…, 1935. P. 2274]. Видимо, речь идёт о Сасанидах-*шахрдар*-ах. Сведения мусульманских авторов подкрепляют и армянские источники. Себеос писал, что Пероз погиб в сражении с

Царствование Валаша (сентябрь 484 – сентябрь 488 г.)

Вслед за гибелью Пероза начался династический кризис. Решающее значение при выборе нового царя имела позиция магнатов. По рассказам источников мы знаем некоторых из них. Мусульманские авторы в основном говорят о человеке по имени Сухра[198], который принадлежал к роду Каренов и был наместником Систана[199]; выступая в поход, Пероз назначил его управлять столицей. Узнав о поражении Пероза, Сухра собрал новое войско, выступил против эфталитов и заставил их не только отойти с занятых территорий, но и освободить попавших в плен дочь погибшего царя Пероздохт и верховного мобеда [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 151; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 662; Ал-Ахбар…, 1960. С. 59; Annales..., 1964. Ser. I, P. 878–880].

Других влиятельных вельмож называет Лазар Парбеци. Он говорит о Зармихре, носившем звание *хазаравухт* (т.е. *хазарбад*), и Шапуре из рода Михранов. Их, видимо, следует отождествлять с Зармихром, сыном Сухра, и Шапуром Рейским, которые появляются далее и в мусульманских источниках. Во время похода Пероза оба находились в Закавказье (см. главу 3), но, узнав о происшедшем, направились в Ктесифон, куда стали собираться и другие вельможи.

Согласно тому же сообщению, магнаты много дней совещались о том, кого возвести на престол [Collection…, 1869. P. 352]. Это согласуется со сведениями «Сиртской хроники», в которой сообщается, что у вельмож были разногласия относительно кандидатуры нового царя [Histoire…, 1950. P. 122]. Ви-

---

кушанами (читай: эфталитами) вместе с семью сыновьями [Епископ Себеос, 1939. С. 28]; впоследствии ему вторил Вардан Великий [Всеобщая история…, 1861. С. 72]. Лазар Парбеци указывает, что в решающем сражении с эфталитами были убиты Пероз, его сыновья и родственники [Collection…, 1869. P. 351].

[198] В этом имени ударение ставится на последний слог. В *Шах-намэ* встречается другая форма – Суфрай. Возможно, речь идёт об имени *Сухраб*. Среднеперсидское конечное *б* в новоперсидском языке нередко выпадает; так, слово *drāyāb* (море) в новоперсидском языке приобрело форму *daryā*.

[199] Согласно ас-Саалиби, Сухра управлял также Забулистаном [Histoire…, 1900. P. 582].

димо, в ситуации, когда законного престолонаследника не было, знатные роды или, по крайней мере, некоторые из них, выдвигали своих кандидатов.

Наконец выбор пал на Валаша. Мусульманские авторы называют его сыном Пероза [Hamzae…, 1844. P. 56; Maçoudi, 1863. P. 195; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101; Ferdowsi's…, 1935. P. 2270; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 662; Ал-Ахбар…, 1960. С. 61; Annales..., 1964. Ser. I, P. 892], но из более ранних источников явствует, что он был братом погибшего царя [Agathiae…, 1828. P. 267; Collection…, 1869. P. 352; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 15; ср. Theophanis…, 1839. P. 189; Chronique…, 1899. P. 151][200]. Возможно, это следует объяснять тем, что Валаш был одним из последних сыновей Ездигерда II и по возрасту ненамного отличался от детей Пероза. Судя по рассказу Лазара Парбеци, предводителем магнатов был Зармихр, который на коронации выступил с речью от их имени [Collection…, 1869. P. 352]. В мусульманских традициях первостепенное внимание уделяется Сухра. Согласно одному персидскому рассказу, магнаты предложили ему занять трон, но он отказался. Валаш, вступив на престол, поручил ему управление делами государства [Мунтахаб…, 1945/1946. С. 50, 53; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 963–964; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 60]. По другому известию, Валаш пожаловал Сухра титул *спахбад*-а Ирака и Фарса, а затем благоволил к нему до конца жизни [Histoire…, 1900. P. 583][201].

Воцарение Валаша поддержали не все из Сасанидов и магнатов. По сообщению Лазара Парбеци, против Валаша выступил сын Пероза по имени Зарех, т.е. Зарир[202], вероятно, считавший себя законным престолонаследником. Против Зарира были посланы войска, к которым присоединилась армянская конница Вахана Мамиконяна. Из этого можно заключить, что

---

[200] Прокопий Кесарийский также называет Валаша братом Пероза, хотя, судя по всему, неверно полагает, что он пришёл к власти после свержения Кавада [Procopius, 1914. P. 32–33].

[201] Поскольку до Хосрова I в Сасанидской державе был лишь один *спахбад* (см. главу 2 части II), в этой части известие источника следует, скорее всего, признать ошибочным.

[202] По аналогии: армянское *Шапух* – персидское *Шапур*. Имя Зарир известно в иранском героическом эпосе.

ареной борьбы стали северные области державы. Зарир проиграл решающее сражение и бежал в горы. Через некоторое время он был схвачен и привезён в Ктесифон, где его задушили во дворце [Collection…, 1869. P. 360].

Валаш, который в ранних источниках изображается как человек спокойный и миролюбивый [Agathiae…, 1828. P. 267; Collection…, 1869. P. 352; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 15], не отличался решительностью Пероза. Скорее, он был ставленником магнатов; вся власть при нём находилась в руках вельмож.

Новый царь столкнулся с проблемами, остававшимися со времён Пероза. Главная из них состояла в недостатке финансов. Иисус Столпник отмечает, что Валаш, придя к власти, нашёл казну пустой [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 15]. Последствия засухи и высокие подати по-прежнему доводили население до нищеты. Из рассказов ат-Табари видно, что круговая порука, введённая при Перозе, сохранялась и в правление Валаша [Annales..., 1964. Ser. I, P. 882]. Но положение дел не улучшилось, о чём подробно рассказывает Иисус Столпник. По его словам, эфталиты продолжали совершать набеги на пределы Сасанидской державы. Войско (т.е. люди, принадлежавшие к сословию воинов), было недовольно отсутствием царских пожалований. В том же источнике мы читаем, что Валаш вызвал и недовольство зороастрийского духовенства, так как собирался строить бани[203]. Утратив поддержку знати и духовенства, царь был обречён. Против Валаша составили заговор, его схватили и ослепили, лишив тем самым права далее занимать престол [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 15–16].

---

[203] Для зороастрийца мыться в бане означало осквернять воду человеческими нечистотами, т.е. совершать грех. Эти представления хорошо иллюстрирует тот фрагмент «Книги об Арда-Вирафе», где главный герой видит в аду душу грешника, которому дают есть отбросы, мертвечину и всё нечистое, причём демоны избивают его камнями и топорами. В ответ на вопрос Арда Вирафа о том, кто это, Срош отвечает: «Это – душа одного из тех неправедных людей, что часто ходили в баню; они переносили нечистоты и мертвечину, [попадавшие] в воду, огонь и землю. Они входили туда праведниками, но выходили нечестивцами» (*Īn rūwān-i-ān druwand mardōm kī ō garmāzag was raft hand u-šān hīḫr ud nasāy ō āb ud ataḫš ud zamīg burd ud ahlaw andar raft ud druwand bērōn mad hand*) [The Book of Arda Viraf, 1872. P. 71].

Первое правление Кавада (сентябрь 488 – конец июля 498–конец июля 499 г.)

Утверждение Кавада у власти

Вслед за свержением Валаша началось правление отца Хосрова – Кавада, которому здесь надлежит уделить особое внимание. К сожалению, восстановить ранние этапы жизни Кавада довольно сложно[204]. По словам Иисуса Столпника, Пероз, обязавшись платить эфталитам контрибуцию, отправил к ним Кавада заложником [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 10, 16]. Рассказ Иисуса Столпника о борьбе Пероза с эфталитами, однако, сильно отличается от того, что мы видим в других источниках. Утверждается, в частности, что Пероз предпринял против эфталитов три похода, а не два, как в других источниках. Между тем, слова Иисуса Столпника подкрепляются сведениями «Сиртской хроники», где говорится, что в царствование Пероза Кавад какое-то время пребывал у эфталитов и снискал дружбу их правителя [Histoire…, 1950. P. 128][205].

---

[204] Трудно даже приблизительно сказать, сколько лет было Каваду в описываемое время. По утверждениям Иоанна Малалы (см. Введение), Кавад умер в возрасте восьмидесяти трёх лет и трёх месяцев [Ioannis Malalae…, 1831. P. 471]. Это очень похоже на сведения *Шах-намэ* и истории Банакати, где мы читаем, что Кавад завещал престол Хосрову (об этом см. главу 1 части II) в возрасте восьмидесяти лет [Ferdowsi's…, 1935. P. 2308, 2561; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 62]. Если сведения Иоанна Малалы верны, Кавад родился в середине 448 г., т.е. ещё до воцарения Пероза. Вместе с тем, Прокопий Кесарийский пишет, что к началу второго похода Пероза против эфталитов Кавад только вступил в пору юности [Procopius, 1914. P. 20–21]. Георгий Кедрин называет Кавада последним сыном Пероза [Georgius Cedrenus, 1838. P. 624]. Согласно Прокопию Кесарийскому, у Пероза было около тридцати детей [Procopius, 1914. P. 20–21]. Если принимать эту версию, Кавад должен был появиться на свет ближе к концу правления Пероза. В восточных источниках можно прочитать, что Кавад вступил на престол в пятнадцать лет [Ал-Ахбар…, 1960. С. 64], в двенадцать [Browne E. G., 1900. P. 226] или малолетним [Ibn Wādhih…, 1969. Pars. I, P. 185].

[205] Кажется, именно это пребывание у эфталитов дало начало восточной легенде о том, что во втором походе Пероза Кавад попал в плен и был отпущен только благодаря Сухра [Ferdowsi's…, 1935.

Согласно нескольким восточным традициям, в начале правления Валаша Кавад бежал к правителю эфталитов. Тот долго не хотел помогать ему, и Кавад оставался у эфталитов четыре года. Наконец, правитель эфталитов согласился помочь, и Кавад с войском двинулся в Иран. В пути или на подступах к столице до него дошло известие о смерти Валаша [Histoire…, 1900. P. 586; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 662–663; The Book of Creation…, 1962. P. 167; Annales..., 1964. Ser. I, P. 884–885]. Похожие сведения встречаются и в «Сиртской хронике», где, однако, прибавляется, что по другой версии Кавад приказал схватить и ослепить Валаша, который затем был казнён [Histoire…, 1950. P. 124][206].

Воцарение Кавада было бы, разумеется, невозможно без поддержки магнатов, которые в то время управляли государством. Судя по источникам. Кавад на определённом этапе договорился с ними. Наиболее подробно сообщает об этом традиция Ибн Исфандияра. Согласно ей, когда Кавад с войском проходил через Рей, Сухра написал ему, предлагая свою поддержку и советуя отослать эфталитов обратно. Кавад согласился, и Сухра возвёл его на престол [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 151]. О том, что Кавад сделался царём благодаря помощи Сухра, сообщается также в традиции ад-Динавари [Ал-Ахбар…, 1960. С. 61].

P. 2274, 2284–2285; Muǧmal…, 2000. S. 58]. Эту версию можно исключить на основании слов Прокопия Кесарийского о том, что Пероз не взял в поход Кавада из-за его юности [Procopius, 1914. P. 20–21], хотя, как показано в предыдущем примечании, вопрос о возрасте Кавада остаётся открытым. К тому же, согласно Прокопию, Кавада возвели на престол те, кто не пошёл с Перозом [Procopius, 1914. P. 30–31].

[206] Некоторые детали из рассказов восточных историков явно относятся ко второму бегству Кавада, последовавшему в период с конца июля 498 г. по конец июля 499 г. Так, в одной из версий, приводимых у ат-Табари, утверждается, что Кавад бежал с группой сторонников, среди которых был Зармихр, сын Сухра [Annales..., 1964. Ser. I, P. 883]. Это, однако, явно неприменимо к рассматриваемой ситуации хотя бы потому, что Зармихру, предводителю магнатов и одному из самых высокопоставленных лиц в государстве, вряд ли нужно было бежать. Кроме того, именно во время второго бегства Кавада он встретил будущую мать Хосрова (см. главу 1 части II).

Опора Кавада на знать в обмен на отказ от помощи эфталитов стала, видимо, компромиссным решением. Но после ухода эфталитов Кавад оказался в зависимости от знати. Восточные авторы единодушно утверждают, что в первые годы царствования Кавада фактически правил Сухра, которому царь вверил управление державой. По выражению Мирхонда, Сухра был падишахом, разве что не именовался так (*pādišāh ǧoz nāmi*) [Histoire..., 1843. P. 232].

Через некоторое время Кавад начал тяготиться всевластием Сухра. Согласно наиболее распространённому в источниках рассказу, по истечении пяти лет царствования[207] Кавад написал Шапуру Рейскому, который принадлежал к роду Михранов и был *спахбад*-ом[208]. Этот Шапур, по всей вероятности, тождествен с Шапуром Михраном, о котором говорит Лазар Парбеци. Фирдоуси на основании каких-то не известных нам источников считал Шапура врагом Сухра [Ferdowsi's…, 1935. P. 2291]. Между тем, вполне вероятно, что всевластие Сухра и Зармихра сдвинуло политическое равновесие в пользу Каренов, и это вызвало недовольство Михранов, ещё недавно занимавших главенствующие позиции. Эта гипотеза подкрепляется и чисто логическими соображениями, так как Кавад, несомненно, обратился бы за помощью против Сухра к его противникам. Шапур прибыл в столицу и на аудиенции у царя взял Сухра под стражу; тот был вскоре казнён. Другая, несколько отличная от этого, версия представлена в рассказе о потомках Сухра, воспроизводимом в традиции Ибн Исфандияра. Согласно ей, Сухра знал об опасности или чувствовал её. Вместе с сыновьями он направился в Табаристан, но Кавад подослал к нему убийц [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 151]. С этого момента Михраны вернули себе главенство среди знати, что лаконично выражает приводимое в мусульманских традициях изречение: «Утих ве-

---

[207] Это хронологическое указание восходит к Балами [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 966]. Несмотря на распространённость самого рассказа, оно встречается только в истории Банакати [Tārikh e Banākatī, 1969. P. 61].

[208] Так называет звание Михрана ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 885]. В других рассказах Шапур предстаёт как наместник Вавилона и Хутарниййи [Ал-Ахбар…, 1960. С. 65] или *спахбад* Мидии [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 318].

тер Сухра, задул ветер Михрана» [Histoire…, 1900. P. 588; Annales..., 1964. Ser. I, P. 885].

Кавад и маздакиты

Тем временем на исторической арене появилась другая сила – маздакиты. Это своеобразное движение уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Учение и суть движения маздакитов трактуются по-разному[209] – во многом из-за неоднозначности сведений о них в источниках. Рассказы, восходящие к современникам и потому наиболее ценные, принадлежат людям не зороастрийской культуры, равнодушным, а то и враждебным, к ней. Их известия обычно ограничиваются упоминаниями о том, что при Каваде у персов была введена общность жён [Agathiae…, 1828. P. 267–268; Theophylacti..., 1834. P. 190; Procopius, 1914. P. 30–31; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 16]. Дошедшие до нас зороастрийские тексты принадлежат против-

---

[209] Оценивая религиозные воззрения Маздака, одни считают его учение одной из форм манихейства [The Cambridge History…, 1983. P. 150] или реформированным манихейством [Christensen A., 1925. P. 100–102], а другие отрицают это и настаивают на зороастрийском характере доктрины [Crone P., 1991. P. 26–27], пусть и с примесью мистицизма [Shaki M., 1985. P. 543]. В том, что касается социальной стороны учения маздакитов, исследователи со времён Т. Нёльдеке [Nöldeke Th., 1879. S. 459] до наших дней характеризуют его как социалистическое или коммунистическое, однако по-разному представляют его природу. В одной из первых работ, посвящённых этой теме, Дж. Дж. Моди утверждал, что учение Маздака представляло собой смесь искажённых норм зороастризма с воззрениями, принесёнными из Китая и Индии [Modi J. J., 1918. P. 129–131]. А. Кристенсен полагал, что социальное учение маздакитов появилось благодаря осознанию его основоположниками естественной тяги людей к материальным благам [Christensen A., 1925. P. 103–104; Christensen A., 1944. P. 343]. П. Крон считает, что коммунизм последователей Зардушта был на деле укладом жизни мелких общин той эпохи [Crone P., 1991. P. 29]. Историки-марксисты полагают, что причинами развития движения маздакитов стали условия социально-экономического развития Сасанидской державы и прежде всего усиление гнёта правящих классов. Само движение представляется как форма борьбы трудящихся масс [Пигулевская Н. В., 1956. С. 278–310; Klíma O., 1957. S. 296–297].

никам маздакитов, что определяет их тональность. Один из примеров этого (предполагаемый пересказ *Маздак-намэ* у Низам ал-Мулька и Кермани) рассмотрен во Введении. Другой, очень сходный по духу текст – «Десять наставлений Лжеца» из *Динкард*-а, явно апокрифический документ, своеобразная антитеза помещённым рядом «Десяти наставлениям Хосрова Ануширвана». Вследствие неоднозначности прочтения и интерпретации среднеперсидских текстов необходимо привести переводы основных фрагментов.

1. «Десять наставлений Лжеца» из третьего тома *Динкард*-а.

«О десяти наставлениях Лжеца[210], влекущего страну к пагубным устремлениям, сознательно наносящего удар по многим душам подданных, правой руки господства дурного вероучения, лукавого негодяя, во вред Ирану, стране лучшего вероучения.

Одно. Лукавый и неправедный Лжец, набрав внутри себя полный рот бесконечно неверного, выказал стремление покрыть себя позором и уничтожить и само превосходство мирской власти, и удовольствие от множества богатства, которые ему не по нраву.

---

[210] В английском переводе среднеперсидского текста в издании Б. Санджаны этот человек называется Гурги (*Gurgīh*), что объясняется аналогиями с приведённым далее описанием маздакитов из *Динкард*-а, а также с текстом *Шах-намэ* [The Dinkard..., 1888. Англ. перевод, с. 320]. Однако, в описании маздакитов слово *gurgīh* выступает как нарицательное (см. ниже), а в *Шах-намэ* персонажа с таким именем нет. В переводе Ж. де Менассе мы видим форму *Mar Druvand* [Le troisième livre..., 1972. P. 212], которая, очевидно, представляет собой результат поисков графической конъектуры (не [illegible], как в тексте, а [illegible]). Но явное графическое различие делает эту конъектуру маловероятной. Судя по всему, правильнее читать [illegible], т. е. *dōl kas i*. Эта форма составлена из слов *dōl*, которое в словаре Ф. Штейнгасса определяется как *a deceitful, shameless person* [Steingass F., 1892. P. 546], *kas* (человек) и *i* (в ср.-перс. языке – «который»). Именно эта форма фигурирует в третьем предложении приводимого ниже текста «Десяти наставлений Лжеца». Тем самым, противник маздакитов, составивший процитированный текст, называл их идейного вдохновителя бесстыдным лжецом. Это вполне соответствует остальной части текста.

[Ещё] одно. Вынуждайте [людей] поддерживать каждую ложь Лжеца в уничтожении власти, одеяний, великолепия, блеска и роскоши.

[Ещё] одно. [Надлежит] именовать себя предводителями тех, кто распространяет веру Ахура-Мазды, во всём земном мире бороться с величием и господским положением, с помощью этой лжи привлекать к себе многих голодных, неодетых и нечёсаных одержимых[211], сделать их подобными [себе] и оставить Иран среди грабежа, бедствий и извращённых устремлений.

[Ещё] одно. [Надлежит] извратить закон многословием, а великие славословия – делами.

[Ещё] одно. Советуйте разрушать святилища огня, убивать, творить беззаконие, унавоживать землю не так, как принято, резать баранов без всякой меры и ненадлежащим способом, сеять между людьми рознь и вражду, умалять творение Ахура-Мазды.

[Ещё] одно. Говорите, чтобы уменьшали величие власти и господство [зороастрийского] вероучения в Иране.

[Ещё] одно. [Надлежит] сделать в иранской стране постоянство греха признаком мощи, соотечественников отвлечь от божественной веры и склонить к бесовскому нраву, привить им враждебность к знанию, злость, беспокойство, неверность, наихудшие чаяния и человеческие качества и посредством всякого греха и злодеяний ввергнуть их в погибель [, исходящую от] злого духа.

[Ещё] одно. [Надлежит] незнатного возвысить, знатного низвергнуть.

[Ещё] одно. [Надлежит] учить, что у ребёнка не бывает ни благородства, ни господского звания, а есть только полное смешение [людей].

[Ещё] одно. [Надлежит] учить, что полезным созданиям следует причинять вред, а к волкам и вредоносным существам относиться с приязнью и делать им добро.

[Ещё] одно. [Надлежит] развязать путы, удерживающие от греха, и уменьшить страх перед адом.

[Ещё] одно. На десять умножающих творения[212] наставлений и иные праведные, уничтожающие болезни и полезные для творений высказывания он дал десять наставлений зохаковых[213],

---

[211] Букв. – бесов.

[212] Имеется в виду мир как творение Ахура-Мазды.

[213] Имеется в виду легендарный злой царь Зохак.

каждое из которых порочно и ложно» [The Dinkard..., 1888. Ср.-перс. текст, с. 245–247; The Complete Text…, 1911. P. 220–221; Dinkart. Book III, 1976. P. 180–181][214].

---

[214] *Abar deh andarz dōlkas i dehān ō wardag tuḫšagīhā rasēnīdār wēš rūwān bandag pad kāmīg zadār i dašnag ḫ(w)adāyīh-i-dūšdēn druwand mar pad petyāragīh-i-Ērān dehān ān-i-wēhdēn.*
Ēk. Frēbtar aharmōġ-i-dōlkas purr zafar asar aband andarōn paywast ud anāftan ud gōhr abarīh-i-gētāh ḫ(w)adāyīh ud ḫ(w)āstag frāy ḫursandīhā zī-š bī ḫēm ō bērōn wišūftan nimūd.
Ēk. Ō ham dōlkas frēb ayārīh i anāftan ḫ(w)adāyīh paymōzan brāh ud bām ud mād-i-abrang niyāzēnēd.
Ēk. Dēn-i-Awharmazd rawāgēnidārān pēšōbāy abar ḫ(w)ēš nāmēnīdan ud pad harwisp aḫw i astōmand aḫwīh ud radīh paykārdan ud pad īn frēb was gursag barahnag wizard wars dēw ō ḫ(w)ēš hīḫtan ud ham kardan ud pad rōb aḫwār ud wardag tuḫšišnīh Ērān dehān andar hilendeh.
Ēk. Dād pad gūbišn was ud wuzurg stāyīdan pad kunišn abāz waštag kardan.
Ēk. Ataḫš zadārīh ud zadīh ud bīdādārīh ud zamīg ēnyaīhsargēnīdārīh ud gūsfand apaymān ud anēwēnag kūšīdārīh ud mardōm ǧudiwand ud anāšt kardārīh ud Awharmazd dahišn kahēnīdārīh andarzēd.
Ēk. Nizārēnīdan i aḫwīh ḫ(w)adāyīh ud radīh dēn andar Ērānšahr gūyēd.
Ēk. Andar Ērān būm ān-i-astišnīh wināh nēšān ōz kardan ud mardōm-i-hambūm az yazdān dēn ō dēw ḫēm ud ḫōg ud brēh wardēnīdan u-šān ō dānišn-dušmānīh ud dūšwārīh hīštan dūšramīhā ud anōst mihrīh ud wadīst ēmēdīh mardōmīh zāmēnīdan ud pad wināh wisp ud abārīg ānāgīh ō marnǧēnišn ganāk mēnōy dādan.
Ēk. Pad ulīh ān-i-kah ud pad nigūnīh ān-i-meh kardan.
Ēk. Āzādīh zahag radīh an-astīh ud pad-š gūmīg wābarīgānīh astīgīh amūḫtan.
Ēk. Sūdagomand dahišnān petyāragīh ud gurgān ḫrafstarān dūstīh ud stāyēdārīh amūḫtan.
Ēk. Band abar wināh wisustan (в изданиях 1888 г. и 1911 г. стоит форма *sūḫtan* (жечь), но едва ли зороастриец, даже при всём стремлении очернить противников, мог приписать им идею осквернения огня посредством сожжения в нём пут, удерживающих от греха. Более вероятной формой кажется сходное в графическом отношении *wisustan* в значении «развязывать») *bīm i az dūšoḫ sabukēnidan.*
Ēk. Ō dahišn wahšēnīdar ham deh andarz ud abārīg frarōn ǧād wīmārīhškan ud ō dahišn warzihēnīdār deh zahak andarz hāmist abārōn ǧād zūr dād.

2. Полемика с маздакитом из третьего тома *Динкард*-а[215].

«Седьмой вопрос. Спросил другой неверный: “Поскольку уничтожение вожделения, алчности … зависти и иной творящей грех лжи – великая заповедь лучшего вероучения, они … [из-за того, что] творение греха – [от] излишнего стремления [обладать] имуществом и женщинами … сделали всеобщим то, из-за чего [появляются] вожделение, алчность, зависть, бесстыдство и многое другое … [а] от творения греха люди изнемогают, и сила злого духа … как мы относимся к *даствар*-ству Зардушта, его учению и делам, и почему?

Ответ: “Итак, в общности имущества и жён, которая у вас от Зардушта … называемого сыном утренней зари / человеком со светлой душой[216] и бывшего из Фаса – и ложь …, и потрясение для мира оттого, что во всеобщем вожделении, алчности, зависти и бесстыдстве, [исходящих] от того, кто не может [удовлетворить свои] желания, оставляют [веро]учение и следование ему в делах, и уничтожение мира оттого, что людей через [кажущуюся] лёгкость и … безделье притягивают к тому, чтобы [каждый] делал что хотел, дело или вещь, а от тяжёлого труда изнемогал, и уничтожение великодушия, взаимодействия людей и назначения наследников для предотвращения прекращения рода (*stūrīh*), а также [приведение к погибели] каждого человека – посредством стирания кровных уз между отдельными людьми, различий между [незамужними] женщинами и замужними и смешения, и разорение мира посредством упразднения [установлений] о том, что приличествует делать отпрыскам царского рода, положения царя и

---

[215] Этот фрагмент дошёл до нас в искажённом виде, с пробелами (в переводе они обозначении многоточиями), что сильно затрудняет перевод. Общий смысл, однако, ясен: текст представляет собой полемическое произведение, автор которого обличает воображаемого оппонента-маздакита.

[216] В тексте – [illegible], но из самого написания этой формы следует, что переписчик не был уверен в её правильности. Из возможных конъектур наиболее продуктивными представляются две: [illegible] (*arāsān*, т.е. буквально «сын утренней звезды». Полное имя Маздака – Маздак Бамдадан, т.е. «Маздак, сын зари». Возможно, автор текста *Динкард*-а передаёт или пародирует его имя.) и [illegible] (*arās-ǧān*, человек со светлой душой). В определении значения слова *arās* мы основываемся на результатах исследований Д. Д. Кападии [Kapadia D. D., 1953. P. 261].

основ [жизни] людей, разорение …[217], и отбрасывание собственности и владения …, и превращение суда в [нечто] бесполезное, и возвышение [посредством] этого ужасного, умножающего ложь бесопоклонства … пустых выдумок и порока, который [идёт] из не-Ирана в Иран …, и разорение посредством уничтожения [данного] Ахура-Маздой, всякие яд и ложь от [злой] природы неверных … [в изобилии излить] на мир ложное, а превосходство праведности в мире сделать ущербным и разрушить[218]»» [The Dinkard,

---

[217] Здесь в тексте оригинала большой пробел (его хорошо видно в факсимильном издании рукописи 1976 г.), из-за которого в этом фрагменте можно разобрать лишь слова *kas* (человек), *mād* (мать) и *kāstārīh* (разрушение, разорение). Возможных сочетаний этих слов слишком много, чтобы можно было предложить правдоподобный перевод.

[218] *Haftōm pūrsišn. Pūrsīd didīgar aharmōġ ku ka āzi ud waran … ud arēšk ud* (это слово – только в издании 1911 г.) *abārīg wināh-ayōz drūž wānīdan wēhdēn meh andarz ēšān … wināh ayōzīh i mardōm frahistīhā pūrsišn i ḫ(w)āstag ud zan … ō hamīh-i-amaragān dād kī pad-š āz ud waran ud arēšk ud nang ud didīgar-č was … az wināh-ayōzīh mardōm stūb bawēnd ud gānag-mēnōy nērōg … čiyōn amā pad paywand dastwarīh Zardušt čāštag kardag* (В издании 1874 г. – ، *kard*, однако аналогия со следующим словом *čāštag* заставляет предпочесть форму ، *kardag*, встречающуюся в издании 1911 г., а также в факсимильном издании 1976 г.) *čim*.

Passoḫ had hamagīh-i-ašmā (в издании 1911 г. – *hamīh-i-ašmā*) *pad ḫ(w)āstag ud zan az Zardušt … zi-šān arās(ǧ)ān-č ḫ(w)ānand i az Fasā* (Чтение этой формы затруднительно. В издании 1874 г. – , что можно читать и как *pēš*, т.е. «до, прежде». Однако в издании 1911 г. – , а в факсимильном издании 1976 г. – . Эти формы не полностью соответствуют *Fasā*, но показывают, что вторую букву следует читать как *s*. Значит, это слово выглядело примерно так: *p(f).s.a*. Наиболее правдоподобным прочтением его кажется *Fasā*, название города, из которого, возможно, происходили вожди маздакитов Зардушт и Маздак – см. прим. 262) *būd frēbtārīhā … čāštag kardag pad āz ud waran ud arēšk ud nang-i-amaragānīg az bē arzōg … andar hilendeh andar gēhān ašūfīhā ud pad mardōm pad asānīh … ašgahānīh pēḫtan abaz ō ān i ḫ(w)āhēd ud kardag čīz kardan ud mōšīdan i az anasān i kār gēhān awērāngarīhā ud pad apēdāg paywandīh-i-ǧud ǧud mardōm pad amēḫtag zanīh abāg šūywar pad gūmēzagīh wandgarīh ud ham-kunīh ud stūrīh ud ēk ēk az mardōm wišuftārīhā ud pad waspūhragān ḫ(w)ēšīh kardag ud ḫ(w)adāyīh gāh ud pāyag-i-mardōm akārēnidan gēhān*

1874. Ср.-перс. текст, с. 7–8; The Complete Text…, 1911. P. 6–7; Dinkart. Book III, 1976. P. 5–6].

3. Фрагмент о маздакитах из VII тома *Динкард*-а.

«Вагидрог-дех, сын блаженного Манучихра и внук Адурбада, говорит, что от него[219] отличается Аваретрабао, который был одним из противников вероучения, неверных, прозванных также маздакитами.

И о них он также говорит: “Зардушт, мысля порочно, отступил от моего вероучения, сильно отступил, и многие, узнав учение отступников, утверждают, что праведность, деятельность и принадлежность к священнослужителям составляют безгрешность, но мало выступают открыто и делают.

В маздеистском вероучении соблюдай то, что соответствует ему, ищи средство против них (маздакитов. – *Д. М.*). Из них – всякого рода [люди,] ставшие разжигателями вражды в земном мире и неподвластные соответствующей установлениям праведности, которая лучше всего существующего. И вот, они распределяют маздеистское религиозное [служение] по [своим] родам, говоря, что это-де за дела их людей, и дают им вознаграждение.

Еду они считают [приёмом] пищи и говорят, что есть следует по мере голода[220]. О детях они говорят, что родство ребёнка

---

nirfsēnīdārīhā … kas mād i kāstārīhā ud pad ḫ(w)ēšīh ud dārišn ōftārīhā (так во всех изданиях, но, возможно, следует искать конъектуру и читать *anāftārīhā* в значении «разрушение, уничтожение»)… *dādwarīh ānābīhā ud pad īn škeftōm dēwēzagīh drūž wālēnīdār … dām harzaggarīh ud pad padwišag i az-š Anērānšahr abar Ērānšahr … ul rasēnidārīhā … ud pad wišōbišn ud abesēhišn i Awharmazd … az-š petyārag nērōg dādār-i-gēhān kām-i-ganāmēnōy abar dāmān … anāftārīhā ud az ḫōg-i-aharmōǧān ēk was ēwēnag zahr ud frēbtārīhā … dām ō gēhān rēxtan padīh gēhān ahlāyīh wīmārēnīdan ud marnǧēnidan.*

[219] Сын Адурбада, о котором речь идёт в предыдущем фрагменте.

[220] В произведениях противников маздакитов эта умеренность предстаёт как лицемерие. В одном фрагменте, вставленном поздним переписчиком в текст трактата *Вендидад*, говорится: «Маздак, сын Бамдада, который сам ел досыта, но [других] морил голодом» (*Mazdak-i-Bāmdādān kī-š ḫwad sagr ḫūrd u-š pad suy ud marg dād*) [Vendidâd, 1907. P. 135].

[определяется] по матери. Когда что-либо хватают, подобно волкам, они называют это “делать по-волчьи”. У них же самих принято поступать как душе угодно, и [происхождение] ребёнка у них, как у волков, [определяется] по матери.

Родство они определяют по матери. [Случается даже, что] они покупают овцу, отводят ей под бок ребёнка и брата его и говорят: “Мы дадим тебя им в матери. Без матери им оставаться негоже”.

Судебному испытанию они не доверяют даже тогда, когда [по его итогам] им явно выносят оправдание и говорят: вы оправданы.

Они говорят ложь и при детях – а те, [согласно им,] должны вырасти вероломными, и между собой”» [The Complete Text…, 1911. P. 653–654; The Dinkard, 1913. Ср.-перс. текст, с. 55–56; Dinkart. Books 4–9…, 1976. Part 2, p. 413–415][221].

Неприязнь к Маздаку прослеживается и в других источниках, опиравшихся на сасанидские традиции. Ас-Саалиби называет Маздака «шайтаном в человеческом обличье» [Histoire…, 1900. P. 596]. Более того, мусульманские авторы подчас считали маздакитов предшественниками тех, кто выступал против

---

[221] *Wagīdrōgdeh i Mānūščihr ḫūbaḫtag ud Adurbād niyāg gūyēd ku az ān bē Awareṯrabao ud īn-i az dēn petyāragān aharmōġān aharmōġ zī-šān mazdagīg-č ḫ(w)ānd hand.*
Čiyōn-šān īn-č abar gūyēd ku īn-i-man dēn pad aḫō-mēnišn nakīrā was bē nakīrā Zardūšt ka was aharmōġ agāh ahlawīh kardārīh ud asrawanīh-č gūyēnd awināhīh kam āškār ud warzīdār hand.
Pad dēn i māzdēsnān īn ku pad dēn bē nigēr ud az-ēšān čārag ḫ(w)āh ud az ēšān čīkāmčāy i (вставляем *i* по изданию 1913 г.) *petyārtār būd estēnd andar aḫw i astōmand ud agriftār i ēwēnōmand ahlawīh kī az hastān pāhlūm ud ēdōn dēn i māzdēsnān pad toḫmag bōzišnīh baḫšēnd kardārīh ḫ(w)ēšān rād gūyēnd ud bahr ō ḫ(w)ēšān dahēnd.*
Ḫūrišn pīhwa wēnend ku ḫūrišn suy paymān gūyēnd ud zahagīh gūyēnd ku paywand pad amīdarān gūyēnd ud gurgīh ḫ(w)ānēnd ku čīz gurgīhā gērēnd ēšān sāḫtan i pad kāmag rawišnīh čiyōn ān i gurg zahag pas amīdar.
Ēšān paywand pad amīdarān kunēnd ēšān nārīg-i-gūsfand ḫrīnēnd ān-č-i zahag pus brādar bē barēnd ō bar ku-šān ašmā ō mād-š dād ḫ(w)āhēm nē šāyest bawēd bē pad mād-š estād.
Ēšān nē-č wurrōyēnd war nē ka āškārag abar dahēd ku bē bōḫtēd ēšān pad-č frazandān drōžēnd ku-šān mihrag-drūž abar rasēnišn ud pad-č ān i ḫ(w)ēš-tan.

халифата, прежде всего хуррамитов [Die Sekten…, 1931. S. 41; Siyar…, 1962. P. 260; Абу Хамид ал-Газали, 1964. С. 14], что усиливало враждебность.

На этом фоне заметно выделяется рассказ об учении маздакитов в трактате позднего, но хорошо информированного автора Мирзы Мухсина Кашмири, известного как Мухсин Фани (род. ок. 1615 г., ум. в 1670/1671 г.) «Училище [религиозных] учений» (*Dabistān al-maḏāhib*). Этот рассказ, судя по его тексту, построен на выдержках из трактата самого Маздака, сохранённого его более поздними последователями. Его арабскую версию мы обнаруживаем в трактате «Книга [религиозных] учений и течений» (*Kitāb al-milal wa al-niḥal*) аш-Шахрастани (1086–1153), который, судя по всему, воспринял отрицательное отношение к Маздаку. Это видно по началу сообщения о маздакитах, где тексты аш-Шахрастани и «Училища» заметно расходятся в оценке личности Маздака. Кроме того, по словам аш-Шахрастани Маздак санкционирует убийства, чего нет в тексте «Училища».

Поскольку в имеющихся изданиях «Училища» текст приводится в рукописном виде, автор этих строк счёл целесообразным предложить его реконструкцию.

پانزدهمين نظر از كتاب دبستان در عقيدۀ مزدكيان

مزدک مردي بود پرهيزگار ودانا در عهد شهنشاه قباد ودين او روائي گرفت وشت نوشروان اورا بكشت وگويد از آغاز بي آغازي جهانرا دو صانع است فاعل خير يزدان وآن نور است وفاعل شرّ آهرمن وآن ظلمت است ايزد متعال فاعل خير است وازو جز نيكوئي نيآيد لا جرم عقول ونفوس وسموات وكواكب آفريدۀ يزد است وآهرمنرا اصلا بر آن دستي نيست وعناصر ومركّبات نيز پديد آوردۀ حقّ اند بدان آتش سرمازدهرا گرم كند وزيدن باد محروررا خنک وسرد وآب تشنهرا سيراب گرداند وخاک محل چميدن[222] باشد همچنين مركّبات ايشان از معادن زر وسيم واز نبات اشجار ميوهدار واز حيوانات گاو وگسفند واسپ وشتر وانسان پرهيزگار سودبخش همه آفريدۀ يزدان اند امّا سوزانيدن آتش جانوررا وكشتن سموم جاندارا وغرق گردانيدن آب كشتيرا وبريدن آهن تنرا وخليدن خار بدنرا وورندگان ومؤذيات وشير وپلنگ وگژدم ومار وامثال آن انگيختۀ آهرمن است چون بر فلک آهرمنرا دست نيست آنرا بهشت خوانند چون در سراي آخشيجان آهرمنرا هم تصرّف است لا جرم ضدّيت پديد آمده وهيچ صورت آن پايدار

[222] Так в обоих изданиях, однако использование глагола *čamīdan* здесь явно неправомерно. Если искать графическую конъектуру, возможно, следует читать چمن, *čaman* (сад или зелёная лужайка, т.е. цветущая земля).

نباشد مثلا حقّ زندگي بخشد آهرمن بکشد ایزد حیات آفرید آهرمن موت یزدان صحّت پیدا کرد آهرمن رنج وبیماري پدید آورد وواهب العطیّات بهشت خلق کرد وآهرمن دوزخ ویزدان پرستشرا سزاست چه ملک او وسیع است وآهرمنرا جز در عالم عناصر دسترس نیست

ودیگر آنکه هرکه یزداني باشد روح او بجهان برین رسد وشیطانی بدوزخ در ماند پس شرط عقل آن است که عاقل خودرا از آهرمنان باز دارد هر چند آهرمن ورا بیآزارد وچون از تن برهد روان او بفلک روان شود وآهرمنرا بفلک نیروي بر آمدن نیست

ودر بعضي جا از دیسناد گوید وجودرا دو اصل است شید وتار یعني نور وظلمت واز آن تعبیر به یزدان وآهرمن کند وگوید احوال نور باختیار است وافعال ظلمت باتّفاق نور عالم وحسّاس است وظلمت جاهل وامتزاج نور وظلمت باتّفاق است وخلاص نور از ظلمت باتّفاق نه باختیار هر چه در عالم خیر است منفعت از نور است وشرّ وفساد از ظلمت چون اجزاي نور از ظلمت جدا شود[223] ترکیب منحلّ گردد ورستخیز اینست

وباز در همان کتاب گوید که اصول واركان سه است آب وزمین وآتش چون با هم آمیخته شدند از آمیزش اینها مدبّر خیر وشرّ حادث شود آنچه از صفوت آن حاصل گردد مدبّر خیر است وآنچه از کدر آن فراز آید مدبَر شرّ است

وهم در آن نامه گوید که یزدان بر کرسي نشسته است در عالم اصلي بر آنگونه که خسروان بر سریر کشور نشینند در عالم فرودین ودر حضور او چهار نیروست بازکشا یعني قوّت تمییز ویادده یعني قوّت حفظ ودانا یعني قوّت فهم وسورا[224] یعني سرور چنانچه کار پادشاه[225] را مدد از چهار کس است موبد موبدان وهیربد هیربدان وسپهبد ولشکر[226] این چهار کس تدبیر جهان میکنند بهفت کس دیگر که فروتراند سالار

---

[223] Так в обоих цитируемых изданиях, однако правильнее было бы شوند.

[224] Так в обоих цитируемых изданиях, но данное слово не обнаруживается ни в одном персидском словаре, доступном автору этих строк. Вероятно, имеется в виду слово سور, считавшееся синонимом *šādī* (радость) [Shums-ool-Loghat…, 1806. P. 625]. Это вполне соответствует приводимому далее в тексте «Училища» арабскому эквиваленту – *surūr*.

[225] В обоих текстах – بادشاه.

[226] В тексте аш-Шахрастани в этом месте стоит الرّامشكر (*al-rāmiškar*). Эта форма приводит к проблеме, связанной с интерпретацией фрагмента в целом. Ф. Альтхайм заметил, что четыре силы соответствуют четырём сановникам царя. Последний из сановников должен соответствовать силе радости. В этом отношении слово *rāmiškar*, буквально означающее «увеселитель, музыкант или певец» (Ф. Альтхайм поддерживает данный А. Кристенсеном перевод *maître de plaisir du roi*, «распорядитель царских увеселений» [Christensen A., 1925. P. 81; Altheim F., 1963. P. 6]), кажется вполне уместным. Вместе с тем, многочисленные арабские формы в тексте Мухсина Фани, которые он даёт и в оригинале, и в переводе, свидетельствуют о том, что исходный текст был арабским. Поэтому принять гипотезу Ф. Альтхайма можно было бы, если допустить, что автор арабского

وپيشكار وبانور[227] وديران[228] وكاررران[229] ودستور وكودک[230] واين هفت بر دوازده رواني يعني روحاني دائر است خواننده دهنده ستاننده برنده خورنده رونده[231] چرنده[232] كشنده زننده[233] آينده شونده پاينده وهر كسي را از مردم كه در اين چهار نيرو با هفب وآن با دوازده گرد آيد در فرودين جهان يعني عالم سفلي بمثابه پروردگار وربّ باشد وتكليف ازو بر خيزد

оригинала правильно передал персидскую форму *rāmiškar*, а к персидскому переводчику попал текст настолько искажённый в данном месте, что он не узнал исходное слово и вставил приблизительно подходящее по написанию *laškar*. Кроме того, замечание Ф. Альтхайма основано на тексте аш-Шахрастани. Между тем, в рассматриваемых текстах «силы» расположены в разном порядке: у аш-Шахрастани – *tamyīz*, *fahm*, *ḥ.fẓ*, *surūr*, у Мухсина Фани – *tamyīz*, *ḥ.fẓ*, *fahm*, *surūr*. Ф. Альтхайм полагает, что исходное حفظ следует читать как *ḥifẓ*, т.е. «бдительность», которая может быть качеством упомянутого в списке сановником третьим предводителя войска (*спахбад*-а) [Altheim F., 1963. P. 6]. Но данный Мухсином Фани персидский эквивалент *yād-deh* (здесь – «память») прямо противоречит такой интерпретации и предполагает чтение *ḥafẓ*. Значит, необходимо ещё одно допущение – ошибка Мухсина Фани или его источника в переводе.

[227] Эта форма встречается в обоих изданиях, однако найти для неё удовлетворительную интерпретацию невозможно. Вероятно, переписчики неверно поняли форму دادور, *dādwar*, «судья» (ср.-перс.).

[228] Эту форму следует, видимо, интерпретировать как искажённое دبيران, *dibīrān*, начальную часть титула сасанидского главного писца (*dibīrān-dibīr*).

[229] Представляется, что следует читать كاردار (*kārdār*), т.е. управляющий.

[230] В персидском языке это слово означает «ребёнок», что не соответствует контексту. Видимо, следует читать كروک или كروگ, *kirrōg*. Из сирийских мученичеств Симеона Бэр Сэббаэ и Пусига мы узнаём, что последний был *kirrōgbad*, т.е., судя по текстам источников, управляющим царскими мастерскими [Acta…, 1891. P. 131, 209–210; Braun O., 1915. S. 5, 59].

[231] У аш-Шахрастани – دونده (*dawandeh*).

[232] У аш-Шахрастани в этом месте стоит форма خيزنده (*ḫīzandeh*), которая, как будет показано ниже, предпочтительнее с точки зрения соответствия смыслу.

[233] У аш-Шахрастани после زننده следует كننده (*konandeh*), которое отсутствует в тексте «Училища». О вероятности включения этого слова см. ниже.

وهم در آن نامه گويد كه آنچه بدآن نور راضي نيست وهر آنچه بدان ظلمت خوشنود است مباغضت وقتال ومنازعت است وبيشتر نبرد وجنگ مردمرا سبب مال وزن است زنانرا خلاص بايد گردانيد واموال مباح داشت وهمهٔ مردمرا در خواسته وزن شريک ساخت چنانكه در آتش وآب وعلف انبازند

وهم در آن نامه گفت ستمي سنگين باشد كه زن يكي جميله باشد وجفت ديگري قبيحه پس شرط عدالت وديندارى آن است كه مرد زن جميله خودرا چند روز بدان كس دهد كه جفت او بد وزشت است وزشت اورا يكچند بخود در پزيرد

وگفت چنين ناستوده ونارواست كه يكي صاحب جاه باشد وديگري نادار وبينوا بر مرد ديندار واجب است كه با همدين زر خودرا بمناصفت بخش كند وهم آيين زردشت گيرد وزن خودرا بدو فرستد تا از شهوت راندن بي بهره نماند امّا اگر همدين در گرد آوري زر عاجز ومسرف يا ديوسار وديوانه باشد اورا در سراي باز دارد واز خورد وپوشش وگسترد او با خبر بود وهر كس بدين قسمت راضي نشود پس او آهرمني باشد وازو بزور بستانند

فرهاد وشيراب وآيين وهوش پويايي كيش او بودند وديگر محمّد قلي گرد واسمعيل بيگ گرجي واحمداي تيراني بكيش ايشان گرائيدند وتيران دهيست از اعمال صفاهان واز ايشان شنيده شد كه اكنون مزدكيان در لباس گبري نيستند در ميان اهل اسلام پنهان شده ره سپر كيش خويش اند وكتاب مزدک را كه موسوم شد بديسناد بنامه نگار نمودند پارسي باستاني است وآنرا جدّ آيين هوش آيين شكيب بزبان معروف پارسي ترجمه كرد وفرهاد مردي بود دانا ونزد اهل اسلام خودرا محمّد سعيد ناميدي وشيراب خويشرا شير محمّد خواند وآيين هوش خودرا محمّد عاقل باز نمودي وچون در علم خويش ماهر بودند نامي كه ديسنادي است هم داشتند

«Пятнадцатый обзор из книги Училища, об учении маздакитов

[Мухсин Фани:] Маздак был человеком праведным и мудрым; [он жил] во времена царя царей Кавада. Вероучение его получило распространение. Великий Нуширван казнил его.

[Аш-Шахрастани:] Маздак – тот, кто явился в дни Кавада, родителя Ануширвана. Он призвал Кавада [принять] его учение, и тот согласился. Нуширван же узнал о его постыдных делах и измышлениях, стал искать, нашёл и казнил.

[Мухсин Фани:] Он (Маздак. – *Д. М.*) говорил, что с самого начала, извечно, у мира было два творца – творец добра Бог (*yazdān*), а Он – свет, и творец зла Ахриман, а он – тьма. Бог возвышен, творит добро, и ничто кроме хорошего не исходит от Него. Умы, души, небеса и планеты суть, несомненно, творения Бога. У Ахримана же изначально нет силы побороть Его. Сти-

хии (*ʻanāṣir*) и их составляющие (*murakkibāt*) тоже созданы Богом. Например, огонь согревает того, кому холодно, дуновение ветра даёт прохладу тому, кому жарко, вода утоляет жажду того, кто хочет пить, и сухая земля становится цветущей. Также и составляющие их, например: из металлов – золото и серебро, из растений – плодоносные деревья, из животных – бык, баран, конь и верблюд, а равно и праведный, одаряющий добром человек – все суть творения Бога. А опаление живых существ огнём, умерщвление наделённых душой ядом, усечение тела железом, укол тела остриём, [равно как] пауки, вредоносные существа, лев, леопард, скорпион, змея и им подобные – создания Ахримана. Поскольку у Ахримана нет власти над небесами, их называют раем. Когда же Ахриман также имеет возможность распоряжаться во дворце четырёх стихий, неизбежно возникает противостояние, и ничто, имеющее облик, не обладает устойчивостью. Например, Бог дарует жизнь, Ахриман убивает, Бог создал жизнь, Ахриман – смерть, Бог сотворил здоровье, Ахриман – страдания и болезни. Дающий дары[234] создал рай, Ахриман – ад. Бог достоин поклонения, ибо царство Его обширно; у Ахримана же нет могущества кроме как в мире бедствий.

Другое: у всякого, кто принадлежит Богу, душа достигает высшего мира, а у того, кто принадлежит дьяволу – пребывает в аду. Далее, долг разума состоит в том, чтобы его обладатель отстранялся от Ахримана и подобных ему[235] всякий раз, когда Ахриман причиняет ему зло. Душа его, отделяясь от тела, попадает на небеса, а у Ахримана нет силы явиться туда.

В одном месте [книги] “Чистая религия” он говорит, что у бытия два начала – свет и тьма, то есть [по-арабски] *nūr* и *ẓulma*. Из этого он трактует о Боге и Ахримане и говорит, что свет действует сознательно, а тьма – наудачу, свет наделён зна-

---

[234] «Дающий дары» – буквальный перевод арабского *wāhib al-ʻaṭiyyāt*, стоящего в персидском тексте Мухсина Фани. Следует, впрочем, иметь в виду, что в среднеперсидском языке глагол *dādan* значил и «давать», и «создавать». Возможно, мы имеем дело с неправильным переводом на арабский язык среднеперсидского *dādār-i-dahišnān* или *dahišnān-dādār*, т.е. «создатель творений». Это вполне применимо к Богу, о котором говорится в рассматриваемом отрывке. Аналогичный случай разобран в прим. 909.

[235] Букв.: от Ахриманов (*āhrimanān*).

нием и способностью чувствовать, а тьма невежественна. Смешение света и тьмы происходит случайно и освобождение света от тьмы – также случайно, не сознательно. Всё хорошее в мире – благодеяние света, а зло и пороки – от тьмы. Когда частицы света отделяются от тьмы, построение распадается; это и есть возрождение.

[Аш-Шахрастани:] Рассказал ал-Варрак, что слова маздакитов – как речения многих манихеев о двух мирах и двух началах, хотя Маздак говорит: “Свет действует осознанно и целенаправленно, а тьма – блуждая, наудачу; свет наделён знанием и способностью чувствовать, а тьма – в неведении, слепа. Смешение [их] произошло случайно и самопроизвольно, а не от сознательной воли и выбора. Также и освобождение происходит случайно, а не вследствие сознательных действий”.

[Мухсин Фани:] Ещё он говорит в той же книге, что начал и устоев три – вода, земля и огонь. Когда они смешались между собой, от смешения их произошли управляющие добра и зла. Всё что получается из того, что есть в этом чистого, есть управляющий добра, а всё что происходит от того, что есть в этом тёмного, есть управляющий зла.

[Аш-Шахрастани:] Учение его об основах и устоях в том, что их три: вода, огонь и земля. Когда они смешались, из них произошли управляющий добра и управляющий зла. То, что чистое в них, есть управляющий добра, а то, что тёмное – управляющий зла.

[Мухсин Фани:] Ещё в той книге он говорит, что в изначальном мире Бог восседает на троне подобно тому, как [сасанидские] цари (*ḫusrawān*) восседают на троне страны в низшем мире, а подле Него – четыре силы – способность к различению, то есть [по-арабски] *quwwat tamyīz*, память, то есть [по-арабски] *quwwat ḥafẓ*, мудрость, то есть [по-арабски] *quwwat fahm*, и радость, то есть [по-арабски] *surūr* – подобно тому, как правителю в делах помогают четыре человека – верховный мобед, верховный *хирбед*, *спахбад* и предводитель войска. Эти четверо

управляют миром[236] с помощью других семерых, которые ниже их – начальника (*sālār*), помощника (*pēškār*), судьи, главного писца, управляющего, наставника (*dastūr*) и распорядителя работ. Эти семеро поставлены над двенадцатью духовными [существами], то есть [по-арабски] *rūḥānī*, началами: зовущим, дающим, берущим, несущим, едящим, идущим[237], ползающим[238], тянущим[239], бьющим, приходящим, становящимся и стоящим. Всякий, в ком [эти] четыре силы соединились с семью, а те – с двенадцатью, в низшем мире, то есть *ʻālam suflī*, является царём и господином, и обязанности снимаются с него.

[Аш-Шахрастани:] Рассказывали о нём, что тот, кому он поклоняется, восседает на своём троне в высшем мире – так же, как Хосров[240] в мире нижнем. При нём есть четыре силы – способность к различению, понимание, память и радость, как при Хосрове четыре человека – верховный мобед, верховный хирбед, *спахбад* и распорядитель увеселений. Эти четверо управляют делами мира с помощью семерых стоящих за ними – начальника, помощника, судьи, главного писца, управляющего, наставника и распорядителя работ[241]. Эти же семеро вращаются

---

[236] Т.е. мирскими делами.

[237] Как показано выше, в этом месте у аш-Шахрастани стоит *dawandeh* (бегущее), у Мухсина Фани – *rawandeh* (идущее). И та, и другая форма может быть правильной.

[238] Мы видели, что в этом месте тексты аш-Шахрастани и Мухсина Фани различаются: в первом стоит *ḫīzandeh*, во втором *čarandeh*. Сходство графики говорит в пользу того, что различие между этими формами вызвано ошибками переписчиков. При этом вторая форма представляется маловероятной, так как слово *čarandeh* означает «ползучее существо, пресмыкающееся». Очевидна аналогия со змеёй, которая в зороастризме считается нечистым животным, да и в данном тексте относится к порождениям Ахримана. Вряд ли Маздак мог зачислить такое создание в сподвижники верховного божества.

[239] Форма کشنده, которую мы встречаем в тексте, может читаться и как *kešandeh* («тянущее»), и как *košandeh* («убивающее»).

[240] В «Училище» «хосровами» (*ḫusrawān*) именуются сасанидские цари. Возможно, то же самое применимо и к тексту аш-Шахрастани. В этом случае «Хосров» его текста следует переводить как «сасанидский царь».

[241] М. Шаки предлагал отождествить семь сановников «второго ранга» с планетами и заключал, что построения Маздака, представленные у

аш-Шахрастани, – смесь зороастрийской ереси и мистицизма [Shaki M., 1985. P. 535–536, 543]. Но эти рассуждения не бесспорны. Наиболее близкая аналогия – то место трактата «Суждение духа разума», в котором утверждается, что все в мире – и хорошее, и дурное – происходит при участии семи планет и двенадцати созвездий [The Book of the Mainyo-i-Khard, 1871. P. 142–143, 145; Pahlavi Texts…, 1885. P. 34, 38; The Dînâ…, 1895. P. 23, 26]. Но в этом фрагменте семь планет – творения Ахримана, ведущие все существа к погибели. Правда, в позднем трактате «Учёные ислама» (*'Ulamā'-i-islām*), построенном в форме ответа зороастрийцев на вопросы мусульман, утверждается, что после победы сил добра над Ахриманом Ахура-Мазда превратил эти семь планет в светлые существа и поставил себе на службу [Blochet E., 1898. P. 44]. Возможно, об этом идёт в том фрагменте *Бундахишн*-а, где речь идёт о превращении планет (не характеризуемых как хорошие или дурные) в солнце, луну и звёзды [Pahlavi Texts, 1880. P. 21]. В другом фрагменте *Бундахишн*-а говорится о четырёх звёздах-предводителях, ведению каждой из которых вверена одна из сторон света [Pahlavi Texts, 1880. P. 12]. Однако, Тистар (Тир) упоминается в *Бундахишне*-е и среди четырёх звёзд-предводителей, и среди семи планет; в «Учёных ислама» он тоже фигурирует в числе семи. Поэтому свести имеющиеся упоминания в одну целостную систему весьма непросто, хотя для обоснования построений М. Шаки сделать это необходимо, так как ничего подобного представленной у Маздака картине мироздания в зороастрийской литературе не встречается. Более того, упоминания о четырёх силах, семи «стоящих над ними» и двенадцати существах – не доказательства зороастрийской природы теологии Маздака, а в какой-то степени они свидетельствуют и против неё. В частности, трудно понять, почему мы не видим у Маздака классического представления об Ахура-Мазде и шести его творениях-*амахраспанд*-ах, аналогичных архангелам. Но картина мироздания, похожая на ту, которая нарисована в книге Маздака, обнаруживается в манихействе. В «Главах» Мани мир покоится на трёх основаниях. На первом, высшем, находится великий Светодержец и великий Разум, на среднем – двадцать два ангела, семь столпов, установленные в великом море, четыре ангела и пять богов, а на третьем – двенадцать сил [Кефалайа…, 1998. С. 283]. Поэтому нельзя исключать, что Маздак исходил из манихейских постулатов, но затем переработал их, руководствуясь понятиями астрологии того времени о четырёх звёздах-«предводителях», семи планетах и двенадцати созвездиях. Согласно некоторым источникам, Маздак обладал познаниями в астрономии (см. текст ниже).

среди[242] двенадцати духовных [существ]: зовущего, дающего, берущего, несущего и едящего, бегущего, поднимающегося, тянущего, бьющего, делающего[243], приходящим, становящегося и стоящего. Всякий, в ком соединились эти четыре, семь и двенадцать, становится человеком Божьим[244] в нижнем мире, и обязанности снимаются с него.

[Мухсин Фани:] В той же книге он говорит, что свету неугодны, а тьме приятны взаимная вражда, убийства и противоборство. Большинство сражений и войн человечества – из-за имущества или женщин. Следует отпустить женщин (т.е. расторгнуть брачные узы. – *Д. М.*), сделать имущество всеобщим, а людей – совладельцами имущества и женщин, подобно тому, как они совместно владеют огнём, водой и травами[245].

[Аш-Шахрастани:] Маздак запрещал людям ссориться, ненавидеть и убивать друг друга. И, поскольку всё это по большей части происходило из-за женщин и имущества, он сделал женщин общедоступными, имущество – всеобщим. Он

---

[242] В тексте – *tadūru fī* … Поскольку в тексте речь идёт об определённой иерархии, более верной представляется персидская форма *dā'ir būdan*.

[243] Как отмечено выше, этого слова (*konandeh*) нет в персидском тексте Мухсина Фани. Впрочем, проблему предствляет собой скорее его включение в текст аш-Шахрастани, так как начал тогда становится тринадцать, а не двенадцать. Правда, у аш-Шахрастани между *barandeh* (несущее) и *ḫūrandeh* (едящее) нет союза «и», т.е. речь может идти об одном начале, хотя и с двумя эпитетами. Но так как логически вряд ли возможно допустить существование такого «несуще-едящего» начала, более вероятно, что источник аш-Шахрастани просто ошибается.

[244] В персидском тексте «Училища», как показано выше, такой человек должен был стать царём (*parwardagār*) и господином (*rabb*). Аш-Шахрастани использует слово *rabbānī*, что в этом контексте мы переводим как «человек Божий». Возможно, формы *rabb* и *rabbānī* данных фрагментов связаны между собой, но восстановить эту связь уже не представляется возможным.

[245] Здесь, как и в аналогичном фрагменте у аш-Шахрастани, речь идёт о травах, служащих кормом для скота.

[также] сделал людей совладельцами этого[246] подобно тому, как они совместно владеют водой, огнём и травой.

[Мухсин Фани:] В той же книге он сказал, что есть тяжкая несправедливость, которая состоит в том, что жена одного хороша собою, а другого – некрасива. Долг [вытекающий из] справедливости и следования вероучению, [велит], что тот, у кого жена хороша собою, обязан дать её на несколько дней тому, у кого супруга дурна и некрасива, а [эта] некрасивая будет столько же принимать его у себя.

Он сказал: “Предосудительно и недопустимо, что у одного есть [высокое] место, а у другого нет, и он неимущ. Долг следующего вероучению человека в том, чтобы поделиться с единоверцем своим золотом, следовать образу действий Зардушта[247] и посылать жену к единоверцу, чтобы и он не остался без наслаждений. Если же единоверец в накоплении золота неспособен, расточителен, неудачлив и безумен, пусть он (следующий вероучению человек. – *Д. М.*) держит его во дворце и следит[248] за его едой, одеждой и ночлегом. Всякий, кто не согласится с этим разделением, принадлежит Ахриману, и у него [пусть] заберут силой”.

[Аш-Шахрастани:] Рассказывали о нём, что он велел убивать людей, чтобы избавить их от зла и смешения с тьмой.

[Мухсин Фани:] Его вероучения держались Фархад, Шираб, Айин и Хуш-Пуя. Также к их учению примкнули Мухаммад Кули Гурд, Исмаил-бег Гурджи и Ахмада из Тирана. Тиран – это селение в области Исфахана. О них слышали, что ныне маздакиты не облачаются в одежды зороастрийцев, но скрываются среди мусульман, оставаясь верными своему учению. Сочинение Маздака, названное “Чистое вероучение”[249],

---

[246] Т.е. имущества и женщин.

[247] Трудно сказать, имеется в виду Заратуштра или Зардушт Хварраган, бывший одним из вождей маздакитов.

[248] Т.е., видимо, «обеспечит его…».

[249] В персидском тексте «Училища» стоит форма *Dīsnād*, но вернее, кажется, читать *Dēn sād*, т.е. «Чистое (непорочное. – *Д. М.*) вероучение».

они переписали в разукрашенную книгу; оно – на староперсидском языке. Айин-Шакиб, дед Айин-Хуша, перевёл её на новоперсидский язык. Фархад был мудрым человеком и при мусульманах называл себя Мухаммад Саид. Шираб именовал себя Шир-Мухаммадом, а Айин-Хуш – Мухаммадом Акилем. И, будучи искусны в своём знании, они назывались и динсадитами.

[Аш-Шахрастани:] Сказал он: “Царь высшего мира пишет письменами, совокупность которых составляет великое имя. Тому, кто начертает что-либо из этих письмен, откроется великая тайна. Тот же, кто отвергнет это, будет пребывать в слепоте невежества, беспамятстве, отуплении и печали перед [этими] четырьмя духовными силами”»[250] [Китаб дабистан…, 1846. С. 112–114; Дабистан…, 1877. С. 132–134; Ал-Милал…, 1993. С. 294–296].

По приведённым фрагментам можно сделать некоторые наблюдения относительно вероучения маздакитов. Мы видим немалое сходство с манихейскими текстами и их пересказами в других источниках. Прямые параллели с манихейством мы находим для следующих постулатов:

– свет и тьма – вечно существующие начала[251];

– свет и тьма отождествляются с добрым и злым божествами соответственно[252];

---

[250] Этот фрагмент отсутствует в «Училище».

[251] Об этом говорит уже Мани: «И ещё, когда Отец наш посмотрел и увидел, [[что множество (?)]] людей [[из разных лжеучений]] явились перед ним, сказал он: “Две сущности есть в начале [[и пребудут до конца:]] Свет и Мрак, добро и зло, [жизнь и] смерть” [Кефалайа…, 1998. С. 280]. Впоследствии на существование таких воззрений у манихеев указывал современник Маздака Север Антиохийский: «Откуда манихеям, намного более извращённым среди всех, пришло на ум признать два [никем] не созданных и не имеющих истоков начала – добро и зло, свет и мрак, который они назвали материей?» [Kugener M.-A., 1912. P. 89–90].

[252] В «Главах» Мани обнаруживаются следующие фрагменты: «Первый великий День – это Отец, Бог истинный… А Материя, помысел смерти – [мать] их всех (четырёх ночей. – *Д. М.*), и она называется у них Ночь» [Кефалайа…, 1998. С. 72, 74]. В том же духе слова Мани пересказывает Ибн ан-Надим, источники которого, судя

– тьме (материи) присуще беспорядочное движение[253];

– начала света и тьмы смешиваются в одних и тех же вещах[254];

– должно произойти освобождение света от тьмы, сопровождающееся уничтожением материальных вещей[255].

Некоторые положения маздакитского учения, однако, менее связаны с манихейством. Прежде всего, это характерно для того фрагмента, в котором Маздак учит, что металлы (золото и серебро) и плодоносные деревья суть творения Бога и могут приносить пользу человеку. Для Мани они – порождение материи, т.е. злой стихии, боровшейся с миром добра и света; хорошим в них было лишь присутствие частиц света, о чём Маздак не говорит.

по тексту, основывались на сведениях, восходящих к манихеям: «Мани сказал: “Основу мироздания составляют две сущности, из которых одна – свет, а другая – тьма; каждая из них отделена от другой. Свет – великое первоначало. Нет числа годам его, он – бог, царь естества света…”» [Ал-Фихрист…, 1929/1930. С. 458]. Этот мотив уловили критики манихеизма. Так, у Епифания Кипрского (ум. в 403 г.) читаем: «Он (Мани. – *Д. М.*) признаёт двух нерождённых, самородных, вечных и противостоящих друг другу богов, одного из которых представляет как доброго, другого – как злого; одного он именует светом, другого – мраком» [S. Epiphanii…, 1860. P. 442]. То же писал впоследствии и Феодорит (род. ок. 393 г., ум. ок. 457 г.) [B. Theodoreti…, 1772. P. 318].

[253] Этот мотив прослеживается в пересказах положений манихейского учения уже у первых его противников. Например, у Александра Ликопольского (III – нач. IV вв.): «Беспорядочное движение во всяком – его (движение. – *Д. М.*) он (Мани. – *Д. М.*) называет материей» [Alexandri Lycopolitani…, 1895. P. 5]. Тит Бострийский (ум. ок. 378 г.) так представлял манихейское учение о начале противостояния добра и зла: «Когда-то, говорят они (манихеи. – *Д. М.*), материя двигалась беспорядочно, порождала, разрасталась и распространяла силу свою. Разросшись, она вознеслась ввысь, не увидев владения добра» [Titi Bostreni…, 1859. P. 9].

[254] Этот постулат манихейского учения разбирается ниже.

[255] Об этом прямо говорится в «Главах» Мани. Среди стадий развития мира четвёртая характеризуется как «освобождение, которым освободится мир и разрушатся все вещи, и уничтожение постигнет их в великом огне…». На следующей стадии «Свет отойдёт к себе и вознесётся к Царю, в его царствие, а Мрак будет [[отделён?]] и взят в могилу» [Кефалайа…, 1998. С. 114].

Сходным образом Маздак относит к созданиям Бога некоторых полезных животных – быка, барана, коня и верблюда. Они отделяются от злых существ, творений Ахримана, к которым относятся хищные звери, пауки, скорпионы и змеи. Такие представления более свойственны зороастрийскому учению, в котором бык пользуется большим уважением, а хищники и мелкие вредоносные существа, именуемые *храфстар* (в частности, пауки, скорпионы и змеи) составляют войско Ахримана.

Можно возразить, что на практике отношение маздакитов к животным было если не манихейским, то, по крайней мере, близким к манихейскому. По словам Ибн ал-Асира, Маздак запретил убийство животных, велев своим сторонникам питаться плодами земли, яйцами, молоком, жиром и сыром [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 318] [256]. Манихейство тоже отвергало убийство животных, но и в этом случае мы видим, что исходные мотивы были различны. Мани призывал не убивать животных потому, что они, будучи в телесном отношении частью материи, одновременно несли в себе и частичку света [S. Aurelii Augustini..., 1841. Col. 37; Titi Bostreni…, 1859. P. 63]. В полемических текстах манихеям приписывается также положение о том, что душа того, кто убьёт птицу или мышь, переселится в соответствующее существо [S. Epiphanii…, 1860. P. 448–449]. У Маздака мы не видим ничего подобного. По-видимому, Маздак, сохранив воспринятый от манихейства запрет на убийство животных, сочетал его с зороастрийским разделением их на хороших и плохих.

Неоднозначные наблюдения можно сделать и в отношении стихий. В учении Мани выделялись пять стихий – дым, огонь (пожар), ветер, вода и тьма. Первоначально они принадлежали к миру мрака и, соответственно, были частями зла. Затем, в связи с нападением материи на мир света, доброе божество сотворило собственные, светлые стихии – воздух, свет, хороший огонь, хорошую воду и хороший ветер. В результате борьбы светлого и тёмного начал эти стихии смешались. [S. Aurelii

[256] Следует, впрочем, оговориться, что наши знания о запрете убийства животных в маздакитском учении весьма неполны. Бируни пишет, что Маздак велел воздерживаться от убийства животных, пока не наступит время. О каком времени идёт речь, далее не уточняется [Chronologie…, 1878. S. 209].

Augustini..., 1841. Col. 35; Pognon H., 1898. P. 127; Кефалайа…, 1998. С. 108–109]. Тит Бострийский резко критиковал воззрения манихеев, согласно которым, в его изложении, неделимое по природе своей пламя представляло собой соединение двух огней – полезного, то есть хорошего, и гибельного и пожигающего, то есть дурного [Titi Bostreni…, 1859. P. 57–58]. Эти построения находят параллели в процитированных фрагментах. У Маздака огонь согревает, но может и обжигать. В «управляющем добра» и «управляющем зла» узнаются хорошее и плохое начала (применительно к огню – полезный и смертельный огонь). Но очевидны и различия. У Маздака стихии, в частности, огонь – творения Бога, а не части материи. Во фрагментах, приписываемых Маздаку, материя даже не упоминается. Это резко контрастирует со значительной ролью, которую отводит материи Мани; у него она выступает как основной противник доброго божества и мира света [Кефалайа…, 1998. С. 108–114][257]. С учётом того, что сказано выше о животных, мы могли бы высказать, хотя бы в качестве гипотезы, следующую мысль: Маздак, позаимствовав многое из учения Мани, не усвоил его представления о материи как зле. Взамен он выдвигал собственные построения о хороших и плохих созданиях и вещах, которые, как показывают примеры с животными, металлами и деревьями, основывались скорее на зороастрийских идеях.

Почти то же самое мы видим и в другой составляющей учения Маздака – этике. И здесь некоторые его идеи очевидно близки к манихейским. Мани считал злом вражду и убийства, причину которых видел в стремлении людей обладать материальными благами или получать наслаждения. Фрагмент об этом из «Глав» Мани очень похож на процитированные выше отрывки из «Училища» и труда аш-Шахрастани:

«И ещё сказал он (Мани. – *Д. М.*) ученикам: “Четыре великих [дела есть] в мире, из-за которых [все] люди [на земле убивают] друг друга. Первое дело – [нужда] уст, чтобы они ели [для процветания] своего тела [[плотского.]] Второе – соитие

[257] О материи как противнице света говорят и критики манихейства, в частности Александр Ликопольский, Север Антиохийский и Тит Бострийский [Titi Bostreni…, 1859. P. 9; Alexandri Lycopolitani…, 1895. P. 5; Kugener M.-A., 1912. P. 122–125].

[[плотское, оно же]] разврат [[лона,]] разврат, [[которому]] [мужчины] и женщины предаются (?) друг с другом. Третье дело – де[ньги и] [[желание]] бренного богатства, то, чем гордятся о о чём не [[забывают.]] Четвёртое – война и воинственность, раздоры(?) и тяжбы, которые они ведут друг с другом, один против другого, и один побеждает других тиранством. Ибо мирские наречены(?) все люди, занятые этими четырьмя великими делами, – (наречены) на всех языках, какие есть в мире; [[они]] [[трудятся]] и бьются, чтобы произвести их [[и пребывать(?)]] в них”» [Кефалайа…, 1998. С. 207].

Более того, известно, что манихеи Сасанидской державы считали имущество общим [Nau F., 1932. P. 192].

Но, несмотря на очевидное сходство исходных посылов, Мани и Маздак рассуждали далее по-разному. Мани видел выход в отречении от материального мира, что нашло своё отражение в следующем идеальном образе верного адепта:

«Тогда сказал ему Апостол (Мани. – *Д. М.*): “Я расскажу тебе, каковы дела тех Слушателей верных, которые не переходят в (другое) тело. Вот чем отличаются те Слушатели совершенные: оказывается, что жена есть у него в доме, (но) они друг с другом как чужие; также и дом свой он считает (лишь) приютом для себя, говоря: “Я живу в доме, взятом внаём на дни и месяцы”. Братья и родичи есть у него, (но) считаются у него чужими людьми, которые связаны с ним и ходят дорогой [[общей, а впоследствии]] отделятся от него, и каждый [[пойдёт своей дорогой.]] Золото, и серебро, и утварь [[медная есть у]] него дома – и эти вещи для него как одолженные: он получает их, они служат ему, (а) потом он отдаёт [их] хозяину и не полагает на них своё сердце и сокровище”» [Кефалайа…, 1998. С. 237–238].

Отречение от мира было для Мани логическим следствием его отвращения к материи. Этот мотив нередко звучит в произведениях критиков манихейства. Александр Ликопольский замечает за манихеями следующий постулат:

«И установление Бога состоит в том, что, поскольку материя погибнет, следует воздерживаться от [употребления в пищу] всех дышащих существ, питаться растениями и всем бесчувственным, воздерживаться от браков, соитий и деторождения, дабы через продолжение рода материя не исполнилась силой» [Alexandri Lycopolitani…, 1895. P. 7].

Похожая мысль обнаруживается и в описании учения Мани у Феодорита:

«Дьявола он (Мани. – *Д. М.*) именует то материей, то повелителем материи. Брак он называет законом дьявола. Человеколюбие по отношению к бедным они порицают» [B. Theodoreti…, 1772. P. 320].

Подход Маздака и здесь лишь частично совпадает с манихейством. Маздакиты, очевидно, унаследовали от манихеев отрицание собственности и брака. Однако, ответ на вопрос о том, что следует делать с земными богатствами и женщинами, был иным, чем у манихеев. Маздак считал и богатства, и плотские наслаждения благом. Каждый имел право на них, хотя и не мог ничего присваивать себе. Если это происходило, Маздак, как видно из текста «Училища», допускал возможность отнимать имущество и жён силой. Такие воззрения невозможно представить себе у манихеев, для которых само стремление к богатству или наслаждениям было неприемлемо как тяга к материи. Но именно это приписывают маздакитам восточные традиции.

Выше мы рассматривали лишь доктринальную сторону истории маздакитов, принимая их учение как единое целое, в том виде, в котором оно, судя по источникам, существовало во времена Маздака и Кавада. Но источники позволяют сделать некоторые наблюдения и об историческом развитии движения. Ценные сведения сообщает в этом отношении Ибн ан-Надим:

«Сказал Мухаммад Ибн Исхак: «“Есть два вида хуррамитов: первые хуррамиты, называемые “облачёнными в красное” (*al-muḥmirra*); они распространились в горных местностях между Азербайджаном, Арменией, Дейлемом, Хамаданом и Динаваром, а также между Исфаханом и Хузестаном[258]. Изначально они были зороастрийцами (*ahl maǧūs*); впоследствии их учение обновилось. Они – из тех, кто известен как “безродные”[259]. Их предводитель – Маздак Старый, который заповедал

---

[258] Вторым «видом» хуррамитов называются далее сторонники Бабека [Ал-Фихрист…1929/1930. С. 480].

[259] В арабском тексте Ибн ан-Надима – لقطة. Для правильного перевода следует знать изначальную персидскую форму или хотя бы контекст, в котором появилось это прозвище. В силу отрывочности данного фрагмента мы, к сожалению, не знаем ни того, ни другого. Предлагаемый перевод исходит из общего принципа: любое прозвище

им предаваться наслаждениям, стремиться к удовлетворению страстей, есть, пить, сострадать друг другу, смешиваться, перестать притеснять друг друга. У них общие жёны и домочадцы. Никто из них не воздерживается от жён другого и ему не запрещает. При всём этом они считают, что следует творить добрые дела, оставить убийства и проникнуться страданиями [других]. В том, что касается гостеприимства, у них есть учение, которого нет ни у одной [религиозной] общины. Если они принимают кого-либо как гостя, то не запрещают ему [брать] ничего, чего он коснётся, что бы это ни было. На таком же [учении] стоял Маздак Последний, который появился во дни Кавада, сына Пероза. Ануширван казнил его, казнил и его сподвижников. История его знаменита и [хорошо] известна”» [Ал-Фихрист…1929/1930. С. 479–480].

Итак, Ибн ан-Надим считает предшественников маздакитов зороастрийцами. К тому же склонны и другие мусульманские авторы. В некоторых источниках мы читаем, что писания Маздака представляли собой комментарии к основополагающим трактатам зороастризма [Liber…, 1895. P. 37; Fück J., 1952. S. 79]. Наиболее полно говорит об этом ал-Масуди, согласно которому Маздак толковал книгу Заратуштры, но придавал его учению скрытый смысл [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101]. Ни одна восточная (будь то мусульманская или зороастрийская) традиция не называет Маздака в числе манихеев и даже не сближает его с ними. Упрёк в близости к манихеям был бы, думается, весьма уместен в *Маздак-намэ*, однако в тексте Низам ал-Мулька мы находим прямо противоположное. Кавад предлагает мобедам высказаться об учении Маздака. Ответ мобедов таков:

«Прежде всего, он одного с нами религиозного закона (*kēš*), читает наше писание и не перечит Заратуштре. А в Зенде и

отражает самые существенные особенности. Для маздакитов такой особенностью была прежде всего общность жён. Из-за неё было затруднительно, а то и невозможно вообще, установить отца ребёнка, что часто подчёркивали противники маздакитов. Ребёнок, тем самым, был фактически безродным и, не имея отца, никому не принадлежал. В этом смысле более всего подходит чтение *luqaṭa* как «найденная на земле вещь, хозяин которой неизвестен» [De Biberstein Kazimirski A., 1860. T. 2, P. 1014].

Авесте есть такие слова, которые имеют по десять значений, и каждый мобед и мудрец говорит о них и толкует их по-своему» [Siyar…, 1962. P. 240].

В более позднем «Собрании известий о достопамятном наследии царей персов» Маздак прямо назван огнепоклонником (*āteš-parast*) [Китаб ал-муджам…, 1879. С. 253].

Многие, если не все указанные фрагменты в конечном счёте восходят к зороастрийским традициям. Несмотря на все выпады против Маздака для зороастрийцев он как священнослужитель по определению был единоверцем. В других традициях, однако, маздакитов сближали с манихеями. Особенно хорошо это видно на примере известия о сыне Кавада, отданном в учение к «манихеям» в трудах византийских авторов Иоанна Малалы, Феофана Исповедника и Иоанна Зонары, а также в двух монофизитских произведениях – труде Михаила Сирийского и «Хронике 1234 г.». В несторианской литературе он отсутствует. Возможно, исходный текст принадлежал перу одного из монофизитов, которые в правление Кавада переселялись в пределы Сасанидской державы. Судя по рассмотренным выше источникам, характеристика маздакитов как манихеев не была свойственна зороастрийцам; едва ли она, следовательно, исходила из дворца. Значит, монофизитский автор, узнав о маздакитах, сам отождествил их с манихеями. Трудно сказать, что послужило основанием для такого отождествления – вероучение о двух извечных началах или же какие-то черты образа жизни маздакитов, например, отрицание собственности или брака. Но едва ли подлежит сомнению, что такие основания были.

На раннюю историю маздакитов можно посмотреть и с другой стороны. Из приведённого выше сопоставления источников следует, что в догматических вопросах учения маздакитов и манихеев во многом смыкались. Различия между ними обнаруживаются в практических вопросах, так или иначе относящихся к жизни земных существ (людей, животных и т.п.). Догматика любого вероучения по природе своей более консервативна; она оперирует категориями вечности, и ей не приходится меняться под воздействием условий общественной жизни. Обращает на себя внимание и то, что маздакиты именовали своё учение так, как прежде манихеи[260]. Логично предполагать,

[260] В литературе справедливо сближаются слова δαράσθενος, как именовал себя Кавад, став приверженцем учения маздакитов, и

что начало движению маздакитов дала какая-то обособленная манихейская община, представители которой сохраняли верность основным догмам изначального вероучения, но постепенно сближались с зороастризмом, главным образом в практических вопросах. Два фактора должны были сыграть в этом важную, если не определяющую, роль. Гонения на манихеев, по всей вероятности, привели к тому, что они старались не дать властям повода обрушиться на них с репрессиями и, насколько это было возможно, выдавали себя за зороастрийцев как в других случаях – за христиан (см. гл. 1)[261]. Но пребывание в зороастрийской среде и, возможно, приход новых людей не могли не привести к тому, что община испытывала всё большее влияние зороастризма. Учение Маздака было отражением этой тенденции, хотя нельзя, конечно, отрицать его собственный вклад,

---

δαρισθενοι, название манихеев, появившееся в Риме на рубеже III и IV вв. [Ioannis Malalae…, 1831. P. 310, 429; Christensen A., 1925. P. 96–98; Christensen A., 1944. P. 338–339]. Обе эти формы, известные нам от Иоанна Малалы, восходят к ср.-перс. *drudist-dēn* (в н.-перс. языке – *dorost-dīn*), которое означало «правильный», «верный», «здравый», а также «справедливый» [Faravashi B., 1967/1968. P. 128]. Видимо, этот оттенок смысла отразился в арабском переводе названия маздакитов – *al-ʻadliyya* [Таджариб…, 2003. С. 124; Нихайат…, 2004. С. 148] или их учения – *ʻadl* [The Fársnáma…, 1921. P. 84; Tārikh e Banākatī …, 1969. P. 62], что также можно переводить как «поборники справедливости» и «справедливость». Вопрос о справедливости в манихейской доктрине не входит в предмет настоящей работы, но нельзя не отметить, что в состав «Глав» входит «Глава о [суде] праведности» » [Кефалайа…, 1998. С. 212–215], которая, вероятно, близка или тождественна «Писанию о суде справедливости» (*Risāla fī qaḍā' al-ʻadl*), которое Мани приписывает Ибн ан-Надим [Ал-Фихрист… 1929/1930. С. 470].

[261] Известную аналогию даёт история кантиан – течения, представители которого, согласно Феодору Бэр Кони (жил в конце VIII – начале IX вв.), изначально поклонялись библейскому Голиафу, но затем немало позаимствовали из других учений. Репрессии Пероза против иноверцев привели к тому, что предводитель движения по имени Баттай стал поклоняться огню и именоваться Яздани, на персидский манер [Pognon H., 1898. P. 151–152, 221]. Затем Пероз погиб, к власти пришёл более веротерпимый Валаш, и движение обрело бóльшую свободу. Согласно Михаилу Сирийскому, в правление Валаша кантиане появились, т.е. выступили открыто [Chronique…, 1901. P. 151].

равно как и вклад его сподвижников, в формирование рассмотренных выше постулатов.

В правление Кавада, согласно источникам, у маздакитов было два предводителя – Маздак Бамдадан (сын Бамдада), и Зардушт Хварраган (сын Хваррага)[262]. Последний, судя по всему,

---

[262] В написании имён Маздака и его отца источники расходятся. Есть несколько вопросов: 1) что вернее: مزدك (*Mazdak*) или مردك (*Mardak*), 2) как правильно пишется имя отца Маздака? В процитированных выше фрагментах *Вендидад*-а и VII тома *Динкард*-а речь идёт именно о маздакитах (*mazdagīg*). В среднеперсидском языке, в отличие от арабского, графическая разница между *р* и *з* столь велика, что путаница между ними исключается. В другом трактате на среднеперсидском языке, *Вахман-Яшт*-е, говорится о Маздаке, сыне Бамдада [Pahlavi Texts, 1880. P. 201]. Из мусульманских источников такая форма встречается у ат-Табари и Низам ал-Мулька, а также в «Собрании историй и рассказов» [Siyar..., 1962. P. 239; Annales..., 1964. Ser. I, P. 893; Muǧmal…, 2000. S. 59]. Поэтому выбор следует сделать в пользу имени «Маздак, сын Бамдада». Что касается Зардушта, то он в источниках на арабском языке именуется *Ibn Ḫ.r.kān*. Форму *Ḫ.r.kān* естественнее всего интерпретировать как дериват от ср.-перс. *ḫwarrag* (перс. *ḫorreh*), т.е. «сияние» или «божественная благодать». Значит, *Ḫ.r.kān* следует читать как Хварраган, т.е. «сын Хваррага». Тогда *Ibn Ḫ.r.kān* должно значить «внук Хваррага». Но вряд ли рассказчики помнили имя деда Зардушта и не помнили имени его отца. Вернее считать, что арабы не поняли значение среднеперсидского суффикса *ан* и называли Зардушта Хваррагана «сыном Хваррагана». Аналогичный случай рассматривается (на примере имени Вузургмихра Бохтагана) в прим. 533. Другая проблема состоит в происхождении Маздака. Согласно ат-Табари, Маздак был من أهل مذريه или من أهل مدريه, а Зардушт Хварраган – *min ahl Fasā* [Annales…, 1964. Ser. I, P. 893]. Это соответствует процитированному выше фрагменту *Динкард*-а, согласно которому предводитель маздакитов был из города Фаса в Фарсе (см. прим. 218). Аналогия с текстом *Динкард*-а заставляет отвергнуть сообщения тех авторов, которые писали не فسا (*Фаса*), а نسا (*Наса*), имея в виду город в Хорасане [Chronologie..., 1878. S. 209; Schefer Ch., 1883. Перс. текст, с. 145; Browne E. G., 1900. P. 226; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 967]. Форму, относящуюся к Маздаку, можно читать по-разному, например من أهل مدرته (*min ahl madarati-hi*), т.е. «из жителей его города». Конечное *hi* (его), по всей вероятности, относится к Зардушту, о котором в данном фрагменте повествует ат-Табари. Получается, что Маздак жил в том же городе, что и Зардушт. Но в форме مذريه или مدريه можно видеть и топоним. По

тождествен с Зардуштом, упоминаемым в зороастрийской полемике против маздакитов из третьего тома *Динкард*-а. Некоторые указания в источниках отводят именно ему роль если не предводителя, то, по крайней мере, идейного вождя. По одному рассказу, приводимому у ат-Табари, Маздак призывал людей принять учение Зардушта Хваррагана [Annales..., 1964. Ser. I, P. 893]. Иисус Столпник называет движение *zarduštaqanē*, т.е. *zarduštagān*, «последователи Зардушта» [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 16].

О Маздаке источники рассказывают подробнее. Ал-Масуди называет его мобедом [Kitâb at-Tanbîh …, 1894. P. 101], что, по-видимому, верно. Едва ли человек, не обладавший познаниями в религии, мог выдвинуть собственное учение, соединявшее элементы манихейства и зороастризма. Некоторые восточные рассказчики даже изображали Маздака верховным мобедом [Chronologie…, 1878. S. 209; Liber…, 1895. P. 37; Siyar..., 1962. P. 239; Muğmal…, 2000. S. 59], однако это кажется обычным для легенд преувеличением, вызванным, может быть, той заметной ролью, которую он впоследствии играл при дворе. По одной из традиций, воспроизводимых у ат-Табари, Кавад из-за принятия им учения маздакитов был отстранён от власти в результате заговора, в котором участвовали вельможи и верховный мобед [Annales..., 1964. Ser. I, P. 885]. Этим верховным мобедом не мог, разумеется, быть Маздак.

написанию более всего подходит название города Мадр (مذر), расположенного в шести переходах от Балха, на пути в Бамиан [Descriptio…, 1906. P. 346; Viae…, 1927. P. 286; Al-Idrīsī, 1974. P. 486]. Однако, для того, чтобы принять эту конъектуру, необходимо объяснить конечное يه, которое встречается в обеих формах. Сделать это трудно, а другие топонимы ещё больше отличаются по написанию от той формы, которую мы видим у ат-Табари. Поэтому лучше предпочесть первый вариант, согласно которому Зардушт и Маздак происходили из Фасы. Правда, необходимо иметь в виду, что версия об их происхождении из Фасы или Насы – не единственная. Ад-Динавари полагал, что Маздак явился из Истахра [Ал-Ахбар…, 1960. С. 65]. В стихотворной версии *Маздак-намэ* у Кермани Маздак именуется индийцем (*hindī*), но переводчик отметил, что это слово можно интерпретировать и как «человек низкого происхождения» [The Persian Rivayats…, 1932. P. 582].

Даже враждебные Маздаку авторы не отрицают его обширных познаний и красноречия [Histoire…, 1900. P. 596; Ferdowsi's…, 1935. P. 2299]. В тексте, приводимом у Низам ал-Мулька, мы читаем, что Маздак хорошо разбирался в движении звёзд [Siyar..., 1962. P. 239]. Неизвестная традиция, воспроизводимая у Ибн ал-Джаузи, а затем у Мирхонда, сообщает, что Маздак носил шерстяное одеяние, был аскетом и много молился [Histoire..., 1843. P. 233; Ал-Мунтазам…, 1992. С. 107].

В пересказах *Маздак-намэ* у Низам ал-Мулька и Кермани сообщается, как Маздак завоевал симпатии Кавада. Если верить им, Маздак явился ко двору и стал проповедовать. Признание пришло к нему после того, как он сотворил чудо – на глазах у царя и вельмож обратился к священному огню и получил ответ. Для этого под огнём было выкопано углубление, где прятался слуга. В назначенный день Кавад вместе с вельможами и Маздаком приблизился к огню. Маздак стал заклинать огонь. Раздавшийся из пламени голос сказал, что надлежит следовать учению Маздака. С того времени Кавад и многие вельможи стали приверженцами учения Маздака [The Persian Rivayats…, 1932. P. 582; Siyar..., 1962. P. 239–241].

Эта история, разумеется, выражает прежде всего неприязнь автора к Маздаку, который выставляется ловким и беспринципным шарлатаном. За несколько десятилетий до Маздака аналогичный сюжет появился в христианской литературе. При Ездигерде I, который, как показано выше, снискал антипатию и знати, и духовенства, маги поместили в специально устроенное в храме, под огнём, человека, и голос из пламени объявил, что царя следует изгнать. Но епископ Марута, входивший в состав римского посольства, указал царю на уловку. Разобравшись в сути дела, Ездигерд казнил многих магов и наградил Маруту тем, что позволил ему возводить новые церкви. Этот эпизод описан в церковной истории Сократа Схоластика [Socrates, 1995. S. 353–354], но был известен и в литературе Христианского Востока; мы находим его в труде Мари Ибн Сулаймана и в «Хронике 1234 г.» [Maris…, 1899. P. 30; Chronicon…, 1920. P. 174–175]. Возможно, этот рассказ восходит к персидским христианам – современникам Ездигерда I.

Если бы речь шла только об уловке, истории о разговоре Маздака с огнём можно было бы не поверить. Едва ли он поставил бы свою судьбу в зависимость от успеха уже однажды

раскрытой хитрости. Но в зороастрийской культуре действительно считалось, что из огня может исходить голос. В изложении содержания *наск*-ов[263] в *Динкард*-е обнаруживается следующий фрагмент:

«И о том, когда человек осознаёт свою правоту: когда он осознаёт её, огонь говорит человеческими словами: “Не иди ко мне, ибо его покараю я, когда пойдёт он”» [The Complete Text..., 1911. P. 710; The Dinkard, 1916. Ср.-перс. текст, с. 66][264].

Этот текст фигурирует среди фрагментов, в которых речь идёт о судебных испытаниях (*war*). В данном случае описывается нечто подобное: голос из огня предупреждает и таким образом определяет правого в деле. Маздак, тем самым, вышел победителем в испытании. Для зороастрийцев это значило очень многое. Как показано в прим. 132, Адурбад Махраспандан, выиграв испытание, надолго стал авторитетнейшим религиозным деятелем Сасанидской державы. То же самое, очевидно, произошло и с Маздаком, хотя его противники, возможно, используя аргументы христианских полемистов, сделали всё, чтобы свести дело к мошенническому трюку.

Такое объяснение подкрепляется и логически. Чтобы последовать за провинциальным проповедником и даже возвысить его, Каваду требовались веские основания. Исход испытания со священным огнём, несомненно, мог стать решающим доводом.

Снискав таким образом доверие Кавада, Маздак сделался одним из его ближайших сподвижников. Утверждение о том, что Маздак стал верховным мобедом, как показано выше, скорее всего неверны. Но Иоанн Малала упоминает о «епископе манихеев» (читай – маздакитов), которого называли ’Ινδαράζαρ [Ioannis Malalae…, 1831. P. 444]. В литературе эту форму справедливо отождествляют с персидским *andarzgar* (советник) [Nöldeke Th., 1879. S. 462]. *Андарзгар* ещё появляется в источниках, хотя и в совершенно ином контексте. В 652 г., во время завоевания Ирана арабами, *андарзгар* был послан против них

---

[263] *Наск* – священный текст из Авесты.

[264] *Ud īn-č ku ka kas rāstīh-i-ḫ(w)ēš agāh ka-č agāh ataḫš pad ān-i-wīrān gūbišn gūyēd ku ō man abar ma row če tōzam-aš andar rawišn.* Под «ним» (здесь – *aš*), очевидно, понимается противник того, к кому обращается огонь.

[Annales..., 1964. Ser. I, P. 2029]. Из этого следует, что слово *андарзгар* означало не конкретную должность, а советника вообще. Это хорошо согласуется со словами Фирдоуси о том, что Маздак стал *даствар*-ом, т.е. духовным наставником, царя [Ferdowsi's…, 1935. P. 2299]. Согласно предполагаемому тексту *Маздак-намэ*, во время дворцовых приёмов Маздак садился возле царя, и ему было сделано отдельное сиденье [The Persian Rivayats…, 1932. P. 582; Siyar..., 1962. P. 241].

О том, когда происходили эти события, сведения источников расходятся. Некоторые мусульманские авторы сообщают, что Маздак явился к Каваду на одиннадцатом году его правления [Ал-Ахбар…, 1960. С. 65; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 967][265]. Видимо, они исходят из того, что, если Кавад был свергнут из-за того, что принял учение маздакитов, эт события должны быть близки друг к другу и по времени. Но из повествования Иисуса Столпника следует, что Кавад был приверженцем маздакитского учения уже во время переговоров, которые начались после вступления на византийский престол императора Анастасия (апрель 491 г.) [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 16]. Очевидно, это один из тех случаев, когда предпочтение следует отдать свидетельству современника.

С того времени Кавад покровительствовал Маздаку. Наиболее ранние авторы – Иисус Столпник, Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский говорят о том, что Кавад ввёл в своей державе общность жён, а по словам Иоанна Малалы царь и назывался как маздакит[266]. Эти данные подкрепляются ещё одной, независимой традицией: по сведениям «Сиртской хроники» Кавад укрепил учение Зардушта о двух великих извечных началах и общности жён, приказал строить постоялые дворы (*fanādiq*), куда сходились для сожительства мужчины и женщины, ненавидел войну и убийства и сократил расходы на кухню [Histoire..., 1950. P. 125]. В этом описании без труда угадываются идеи маздакитов.

Отчего Кавад последовал за Маздаком? Утверждения некоторых авторов о том, что Кавад был правителем слабым и легковерным [The Persian Rivayats…, 1932. P. 582; Kitâb al-

---

[265] Как показано во Введении, этот год соответствует промежутку времени с 25 июля 497 г. по 24 июля 498 г.
[266] См. прим. 260.

Mâʿarif…, 1960. P. 663; Siyar..., 1962. P. 62; Annales..., 1964. Ser. I, P. 889], неубедительны: будь это так, он вряд ли смог бы дважды победить в борьбе за престол, избавиться от могущественного временщика и противостоять Византии. Исследователи подчас предлагают более изощрённые трактовки; например, утверждается, будто Кавад пытался использовать маздакитов (или людей, позже названных таковыми) как инструмент борьбы против знати и духовенства [Klíma O., 1957. S. 238–239; Gaube H., 1982. P. 121–122; Daryaee T., 2009. P. 88]. Однако в первое правление Кавада мы не видим ни одного крупного вельможу, устранённого руками маздакитов. Аристократические роды сохранялись. Когда Каваду потребовалось устранить Сухра, он обратился за помощью не к маздакитам, а к Шапуру и, вероятно, остальным Михранам. Правда, источники сообщают, что Кавад был суров по отношению к подданным и казнил некоторых из них [Agathiae…, 1828. P. 267; Theophylacti..., 1834. P. 190; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 61], но это нигде не связывается с маздакитами. Среди знати были, несомненно, сторонники Валаша и Сухра, репрессии над которыми объяснялись самим ходом борьбы.

Согласно легенде, которую пересказывает Бируни, Кавад принял новое учение потому, что ему понравилась жена племянника, и он стал искать способа сблизиться с ней [Chronologie…, 1878. S. 209]. Очень похожее объяснение выдвинул от собственного имени Агафий Миринейский [Agathiae…, 1828. P. 267–268]. Может показаться, что это лишь пикантные домыслы. Однако, как ни парадоксально, в этих сообщениях как в капле воды отражается суть проблемы. Попробуем представить себе, что произошло бы, будь это правдой. Во время завоевания Ирана арабами персы рассказали им историю о жене Нахваргана, которая приглянулась Хосрову II Парвизу (согласно ад-Динавари) или Ездигерду III (по версии ал-Куфи). Женщина стала часто бывать во дворце. Узнав об этом, Нахварган начал чураться её. Положение стало щекотливым, престиж царя мог пострадать. Чтобы покончить с этим, царь пожаловал Нахваргану и его жене щедрые дары. Нахварган получил золотую корону [Ал-Ахбар…, 1960. С. 137–138; Китаб ал-футух…, 1991. Ч. 2, с. 308].

Как и во многих других культурах, в зороастризме пренебрежение супружеской верностью считалось тяжким грехом[267] и осуждалось, даже если дело касалось царя. Чтобы избежать порицания, следовало либо казнить недовольных, либо изменить принятые нормы поведения таким образом, чтобы предосудительное стало допустимым. Тогда действия царя считались бы правомерными.

Попробуем применить этот вывод к сасанидскому обществу той эпохи. Как показано выше, хозяйственный кризис, начавшийся при Перозе, не был ещё преодолён. Валаш, вступив на престол, нашёл казну пустой и подтвердил указ Пероза о круговой поруке. При Каваде положение было не лучше. Средств на выплаты эфталитам едва хватило на первые два года; в дальнейшем Каваду пришлось обращаться к Византии и даже воевать, чтобы получить нужные деньги. Нетрудно представить себе, что проблемы казны, как и при Перозе, решались посредством повышения податей. О крестьянах того времени мы знаем мало, однако в рассказе о податной реформе Кавада, продолженной Хосровом (о ней см. главу 2 части II) отмечается их тяжёлое положение.

Назревал социальный взрыв. Кавад, несомненно, знал о настроениях населения от многочисленных соглядатаев, которых всегда держали на службе Сасаниды. Но, как ни странно, в тот момент община маздакитов была для царя наименее опасной. Собственность не имела для них никакого значения; они расставались с вещами так же легко, как и приобретали их. Общедоступность имущества и женщин создавала в общине социальный мир, так как каждый без труда получал то, что имели остальные. Сиюминутное приобретение вещи или получение наслаждений заслоняло в сознании людей тяготы. Возможно, Кавад рассчитывал, что перераспределение имущества будет происходить прежде всего внутри общины, где и так была круговая порука, и народ, удовлетворившись этим, не поднимется против царя и знати. Речь, следовательно, шла о создании своего рода механизма взаимного страхования, который позволил бы за счёт перераспределения имущества внутри общины избе-

---

[267] Достаточно сослаться на красноречивые фрагменты «Книги об Арда-Вирафе» [The Book of Arda Viraf, 1872. Ср.-перс. текст, с. 56, 88–89].

жать крайних случаев бедности и тем самым снизить социальную напряжённость. Но для этого требовалась отмена собственности, что и проповедовал Маздак. Подобно тому как общедоступность женщин позволяла царю удовлетворять свои желания, не нарушая установленных норм, отмена собственности давала подданным возможность законно удовлетворять свои потребности в материальных благах.

Таким образом, установления, по которым жили маздакиты, были при поддержке Кавада распространены на всё общество. У Низам ал-Мулька мы находим следующий фрагмент, восходящий, вероятно, к *Маздак-намэ*:

«Когда Маздак увидел, что царь стал приверженцем его учения, а люди из далёких и близких областей принимают его призыв, он заговорил о богатствах и сказал: “Богатства – это благо, которое находится среди людей, так как все – слуги Господа и дети Адама[268]. Надо, чтобы они давали один другому из своего имущества всё, что им потребно, так, чтобы никто и ни в каком отношении не был обездоленным и нуждающимся”. Когда он убедил Кавада и его единомышленников в том, что это правильно, и они согласились сделать имущество общим, он сказал: “Жёны ваши – такое же имущество, принадлежащее вам. Нужно, чтобы и жён вы считали общими, как имущество. Если кто-либо возжелает женщину, пусть сходится с ней. В нашем учении нет ни ревности, ни запретов, так что никто не будет обделён наслаждениями, а дверь [удовлетворения] желаний будет открыта для каждого”. И по причине того, что имущество было сделано общим, а женщины – общедоступными, люди стали больше стремиться к его учению, особенно – простонародье. И он установил обычаем, что, если кто-либо приводил к себе в гости двадцать человек, выставлял хлеб, мясо и вино и [приглашал] музыкантов, все гости по одному вставали, сходились с женой его и не считали это предосудительным. В обычае было то, что, если кто-либо входил в дом, чтобы сойтись с женщиной, он клал шапку на дверь, а затем входил. И, если другого охватывало такое же желание, он, видя шапку на двери дома, возвращался назад, ибо знал, что в доме этим уже кто-то занимается» [Siyar..., 1962. P. 241–242].

---

[268] Это, разумеется, анахронизм, появившийся в мусульманскую эпоху и, вероятно, принадлежащий перу самого Низам ал-Мулька.

Несмотря на общую антимаздакитскую направленность источника приведённому фрагменту трудно отказать в реализме. Он довольно точно воспроизводит особенности учения и этики маздакитов. Отметим, что мы совершенно не видим какого-либо насилия простых людей над знатью. Речь идёт только о принятии какой-то частью общества маздакитской этики.

Само по себе это не было неприемлемым для знати. У Балами мы находим интересную мысль о том, что люди (читай: знать) привыкли к установлениям Кавада [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 969]. Но к маздакитам примыкало всё больше простых людей. Об этом в процитированном выше фрагменте прямо говорит Низам ал-Мульк; его слова подтверждаются и другими источниками [Histoire..., 1900. P. 600; Annales..., 1964. Ser. I, P. 886]. Наиболее полное описание сторонников Маздака обнаруживается в переводе Балами. В этом источнике мы читаем, что за Маздаком пошли люди, не имевшие определённых занятий (*bīkārān*), бедняки, молодёжь, войско (*sipāh*) и чернь (*ġawġā'*) [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 967–968]. Довольно трудно определить, кого именно Балами понимает под «войском». Судя по смысловому ряду, речь идёт о мобилизованных в пехоту крестьянах; впрочем, к Маздаку могли примкнуть и обедневшие представители знати.

Эти люди, более других пострадавшие от тягот времён Пероза, Валаша и Кавада, принесли в маздакитское движение мотивы социального протеста. Это видно на примере двух других текстов о маздакитах. Один из них – переложение какого-то рассказа сасанидских времён у ат-Табари:

«Они (маздакиты. – *Д. М.*) говорили, что Господь предназначил блага на земле для того, чтобы рабы [Его] разделяли их поровну, однако люди стали вершить ради них насилие друг над другом. Они утверждали, что берут для бедных у богатых, возвращают от состоятельных малоимущим, и что тот, у кого больше имущества, женщин и благ, имеет на это не больше прав, чем другие. Люди низкого звания воспользовались этим. Они поддерживали Маздака и его сподвижников и присоединились к ним. Люди натерпелись от них. Они обрели такую силу, что входили к человеку в дом и овладевали его жилищем, женами и имуществом, а он не мог противостоять им. Они привели Кавада к тому, что он счёл это наилучшим, и угрожали ему свержением. Прошло совсем немного – и у них (подданных Ка-

вада. – *Д. М.*) стало так, что никто из них не знал своего сына, а сын – отца, и никто не обладал ничем, чем мог бы спокойно владеть» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 885–886].

Другой фрагмент обнаруживается в рукописи «Собрания известий о достопамятном наследии царей персов» и восстанавливается так:

خلقي از رنود واوباش بروي جمع شدند وبقول وقوّت او مال از منعمان وخداوندان يسار بسيار استهضام كردند وبهر كس كه ميخواست ميدادند

«К нему (Маздаку. – *Д. М.*) собралось некоторое число громил и черни[269]; по его слову и его именем они отнимали у людей зажиточных и богатых добро и отдавали его всем, кто пожелает» [Китаб ал-муджам…, 1879, С. 254].

Оценить масштабы движения маздакитов трудно. Вместе с тем, очевидно, что описанные события наложили отпечаток на общество Сасанидской державы. Об этом свидетельствуют размах действий Хосрова по преодолению последствий кризиса (об этом см. главу 2 части II), а также накал полемики против маздакитов, отражённой в источниках.

Эта полемика частично представлена в процитированных выше фрагментах. Нетрудно отметить, что объектом критики и нападок была отнюдь не теология Маздака, а практика общедоступности женщин и всеобщности имущества. В глазах противников маздакитов это вело в конечном счёте к крушению всего общественного строя и царской власти. Эти аргументы кратко изложены в приводимом у Низам ал-Мулька апокрифическом диспуте Маздака с мобедом из Фарса, который выступает выразителем интересов духовенства и знати и, разумеется, побеждает. В ходе диспута мобед якобы говорит Маздаку:

«Ты пришёл для того, чтобы в одночасье упразднить у людей родословные и имущество. А этот царь, который восседает на троне и правит – сын царя Пероза, унаследовавший власть от отца, – как и Пероз унаследовал власть от отца. А если бы с женой царя сошлись десять мужчин – чьим назвали бы ребёнка, появившигося на свет от этого? Разве не разорвались бы узы родства? А когда родословные будут разорваны – не уйдёт ли царская власть из этого дома? Вельможам и простолюдинам свойственно пребывать [одним] в могуществе, [другим] в бедности. Когда человек беден, он от безысходности и нужды дол-

[269] *Awbāš* персидского текста можно также переводить как «сброд».

жен служить за плату человеку могущественному; так появляются вельможи и простой люд. Но, если собственность упразднить, в мире не будет ни вельможи, ни простолюдина. Самый маленький человек станет равным царю, более того, сама царская власть будет упразднена. Ты явился для того, чтобы погубить богатства и царскую власть царского рода персов» [Siyar..., 1962. P. 247–248].

Судя по указаниям в источниках, при дворе началась борьба. Согласно некоторым источникам, зороастрийские мудрецы и мобеды пытались убедить Кавада отринуть учение Маздака, но царь отказался [Histoire…, 1950. P. 125; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 968]. По другой легенде, Маздак, возобладав над Кавадом, сказал ему, что следует упразднить все священные огни кроме трёх главных[270], и это было сделано. Правда, судя по текстам источников, речь шла скорее не об уничтожении огней, а об их объединении. Согласно Ибн ал-Факиху, воедино слились два огня, носившие название Адур-Гушнасп; по словам Куми, Адур-Гушнасп присоединился к огню Магушнасп [Compendium…, 1885. P. 247; Китаб тарих…, 1934/1935. С. 89]. Можно представить себе, что огни изымались прежде всего у неприятелей маздакитов и присоединялись к тем огням, над которыми маздакиты удерживали контроль. Это позволяло одновременно и повысить авторитет маздакитов, и нанести удар по их противникам среди священнослужителей.

Положение Кавада осложняли конфликты на окраинах державы. Начались выступления против Сасанидов в Армении и Ивирии (см. главу 3); к ним добавились мятежи кадисиев и тморийцев[271]. Кадисии, желая переселиться в Нисибин и поста-

---

[270] Речь идёт о Фарнбаге, Гушаспе и Бурзин-Михре (см. главу 1).

[271] У Иисуса Столпника, от которого мы узнаём об этих событиях, указанные в тексте народы именуются *q.d.šayē* и *ṭmōrayē* соответственно. Несмотря на звуковое сходство, едва ли было бы верно отождествлять *q.d.šayē* с кадусиями, которые в античной географии неизменно помещаются в районы Прикаспия вплоть до Гургана (см. прим. 382). Речь идёт скорее о *q.dīšayē*, которые в труде, приписываемом Захарии Митилинскому, помещаются в области Сингары и Тевета [Historia…, 1921. P. 92], и Καδισηνοὶ Прокопия Кесарийского [Procopius, 1914. P. 124–125]. По всей вероятности, именно о кадисиях, ошибочно именуемых кадусиями, упоминается в приписываемой Элию Спартиану истории Антонина Каракаллы

вить над собой собственного правителя, вторглись в окрестности города. Вожди тморийцев были недовольны тем, что Кавад, в отличие от его предшественников, не делал им щедрых подарков. Тморийцы восстали, укрепились в горах и безжалостно грабили местных и проезжих торговцев. На южные окраины державы совершали набеги арабы [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 17–18]. Нельзя сказать, что Кавад не пытался бороться с этими выступлениями. В 491 г. персы предприняли поход в Ивирию; в боях с ними погиб царь Вахтанг Горгасал. Но Каваду нигде не удалось одержать решающей победы. В Ивирию вторглись византийские войска, и персы были вынуждены отступить. Делами армян, тморийцев и кадисиев Кавад, судя по рассказу Иисуса Столпника (см. ниже) занимался и далее, из чего следует, что мятежи продолжались.

– Свержение Кавада

Поддержка Кавадом маздакитов и его неспособность справиться с мятежами на окраинах державы вызвали у знати неприязнь к царю. Согласно некоторым традициям, Кавада прозвали *be rēzād rēš* [Hamzae…1844. P. 51; Histoire…, 1900. P. 602; Muǧmal…, 2000. S. 31], т. е. «выпади борода». Дело не ограничивалось проклятиями. В «Сииртской хронике» сообщается о заговоре с целью убийства Кавада [Histoire…, 1950. P. 125]. Эта попытка не удалась, однако между концом июля 498 г. и кон-

---

(211–217). Согласно этому источнику, Антонин, воюя с парфянами, прошёл через земли вавилонян и кадусиев [The Scriptores..., 1924. P. 16–17]. Как показано в главе 3, император предпринял наступление на Адиабену и овладел её столицей Арбелой (Эрбилем). Значит, земли этих «кадусиев» должны были находиться между Нисибином и Арбелой, что соответствует приведённым сведениям о кадисиях. Что касается тморийцев, этот этноним следует, видимо, сближать с названием области Тморик, которое нередко встречается у армянских авторов. Мовсес Хоренаци сообщает, что в его времена Тморик называли Кордриком [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 105]. В географии Анании Ширакаци упоминаются три области Кордрик – Верхний, Средний и Нижний; все они относились к Корджайку, расположенному к востоку от Мокка (Моксоэны) вблизи Ассирии [Армянская география…, 1877. С. 46–47]. На основании этого можно заключить, что тморийцы жили к юго-востоку от озера Ван, севернее Адиабены.

цом июля 499 г. последовал новый заговор, участники которого свергли Кавада и возвели на престол его брата Жамаспа.

До нас дошло несколько рассказов об этих событиях. Как правило говорится, что знать (именно её, кажется, Прокопий Кесарийский называет «общественностью» (πλῆθος) [Procopius, 1914. P. 30–31]) отстранила Кавада от власти. Иногда сообщаются подробности. Ад-Динавари повествует, что вельможи хотели убить царя. Тот стал просить прощения, но его схватили и заключили в темницу [Ал-Ахбар…, 1960. С. 65]. Ибн ал-Асир повествует, что у Кавада требовали отречься от престола; он отказался и был взят под стражу [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 318]. На основании этих рассказов можно представить себе, что сцена отстранения Кавада от власти напоминала эпизод со свержением его внука Хормузда, описанный в главе 1 части II. На приёме у царя вельможи стали порицать его. Царь пытался найти компромисс, но никто уже не был расположен слушать его. Ситуация всё более накалялась; раздавались требования об отречении царя от власти. Кавад отказался, и тогда вельможи схватили его.

По-иному рассказывает об этих событиях Иисус Столпник. По его словам, вельможи хотели убить Кавада, но тот, узнав об этом, бежал к царю, у которого жил прежде [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 18–19], т.е. к правителю эфталитов. Это, однако, кажется не столько особой версией, сколько собранием деталей, известных по другим источникам. Согласно Прокопию Кесарийскому, новый царь (таковым, как указано выше, ошибочно считается Валаш) совещался со знатью о том, что сделать с Кавадом. Некоторые вельможи предлагали убить его; среди них был *канаранг* Гусанастад. Тем не менее, большинство высказалось против, и Кавад был заключён в темницу, которую Прокопий Кесарийский именует «Обителью забвения» [Procopius, 1914. P. 32–35][272].

---

[272] Согласно Феофилакту Симокатте, эта темница находилась в крепости Гилигерд, в местности Визак, неподалёку от города Вендосавира [Theophylacti…, 1834. P. 120], т.е. Гундишапура, именуемого в персидской географии X в. «Пределы мира от востока до запада» (*Ḥudūd al-ʻālam min al-mašriq ilā al-maġrib*) *Виндошавор* [Худуд…, 1961/1962. С. 139]. Предложить однозначную идентификацию для этой крепости трудно, так как в восточных географиях она не встречается. Если отталкиваться от звукового

Нетрудно представить себе, что восставшие на Кавада вельможи хотели схватить и уничтожить Маздака. Этот эпизод почти не освещается в источниках; его затмевает рассказ о бегстве Кавада (см. ниже). Только по двум отрывочным упоминаниям можно составить некоторое представление о том, что произошло. Балами откуда-то знает – и добавляет к истории ат-Табари, – что Маздак был схвачен. Но собрались многочисленные сторонники Маздака, готовые сражаться за него. Заговорщики испугались столкновения с ними и отпустили Маздака [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 968]. Далее, как мы знаем из *Фарс-намэ*, он уехал в Азербайджан и укрепился там [The Fársnáma…, 1921. P. 85].

Кавад вскоре бежал из темницы. В описании этого византийские и восточные источники сообщают очень похожие сведения. Сестра (и одновременно жена) Кавада, снискав расположение тюремного начальства, добилась ослабления режима содержания. Кавад тайно выбрался из темницы и с верными людьми направился к эфталитам. Согласно Прокопию Кесарий-

---

сходства, то *Визак* Феофилакта ближе всего к названию современного Изэ (через возможную промежуточную ср.-перс. форму *Изаг*), однако этот город находится на расстоянии от Гундишапура. Условия содержания в этой темнице известны со слов Феофилакта: «[Устройство этого] места приписывается гневному настрою царя, как [создание] земли – Богу, и тот, кто назовёт эту крепость храмом злобы, не ошибётся против должного. Там взаперти содержатся все, кто попал в сети царского гнева – и подданные, и пленные … Чужеземцам выпадали те же невзгоды, что и остальным; они лишались [сознания] рода, обычаев и языка и вели жизнь, полную страданий…» [Theophylacti…, 1834. P. 120–121]. Из рассказа Феофилакта можно заключить, что в «Обитель забвения» попадали самых разные узники – например, кадусии или византийские пленники [Theophylacti…, 1834. P. 120–121]. Из других источников мы узнаём, что там одно время содержалась христианская мученица Голиндуха (конец VI в.) [De S. Cholinduch…, 1723. P. 509–512. P. 510; Garitte G., 1956. P. 430]. Узников стерёг отряд воинов [Theophylacti…, 1834. P. 121]. Эта «обитель забвения» не тождественна темнице *Грвандакан*, упоминаемой у Себеоса [Епископ Себеос, 1939. С. 33, 35], так как последняя, судя по сирийскому житию Мар Гиваргиса, находилась близ Ктесифона [Histoire…, 1896. P. 536; Braun O., 1915. S. 266].

скому, бегство организовал вельможа по имени Сеос[273]; восточные авторы повествуют, что царя сопровождал Зармихр, сын Сухра [Agathiae…, 1828. P. 268; Theophylacti…, 1834. P. 171–172; Georgius Cedrenus, 1838. P. 629; Theophanis…, 1839. P. 191; Histoire…, 1900. P. 590–591; Procopius, 1914. P. 44–47; Ал-Ахбар…, 1960. С. 65; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 968; Annales..., 1964. Ser. I, P. 883, 887; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 185]. Вероятно, это один и тот же человек[274].

Царствование Жамаспа (конец июля 498–конец июля 499 – сентябрь 501 г.)

О Жамаспе, возведённом на престол вместо Кавада, мы знаем немного. Агафий Миринейский сообщает, что он отличался добротой и справедливостью; вельможи считали, что

«для них всё настолько хорошо устроилось, что наконец можно с лёгкостью править и жить» [Agathiae…, 1828. P. 268].

Согласно несторианским авторам, Жамасп держал на службе христианина-звездочёта [Histoire…, 150. P. 128] и вообще отно-

---

[273] А. Кристенсен правильно, как предствляется, интерпретирует эту форму как передачу персидского *Сиявуш* [Christensen A…, 1944. P. 347].

[274] Византийские авторы нигде не упоминают Зармихра, восточные – Сиявуша, но в сведениях о них немало параллелей. И о том, и о другом сообщается, что он сопровождал Кавада к эфталитам, затем был возвышен, а впоследствии казнён в результате происков врагов. Против этого отождествления можно было бы возразить, что, согласно повествованию о детях Сухра, представленному в традиции Ибн Исфандияра, судьба Зармихра была иной. По этой версии дети Сухра после убийства отца укрылись в Бадахшане, где пребывали до воцарения Хосрова I. Затем Хосров привлёк их к себе на службу, причём старший сын Сухра, Зармихр, стал наместником Забулистана [Sehir-Eddin's…, 1850. S. 35–37; Тарих-и-Руйан, 1903/1904. С. 23–24; Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 152]. Но Хосров овладел Забулистаном в результате войны с эфталитами, которая произошла между 558 и 561 гг. (см. главу 3 части II), тогда как Зармихр появляется в источниках как *хазарбад* уже в 483 г., т.е., самое меньшее, за семьдесят лет до его предполагаемого назначения в Забулистан. Такой разрыв в датах предполагает маловероятное долголетие. Поэтому утверждения источника Ибн Исфандияра следует, видимо, отвергнуть.

сился к христианам терпимо. В его правление (в ноябре 499 г.[275]) состоялся собор несторианской церкви. В сохранившемся рассказе о соборе царь охарактеризован как человек миролюбивый и доброжелательный [Synodicon…, 1902. P. 62, 310]. Однако в произведениях мусульманских авторов сохранился совсем другой образ Жамаспа, которого представляют человеком, неспособным править [Histoire…, 1900. P. 590; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 969]. Прозвищем Жамаспа было *nigārīn* (разукрашенный) [Histoire..., 1843. P. 236; Chronologie..., 1878. S. 122; Liber..., 1895. P. 103]. Скорее всего, Жамасп, будучи ставленником аристократии, своего рода «боярским царём», и практически не обладая реальной властью, не предпринимал никаких решительных действий и тем более репрессий. Это, несомненно, устраивало знать, заинтересованную в слабости власти правителя, но в обстановке того времени бездеятельность царя была чревата серьёзной опасностью. Выступления кадисиев, тморийцев и армян продолжались, неоднозначным было и положение дел в Ивирии. Неспособность Жамаспа справиться с этими проблемами должна была вызвать пренебрежительное отношение к нему со стороны аристократии, и это находит своё отражение в рассказах мусульманских авторов.

Второе правление Кавада (сентябрь 501 – 13 сентября 531 г.)

Тем временем Кавад пребывал у эфталитов. Он несомненно просил помощи, но оказывать её правитель эфталитов не спешил. Кавад провёл в эмиграции несколько лет. Правитель эфталитов, несомненно, понимал, что, если сасанидская аристократия поддержит Жамаспа или, по крайней мере, выступит против Кавада, начнётся новая война, возможно, более масштабная, чем поход Сухра. Но по мере того, как слабость и бездеятельность Жамаспа постепенно лишали его поддержки знати, настроение правителя эфталитов менялось. Это видно по конечному результату: правитель эфталитов насконец дал Каваду

[275] Т.е. в месяце *тишрин*-е втором второго года правления Жамаспа. Если исходить из предложенной во Введении хронологии, этот год должен длиться с 25 июля 499 г. по 23 июля 500 г. [Parise F., 2002. P. 100].

войско и отправил его в Иран. По словам Прокопия Кесарийского, вельможи не стали выступать против Кавада и разошлись по своим владениям. Некоторые, судя по примеру Адур-Гудунвада, сына Гусанастада, перешли на сторону Кавада [Procopius, 1914. P. 46–47].

Не встречая сопротивления, Кавад приближался к столице. Жамасп вышел навстречу ему и сложил с себя власть, заявив, что желает удалиться от дел [Agathiae…, 1828. P. 269; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 19]. Ад-Динавари рассказывает, что Жамасп отправился навстречу Каваду вместе с вельможами. Все они просили прощения, в чём им не было отказано [Ал-Ахбар…, 1960. С. 65]. Эта картина, однако, не вяжется со сведениями других источников, из которых следует, что Кавад казнил многих вельмож – очевидно, прежде всего участников заговора против него. Так, был казнён Гусанастад. Прокопий Кесарийский сообщает также, что Кавад приказал ослепить Валаша (читай: Жамаспа) – очевидно, для того, чтобы лишить его прав на престол и тем самым предотвратить заговоры в будущем [Agathiae…, 1828. P. 269; Theophylacti…, 1834. P. 172; Procopius, 1914. P. 46–47; Histoire…, 1950. P. 128; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 19][276].

Одновременно Кавад возвышал своих сторонников. Согласно Прокопию Кесарийскому, Сиявуш удостоился звания ἀδρασταδάραν σαλάνης (*artēštārān-sālār*), предводителя сословия

---

[276] Восточные традиции сообщают о судьбе Жамаспа самые разные сведения: он вышел (или был связан и выведен) навстречу Каваду и получил прощение [Ал-Ахбар…, 1960. С. 65; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 970; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 62] или же был брошен в темницу [Abulfedae…, 1831. P. 88]. Даже в передаче одних и тех же рассказов источники расходятся. Согласно Ибн Исфандияру и Мавлана Авлияуллаху, Жамасп бежал на север и укрылся в Армении, где в дальнейшем правил независимо [Тарих-и-Руйан, 1903/1904. С. 25; Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 153]. В более поздней версии Мараши Жамасп бежал в Армению, но затем, по совету наместника Дербента, помирился с Кавадом, и тот назначил его наместником Тебриза, Дербента и Армении [Sehir-Eddin's…, 1850. S. 33–34]. Такие расхождения свидетельствуют лишь об исчезновении Жамаспа с политической арены, и недостаток сведений о нём восполняли вымыслом. Впрочем, учитывая сведения Прокопия Кесарийского, мы можем, кажется, утверждать, что Жамасп содержался под стражей в одном из дворцов.

воинов [Procopius, 1914. P. 48–49]. О том, что Кавад возвысил Сиявуша, сообщает и Феофилакт Симокатта [Theophylacti…, 1834. P. 172]. Некоторые мусульманские авторы, используя понятийный аппарат своего времени, рассказывают, что Зармихр стал визирем [Histoire..., 1843. P. 235; Histoire…, 1900. P. 594]. В истории Банакати сообщается, что Кавад вверил управление страной Вузургмихру[277], который прежде советовал ему бежать к эфталитам [Tārikh e Banākatī, 1969. P. 61–62].

Согласно одной восточной легенде, Кавада отстранили от власти маздакиты, которые укрыли царя в потайном месте и возвели на престол Жамаспа. Затем, однако, Зармихр с верными людьми расправился с маздакитами (по одному рассказу – убил самого Маздака) и восстановил Кавада на престоле [Eutychii…, 1906. P. 206–207; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 663; The Book of Creation…, 1962. P. 168; Annales..., 1964. Ser. I, P. 886]. Эфталиты здесь даже не упоминаются. Достоверность этого рассказа вызывала сомнения уже в средние века, в частности, у Мискавейха [Таджариб…, 2003. С. 124]. Действительно, он противоречит всем остальным источникам. Но то, что пришедшая явно из сасанидских времён легенда отводит Зармихру решающую роль в рассматриваемых событиях, свидетельствует о значимости его фигуры для истории второго правления Кавада.

Со временем ко двору вернулся и Маздак. Сказать, каким влиянием он обладал теперь, можно только приблизительно. С одной стороны, Кавад продолжал держаться маздакитских обычаев. В описании странствий китайских путешественников Сун Юня и Хуэй Сана (517–518 гг.) есть небольшой фрагмент о Персии, где мы читаем, что её царь выходит лишь с небольшой свитой, и подданные, видя его, не выказывают почтения [Beal S., 1884. P. xcii]. Эта скромность церемониала кажется следствием влияния маздакитов – как и сокращение расходов на царскую кухню, о котором говорилось выше. С другой стороны, Балами пишет, что после возвращения к власти Кавад не позволял маздакитам обрести ту силу, которой они обладали прежде [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 970]. Это утверждение в несколько изменённом виде встречается у Мирхонда, по словам которого Кавад относился к Маздаку и его последователям с меньшим уважением [Histoire..., 1843. P. 235]. Возможно, Кавад

[277] В тексте – بزرجمهر, но контекст показывает, что следует читать زرمهر (Зармихр).

не отказался от учения маздакитов, но стал сдерживать их нападки на аристократию.

В то же время Кавад решил или, по крайней мере, начал решать, и другую проблему, неизменно стоявшую со времени его первого правления. Как сообщает Иисус Столпник, он добился подчинения от тморийцев, пригрозив послать против них войска, усиленные отрядами гуннов. Узнав о подчинении тморийцев, покорились и стоявшие под Нисибином кадисии[278]. Армянская знать вернулась под верховную власть Сасанидов. Предводители арабов примкнули к Каваду в расчёте на успешный поход против ромеев [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 19–20]. Впоследствии арабы, армяне и кадисии участвовали в боях с византийцами на стороне персов [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 48, 54]. Правда, в историческом своде, приписываемом Захарии Митилинскому, мы читаем, что после войны с Византией 502–504 гг. Кавад вновь сражался с тморийцами и другими врагами [Historia…, 1921. P. 36]. Но, судя по тому, что источники нигде не говорят об успехах тморийцев и других противников Кавада, их выступления закончились поражением или постепенно прекратились.

Решительные действия Кавада, несомненно, импонировали знати и, вероятно, привели к консенсусу, который позволил ему относительно спокойно править до самой смерти (531 г.).

Не-зороастрийские религиозные общины

Христиане

В правление Пероза отношения между Сасанидской державой и христианскими общинами были весьма сложными. Правление Пероза началось с гонений на церковь. Согласно церковным историям, гнев царя вызвал католикос Бабой, который ко-

---

[278] Судя по некоторым данным, дело завершилось компромиссом: кадисии подчинились Каваду и прекратили нападения на Нисибин, получив разрешение поселиться неподалёку от города. Мы находим их там в рассказе о монофизитском деятеле Иоанне Телльском (т.е. из Теллы; ум. в 538 г.). Не принимая православного учения, которое утверждал в Византии Юстиниан, Иоанн укрылся в сасанидских владениях. Византийцы обратились к Михрдадану, который в житии Иоанна называется *марзбан*-ом Нисибина, с просьбой посодействовать в розысках. Михрдадан послал на поиски Иоанна персов и кадисиев (*q.d.šayē*) [Het leven…, 1882. Сир. текст, с. 47].

гда-то был зороастрийцем. Узнав об этом, Пероз запретил ему назначать церковных иерархов. Бабой ослушался и был брошен в тюрьму. Многие сокровища церкви были отобраны, христиан принуждали к переходу в зороастризм. Заметим, что и в данном случае преследования христиан происходили во время конфликта с Восточной Римской империей и прекратились после заключения мирного договора между Перозом и императором Львом I (457–474). Бабой был выпущен из темницы[279].

Иных сведений о гонениях на христиан мало. Ранний несторианский историк церкви Бэрхадбшабба Арвастанский (жил на рубеже VI и VII вв.) рассказывает, не называя даты, что Пероз приказал преследовать христиан, узнав о нравах борборитов [Nau F., 1932. P. 190] – членов гностической секты, известной ещё со слов Августина Блаженного и Феодорита [B. Theodoreti…, 1772. P. 304; S. Aurelii Augustini …, 1841. Col. 26]. В источниках борборитам приписывается крайняя аморальность; тот же Бэрхадбшабба утверждает, что они сожительствовали с матерями и даже поедали собственных детей [Nau F., 1932. P. 190; ср. The Canons…, 1982. P. 25]. Едва ли их можно было сближать с христианами, однако рассказ Бэрхадбшаббы при всей его неправдоподобности восходит, кажется, к реальным фактам. Феодор Бэр Кони повествует, что Пероз издал указ против идолов и их служителей, направленный на то, чтобы зороастризм остался единственной религией державы [Pognon H., 1898. P. 222]. «Служители идолов», как и борбориты, вряд ли считались союзниками внешних врагов. Следовательно, меры против них объясняются причинами доктринального характера и, вероятно, относятся к годам засухи, когда царь и его окружение проявляли особое религиозное рвение. Определить масштаб репрессий сложно, так как Бэрхадбшабба практически не сообщает никаких подробностей, а параллельных известий в источниках нет. Напротив, по источникам мы видим скорее по-

---

[279] Об этих событиях мы знаем по нескольким источникам [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 61–62; Maris…, 1899. P. 41; Maris…, 1906. P. 30]. Из процитированных авторов Мари Ибн Сулайман считает, что Бабоя бросили в темницу на два года, а Бар Эбрей и Амр Ибн Маттай – на семь лет. Поскольку конфликт с Византией возник в самом начале правления Пероза и, вероятно, был небольшим по масштабам и недолгим, более правильным представляется утверждение Мари Ибн Сулаймана. Впрочем, возможно, что заключение Бабоя продолжалось ещё меньше времени.

кровительство Пероза деятелям церкви, которые служили царю и пользовались его доверием. К таковым относился прежде всего епископ Нисибина Бэр Сэума. По сведениям Мари Ибн Сулаймана, Пероз потребовал от Бабоя найти ему человека, который будет извещать его о делах ромеев. Бабой назвал Бэр Сэуму [Maris…, 1899. P. 42]. В дальнейшем тот пользовался покровительством Пероза, о чём прямо говорится в «Арбельской хронике» [Sources…, 1908. P. 67]. Это немало повлияло на историю христиан Сасанидской державы. В V в. в связи с диспутами об основах церковной догматики на Западе в сасанидских владениях стали распространяться учения несториан и монофизитов. Противоборство между ними было перенесено и на Восток. Бэр Сэума был сторонником несторианского учения. Согласно Мари Ибн Сулайману, он, вместе с будущим католикосом Акакием, учился в известной «школе персов» в Эдессе, где культивировались несторианские воззрения [Maris…, 1899. P. 42]. Согласно монофизитским авторам, Бэр Сэума убедил Пероза в том, что, если учение Нестория, отвергнутое на Западе, будет принято на Востоке, христиане Сасанидской державы поддержат царя против Византии. Вслед за этим Бэр Сэума получил войско и с ним совершил поход в район Тикрита и Адиабены, преследуя христиан (читай: монофизитов) [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 67–70; Chronique…, 1901. P. 123–124]. Несторианин Мари Ибн Сулайман в общем подтверждает это известие, не упоминая, правда, о Бэр Сэуме; по его словам, Пероз преследовал монофизитов и казнил многих из них в Тикрите [Maris…, 1899. P. 45]. Безусловно, авторы-монофизиты крайне негативно относились к Бэр Сэуме и могли умножить обвинения в его адрес. Но примечательно, что удар Пероза обрушился именно на монофизитов, а не на христиан вообще. Возможно, Пероз действительно помог Бэр Сэуме в борьбе против монофизитов в обмен на верность и поддержку.

Согласно церковным историям, Перозу служил и будущий католикос Акакий, которого царь однажды послал с письмом к императору Зенону (474–491) [Maris…, 1899. P. 43; Maris…, 1906. P. 35]. Заметим, что и католикос Бабай, преемник Акакия, прежде был писцом на государственной службе [Histoire…, 150. P. 129][280].

---

[280] Упоминание о католикосах заставляет указать хронологию их служения, хотя вследствие значительных расхождений в источниках

сделать это непросто. Мы видели, что предшественник Бабоя, католикос Дад-Иешу, умер в первой половине 456 г. Бабой стал католикосом во время правления византийского императора Маркиана, т.е. до 25 января 457 г. (см. прим. 178). Поскольку в источниках не говорится о запрете на избрание нового католикоса, можно предположить, что служение Бабоя в звании католикоса началось в первой половине или середине 456 г. Согласно Илии Нисибисскому, Бабой был казнён на двадцать шестом году правления Пероза [Eliae…, 1910. P. 49], что подтверждается и сведениями «Сиртской хроники» [Histoire…, 1950. P. 101]. Поскольку время царствования Пероза отсчитывается от того зороастрийского года, в котором умер Ездигерд II, и к власти пришёл Хормузд III, казнь Бабоя соответствует тому году по зороастрийскому календарю, который продолжался с 29 июля 482 г. по 28 июля 483 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Альтернативную хронологию даёт Амр Ибн Маттай, по словам которого Бабой был католикосом пятнадцать лет и погиб в 792 году селевкидской эры (1 сентября 480 г. – 31 августа 481 г.); затем престол три года оставался незанятым [Maris…, 1906. P. 31]. В части оценки времени служения Бабоя – 15 лет – с Амром согласен Мари Ибн Сулайман [Maris…, 1899. P. 43; Maris…, 1906. P. 29], но эту версию следует отбросить, так как начальная и конечная даты служения Бабоя – 456 и 482/483 гг. Акакий был католикосом пятнадцать (согласно Мари Ибн Сулайману [Maris…, 1899. P. 46]) или одиннадцать лет (по данным Амра Ибн Маттая [Maris…, 1906. P. 35]). Более правдоподобной кажется первая из этих версий, так как, согласно церковным историям, преемники Акакия Бабай и Сила (по-сирийски – Шила) занимали престол католикоса пять и восемнадцать лет соответственно [Maris…, 1899. P. 47–48; Maris…, 1906. P. 37; Eliae..., 1910. P. 49–50; Histoire…, 1950. P. 130, 144]. Если исходить из того, что Акакий был католикосом пятнадцать лет, хронология должна выглядеть так:

Бабой – первая половина 456 – конец июля 482-конец июля 483 г.;

Акакий – вторая половина 482 /первая половина 483 – вторая половина 497/первая половина 498 г.;

Бабай – вторая половина 497 /первая половина 498 – вторая половина 502/первая половина 503 г.;

Сила – вторая половина 502 /первая половина 503 – вторая половина 520/первая половина 521 г.

Согласно трактату Илии Нисибисского и «Сиртской хронике» Сила был избран католикосом на шестнадцатом году правления Кавада, а умер на тридцать четвёртом году его [Eliae..., 1910. P. 50; Histoire…, 1950. P. 135, 144]. Если исходить из того, что первый год правления Кавада длился с 28 июля 487 г. по 26 июля 488 г. (см. Введение),

В самом конце своего правления Пероз вновь начал преследования христиан. Причина в источниках не называется. В свете общего исторического контекста привлекают внимание рассмотренные во Введении слова Илии Нисибисского и автора «Сиртской хроники» о том, что репрессии и казнь католикоса Бабоя последовали на двадцать шестом году правления Пероза – т.е. в промежутке от 29 июля 482 г. по 28 июля 483 г. [Parise F., 2002. P. 100] [281]. В 481 г. против Сасанидов выступили царь Ивирии Вахтанг Горгасал и армянская знать во главе с Ваханом Мамиконяном, а в следующем году сасанидское войско было разбито в Армении (см. главу 3). Возможно, Пероз увидел в христианах Сасанидской державы союзников своих врагов.

шестнадцатый год его должен был продолжаться с 24 июля 502 г. по 23 июля 503 г., а тридцать четвёртый – с 19 июля 520 г. по 18 июля 521 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Это точно соответствует предложенной выше хронологии. Кроме того, Сила, скорее всего, умер в июне 521 г. или незадолго до этого времени (см. прим. 629). Но приведённые выше расчёты не соответствуют другому фрагменту истории Илии Нисибисского, где избрание Акакия католикосом отнесено к 795 году селевкидской эры [Eliae..., 1910. P. 50], который в этом источнике соответствует периоду с 1 сентября 483 по 31 августа 484 г. Если принять эту датировку, можно объяснить и слова Амра Ибн Маттая о том, что Бабой погиб в 792 году селевкидской эры, а затем три года (т.е. до 795 г. селевкидской эры включительно) престол католикоса оставался незанятым. Но не все приводимые у Илии Нисибисского даты по селевкидской эре бесспорно верны. В следующем фрагменте шестой год правления Хосрова I отождествляется с 847 годом селевкидский эры [Eliae..., 1910. P. 50–51]. Если следовать этому отождествлению, первый год правления Хосрова должен был прийтись на год селевкидской эры с 1 сентября 530 г. по 31 августа 531 г. Однако Хосров пришёл к власти в сентябре 531 г., в том году по зороастрийскому календарю, который продолжался с 17 июля 531 по 15 июля 532 г. [Parise F., 2002. P. 101. На названный Илией год селевкидской эры приходится лишь небольшой отрезок первого (по зороастрийскому календарю) года правления Хосрова, который в то время ещё не стоял у власти. Поэтому отбрасывать приведённые выше датировки только на основании слов Илии Нисибисского о 795 г. селевкидской эры было бы неправомерно. Вместе с тем, хронология служения католикосов этого периода всё ещё слишком неясна, чтобы можно было делать определённые выводы.

[281] В другом фрагменте того же источника мы читаем, что Пероз отдал приказ о массовых преследованиях христиан в Ираке, когда отправлялся во второй поход против эфталитов [Histoire…, 1950. P. 107].

Были казнены около трёхсот человек – прежде всего те, кто отказывался перейти в зороастризм, – разрушены многие монастыри. Бабой написал императору Зенону (474–491) – видимо, надеясь, что его заступничество заставит Пероза прекратить репрессии. Но письмо попало в руки Бэр Сэумы, который переслал его Перозу, и было зачитано перед царём. Пероз, видимо, заключил, что Бабой – его враг и друг ромеев. По приказу царя Бабой был казнён, а преследования не останавливались до гибели Пероза [Maris…, 1899. P. 42; Acta…, 1891. P. 632–634; Maris…, 1906. P. 31; Eliae…, 1909. P. 49; Histoire…, 1950. P. 101–102, 107–108].

Правление Валаша, Жамаспа и Кавада стало для христиан временем религиозной терпимости. Источники более не упоминают о преследованиях – даже тогда, когда они могли начаться, например, во время войны с Византией 502–504 гг. Напротив, иногда встречаются сообщения о том, что христианские общины пребывали в покое, строились церкви [Maris…, 1899. P. 42; Histoire…, 1950. P. 136][282].

Терпимое отношение к христианам исходило прежде всего от царей. Валаш и Жамасп дали возможность провести церковные соборы. Кавад спокойно относился к представителям различных конфессий и не без интереса знакомился с их учениями. Для христиан Сасанидской державы той эпохи главным содержанием времени стала идейная борьба между несторианами и монофизитами. В сентябре 484 г.[283] католикос Акакий, который был несторианином, некоторое время учился в эдесской школе и тогда написал полемический трактат против монофизитов [Maris…, 1899. P.43; Histoire…, 1950. P. 112], созвал в столице собор, на котором в качестве официального был принят постулат о двух природах Иисуса Христа[284]. Собор резко осудил лю-

---

[282] Этот фрагмент относится ко времени, когда католикосом был Сила, т.е. к 502/503–521 гг.

[283] Согласно источнику – в месяце *илул* второго года правления Валаша [Synodicon…, 1902. P. 53, 299]. Поскольку Валаш пришёл к власти во второй половине 483 г., второй год его правления по зороастрийскому календарю пришёлся на время 28 июля 484 по 27 июля 485 г.

[284] По рассказам несторианских авторов, Акакий кроме того предал анафеме не названного по имени константинопольского патриарха [Maris…, 1899. P.48; Histoire…, 1950. P. 138].

дей, которые, облекаясь в одежды аскетов, несли ложное учение [Synodicon…, 1902. P. 53–60; 299–307]. Вероятно, имелись в виду, монофизиты; так трактует решения собора автор несторианской «Сииртской хроники» [Histoire…, 1950. P. 122–123].

Со стороны монофизитов главной фигурой в полемике выступал во времена Кавада Симеон Спорщик (сир. *Drōšā*), ставший епископом Бет-Аршама. Согласно Иоанну Эфесскому, Симеон считал своим долгом полемизировать с несторианами и делал это всякий раз, когда представлялась возможность. Несториане жаловались царю, причём Иоанн Эфесский вкладывает в их уста довод, который ранее приписывали зороастрийцам: монофизиты – внутренние враги, так как держатся веры ромеев. Кавад, стоявший тогда на престоле, якобы хотел начать преследования монофизитов, но Симеона спасло заступничество императора Анастасия (491–517). Затем в диспуте перед персидским *марзбан*-ом (судя по контексту – наместником Арзанены) Симеон победил католикоса Бабая. Несториане вновь инициировали преследования. Монофизитские епископы и настоятели монастырей были брошены в темницу в Нисибине, но затем выпущены оттуда по настоянию правителя эфиопов [Brooks E.W., 1923. P. 137–158].

Далее Иоанн повествует о следующем эпизоде. Симеон вновь вёл дебаты с несторианами, на этот раз – при дворе. Не зная, кого следует поддержать, зороастрийцы объявили, что каждая религиозная община вправе прислать царю письменное изложение своего вероучения. Симеон взялся за составление этого документа и стал обходить монофизитские общины, однако затем, вернувшись ко двору, узнал о смерти царя [Brooks E.W., 1923. P. 137–158][285].

Несторианские авторы тоже говорят об этом событии, хотя освещают его иначе. По их словам, Кавад затребовал от каждой общины изложение её вероучения. Католикос Акакий по какой-

[285] Тем не менее, документ был, видимо, передан царским придворным. Степанос Таронеци повествует, что Хосров II Парвиз, беседуя с пленным иерусалимским патриархом Захарией, приказал найти в хранилище изложение истинного христианского вероучения (каковым для автора было монофизитское). Было обнаружено несколько списков, на которых стояли печати Кавада и Хосрова I [Всеобщая история…, 1864. С. 69].

то причине не смог заняться этим, и несторианские догматы сформулировал религиозный мыслитель из Нисибина по имени Елисей (в арабских текстах – *Alīša ʻ*)[286]. Акакий перевёл его труд на персидский язык и представил Каваду. Тот по одним сведениям, одобрил его, по другим – оценил выше остальных [Maris…, 1899. P.46; Histoire…, 1950. P. 126].

Расхождения между текстами велики и не сводятся лишь к тому, что каждая из сторон приписывала победу себе. Несторианские авторы относят изложение основ вероучения ко времени Акакия, тогда как у Иоанна Эфесского Симеон прежде одерживает победу над преемником Акакия Бабаем. У нас нет оснований настаивать на правильности одной из этих версий. С уверенностью можно сказать лишь то, что Кавад проявлял терпимость и интерес к незороастрийским вероучениям.

Полемика продолжалась и далее. Известно, что католикос Сила разыскивал бежавших в Хиру монофизитов и предлагал им выбор: принять несторианское учение, вступить в диспут или уехать. Один из таких диспутов, состоявшийся в присутствии царя Хиры ал-Мунзира III (о нём см. главу 3), закончился, согласно «Сииртской хронике», победой Силы [Histoire…, 1950. P. 143–144].

К концу правления Кавада несториане Сасанидской державы имели явное преимущество над своими оппонентами. Они располагали церковной иерархией, мощным интеллектуальным центром – богословской школой в Нисибине, куда после изгнания из Эдессы собрались многие ученики эдесской школы[287],

---

[286] Вероятно, речь идёт о Елисее Бэр Кузбане, который, согласно Бэрхадбшаббе Арвастанскому, был автором ряда книг, в том числе и полемических трактатов, направленных против зороастризма [Nau F., 1913. P. 620]. Согласно «Арбельской хронике», Елисей (здесь он именуется Елисеем из Кузбы, селения в районе Марги) наполнил церковь своими сочинениями [Sources…, 1908. P. 70].

[287] Наш главный источник по истории нисибинской школы – трактат Бэрхадбшаббы Хульванского «Причина основания школ» (*ʻIlṯā ḏ-sīm mâwṯbā ḏ-iskōlē*), относящийся к концу VI – началу VII вв. [Mar Barhadbšabba..., 1981. P. 381–391]. «Школа персов» в Эдессе была разгромлена в 800 г. селевкидской эры (1 сентября 488 – 31 августа 489) [Chronica..., 1903. P. 8; Incerti auctoris..., 1933. P. 2]. В источниковедческой литературе Бэрхадбшабба Хульванский отличается от Бэрхадбшаббы Арвастанского (см. выше), хотя признаётся возможность того, что это одно и то же лицо [Baumstark A., 1922. S. 136; Brock S. P., 1997. P. 48].

пользовались покровительством при дворе. Проникновение монофизитов в сасанидские владения ещё только начиналось.

Иудеи

Правление Пероза ознаменовалось новыми преследованиями иудеев. Хамза ал-Исфахани, воспроизводя, видимо, ту версию событий, которой придерживались сасанидские сановники, сообщает, что иудеи убили двух *хирбед*-ов, чтобы использовать их кожу в ремесле. В ответ Пероз перебил половину иудеев Исфахана, а детей их обратил в зороастризм в святилище Сроша [Hamzae…, 1844. P. 56]. В свою очередь, Рав Шрира приводит несколько известий, которые судя по их расхождениям, восходят к разным источникам. По его словам, в месяце *тевет* 781 г. селевкидской эры, т.е. в декабре 469 или январе 470 г., были казнены «глава рассеяния» Мар Хуна и некоторые учёные. В другом фрагменте, однако, казнь одного из этих учёных отнесена к месяцу *адар*, т.е. к февралю-марту 470 г. В том же 781 г. (сентябрь 469 – август 470 г.) религиозные училища иудеев в Вавилонии были закрыты, а детей отдали на воспитание зороастрийским священнослужителям [MJC, 1887. Vol. I, P. 34; Épître..., 1904. P. 48–49]. Строго говоря, нельзя утверждать, что речь идёт об одних и тех же событиях. Хамза описывает события в Исфахане, тогда как Рав Шрира повествует в основном о «главах рассеяния» и религиозных училищах Ирака. Признавая это, мы должны, однако, указать, что в обоих случаях речь идёт о масштабных инцидентах. Никогда прежде Сасаниды не казнили «главу рассеяния», а исфаханская община, как показано в прим. 179, при Ездигерде I пользовалась покровительством царицы. Поскольку более подробных данных источники не сообщают, мы можем судить о репрессиях против иудеев лишь по аналогии с другими преследованиями представителей не-зороастрийских общин. Если использовать этот метод, можно заключить, что в какой-то момент Пероз пришёл к выводу, что «глава рассеяния» и предводители иудейской общины Исфахана враждебны Сасанидской державе, что и вызвало гонения.

Между тем, крайне трудно найти параллели между сведениями Рав Шриры и рассказами о «главах рассеяния» в другом важнейшем источнике по истории иудейских общин Сасанидской державы – «Малой истории мира». Рав Шрира называет погибшего Хуну сыном Мар Зутры. В списках «глав рассеяния»

в «Малой истории мира» такого не обнаруживается. Мы находим человека по имени Хуна, но не сына, а внука «главы рассеяния» Мар Зутры. Более того, в арамейском списке речь идёт о двух людях, которые именовались Хуна и приходились внуками Мар Зутре (в списке на иврите указывается лишь один). Обстоятельства смерти Хуны также излагаются по-иному, хотя заслуживает внимания то, что, согласно «Малой истории мира», он погиб не один, а вместе со своими сподвижниками [MJC, 1887. Vol. II, P. 71, 75]. Несмотря на эти различия мы не можем найти лучшее отождествление для «главы рассеяния», упомянутого у Рав Шриры. Если двигаться далее в этом направлении, дальнейшие события можно восстановить так. Человек, который в арамейском тексте «Малой истории мира» именуется Рав Пахда, а в тексте на иврите – Рав Пахра[288], задобрив царя подношениями, добился от него назначения «главой рассеяния». Однако, жена Хуны ожидала рождения ребёнка. Если верить «Малой истории мира», мудрецу Мар Хнине, приближённому к Хуне, было видение, из которого он узнал о предстоявшем рождении. На свет появился мальчик, которого назвали Зутра. По достижении им пятнадцати лет, т.е. возраста, позволявшего юноше быть принятым при сасанидском дворе, он и Хнина явились к царю и, также с помощью подношений, добились отстранения Рав Пахды (Пахры). Новым «главой рассеяния» стал Зутра [MJC, 1887. Vol. II, P. 72, 76].

Зутра, именуемый в «Малой истории мира» Мар Зутра, был «главой рассеяния» двадцать лет. На это время пришёлся один из наиболее драматичных эпизодов истории иудейских общин в Сасанидской державе. По сообщениям «Малой истории мира» Мар Зутре однажды привиделся огненный столб; в тот день четыреста иудеев подняли восстание и выступили против персов. Видимо, Мар Зутра возглавил восстание; далее говорится, что он получил царскую власть (*mâlkūṯa*, *malakūt*). В течение семи лет община оставалась фактически независимой; последователи Мар Зутры собирали подати (*gzīṯa*, *maṣ*), не передавая их в царскую казну. Затем, однако, персы силой оружия разгромили мятежников. Мар Зутра был казнён; его мёртвое тело распяли при входе на мост через Тигр [MJC, 1887. Vol. II, P. 73, 76].

---

[288] Это, очевидно, не более чем ошибка переписчика. Ср. פחדא (*Paḥdā*) и פחרא (*Paḥrā*).

Данные о возрасте Мар Зутры позволяют восстановить хронологию событий. Он должен был родиться в 470 г., вскоре после гибели Хуны, и стать «главой рассеяния» в 485 г. Если так, мы вправе отнести казнь Мар Зутры приблизительно к 505 г., а начало восстания – к 498 г. Эти расчёты следует сопоставить с тем, что мы знаем о восстании. Автор «Малой истории мира» видит причину поражения восставших в том, что они допускали различные отступления от установленных норм и, в частности, пили вино из царских хранилищ (*miznān*). Это, вкупе с местом казни Мар Зутры, показывает, что восстание началось недалеко от столицы. Иудеи действительно жили в сравнительно небольших поселениях рядом с Ктесифоном (см. главу 1). Но трудно поверить в то, что четыре сотни ополченцев могли в течение семи лет сдерживать натиск персидского войска, засев в таком поселении. Аммиан Марцеллин говорит, что расположенное рядом с Селевкией поселение иудеев не имело надёжных укреплений, и потому во время похода Юлиана Отступника (363 г.) жители покинули его до подхода римлян [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 430–431]. Столь же маловероятно, что сасанидские власти в течение семи лет мирились с существованием фактически независимого поселения, притом рядом со столицей, когда имели все возможности подавить выступление. Следовательно, на первых порах с восставшими по-настоящему не боролись. В связи с этим наиболее вероятным представляется следующее объяснение, которое мы можем предложить хотя бы как гипотезу: Мар Зутра и его сторонники поддержали выступление знати против Кавада[289], в результате которого на престол был возведён Жамасп. Как показано во Введении, это произошло между концом июля 498 г. и концом июля 499 г., что в общем соответствует представленному выше расчёту. Кажется, в благодарность за эту поддержку победившие вельможи признали автономию общины и даровали ей привилегию не платить подати в государственную казну. Вернувшись к власти, Кавад на первых порах тоже ничего не предпринимал – возможно, потому, что его отвлекали более важные дела, прежде всего, война с Византией, завершившаяся в 503 г. Мы видели, что именно после этого Кавад занялся устройством внут-

[289] Видение Мар Зутры следует, вероятно, понимать так, что его персидские союзники подали ему знак, разведя огонь на одной из сторожевых башен.

ренних дел державы и, в частности, решил проблемы, связанные с выступлениями кадисиев и тморийцев. Видимо, тогда же он обратил внимание и на иудейскую общину, которой был нанесён тяжёлый удар. Рассказ «Малой истории мира» продолжается тем, что члены рода Давидова скрывались в течение тридцати лет [MJC, 1887. Vol. II, P. 73, 76][290]. Сведения об иудейских общинах в этот период скудны – примерно так же, как известия о христианах периода репрессий Шапура II. По этим сведениям трудно сказать что-то определённое, но очевидно, что для иудейских общин этот период являлся порой безвременья.

ГЛАВА 3
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика Сасанидской державы во многом определялась её географическим положением. Основные центры её располагались в центральном и южном Ираке и западной части Ирана. От сопредельных государств державу отделяли естественные преграды – Сирийская пустыня на западе, Кавказские горы – на севере, пустынные районы Систана на востоке, река Инд – на юго-востоке. В связи с этим большое значение имели сопредельные области – север Ирака, где открывался путь в Малую Азию и Сирию, южное побережье Каспия, дававшее выход к Афганистану и Средней Азии, а также юг Ирака, отку-

---

[290] В «Малой истории мира» говорится, что в день казни у Мар Зутры родился сын, который был назван именем отца, а впоследствии переехал в Палестину [MJC, 1887. Vol. II, P. 76]. Обе эти датировки приблизительно соответствуют 520 г. Другое интересное упоминание о событиях тех лет сохранилось у Рав Шриры, согласно которому в 819 г. селевкидской эры (сентябрь 507 – август 508 г.) умер «глава рассеяния» Хуна [MJC, 1887. Vol. I, P. 34; Épître..., 1904. P. 49]. Последнего, судя по дате, нельзя отождествлять ни с одним «главой рассеяния» по имени Хуна, упомянутым выше. Вероятно, речь идёт о Хуне, который в приводимой в «Малой истории мира» родословной «глав рассеяния» упоминается после Зутры [MJC, 1887. Vol. II, P. 77]. Если сопоставить это с упоминанием о «сокрытии» людей из рода Давида, можно предположить, что этот Хуна был провозглашён «главой рассеяния» втайне от сасанидских властей.

да можно было попасть в земли арабов или двигаться морским путём в Индию. Именно за эти территории чаще всего боролись державы тогдашнего мира.

Северо-западное направление

На северо-западе Сасанидам противостояла Римская империя, владения которой в то время простирались далеко на восток. Важнейшим опорным пунктом римлян был Нисибин (Нусайбин), который император Септимий Север (193–211) называл «передовым рубежом» (πρόβολος) Сирии. Между тем, в соседних областях оставались местные правители, отношения которых с Римом были неоднозначными. Около 195 г. правители Осроэны и Адиабены, прежде союзные Риму, отложились от него и осадили Нисибин. Выступив на восток и дойдя до Нисибина, Септимий Север подчинил их. В 198 г. он, используя Нисибин как военную базу, предпринял поход на кораблях вниз по Тигру и разорил столицу парфян Селевкию.

В следующем году император начал войну против арабов, живших между Нисибином и Тигром. В источниках эта область называется *Арвастан*, т.е. «страна арабов» [Theophylacti…, 1834. P. 194–194; Армянская география…, 1877. С. 63; Hoffmann G., 1880. S. 22; Епископ Себеос, 1939. С. 36; История Армении..., 1953. С. 107]. Плиний Старший (23–79) представляет Сингару (Балад Синджар) столицей арабов, именуемых *Praetavi*[291], а затем сообщает, что Нисибин был построен в землях арабов, именуемых *Orroei*, и наряду с названием «Антиохия» носил и другое – «Арабская». Эти *Orroei* жили на всём пространстве до Тигра, отделявшего их от Адиабены [C. Plini…, 1906. P. 397, 479, 483]. Иосиф Флавий повествует, что I в., при парфянском царе Валгаше I, правитель Нисибина Изат воевал с арабским вождём Авией, победил его и загнал в крепость Арсам, которую затем взял штурмом. Авия покончил с собой [Flavii Josephi…, 1865. Vol. I, P. 775]. Арсам этого рассказа тожде-

[291] Применяемое в этом фрагменте источника слово *caput* следует переводить как «столица»; в этом значении оно употребляется и в других местах, например: *Garama, caput Garamantum* или *Ecbatana, caput Mediae* [C. Plini…, 1906. P. 375, 446].

ствен с Аршамом сирийских источников, находившимся в районе Мосула [Wallis Budge F. S. A., 1893. P. clxi].

В 195 г., во время похода Септимия Севера, арабские вожди направили к нему посольство, но никаких договорённостей не было достигнуто. Теперь император, усилив своё войско отрядом лучников, который предоставил царь Осроэны Авгар, вторгся в земли арабов. Судя по сообщениям источников, арабы были подчинены Риму; в их землях Септимий Север основал новую провинцию. Между тем, главной целью императора был город Хатра, население которого римский историк Дион Кассий (род. около 150 г., ум. в 235 г.) называет арабами[292]. Септимий Север осаждал Хатру дважды, но оба раза безуспешно[293].

Сын и преемник Септимия Антонин Каракалла (211–217) тоже проводил активную политику на востоке. Видимо, не доверяя Авгару, он пригласил его к себе и приказал схватить. Осроэна была подчинена Риму. Точно так же император захватил и царя Армении, однако там знать взялась за оружие и нанесла поражение римлянам. Тем не менее, Антонин обезопасил тыл и начал войну против Парфии под предлогом того, что царь Артабан IV дал убежище двум человекам, скрывавшимся от императора. Поход не привёл к значимым результатам и закончился вскоре после того, как эти люди были выданы. Но император на этом не остановился. Через некоторое время он начал переговоры с Артабаном IV и просил его дочь в жёны. Послы Антонина указывали, что в результате возникнет мощ-

---

[292] Выдающийся знаток арабских родословных и доисламской истории Хишам ал-Кальби (род. около 737 г., ум. приблизительно в 819–821 гг.), на сведениях которого в немалой степени основывается ат-Табари, считал свергнутого Ардаширом I правителя Хатры арабом из союза племён кудаа. Пересказывая его сообщение, ат-Табари пишет, что и войско правителя Хатры также состояло из арабов [Annales…, 1964. Ser. I, P. 827.].

[293] Предлагаемая реконструкция истории походов Септимия Севера основана на сравнительном анализе сведений античных и византийских источников и «Арбельской хроники» [Georgius Syncellus…, 1829. P. 435; Scriptores..., 1833. P. 302; Herodiani…, 1855. P. 76–87; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 102; Pauli Orosii..., 1889. P. 257; The Scriptores…, 1921. P. 392–393, 406–409, 412–413; Dio's…, 1927. P. 194–199, 216–225; Eutropii…, 1936. P. 58].

ный союз двух великих империй, которому подчинятся все соседние государства. В описании дальнейшего развития событий источники расходятся. По одним известиям, Артабан, поняв, что Антонин претендует на парфянский престол, отказал ему, вслед за чем император предпринял новый поход. По какой-то причине направлением главного удара была избрана Адиабена. Римляне овладели её столицей Арбелой (Эрбиль) и разорили родовые усыпальницы местных царей, приняв их за парфянские [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 113; Dio's…, 1927. P. 340–341]. По другим сведениям, Артабан IV согласился, но, когда парфяне приготовились к свадебному торжеству, римляне напали на них и перебили. Артабану едва удалось бежать [Herodiani..., 1855. P. 116–117][294]. Затем, однако, Артабан собрал войско и двинулся против римлян. С ним, по понятным причинам, выступил и правитель Адиабены Шахрат. Тем временем Антонин был убит (8 апреля 217 г.), и в дальнейшем Артабану пришлось воевать с его преемником Макрином (217–218). Парфяне взяли несколько крепостей в Месопотамии, прикрывавших подходы к Нисибину. Около Нисибина состоялось решающее сражение. В целом Артабан одержал победу, хотя римлянам удалось отстоять лагерь и тем самым избежать разгрома. Начались мирные переговоры. Насколько можно понять из источников, Артабан, войско которого устало от боёв и не имело регулярного снабжения, не был готов к новой длительной войне и требовал прежде всего возвращения пленных и материальной компенсации. Передав парфянам около 200 миллионов сестерциев контрибуции (такую сумму называет Дион Кассий), Макрин получил мир, причём нет сведений о каких-либо территориальных уступках со стороны Рима [Herodiani..., 1855. P. 121–125; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 115; Sources..., 1908. P. 28; The Scriptores…, 1924. P. 64–67; Dio's…, 1927. P. 398–403].

Установление власти Сасанидов, уничтоживших Парфянское государство, привело к значительному изменению обстановки в регионе. Ещё до окончательной победы над парфянами

---

[294] Вторая версия, впрочем, маловероятна, так как непонятно, где могло произойти это нападение. Следует учесть, что, согласно тому же источнику, римляне вторглись затем в Месопотамию [Herodiani..., 1855. P. 117]. Возможно, речь на деле идёт о захвате римлянами парфянского посольства.

Ардашир I заключил союз с Шахратом и царём Кархи з-Бет-Слох (Киркук) Домицианом [Sources..., 1908. P. 28]. Одержав 27 апреля 225 г. решающую победу над Артабаном, Ардашир преследовал бежавших парфян и одновременно подчинял себе тех удельных правителей, которые не признавали его верховенство. Несмотря на прежний союз Ардашира с Шахратом Адиабена попала под власть сасанидского наместника Адурзахада (Адурзада) [Sources..., 1908. P. 28]; в дальнейшем, как показано в главе 1, ей управлял *шахрдар*. Одновременно с этим Ардашир начал и территориальную экспансию. По словам Диона Кассия, после победы над Артабаном Ардашир впервые попытался овладеть Хатрой, затем подчинил себе земли Мидии и Парфии и двинулся на Армению [Dio's…, 1927. P. 482–483]. Очень похожие, хотя и не вполне идентичные сведения сообщает ат-Табари, согласно которому Ардашир, одержав победу над Артабаном[295], совершил поход на Мидию, Азербайджан, Армению и район Мосула [Annales…, 1964. Ser. I, P. 819], после чего ушёл на юг, к Ктесифону. Говорить, что Ардашир везде и сразу одержал победу, не приходится. Хатра устояла, а правители Армении оказали персам упорное сопротивление [Acta SS. Gregorii..., 1762. P. 323–326; Dio's…, 1927. P. 482–483; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 118–120]. Тем не менее, Ардаширу в конце концов удалось подчинить Армению и сделать её данницей Сасанидов [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 122–123].

Упрочив свою власть, Ардашир начал наступление на римские владения в Месопотамии. Античный историк Геродиан (род. ок. 165 г., ум. в 40-50-е гг. III в.) сообщает, что на четырнадцатом году[296] правления императора Александра Севера (222–235) римские наместники областей Сирии и Месопотамии стали докладывать в столицу о вторжениях персов [Herodiani…, 1855. P. 146].

В источниках действия Ардашира представляются не просто как завоевательные походы. Дион Кассий и Геродиан видят

---

[295] Согласно «Собранию историй и рассказов» – единственному источнику, где хотя бы приблизительно указывается место битвы, она произошла около Нехавенда [Muǧmal…, 2000. S. 51].

[296] Эта датировка, судя по всему, неправильна, так как четырнадцатый год, о котором идёт речь, может охватывать только самый конец правления Александра Севера.

в них выражение стремления царя вернуть то, чем издревле владели персы [Herodiani..., 1855. P. 146, 150–151; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 115, 121–122; Dio's…, 1927. P. 482–483]. Вопрос о том, насколько Ардашир мог считаться преемником Ахеменидов (и мог ли вообще), спорен. Но и отбрасывать сведения римских авторов, кажется, нет оснований. Идея вернуться к временам противостояния персов с греками и македонянами подчас витала в воздухе; в 35 г., т.е. за двести лет до Ардашира, парфянский царь Артабан II грозил римлянам вторжением в бывшие владения Кира [Œuvres..., 1875. P. 287]. С такими идеями мог выступать и Ардашир, который, если верить традиции ат-Табари, стремился отомстить за Дария III, потерпевшего поражение от Александра Македонского [Annales…, 1964. Ser. I, P. 814]. Согласно пересказу послания Шапура II к императору Констанцию II (337–361) у Аммиана Марцеллина, царь основывал свои претензии, помимо прочего, и на том, что в старину владения персов простирались до реки Стримон (Струма) [Ammianus Marcellinus, 1935. P. 334–335].

Для противодействия устремлениям Ардашира император Александр Север в конце своего правления[297] предпринял крупномасштабный поход на восток, в оценке результатов которого источники сильно расходятся. Одни авторы утверждают, что поход закончился победой римлян [Sancti Prosperi…, 1744. P. 416; Scriptores…, 1833. P. 250, 302; Pauli Orosii…, 1889. P. 258; The Scriptores…, 1924. P. 288–295; Eutropii…, 1936. P. 59], другие – что безуспешно для них [Georgius Cedrenus..., 1838. P. 450; Herodiani..., 1855. P. 154–156; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 122; The Scriptores…, 1924. P. 294–295]. Если абстрагироваться от описаний отдельных боёв и рассматривать этот поход со стратегической точки зрения, можно, кажется, прийти к

[297] В современной литературе этот поход датируется 233 г. на основании одной монеты Александра Севера, на которой его коронует богиня победы Виктория, а у ног находятся божества, олицетворяющие Евфрат и Тигр. Прорисовка этой монеты, анализ рисунка и надписей, а также указание даты похода даны в недавней работе Б. Дигнас и Э. Винтера [Dignas B., 2007. P. 76]. Учитывая характер источника, автор этих строк считает для себя единственно возможным полагаться на компетентное мнение специалистов по древнеримским монетам.

выводу, что ни римляне, ни персы не получили решающего преимущества. Александр Север заставил Ардашира отказаться от попыток захватить Нисибин и вторгнуться в Каппадокию [Georgius Syncellus…, 1829. P. 674], но только на время. Вскоре Ардашир продолжил наступление на запад. В правление Максимина Фракийца (235–238) царь захватил важнейшие опорные пункты римлян Нисибин и Карры (Харран) [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 129]; видимо, к тому же времени относится его вторжение в Сирию и установление власти персов над Антиохией, о чём мы узнаём из приписываемой Юлию Капитолину истории трёх Гордианов [The Scriptores…, 1924. P. 430–431]. Из сведений, рассмотренных во Введении, следует, что между 12 апреля и сентябрём 240 г. Ардашир взял сохранявший ещё независимость город Хатру.

Вскоре римляне перешли в контрнаступление. Император Гордиан III (238–244) отбил Антиохию и Карры, нанёс поражение войску Шапура I при Ресайне (Рас ал-айн), взял Нисибин, а также ещё один город, который в истории трёх Гордианов в винительном падеже называется *Artaxansen* [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 129; The Scriptores…, 1924. P. 430–433; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 344–345][298]. Если видеть в этой форме иска-

[298] Вероятно, об этих действиях говорится в рассмотренной во Введении надписи Абнона, который утверждает, что на третьем году правления Шапура I римляне пошли войной на персов и парфян [Gignoux Ph., 1991. P. 12]. Этот год продолжался с 27 сентября 242 по 26 сентября 243 г. Согласно хронике, приписываемой Флавию Луцию Декстру, в 243 г. Гордиан одержал победу над парфянским войском [F. L. Dextri…, 1846. Col. 369–370]. Из сопоставления этих дат следует, что поход Гордиана начался весной или, может быть, летом 243 г. В свете этого вывода интересно обратиться к сообщению «Истории трёх Гордианов», приписываемой Юлию Капитолину, о том, что начало войны с персами относится к году, в котором император Гордиан был консулом во второй раз, а Помпеян – в первый [The Scriptores…, 1924. P. 422]. В «Пасхальном хрониконе» этот год соответствует четвёртому году 256-ой олимпиады [Chronicon…, 1832. P. 501], который, если определять его путём математических расчётов, должен соответствовать 242–243 гг. В этом случае, правда, необходимо поставить под сомнение другие сведения «Пасхального хроникона» о Гордиане и его преемнике Филиппе Аравитянине. Но по сравнению с рассмотренными сообщениями «Пасхальный

жённое *Artaxathen* (Арташат), можно предположить, что Гордиан в какой-то степени восстановил позиции Рима и в Армении. Вслед за этим он предпринял поход на Ктесифон и дошёл до Мисихи[299], где произошло сражение с войсками Шапура I. Однако римлянам не удалось добиться победы. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» утверждается, что персы одержали победу, а Гордиан погиб в сражении [Sprengling M., 1953. P. 15; Maricq A., 1958. P. 306–307]. Это не подтверждается сведениями римских источников, но очевидно, что Гордиану не удалось добиться победы. Последующая гибель Гордиана, обычно приписываемая заговору Филиппа Аравитянина, сделала их положение критическим. Филипп (244–249), провозглашённый императором, был вынужден заключить позорный, по выражению Зосима [Zosimus, 1837. P. 169], мир, уступить персам Месопотамию и Армению [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 130] и, согласно надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры», согласиться на выплату выкупа за приближённых в размере полумиллиона денариев, а также дани [Sprengling M., 1953. P. 15; Maricq A., 1958. P. 308–309].

Через какое-то время Филипп расторг договор и вернул утраченные территории [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 130–131][300]. В своей надписи Шапур обвиняет не названного по имени императора в вероломстве и нарушении мирного договора в части, касавшейся Армении[301] [Sprengling M., 1953. P. 15; Maricq A., 1958. P. 308–309]. По источникам мы не знаем никаких иных действий римлян, которые Шапур мог бы охарактеризовать так.

хроникон» – довольно поздний источник, и вероятность появления ошибки в нём выше. Стало быть, датой первого похода Гордиана III следует признать 243 г.

[299] После этого похода Мисихи была переименована в Пероз-Шапур, что можно перевести как «Победоносный Шапур», так как Шапур I полагал, что одержал победу в сражении [Sprengling M., 1953. P. 15; Maricq A., 1958. P. 308–309].

[300] Видимо, именно это дало ему основание носить почётные титулы *Persicus Maximus* и *Parthicus Maximus* [Dodgeon M. H., 1991. P. 285].

[301] Этот фрагмент сохранился лишь в греческом тексте надписи, где в соответствующем месте стоит ἀδικία (несправедливость). Очевидно, под «несправедливостью» Шапур в духе зороастрийских традиций понимает отход от установленных норм, т.е., в данном контексте, нарушение мирного договора.

Однако боевые действия начались несколько лет спустя, в правление Требониана Галла (251–253). В сирийской хронике 724 г. начало войны отнесено к 563 г. селевкидской эры (сентябрь 251 – август 252 г.) [Chronica minora, 1904. P. 149]. Вероятно, Шапур выступил весной 252 г., хотя не исключено, что он предпринял поход ранее, узнав о гибели императора Деция в сражении с готами (июль 251 г.). Войско Шапура двинулось вверх по Евфрату. В надписи Шапура на «Каабе Заратуштры» первой из занятых персами римских крепостей называется Ана-та (Ана), из чего можно заключить, что на тот момент римляне закрепились в среднем течении Евфрата. Продвинувшись далее, персы разбили у Варвалисса (Маскана) римскую армию (если верить надписи – шестидесятитысячную), а затем ворвались в Сирию, где взяли и разорили ряд городов, в числе которых в надписи Шапура I называются Верея (Алеппо), Халкида (Кинасрин), Апамея (Калат ал-Мадик), Рефанея[302], две Селевкии[303], Антиохия, Кирр[304], Александретта (Искендерун), Никополь[305] и Хамат (Хама). Рядом с ними в надписи фигурируют Гиераполь (Манбидж), Зеугма[306], Долихе, Германикея (Кахраманмараш) и Батна (Сарудж исламской эпохи, совр. Сюрюч)[307] [Sprengling M., 1953. P. 15–16; Maricq A., 1958. P. 308–311]. Тем самым, если смотреть со стороны Варвалисса, отчётливо видны два направления похода – на запад, к Антиохии, и на север, вдоль Евфрата. Видимо, Шапур, считая, что главные силы римлян разбиты, не ожидал достойного сопротивления и разделил своё войско на две части. Сам царь с главными силами отправился в

---

[302] В исламскую эпоху – Рафаниййя в области Хомса.

[303] Одним из этих городов должна быть Селевкия Пиерия, порт недалеко от Антиохии. Другая Селевкия отождествляется в литературе с Салукиййей в 15 километрах к северу от Масйафа в Сирии [Honigmann E., 1952. P. 158].

[304] Современный Наби Хури к северу от Алеппо, недалеко от границы между Сирией и Турцией.

[305] В литературе отождествляется с Ислахийе (к востоку от Османийе) [Honigmann E., 1952. P. 148; Dodgeon M. H., 1991. P. 308, 312].

[306] Белкис на Евфрате к северо-востоку от Низипа (Турция).

[307] Помимо указанных топонимов надпись содержит и некоторые иные, идентификация которых остаётся спорной. Синтез высказанных мнений представлен в сборнике М. Доджона и С. Льё [Dodgeon M. H., 1991. P. 307–309].

Сирию, где, действительно не встречая сопротивления, брал один город за другим. По словам Зосима

«персам легко удалось бы овладеть всей Азией, если бы они, обрадовавшись обилию добычи, не помышляли охотнее о том, чтобы сохранить её и доставить домой» [Zosimus, 1837. P. 27].

Другое войско двинулось на север. Судя по тому, что его предводители, овладев Батной, не попытались взять Эдессу, а двинулись на Германикею, их задача состояла скорее в том, чтобы максимально ослабить опорные пункты римлян на Евфрате и, возможно, проложить путь для будущих походов.

Отдельно в надписи Шапура сообщается о взятии крепостей в Каппадокии, среди которых называется, в частности, Сатала[308] [Sprengling M., 1953. P. 16; Maricq A., 1958. P. 310–311]. Поскольку войска Шапура прошли далеко от Каппадокии, маловероятно, чтобы речь шла об одном и том же походе. Видимо, сведения надписи следует сближать с известием Иоанна Зонары о том, что вскоре после воцарения Требониана Галла персы подчинили себе Армению, изгнав царя Тиридата. Сыновья последнего не последовали за отцом и предпочли осесть у персов [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 137][309]. Можно представить себе, что полководцы Шапура одновременно с походом царя в Сирию нанесли удар в Армении и, заняв её, продвинулись далее в Каппадокию.

В 260 г. Шапур начал новую крупномасштабную войну против Рима. Сведения источников об этот различны, и восста-

---

[308] Отождествляется с Садаком, селением в Турции поблизости от гор Отлукбели, к юго-востоку от Келькита [Honigmann E., 1952. P. 65, 78, 147].

[309] Хотя в армянской литературе можно найти немало рассказов о царе по имени Трдат (прежде всего – у Агатангелоса и Мовсеса Хоренаци), прямых аналогий с известием Иоанна Зонары не обнаруживается. Напротив, Трдат успешно воюет с персами и даже проходит далее Ктесифона [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 128]. Эти сообщения, однако, не подтверждаются данными других источников. Единственной «точкой соприкосновения» может быть приводимый в греческом тексте истории Агатангелоса и, по всей вероятности, апокрифичный текст послания Трдата своим наместникам, полководцам и подданным, где царь-язычник сообщает, что боги лишили его власти, так как он недостаточно поклонялся им [Acta SS. Gregorii..., 1762. P. 346].

новить последовательность событий непросто. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» рассказ о третьей войне царя против Рима начинается с известия о её центральном событии – победе над императором Валерианом (253–260), который был взят в плен вместе с некоторыми полководцами и отправлен в сасанидские владения. Согласно тексту надписи, эта победа произошла в области Карр и Эдессы. Далее следует список городов, которыми войска Шапура овладели в ходе кампании. Из него можно заключить, что часть войск шла вдоль южного побережья Турции. Среди взятых ими городов в надписи называются Александретта, Катавол[310], Эгеи[311], Мопсуэстия[312], Малл[313], Тарс, Зефирион[314], Севастия[315], Корик[316], Аназарб, Кастабала[317], Эпифания[318], Никополь, Келендерида[319], Анемурион[320], Селинус[321]. Возможно, к ним следует причислить упоминаемые также в надписи Антиохию и Селевкию – если отождествлять их с Эндише-Гюнеем и Силифке соответственно [Honigmann E., 1952. P. 149]. Близки к этому некоторые сведения нарративных источников, в частности упоминание Иоанна Малалы о захвате войсками Шапура города Росса [Ioannis Mala-

---

[310] В литературе гипотетически идентифицируется с Бурназом, расположенным около северной оконечности залива Искендерун [Honigmann E., 1952. P. 148, 159].

[311] Отождествляется с Айасом, одним из районов современного Юмурталыка (на побережье залива Искендерун, в западной части его).

[312] В исламской литературе – ал-Массиса, Миссис на реке Джейхан.

[313] Согласно описанию Страбона, Малл находился недалеко от реки Пирам (Джейхан) [The Geography…, 1929. P. 352–353].

[314] В литературе отождествляется с Мерсином [Honigmann E., 1952. P. 148, 153; Dodgeon M. H., 1991. P. 311].

[315] В литературе отождествляется с Айашем, расположенным около побережья, на дороге от Мерсина к Силифке [Honigmann E., 1952. P. 148, 159; Dodgeon M. H., 1991. P. 311].

[316] Развалины к северо-востоку от Силифке.

[317] Гиераполь к северу от Османийе в юго-восточной Турции.

[318] Развалины к северу от северной оконечности залива Искендерун.

[319] Гилиндире около современного Айдынджика (к юго-западу от Силифке).

[320] Развалины на полуострове Анамур Бурну.

[321] Развалины к северу от города Газипаша (на северо-запад от Анамура).

lae…, 1831. P. 297][322], а также слова Георгия Синкелла о том, что персы помышляли захватить Помпеюполь (Вираншехир[323]) [Georgius Syncellus…, 1829. P. 716]. Некоторые отряды направлялись на север. Один из них взял Домициуполь[324]; ему же, видимо, следует приписывать захват Ларанды[325] и Иконионa (Коньи), а также вторжение в Ликаонию, о чём говорит Синкелл [Georgius Syncellus…, 1829. P. 716]. Самый дальний поход совершило войско, которое взяло Тиану[326], а затем, продвинувшись далеко на север – Кесарию (Кайсери), Севастию (Сивас) и Коману[327] [Sprengling M., 1953. P. 16; Maricq A., 1958. P. 312–314].

Сведения надписи сходны с наиболее полными рассказами об этой войне в византийской литературе, сохранившимися у Георгия Синкелла и Иоанна Зонары. Согласно им, Шапур овладел Антиохией, Тарсом и Кесарией[328] после того, как взял в плен Валериана. Но в обоих источниках утверждается также, что ещё до пленения императора персы нападали на Сирию и Каппадокию [Georgius Syncellus…, 1829. P. 715–717; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 140–141].

Другая линия повествования связана с личностью антиохийского аристократа, имя которого в источниках пишется как Кириад или Мариад. Согласно некоторым авторам, он призвал Шапура и с его помощью овладел Антиохией. Иоанн Малала сообщает также, что войска Шапура приблизились к Антиохии, пройдя через область Халкиды. Значит, они должны были двигаться не через Карры и Эдессу, а вверх по Евфрату. В том же походе войска Шапура взяли также Эмессу (Хомс). Что касается Кириада (Мариада), то, согласно приписываемой Требеллию Поллиону истории «тридцати тиранов», он провозгласил себя

---

[322] По словам Страбона, Росс находился вблизи залива Искендерун [The Geography…, 1929. P. 356–357].

[323] Речь идёт о Вираншехире, расположенном к юго-западу от Мерсина, на дороге, ведущей к Силифке.

[324] Отождествляется с современным Диндеболом к северо-западу от Эрменека [Honigmann E., 1952. P. 149].

[325] Отождествляется с современным Караманом [Honigmann E., 1952. P. 149; Dodgeon M. H., 1991. P. 312].

[326] Кемерхисар к югу от Нигдэ [Dodgeon M. H., 1991. P. 312].

[327] Развалины к северо-востоку от Токата.

[328] Может иметься в виду как упомянутая выше Кесария (Кайсери), так и Кесария в Киликии (Аназарб).

императором, и его власть признали в Антиохии и Кесарии[329]. Затем, однако, он погиб в результате интриг своих сподвижников. В том же источнике уточняется, что это произошло в тот момент, когда император Валериан выступил на войну с персами. Между тем, по сообщениям Аммиана Марцеллина и Иоанна Малалы, Мариад был казнён по приказу Шапура [Ioannis Malalae…, 1831. P. 295–297; Fragmenta…, 1851. P. 192; The Scriptores…, 1932. P. 66–67; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 334–335].

В надписи Шапура I не упоминается о взятии Эмессы и, вероятно, сирийской Антиохии. Если исходить из этого, следует считать, что либо рассказ о Кириаде (Мариаде) относится к первому походу Шапура (см. выше), либо сасанидские войска взяли Антиохию незадолго до кампании 260 г. Второе кажется более правдоподобным, так как в источниках нет упоминаний о борьбе римских императоров с самозванцем. Падение Антиохии следует, видимо, объяснять тем, что сторонники Кириада (Мариада), которых в городе было немало [Fragmenta…, 1851. P. 192], взяли власть и впустили войска Шапура. Это позволяет объяснить и внезапность появления сасанидских воинов в городе, что особо выделяет Аммиан Марцеллин [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 334–335].

На основе сказанного мы можем предложить следующую реконструкцию событий. Незадолго до 260 г. Шапур взял Нисибин[330] и стал предпринимать вторжения в Сирию и Каппадокию. С помощью Кириада (Мариада) он овладел Антиохией. Кроме того, войска царя взяли Эмессу. Кириад (Мариад) был провозглашён императором в Антиохии; видимо, не без помощи Шапура он установил свою власть и над Кесарией (Аназарб). В 260 г. Валериан выступил с войском на восток. Согласно Зосиму, он двигался через Антиохию [Zosimus, 1837 .

---

[329] Здесь предпочтительнее аналогия с Аназарбом (см. предыдущее примечание).

[330] По сообщению ат-Табари Шапур I после осады взял Нисибин, завоевал Киликию (*Qalūqiya*) и Каппадокию (в приведённой в издании форме قذوقية, *Qaḏūqiya*, следует, очевидно, видеть искажённое قبذوقية, *Qabaḏūqiya*, т.е. Каппадокия) и взял в плен императора Алариана (т.е. Валериана) в Антиохии [Annales…, 1964. Ser. I, P. 826. Ср. Ал-Ахбар…, 1960. С. 46].

P. 34]. Если имеется в виду Антиохия в Сирии, то возможно, первый удар Валериан нанёс по Кириаду (Мариаду). Тот бежал к Шапуру, однако при дворе царя уже ходили слухи, что он договорился с Валерианом и сдал ему Антиохию. Шапур казнил Кириада (Мариада), двинулся навстречу Валериану, подошедшему к Эдессе, и после решающего сражения взял его в плен. Вслед за этим войска Шапура вторглись в Малую Азию и взяли ряд городов, о которых говорится в надписи царя на «Каабе Заратуштры». Сокрушительному разорению подверглась также Каппадокия, которая, согласно хронике, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому, после вторжения войск Шапура более не была заселена [Incerti auctoris…, 1927. P. 145].

Некоторые данные указывают на то, что Шапур во время похода собирался закрепиться в областях, по которым проходили его войска. Согласно Иоанну Малале, он назначил наместника (σατράπης) Киликии, который в тексте источника именуется σπάτης[331] [Ioannis Malalae…, 1831. P. 297]. Кардир сообщает в своей надписи на «Каабе Заратуштры», что он назначал священнослужителей и устанавливал священные огни во всех областях, по которым прошли войска Шапура, называя среди них Антиохию, Сирию, Тарс, Киликию, Кесарию и Каппадокию, Армению, Ивирию, Кавказскую Албанию, Баласаган[332] и земли вплоть до Аланских Ворот (т.е. до Дарьяльского ущелья) [Sprengling M., 1953. P. 51–52; Chaumont M.-L., 1960. P. 343–344, 348; Gignoux Ph., 1968. P. 396–397].

Через некоторое время Шапур стал готовить новое вторжение в Сирию [Scriptores…, 1833. P. 181], однако претворить в жизнь это намерение помешал конфликт с царём Пальмиры Оденатом. Тот прежде опасался персов, видя в них силу, превосходившую римлян [Dexippi…, 1829. P. 134], однако теперь

---

[331] *Спахбад* или *аспбад* (о последнем см. прим. 461).

[332] В географии Анании Ширакаци мы находим область Кавказской Албании под названием Дашт-и-Баласаган [Армянская география…, 1877. С. 40], т.е. Баласаганская степь. Этот топоним полностью соответствует «Баласаганской пустоши» (*Ṣaḥrā' Balāšǧān*), которая, согласно Ибн Хордадбеху, находилась на пути из Ардебиля на север, к границам Азербайджана [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 121]. На этом основании можно заключить, что Баласаган тождествен с районами Ленкоранской низменности и Муганской степи.

нанёс Сасанидской державе сильный удар, отбив Карры и Нисибин [The Scriptores…, 1932. P. 36–37]. Власть Одената распространилась на всю северную Месопотамию; он разбил войско Шапура и заставил его отступить в Ктесифон, после чего какое-то время осаждал сасанидскую столицу [Georgius Syncellus…, 1829. P. 716–717; Scriptores…, 1833. P. 302; Zosimus, 1837 . P. 36; The Scriptores…, 1932. P. 36–37, 104–105; Eutropii…, 1936. P. 61]; известия о её взятии, однако, кажутся неправдоподобными.

Здесь мы должны обратить внимание на следующее обстоятельство. Войско Одената, составленное из племенных ополчений[333], было мало приспособлено для осады городов. Взятие Оденатом Карр и Нисибина объясняется в приписываемой Требеллию Поллиону истории двух Галлиенов тем, что местные жители сдали ему оба города [The Scriptores…, 1932. P. 36–37]. Разумеется, это было бы невозможно, будь там боеспособные гарнизоны персов. Видимо, Шапур не смог или не успел организовать оккупацию завоёванных территорий. Кроме того, вполне вероятно, что Шапур отвёл часть войск из завоёванных территорий на защиту столицы.

Будучи союзником римлян, Оденат, видимо, передал им не только пленных персидских сановников [The Scriptores…, 1932. P. 36–37], но и занятые территории. Согласно Иоанну Малале, с персами сражался и император Галлиен (260–268); после кровопролитного сражения стороны согласились заключить мир [Ioannis Malalae…, 1831. P. 299]. Зосим отмечает, что пленение Валериана не повлекло за собой для Рима никаких территориальных потерь [Zosimus, 1837 . P. 169]. Это утверждение, однако, кажется не совсем верным. Римляне вернули себе Сирию и Месопотамию, но граница по течению Евфрата продвинулась на север. Это показывает маршрут похода императора Юлиана Отступника (см. ниже). Двигаясь вниз по Евфрату, римляне дошли до Дуры Европос, которую нашли оставленной; то была своего рода «ничейная земля». Но следующая упоминаемая в источниках крепость, Аната, принадлежала персам [Zosimus, 1837 . P. 144; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 402–405].

---

[333] *Syres agrestes* Секста Руфа [Scriptores…, 1833. P. 302], *agrestis manus* и *rusticani Syriae* Павла Орозия [Pauli Orosii…, 1889. P. 262].

Изложенное вполне соответствует тому, как описаны западные и северо-западные пределы Сасанидской державы в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры». К числу своих владений Шапур не относит ни одной области в Сирии или Малой Азии. В то же время, согласно надписи, власть царя распространялась на Асуристан[334], Адиабену, Армению, Ивирию, Махелонию[335], Кавказскую Албанию, Баласаган и земли до Кавказа и Дарьяльского ущелья [Sprengling M., 1953. P. 14, 22; Maricq A., 1958. P. 304–307]. Из списка сановников Шапура в той же надписи следует, что Армения, Адиабена и Ивирия находились под управлением *шахрдар*-ов [Sprengling M., 1953. P. 17–19; Maricq A., 1958. P. 318–319, 326–327][336].

---

[334] Согласно надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры», границей Асуристана была упомянутая выше Мисихи, т.е. Пероз-Шапур или ал-Анбар [Sprengling M., 1953. P. 15; Maricq A., 1958. P. 306–307]. Ат-Табари отождествляет Суристан, т.е. Асуристан, с Савадом [Annales…, 1964. Ser. I, P. 819]. Следовательно, Асуристаном называлась южная часть Месопотамии.

[335] Этому топониму посвящено подробное исследование Э. Хонигманна и А. Марика [Honigmann E., 1952. P. 63–80]. Сделанный вывод, согласно которому Махелония должна была находиться в районе юго-восточного берега Чёрного моря, кажется вполне обоснованным. Вместе с тем, предлагаемая авторами идентификация махелонов с предками нынешних мингрелов представляется не очевидной и, во всяком случае, нуждается в отдельном лингвистическом обосновании. Более вероятным представляется сближение Махелонии с народом макронов, который Евстафий Салоникский (1115–1195/96) отождествляет с цанами [Geographi…, 1861. P. 349]. О цанах см. прим. 754.

[336] Каким образом Ивирия попала под власть Сасанидов, неясно. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» упоминается царь Ивирии Амазасп [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 326–327], положение которого в списке сановников указывает на то, что он был Сасанидом и *шахрдар*-ом. Леонти Мровели упоминает двух царей по имени Амзасп или Амазасп; оба были язычниками, а второй, кроме того, – союзником персов [Histoire…, 1849. P. 71, 76; Мровели Леонти, 1979. С. 35–36]. Прямая идентификация, однако, невозможна, так как оба царя умерли задолго до создания Сасанидского государства [Toumanoff C., 1969. P. 15, 17]. К тому же изложение событий у Леонти Мровели сильно расходится с данными античных и персидских источников, что затрудняет любую идентификацию. По-видимому,

Римляне вновь предприняли контранаступление. Император Кар (282–283) совершил поход в Месопотамию, лично возглавив армию. В описании этой войны источники расходятся. Согласно одним, Кар взял столичные города Ктесифон и Селевкию [Scriptores…, 1833. P. 256, 302; Georgius Cedrenus..., 1838. P. 464, Ioannis Zonarae…, 1870. P. 156; Eutropii…, 1936. P. 63], по другим – занял Месопотамию и дошёл до Ктесифона [Ioannis Malalae…, 1831. P. 302; The Scriptores…, 1932. P. 428–429], а в третьих сообщается, что император умер в Месопотамии [Chronicon…, 1832. P. 510; Incerti auctoris…, 1927. P. 147] или около Нисибина [Histoire..., 1907. P. 239]. Но с гибелью императора, последовавшей во время похода, наступление римлян остановилось. Ни один источник не сообщает, что этот поход принёс Рима какие-либо территориальные приобретения.

Более важные события произошли в самом конце III в., когда царь Нарсе начал новую войну против Рима. В 297 г. персы вторглись в Сирию, а затем – видимо, на обратном пути – разбили между Каллиником (совр. ар-Ракка) и Каррами войска соправителя Диоклетиана (284–305) –Максимиана (285 – 310) [Theophanis…, 1839. P. 11; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 161; Eutropii…, 1936. P. 65][337]. Но римляне быстро извлекли уроки из

Леонти Мровели рассказывает историю правителей Мцхеты, которые не обязательно должны отождествляться с сасанидскими царями и наместниками. В то же время, нельзя не задаться вопросом, отчего *шахрдар* носил имя, которое встречалось в Грузии того времени, но не обнаруживается у Сасанидов. Вероятнее всего, Амазасп был потомком династического брака и потому одновременно считался Сасанидом и был царём Ивирии с грузинским именем. Интересно, что у Леонти Мровели мы находим очень похожий сюжет: последний представитель грузинской династии Фарнавазидов Аспагур воевал с Ардаширом (ошибочно отождествляемым с Хосровом I Ануширваном), но потерпел поражение, бежал к аланам и умер в изгнании. Грузинская знать подчинилась Ардаширу, причём за его малолетнего сына была выдана дочь Аспагура. От этого брака родился Мириан, к которому в дальнейшем возводили свою родословную правители Мцхеты [Histoire…, 1849. P. 78–84]. Возможно, этот рассказ на деле относится к воцарению Амазаспа.

[337] Даты этой войны определены во Введении. Согласно Павлу Орозию, к тому времени Максимиан уже дважды сражался с Нарсе [Pauli Orosii…, 1889. P. 265], но об этих битвах нам ничего не известно.

поражения. На восток были переброшены дополнительные силы. В 298 г., когда Нарсе начал наступление в Армении, сам император Диоклетиан уже находился там с двадцатипятитысячной армией. В итоге войско Нарсе было наголову разбито у Саталы силами Максимиана. Царь был ранен и бежал, бросив войско; в плен попали его жена и некоторые из детей [Ioannis Malalae…, 1831. P. 308; Scriptores…, 1833. P. 303; Georgius Cedrenus..., 1838. P. 470; Theophanis…, 1839. P. 11; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 161; Pauli Orosii…, 1889. P. 265; Eutropii…, 1936. P. 65; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 340–341; История Армении..., 1953. С. 45].

Разгром войска и необходимость спасать родственников заставили Нарсе начать мирные переговоры. Для заключения мира римляне выдвигали следующие условия: передача им областей Ингилены, Софанены, Арзанены, Кордуэны и Забдицены, расположенных между Армянским (Восточным) Тавром и верховьями Тигра, получение ими права назначать правителей Ивирии, разделение Армении с установлением границы по крепости Зимфа (Zίνθα)[338] и введение особого режима торговли между двумя державами, при котором единственным её центром становился Нисибин [Dexippi…, 1829. P. 135]. Поспорив немного насчёт пункта о Нисибине (речь шла о поборах с купцов, т.е. о доходах, которые теперь доставались римлянам), Нарсе в конечном счёте принял все их условия.

Победа над Нарсе дала римлянам возможность вернуть прежнюю границу по Тигру, называемую у римского историка Секста Руфа (писал ок. 369 г.) «восстановленной» (*limes refirmatus*) [Scriptores…, 1833. P. 300], а также утвердиться в Армении, правителями которой были назначены ставленники им-

---

[338] Это название встречается только во фрагменте труда Петра Патриция, на который даётся ссылка, вследствие чего идентификация крепости затруднительна. Согласно источнику, крепость находилась в центре Мидии (здесь – Атропатийская Мидия Страбона), т.е. граница должна была проходить по землям иранского Азербайджана. Поскольку θ греческого текста, скорее всего, передаёт персидское *д*, Зимфа может быть тождественна Синдабайе Ибн Хордадбеха [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст., с. 120], которая, согласно Якуту, находилась рядом с ал-Баддом [Yāqūt…, 1957. T. III. P. 267], т.е. крепостью Бабека, несколько южнее границы между Азербайджаном и Ираном.

ператора [История Армении…, 1953. С. 46]. В то же время римляне укрепляли границы и на других участках. Согласно хронике Иисуса Столпника, в 609 году селевкидской эры (сентябрь 297 –август 298) римляне отстроили Нисибин [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 8]. В верхнем течении Евфрата при Диоклетиане была отстроена крепость Киркесий [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 334–335], укреплялись также границы Сирии [Ioannis Malalae…, 1831. P. 308].

Нарсе более не воевал с римлянами, однако его потомки Хормузд II и Шапур II возобновили активные действия на северо-западе. О Хормузде известно, что он попытался отомстить за поражение своего отца Нарсе, но был разбит войсками Диоклетиана [Histoire..., 1907. P. 255]. Другой поход Хормузда, согласно Балами, был направлен против союзников Рима – арабских правителей из династии Гассанидов. Хормузд разгромил силы Гассанидов прежде чем к ним подошла помощь римлян, однако впоследствии арабы подстерегли царя на охоте и смертельно ранили его (см. Введение). Затем Гассаниды, пользуясь безвластием в Ктесифоне, вызванным борьбой за престол и малолетством Шапура II, стали нападать на сасанидские владения. В восточных источниках мы находим рассказ о том, как гассанидские арабы совершили удачный поход на Ктесифон[339] и, овладев городом, захватили в плен женщину из дома Сасанидов [Ferdowsi's…, 1935. C. 2031; Ал-Ахбар…, 1960. С. 48; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 904; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 54]. Из-за угрозы вторжений арабов столица Сасанидов была перенесена из Вех-Ардашира на восточный берег Тигра [The Fársnáma…, 1921. P. 21].

Тем не менее, персы продолжали наступление на владения Рима. Иоанн Малала повествует, что в правление Максенция, после смерти Максимиана (т.е. в 310–312 гг.), персы и их союзники армяне вторглись в римские владения. Пройдя через Армению, Максенций разгромил их и отбил некоторые земли, которые вошли в состав владений Рима. Однако другое сасанидское войско вторглось в Осроэну и разорило Максимианополь

[339] Имеется в виду западная часть ктесифонской агломерации – Вех-Ардашир.

(Вираншехир[340]), а затем поспешно отошло назад [Ioannis Malalae…, 1831. P. 312]. Согласно хронике Феофана Исповедника, в 5815 году от сотворения мира (1 сентября 322 – 31 сентября 323 гг.) сын персидского царя по имени Нарсе[341] предпринял поход в Месопотамию и на какое-то время овладел Амидой, но затем потерпел поражение и был убит [Theophanis…, 1839. P. 29]. Возможно, именно это событие имел в виду Иоанн Малала, когда записал, что Константин Великий воевал с персами и победил их, а затем по просьбе их царя Саравара (читай – Шапура) заключил с ним мир [Ioannis Malalae…, 1831. P. 317]. О мирном договоре с персами упоминает в жизнеописании Константина Евсевий Памфил (ум. в 339 г.) [Eusebius…, 1975. S. 122].

Мир продержался до последних лет жизни Константина Великого и был нарушен в связи со следующим инцидентом. По словам Феофана Исповедника, в 5828 г. от сотворения мира (1 сентября 335 – 31 августа 336) сарацины, т.е. арабы[342], продавали в Месопотамии ассирийцев из владений персов; те в ответ объявили войну римлянам [Theophanis…, 1839. P. 50]. Это сообщение следует понимать в том смысле, что арабы совершили поход на сасанидские владения в Месопотамии и привели пленных, которых затем стали продавать; Шапур II возложил вину на римлян, которые покровительствовали им. Арабами, о которых идёт речь, могли быть Гассаниды, но не только они. Как показано ниже, Шапур безжалостно преследовал арабов, и

---

[340] Вираншехир, расположенный на дороге от Санлыурфы (Эдесса) к Кызылтепе (Кфартута) и далее к Нисибину. У авторов Христианского Востока он известен как Телла з-Маузелат или Телла.

[341] Этот царевич, возможно, тождествен с Нарсе, который упоминается в истории Мовсеса Хоренаци, хотя не как сын, а как брат Шапура II. Согласно источнику, Шапур послал Нарсе с войском в Армению, однако силы местной знати разбили его в сражении при Мруле [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 154]. Для того, чтобы речь шла о сыне, который, вероятно, выступил бы в поход только после достижения совершеннолетия, дату рождения Шапура II придётся отнести приблизительно к 290 г., но это несовместимо с рассказами восточных авторов о том, что Шапур II пришёл к власти малолетним.

[342] Название «сарацины» применяет к арабам уже Клавдий Птолемей (род. ок. 87 г., ум. после 150 г.) [Claudii Ptolemaei…, 1845. P. 101–102]; ему следует Аммиан Марцеллин [Ammianus Marcellinus, 1935. P. 26–27; 1940. P. 356–357].

те были вынуждены искать союза с Римом. Хотя Юлиан Отступник (361–363) в похвальном слове императору Констанцию II (337–361) отмечал, что тому удалось с помощью посольств повернуть «разбойников из страны арабов» (τοὺς ἐξ Ἀραβίας λῃστάς) против врагов Рима [The Works…, 1923. Vol. I, P. 52–53], арабы и сами стремились к взаимодействию с римлянами. Иногда арабы и римляне предпринимали совместные походы. Один из них описан в «Деяниях Мар Кардага», где сообщается, что войско, состоявшее из нескольких тысяч римлян и десяти тысяч арабов, вторглось в персидские владения и дошло до реки Хабур. Затем, однако, Мар Кардаг, бывший тогда сасанидским наместником, разбил его [Acta…, 1890. P. 56–68].

В ответ Константин Великий начал готовиться к войне с персами и прибыл в Никомидию (Измит). Судя по источникам, угроза вторжения встревожила Шапура, и тот прислал посольство, чтобы заключить мир. Согласно Евсевию Памфилу, договор был заключён до Пасхи, т.е. до 4 апреля 337 г. [Eusebius…, 1975. S. 143–144; ср. Scriptores..., 1833. P. 303]. Однако вскоре Константин Великий умер (22 мая 337 г.). Для Шапура договор был заключён не с государством, а лично с правителем. Императора более не было в живых; следовательно, и договор автоматически утратил силу. В том же 337 г. Шапур осадил Нисибин, но не смог овладеть городом [Chronicon…, 1832. P. 532; Kitab al-ʻUnvan..., 1911. P. 565]. Началось длительное противостояние Шапура с сыном Константина Великого Констанцием II, за время которого, согласно источникам, состоялось девять больших сражений [Scriptores…, 1833. P. 303; Sancti Eusebii…, 1866. Col. 501–502]. Несмотря на первую неудачу Шапур продолжил наступление на римские владения. Объектом ожесточённого противоборства стала Сингара, прикрывавшая Нисибин с юго-востока. Крупное сражение за Сингару состоялось летом 342 г. и закончилось победой Констанция[343]. Приблизи-

[343] Датировка этого сражения основывается на следующих данных. По словам Секста Руфа, Констанций лично командовал римскими войсками только в двух сражениях из девяти (см. выше); оба прошли при Сингаре [Scriptores…, 1833. P. 303]. В свою очередь, Феофан Исповедник сообщает, что в 5834 году от сотворения мира (1 сентября 341 – 31 августа 342 гг.) Констанций одержал победу над ассирийцами и отметил это триумфом [Theophanis…, 1839. P. 55]. Георгий Кедрин

тельно через два года противники вновь сошлись при Сингаре[344]. Кровопролитная битва, которую св. Иероним считал самым страшным из всех сражений Констанция с персами, развивалась с переменным успехом и так и не выявила победителя [Scriptores…, 1833. P. 303; Sancti Eusebii…, 1866. Col. 501–502; The Works…, 1923. Vol. I, P. 58–63; Eutropii…, 1936. P. 69]. Для Шапура, однако, то был неуспех: ни Сингару, ни Нисибин взять не удалось, в бою попал в плен и был казнён некий Сасанид, которого Юлиан Отступник считал престолонаследником [The Works…, 1923. Vol. I, P. 62–63]. Но Шапур неизменно стремился взять Нисибин и ещё два раза, в 346 и 350 гг., осаждал его[345].

относит эти события к шестому году правления Констанция [Georgius Cedrenus, 1838. P. 522], который должен охватывать время от конца апреля 342 до конца апреля 343 г. Следовательно, сражение состоялось летом 342 г.

[344] Дата этого сражения определяется на основании слов Юлиана Отступника о том, что приблизительно через шесть лет после врйны с Шапуром пришли известия о мятеже в Галлии, убийстве брата Констанция и провозглашении «солдатского императора» в Иллирике [The Works…, 1923. Vol. I, P. 66–67]. В этих событиях узнаются выступление Магненция в Галлии, убийство его сторонниками Константа, младшего брата Констанция, и провозглашение императором Ветраниона, относимые к 350 г.

[345] Дата первой из этих осад устанавливается по труду Феофана, который помещает известие о ней под 5838 годом от сотворения мира (1 сентября 345 – 31 августа 346 гг.) [Theophanis…, 1839. P. 57]. Что касается второй осады, то в «Пасхальном хрониконе» она датируется третьим годом 282-ой олимпиады и восьмым годом индикта, что соответствует времени от сентября 349 по август 350 г. [Chronicon…, 1832. P. 536]. Эта датировка кажется наиболее вероятной, т.к. она соответствует рассказам Юлиана Отступника и Иоанна Зонары, которые сближают осаду Нисибина с событиями 350 г. [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 193; The Works…, 1923. Vol. I, P. 66–69]. В некоторых других источниках вторая осада Нисибина относится к близким по времени датам – четвёртому году 282-ой олимпиады [Sancti Eusebii…, 1866. Col. 499–500], 5841 году от сотворения мира (1 сентября 348 – 31 августа 349 гг.) [Theophanis…, 1839. P. 58–59], тринадцатому году правления Констанция II (весна 349 – весна 350 г.) [Georgius Cedrenus, 1838. P. 524]. Заметим, что сообщение Феофана об осаде Нисибина в 346 г. можно оспаривать. Согласно Сексту Руфу, в правление Констанция персы осаждали Нисибин трижды

Судя по видимости, осада 350 г. была лишь первым этапом большого вторжения. Согласно Юлиану Отступнику, Шапур намеревался овладеть Сирией, причём не разорить её, а присоединить к своим владениям; его войско сопровождали переселенцы [The Works…, 1923. Vol. I, P. 68–69]. Но, хотя обе осады были длительными, город устоял.

Постоянная угроза, исходившая от Шапура II, заставила римлян продолжить укрепление тех владений, которые подвергались нападениям персов. Константин Великий отстроил разрушенный персами Максимианополь, который с того времени назывался Константиной [Ioannis Malalae…, 1831. P. 323]. Его старшему сыну Константину II приписываются работы в Телле (Константина) и Амиде [Incerti auctoris…, 1927. P. 174]. Констанций ещё до установления своей единоличной власти обнёс Амиду крепостными стенами, к югу от неё отстроил город Антониополь, переименованный в его честь в Констанцию [Theophanis…, 1839. P. 54; Ammianus Marcellinus, 1935. P. 464–465][346], а после осады 350 г. восстановил разрушенные укрепления Нисибина [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 195]. Укреплялась и недавно созданная граница по Тигру [The Works…, 1923. Vol. I, P. 66–67]. По некоторым фрагментам воспоминаний Аммиана Марцеллина можно судить и о военном присутствии римлян: один легион стоял в Сингаре, два в Амиде [Ammianus Marcellinus, 1935. P. 464–465; 1940. P. 38–39].

[Scriptores…, 1833. P. 303–304]. Иоанн Зонара сообщает, что Шапур штурмовал Нисибин, всё так же безуспешно, во время похода на Амиду (359 г.) [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 203]. Если полагаться на эти сведения, можно заключить, что персы подступали к Нисибину в 337, 350 и 359 гг.; для осады 346 г. тогда не остаётся места. Между тем, Аммиан Марцеллин, который в 359 г. был в составе римских войск, защищавших Амиду, сообщает совсем иные сведения: персы прошли мимо Нисибина [Ammianus Marcellinus, 1935. P. 452–455]. Тем самым, есть основания доверять Феофану и датировать вторую осаду Нисибина 346 г. Интересно также отметить, что, по словам Зосима, Констанций II вёл с персами три войны и во всех потерпел поражение, но каждый раз, несмотря на все трудности, удерживал Нисибин [Zosimus, 1837. P. 170]. Очевидно, имеется в виду, что войска Шапура успешно подступали к городу и, не встречая противодействия римских армий, осаждали его.

[346] Возможно, речь идёт об одних и тех же работах, которые в источниках приписываются разным правителям.

Борьба с Кушанским царством и хионитами на востоке на время отвлекла Шапура II от противостояния с Римом. Но, нанеся сильный удар кушанам и установив мир с хионитами, он возобновил попытки отбить у римлян север Месопотамии. В 358 г. царь направил Констанцию послание, в котором заявил об исторических правах Сасанидов на бывшие владения Ахеменидов, в частности – на Армению и Месопотамию [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 202; Ammianus Marcellinus, 1935. P. 332–337]. Начавшиеся переговоры не дали результата, и в следующем году началась война. На этот раз главной целью Шапура была Амида, центр римской границы по Тигру. Хотя из-за войны в Амиду было стянуто шесть римских легионов (в дополнение к одному, который стоял в крепости), персам осенью 359 г. удалось овладеть ей. В следующем, 360 г. Шапур взял Сингару и Бет-Завде. При этом если Амиду персы, судя по всему, оставили, то в Бет-Завде был помещён их гарнизон, который не позволил римлянам отбить крепость[347].

Эти успехи Шапура могли свести на нет все достижения римлян конца III в. Ситуация обязывала их нанести ответный удар. Весной–летом 363 г. император Юлиан Отступник предпринял крупномасштабный поход против Сасанидской державы. Двигаясь вниз по Евфрату, римляне овладели расположенными по течению реки персидскими крепостями и, взяв Перозшапур, подошли к сасанидской столице. Они вошли в Селевкию и, по-видимому, в Вех-Ардашир, однако главная, расположенная на восточном берегу Тигра часть Ктесифона, оставалась в руках персов. Штурмовать её Юлиан не стал. Вместо этого он решил двинуться во внутренние районы Сасанидского государства, однако его войско, ведомое ложным перебежчиком, оказалось в пустынных местах и стало страдать от отсутствия припасов и воды. Гибель Юлиана в одной из стычек (26 июня 363 г.) сделала положение римлян критическим.

Новый император Иовиан, возведённый на престол военачальниками, вступил в переговоры о мире с персами. От имени Шапура переговоры вёл Сурен[348], выдвинувший ряд требова-

---

[347] Подробный рассказ об этих событиях мы находим у Аммиана Марцеллина, принимавшего в них непосредственное участие [Ammianus Marcellinus, 1935. P. 448–513; 1940. P. 34–51, 70–89].

[348] О Сурене и его роли в политической жизни Сасанидского государства того времени см. главу 1.

ний: римляне должны были передать персам земли Арзанены, Моксоэны, Забдицены, Рехимены и Кордуэны с пятнадцатью крепостями и всем находившимся там военным снаряжением, а также Нисибин, Сингару и Кастра Маурорум[349]. Их жители должны были стать подданными Шапура. Находясь в трудной ситуации, Иовиан был вынужден принять почти все требования Шапура и смог лишь выговорить для жителей Нисибина и Сингары право уйти в римские владения [Zosimus, 1837. P. 168; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 532–535]. Их переселили главным образом в оставшуюся под властью римлян Амиду, где в связи с этим были построены дополнительные укрепления [Ioannis Malalae…, 1831. P. 336–337; Chronicon…, 1832. P. 554; Incerti auctoris…, 1927. P. 180].

Одержав таким образом победу, Шапур начал пользоваться её плодами. Его главным приобретением был Нисибин, который, как мы видели, достался царю пустым. Какое-то время город оставался для царя своего рода разменной монетой, которую можно было предложить римлянам в обмен на какие-либо уступки. Иоанн Малала сообщает, что в ноябре 370 г. (14-й год очередного индикта) послы Шапура предлагали императору Валенту (364–378) заключить мирный договор, обещая передать римлянам половину Нисибина. Мирный договор был заключён на 7 лет [Ioannis Malalae…, 1831. P. 338], однако сведений о том, что город действительно был разделён, нет. Напротив, согласно традиции ат-Табари Шапур переселил в Нисибин двенадцать тысяч человек, именуемых *ahl bayt*, т.е. домовладыками [Annales…, 1964. Ser. I, p. 843] [350]. Потомков этих переселенцев мы находим в источниках и далее [Liber…, 1901. P. 450]. Нисибин был включён в Сасанидскую державу, став для неё важнейшей базой для активных действий на северо-западе. То же самое должно относиться и к Сингаре.

---

[349] Крепость, расположенная к северо-востоку от Нисибина, приблизительно в районе современной ал-Маликиййи в Ираке.

[350] Зная многодетность персидских семей, мы можем заключить, что количество переселенцев исчислялось десятками тысяч человек, что, разумеется, нереально. Вместе с тем, если последовать известному правилу Ибн Халдуна [Ibn Khaldûn, 1958. P. 19–20] и уменьшить число переселенцев вдесятеро, можно прийти к более правдоподобным цифрам.

Другой вопрос касался Армении. До похода Юлиана её правитель Аршак, несмотря на отдельные колебания, в целом ориентировался на Рим [The Works…, 1923. Vol. I, P. 46–47, 52–53; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 70–71, 120–121]. Отправляясь в поход, Юлиан решительно потребовал от «сатрапа Армении» Аршака выступить против персов [The Works…, 1923. Vol. III, P. 196–201]. По словам друга Юлиана, софиста Ливания, Аршак должен был сделать это [Libanii…, 1904. P. 330]. Судя по рассказу Мовсеса Хоренаци, который, правда, ошибочно говорит не об Аршаке, а о его отце Тиране (Тигране), правитель Армении помог Юлиану переправиться через Евфрат, но затем полководец Зара отвёл армянские войска [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 155–156].

После похода, на переговорах с Иовианом Шапур вынудил его обещать не поддерживать Аршака в противостоянии с персами. Вскоре Иовиан умер (17 февраля 364 г.). Для Шапура договор с ним утратил силу, и царь начал пытаться установить свою власть над Арменией, причём, как и прежде, утверждал, что должен вернуть то, что принадлежало его предкам. Кроме того, в глазах Шапура Аршак был союзником Рима. Сасанидские войска вторглись в Армению; подробный, хотя и не лишённый преувеличений рассказ об этом мы находим в истории, приписываемой Фавстосу Бузанду. Через некоторое время Аршак начал переговоры о мире и явился к Шапуру, однако был схвачен на пиру, ослеплён и впоследствии убит в заточении. Власть над Арменией была передана евнуху Килаку и полководцу Артабану, ранее перешедшим на сторону Шапура. По приказу царя они осадили крепость Артагерс, где укрылась с казной жена Аршака – царица Парандзем. Но Килак и Артабан, решив перейти на сторону римлян, с помощью верных людей ночью перебили персов, после чего сын Аршака Пап бежал к императору Валенту (364–378). Тот приказал полководцу Теренцию привести Папа к власти в Армении, но не воздавать ему царских почестей, чтобы формально не нарушить мирный договор. В ответ Шапур послан в Армению войско, которым, согласно истории, приписываемой Фавстосу Бузанду, командовали Карен и Зиг. Оно осадило Артагерс и после длительной осады взяло крепость. Персы заняли и другие города Армении.

Тем временем Пап с римским войском вступил в Армению. По рассказам армянских авторов сторонники Папа и римляне

нанесли персам ряд поражений; сообщается о гибели Карена и Зига и даже о пленении сасанидской «царицы цариц». Видимо, поход действительно развивался успешно. Это видно из того, что Шапур начал переговоры с Папом, надеясь привлечь его на свою сторону. Поддавшись уговорам посланцев царя, Пап казнил Килака и Артабана и отослал их головы Шапуру в знак подчинения.

Непростым было и положение дел в Ивирии. По сообщению Аммиана Марцеллина, персы изгнали Савромакса (Саурмаг), возведённого на ивирийский престол римлянами, и сделали царём Аспакура (Аспагура), которому была присланы диадема и, видимо, иные царские регалии. Началась война; римская армия из двенадцати легионов под командованием Теренция была послана восстанавливать Саурмага на престоле. В какой-то момент Аспагур и Саурмаг договорились о разделе Ивирии, но Шапур II не утвердил это соглашение.

Судя по одному замечанию Аммиана Марцеллина [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 86–89], эти события произошли в первые годы после смерти Иовиана; следующее известие относится к 371 г. Между тем, как показано выше, в ноябре 370 г. послы Шапура II предлагали римлянам половину Нисибина. Вероятно, царь хотел получить взамен какие-то уступки в Закавказье. Но Нисибин не был передан римлянам, и о содержании договора можно судить лишь по последующим событиям. Видимо, державы согласились не воевать в Месопотамии и Малой Азии, но ведение боевых действий в Закавказье допускалось. В 371 г. вновь началась война. Согласно Аммиану Марцеллину, её центральным событием стало сражение в местности Вагабанта, в котором римляне одержали победу над персами. Вероятно, её следует отождествить с победоносной для римлян битвой при Багаване (или у горы Нпат), о которой повествуется в истории, приписываемой Фавстосу Бузанду. Правда, в этом источнике Пап выступает на стороне римлян. Видимо, он лавировал между Римом и Сасанидской державой.

В дальнейшем, судя по сообщению армянских историков, сторонники Папа и римляне нанесли сасанидским войскам ещё несколько поражений. Но Пап по-прежнему проводил двойственную политику, что вызывало недовольство римлян. В 374 г. он был убит ими на пиру. Потеряв потенциального союзника, Шапур II был готов начать новую войну. К тому же вновь

обострились отношения в Ивирии, по-прежнему разделённой между Саурмагом и Аспагуром. Переговоры не дали результатов, и державы стали готовиться к войне. Но их силы были отвлечены другими угрозами: римляне боролись с готами, персы – с кидаритами (см. ниже)[351]. К тому же ушли из жизни император Валент (9 августа 378 г.) и Шапур II (конец 379 – начало 380 г.). Большой войны не последовало; Армения в конце концов была разделена между Римом и Сасанидской державой. Дата договора остаётся спорной[352]; вероятнее всего, он был заключён в 384 г.[353] Где именно была установлена граница, ис-

---

[351] Предлагаемая реконструкция событий основана на сопоставлении ряда источников, главные из которых – труды Аммиана Марцеллина и Мовсеса Хоренаци, а также история, приписываемая Фавстосу Бузанду [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 534–535, 588–589; 1986. P. 76–87, 186–189, 294–313; История Армении…, 1953. С. 107–178; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 161–178].

[352] Как правило исследователи называют даты 385 и 387 гг. [Адонц Н., 1971. С. 29; Габриэлян Р. А., 2002. С. 247; Хуршудян Э., 2003. С. 384; Арутюнова-Фиданян В. А., 2004. С. 216–217; Шагинян А. К., 2011. С. 44].

[353] Эта дата определяется следующим образом. Известно, что править той частью Армении, которая по договору отошла персам (Персармения), был поставлен Аршакид по имени Хосров. Через несколько лет, однако, персы отстранили его от власти. Согласно Мовсесу Хоренаци, сообщение которого повторяют некоторые более поздние источники, это сделал Ардашир (будущий Ардашир II) в правление Шапура II [Histoire..., 1841. P. 44; Иованнес Драсханакертци, 1986. С. 72; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 189]. При этом Ардашир ошибочно именуется сыном (а не братом) Шапура. Поскольку, согласно Мовсесу Хоренаци, Хосров правил 5 лет [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 189], раздел Армении должен был тогда произойти не позднее конца 374 г. или начала 375 г. Но по Аммиану Марцеллину в 374 г. мирного договора заключено не было; напротив, Шапур стал готовиться к новой войне. Более того, как показано в тексте, в 374 году римляне убили царя Армении Папа. Поскольку после Папа царём Армении 4 года считался Вараздат, что видно и по тексту Мовсеса Хоренаци [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 178], датировка 374-м или более ранним годом становится неприемлемой. Вместе с тем, в «Повествовании о делах армянских» сообщается, что Хосров правил Арменией под верховенством персидского царя Шапура, который по прошествии четырёх лет лишил его власти [Арутюнова-Фиданян В. А., 2004. С. 154–155]. Из текста Лазара Парбеци видно, что Хосрова отстранил от власти Шапур III [Collection…, 1869. P. 265,

точники не сообщают. В литературе распространено мнение, что она проходила едва ли не по прямой – от Нисибина до устья Чороха [Адонц Н., 1971. С. 27] или до Феодосиополя (Карин, Эрзурум) [Арутюнова-Фиданян В. А., 2004. С. 217]. В общем это представляется верным. Когда в правление Ездигерда II армянские церковные иерархи направили царю послание о вероучении, среди подписавших были епископы областей Мокка, Туруберана, Тарона, Мардой-али (Мардага), Басеана, Багреванда и Тайка [История Егише…, 1853. С. 44; Егишэ, 1971. С. 42], западные границы которых приблизительно соответствуют этой линии. Римляне, в свою очередь, удерживали Феодосиополь (Карин), основанный незадолго до раздела [Всеобщая история…, 1861. С.61]. Но граница пролегала не по прямой. Когда в середине V в. Вардан Мамиконян (о нём см. ниже) прибыл со сподвижниками в «греческие», т.е. римские владения, он направился в одну деревню, расположенную в Багреванде, на границе с Басеаном [Collection…, 1869. P. 289].

Если и далее отталкиваться от списка епископов, подписавших послание Ездигерду II, на юго-востоке пределами Армении будут Аматуни и Сюник. Это заметно отличается от границы, установленной по итогам войны 297–298 гг. Очевидно, Сасаниды вернули себе владения, утерянные после поражения Нарсе. Согласно истории, приписываемой Фавстосу Бузанду, многие земли были отторгнуты от Армении, а оставшиеся – поделены между ставленниками Рима и Сасанидов [История Армении…, 1953. С. 202].

О положении дел в Ивирии мы не располагаем такими подробными сведениями. В параллельном источнике, «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели, не упоминается ни об

268], который, как показано во Введении, правил пять лет, с декабря 383 г. или января 384 г. по декабрь 388 г. или январь 389 г. Тем самым, раздел Армении должен был состояться не позднее января 385 г. Между тем, судя по некоторым данным источников, в 384 г. в Константинополь прибыло сасанидское посольство [Chronicon..., 1832. P. 563; MGH, 1894. P. 61]. Вероятно, Шапур III, придя к власти в конце 383 или в начале 384 г., начал мирные переговоры и до конца августа прислал посольство. Результатом переговоров стало соглашение о разделе Армении, и приблизительно в конце 384 г. царём той части Армении, которая вошла в зону влияния Сасанидов, стал Хосров.

Аспагуре, ни о Саурмаге, ни об их борьбе[354], хотя мы видим продвижение персов в Грузию. Согласно источнику, в правление Вараз-Бакура II персы вторглись в Ивирию, дошли до Мцхеты и создали себе опорный пункт в Тифлисе. В результате этого похода Ивирия стала данницей Сасанидов [Histoire…, 1849. P. 140–141].

Впоследствии ситуация стабилизировалась. Первоначально угроза новых походов персов была для римлян ещё реальной; для предотвращения их была отстроена Ресайна [Chronique..., 1899. P. 309; Incerti auctoris..., 1927. P. 186]. Но в конце IV в. крупномасштабных конфликтов между Римом и Сасанидской державой не было. Ездигерд I, который, как показано в главе 1, проводил иную, нежели его предшественники, политику по отношению к аристократии, немало изменил и в отношениях с Римом. При Ездигерде они стали хорошими и в какой-то степени даже партнёрскими. Эту перемену почувствовали и в Армении, о чём можно судить по словам Мовсеса Хоренаци [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 193]. Император Восточной Римской империи Аркадий (395–408) незадолго до смерти назначил назначил Ездигерда опекуном своего сына Феодосия II[355], а в 413–414 гг. две державы заключили мирный договор [Incerti auctoris..., 1927. P. 192].

Об этом договоре мы знаем мало, но можно предполагать, что он не в последнюю очередь касался обороны горных проходов на севере, через которые на владения обеих держав обрушивались вторжения. Иоанн Зонара сообщает, что во время

---

[354] Это, скорее всего, объясняется тем, что ни Аспагур, ни Саурмаг не были для автора источника легитимными правителями. Вместе с тем, такие имена встречаются в грузинских источниках. Потомки дочери Аспагура какое-то время занимали престол Ивирии и принадлежали к Сасанидам (см. прим. 336). Саурмаг появляется в V в. как военачальник (спаспет), которому было доверено воспитание малолетнего Вахтанга Горгасала [Histoire…, 1849. P. 148; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 59]. Едва ли столь важная миссия могла быть доверена кому-либо кроме вельможи из знатного аристократического рода. Если считать, что имена в роду повторялись, можно предложить следующую гипотезу: Аспагур был потомком Амазаспа, и Шапур II поддерживал его как Сасанида. Римляне, в свою очередь, опирались на один из аристократических родов.

[355] Этот эпизод более подробно разбирается в главе 1 части II.

осады Нисибина (350 г.) на владения Шапура II напали массагеты [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 195], которые в источниках обычно помещаются на западный берег Каспийского моря. Согласно Мовсесу Хоренаци, во время правления Шапура II и Констанция объединённые племена севера прорвались на юг через Ворота Чора (Дербентский проход)[356] и четыре года стояли у границ Кавказской Албании [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 154–155]. В рассказах об этих нашествиях речь, как правило, идёт о гуннах, которых авторы источников путают с хазарами[357]. В легенде о князе области Сюник Андоке, приводимой

---

[356] На то, что Ворота Чора тождественны с Дербентским проходом, определённо указывают данные топонимии [История Дагестана, 1967. С. 121–122]. Заметим лишь, что в арабских и персидских трактатах, в том числе и в текстах «Жизнеописания Ануширвана», это название выступает в форме *Ṣūl*, которая, несмотря на фонетические различия, представляет собой точную копию персидского *Čōr* или *Čūr*. В передаче или заимствовании одних и тех же слов персидскому *č* может соответствовать арабское *ṣ*. Слово «крест», заимствованное в обоих случаях из сирийского языка, где оно звучит как *ṣlībā*, в арабском языке имеет форму *ṣalīb*, а в персидском – *čalīpā*. Расхождения между конечными *л* и *р* объясняются тем, что арабы и персы передавали разные варианты названия прохода. К. П. Патканов (Патканьян) отмечал, что в XIX в. в Даргинском ущелье Дербент называли *Чули* [Армянская география…, 1877. Прим. 137 к с. 38; ср. История Дагестана, 1967. С. 122]. Но употреблялось и название *Чор*, которое в форме Τζοὺρ встречается у Прокопия Кесарийского [Procoupis, 1914. P. 74–75].

[357] До конца VI в. гунны были главными противниками Сасанидов на Кавказе. Могущество гуннов пошло на убыль лишь после поражения от Варахрана Чубина приблизительно в 588–589 гг. По словам Феофилакта Симокатты Варам (Вахрам, Варахран) Чубин разбил гуннов и подчинил их власти Хормузда IV, а затем, на восьмом году правления императора Маврикия, был послан в Сванию [Theophylacti…, 1834. P. 124–125]. Если Феофилакт, как другие византийские авторы, отсчитывает годы правления императоров со дня фактического прихода к власти (об этом см. главу 3 части II), восьмой год царствования Маврикия приходится на время от середины августа 589 до середины августа 590 г. Мусульманские традиции сходятся в том, что войны с внешними врагами начались на одиннадцатом году правления Хормузда IV или по истечении десяти лет его [Ferdowsi's…, 1935. P. 2582; Ал-Ахбар…, 1960. С. 78; Annales…, 1964. Ser. I, p. 991]. Одиннадцатый год

у Степаноса Орбеляна и Мовсеса Каланкатуаци, говорится, что в правление Шапура, сына Хормузда, т.е. Шапура II, хазары, пройдя через Ворота Чора, вторглись в сасанидские владения. Далее в легенде упоминается ещё одно вторжение, которое, согласно Степаносу Орбеляну (дату сообщает только он) произошло на шестьдесят восьмом году правления Шапура II, т.е. в период с 25 августа 374 по 24 августа 375 г. [Histoire…, 1864. P. 19–25; Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 65–67; Parise F., 2002. P. 100].

В 395 г. гунны перешли горы и напали на владения обеих держав[358]. Те были вынуждены сотрудничать против общего врага. Согласно Иоанну Лидийскому, при Ездигерде I была достигнута договорённость о том, что державы, неся расходы на равных, построят крепость, которая закроет горные проходы и преградит путь гуннам [Ioannes Lydus, 1837. P. 245]. Логично предполагать, что это известие относится к упомянутому выше мирному договору.

правления Хормузда – время со второго июля 588 г. по первое июля 589 г. Сопоставляя эти данные, мы можем заключить, что Вахрам Чубин должен был воевать с гуннами в 588–589 гг. До этого времени гунны вряд ли они позволили бы, чтобы рядом с ними существовало мощное и независимое хазарское государство.

[358] В наиболее раннем источнике по этим событиям, истории Иисуса Столпника, датой вторжения гуннов называется 707 год Александра Македонского (сентябрь 795 – август 796 гг. [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 10], однако в позднейших хронике 724 г. и истории, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому, оно переносится на год раньше [Chronica..., 1904. P. 136; Incerti auctoris..., 1927. P. 187–188]. Михаил Сирийский, не называя даты, пишет, что поход гуннов состоялся в июле [Chronique…, 1901. P. 3]. По всей вероятности, гуннов побудило к вторжению известие о смерти Феодосия Великого (17 января 395 г.); если исходить из этого, поход следует датировать летом 395 г. В описании хода вторжения гуннов источники также расходятся. В истории, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому, события разворачиваются только в Армении и Северной Месопотамии. Согласно другим источникам, вторжение затронуло Сирию, Киликию, Каппадокию и даже Галатию [Chronique…, 1901. P. 3; Chronica..., 1904. P. 136; Philostorgius, 1913. S. 137–138; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 10], а в сирийской хронике 724 г. можно прочитать, что гунны дошли до Ктесифона [Chronica..., 1904. P. 136].

Договорённость, о которой говорит Иоанн Лидийский, касалась Дарьяльского ущелья[359]. Однако, ещё важнее были для Сасанидов Ворота Чора, через которые лежал основной путь вторжений гуннов. К сожалению, мы совершенно не осведомлены о положении дел на этом пути в годы Ездигерда I и Варахрана V. Между тем, из истории Мовсеса Каланкатуаци следует, что весной 441 г. гунны вместе с другими племенами предприняли поход на юг, перешли Куру, достигли земли Ути (т.е. области Партава [Армянская география…, 1877. С. 51], совр. Барда), остановились около Халхала и стали опустошать земли Кавказской Албании, Армении и Ивирии [Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 62][360]. Можно представить себе, что Варахран V Гор не давал гуннам прорваться на юг, и известие о его смерти побудило их к нападению. Однако Ездигерд II успешно отразил натиск гуннов. Описывая начало его правления, Егишэ

---

[359] Об этой крепости нам известно от Приска и Иоанна Лидийского; первый называет её ’Ιουροειπαὰχ [Dexippi…, 1829. P. 159, 161], второй, с уточнением, что так её именуют персы – Βιραπαρὰχ [Ioannes Lydus, 1837. P. 245]. Обращает на себя внимание то, что Приск говорит об этой крепости в связи с вторжением гуннов – сарагуров и акациров в Ивирию и Армению [Dexippi…, 1829. P. 161]. Если исходить из этого, название крепости можно интерпретировать как *Wērōy-pahrag*, т.е. «стража Грузии». Эту форму выдвигает Т. Дарьяи, однако его идея о том, что она должна применяться к Дербенту [Daryaee T., 2002. P. 54], представляется неудачной. По-видимому, крепость *Wērōy-pahrag* закрывала проход в Ивирию и располагалась от Дарьяльского ущелья, через которое шёл путь из областей Северного Кавказа в Закавказье.

[360] Предложенная выше дата вторжения гуннов определяется на основании слов Мовсеса Каланкатуаци о том, что оно произошло вскоре после смерти просветителя Месропа Маштоца и пришлось на время Пасхи [Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 61–62]. Из жизнеописания Маштоца, составленного его учеником Корюном, следует, что просветитель скончался на первом году правления Язкерта, т.е. Ездигерда II, тринадцатого числа месяца *мехекан*-а [Корюн, 1962. С. 119, 123]. Как показано во Введении, Ездигерд II вступил на престол в ноябре 440 г.; следовательно, первый год его правления длился с 8 августа 440 по 7 августа 441 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Если отсчитывать дни месяца *мехекан* с 7 февраля, кончину Маштоца следует отнести примерно к 19 февраля, а вторжение гуннов – к весне 441 г.

замечает, что хайландуры[361] перестали выходить через пограничную крепость Чора [Егишэ, 1971. С. 31]. Не последнюю роль сыграли в этом работы по строительству укреплений, которые, как нам известно из ряда источников, Ездигерд II провёл в районе Чора и сопредельных областях. Наиболее ценно упоминание ал-Масуди о том, что Ездигерд построил в районе Дербента (*al-Bāb wa-l-Abwāb*) стену из кирпича и глины [Maçoudi, 1863. P. 193]; оно подтверждается и данными археологии. Согласно Ибн Халдуну, Ездигерд II начал строительство стены в районе Дербента и сделал Кавказ[362] границей (*sadd*) между своими владениями и областями чужеземцев [Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 207]. В некоторых других источниках мы читаем, что Ездигерд II строил стену между Арменией и Хазарией и до Дербентского прохода, чтобы установить границу [Табакат…, 1963/1964. С. 163; Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 78]. Османский путешественник XVII в. Эвлия Челеби видел в районе «Железных ворот», т.е. около Дербентского прохода, крепость, которую, как ему рассказали на месте, построил Ездигерд [Narrative…, 1850. P. 166][363]. В «Книге о Дербенте» (*Дарбанд-намэ*), одном из наших основных источников по истории региона, утверждается, что Ездигерд, сын Бахрама Гора, очистил от песка стену, когда-то возведённую Александром Македонским [Шихсаидов А. Р., , 1993. С. 18].

Укрепления в районе Ворот Чора не раз выдерживали нападения гуннов. Как будет показано ниже, в 451 г. гунны не смогли прийти на помощь Вардану Мамиконяну именно потому, что им не удалось прорваться через Ворота Чора[364]. Приск

---

[361] По всей вероятности, если не гуннские племена, то подвластные гуннам.

[362] В источника – جبل الفتح (*Ǧabal al-Fatḥ*), однако контекст подсказывает, что читать следует или جبل القبخ (*Ǧabal al-Qabḫ*), Кавказ (обычно это название пишется как جبل القبق, *Ǧabal al-Qabq*).

[363] В другом фрагменте упоминается город Ниязабад на границе Ширвана, который, по словам путешественника, построил Ездигерд, а позднее разрушили монголы [Narrative…, 1850. P. 157].

[364] Необходимо, впрочем, отметить, что, согласно Егишэ, вскоре после поражения Вардана Мамиконяна гунны всё-таки вторглись в сасанидские владения, после чего Ездигерд II «был крайне удручён не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но ещё больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна,

повествует, что во время правления императора Льва I (457–474)[365] сарагуры, акациры и другие гуннские племена предприняли поход против Сасанидов. Пройти через Каспийские Ворота (в данном контексте имеется в виду, очевидно, Чор) им не удалось, и тогда они двинулись в обход и ворвались в Ивирию и Армению, судя по видимости, через Аланские Ворота, т.е. через Дарьяльское ущелье [Dexippi…, 1829. P. 161].

Необходимость оборонять горные проходы на Кавказе не предотвратила конфликтов между Сасанидской державой и Восточной Римской империей. Правление Варахрана V, преемника Ездигерда I, стало, как показано в главе 1, антитезой царствованию последнего. Варахран с самого начала своего правления повёл дело к столкновению с римлянами. Развязав преследования христиан, царь потребовал выдать тех из них, кто бежал в земли Восточной Римской Империи. Одновременно нанятые в римских владениях золотокопатели удерживались в сасанидских владениях, купцы-ромеи подвергались грабежам. Всё это вызвало войну, которая, видимо, началась летом 421 г.[366] Римское войско под командованием Ардавура вторг-

---

только-только смогли построить и которая в это время, будучи взята с лёгкостью, была разрушена, причём не было даже надежды на её восстановление» [Егишэ, 1971. С. 117–118]. Егишэ не указывает названия крепости, но из контекста следует, что речь идёт об укреплениях, закрывавших Дербентский проход. При дворе Ездигерда вину за прорыв гуннов возложили на правителя Сюника Васака [Егишэ, 1971. С. 117], который, как будет показано ниже, оборонял Ворота Чора. Вместе с тем представляется, что Егишэ, повествование которого отличается большой эмоциональностью, преувеличивает. В параллельном источнике, трактате Лазара Парбеци, об этом вторжении не упоминается вовсе. Укрепления Чора были отстроены и меньше через двадцать лет выдержали новое нападение гуннов.

[365] Издатели текста ставят дату 468 г.

[366] Датировка этой войны требует отдельного комментария. Сократ Схоластик, которому принадлежит один из наиболее подробных рассказов, относит эти события к четвёртому году 300-ой олимпиады, когда консулами были Гонорий (в тринадцатый раз) и Феодосий (в десятый) (см. ссылку в тексте), т.е. к периоду 422–423 гг. Однако если исходить из правления консулов, то в «Пасхальном хрониконе» этому году соответствует пятый год индикта, который приходится на 421–422 гг. [Chronicon…, 1832. P. 579]. Вместе с тем, в «Пасхальном хрониконе» там же сообщается, что о победе над персами было

лось в Арзанену, а затем нанесло поражение силам Сасанидов, которыми командовал Михр-Нарсе. В следующем году боевые действия возобновились. Михр-Нарсе с войском подошёл к Нисибину, однако вновь потерпел поражение от Ардавура. Сасанидские войска были заперты в городе. Вслед за этим на войну выступил сам Варахран, однако и ему не удалось добиться успеха. Поход союзника Варахрана, лахмидского царя ал-

---

объявлено во вторник, в месяце *горпий*, до восьмого дня сентябрьских ид (6 сентября). Словом «до» мы переводим греческое πρὸ, хотя более верной передачей было бы «накануне», так как только в этом случае дата приобретает определённость. Если исходить из этого, о победе над персами должны были объявить 5 сентября 422 г., так как в эти годы только день 5 сентября 422 г. приходится на вторник. Правда, это заставляет нас несколько исправить данные «Пасхального хроникона». День 5 сентября мог попасть в разные годы в зависимости от того, с какого дня начинался год – с 1 сентября (обычное начало греческого года, впоследствии принятое при Юстиниане I) или с 23 сентября (день рождения императора Августа). В одном фрагменте автор «Пасхального хроникона» говорит о втором годе индикта, но событие, происшедшее 14 числа месяца *горпий*, относит к третьему году индикта [Chronicon…, 1832. P. 704–705]. Там же *горпий* отождествляется с сентябрём, как и у Евагрия Схоластика [Evagrii…, 1844. P. 112]. Следовательно, началом года в «Пасхальном хрониконе» следует считать первое сентября. Значит, о победе над персами было объявлено не в четвёртом году индикта, как в «Пасхальном хрониконе», а в самом начале шестого. Предложенная датировка в какой-то степени подтверждается рассказом Феофана Исповедника, хотя хронология этого автора часто сомнительна. Феофан сообщает, что Феодосий II в 5921 г. (1 сентября 422 г. – 31 августа 423 г.) победил персов, но, опасаясь за судьбы христиан Сасанидской державы, направил к Варахрану посольство для заключения мира. Царь принял посольство, после чего преследования христиан прекратились [Theophanis…, 1839. P. 134]. Что касается начала войны, то для определения его момента весьма показательны сведения хроники, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому: 735 г. селевкидской эры – вторжение Ардавура в Арзанену и его победа над Нарсе (Михр-Нарсе), 736 г. селевкидской эры – осада ромеями Нисибина, их победа над арабами, а затем над «бессмертными» и заключение мирного договора [Incerti auctoris..., 1927. P. 193–195, 206–208]. Хотя приводимые даты селевкидской эры не вызывают доверия, нельзя не отметить, что война растянулась на два года. Поэтому начало войны относится к 421 г., скорее всего, к лету.

Мунзира I, командовавшего войском лахмидских арабов[367], вверх по течению Евфрата закончился, несмотря на планы захватить Сирию, провалом. В ополчениях ал-Мунзира, набранных из арабских племён, не было военной дисциплины. При известии о приближении противника арабы начали беспорядочно отступать, и многие из них утонули в Евфрате. Однако воины элитного подразделения «бессмертных», состоявшего, судя по всему, из *азад*-ов, настояли на том, чтобы Варахран позволил им вступить в бой. Когда же и «бессмертные» потерпели поражение, Варахран согласился на заключение мира [Chronicon…, 1832. P. 579; Theophanis…, 1839. P. 132–134; Incerti auctoris..., 1927. P. 193–195, 206–209; Socrates, 1995. S. 363–367].

Условия договора были в основном продиктованы ромеями, однако ни одна из сторон не получила территориальных приобретений. Напротив, обе державы обязались воздерживаться от строительства крепостей в приграничных районах [Procopius, 1838. P. 210; Procopius, 1914. P. 12–13]. Это логичнее всего рассматривать как подтверждение прежних границ.

Между тем, договорённости о совместном обеспечении обороны горных проходов оставались в силе. Из хроники Иисуса Столпника мы узнаём, что речь шла не только о строительстве крепости, но и о совместных расходах на её поддержание в боевой готовности и о взаимной военной помощи вообще:

«У ромеев был с персами договор о том, что, если они будут нуждаться друг в друге, когда у них будет война с каким-либо из народов, то станут помогать друг другу. Они брались предоставлять три сотни воинов с оружием и конями или по триста статиров[368] за каждого человека. И [каждая сторона] брала то, что ей было нужно, по мере её потребности. Ромеи, которым помогал Господь Бог, к помощи персов не прибегали. […] Цари персов же слали послов и получали столько золота, сколько им было нужно. Но получали они [это] не в качестве дани, как думали многие» [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 9].

---

[367] О том, в каком качестве выступал ал-Мунзир в этой войне, см. прим. 422.

[368] Иисус Столпник несколько раз называет византийские денежные единицы и цены, но не использует при этом названия *статир*. Судя по тому, что далее идёт речь о том, что Пероз получал золото, имеется в виду номисма.

Прослеживая по источникам развитие событий, мы видим, однако, что выполнение этих договорённостей было сопряжено с немалыми проблемами и нередко приводило к конфликтам. По сообщению ат-Табари, Ездигерд II, вступив на престол, потребовал от ромеев выплаты дани, которую прежде взимал с них его отец [Annales…, 1964. Ser. I, P. 872]. Поскольку отцу Ездигерда Варахрану V, как показано выше, не удалось победить ромеев, можно считать, что ат-Табари совершает ошибку, о которой говорит Иисус Столпник – принимает средства на содержание крепости и военную помощь за дань. Отказ Феодосия II от выплат стал причиной краткосрочной войны, отнесённой во Введении к 441 г. Сасанидские войска, которыми командовал Михр-Нарсе, разорили владения ромеев, расположенные вблизи от Нисибина, но затем потерпели поражение [MGH, 1894. P. 80; Егишэ, 1971. С. 27]. Несмотря на это, мир, судя по данным источников, был заключён на благоприятных для Ездигерда условиях. Согласно повествованию Егишэ, царь получил золото и дары, ему выдали эмигрантов, укрывавшихся в Константинополе [Егишэ, 1971. С. 28]. Ат-Табари также сообщает, что Ездигерд получил то, что желал [Annales…, 1964. Ser. I, P. 872]. Видимо, царь действительно получил какие-то средства. Но последующие обращения Ездигерда в Константинополь, по свидетельству Приска (род. между 410 и 420 г., ум. после 472 г.), неизменно встречали отказ – даже тогда, когда гунны прорвались через Дарьяльское ущелье на юг [Dexippi…, 1829. P. 159–162].

Аналогичную политику проводил и Пероз. Вступив на престол, он, как и его предшественники, потребовал от Византии денег. Это вызвало конфликт, хотя и небольшой по размаху. Византийские историки не упоминают о нём совершенно, и лишь Михаил Сирийский сообщает, что в начале правления Льва I (457–474) и Пероза произошла война [Chronique…, 1901. P. 126]. По аналогии с более ранними случаями можно предположить, что отказ Льва от выплат повлёк за собой вооружённое противостояние. Судя по всему, Пероз смог добиться выплат, которые официально считались возмещением расходов на борьбу с гуннами. По сообщению Иисуса Столпника,

«… царь персов Пероз много раз получал от ромеев золото по причине войн, бывших у него с хионитами, которые суть гунны. Происходило это не по требованию об уплате дани, но

[потому], что он представлял им дело так, что ведёт войны вместо них (ромеев. – *Д. М.*), чтобы они (гунны. – *Д. М.*) не пришли в их страну» [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 9].

Однако царю Валашу, согласно тому же источнику, император Зенон (474–491) отказал [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 15–16].

Точно так же развивались события и в начале правления Кавада. Его первым важным шагом в отношениях с Византией стало направление посольства к Зенону с требованием денег. Но 9 апреля 491 г. Зенон умер; к тому времени послы ещё не успели достичь Константинополя. Послы известили Кавада о смерти Зенона и вступлении на престол Анастасия (491–518). В ответ Кавад приказал передать Анастасию ультиматум: выплата денег или война [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 16].

Это сообщение следует рассмотреть в общем историческом контексте. Как мы увидим далее, Кавад, придя к власти в сентябре 488 г., первые два года платил дань эфталитам. Но сасанидская казна была истощена. Вполне возможно, что первую часть дани Кавад отправил не сразу после прихода к власти, а весной следующего года: ещё нужно было собрать подати, а зимой, как видно по отношениям с Византией, посольств не посылали. Значит, в 491 г. наступал срок третьей выплаты. Очевидно, Кавад столь нуждался в деньгах для выплаты эфталитам, что ради этого был готов пойти на войну с ромеями. Но Анастасий отказался удовлетворить требования Кавада, и тот был вынужден прекратить выплаты эфталитам. Войны, которой грозил царь, не произошло – за исключением столкновений в Ивирии, о которых речь пойдёт далее.

Сказанное заставляет нас обратить внимание на положение дел в Закавказье. Ездигерд I назначил правителем сасанидских владений в Армении (Персармении) своего сына Шапура, но тот, как показано в главе 1, был убит заговорщиками сразу после смерти царя [Collection…, 1869. P. 268; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 198]. Варахран V, придя к власти, на первых порах восстановил престол армянских Аршакидов, но вскоре отстранил от власти Арташира, последнего царя из этой династии, и назначил собственного наместника [Collection…, 1869. P. 268–272; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 201–206]. Ездигерд II вернул власть над подвластными ему областями Армении местной знати, но не стал восстанавливать престол; страной в

качестве *марзбан*-а управлял Васак, правитель области Сюник [Histoire..., 1864. P. 35; Collection…, 1869. P. 283]. Между тем политика Ездигерда, направленная на укоренение зороастризма и интеграцию армянской знати, вызвала её недовольство. Это привело к восстанию Вардана Мамиконяна, прежде командовавшего войсками сасанидских владений в Армении. Восставшие попытались заручиться поддержкой Византии, но император Маркиан (450–457) не стал разрывать мирный договор с персами [Collection…, 1869. P. 298; Егишэ, 1971. С. 76, 85]. Одновременно сторонники Вардана вступили в союз с гуннами [Егишэ, 1971. С. 79–80, 92]. Это, однако, тоже не дало результатов. Восставшим удалось установить свой контроль только над Албанскими Воротами [Collection…, 1869. P. 293–294], тогда как проходы Чора, по которым обычно прорывались гунны, были заперты Васаком [Егишэ, 1971. С. 92]. Оставшись без союзников, Вардан Мамиконян проиграл решающее сражение на Аварайрской равнине и погиб[369]. Укрепляя свою власть в Армении, Ездигерд назначил туда сасанидского *марзбан*-а [Collection…, 1869. P. 298–300; Егишэ, 1971. С. 117–118]. Судя по примеру Сюника, царь мог вмешаться и в дела отдельной области, отнять власть у одного и передать её другому [Histoire..., 1864. P. 38; Collection…, 1869. P. 305]. В то же время, Ездигерд в чём-то пошёл на компромисс с армянской знатью. *Марзбан*-у было приказано относиться к христианам терпимо [Collection…, 1869. P. 298, 300], и даже Егишэ при всей его неприязни к зороастрийцам пишет, что он «прибыл и вступил в страну Армянскую мирно, с любовью» [Егишэ, 1971. С. 93]. О прямолинейном насаждении зороастризма источники не сообщают.

---

[369] Правдоподобной кажется датировка сражения, предложенная К. П. Паткановым – 2 июня 451 г. [История Егише…, 1853. С. 198]. В труде Лазара Парбеци за известием о поражении восстания следуют сообщения о событиях тринадцатого года правления Ездигерда II [Collection…, 1869. P. 296–300], продолжавшегося с 6 августа 451 по 5 августа 452 г. [Parise F., 2002. P. 100]. Кроме того, император Маркиан мог принимать решения о мире с персами только с момента вступления на престол, т.е. с 25 августа 450 г. Поскольку сражение, согласно Лазару Парбеци, произошло в субботу перед Пятидесятницей, июнь 451 г. вполне удовлетворяет всем указанным условиям.

Через некоторое время попытку отложиться от Сасанидов предпринял царь Кавказской Албании Вачэ. Из истории Егишэ следует, что он был потомком династического брака, наследником албанских царей по отцовской линии и Сасанидов по материнской, племянником сыновей Ездигерда II – Хормузда и Пероза. Мы знаем также, что первоначально он был христианином, но под давлением Ездигерда перешёл в зороастризм. Согласно источникам, Вачэ был движим религиозными мотивами; других, по крайней мере, не просматривается. Хронология этого выступления противоречива. Егишэ утверждает, что Вачэ выступил, воспользовавшись междоусобицей Хормузда и Пероза, последовавшей за смертью Ездигерда II. Овладев проходом Чора, Вачэ впустил в Албанию войска гуннов и некоторых правителей Дагестана. Но Пероз обильными подношениями привлёк гуннов на свою сторону. В борьбе с ними Вачэ потерпел поражение. Он сдался Перозу и уехал в пожалованное ему имение [История Егише…, 1853. С. 332[370]; Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 28–29, 39] [371]. После этого в течение всего правления Пероза в Кавказской Албании не было своего царя [Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 39].

Политика Пероза в Армении была неоднозначной. На первых порах, он очевидно стремился заручиться поддержкой какой-то части местной знати. Многие армянские вельможи, пребывавшие при Ездигерде в заточении, были освобождены Перозом [Collection…, 1869. P. 319; Киракос Гандзакеци, 1976. С. 57]. Два представителя рода Мамиконянов были назначены на высокие посты: сын Вардана Мангнос в течение двадцати лет был *марзбан*-ом Армении [Всеобщая история…, 1864. С. 33; Киракос Гандзакеци, 1976. С. 57], Вахан Мамиконян руководил сбором податей [Всеобщая история…, 1861. С. 71]. Но

---

[370] Мы ссылаемся здесь на перевод П. Шаншиева, так как только в нём прямо называется Вачэ. В других переводах, доступных автору этих строк, речь идёт только о царе Кавказской Албании [Eliseo…, 1840. P. 228; Collection..., 1869. P. 248; Егишэ, 1971. С. 169].

[371] В другом месте Мовсес Каланкатуаци сообщает, что Вачэ по приказу Пероза построил город Перозамат (Партав, совр. Барда) [Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 39]. Это сообщение настолько расходится с иными сведениями о Вачэ, что объяснить данное противоречие затруднительно.

со временем эта политика изменилась. В конце правления Пероза мы вновь видим в Армении сасанидского *марзбан*-а [Collection…, 1869. P. 325–326]. Источники говорят о репрессиях Пероза над армянской и кавказско-албанской знатью [Histoire..., 1864. P. 41; Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 39]. Иованнес Драсханакертци приписывает Перозу замысел погубить армянскую землю [Иованнес Драсханакертци, 1986. С. 76].

Не менее сложным было положение дел в Ивирии. В грузинских источниках мы читаем о царях Мцхеты, которые не раз пытались избавиться от верховной власти Сасанидов. Сын упомянутого выше Вараз-Бакура Фарсман IV перестал платить дань Сасанидам и обратился за помощью к римлянам, но умер после непродолжительного правления. Его преемник Мирдат IV вступил в открытую борьбу с персами, но проиграл решающее сражение при Гардабани, попал в плен и был увезён в Иран. Ивирия была занята сасанидскими войсками. Затем, однако, Сасаниды вскоре были отвлечены делами на востоке (см. ниже), и ивирская знать, воспользовавшись этим, возвела на престол сына Мирдата Арчила I. Он и его сын Мирдат V некоторое время враждовали с сасанидским наместником Кавказской Албании, который пребывал в Партаве[372] и приводил с собой также войска из Азербайджана и Мугана. В конце концов был установлен мир, скреплённый браком Мирдата с дочерью наместника Барзабода[373] – Сагдухт. От этого брака родился Вахтанг Горгасал, вступивший на престол после смерти Мирдата [Histoire…, 1849. P. 143–148; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 57–59].

Наш основной источник по правлению Вахтанга Горгасала – его жизнеописание, принадлежащее перу позднего историка Джуаншера Джуаншериани. Судя по нему, Вахтанг стремил-

---

[372] Это видно по некоторым фрагментам жизнеописания Вахтанга Горгасала. В Партав к своему отцу, т.е наместнику, Барзаботу ездила Сагдухт, жена Мирдата V и мать Вахтанга Горгасала (см. ниже). Тело сына Барзабода Вараз-Бакура, погибшего в походе персов и ивиров Вахтанга Горгасала против византийцев (об этом см. ниже), было перевезено в Партав [Histoire…, 1849. P. 148, 174; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 59–60, 78]. Об имени *Барзабод* см. следующее примечание.

[373] Это имя следует, кажется, читать как *Варз-буд*, «знаменитый».

ся к независимости и лавировал между Византией и Сасанидской державой. В начале его правления аланы вторглись в Ивирию через Дарьяльское ущелье. Они продвинулись до Кавказской Албании, после чего персы выпустили их через проход Чора. Вахтанг совместно с новым наместником Кавказской Албании Вараз-Бакуром предпринял поход против алан и нанёс им поражение. Вслед за этим Вахтанг женился на Балендухт, которую Джуаншер Джуаншериани считает дочерью сасанидского царя, получил в числе приданого старшинство над рядом местных правителей и принял участие в походе персов на византийские владения в восточном Причерноморье[374]. Вскоре после этого похода, однако, Вахтанг заключил сепаратный мир с Византией. Это, разумеется, разгневало персов, но, поскольку примерно тогда же умер Ездигерд II, и началась борьба за престол между Хормуздом и Перозом (об этом см. главу 2), поход на Ивирию был предпринят только три года спустя. С другой стороны в Ивирию вступили византийские войска. Их приближение заставило персов пойти на переговоры с Вахтангом. Был заключён мир, и Ивирия вернулась в сферу влияния Сасанидов. Согласно Джуаншеру Джуаншериани, Вахтанг принял участие

---

[374] По словам Джуаншера Джуаншериани, после этого похода был заключён мирный договор, по которому Вахтанг приобрёл занятые ранее византийцами земли и Кларджетию с крепостью Тухар, что в источнике помещается на пространстве от моря до Арсианских гор; кроме того, ему были обещаны земли от Эгрис-цкали (Ингури) до Клисури (возм. – р. Келасури). В свою очередь, Вахтанг признавал права Византии на оставшиеся земли Абхазии [Histoire…, 1849. P. 174–175; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 78]. Прокопий Кесарийский, писавший несколько десятилетий спустя, мог сказать, что месхи, жившие между Картли и Кларджетией, издавна подчинялись ивирам [Procopius, 1962. P. 70–71]. Со своей стороны, византийцы удерживали важнейшие города побережья. Описывая Закавказье своего времени, Прокопий сообщает, что прежде римляне контролировали всё восточное побережье Чёрного моря до пределов сагинов (их, видимо, следует отождествить с санигами, которые, согласно Арриану Никомедийскому (род. ок. 90–95 гг., ум. ок. 175 г.), граничили с абасгами (абхазами) у Севастополя [Geographi…, 1855. P. 379], т.е Сухума), но впоследствии гарнизоны остались только в Севастополе и Питиунте (Пицунда) [Procopius, 1962. P. 82–83]. К этим городам, разумеется, следует добавить расположенную южнее Петру.

в походе персов на Синд и Инд (судя по тому, что войска шли через Джорджанети, т.е. Гурган, имеется в виду одна из кампаний Пероза против кидаритов) [Histoire…, 1849. P. 143–189; Peters P., 1914. P. 308–317; Давид Багратиони, 1971. С. 82–84; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 60–88]. Кроме того, мусульманские авторы приписывают Перозу укрепление Аланских Ворот (Дарьяльского ущелья). Но Аланские Ворота открывали путь с Кавказа в Грузию. Вряд эти укрепления воздвигались без участия царя ивиров. Вероятно, их строил Вахтанг Горгасал как номинальный вассал Сасанидов.

Для V в. источники не раз упоминают о правителях области Гугарк, носивших титул *бидахш*-а (*бдеаших*-а). Если верить Мовсесу Хоренаци, род гугаркских *бдеаших*-ов происходил от одного из вельмож ахеменидского царя Дария III и управлял «северным краем» ещё со времён утверждения Аршакидов [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 64]. Долгое время правители Гугарка были в подчинении у царей Армении. Однако в IV в., когда Шапур II вёл борьбу за власть над Арменией, *бдеаших* Гугарка вместе с некоторыми другими вельможами перешёл на сторону Сасанидов, что подтвердил, лично явившись к царю. В приписываемой Фавстосу Бузанду истории, откуда мы узнаём об этом, сообщается далее, что в ходе борьбы род *бдеаших*-а был истреблён [История Армении…, 1953. С. 123, 164]. Но в V в. *бдеаших*-и Гугарка вновь появляются в источниках, причём действуют на стороне Сасанидов. Хорошо известен *бдеаших* Ашуша[375], который был христианином, благоволил к просветителю Месропу Маштоцу и, используя связи при сасанидском дворе, на семнадцатом году правления Ездигерда II, т.е. в 456–457 гг., добился выдачи ему детей брата Вардана Мамиконяна, чем спас их от гибели [Collection…, 1869. P. 318–319; Корюн, 1962. С. 108; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 203]. Его сын Варскен был женат на дочери Вардана Мамиконяна. Из «Мученичества Шушаники» мы узнаём, что Варскен тоже был *бидахш*-ем; резиденция его находилась, кажется, в городе Цуртави, который поздний, но хорошо информированный автор, Ухтанес Урхаеци (писал между 972 и 992 гг.)

---

[375] На печати Ашуши стоит титул «*бидахш* кархидских ивиров» (πιτιαξης ιβηρων καρχηδων) [Marquart J., 1901. S. 169; Herzfeld E., 1924. P. 78]. Очень похоже, что Кархида печати должна быть отождествлена с Гугарком.

называет столицей *бдеаших*-а Гугарка [Deux historiens…, 1870. P. 296]. В «Мученичестве» Варскен предстаёт верным подданным сасанидского царя. Он обратился в зороастризм, а затем два раза выезжал в область Чора для борьбы с гуннами [Памятники…, 1956. С. 17, 21–23]. Вероятно, Пероз оценил верность Варскена и благоволил ему, вследствие чего влияние *бидахш*-а в регионе возрастало.

В 482 г.[376] между Вахтангом Горгасалом и Варскеном начался конфликт, завершившийся гибелью последнего. Понимая, что это неминуемо повлечёт за собой конфликт с Сасанидской державой, Вахтанг призвал на помощь гуннов. Под влиянием известий из Ивирии против Сасанидов поднялась и армянская знать, предводителями которой стали Саак Багратуни и Вахан Мамиконян. На помощь им Вахтанг направил отряд из трёхсот гуннов. В следующем году Саак и Вахан разбили войско *марзбан*-а Персармении Адур-Гушнаспа; тот погиб в сражении. Вслед за этим против них был послан Михран (видимо – Шапур Михран). Он нанёс восставшим поражение на берегах Куры. Саак погиб, Вахан бежал. Михран преследовал его, но затем был отозван в Ктесифон. Персы ушли из Армении, что позволило Вахану провести зиму 483–484 гг. в Двине. В 484 г., однако, в Армению было направлено новое войско под командованием *хазарбад*-а Зармихра. К тому времени Вахан уже не располагал значительными силами: одни его сторонники погибли, другие разошлись по своим владениям. Вахану снова пришлось бежать. Зармихр преследовал его, но затем получил приказ идти на Вахтанга Горгасала. Персы овладели Ивирией; Вахтанг укрылся в области, называемой у Лазара Парбеци

[376] Эта датировка вытекает из текста Лазара Парбеци, который относит конфликт к двадцать пятому году правления Пероза [Collection…, 1869. P. 325–326]. Как показано во Введении, официально первым годом правления Пероза считался период с 4 августа 457 г. по 3 августа 458 г. Следовательно, двадцать пятый год правления Пероза – время с 29 июля 481 г. по 28 июля 482 г. [Parise F., 2002. P. 100]. После этого, если следовать тексту Лазаря Парбского, прошло две зимы, и Пероз двинулся в поход на эфталитов, закончившийся его гибелью [Collection…, 1869. P. 333, 341, 343, 344]. Поскольку, как мы видели, этот поход состоялся в августе 484 г., речь должна идти о зимах 482–483 и 483–484 гг. Значит, выступление Вахтанга Горгасала началось в 482 г.

Экер[377]. Одновременно Шапур Михран, сменивший Зармихра в Армении, преследовал Вахана Мамиконяна. Но вскоре погиб Пероз, и персидские вельможи направились в Ктесифон для избрания нового царя. Возведённый на престол Валаш нуждался в помощи армянской знати против Зарира и повёл переговоры с Ваханом. После победы над Зариром Валаш назначил Вахана командующим войсками Армении, а впоследствии – *марзбан*ом. Вахан управлял Арменией довольно долго[378], и, кажется, армянская знать обрела тогда некоторую автономию [Всеобщая история…, 1861. С. 71–72; Collection…, 1869. P. 325–365]. Свою власть сохранил и Вахтанг Горгасал; его отношения с Сасанидами в последующие времена разбираются далее.

К западу от Ивирии находились земли лазов. Их отношения с Римом, а позднее с Византией были неоднозначны. Это хорошо видно по известиям Приска. В правление императора Маркиана (450–457) царь лазов Губаз вступил в конфликт с Византией и пытался найти защиту у персидского царя, но тот, будучи занят войной с кидаритами, отказал ему. По настоянию византийцев Губаз отрёкся от престола в пользу сына, но в правление императора Льва I (457–474), после пожара в Константинополе (464 г.), мы вновь видим в столице Восточной Римской империи некоего царя Губаза, который с одной стороны носил персидское платье и намекал на хорошие отношения с Сасанидами, а с другой стороны – представлял себя христианином [Dexippi…, 1829. P. 155–156, 160, 217]. У нас мало сведений о лазах, но, если судить по этим известиям, их цари лавировали между ромеями и персами, стремясь сохранить независимость.

Конфликт Сасанидской державы с Византией 491 г. оказал влияние и на развитие событий в Закавказье. Твёрдая позиция Византии воодушевила часть армянской знати, стремившуюся избавиться от персидского влияния. Эти вельможи разорили

---

[377] Экер, по всей видимости, тождествен с Егером Анании Ширакаци, т.е. с Колхидой, которая, согласно этому автору, включала в себя, в частности, Лазику и Мингрелию [Армянская география…, 1877. С. 38–39].

[378] Тридцать лет – по Степаносу Таронеци [Всеобщая история…. 1864. С. 55], двадцать лет или тридцать один год – согласно истории Вардана Великого [Всеобщая история…, 1861. С. 72–73].

несколько святилищ огня и перебили их служителей. В ответ Кавад направил в Армению войска. Мы знаем об этих событиях только от Иисуса Столпника [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 17], в армянских источниках они не упоминаются. Из этого можно заключить, что восстание было локальным, и Каваду вскоре удалось восстановить свою власть над Арменией.

С этими событиями следует, кажется, связывать и войну в Ивирии, датируемую примерно 491 г.[379] По словам Джуаншера Джуаншериани персидский царь призвал Вахтанга Горгасала в поход против ромеев, но тот отказался. В ответ персы вторглись в Ивирию. В сражении с силами Вахтанга Горгасала погиб некий Бартам (Вахрам или Партав), которого Джуаншер Джуаншериани называет сыном персидского царя. Но и Вахтанг Горгасал получил смертельное ранение. Персы разорили отстроенный Вахтангом Тифлис и окрестности Мцхеты. Одновременно в Ивирию вступили византийские войска. Хотя, судя по повествованию Джуаншера, они не смогли ни разгромить персов, ни соединиться с силами Вахтанга, недооценивать их роль было бы неправильно: они, несомненно, оттянули на себя значительную часть сил персов. В итоге сасанидские полководцы не стали преследовать Вахтанга, который сохранил власть и вскоре передал её сыну – Дачи [Histoire…, 1849. P. 197–200; Давид Багратиони, 1971. С. 86; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 92–94].

---

[379] Джуаншер Джуаншериани повествует, что во время похода персов против Вахтанга Горгасала умер византийский император, и на престол вступил его преемник Зенон [Histoire…, 1849. P. 198–199; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 93]. Но тогда Вахтанг Горгасал не мог получить смертельную рану в рассматриваемом походе, так как воевал с персами и в 482 г., тогда как Зенон стал императором в 474 г. Вернее связывать эту войну с датой смерти Зенона (9 апреля 491 г.). С другой стороны, в сирийском житии Григория повествуется о том, что ромеи вторглись в земли Грузии и Кавказской Албании и нанесли поражение персам, которыми командовал наместник (видимо, *пайгосбан*) севера Пиран-Гушнасп (в крещении – Григорий). Война завершилась установлением мира, а затем, в «сороковом году» (видимо – действия мирного договора) к власти пришёл Хосров I [Histoire…, 1896. P. 359–360]. Речь, следовательно, идёт о событиях 491 или 492 гг.

Таким образом, ни Византия, ни Сасанидская держава не добилась решающей победы. Был заключён мир, условия которого нам неизвестны. Из дальнейших событий видно, что Ивирия осталась под властью Сасанидов. Вскоре персы установили контроль над Дарьяльским ущельем (см. ниже), что предполагало также власть над Ивирией. Следует отметить, что через несколько десятилетий Ивирией правил некий Гурген (см. главу 1 части II), который не упоминается в грузинских источниках. Видимо, после гибели Вахтанга Горгасала Сасаниды предпочитали опираться на своих ставленников из какого-то местного рода.

После того, как Кавад с помощью эфталитов вернулся к власти (сентябрь 501 г.), ситуация 491 г. практически повторилась. Когда стал приближаться срок выплаты дани эфталитам, Кавад потребовал денег у императора Анастасия (491–518), но тот увязал предоставление средств с заключением нового мирного договора [Theophanis…, 1839. P. 222; Procopius, 1914. P. 48-49]. Посчитав это неприемлемым, Кавад начал войну. Его войско, усиленное отрядами гуннов, эфталитов, армян и лахмидских арабов, вторглось в византийские владения в Армении. После нескольких дней осады Каваду был сдал Феодосиополь (Карин, Эрзурум). Оставив там гарнизон, Кавад повернул с войском на юг и достиг Мартирополя[380]. Правитель Софанены Феодор сдал ему город без боя. Кавад сохранил за ним прежнюю власть и назначил *марзбан*-ом[381]. Затем Кавад подступил к Амиде, бывшей, как мы видели, одним из главных оплотов византийцев в верхнем течении Евфрата. Согласно наиболее детальной хронологии этих событий, которую даёт Иисус Столпник, персы достигли Амиды пятого октября 502 г. Анастасий направил к Каваду посла, велев передать царю золото, если тот ещё не вступил в византийские пределы. Но, поскольку Кавад к тому времени уже разорил некоторые владения ромеев, посол оставил золото в Кесарии (Кайсери) и предложил царю передать его позднее, в обмен на возвращение в Персию. Кавад приказал взять посла под стражу и продолжил осаду

---

[380] Майферкат, совр. Сильван.

[381] Так, очевидно, следует интерпретировать сообщение Прокопия Кесарийского о том, что Феодору были пожалованы знаки власти как охраняющему страну персов [Procopius, 1838. P. 249].

Амиды. Одновременно лахмидские арабы продвинулись далее на запад и стали разорять область Карр.

В ноябре Кавад отразил попытку византийцев отогнать его от Амиды, а десятого января 503 г. наконец взял город и торжественно въехал в него верхом на слоне. В Амиде царь провёл остаток зимы, а затем ушёл, оставив в городе наместника, двух *марзбан*-ов и трёхтысячный гарнизон. В апреле Кавад в очередной раз потребовал от Анастасия денег, но император вновь отказал, а в мае 503 г. против персов было направлено войско под командованием Ареовинда, в котором были также гассанидские арабы. Одержав победу над войсками Кавада, Ареовинд заставил его на некоторое время отступить и уйти из Нисибина, где находилась походная ставка царя. В июле, однако, Кавад с новым войском двинулся на Ареовинда. Из-за разногласий между византийскими командующими Ареовинд смог соединиться с войсками, стоявшими под Амидой. Проиграв сражение, он отступил в Константину (Теллу), а оттуда в Эдессу. Это, однако, не привело к перелому в войне. Византийцы продолжали осаждать Амиду. Сасанидский наместник Глон, совершая вылазку, погиб в устроенной ими засаде.

В августе 503 г. Кавад предпринял новое вторжение в византийские пределы. Он подступил к Константине (Телле), но, убедившись, что город взять не удастся, направился к Эдессе. Шестого сентября 503 г. передовые отряды персов начали разорять монастыри в окрестностях Эдессы. Почти одновременно с этим, девятого сентября, Кавад начал переговоры с Ареовиндом, обещая уйти, если получит выкуп – десять тысяч либр (ок. 327 кг.) золота. Ареовинд, однако, был согласен уплатить лишь семь тысяч, и война продолжилась. Однако дела персов складывались не лучшим образом. Войско, посланное против Карр, не добилось успеха; в одной из стычек в плен попал предводитель отряда гуннов, которого горожане вскоре отпустили, опасаясь крупномасштабного похода персов. Кавад вновь начал переговоры, однако они опять сорвались из-за его финансовых притязаний. Двадцать четвёртого сентября персы осадили Эдессу, но город выстоял и на этот раз. Единственным заметным успехом Кавада стало то, что персы без боя овладели Батной, однако стратегически этот город не представлял большой важности, так как его укрепления были частично разрушены.

Вскоре Анастасий предпринял контрнаступление. На восток было направлено войско под командованием Келлора. Кавад двинулся ему навстречу, поднялся по Евфрату и подступил к Каллинику. После нескольких стычек город был сдан Каваду. С приходом зимы боевые действия приостановились, однако в марте 504 г. один персидский отряд напал на Ресайну. Это вторжение было с успехом отражено византийскими войсками.

С этого времени инициативой полностью владели византийцы. Источники сообщают, хотя и по-разному, о значительных проблемах, с которыми тогда столкнулись персы – новой войне с гуннами (Прокопий Кесарийский), эпидемией и мятежом кадусиев[382] и некоторых других народов (Феофан). Обра-

---

[382] Кадусии, судя по всему, не тождественны с кадисиями, которым Кавад разрешил переселиться в район Нисибина. В отличие от кадисиев, сведения о которых весьма скудны, кадусии хорошо известны античным авторам. О них говорит уже Помпоний Мела (писал ок. 43 г., ум. ок. 45 г.), по словам которого они жили у Каспийского моря [Macrobe..., 1883. P. 603]. Из более поздних источников для нас наиболее важны свидетельства Плиния Старшего и Клавдия Птолемея. Первый из них сообщает, что кадусиями греки именуют гелов [C. Plinii…, 1906. P. 449], народа, от названия которого произошло современное *Гилян*. Согласно Птолемею, кадусии жили в приморских районах до Гиркании (Гурган); в их области находился, в частности, Харакс [Claudii Ptolemaei…, 1845. P. 84–86]. Дионисий Византийский (писал в конце II в) сообщает, что кадусии обитают в скалистых районах около Каспийского моря [Geographi…, 1861. P. 149]. Согласно Аммиану Марцеллину, кадусии жили за северными пределами Персии, где находились Каспийские Ворота [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 356–357]. Это последнее название заслуживает отдельного комментария. Под Каспийскими Воротами в византийских источниках понимается то Дербентский проход, то Дарьяльское ущелье, однако в этом следует видеть распространённую ошибку. Уже Плиний Старший отмечал, что Кавказские Ворота ошибочно именуют Каспийскими [C. Plinii…, 1906. P. 441]. Для локализации Каспийских Ворот наиболее важны следующие известия. Арриан Никомедийский сообщает, что Каспийские Ворота находились в одном дне пути от города Раги, т.е. Рея. Этот один день пути не может означать большое расстояние, так как Арриан там же рассказывает, что Александр Македонский с уставшим войском пришёл от Экбатан (Хамадана) к Рагам на одиннадцатый день марша [Arriani…, 1846. P. 79]. Это подтверждает и Страбон, который, со слов одного из своих

щает на себя внимание то, что Кавад более не участвовал лично в боевых действиях. Тем временем, в июле 504 г. войско Ареовинда вторглось в персидские владения в Армении. Проходя на обратном пути около Нисибина, византийцы разбили вышедшие им навстречу сасанидские войска. Осенью того же года византийские войска ещё глубже вторглись во владения Сасанидов, совершив поход за Тигр. Кавад начал мирные переговоры и отправил к византийцам всех знатных людей, взятых в плен в Амиде. Тем временем персидский гарнизон в Амиде, блокированный византийскими силами, жестоко страдал от голода, и в конце 504 г. сын Глона, сменивший отца, сдал город.

Переговоры завершились заключением мира. Судя по рассказу Иисуса Столпника, это произошло в 818 году Александра

источников, сообщает, что расстояние между Каспийскими Воротами и Реем составляет пятьсот стадий [The Geography…, 1928. P. 272–273], т.е. меньше десяти километров. В то же время, по сообщению Исидора Харакского (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) через Каспийские ворота пролегал путь от Рея и Харакса в сторону областей Хоарены и Комисены [Parthian Stations…, 1914. P. 6–7]. В этом пути без труда угадывается описываемый у мусульманских географов путь из Рея в Хорасан через Хувар (Хоарену) и Кумис (Комисену) [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 22–23; Viae…, 1927. P. 215–216]. Возможно, это тот самый «путь паломников» (*rāh-i-ḥuǧǧāǧ*) из Рея в Хорасан через Кумис, о котором упоминается в «Пределах мира» [Худуд…, 1961/1962. С. 146]. Название *Кумис* означало область, в которой располагались, в частности, Дамган и Семнан [Descriptio…, 1906. P. 354; Viae…, 1927. P. 210–211]. Всё это наводит на мысль о том, что путь, о котором идёт речь, приблизительно соответствует современной автодороге, идущей от Тегерана и Рея через Семнан и Дамган к Шахруду и далее в Хорасан. Вблизи неё и теперь есть остатки караван-сараев. Если так, Каспийские Ворота должны были находиться немного юго-восточнее Рея, возможно, в районе современного Пакдашта. Таким образом, кадусии жили главным образом в областях, примыкавших к южному побережью Каспия, т.е. в местах, которые в мусульманское время назывались Дейлемом. Интересно, что по словам Страбона, кадусии сражаются пешими и прекрасно владеют дротиками [The Geography…, 1928. P. 306–307]. В описании войны в Закавказье у Прокопия Кесарийского (см. главу 3 части II) дейлемиты составляли отдельный контингент на службе Хосрова; вооружение каждого из них состояло из меча, щита и трёх дротиков [Procopius, 1962. P. 192–193].

Македонского, т.е. не ранее осени 506 г. В хронике, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому, стоит более ранняя дата – 817 г. Предпочесть одну из этих дат трудно: первая подкрепляется высоким авторитетом труда Иисуса Столпника как исторического источника, вторая лучше соответствует контексту, так как в этом случае не следует искать объяснения тому, почему переговоры длились столь долго. Договор был заключён на семь лет. Ни одна из сторон не получила территориальных приобретений. Византийцы сохранили за собой Амиду. Стороны обменялись пленными и заложниками. Единственными приобретениями Кавада стали одиннадцать кентинариев (ок. 360 кг.) золота, полученные от Келлора в качестве компенсации за Амиду, и тридцать талантов выкупа за заложников[383].

В числе итогов войны Иоанн Лидийский называет то, что персы получили как компенсацию своих расходов и благодеяние со стороны Анастасия крепость «Стража Грузии» [Ioannes Lydus, 1837. P. 246], закрывавшую проход через Дарьяльское ущелье. Эти сведения не встречаются ни в каком другом источнике и могут, кажется, быть объяснены только в связи с известием Прокопия Кесарийского о том, что приблизительно в то же время предводитель гуннов, именуемый Амбазук[384] захватил Каспийские Ворота и предложил за выкуп сдать их Анастасию, но тот отказался. Вскоре Амбазук умер, и тогда Кавад вытеснил его сыновей из района Каспийских Ворот [Procopius, 1914. P. 78–81]. Из того, как Прокопий описывает Каспийские ворота, видно, что он имеет в виду именно Дарьяльское ущелье[385]. Бла-

---

[383] История этой войны восстановлена по ряду источников [Procopius, 1838. P. 248–249; Theophanis…, 1839. P. 222–229; MGH, 1894. P. 96; Chronique..., 1899. P. 156–162; Chronica..., 1903. P. 9; Chronica..., 1904. P. 219–220; Procopius, 1914. P. 50–77; Historia…, 1921. P. 22–34; Incerti auctoris…, 1933. P. 4–6; Wright W., 1968. Сир. текст, с. 44–90]. Помимо них известия о походах Кавада содержат многие другие средневековые произведения. Мы указываем здесь лишь наиболее обстоятельные описания.

[384] Слово *амбазук* на среднеперсидском языке должно означать «имеющий равное плечо (с кем-либо)» (*hambāzūg*). Видимо, так этого вождя называли персы.

[385] В представлениях Прокопия Каспийские Ворота не тождественны с Чором; через них гунны вторгаются в земли персов и ромеев, проходя

годеяние Анастасия, очевидно, состояло в том, что он предоставил Каваду полную свободу действий и не пришёл на помощь сыновьям Амбазука, бывшего, согласно Прокопию Кесарийскому, его другом.

С этого времени на западном направлении надолго устанавливается относительное спокойствие. Около двух десятилетий мы не видим крупных военных конфликтов. Из источников мы узнаём лишь, что Кавад пытался помешать начатому Анастасием строительству крепости Дара, но сначала не смог ничего сделать из-за войны с гуннами, а затем удовлетворился дарами императора и его заверениями в дружбе [Procopius, 1914. P. 80–83]. В другом источнике мы читаем, что Кавад продолжал требовать от Анастасия средств на борьбу с гуннами и в подкрепление своих притязаний посылал против Византии подчинённых ему арабов [Historia…, 1921. P. 77]. Дело, однако, сводилось к локальным стычкам, которые не могли привести к территориальным изменениям.

Масштабный конфликт мог произойти в 521–522 гг.[386] Но и он возник скорее в силу обстоятельств, помимо воли держав. Правитель лазов Цаф[387] был союзником Кавада, намеревался согласовать с ним назначение наследника и держался персидских обычаев. Затем, однако, он явился в Константинополь к императору Юстину I (518–527), крестился, получил инвеституру на правление и женился на дочери одного из византийских вельмож. Поскольку это означало переход Лазики в сферу влияния Византии, Кавад направил Юстину протест, но ничего не добился. Тогда Кавад начал готовить поход против Византии, призвав на помощь правителя гуннов, именуемого в источниках

границы ивиров [Procopius, 1914. P. 78–79; Procopius, 1962. P. 74–75]. Это описание лучше всего проходит к Дарьяльскому ущелью.

[386] Дата этого события даётся только в «Пасхальном хрониконе» и у Феофана Исповедника. Однако, явные противоречия в хронологических расчётах последнего, рассмотренные в прим. 390, оставляют лишь возможность опираться на данные «Пасхального хроникона». В этом источнике рассматриваемые события отнесены к пятнадцатому году индикта, что должно соответствовать времени с 1 сентября 521 г. по 31 августа 522 г.

[387] Ζτάθιος Иоанна Малалы, Τζάθιος «Пасхального хроникона».

Силгиби (Ζιλγιβί) или Силгби (Ζίλγβι)[388]. Однако Юстин отправил Каваду письмо с предупреждением о готовившейся измене гуннов. Почувствовав опасность, Кавад расправился с гуннами; их правитель погиб. Поход Кавада закончился, не начавшись [Ioannis Malalae…, 1831. P. 412–415; Chronicon…, 1832. P. 613–616; Theophanis…, 1839. P. 257–260].

Конфликт с Византией вскоре сошёл на нет. Видимо, Кавад не был заинтересован в его продолжении, так как рассчитывал, что Юстин согласится стать опекуном Хосрова (см. главу 1 части II). Переговоры о мире и установлении опекунства велись параллельно, причём из источников можно понять, что для персов было крайне нежелательно поднимать вопрос о Лазике[389]. Хотя Юстин отказался от опекунства, мирный договор всё же был заключён[390].

Во всех рассмотренных выше эпизодах появляются гунны, что заставляет вновь уделить им внимание. Как и прежде, их вторжения представляли собой немалую угрозу. Как показано выше, вторжение гуннов в 504 г. о котором говорит Прокопий Кесарийский [Procopius, 1914. P. 66–67], отвлекло Кавада от войны с Византией[391]. О другом, более позднем столкновении

---

[388] Очевидно, за этой формой скрывается тюркский титул, который в источниках на арабском языке фигурирует как *синджибу*.

[389] Представитель персов Сиявуш (Зармихр), однако, настаивал на том, что Лазика должна отойти персам. Впоследствии, когда Сиявуш подвергся нападкам со стороны знати, его обвиняли, помимо прочего, в том, что он специально поднял вопрос о Лазике, чтобы сорвать заключение мирного договора [Procopius, 1914. P. 92–93].

[390] Об этом упоминает только Георгий Кедрин [Georgius Cedrenus, 1838. P. 638]. Правда, он датирует заключение мира третьим, а конфликт из-за Лазики – пятым годом правления Юстина, но это объясняется влиянием его главного источника по данному периоду, труда Феофана Исповедника, в котором расправа Кавада над гуннами помещается под 6012 годом от сотворения мира (1 сентября 519 г. – 31 августа 520 г.), а конфликт из-за Лазики – под 6015 годом (1 сентября 522 г. – 31 августа 523 г.) [Theophanis…, 1839. P. 257, 259–260]. Такая последовательность событий очевидно неверна, но сомневаться в правильности сообщения Кедрина о заключении мира нет оснований.

[391] Сведения Прокопия Кесарийского подтверждаются приводимым у Иакова Эдесского и Михаила Сирийского рассказом о том, что на третьем году второго правления Кавада, т.е. в 503–504 гг., однажды ночью на западе показались огни, подобные свечам; сразу после этого

сообщает Самвел Анеци, согласно которому в 527–529 гг. вторгшиеся гунны были разбиты силами Мжежа Гнуни [Collection..., 1876. P. 391]. Для определения даты этого события необходимо учесть, что хронология Самвела несколько смещена; например, второе правление Кавада начинается в ней в 519 г. [Collection..., 1876. P. 389]. Если ориентироваться на этот интервал приблизительно в восемнадцать лет, вторжение гуннов должно было произойти приблизительно в 509–511 гг.[392]

В мусульманской литературе обнаруживаются два рассказа о вторжениях хазар (читай: гуннов) при Каваде; по одному они дошли до Хамадана и Мосула [Yāqūt..., 1957. T. I, P. 304; Ал-Махасин…, 1999. С. 98], по другому – до Динавара. Эта последняя версия заслуживает особого внимания, так как содержит подробное описание ответных действиях Кавада. Царь послал против «хазар» двенадцатитысячное войско. Оно восстановило порядок в Кавказской Албании, а затем, видимо, идя следом за отступавшим противником, заняло земли от реки Аракс до Ширвана. Затем Кавад лично прибыл в Кавказскую Албанию и отстроил Бардаа (Партав, Барда) и Байлакан[393] [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 319].

Эти сведения подтверждаются другими источниками. Согласно рассказу о сасанидских крепостях на Кавказе, который встречается у ряда авторов, Кавад построил Байлакан, Партав и Кабалу [Liber…, 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 287; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 123; Al-Idrīsī, 1977.

явились гунны и стали воевать с персами [Chronique…, 1901. P. 110; Chronica..., 1907. Сир. текст, с. 315].

[392] При отражении этого нападения Мжеж Гнуни, очевидно, действовал в качестве полководца, так как его наместничество пришлось на более позднее время. Может быть, это известие как-то связано с вторжением гуннов, о котором сообщают Феофан Исповедник и Георгий Кедрин. Согласно их известиям, гунны прошли через Каспийские Ворота и вторглись в Армению, а далее ушли в Каппадокию. Феофан относит это событие к 6008 г. от сотворения мира (1 сентября 515 – 31 августа 516), Кедрин – двадцать пятым годом правления Анастасия (апрель 515 – апрель 516) [Georgius Cedrenus, 1838. P. 633; Theophanis…, 1839. P. 249].

[393] Обычно идентифицируется с Орен-кале около селения Кабирлы в Азербайджане, недалеко от нынешнего Бейлекана.

P. 828]. Якут писал, что первым, кто обновил Байлакан, был Кавад [Yāqūt…, 1957. T. I, P. 533].

Названные постройки находятся к югу от Дербента[394]. В этой связи интересно, что рассказ Ибн ал-Асира далее гласит: хазары остались (*baqiya al-ḫazar*) [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 319]. На основании этого можно предположить, что гунны,

---

[394] В рассказе о постройках Сасанидов на Кавказе встречается утверждение, что Кавад создал границу, именуемую в арабских текстах سدّ اللبن [Liber…, 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 287; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 123; Al-Idrīsī, 1977. P. 828]. То, что данная форма встречается в большинстве источников, причём в относительно ранних, как трактаты Ибн Хордадбеха и ал-Балазури, заставляет предпочесть её سدّ الان у Ибн ал-Асира [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 319]. Близкая графическая форма الپن (*Al.p.n*) обнаруживается в переводе *Дарбанд-намэ* у М. Клапрота, где крепость с таким названием предстаёт как один из важнейших опорных пунктов, созданных Кавадом и Хосровом в районе Дербента [Derbend-Nâmeh…, 1851. P. 11]. Селение Алпан существует и в наши дни (северо-западнее Кубы в Азербайджане), однако для точной идентификации необходимо провести подробный анализ различных вариантов источника. Согласно переводу М. Клапрота, крепость, о которой идёт речь, воздвиг Исфандияр (Спандияд. – *Д.М.*). В тексте, лёгшем в основу русского перевода *Дарбанд-намэ*, Исфандияр построил «стену алан» и довёл её до моря [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 18], но едва ли такое название могло появиться в районе Дербента. А. К. Бакиханов, ссылаясь на *Дарбанд-намэ*, писал, что Исфандияр построил Алгонскую стену, которую затем восстановил Хосров. По словам А. К. Бакиханова, в его время были ещё видны остатки этой стены; она начиналась у моря, позади селения Алханлу (Алгонлу) и тянулась, в основном вдоль реки Гильгичай, к Бабадагу [Бакиханов А. К., 1926. С. 10]. Эта идентификация весьма интересна, так как открывает возможность следующей графической конъектуры. Среднеперсидское سلگ можно читать и как *Algōn*, и как *Alīn*; в первом случае получается форма, которую даёт А. К. Бакиханов, во втором – арабское الين, что очень близко к اللبن. Возможно, впрочем, что правильно чтение سدّ اللكز (*Sadd al-Lakz*, букв. – «лезгинская граница»). Из рассказов мусульманских авторов можно можно заключить, что земли *al-lakz* находились между Маскатом и рекой Самур [Liber..., 1863. P. 208; Ibn Wādhih..., 1969. Pars. II, P. 381]. Согласно ал-Масуди, *al-lakz* были опорой ширванского царства [Maçoudi, 1863. P. 5]. Эта идентификация вполне соответствует историческому контексту; вероятно, Кавад стремился закрыть путь от Ворот Чора на юг.

прорвавшись на юг по Дербентскому проходу, продолжали затем контролировать его и оставались во владениях Сасанидов. Чтобы не пустить их дальше, Кавад укреплял границы Кавказской Албании и Азербайджана.

В источниках мы находим и известия о том, что Кавад строил севернее, в районе Дербента. Ибн ал-Факих приписывает Каваду постройку Дербента [Compendium…, 1885. P. 286]. Мусульманский автор Ибн ал-Азрак, посетивший те места в 1154 г., рассказывает, что, по словам местных жителей, Дербент был изначально построен Кавадом [Minorsky V., 1958. P. 170]. В *Дарбанд-намэ* сообщается, что Кавад сначала в течение года восстановил укрепления, построенные Александром Македонским, а затем за семь месяцев воздвиг с южной стороны от проходов новую стену [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 17–18]. Видимо, на каком-то этапе Кавад вытеснил гуннов из сасанидских владений и продвинул границу на север, к Дербенту. На это косвенно указывает следующее наблюдение. По словам мусульманских авторов, на سدّ اللبن Кавад воздвиг триста шестьдесят крепостей[395], которые были разрушены после построения Дербента [Liber…, 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 287–288]. Разрушение прежних укреплений можно объяснить только тем, что взятые из них материалы использовались для строительства новой оборонительной линии. Далее, в обеих предложенных ниже гипотезах об идентификации سدّ اللبن эта граница помещается к югу от Дербента. Тем самым, вопрос о защите южного рубежа потерял свою актуальность, граница сдвинулась на север.

В дальнейших событиях непосредственное участие принял Хосров, тогда ещё не вступивший на престол. Они будут рассмотрены в главе 1 части II.

– Юго-западное направление

На этом направлении Сасаниды столкнулись с арабами. Те к тому времени уже давно закрепились по течению Евфрата, о чём сообщается и в рассказах античных авторов, и в арабских легендах. Знаменитый географ Страбон (род. ок. 64/63 г. до н.э., ум. ок. 24 г. н.э.) повествует об арабах-скинитах (т.е. обитаю-

[395] Так у Ибн ал-Факиха (*qaṣr*). Видимо, это правильнее, чем версия ал-Балазури – города (*madīna*).

щих в палатках), живших в его времена в южной, наиболее удалённой от гор, части Месопотамии. Эти сведения, видимо, относятся к различным племенам. По словам Страбона, одни из них сопровождали караваны до города Скины. Об этом городе сообщается, что он расположен на канале, в двадцати пяти днях караванного пути от переправы через Евфрат (со стороны Эдессы и Гиераполя (Манбидж)) и в восемнадцати схенах (90 км.) от Селевкии [The Geography…, 1930. P. 230–235]. Однако, название «Скины» в других источниках не обнаруживается. Поскольку оно буквально означает «палатки», можно представить себе, что речь идёт о каком-то большом поселении арабов, расположенном, судя по расстояниям и расположению вблизи канала, недалеко от Мисихи (Пероз-Шапура). Очень похожие сведения сообщает в «Естественной истории» Плиний Старший, по словам которого правый (т.е. западный) берег Евфрата в районе его слияния с Тигром занимали арабы, а левый – халдеи [C. Plini…, 1906. P. 490].

В арабских легендах речь идёт главным образом о более поздних переселениях танухитов (ар. *tanūḫ*), которые, покинув Йемен, через Бахрейн переселились в Ирак и с согласия одного из «удельных правителей» досасанидской эпохи осели в Хире[396]. Если верить легендам, танухиты создали государство, которое достигло наибольшего могущества при царе Джазиме (или, по другому чтению, Джузайме) и распространило свою власть на ряд областей в среднем течении Евфрата, от Хиры до Хита [Hamzae…, 1844. P. 64–65; Das Leben…, 1859. P. 9–12; Annales…, 1964. Ser. I, P. 744–761; Ibn Wādhih..., 1969. Pars 1, P. 236–237].

Подчиняя себе владения парфян и удельных правителей, Сасаниды вышли к землям арабов. История их противостояния до конца не ясна. Согласно традиции ат-Табари, жители Хиры признали верховную власть Ардашира I [Annales…, 1964. Ser. I, P. 822]. В переводе Балами обнаруживается отсутствующий в оригинале фрагмент, согласно которому Ардашир оставил ара-

---

[396] Клавдий Птолемей помещает *фануит*-ов (Θανουῖται), в которых легко угадываются танухиты, на юг, к *катанит*-ам, т.е. кахтанитам, южным арабам [Claudii Ptolemaei…, 1845. P. 103], а не на Бахрейн. Следовательно, во времена Птолемея, т.е., по крайней мере, в первой половине II в. миграции танухитов ещё не начались.

бам лишь Хиру и пустынные местности, взяв себе Ирак, Савад, Месопотамию и Мосул [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 885). По другим источникам, наступление на арабов возглавил Шапур I [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 155; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 24]. В среднеперсидском тексте «Города Ирана» сообщается, что Шапур I построил Хиру и назначил туда[397] *марзбан*-а по имени Михрзад [Nyberg H. S., 1964. Ser. I, P. 115]. Возможны, таким образом, два варианта развития событий: либо они произошли в царствование Ардашира I, а Шапур действовал как полководец отца, либо же правители Хиры, заключив с Ардаширом тяжёлый договор, попытались освободиться после его смерти, но вновь потерпели поражение.

Завоевания Сасанидов привели к миграциям арабов. Одни, не желая оставаться под властью Сасанидов, уходили в Хатру [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 155; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 24], а то и ещё дальше – в Сирию [Annales…, 1964. Ser. I, P. 821]. Другие, наоборот, осели в Хире и возле неё. В итоге, согласно источникам, среди арабов рассматриваемых областей сложились три группы: «слуги» (*ʻibād*) – подчинённые сасанидским царям[398] жители Хиры, «союзники» (*aḥlāf*), т.е. при-

---

[397] Если буквально следовать источнику, Михрзад был *марзбан*-ом Хиры, которого Шапур I назначил в *вар* арабов (*war-i-tāzīgān*). В среднеперсидском языке слово *вар* означало ограду или, что более подходит к данному случаю, обнесённое ей поселение. Х. С. Нюберг определяет *war* как *enclosure*, *defences*, *fortress* [Nyberg H. S., 1974. P. 203]. Это *war*, по всей вероятности, восходит к авестийскому *wara*, также в значении «постоянное, обнесённое оградой поселение» [The Zend-Avesta, 1880. P. 16–21]. В этом отношении *war* близко по значению слову «Хира», которое происходит от сирийского *ḫīrṯā* в значении «лагерь». Представляется, что Хира представляла собой постоянное поселение, возможно, с какой-то оградой, и называлась *ḫīrṯā* по-сирийски и *war* на среднеперсидском языке.

[398] Арабское *ʻibād* представляет собой, видимо, кальку с персидского *bandagān*, т.е. слуги (царя). Мусульманский географ ал-Бакри (ум. в 1094 г.) писал, ссылаясь на знатока арабских родословных Ибн Дурайда (837/8–933/4), что *ʻibād* были названы так потому, что подчинялись царям персов. В том же фрагменте ал-Бакри ссылается и на ат-Табари, сообщая, что, по мнению последнего, *ʻibād* было синонимом *muṭīʻūn* (подчиняющиеся, покорные) [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 25]. Можно возразить, что в сохранившихся трудах Ибн Дурайда сообщается совсем иное: название *ʻibād* («рабы

мкнувшие к ним арабы из разных племён и родов, и танухиты, которые продолжали кочевать между Хирой и Пероз-Шапуром [Hamzae…, 1844. P. 98; Annales…, 1964. Ser. I, P. 821].

Мы не можем сказать, сколько правили в Хире персидские *марзбан*-ы[399]. Между тем, во второй половине III в. арабские вожди вновь появляются в источниках. На рельефе Варахрана I в Бишапуре изображены арабы (их легко узнать по стоящим рядом верблюдам), вождь которых воздаёт царю почести [Herzfeld E., 1934. P. 83]. Весьма правдоподобным выглядит отождествление этих людей с правителями арабской династии Лахмидов, которые, согласно нарративным источникам, властвовали над Хирой до начала исламской эпохи и возводили свою родословную к сыну сестры Джазимы. Судя по всему, на определённом этапе Сасаниды поставили над арабами местную династию, хотя и далее мы видим в Хире военное присутствие персов.

Очертить географические границы владений Лахмидов сложно. Их власть над независимыми арабскими племенами, которые могли в любое время сняться со стоянок и откочевать в другие места, вряд ли была прочной. В источниках сохранились

[Божьи]») приняли арабы-христиане Хиры, не желавшие именоваться *ʻabīd*, т.е. слугами [Китаб джамхарат…, 1987. С. 299; Ал-Иштикак…, 1991. С. 11]. Но это неприменимо к эпохе Ардашира: едва ли тогда христианское вероучение было распространено среди арабов тех мест (таких сведений в источниках нет). Остаётся лишь предполагать, что ал-Бакри пользовался каким-то не дошедшим до нас трудом Ибн Дурайда. В то же время интерпретация ал-Бакри представляется правильной хотя бы в части сообщения ат-Табари, который сообщает о *ʻibād* лишь то, что они подчинились Ардаширу [Annales…, 1964. Ser. I, P. 822].

[399] Анализ хронологий правителей Хиры, которые обнаруживаются в ряде источников, не вносит ясности в изучение данной проблемы. Так, список правителей Хиры, составленный Хишамом ал-Кальби, в этой части явно фантастичен: Амру Ибн Ади отводится 118 лет правления, Имру-л-Кайсу I – 114 лет [Hamzae…, 1844. P. 98–100; Annales…, 1964. Ser. I, P. 770, 822, 834]. Такие оценки кажутся результатом выкладок самого ал-Кальби, который явно стремился совместить хронологии правления Лахмидов и Сасанидов. Хронологии в других источниках дают более реалистичные сроки, измеряемые десятилетиями, но слишком различаются между собой, чтобы стать основой для каких-либо выводов [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 238; Kitâb al-Mâʻarif..., 1960. P. 646].

воспоминания о том, что танухиты Айн-Тамра не только не подчинялись царям Хиры, но и воевали с ними; впоследствии они покинули те места и рассеялись по разным землям [Nashwat…, 1982. P. 177].

Южнее Сасаниды закрепились на Бахрейне и в Омане[400]. О Бахрейне источники сообщают, что Ардашир построил там город, который в исламское время назывался ал-Хатт[401]. Что касается Омана, то он фигурирует в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» как одно из владений царя [Maricq A., 1958. P. 306–307, 337]. Это в принципе соответствует местной тради-

---

[400] Возможно, конфликт Ардашира с арабами Бахрейна и Омана уходит корнями во времена до создания Сасанидской державы. Согласно «Книге деяний Ардашира Папакана», у одного из «удельных царей», Хафтан-Бохта, правившего, согласно ат-Табари, в приморских районах, было семь сыновей, каждый из которых управлял какой-либо областью. Один из них, правивший в Арвастане (т.е. стране арабов, которую не следует путать с местностью от Нисибина до Тигра, о которой речь шла выше) выступил против Ардашира с войском из арабов и оманцев, которых привезли из-за моря [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 23]. В отношении «оманцев» принимаем предлагаемую в литературе конъектуру, которая сближает встречающуюся в тексте форму 𐭥𐭩𐭦𐭩𐭢 (*mīz.nīgān*) с персидским названием главного города Омана – *Мазун* [Marquart J., 1901. S. 43]. Представляется, однако, что правильно чтение 𐭥𐭩𐭦𐭩𐭩𐭢 (*māzūnīgān*).

[401] У ад-Динавари этот город именуется *Fūrān Ardašīr*, у ат-Табари – *Fasā Ardašīr*, у Хамзы ал-Исфахани – *Bi-tan Ardašīr* [Hamzae…, 1844. P. 48; Annales…, 1964. Ser. I, P. 820; Ал-Ахбар…, 1960. С. 45]. На основании сопоставления арабских и сирийских текстов Й. Маркварт выдвинул идею о том, что название города следует читать как *Paniat-Ardašīr* [Marquart J., 1901. S. 42]. Эта гипотеза впоследствии нашла подтверждение в виде печати *амаргар*-а (чиновника по сбору податей) Даринига (*Darīnīg*, остров Дарин) и Пуньят-Ардашира (*Punyāt-Ardašīr*) [Herzfeld E., 1930. P. 32]. Интерпретация слова *punyāt* неясна; возможно, оно имеет что-то общее с персидским *bunyād* (букв. – «основанное, заложенное»). Ат-Табари отождествляет построенный Ардаширом город с ал-Хаттом, центром Бахрейна (см. ссылку выше). Правда, Евтихий Александрийский, пользовавшийся теми же источниками, что и ат-Табари, помещает ал-Хатт в Савад [Eutychii…, 1906. P. 108]. Но это – ошибка, которую хорошо видно хотя бы по тому, что Ибн Хордадбех называет ал-Хатт одним из поселений (*qurā*) Бахрейна [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 152]. См. также прим. 158.

ции, воспроизводимой в поздней (середина XVIII в.) «Истории жителей Омана» (*Tārīḫ ahl ʻUmān*); согласно ей, в древние времена арабы племени Азд, явившись в Оман, изгнали оттуда персов, и те более не возвращались. Затем

«… власть над персами перешла к потомкам Сасана – а это династия персидских царей (*raḥṭ min al-akāsira*). Между ними и родом ал-Джуландая[402] в Омане был мир. Они (персы. – *Д. М.*) присылали туда четыре тысячи всадников (*asāwira*) и *марзбан*ов, [которые были там] с наместником из царей аздитов. Персы были в прибрежных областях и на побережье, а аздиты властвовали в пустыне и на окраинах Омана; дела были вверены им. И всякого, на кого персидский царь (*kisrā*) гневался или кого боялся – за себя или за свою царскую власть – он ссылал в Оман и заточал там» [Тарих ахл…, 1980. С. 35].

Контроль персов над опорными пунктами на побережье и наличие дружественной периферии, которое обеспечивали аздиты, сделали возможным существование в Омане центра персидской торговли, о котором в первой половине V в. говорил Филосторг (род. в 368 г., ум. ок. 439 г.) [Philostorgius…, 1913. S. 34].

В начале правления Шапура II арабы Аравийского полуострова начали вторгаться в сасанидские владения[403]. Они вы-

---

[402] Ал-Джуландай Ибн Мустакбир – легендарный родоначальник аздитских правителей Омана [Насаб…. 1988. С. 501].

[403] По словам ат-Табари, арабы больше других народов страдали от нужды и бедности [Annales…, 1964. Ser. I, P. 836]. Можно представить себе, что ограниченность ресурсов Аравийского полуострова привела к перенаселённости и войнам за лучшие места обитания. К сожалению, мы ещё слабо представляем себе ход этих событий: в нашем распоряжении лишь отрывочные упоминания в источниках, к тому же лишённые хронологических ориентиров. Так, мы читаем, что аднанитское (т.е. североарабское) племя Бану Абд ал-Кайс, потерпев поражение в междоусобицах, ушло в Йемаму, а затем и далее, на Бахрейн. Встретив там других аднанитов, Бану Ийад, Бану Абд ал-Кайс изгнали их. Теснимые Бану Ийад ушли в южные районы Ирака [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 256; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 80, 88]; возле реки Синдад было впоследствии их святилище [Les idoles…, 1969. P. 37; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 75; Ансаб…, 1987. С. 26]. Строго говоря, отсутствие датировок в источниках не даёт возможности однозначно утверждать, что изложенные сведения

теснили персов с Бахрейна; племя Бану Абд ал-Кайс овладело ал-Хаттом [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 81]. Вслед за этим арабы с Бахрейна и из сопредельных областей стали совершать морские рейды на южное побережье Персии[404]. Одновременно, согласно некоторым источникам, племя Бану Ийад начало вторгаться в Савад. Есть упоминания и о том, что Бану Ийад пересекали Евфрат и нападали на сасанидские владения севернее [Histoire…, 1900. P. 514; Ал-Ахбар…, 1960. С. 48; Annales…, 1964. Ser. I, P. 836; Ансаб…, 1987. С. 27][405].

Согласно пересказам персидских легенд у мусульманских авторов, во время малолетства Шапура II арабы, как и другие противники Сасанидов, почти не встречали сопротивления. Но, достигнув совершеннолетия (у зороастрийцев оно наступало в

относятся именно к событиям IV в. Но они прекрасно соответствуют историческому контексту той эпохи.

[404] В пользу реальности этих рейдов говорит то, что жители Бахрейна занимались пиратством и в более поздние времена [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 60].

[405] Рассказы источников о Бану Ийад неясны, а временами – и противоречивы. Наряду с Бану Ийад около Синдада (о них см. прим. 403) были и другие Бану Ийад, переселившиеся в район Айн-Убага [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 69]. Датировать это переселение практически невозможно. У ат-Табари можно прочесть, что Бану Ийад воевали с Джазимой [Annales…, 1964. Ser. I, P. 752], но это сообщение носит легендарный характер. Столь же неоднозначны и известия о вторжениях Бану Ийад в сасанидские владения в начале IV в. Из трёх авторов, относительно подробно излагающих историю Бану Ийад (ал-Балазури, Ибн Кутайба, ал-Бакри), только первый упоминает о набегах на Иран в описываемое время. В некоторых источниках известия о походах Бану Ийад, судя по их содержанию, относятся к более поздним временам, в частности – к царствованию Хосрова Ануширвана [Maçoudi, 1863. P. 176–177; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 205; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 302–303]. При этом основные традиции, повествующие о борьбе Шапура II с арабами, нигде не говорят о действиях царя против Бану Ийад; упоминания об этом вообще крайне редки. С другой стороны, поскольку имеющиеся сообщения источников в принципе отрывочны и легендарны, делать выводы на основе упоминаний о чём-либо (а тем более – их отсутствия) рискованно. Исторический контекст определённо говорит в пользу реальности вторжений Бану Ийад, что даёт основание допускать их достоверность.

пятнадцать лет), Шапур принял бразды правления и решительно выступил против арабов[406]. По сообщениям мусульманских авторов, он изгнал арабов из южных областей Сасанидской державы[407], вслед за чем предпринял поход на Аравийский полуостров. Войска Шапура прошли через Бахрейн, Хаджар и Йемаму и, по одному сообщению из области легенд, достигли Медины. Мусульманские авторы раз за разом описывают жестокость Шапура, который безжалостно истреблял арабов (прежде всего – Бану Абд ал-Кайс, из которых, согласно источникам, в живых остались лишь те, кто бежал в пески), калечил пленных, засыпал колодцы и т.д. Затем царь предпринял поход против племён Бану Бакр и Бану Таглиб[408] и, поднявшись с войском вверх по Евфрату, дошёл до границ римских владений [Hamzae…, 1844. P. 52; Histoire…, 1900. P. 519–520; The Fársnáma…, 1921. P. 68; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 657; The Book of Creation…, 1962. P. 160; Annales…, 1964. Ser. I, P. 839; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 183].

Изгоняя арабов, Шапур II прикрывал свои владения крепостями – в основном, вдоль Евфрата. Упоминания о таких крепостях разбросаны по восточным источникам. Ал-Балазури сообщает, что Шапур для защиты от вторжений Бану Ийад установил гарнизоны в ал-Анбаре (Пероз-Шапур), Айн-Тамре и других крепостях [Ансаб…, 1987. С. 27]. Ибн Ростэ упоминает, что Шапур построил крепость Алус, сделав её опорным пунк-

---

[406] Согласно восточным легендам, Шапур II выступил против арабов после того как ему исполнилось пятнадцать [Ал-Ахбар…, 1960. С. 48] или шестнадцать лет [Maçoudi, 1863. P. 176; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 657; Annales…, 1964. Ser. I, P. 838].

[407] Здесь средневековые авторы имеют в виду, помимо прочего, отражение нападений Бану Ийад на Савад. Согласно ас-Саалиби, истребление Шапуром II Бану Ийад стало примером жестокой расправы [Histoire…, 1900. P. 518].

[408] Ибн Саид называет историческим местом расселения бакритов и таглибитов «евфратскую Месопотамию» [Nashwat…, 1982. P. 604, 639]. В X в. бакриты занимали земли от Йемамы до Персидского залива, некоторые районы Савада, Убуллу и Хит, а таглибиты – области Месопотамии между поселениями бакритов и кудаа [Al-Hamdânî's…, 1884. P. 169–170]. Видимо, борьба Шапура II с бакритами и таглибитами действительно разворачивалась в приевфратских областях.

том для охраны прилегающих к Евфрату областей [Kitâb al-A‘lâk…, 1892. P. 107].

Наиболее полно о действиях Шапура II, рассказывает Ибн ал-Джаузи:

«Он (Шапур II. – *Д. М.*) приказал прорыть канал[409], устье которого было у Хита, и вывел его недалеко от Кадисии, а затем [продолжил] до Казимы и далее до моря. На нём он поставил сторожевые крепости (*manāẓir*), укрепления (*rawābiṭ*) и пограничные заставы (*masāliḥ*)[410]. В этих сторожевых крепостях он разместил пехоту и конницу. И, если кто-либо из арабов собирался приехать во владения персидского царя по каким-либо делам, он являлся к начальнику крепости (*ḥiṣn*), через которую проезжал, и тот устанавливал его имя и прикреплял к его руке печать. И, сделав так, он (араб. – *Д. М.*) мог выехать только через ту крепость, через которую прибыл. [Тогда] он являлся к начальнику крепости, а тот разбивал печать на его руке и записывал его имя. И тогда он выезжал в пустыню. Таким образом Персидское царство оказалось в безопасности и было защищено от арабов. Этот канал назывался разделительной преградой (*al-ḥāğiz*); то был ал-Атик (*al-‘Atīq*). За этим каналом он (Шапур II. – *Д. М.*) поселил крестьян и раздал им наделы. Они были подмогой[411] людям в крепостях. И было так, что, если кто-либо из арабов подходил ночью, те (воины в крепости. – *Д. М.*) зажигали огонь, а если утром – пускали дым. И по этому знаку жители деревни узнавали, что случилось, и приходили к ним. Из этих крепостей крепость М.х.и.б[412], сторожевая крепость в ал-Хазире[413], сторожевая крепость в Хадисат ан-Нура, сторожевая крепость в ал-Анбаре, сторожевая крепость в Дайр ал-Джамаджим[414], сторожевая крепость в Кадисии и крепость в Зу Каре» [Ал-Мунтазам…, 1992. С. 84].

---

[409] Букв. – река, *nahr*.

[410] В тексте издания ошибочно: *masāliğ*.

[411] Следует, видимо, читать не *ridā’*, как в тексте издания, а *rid’*.

[412] Скорее всего, речь идёт о Хите (конъектура مهيب – هيت).

[413] В тексте издания ал-Хатира, что, очевидно, неверно (конъектура الخطيرة – الحظيرة).

[414] «Монастырь черепов» около Хиры, о котором речь пойдёт ниже.

В том, что при Шапуре II был прорыт такой канал, есть все основания сомневаться[415]. Но строительство крепостей по Евфрату и другим рекам представляется вполне достоверным. Во время похода Юлиана Отступника в 363 г. римляне натолкнулись на персидские крепости по течению Евфрата, в том числе – и те, которые упоминают восточные авторы. Пероз-Шапур, например, предстаёт как крепость размером с город, с двумя рядами стен и укреплённой цитаделью; с восточной стороны его окаймлял ров, защищённый башнями [Zosimus, 1837. P. 148]. Гарнизон Пероз-Шапура оказал римлянам упорное сопротивление [Zosimus, 1837. P. 149–150; Ammianus Marcellinus, 1940. P. 414–423].

Под натиском войск Шапура II одни арабские племена уходили во владения римлян [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 26], становясь их союзниками, другие – покорялись царю[416]. Некоторые племена Шапур переселил на новые места. Ат-Табари приводит два известия о подчинении арабов. Согласно одному (тому, в котором речь идёт о подчинении арабов), Бану Таглиб, Бану Абд ал-Кайс и Бану Бакр Ибн Уаил были переселены в

---

[415] Такое начинание предполагало, по существу, создание нового устья Евфрата, что кажется маловероятным, хотя работы на отдельных участках могли вестись. Судя по всему, было бы правильнее считать, что работы свелись в основном к отстройке крепостей, расположенных по Евфрату. Следует также отметить, что во многих источниках создание канала приписывается Хосрову Ануширвану [Kitâb al-A‘lâk …, 1892. P. 107; Ibn ‘Abd al-Mun‘im…, 1975. P. 405; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 14, 914]. Сам Ибн ал-Джаузи в другом фрагменте пишет, что приказ о строительстве канала отдал Хосров [Ал-Мунтазам…, 1992. С. 108]. У Якута в одном месте строительство канала приписывается Шапуру II, в другом – Хосрову Ануширвану [Yāqūt…, 1957. T. II, P. 392, T. IV, P. 297].

[416] По одному из рассказов, воспроизводимых у ат-Табари, Шапур II стал искать мира с арабами или подчинил их [Annales…, 1964. Ser. I, P. 845]. Ат-Табари употребляет здесь глагол *istaṣlaḥa*, который может значить «искать мира с кем-либо» или «добиться от кого-либо покорности» [Lane E. W., 1968. P. 1715]. В данном случае предпочтительнее вторая трактовка, так как в пересказе аналогичного фрагмента в *Фарс-намэ* говорится, что Шапур подчинил себе арабов [The Fársnáma…, 1921. P. 68].

Керман, Тавваз[417] и Хузестан [Annales…, 1964. Ser. I, P. 845][418]. По другой версии, которую приводит также ас-Саалиби, Бану Таглиб были переселены на Бахрейн, Бану Абд ал-Кайс и некоторые Бану Тамим – в Хаджар, Бану Бакр Ибн Уаил – в Керман, Бану Ханзала – в Хузестан [Histoire…, 1900. P. 529; The Fársnáma…, 1921. P. 61; Annales…, 1964. Ser. I, P. 839]. Из несовпадения этих сведений и упоминания о «некоторых Бану Тамим» следует, что переселяемые племена разделялись и оседали в разных местах. Если эти сведения верны, действия Шапура можно интерпретировать так: он выселял арабов из южного Ирака (Бану Бакр и Бану Таглиб) и перемещал некоторые (возможно – более сильные) племена в глубь державы. Лишь части племён – остаткам разгромленных Бану Абд ал-Кайс и некоторым тамимитам – было позволено остаться поблизости от прежних мест обитания.

К рассмотренным известиям ас-Саалиби добавляет, что вожди арабов были поселены в Пероз-Шапуре [Histoire…, 1900. P. 529]. Эта мера тоже была, очевидно, продиктована осторожностью: отделённые от основной массы соплеменников вожди не представляли большой опасности, а кроме того, находились под надзором коменданта крепости. В то же время они должны были сблизиться с персами. Можно представить себе, что в 363 г. вожди арабов вместе с персидским гарнизоном защищали Пероз-Шапур от римлян.

В источниках встречаются и прямые указания на то, что подчинённые Шапуру II арабы участвовали в кампании 363 г. на стороне персов. Аммиан Марцеллин сообщает, что около Пероз-Шапура Сурен (о нём см. выше) и вождь сарацин, именуемый *Malechus Podosaces*, устроили римлянам засаду[419]. По

---

[417] Город и прилегающая к нему местность в области Ардашир-хоррэ (Фарс).

[418] Эти сведения от собственного имени подтверждает Балами, который сообщает, что в его времена в Кермане оставались арабы Бану Таглиб, Бану Бакр Ибн Уаил и Бану [Абд ал-]Кайс – потомки переселенцев эпохи Шапура II [Тарих-и-Балами,1962/1963. С. 918].

[419] В тексте источника – *Malechus Podosaces nomine phylarchus Saracenorum Assanitarum famosi nominis latro* [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 410–411]. В зависимости от того, что такое *Malechus* – личное имя (*Malik*, *Mālik*) или титул (ар. *malik*, «царь»), это можно перевести как «Малик Подосак (или: царь именем Подосак), правитель

другому свидетельству, восходящему к Ливанию, император пал в стычке от руки какого-то араба[420] из персидского войска [Libanii…, 1904. P. 516–517][421].

ассанитских сарацин, знаменитый разбойник». Сказать, кем был этот человек, трудно. И. Шахид, посвятивший данному вопросу отдельное исследование, считал, что *Podosaces* можно интерпретировать как дериват от персидского титула *bidaḫš* или от арабского собственного имени *Fadawkas*. Сам он склонялся к тому, что *Podosaces* был военным вождём из той ветви Гассанидов, которая обосновалась в лахмидской Хире [Shahid I., 1984. P. 119–123]. Эта гипотеза, однако, наталкивается на ряд возражений. Нам не известен в Хире ни один Гассанид, который мог бы именоваться правителем (*phylarchus*) или (если принимать, что *Malechus* значит «царь») царём. Между тем, обе гипотезы имеют, кажется, право на существование. В пользу отождествления *Podosaces* с *Fadawkas* говорит то, что *Podosaces* характеризуется в тексте Аммиана Марцеллина как имя (*nomen*), хотя, разумеется, следует учесть, что иностранцы нередко принимали восточные титулы за имена. Далее, имя *Fadawkas* довольно редкое; в арабских генеалогиях оно встречается только у племени Бану Таглиб Ибн Уаил [Насаб…, 1988. С. 88; Ал-Иштикак…, 1991. С. 338], представители которого, согласно восточным источникам пошли на службу к Шапуру II. Можно представить себе таглибитского вождя, который при приближении римской армии к Пероз-Шапуру вышел сражаться вместе с персами, хотя в этом случае трудно найти интерпретацию для слова *Assanitarum*. Вместе с тем, можно предположить, что Аммиан Марцеллин действительно допустил ошибку, записав титул *бидахш*-а или персидское слово *pādišāh* (царь) как личное имя, и *Podosaces* – лахмидский царь Хиры. Только правитель Хиры мог тогда именоваться *падишах*-ом и одновременно правителем своего народа (*филарх*-ом). Это отождествление отчасти поддерживается тем, что вместе с *Podosaces*-ом в поход выступил сам Сурен, который едва ли пошёл бы на войну с заурядным предводителем шайки разбойников. Интерпретация названия *Assanitarum* и здесь представляет трудности, однако следует иметь в виду, что Лахмиды Хиры считали себя «родом Насра Ибн Рабиа», а в латинской и греческой передаче персидских имён первое *н* могло выпадать (например, сановник Аффарван, упомянутый у Петра Патриция [Dexippi…, 1829. P. 126, 135], по всей вероятности – Нахварган). Возможно, правильная форма выглядела как *Nassaritarum*; впоследствии, претерпев ряд фонетических и графических искажений она превратилась в *Assaritarum* и *Assanitarum*.

[420] В тексте Ливания – Ταϊηνός, дериват от сирийского *ṭayayā* (араб).

В результате действий Шапура II был создан рубеж из крепостей по течению Евфрата, а также владений Лахмидов и подчинённых Сасанидам арабских племён. Влияние Сасанидов в Хире было решающим и неоспоримым. При царе ан-Нумане I[422] в Хире стоял персидский отряд, который в источниках исламского времени называется *šahbā'*[423]. Сам ан-Нуман I был верным союзником Сасанидов и воевал с арабами Сирии [Hamzae…, 1844. P. 102; Annales…, 1964. Ser. I, P. 853]. Его сын ал-Мунзир I получил от Ездигерда I инвеституру на правление в Хире, богатые дары и два почётных имени – *Rām afzūd Yazdkard* («[Ещё более] исполнился радостью Ездигерд») и *Mehist* («Великий» или «Величайший») [Annales…, 1964. Ser. I, P. 855]. Более того, Ездигерд отправил своего сына Варахрана (будущего Варахрана V Гора) на воспитание к царю Хиры, в котором, следовательно, видел верного вассала. Впоследствии,

---

[421] Аналогичную историю рассказывал впоследствии Иоанн Лидийский [Ioannes Lydus, 1837. P. 103].

[422] Согласно Хишаму ал-Кальби, правление ан-Нумана I пришлось на царствование Ездигерда I и Варахрана V, причём при последнем он стоял у власти 14 лет или 14 лет и 4 месяца [Hamzae…, 1844. P. 102; Annales…, 1964. Ser. I, P. 854]. Но ат-Табари утверждает, что уже Ездигерд I сделал царём над арабами сына ан-Нумана – ал-Мунзира I (см. текст). В рассказах о войне Сасанидской державы с Византией 421–422 гг. у Сократа Схоластика и в истории, приписываемой Дионисию Телль-Махрскому, царём лахмидских арабов называется не ан-Нуман, а его сын ал-Мунзир [Incerti auctoris..., 1927. P. 194; Socrates, 1995. S. 365]. Это противоречие можно примирить только если предположить, что Ездигерд сделал ал-Мунзира соправителем ан-Нумана, который формально оставался царём. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (ум. в 976 г.), литературная антология которого «Книга песен» (*Kitāb al-aġānī*) содержит и ценные исторические сведения, относит пребывание отряда *šahbā'* в Хире ко временам ан-Нумана III и Хосрова II Парвиза [Китаб ал-агани…, 1905. Т.2, с. 37], но рассказанное им об ан-Нумане III относится на деле к ан-Нуману I.

[423] Это слово применительно к войску означает «хорошо вооружённое». Но по сообщениям источников, помимо персидского у ан-Нумана был и другой отряд, сформированный из танухитов; он именовался *dawsar*. В названиях отрядов можно видеть и игру слов, так как *dawsar* означало «лев», а *šahbā'* – «львица».

как показано выше, ал-Мунзир не раз поддерживал Варахрана V и вместе с ним участвовал в войнах с римлянами.

Относительное спокойствие на юго-западном направлении было прервано только в конце V в., в связи с появлением на исторической арене киндитов (Бану Кинда), относившихся к южным арабам – кахтанитам. Местами расселения киндитов называются области между Зат Ирк и ал-Гамром [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 154; Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 288], т.е. немного севернее Мекки и Таифа. Но, судя по последующим событиям, затем киндиты сместились к востоку, в направлении Бахрейна. Первый упоминаемый в источниках киндитский правитель Худжр[424] Ибн Амр «Пожиратель (горьких) трав» (*ākil al-murār*)[425] обосновался в местечке Батн Акил[426] и успешно воевал с Лахмидами и арабами племени Бакр Ибн Уаил (бакритами)[427], стремясь подчинить себе последних [Abulfedae…, 1831. P. 130; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 399]. Действия киндитов имели успех. Через некоторое время лахмидский царь Хиры Имру-л-Кайс III[428] воевал с бакритами, так как те были союзниками

---

[424] В арабской графике это имя пишется как حجر, что допускает также чтение Хаджар. Анализ метрики стихов поэта Имру-л-Кайса, принадлежавшего к царскому роду киндитов, показывает, что возможны оба чтения [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8, с. 62; Ibn Wādhih…, 1969. Pars. I, p. 251; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 400; Диван…, 2004. С. 55, 169].

[425] Объяснения этого прозвища в источниках различны. По одному рассказу Худжр, узнав, что его супружеским ложем завладел другой человек, поедал горькие травы и от горя не замечал вкуса. Согласно другим легендам, жена или взятая одним из сподвижников наложница уподобила Худжра наевшемуся травы верблюду [Abulfedae…, 1831. P. 130; al-Hamdânî's..., 1884. P. 86; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8, с. 61]. В этом последнем случае речь должна идти об особом виде травы, не обязательно горькой, которая, согласно Э. У. Лэйну, была по вкусу верблюдам [Lane E. W., 1968. P. 2701].

[426] Единственное известное нам место с таким названием находилось на пути, по которому впоследствии паломники из Басры направлялись в Мекку [Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 69].

[427] Из упоминания о бакритах в этом месте можно заключить, что Шапур II переселил в Керман только часть племени.

[428] Этот Имру-л-Кайс известен по спискам лахмидских царей у Хамзы ал-Исфахани и Абу-л-Фида [Abulfedae…, 1831. P. 126; Hamzae…, 1844. P. 104]. В обоих списках он – третий лахмидский царь с таким

киндитов[429]. Эта война шла с переменным успехом. Хамза ал-Исфахани в одном месте сообщает, что бакриты разбили войска Имру-л-Кайса и взяли в плен его самого, в другом – что царь одержал победу [Hamzae…, 1844. P. 104, 107]. Через некоторое время бакриты, увязнув в междоусобицах, призвали внука Худжра, ал-Хариса Ибн Амра, и провозгласили его своим вождём [Китаб ал-икд…, 1965. Т. 5, с. 222; Нихайат…, 2004. С. 310]. Встав во главе мощного союза, ал-Харис возобновил борьбу с Лахмидами и нанёс им мощный удар. Согласно некоторым традициям, киндиты захватили владения Лахмидов; царь ал-Мунзир III, прозванный в честь матери *Ibn mā' al-samā'* («Сын *Ма ас-сама*, т.е. дождевой воды»), бежал [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 60; Annales…, 1964. Ser. I, p. 882][430].

именем. Мы основываемся на этих списках потому, что они – самые полные из сохранившихся в источниках.

[429] Сведений об этом союзе в источниках почти не сохранилось. Интересно упоминание Ибн Абд Раббихи о некоем ал-Джауне Ибн Язиде, который первым из киндитов заключил союз с бакритами [Китаб ал-икд…, 1965. Т. 3, с. 392]. Человек с таким именем в источниках не упоминается, но нам известен ал-Джаун, который был сыном Худжра (и братом Амра, отца ал-Хариса, о котором речь пойдёт далее) и властвовал над Йемамой [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8, с. 61; т. 15, с. 82; Ал-Камил…, 1987. С. 399]. Возможно, Ибн Абд Раббихи или его источник ошибается, и на деле речь идёт именно об этом ал-Джауне.

[430] Известия, на которые сделана ссылка, нельзя считать вполне точными. Ат-Табари пишет, что киндиты убили лахмидского царя ан-Нумана. По хронологии речь может идти только об ан-Нумане II, но от Иисуса Столпника мы знаем, что он умер от полученного в боях с византийцами ранения [Wright W., 1968. P. 55]; это было летом или ранней осенью 503 г. Известие Иисуса Столпника о том, что незадолго до смерти ан-Нумана арабы из племени, которое в сирийском тексте именуется *Bēṯ T'lbā*, совершили рейд к *Ḫīrtā ḏ-Nu'man*, т.е. к укреплённому лагерю или Хире ан-Нумана [Wright W., 1968. P. 54], вряд ли имеет к этому какое-либо отношение. Нападавшие характеризуются как «арабы из владений ромеев», что неприменимо к киндитам. Возможно, речь идёт о каких-то Бану Таглиб, ушедших к ромеям, или Гассанидах, в генеалогии которых мы находим одного Салабу (ар. *Ṯa'laba*), внука основателя рода – Джафны Ибн Амра [Abulfedae…, 1831. P. 128; Hamzae…, 1844. P. 117; Ibn Hazm…, 1948. P. 351;

Повествуя об этих событиях, восточные авторы обычно подробно останавливаются на том, какую роль в них сыграл Кавад. По одной версии, Кавад, находясь под влиянием маздакитских идей о недопустимости кровопролития, никак не помог ал-Мунзиру, а затем вступил в переговоры с ал-Харисом и не только признал его завоевания, но и уступил ему некоторые области (всего шесть *тассудж*-ей, т.е. округов) в нижнем течении Евфрата. Отсутствие какого-либо противодействия со стороны персов привело к тому, что арабы стали предпринимать набеги за Евфрат, доходя, согласно легендам, до Согда и Китая [Annales…, 1964. Ser. I, P. 888–890]. Другая версия утверждает, что Кавад стал добиваться от ал-Мунзира принятия маздакитского учения. Ал-Мунзир отказался (по одному рассказу – сославшись на то, что ревность арабских мужей несовместима с маздакитской общностью жён). Получив такой ответ, Кавад призвал к себе ал-Хариса и изгнал ал-Мунзира. Землями Лахмидов овладел ал-Харис [Китаб ал-агани…, 1905. Т.8, с. 61; The Book of Creation…, 1962. P. 199; Nashwat…, 1982. P. 245; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 399].

Эта вторая версия имеет продолжение, сохранившееся только в поздней (XIII в.). но специально посвящённой доисламскому времени, компиляции Ибн Саида. Согласно этому источнику, Кавад, отдав лахмидский престол ал-Харису, приказал тому привести арабские племена Неджда и Тихамы к принятию маздакитского учения. Ал-Харис предпринял поход на юго-запад и достиг Мекки. Большинство местной знати, однако, отвергло учение Маздака. Не желая ввязываться в войну с мекканцами, ал-Харис отступил [Nashwat…, 1982. P. 327].

Насаб…, 1988. С. 433–434]. У Абу-л-Фараджа ал-Исфахани мы читаем, что ал-Мунзир III умер среди Бану Ийад, у которых нашёл убежище, а в дальнейшем с киндитами взаимодействовал его сын и тёзка (см. ссылку на источник в тексте). Это утверждение, однако, не подтверждается другими источниками. Напротив, средневековые авторы, как правило, сообщают, что в дальнейшем Лахмидским государством правил именно ал-Мунзир Ибн Ма ас-Сама. Заметим, что и сам Абу-л-Фарадж в другом фрагменте сообщает, что ал-Мунзир Ибн Ма ас-Сама погиб в борьбе с гассанидским царём ал-Харисом Ибн Джабалой, в чём, видимо, следует видеть указание на сражение, известное в арабоязычной литературе как битва при Айн-Убаг [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9, с. 172].

Для понимания этих и последующих событий необходимо восстановить их последовательность во времени. Согласно наиболее детальной и – при всех её отмеченных выше недостатках – правдоподобной хронологией правителей Хиры у Хишама ал-Кальби в передаче Хамзы ал-Исфахани, после смерти ан-Нумана II летом или ранней осенью 503 г.[431] Кавад посадил на хирский престол не его сына, а представителя другого лахмидского рода – Абу Яфура Ибн Алкаму аз-Зумайли. Тот правил три года, а затем к власти на семь лет пришёл Имру-л-Кайс III [Hamzae…, 1844. P. 104]. Следовательно, правление Имру-л-Кайса должно было подойти к концу в 513 г.

В надписи йеменского царя Мадикариба Яфура сообщается, что он вёл борьбу с Муззиром (*Mud̲d̲ir*) [Ryckmans G., 1953. P. 304], которого, очевидно, следует отождествлять с ал-Мунзиром III. Надпись, судя по её тексту, была сделана в 631 г. сабейской эры, т.е. в 516–517 г.

В сирийской хронике 724 г. указана дата первого похода ал-Мунзира III (по-видимому, против Византии) – 830 год селевкидской эры [Chronica…, 1904. P. 143], т.е. сентябрь 518 – август 519 г.[432] По всей вероятности, поход должен был состояться весной 519 г.

В послании Симеона Спорщика о христианских мучениках Награна, которое приводится в хрониках, приписываемых Захарии Митилинскому и Дионисию Телль-Махрскому, упоминается о посольстве императора Юстина I (518–527) к ал-Мунзиру. Посольство прибыло к ал-Мунзиру в феврале 835 года Александра Македонского, т.е. 524 г. [Chronique…, 1901. P. 184; Historia…, 1921. P. 63; Incerti auctoris…, 1933. P. 57]. О контактах между Юстином и ал-Мунзиром упоминается и в «Сиирской хронике» [Histoire…, 1950. P. 144]. Тем не менее, ал-Мунзир в правление Юстина I регулярно совершал набеги на византийские владения [Chronique…, 1901. P. 178; Historia…, 1921. P. 77].

---

[431] См. предыдущее примечание.

[432] Судя по дате взятия персами Амиды – 814 год Александра Македонского [Chronica…, 1904. P. 149], годы Александра Македонского (т.е. селевкидской эры) отсчитываются по греческой традиции, начиная с сентября.

Ал-Мунзир III появляется в источниках как царь и в последние годы правления Кавада. Мы видели, что весной 531 г. он принял участие в походе *хазарбад*-а вверх по Евфрату. Летом того же года он вёл сепаратные переговоры с Юстинианом [Ioannis Malalae…, 1831. P. 466–467].

Прокопий Кесарийский так описывает ал-Мунзира:

«Аламундар (ал-Мунзир. – *Д. М.*) был умнейшим человеком, опытным в военных делах, глубоко верным персам и исключительно деятельным; в течение пятидесяти лет он заставлял ромейское государство становиться на колени. Он разорял местности от пределов Египта до Месопотамии одну за другой, уводя и унося оттуда всех и всё, сжигал стоявшие на пути хозяйства, обращал в рабство людей, [причём] неизменно многими десятками тысяч, немало из них перебил без всяких оснований, иных же возвращал за большой выкуп. Никто не выходил ему навстречу» [Procopius, 1914. P. 156/157].

Приведённые данные свидетельствуют не в пользу арабских легенд. Даже если считать, что Прокопий Кесарийский, говоря о пятидесяти годах набегов, имеет в виду порядок величин (несколько десятилетий), мы видим, что ал-Мунзир без видимых помех правил самое меньшее с весны 517 гг., причём был могущественным воителем и самостоятельно вёл дипломатические сношения. Есть основания сомневаться и в маздакитском пацифизме Кавада по отношению к арабам. Ибн Кутайба рассказывает, что однажды Кавад, враждуя с Бану Ийад, послал против них войска [Ibn Qotaiba, 1904. P. 121].

Несмотря на все сомнения сведения арабских легенд составляют весомый пласт информации. Поскольку маловероятно, чтобы несколько независимых традиций были от начала до конца построены на вымысле, необходимо искать то, в чём арабские легенды сближаются со сведениями других источников. Если идти этим путём, картина событий восстанавливается примерно так. Киндиты действительно нанесли Лахмидам сильный удар и, возможно, установили свою власть над какими-то племенами, ранее подчинявшимися правителям Хиры[433].

---

[433] Определить масштабы завоеваний киндитов трудно. Неясной остаётся, в частности, судьба Хиры. Согласно некоторым авторам, она досталась ал-Харису Ибн Амру [The Book of Creation…, 1962. P. 199; Ibn Wādhih..., 1969. Pars 1, P. 246; Nashwat…, 1982. P. 245]. Вместе с

Но – и здесь неоднозначность событий вступает в противоречие с однонаправленностью легенды – успех киндитов оказался кратковременным. Существует лишь один, весьма небольшой период, приходящийся на самое начало правления ал-Мунзира III (513–516/517), когда киндиты могли поколебать могущество правителей Хиры. Более того, из надписи царя Мадикариба (см. выше) следует, что ал-Мунзир уже в первые годы царствования боролся за контроль над Аравией, т.е. действовал на том направлении, где, согласно Ибн Саиду, по приказу Кавада ходил в походы ал-Харис Киндитский. В этом, следовательно, достоверность легенд тоже весьма сомнительна.

Согласно одной из традиций, в момент воцарения Хосрова I ал-Харис пребывал в Пероз-Шапуре, где было его жилище [Китаб ал-агани…, 1905. Т.8. с. 62; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 399]. Мы видели, что прежде в Пероз-Шапуре селили вождей

тем, весьма показательны здесь сообщения Хишама ал-Кальби. Он утверждал, что черпал сведения о Лахмидах из книги, которая, кажется, была подобна сасанидским дворцовым анналам. Об этом можно судить по следующему фрагменту труда ат-Табари: «Поведал я со слов Хишама Ибн Мухаммада ал-Кальби, что он сказал: “Историю арабов, родословные рода Насра Ибн Рабиа (т.е. Лахмидов. – *Д. М.*), сведения о продолжительности жизни тех из них, кто были наместниками рода Хосрова (*āl Kisrā*, т.е. Сасанидов вообще. – *Д. М.*), а также историю их величия я черпаю из [книги] присяг Хиры (*biya‘ al-Ḥīra*), а в ней – [сведения об] их царствовании и всех их делах”» [Annales…, 1964. Ser. I, P. 770]. Присягу обычно приносила знать в момент вступления правителя на престол. Если в книгу заносились такие сведения, она должна была носить характер официальных анналов. Кажется, о той же книге повествует Хамза ал-Исфахани, у которого мы читаем: «Хишам (ал-Кальби. – *Д. М.*) рассказал со слов своего отца, что-де он (т.е. отец. – *Д. М.*) не нашёл ал-Хариса (т.е. киндитского царя. – *Д. М.*) среди царей арабов, перечисленных в “Книге жителей Хиры” (*Kitāb ahl al-Ḥīra*); я же полагаю, что они не стали вносить его туда потому, что он захватил царскую власть без разрешения царей персов, [а ещё] потому, что он не жил в Хире, которая была столицей, и место обитания его неизвестно; он разъезжал по земле арабов» [Hamzae…, 1844. P. 108]. Следовательно, Хира по крайней мере не была столицей ал-Хариса Ибн Амра. Послание Симеона Спорщика, на которое сделана ссылка в тексте, никак не проясняет ситуацию: ал-Мунзир принял византийских послов не в Хире, а в своём лагере между песчаных холмов.

арабских племён, которые подчинялись Сасанидам и перемещались на новые места обитания, в частности – во внутренние районы державы. Но и киндитам были пожалованы земли в сасанидских владениях – *тассудж*-и, о которых говорит ат-Табари. Тем самым, ал-Харис фактически стал одним из удельных правителей, признававших верховенство Сасанидов. По статусу он должен был быть равным ал-Мунзиру. Видимо, вражда между ними была неприемлема для Кавада, и он заботился о том, чтобы предотвратить её. Обратим внимание и на то, что, как показано выше, ал-Мунзир часто ходил в походы, оставляя свою столицу. Если бы война с киндитами продолжалась, едва ли ал-Мунзир пошёл бы на войну, имея в тылу такого противника, как ал-Харис. Видимо, на определённом этапе стороны, вероятно, под влиянием Кавада, достигли компромисса. Наиболее заметным его проявлением стала женитьба ал-Мунзира на дочери ал-Хариса Хинд [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 60].

У Ибн Халдуна обнаруживается нигде более не встречающееся известие о том, что после смерти Кавада Хосров I вернул Хиру ал-Мунзиру, и тот заключил с ал-Харисом договор, по которому они разделили между собой власть над арабами, установив границей «реку Савада», т.е. Евфрат [Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 328]. Это сообщение неприменимо к временам Хосрова, когда шла открытая борьба между Лахмидами и киндитами. Более того, даже если верить арабским легендам об успехах киндитов, изложенные выше сведения об ал-Мунзире позволяют считать, что он восстановил власть Лахмидов над Хирой ещё при Каваде. Следовательно, сообщение Ибн Халдуна относится к временному примирению Лахмидов и киндитов, о котором говорилось выше*.

- Северо-восточное направление

На этом направлении открывался путь в Афганистан и Среднюю Азию. Как и в других случаях, здесь необходимо проследить развитие исторической ситуации с досасанидских времён. Владения парфянских Аршакидов простирались далеко

* См. Дополнение к стр. 291 на стр. 693–695.

на восток от Каспийского моря. Парфянам принадлежал Мерв, который в китайской «Истории восточных Хань» именуется «Малой Парфией» [Chavannes E., 1907. P. 177]. Согласно Плинию, в Мерве парфяне расселили пленных римских солдат из армии Красса [C. Plini…, 1906. P. 449].

Далее на восток находились земли Бактрии (область Балха). Трудно сказать, принадлежали ли они Аршакидам. Около 42–43 гг., когда началась борьба за парфянский престол между Гударзом II и Варданом, последний, потерпев поражение, ушёл на равнины Бактрии [Œuvres…, 1875. P. 315]. К сожалению, Тацит, от которого мы узнаём об этом, не сообщает, укрепился ли Вардан на периферии парфянских владений или нашёл убежище у чужеземных правителей. Царь Валгаш (Вологез) I (50/1–76/7) считал, что его владения простираются от Евфрата до границ бактрийцев [Flavii Iosephi…, 1856. P. 259].

Столь же фрагментарны и неоднозначны наши сведения о том, где пролегали рубежи Парфянского государства к югу от Мерва и Балха. Из географического сочинения Исидора Харакского (писал в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э.) видно, что пределы Аршакидской державы охватывали Герат, земли современной афганской провинции Фарах, район Зараньджа, Гиришк и Кандагар [Parthian Stations…, 1914. P. 8–9]. Несколько позже Вардан, проиграв на первых порах в борьбе за власть, затем одержал победу и через какое-то время совершил поход на восток и достиг Инда, причём сделал данниками парфян народы, которые прежде не подчинялись Аршакидам [Œuvres…, 1875. P. 316–317][434]. Это сообщение следует, видимо, сближать с известиями китайских источников о том, что на определённом этапе парфяне подчинили себе Кабул, которым ранее владели правители Индии и Кашмира. Затем правитель Кушанского царства Кудзула Кадфиз выступил против парфян и отнял у них Кабул [Specht E.. 1883. P. 325–326; Chavannes E., 1907. P. 192]. В дальнейшем, однако, экспансия кушанских царей была направлена главным образом в сторону Индии, и мы – разумеется, с поправкой на ограниченность наших источников – не видим больших войн между ними и парфянами, которые владели значительной частью Афганистана.

---

[434] В тексте источника – Синд, однако римляне, судя по одной ремарке Плиния Старшего, знали, что местные жители называют так Инд [C. Plini…, 1906. P. 460].

Ардашир I, утвердившись у власти после победы над Артабаном, совершил поход на восток. Наиболее подробные сведения об этом сохранила традиция ат-Табари, согласно которой маршрут похода был таков: Истахр – Систан – Гурган – Абаршахр (область Нишапура) – Мерв – Балх – Хорезм – границы Хорасана. [Annales…, 1964. Ser. I, P. 819][435]. Очевидно, Ардашир подавлял последние очаги сопротивления парфянской аристократии и одновременно утверждался в бывших владениях Аршакидов на востоке. Как показано в главе 1, в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» среди сановников Ардашира первыми упоминаются цари (*шахрдар*-ы) Авринака (Абаршахр) и Мерва. Высокий статус правителей, которые, как мы видели, должны были принадлежать к царскому роду, указывает на значительность сасанидского присутствия в этих областях. В персидской «Истории Систана», созданной неизвестным автором в исламское время, сохранилась легенда о том, что Ардашир прибыл однажды в Систан, обласкал верно служившего ему местного военачальника и велел построить новую крепость [Тарих-и-Систан, 1935/1936. С. 10]. Ас-Саалиби повествует, что Ардашир воздвиг Бадгис [Histoire..., 1900. P. 485]. Интерпретировать это известие трудно, так как Бадгис – область. В средние века в ней было несколько городов, но о каком именно идёт речь – ас-Саалиби не уточняет.

Поход Ардашира затронул соседние государства. Речь идёт прежде всего о Кушанском царстве, которое с самого начала было противником Сасанидской державы. Кушаны давали убежище бежавшим от Ардашира аристократам. Согласно «Книге деяний Ардашира Папакана», два сына Артабана IV бежали к правителю Кабула и, обосновавшись у него, попытались устроить заговор с целью убийства Ардашира [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 33–35]. Если верить Мовсесу Хоренаци, к кушанам увезли последнего, малолетнего представителя Каренов [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 120]. Восстановить ход этого противостояния трудно. Ат-Табари повествует, что, когда Ардашир вернулся в Фарс, к нему явились послы правителей Ку-

[435] Балами в аналогичном фрагменте прибавляет Герат [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 883].

шанского царства, Мукрана и Турана[436], заявившие о признании верховной власти Сасанидов [Annales…, 1964. Ser. I, P. 820]. Балами прибавляет, что вслед за этим Ардашир вывел из их земель свои войска [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 884]. Вероятно, в результате этой войны Ардашир установил свою власть над некоторыми областями, ранее входившими в состав Кушанского царства (прежде всего – на территории современного Афганистана). Сасанидские *шахрдар*-ы последующих времён чеканили в Мерве, Балхе и Герате монеты, на которых именовали себя «царями кушан» или «великими царями кушан» [437]. Впрочем, эта титулатура может объясняться и представлениями Сасанидов о том, что они – верховные правители кушан, стоящие выше их собственных царей.

После смерти Ардашира знать подчинённых им территорий на востоке попыталась избавиться от власти Сасанидов. В «Арбельской хронике» сообщается, что Шапур I в первый год своего правления воевал с хорезмийцами и «горными мидийцами» (*madayē ḏ-ṭōrē*) и в жестокой борьбе подчинил их. Затем Шапур покорил жителей Гиляна, Дейлема и Гургана, «живших в далёких горах поблизости от последнего моря» [Sources…. 1908. P. 33]. Одержав такую победу, что «страх перед ним охватил каждого» [Sources…. 1908. P. 33], Шапур восстановил власть Сасанидов над областями востока. В надписи царя на «Каабе Заратуштры» к его владениям на востоке отнесены Мидия, Гур-

---

[436] В представлении средневековых авторов Мукран был расположен к юго-востоку от Кермана. Восточным пределом Кермана называется селение Фахрадж, расположенное к востоку (с лёгким уклоном в сторону юга) от Бама [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 55; Kitâb al-A‘lâk…, 1892. P. 286]. В этом названии, заметим, легко угадывается среднеперсидское *pahrag* (о значении этого термина см. прим. 359), что может указывать на наличие исторической границы. Земли Мукрана простирались далее на восток и включали в себя западный Белуджистан; далее к востоку начинался Туран, а к юго-востоку – Синд. Восточной границей этих территорий был Инд.

[437] История этих *шахрдар*-ов, восстанавливаемая, главным образом, по монетным находкам, остаётся неясной, особенно – в том, что касается хронологии [Herzfeld E., 1930 . P. 31, 38, 41–51; Луконин В. Г., 1974. С. 305–306; History…, 1996. P. 110–112]. Некоторые соображения на этот счёт изложены далее в тексте.

ган, Мерв, Ария[438], Абаршахр[439], Керман, Систан, Мукран, Парадена[440], Индия (о ней см. ниже), страна кушан до Пашкивура[441], Кашгар (в надписи – Кас), Согд и Ташкент[442] [Sprengling M., 1953. P. 14; Maricq A., 1958. P. 306–307].

В пересказах ас-Саалиби и Гардизи до нас дошли известия о том, что Хормузд I воевал с эфталитами, победил их, сделал своими данниками и установил границу. Гардизи говорит о «согдийских эфталитах» (*hayṭalān-i-soġd*), а у ас-Саалиби это сообщение выглядит как пояснение: «эфталиты, которые суть согдийцы» (*al-hayāṭila wa hum al-suġd*) [Histoire…, 1900. P. 499; Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 68]. Но едва ли эфталиты, не игравшие в III в. заметной роли, были тогда противниками Хормузда. Вероятно, в первоисточнике шла речь о войне с хионитами (*hēwonān*), как персы называли гуннов и прочих кочевников. Неопределённость этого названия не даёт возможности назвать противников Хормузда. Поскольку в источниках напавшие эфталиты ассоциируются с Согдом, можно предположить, что боевые действия развернулись в Средней Азии. Но не исключено, что упоминание о Согде относится именно к

---

[438] Трудно не согласиться с А. Мариком в том, что Ῥην греческого текста соответствует Арии античных географов. Из последних наиболее полное описание Арии даёт Клавдий Птолемей, согласно которому Ария граничила на севере с Маргианой (область Мерва) и Бактрией (область Балха), на западе – с Парфией и пустынными районами Кермана, на юге – с Драгианой (область Зараджа), на востоке – с Паропанисадами [Claudii Ptolemaei…, 1845. P. 131]. Аналогичные сведения обнаруживаются и в других источниках [C. Plini…, 1906. P. 477; Geographi…, 1861. P. 500; The Geography…, 1928. P. 276–279]. М. Спренглинг читает *Khrēv* и интерпретирует это как «Герат», но в географическом отношении это соответствует трактовке А. Марика.

[439] Присоединяемся здесь к чтению М. Спренглинга. Имеется в виду область Нишапура.

[440] Область современного Лоралая в северо-восточном Пакистане, в то время подвластная царям паратов или парадов – *pāratarāja* или *pāradarāja* [Tandon P., 2012. P. 25–56].

[441] Трудно не согласиться с предлагаемой в литературе аналогией с Пешаваром [Honigmann E., 1952. P. 101–105].

[442] В тексте надписи – «пределы Цацины», в чём легко узнаётся Ташкент (Чач).

эфталитам, которые владели им в V–VI вв., и никак не связано с рассматриваемыми событиями[443].

Повествуя о том, как в начале царствования Шапура II сасанидские владения подвергались нападениям соседей, мусульманские авторы упоминают и о восточных рубежах державы. Согласно ат-Табари, на сасанидские владения нападали тогда не только римляне и арабы, но и тюрки [Annales…, 1964. Ser. I, P. 836]. Ас-Саалиби сообщает, что тюрки овладели большей частью Хорасана [Histoire..., 1900. P. 515]. Вероятно, эти сведения тоже относятся к хионитам. Впоследствии Шапур, как и на других направлениях, перешёл в контрнаступление. Согласно Аммиану Марцеллину, в 356–357 гг. он лично командовал войском, воевавшим в стране хионитов (*Chionitae*) и *Euseni*, в которых без труда угадываются *Cuseni* (кушаны). Эта война завершилась в 358 г. заключением мира, и в следующем году царь хионитов участвовал в походе Шапура II на Амиду [Ammianus Marcellinus, 1935. P. 240–243, 332–333, 446–449].

Эти сведения интересно сопоставить с данными других источников. В истории, приписываемой Фавстосу Бузанду, упоминается о двух войнах Шапура II с царём кушан, столица которого находилась в Балхе. Первую из этих войн, развязанную кушанами, следует отнести ко времени между 371 и 374 гг., вторую – ко времени правления Вараздата (прибл. 374–378 гг.). В обоих случаях персы потерпели поражение [История Армении..., 1953. С. 158, 183]. Заметим, что и для Аммиана Марцеллина бактрийцы были извечными врагами персов – пока те не подчинили соседние с Бактрией народы [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 378–379]. В то же время, по китайским источникам известно, что с севера на кушан нападали жужани. Кушанское царство пало, но один из его правителей, именуемый *Цзи-до-ло*, ушёл с войском на запад и занял Балх. Вслед за этим он подчинил пять царств к северу от Кандагара (*Кан-до-ло*) [Specht E.. 1883. P. 327; Малявкин А. Г., 1989. С. 76]. В исторической литературе *Цзи-до-ло* (в западных транслитерациях – *Ki-to-lo*) отождествляется с царём Кидарой, известным по монетам, а его подданные – с гуннами-кидаритами Приска [Dexippi…, 1829. P. 159, 164, 217, 219; History…, 1996. P. 123–125]. История государства

---

[443] Возможно, эта идентификация позаимствована у ал-Масуди [Maçoudi, 1863. P. 195].

кидаритов во многом остаётся неясной – прежде всего, в части хронологии. Гипотезы строятся в основном на монетных находках. Автор этих строк не считает себя вправе самостоятельно интерпретировать данные нумизматики вследствие отсутствия требуемой компетенции, однако данные нарративных источников приводят к следующим заключениям. Поскольку Балх стал столицей при Кидаре, он или кто-то из его потомков вполне может быть отождествлён с кушанским царём Балха, о котором говорится в истории, приписываемой Фавстосу Бузанду. Следовательно, уже к началу 70-х годов IV в. Кушанское царство пало, и на смену ему пришло государство кидаритов со столицей в Балхе. Из хронологических систем, основанных на данных нумизматики, этому более всего соответствуют построения Джо Крибба, согласно которому монеты сасанидских *шахрдар*-ов (кушано-сасанидские монеты) датируются приблизительно 230–350 гг.; далее в северной части владений *шахрдар*-ов чеканились монеты некоего Пероза и Кидары [Cribb J., 1990. P. 171]. Поход Шапура II в 356 г., несомненно, имел какое-то отношение к смене Кушанского государства кидаритским и представлял собой масштабное предприятие хотя бы потому, что в нём участвовал царь. Но трудно сказать, воевал Шапур с кушанами или с кидаритами; в первом случае он стремился бы нанести решающий удар по давнему противнику, ослабленному борьбой с жужанями, во втором – сдержать натиск кидаритов на запад. Как бы там ни было, можно констатировать, что на восточных рубежах Сасанидской державы появилось новое государство, которое затем в течение около сотни лет было для него одним из главных противников.

Для последующих десятилетий у нас очень мало сведений о положении дел на восточных рубежах Сасанидской державы. Известия о событиях V в. представляют ситуацию значительно более сложной чем прежде. Одним из свершений Варахрана V Гора восточные источники называют отражение нападения «тюрков», которых царь, выступив с небольшим отрядом, разбил внезапным ночным ударом. Местом этого сражения часто называется район Мерва [Histoire…, 1900. P. 559; Ferdowsi’s…, 1935. P. 2199–2201; Мунтахаб…, 1945/1946. С. 45; Ал-Ахбар…, 1960.

С. 57][444]. Известия восточных авторов сходятся в том, что «тюрки» пришли к Мерву не с юга, из Афганистана, а востока. Согласно ал-Масуди, правитель «тюрков» предпринял поход на владения Сасанидов, завоевав прежде Согдиану [Maçoudi, 1863. P. 190]. Фирдоуси утверждает, что нападение на Иран предпринял правитель Китая [Ferdowsi's…, 1935. P. 2194 и дал.], а затем сообщает, что после победы над ним воины Варахрана перебили китайцев в Мерве [Ferdowsi's…, 1935. P. 2201]. Ад-Динавари повествует, что Варахран, разгромив «тюрков» у Мерва, преследовал их до Амуля на Аму-дарье [Ал-Ахбар…, 1960. С. 57; Histoire..., 1843. P. 219]. О том, что Варахран после победы над «тюрками» подошёл к Аму-дарье, говорят и другие авторы [Ferdowsi's…, 1935. P. 2201; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 942]. Эти известия практически исключают возможность того, что нападавшими были кидариты: последние, вероятнее всего, отступали бы от Мерва на юг, по пути на Балх, описанному у Ибн Хордадбеха [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 32]. Вместе с тем, сказать, кем были нападавшие, мы не в силах; можно лишь предполагать, что Варахран столкнулся с теми же хионитами или с каким-то народом, который был подчинён жужаням и, уступив в междоусобице, попытался уйти на новые места.

Двигаясь вслед за противником, Варахран переправился через Аму-дарью и вступил в пески поблизости от Фараба [Ferdowsi's…, 1935. P. 2201]. Разгромив оставшихся «тюрков», царь принял их капитуляцию, а затем вернулся в Фараб. Здесь, согласно Фирдоуси, Варахран принял «вельмож из Китая», которых, видимо, следует отождествить с упоминаемыми у ат-Табари послами «тюрков» из земель, сопредельных стране тех, кто напал на Иран [Annales…, 1964. Ser. I, P. 864]. Поскольку через несколько десятилетий Средней Азией правили эфталиты, можно предполагать, что послы прибыли к Варахрану именно от них.

Итогом переговоров стало установление границы. Предположительно разделительным барьером был Фараб, который оставался пограничным пунктом и в исламское время; согласно

---

[444] Судя по некоторым источникам, уже в сасанидские времена имел хождение рассказ о том, что «тюрки» дошли до Рея [Histoire..., 1843. P. 218; Maçoudi, 1863. P. 190], однако в данном случае их, видимо, путают с дейлемитами, которые тогда попытались овладеть этим городом, но были разбиты [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 310–311].

Ибн Хордадбеху, там стояли гарнизоны мусульман и тюрков-карлуков [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 31]. С персидской стороны границу должен был охранять *марзбан* [Annales…, 1964. Ser. I, P. 864], тождественный, видимо, с назначенным Варахраном правителем Туранской земли, о котором говорит Фирдоуси [Ferdowsi's…, 1935. P. 2202–2203]. Очевидно, новая граница по Аму-дарье была призвана стать рубежом, каким на северо-западе был Евфрат, а на юго-западе – Тигр. В *Шах-намэ* это описывается следующим образом:

«Он (Варахран V. – *Д. М.*) поставил пограничный столб из камня и извести,

Чтобы в Иран никому из тюрков и *халадж*-ей[445]

Не было прохода иначе как по велению шаха,

И Джейхун (Аму-дарья. – *Д. М.*) всякий раз находился посередине пути» [Ferdowsi's…, 1935. P. 2202].

Другие известия о положении дел на востоке в правление Варахрана V отрывочны и дают понятие лишь о протяжённости владений Сасанидов. Ат-Табари сообщает, что вслед за установлением границы Варахран направил в Мавераннахр полководца, который подчинил «тюрков» [Annales…, 1964. Ser. I, P. 864–865]. По переводу Балами, однако, это произошло ранее, до установления границы [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 942]. При этом ни один источник не говорит о подчинении Сасанидам Бухары, лежавшей прямо на пути персов, или других городов Средней Азии. По-видимому, ат-Табари и Балами говорят на деле об упрочении власти Сасанидов в районе Фараба и,

---

[445] Упоминание о *халадж*-ах не соответствует историческим реалиям, но наводит на мысль о том, что Фирдоуси мог здесь иметь в виду эфталитов. *Халадж*-и известны в мусульманской литературе как тюркское племя, которое в древние времена переселилось в местность на окраинах области Гур, «между Индией и Систаном» [Viae…, 1927. P. 245], т.е. в области Забулистана, Газны и Кабула [Viae…, 1927. P. 253; Yāqūt…, 1957. T. II, P. 381]. Автор трактата «Пределы мира от востока до запада» помещает *халадж*-ей (в тексте неправильно خلخ вместо خلج) в области Газны, Балха, Тохаристана, Буста (о нём см. прим. 831) и Гузгана (Джузджана) [Худуд…, 1961/1962. С. 104]. Стало быть, *халадж*-и расселились в бывших владениях эфталитов и, возможно, смешались с ними. Ал-Хорезми, писавший во второй половине X в., считал *халадж*-ей потомками эфталитов [Liber…, 1895. P. 119].

возможно, подчинении каких-то окрестных районов. Южнее Варахран основал Марварруд [Nyberg H. S., 1964. Ser. I, P. 114], который должен был стать опорным пунктом на упомянутом выше пути из Мерва в Балх. Ат-Табари в одном месте сообщает, что Варахран назначил своего брата Нарсе наместником Хорасана и приказал ему направиться к Балху и воссесть там [Annales…, 1964. Ser. I, P. 865]. Затем, пересказывая сообщение, восходящее к другой традиции, ат-Табари описывает данный эпизод несколько по-другому: Варахран назначил Нарсе наместником Хорасана и посадил его в Балхе [Annales…, 1964. Ser. I, P. 866]. Но ни один источник не говорит о подчинении Балха при Варахране V; как мы увидим далее, в последующие десятилетия город принадлежал кидаритам. Видимо, сведения ат-Табари следует интерпретировать в том смысле, что Варахран назначил Нарсе наместником Хорасана и приказал ему завоевать Балх и сделать его своей резиденцией, но продвижение к столице кидаритов не привело к желаемым результатам. Вместе с тем, мы можем предполагать, что Варахран, создав опорный пункт в Марварруде, продолжил затем наступление на восток, в сторону Балха.

В северной части восточных рубежей Нарсе – видимо, как наместник Хорасана – основал город, который в трактате «Города Ирана» носит имя Хорезм [Nyberg H.S., 1964. Ser. I, P. 114]. У восточных географов Хорезм обычно предстаёт как область; о городе с таким названием говорит только ал-Истахри, который помещает его в одном переходе от Хивы и в трёх от Ургенча [Viae…, 1927. P. 304, 341]. Очевидно, таким образом укреплялась граница по Аму-дарье на её северном участке.

В правление Ездигерда II северо-восточное направление было для Сасанидов главным. Согласно Егишэ, вскоре после заключения мира с Византией[446] приближённые стали уговаривать царя напасть на «страну кушунов» [Егишэ, 1971. С. 29], т.е. кушан, кидаритов. Началась война, продолжавшаяся два года. После короткой мирной передышки противостояние возобновилось и заняло время с четвёртого по одиннадцатый годы правления Ездигерда [Егишэ, 1971. С. 31], т.е. с 443/444 по 451 г. Егишэ сообщает, что Ездигерд велел построить в земле

[446] Как показано выше, это произошло в 441 г.

«кушунов» город, ставший его резиденцией [Егишэ, 1971. С. 31]. О каком именно городе идёт речь, не сообщается, и можно лишь предполагать, что Ездигерд ещё немного продвинулся в направлении Балха.

По словам Егишэ, в результате постоянных войн кидариты были ослаблены [Егишэ, 1971. С. 31]. Видимо, решив нанести им сильный удар, Ездигерд на двенадцатом году своего правления, т.е., по всей вероятности, весной 452 г. предпринял новый поход и достиг страны Талакан. Скорее всего, этот Талакан – средневековое поселение Талеган на пути из Мерва в Балх [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 32]. Из этого следует, что Ездигерд двигался на Балх. Правитель кидаритов не решился выступить ему навстречу и бежал в пустыню. Войска Ездигерда совершили ряд набегов и овладели несколькими городами, которые, однако, Егишэ не называет [Егишэ, 1971. С. 36].

Несмотря на успех похода Ездигерда кидариты сохранили силы и через некоторое время вторглись во владения Сасанидов [Егишэ, 1971. С. 58]. Противостояние возобновилось. Согласно Егишэ и Лазару Парбеци, на шестнадцатом году своего правления (в данном случае – весной 456 г.) Ездигерд решил нанести кидаритам решающий удар и выступил в поход на них. Не в силах сдержать натиск персов, правитель кидаритов предпочёл не вступать в генеральное сражение и изнурять противника мелкими локальными стычками. Когда через некоторое время Ездигерд стал возвращаться в Иран, кидариты двинулись вслед за ним и разорили некоторые владения Сасанидов. Хотя указанные авторы считают исход дела поражением Ездигерда [Collection…, 1869. P. 306; Егишэ, 1971. С. 127], вполне вероятно, что и он, продвинувшись в глубь вражеской территории, нанёс кидаритам немалый урон.

Правление Пероза, как показано в главе 2, началось с того, что он, пробыв около года у эфталитов, пришёл затем к власти с их помощью. К тому времени эфталиты усилились. Формально они подчинялись ещё жужаням, но уже с 460 г. стали посылать дань в Китай [Specht E.. 1883. P. 342]. Видимо, они стремились выйти из сферы влияния жужаней.

Логично считать, что Пероз, придя к власти, установил дружественные отношения с эфталитами. Согласно ат-Табари, эфталиты владели Тохаристаном, и Пероз отдал им город, название которого по-арабски пишется الطّالقان [Annales…, 1964.

Ser. I, P. 872][447]. Но из городов, носивших подобное название, ни один не подходит к историческому контексту: Талокан в Тохаристане не принадлежал Сасанидам, а упомянутый выше Талеган вряд ли интересовал эфталитов, так как был отделён от них владениями кидаритов. Можно предполагать, что Пероз уже тогда договорился с правителем эфталитов о совместных действиях против кидаритов и отдал ему земли последних самое меньшее вплоть до Талегана. В то же время ад-Динавари, повествуя о бегстве Пероза, относит к владениям эфталитов Тохаристан, Чаганиян, Кабулистан и земли за «великой рекой» (Аму-дарьёй) со стороны Балха [Ал-Ахбар…, 1960. С. 58–59]. В этом случае, однако, трудно понять, почему, согласно тому же автору, правитель эфталитов добивался, чтобы граница проходила по Термезу [Ал-Ахбар…, 1960. С. 59]: владея уже Чаганияном, он не получал никаких территориальных приобретений. Решение этой загадки состоит, по-видимому, в том, что правитель эфталитов требовал сделать рубежом не Термез, а реку Термеза (по-персидски *āb-i-Tirmiḏ*), т.е. Аму-дарью. Прямых указаний на это в источниках нет, однако эта гипотеза соответствует и историческому контексту, и сведениям о более поздних событиях. Ко времени конфликта с Перозом (см. ниже) эфталиты владели Бухарой [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955] или землями Средней Азии за Аму-дарьёй [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 150]. Логично считать, что Аму-дарья была рубежом, отделявшим их от владений Сасанидов. Если так, Пероз отдал эфталитам какие-то земли за Аму-дарьёй – возможно, завоёванные Ездигердом II.

Вступив на престол, Пероз продолжил на востоке политику своих предшественников. Противостояние с кидаритами продолжалось и прервалось лишь на время переговоров о заключении династического брака. Но Пероз, пообещав выдать свою сестру замуж за сына правителя кидаритов, отправил в Балх другую девушку. Обман раскрылся, что не замедлило вызвать конфликт. Согласно Приску, Пероз лично водил водил войска против кидаритов. По другому известию того же автора, послы персов объявили императору Восточной Римской Империи о победе над гуннами-кидаритами и взятии их города Βαλαὰμ;

[447] Об уступке Талегана говорится и в трактате «Предел желания в истории персов и арабов» [Browne E. G., 1900. P. 224].

издатели источника ставят дату 472 г. [Dexippi…, 1829. P. 165, 220–221]. Для названия города вполне естественной кажется конъектура Βαλαὰχ (Балх). С этого момента упоминания о кидаритах в источниках прекращаются. Вероятно, их государство либо рухнуло, либо было ослаблено настолько, что уже не представляло собой значительной силы.

Пероз, таким образом, остался лицом к лицу с эфталитами. Хотя они и помогли ему вступить на престол, к описываемому времени между ними начали накапливаться противоречия. Согласно ат-Табари, Пероз тяготился своими прежними уступками эфталитам [Annales…, 1964. Ser. I, P. 873]. Вероятнее всего, речь шла о бывших владениях кидаритов. Как мы видели, около 472 г. Пероз разгромил кидаритов и взял Балх. Но в описаниях его первого похода на эфталитов мы не раз читаем, что те к тому времени уже владели Балхом [Histoire…, 1900. P. 578; Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 150; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955]. Тем самым, на определённом этапе эфталиты захватили Балх. Если верна высказанная выше гипотеза относительно Талегана, эфталиты считали себя вправе присвоить Балх и другие владения кидаритов на основании прежних договорённостей с Перозом. Интересно отметить, что по сообщению Прокопия Кесарийского война между Перозом и эфталитами выросла из пограничного конфликта [Procopius, 1914. P. 11–12]. О том, что между державами произошло столкновение, свидетельствуют и иные данные. Известно, что Пероз пытался устроить династический брак и сватался к дочери правителя эфталитов, но получил отказ, затем направил к нему посольство с осуждением его действий и принимал у себя бежавших от него вельмож [Abulfedae…, 1831. P. 88; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955]. Со своей стороны, эфталиты стали вторгаться во владения персов [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 150]. Об угрозе, исходившей от них, косвенно свидетельствуют рассказы восточных авторов о том, что Пероз строил укрепления на восточных границах своего царства[448].

---

[448] Хамза ал-Исфахани сообщает, что Пероз построил стену за рекой, между Ираном и «страной тюрков» [Hamzae…, 1844. P. 55; Muǧmal..., 2000. S. 58]. О возведении этой стены рассказывается и в *Фарс-намэ*, где прибавлено, что её протяжённость составляла пятьдесят фарсангов [The Fársnáma…, 1921. P. 83], т.е. около трёхсот километров. Согласно

Согласно большинству источников Пероз предпринял против эфталитов два похода[449]. Дату первого из них можно восстановить только приблизительно. Феофан Исповедник помещает известие о нём под 5967 годом от сотворения мира (1 сентября 474 – 31 августа 475 гг.) [Theophanis…, 1839. P. 188]. Поскольку Пероз вряд ли начал бы войну осенью, сообщение Феофана означает, что поход следует датировать весной-летом 475 г. Согласно Балами, Пероз начал войну с эфталитами по истечении семнадцати лет своего правления [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955]. Если источник Балами считал годы правления Пероза с даты смерти Ездигерда II (конец февраля – начало марта 458 г.), мы приходим в весну 475 г. Соответствие данных разных исторических традиций, разумеется, немаловажно, однако сомнения в достоверности обеих хронологий не позволяют идти дальше гипотезы. Войско Пероза подошло к Балху [The History…, 1959. P. 131; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 955], но затем, завлечённое лже-перебежчиком в пустынные районы, понесло большие потери. Пероз был вынужден признать своё поражение и заключить с эфталитами мир, условия которого нам неизвестны. Второй поход, который в источниках представляется как попытка реванша, закончился новым поражением и гибелью Пероза, последовавшей, как показано во Введении, в августе 484 г. От ал-Масуди мы узнаём, что Пероз погиб в Марварруде [Maçoudi, 1863. P. 195]. Из этого можно заклю-

---

Фарс-намэ, стена строилась в районе Ходжента, что, однако, не подтверждается другими источниками и кажется маловероятным в свете известных нам данных о границе. Со своей стороны, Мустауфи Казвини сообщает в географической части трактата «Отрада душ» (*Nuzhat al-qulūb*), что Пероз строил укрепления на границе Гургана [The Geographical Part…, 1915. P. 159], хотя, кажется, на деле говорит о «стене Александра» (*sadd-i-Iskandar*), сохранившейся до наших дней. Различия в источниках не дают возможности отождествить укрепления Пероза с какими-либо известными нам постройками. Поэтому, считая рассказы мусульманских авторов правдоподобными и, во всяком случае, соответствующими историческому контексту, автор этих строк считает правильным оставить окончательное решение вопроса об идентификации построек Пероза специалистам по археологии.

[449] Иисус Столпник говорит о трёх походах [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 10], но явно противоречит в этом остальным источникам.

чить, что персы наступали через Нишапур, Мерв и Марварруд в сторону Балха, т.е., вероятно, по тому же пути, которым прежде ходил Ездигерд II.

Победа над Перозом не дала эфталитам значительных важных территориальных приобретений. На первых порах они пытались развить наступление и овладели большей частью Хорасана, но Сухра выбил их оттуда [Annales…, 1964. Ser. I, P. 873]. О том, какие земли остались под властью Сасанидов, можно судить по тому, что царь Валаш чеканил монеты в Гургане и Абаршахре (Нишапуре) [Цоцелия М. В., 1981. С. 100–102], а на состоявшемся в его правление церковном соборе (ноябрь 499 г.) итоговое постановление подписали епископы Гургана, Туса, Абаршахра (Нишапура) и Мерва [Synodicon…, 1902. P. 62–68, 310–317]. Поскольку собор, судя по тексту постановления, был созван по велению царя, можно считать, что на него собрались епископы из тех земель, которые на тот момент были под властью Сасанидов. В том же тексте упоминается и епископ Герата, который лично не присутствовал на соборе, но поддержал его решения, прислав письмо [Synodicon…, 1902. P. 62, 311].

По этому рассказу трудно делать определённые выводы относительно Герата. Епископ мог не приехать потому, что город находился под властью эфталитов, но также и по другим причинам, например – вследствие продолжавшейся войны и разбоя на дорогах. Иисус Столпник пишет, что в правление Валаша гунны разоряли владения Сасанидов, причиняя большой ущерб [Wright W., 1968. P. 15]. Название «гунны» может здесь относиться к разным народам, например к кавказским гуннам или хионитам, но, судя по контексту, имеются в виду те, кто победил Пероза, т.е. эфталиты. О вражде между Валашем и эфталитами свидетельствует и то, что именно у них искал защиты Кавад. Имей эфталиты дружеские отношения с Валашем, они могли бы выдать ему Кавада, но этого не произошло.

Не исключено, что именно во время пребывания Кавада у эфталитов (484–488) были достигнуты договорённости, определившие дальнейшее развитие событий на северо-востоке. Мы выдвигаем это как гипотезу, но в пользу её свидетельствуют следующие соображения. Чтобы получить от правителя эфталитов войско, Кавад должен был заключить с ним договор. О сути этого договора говорят результаты его исполнения. В

правление Кавада Сасанидская держава удерживала свои владения на востоке, в том числе и самые отдалённые. Известны монеты Кавада, чеканенные в Герате (с 496 г.) и Мерве (с 505 г.) [Gyselen R., 2003. P. 164]. В то же время, был установлен своего рода протекторат эфталитов над Сасанидской державой. Согласно Прокопию Кесарийскому, Кавад, придя к власти первый раз[450], два года платил дань эфталитам, но затем перестал [Procopius, 1914. P. 30–31]. Несмотря на это, в источниках нигде не говорится о карательном походе эфталитов, чего вполне можно было бы ожидать. То же самое мы видим и далее. Повторно лишившись трона в 498 или 499 г., Кавад вновь нашёл убежище у эфталитов, правитель которых выдал за него замуж дочь[451] и предоставил войско для борьбы за власть. Вернув себе престол, Кавад был обязан платить дань эфталитам [Procopius, 1914. P. 48-49] [452]. Китайские источники, повествующие о событиях VI в., называют в числе данников эфталитов Парфию (*А-си*) [Specht E.. 1883. P. 342, 344], т.е., в данном контексте, Сасанидское государство. В упомянутом выше известии о путешествии Сун Юня и Хуэй Сана (517–518 гг.) мы читаем, что эфта-

---

[450] У Прокопия это ошибочно следует за гибелью Пероза.

[451] Это событие особенно важно в контексте отношений между державами. Следует обратить внимание на историю о женитьбе Кавада на дочери правителя эфталитов. Сведения об этом встречаются у византийских авторов [Agathiae…, 1828. P. 269; Procopius, 1914. P. 46–47]. Иисус Столпник тоже говорит об этом бракосочетании, но добавляет некоторые сведения, отсутствующие в других источниках. По его словам, женой Кавада стала дочь его сестры – дочери Пероза. Последняя попала в плен во время похода 484 г., стала женой правителя эфталитов и родила от него дочь, которую впоследствии выдали замуж за Кавада [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 19]. Эти сведения неоднозначны, так как, согласно мусульманским традициям дочь Пероза Пероздохт была выдана эфталитами Сухра; впрочем, речь может идти о двух разных девушках. Ат-Табари в рассказе о первом бегстве Кавада (многие детали которого относятся, как показано в прим. 206, ко второму бегству) сообщает, что ожидание Кавада затянулось, и он просил жену правителя эфталитов объявить его своим сыном и убедить мужа оказать требуемую помощь [Annales..., 1964. Ser. I, P. 884]. Возможно, и этот рассказ относится ко второй эмиграции Кавада. Во всяком случае, в результате брака с дочерью правителя эфталитов Кавад становился в один ряд с его сыновьями.

[452] Здесь Прокопий снова ошибается и путает Валаша с Жамаспом.

литы взимают дань со всех окружающих народов, причём в числе сопредельных с ними стран фигурирует и *По-се* (Персия) [Beal S., 1884. P. xci–xcii]. Эта дань, судя по всему, была не столько контрибуцией побеждённого, сколько платой вассала за покровительство и военную помощь, которую эфталиты оказывали Каваду и далее. Во время похода Кавада на Амиду (см. выше) в войске царя был отряд эфталитов [Procopius, 1914. P. 64–65]. Таким образом, Кавад сохранил владения Сасанидов на северо-востоке путём формального признания верховенства правителя эфталитов и выплаты дани.

– Юго-восточное направление

Из всех составляющих внешней политики Сасанидов наименее изучено юго-восточное направление, открывавшее путь в Индию. Имеющиеся сведения скудны, причём положение исследователя значительно осложняется практически полным отсутствием индийских материалов. Поэтому картину событий мы можем восстановить лишь в общих чертах и приблизительно.

Как показано выше, Ардашир I, объединяя Иран под своей властью, начал войну против правителей Мукрана и Турана и лишь после их капитуляции вывел оттуда войска. Несмотря на капитуляцию, в эти земли был назначен сасанидский *шахрдар*. В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» упоминается его сын Нарсе, именуемый правителем Индии, Систана и Турана до побережья [Maricq A., 1958. P. 316–317]. Несколько ранее в той же надписи в числе подвластных Шапуру территорий на востоке называются Туран, Мукран и Индия [Sprengling M., 1953. P. 14; Maricq A., 1958. P. 306–307]. По «Индией», кажется, понимаются территории к западу от Инда. Аммиан Марцеллин утверждает, что пределы Персидской державы простираются до Ганга [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 356–357], хотя, кажется, имеет в виду Инд. О Шапуре II сообщается, что он построил город Фарр-Шапур (Хварр-Шапур), который, кажется, должен был стать оплотом влияния Сасанидов к западу от Инда в его среднем течении[453]. Рассказывая об этом, ас-Саалиби добавляет,

[453] В *Фарс-намэ* мы читаем, что Шапур II построил в землях Синда и Индии город Фарр-Шапур и некоторые другие [The Fársnáma…, 1921.

что Шапур написал царям Синда и Индии и потребовал платить ему дань, что они впоследствии и делали [Histoire…, 1900. P. 530]. Изолированность этого сообщения не даёт возможности определить, к кому обращался Шапур – к *кадагх(в)адай*-ам, вышедшим из подчинения в начале его правления, или к пока не зависевшим от Сасанидов мелким правителям[454]. На возможность территориальной экспансии в какой-то степени указывает то, что, по некоторым данным, в Индии персов считали врагами[455], но в источниках не сохранилось сведений ни об одном реальном конфликте.

Далее мы располагаем лишь легендарными рассказами. В ряде источников встречается известие о том, как Варахран V Гор инкогнито ездил в Индию. По наиболее распространённой в источниках версии Варахран, находясь при дворе индийского

P. 74]; схожие сведения сообщают и другие авторы [Histoire…, 1900. P. 529; Eutychii…, 1906. P. 134; Annales..., 1964. Ser. I, P. 845; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 658; Китаб ал-Масалик…, 1992. С. 286]. К сожалению, мы плохо представляем себе месторасположение Фарр-Шапура, чтобы делать определённые выводы. Об этом городе упоминает только Якут, который помещает его между Газной и Лахором [Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 250]. Поскольку о расположении городов во времена Якута судили в основном по рассказам путешественников (прежде всего – купцов), возможно, что речь идёт о каком-то торговом пути. Едва ли то была дорога через Пешавар, остававшийся тогда под властью кидаритов. Вернее искать Фарр-Шапур на пути из Газны в Лахор через Мултан. О пути из Газны в Мултан сообщает географ X в. ал-Мукаддаси. По его словам, путь пролегал через пустынные места; движение по нему иногда занимало три месяца [Descriptio…, 1906. P. 486]. Вероятно, путешественники двигались в обход Сулеймановых гор и хребта Тоба-Какар, по пути, который, возможно, был подобен нынешнему – через Кандагар, Кветту и Лоралай. Если так, Фарр-Шапур следует искать приблизительно в районе современных Дера-Гази-Хана и Джампура.

[454] Судя по одному упоминанию в источниках, в землях, расположенных по течению Инда, в Пенджабе и Кашмире со стороны Индии, тогда правили выходцы из простонародья, изгои из числа знати и гунны [The Purana Text…, 1913. P. 74].

[455] Об этом косвенно свидетельствует то, что знаменитый индийский поэт Калидаса, описывая походы эпического героя Рагху, называет в числе его противников также персов [The Raghuvams'a…, 1922. P. 31].

правителя[456], совершил ряд подвигов и помог отразить нападение врагов. В благодарность за это правитель женил Варахрана на своей дочери, дав в приданое Мукран и город Дайбул[457] со всеми податными поступлениями [Maçoudi, 1863. P. 191; Histoire…, 1900. P. 560–564; Eutychii…, 1906. P. 177–178; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 661; Annales…, 1964. Ser. I, P. 867–868; Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 76; Muǧmal…, 2000. S. 56]. Достоверность этих рассказов не может не вызвать сомнений, так как и Мукран, и расположенный к западу от Инда Дайбул[458] и без того должны были принадлежать Сасанидам. Но в *Шах-намэ* обнаруживаются подробности, которые позволяют объяснить этот сюжет. Мы читаем, что отец и дед индийского правителя (его имя в *Шах-намэ* – Шангал) служили Сасанидам, а сам он, в отличие от Варахрана, был не царём (*šāh*), а наместником Индии (*nigāhbān-i-Hind*). Один из сановников Варахрана возмущается тем, что Шангал самостоятельно требовал дани от правителей Синда и Китая. Сам Варахран сначала угрожает Шангалу войной, а затем, прибыв инкогнито, на пиру призывает его встать на правильный путь [Ferdowsi's…, 1935. P. 2221–2222, 2227]. Всё это заставляет видеть в «индийском

---

[456] Имя этого царя в источниках называется по-разному: *Štrma* или *Šabarma* (ал-Масуди, Гардизи) или *Šangal* (Фирдоуси, «Собрание историй и рассказов») с вариацией *Šankalat* (ас-Саалиби).

[457] В истории Гардизи – Мукран и Синд.

[458] Наиболее точную локализацию даёт Ибн Хордадбех, согласно которому Дайбул находился в двух *фарсанг*-ах от устья Инда [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 62]. То же самое сообщает и географ ал-Идриси (1100–1165); у него расстояние от Дайбула до устья Инда составляет шесть миль [Al-Idrīsī, 1971. P. 167], и, если милю, как обычно, принимать за треть *фарсанг*-а, получаются те же два *фарсанг*-а. Хаджи Халифа сообщает, что первоначально Дайбул был построен на мысе около устья Инда [Gihan-numa…, 1818. Pars I, P. 213]. Это в общем соответствует словам ал-Мукаддаси о том, что река Михран, как мусульманские географы называли Инд, впадает в море около Дайбула [Descriptio..., 1906. P. 483]. Всё говорит за то, что Дайбул следует искать на побережье, в нескольких километрах к западу от устья Инда. Согласно ал-Идриси, в Дайбул направлялись корабли из Омана, Индии и Китая [Al-Idrīsī, 1971. P. 167]. Эти слова относятся, конечно, ко временам самого ал-Идриси, но нельзя исключать, что такой морской путь существовал и в сасанидские времена.

правителе» сасанидского наместника, *кадагх(в)адай*-а, который, с точки зрения царя, повёл себя слишком независимо. Если так, действия Варахрана легко объяснить: он привязал «индийского правителя» к себе, взяв его дочь в жёны, и одновременно отнял у него некоторые важные в стратегическом отношении пункты, в частности, Дайбул. Всё это должно было укрепить позиции Сасанидов на юго-восточных рубежах державы.

Последнее известие о положении дел на юго-востоке до правления Хосрова I – рассмотренный во Введении рассказ о войне царя Валаша против неназванного индийского правителя. Валаш якобы сватался к дочери индийского царя, но тот отказал ему. Валаш выступил в поход, убил индийского царя в единоборстве перед решающим сражением, разгромил его войско и захватил столицу [Le livre…, 1898. P. 242]. Поскольку этот текст, как показано во Введении, изначально принадлежал к сасанидской «Книге о владыках», можно предположить, что он основан на реальных событиях. Вместе с тем, в рассказе не уточняется, о правителе какого государства идёт речь (литературный жанр того не требовал), что не даёт возможности делать определённые выводы. Можно, однако, сказать, что этот сюжет вполне вписывается в обозначенную выше историческую картину, в которой Сасаниды не имели на юго-востоке территориальных потерь и удерживали под своей властью территории, расположенные к западу от Инда.

ЧАСТЬ II
ЖИЗНЬ И ПРАВЛЕНИЕ ХОСРОВА I АНУШИРВАНА

ГЛАВА 1
ХОСРОВ ДО ПРИХОДА К ВЛАСТИ

Говорить о первых годах жизни деятелей далёкого прошлого всегда нелегко. Даже самые известные персонажи до выхода на историческую сцену остаются, как правило, вне поля зрения авторов источников. Исключения из этого правила встречаются тогда, когда есть подробные биографии, которые освещают жизнь того или иного деятеля начиная с её первых лет, или же когда эти первые годы связаны со значительными событиями.

В случае с Хосровом Ануширваном происходит нечто подобное. В мусульманской историографической традиции его рождение связывается с бегством Кавада к эфталитам. Согласно легенде, которую можно обнаружить во многих мусульманских традициях, Кавад, пребывая в пути, остановился в каком-то имении и приказал Зармихру найти ему спутницу. Зармихр договорился с хозяином имения, и тот послал к Каваду свою дочь. От этой связи и родился Хосров Ануширван. Возвращаясь с войском эфталитов, Кавад ещё раз встретился с матерью Хосрова [Histoire…, 1900. P. 590–592; The Fársnáma…, 1921. P. 85; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 663; Ал-Ахбар…, 1960. С. 65–66; Annales…, 1964. Ser. I, P. 883–884; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 185; Muǧmal…, 2000. S. 59].

В достоверности этой легенды можно усомниться. А. Кристенсен напрочь отказывал ей в достоверности, основываясь на сведениях византийских авторов [Christensen A., 1944. P. 354]. Прокопий Кесарийский в двух местах упоминает о матери Хосрова, которая, по его словам, была сестрой человека по имени Аспевед (ʼΑσπεβέδης) [Procopius, 1914. P. 82–83, 210–211]. Эти слова повторяет затем Феофан Исповедник, который пишет, что Хосров был рождён сестрой Аспеда (ʼΑσπέδης) [Theophanis…, 1839. P. 258] [459].

---

[459] Это сообщение Прокопия позволяет исключить возможность отождествления матери Хосрова с дочерью правителя эфталитов, выданной замуж за Кавада немногим позже (см. прим. 451).

Но отбрасывать данные мусульманских традиций только на этом основании было бы неверно. В освещении этих событий есть и ещё одна традиция – восточно-христианская, которая, будучи независимой от традиции мусульманской, почти полностью совпадает с ней. Согласно «Сиртской хронике», Хосров родился в земле тюрков[460] в то время, когда Кавад бежал туда [Histoire…, 1950. P. 146]. Можно, разумеется, спорить о том, что в данном случае понимается под «землёй тюрков» (вопрос о месте рождения Хосрова будет рассмотрен ниже). Но очевидно, что и здесь рождение Хосрова связывается с бегством Кавада к эфталитам. Христиане вполне могли обладать достоверной информацией об этих событиях, так как, согласно тому же источнику, помогали Каваду в пути [Histoire…, 1950. P. 128].

Слово «Аспавед» можно интерпретировать по-разному. По звучанию ближе всего к нему среднеперсидский титул *аспбад*, который фигурирует в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры»[461]. Между тем, Феофилакт Симокатта сообщает, что один из сановников Хосрова II Парвиза, Виндой, был сыном Аспаведа (’Ασπαβέδης) и, так же, как и его брат Вистам, родственником царя [Theophylacti…, 1834. P. 162]. Авторы, принадлежащие к мусульманским традициям, считают Виндоя и Вистама дядьями со стороны матери (*ḫālān*) Хосрова Парвиза [Ал-Ахбар..., 1960. С. 84, 86; Annales..., 1964. Ser. I, P. 993]. Ещё бо-

---

[460] Имеются в виду эфталиты.

[461] Слово *аспбад* буквально значит «заведующий лошадьми», что можно интерпретировать и как «главный конюший» (т.е. управляющий царской конюшней) [Sprengling M., 1953. P. 12, 19], и как «командир конницы» [Maricq A., 1958. P. 326]. Сделать выбор между этими трактовками непросто. Первая трактовка очевидно лучше соответствует буквальному переводу, хотя не исключено, что среднеперсидское *asp*, как арабское *ḫayl*, значит также «конное войско». В пользу второй трактовки говорит то, что главный конюший носил титул *ахваррбад* (от ср.-перс. *aḫwarr*, «стойло»), причём, судя по надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры», эта должность была не очень высокой [История Армении…, 1953. С. 98; Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 324–325]. В противоположность этому *аспбад* по имени Пероз занимает в той же надписи очень высокое положение, между *хазарбад*-ом и первым среди *вузург*-ов, Ардаширом из могущественного в те годы рода Варазов [Sprengling M., 1953. P. 12, 19; Maricq A., 1958. P. 326–327]; вполне возможно, что он, как и *хазарбад*, принадлежал к Сасанидам.

лее важны свидетельства Себеоса, который также считает Виндоя и Вистама дядьями Хосрова Парвиза со стороны матери, а далее упоминает об их сестре, бывшей, по его словам, дочерью Аспарапета, вельможи парфянского происхождения. В другом фрагменте Себеос рассказывает, что Хормузд IV казнил великого Аспарапета парфянина Пахлава[462]. Слова Себеоса в какой-то степени подтверждаются фрагментом письма Вистама к Хосрову II Парвизу, приводимым у ад-Динавари. Если этот текст – не апокриф, нельзя не отметить, что Вистам хвалится своей родословной, возводя её к Дарию III, и заявляет, что он, таким образом, благороднее Сасанидов [Ал-Ахбар..., 1960. С. 103]. Речь, видимо, идёт о том, что род Вистама принадлежал к Пахлавам, которые, как Аршакиды, возводили своё происхождение к Ахеменидам [Annales..., 1964. Ser. I, P. 704].

Таким образом, Аспавед Феофилакта Симокатты – Аспарапет Себеоса. Армянское *аспарапет* или *спарапет* аналогично среднеперсидскому *spāhbad*. В *Фарс-намэ* прямо утверждается, что Кавад во время бегства сошёлся с дочерью *спахбад*-а, которая и стала матерью Хосрова Ануширвана [The Fársnáma…, 1921. P. 85]. Поэтому в Аспеведе Прокопия правомернее, кажется, видеть *спахбад*-а нежели *аспбад*-а.

Как показано в главе 1 части I, слово *спахбад* могло означать и командующего войском, и представителя рода Спахбадов. Некоторые предположения в этом отношении можно высказать на основе известий о месте рождения Хосрова. Оно указывается только в произведениях мусульманских авторов, причём здесь отчётливо выделяются две традиции. Одна из них обнаруживается в исторических произведениях и считает местом рождения Хосрова район Исфарраина, расположенный к северо-западу от Нишапура. Впервые это утверждение встречается, кажется, в труде Ибн ал-Джаузи, который в повествовании, основанном на сведениях ат-Табари, упоминает о том, что встреча Кавада с дочерью хозяина имения, где он укрывался, произо-

---

[462] Здесь, кажется, правомернее использовать более ранний перевод К. П. Патканова, где говорится именно об Аспарапете [История императора…, 1862. С. 34, 36, 38]. В переводе С. Т. Малхасянца, на который мы главным образом опираемся в настоящей работе, говорится о «военачальнике» [Епископ Себеос, 1939. С. 33, 35]. Между тем, в новейшем переводе Р. У. Томсона фигурирует *asparapet* или *sparapet* [The Armenian History..., 1999. P. 14]

шла в Исфарраине [Ал-Мунтазам..., 1992. С. 108][463]. Впоследствии аналогичные сообщения появляются у ас-Саалиби [Histoire..., 1900. P. 591] и Банакати [Tārikh e Banākatī, 1969. P. 60], а также, со ссылкой на авторитетных историков (*a'immat al-tārīḫ*) – в «Собрании [известий] о следах [деяний] царей персов» [Китаб ал-муджам…, 1869. С. 255]. Сюда же можно отнести труд ан-Нувайри, который, правда, не упоминает об Исфарраине, но говорит о женитьбе Кавада в Абаршахре (Нишапуре) [Нихайат…, 2004. С. 149].

В некоторых исторических произведениях встречаются иные данные. Согласно Ибн Кутайбе, встреча Кавада с будущей матерью Хосрова произошла на пути в Хорасан [Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 662], а по ад-Динавари – ещё ближе к столице, на границе Хузестана и области Исфахана [Ал-Ахбар..., 1960. С. 65; ср. Histoire…, 1843. P. 235].

Особая традиция представлена в географических произведениях. В конце IX в. ал-Якуби, описывая область Исфахана, упомянул о расположенном в ней районе (*rustāq*) Ардистан и добавил:

«говорят, что в этом месте родился Хосров Ануширван» [Kitâb al-Aʿlâk…, 1892. P. 275].

Едва ли подлежит сомнению, что здесь воспроизводится местное предание. В более полном виде оно представлено у младшего современника ал-Якуби – Ибн Ростэ:

«К ней (области Исфахана. – *Д. М.*) относится Ардистан. В числе его селений есть одно, именуемое Ардистан. Из-за его великолепия и богатства округ был назван по его имени. Там родился Хосров Ануширван, оттуда его привезли в столицу, и он стал царём. И вместе с ним к писцам его часто направлялись восемьдесят юношей из жителей этого селения. Воцарившись, он (Хосров. – *Д. М.*) перевёз их в свою столицу, приблизил к себе, обласкал и дал приказ – и для каждого из них был построен дворец, в котором он жил подобно царям… Эти дворцы стоят и поныне, и потомки [этих людей] гордятся ими» [Kitâb al-Aʿlâk…, 1892. P. 153].

О том, что, по некоторым утверждениям, Хосров родился в Ардистане, позже писал Якут [Yāqūt…, 1957. T. I, P. 146].

---

[463] В тексте издания, которым пользовался автор этих строк, это название пишется как إسعراس, но это, несомненно, искажённое إسفرايين – Исфарраин.

Из всех изложенных версий наиболее правдоподобной кажется та, по которой Хосров был зачат во время пребывания Кавада в Исфарраине. Только она позволяет провести параллель между сведениями мусульманских авторов и известием «Сииртской хроники» (упоминаемую в ней «землю тюрков» можно было спутать с восточными пределами Сасанидской державы). Кроме того, задержаться на несколько дней для любовных утех Кавад мог только находясь в безопасности, а её по понятным причинам было тем больше, чем дальше отъезжал он от столицы, которую контролировали его противники. Едва ли царь мог позволить себе такое, не достигнув ещё Хорасана. К тому же, из логики ситуации следует, что до пограничных областей у Кавада просто не было времени останавливаться: дорогу к эфталитам могли перерезать в любой момент.

Из представителей высшей знати к Исфарраину ближе всего жили Спахбады, родовое гнездо которых находилось в Гургане (см. главу 1 части I). Возможно, Кавада укрыл один из них. Точных данных у нас нет, но эта гипотеза соответствует сохранившимся сведениям источников.

Для восстановления хронологии рассматриваемых событий необходимо определить, о каком из двух бегств Кавада идёт речь. Здесь восточные авторы иногда путаются. Ат-Табари, например, включает сообщение о рождении Хосрова в рассказы об обоих бегствах [Annales..., 1964. Ser. I, P. 883–884, 887]. Но Зармихр сопровождал Кавада только во время второго бегства (см. прим. 206). Кроме того, Кавад в первый раз бежал к эфталитам в 484 г., во второй – в 498/499 г. Хосров умер весной 579 г. Если Кавад сошёлся с матерью Хосрова во время первого бегства, Хосров должен был появиться на свет в 485 г. и умереть, таким образом, в возрасте более девяноста лет. Такое долголетие, однако, кажется маловероятным само по себе, а кроме того, не подтверждается источниками. Напротив, в истории Банакати говорится, что Хосров назначил своего сына Хормузда наследником престола в возрасте восьмидесяти четырёх лет [Tārikh e Banākatī, 1969. P. 64]. У Фирдоуси Хосров завещал трон сыну Хормузду в возрасте семидесяти четырёх лет, а затем прожил ещё год [Ferdowsi's…, 1935. P. 2561, 2563][464]. Всё это

[464] Заметим, впрочем, что графическая разница между هفتاد (*haftād*, семьдесят) и هشتاد (*haštād*, восемьдесят) невелика, вследствие чего можно предполагать ошибку переписчика.

заставляет нас сделать выбор в пользу более поздней даты и считать, что Хосров родился во время второго бегства Кавада к эфталитам.

Упоминание об Ардистане заслуживает особого внимания. Судя по тексту Ибн Ростэ, в нём воспроизводятся предания жителей селения. Такой характер источника сам по себе не вызывает недоверия – тем более, что Ардистан, судя по всему, существовал в сасанидскую эпоху. Якут сообщает, что в Ардистане были постройки времён Хосрова Ануширвана [Yāqūt…, 1957. T. I, P. 146]. Другой поздний географ, Мустауфи Казвини, повествует, что Вахман, сын Исфандияра (Спандияда), воздвиг там святилище огня [The Geographical Part…, 1915. P. 72]. В то же время, «ардистанская» версия, в отличие от всех остальных, не упоминает о бегстве Кавада. Из прочтения текста Ибн Ростэ складывается впечатление, что основой для неё послужили рассказы о пребывании Хосрова в Ардистане в детстве и, может быть, ранней юности. Оно подкрепляется текстом *Фарс-намэ*, где мы находим следующий фрагмент:

«В этой обстановке[465] прибыл отец его (Кавада. – *Д. М.*) жены и привёз с собой Ануширвана с его матерью. Ануширван тогда близился к совершеннолетию» [The Fársnáma…, 1921. P. 85].

Поручиться за достоверность сведений *Фарс-намэ* нельзя, так как сообщение, к которому принадлежит процитированный выше фрагмент, носит явно легендарный характер. Согласно ему, Кавад устроил для Хосрова испытание, предложив опознать царя среди нескольких похожих друг на друга людей. Думается, нет нужды говорить, что в *Фарс-намэ* Хосров с честью выдерживает испытание и узнаёт отца. Но в сочетании с «ардистанской легендой» этот рассказ приобретает смысл. Направляясь с эфталитским войском к Ктесифону, Кавад, видимо, ещё не был уверен, что знать примет его, и потому счёл за благо оставить жену и сына в относительно безопасном месте. Таковым вполне мог стать Ардистан.

Едва ли подлежит сомнению, что Хосров воспитывался как молодой персидский аристократ и приобретал соответствующие этому статусу знания и умения. Судя по рассказу о воспитании юного Ардашира в «Книге деяний», он постиг искусства

---

[465] Речь идёт о том, что Кавад, замирившись с арабами, готовился к войне с Византией.

верховой езды и письма. Затем, находясь (если верить источнику) при дворе последнего парфянского царя Артабана, он превосходил сверстников из знатных родов в верховой езде, конном поло, *чатранг*-е (шахматах), нардах и прочих искусствах. Далее в «Книге деяний» упоминается училище (*frahangistān*), где занимались юные аристократы [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 4, 5, 7]. Особое место занимала стрельба из лука, которая была для персов сасанидского времени своего рода национальным спортом. Шапур I приказал выбить на камне надпись, чтобы увековечить удачный выстрел [Herzfeld E., 1924. P. 84–89]. Подвиги лучников запоминали; существовала даже символическая «тройка» лучших выстрелов всех времён [Annales..., 1964. Ser. I, p. 992–993]. Все эти умения считались необходимыми для молодого аристократа, по ним судили о его способностях. Когда молодой представитель рода Нахварганов Мар Кардаг (о нём см. главу 1 части I) прибыл ко двору Шапура II, тот приказал ему продемонстрировать, насколько он хорош в стрельбе из лука. Затем Мар Кардаг играл в поло с царём и его военачальниками. Наконец, после удачного выстрела на охоте Мар Кардаг снискал такую симпатию царя, что тот назначил его правителем обширной и важной в стратегическом отношении области [Acta…, 1890. P. 13–15]. Другой характерный пример относится к более позднему времени. Приблизительно в конце VI – начале VII в. молодой арабский аристократ из Хиры Ади Ибн Зайд, учившийся вместе с сыном персидского *марзбан*-а, овладел искусствами стрельбы из лука и игры в поло. Когда через некоторое время *марзбан* с сыном отправился ко двору Хосрова II Парвиза, тот устроил им испытание в стрельбе [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 2, с. 19].

В духовном отношении акцент делался на усвоении основ вероучения. В религиозном воспитании детей зороастрийские отцы подчас проявляли большое рвение. Известный деятель раннеисламской эпохи перс Салман ал-Фариси так повествует о своём детстве в доме отца-зороастрийца:

«Он (отец. – *Д. М.*) любил меня более всех созданий Господа, и любовь ко мне в нём не прекращалась. Дошло до того, что он заточил меня в доме, как заточают девушку, и я усиленно занимался учением магов (*al-maǧūsiyya*) и наконец стал служить

жить огню, который он разжигал и поддерживал, не давая погаснуть даже на время» [Das Leben…, 1859. S. 136–137][466].

Кавад, который, как показано выше, отнюдь не был религиозным ортодоксом, едва ли действовал таким образом. Но религиозное воспитание Хосров, несомненно, должен был получить. Встаёт вопрос, столь же интересный сколь и важный для настоящего исследования: в какой традиции – зороастрийской дуалистической, зурванитской или маздакитской он был взращён?

Важнейший источник для ответа на этот вопрос – рассказ о расправе над маздакитами, который обнаруживается у византийских авторов Феофана Исповедника и Иоанна Зонары, а также в историческом своде Михаила Сирийского и «Хронике 1234 г.». Заметим, что из авторов Христианского Востока этот рассказ встречается лишь у монофизитов. Вероятно, он восходит к какому-то монофизиту, находившемуся во время правления Кавада при царском дворе. В то время монофизиты активно проникали во владения Сасанидов, но одновременно сохраняли связи со своими единомышленниками в Византии. Вполне естественно поэтому, что этот рассказ, сохранившийся у поздних монофизитских авторов на востоке, известен и на западе.

В наиболее ранней передаче рассказа Феофан Исповедник пишет, что

«его (Кавада. – *Д. М.*) третьего сына, именуемого Фасварсан (Φθασουαρσάν), которого родила ему его дочь Самвики (Σαμβύκη)[467], манихеи воспитали и сделали [приверженцем] своих воззрений…» [Theophanis…, 1839. P. 261].

---

[466] В одной параллельной передаче концовка текста выглядит так: «…который (огонь. – *Д. М.*) мы разжигали и поддерживали, не давая погаснуть [Китаб ат-табакат…, 2001. С. 69].

[467] Форма Σαμβύκη более нигде не встречается и кажется неудачной передачей среднеперсидского *bambišn* (царица), как при Сасанидах называли принцесс из правящего рода или царских жён. Это слово фигурирует в надписях ранних Сасанидов [Herzfeld E., 1924. P. 75; Maricq A., 1958. P. 322–323]. В древнегреческом языке, на котором писал Феофан, звук *ш* отсутствовал, и в заимствованных словах его передавали различными способами, в том числе через ξ (*кс*); поэтому Ардашир I подчас именуется Артаксеркс. При записи со слуха слово *bambišn* было бы, скорее всего, передано как Βαμβύξ, и разложение конечного ξ в косвенных падежах могло дать форму Βαμβύκη, из

Иоанн Зонара сообщает об этом более эмоционально:

«… они (манихеи. – *Д. М.*), научив одного из его (Кавада. – *Д. М.*) сыновей своей отвратительной ереси, подготовили его к тому, чтобы мыслить в соответствии с их [учением»]» [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 268].

В восточных источниках для нас наиболее интересны известия «Хроники 1234 г.», где прямо называется имя этого сына:

«В то время в Персии было принято учение манихеев. Царь персов Кавад отдал манихеям своего сына Хосрова (*K.s.r.ū*), чтобы тот научился у них письму» [Anonymi auctoris..., 1920. P. 193].

При первом прочтении этот фрагмент закономерно вызывает недоумение. Мог ли Хосров, вошедший в историю как гонитель маздакитов, быть их учеником? Но при ближайшем рассмотрении видно, что и Феофан говорит именно о Хосрове. По его словам, учеником «манихеев» был третий сын Кавада, именовавшийся Фасварсан. Первых трёх сыновей Кавада мы знаем благодаря Прокопию Кесарийскому, который указывает их в такой последовательности: Кавус (Καόσης), Джам (Ζάμης)[468] и Хосров [Procopius, 1914. P. 82]. Третьим сыном назван, таким образом, Хосров. Вместе с тем, общепринято, что *Фасварсан* интерпретируется как искажённый греческим произношением титул *падашваргар-шах*, т.е. правитель Падашваргара (Табаристана). Но единственный раз когда этот титул появляется в источниках применительно ко временам правления Кавада, он относится к Хосрову. Хамза ал-Исфахани, рассказывая о традиции Сасанидов назначать сыновей и братьев наместниками подвластных земель (об этом см. главу 1 части I), отмечает:

«Ануширван при жизни своего отца Кавада носил титул يقرسجان كوشاه, т.е. царь[469] над Табаристаном» [Hamzae…, 1844. P. 51].

которой впоследствии, в результате графической ошибки, получилось Σαμβύκη.

[468] По аналогии с именем Жамасп можно было бы читать Джам. Однако царевич был, очевидно, назван в честь легендарного царя, имя которого в русской традиции произносится как Джам или Джамшид. Поэтому в дальнейшем будет употребляться форма Джам.

[469] Судя по употребляемому в тексте выражению «т.е.» (*wa huwwa*), правильнее читать здесь الملك (царь), а не التّملك (правление), как в

Приведённая графическая форма, как показывает, в частности, её интерпретация в труде ал-Исфахани, дошла до нас в явно искажённом виде[470]. Более правильная форма обнаруживается в параллельном источнике – «Собрании историй и рассказов», где в аналогичном фрагменте данный титул пишется как فدشخوارگرشاه (*fadašẖwārgar-šāh*) [Muğmal…, 2000. S. 31], т.е. «правитель Падашваргара». При этом в «Собрании» сообщается, что во время царствования Кавада Табаристаном правил и другой его сын, ошибочно именуемый Карен (графическая конъектура – قارن, Карен, и قاوس, Кавус) [Muğmal…, 2000. S. 31]. Тем самым, было бы неправомерно утверждать, что автор «Собрания» или его источник приписал Хосрову то, что на деле относилось к его брату.

То, что первоначально правителем Табаристана и Падашваргара был именно Хосров, а не Кавус, подтверждают и некоторые другие источники. Как будет показано далее, Кавус был направлен на север сасанидских владений в 528 г., через несколько лет после расправы над маздакитами. Поскольку Феофан в процитированном выше фрагменте рассказывает об уничтожении маздакитов, под *падашваргар-шах*-ом он вряд ли понимает Кавуса, который тогда не носил этот титул. Некоторые данные указывают на то, что Хосров в юности правил северными областями Сасанидской державы. В *Дарбанд-намэ* мы читаем, что Хосров пребывал на Аланских воротах или в Дербенте и с разрешения Кавада построил несколько городов [Derbend-Nâmeh…, 1851. P. 6; Шихсаидов А. Р., 1993. С. 18][471]. В этом *Дарбанд-намэ* расходится с произведениями арабских и персидских авторов, которые относят это строительство ко времени правления Хосрова. Такое расхождение нельзя объяснить ничем, кроме того, что автор *Дарбанд-намэ* основывается на местных преданиях. Поздний грузинский историк Давид Баграт-

---

издании. Обращает на себя внимание и то, что ал-Исфахани неправильно интерпретирует графический фрагмент كر как كو и переводит его как «возвышенности» (очевидно, от персидского كوه (*kūh*, гора).

[470] Например, первая графема этой формы (ي) представляет собой, видимо, не понятый переписчиком или издателем предлог *bi* в выражении *kāna yulaqqabu bi* (носил титул …).

[471] Об этом см. главу 3.

тиони (1767–1819) сообщает, исходя из сведений местной традиции, что Кавад послал править Ивирией своего малолетнего сына Хосрова [Давид Багратиони, 1971. С. 87]. Следовательно, есть основания полагать, что первоначально правителем Табаристана (*падашваргар-шах*-ом) был именно Хосров, который в юности управлял северными территориями.

Сведения местных традиций интересно сопоставить с известиями ранних мусульманских авторов о постройке города Пероз-Кавад. Источники соглашаются в том, что этот город был построен Хосровом, хотя расходятся в том, где он находился: Ибн Хордадбех и ал-Балазури помещают его в Грузии (*Ǧurzān*), на границе с ромеями, Якут – возле Дербента[472] [Liber…, 1863. P. 194; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 123; Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 284]. Обратим внимание на то, что город назван в честь Кавада (букв.: «Победоносный Кавад»). Скорее всего, Хосров строил город в то время, когда у власти ещё стоял Кавад, т.е. будучи наместником северных областей.

Неразрешённым остаётся вопрос о том, почему Феофан считает матерью Фасварсана дочь Кавада. Теоретически это было возможно, так как зороастрийское учение признавало брак отца с дочерью как разновидность традиционного брака между близкими родственниками – *хведода* [The Dinkard. Vol. II, 1876. Ср.-перс. текст, с. 83] и освящало его именем Ахура-Мазды [The Pahlavi Rivāyat…, 1990. P. 2, P. 277]. Этот обычай, как видно из истории, приписываемой Захарии Митилинскому, существовал и во времена Кавада [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 89]. Но то, о чём говорит Феофан, неприменимо ни к Кавусу, который, видимо, был сыном сестры Кавада, ставшей по зороастрийскому обычаю его женой[473], ни к Хосрову. Остаётся

---

[472] Возможно, Пероз-Кавад имеет какое-то отношение к крепости Пероз-Хосров, из «Жизнеописания Хосрова Ануширвана» (см. часть III). В этом тексте Пероз-Хосров помещается в область Дербента. Поэтому, если сближать Пероз-Кавад с Пероз-Хосровом, правильнее полагаться на географическую локализацию Якута.

[473] Рассказывая о роли сестры Кавада в его побеге из темницы, Балами прибавляет к переводимому им тексту ат-Табари, что уже тогда она была женой Кавада и имела от него ребёнка [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 968]. Этим ребёнком Кавада – судя по возрасту, первенцем – скорее всего был Кавус.

предполагать, что источник Феофана ошибается, и верно только то, что Хосров был рождён царицей (*bambišn*, см. прим. 467).

Политическая обстановка в Ктесифоне того времени была сложной и неоднозначной. Власть Кавада не оспаривалась, никто – ни члены рода Сасанидов, ни иные вельможи – не выступал против него открыто. Но, как мы видели, политический компромисс, установившийся после возвращения Кавада к власти, был шатким и непрочным. Было ясно, что после Кавада борьба за престол разгорится снова.

Контуры будущего противостояния были напрямую связаны с фигурами потенциальных престолонаследников. Главными претендентом на престол считался Кавус. На его стороне была политическая традиция, согласно которой престол после смерти монарха отходил его старшему сыну (см. главу 1 части I). Об этом прямо говорит Прокопий Кесарийский:

«Из детей[474] закон (νόμος)[475] призывал на царство старшего, Кавуса, по причине возраста» [Procopius, 1914. P. 82].

В пользу Кавуса были и иные обстоятельства. Вероятно, он был сыном сестры и жены царя. Когда Кавад стоял у власти, эта женщина по крайней мере номинально занимала высокое положение и пользовалась большими почестями. Византийское посольство, направленное в Персию в самом конце правления Кавада, везло подарки ему и царице – его сестре [Ioannis Malalae…, 1831. P. 467]. Не были забыты, очевидно, и прежние заслуги царицы – прежде всего, её роль в вызволении Кавада из темницы.

Не следует сбрасывать со счетов и личные качества Кавуса. В источниках он предстаёт в основном как воитель. Когда впоследствии Кавад послал его в Табаристан, он проявил себя с лучшей стороны. Местная традиция, донесённая до нас в труде Мараши, представляет его как человека храброго и достойного [Sehir-Eddin's…, 1850. S. 201].

Но Кавус был неугоден отцу. Прокопий Кесарийский, от которого мы узнаём об этом, считает такое отношение Кавада к сыну пренебрежением и к природе, и к законным установлени-

---

[474] Имеются в виду дети Кавада.

[475] Как и в аналогичном фрагменте истории Зосима (см. главу 1 части I), здесь имеется в виду политическая традиция.

ям [Procopius, 1914. P. 82–83]. Но причина этого в источниках не называется и едва ли уже сможет быть раскрыта.

Вторым сыном Кавада был Джам. Прокопий Кесарийский с похвалой отзывается о нём, отмечая, что почти все персы восхищались мужеством Джама, искусного в военным делах, и уважали иные его достоинства [Procopius, 1914. P. 84]. Но Джам – и это тоже отмечает Прокопий – в соответствии с политической традицией (ὁ νόμος) не мог занять престол, так как имел физический дефект – выбитый глаз [Procopius, 1914. P. 82]. Традиция, о которой говорит Прокопий, имела свою историю. Согласно одной из персидских легенд, Хормузд I, назначенный в правление своего отца Шапура I наместником Хорасана, притеснял местных правителей, и они пожаловались царю. При дворе Хормузда стали обвинять в намерении узурпировать власть. Чтобы продемонстрировать отсутствие властных притязаний, Хормузд отсёк себе руку и отправил её отцу вместе с письмом, в котором доказывал, что не намеревается бороться за престол [Annales..., 1964. Ser. I, P. 833]. Тем не менее, Кавад, судя по рассказу Прокопия Кесарийского, полагал, что Джам и его многочисленные сторонники не отступятся и будут бороться за власть – по крайней мере, если престол отойдёт Хосрову [Procopius, 1914. P. 82–85].

Что могло вознести Хосрова на вершину власти? Важнейшим козырем в придворной борьбе было расположение царствующего монарха. Прокопий Кесарийский сообщает, что Кавад «любил Хосрова сверх всякой меры» [Procopius, 1914. P. 82–83]. Аналогичные сведения сообщает и персидская традиция. Балами пишет, что Хосров был для Кавада любимее и дороже прочих сыновей [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 967]. Но объяснить чувства Кавада – особенно если учесть, что он и Хосров не идеализировали друг друга (об этом см. главу 2) – невозможно, и потому приходится принимать указанные сведения как данность.

Из людей, которые поддерживали Хосрова, прежде всего следует обратить внимание на его мать. Её имя, если следовать традиции, исходящей от ат-Табари, было Нивандохт [Annales..., 1964. P. 884; Ал-Мунтазам..., 1992. С. 105][476]. Согласно исто-

[476] Видимо, от среднеперсидского *Nēwāndoḫt*, что можно перевести как «дочь доблестных».

рии, приписываемой Захарии Митилинскому, Кавад очень любил её [Historia…, 1921. P. 98]. В *Фарс-намэ* мы читаем, что Кавад сделал мать Хосрова первой в своих покоях и наделил её властью над ними [The Fársnáma…, 1921. P. 86]. Став фавориткой царя, Нивандохт попыталась использовать это в придворной борьбе. Согласно Михаилу Сирийскому, мать ребёнка, воспитанного маздакитами, направилась вместе с ним к Каваду и просила его сделать престолонаследником именно её сына [Chronique…, 1901. P. 190].

В источниках названы и другие союзники Хосрова. К ним относился прежде всего Руфин, посол Византии, который уже давно ведал её отношениями с Сасанидской державой. Он вёл переговоры с Кавадом ещё во время похода на Амиду [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 51]. Прокопий Кесарийский отмечает, что Кавад знал его через отцов[477] [Procopius, 1914. P. 90–91], что тоже указывает на длительные связи между ними. В истории, приписываемой Захарии Митилинскому, можно найти даже намёк на альянс между Руфином и Нивандохт:

«Царица, мать Хосрова, любила его (Руфина. – *Д. М.*), так как он советовал Каваду сделать царём её сына» [Historia…, 1921. P. 100].

Другим сторонником Хосрова был Стефан, личный врач Кавада. О его роли в придворной борьбе мы узнаём от Прокопия Кесарийского. Когда в 544 г. Хосров осаждал Эдессу, к нему явилась делегация горожан, чтобы начать переговоры о мире. Среди послов был и Стефан. Его слова, обращённые к Хосрову, Прокопий приводит в прямой речи:

«Отсюда происхожу и я – тот, кто, не предвидя ничего из грядущего, воспитал тебя, советовал отцу твоему сделать тебя наследником престола, так что прежде всего из-за меня царская власть над персами досталась тебе, а для моего родного города наступили такие тяготы» [Procopius, 1914. P. 496–499].

За точность передачи сказанного Стефаном, разумеется, нельзя поручиться, но, если он действительно говорил что-то подобное, его слова заслуживают доверия. Речь шла о судьбе города, да и самого Стефана. Малейшая ложь могла привести Хосрова в ярость и только усугубить положение. В сложившейся ситуации Стефан не мог позволить себе казаться неискренним.

---

[477] Имеются в виду царь Пероз и отец Руфина Сильван.

Видимо, не без участия пребывавших при дворе Кавада византийцев начался первый эпизод борьбы за власть, растянувшейся более чем на десятилетие. Кавад обратился к византийскому императору Юстину I (518–527) с просьбой усыновить Хосрова. Письмо Кавада в пересказе Прокопия Кесарийского выглядит так:

«Ты и сам знаешь, что нам доводилось терпеть от ромеев несправедливое обращение. Я же, однако, решил не выдвигать против вас никаких обвинений, полагая, что победа скорее достаётся тем из людей, кто, будучи правым, уступает друзьям, даже в ущерб себе. В обмен на это я прошу тебя кое о чём, что могло бы объединить родственными узами не только нас самих, но и всех подданных обеих [держав], и установить естественно [происходящую] из этого [взаимную] приязнь, [что приведёт] к насыщению вследствие благ состояния мира. Я предлагаю тебе сделать своим приёмным сыном моего [сына] Хосрова, который унаследует власть после меня» [Procopius, 1914. P. 84–85].

Дата этого посольства указана только в хронологии Феофана Исповедника, который повествует о нём под 6012 годом от сотворения мира (1 сентября 519 – 31 августа 520 г.) [Theophanis…, 1839. P. 258–259]. Но, как отмечено во Введении, хронология Феофана вообще и в данном случае в частности представляет собой результат его собственных расчётов, которые применяются к известиям других авторов. Феофан пересказывает сообщение Прокопия Кесарийского, согласно которому параллельно с обсуждением вопроса об усыновлении Хосрова шли переговоры о заключении мирного договора, которые, однако, были сорваны вследствие заявленных персидским делегатом Сиявушем (Зармихром) притязаний на Лазику [Procopius, 1914. P. 88–93]. Поскольку конфликт между Юстином и Кавадом из-за Лазики произошёл в 521–522 гг. (см. главу 3 части I), переговоры должны были состояться вскоре после этого.

Обращение Кавада к Юстину I интересно рассмотреть в свете политических традиций тех времён. Под усыновлением при живом отце понимается опекунство. Именно так воспринимали смысл послания Кавада Феофан Исповедник и Иоанн Зонара. Оба приписывают Каваду намерение сделать Юстина опекуном (ἐπίτροπος) – всего царского дома [Theophanis…, 1839. P. 258] или только Хосрова [Ioannis Zonarae…, 1870. P. 268]. К тому времени в отношениях Византии и Сасанидской державы уже

был подобный прецедент. Император Аркадий (395–408) незадолго до смерти назначил Ездигерда I опекуном своего малолетнего сына Феодосия, будущего императора Феодосия II. Известие об этом, восходящее к Прокопию Кесарийскому, не раз повторяется в византийской литературе [Agathiae…, 1828. P. 11, 264; Georgius Cedrenus, 1838. P. 586; Theophanis…, 1839. P. 125; Procopius, 1914. P. 10–11]; мы находим его также у Михаила Сирийского [Chronique…, 1901. P. 190–191]. Георгий Кедрин уточняет, что это событие произошло в последний год жизни Аркадия. О том, как понимал Ездигерд свою роль опекуна, свидетельствует его ответное послание, содержание которого нам известно в пересказе Прокопия:

«И вот, он (Ездигерд. – *Д. М.*) немедленно написал римскому сенату послание, не отказываясь быть опекуном императора Феодосия и угрожая войной, если кто-либо станет замышлять на него» [Procopius, 1914. P. 10–11].

У Феофана Исповедника приводится текст письма, очень сходный с сообщением Прокопия:

«Аркадий почил, а меня назначил куратором своего сына – и я послал человека, который будет меня замещать. Пусть никто не замышляет против мальчика, чтобы не вызвать непримиримую войну против ромеев» [Theophanis…, 1839. P. 125].

Ездигерду не пришлось приводить свои угрозы в действие, однако сам он отправил сына Варахрана на воспитание в Хиру, сделав ал-Мунзира I (см. прим. 422) опекуном царевича. Отказ аристократии возводить на престол сыновей Ездигерда привёл к тому, что опекун вступился за Варахрана, и войско Лахмидов совершило поход на Ктесифон (см. главу 1 части I).

Восточные традиции не сохранили воспоминаний об опекунстве Ездигерда над Феодосием II[478], зато сведения о Ва-

[478] До нас дошла персидская легенда о том, что повелитель ромеев просил Шапура II послать человека, который будет управлять Византийской державой до тех пор, пока не подрастёт сын императора, а затем передаст власть ему [The Ta’ríkh-i-Guzída…, 1910. P. 110]. Применительно к правлению Шапура II это сообщение не подтверждается другими источниками. По всей вероятности, речь идёт об обращении Аркадия к Ездигерду I. Поскольку Ездигерд I предстаёт в источниках как тиран (см. главу 1 части I), весьма возможно, что хранители восточных традиций «перенесли» это

рахране V получили широкое распространение. Рассказ о его походе с лахмидским войском на Ктесифон можно найти практически в любом восточном источнике, где повествуется о Сасанидах. Вероятно, такие известия были и в среднеперсидских книгах о Варахране, которые, судя по всему, имели хождение в сасанидское время[479].

В свете этой традиции интересно отметить, что и сам Кавад, будучи в изгнании у эфталитов (498–501 гг.), просил жену их правителя усыновить его [Annales…, 1964. Ser. I, P. 884] – очевидно, в расчёте на покровительство. В конце концов правитель эфталитов женил Кавада на своей дочери и дал ему войско для борьбы за престол. После возвращения Кавада к власти Сасанидская держава стала, как мы видели, своего рода протекторатом эфталитов.

Таким образом, и хорошо известные исторические примеры, и собственный опыт показывали Каваду перспективы его действий: если Юстин I примет предложение, но Хосров не вступит на престол, это станет поводом к войне.

Обратившись к Юстину, Кавад решился на ответственный шаг. С одной стороны, он совершил то, что могло привести державу к войне, с другой – фактически отменил установившийся порядок престолонаследия, причём с расчётом на помощь врага – Византии. Такие действия далеко не обязательно должны были понравиться знати, отношение которой к царю-покровителю маздакитов и без того было неоднозначным. Стало быть, у Кавада были веские основания так поступить, а это значит, что он избрал наследника престола.

По словам Прокопия Кесарийского, Хосров выехал на границу, где встречались посольства, чтобы сразу же по достижении соглашения отправиться в Константинополь [Procopius, 1914. P. 90–91]. Судя по тому, что Кавад и Хосров были готовы привести свой план в действие, согласие Юстина представлялось им весьма вероятным. Не исключено, что источником этой уверенности был Руфин, который, как мы видели, не только

известие, которое представляет царя в положительном свете, на Шапура II.

[479] Среди книг персов Ибн ан-Надим упоминает о «Книге о Бахраме и Нарси» [Ал-Фихрист…, 1930. С. 424]. Речь, по всей вероятности, идёт о Варахране V и его брате Нарсе.

выполнял функции посла, но и по крайней мере пытался участвовать в определении престолонаследника.

Но император отказался. В Константинополе взяла верх та точка зрения, что Хосров, став «сыном» Юстина, сможет впоследствии притязать на византийский престол. Хосров вернулся к отцу, и на некоторое время в борьбе за престол наступила пауза.

Эта пауза была, однако, наполнена немаловажными событиями. После неудачи переговоров с византийцами вина за это была возложена на Сиявуша. Судя по рассказу Прокопия Кесарийского, срыв переговоров послужил скорее предлогом для выступлений против Сиявуша; на деле вельможи просто не желали подчиняться ему и сносить его высокомерие [Procopius, 1914. P. 92–93]. Было устроено нечто вроде суда знати, на котором противники Сиявуша выдвигали против него самые разные обвинения. В итоге собравшиеся потребовали казни Сиявуша. Кавад, помнивший его прежние заслуги, какое-то время противился казни, но в конце концов был вынужден уступить.

Казнь Сиявуша имела ряд политических последствий. Прежде всего, незанятым остался высокий титул *артештаран-салар*-а. Прокопий Кесарийский прямо отмечает, что после казни Сиявуша Кавад никому более не присваивал этот титул [Procopius, 1914. P. 94–95]. Создавался вакуум, что могло повлечь за собой лишь новый виток придворной борьбы.

Уход Сиявуша с политической сцены закономерно означал усиление его противников. Из них Прокопий Кесарийский называет лишь одного – Мевода (Мехбуд)[480], который, согласно ему, первым выступил с обвинениями. На момент начала переговоров с византийцами Мехбуд, согласно Прокопию, имел звание магистра [Procopius, 1914. P. 90–91]. Приходится лишь сожалеть, что Прокопий не указывает персидское название титула. Иисус Столпник в одном месте приравнивает магистра к персидскому *isṭbīd* [Wright W., 1968. P. 58], т.е. к *спахбад*-у (командующему войском). Вполне возможно, что это отождествление применимо и к Мехбуду. Из дошедших до нас сведений о нём можно заключить, что он был достаточно высокопоставленным сановником, чтобы в открытую обвинять *артештаран-салар*-а, но в то же время стоял ниже его, так как среди членов персидской делегации на переговорах первым называется Си-

[480] От среднеперсидского *meh-būd*, «великий».

явуш [Procopius, 1914. P. 90–91]. *Спахбад* соответствует обоим условиям. Занимая высокое положение командующего войсками, в иерархии он стоял ниже *артештаран-салар*-а [Annales..., 1964. P. 868].

Источники не сообщают, к какому роду принадлежал Мехбуд. Нам известны два других вельможи, называемых в византийских источниках Мевод, но строить аналогии не на чем, так как один из них именуется Σανναχοερύγας [Dexippi…, 1829. P. 319], что, скорее всего, следует интерпретировать как *Сар-Нахварган*[481], а другой – сыном Сурена [Theophylacti…, 1834. P. 122].

От казни Сиявуша Мехбуд, несомненно, приобрёл; вскоре он предстаёт перед нами ближайшим сподвижником Кавада. Другой выигравшей стороной, если следовать высказанной ранее гипотезе об отождествлении Сиявуша с Зармихром, стали маздакиты, влияние которых после устранения такого сильного противника должно было возрасти. Возможно, создавшийся таким образом дисбаланс сил отчасти объясняет следующий шаг Кавада – расправу с маздакитами. Мы говорим «отчасти» потому, что расправа имела, несомненно, более глубинные причины, чем изменение соотношения сил при дворе. Вероятно, со временем интересы Кавада как правителя начали расходиться с установлениями маздакитов. Поскольку они отрицали индивидуальное стремление к обогащению, мотивация к труду слабела, что, видимо, вызывало упрёки в безделье, которые мы находим в процитированных в главе 2 части I полемических отрывках из *Динкард*-а. Это, в свою очередь, вело к хозяйственному застою. Некоторые указания на это сохранились в источниках. Сообщается, что при Каваде в районе Кашкара прорвало плотину. Её никто не чинил, и вода затопила немало земель. Так продолжалось до правления Хосрова, когда повреждения были наконец исправлены [Liber…, 1863. P. 292; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 240; Китаб ал-ахкам…, 1989. С. 234]. О том, какие последствия мог иметь прорыв плотины, мы знаем из рассказов о походе Юлиана Отступника против Сасанидской державы (363 г.). Тогда жители прилегающих к Евфрату областей, узнав о приближении римлян, открыли плотины. Вода,

---

[481] Правильнее форма Σαρναχοργάνης у Феофилакта Симокатты [Theophylacti..., 1834. P. 147].

пройдя по отводным каналам, залила поля, что сделало местность труднопроходимой и непригодной для обработки [Libanii…, 1904. P. 333–334]. Обычаи маздакитов помогали переживать кризис, но мало способствовали хозяйственному развитию. Вероятно, по окончании кризисных лет Кавад постепенно пришёл к выводу о неприемлемости учения маздакитов для развития страны и принял решение расправиться с ними. Примечательно, что, согласно источникам, в конце своего правления Кавад начал хозяйственные реформы, приказав взимать подати не с урожая, как делали прежде, а с земель как источника дохода. Причиной этого мог быть только хозяйственный упадок, повлекший за собой уменьшение податных поступлений; царь попытался и в этих условиях обеспечить казне гарантированный доход. Но для этой цели следовало произвести межевание земель: без этого сборщики податей не смогли бы определить, от кого требовать их уплаты. Началось межевание земель, однако Кавад умер, не закончив своих начинаний[482]. Хотя источники не содержат прямых указаний, очевидно, что эта реформа была противна учению маздакитов. Если так, устремления Кавада и маздакитов разошлись, и это предопределило расправу над ними.

Но момент для нанесения удара был подсказан политическими соображениями. Вероятно, маздакиты, противовес которым в лице Сиявуша исчез, вновь возвысились, и Кавад увидел в них угрозу.

Когда именно Кавад расправился с маздакитами, неясно. Феофан Исповедник относит это к 6016 году от сотворения мира (1 сентября 523 – 31 августа 524 г.) [Theophanis…, 1839. P. 261], чему в общем соответствует указание Георгия Кедрина – шестой год правления Юстина I, т.е. 523–524 гг. [Georgius Cedrenus., 1838. P. 639]. Но Иоанн Малала помещает сообщение об этом событии в рассказ о царствовании Юстиниана, которое у него начинается с 1 апреля 527 г. [Ioannis Malalae…, 1831.

---

[482] Об этой реформе мы узнаём из традиции ат-Табари [Annales..., 1964. Ser. I, P. 960], от ал-Масуди [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 39], а также из одной легенды о Каваде, пересказ которой обнаруживается у некоторых средневековых мусульманских географов и в труде Балами [Yāqūt…, 1957. T. III, P. 273–274; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 970–772; Цкитишвили О. В., 1977. Ар. текст, с. 5].

P. 425, 444]. К сожалению, более точной даты он не указывает. Если ориентироваться на манеру Иоанна Малалы определять хронологию посредством оборота «в то самое время», расправу над маздакитами следует сближать во времени с землетрясением, разрушившим Лаодикею [Ioannis Malalae…, 1831. P. 443]. Согласно «Сиртской хронике», это бедствие случилось в октябре первого года правления Юстиниана, т.е. в октябре 527 г. [Histoire…, 1950. P. 146]. Обе даты не бесспорны. Более ранняя из них может оказаться плодом хронологических вычислений самого Феофана, более поздняя – временем, когда известие о расправе было записано авторами источников.

Описания расправы над маздакитами встречаются в источниках, принадлежащих к разным традициям. Одна из них восходит к христианам Сасанидской державы; она дошла до нас в трудах византийских историков и Михаила Сирийского. Сюжетная линия, представленная в этой традиции, сводится к следующему. Кавад собрал знать, чтобы объявить о назначении престолонаследником сына, воспитанного маздакитами. Приглашены были, разумеется, и маздакиты. Когда приглашённые собрались, воины по приказу царя набросились на маздакитов и перебили их. Погиб и предводитель маздакитов *андарзгар*. Вслед за этим во все области державы были направлены указы о преследовании маздакитов. [Ioannis Malalae…, 1831. P. 444; Theophanis…, 1839. P. 262–263; Chronique…, 1901. P. 190–191].

О том, что Маздак и его последователи были схвачены на приёме у Кавада и казнены, повествует и персидская традиция, восходящая к *Маздак-намэ*. Здесь, правда, говорится, что приём был посвящён провозглашению маздакитского учения официальным. [The Persian Rivayats…, 1932. P. 584; Siyar…, 1962. P. 256].

Сопоставляя сведения различных традиций, мы можем предложить следующую реконструкцию событий. Было объявлено, что Кавад намеревается возвести на престол (очевидно – как соправителя) Хосрова, ученика маздакитов. Его воцарение должно было ознаменовать собой окончательное утверждение маздакизма как официального религиозного учения. Но устроенный Кавадом приём оказался для маздакитов ловушкой. Маздак и его ближайшие сторонники были схвачены и казнены.

Небезынтересно отметить, что о разгроме маздакитов совершенно не упоминает Прокопий Кесарийский, пристально

следивший за событиями в Сасанидской державе. В какой-то степени это можно объяснить тем, что Прокопия как человека военного мало интересовали религиозные дела; в его труде инициатором закона об общности жён предстаёт Кавад [Procopius, 1914. P. 30–31], тогда как ни Маздак, ни Зардушт Хваррагaн не упоминаются вовсе. Однако молчание Прокопия косвенно указывает на то, что при разгроме маздакитов не пострадал ни один высокопоставленный сановник, не произошло междоусобицы. Тем самым, дело, скорее всего, свелось к аресту и казни Маздака и его ближайших сподвижников.

Несмотря на официальный статус церемонии, Хосров, судя по видимости, не был провозглашён соправителем Кавада. Но последующие события показывают, что он стал ещё ближе к трону. Это видно по сообщениям о начавшейся вскоре новой войне с Византией. Ареной противостояния стало Закавказье. Иоанн Малала сообщает, что старший сын Кавада, именуемый здесь Пероз, был послан с войском на Персармению и Лазику [Ioannis Malalae…, 1831. P. 441]. Как показано в главе 3 части I, несколькими годами ранее от персов отложился правитель лазов. В самом конце правления Юстина I за покровительством императора обратился и правитель ивиров Гурген, не желавший вводить в стране зороастрийские порядки. Кавад послал на север войско под командованием Боя[483], носившего почётное имя *вехриз*. Судя по всему, персы восстановили власть Сасанидов над значительной частью Ивирии[484], но столкнулись с византийскими силами стратига Петра и в борьбе с ними не добились больших успехов [Procopius, 1914. P. 96–99]. Вслед за этим Петр был отозван, и его сменил Ириней. Тем временем византийцы нападали на сасанидские владения в Армении.

Согласно «Пасхальному хроникону», в шестом году очередного индикта (1 сентября 527 – 31 августа 528 г.) персы

---

[483] Бой (в сирийском написании ܒܘܝܐ) упоминается также у Иисуса Столпника; он носил упомянутый выше титул *isṭbīd* (*спахбад*) и в 503 г. вёл переговоры о контрибуции Эдессы [Wright W., 1968. P. 58].

[484] Видимо, об этом говорит Джуаншер Джуаншериани, по словам которого в правление Фарсмана V персы двинулись разорять Ивирию. Тогда Фарсман повёл с ними переговоры и добился сохранения церквей и отказа от распространения зороастризма в обмен на признание верховной власти сасанидского царя [Histoire…, 1849. P. 201–202; Джуаншер Джуаншериани, 1986. С. 95].

начали вторжение в Лазику. Против них были посланы тот же Ириней, а также два других полководца – Велисарий и Кирик. Взаимная вражда византийских полководцев привела к тому, что персы стали одерживать верх. Юстиниан вновь направил на восток Петра, и тот вместе с лазами нанёс персам поражение [Chronicon…, 1832. P. 618]. Аналогичное известие обнаруживается у Феофана Исповедника под 6020 годом от сотворения мира (1 сентября 527 – 31 августа 528 г.) [Theophanis…, 1839. P. 267–268][485], а также у Георгия Кедрина – правда, под 6021 г. [Georgius Cedrenus, 1838. P. 643]. Успехи византийцев, однако, не следует преувеличивать. Из сообщений источников о последующих событиях видно, что персы овладели некоторыми важными в стратегическом отношении крепостями – прежде всего Сарапанами (Шорапани) и Скандой[486], закрывавшими путь из Ивирии в Лазику.

Конфликт затронул и кавказских гуннов-савиров. По сообщению Иоанна Малалы, Юстиниан союзничал с Воей, вдовой правителя савиров Влаха; та одержала победу над двумя гуннскими вождями, которые ориентировались на персов [Ioannis Malalae…, 1831. P. 430]. В аналогичном сообщении у Феофана Исповедника правительница именуется Воарикс, а рассказ об этих событиях помещается под 6020 годом от сотворения мира (1 сентября 527 – 31 августа 528) [Theophanis…, 1839. P. 269].

Для настоящего исследование особенно важно то, что, согласно византийским источникам, поход персов в Лазику под предводительством старшего сына Кавада начался в 528 г.[487] Это соответствует сведениям Мараши, по словам которого Кавус был назначен править Табаристаном и прибыл туда за три года до конца царствования Кавада [Sehir-Eddin's…, 1850. S.

---

[485] Маловероятно, чтобы персы начали вторжение осенью, так как в этом случае им пришлось бы воевать зимой. Феофан может иметь в виду только весну 528 г.

[486] В описании Грузии Вахушти Багратиони (1695 или 1696 – 1758) Сканда называется царским дворцом, что едва ли соответствует её описанию как крепости. Впрочем, по словам того же автора, рядом с царским дворцом находится крепость с мощными постройками [Description..., 1842. P. 363].

[487] С учётом этого подлежит исправлению последовательность событий у Иоанна Малалы, у которого известие о походе помещается прежде сообщения о расправе над маздакитами.

318–319], т.е. опять-таки в 528 г. Кавуса следует, тем самым, отождествить с Перозом Иоанна Малалы, По всей вероятности. *Пероз*, что на среднеперсидском языке означает «победоносный», было почётным именем царевича.

В том же фрагменте Иоанн Малала говорит ещё об одном походе персов. Во главе их войска стоял другой сын Кавада, именуемый Ксеркс; его сопровождал Миран, т.е. Михран. Если сопоставлять это сообщение с известиями других источников, можно заключить, что эта кампания стала частью войны, начавшейся несколько ранее. Став соправителем Юстина I в апреле 527 г., Юстиниан I начал возводить крепость Миндув[488] на границе, неподалёку от Нисибина. Кавад направил на границу войско под командованием предводителя кадусиев Гадара. Тот овладел строившимся Миндувом и изгнал византийцев, однако летом при попытке развить успех в направлении Евфрата проиграл сражение и погиб. Тогда же сасанидские войска под командованием Михрана нанесли поражение византийцам и их союзникам-Гассанидам и попытались овладеть Дарой, хотя и безуспешно. Весной следующего года начался поход, о котором говорит Иоанн Малала; согласно ему, целью персов был Дамаск. Видимо, персы двигались вверх по Евфрату. Недалеко от границы они разбили византийское войско, которым командовал Велисарий; тот был вынужден спасаться бегством. Согласно Михаилу Сирийскому, это сражение произошло в канун воскресенья иудейской пасхальной недели [Ioannis Malalae…, 1831. P. 441–442; Chronique…, 1901. P. 190; Procopius, 1914. P. 102–105; Historia…, 1921. P. 93–96], т.е. 25 марта 528 г. [489] Несмотря на поражение, византийцы сорвали наступление войск Михрана; источники не сообщают, что они продвинулись далее.

Мы не знаем сына Кавада по имени Ксеркс. Само это слово отсутствует в среднеперсидском языке и представляет собой переделанное на греческий лад древнеперсидское *xšathra* (царь). Если искать конъектуру, вернее всего было бы сближать

---

[488] В хронике, приписываемой Захарии Митилинскому – ܡܠܒܫ (*M.l.b.š*), что следует исправить на ܡܢܕܫ (*M.n.d.š*).

[489] В связи с этим было бы неправильно руководствоваться в датировке похода конъектурой Э. У. Брукса, заменявшего «Юстиниан» рукописи на «Юстин» [Historia…, 1921. P. 92, n. 9].

«Ксеркс» Иоанна Малалы с формой *K.srōn*, как в сирийских источниках пишется имя Хосрова (отсюда же и арабское *Kisrā*). Первые буквы этой формы – *к*, *с* и *р* – видимо, породили аналогию с именем ахеменидского царя.

Через какое-то время был заключен мир [Ioannis Malalae…, 1831. P. 442], который, однако, продержался очень недолго. Весной 529 г.[490] ал-Мунзир III Лахмидский вновь совершил поход на византийские владения и достиг области Антиохии, а затем, несмотря на противодействие ромеев, вернулся с добычей [Ioannis Malalae…, 1831. P. 445]. К Каваду было направлено византийское посольство, которое было принято в июле [Ioannis Malalae…, 1831. P. 447–448]. В ответ Кавад направил Юстиниану послание, в котором потребовал денег на борьбу с нападениями соседних народов. Иоанн Малала так передаёт текст письма Кавада:

«Кавад, царь царей, [повелитель земли] солнца – востока, Флавию Юстиниану Цезарю, [повелителю земли] луны –запада. Обнаружили мы в наших старинных [записях], что мы (Кавад и Юстиниан. – *Д. М.*) – братья друг другу, и, если одному будет недоставать людей и средств, другой поможет. И вплоть до настоящего времени держались мы этого и исполняли. Когда же восстали на нас народы, были мы вынуждены готовиться бороться с одними, а других сочли [правильным] подчинить с помощью даров, так что ясно, что всё, что было у нас, истощилось. Об этом писали мы императорам Анастасию и Юстину, но ничего не добились. Поэтому были мы вынуждены изготовиться к войне и, приблизившись к землям ромеев, перебить из-за их (Анастасия и Юстина I. – *Д. М.*) неверности невинных людей. И, коль скоро вы христиане и люди праведные, возымейте жалость к душам и телам и дайте нам золота. Если же не сделаете вы этого – готовьтесь воевать целый год, чтобы не считали, будто мы крадём победу и одерживаем верх хитростью» [Ioannis Malalae…, 1831. P. 449–450].

Получив такое письмо, Юстиниан через какое-то время послал новое посольство. Доехав до Дары, послы известили Кава-

---

[490] Эта дата устанавливается на основании сообщения Феофана Исповедника о том, что 21 марта седьмого года индикта ал-Мунзир вторгся в Сирию [Theophanis…, 1839. P. 273]. Этот год Феофан правильно отождествляет с 6021 г. от сотворения мира по его собственной хронологии. В обоих случаях речь идёт о марте 529 г.

да о своём прибытии, но царь не ответил. Причина такого поведения Кавада заключалась, видимо, в том, что он готовил новый поход против Византии. Через некоторое время столкновения на границе возобновились. Иоанн Малала сообщает, что Михран вместе с сыном царя совершил поход, чтобы разгромить византийское войско, стоявшее близ Дары. Имя сына царя не называется, однако контекст указывает на то, что и здесь речь идёт о Хосрове.

Этот поход состоялся летом четвёртого года правления Юстиниана, т.е. в 530 г. Хосров, видимо, командовал лишь номинально, так как никто кроме Иоанна Малалы не упоминает о его участии. Войсками руководил Михран, которого Иоанн Малала именует «первым предводителем» (πρῶτος ἔξαρχος), а Феофан Исповедник – «протостратигом». По счастью мы знаем не только родовое, но и собственное имя полководца – Пероз. Помимо него сасанидскими войсками командовали некий не названный по имени *бидахш*[491] и полководец, которого Прокопий Кесарийский именует Варесман[492]. В составе войска были отряд «бессмертных», который, как мы видели на примере времён Варахрана V, по всей вероятности, состоял из *азад*-ов, а также кадисии

Решающее сражение закончилось разгромом сасанидского войска. Одних персов (не считая кадисиев) погибло более пяти тысяч; на поле боя пал и Варесман. Согласно Иоанну Малале,

---

[491] В тексте Прокопия Кесарийского – πιτυάξης, что аналогично *vitaxa* Аммиана Марцеллина (см. главу 1 части I).

[492] В тексте источника – Βαρεσμανᾶς. Интерпретация этой формы сомнительна, и совершенно не обязательно, что речь идёт об имени. В одном месте «Пасхального хроникона» мы находим упоминание о *варисман*-е (βαρισμάνας) и домовладыках Гандзака [Chronicon…, 1832. P. 732]. Иоанн Малала, говоря о временах римского императора Траяна (98–117), упоминает о парфянских вельможах, называемых *варзамарат*-ами (βαρζαμαράται) или *варсамарат*-ами (βαρσαμαράται) [Ioannis Malalae…, 1831. P. 271]. По-видимому, речь идёт о разных дериватах от среднеперсидского *warz*, т.е. величие, слава: *warzmand*, *warz-mard* (великий человек) и т.п. Судя по контексту фрагментов «Пасхального хроникона» и труда Иоанна Малалы, эти слова представляют собой не личные имена, а скорее почётные эпитеты вельмож. Вполне вероятно, что то же самое можно сказать и о форме, которую мы видим у Прокопия Кесарийского.

трофеем византийцев стало знамя персов, которое, судя по рассказу Прокопия Кесарийского, следует идентифицировать со знаменем левого крыла сасанидского войска, находившегося под командованием Варесмана. Пероз Михран и Хосров с небольшим отрядом отступили в Нисибин [Ioannis Malalae…, 1831. P. 452–453; Theophanis…, 1839. P. 276–277; Procopius, 1914. P. 104–129].

Неудачей закончилась и попытка Кавада вторгнуться в подконтрольные Византии земли Армении. Войско полководца, именуемого в византийских источниках Мермерой (Михр-Михрой), усиленное отрядами нанятых гуннов-савиров, начало наступление на Саталу, но потерпело поражение и было вынуждено отступить [Procopius, 1914. P. 128–135].

Изложенные сведения важны не только для военной истории. Они дают некоторое представление и о расстановке сил при сасанидском дворе в описываемое время. Мы видели, что к моменту разгрома маздакитов Хосров был *падашваргар-шах*-ом, т.е. наместником ряда северных областей. Теперь это место занял Кавус, но Хосров был назначен на более важный участок – в Месопотамию, откуда открывался прямой путь для вторжений во внутренние районы Византии. Рядом с Хосровом находился первый полководец государства Пероз Михран, который, как показано в главе 2, был удостоен высочайшего достоинства, считавшегося вторым после царского величия. Из двух братьев Хосров, тем самым, получил куда более важное место. Думается, это ещё раз указывает на то, что именно он считался первым среди сыновей Кавада, главным претендентом на престол.

Военные неудачи побудили Кавада принять византийское посольство и отпустить его обратно с письмом о мире. В конце сентября 530 г. послы вернулись в Константинополь [Ioannis Malalae…, 1831. P. 454]. Юстиниан принял предложение о заключении мира и направил к Каваду новое посольство. Но, прибыв к царю, византийские послы обнаружили, что его позиция изменилась. Насколько можно судить по источникам, причин тому было две. К Каваду обратились за помощью самаритяне, которые в июне 530 г. выступили против власти Византии, но потерпели поражение; их посланцы обещали выставить в помощь персам пятьдесят тысяч бойцов. Тогда же встал вопрос о золотых копях на границах персидских и византийских владений

в Армении. Его предыстория излагается в источниках поразному. Согласно Иоанну Малале, копи были отвоёваны византийцами ещё при Анастасии[493]. По рассказу Прокопия Кесарийского, рудник разрабатывал некий армянин Симеон, получивший от Кавада нечто вроде современной концессии. В описываемое время Симеон – возможно, под влиянием последних успехов византийцев в Армении – перешёл на их сторону и сдал им крепость Фарангион, сохранив за собой рудник. Ромеи не стали занимать рудник и, по словам Прокопия, видели пользу для себя в том, что персы потеряли источник золота. Эта последняя версия кажется более правдоподобной, так как если принять сообщение Иоанна Малалы, непонятно, почему такой вопрос – при всей его несомненной важности – не вставал ранее. Одновременно византийцы овладели и крепостью Вол, расположенной недалеко от Феодосиополя (Карина) [Ioannis Malalae…, 1831. P. 455–456; Procopius, 1914. P. 134–135, 138–139].

В следующем году Кавад начал новую войну. Против Византии было направлено войско под командованием *хазарбад*-а[494]. О важности, которую Кавад придавал походу, свидетельствует хотя бы то, что *хазарбад* выступал под царским штандартом[495]. Вместе с персами шли отряды арабов, которыми командовал сам лахмидский царь ал-Мунзир. Это войско наступало вверх по течению Евфрата, из чего можно заключить, что целью похода была Сирия. Возможно, Кавад поверил самаритянам и рассчитывал на их помощь, хотя к тому времени восстание было уже разгромлено.

Поднявшись вверх по течению Евфрата, сасанидское войско встало напротив Каллиника (ар-Ракка). Но и эта попытка не увенчалась успехом. 19 апреля войско *хазарбад*-а сразилось с

---

[493] Сообщение Иоанна Малалы повторяет Феофан Исповедник, который, однако, помещает эти события в правление Хосрова I, а не Кавада [Theophanis…, 1839. P. 273–274].

[494] Это слово угадывается в тех формах, которые мы встречаем в источниках – ʼΑζαρέθης Прокопия Кесарийского, ʼΕξαρὰθ Иоанна Малалы. О титуле *хазарбад*-а и его исторической эволюции см. главу 1 части I.

[495] Ввиду отсутствия точных указаний в источниках трудно сказать, следует ли отождествлять этот штандарт с *Дерафш-и-Кавиян* – историческим знаменем персидских царей, копию которого вплоть до арабского завоевания сохраняли Сасаниды.

византийской армией. Ни одной из сторон не удалось добиться победы, но обе понесли большие потери. С персидской стороны погибли ’Ανδράζης[496], который у Иоанна Малалы характеризуется как «тысячник», и ан-Нуман, сын ал-Мунзира. Не добившись победы и не взяв ни одной крепости, обескровленное сасанидское войско повернуло назад [Ioannis Malalae…, 1831. P. 460–465; Procopius, 1914. P. 160–177].

На другом театре военных действий, в верховьях Тигра, дела Кавада складывались не лучше. Большое, усиленное отрядами гуннов, войско под командованием трёх высокопоставленных сановников – *канаранг*-а, *спахбад*-а и Михр-Михроя – попыталось взять Мартирополь, но не добилось успеха, хотя город был недостаточно укреплён [Procopius, 1914. P. 190–199; Historia…, 1921. P. 97].

Неудачи в борьбе против Византии угнетали Кавада и, согласно Иоанну Малале, довели его до смерти. По сообщению Иоанна,

«… восьмого числа месяца сентября царь персов Кавад, узнав о тяготах, которые постигли персов от римлян, был внезапно разбит параличом, [поразившим] правую половину тела. Он велел привести своего второго сына Хосрова и провозгласил его царём, возложив корону на его голову. И, проведя в беспомощном состоянии пять дней, царь персов Кавад скончался, прожив восемьдесят два года и три месяца и царствовав сорок три года и два месяца» [Ioannis Malalae…, 1831. P. 471].

Указанная Иоанном Малалой дата нуждается в комментарии. Иоанн по своему обыкновению не указывает года, однако это восполняется словами Агафия Миринейского о том, что Кавад умер на пятом году правления Юстиниана [Agathiae…, 1828. P. 271]. Тем самым, речь должна идти о сентябре 531 года.

Прокопий Кесарийский рассказывает об этом по-другому:

«В это время случилось так, что Кавад тяжело заболел телом и, вызвав к себе одного из своих ближайших сподвижников

---

[496] По всей вероятности, имеется в виду *андарзбад* или *андарзгар* – советник. Мирный характер титула не должен вводить в заблуждение: сасанидский царь мог отправить в поход любого вельможу. Например, в числе полководцев, которых Шапур II в разное время послал в Армению, называются *андарзбад* Систана и *андарзбад* магов [История Армении…, 1953. С. 121–122].

по имени Мевод (Мехбуд. – *Д. М.*), говорил с ним о Хосрове и державе и сказал, что опасается, как бы персы не вознамерились пренебречь чем-либо, на что есть его воля. Тот же попросил его составить ясное изложение этого решения письменно, [и посоветовал ему] уповать на то, что персы не осмелятся пренебречь этим. И вот, Кавад завещал, что царём персов станет Хосров. Мехбуд сам написал грамоту, после чего Кавад сразу же скончался. Когда для упокоения тела царя было выполнено всё, что положено по закону, Кавус, уповая на закон, попытался присвоить себе [царский] титул. Мехбуд помешал ему, говоря, что никому не дано стать царём сразу же, но [это возможно] лишь с согласия персидских вельмож. Тогда тот доверил решение дела высшим сановникам, полагая, что никто не станет ему противодействовать. Когда же все персидские вельможи, собравшись, стали заседать, Мехбуд зачитал грамоту, и объявил решение Кавада относительно Хосрова. Затем все они, памятуя о достоинствах Кавада, немедленно провозгласили царём персов Хосрова» [Procopius, 1914. P. 198–201].

Принимая дату, которую сообщает Иоанн Малала, мы полагаем, что во всём остальном следует опираться на рассказ Прокопия Кесарийского. Он соответствует сведениям восточных источников, по которым Хосров был назначен наследником престола на основании завещания царя. Согласно традиции ат-Табари, Кавад написал завещание и скрепил его своей печатью [Annales..., 1964. P. 888]. В *Шах-намэ* даже приводится отрывок из этого документа – разумеется, апокрифичный – где есть такие строки:

«Достойный трон передал я Хосрову – и пусть будет он счастлив после смерти нашей» [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2308].

Интересно, что далее текст *Шах-намэ* продолжается почти так же, как процитированное выше сообщение Прокопия Кесарийского – с тем лишь отличием, что завещание Кавад вручает не Мехбуду, а мобеду Рам-Бурзину:

«Закончив оплакивать царя, мобед положил царскую грамоту на трон (*pēšgāh*).

Вместе с ним собрались иранские вельможи с мобедами и знаменитые мудрецы.

В этом собрании они зачитали грамоту и с радостью посадили престолонаследника [на трон].

И, когда Хосров воссел на новом месте, все провозгласили его новым царём» [Ferdowsi's…, 1935. P. 2308–2309].

Обращает на себя внимание единодушие, с которым собравшиеся поддерживают Хосрова. Но такая поддержка была ему отнюдь не гарантирована: ведь до последнего момента он официально не считался престолонаследником. Византия отказала ему в покровительстве, соправителем Кавада он не был объявлен. Формально наследником престола оставался Кавус. Безусловно, грамота почившего царя имела значение, давая Хосрову некоторую легитимацию. Но если правитель попирал сложившиеся устои – а так, по существу, поступил Кавад – этим могли и пренебречь. Хороший пример даёт в этом отношении история сына Хосрова – Хормузда, который репрессиями восстановил против себя немалую часть знати. Мятежные вельможи ворвались в тронный зал дворца, где находился царь, и стали осыпать его оскорблениями. Хормузду не дали говорить, его бесцеремонно стащили с трона и, сорвав корону, поместили под стражу [Theophylacti..., 1834. P. 162–164; Theophanis…, 1839. P. 406–407]. Хормузд был ослеплён, а впоследствии – удушен.

Другой эпизод разобран в главе 1 части I. Аристократы, ненавидевшие Ездигерда I за жестокие репрессии, после его смерти не посчитались с правами его старшего сына и престолонаследника, и тот лишился жизни.

Недовольные могли выступить и теперь. Можно было, например, сказать, что грамота сфальсифицирована, а Мехбуд написал её, воспользовавшись беспомощным состоянием умирающего царя. Можно было выступить и против самого Хосрова, припомнив ему и маздакитское воспитание, и попытку стать протеже главного врага – Византии, и недавние поражения в войне. Можно было обратить внимание на то, что мать Хосрова, страдая душевным расстройством, незадолго до смерти Кавада ездила лечиться к христианскому монаху-подвижнику Моисею, подвизавшемуся в монастыре недалеко от Дары, откуда вскоре вернулась с мощами мученика Кириака, веря в то, что они не подпустят бесов [Historia…, 1921. P. 98–99]. Этот довод вполне мог возыметь действие: сравнительно недавно, во время суда над Сиявушем, его упрекали в том, что он похоронил скончавшуюся незадолго до этого жену [Procopius, 1914. P. 92–93], т.е. был близок к иноверцам.

Но против Хосрова никто не выступил. Разумеется, мы вряд ли когда-либо узнаем подробности борьбы, разыгрывавшейся тогда при сасанидском дворе. Но очевидно, что на определённом этапе сложилась коалиция вельмож, выступавших за воцарение Хосрова. Это нашло своё отражение в «Рескриптах» Хосрова, где обнаруживается следующий фрагмент:

مرفوع بچه موجب فلان مرد مقبل را قبل از آن كه بنفس خود تحصيل غناء نمايد يا عنايت شهريار ابواب اغتناء بر روي روزگار گشايد در پلهٔ ميزان اغنياء سنجيده اند توقيع بواسطهٔ آنكه در ما بديدهٔ پادشاهي ميديد پيش از آنكه پادشاه شويم إنتهى تقرير آن توقيع آنست كه آن سنجيده مرد آزاده هم بروزگار قباد پدرما با وجود چندين شاهزادگان از روي كمال كار آگاهي در ما بنظر استحقاق رتبهٔ پادشاهي ميديد ازين رو ما نيز اينمرد صاحب رأي صاحب نظررا كه بدينمايه گراني قدر ومقدار بل بالاتر از آن ارزان نيست در مرتبهٔ اعتبار اغنياء معتبر ميداريم

«Обращение. Отчего такому-то счастливцу отвесили по мере богачей[497] прежде, чем он сам приобрёл богатство или забота правителя открыла двери обогащения для всех?

Рескрипт. По причине того, что он видел в нас царя ещё до воцарения нашего. [На этом] закончен [рескрипт]. Объяснение этого рескрипта состоит в том, что этот мудрый и благородный человек в силу своего прекрасного знания дела считал нас достойными царского титула уже в дни отца нашего, Кавада, хотя и было несколько царевичей. И поэтому мы тоже причислили этого разумного и рассудительного человека, который столь значим, что нет более достойного, чем он, к богачам» [Тавкиат…, 1845. С. 41; Тавкиат…, 1874. С. 41].

---

[497] «Богачи» – буквальный перевод употребляемого в тексте слова *aġniyā'*. Между тем, для языка составителя «Рескриптов» характерно широкое употребление арабских заимствований, к которым относится и *aġniyā'*. Должно быть, первоначально в тексте было персидское слово *tuwāngarān* (это подтверждается, в частности, тем, что глосса в тексте издания 1874 г. определяет *iġtinā'* («богатство» или «обогащение») как *tuwāngarī*). Между тем, в словаре Ф. Штейнгасса *tuwāngarān* определяется как *the rich and powerful*, т.е. «богатые и могущественные» [Steingass F., 1892. P. 332]. В сасанидском обществе эта характеристика применима скорее к вельможам. Если принять эту трактовку, для данного фрагмента легко найти объяснение: Хосров приказывает одарить какого-то изначально верного ему аристократа, может быть, *азад*-а, не в соответствии с тем разрядом, к которому он принадлежал (об этом см. главу 2), а по меркам высшей знати.

Согласно одному фрагменту труда Низам ал-Мулька, рассматриваемому в главе 2, многие вельможи полагали, что именно они возвели Хосрова к вершинам власти. Очевидно, среди знати было достигнуто согласие относительно воцарения Хосрова. Представители этой знати и стали основными участниками собрания, о котором говорят источники.

Провозглашение Хосрова царём в среде поддержавших его вельмож ещё не решило вопрос о власти. Это видно по тому, как отреагировали на происшедшее в Византии. Вступив на престол, Хосров пригласил византийских послов, находившихся на границе, прибыть для подписания договора. Послы отказались. Тогда Хосров написал Юстиниану, предложив дать послам соответствующее указание[498], но получил краткий и недвусмысленный ответ, который в тексте Иоанна Малалы выглядит так:

«Не дадим мы послам нашим указания направиться к вам, и тебя не признаём мы царём персов» [Ioannis Malalae…, 1831. P. 471–472].

Столь резкий ответ мог спровоцировать войну. Едва ли Юстиниан, уделявший большое внимание дипломатии, дал бы его, не оценив предварительно обстановку. Благодаря дипломатам и лазутчикам император должен был обладать информацией о противнике. Кроме того, за долгие годы противостояния с Сасанидами византийцы, несомненно, научились анализировать и прогнозировать события в их державе. Ответ Юстиниана свидетельствует о том, что на тот момент у византийцев ещё не было достаточных оснований считать Хосрова преемником Кавада.

Неоднозначность сложившейся ситуации объясняется прежде всего с тем, что на политической сцене оставался Кавус. Из сопоставления сведений источников можно заключить, что

---

[498] Так изображает эти события Иоанн Малала [Ioannis Malalae…, 1831. P. 471]. Не исключено, впрочем, что речь идёт о дипломатической традиции, по которой правители Византии и Сасанидской державы уведомляли друг друга о своём приходе к власти. О существовании этой традиции прямо говорят Менандр Протектор и Феофилакт Симокатта [Dexippi…, 1829. P. 373; Theophylacti…, 1834. P. 150]. В трудах Иоанна Эфесского и Михаила Сирийского обнаруживается известие о том, что Хосров, придя к власти, послал в Византию соответствующее уведомление [The Third Part…, 1853. P. 394; Chronique…, 1901. P. 282].

он, не получив поддержки знати в столице, укрепился в Табаристане, где стояли верные ему войска.

О дальнейшем развитии событий мы знаем из традиции Ибн Исфандияра. Согласно ей, хакан тюрков, узнав о смерти Кавада, двинул свои войска на владения Сасанидов и подошёл к Аму-дарье. Хосров написал Кавусу, что собирает войско из арабов и персов и предложил встретиться в Хорасане для совместной борьбы с противником. Однако, Кавус, собрав войска Табаристана, выступил против тюрков один и вскоре нанёс им сокрушительное поражение. Захватив богатую добычу. В результате этой победы под властью Кавуса оказался Хорезм, править которым он назначил своего родственника по имени Хошанг. Вслед за этим Кавус двинулся дальше и взял Газну[499].

Эти географические указания помогают определить смысл происходивших событий. Судя по пути движения войск Кавуса (Хорезм, Газна), его противниками были эфталиты, которых источники в данном случае именуют тюрками. Кавад, находясь в трудных условиях после поражения и гибели Пероза, смог обеспечить мир и заручиться покровительством эфталитов, но это, вероятно, считалось привилегией, пожалованной лично ему. После смерти Кавада Сасанидская держава снова стала для эфталитов врагом, чем, видимо, и объясняется их нападение. Отразив на границе нападение противника, Кавус перенёс боевые действия на его территорию.

Военные действия против эфталитов вылились, таким образом, в широкомасштабный поход. Это требует некоторых хронологических уточнений. Маловероятно, чтобы кампания, о которой идёт речь, началась в сентябре 531 г., когда умер Кавад, и завершилась до наступления зимы. Скорее всего, Кавус осенью

---

[499] Согласно Ибн Исфандияру и Мараши, Кавус поставил своих наместников вплоть до نهرواله [Sehir-Eddin's…, 1850. S. 203; Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 148]. Маловероятна аналогия с городом Нахрвара (Патан в Гуджарате [Minorsky V., 1937. P. 238]), так как он находился слишком далеко к югу. За неимением иных вариантов мы можем предполагать, что эта форма была взята из какого-то арабского оригинала и представляет собой два слова: *nahr Wālih*, т.е. «река *Wālih*». Правда, реку с таким названием в источниках обнаружить не удаётся. Из возможных конъектур наиболее вероятной кажется زاله (*Zāleh*), персидское название, аналогичное арабскому زالق (*Zāliq*), как именовался один из притоков реки Хельманд [Viae…, 1927. P. 244].

531 г. успешно отразил наступление эфталитов и, может быть, подчинил себе Хорезм, а его поход в глубь территории противника состоялся уже в следующем году и завершился, может быть, летом.

Как и Хорезм, другие территории, занятые войсками Кавуса, стали его владениями. Согласно традиции Ибн Исфандияра, Кавус назначал собственных наместников и отправлял в Табаристан дань Туркестана и Хиндустана[500] [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 148]. Фактически существовали два государства – одно во главе с Хосровом, другое – во главе с Кавусом.

Вернувшись в Табаристан, Кавус послал Хосрову некоторые трофеи в качестве даров, а также послание, содержание которого передаётся в источниках следующим образом:

«Ты младше меня на несколько лет. Ты знаешь, что я без твоего содействия и помощи разбил хакана и стал взимать дань с тюрков и индийцев. Не по закону, чтобы ты владел короной, а я следовал за тобой. Отдай мне трон, право носить корону и казну отца, и я выделю тебе область, сколь угодно большую, и царство сколь угодно совершенное – как ты сам пожелаешь» [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 148][501].

---

[500] По-видимому, имеется в виду всё тот же район Газны, о котором в «Пределах мира» сообщается, что в доисламское время он считался частью Хиндустана [Худуд…, 1961/1962. С. 104].

[501] В других источниках, принадлежащих к этой традиции, концовка выглядит по-иному: «Не подобает, чтобы ты был правителем, а я следовал [за тобой]. Отдай мне трон, корону и казну – и я отдам тебе в удел (*be iqṭāʻ*) самую лучшую область из [наших] владений, которая твоей душе милее всего» [Sehir-Eddin’s…, 1850. S. 203; Тарих-и-Руйан, 1903/1904. С. 32]. Кроме того, необходимо отметить, что интерпретация третьего предложения в тексте Ибн Исфандияра, которому соответствует первое в концовке текста у других авторов, затруднительна. Персидский текст выглядит так: *dād* (только у Ибн Исфандияра, у остальных авторов – *rawā*) *nabāšad keh tū tāǧdār bāšī wa man ṭarafdār*. Слово *ṭarafdār* может интерпретироваться и как «последователь», и как «правитель области». Аргументы можно найти в пользу обеих трактовок. За перевод «последователь» говорит то, что *ṭarafdār* более чётко противопоставляется *tāǧdār* («обладатель короны»). Однако в следующей фразе слово *ṭaraf* употребляется именно в значении «область».

Хосров категорически отверг требования Кавуса. В традиции Ибн Исфандияра, приводится текст, называемый ответом Хосрова. Даже беглого взгляда на него достаточно, чтобы понять, что он был коренным образом переработан в исламское время. Но начало его, кажется, точно передаёт позицию Хосрова:

«Да будет известно, что [мои] верховная власть и превосходство связаны с доблестью и способностью править, а не с юностью и положением младшего. Это дело владыки мира[502]: власть над страной он даёт тому, кому пожелает» [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 149].

Процитированные фрагменты полностью соответствуют имеющимся у нас сведениям. Кавус ссылается на старшинство, дающее ему право на трон, Хосров – на предсмертную волю Кавада. Поскольку объектом противостояния была царская власть, примирением дело кончиться уже не могло. Получив ответ Хосрова, Кавус собрал войска Табаристана и двинулся на Ктесифон. Исходя из приведённых выше хронологических расчётов, мы можем отнести этот поход к середине 532 г. Силы Кавуса были, видимо, потрёпаны войной с эфталитами. Кавус проиграл решающее сражение, попал в плен и вскоре был казнён по приказу Хосрова [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 149–150].

ГЛАВА 2
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

– Хосров и знать

После гибели Кавуса Хосров остался единоличным обладателем трона. Началась длинная эпоха его правления. Но тогда, в 532 г., никто ещё не представлял себе, сколько лет Хосров продержится на престоле. Всё зависело от политической конъюнктуры и умения нового царя управлять ею.

Хотя Хосров одержал победу над самым опасным противником – Кавусом и утвердился у власти, положение его на первых порах было далеко не прочным. Своим вступлением на престол Хосров был во многом обязан аристократии, которая

[502] Т.е. царя (имеется в виду Кавад).

теперь считала себя вправе воспользоваться плодами победы и укрепить свои позиции по отношению к царю. Судя по источникам, по крайней мере некоторые самостоятельные действия Хосрова вызвали противодействие вельмож, среди которых были и его недавние союзники в борьбе за престол. Византийские авторы сообщают о заговорах против Хосрова. Иоанн Малала повествует:

«В то время царь персов повелел, чтобы бывшие под его властью манихеи отправляли культ так, как они хотят[503]. Опечаленные происшедшим маги персов, посовещавшись с приближёнными [царя], вознамерились отнять у него власть и вместо него сделать [правителем] его брата. Узнав об этом, царь персов обезглавил брата, перебил приближённых и магов…» [Ioannis Malalae…, 1831. P. 472].

Другое известие о заговоре, гораздо более подробное, принадлежит Прокопию Кесарийскому:

«Хосров, [сын] Кавада, был беспорядочен в мышлении и имел неуместную любовь к новшествам. Поэтому он всегда был исполнен возбуждения, пребывал в беспокойстве и был главной причиной того, что такое состояние [передавалось] всем остальным. Те из персов, кто тяготился его властью, действовали, желая поставить себе царём другого человека из дома Кавада. И (а они очень сожалели о [невозможности установления] власти Джама, чему по причине отсутствия у него одного глаза, как мной сказано, препятствовал закон), посовещавшись, они сочли, что лучше всего для них будет поставить царём Кавада, его (Джама. – *Д. М.*) сына и тёзку деда, [таким образом, чтобы] Джам, будучи опекуном сына, управлял делами персов как хотел. Явившись к Джаму, они изложили [это] намерение и, побуждаемые немалым воодушевлением, стали вовлекать его в дело. И, поскольку [это] намерение понравилось ему, они стали замышлять при случае напасть на Хосрова. Но, когда о намерении стало известно царю, он воспрепятствовал тому, что они собирались сделать. Хосров казнил самого Джама, его близких и всех братьев и всех [их] потомков мужского пола, а тем из знатных персов, кто замышлял на него (Хосрова. – *Д. М.*), пришлось либо покориться, либо принять удел остальных. Среди

[503] Религиозный аспект этого повеления Хосрова будет рассмотрен ниже.

них был и Аспевед (Спахбад), брат матери Хосрова» [Procopius, 1914. P. 208–211].

Здесь правомерно задаться вопросом, идёт ли речь об одном заговоре или о двух разных. В повествовании Иоанна Малалы заговор имел место до заключения мира между Византией и Сасанидской державой (а если читать буквально – и до возвращения в Константинополь византийского посла Руфина), тогда как Прокопий прямо указывает, что говорит о событиях, происшедших вскоре после этого [Procopius, 1914. P. 208–209]. Но заговор по природе своей – тайное предприятие, и даже первоисточники византийских авторов могли иметь разные сведения. Между тем, Хосров безжалостно уничтожал тех, в ком видел угрозу своему единовластию. Сведения об этом встречаются не только у византийских авторов. В «Сииртской хронике» сразу после известия о воцарении Хосрова сообщается, что

«он казнил своих братьев и предводителей войска, опасаясь того, что с их стороны постигло его отца» [Histoire…, 1950. P. 146–147].

В условиях репрессий нужно было совсем немного, чтобы в глазах царя сделаться врагом. Вскоре был казнён и Мехбуд, павший жертвой интриг придворного, которого Прокопий Кесарийский называет Заверганом[504]. Тот донёс царю, что Мехбуд не явится по его вызову, так как занят (шли учения воинов) [Procopius, 1914. P. 216–217]. Этот эпизод, видимо, породил встречающуюся в восточных источниках легенду о том, что приближённый Хосрова Мехбуд был казнён в результате интриг главного царского привратника, который у Фирдоуси именуется очень похоже – Зурван [Ferdowsi's…, 1935. P. 2402–2405][505]. Согласно этой традиции, против Мехбуда было выдвинуто ложное обвинение в попытке отравить царя.

---

[504] Завергана (Ζαβεργάνης) Прокопия Кесарийского можно, кажется, сближать с Зигом Забриганом, упомянутым в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» среди сановников Ардашира I [Sprengling M., 1953. P. 12, 18; Maricq A., 1958. P. 324–325]. Видимо, Забриган – родовое, а не личное имя. В надписи Зиг Забриган стоит в самом конце списка сановников Ардашира, а среди сподвижников Шапура I не фигурирует вовсе. Можно представить себе, что Заверган принадлежал к какому-то роду, не входившему в число «великих».

[505] У ас-Саалиби имя привратника – Адур-виндад [Histoire..., 1900. P. 625–628], что менее вероятно.

Разгром сторонников Кавуса и подавление заговоров, реальных или мнимых, позволило Хосрову уничтожить явную оппозицию и утвердиться у власти. Но это отнюдь не означало, что знать подчинилась ему. Аристократы и придворные были по-прежнему могущественны. В одном тексте, приводимом у Низам ал-Мулька, Вузургмихр[506] прямо говорит, что вельможи присваивают себе прерогативы царя.

«Однажды Вузургмихр сказал Ануширвану Справедливому: “Власть дана царю. Царь вверил воинам[507] власть, а не народ. Если воины не верны власти царя, не проявляют милость и заботу к подданным, пекутся лишь о том, чтобы наполнить собственные мошны, государство поражают[508] разруха и запустение, а подданных – бедность. Когда воины вольны казнить, заковывать в кандалы, бросать в тюрьмы, предаваться гневу[509], совершать предательство, наделять властью и отстранять от неё – в чём тогда разница между ними и царём? Ведь [всё] это всегда было делом не воинов, а царей, а те не соглашались, чтобы у воинов были такие могущество и возможности. Во все времена корона, золотая чаша, золотой кубок, трон и монетный двор не принадлежали никому, кроме царей”» [Siyar…, 1962. P. 235].

Чувствуя независимость и силу, вельможи подчас смотрели на царя с пренебрежением. Это хорошо видно в «Повествовании о справедливом царе», включённом в трактат того же Низам ал-Мулька. Согласно этому тексту, через двенадцать лет своего правления Хосров, собрав вельмож, напомнил им о верховенстве царской власти и твёрдо указал на необходимость поступать в соответствии с установленными нормами. Далее, по словам Низам ал-Мулька, произошло следующее:

«Прошло несколько дней, и все они (вельможи. – *Д. М.*) вернулись к своим делам и, как прежде, стали творить беззако-

---

[506] О Вузургмихре см. ниже.

[507] В тексте – *laškar* (войско), но из контекста явствует, что имеются в виду вельможи. По всей вероятности, речь идёт о сословии воинов. Заметим, что такое употребление понятия «воины» характерно именно для сасанидских времён, когда воины, как показано в главе 1 части I, составляли отдельное сословие.

[508] В тексте – *naḫūrand*, однако по смыслу правильнее *ḫūrand*.

[509] Так в тексте (غضب), хотя более правильным кажется чтение غصب, что в данном случае можно перевести как «вершить насилие».

ние и произвол. На царя Ануширвана они смотрели как на ребёнка, и каждый человек высокомерного нрава думал, что он-де посадил Ануширвана на престол и, если хочет, будет принимать его как царя, а не захочет – не будет. Ануширван же молчал и обходился с ними любезно. Так прошло пять лет» [Siyar…, 1962. P. 43].

Но Хосров последовательно добивался единовластия, не останавливаясь перед принятием решительных и жёстких мер. Мы не раз видим в источниках, что он казнил попавших в немилость сановников – в том числе и тех, кто принадлежал к ведущим аристократическим родам. На это указывает прежде всего то же «Повествование о справедливом царе», сюжет которого далее разворачивается следующим образом. Некий полководец (*sipāhsālār*) был назначен наместником Азербайджана и снискал несметные богатства. У какой-то женщины он отнял участок земли, и она пожаловалась Хосрову. Тот через специально посланного доверенного человека узнал, что произошло, и обрёк наместника на страшную казнь – с него содрали кожу. Автор рассказа, легшего в основу «Повествования», явно стремится отразить стремление Хосрова показать знати, кому принадлежит власть. Обращаясь к аристократам по поводу казни наместника, Хосров говорит:

«Если бы считалось возможным, чтобы люди делали всё что хотят, Господь Всесильный не стал бы выделять царя и ставить его во главе их. Теперь же постарайтесь не делать ничего такого, за что с вами могло бы произойти то же, что и с этим насильником» [Siyar…, 1962. P. 49].

В источниках есть и другие упоминания о том, что Хосров карал вельмож. Когда по приказу Хосрова были казнены заговорщики, пытавшиеся возвести на трон Джама, *канаранг* Адур-Гудунвад укрыл его сына. Хосров разгневался на *канаранг*-а, ибо тот, с его точки зрения, совершил тягчайшее преступление – ослушался приказа царя. По словам Прокопия Кесарийского, Хосров

«… считал чудовищным, что претерпел такое от человека, бывшего [его] слугой[510]» [Procopius, 1914. P. 212–213].

---

[510] У Прокопия Кесарийского – δούλος, т.е. «раб», чему соответствует среднеперсидское *bandag*.

Для Хосрова это означало сопротивление его воле, а с любым таким проявлением он беспощадно боролся. К Адур-Гудунваду были подосланы убийцы.

Можно найти и иные примеры. Прокопий Кесарийский рассказывает о казни *айинбад*-а[511] [Procopius, 1914. P. 404–405], а Агафий Миринейский – о казни Нахорагана (Нахварган), с которого заживо содрали кожу [Agathiae…, 1828. P. 256, 274]. Правда, в обоих случаях гнев Хосрова вызвали военные поражения, однако общая логика прослеживается и здесь: сановники были казнены потому, что не сделали того, что от них требовал царь.

Мотив изгнания чиновника со службы или сановника из окружения царя нередко встречается в «Рескриптах Хосрова» [Тавкиат…, 1845. С. 20, 41, 47, 68, 69, 92; Тавкиат…, 1874. С. 20, 41, 47, 68, 69, 92]. В одном случае причиной было невыполнение обязанностей, в другом – неподчинение или даже склонность к мятежу (*ṭuġyān*).

Подавляя оппозицию знати, Хосров не шёл по пути массовых преследований, как это делали, например, его преемник Хормузд IV (см. ниже) или Ездигерд I. Он стремился не репрессировать вельмож, что делал скорее по необходимости, а поставить их себе на службу. Семь великих родов, составлявших верхушку сасанидской знати, оставались. В этом отношении наибольший интерес представляет род Михранов, которые при Перозе и Каваде играли ведущую роль среди знати; именно с ними должен был прежде всего строить отношения новый царь. Кроме того, Михраны чаще других родов упоминаются в источниках, что позволяет составить относительно полную картину для дальнейших умозаключений.

Имеющиеся у нас сведения о Михранах в правление Хосрова таковы:

Пиран-Гушнасп Михран, происходивший из Рея, в конце правления Кавада и начале правления Хосрова управлял областями, составлявшими северные пределы (*абахтар*) Сасанидской державы, в частности, Ивирией и Кавказской Албанией;

---

[511] В тексте Прокопия – ’Ανιαβέδης, в чём легко угадывается *āyēnbad*, т.е. сановник, следивший за соблюдением правил дворцового этикета (от ср.-перс. *āyēn* или, в обычно применяемой транслитерации, *ēwēn* – «обычай, установление»).

ему подчинялось многочисленное войско. Однако ещё при Каваде Пиран-Гушнасп крестился, принял новое имя – Григорий – и предался аскезе. Согласно мученичеству Григория, одному из основных источников по истории христиан Сасанидской державы изучаемого периода, Хосров на третьем году царствования восстановил его на службе и назначил на более высокую (хотя и не названную в источнике) должность. Но Григорий отверг все увещевания вернуться в лоно зороастризма и в конце концов был казнён [Hoffmann G., 1880. S. 78–83; Histoire…, 1896. P. 350–387]. В мученичестве упоминается и другой Михран, племянник Григория. Во время похода Хосрова в Лазику он выступил перед Хосровом против Григория, заявив, что ренегат позорит весь род [Hoffmann G., 1880. S. 81; Histoire…, 1896. P. 367].

Фирдоуси, описывая на основе персидской традиции поход Хосрова на Византию (540 г.), сообщает, что центром, т.е. наиболее важной частью войска[512], командовал Михран [Ferdowsi's…, 1935. P. 2340].

Прокопий Кесарийский упоминает о Мирране (Михран), который в 549 году командовал персидским гарнизоном Петры в Лазике [Procopius, 1914. P. 542–543].

В середине 50-х годов VI в. «мудрый старец» Михран от имени Хосрова вёл переговоры с тюркским хаканом о совместных действиях против эфталитов [Ferdowsi's…, 1935. P. 2432–2437; The History…, 1959. P. 181].

Феофан Византийский сообщает, что походом персов на Йемен (572 г.) командовал Миран (Михран) [Fragmenta…, 1851. P. 270]. Это известие, правда, сомнительно, так как мусульманские авторы единодушно приписывают завоевание Йемена полкодцу Вехризу (см. ниже). Впрочем, не исключено, что Михран командовал одним из отрядов, посланных в Йемен (см. главу 3).

---

[512] Об этом прямо говорится у Ибн Кутайбы: «Я читал в "Книге об установлениях" (*Kitāb al-āyīn*)… что следует найти для центра войска возвышенное место и поставить его туда; ведь те, кто на правом и левом крыле, не будут разгромлены и побеждены – даже тогда, когда они (крылья. – *Д. М.*) будут так или иначе уничтожены, – до тех пор, пока держится центр. Если же погибнет центр, в том, что удержатся правое и левое крыло, не будет никакой пользы» ['Uyūn…, 1996. Vol. I, P. 112]. В этом переводе центр войска называется *mādiyān*, что, очевидно, является передачей среднеперсидского *mādiyān*.

В 572–573 гг. два представителя Михранов командовали сасанидскими войсками в Армении. Этот эпизод известен по трудам Феофана Византийского и Себеоса и разобран в главе 3. Один из Михранов, Горгон (Гогон у Себеоса, Михран у Феофана) известен по оттиску его печати, на которой он именуется *спахбад*-ом Азербайджана (см. ниже) и *вузург*-ом [Gyselen R., 2001. P. 44]. Второй упоминается в двух разных, но посвящённых тем же событиям фрагментах труда Себеоса – в одном как Вардан Вшнасп, в другом – как Михран Михревандак (т.е. *Михр-бандаг*, «слуга Митры»). Имя «Вардан» мы почти не встречаем в среде сасанидской знати, и трудно поручиться, что Себеос пишет имя полководца правильно. Между тем, в некоторых источниках события, о которых пишет Себеос, сближаются по времени с правлением в Армении *марзбан*-а Вшнасп Вахрама [Histoire..., 1841. P. 54; Иованнес Драсханакертци, 1986. С. 78]. Всё это наводит на мысль о том, что речь идёт о полководце и будущем узурпаторе Варахране (Вахраме) Чубине, которого Себеос называет Вахрамом Михревандаком [Епископ Себеос, 1939. С. 33], а мусульманские авторы – Вахрамом, сыном Вахрам-Гушнаспа [Ferdowsi's…, 1935. P. 2589; Ал-Ахбар…, 1960. С. 79; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 1077; Annales..., 1964. Ser. I, P. 992]. О Варахране Чубине подробно рассказывает Феофилакт Симокатта:

«Говорят, что Варам (Вахрам, Варахран. – *Д. М.*) был из дома (οἰκαρχία) Миррама (Михрана. – *Д. М.*) и принадлежал к аршакидскому роду (δήμος); сначала он был в числе телохранителей царя, а немногим позже, став предводителем отряда войска, сражался вместе с Хосровом, сыном Кавада, когда вавилоняне стояли у Дары[513], а власть над ромеями держал Юстин Младший (Юстин I – *Д.М.*). И вот, участвуя во вторжении вместе со старшим Хосровом[514], царём персов, он снискал расположение царя и отличился в [борьбе] с врагами, а ещё немного времени спустя был назначен стратигом всего персидского войска» [Theophylacti…, 1834. P. 154].

В 578 г. Шапур Михран был послан с войском против Византии[515]. Менандр Протектор, говоря об этом, характеризует

---

[513] Из этого следует, что речь идёт о событиях 573 г.

[514] Имеется в виду Хосров I Ануширван, которого Феофилакт отличает таким образом от Хосрова II Парвиза.

[515] Этот эпизод разобран в главе 3.

Шапура как «имевшего славу человека не низкого» [Dexippi…, 1829. P. 409].

При всех сомнениях относительно изложенных сведений они дают, кажется, представление о роли, которую играл род Михранов в правление Хосрова. Род не подвергся разгрому или репрессиям, его представители участвовали во многих, если не во всех, начинаниях Хосрова. Но ни один из членов рода не поднялся до положения «второго после царя» человека в государстве; все они действовали лишь как исполнители воли Хосрова.

Такую же политику, видимо, Хосров проводил и по отношению к другим родам высшей знати. Упоминания о них появляются лишь эпизодически, но мы видим на службе Хосрова Зигов и Суренов (см. главу 3), а по некоторым указаниям в источниках можно судить, что сказанное распространяется и на другие роды. Рассказывая о противостоянии Хосрова II и Варахрана Чубина (591 г.), ад-Динавари сообщает, что наместником Хорасана в то время был престарелый Карен Мидийский и Нехавендский[516], назначенный ещё Хосровом Ануширваном [Ал-Ахбар…, 1960. С. 94][517]. Походом против Йемена (572 г.) командовал Хварразад, сын Нарсе (более известный под своим почётным именем *Вехриз*, т.е. «отличный стрелок»), который, судя по указаниям в источниках, принадлежал к Спандиядам

---

[516] Историческим центром владений Каренов были Мидия и Нехавенд (см. главу 1 части I).

[517] Говоря о Каренах, мы не можем обойти стороной историю сыновей Сухра, которую донесла до нас традиция Ибн Исфандияра. Сухра, спасаясь от Кавада, бежал в Табаристан, но пал от руки убийцы. Сыновья Сухра долгое время скрывались в Бадахшане. Затем они по собственному почину помогли Хосрову в борьбе с тюрками. В благодарность Хосров назначил старшего сына Сухра Зармихра правителем Забулистана, а младшего, Карена – *спахбад*-ом Табаристана [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 151]. Но этот рассказ едва ли что-то бóльшее, чем династическая легенда. Мы видели, что, согласно остальным историческим традициям, Сухра был взят под стражу на приёме у Кавада, а Зармихр – казнён по приказу царя. Кроме того, должности *спахбад*-а Табаристана не существовало; был *спахбад* севера. Поэтому мы имеем все основания отказать данному рассказу в достоверности или, по крайней мере, видеть в нём очень сильное преувеличение.

[Hamzae…, 1844. P. 59, 138–139; The Fársnáma…, 1921. P. 95–96]. Прокопий Кесарийский, повествуя о мирных переговорах 551 г., сообщает, что вместе с Язд-Гушнаспом в Константинополь прибыли «двое из знатнейших персов, которые даже носили на головах золотые тиары» [Procopius, 1962. P. 148–149]. Речь, очевидно, идёт о представителях «семи родов», которые, как показано в главе 1 части I, пользовались такой привилегией.

Сохранился при Хосрове и обычай, по которому должности распределялись между аристократическими родами и передавались по наследству. Хотя *канаранг* Адур-Гудунвад обратил на себя царский гнев как непокорный раб, после его гибели Хосров не стал поступать вразрез с традицией и назначил на эту должность его сына Вахрама (Варахрана) [Procopius, 1914. P. 216–217].

Несмотря на всю умеренность политики Хосрова, в среде знати сохранялись оппозиционные настроения. Прокопий Кесарийский так описывает ситуацию, которая сложилась, когда во время похода в Лазику (541 г.) персы стали испытывать затруднения:

«Услышав это (известие о поражении союзников персов – гуннов. – *Д. М.*), персы, страдавшие из-за злоключений в стране лазов, опасались, что, находясь в трудном положении, натолкнутся в горах или зарослях на какое-нибудь вражеское войско и бесславно погибнут, боялись за детей, жён и родину – если в войске мидийцев было что-то чистое – и порицали Хосрова, говоря, что он, нарушив клятвы и поправ законы, общие для всех людей, во время мира без всякой причины вторгся в землю ромеев, совершил немалые бесчинства по отношению к древней и достойнейшей среди всех державе, одержать верх над которой он не в силах» [Ανεκδοτα…, 1856. P. 30–31].

Назревал мятеж, и избежать его Хосров смог лишь предъявив письмо от императрицы Феодоры к упомянутому выше Завергану. Текст письма убедил вельмож в слабости Византии [Ανεκδοτα…, 1856. P. 30–33]. Небезынтересно, что, согласно тому же Прокопию, византийская разведка во время этой кампании действовала далеко не лучшим образом, так что командование подчас даже не знало, где находится Хосров со своим войском [Ανεκδοτα…, 1856. P. 352–353]. Но даже в этих условиях известия о ропоте среди знати дошли до византийцев. Это,

кажется, указывает на масштаб недовольства, которое невозможно было утаить.

Из другого фрагмента произведений Прокопия явствует, что, несмотря на принятые Хосровом меры, недовольство среди знати осталось, причём представляло собой реальную угрозу:

«Эти варвары, как я сказал в сообщениях о них, много раз вторгались в землю ромеев с большим войском под предводительством Хосрова и причиняли врагам трудноописуемые мучения, но не получили от этого никакой выгоды, а понесли вред, как телесный, так и имущественный: ведь они всякий раз уходили из земли ромеев, потеряв многих. Поэтому они, прибывая в родные места, втайне порицали Хосрова и называли его губителем персидского народа. Вернувшись из Лазики, где они подверглись неслыханным страданиям, они, наверное, выступили бы против него в открытую и подвергли его жалкой смерти, если бы он, узнав об этом прежде, не принял меры предосторожности и не стал бы с обильной лестью обхаживать наиболее знатных из них. И, желая защититься от порицаний, он стремился к какому-либо быстрому приобретению для персидской державы» [Procopius, 1962. P. 112–115].

Другой случай, известный нам по источникам, произошёл в конце правления Хосрова. Во время похода в Малую Азию (576 г.) войско Хосрова оказалось зажатым между византийскими армиями, которые преследовали его. Боевой дух персов и их полководцев падал[518]. По сообщению Иоанна Эфесского,

«Его (Хосрова. – *Д. М.*) [подданные-]зороастрийцы (*magūšaw*) порицали его и спорили с ним» [The Third Part…, 1853. P. 365].

Обстановку в войске Хосрова после похода Феофилакт Симокатта описывает так:

«Не в силах выносить происшедшее, мидийцы негодовали и с непокрытыми головами порицали своего царя, негодуя; их очень печалили затяжка войны и невзгоды, которые сулило будущее … И вот царь, опасаясь мятежа в войске, решил вступить с кесарем[519] Тиверием в переговоры о мире» [Theophylacti…, 1834. P. 146].

---

[518] Этот эпизод рассматривается в главе 3.

[519] На тот момент Тиверий был младшим соправителем Юстина II и именовался кесарем.

В рассмотренных эпизодах следует обратить внимание на два аспекта. В обоих случаях недовольство знати проявилось в самый критический момент, т.е. на войне, когда любой заговор опасен вдвойне. Вместе с тем, один из этих эпизодов относится к началу, а другой – к концу правления Хосрова, что свидетельствует о стойкости умонастроений знати. Нетрудно представить себе, что Хосрову на протяжении всего его царствования приходилось опасаться заговора. У ал-Масуди мы находим следующий рассказ:

«Сообщается со слов Вузургмихра, что он сказал: “Я видел у Ануширвана два противоположных поступка, подобных которым у него не наблюдал. Однажды он сидел, принимая людей, и к нему вошёл один из его приближённых. Сановник (*wazīr*) его (Хосрова. – *Д. М.*) оттеснил его в сторону. Он (Хосров. – *Д. М.*) же приказал, чтобы его (вошедшего. – *Д. М.*) остановили и год не пускали к нему, потому что он совершил не положенное ему по рангу (*martaba*), и поставил свой ранг выше ранга других в том, что касалось [права] сидеть [вместе с царём]. Затем я видел его в другой раз, когда мы тайно пребывали у него по одному делу, связанному с управлением государством. Слуги его стояли позади его ложа и царского трона и беседовали. Говорили они громко, и это отвлекало нас от того, чем мы были заняты. Тогда я сказал ему об этом, задал вопрос и указал на разницу в положении [нашем и их]. Он (Хосров. – *Д. М.)* сказал мне: “Не удивляйся. Мы – правители над нашими подданными, а слуги наши – цари над нами; в моменты уединения нашего могут они сделать то, от чего не можем мы придумать, как уберечься””» [Maçoudi, 1863. P. 209–210; Китаб ал-масалик…, 1992. С. 288].

Едва ли подлежит сомнению, что под «слугами», стоявшими за троном, понимаются здесь не обычные рабы, которых царь мог казнить в любой момент, не опасаясь за последствия. Речь, скорее всего, идёт о молодых отпрысках аристократических родов, которые, как мы знаем из источников, служили при дворе и во время приёмов находились рядом с троном. Наиболее известен рассказ о том, что Варахран V Гор до прихода к власти служил при дворе своего отца Ездигерда I. Согласно ас-Саалиби, Варахран во время приёмов стоял возле трона; однажды, задремав, он ударился головой о поручни [Histoire…, 1900. P. 546]. Употребление в тексте источника слова «слуги» не противоречит нашему предположению. *Канаранг* Адур-

Гудунвад был царю слугой; точно так же и остальные вельможи считались «рабами» (*bandagān*) правителя. Понятно, что гонения на кого-либо из них могли вызвать резкий ответ обиженного рода вплоть до покушения на царя. По некоторым сведениям, Хосров считал угрозу покушения довольно серьёзной. В приписываемой ал-Джахизу «Книге короны» мы читаем:

«Говорят, что никто не знал, где кто-либо из сасанидских царей спал ночью или днём. Что же до Ардашира, сына Папака, Шапура, Вахрама[520], Хосрова Парвиза и Хосрова Ануширвана, то для каждого из них накрывали по сорок лож в сорока [разных] местах, так что тот, кто видел такое ложе издали, отдельно, не сомневался, что оно предназначено для царя, и царь почивает на нём. Он (царь. – *Д. М.*) же мог спать на одном из них или на мягком сиденье или подложив руку под голову» [Djâhiẕ, 1914. P. 124].

Таким образом, Хосров, покончив с властными притязаниями знати и поставив её себе на службу, не игнорировал опасность ответного удара и действовал умеренно и даже тактично, чтобы не спровоцировать заговор[521]. Но политика Хосрова по отношению к знати этим не ограничивалась. Судя по источникам, он стремился сплотить вокруг себя верных ему вельмож. В связи с этим интересно проанализировать то, что в восточных источниках называется одним из главных свершений Хосрова – административную реформу. Рассказы о ней встречаются у авторов, принадлежавших к разным традициям, но всегда помещаются в начало правления Хосрова. В традициях ат-Табари и ад-Динавари об этой реформе говорится вслед за сообщением о разгроме маздакитов, с которого, по рассказам этих авторов,

---

[520] Из контекста невозможно понять, какой из сасанидских царей, носивших имя Варахран (Вахрам) или Шапур, имеется в виду.

[521] Думается, именно нежеланием доводить дело до инцидента объясняется снисходительность Хосрова к знати как она иногда проявляется в рассказах источников. Легенда, приводимая в приписываемом ал-Джахизу трактате «Книга короны» (*Kitāb al-tāǧ*) и историческом своде Ибн ал-Джаузи, гласит, что Хосров не стал преследовать какого-то человека, который, будучи на пиру у царя (из чего можно заключить, что речь идёт о представителе знати), похитил золотой кубок [Djâhiẕ, 1914. P. 101; Ал-Мунтазам…, 1992. С. 114]. Судя по одному фрагменту «Рескриптов», Хосров не скупился и на подарки знати [Тавкиат…, 1845. С. 22; Тавкиат…, 1874. С. 22].

начинается правление Хосрова [Browne E. G., 1900. P. 227; Ал-Ахбар…, 1960. С. 67; Annales..., 1964. Ser. I, P. 893]. Фирдоуси, следуя за персидской традицией, относит разгром маздакитов к правлению Кавада, и рассказ об административной реформе помещается у него сразу за переложением тронной речи Хосрова [Ferdowsi's…, 1935. P. 2314–2316].

В источниках реформа рассматривается по-разному. Рассказы, которые воспроизводятся в трактате ад-Динавари [Ал-Ахбар…, 1960. С. 67] и *Шах-намэ* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2314], представляют её как разделение государства на четыре провинции. Ат-Табари описывает действия Хосрова по-иному:

«До его (Хосрова. – *Д. М.*) правления должность *спахбад*-а, т.е. предводительство над войском, вершил один человек; ему принадлежала должность *спахбад*-а страны[522]. Хосров же разделил это ведение (*wilāya*) и эту должность между четырьмя *спахбад*-ами – *спахбад*-ом Востока (*al-Mašriq*), т.е. Хорасана и сопредельных земель, *спахбад*-ом запада (*al-Maġrib*), *спахбад*-ом юга (*Nīmrūz*), т.е. Йемена, и *спахбад*-ом Азербайджана и сопредельных земель, т.е. Хазарии, так как видел в этом порядок для своего правления…» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 894].

Сообщение ат-Табари нуждается в некотором исправлении, так как в начале правления Хосрова Йемен ещё не входил в состав Сасанидской державы. Заметим, что в ряде источников разделение на четыре провинции представлено в том виде, который оно приняло позже, в результате территориальных приобретений при Хосрове. Так, у Ибн Хордадбеха и ал-Якуби к числу владений Сасанидов относятся Балх и прочие земли эфталитов [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 18; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 201]. Поэтому для воссоздания того положения дел, которое существовало в начале правления Хосрова, правильнее опираться на сведения традиции ад-Динавари, а также Фирдоуси. Сопоставляя данные источников, мы можем реконструировать введённое Хосровом разделение страны и понять, на какие пределы распространялась власть каждого из *спахбад*-ов. Итак:

---

[522] В арабском тексте – *iṣpahbaḏat al-bilād*. По всей вероятности, эта форма представляет собой кальку со ср.-перс. титула, который должен называться *šahr-spāhbad* или *dehān-spāhbad*, однако в тех немногочисленных источниках, которые у нас имеются, не фигурирует.

– под властью *хорасан-спахбад*-а, т.е. *спахбад*-а востока – Хорасан и Систан;

– под властью *хварваран-спахбад*-а, т.е. *спахбад*-а запада – земли Ирака до границ Византии;

– под властью *нимруз-спахбад*-а, т.е. *спахбад*-а юга – Керман[523], Фарс и Хузестан;

– под властью *адурбадаган-спахбад*-а, т.е. *спахбад*-а Азербайджана – Исфахан, Рей, Табаристан, Демавенд, Кум, Мидия, Азербайджан, а также подчинённые персам области Армении [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 18, 72, 118, 125; Browne E. G., 1900. P. 227; The Pahlavi Texts, 1913. P. 157; Ferdowsi's…, 1935. P. 2314–2315; Ал-Ахбар…, 1960. С. 67; Annales..., 1964. Ser. I, P. 893; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 201–202].

Чем была вызвана эта реформа? Если считать её мотивами потребности государственного управления, следует заключить, что разделение державы на четыре провинции было нововведением Хосрова, который считал его оптимальным. Однако, такое разделение существовало, по-видимому, и до Хосрова. Ат-Табари сообщает, что Хосров, вступив на престол,

«… написал письма четырём *пайгосбан*-ам, каждый из которых был [поставлен] на одну из областей царства персов, и их людям.

Письмо к *пайгосбан*-у Азербайджана:

«От царя Хосрова, сына Кавада, Вари (*Wārī*), сыну Нахваргана, *пайгосбан*-у Азербайджана, Армении и сопредельных земель, а также Демавенда, Табаристана и сопредельных земель, и людям его – приветствие. Страшнее всего для людей – потеря того, с утратой кого, как они опасаются, произойдут уничтожение благ и раздоры, и зло постигнет самое ценное [для них] – а самое ценное для них либо в нём самом, либо в его близких, либо в его богатстве, либо в его щедрости[524]. Мы же не знаем страха или потери более бедственных для подданных и более

---

[523] У ад-Динавари Керман относится к восточной провинции, но в параллельном тексте трактата «Предел познания в истории персов и арабов» – к южной. Наш выбор в пользу второй версии обусловлен тем, что ал-Якуби причисляет Керман к провинции Фарс, т.е. к южной провинции [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 201].

[524] Читаем здесь كرمه, а не كريمه, как в тексте.

заслуживающих того, чтобы называться несчастьем, чем смерть достойного царя» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 892–893].

Если исходить из того, что этот текст достоверен[525], можно сделать следующие наблюдения. Письмо, очевидно, было написано вскоре после смерти Кавада. Именно поэтому Хосров говорит о кончине царя, а ат-Табари начинает с этого письма рассказ о правлении самого Хосрова. Адресат письма – наместник области (*пайгосбан*)[526]. Единственное описание этого титула приводится у ал-Якуби, который объясняет его как «гонитель врагов» (*dāfi‘ al-a‘dā’*) [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 203]. Следовательно, *пайгосбан* – должность военная, близкая к должности *спахбад*-а. Слово *спахбад* буквально значит «ведающий войском»; это значение встречается у ал-Масуди (*ḥāfiẓ al-ǧayš*) [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 103]. Как мы видели, в истории Иисуса Столпника слово *спахбад* (в сирийской форме *isṭbīd*) – эквивалент понятия «магистр», т.е. предводитель войска [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 58]. В процитированном выше фрагменте труда ат-Табари должность *спахбад*-а объясняется как предводительство над войском.

В тексте ат-Табари Вари именуется *пайгосбан*-ом Азербайджана. Область, которой он управлял, охватывала почти все земли, переданные при Хосрове под власть *спахбад*-а Азербайджана; исключение составляет, пожалуй, лишь район Исфахана. Здесь следует обратить внимание на некоторые параллели в источниках. Слово *пайгос* употребляется в манихейских турфанских текстах в значении «область», причём называются «верхняя» (северная) область (*abarag pādgōs*) и западная область (*ḫwarnawar pādgōs*) [Müller F. W. K., 1904. S. 20]. Эти термины позаимствованы, судя по всему, из лексикона сасанидских времён. В «Деяниях Мар Кардага» сообщается, что под его управлением находились земли от Нисибина, т.е. от тогдашней границы Сасанидской державы на западе, до реки Тормара (Дийала) [Acta…, 1890. P. 56–57]. Значит, Мар Кардаг управлял обширной частью Ирака и областями до границы с владениями

---

[525] О том, что Хосров, придя к власти, разослал по своим владениям письма с извещением о кончине Кавада, говорит также ал-Якуби [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 186].

[526] Слово *пайгосбан* (ср.-перс. *pāygōsbān*) буквально означает «охранитель области (*pāygōs*)».

ромеев, которая, правда, пролегала тогда восточнее, чем во времена Хосрова. *Пайгосбан* Азербайджана Вари и наместник западных земель Кардаг вполне сравнимы с *спахбад*-ами Азербайджана и запада и по территориям, которыми они управляли, и по характеру компетенции. В одном из рассказов о втором походе Пероза против эфталитов сообщается, что царь призвал к себе четырёх сановников, каждый из которых командовал войском в пятьдесят тысяч бойцов и управлял четвертью державы [Solwan…, 1852. Vol. I, P. 209].

Реформа Хосрова не привела к исчезновению *пайгосбан*-ов, которые существовали наряду с *спахбад*-ами. Хосров II назначал *спахбад*-ов, *пайгосбан*-ов и *марзбан*-ов [Annales..., 1964. Ser. I, P. 1056]. Одним из его полководцев был Шахин, носивший титул *пайгосбан*-а запада [Епископ Себеос, 1939. С. 68; Annales..., 1964. Ser. I, P. 1002–1003]. В рассказах ат-Табари о событиях 30-х годов VII в. сначала появляется *пайгосбан* юга, казнённый по приказу Хосрова II, а затем – *спахбад* юга [Annales..., 1964. Ser. I, P. 1058, 1062]. Во время арабского завоевания *пайгосбан*, имени которого мы не знаем, был наместником Исфахана [Liber…, 1863. P. 312; Annales…, 1964. Ser. I, P. 2639; Китаб ал-футух…, 1991. Ч. 2, с. 313–314]. Ал-Якуби в перечне высших должностей Сасанидской державы упоминает сначала *спахбад*-а, а вслед за ним – *пайгосбан*-а [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 202–203]. Показателен также следующий фрагмент, принадлежащий перу Ибн Хордадбеха:

«Мы начнём с Востока (*al-Mašriq*), который представляет собой четверть царства. Мы начнём с упоминания о Хорасане[527]. Под рукой его *спахбад*-а были *пайгосбан* и четыре *марзбан*-а, каждому из которых [была отведена] четверть Хорасана: четверть – *марзбан*-у Мерва Шахигана и его области, четверть – *марзбан*-у Балха и Тохаристана, четверть – *марзбан*-

[527] Из того, какие территории, согласно этому тексту, входили в состав Хорасана, можно заключить, что под Хорасаном имеется в виду не историческая область, а четверть державы, что соответствует терминологии времён Хосрова Ануширвана. Следовательно, Хорасан и «Восток» данного текста тождественны и означают восточную четверть державы как её понимали при Хосрове. Видимо, Ибн Хордадбех не совсем хорошо понимал это, и по первым двум фразам может показаться, что Хорасан был частью Востока.

у Герата, Бушанджа (Гурийана. – *Д. М.*), Бадгиса и Систана … и четверть – *марзбан*-у Мавераннахра» [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 18][528].

Таким образом, административная реформа Хосрова фактически свелась к тому, что над каждым *пайгосбан*-ом был назначен *спахбад*. Такой шаг трудно объяснить чем-то кроме желания создать новые высокие посты, назначив на них верных людей. Источники указывают на возвышение четырёх *спахбад*-ов. Ад-Динавари, говоря о людях, которых Хосров назначил *спахбад*-ами, сообщает:

«И каждый из этих четырёх достиг вершины почестей и [царской] милости» [Ал-Ахбар…, 1960. С. 67].

То же самое характерно и для более поздних времён. Перечисляя высших сановников Сасанидской державы, ал-Якуби пишет:

«Великий (*ʻaẓīm*) среди них назывался *спахбад*-ом; смысл [этого названия] – предводитель (*ra'īs*)» [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 202].

До наших дней дошли оттиски печатей *спахбад*-ов всех созданных Хосровом округов[529]. Имена и титулы на этих печа-

---

[528] Перевод сделан по арабскому тексту Ибн Хордадбеха. Интерпретация его последней фразы (*wa kānat taḥta yaday iṣbahbaḏihā bāḏūsbān wa arbaʻat marāziba*) неоднозначна. Издатель текста М. Я. Де Гуйе полагал, что *wa kānat* относится к *Ḫurāsān*, и переводил: «ce pays obéissait autrefois (sous les Perses) à un *ispahbadh* avec le titre de *Bâdhousbân*. Celui-ci avait sous ses ordres quatre *marzabân* (margraves) et chaque marzabân gouvernait une des quatre parties de Khorâsân» [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Фр. перевод, с. 18]. Однако из приведённых материалов следует, что отождествление *спахбад*-а с *пайгосбан*-ом неправомерно. Значит, слово *bāḏūsbān* – не приложение к *iṣbahbaḏihā*; судя по его месту во фразе, оно может быть только подлежащим. Безусловно, употребление формы единственного числа женского рода *kānat* может показаться не соответствующим такому подлежащему. Между тем, в средние века такая форма применялась и тогда, когда подлежащее было существительным мужского рода во множественном числе. Сам Ибн Хордадбех, судя по его тексту, использовал в таких случаях разные формы. Например: *fa karahat al-barbar nuzūl al-mudun fa nazalū al-ǧibāl wa al-rimāl* (берберы не захотели оседать в городах и поселились в горах и песках) [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 92].

тях – ценнейший источник информации, однако их трудно отнести к какому-то определённому периоду времени. На большинстве оттисков в качестве царствующего монарха указан Хосров, и за некоторыми исключениями мы не можем сказать, имеется в виду Хосров I Ануширван или Хосров II Парвиз. Лишь в двух случаях всё относительно ясно. Один из них разобран выше: Горгон Михран, бывший, судя по печати, *спахбад*-ом Азербайджана, в 573 г. командовал сасанидскими войсками в Армении. В том же году на исторической сцене появляется обладатель другой печати – Адур-Махан, предпринявший тогда поход в Сирию. Военные операции Адур-Махана рассматриваются в главе 3; из других известий нарративных источников о нём наиболее важны следующие. Иоанн Эфесский называет Адур-Махана «великим *марзбан*-ом» [The Third Part…, 1853. P. 378], т.е. старшим военным наместником. Какая-то местная традиция, которая воспроизводится в «Истории Кермана», сохранила воспоминания о том, что Хосров, придя к власти, назначил Адур-Махана правителем Кермана и Белуджистана с титулом «падишах Кермана» [Táríkh-i-Kirmán…, 1961. P. 23–24]. Как будет показано ниже, после смерти Хосрова I Адур-Махан служил его сыну и преемнику Хормузду IV, но через какое-то время был казнён по его приказу. Всё это соответствует тому, что мы видим на оттисках печатей. Адур-Махан звался Варахраном, но хотел носить имя «Хосров» и, видимо, добился своего: на одних оттисках стоит *Warahrān i nām ḫwāst i Ḫūsrōw*, на других – только *Ḫūsrōw*. Варахран-Хосров был *спахбад*-ом юга, т.е. округа, к которому принадлежали Керман и Белуджистан. На одном оттиске царствующим монархом указан Хосров, на другом – очевидно, более позднем – Хормузд.

Оттиски печатей Горгона Михрана и Варахрана-Хосрова Адур-Махана принадлежат к одному и тому же собранию, изученному Р. Гизелен. Возможно, и остальные оттиски из этого собрания относятся к правлению Хосрова I Ануширвана и Хормузда IV. Если так, на материалах печатей можно сделать и некоторые другие наблюдения относительно рассматриваемой

---

[529] Сделанные нами наблюдения основаны на легендах, которые обнаруживаются на оттисках печатей, принадлежащих к различным собраниям артефактов [Gyselen R., 2001. P. 35–46; Gyselen R., 2007. P. 49–52; Daryaee T., 2010. P. 5–14; Daryaee T., 2012. P. 165].

эпохи. Прежде всего, исключительное положение занимают Михраны; только на их печатях указывается принадлежность *спахбад*-а к роду. Всего мы знаем по печатям троих *спахбад*-ов из рода Михранов; помимо упомянутого выше Горгона это жившие при Хосрове *спахбад* Азербайджана Сид-Хош, *вузург* и *шахр-аспбад*, и *спахбад* юга Пираг, носивший почётное имя *Шахр-вараз* («[боевой] вепрь державы»). Позиции Михранов на севере державы были сильны ещё до Хосрова; то, что они закрепляются и на юге, свидетельствует об их дальнейшем возвышении. Это вполне соответствует сведениями нарративных источников, где, как мы видели, Михраны появляются чаще других. Вместе с тем, *спахбад*-ами назначали не только Михранов. Один из *спахбад*-ов юга времени Хосрова (вероятно – Ануширвана) по имени Вех-Шапур именуется на печати персидским *аспбад*-ом, а такой человек не мог принадлежать к Михранам. Помимо персидского был и парфянский *аспбад*; этот титул носил *вузург* Дад-Бурзмихр, бывший при Хормузде IV *спахбад*-ом востока. Более того, есть оттиски печатей, на которых Вех-Шапур и Дад-Бурзмихр именуются просто *аспбад*-ами. Судя по их печатям, оба сначала были *аспбад*-ами, а затем стали *спахбад*-ами. Такое назначение едва ли было понижением: трудно представить себе, чтобы царь, желая разжаловать сановника, отдел под его командование войска четверти своих владений. Скорее речь шла о совмещении должностей; на это указывает тот факт, что оба сановника именуются и *спахбад*-ами, и *аспбад*-ами. То же самое, видимо, происходило и тогда, когда *спахбад* одновременно занимал должность *хазарбад*-а. По оттискам печатей мы знаем два таких случая. *Вузург* Вистам был *хазарбад*-ом и *спахбад*-ом запада при Хосрове и Хормузде, а упомянутый выше Варахран-Хосров Адур-Махан стал *хазарбад*-ом в правление Хормузда. Должность *хазарбад*-а не была коллегиальной, и он, как один из высших сановников державы, вероятно, находился вместе с царём; возможно, это справедливо и для *аспбад*-а. Но где тогда пребывал *спахбад* округа, бывший одновременно *хазарбад*-ом или *аспбад*-ом? Решение этой проблемы заключается, видимо, в том, что *спахбад* считался провинциальным командующим скорее номинально и в основном пребывал подле царя. Только так можно объяснить тот факт, что Варахран-Хосров Адур-Махан, будучи *спахбад*-ом юга, ходил в походы на Византию, то есть формально выполнял не свои зада-

чи. Значит, *спахбад*-ы были нужны Хосрову не столько на местах, где оставались *пайгосбан*-ы, сколько в столице. Это вполне согласуется с высказанным выше предположением о том, что Хосров, назначая четырёх *спахбад*-ов, стремился не столько усовершенствовать военную организацию державы, сколько привлечь к себе верных вельмож – как парфянских, из «великих родов», так и персидских – и возвысить их.

На менее высоком уровне Хосров стремился сделать своей опорой *азад*-ов и *кадагхвада*-ев. Его действия – как они показаны в источниках – были направлены на их поддержку. Об этом прямо говорит ат-Табари:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) осведомился о воинах[530] и того из них, кто не был зажиточен, поддерживал, [давал] коней и снаряжение и предоставлял им то, что их укрепляло» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 897–898].

Особые меры были приняты для того, чтобы предотвратить исчезновение тех родов, которые пришли в упадок:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) распорядился о потомках знатных людей, у которых умерли главы семейств. Их переписали для него. И он выдал девушек за равных им, выделив им приданое из казны, женил юношей на [девушках] из знатных родов, заплатил за них приданое, отвёл от них нужду и велел им постоянно пребывать при его дворе, чтобы призывать их на помощь в делах» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 897].

Оба фрагмента обнаруживаются в той части труда ат-Табари, где он повествует о том, что сделал Хосров для преодоления кризиса, вызванного действиями маздакитов. Из этого следует, что меры, о которых говорит ат-Табари, были приняты вскоре после прихода Хосрова к власти.

Как показано выше, при Хосрове сохранился обычай, по которому молодые отпрыски знатных родов служили при дворе. Пересказывая известия ат-Табари, Абу-л-Фида уподобляет таких юношей мамлюкам [Abulfedae…, 1831. P. 90], составлявшим гвардию правителей его времени. Из их среды появлялись, видимо, выдвиженцы, которых Хосров приближал к себе за де-

---

[530] Употребляемый здесь термин *al-asāwira* – арабизированная форма среднеперсидского *aswārān* (конные воины). Поскольку основную часть сасанидской конницы составляли *азад*-ы, вероятно, что речь идёт именно о них.

ловые качества. На то, что такие случаи были, указывает, кажется, следующая легенда, известная нам в передаче ас-Саалиби:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) сделал своим приближённым (*iṣṭana'a*) одного человека, и говорили, что тот-де не принадлежит к знатному роду. Тогда он (Хосров. – *Д. М.*) сказал: “То, что мы приблизили его к себе, и есть его род и его знатность”» [Histoire…, 1900. P. 607–608].

Речь, конечно, идёт не о том, что Хосров приблизил к себе простолюдина. Как мы увидим далее, Хосров мыслил сословными категориями и полагал, что простонародье должно занимать отведённое ему место внизу социальной лестницы. Следовательно, речь может идти только о представителе сословия воинов, не принадлежавшем к высшей аристократии.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о том, кто составлял ближайшее окружение Хосрова. Рядом с ним нет могущественных аристократов, заправлявших государственными делами, какими были, например, Сурен при Шапуре II, вельможи, окружавшие Варахрана V, Сухра, Шапур Рейский и Зармихр-Сиявуш при Каваде. Конечно, нельзя сказать, что влиятельных вельмож не было вовсе. По источникам мы знаем несколько таких человек. После устранения Мехбуда на какое-то время возвысился его противник Заверган. Предположительно он был из числа выдвиженцев Хосрова, не принадлежавших к высшей знати (см. прим. 504). О его возвышении мы можем судить по двум упоминаниям в источниках. В 540 г., во время осады Антиохии, Заверган удостоился чести наблюдать за событиями, находясь на одной башне с Хосровом [Procopius, 1914. P. 216–217]. Другое свидетельство рассмотрено выше: Завергану было адресовано письмо, которое Хосров во время похода в Лазику (541 г.) продемонстрировал вельможам как послание императрицы Феодоры. Точных подробностей этой истории мы не знаем, но так или иначе адресатом письма был избран именно Заверган. Между тем, Заверган поднялся лишь до положения приближённого и, может быть, фаворита царя и не играл самостоятельной роли в политике. В остальных случаях он упоминается в источниках в связи с дипломатическими поручениями. На третьем году правления Хосрова (16 июля 533 – 15 июля 534 [Parise F., 2002. P. 101]) он по поручению царя отправился послом в Константинополь [Histoire…, 1896. P. 360], а в 544 г., во

время осады Эдессы, вёл переговоры с жителями города [Procopius, 1914. P. 492–493].

Приблизительно тогда же в источниках появляется другой влиятельный вельможа, которого Прокопий Кесарийский называет именем Навед[531]. В описании событий 541 г. мы находим фрагмент, в котором полководец Велисарий говорит своим офицерам, что

«… над ними (персидскими воинами в Нисибине. – *Д. М.*) он (Хосров. – *Д. М.*) поставил командующим Наведа, который, кажется, первый по славе и иным достоинствам после самого Хосрова» [Procopius, 1914. P. 412–413].

Источники не позволяют, однако, говорить о возвышении Наведа. Наши сведения о нём ограничиваются тем, что он потерпел поражение в борьбе с Велисарием, а впоследствии был назначен командующим сасанидскими войсками в Персармении, где мы видим его в 543 г. В 550 г. он совершил поход в Лазику [Ανεκδοτα…, 1856. P. 28–31; Procopius, 1914. P. 474–475; Procopius, 1962. P. 132–133]. Навед был полководцем, и Велисарий оценивает его как военного. В ином контексте Навед не упоминается; более того, кроме Прокопия Кесарийского его не знает ни один средневековый автор.

В конце правления Хосрова был известен Мехбуд Сар-Нахварган, который, очевидно, принадлежал к роду Нахварганов. Мы не раз видим его в последние годы царствования Хосрова как представителя на переговорах с Византией и военачальника [Dexippi…, 1829. P. 291–295, 319–321, 325, 408–409; Theophylacti..., 1834. P. 147; The Third Part…, 1853. P. 375]. Феофилакт Симокатта характеризует его как человека видного из-за [своего] ранга (διὰ τὴν ἀξίαν ἀπόβλεπτος) [Theophylacti..., 1834. P. 147]. В «Собрании историй и рассказов» среди приближённых Хосрова называются Мехбуд (*Mehbūd*) и Махабуд (*Mahābūd*). Первый из них, согласно тексту источника, занимал должность فرمایاد [Muǧmal…, 2000. S. 75]. Такая должность нам неизвестна, но, поскольку восточные переписчики, изображая графему د (*dāl*), подчас соединяли её с последующей, чтобы не отрывать пера от бумаги, можно предположить, что имеется в виду слово فرمادار, *framādār*, часть титула *вузург-фрамадар*-а, о

[531] Эту форму, вероятно, следует сближать с армянским *нахапет* («глава рода») [Justi F., 1895. S. 218–219].

котором говорилось выше. Вероятно, Мехбуд Сар-Нахварган должен быть отождествлён с одним из этих людей. Но однозначная идентификация в данном случае невозможна, так как в начале правления Хосрова был, как мы видели, и другой Мехбуд, который, в отличие от Сар-Нахваргана, известен восточной традиции (см. главу 1).

Другим влиятельным сановником последних лет Хосрова был человек, именуемый в источниках Там-Хосров (вернее – Тахм-Хосров). В церковной истории Иоанна Эфесского он упоминается как «тот, кому персы доверяли больше, чем царю» [The Third Part…, 1853. P. 404]. То, что Тахм-Хосров обладал большим престижем, подтверждается словами Феофилакта Симокатты, который называет его «человеком, очень почитаемым (μεγατιμίος) среди персов» [Theophylacti..., 1834. P. 139]. К сожалению, в остальном о Тахм-Хосрове известно мало, и какие-то предположения можно строить лишь на основании его имени, которое означает «несравненный в доблести (*tahm*) Хосров». В источниках можно найти несколько человек с подобными именами. В перечне сановников Шапура I, данном в его надписи на «Каабе Заратуштры», фигурирует Пачихр Тахм-Шапур [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 326–327]. В рассказах о христианских мучениках, подвергавшихся гонениям при Шапуре II, упоминаются и их гонители – вельможи Нарсе Тахм-Шапур [Acta…, 1891. P. 307–308; Braun O., 1915. S. 105–106] и Шапур Тахм-Шапур [Acta…, 1891. P. 387–391; Braun O., 1915. S. 134, 136]. Когда при Ездигерде II преследования христиан возобновились, в Нисибине их проводил Тахм-Ездигерд, который сначала был «советником магов», а впоследствии стал христианином-мучеником [Hoffmann G., 1880. S. 50; Acta…, 1891. P. 519–529; Braun O., 1915. S. 179–187]. Во всех случаях такое имя добавлено к собственному имени человека (Пачихр, Нарсе, Шапур), а вторая часть его совпадает с именем царствующего монарха. Единственное исключение – Ардашир Тахм-Шапур, который фигурирует в надписи Нарсе как главный писец по податям (*šahr amār dibīr*) [Herzfeld E., 1924. P. 103], однако имя Тахм-Шапур он вполне мог получить в правление Шапура I. Вместе с тем, имя Тахм-Шапур напоминает названия городов, в которых были увековечены имена сасанидских царей (из рассмотренных выше примеров можно сослаться на Пероз-Кавад, Пе-

роз-Шапур и т.п.). Сходное имя, как показано в главе 3 части I, получил от Ездигерда I лахмидский царь ал-Мунзир I (*Rām afzūd Yazdkard*). Можно заключить, что *Тахм-Хосров* было почётным именем, которое, скорее всего, пожаловал царь. Такие имена, по всей вероятности, давали людям, отличившимся перед правителем. Поэтому в Тахм-Хосрове следует видеть скорее фаворита Хосрова Ануширвана, действительно достигшего определённых высот в государстве, чем аристократа, игравшего в политике самостоятельную роль.

Другие упоминания о видных сановниках времени Хосрова менее информативны и правдоподобны. В «Собрании историй и рассказов» среди его приближённых называются также казначей Хуршид, Нарсе и Симах-Бурзин [Muǧmal…, 2000. S. 75], о которых мы более ничего не знаем.

Говоря о сановниках Хосрова, мы не можем, конечно, обойти стороной фигуру Вузургмихра, который в мусульманских источниках часто предстаёт как ближайший сподвижник царя. Но разглядеть за этим персонажем многочисленных легенд реальную историческую фигуру трудно. Вузургмихр совершенно не упоминается у византийских или восточнохристианских авторов, а в зороастрийской и мусульманской литературе фигурирует в основном в поучительных историях, вне связи с историческими событиями или реалиями[532]. Иногда это

---

[532] Исключением можно считать начало «Памятного слова» (*Ayādgār*), которое, как указано в его тексте, Вузургмихр составил для Хосрова. Вузургмихр называет себя [illegible] [The Pahlavi Texts…, 1913. P. 85]. Первые два слова очень похожи на то, что обнаруживается на оттиске одной из сасанидских печатей, проанализированных Р. Гизелен; она читает *nēwānbad ud šabistān* [Gyselen R., 2007. P. 61]. *Nēwānbad* можно перевести как «предводитель доблестных» (о слове *nēw* см. также прим. 476), а *šabistān* буквально означает опочивальню. Однако в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» упоминаются два человека, Сасан и Манзик, которые названы *šabistān*; в греческом тексте этому соответствует εὐνοῦχος («евнух») [Sprengling M., 1953. P. 12, 19; Maricq A., 1958. P. 330–331]. Но трудно представить себе, чтобы евнух удостоился звания «предводитель доблестных». Правда, [illegible] мы можем читать и как *wēnānbad*, выводя это из др.-перс. *vaēna* (ср.-перс. *wēn*, совр. *bīn*), основы настоящего времени от глагола *dīdan* («видеть»). Так поступал

Д. Д. Кападия, однако его интерпретация (*minister*, *Royal counsellor*) [Kapadia D. D., 1953. P. 4] не подкрепляется примерами из среднеперсидского языка. Если идти в русле этих рассуждений, *wēnān* должны быть смотрителями, а *wēnānbad* – их главой. Далее следует [illegible]. Эту форму трудно объяснить, но весьма правдоподобной кажется графическая конъектура [illegible] (*darīgbad*). Этот титул встречается на одном из оттисков сасанидских печатей [Gyselen R., 2007. P. 44]. Слово *darīg* – прилагательное, дериват от *dar* в значении «двор» (царя, вельможи и т.п.). При трактовке этой формы решающее значение имеют, кажется, слова Феофилакта Симокатты о том, что Варахран Чубин одно время был δαριγμεδοὺμ – сановником, которого ромеи называют куропалатом [Theophylacti…, 1834. P. 154], т.е. начальником дворцовой стражи. Форма δαριγμεδοὺμ легко раскладывается на *darīg* и *mehtōm* («величайший»). Значит, *darīg*-и – дворцовые стражники. Их начальник *darīgbad*, вероятно, тождествен *дариган-сардар*-у, упомянутому в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958. P. 328–329]. Начальник дворцовой стражи вряд ли был евнухом; следовательно, слово *šabistān* имеет здесь другое значение. Для его объяснения можно предложить две гипотезы. Одна состоит в том, что слово *šabistān* означало не только евнуха. Язд-Гушнасп Зиг, который, как показано в главе 3, в течение ряда лет вёл переговоры с византийцами, именуется у Менандра Протектора в одном месте κουβικουλάριος, т.е. «спальник» (но представитель одного из знатнейших родов державы едва ли был евнухом), в другом – παρευναστὴρ του ... βασιλέως, т.е. «человек, который ложится подле царя» (очевидно – для того, чтобы его охранять) [Dexippi…, 1829. P. 346, 354]. Это вполне подошло бы и к *nēwānbad* / *wēnānbad*, и особенно к *darīgbad*. Тогда титул Вузургмихра можно было бы перевести как «предводитель доблестных (*nēwānbad*) – или предводитель стражников (*wēnānbad*) – охраняющий [правителя] в опочивальне, начальник дворцовой стражи». Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что в тексте «Памятного слова» после *nēwānbad* / *wēnānbad* нет союза *ud* («и»). Стало быть, здесь можно усматривать изафетную конструкцию *wēnānbad-i-šabistān*. Тогда перевод принимает вид «предводитель стражников опочивальни, начальник дворцовой стражи». Сделать однозначный вывод при нынешнем уровне наших знаний едва ли возможно, но в целом ясно, что речь идёт о начальнике дворцовой стражи. Между тем, в титуле Вузургмихра присутствует и название города, где он служил – *Ōstīgān Ḫūsrōw*. Здесь тоже возникает проблема, так как с одной стороны название (букв.: «Совершенный (или сильный) Хосров») свойственно сасанидской эпохе, но с другой –

вводило в заблуждение; в одном источнике он предстаёт как сподвижник Хосрова II Парвиза [Нихайат…, 2004. Т. 15/16, с. 179]. В литературе можно встретить утверждения о том, что Вузургмихр – вымышленный персонаж, прототип которого – врач Бурзой, известный тем, что Хосров послал его в Индию за книгой «Калила и Димна» [Christensen A., 1944. P. 57–58]. Но превращение *Burzōy* в *Buzurğmihr* или *Wuzurgmihr* невозможно объяснить фонетически. Кроме того, в наиболее раннем тексте, где упоминается Вузургмихр, вступлении к арабскому переводу «Калилы и Димны» Ибн ал-Мукаффа, Бурзой появляется вместе с ним и просит Хосрова приказать «достойному и высокопоставленному мудрецу, его (Хосрова. – *Д. М.*) визирю[533] Вузургмихру, сыну Бахтагана[534], составить о нём (Бурзое. – *Д. М.*) книгу» [Асар…, 1989. С. 40].

«Вневременной» характер изречений Вузургмихра сам по себе едва ли может считаться доказательством его нереальности как исторической фигуры. При таком подходе вымышленными можно считать многих персонажей той эпохи – особенно тех, кто лишь эпизодически появляется в источниках. Кроме того, рассказы источников о Вузургмихре отнюдь не кажутся

этот топоним практически не встречается в источниках. Ал-Идриси упоминает о селении أستيقان (*’.stīqān*, что можно считать дериватом от *Ōstīgān*) в области Ферганы [Al-Idrīsī, 1976. P. 707, 709], однако эти земли вошли в состав Сасанидской державы лишь в последние годы правления Хосрова. Но отсутствие упоминаний об Остиган-Хосрове можно объяснять и тем, что наши источники принадлежат в основном к исламскому времени, когда многие сасанидские названия уже не использовались. Вместе с тем, мы не можем, конечно, исключать, что «Памятное слово» – приписываемый Вузургмихру апокриф, а упоминание о начальнике дворцовой стражи включено в текст как намёк на настоящего автора.

[533] Упоминание о визире представляет собой очевидный анахронизм.

[534] Так расставлены огласовки в тексте издания, по которому сделан перевод. Вернее, впрочем, читать Бохтаган (сын Бохтага). *Бохтаг* (*bōḫtag*) буквально означает «спасённый» или «обретший спасение». Как и в случае, рассмотренном в прим. 262, арабские передатчики неправильно интерпретируют среднеперсидский суффикс *ан* и читают «сын Бохтагана», тогда как следует читать «Бохтаган» (ср. в «Памятном послании» – *Wuzurgmihr-i-Bōḫtagān* [The Pahlavi Texts, 1913. P. 85]).

фантастичными. По традиции, воспроизводимой у Фирдоуси и ас-Саалиби, Вузургмихр был допущен в общество царя благодаря тому, что удачно истолковал сон. Далее в источниках рассказывается об удачных высказываниях Вузургмихра, снискавших ему расположение царя. Впоследствии Хосров разгневался на Вузургмихра и приказал бросить его в темницу (в «Собрании историй и рассказов» это относится ко времени подавления мятежа Анушзада[535]), однако затем стал сожалеть об этом. В *Шах-намэ* мы читаем, что именно Вузургмихру Хосров объявил имя наследника престола – Хормузда [Maçoudi, 1863. P. 205–207; Histoire..., 1900. P. 619–625; Ferdowsi's…, 1935. P. 2368–2401, 2508–2517, 2554; 'Uyūn…, 1996. Vol. II, P. 426; Muğmal..., 2000. S. 61]. Можно представить себе члена одного из знатных родов, который благодаря своим талантам снискал расположение царя. Насколько высоко мог подняться Вузургмихр в карьере, сказать трудно. В ряде источников (в том числе – в процитированном ниже фрагменте *Фарс-намэ*) он именуется визирем. Но традиция считать Вузургмихра визирем идёт, вероятно, от Ибн ал-Мукаффа. Во времена Ибн ал-Мукаффа слово *wazīr* (визирь) означало сподвижника правителя, а не высшего сановника. Можно предположить, что Вузургмихр оставался фаворитом царя, ценимым за мудрость[536], и всецело зависел от его воли. Это полностью соответствует известиям об опале Вузургмихра, которые мы находим в источниках.

Итак, приближённые Хосрова, как и высшие аристократы, не играли самостоятельной роли в политике, были подчинены царю и могли возвыситься лишь по его воле. Хосров расставлял

---

[535] Об этом событии см. ниже.

[536] Отметим, что в «Рескриптах Хосрова» Вузургмихр именуется не визирем, а «занимавшим высокое положение мудрецом, не имевшим себе равных в совершенстве» (*ḥakīm 'aẓīm al-maḥall 'adīm al-miṯl bi-l-kamāl*) [Тавкиат…, 1845. С. 45; Тавкиат…, 1874. С. 45]. Приведённое выражение – арабское, а не персидское. Если, как указано во Введении, «Рескрипты» были изначально написаны на среднеперсидском, затем переведены на арабский, а с него – на персидский, можно предполагать, что перед нами фрагмент арабского переложения. В какой-то степени это повышает достоверность сообщения, так как исключается возможность искажения при переводе с арабского языка на персидский.

своих приближённых так, что всегда мог контролировать их. Это показывает известие *Фарс-намэ* о проведённой Хосровом реформе высших должностей Сасанидского государства:

«Покончив с делами проклятого Маздака и его последователей, он (Хосров. – *Д. М.*) обратил взор на свои владения и войско. При помощи величия и мудрости Вузургмихра, бывшего его визирем[537], Ануширван устроил [службу] визиря таким образом, что назначил писца Вузургмихра и заместителя (*nā'ib*), вхожих к Хосрову. Мы называем этого заместителя "привратником" (*wakīl-i-dar*)[538], а на языке пехлеви он назывался *ērānmāzġar*[539]; он замещал визиря. Все трое были назначены Хосровом Ануширваном и служили [под началом] его визиря Вузургмихра. Сам же визирь не мог назначить ни одного из этих троих. Замысел Ануширвана состоял в том, чтобы писец тайно сообщал ему суть каждого послания, которое он[540] писал в обширные пределы и области, где их читали, привратник правильно рассказывал [ему] наедине обо всём, что происходило, хорошем и плохом, и докладывал, каким образом идут важнейшие дела, а заместитель занимался денежными и хозяйственными делами. Эти трое были людьми родовитыми, мудрыми, достойными, красноречивыми и благоразумными. Говорят, что

---

[537] Под «визирем» здесь понимается *вузург-фрамадар* (см. главу 1 части I).

[538] Поскольку далее говорится о трёх сановниках, смысл этой фразы следует понимать так: во времена автора должности «заместителя» и «привратника» занимал один и тот же человек, тогда как при Хосрове – двое.

[539] В тексте издания, которым пользовался автор этих строке – ايرانمازغر; в сносках приведены и другие варианты написания, встречающиеся в рукописях. Эта форма, очевидно, аналогична المردماعد ал-Якуби, который определяет это название как «глава ведомства» (*ṣāḥib dīwān*) [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 203]. Наиболее вероятным чтением обеих форм кажется ايرانمارغر, передача среднеперсидского *ērān-amārgar*, т.е. «сборщик податей всего Ирана» или «руководитель податного ведомства», которое, видимо, имеет в виду ал-Якуби. Эта аналогия подкрепляется тем, что далее в тексте *Фарс-намэ* «заместитель» предстаёт как чиновник, ведавший финансовыми вопросами.

[540] Контекст показывает, что здесь имеется в виду «визирь» – *вузург-фрамадар*.

Ануширван однажды сказал, что визирь подобен сподвижнику царя; он наделён полномочиями и правом принимать решения в [делах] царской власти, денег и государства. Руки и язык визиря – эти три человека. [Для царя] правильно не упускать из виду его (визиря. – *Д. М.*) действия; тогда и визирю никто не сможет говорить клевету и ложь. Царю нет нужды заниматься [такими делами]; если кто-нибудь напишет клевету, он тайно спросит у этих назначенцев. Если они знают, то скажут сами, если нет – выяснят и укажут, что правда, а что ложь. Несколько раз он [приказывал] схватить и держать [под стражей] Вузургмихра; [было это] потому, что всякий раз, когда тому в голову вступало неправедное стремление достичь высот, и он помышлял об измене, эти три человека тайно доносили [царю], который [велел] задержать его прежде чем его помыслы приводили к вредным последствиям, что не должно было произойти» [The Fársnáma…, 1921. P. 91–92].

Из приведённого фрагмента следует, что Хосров заметно ослабил *вузург-фрамадар*-а, полномочия которого уравновешивались теперь тремя подчинёнными, назначенными независимо от него и вхожими напрямую к царю. Создание такой системы вполне в духе Хосрова, который стремился держать сановников на расстоянии от престола и не давать никому возвышаться над остальными.

Нетрудно отметить и другой мотив – стремление Хосрова быть досконально осведомлённым о делах подданных, какое бы высокое положение они ни занимали. Судя по процитированному тексту *Фарс-намэ*, подчинённые *вузург-фрамадар*-а доносили на него, а возможно – и друг на друга. На этом система не заканчивалась; из того же источника мы узнаём, что она охватывала все владения царя:

«Управляющий сбором сведений и почтой (*ṣāḥib-i-ḫabar wa barīd*) занимал высокий пост независимо от иных. Он был человеком благородным и достойным, владел пером и обладал сведениями обо всём. У него были заместители в каждой области, многочисленные служащие почты и гонцы, которые ставили его в известность обо всём что происходило в областях и было новостью» [The Fársnáma…, 1921. P. 93].

Аналогичный фрагмент – правда, относящийся ко всем Сасанидам – обнаруживается в «Книге о *ноуруз*-е» Омара Хаййяма [Omar Khayyâm, 1933. P. 13–14].

Интересно задаться вопросом, какое место заняли выдвиженцы Хосрова в иерархии сановников. К сожалению, для VI в. титулы очень редко упоминаются в источниках. Например, *бидахш* не появляется в них вовсе, а *хазарбад*-а мы видим лишь однажды, в 544 г., когда он принимал участие в осаде Эдессы. Можно основываться лишь на «Застольном слове», которое – судя по тому, что в нём упоминаются *спахбад*-ы востока, запада и юга – отражает положение дел эпохи Хосрова или более поздних времён. В этом тексте первое место среди сановников безоговорочно занимает *вузург-фрамадар*; он стоит непосредственно за наследным принцем, ему посвящено отдельное похвальное слово. За *вузург-фрамадар*-ом следуют *спахбад*-ы, а далее упоминаются верховный судья державы (*šahr-dādwar*), советник (*andarzbad*) и *хазарбад* [The Pahlavi Texts, 1913. P. 157]. Очевидно, что *вузург-фрамадар*, несмотря на все меры Хосрова по ограничению его влияния, оставался высшим сановником. *Спахбад*-ы действительно возвысились и, что примечательно, обошли в иерархии *хазарбад*-а. Последний вообще занимает весьма невысокое место. Возможно, это объясняется тем, что с конца правления Кавада, когда *хазарбад* после неудачного похода 531 г. попал в опалу [Procopius, 1914. P. 176–177], значение этой должности упало. Правда, Хормузд IV присвоил титул *хазарбад*-а Варахрану-Хосрову Адур-Махану, бывшему к тому времени *спахбад*-ом Азербайджана, но в свете изложенного это трудно расценивать как повышение. Варахран-Хосров, как и *спахбад* запада Вистам, совмещал обе должности. Вероятно, Хормузд IV, придя к власти, на первых порах благоволил к Варахран-Хосрову и пожаловал ему дополнительный высокий титул. Мы не видим в источниках и *артештаран-салар*-а. Как показано в главе 1, после казни Сияваша Кавад более никого не назначал на эту должность; что происходило при Хосрове I – нам неизвестно. Возможно, находки новых материалов представят дело в ином свете, но на настоящем этапе мы видим, что выдвиженцы Хосрова возвышались и укрепляли свои позиции, а значение старых должностей падало.

Хотя Хосров стремился не допускать чрезмерного возвышения сановников, к концу его правления люди, выдвинутые им на ключевые должности в государстве, обладали немалой силой. Именно поэтому, видимо, сын и наследник Хосрова Хормузд IV обрушил на сановников отца сокрушительные ре-

прессии, казнив, по версии, восходящей к ат-Табари, тринадцать тысяч шестьсот человек [Annales…, 1964. Ser. I, P. 990]. Среди тех, кто был казнён при Хормузде, мы находим, в частности, Варахрана-Хосрова Адур-Махана [Histoire…, 1900. P. 638; Ferdowsi's…, 1935. P. 2573–2578] – *спахбад*-а юга и верного сподвижника Хосрова, о котором речь шла выше. Фирдоуси прямо объясняет репрессии Хормузда его страхом перед могущественными сановниками:

«Всех и каждого, кто при его отце занимал высокое положение, был доволен и мог не страшиться невзгод,

Он (Хормузд. – *Д. М.*) уничтожил до одного, хотя они были невиновны – таков был образ действий [этого] царя.

Три человека были писцами при Ануширване: один – старый мудрец, двое других – молодые.

[Один] – Язд-Гушасп, другой – Бурзмихр – писец мудрый, наделённый величием и верностью.

Третий звался Мах-Адур; он был мудр, чист душой и счастлив в устремлениях.

На счастье Ануширвана эти три старца[541] были как наставники и одновременно – как визири.

Хормузд же всё время хотел, чтобы всех троих внезапно уничтожили.

Его сердце постоянно было исполнено страха перед ними.

[Он боялся, что] однажды они окажутся неверными ему» [Ferdowsi's…, 1935. P. 2570].

То, что Хосров стремился ограничить власть аристократии, в том числе и собственных выдвиженцев, объясняется не только сиюминутными требованиями политической коньюнктуры. В представлениях царя каждый аристократ должен был занимать отведённое ему место и вести себя сообразно с этим. По словам ал-Якуби, Хосров создал ведомства, именуемые в арабском тексте *dīwān al-'aṭa'* и *dīwān al-'arḍ*, и повелел составить книги почётных имён, украшений и клейм лошадей (*dafātir al-asmā' wa al-ḥilā wa simāt al-dawābb*) [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 187]. Анализ этого сообщения целесообразно начать с упоминания о книгах. Может показаться странным, что Хосрову понадобилось переписывать имена и украшения, и он видел в этом дело государственной важности. Но во времена Хосрова

[541] Так в тексте (*pīr*), хотя это и не соответствует началу фрагмента.

драгоценные украшения были показателем общественного положения, места на иерархической лестнице. Это хорошо видно по тому, как Прокопий Кесарийский описывает события, последовавшие за поражением Хосрова и Михрана в 530 г.:

«Михран, потерпев тогда поражение в битве и потеряв бóльшую [часть воинов], направился с оставшимся войском в Персию и был подвергнут царём Кавадом тяжкому наказанию. Он (Кавад. – *Д. М.*) отобрал у него (Михрана. – *Д. М.*) сделанное из золота и жемчуга украшение, которое он обычно прикреплял к волосам головы. Среди персов это – [знак] великого достоинства, [второго] после царского величия. Теперь же носить золотой перстень, пояс, пряжку или что-либо ещё законом было запрещено всем, кроме тех, кого царь считал достойными [этого]» [Procopius, 1914. P. 152–153].

Введение книг, несомненно, должно было указать каждому аристократу на то, какое место в обществе и, соответственно, какие знаки отличия он был вправе иметь. Чёткая градация знаков отличия сохранялась и впоследствии. Рассказывая о Хормузде, наместнике Убуллы времени начала арабского завоевания, ат-Табари пишет:

«Персы присваивали тиары в зависимости от того, к какому разряду [общества][542] причислялись люди. Тот, кто достиг высшего положения, имел тиару ценой в сто тысяч [драхм]. Хормузд был из тех, кто достиг высшего положения, и она (тиара Хормузда. – *Д. М.*) стоила сто тысяч [драхм]» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2025].

Далее в том же источнике появляется наместник Хиры Азад-вех, о котором сообщается:

«Он достиг середины [иерархической лестницы], и его тиара стоила пятьдесят тысяч [драхм]» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 2037].

Аналогичные цели преследовало, по-видимому, и введение ведомства, именуемого *dīwān al-ʻarḍ*. Если исходить из буквального перевода, оно занималось устройством смотра войска. О чиновнике, занимавшемся устройством смотров, говорит в

---

[542] В тексте – *ʻašā'ir*. Это слово обозначало, в зависимости от контекста, род, часть племени или любое объединение, к которому принадлежал человек. По всей вероятности, здесь имеются в виду социальные прослойки.

том же фрагменте и сам ал-Якуби [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 186–187]. Параллельные сообщения появляются и в некоторых других источниках, согласно которым Хосров создал ведомство по делам войска и приказал устроить всеобщий смотр, на который должны были собраться составлявшие конницу аристократы, в том числе и сам царь [Ferdowsi's…, 1935. P. 2320–2324; Ал-Ахбар…, 1960. С. 72–73; Annales…, 1964. Ser. I, P. 963–965]. Это не только подтверждало, что знать должна была служить в войске. Нетрудно представить себе, что роли всех участников смотра были определены в соответствии с волей царя, который, таким образом, властно указывал каждому аристократу на его место.

Основываясь на сделанных наблюдениях, мы можем рассмотреть содержание понятия *dīwān al-'aṭā'*. В источниках это ведомство упоминается лишь в «Рескриптах Хосрова», где мы читаем, что некий Хордад, сын Нарсе, отец молочных братьев Кавада, ещё в правление последнего должен был получать пожалования от *dīwān-i-'aṭā'* [Тавкиат…, 1845. С. 85–86; Тавкиат…, 1874. С. 85–86]. На основании этого можно заключить, что ведомство занималось раздачей царских пожалований, и соответствующим образом переводить *dīwān al-'aṭā'*. Пожалования предназначались, очевидно, Сасанидам и аристократам, в том числе и *азад*-ам, служивших в войске. О царских пожалованиях воинам в сасанидское время сообщает Феофилакт Симокатта [Theophylacti..., 1834. P. 146]. Именно такими пожалованиями ведал, кажется, Панах-Хосров – один из вельмож, выступивших в 421 г. против Варахрана V Гора (см. главу 1 части I). Хотя сведений о деятельности ведомства немного, можно, кажется, предполагать, что царские пожалования так или иначе доставались всем аристократам; едва ли Хосров стал бы явным образом восстанавливать кого-либо против себя. Размер пожалования, вероятно, зависел от положения аристократа. Если так, политика Хосрова и здесь оставалась неизменной, и каждый получал то, на что имел право в соответствии со своим положением в обществе. Омар Хаййям писал:

«Они (Сасаниды. – *Д. М.*) своим повелением установили для каждого, как он должен жить и какое содержание иметь, и каждый год предоставляли его (содержание. – *Д. М.*) без [каких-либо] просьб [с его стороны]» [Omar Khayyâm, 1933. P. 16].

– Хосров и податное сословие

Аналогичную политику Хосров проводил и по отношению к простонародью. Стремление Хосрова отвести каждому его место в обществе ни в чём не проявляется так явно, как в его отношении к тем, кто находился на низших ступенях социальной лестницы, В источниках Хосров предстаёт убеждённым поборником сословной системы общественного устройства, стремившимся всемерно её упрочить. В «Собрании известий о достопамятном наследии царей персов» говорится:

وفرمان داد تا هر صنف از اصناف رعايا در آن شغل كه بايشان مرسوم است نزوع نمايد ومحترفه وصنّاع وارباب حرف از شرايط مَن أرَاد خَيرَ الدّارَينِ فَلْيَلْتَزِمْ حِرْفَتَهُ تجاوز نجويند

«Он (Хосров. – *Д. М.*) издал повеление, чтобы каждый разряд[543] подданных стал ревностно заниматься тем делом, которое ему отведено, а мастера, ремесленники и люди, живущие своими трудами, не стремились отступить от установления “Тот, кто хочет [снискать] добро в обоих мирах, пусть держится своего дела”» [Китаб ал-муджам…, 1879. С. 255].

Другие меры Хосрова, память о которых сохранилась в источниках, были направлены против получения представителями низших сословий образования. В сословном обществе учёность подчас позволяла выходцам из низших классов подниматься по социальной лестнице. Для Хосрова возвышение таких людей было неприемлемо, и он стремился изначально уничтожить возможность этого. В *Фарс-намэ* сообщается:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) повелел, чтобы никакое дело не поручали никому кроме людей благородных и знающих. Он [также] запретил, чтобы какой-либо человек, не имевший [благородного] происхождения, торговец или сын человека низкого звания, учился на писца» [The Fársnáma…, 1921].

Более подробно говорится об этом у Ибн Исфандияра и ас-Саалиби:

«Он (Хосров – *Д. М.*) запрещал детям из простонародья учиться и говорил, что, если дети людей низкого звания выучатся, то будут стремиться к вершинам власти (*ma‘ālī al-*

[543] Т.е. социальный разряд.

utūr), а если достигнут их – решат унизить знать. Об этом упомянул тот, кто написал такие стихи:

“Клянусь Богом, какой замечательный человек Ануширван! Как он знает чернь и [народные] низы!

Он запретил им касаться пера, дабы они не унизили сыновей вельмож работой”» [Histoire…, 1900. P. 608][544].

Ибн Исфандияр пересказывает и другую легенду, часть которой мы находим также в *Шах-намэ*. Простолюдин (у Фирдоуси – сапожник, у Ибн Исфандияра – купец) предоставляет Хосрову крупную сумму денег – взаймы (Фирдоуси) или даром (Ибн Исфандияр), но просит взамен позволить его сыну учиться. Хосров не соглашается. Фирдоуси вкладывает в его уста такие слова:

«Если сын купца станет писцом – образованным, знающим, запоминающим,

[а] сын наш воссядет на трон, и понадобится ему преуспевающий писец,

будет он (царский сын. – *Д. М.*) получать образование у торговца обувью,

направит к нему проницательный взор и слух,

а человеку образованному и благородному останется только вздыхать и печалиться» [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2548][545].

Рассмотренные легенды интересно сопоставить с рассказами о справедливости Хосрова, которые встречаются почти во

---

[544] У Ибн Исфандияра текст приводится в несколько ином виде. Основные различия таковы. Хосрову приписывается фраза «Я обороняю честь людей знатных, чтобы не присвоили её себе люди низкого звания и злодеи». Вторая строфа приведённого стиха: «Он запретил им заниматься чем-либо кроме их ремесла, а детям людей благородных – унижать себя работой». Кроме того, прибавлено: «Тот, у кого отец торговал соломой, пусть и торгует ей и не занимается ничем больше (буквально – не продаёт ничего больше. – *Д. М.*), ибо [иное] приведёт его к заблуждению» [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 44].

[545] У Ибн Исфандияра эта история имеет продолжение, в котором, однако, главную роль играет домашний кот [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 45]. Поскольку зороастрийцы считали кота вредным животным, такой рассказ вряд ли зародился в их среде и скорее представляет собой наслоение, появившееся в более позднюю исламскую эпоху.

всех мусульманских источниках. Во многих случаях к имени Хосрова добавляется эпитет «Справедливый». Это хорошо видно по спискам сасанидских царей с указанием их почётных имён, которые мы находим в энциклопедии ал-Хорезми и более позднем труде Бируни [Chronologie…, 1878. S. 122; Liber…, 1895. P. 104]. Но именно здесь, несмотря на полное единодушие средневековых авторов, мы неожиданно сталкиваемся с проблемой. Во всех источниках эпитет «Справедливый» приводится только в арабской форме – *ʻādil*. Это в особенности заметно в персидских источниках. Например, у Гардизи мы читаем:

«Нуширван Справедливый (*ʻādil*) … Его прозвали “справедливым” (*ʻādil*), ибо был он справедливым (*ʻādil*) человеком» [Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 83][546].

Дошедшие до нас среднеперсидские тексты – при всей симпатии их авторов к Хосрову – не содержат ни одного фрагмента, где он прямо именовался бы «справедливым». Показателен труд Мирхонда, который сначала, следуя традиции, называет Хосрова «справедливым» (*ʻādil*), а затем связывает это с почётным именем *Ануширван*, которое объясняет как *ǧadīd al-ʻadl* [Histoire…, 1843. P. 236, 239], что можно условно перевести как «принесший новую справедливость». Между тем, прозвище, данное в сасанидское время, в источниках обычно сохраняется и в его прежней, среднеперсидской форме. Ездигерд I неоднократно удостаивался эпитетов (правда, негативных), причём происхождение их нетрудно установить: арабские *aṯīm*, *muǧrim* и *ḫašin* соответствуют персидским *wināhkār* (*gonāhkār*), *bazehgār* и *zafr*. Не находя таких аналогий для Хосрова, мы вправе предположить, что эпитет «справедливый» появился в арабоязычной литературе, а следовательно – в исламское время.

Арабское происхождение эпитета «справедливый» не означает, однако, что Хосров не мог таким быть. В сасанидской традиции справедливость считалась достоинством правителя. Кардир называл Варахрана II *rāst* [Sprengling M., 1953. P. 47;

---

[546] Единственное исключение составляет, может быть, *Шах-намэ*, где в одной строфе говорится: «Не было более справедливого (*dādgartar*) чем Ануширван….» [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2320]. Но и здесь слово *dādgar* – не эпитет и не почётное прозвище царя. Его появление следует скорее объяснять склонностью самого Фирдоуси использовать персидские слова вместо арабских заимствований.

Chaumont M.-L., 1960. P. 343, 347; Gignoux Ph., 1968. P. 393–394], что переводится как «праведный» или «справедливый». Аммиан Марцеллин вспоминал, что во время похода Юлиана Отступника (363 г.) персидские часовые на городских стенах по обычаю славили справедливость (*justitia*) и счастье (*felicitas*) царя – Шапура II [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 442–443]. От Агафия Миринейского мы узнаём, что Хосрова уже в начале его правления прославляли как справедливейшего правителя [Agathiae…, 1828. P. 131]. Но видеть в рассказах о справедливости Хосрова лишь славословия подданных тоже было бы неверно. Из всех Сасанидов именно Хосров вошёл в историю как «справедливый царь». И дело не ограничивается эпитетами или легендами. Мотив справедливости отчётливо звучит в рескриптах Хосрова:

مرفوع ملکزاده نرسي املاک ومزارع بسي از دهقانانرا که در جوار ضياع وعقار او بودند از روي غصب وجور تصرّف در آورده
توقيع بمجرّد ورود منشور عدالت سطور تمامي اراضي مذکوره را از آن سست خرد مستردّ نموده بارباب آن رو نمايند واز املاک خاصّهٔ او آنچه در جنب اراضي آن ستمديدگان واقع بوده باشد بجرم اين امر بيموقع ازو انتزاع نموده بي جدال ونزاع تمليک آنان نمايند تا اين معنى سبب تأديب ساير مفسدان وتنبيه همه سر تا سر خفته خردان گردد

«Обращение. Царевич Нарсе при помощи насилия завладел угодьями и полями некоторых *дехкан*, располагавшимися по соседству с его имениями.

Рескрипт. В силу одного лишь указа, в строках которого – справедливость, все указанные земли должны быть отобраны у этого слабоумного и возвращены их хозяевам, а те из его владений, что находятся рядом с землями пострадавших от насилия, следует отнять у него в качестве наказания за это неуместное действие и без каких-либо пререканий передать им в собственность, дабы было это средством вразумления остальных творящих зло и пробуждения тех, чей разум дремлет» [Тавкиат…, 1845. С. 15; Тавкиат…, 1874. С. 15].

Или:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) написал своему главному сборщику поземельной подати[547]: “От справедливости [сбор] поземельной

[547] В тексте – *ṣāḥib ḫarāǧi-hi*. Как и в ряде иных случаев, реалии сасанидского времени передаются здесь арабскими терминами.

подати не сделается скудным, а от гнёта – обильным”[548]. А [в ответ] на [обращение с] рассказом о человеке, пожаловавшемся на него (сборщика податей. – *Д. М.*), он написал: “Царю не пристало вершить насилие; у него ищут справедливости, а не алчности, от него ожидают доброты”. Затем он велел привести этого человека и сел разбирать его дело вместе с мобедом. На изложении дела человека, заключённого в темницу, он написал: “Тот, кто совершил запрещённое ему, лишается того, что желает” […] А на изложении дела человека, утверждавшего, что один из приближённых царя проявил к нему насилие и забрал его имущество, он написал: “Народу хорошо лишь тогда, когда насилие в какой-то мере оборачивается и против знати. И, если ты говоришь правду, я присужу тебе всё его имущество”. И после этого никто из приближённых Хосрова не вершил насилия» [Китаб ал-икд…, 1965. Т. 4, с. 222–223].

Сведения восточных традиций подтверждаются другими источниками. В «Мученичестве св. Издбузида» описан случай, когда Хосров, узнав о злоупотреблениях сасанидских властей в Армении, послал туда трёх человек, которые должны были разобраться в обстановке на месте. Все они названы в тексте источника: Надой, именуемый также *Дровандакан*, Пероз, главный мобед области Рея, и Хойап (в армянской версии) или Пата (в грузинской). Прибыв в Армению, они исправили положение [De Sancto Isbozeta…, 1925. P. 209][549]. Следует обратить особое внимание на первого из названных. Слово *дровандакан* – передача среднеперсидского *druwand-agāh*, что можно перевести как «тот, кто обладает сведениями о неправедных людях». Ве-

---

[548] Перевод представляет собой результат графической конъктуры. В тексте слова «не сделается скудным» (арабское لا أستُنزر) относятся к гнёту, а слова «не сделается обильным» (арабское ما أستُغزر) – к справедливости, что меняет смысл на противоположный. Однако контекст свидетельствует в пользу той интерпретации, которая предложена нами в тексте. Видимо, переписчика или издателя ввело в заблуждение графическое сходство указанных форм.

[549] Судя по тексту мученичества, эти события происходили незадолго до казни Издбузида, которая произошла на двадцать третьем году правления Хосрова (11 июля 553 – 10 июля 554 [Parise F., 2002. P. 101]). Определить точнее нет возможности, так как в армянской версии казнь относится к месяцу «кагоц второй», а в грузинской – к июлю [De Sancto Isbozeta…, 1925. P. 212].

роятно, Надой занимался борьбой с такими людьми. Если так, можно заключить, что при Хосрове существовали чиновники, в компетенцию которых входило, помимо прочего, расследование злоупотреблений властей. Этот эпизод, заметим, напоминает рассмотренный выше рассказ из «Повествования о справедливом царе». В обоих случаях наместники северных владений совершают злоупотребления, и Хосров посылает людей расследовать дело.

Другой ценный фрагмент обнаруживается в «Книге тысячи решений»:

«При божественном Хосрове, сыне Кавада, по решению *рад*-ов и чиновников области Ардашир-хоррэ [установлено было, что] следует иметь самое большее ...[550] зданий судов[551] в каждом *рустак*-е, а писцов более четырёх на службе не держать, составить новые дела[552] и письменные свидетельства (*pūrsišn-nāmag*) [553] в собрании (*anǧoman*), проводя допросы очевидцев и местных жителей, рассмотреть и скрепить печатями очевидцев и пришедших местных жителей, а то, что пересматривают, иные письменные свидетельства и дела о виновных деяниях, слова, с которыми преступник сначала соглашается, а затем – нет, если только преступник не вернётся [к своим прежним словам], и то, что в отношении чего было назначено судебное испытание (*warōmand*), кроме [случаев,] когда люди, [участвующие в деле,] составят письменный документ (*nāmag-passāz hangām*), и иных [случаев,] когда с уверенностью говорят, что [это] волхв, [это] грех, а [об этом] дурная слава, не следует записывать как окончательно установленное (*brīd*)» [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 190–191].

---

[550] Здесь в тексте источника пробел.

[551] Букв.: «домов» (*mānāgān*).

[552] В тексте – *pargār* (букв.: «собрание»). Видимо, имеется в виду дело как собрание документов.

[553] В издании А. Г. Периханян – *records of interrogation*. Этот перевод кажется не вполне удачным, так как предполагает, что *pūrsišn-nāmag* должны были вести люди, расследовавшие дело. Но известно, что для католикоса Мар Авы (о нём см. ниже) был составлен *pūrsišn-nāmag*, содержавший вопросы, на которые ему следовало дать письменный ответ [Histoire…, 1896. P. 238]. Значит, *pūrsišn-nāmag* – письменное свидетельство в общем.

Едва ли пересмотр дел, о котором говорится в приведённом фрагменте, был от начала и до конца местным почином, предпринятым без участия Хосрова. Судя по тому, что дела пересматривались массово, инициатива должна была исходить от царя. Обратим внимание на то, что пересмотру подлежали те дела, доказательства по которым нуждались в дополнительном изучении. Следовательно, изначальный посыл состоял в необходимости более тщательного рассмотрения дел и оценки доводов участников разбирательств, что согласуется с рассказами источников о стремлении Хосрова к справедливости. Из другого фрагмента того же источника мы узнаём, что при Хосрове для судей были введены печати [Farraxvmart ī Vahrāmān, 1997. P. 204–205]. Эту меру трудно объяснить чем-либо кроме желания улучшить документальное оформление судебных решений и, возможно, повысить ответственность судей.

Таким образом, легендарные рассказы о стремлении Хосрова пресекать злоупотребления и обеспечить надлежащее рассмотрение дел судьями должны иметь под собой реальную основу. В то же время, в «Книге тысячи решений» нет ни одной нормы или хотя бы суждения, которые исходили бы от Хосрова. Видимо, он не был царём-судьёй. Стремление Хосрова к справедливости выражалось в политических решениях на государственном уровне и, вероятно, в рескриптах на жалобы.

Справедливость Хосрова была, однако, справедливостью самодержца. Он мыслил в духе сословного общества его времени, согласно которому каждая социальная группа и каждый её представитель в отдельности должны были занимать в обществе отвенное им место. Это должно было представляться Хосрову естественным, а потому справедливым. Любое стремление самостоятельно, т.е. без царской воли, выйти за пределы сословных границ воспринималось как попытка получить больше положенного, а это составляло нарушение справедливости. В то же время, каждая социальная единица, занимая отведённое ей место, имела право на соответствующее обращение, что касалось как знати, так и народа. Вельможи были полностью подчинены обладавшему абсолютной властью царю, однако в остальном их высокий статус не оспаривался. Податное сословие занимало место в самом низу социальной лестницы, но никто кроме самого царя не мог допускать злоупотреблений по отношению к нему. Именно поэтому, как представляется, Хосров с

одной стороны неустанно преследовал развившуюся при маздакитах народную вольницу (см. ниже) и укреплял сословное устройство общества, а с другой – стремился к справедливости и по отношению к низшим социальным слоям.

Представления Хосрова о справедливости были реализованы в его реформе податной системы. В силу предмета настоящей работы мы не будем проводить здесь анализа поземельных отношений, но важно то, что сформированная при Хосрове податная система отражает и состояние персидского общества, и то, каким в идеале его видел царь. Показательно само описание того, каким образом была введена эта система. Согласно рассказу ат-Табари,

«Он (Хосров. – *Д. М.*) приказал завершить [межевание][554] и сосчитать финиковые пальмы, оливковые деревья и головы [людей] (*ǧamāǧim*). Затем он отдал приказ своим писцам, и те подсчитали всё это. [Тогда] он созвал людей[555] на всеобщие слушания и приказал своему писцу по делам поземельной подати (*kātib ḫarāǧi-hi*) зачитать им, сколько всего насчитали видов урожайных культур, финиковых пальм, оливковых деревьев и голов [людей], и тот зачитал им это. Затем Хосров сказал им: “Решили мы наложить подати на все посчитанные в этих обрабатываемых землях финиковые пальмы и оливковые деревья, а также на людей и повелеть, чтобы взимали их в три взноса в год, и чтобы собирали в казну нашу столько, что, если бы пришло к нам с какой-либо границы или из какой-либо области [известие о] раздорах или ином, что неприятно для нас, и нам пришлось исправить положение или уладить дело, что было бы сопряжено с [расходом] денег, имели бы мы деньги наготове и не были бы должны вновь собирать их для этого. И что вы думаете о том, что мы решили?”. Но никто не дал никакого совета и не произнёс ни слова. Хосров повторил сказанное трижды. Тогда с их (сановников. – *Д. М.*) стороны встал один человек и сказал: “И ты наложишь, о царь – да продлит Бог Вечный дни твои – эту подать [даже] на то, что прекращает существовать – умирающий виноградник, засохшие посевы, ушедшую под зем-

---

[554] Имеется в виду межевание, начатое, но не завершённое при Каваде (см. главу 1).

[555] Имеются в виду, конечно, представители знати и, возможно, духовенства.

лю реку, ручей, или канал, течение воды в котором прервалось?” Хосров сказал: “О несчастный исполнитель поручений! Из какого ты разряда людей?” Тот сказал: “Я из писцов”. Тогда Хосров сказал: “Забейте его до смерти чернильницами”. И они – в особенности писцы – стали избивать его, чтобы перед Хосровом откреститься от его мнения и поступка, и убили его. И тогда люди сказали: “Мы согласны, о царь, с теми податями, которые ты делаешь для нас обязательными”» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 960– 961].

Приведённый фрагмент, заметим, ещё раз показывает, что Хосров стремился запугать и полностью подчинить знать и чиновников и подавить в зародыше любую, пусть даже не шедшую дальше слов, непокорность.

Податная реформа Хосрова была продолжением действий Кавада. Насколько можно судить, при Хосрове существовали подушная и имущественная подати. В источниках они именуются по-разному. Ат-Табари, используя термины своего времени, говорит о *джизье* и *харадж*-е, т.е. о подушной и имущественной подати соответственно [Annales..., 1964. Ser. I, P. 962]. Аналогичную терминологию употребляет и Фирдоуси [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2316], хотя в *Шах-намэ* арабских заимствований немного. Напротив, ад-Динавари рассказывает о «*харадж*-е с голов» (*ḫarāǧ al-ru’ūs*) и «*харадж*-е с урожая» (*ḫarāǧ al-ġallāt*). К сожалению, ад-Динавари тоже не упоминает персидские названия податей. Правда, он сообщает, что податное ведомство при Хосрове называлось *sarāy šamarraǧ*, вследствие чего персы и в его времена называли мусульманский харадж *šamarreh* [Ал-Ахбар…, 1960. С. 71]. Название *šamarraǧ* представляет собой, однако, неверно записанное среднеперсидское *ušmurdag* (букв.: «исчисленное»), что кажется не официальным, а скорее народным названием подати. Подушная подать, как показано выше, существовала и при предшественниках Кавада. Что касается имущественной подати, то она налагалась не на фактически полученные плоды, а на те, условно говоря, мощности, которые позволяли их создавать – обрабатываемые земли, виноградники, оливковые деревья и т.п. Они учитывались в книгах, которые, если верить источникам, подлежали ежегодному обновлению. Земли, поражённые бедствием (например, засухой), по крайней мере в теории должны были освобождаться от податей.

Подати были сословными. Подушная подать не взималась с представителей знати, воинов, священнослужителей и государственных служащих. В низших слоях населения её платили мужчины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет кроме бедняков и больных хроническими болезнями.

Источники особо акцентируют внимание на том, что и в податной реформе выразилось стремление Хосрова к справедливости. Сообщается, что податные ведомости составлялись в трёх экземплярах, из которых один предназначался для центрального податного ведомства, другой – для местных сборщиков податей – *амаргар*-ов, а третий – для судей[556], которые были призваны предотвращать злоупотребления [Ferdowsi's…, 1935. P. 2316; Ал-Ахбар…, 1960. С. 71; Annales..., 1964. Ser. I, P. 963].

В какой мере Хосров претворил в жизнь свои представления о справедливости? Если судить по рескриптам царя и легендам, он действовал решительно и наказывал не только сановников, но и членов сасанидского рода. В рассмотренном выше примере из «Повествования о справедливом царе» Хосров казнил наместника Азербайджана. Вслед за этим Хосров обращается к вельможам со следующей речью:

«Так знайте же, что я поступил так не без основания, а впоследствии не буду разговаривать с чинящими произвол иначе как с помощью меча. Я буду охранять овцу и ягнёнка от волка, укорочу длинные руки, сотру творящих зло с лица земли и обустрою мир с помощью закона и справедливости, ради чего я и создан».

Вельможи в страхе замиряются со всеми недругами, чтобы те не пожаловались царю. И хотя Хосров устанавливает, что обратиться к царю может теперь каждый, в течение семи лет не поступает никаких жалоб [Siyar…, 1962. P. 49].

Можно возразить, что речь идёт не о простом люде, а о представителях мелкой знати, которые, как показывает рассмотренный выше фрагмент «Рескриптов», подчас страдали от произвола высшей аристократии. Однако, судя по некоторым данным, меры Хосрова затрагивали и податное сословие. Со-

---

[556] В тексте Фирдоуси вместо судьи – мобед. Как показано в главе 1 части I, в Сасанидской державе мобеды нередко действовали как судьи.

гласно одной истории, которую мы знаем в арабской (по трактату Ибн ал-Джаузи) и персидской (в «Рескриптах Хосрова») версиях, чиновник, именуемый «надзирающим за наместниками» (*nāẓir-i-ʻummāl*) сообщил царю, что на двадцать девятом году правления Хосрова (10 июля 559 г. – 8 июля 560 г.) правитель Хузестана собрал больше поземельной подати, чем полагалось. Хосров приказал вернуть излишне уплаченное [Тавкиат…, 1845. С. 17; Тавкиат…, 1874. С. 17; Ал-Мунтазам…, 1992. С. 113].

Похожий эпизод мы находим в пересказе рескриптов Хосрова в *Шах-намэ*:

«Другой [жалобщик] сказал: “Живи вечно, [многие] годы и месяцы! Предводитель войск, [стоящих] в Мерве,

собрал много денег, но не использовал их – и люди уходят из приграничной области”.

Он (Хосров. – *Д. М.*) ответил: “Имущество, которого лишаются жители города,

верни тому, у кого он отобрал его, а затем громко объяви в Мерве [о том, что сделаешь,]

вели построить у его дверей виселицу на виду у воинов и [жителей] города,

привести этого угнетателя живым и повесить его вниз головой

так, чтобы никто из наших полководцев не отходил от верности нам.

На что богатство [, приобретённое ценой] крови бедняка, когда он (предводитель войск. – *Д. М.*) телом и душой благоденствует на угнетении?”» [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2522]

Но другие источники открывают перед нами совершенно иную картину. Агафий Миринейский так рассказывает о пребывании эллинистических философов при дворе Хосрова:

«И вот, поверив тому, что так воспевали многие – что у них (персов. – *Д. М.*) справедливейшее правление, такое, о каком говорил Платон и в котором соединяются философия и царская власть, исполненное мудрости, и порядочные подданные, что среди них не появляется ни воров, ни грабителей, и они не совершают никакой иной несправедливости друг к другу, но, если какая-либо ценная вещь будет оставлена в пустынном месте, никто, кому доведётся быть там, не унесёт её, и она, даже если её никто не охраняет, остаётся так в сохранности для оставив-

шего её, пока он не придёт. Увлекшись всем этим как истиной, а также по причине того, что в силу закона они более не могли безбоязненно жить здесь, ибо не следовали установленному, они, немедленно уехав, стали втягиваться в чуждые и отличные от их собственных обычаи, чтобы в дальнейшем жить там. Но уже с самого начала они (философы. – *Д. М.*) обнаружили, что сановники [персов] очень хвастливы и сверх должного горделивы, и стали испытывать к ним отвращение и считать их дурными людьми. Затем они увидели, что [персы] склонны к мошенничеству и воровству, одни похищают явно, другие тайно, и творится всякого рода несправедливость: сильные притесняют слабых, [люди] относятся друг к другу жестоко и бесчеловечно. Из всего [что есть у персов] наиболее неразумно то, что каждому из них разрешено жениться на многих, но у тех, кто делает так, всё равно творится блуд. В силу всех этих причин философы тяготились [создавшимся положением] и осуждали себя за то, что переехали» [Agathiae…, 1828. P. 131–132].

Приведённый текст нельзя воспринимать как однозначное и бесспорное свидетельство. Агафий, как показано ниже, относился к Хосрову крайне отрицательно, и по пристрастности его рассказ сравним с «Повествованием о справедливом царе», хотя, конечно, отличается от него диаметрально противоположной направленностью. Кроме того, исследователи обычно относят пребывание последних языческих философов из Византии при сасанидском дворе к первым годам правления Хосрова [Ostrogorsky G., 1956. P. 107]. Можно, следовательно, возразить, что в то время политика Хосрова ещё не успела реализоваться.

Между тем, тексту Агафия в целом соответствует персидская легенда о шакалах, которая известна по многим источникам и приводится ниже по наиболее раннему из дошедших до нас пересказов, принадлежащему ад-Динавари:

«Утверждают, что в конце правления Ануширвана в Ираке появились шакалы, попавшие туда из страны тюрков. Это привело людей в ужас, они были ошеломлены. [Известие об] этом дошло до Хосрова, и он сказал мобеду: “Велико удивление моё от этих хищников, напавших на нашу землю”. Мобед сказал: “Дошло до меня, о царь, из сохранившихся известий о древних, что хищники нападают на всякую страну, в которой произвол преобладает над справедливостью”. Услышав это, он (Хосров. – *Д. М.*) стал сомневаться в действиях наместников. И вот, он по-

слал тринадцать доверенных людей, ничего не скрывавших от него, в [разные] пределы своего царства переодетыми так, что их не узнавали. И они уехали и принесли ему такие известия о действиях его наместников, которые опечалили его. Тогда он послал к девяноста человек из тех, о которых сообщили, что они действуют неподобающим образом, и [приказал] обезглавить их. И наместники стали следить за собой и всё время действовали справедливо» [Ал-Ахбар…, 1960. С. 74].

Эта легенда принадлежит к какой-то персидской традиции. Помимо ад-Динавари её приводят ат-Табари и Балами, причём в их текстах содержание легенды различно. В обоих случаях на злоупотребления наместников указывает верховный мобед. Однако, затем в тексте ат-Табари Хосров узнаёт, что ватаги молодых тюрков совершают набеги на его владения, велит наместникам действовать справедливо и в конце концов одерживает победу над врагами [Annales..., 1964. Ser. I, P. 965–966]. У Балами, как и у ад-Динавари, речь идёт о шакалах. Верховный мобед предлагает поручить мобедам контроль за сбором податей, после чего подданные Хосрова успешно ловят шакалов [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 1052–1053]. Балами, тем самым, и здесь не переводит текст ат-Табари, а даёт собственную версию легенды. Но, несмотря на все различия все три версии сходятся в том, что наместники совершали злоупотребления. Из текста ад-Динавари можно заключить, что так продолжалось до конца правления Хосрова.

Другое наблюдение можно сделать по рассказам о наследнике Хосрова – Хормузде IV. Мусульманские авторы единодушно утверждают, что Хормузд непреклонно защищал народ от произвола знати. Ат-Табари в одном месте отмечает, что Хормузд

«… не думал ни о чём кроме как о том, чтобы заручиться поддержкой народных низов и сделать так, чтобы они стали хорошо относиться к нему» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 990].

Как показано выше, число вельмож, казнённых по приказу Хормузда, измеряется в источниках тысячами человек. Тональность сообщений авторов, основывавшихся на персидских традициях, приводила компиляторов последующих времён к показательным выводам. Ауфи и Банакати утверждают, что

«в деле распространения справедливости он (Хормузд. – *Д. М.*) превзошёл Хосрова» [Мунтахаб…, 1945/1946. С. 117; Tārikh e Banākatī, 1969. P. 64].

О справедливости Хормузда восточные традиции сохранили несколько легенд. Однажды, когда кортеж Хормузда проезжал мимо виноградников, один из сопровождавших царя людей из сословия воинов сорвал несколько гроздей и отдал слуге, чтобы тот употребил их в приготовлении мясного блюда. Хозяин виноградника поднял крик, и сановник, боясь царского гнева, отдал ему украшенный золотом меч [Annales..., 1964. Ser. I, P. 990]. Между тем, запрет что-либо брать у населения во время прохода войска отнюдь не был нововведением Хормузда. Ещё Аммиан Марцеллин писал, что персы, проходя через чужие сады и виноградники, даже не пытались ничего сорвать, так как опасались отравы или порчи [Ammianus Marcellinus, 1940. P. 392–393.]. В истории, приписываемой Захарии Митилинскому, о гарнизоне, оставленном Кавадом в Амиде, сообщается, что

«по похвальному закону персов никто ничего не брал у горожан (*qūryayē*, т.е. *curiales*), но они (персы. – *Д. М.*) покупали что хотели» [Historia…, 1921. P. 33].

Хормузд, таким образом, лишь следовал старинному обычаю. То, что в легендарной традиции это предстаёт как явление, достойное отдельного упоминания, а не как нечто само собой разумеющееся, показывает, что до правления Хормузда, т.е. при Хосрове, прежние обычаи выходили из употребления. Даже там, где они сохранялись, мы видим всевластие знати, борьба с которой закончилась для Хормузда свержением и гибелью. Итак, если считать, что сохранившиеся в источниках легенды отражают действительность, Хосров пытался претворить в жизнь свои представления о справедливости по отношению к народу, но произвол знати не был пресечён.

Столь же неоднозначны сведения источников о том, что Хосров поддерживал народ и всячески улучшал его благосостояние. Наиболее подробный рассказ мы находим у Балами:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) собрал всех бедняков и каждому, кто был не в состоянии вести собственное дело, приказал: “Работай по найму” или “Занимайся земледелием”, а каждому, кто был незрячим и не мог работать, пожаловал из казны. Он сказал: “Не желаю я, чтобы в царстве моём были бедняки или голодные”. Земледельцам он повелел: “Землю никакую не оставляйте, но всю обрабатывайте”. Каждому, кто не имел посевов (*toḫm*) или денег на повседневные нужды, он дал из своих [богатств]. И он повелел возделывать всяую землю, бывшую в за-

пустении, [отстроить] каждый разрушенный мост или деревню, прокапывать русла рек и каналы. Он сделал удобными караванные пути и в каждом селении построил замок» [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 977–978].

Почти то же самое со ссылкой на Хафиза-и-Абру (ум. в 1430 г.) рассказывает Мирхонд:

«… он (Хосров. – *Д. М.*) приказал выдавать земледельцам инструменты и орудия для обработки земли, коров и быков, а также семена, чтобы они возделывали земли, которые оставались необработанными. Тем же, кто решил уехать из [своих] поселений, он повелел вернуться в места, где они жили изначально» [Histoire…, 1843. P. 239].

Процитированные сообщения следует воспринимать критически. Хорошо известно, что восточные авторы, говоря о «людях», обычно имеют в виду «достойных людей», то есть знать. Весьма вероятно, что помощь Хосрова предназначалась главным образом аристократии (прежде всего, видимо, мелкой), пострадавшей в результате социальных потрясений и разорения хозяйства. Мы видели, что у некоторых из тех, кто принадлежал к сословию воинов, не было даже коней и оружия; можно представить себе, что они нуждались в помощи и для восстановления хозяйства. Не исключено, что царские пожалования знати, о которых в процитированном выше отрывке говорит Феофилакт Симокатта, включали и такую помощь. Но вероятно, что Хосров укреплял и сельские общины, без которых хозяйственное развитие было невозможно. Судя по рассказам о нём в источниках, он полагал, что народ имеет право не только на справедливое отношение царя (см. выше), но и на заботу о его благосостоянии. Это было свойственно зороастрийской общественной мысли. В *Динкард*-е обнаруживается следующий фрагмент:

«Помощь ближним состоит в том, чтобы создавать города, сельские округа, деревни и домашние очаги, [должным образом] содержать и обиталища потомков Виштаспы[557], и домохозяйства, и крепости, и сторожевые замки, и постоялые дворы, приводить в порядок разбитые дороги, наводить мосты через реки, устраивать [русла] рек, каналы и источники, поднимать пустоши и делать [всё] остальное, что даёт людям удобство и

[557] Легендарный царь, который принял учение Заратуштры и покровительствовал ему.

пользу и остаётся надолго» [The Complete Text…, 1911. P. 883; The Dinkard, 1926. Ср.-перс. текст, с. 75–76][558].

Именно так, судя по рассказам источников, действовал Хосров. Средневековые авторы раз за разом повествуют о предпринятых по его приказу работах, имевших целью восстановление сельского хозяйства и того, что сегодня назвали бы инфраструктурой. Во фрагменте, перевод которого, сделанный Балами, помещён выше, ат-Табари сообщает, что

«… он (Хосров. – *Д. М.*) повелел прокапывать устья рек и каналы, давать в долг владельцам обрабатываемых земель и укреплять их (владельцев. – *Д. М.*). Он распорядился восстановить каждый оборванный навесной мост, каждый разбитый мост и [каждую] разрушенную деревню и привести всё это в наилучшее состояние […] Он выровнял пути и построил на дорогах крепости и замки» [Annales..., 1964. Ser. I, P. 897–898].

Приблизительно то же самое мы находим у ас-Саалиби:

«Он (Хосров. – Д. М.) приказал обрабатывать за счёт средств казны земли, владельцы которых погибли. Он предписал, чтобы во всех его владениях не осталось ни одного клочка земли в запустении. Он говорил: “Обработка земли – жизнь, а запустение – смерть, и тот, кто довёл землю до запустения, подобен самоубийце. Тому же, кто не в силах обустроить своё владение из-за недостатка средств, мы дадим взаймы из казны то, что поможет ему наладить жизнь”» [Histoire…, 1900.P. 610].

Другое известие о предпринятых при Хосрове работах продолжает рассмотренный выше рассказ о том, как в правление Кавада пришли в упадок плотины Кашкара. Хосров

«отдал приказ относительно [разлившейся] воды, и она была огорожена плотинами, так что некоторые из тех земель вновь начали обрабатываться» [Liber…, 1863. P. 292; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 240; Китаб ал-ахкам…, 1989. С. 234].

Сходным образом рассказывают источники и о тех, кто при Хосрове правил отдельными областями державы. Сведения об их деятельности веками сохранялись в местных традициях. В

---

[558] *Ān-i-āšt ayārēnīdan īn bawēd čiyōn šahr ud rūstāg ud deh dūdag kardan Wištaspān mān kadag ud dež ud darpūštīh ud ḫān-i-kārdāgān dāštan ud rāh-i-škastag wīrāstan ud pūhl i abar rūdīhā bastan rūd ud kadah ud ǧōy rāyēnīdan awērān abādānēdan abārīg čīz zī-š asānīh ud sūd-i-mardōm u-š andar gēhān dērpattāy bawēd kardan.*

«Истории Кермана» мы читаем, что Адур-Махан (о нём см. выше) отстроил находившиеся под его управлением Керман и Белуджистан [Táríkh-i-Kirmán…, 1961. P. 23]. В «Истории Йезда» сообщается, что дочь Хосрова Михрангар, которой был отдан в управление Йезд, с помощью выписанных из столицы мастеров провела работы по изменению русла Тигра. По её же начинанию было построено селение Михргард [Tārikh-e Yazd, 1960. P. 14].

Хозяйственные меры Хосрова, несомненно, помогли народу. Сельские общины, кажется, получили какую-то часть помощи, о которой говорят мусульманские авторы. Восстановление плотин дало возможность поднять сельскохозяйственное производство. Строительство дорог и мостов способствовало торговле, а размещённые в крепостях гарнизоны обеспечивали её безопасность. Вместе с тем, можно представить себе, что эти работы осуществлялись силами и за счёт податного сословия, которое таким образом выполняло функцию, определённую для него его местом на социальной лестнице. Желания самих представителей податного сословия отступали на второй план перед устремлениями царя и не принимались в расчёт, о чём можно судить по следующему фрагменту «Рескриптов»:

مرفوع درينوالا گروهي از رعايا بدرگاه والا آمده ابواب شكايت از فلان دهقان گشوده اند كه بفرمودۀ قباد حفر نهري بر اراضي ايشان ميگذرد نموده وبا آنكه استيفاء حقّ مخر بر نهج مستوفي نموده اند بنا بر ادعاي وصول كثرت مضرّت باراضي مذكوره بدآن راضى نيستند

توقيع سلاطين عدالت دين واحسان آيين از موادّ فوايد عامّ ومنافع كلّي نظام بسبب مضرّت خاصّ وآفت جزئي دست باز ندارند چنانكه مقتضاي حكمت كاملۀ حضرت آفريدگار گيتى جَلَّ شَأْنُهُ نظر بعموم منافع ومصالح عالم وعالميان منفعتهاي بينتهاى در نهاد آفتاب بوديعت نهاده اگرچه في الجملة ضرري تابع وجود فايض الجود آن افتاده

«Обращение. В это правление несколько человек из простонародья явились во дворец и выдвинули жалобу на *дехган*-а, который по приказу Кавада прокопал канал по их землям. Хотя они получили право на прохождении [канала] брать воду для орошения, они не были согласны с этим, так как утверждали, что упомянутые земли понесли немалый ущерб.

Рескрипт. Владыки, [следующие] справедливости [, вытекающей из вероучения,] и обычаю творить добро, не перестанут [вершить] общую пользу и благо для всего [общественного]

устройства из-за единичного вреда и частичного затруднения, ибо совершенная мудрость великого и могучего Создателя установила, что забота о всеобщем благе и интересах мира и его обитателей – бескрайнее добро, занимающее место солнца, хотя бы и сопутствовал благоприятствию случившегося какой-либо вред» [Тавкиат…, 1845. С. 46; Тавкиат…, 1874. С. 46].

– Политика Хосрова в области религии

Начать рассмотрение этого вопроса следует со времён Кавада. Мы видели, что Хосров с согласия отца был отдан на воспитание маздакитам, которые впоследствии добивались, чтобы он стал наследником престола (см. главу 1). Однако в мусульманских традициях Хосров изображается как непримиримый гонитель маздакитов. Мусульманские авторы часто включают известия о расправе над маздакитами в рассказ о правлении Хосрова. Подробности могут расходиться. По одной версии, например, Хосров казнил Маздака после прихода к власти [Annales..., 1964. Ser. I, P. 897], по другой – после обмена репликами на приёме [Histoire…, 1900. P. 604–605[559]; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 335–336]. В некоторых источниках Хосров, а не Кавад, устраивает приём, который заканчивается избиением маздакитов [The Fársnáma…, 1921. P. 89–91]. Число казнённых за один день маздакитов исчисляется десятками тысяч[560]. Кавад в этих известиях не упоминается. В переложениях *Маздак-намэ* эта линия заходит ещё дальше: Хосров возглавляет сопротивление маздакитам, а после расправы с ними поворачивает против Кавада, свергает его и заключает в тюрьму [The Persian Rivayats…, 1932. P. 585; Siyar…, 1962. P. 259].

---

[559] Ас-Саалиби, на которого мы здесь ссылаемся, утверждает, что приводит описание этого эпизода со слов Ибн Хордадбеха. Дошедший до нас текст географии Ибн Хордадбеха не содержит такого фрагмента. Видимо, ас-Саалиби использовал тексты, не дошедшие до нас.

[560] У ас-Саалиби – двадцать четыре тысячи [Histoire…, 1900. P. 605], у ал-Масуди, Мутаххара ал-Макдиси и Гардизи – восемьдесят тысяч [Maçoudi, 1863. P. 196; The Book of Creation…, 1962. P. 168; Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 84], у Ибн ал-Джаузи и Ибн ал-Асира – сто тысяч [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 337; Ал-Мунтазам…, 1992. С. 109].

По словам некоторых авторов, своё почётное имя *Ануширван* (ср.-перс. *anōšag-rūwān*, «человек с бессмертной душой») Хосров получил после расправы над маздакитами [Histoire..., 1843. P. 239; Maçoudi, 1863. P. 196; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 337].

В восточных рассказах мы находим и объяснение того, почему Хосров выступил против маздакитов. Согласно некоторым легендам, Маздак стал домогаться матери Хосрова. Тому пришлось в прямом смысле идти на поклон к Маздаку. Наиболее полный вариант этой легенды приводит Бируни, который в прямой речи приводит слова Хосрова:

«Он (Маздак. – *Д. М.*) сказал: “Ты не обретёшь совершенства в том, чего придерживаешься[561], если не допустишь меня к матери Ануширвана, чтобы я удовлетворился с нею”. И он (Кавад. – *Д. М.*) согласился на это и приказал привести её к нему (Маздаку. – *Д. М.*). Тогда Ануширван явился к нему, говорил с ним, унижался перед ним и целовал ноги его ради неё. И в конце концов он (Маздак. – *Д. М.*) облагодетельствовал его (Хосрова. – *Д. М.*) тем, что отступился от неё … Он (Хосров. – *Д. М.*) постоянно говорил: “Сегодня я не могу прикоснуться ни к чему, чтобы в нос мне не бил отвратительный запах [, который исходил] от носка Маздака, когда я целовал ему ноги”» [Chronologie…, 1878. S. 209; Fück J., 1952. S. 79].

Эти сведения нельзя, разумеется, игнорировать, но следует отметить, что они расходятся с известиями ранних источников. Никто из ранних авторов не упоминает о роли Хосрова в расправе над маздакитами. Напротив, Иоанн Малала, как видно по процитированным в главе 1 фрагментам, считал, что Кавад разгромил маздакитов, а Хосров позволил им действовать по собственным установлениям, что вызвало недовольство мобедов и знати. Расхождения в источниках наводят на мысль о том, что персидские рассказчики, сведения которых воспроизводили мусульманские авторы, приписали предпринятый Кавадом разгром маздакитов Хосрову. Логично объяснять это тем, что для авторов, выражавших интересы знати и мобедов, Кавад оставался покровителем маздакитов, а потому не мог выступить против них.

---

[561] Т.е. следование учению маздакитов. По тексту Бируни Маздак обращается к Каваду.

Если основываться на этом, можно было бы заключить, что известия о преследовании маздакитов при Хосрове – легенды, не имеющие ничего общего с действительностью. Но против этого определённо свидетельствует исторический контекст. Без преодоления наследия маздакитов Хосров не смог бы восстановить и упрочить сословную структуру общества. Значит, рассказы восточных авторов следует понимать по-иному. Скорее всего, Хосров в какое-то время репрессировал оставшихся в живых маздакитов, и сведения об этом слились с воспоминаниями о казни Маздака и его последователей при Каваде. Так возникла единая легенда, главным героем которой стал Хосров.

В этом отношении небезынтересно обратиться к рассказам Ауфи. У него мы находим полное изложение легенды о том, как Хосров, утвердившись у власти, заявил на приёме о том, что хочет возвести на престол Хиры ал-Мунзира Лахмидского и казнить последователей Маздака. Когда же Маздак заявил, что всех перебить нельзя, Хосров приказал казнить его[562]. Далее в рассказе Ауфи говорится:

«Маздакиты собрались и хотели поднять мятеж, но им это не удалось, так как Хосров заранее приготовил жаждавшие крови храбрые войска. Увидев, что у них нет возможности сопротивляться, они (маздакиты. – *Д. М.*) покинули Ктесифон и рассеялись по областям. Ануширван постепенно хватал их и бросал в тюрьмы – до тех пор, пока в заточении[563] не собралось восемьдесят тысяч человек. И в один день он казнил их всех. По этой причине ужас перед ним запал в души людей, а страх перед его могуществом вырос в их глазах» [Мунтахаб…,1945/1946. С. 59].

Обратим внимание на указание численности маздакитов. Она составляет восемьдесят тысяч человек – столько же, сколько в рассказе о резне маздакитов в начале правления Хосрова у ал-Масуди, Мутаххара ал-Макдиси и Гардизи (см. прим. 560). Возможно, эти авторы говорят о казни, о которой идёт речь в процитированном отрывке из труда Ауфи.

Преследования инакомыслящих продолжались и далее. Несколько свидетельств тому обнаруживаются в «Книге тысячи решений». Одно из них определённо восходит ко временам Хосрова, поскольку заимствовано из «Памятного послания» (*ayādgār*),

---

[562] Эта легенда более подробно рассматривается в главе 3.
[563] Букв.: «в крепостях» (*dar qal‘ahā*).

которое издатель и переводчик текста А. Г. Периханян с полным правом приписывает Вех-Шапуру (о нём см. ниже). Действуя как верховный мобед (а следовательно – и верховный судья), Вех-Шапур указал на необходимость письменной фиксации показаний (*pūrsišn-nāmag*) при расследовании случаев враждебности к зороастрийским божествам (*yazdān-dūšmānīh*) и принадлежности к противникам вероучения (*aharmōġīh*). В одном ряду с ними, заметим, стоят враждебность к правителю (*ḫ(w)adāy-dūšmānīh*) и вероломство (*mihr-drūžīh*), которые в зороастрийской культуре считались крайне тяжкими преступлениями [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 310–311].

В том же источнике мы находим фрагмент о покарании *зиндик*-ов:

«Из грамоты, изданной правителем, и “Книги о полномочиях должностных лиц” (*Ḫ(w)ēškārīh-nāmag-i-kārframān*), разосланной по областям, явствует, что за приверженность учению *зиндик*-ов (*zandīgīh*) или свойственные *зиндик*-ам поступки (*zandīg-rōdišnīh*) имущество передаётся царским чиновникам» [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 318–319].

В предыдущем фрагменте «Книги тысячи решений» говорится, что имущество волхва подлежит передаче тому, кому он нанёс ущерб, а если потерпевшего невозможно отыскать – свидетелям. Затем добавлено, что в этом отношении *зиндик* приравнивается к волхву [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 316–317]. Как показано выше на примере надписи Кардира (см. главу 1 части I), понятие *зиндик* было весьма широким и в сасанидские времена охватывало всех, кого назвали бы еретиками или вероотступниками. Думается, что маздакиты вполне могли попасть в эту категорию. В энциклопедии ал-Хорезми понятие *зиндик* относится к маздакитам [Liber…, 1895. P. 37–38].

Не исключено, что с репрессиями против маздакитов каким-то образом связано изгнание борборитов, которые, согласно Бар Эбрею, в правление Юстиниана переселились в Армению, а оттуда – в Сирию. Правда, Бар Эбрей сообщает об этом со ссылкой на Бируни [Gregorii Barhebraei…, 1872. P. 219–222], в сохранившихся трудах которого таких известий нет. Кроме того, строго говоря, изгнание борборитов могло иметь произойти и в самом начале правления Юстиниана, когда сасанидский престол ещё занимал Кавад. Однако, этот эпизод хорошо впи-

сывается в исторический контекст. Можно представить себе, что репрессии Хосрова затронули не только маздакитов, но и тех, кто, как считали зороастрийцы был схож с ними обычаями – прежде всего, по части семьи и брака.

Если попытаться свести восходящие к различным традициям сведения воедино, реконструкция событий окажется примерно такой. Хосров был воспитан маздакитами, которые прочили его на престол. Расправа Кавада над маздакитами могла повлечь за собой опалу Хосрова и навсегда закрыть для него дорогу к трону. Но опалы, насколько можно судить, не произошло; напротив, именно Хосров был назначен престолонаследником. Судя по этому, Хосров должен был так или иначе помочь Каваду в расправе над маздакитами. Сделав это, Хосров, тем не менее, сохранил какую-то привязанность к прежним учителям, которым в начале своего правления предоставил религиозную свободу. Но эта мера оказалась кратковременной. Как мы видели, она вызвала недовольство знати и духовенства, в поддержке которых Хосров столь нуждался в первые годы своего царствования. Можно представить себе, что казнь уцелевших маздакитов была шагом навстречу их противникам из числа знати и духовенства. Интересно отметить, что, по некоторым сведениям, казнены были не все маздакиты. Мирхонд со ссылкой на Хафиза-и-Абру сообщает, что Хосров оставил некоторых из них в живых [Histoire…, 1843. P. 239].

Дальнейшие действия Хосрова стали продолжением этого курса. Судя по данным источников, он стремился сделать религию и духовенство опорами своей власти. Это хорошо видно по сохранившимся в *Динкард*-е текстам, приписываемым Хосрову:

«О десяти наставлениях царя царей Хосрова, сына Кавада, человека с бессмертной душой, к жителям Ирана, по установлениям религии Ахура-Мазды.

Человек мыслящий, устремляющий свой разум к высшему властителю мира, правителю, верному вероучению, [так же, как и] человек мыслящий, устремляющий разум к наивысшему властелину духа, создателю Ахура-Мазде, достигает чистой и непорочной любви [в её различных проявлениях]. А там, где разум постоянно устремлён к чистой и непорочной любви, достичь её [в различных проявлениях] – обрести полное знание о высшем и наивысшем владыках, способность правильно говорить и поступать и совершенное великолепие в обоих мирах.

[Ещё] одно. Лучшее вероучение [следует] поддерживать постоянством воли, праведность мышления – верными знаниями, речения и щедрость – наилучшим выбором действий.

[Ещё] одно. Маздеистское вероучение таково, что, когда *порйоткиш*-ам даётся достойная награда, следует сделать так, чтобы вознаграждение получили все верные [приверженцы вероучения].

[Ещё] одно. Учение и дела противников веры следует уничтожить в Иране силой.

[Ещё] одно. В вероучении, *мансрик*-ах, поклонении и ведении установленного божествами для всех образа жизни надлежит следовать учению и делам учеников Адурбада Махраспандана, который был из селения Куран[564].

[Ещё] одно. [Обычаи] принимать праведников, поддерживать благодатный огонь, хранить чистоту лучших (священных. – *Д. М.*) вод [надлежит] не изгонять из Ирана.

[Ещё] одно. [Надлежит] укреплять / увеличивать религиозную мудрость, праведное мышление, доброту и щедрость неуклонным рвением, доставлять блага тем, кто твёрд [в праведности], остерегаться злых недругов веры.

[Ещё] одно. [Надлежит] всемерно умножать в Иране поклонение божествам, а враждебные бесовские силы идолопоклонника и врага веры разбить, разгромить и отбросить.

[Ещё] одно. [Надлежит] отдать разум, телесную силу и душу установленному нами; это должно широко распространиться.

[Ещё] одно. [Надлежит] направить мощь вашу на помощь своим, а месть вашу – на врагов, отведя от своих» [The Dinkard, 1888. Ср.-перс. текст, с. 244–245; The Complete Text…, 1911. Part I, P. 218–219; Dinkart. Book III, 1976. P. 179–180][565].

---

[564] Предположительно речь идёт о Куране (*Kurān*), селении в Фарсе, которое ал-Мукаддаси помещает на пути из Дарабгерда в Сираф, в одном переходе от него [Descriptio…, 1906. P. 454]. Очень похожее указание мы находим в *Фарс-намэ,* где Куран помещается на пути из Шираза через Фирузабад в Сираф, в одном переходе от него [The Fársnáma…, 1921. P. 163]. В географической литературе встречается также Куран (*Kūrān*) в области Исфарраина [Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 489]. Однако более вероятно, что видный религиозный деятель, каким был Адурбад, родился и вырос в Фарсе, где позиции зороастризма были особенно сильны.

[565] *Abar deh handarz-i-anōšag rūwān Ḫūsrōw šāhān šāh i Kawādān ō Ērān anǧomanīgān pad dastwarīh-i-Awharmazd-dēn.*

Изречения Хосрова, приведённые в четвёртом томе *Динкард*-а:

«Когда царь царей Хосров, сын Кавада, разгромил законченных противников веры и бунтовщиков, он намного и с ясностью [, исходящей от] вероучения, сделал четыре сословия более осведомлёнными обо всём неправедном и умножил точные (т.е. верные – *Д. М.*) рассуждения.

И в божественной мудрости сказал он: “Познайте праведность маздеистского вероучения.

Мудрецы могут поступать правильно, основываясь на размышлениях, однако в видимом (т.е. земном – *Д. М.*) высшее, благодатное и превосходное собрание [священных текстов утверждается] не размышлениями, а непорочностью мысли,

---

Ēk. Mēnišn warzīn ḫ(w)ēš aḫw widār ō abērtar gēhān aḫw dēnīg dehōbad mēnišn warzīn aḫw widār ō abartōm mēnōy aḫw dādār Awharmazd abēzag dūstīhā paywastār / paywastag ud pad paywastagīh-i-mēnišn pad abēzag dūstīh abēzag dūstīhā paywastan abartar abartōm aḫw dānāgīhā bowandag ud tūḫšāgīg gūbišn kūnišn ayārīh dō aḫwānīg nēkīh spōr ḫ(w)ēšēnīdan.

Ēk. Wēh dēn pad hāw paywand mēnišn rāstīh pad ḫūdānāgīhā gūbišn ud rādīh pad pahlūm wizīr kūnišn ōstīgān hištan.

Ēk. Dēn māzdēst čiyōn abar pōryōtkēšān drudist pūhl andar mad ō čār pad ham wābarīgān puhr paywastan.

Ēk. Aharmōġān čāštag ud kardag az Ērān-šahr bowandag wānīdārīhā abesīhēnīdan.

Ēk. Čāšišn dēn mansrig ud yazišn ud kardag ān-i yazdān hāmist dād ēwēnag pad čāštag ud kardag-i-hāwištān-i-Adūrbād Mahraspandān i az Kūrān deh būd kardan.

Ēk. Padīrišn-i-kasān-i-ahlawān āwarišnīh-i-ataḫš-i-afzūnīg yōšdahrīh-i-abān wēhān az Ērān dehān na wisāndan.

Ēk. Dēn dānāgīh dašnē mēnišn ḫūbīh dahišnīh pad bowandag tūḫšagīh ašīnīdan / waḫšēnīdan ud ō ōstowār ḫēmān farroḫīhā rāyēnīdan ud az wadag aharmōġān darpūšt pādan.

Ēk. Yazišn kardagān-i-yazdān pūr paymānīhā andar Ērān-dehān afzāyēnīdan u-š hambadīg dēwīg ōzīhā uzdes asrōšt zadan škastan ud afgandan.

Ēk. Ō ān-i-mā dād pad rawāgīh ud farroḫ wistarišnīh mēnišn nērōg tan-č ud ǧān abaspārdan.

Ēk. Zōr-i-tān ō ḫ(w)ēšīgān-i-tān ayārīh paywastan ud az ḫwad kēn-tān ō hamēmāl brīdan.

слов и дел, устремлением к наилучшему духу, чистотой *мансрик*-ов и поклонением божествам.

Мобедом Ахура-Мазды мы называем того из тех, кто так именуется, чьё видение[566] духа стало для нас очевидным.

Ищем мы успеха в ведении дел, способности видеть духовное начало, мерила для мирских дел и наставления в обоих совершенных установлениях, чего просят от божеств, а также того, от чего происходят честь и деятельность, которые суть [проявления] божественного совершенства, для иранцев и Иранской страны согласно учению, которое исходит из маздеистской веры и представляет собой научение великолепной мудрости предков во всём Хванирасе[567]; знающие люди не расходятся [во мнениях] относительно этого.

Слова Авесты надлежит произносить без ошибок столько раз, [сколько нужно, чтобы] запомнить великолепное писание из собрания[568], а у народа есть славное установление: знание приобретается через произнесение.

При всей божественной мудрости маздеистское вероучение [благотворно] ещё и в том, что нам известно: когда всё разрушительное, а также размышления, чуждые божественной маздеистской религии, достигают этого места, с помощью новых[569] мыслей и чуждых маздеистскому вероучению размышлений не получается ни явить обретённое знание, ни обратить его во благо и на счастье обитателям мира[570] в той мере, в какой научает *рад*[571], который изучает и размышляет всё больше".

Он сказал: "Если же мы высшей волей прикажем всем магам, которые очевидно благороднее, добрее и лучше [иных], снова и снова тщательно осмыслить Авесту и Зенд и полезным

---

[566] Здесь и далее в этом отрывке под «видением» понимается способность видеть, т.е. правильно понимать.

[567] В зороастрийской литературе – исторический центр Иранской страны.

[568] Под «собранием» (*mādiyān*) понимается, очевидно, весь корпус зороастрийских книг.

[569] Т.е. чуждых изначальным установлениям.

[570] Как показано в транскрипции ниже, в соответствующем месте среднеперсидского текста стоит *gētāhān*, что буквально переводится как «миры». Однако, контекст определённо говорит в пользу того, что в этом фрагменте, как и далее, вернее читать *gētāhīgān*.

[571] О значении понятия *рад* см. главу 1 части I.

образом прибавить полученное к мудрости обитателей мира, [выяснится,] кто не сможет добиться того, чтобы привести мирян к познанию Творца, чудес духовного мира и свойств того, что Создатель сотворил прежде всего, а кто добьётся всего”.

И он сказал, что при малом и скудном знании еретик может отвратить их от очевидного, которое при познании [исходит] от сути вероучения.

[Следует] взять себе утешителем человека светлого, а мудростью считать знание религии.

Он сказал, что мудрость человека происходит от того, что основа всякой мудрости – учение религии, будь то при силе духовного начала или при очевидном злословии в миру.

Когда же он (человек. – *Д. М.*) ни от кого не получает полного [изложения] ясных [истин] Авесты, а также если ясности, исходящей от веры, [у него] недостаточно, пусть тот, кто должен вести его, посредством учения ведёт его [в общество] творений божеств» [The Dinkard, 1900. Ср.-перс. текст, с. 457–459; The Complete Text…, 1911. Part I, P. 413–414; Dinkart. Books IV & V, 1976. P. 10–13; Dinkart. Books 4–9, 1976. P. 9–12]»[572].

---

[572] *Īn-i-Ḫūsrōw šāhān-šāh Kawadān čiyōn-š aharmōġīh ud sāstārīh spōrhamēstārīhā wānīd pad pēdāgīh az dēn andar har aharmōġīh čahār pēšag agāhīh ud ḥūsigālišn-i-gōkānīg wasīhā be afzūd.*
Īn-č pad yazdān ḥradīh gūft ku rāstīh-i-dēn māzdēst bē dānēd.
Ḫūšyārān pad hūsigālišn ōstīgānīha tuwān(īg) bē pad gētīg dīd ud (судя по контексту, это слово – лишнее. – *Д. М.*) *abartar afzūnīg ud pēšrad būd mādiyān na pad ḥūsigāl bē pad abēzagīh mēnišn gūbišn ud kunišn ō wēh mēnōy wāzišnīh mānsrig abēzagīh yazišnīh-i-yazdān šāyēd.*
U-mān Awharmazd mowbed ān ān ḥ(w)ānd ḥ(w)ānēm kī mēnōy wēnišnīh andar amā pēdāgīhist.
U-mān farroḥ-čārīh mēnōy wēnišnīh gētīg andāzag ud namāyišnīhā-č har dō ēwēnag spōrīg az yazdān ḥ(w)āst ḥ(w)āhēm abāg-č ān i az-š āzādīh kardārīh i yazdān waspūhraganīhā abar ērān rād Ērānšahr pad amōg i az dēn mazdēst frāz raft i pēšēnīgān ḥangad dānāgīh amūzišnīh i ō-č ham Ḫwanīras ān-i-agāhān pad ǧuttarīh paykār nēst.
Ud angōn wasīhā Abistāg ēwāzīg pad abēzag gūbišnīh nibēg pīrāyišnīg az mādiyān ayādgārīh ud pāyram-č ēwēnag ēwāzīg andar gūbišn agāhēnišn dāšt estēd.
Pas-č hamāg yazdānīg dānāgīh-i-dēn mazdēst īn-č rād zī-mān šnāḫt estēd ku ka hamāg wīrānōmand ud ḥūsigālišnīh i bīgānag az dēn mazdēst yazdān ō īn ǧāg rasēnd pad nōg andēšišnīh ud ḥūsigālišnīh bīgānag az dēn mazdēst hand dānišn ayāft pēdāgēnīdan [ud] ō sūd ud wišādgārīh

Хотя об авторстве этих текстов можно, разумеется, спорить, в конечном счёте они, кажется, восходят к Хосрову. Мотивы, которые звучат в них, очень характерны для его политики. Несколько раз говорится о необходимости уничтожать врагов официального вероучения, в чём, очевидно, следует видеть прежде всего отголоски репрессий против маздакитов. Одновременно речь идёт об унификации религиозного учения и обрядов. То, что Хосров стремился к унификации культа, видно и по мусульманским источникам. Ал-Масуди пишет, что Хосров, разгромив маздакитов,

«… объединил жителей своего царства [, приведя их к] вероучению магов» [Maçoudi, 1863. P. 196][573].

Почти такая же фраза обнаруживается в труде Мутаххара ал-Макдиси:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) объединил людей [, приведя их к] вероучению» [The Book…, 1962. P. 168][574].

В обоих случаях подразумевается, что религия стала объединяющим началом, а для этого она должна была быть единой.

Здесь следует задаться вопросом, какое учение Хосров считал нужным утвердить для своих подданных. В одном из процитированных выше фрагментов *Динкард*-а Хосров требует следовать словам и делам учеников Адурбада Махраспандана, снискавшего славу вероучителя в правления Шапура II, кото-

---

gētīgīgān āwurdan na šāyēnd čand andar ušmurišn-i-rad i pad wēš wizōyišnīh ud wēš ḫūsigālid.
Ud hagar abartōm ḫ(w)āhišnīh framāyēm hāmist mōġmardān i wēnāg ērtar ud ḫūḫēmtar ud wēh nōg nōg asūdagīhā Abistag ud Zand ḫūsigālidan ud ayābišn i az-š ō dānāgīh gēhānīgān arzānīgīhā afzūdan ēšān kī gētīgīgān ō šnāḫtan-i-dādār ud abdīh mēnōyān čēgōnīh-i-dahišn az dādār fratōm ayāftan na šāyistan ayāb hamāg ayāftan šāyistan gūft.
Pad pen kam dānišn waranīg ēšān az pēdāgīh i az dēn-ēdōnīh ud pad-č hangōšīdag hast i šnāḫtan šāyistan gūft.
Pad ōskārgar ān kī rōšn nimūdan pad dānāgīh dēn agāhīh dāštan.
Ud az ān čiyōn har dānāgīh būn dēn amōg pad nērōg-i-mēnōyīg ud ham pad pēdāgīh dawīdārīh gētāhīg ān i kas dānāgīhā gūft.
Ka-č-š az kadām Abistāg pēdāgīh hāmist na dāšt ēwēn-č pad dēn pēdāgīh i az dēn angārd namūn-ḫ(w)ēškār-š pad amōg frāz ō yazdān dādagān barēndeh.

[573] *Wa ǧama‘a ahl mamlakati-hi ‘alā dīn al-maǧūsiyya.*

[574] *Wa ǧama‘a al-nās ‘alā al-dīn.*

рый, судя по всему, придерживался зурванитских воззрений (см. главу 1 части I). Одного из потомков Адурбада Шапур назначил верховным мобедом. Естественно считать, что и Адурбад был зурванитом. Но был ли зурванитом Хосров? Хотя мы мало знаем о его религиозных воззрениях, имеющиеся данные позволяют утверждать, что ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным. В «Сиртской хронике» Хосров представлен как сторонник дуализма:

«Хосров придерживался учения Мани в том, что тот утверждал [существование] двух извечных божеств, доброго и злого, и упразднил учение Зардушта» [Histoire…, 1950. P. 147].

Разумеется, это высказывание нельзя трактовать буквально – в том смысле, что Хосров был манихеем и отринул зороастрийское учение. В свете сделанных ранее наблюдений, наиболее правдоподобной представляется следующая интерпретация. Официально учение Зардушта, т.е. Зардушта Хваррагана, духовного вождя маздакитов, было упразднено. Но в догматике Хосров по-прежнему придерживался дуалистического учения своих воспитателей-маздакитов, которое здесь, как и в других источниках, уподобляется манихейству.

Сведения о религиозных учениях времён Хосрова неоднозначны. Для периода VI – начала VII вв. мы располагаем лишь тремя упоминаниями, которые приводятся далее в хронологической последовательности:

Дамаский, один из последних античных философов, посетивший Сасанидскую державу в начале правления Хосрова[575], писал, что маги и все персы верят в единое божество, которое одни называют Местом (Τόπος), а другие – Временем (Χρόνος). От него отделились доброе и злое божества, и так возникли два мира, одним из которых правит Ормузд (Ахура-Мазда), а другим – Ариман (Ахриман). Правда, Дамаский ссылается на Эвдема (возможно – ученика Аристотеля) [Damascius..., 1898. P. 129], но нельзя не отметить, что за время поездки он так и не нашёл оснований исправить данные своего источника.

Агафий Миринейский, повествуя о персах, отмечает:

«Ныне же они (персы. – *Д. М.*) во многом сходятся с так называемыми манихеями, поскольку считают, что [есть] два из-

[575] Приведённый выше фрагмент труда Агафия Миринейского относится, в частности, к Дамаскию.

вечных начала; одно из них – доброе, породившее всё наилучшее из сущего, другое же во всём противостоит ему. Они (персы. – *Д. М.*) называют их варварскими именами на своём языке. Хорошего – то ли бога, то ли творца – они именуют Ормиздом (Ахура-Мазда. – *Д. М.*), а плохого и несущего гибель называют именем Ариман (Ахриман. – *Д. М.*)» [Agathiae…, 1828. P. 118].

Бэрхадбшабба Хульванский, повествуя о зороастрийской религии, пишет, что сначала Заратуштра признавал четырёх божеств, одним из которых был Зурван. Затем

«… он (Заратуштра. – *Д. М.*) объявил, [что есть] два других [божества]; одного он назвал Хормиздом (Ахура-Мазда. – *Д. М.*), другого – Ахриманом. И он (Заратуштра. – *Д. М.*) сказал, что оба они были порождены Зурваном» [Mar Barhadbšabba…, 1981. P. 366].

При осмыслении этих фрагментов мы должны, разумеется, учесть, что их авторы, судя по всему, не изучали зороастрийское вероучение и имели о нём лишь приблизительное представление, составленное на основе бесед с персами или теми, кто общался с ними. Но вопрос о том, кого – Зурвана или Ахура-Мазду – следует признать первым, изначально существовавшим божеством, был одним из важнейших. Постулаты, содержащие ответы на такие вопросы, обычно формулируются ясно и недвусмысленно, и даже те, кто чужд учению, могут легко усвоить их. Поэтому есть основания считать, что процитированные фрагменты отражают действительность. Если исходить из этого, можно сделать следующие наблюдения. Агафий Миринейский, сведения которого о персах восходят, кажется, к Сергию, а через него – к сасанидскому двору, представляет господствовавшее у зороастрийцев учение как дуалистическое. Это соответствует сведениям «Сиртской хроники», где Хосров изображён как дуалист. Можно представить себе, что дуалистический зороастризм по крайней мере на время стал официальным вероучением.

Но почему тогда Хосров называет главным вероучителем Адурбада Махраспандана? Объяснять это можно по-разному. Как показано ниже, Хосров не раз легитимировал свои действия именами великих деятелей прошлого, в уста которых вкладывались нужные царю идеи даже тогда, когда это расходилось с исторической правдой. Возможно, нечто подобное произошло и в этом случае, и Адурбаду было приписано то

учение, которого придерживался царь. Между тем, из слов Дамаския и Бэрхадбшаббы видно, что зурванитское учение не было запрещено и сохраняло влияние на умы людей. Значит, оно не считалось враждебным; какие-то элементы его благодаря авторитету Адурбада могли войти и в официальное вероучение.

Этим, кажется, исчерпывалась свобода религиозной мысли. Во втором из процитированных фрагментов *Динкард*-а чётко видно враждебное отношение Хосрова к всякого рода размышлениям на религиозные темы. Очевидно, Хосров запрещал теологические спекуляции, потенциально чреватые ересью. Учение Маздака, как его видели зороастрийцы, представляло собой интерпретацию священных текстов. Установленный Хосровом запрет имел, видимо, целью не допустить подобного впредь. Здесь мы снова обнаруживаем параллели с другими традициями. В трактате Гардизи Хосров, разгромив маздакитов, говорит подданным:

«Изучайте вероучение, совершайте дела, [предписанные] им, чтобы стали вы искусны в знании вероучения, и чтобы маздакит, если появится, не смог навязать вам свои измышления (*maḫrafa*)» [Тарих-и-Гардизи, 1984/1985. С. 84].

Те же идеи мы обнаруживаем в созданном во времена Хосрова апокрифическом «Завете Ардашира» (*ʻAhd Ardašīr*), текст которого будет рассмотрен ниже.

Интересные сведения содержатся в зороастрийском трактате *Вахман-Яшт*. Согласно этому источнику, Хосров призвал к себе нескольких зороастрийских мудрецов и взял с них обязательство не скрывать священные тексты – *яшт*-ы, но комментарии не показывать никому, кроме родственников [Pahlavi Texts…, 1880. P. 194]. Как источник этот текст заслуживает очень осторожного отношения. В его персидской версии окончание иное: приглашённые мудрецы составляют десять вопросов для диспута с Маздаком [The Persian Rivayats…, 1932. P. 458]. Кроме того, в зороастрийской литературе встречается аналогичный текст, который не имеет отношения к Хосрову [Pahlavi Texts…, 1880. P. 194]. Между тем, нетрудно заметить, что рассматриваемый фрагмент хорошо соответствует изложенным выше сведениям о религиозной политике Хосрова с её отвержением теологических спекуляций и упором на заучивание священных текстов.

Обратим внимание на списки мудрецов в обеих версиях. В тексте трактата называются главные мобеды Азербайджана Хосров, сын Махдада, и Дад-Хормузд, а также Адар-Фарнбаг, Адарбад, Адармихр и Бахт-Африд [Pahlavi Texts…, 1880. P. 194], в персидской версии – Мавиндад, сын Шапура, Адар-Хормузд, главный мобед Азербайджана, Адар-Фазавиндад, Адар-Михр и Бахт-Африд [The Persian Rivayats…, 1932. P. 458]. Единственный человек из них, кого можно однозначно назвать современником Хосрова – Дад-Хормузд, который упоминается в житии католикоса Мар Авы как верховный мобед державы. Фрагмент, в котором появляется Дад-Хормузд, относится, по всей вероятности, к 540 или 541 г.[576] [Histoire…, 1896. P. 226]. Далее в житии фигурирует другой верховный мобед по имени Азадсад (возм. – Азад-зад) [Histoire…, 1896. P. 259]. Поэтому описанный в *Вахман-Яшт*-е эпизод, если он действительно имел место, должен был произойти в первое десятилетие правления Хосрова, когда утверждалось официальное вероучение.

Из сопоставления источников следует, что Дад-Хормузд, бывший сначала одним из самых высокопоставленных мобедов Азербайджана, впоследствии стал верховным мобедом. Как показано в главе 1 части I, сасанидский царь назначал верховного мобеда и, вероятно, других высокопоставленных священнослужителей. По словам ат-Табари Хосров поставил в святилища огня смотрителей [Annales..., 1964. Ser. I, P. 898]. При этом царь, как явствует из одного из его изречений, приведённых в

---

[576] В пользу этой датировки говорит то, что рассматриваемый фрагмент помещён до рассказа о походе Хосрова в Лазику (541 г.), однако война с Византией к тому времени уже, видимо, началась, так как Дад-Хормузд обвиняет Мар Аву в союзе с императором Юстинианом. Поскольку начало войны пришлось на 540 г., хронологические рамки суживаются до этих двух лет. Заметим также, что по «Книге тысячи решений» нам известен Дад-Фаррох, сын Дад-Хормузда, который как «советник магов» (*mōǧān-andarzbad*) утвердил решение о наследственном попечительстве землевладельцев над находившимися в их владениях храмами огня. Согласно тексту источника, это произошло в правление Хосрова I [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 314–317]. Если так, жизнь Дад-Хормузда следует относить к более раннему времени. Это тоже говорит в пользу того, что Дад-Хормузд был верховным мобедом именно в первые годы правления Хосрова.

четвёртом томе *Динкард*-а, считал (а следовательно – и назначал) мобедами лишь тех людей, религиозные воззрения которых одобрял. К таким людям, видимо, относился Дад-Хормузд.

В зороастрийских трактатах можно встретить несколько упоминаний о Бахт-Африде, которые, однако, нигде не связываются со временем Хосрова. В одном фрагменте *Динкард*-а Бахт-Африд представлен как праведный хирбед [The Dinkard, 1881. Ср.-перс. текст, с. 130]. В источниках можно найти несколько приписываемых Бахт-Африду философских изречений, не касающихся зороастрийского вероучения [The Dinkard, 1911. Ср.-перс. текст, с. 35; The Dinkard, 1912. Ср.-перс. текст. Book VI, P. 8–10; The Pahlavi Texts, 1913. P. 81]. В другом месте мы находим высказывания учеников Бахт-Африда [Aerpatastan…, 1915. P. 94]. Если все эти фрагменты относятся к одному и тому же человеку, перед нами встаёт образ мудреца-наставника и философа из сословия священнослужителей, которого приблизил к себе царь.

Среди приближенных к Хосрову священнослужителей наиболее заметной фигурой был Вех-Шапур. О том, что он жил во времена Хосрова, мы узнаём из одного из посланий Манучихра, где обнаруживается следующий фрагмент:

«По закону следует не искажать очевидное, [исходящее от] превосходного учения, высказанного верховным мобедом Вех-Шапуром, человеком с бессмертной душой, и другими мобедами Ахура-Мазды, и вошедшего после них в обычай, и не упразднять иные превосходные суждения, но, то, что они считали верным, ставить выше речений иных наставников и не переиначивать дела, претворяющие в жизнь другие высказывания.

Случилось так, что Вех-Шапур, [пребывая] в обществе человека с бессмертной душой, царя царей Хосрова, сына Кавада, представил доводы *рад*-ов[577] в их защиту так, что они –

---

[577] В тексте источника – ﻟﻬﺎ. Между тем, слово *рад*-ы (во множественном числе) писалось как ﻟﻬﺎﻱ. Это привело английского переводчика посланий Э. У. Уэста к необходимости поиска конъектуры. Однако, предлагаемое им чтение *ligān* (*old things*) [Pahlavi Texts…, 1882. P. 297] наталкивается на то возражение, что слово *leh*, перешедшее в современный персидский язык, означает не столько «старый», сколько «дряхлый, ветхий». Заметим, что приведённая в тексте форма ближе к звучанию слова, так как классическое написание

наилучшее мнение, а они записали и установили, что наилучшее мнение – то, как он истолковал, и затем согласились с суждением о том, что такое мнение – наилучшее.

[Следует] считать [эту] твёрдую основу важнейшей и твёрдо следовать ей, а остальное, о чём он сказал “Пусть это будет у вас так”, проповедовать так, как иные речения этих склонных к [благочестивым] размышлениям наставников» [The Epistles…, 1912. P. 23–24; The Pahlavi Codex K35…, 1934. P. 12–13]» [578].

В этом фрагменте имя мудреца пишется как (*Wīšāpūhr*). В некоторых иных текстах упоминается человек по имени (*W.h.šāpūhr*). Расхождения между этими формами очевидно малы. Кроме того, в обоих случаях речь идёт о верховном мобеде. Всё это говорит в пользу того, что мы имеем дело с разными написаниями одного и того же имени. Что это за имя – пока остаётся загадкой. Наиболее правдоподобной формой кажется *Вех-Шапур*, которую мы используем в настоящей работе, однако в этом случае оба приведённых написания должны быть ошибочными.

отражает куда более старую фонетику, в рамках которой следовало читать *ratān*. Однако уже в сасанидское время *m* подверглось озвончению. Так, в житии Мар Авы пехлевийское *rat* (), записанное со слуха, приводится в форме *rad* [Histoire..., 1896. P. 228, 238, 242]. В связи с этим можно предположить, что поздний переписчик записал это слово в соответствии с фонетическими нормами своего времени.

[578] *U-š hangōšīdag pēdāg az-č ān-i-anōšag rūwān Wīšāpūr i mowbedān mowbed ud didīgar-č Awharmazd mowbedān gūft čāštāg i az-ēšān pas-č kardag padīh na wardēnīdan gūbišn-i-didīgar dastwarīh padīh na akārēnīdan.*

Bē ān zī-šān pad ēwarīh padīrēndeh az gūbišn-i-abārīg dastwarān pad abartar dāštan kardag-i-didīgar ēwēnag gūbišnān na wardēnīdan dādīg sahist.

Angōn būd čiyōn ān Wīšāpūr pad anǧoman-i-anōšag rūwān Ḫūsrōw i šāhān šāh i Kawādān radān bōzišnīhā angōn nimūd mēnišn padīh estād hand u-šān nibišt ḫūwašt ku angōn mēnišn padīh būd čēgōn wizīrēnīd u-šān pas ān īn wizīr i ān angōn mēnišn padīh hamdādastān būd hand.

Pad mādagwarīh ēwar pāyagīh (в тексте – *pāyīgīh*, но слово *pāyagīh* лучше соответствует контексту) *ud andar kardag-i-ostīgān dāštan abārīg zī-š gūft angūn dārēd čiyōn abārīg gūbišn ēk ēk az-ēšān dastwarān ḫūsigālišnīg čāštan.*

В процитированном фрагменте из посланий Манучихра Вех-Шапур предстаёт как мыслитель, предложивший свою трактовку религиозных установлений. Ему приписывается немало суждений по различным вопросам религии [Aerpatastan…, 1915. P. 124–125, 128, 132, 143, 147, 148, 149, 240, 241, 245, 278, 316, 321, 323, 454]. Свои теоретические постулаты Вех-Шапур претворял на практике. Из зороастрийского трактата «Книга заклинаний» *(Nērangistān)*:

«И Афраг, и Каяг[579] говорили, что действия Вех-Шапура были такими, как его заповеди» [Nirangistan, 1894. Лист 44][580].

О деятельности Вех-Шапура говорится и в «Книге тысячи решений», где он именуется верховным мобедом. Вех-Шапур указал на необходимость письменной фиксации показаний (*pūrsišn-nāmag*) по наиболее сложным делам и составил памятное послание (*ayādgār*), которым в дальнейшем руководствовались судьи. В другом случае он принял решение по конкретному делу, скрепив своей печатью завещание некоего Дад-Гушнаспа [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 310–311, 318–319]. Можно представить себе, что Вех-Шапур был одновременно авторитетным богословом и практиком, претворявшим свои воззрения в жизнь. Хотя «Книга тысячи решений» посвящена вопросам права, её автор в одном месте не удержался и сообщил интересную деталь, которая, кажется, тоже свидетельствует о незаурядности личности Вех-Шапура: женщина по имени Х(в)адайдохт специально воздерживалась от замужества, чтобы вступить с ним в брак [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 272–273].

В источниках называются и другие мыслители – сподвижники Хосрова. Сведения о них подчас носят легендарный характер. Известно поучение мудреца Юнана[581] Хосрову (*Фаррох-намэ*), которое мы знаем по среднеперсидскому тексту и сделанному в средние века новоперсидскому переводу. Согласно ему, Кавад, вернувшись к власти после убийства Валаша, по-

---

[579] Сказать что-либо определённое об этих людях затруднительно.

[580] *Afrag ud Kayāg har dō gūft W.h.šāpūhr kardag ēdōn čiyōn W.h.šāpūhr dād būd*.

[581] В тексте имя мудреца пишется как 𐭩𐭥𐭩𐭥, что можно читать как *Yūnān* или *Yūwān*. Выбор в пользу первой формы обусловлен тем, что в «Собрании историй и рассказов» говорится о мудреце Юнане (см. ниже).

требовал от Юнана уплаты податей, но тот бежал и укрылся в святилище огня Адур-Хварра в Фарсе. После прихода к власти Хосрова Юнан направил ему поучение, которое так понравилось царю, что он пригласил мудреца ко двору и в дальнейшем поступал по его совету [Noshirvan K. A. D., 1918. P. 496–501; The Persian Rivayats…, 1932. P. 585–586].

Оценить достоверность *Фаррох-намэ* как источника трудно. Повествуя о засухе, поразившей сасанидские владения при Перозе, автор текста называет её заимствованным из арабского языка словом *kāht* (ср. ар. *qaḥṭ*, «засуха»). Обращает на себя внимание и то, что в поучении упоминается только о первом изгнании Кавада и правлении Валаша, который ошибочно именуется его братом. Всё это указывает на то, что текст был создан в исламское время, когда в персидском языке стали появляться арабские слова, а история сасанидских царей начала забываться. Вместе с тем, автор новоперсидского перевода *Фаррох-намэ*, некий Абу-л-Хайр Амри, утверждал, что текст среднеперсидского оригинала ему показывали зороастрийские священнослужители в храме огня Адур-Гушид[582] в Фарсе [The Persian Rivayats…, 1932. P. 585]. Если это верно, текст поучения, пусть и поздний, бытовал в среде зороастрийцев. В «Собрании историй и рассказов» упоминается *даствар* Юнан, который, согласно источнику, был одним из ближайших сподвижников Хосрова [Muǧmal…, 2000. S. 75]. Стало быть, среди персов имела хождение легенда о мудреце Юнане при дворе Хосрова, которая, возможно, основывалась на каких-то реальных фактах[583].

---

[582] Это святилище неизвестно по другим источникам. Впрочем, мы знаем далеко не все сасанидские святилища огня. Кроме того, не исключена графическая ошибка, и следует читать не گشید (*Gušīd*), а گنبد (*Gunbad*). О святилище огня Гунбад Кавус в Фарсе говорит ал-Истахри [Viae…, 1927. P. 118].

[583] Возможно, Юнана следует отождествить с человеком, имя которого издатель «Книги тысячи решений» А. Г. Периханян восстанавливает как *Yuvān Yam*. В среднеперсидском языке эта графическая форма может читаться и как Юван, и как Юнан. В одном месте Юван Ям именуется *Вахишт-бар*, т.е. «счастливый» (букв.: «с лучшей долей») [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 262–263]. Он жил, судя по всему, не раньше правления Хосрова I и, возможно, был его современником. В одном месте приводится его суждение о том, в каком порядке судья, покидающий свой пост, должен сдавать печать [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 266–267]. Из другого фрагмента того же

Утверждение вероучения нередко сопровождается установлением новых святилищ или восстановлением старых. Судя по сведениям Ибн ал-Факиха и Хасана Куми, нечто подобное происходило и при Хосрове. Как показано в главе 2 части I, маздакиты перемещали священные огни, объединяя их, что видно на примере огня Адур-Гушнасп. После убийства Маздака его противники хотели вернуть огонь на прежнее место (по Ибн ал-Факиху) или действительно восстанавливали прежние огни (согласно Куми). Хосров переместил огонь Адур-Гушнасп в Шиз. Куми добавляет, что Адур-Гушнасп (в другой версии – Магушнасп) был присоединён к огню, именуемому بركه (от перс. *barakeh*, «пруд») [Compendium…, 1885. P. 246; Китаб тарих…, 1934/1935. С. 89]. Параллельное известие мы находим у ал-Масуди, который сообщает, что Хосров перенёс один почитаемый священный огонь в место, именуемое «Пруд» (البركة, *al-Birka*) [Maçoudi, 1865. P. 74]. О том, что внутри крепости Шиз находится озеро, писал во второй половине X в. Абу Дулаф. На основании его данных В. Ф. Минорский предложил очевидно правильную идентификацию крепости Шиз с Тахт-и-Сулайман [Abū-Dulaf…, 1955. P. 66–68, ар. текст, с. 2]. Таким образом, Хосров перенёс Адур-Гушнасп в Шиз (Тахт-и-Сулайман) и присоединил его к находившемуся там огню, который в исламское время, судя по видимости, именовался по названию места «огнём пруда».

Вероятно, в результате переноса на новое место и объединения с другим огнём Адур-Гушнасп обновился, избавился от того, что сделали с ним маздакиты. Но Хосров этим не ограничился. В позднесасанидское время важность огня Адур-Гушнасп заметно выросла. По словам Ибн Хордадбеха,

«В нём (Шизе. – *Д. М.*) есть святилище огня Адур-Гушнаспа, очень почитаемое (*ʻaẓīm al-qadr*) среди зороастрийцев. Если царь вступал у них на престол, он направлялся к нему из Ктесифона пешком» [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 119–120][584].

источника мы узнаём, что печати для судей были введены при Хосрове I [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 214–215]. Юван Ям, судя по всему, был авторитетным юристом; автор «Книги тысячи решений» не раз опирается на его суждения [Farraxvmart ī Vahrāmān..., 1997. P. 102–103, 262–267, 304–305, 312–313].

[584] В более позднем труде ал-Масуди этот фрагмент получает следующее продолжение: «… чтобы выказать почтение к нему

От того же автора мы узнаём, что существовала особая дорога от Ктесифона до Шиза. Главный город области Шахризур именовался *Ним-аз-рах* (буквально – половина пути), так как находился на полпути из Ктесифона в Шиз [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 19].

– Изучение истории

В восточных источниках мы не раз читаем, что Хосров руководствовался в своих действиях примерами предшественников и изучал их историю. Наиболее показательным кажется следующий фрагмент из «Рескриптов»:

مرفوع والي ولايت ارمينيه در خواست موجب كثرت ستايش ملک در بارهٔ ملوک باستان وباعث ترجيح خسروان عهد ماضي بر سلاطين عصر باقي مينمايد
توقيع والي بداند كه هر آنكه بحقّ ماضي وفا ننموده در بر گذاشت طرف بزرگان گذشته فرو گذاشت (نمايد)[585] لا محاله در نگاهداشت حرمت وحفاظ باقي واداء حقوق نعمت ايشان برو وثوق نماند واورا نيز جاي چشمداشت رعايت جانب از ساير اقارب واجانب بعد از خود نباشد

(огню. – *Д. М.*) . Ему (огню. – *Д. М.*) давали обеты, приносили ценности и имущество из [различных] областей, таких как земля Махов и Мидия» [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 95]. Необходимо, правда, отметить, что ал-Масуди неправильно пишет название огня (أذرخش (*Aḏur-Ḫuš*) вместо أذرجشنس (*Adur Ǧušnas*)). За ал-Масуди следует Якут [Yāqūt…, 1957. T. III, P. 384]. Ошибка ал-Масуди вызвана, скорее всего, тем, что он спутал названия святилища и зороастрийского празднества огня, которое приходилось на девятый день месяца *адар*-а и называлось *Adur-ḫuš*. Традиция отмечать это празднество сохранялась не только во времена ал-Масуди, но и позднее; об этом свидетельствуют Бируни [Chronologie…, 1878. S. 225] и составители словаря «Солнце слов» (*Šams al-luġāt*) [Shums-ool-Loghat…, 1806. P. 50]. Согласно обоим источникам, в этот день зороастрийцы направлялись в святилища огня. Возвращаясь к Адур-Гушнаспу, скажем, что, возможно, именно к нему относятся следующие слова Прокопия Кесарийского: «там (в Азербайджане.– *Д. М.*) есть святилище огня, которое персы почитают более божеств. Маги поддерживают огонь неугасимым, строго соблюдают остальные [правила] и в важнейших делах пользуются пророчествами» [Procopius, 1914. P. 472–473].

[585] Это слово пропущено в издании 1874 г.

«Обращение. Обратился наместник Армении, спросив о том, что побуждает царя столь много восхвалять древних правителей, и почему он предпочитает властителей прошедшей эпохи владыкам века нынешнего.

Рескрипт: “Да будет известно наместнику, что каждому, кто не уделяет должного внимания прошлому и пренебрегает свершениями великих людей минувшего, их благодать[586], несомненно, не будет постоянно споспешествовать в попечительстве над почитаемым, охранении незыблемого и претворении в жизнь законного, и он сам не может уповать на то, что близкие и иноземцы будут почитать его после его [ухода]”» [Тавкиат…, 1845. С. 61; Тавкиат…, 1874. С. 61][587].

Авторы нарративных источников особо подчёркивают интерес Хосрова к деяниям основателя династии – Ардашира I. Наиболее подробно повествует об этом ас-Саалиби:

---

[586] Под «благодатью» (*ni‘mat*), скорее всего имеется в виду *хварр* или *фарр* – сотворённый Ахура-Маздой божественный дар, дававший здоровье, мудрость, счастье и успех в борьбе с врагами [The Zend-Avesta, 1882. P. 283–284, 289]. *Х(в)арр* / *фарр* представляет собой объект религиоведческого исследования (оно выполнено О. М. Чунаковой [Чунакова О. М., 2004. С. 228–230]), и его изучение не входит в предмет настоящей работы. *Хварр*-ом, согласно Авесте, были наделены иранцы в целом, Заратуштра, а также легендарные цари [The Zend-Avesta, 1882. P. 301–306]. Правитель обладал *хварр*-ом, если был добродетелен. Так, *хварр* трижды оставлял легендарного правителя мира Йиму за неправедность. Царь-дракон Аждахак безуспешно пытался получить *хварр* [The Zend-Avesta, 1882. P. 293–295, 301–302]. Эти представления отразились и в памятниках сасанидского времени. Так, в «Книге деяний Ардашира Папакана» говорится: «Оттого, что *хварр кей*-ев пребывал с Ардаширом, Ардашир одержал победу» (*Az ān čiyōn ḫ(w)arrah-i-keyān abāg Ardāšīr būd Ardāšīr pērōzīh windād*) [The Karnamak…, 1950. Ср.-перс. текст, с. 18, ср. с. 25, 26]. Под *кей*-ями (ед.ч. *кей*) понимаются легендарные правители Ирана. Если предложенная интерпретация *ni‘mat* персидского текста верна, приписываемые Хосрову слова следует истолковывать так: внимание к деяниям великих предков – одна из составляющих добродетели, и тот, кто пренебрегает ими, может лишиться *хварр*-а за неправедные дела.

[587] Близкий по смыслу фрагмент обнаруживается в *Шах-намэ* [Ferdowsi’s..., 1935. P. 2524].

«Наиважнейшим занятием было для него (Хосрова. – *Д. М.*) ознакомление с жизнеописаниями царей – особенно Ардашира, изучение их мудрости, усвоение их достоинств и отвержение их недостатков. Он сделал их (жизнеописания. – *Д. М.*) себе руководством в делах и устоями жизни» [Histoire…, 1900. P. 606].

Приблизительно то же самое рассказывает ат-Табари:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) взялся за жизнеописания Ардашира, его писания и [повествования о] его деяниях, руководствовался ими и приводил людей к [изучению их и следованию] им (*ḥamala al-nās ʻalay-hā*)» [Annales…, 1964. Ser. I, P. 898].

В источниках обнаруживается анекдот о том, как Хосров, проезжая возле реки вместе с придворными, стал рассказывать одному из них о том, как Ардашир напал на царя хазар. Приближённый, обратившись в слух, перестал следить за дорогой и вместе с конём рухнул в воду [Djâhiẕ, 1914. P. 54–55; Ал-Махасин…, 1999. С. 338]. Описание этого эпизода, несомненно, апокрифично: приближённый говорит, что Господь дарует милость, но посылает и испытания – это немыслимо для зороастрийца. Кроме того, Ардашир никогда не воевал с хазарами. Тем не менее, эта история, как и всякий исторический анекдот, отражает суть явления: Хосров знает о деяниях Ардашира и приводит его в пример своим приближённым.

Эти известия следует сопоставить с текстами, которые, судя по их названиям, восходят к эпохе Ардашира. Наиболее известно среди них так называемое «Послание Тосара»[588], которое приписывается перу мудреца, приближённого к Ардаширу, и,

---

[588] Этот текст в относительно полном виде приводит Ибн Исфандияр, который, судя по его рассказу, основывался на персидской версии сделанного Ибн ал-Мукаффа арабского перевода со среднеперсидского оригинала. Судя по изложению Ибн Исфандияра, Ибн ал-Мукаффа черпал сведения из неназванного произведения зороастрийского автора, именуемого на арабский манер Бахрамом Ибн Хурразадом (ср.-перс. Варахран Хварразадан), который, в свою очередь, основывался на известиях своего отца Манучихра, бывшего мобедом Хорасана, а также учёных Фарса [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 12, 15–41]. В некоторых источниках встречаются отрывки из арабской версии – вероятно, текста Ибн ал-Мукаффа [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 99; Kitāb fī Tahqīq…, 1958. P. 83–84].

вероятно, бывшего его *даствар*-ом[589]. Согласно тексту источника, правитель Табаристана, Падашваргара, Гиляна, Дейлема и

---

[589] Личность этого человека заслуживает отдельного исследования. В *Динкард*-е он предстаёт как кодификатор Авесты, выполнивший эту миссию по приказу основателя Сасанидской династии. В одном фрагменте четвёртого тома *Динкард*-а, посвящённом деяниям парфянских и сасанидских царей во благо зороастрийской религии (окончание его, касающееся Хосрова, приведено в тексте настоящей главы), говорится следующее: «Царь царей Ардашир Папакан, верно рассудив, призвал ко двору Тосара, обладавшего познаниями в различных областях, и всех [остальных]. Тосар явился, и он (Ардашир. – *Д. М.*) принял его одного, и, оставив всех иных наставников, повелел: “Представьте мне каждое имеющееся изложение маздеистского вероучения, ибо ныне всё хуже знают его”» (*Ān-i-Ardāšahr šāhān šāh Pābagān pad rāst dastwarīh Tōsar zī-č amōg pargandag būd ud hamāg ō dar ḫ(w)āst Tōsar abar mad ān i ēwag frāz padīraft ud abārīg az dastwar hilendeh ud īn-č framān dād ku frāz ō man har nigēzišn ān-i bawēd az dēn mazdēst če* (по всей вероятности – [Pahlavi], *če*, а не [Pahlavi], *abar*) *nun-č agāhīh ud dānišn az-š frūd rawēd* (В этом месте мы видим форму [Pahlavi]. Хотя в одной из рукописей это объясняется как идеограмма, соответствующая персидскому *nēst*, к контексту более подходит чтение *rawēd.*)) [The Dinkard, 1900. Ср.-перс. текст, с. 456; The Complete Text…, 1911. P. 412; Dinkart. Books 4–9, 1976. P. 7; Dinkart. Books IV & V, 1976. P. 8]. В самом конце третьего тома мы находим фрагмент, который мог бы быть продолжением процитированного: «По известиям, которые пересказывают от древних, царь царей Ардашир, сын Папака, пришедший для того, чтобы восстановить великолепие Иранской державы, повелел снести все списки [Авесты] из рассеяния в одно место и [приказал] праведному *порйоткиш*-у Тосару, бывшему *хирбед*-ом, явиться, с ясностью восстановить Авесту и воссоздать цельность ясной [Авесты]. Тот потратил время и взял образец с великолепной светлой основы (т.е. с принятой за основу рукописи. – *Д. М.*), которая была в Шаспиганском хранилище. И он (Ардашир. – *Д. М.*) повелел надлежащим образом распространить список [Авесты] и знание [людей] о нём» (*Ud pad agāsīhā i az pēšēnīg gūft hast* (В издании 1900 г. вместо последнего слова стоит [Pahlavi], а в издании 1911 г. – [Pahlavi], но найти удовлетворительную интерпретацию для этих форм практически невозможно. Кажется, вернее читать [Pahlavi], т.е. *hast*) *ān-i-Ardāšahr šāhān šāh Pābagān mad ō abāz ārāstārīh Ērān ḫ(w)adāyīh ham nibēg az pargandagīh ō ēwag ǧāg āwurdan ud pōryōtkēš ahlaw Tōsar i hērbed būd*

abar madan ud abāg pēdāgīh az Abistāg abāz andāḫtan az ān pēdāgīh bowandagēnīdan framūd ud zamānag kard hangōšīdag az brāh az būn rōšn pad ganǧ-i-Šaspīgān (В издании 1900 г. – 𐭧𐭠𐭮𐭩𐭭 (*Šaspān*), а в издании 1911 г. – 𐭧𐭠𐭮𐭩𐭭 (*Šapān*), но имеется виду, несомненно, царское книгохранилище Сасанидов, известное как Шаспиган) *dāšt ud pačēn passazagīhā frāḫēnīdan framūd ud agāhīh* [The Dinkard, 1900. Ср.– перс. текст, с. 450–451; The Complete Text…, 1911. P. 406]. Ещё один фрагмент, встречающийся в седьмой книге *Динкард*-а, менее информативен в плане исторических деталей; лишь из выражения *pad abāgīh* (совместно), относящегося к Ардаширу и Тосару [The Dinkard, 1913. Ср.-перс. текст, с. 52], можно заключить, что последний был сподвижником царя. Следует отметить, что среднеперсидская форма 𐭩𐭥𐭬𐭠𐭥 (как в первых двух фрагментах) или 𐭩𐭥𐭬𐭠𐭥 (как в третьем) может читаться по-разному – и как *Тансар* (варианты – *Танвасар*, *Таннасар*), и как *Тосар*. Эти разночтения видны по трактату ал-Масуди «Книга замечаний и пересмотра», где автор называет мудреца *Таншар* (تنشر, видимо – искажённое تنسر, *Тансар*), но сообщает, что некоторые именуют его Дошар [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100]. Хотя, как мы увидим далее, большинство авторов исламского времени используют форму *Тансар*, существовала и традиция писать *Тосар*; она представлена у Бируни [Kitāb fī Tahqīq…, 1958. P. 83]. Сведения о жизни Тосара противоречивы. Наиболее подробно повествует о мудреце ал-Масуди, согласно которому он был философом-платоником, принадлежал к роду одного из «удельных правителей» Фарса и унаследовал престол от отца, но затем оставил светскую жизнь и стал аскетом. Вслед за этим он сблизился с Ардаширом и, говоря современным языком, агитировал за него, призывая других правителей подчиниться ему [Maçoudi, 1863. P. 161; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 100]. В самом «Послании» сообщается, что Тансар (*Tansar*) был советником правителя Табаристана и сопредельных местностей и после его смерти оставил мирскую жизнь; послание же он писал как верховный хирбед [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 15–16]. Мискавейх пишет, что Тансар (*Tansar*) был хирбедом и достойным человеком, а Ардашир опирался на него [Таджариб…, 2003. С. 97]. В *Фарс-намэ* утверждается, что Тансар (*T.sār*) был визирем Ардашира [The Fársnáma…, 1921. P. 60]; как и в случае, рассмотренном выше, слово «визирь» означает сподвижника. Нетрудно заметить, что все эти сведения содержатся в довольно поздних по отношению ко временам Ардашира источниках. Некоторые современные авторы отказывали личности Тосара в реальности [Луконин В. Г., 1969. С. 44, 83] или предлагали отождествить его с Кардиром [Пигулевская Н. В., 1956. С. 121]. Но в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» в числе

Руяна по имени Гушнасп написал Тосару письмо, в котором выразил сомнения в правильности действий Ардашира. В ответном послании Тосар опроверг все сомнения Гушнаспа и посоветовал ему сдаться и подчиниться Ардаширу. Гушнасп так и поступил, что дало ему возможность сохранить трон.

В исторической литературе «Послание Тосара» нередко считается апокрифом, созданным во времена Хосрова I или, по крайней мере, в VI в. [Christensen A., 1944. P. 63–66; Пигулевская Н. В., 1956. С. 119–122; Луконин В. Г., 1969. С. 83]. Другая точка зрения сводится к тому, что «Послание» могло первоначально быть создано во времена Ардашира, но затем подверглось существенной переработке [Boyce M., 1968. P. 15–18, 21–22; Boyce M., 1984. P. 109].

Сюжет, представленный у Ибн Исфандияра, не настолько фантастичен, чтобы считать его чистым вымыслом. Переписка могла иметь место. В одном тексте, приводимом в нескольких мусульманских источниках, утверждается, что Ардашир написал «удельным правителям» послание, предлагая добровольно подчиниться ему. Мы находим и арабский перевод начала этого послания, однако текст сильно искажён наслоениями, появившимися в исламское время [Eutychii…, 1906. P. 106; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 653; Нихайат… 2004. Т. 15, с. 131]. Как показано в главе 1 части I, многие «удельные правители» действи-

---

приближённых Ардашира называется Μεερικ Τουσσεριγαν, т.е. Михрак Тосариган [Maricq A., 1958. P. 324–325]. Можно заключить, что человек по имени Тосар (не Тансар) реально существовал, а сведения *Динкард*-а и мусульманских авторов имеют под собой реальную основу. Вероятно, Тосар был благочестивым хирбедом, которого Ардашир приблизил к себе и сделал своим наставником-*даствар*-ом. В то же время, трудно сказать, какое отношение имеет мудрец Тосар к Михраку. Возможны два варианта: либо Михрак был родственником Тосара (сыном *tōsarīg*, т.е. родственника Тосара), либо же в *Tōsar* следует видеть родовое, а не личное имя, и тогда Михрака теоретически можно отождествить с самим Тосаром. Как мы видели, многие вельможи сасанидского времени называли себя именно родовыми именами. Кроме того, Михраком звался один из «удельных правителей» Фарса, бывший врагом Ардашира I. Нетрудно представить себе, что при сасанидском дворе было нежелательно называть себя именем «Михрак», по крайней мере – в повседневном общении с царём; лучше было использовать родовое имя.

тельно подчинились Ардаширу и, сохранив свои престолы и владения, стали *кадагх(в)адай*-ами.

Некоторые детали, однако, не позволяют отнести текст «Послания» ко временам Ардашира. Например, в «Послании» говорится, что имя наследника престола следует сохранять в тайне до смерти царя[590]. Но Ардашир действовал совершенно по-иному. За несколько месяцев до смерти он назначил соправителем сына Шапура, недвусмысленно указав тем самым на престолонаследника (см. Введение и главу 1 части I). Далее, в «Послании» в пример Гушнаспу ставится царь Кермана Кавус, который якобы сдался Ардаширу и сохранил трон. Мы знаем, однако, что Ардашир подчинил Керман силой; его царь Валаш был взят в плен, а затем казнён. Правителем Кермана был назначен сын и тёзка Ардашира [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 879; Annales..., 1964. Ser. I, P. 817], который фигурирует в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» в числе приближённых первых двух Сасанидов [Sprengling M., 1953. P. 18, 19; Maricq A., 1958. P. 322–323, 326–327].

Не менее важно обратить внимание на общую тональность «Послания». Основу его составляет опровержение тех направленных против Ардашира доводов, правильность которых Гушнасп якобы просит оценить. Для удобства анализа мы сочли целесообразным представить ниже перевод этих фрагментов «Послания», исключив добавления, которые появились в исламскую эпоху, например, цитаты из Корана.

«… тебе (Тосар обращается к Гушаспу. – *Д. М.*) надлежит сесть на коня, взять с собой корону и трон и явиться ко двору царя царей. Что до короны, знай, что он возложит её на твою голову, а что до царской власти – знай, что он отдаст её тебе, ибо у [всех] на слуху, как он поступил с каждым из тех, кто получил от него корону и трон. Один из таких – Кавус, царь Кермана. Он с покорностью пошёл на службу к его величеству (Ардаширу. – *Д. М.*), поцеловал высокий ковёр его и сдал корону и трон. Царь царей сказал мобедам: “Не предполагал я, что

---

[590] Ещё более убедительным доказательством может показаться то, что в одном фрагменте прямо упоминается Хосров Ануширван [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 38]. Этот аргумент, однако, можно парировать тем, что только в этом месте появляется более поздняя вставка.

присвоим мы царский титул кому-либо во владениях отцов их, но вот, Кавус испросил у нас покровительства, и тогда появилось [у меня] другое мнение. При благоволении и любви наших к нему хотим мы, чтобы никто не получил меньше, чем он. Дадим мы ему процветание и счастье, корону и трон, и каждого, кто явится к нам с покорностью, чтобы верно и неуклонно подчиняться нам, не будем мы лишать царского титула. Но никого, кто не принадлежит к родственникам нашим, не следует называть царём, кроме тех, кто управляет границами – аланской, западной, хорезмийской и кабульской. Не будем мы допускать, чтобы царская власть[591] переходила по наследству, как допускаем мы это относительно чинов и званий (*marātib*). Все сыновья [подчинённых] царей должны по очереди бывать у нашего двора. Звания же им не пристали, так как, если будут они стремиться к ним, то впадут в соперничество, препирательства и пререкания, опозорятся и сделаются ничтожными в глазах [людей]. А вы что об этом скажете? Если это суждение приемлемо, пусть его выполняют, а если нет, то пусть покажут, как сделать во благо”. Когда же это [совещание] прошло от начала до конца с неизменным успехом, он отпустил Кавуса. Я рассказал тебе это к тому, что тот сын царя [понял,] что-де в быстроте для меня польза. Надо, чтобы и ты поскорее решился [действовать] по [этому] примеру и быстрее поступил на службу, чтобы не искали тебя и не обвиняли, чтобы не стали потомки твои людьми низкими, и чтобы не пришлось тебе испытать гнев царя. То, на что мы [, думая о] тебе, надеемся сегодня, будет невозможно завтра, и будешь ты вынужден [сделать это] не по доброй воле, а принудительно.

Другой вопрос, который задаешь ты о суждениях (*aḥkām*) царя [состоит в том, что] ты говоришь: “Что-то [из них] не предосудительно. А иное, что неправильно, он установил”. Отвечаем. Ты написал царю царей, что он стремится [восстановить] право древних, но это можно назвать отступлением от закона[592]; если это правильно для мира, то неверно для вероуче-

---

[591] Имеется в виду, конечно, царская власть не самого Ардашира, а тех подчинённых ему правителей, которые именовались царями. О передаче по наследству чинов и званий см. главу 1 части I.

[592] Как «обычай» мы переводим слово *sunnat*, что, по нашему мнению, оправдывается дальнейшим текстом источника.

ния. Да будет тебе известно, что законов два: закон древних и закон современников. Закон древних – справедливость, однако действия по справедливости настолько изгнаны из употребления, что, если в нынешнее время ты называешь кого-либо справедливым, невежество заставляет удивляться ему и тяготиться им. Закон современников – произвол. Те, кто вершит произвол, спокойно пребывают в том, что не идут от зла, происходящего от насилия, к благу от предпочтения справедливости и отхода от него (произвола. – *Д. М.*). И таким образом, если современники поступают по справедливости, говорят: “Сейчас – неподходящее время”. По этой причине от справедливости не осталось ни воспоминаний, ни следов. Если же царь царей в чём-то не вершит произвол так, как древние, ибо это – не благо для нынешней поры, говорят: “Это же старинный обычай, установление древних”. Тебе же следует знать правду: надлежит стараться заменить проявления произвола, будь то произвол древних или современников. Это значит, что произвол, который вершили и вершат, не подлежит одобрению, будь то произвол древних или современников. Царь царей имеет власть над этим – а вероучение – сподвижник его, – может совершить перемены и уничтожить корни произвола. Закон его (царя царей. – *Д. М.*) стал наилучшим законом. Если ты устремишь взор на действия в соответствии с вероучением и отвержение того, что не имеет с ним ничего общего, то узнаешь, что Александр [Македонский] сжёг в Истахре книгу нашей религии на двенадцати тысячах [пергаментных] листах. Рана[593] от этого осталась в сердцах. Но это тоже относится к рассказам и преданиям. Законов же и установлений они не знали. И вот, рассказы и повествования о порочности людей [того] времени, потере царской власти, усердствовании в нововведениях в вероучении, извращениях и тщеславии, настолько изгладились из памяти людей, что от этого правильного [закона] не осталось и простейшего[594]. И после этого, конечно, невозможно, чтобы вследствие верного и полезного суждения произошло возрождение вероучения. И я не слышал и не видел рассказа ни о каком правителе, кроме царя царей, который восстал бы за это дело и поло-

[593] По-видимому, следует читать не *sīki*, как в тексте, а *sīǧi* (букв.: «беда»).
[594] Букв.: «не осталось и *алиф*-а».

жился бы на вас, а когда исчезло вероучение, из-за чего было потеряно знание родословных, истории (*aḫbār*) и жизнеописаний, – [повелел бы], чтобы что-то из воспоминаний, которыми пренебрегали, записали в тетради, а иное – на камнях и стеллах, чтобы то, что было во времена отца каждого из вас из деяний подданных (*ʻāmma*), жизнеописаний царей и знати[595], а также вероучения, которому до скончания веков не будет конца, вы не держали в памяти, как можете держать. И нет ошибки в том, что в древние времена, когда человек обладал совершенным знанием о вероучении, а правильное было прочным, людям в их делах [был] нужен царь, выносивший суждение, – ведь у вероучения, пока не будет высказано суждение, не будет основы.

Ты также написал, что царь царей требует от людей прибыли и приобретений[596] [для себя]. Будет тебе известно, что, согласно вероучению, есть четыре сословия[597] людей. Во многих местах книг о вероучении без споров, [различных] трактовок, разногласий и [различных] высказываний написано и определённо указано, что их называют четырьмя сословиями. Глава этих сословий – царь. Первый разряд – люди веры; он, в свою очередь, делится на подразряды (*aṣnāf*), [которые составляют] судьи[598], отправители культа (*ʻubbād*), подвижники (*zuhhād*), смотрители храмов (*sadana*) и наставники. Второй разряд – воины; он делится на две части – конных и пеших, а затем подразделяется в зависимости от должностей (*marātib*) и властных полномочий (*aʻmāl*). Третий разряд – писцы, составляющие письма, судебные решения (*aqḍiya*), списки (*siǧillāt*), договоры (*šurūṭ*), писцы, составляющие жизнеописания, врачи, поэты, звездочёты по их разрядам. Четвёртый раздел – те, кого назы-

---

[595] Читаем здесь не *siyar mulūk ḫāṣṣa*, как в тексте, а *siyar mulūk wa ḫāṣṣa*.

[596] В этом месте читаем не مرده, а مردّة (*maradda*).

[597] В тексте – *ʻuḍw* (мн. *aʻḍā'*), букв. – «член (тела)». Как показано в главе 1 части I, зороастрийские авторы уподобляли сословное деление общества разделению человеческого тела на члены.

[598] «Судьи» – буквальный перевод *ḥukkām*. Как показано в главе 1 части I, мусульманские авторы нередко ставили знак равенства между понятиями «мобед» и «судья». Это подсказывает, что речь идёт о мобедах: ведь именно с них должно было начинаться перечисление «людей вероучения».

вают людьми труда (*mahaneh*); это земледельцы, пастухи, торговцы и другие люди, живущие трудом. И, пока течёт время, существование этих четырёх сословий – на пользу человеку. Конечно, отдельные люди не переходят [из сословия в сословие], если только в характере кого-либо из нас не обнаружат общепризнанных достоинств. После испытаний перед мобедами и хирбедами и длительного наблюдения, его представляют царю царей, и, если признают достойным, зачислят его в другое сословие (*ṭā'ifa*). Однако, когда люди оказываются в эпохе порочности и царской власти, которая не следит за благом мира, они стремятся к тому, на что не имеют права, уничтожают правила общественного поведения (*ādāb*), презирают закон, оставляют [веское] суждение (*ra'y*) и безрассудно предаются беспредельному. Насилие становится явным, они набрасываются друг на друга несмотря на неравенство общественного положения и [ценности] суждений. В конце концов жизнь и религия останавливаются, люди начинают походить обликом на бесов, а поведением – на хищников … Появились люди, лишённые хорошего воспитания, достойного дела, наследственных [земельных] владений, заботы о родословной, ремесла, чуждые всякой мысли и не имеющие занятия, готовые клеветать, творить злодейства, делать ложные доносы и измышлять ложь; с этого они жили, снискали благополучие и богатство (*māl*). Царь царей с помощью чистого разума и многочисленных достоинств вновь свёл воедино разъединившиеся сословия, поставил всех их на их места и стал держать там. Он запретил, чтобы кто-либо из них занимался не тем делом, для которого Господь Всемогущий создал его. Через него (царя царей. – *Д. М.*) повеление Всевышнего открыло перед мирянами дверь, достичь которой в древние времена умы не смогли. Он (царь царей. – *Д. М.*) повелел, чтобы-де главы четырёх разрядов, если они обнаружат в комлибо из людей труда проявление благочестия или доброты, или [найдут], что он крепок в вере или наделён мощью, силой, храбростью, достоинством, памятью, умом и добродетелями, пусть представят [таких людей] нам, а мы примем решение.

Что же до того, что кажется тебе чрезмерным из кар, которые налагает царь царей, и неумеренности в кровопролитии по отношении к тем, кто действует вразрез с его суждением и повелением, то да будет тебе известно, что древние воздерживались от этого, ибо [тогда] люди не проявляли непокорность и не

отходили от правил общежития, каждый человек занимался своим делом, и они не считали своим долгом совершать дурные дела и восставать на правителей. Когда же порочность умножилась, люди перестали следовать вероучению, разуму и власти, расчёт [того, что следует, и чего не следует делать] исчез, величие такого человека, как царь, не могло стать явным без кровопролития. Разве ты не слышал, что тогда один человек из праведников сказал: “Не знали мы и доселе не слышали, что чистота, скромность, воздержанность, верность дружбе, искренний совет и непрестанная милость пресекают [недостойные] устремления”? Когда же в то время проявились [недостойные] устремления, правила общежития у нас исчезли, ближайшие к нам люди сделались врагами, тот, кто был в нашем подчинении, возомнил себя предводителем[599], а тот, кто был слугой – господином. Простонародье, подобно освободившимся от пут бесам, забросило работу, и распространилось по городам[600], занимаясь воровством, мятежами, бродяжничеством и дурными делами. Дошло до того, что рабы осмелели и выступили против господ, а жёны – против мужей, которым принадлежит право повелевать […] И знай, что то, что повелел царь царей, [именно,] чтобы люди занимались своими делами и не занимались делами других, есть основа мироздания и порядок для дел мирян, подобные дождю, который оживляет землю, луне, которая дарует благо, и ветру, который разгоняет движение воздуха. Если же он (царь царей. – *Д. М.*) допускает в причинении некоторым телесных мук и пролитии их крови излишества, предела которым нет, мы считаем, что такова жизнь, и [в этом] благо, так как в будущие времена устои царской власти и всякого вероучения будут из-за этого более прочными. Чем больше он карает для того, чтобы все эти четыре сословия заняли свои места, тем лучше должно быть. Наряду с этим он установил так, что над каждым были поставлены начальник (*ra’īs*), за начальником – смотритель (*‘āriḍ*), чтобы держать их на учёте, затем верный дознаватель (*mufattiš*), чтобы он расследовал их неправедные дела, а кроме них – наставник, который обучал бы каждого из них с малолетства какому-нибудь делу и работе, так, чтобы они

---

[599] Букв.: «тем, за кем следуют» (*matbū‘*).

[600] В тексте – *šahrhā*. Учитывая изначальное значение этого слова, мы можем предположить, что речь идёт об областях.

спокойно обеспечивали своё существование. Наставникам, судьям и смотрителям храмов, которые занимаются обучением и наставлением, он положил жалование. Он назначил также наставника для воинов, чтобы при нём сыновья воинов в городах и сельских округах обучались владению оружием и различным искусствам. И всё [это –] для того, чтобы все жители его владений стали заниматься своими делами.

Ты указал, что люди много говорят о том, что царь царей вершит кровопролитие, и его стали бояться. Ответ состоит в том, что есть немало царей, для которых даже небольшое число казней – слишком много, пусть они и казнят десяток человек. Но немало и таких, которые, даже если казнят тысячу тысяч человек, всё равно должны казнить больше, потому что вынуждены поступать так в такое время и с такими людьми. Но при этом царь царей милует многих достойных казни и [тем самым] в милости и нежелании причинять вред намного превосходит Вахмана, сына Исфандияра, о котором древние народы соглашаются, что он был милостив. Говорю тебе ясно, что от подданных, а не от правителя, зависит то, почему в одно время смертных казней и [иных] наказаний мало, а в другое – много.

Да будет известно, что кары суть трёх видов. Одна назначается за [преступления] раба по отношению к Господу – да будет славно имя Его! – за отход от веры и внесение в закон вероучения [вредоносных] нововведений (*bid‘at*), другая – за [преступления] подданных по отношению к царю – бунт, предательство, неверность, третья – за [преступления] по отношению к своим собратьям в этом мире, когда один вершит насилие над другим. И для каждого из [этих] трёх [видов] царь царей установил закон, намного лучший чем то, что было у древних, так как в древние времена каждого, кто отступал от религии, немедленно обрекали на смертную казнь или мучительные телесные наказания (*siyāsat*). Царь царей же повелел, чтобы того, кого содержат в темницах, мудрецы в течение года постоянно призывали [к правильному], наставляли его, представляли ему доказательства и доводы, устраняли заблуждения. И, если он покается и попросит помилования, его отпускают. Если же он до конца упорствует и проявляет надменность, его после всего этого казнят. Другое [преступление] состоит в том, что кто-либо поднимает мятеж против царей или бежит с поля боя. Это никому не прощалось. Царь царей же установил законом одних казнить в

устрашение, чтобы иные не приучались поступать также, а других оставлять в живых, чтобы они, надеясь на милость, жили между страхом и надеждой. Это суждение – более совершенно для блага управления миром. Третье [преступление и наказание за него] состоят в том, что, по законам древних, ударившего били, ранившего ранили, грабителя и вора подвергали телесной каре, а с блудником поступали так же. Он же (царь царей. – *Д. М.*) установил законом, что за нанесение раны положено имущественное взыскание (*ġarāmat*), так, чтобы и преступник пострадал, и потерпевший получил какое-то благо и пребывал в покое[601] – а не так, чтобы вору отрубали руку, и никому не было от этого никакой пользы, а всему обществу наносился явный вред, – грабителю назначается наказание в четыре раза более тяжкое, чем вору, а блуднику отрезают нос, но не отсекают никакую иную часть тела, в которой сила его, и все они предаются позору, но при этом делу не наносится никакого ущерба. Эти установления он (царь царей. – *Д. М.*) приказал занести в книгу законов[602]. Затем он сказал: “Знайте, что мы сочли, что люди разделены на три разряда, и назначили три меры воздействия сообразно с ними. Одни – а их мало – знать и праведники; к ним следует относиться с искренней любовью. Другой разряд – злодеи, преступники и мятежники; мера воздействия для них – только устрашение. Третий разряд – а он самый многочисленный – простонародье в смешении его; мера воздействия для них – возбуждение стремления [к добру] и устрашение, но нельзя ни оставлять их в покое, ибо они смелеют, ни ввергать в ужас, ибо они становятся запуганными. Иногда за преступление, за которое вполне можно помиловать, следует казнить, а за преступление, за которое надлежит казнить – помиловать. Когда же мы увидели, что в законе древних нет никакой пользы для потерпевшего, а численности и силе народа наносятся явные ущерб и урон, мы отложили [в сторону] эти установления и

---

[601] Словом «покой» мы переводим *asāyiš*. Видимо, имеется в виду, что потерпевший должен был получить компенсацию, которая бы восстановила его в том положении, в котором он пребывал до нанесения ущерба. В этом случае он пребывал бы в покое, как если бы ничего не случилось.

[602] Вероятно, следует читать *dar kitāb-i-sunan*, а не *dar kitāb wa sunan*, как в тексте.

закон с тем, чтобы и в наше время, и впоследствии поступали так [как мы сказали]. Мы повелели судьям, чтобы, если преступники, которым назначено имущественное взыскание, подвергшись наказанию, вновь стали совершать преступления, им отрезали уши и носы, но другие части тела не трогали".

В другом месте ты написал о знатных домах (*buyūtāt*), санах и званиях, что-де царь ввёл новые установления и [вредоносные] нововведения – а ведь знатные дома и саны всё равно что устои, опоры и основы, и всякий раз, когда исчезает основа, расшатанное здание рушится и обращается в прах. Да будет известно, что знатные дома и саны приходят в упадок по двум [причинам]. Одна состоит в том, что дома обращают в прах, а звания присваивают, не имея на это права, [другая –] в том, что собственная суетность (*rūzgār*) в отсутствие другого устремления отнимает могущество, великолепие и силу, являются низкие духом потомки, которые берут своим обычаем вести себя как люди грубые и неотёсанные, пренебрегают украшающей [людей] щедростью, так что достоинство их переходит к простонародью. Когда люди труда занимаются приращением имущества и не блюдут гордость, но заключают браки с людьми низкими, которые им не ровня, от таких браков происходят люди низкие, которые выступают за то, чтобы уничтожить общественные разряды. Царь царей, чтобы возвысить их положение и сделать его почётным, заповедал то, что мы ни от кого не слышали, именно: он ввёл для людей из различных разрядов общества[603] явное и всеобщее разделение по выезду, одежде, жилищу, саду, жене и слугам, а затем установил для сановников (*arbāb-i-daraǧāt*) разрядную ведомость (*tafāwut*) о том, как им следует вести себя, пировать, сидеть при общении, стоять, в какое платье одеваться, какие одежды носить, из какой посуды есть – в соответствии с тем, что положено каждому разряду – с тем, чтобы они помнили о своём положении и знали свою долю и место, так, чтобы никакой простолюдин не приобщился к ним по образу жизни, а смешение родов и сношения между этими двумя сторонами[604] были исключены […]

---

[603] В тексте – *ahl-i-daraǧāt-i-ʻāmma*. Хотя *ʻāmma* означает «простой люд», контекст показывает, что имеется в виду весь народ в целом, включая знать.

[604] Т.е. между простонародьем и знатью.

Ты ещё упомянул, что царь царей изъял огни из святилищ огня, погасил их и уничтожил – а на такое по отношению к вероучению никогда никто не отваживался. Да будет известно, что деяние это не столь тяжкое, а сведения твои расходятся с истиной. Ведь после Дария (III. – *Д.М.*) каждый удельный царь устроил себе святилище огня. Всё это было вредоносным нововведением, так как они (удельные цари. – *Д. М.*) поставили [святилища] без повеления царей, которые были в ту древнюю эпоху. Царь отменил это, изъял огни[605] и переместил их туда, где они были изначально.

Затем ты указал, что при дворе царя царей поставили слонов, а он [также] повелел поставить быков, длинноухого [осла] и дерево. Всё, о чём ты написал, он сделал по велению вероучения, для того, чтобы каждый, кто занимается колдовством, разбойничает или выступает в делах веры с противоречащими закону толкованиями, получил возмездие. Когда [царь царей] обнаружил и выказал всевозможные благожелательность, мягкость и терпимость, он понял, что всё время переносить трудности без того, чтобы от них происходили страдания, не сможет и [так] с ними не совладает, а болезненным ранам не поможет перевязка, если только не уничтожить [очаг поражения] и не прижечь. Знаем мы, что много было людей, которые пытались явить мужество во благо мира, но пали. И также каждый человек, не могущий излечиться[606] вследствие своей слабости, подобен заботливой матери, которая разыскивает врача для любимого, прижимаемого к сердцу ребёнка. Когда она видит, что он (врач. – *Д. М.*) предписывает горькие лекарства, болезненные прижигания или неприятные хирургические приёмы, душа её вследствие слабости и неопределённости приходит в состояние тревоги, смятения и жалости. Когда же ребёнок с помощью всего этого излечивается и выздоравливает, спокойствие и отдохновение приходят в грудь ослабевшей матери, и она восхваляет врача за исцеление ребёнка.

Объяснение [того, что был поставлен] “слон”, состоит в том, что он (царь царей. – *Д. М.*) повелел разбойника или того,

---

[605] Принимается конъектура издателей текста: تابها («огни»), а не نانها («хлеба́»).

[606] По-видимому, не *wa har kasi nīz činīn dar mudāwāt qādir nabūdand*, а *wa har kasi nīz činīn dar mudāwāt qādir nabūd*.

кто вносит [вредоносные] нововведения, бросать под ноги слону. “Бык” – это котёл, сделанный в форме быка; в него заливают [расплавленное] олово и бросают человека. “Длинноухий” – из железа, он стоит на трёх ногах. Человека подвешивают за ногу и держат так, пока он не умрёт. А к “дереву” прибивают четырьмя гвоздями. Но эти наказания не применяют ни к кому, кроме колдунов и разбойников с большой дороги.

Ты также упомянул, что царь царей запрещает людям жить в изобилии и широко тратить. Он ввёл такой закон, принял справедливое решение и издал повеление о том, чтобы уклад [жизни] каждого сословия имел видимые проявления, знать отличалась от людей труда роскошью одежды, выезда и утвари (а жёны [знати] – шёлковыми одеяниями), а также высокими замками, шароварами, головными уборами, охотой и всем, что пристало [иметь] знати и воинам. Ведь воинам по знатности и достоинству во всём отведены места над этим разрядом[607], ибо они постоянно приносят себя, своё имущество и близких в жертву за людей труда и ради их блага и ведут войны с врагами державы (*wilāyat*), тогда как [люди труда] пребывают в мире и спокойствии и праздно сидят дома с жёнами и детьми. Следует, чтобы люди труда оказывали им почести. Воин, в свою очередь, почитает сановников (*ahl-i-daraǧāt*), а те также, занимая высокое положение, выказывают уважение друг к другу и почтение к величию [друг друга]. Ведь если для кого-нибудь установить, что в повелениях (*farmānhā*) может быть всё, что им угодно, – а тому, что им угодно, нет предела, – они станут [делать] то, на что у них не хватит средств, быстро обеднеют и впадут в нужду. Когда же народ беден, казна правителя пуста, а воин не получает жалования, – царская власть уходит из рук, и это удерживает царевичей от безудержных трат и неосмотрительности, дабы не стали они нуждающимися людьми труда. И он[608] так устроил разделение мирских благ, что, если у одного тысяча сокровищниц, а у другого совсем немного [имущества], он (последний. – *Д. М.*) должен жить по закону, дочерей правителей

---

[607] В тексте: *ǧamā‘at*, т.е. общество или группа, но контекст далее показывает, что речь идёт о «людях труда».

[608] В тексте используется форма множественного числа *qismat kardand*, однако, судя по контексту, речь идёт о царе царей.

уготовал[609] для того, что полезнее и более всего соответствует вероучению, так что все исполнились стремлением к добру и благочестию. Он же ограничивается одной женой или двумя и отвергает многодетность. Он сказал, что много детей следует иметь черни, а царям и знати пристало соревноваться в малочисленности детей […]

Ты также пишешь, что царь царей направил в [среду] жителей своих владений осведомителей и соглядатаев, и люди пребывают в страхе и ужасе перед ними. [Но] это значит, что людям непорочным и здоровым [духом] нечего бояться, ибо нет смысла царю приставлять соглядатаев и доносчиков к человеку праведному, покорному, богобоязненному, верному, знающему, приверженному вере, или ушедшему от мира аскету для того, чтобы получить известие о том, что всё в порядке, и пребывать в уверенности. Если ты душой таков, каким следует быть, покорен и праведен, и правителю рассказывают о тебе это, тебе следует исполниться радостью, ибо они говорят о [твоей] верности, и будет тебе немалое покровительство. В одном поучении, которое он соизволил составить, об этом подробно говорится, что, если правитель пребывает в неведении и не имеет известий о делах людей, это – порочное явление. Напротив, необходимо, чтобы был он защищён от людей ненадёжных и неверных, и чтобы не довелось ему услышать хоть слово так, чтобы прежде он не принял решение, не стал бы действовать сообразно с ним и не сказал, поразмыслив: “Я последую примеру Ардашира. Ведь нашёл я мир необустроенным, дело веры – в состоянии замешательства, а царскую власть – неустойчивой.” Много было разорения и зла, а добра – никакого. Избрали мы людей надёжных, верных и праведных, не делали ничего без испытания и исправления. Быть может, будут после меня более достойные люди. И надлежит, чтобы не дали они людям дурным доводить известия до ушей правителей, ибо если, не дай Бог, правители пойдут таким путём, ни подданные не будут пребывать в мире и спокойствии, ни сами они не смогут положиться на их покорность и службу. Но всякий раз, когда дела царя доходят до этого, вскоре оказывается он перед лицом переворота, суждение [правителя] становится немощным, а могущество [его] падает”. Так что пусть не представляет себе ца-

[609] Букв.: «избрал» (*bar gozīd*).

ревич, что царь царей занимается бессмысленным и ложным делом.

Ты также упомянул, что он (царь царей. – *Д. М.*) присвоил имущество могущественных богачей (*tuwāngarān*)[610] и торговцев. Но, если кто-то назвал себя богачом, но богачом не был, это объявляется недействительным. Если это не так, доказательство положения богача в том, что он ничего не отдаёт по принуждению или под пытками, но лишь из добровольного подчинения и по собственному желанию. Те же служили[611] [лишь] внешне. Если они хотят, он будет называть их не богачами, а низкими людьми и злодеями, ибо не по закону получили они, но по лжи, низости и подлости. Это значит, что правитель использует достоинства достойнейших из всех. В вероучении это – основа, а в суждении – светлая сторона.

Другой вопрос – в том, что удержало царя царей от того, чтобы назначить и назвать по имени наследника престола, который [будет править] после него. Да будет известен ответ: он подумал, что с названным человеком, который будет [править] после него, может произойти дурное, ибо, если он (царь царей. – *Д. М.*) объявит его (наследника престола. – *Д. М.*) и назовёт по имени, о нём будут думать все в мире. Если кто-либо мало приближен к нему, он будет стремиться отомстить ему. И наследник престола видит себя правителем и говорит: “Этот человек поджидает моей смерти”. Сердце его (наследника престола. – *Д. М.*) охладевает, и [из него уходят прежние] любовь, милость и покровительство. Когда благо царя и подданных не обеспечено, лучший [наследник престола] – тот, имя которого сохраняется в тайне. Может также быть, что, если его объявят открыто, недруги его не преминут строить козни и интриги, а бунтовщики-черти и завистливые очи бесов и людей станут наносить вред. Твёрдо знай и то, что тот, кто быстро оказывается на виду у людей, подвергается смертельной опасности из-за самомнения и отсутствия великодушия. Каждый, кто имеет самомнение, выходит из подчинения и [восстаёт против] того, что есть благо. Тот, кто выходит из подчинения, вскоре впадает в

---

[610] О значении слова *tuwāngar* см. прим. 497.

[611] Так в тексте: *ḫidmat-i-ẓāhir āwurdand*. Но, судя по контексту, речь идёт явно не о службе; вернее переводить «подчинялись [лишь] внешне».

гнев, а когда гневается – вершит насилие. Когда же он вершит насилие, ему мстят, и он погибает; из-за него уничтожают и других. Правителю следует держать бразды правления миром, располагая покорностью [подданных] […]

Ты также написал, что надлежит посоветоваться с верными людьми, советниками и мудрецами, чтобы они определили наследника престола. Да будет известно, что мы пожелали, чтобы царь царей в этом деле поступил не так, как другие правители мира, ни с кем не советовался, не допускал, чтобы [наследник престола] был определён ни словом, ни указанием, ни на встрече, ни в беседе, [но] собственноручно написал три грамоты и раздал их верным и надёжным людям: одну – предводителю мобедов (*ra'īs-i-mūbadān*), другую – старшему среди писцов, третью – предводителю войска[612] с тем, чтобы, когда мир останется без царя царей […] призвали верховного мобеда, и [остальные] двое собрались с ним, и они посовещались, распечатали грамоты и [установили], в пользу какого сына суждение (*ra'y*) у них троих. Если у мобеда суждение такое же, как у всех троих, они объявляют людям. Если же мобед говорит иное [нежели остальные], тогда ничего не объявляют – ни из грамот, ни из суждения, но прислушиваются к словам мобеда и [дают] мобеду встретиться наедине с хирбедами, ревнителями вероучения (*dīndārān*) и праведниками и усесться с ними для поклонения и молитвы. Вслед за ними [молитву] совершают люди добродетельные, духовно чистые, смиренные, самоуничижённые и искренние в молитвах. Закончив молитву, они принимают за основу то, что Господь – высока власть Его! – вложит в душу мобеда. Вечером в главном покое дворца выставляют корону и трон, а сановники стоят на своих местах. Мобед вместе с хирбедами, высшими сановниками (*akābir*) и вельможами, на ко-

---

[612] В тексте – *iṣpahbadān iṣpahbad* (букв.: «*спахбад* над *спахбад*-ами»), однако такой титул по другим источникам неизвестен. Назначенные Хосровом четыре *спахбад*-а были, скорее всего, равноправны. Если исходить из исторических реалий Сасанидской державы, можно предположить, что имеется в виду предводитель сословия воинов (*артештаран-салар*), о котором ат-Табари сообщает, что в V в. он стоял выше *спахбад*-а, тогда ещё единственного. Вероятно, при Хосрове *артештаран-салар* формально стоял над четырьмя *спахбад*-ами. Титул *артештаран-салар*-а ат-Табари в том же фрагменте интерпретирует как *ṣāḥib al-ǧayš al-a'ẓam* («величайший предводитель войска») [Annales…, 1964. Ser. I, P. 869].

торых держится держава, являются в покой царевичей; те встают перед ними в ряд. Они (мобед и прочие. – *Д. М.*) говорят: “Мы держали совет перед Господом Великим, и Он наставил нас на путь истины и во благо уведомил нас”. Мобед громко провозглашает: “Божества[613] соизволили, чтобы царская власть отошла такому-то, сыну такого-то. Вы, люди, тоже согласитесь теперь [на это], и да будет это благой вестью для вас!” Тогда приводят этого царевича, сажают его на трон и возлагают корону на его голову, [а затем] берут его за руку и говорят: “Принимаешь ли ты от Господа Великого – да славится имя Его! – по вероучению Заратуштры то, что упрочил Гуштасп (Виштаспа. – *Д. М.*), сын Лохраспа, и восстановил Ардашир, сын Папака?” [Новый] правитель соглашается на то, что престол по завещанию отходит ему, и говорит: “Если будет на то воля Господня, да преуспею я во благо подданных!” Слуги и стражники остаются при нём, а другие собравшиеся начинают заниматься своими делами» [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 17–36].

Нетрудно заметить, что полемика сосредоточена не на том, о чём «удельный правитель» мог бы поспорить с Ардаширом. Время Ардашира прошло под знаком его борьбы за объединение Ирана и сопредельных земель под своей властью. Хотя Ардашир, как показано в главе 1 части I, сохранял престолы и владения за теми, кто подчинялся ему, сопротивлявшихся было куда больше. Судя по рассказам источников, Ардашир победил в войнах правителей Фарса, подчинил силой Хузестан, Исфахан, Месену, Хамадан, Мидию, Азербайджан [Annales..., 1964. Ser. I, P. 817–819]. Значительную часть «Книги деяний Ардашира Папакана» составляют рассказы о победах основателя сасанидской династии над «удельными царями». В надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» в числе приближённых Ардашира называются Сасаниды – *шахрдар*-ы Авринака, Мерва и Систана [Sprengling M., 1953. P. 18; Maricq A., 1958. P. 322–323], а среди приближённых Шапура I – также *шахрдар* Адиабены [Sprengling M., 1953. P. 19; Maricq A., 1958.

---

[613] В тексте – «ангелы» (*malā’ika*), однако для зороастрийцев речь может идти только о божествах (*yazdān*). Вероятно, трансформация появилась в переводе Ибн ал-Мукаффа как попытка передать зороастрийские представления средствами арабского языка. Такие попытки не раз встречаются в источниках.

P. 326–327]. В главе 1 части I показано, со ссылкой на Агафия Миринейского, что сасанидские цари уничтожали своих противников из числа местных правителей и заменяли их своими родственниками. Вероятно, это произошло и в областях, в которых, согласно надписи, правили *шахрдар*-ы. В источниках число «удельных правителей», погибших в борьбе с Ардаширом, исчисляется десятками. Автор *Фарс-намэ* сообщает, что их было восемьдесят [The Fársnáma…, 1921. P. 60], а Хамза ал-Исфахани – что девяносто [Hamzae..., 1844. P. 46]. Если бы Гушнасп действительно вступил в полемику подобную той, которая представлена в «Послании Тосара», он, наверное, упрекал бы основателя Сасанидской державы в тот, что тот жестоко истреблял «удельных правителей» невзирая на их благородное происхождение и высокий статус. Но ничего из этого мы не видим в «Послании Тосара». О доле «удельных правителей» речь не заходит вообще. Если не считать истории о царе Кермана, достоверность которой, как показано выше, весьма сомнительна, лишь один из приведённых выше фраментов теоретически может относиться к борьбе Ардашира за объединение Ирана и сопредельных областей – тот относительно короткий отрывок, где речь идёт об уничтожении священных огней, которые «удельные правители» якобы завели себе, не имея на это права.

Трудно не обратить внимание на то, что в центре внимания автора – социальные отношения. Это хорошо видно на примере того, что в «Послании» считается преступлением. Ардашир, скорее всего, счёл бы преступлением сопротивление «удельных правителей» законной власти сасанидского царя или вероломство по отношению к нему. Но среди преступлений, о которых говорится в «Послании», это не фигурирует. Преступления, о которых идёт речь, совершают подданные, будь то по отношению к религии, царю или другим подданным. Такие мысли были бы более естественны в другое время, при сильной власти одного царя.

Главной проблемой времени автор «Послания» считает возможность разрушения сословной структуры общества и необходимость её сохранения. Царь царей, по его словам, пришёл к власти в момент, когда общество находилось в состоянии брожения, привычные устои рушились, а низшие классы поднялись против высших. Сословная структура была восстановлена и упрочена, не в последнюю очередь – путём репрессий,

размах которых виден и по тексту «Послания». Более того, царь царей в «Послании» делает всё, чтобы каждая общественный разряд находился на отведённом ему месте и не смешивался с другими. Доходит до того, что он стремится установить для каждой социальной группы особый образ жизни, внешний облик и т.п. Это тоже неприменимо к временам Ардашира. В результате борьбы с «удельными правителями» под его власть попали народы с различными обычаями и традициями. Трудно представить себе, чтобы в разгар борьбы Ардашир думал о том, как следует одеваться крестьянам в покорённых местностях.

Если считать, что полемика Тосара – своего рода ответ на вопросы времени, мы имеем полное право подтвердить сделанный в литературе вывод о том, что в «Послании» описывается положение дел эпохи Хосрова. Именно её важнейшие явления – подавление народной вольницы, упрочение сословной структуры и иерархии общества (в том числе – для знати и сановников), и перенос священных огней – фактически отражены в тексте источника. Нельзя, разумеется, отрицать возможность того, что «Послание Тосара» было первоначально создано в эпоху Ардашира I, а затем переработано. Но даже если исходить из этого, следует заключить, что в результате этой переработки появился новый документ, отражавший иные, чем прежде, реалии.

«Послание Тосара» имеет немало общего с так называемым «Заветом Ардашира», который дошёл до нас в нескольких арабских версиях[614]. Наиболее показательны в этом отношении следующие фрагменты текста:

«Знайте, что царская власть и вероучение – братья-близнецы, которые не могут устоять друг без друга. Ведь вероучение – основа царской власти, а царская власть – страж вероучения. Царской власти не обойтись без основы, а вероучению – без стража, ибо то, что лишено стража, погибает, а то, у чего нет основы, разрушается.

Больше всего опасаюсь я за вас, что обойдёт вас чернь в изучении и толковании вероучения и суждении о нём. Упование на могущество царя влечёт вас к тому, чтобы презирать её

[614] Критическое издание этого текста осуществил на основе сравнительного изучения различных версий М. Гриньяски [Grignaschi M., 1966. P. 46–90]. Приводимый далее перевод выполнен по этому изданию.

(чернь. – *Д. М.*). [Тогда] появляются в [лоне] вероучения скрытые вожди (*ri'āsāt mustatirāt*) из людей низкого звания, простонародья и людей низших сословий, которых вы презирали, угнетали, делали обездоленными и унижали. Знайте, что в одном царстве не могут существовать скрытый духовный вождь и явный вождь, облечённый царской властью, ибо духовный вождь отнимет у вождя, имеющего царскую власть, то, чем тот обладает. Ведь вероучение – основа, а царская власть – столп, и тот, кто владеет основой, имеет больше прав на всё построение, нежели тот, кто владеет столпом […]

Знайте, что власть ваша – над телами подданных, но нет у царей власти над душами. И знайте, что, если вы и установили власть вашу над руками людей, то не возобладаете над умами их. Знайте, что отверженный (*maḥrūm*) мудрец поднимет на вас язык свой, а он – острее двух мечей. И самое опасное в том, что исходит от языка его, – его измышления о вероучении. Через вероучение доказывает он [мнение своё], за вероучение явно изливает гнев свой, оплакивает вероучение и к нему призывает. Затем устремляются к нему первому те из вас, кто хочет следовать за ним, считает его слова верными, помогает ему советом и готов разделить ношу его. Ведь ненависть людей направлена против царей, а милость и любовь их – на людей слабых и подневольных. Были до нас цари, которые прибегали к хитростям по отношению к мыслителям[615], которые они подозревали в порочности. Но мудрецу ни к чему проявление доброты ради блага его, ибо сделал он разум свой безжизненным и разрушенным[616]. Они же прибегали к хитростям против тех, кто, используя вероучение, стремился нанести удар по царям, и называли их носителями вредоносных нововведений. Таким образом, вероучение приводило их к гибели и избавляло от них царей. Не следует царю признавать за отправителями культа и праведниками, что они – первее в вероучении, более усердны[617] и ревностны в нём, нежели он. Не следует давать праведникам заниматься делами благочестия и вероучения, не руководя ими.

---

[615] Буквально – «умам» (*'uqūl*), но контекст фразы говорит в пользу перевода, предложенного в тексте.

[616] Т.е. «невосприимчивым к добру».

[617] По всей вероятности, أحدب عليه, а не أخدب عليه, как в тексте М. Гриньяски.

Ведь выход праведников из подчинения – позор для царей и царства и прореха, которую определённо считают вредом и для царя, и для тех, кто придёт после него.

Знайте, что, если правитель обращается к людям, не входящим в число его друзей, или приближает к себе людей, не относящихся к его сподвижникам[618], это открывает перед ним путь к получению известий, знание которых было [прежде] скрыто от него. И сказано:

“Если не будет правитель доверять людям, на которых [прежде] не полагался, покроет его тьма неведения”.

И сказано также:

“Самое страшное, что есть – простонародье, самое верное – сподвижники[619]”.

Знайте, что напасть может прийти на государство ваше двумя путями. Первый состоит в том, что враждующие с вами народы возобладают [над ним[620]], второй – в упадке вероучения вашего. И то, что вам дороже всего, будет защищено от народов, а вероучение ваше – сохранено от того, чтобы возобладали над ним [иные] вероучения, пока возвеличиваемы в нём правители. Возвеличение их – не в том, чтобы оставлять слова их, почитание их – не в том, чтобы отступать от них, а любовь к ним – не в том, чтобы [без разбора] любить всё, что они любят. Напротив, возвеличивание их состоит в почитании их вероучения и разума, почтении к месту их при Господе Достославном, а любовь к ним – в любви к их правильным действиям, повествовании того, что есть правда о них. Знайте, что нет пути к тому, чтобы быть возвеличиваемым, кроме как через праведное правление, а начало его – в том, что правитель открывает перед подданными два пути. Один из них – путь мягкости, сострадания, милости, участия, щедрости, жалости, любезности, сочувствия, человечности, радости, прощения, удовлетворения и удовольствия, другой – путь грубости, жестокости, суровости, страха, требовательности, скупости, отчуждённости, изгнания, противодействия, угрюмости, запрета, стеснения и унижения –

---

[618] Букв.: «визирями». О слове «визирь» в значении «сподвижник» см. выше.

[619] Здесь слово «визири» (*wuzarā’*) опять переводится как «сподвижники».

[620] Т.е. над государством.

вплоть до казни. Не стал я называть эти пути путём милости и путём насилия. Напротив, назвал я их двумя путями милости. Знайте, что открытие пути принуждения, хотя бы и был при этом путь радости, очень близко к закрытию его (пути радости. – *Д. М.*), и не должен никто увлекаться им (принуждением. – *Д. М.*). И знайте, что среди черни есть поветрия, преобладающие над [верным] суждением (*ra'y*), тяжкие грехи по отношению к вероучению, подлость и ненависть по отношению к лучшим людям, [проявляющаяся] во враждебности и зависти; всё это делает необходимым сочетать путь грубости с путём милости, а путь казни – с путём дарования жизни. Знайте, что правитель может испортить некоторых подданных, заботясь об их благе, может проявить к ним грубость от большой милости, а может казнить, заботясь об их жизни. Знайте, что, если будете вы бороться с врагами из народов прежде чем станете бороться за устои в душах подданных, это приведёт не к сохранению, но к потере – ведь как воевать с врагом, если в душах разлад, а в руках – взаимная вражда? […]

Знайте, что государство начинает разваливаться с того, что подданным дают заниматься не теми делами, в которых они разбираются. А если появляется у них свободное время, начинают они смотреть на положение вещей и размышлять над основами. А если начнут они смотреть [на положение вещей], то будут делать это по-разному, и мнения (*maḏāhib*) их будут различны. Из различия их мнений произойдут взаимная вражда и злоба, однако они, тем не менее, будут едины в ненависти к царям. Ведь каждый разряд их желает царю зла, потому что у него царская власть. И не найдут они пути более верного, пригодного для следования, недоступного [для недругов] и имеющего большее влияние на людей, чем вероучение. Из-за их взаимной вражды царь [более] не может сплотить их в едином стремлении. Если кто-либо из них обособится, он сделается врагом остальным. Из враждебности их возникает многочисленность; ведь простонародью свойственно объединяться для того, чтобы отягощать жизнь правителям и противоборствовать с ними, ибо есть среди подданных люди обездоленные, битые, те, кого и чьих близких обвиняют и неустанно преследуют, обделённые, пострадавшие от мощи царя, низкие душой и по природе своей. Все они стремятся последовать за врагами царя. От их многочисленности происходит то, что царь боится затрагивать их;

ведь, затрагивая их, он подвергает опасности и свою царскую власть, и себя. А боязнь царя исправить народ влечёт за собой потерю границ, за которыми живут приверженные вероучению и сильные народы. Ведь если царь закроет границу, поставив на неё вельмож, которые дают ему добрые советы, он останется наедине с простонародьем – враждебным [ему], исполненным зависти и неприязни. Если же начнёт он их уговаривать, перестанут они упражняться, готовясь к войне, укрепляться вооружением и изучать [военные] хитрости – при том, что [появится] у них ненависть. Но при этом будут они ему сильнейшим противником, наиболее близким к победе и наиболее способным одержать её. И так будет продолжаться и далее, если упустит он начало.

Те, кто придёт после меня, увидят, что подданные разделены на четыре разряда – люди религии, войны, предпринимательства и служения. Один разряд их – воины (*asāwira*), другой – отправители культа, праведники и смотрители святилищ огня, третий – писцы, звездочёты и врачи, четвёртый – ремесленники, торговцы и земледельцы. И [пусть] телесному здоровью своему не уделяет он столько внимания, сколько поддержанию такого положения дел и разысканию того, что влияет на это извне. Ничто не вызывает отстранения царя от власти так быстро, как занятие одним из этих разрядов того места, которое ему не пристало, ибо отступление людей от их мест [в общественном устройстве] вскоре приводит к потере царём царской власти, будь он (царь. – *Д. М.*) свергнут или убит. И нет для царской власти ничего более страшного чем то, что голова занимает место хвоста, а хвост – место головы, занятые [делом] руки становятся праздными, человек благородный терпит бедствие, а человек подлый и низкий радуется. И от отхода людей от положения своего происходит то, что каждый начинает искать для себя более высокое и достойное место. [Но], если он достигает его[621], вскоре он увидит место ещё более высокое по сравнению с тем, которое он занял, возжелает его и станет бороться за него. Вы же знаете, что среди подданных есть [различные] сообщества (*aqwām*). [Некоторые] по положению своему ближе всего к царям. И вот, те, кто в государстве занимает

[621] По всей вероятности, слова *ʻan-hā*, отсутствующие в одной из рукописей но включённые в текст М. Гриньяски, излишни.

места, следующие за местами царей, и подобные таковым стремятся к тому, чтобы люди оставили места свои. Это – зародыш гибели царской власти.

Тот, кто застанет подданных в том положении, когда потеряно уже начало дел их[622], когда есть в их среде различия в вероучении и в местах [в общественном устройстве], и разрушено уже [прежнее] положение, но может он противостоять им численностью [своих сподвижников], пусть, [укрепившись] силой своей, состязается числом [сторонников] с их слабостью и возьмёт их за горло прежде чем они возьмут за горло его. И да не скажет он “Боюсь я умножить произвол”, ибо произвола боится тот, кто опасается, что грех произвола ляжет на душу его. Но если произвол по отношению к одним подданным даёт другим выгоду, а царю и тем из подданных, кто остаётся с ним – отдохновение от злобы, порока и развала, то пусть прибегнет он (царь. – *Д. М.*) к этому (произволу. – *Д. М.*) скорее чем к чему-либо иному. Ведь не он (царь. – *Д. М.*) и не те, кто заодно с ним, вызывает произвол, а враг его.

Если же кто-либо увидит, что подданные творят недостойные дела, но не найдёт в себе силы исправить их, то пусть сложит он с себя царскую власть скорее чем снимет полную вшей рубаху. И пусть постигнет его погибель, если [суждено] ей нагрянуть, но не будут ни говорить о нём как о человеке злосчастном, ни указывать на него с близкого расстояния, ни позорить его, и сохранит он то, чем владеет […]

Из того, что сбивает подданных с верного пути – распространение [известий] о том, кто станет наследником престола. Это сбивает с верного пути потому, что появляется острая вражда между царём и престолонаследником. Никто не враждует так, как те, из которых каждый стремится не дать другому претворить в жизнь его устремления. Таковы царь и его престолонаследник. Тот из них, кто стоит выше, не рад дать тому, кто стоит ниже, претворить в жизнь его стремление к возвышению, а тот, кто стоит ниже, не рад дать тому, кто стоит выше, претворить в жизнь его стремление остаться [на месте]. И, когда радость одного из них состоит в том, чтобы избавиться от другого, они отдаляются друг от друга в трапезах и питье. Когда же они высказывают свои подозрения, каждый из них окружает

---

[622] Т.е. дела начали развиваться в нежелательном направлении.

себя друзьями, сподвижниками и [верными] людьми. Затем каждый из них начинает опасаться сподвижников другого. Затем дело доходит до смерти одного из них, ибо невозможно ему избежать кончины, и дела[623] переходят к другому. И он гневается на некоторых людей, считая, что его будут ненавидеть, если только он не отстранит их, не унизит и не низвергнет на них то, что они хотели низвергнуть на него. Если он заручится благосклонностью одних подданных и вызовет таким образом гнев других, из этого возникнут злоба и недовольство подданных, и произойдёт нечто[624] из того, что, как опасаюсь я, может случиться с вами после меня. Но, напротив, пусть посмотрит правитель из вас на Господа, на подданных и на себя самого. Затем пусть изберёт он наследника престола, который займёт его место после него, а потом пусть напишет его имя в четырёх грамотах и оставит их на хранение четырём из лучших людей державы. А далее пусть не исходит от него ни явно, ни тайно, ничего что указало бы на наследника престола. Он (царь. – *Д. М.*) не должен ни приближать его (престолонаследника. – *Д. М.*), по чему можно было бы узнать его, ни отдалять, ибо будут подозревать [что наследник престола – он]. Пусть опасается он (царь. – *Д. М.*) [указать на престолонаследника] взглядом или словом. Когда же умрёт он, соберут грамоты, которые у [этих] четверых, вместе с грамотой, которая [была] у царя, и распечатают их, а затем огласят имя, написанное в них. И, если он (наследник престола. – *Д. М.*) принимает власть совсем юным, он делает это в качестве царевича (*sawqa*). Он облекается царской властью, если [действительно] облекается, а подданные (*sūqa*) смотрят, слушают и видят [то, что происходит]..» [Grignaschi M., 1966. P. 49–58].

Даже при беглом прочтении этого текста бросается в глаза его очевидное сходство с «Посланием Тосара», особенно заметное там, где речь идёт о престолонаследнике. Оба текста явно восходят к общему источнику и, судя по общей направленности, ко времени Хосрова. Внимание авторов сосредоточено не на объединении страны, а на общественном устройстве. Как и псевдо-Тосар, автор «Завета» последовательно выступает за сохранение сословных различий, отвергая любое преодоление их, в чём

---

[623] Т.е. власть.

[624] Видимо, следует читать не بغض, как в тексте М. Гриньяски, а بعض.

видит зародыш крушения державы. Представители сословий должны, согласно «Завету», заниматься только свойственными им делами и не пытаться изменить это положение вещей. Одновременно в «Завете» звучит и другой мотив – стремление царя не допустить появления независимого религиозного мыслителя, способного собрать вокруг себя недовольных.

Таким образом, во времена Хосрова были созданы самое меньшее два текста, которые, будучи своего рода «подделками под старину», подкрепляли его идеи и действия авторитетом основателя державы. При всей схожести текстов трудно представить себе, чтобы они были произведением какого-либо частного любителя старины: вряд ли нашёлся бы человек, личный интерес которого состоял в том, чтобы таким образом отстаивать правомерность действий Хосрова. Вероятнее, что оба текста были созданы по поручению Хосрова.

Этот вывод заслуживает отдельного осмысления. С позиций сегодняшнего дня в действиях Хосрова можно видеть своего рода пропаганду, нацеленную на укоренение в обществе нужных царю идей и представлений. В пользу этого говорит системность действий: было создано как минимум два фальсификата. Но считать так было бы недопустимым упрощением. Авторы процитированных текстов обосновывают то, что Хосров подавил народную вольницу, преследовал отдельных представителей знати и добивался единомыслия в религии. В таком обосновании Хосров более всего нуждался в начале своего правления, когда эти действия были ещё актуальны и свежи в памяти людей. Но в обоих текстах присутствует и обоснование того, почему царь не объявляет наследника престола. Этот вопрос не мог, конечно, стоять в начале правления Хосрова, но по понятным причинам делался всё более актуальным к концу его. Тем самым, датировка создания текстов тем вероятнее, чем ближе она к окончанию царствования Хосрова. В связи с этим наиболее вероятным, хотя и гипотетическим, объяснением создания рассматриваемых текстов кажется следующее. Недовольство царём подспудно бытовало среди знати на всём протяжении правления Хосрова. Как показано выше, это недовольство проявилось и в самом конце его царствования, во время похода 576 г. против Византии. Видимо, знать недоумевала и по поводу отсутствия – по крайней мере, видимого – наследника престола, а возможно – и осуждала царя в связи с этим. Не исключено, что кто-то припоминал Хосрову

прошлые деяния – например, репрессии или перенос священных огней, оправдание чего мы находим в текстах. Видимо, «Послание» и «Завет Ардашира» были своего рода ответом на эти глухие упрёки, обоснованием всех действий Хосрова начиная с его прихода к власти.

В свете этой гипотезы можно объяснить и явно вымышленный сюжет «Послания Тосара». Рассказ Ибн Исфандияра о Гушнаспе заканчивается тем, что последний подчинился Ардаширу и пошёл к нему на службу, за что получил в удел свои прежние владения [Тарих-и-Табаристан, 1941/1942. С. 41]. В самом тексте «Послания» мы видим, что «Ардашир» присваивает титулы царей представителям местных династий пограничных областей. Опять-таки, именно так поступал Хосров, который сделал «царями» правителей Кавказа и Йемена (см. главу 3). В этом отношении небесполезно обратиться к ещё одному сохранившемуся в мусульманской литературе тексту – перечню «царей, которых Ардашир нарёк шахами» у Ибн Хордадбеха [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17–18]. Как и «Послание Тосара», это текст кажется сделанной во времена Хосрова переработкой более ранних материалов. Среди шахов первым упоминается «великий царь кушан» (*buzurǧ kūšān-šāh*), а этот титул носили сасанидские *шахрдар*-ы в III–IV вв. Но далее в числе шахов мы обнаруживаем правителей Ширвана[625] и Йемена[626]. Упоминание о них показывает, что перечень восходит ко времени не ранее окончания правления Хосрова, а скорее всего – именно к тому периоду. Вместе с тем, упоминание о царе Йемена показывает, что в список шахов входят не только сасанидские *шахрдар*-ы, но и местные правители. Таким образом, в конце правления Хосров легитимировал именем основателя ди-

---

[625] В тексте – *šīryān-šāh*, что должно быть вариантом передачи *širwān-šāh*.

[626] *Yamān-šāh*. С правильностью отождествления этой формы с Йеменом можно было бы поспорить, т.к. он назывался у персов Хамаваран (Химьяр), но в тексте издания со ссылкой на одну из рукописей дана глосса: царь Самдара, а это – Йемен [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17]. М. Я. Де Гуйе сближал форму سمدار (*Samdār*) с سمدان (*Samadān*), как у Якута называется одна из крепостей Йемена [Yāqūt…, 1957. T. III, P. 246]. Но возможна и аналогия с *Samalān*, как в трактате «Города Ирана» предположительно именуются Йемен [Nyberg H. S., 1964. P. 116–117].

настии и свою политику привлечения местной знати. Возможно, он нуждался в этом потому, что знатные роды – прежде всего, парфянские – были недовольны возвышением местных династий, представители которых получали высокие титулы. Если так, то и в этом отношении «Послание» стало ответом Хосрова на недовольство знати.

Хосров и христиане Сасанидской державы

В правление Кавада христиане Сасанидской державы, прежде всего несториане, пользовались религиозной свободой, а предстоятели церкви – покровительством при дворе. Это покровительство играло теперь важнейшую роль во внутренней жизни христианских общин. После смерти Силы, последовавшей, судя по видимости, в июне 521 г.[627], в несторианской церкви начался раскол, который, судя по источникам, был вызван не богословскими спорами, а личным соперничеством двух претендентов на престол католикоса. Сила видел своим преемником Елисея, который судя по всему, не тождествен с Елисеем из Нисибина, составившим для Кавада изложение несторианского вероучения. Елисей-преемник Силы в прежние годы ездил в Византию, где изучал медицину, а затем жил в Ктесифоне. Знание медицины снискало ему расположение царя и сановников. Сила выдал за него замуж дочь, а за некоторое время до смерти назначил своим преемником. Кроме того, у Елисея был влиятельный сторонник при дворе – врач Бирой[628]. Тем не менее, после смерти Силы часть епископов провозгласила католикосом его бывшего писца Нарсе. На их стороне выступил епископ Хузестана Бозаг[629], который тоже был врачом и

---

[627] Об этой дате см. прим. 280, 630.

[628] Это написание (в арабской графике بيروي) встречается у Мари Ибн Сулаймана [Maris…, 1899. P. 49]. В «Сиирткой хронике» имя врача пишется как بيرون (*Bīrūn*) [Histoire…, 1950. P. 149, 151]. Но это последнее слово по-персидски значит «вне» и потому вряд ли может быть личным именем.

[629] Имя этого человека Мари Ибн Сулайман и Амр Ибн Маттай пишут как يوزق (*Yūzaq*) [Maris…, 1899. P. 47, 49; Maris…, 1906. P. 37]. В «Сиирткой хронике» в одном и том же фрагменте встречаются два написания – بودح (*Būdaḥ*) и بوزخ (*Būzaḫ*) [Histoire…, 1950. P. 148]. Это показывает, что имя епископа оканчивалось на *ag* (вместо ح или خ

пользовался расположением Кавада, потому что на каком-то этапе излечил его (по другим сведениям – его дочь или жену) от тяжёлой болезни [Maris…, 1899. P. 47, 49; Maris…, 1906. P. 37]. Бозаг направился к Хосрову за утверждением избрания нового католикоса, однако сторонники Елисея объявили предстоятелем его.

Так начался раскол. Оба католикоса назначали своих епископов; доходило до того, что в одной и той же церкви было по два священника и по два алтаря. При этом обе стороны активно использовали связи при дворе. Легитимации Елисея сильно мешало то, что он был провозглашён католикосом не в соборной церкви Селевкии. Бирой, раздав немалые дары сановникам Хосрова, добился издания царского указа, по которому Елисею позволялось занять эту церковь. Позднее Елисей смог устроить так, чтобы по царскому указу Нарсе и многие его сторонники были брошены в темницу. Нарсе, однако, смог освободиться с помощью некоего царевича, не называемого в источниках по имени. Дело зашло в тупик. Нарсе умер, однако многие епископы по-прежнему не признавали Елисея католикосом[630].

следует читать ج, *дж*, как могло передаваться персидское *г*). Вместе с тем, представляется вероятным, что этот человек тождествен с епископом, имя которого на сирийском языке пишется как *Bōzaq* [Synodicon…, 1902. P. 73, 75, 324, 327]. Если так, правильнее всего читать *Бозаг*. Однако, вопрос ещё далёк от окончательного решения, так как непонятно, почему среднеперсидское имя с окончанием *аг* образовано от второй основы глагола *bōḫtan* – *bōz*, а не от первой – *bōḫt*. Не исключено, что ошибка вкралась в сирийский текст, и следует читать не ܒܘܙܩ (*Bōzaq*), а ܒܘܕܩ (*Būdag*).

[630] Предложенное выше изложение событий основано на сравнительном анализе ряда источников [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 81–82; Maris…, 1899. P. 49; Maris…, 1906. P. 37–39; Eliae..., 1910. P. 50; Histoire…, 1950. P. 147–152]. Хронология восстанавливается так. Смерть Силы должна была прийтись на вторую половину 520 г. или первую половину 521 г. Но известно, что противостояние епископов продолжалось с июня по апрель, причём в апреле католикосом был объявлен Елисей [Maris…, 1906. P. 37; Histoire…, 1950. P. 149]. Следовательно, Сила должен был скончаться в июне 521 г. Далее, однако, расчёты затруднены неясностью источников. В некоторых из них мы читаем, что раскол продолжался двенадцать лет (или – что Нарсе оставался католикосом двенадцать лет), до шестого года правления Хосрова [Maris…, 1906. P. 37; Eliae..., 1910. P. 50;

В этой обстановке Хосров прямо вмешался в дела церкви. Согласно «Сиртской хронике», Бирой просил его утвердить Елисея на престоле католикоса. Однако Хосров приказал епископам сместить Елисея и провозгласить католикосом Павла, митрополита Гундишапура и преемника Бозага [Maris…, 1906. P. 39; Histoire…, 150. P. 152]. В некоторых источниках мы читаем, что епископы действительно избрали католикосом Павла [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 89–90; Maris…, 1899. P. 49; Maris…, 1906. P. 39]. Если сопоставить эти утверждения, можно заключить, что епископы таким образом выполнили волю Хосрова.

В источниках не раз отмечается, что Павел пользовался расположением Хосрова. Согласно ряду сообщений, на третьем году своего правления[631] Хосров с войском двинулся в какой-то

Histoire…, 1950. P. 152] или пятнадцать лет [Maris…, 1899. P. 49]. Шестой год царствования Хосрова охватывает период с 15 июля 536 г. по 14 июля 537 г. [Parise F., 2002. P. 101]. Видимо, двенадцать лет, о которых говорится в источниках – время служения Нарсе; после его смерти Елисея всё равно не признавали католикосом в течение трёх лет. Тем самым, хронология рассматриваемых событий должна быть такова:

Приблизительно июнь 521 г. – смерть Силы.

Июнь 521 г. – провозглашение католикосом Нарсе.

Апрель 522 г. – провозглашение католикосом Елисея.

Приблизительно июнь 533 г. – смерть Нарсе.

Если так, раскол в церкви должен был закончиться в середине 536 г., т.е. в самом начале шестого года правления Хосрова. Между тем, следующий католикос, Павел, занимал престол два месяца или, по другим сведениям, год, и умер в Вербное воскресенье шестого года правления Хосрова [Maris…, 1899. P. 49; Maris…, 1906. P. 39; Eliae..., 1910. P. 50; Histoire…, 1950. P. 152–153]. Эта дата должна соответствовать 5 апреля 537 г. Поскольку в большинстве источников время служения Павла оценивается именно в два месяца, можно заключить, что он стал католикосом в начале февраля 537 г. Мы видим, следовательно, разрыв более чем в полгода (от середины 536 до февраля 537 г.). Объяснить его трудно; видимо, в изложенных выше расчётах следует допускать погрешность в несколько месяцев.

[631] Третий год правления Хосрова приходится на период с 16 июля 533 г. по 15 июля 534 г. [Parise F., 2002. P. 101]. О каком именно походе идёт речь, сказать трудно. Вероятно, речь идёт об одном из тех походов на границы сасанидских владений, которые Хосров предпринял в самом начале царствования (см. главу 3).

поход. Павел снабжал войско водой, причём за собственный счёт предоставил необходимых для этого вьючных животных [Maris…, 1899. P. 49; Maris…, 1906. P. 39; Histoire…, 150. P. 153].

Оценка этого шага Хосрова неоднозначна. Прежде, насколько можно судить по сохранившимся данным, царь утверждал представленного ему кандидата; здесь же Хосров фактически самостоятельно, по собственному выбору, назначил предстоятелем церкви человека, которого желал отблагодарить. Но то, что тогда сделал Хосров, не стало системой. В избрании следующего католикоса, Мар Авы[632], роль царя не просматривается.

---

[632] Хронология служения Мар Авы определяется так. Согласно Илии Нисибисскому, Мар Ава был католикосом пятнадцать лет и умер в 863 году селевкидской эры [Eliae…, 1910. P. 51]. На 863 г. селевкидской эры относит смерть Мар Авы и Амр Ибн Маттай, который указывает также, что в то время шёл двадцать первый год правления Хосрова I, а служение католикоса продолжалось шестнадцать, а не пятнадцать, лет; в последнем с ним согласен Мари Ибн Сулайман [Maris…, 1899. P. 52; Maris…, 1906. P. 41]. В «Сиртской хронике» смерть Мар Авы датируется двадцать первым годом правления Хосрова I и 863 годом селевкидской эры [Histoire…, 1950. P. 170]. Двадцать первый год правления Хосрова длился с 12 июля 551 по 10 июля 552 г. [Parise…, 2002. P. 101], а 863 год селевкидской эры – с 1 сентября 551 по 31 августа 552 г. Если предполагать, что Мар Ава был избран католикосом вскоре после смерти Павла, т.е. в апреле 537 г., его служение должно было продолжаться пятнадцать лет (как у Илии Нисибисского), а не шестнадцать и закончиться в апреле 552 г. Между тем, житие Мар Авы гласит, что он скончался в пятницу второй недели поста [Histoire…, 1896. P. 270]. Согласно Амру Ибн Маттаю, смерть Мар Авы пришлась на вторую пятницу поста [Maris…, 1906. P. 41], а по словам Мари Ибн Сулаймана – на третью [Maris…, 1899. P. 52]. К сожалению, ни один из этих источников не содержит указания на то, о каком посте идёт речь. В то же время мы знаем, что Мар Ава скончался прежде мая 552, так как его преемник Иосиф был избран католикосом именно в это время [Synodicon…, 1902. P. 96, 353]. Это порождает ряд вопросов, так как для 552 г. речь может идти только о посте перед Пасхой (31 марта), вторая пятница которого должна была прийтись на 1 марта. Тем самым, мы должны допустить, что в период с марта по май 552 г. престол католикоса оставался незанятым. Вместе с тем, путешественники XIX в. сообщали, что у

О Мар Аве и его времени известно из многих источников. Важнейшее место среди них занимает житие католикоса, из которого мы черпаем много информации как о нём самом, так и о его отношениях с Хосровом. Обращают на себя внимание уже первые детали, которые мы узнаём о Мар Аве. Смолоду он был ревностным зороастрийцем и состоял на царской службе, занимая, согласно житию, должность *арзбад*-а[633]. Затем, однако, Мар Ава стал христианином, уехал в Византию, пробыл некоторое время в Константинополе и Антиохии, а позже вернулся в сасанидские владения [Histoire…, 1896. P. 210–223].

Для зороастрийцев Мар Ава был грешником-ренегатом[634]. Мобеды и знать резко выступали против него. Особенно усерд-

---

несториан Ирака был пятидесятидневный пост перед Пятидесятницей [Perkins J., 1843. P. 253; The Nestorians…, 1848. P. 123–124]. Его отождествление с постом, о котором говорят источники, представляется крайне заманчивым, так как в этом случае вторая пятница приходится на 12 апреля, и получается, что Мар Ава пребывал на престоле католикоса практически ровно 15 лет, как утверждает Илия Нисибисский. Однако этот пост перед Пятядесятницей не упоминается в более ранних источниках. Поэтому вопрос о дате смерти Мар Авы остаётся открытым; с уверенностью можно говорить лишь о времени с февраля по май 552 г.

[633] Слово *arzbad* буквально означает «заведующий *arz* («достоинство», «цена», «мера уважения»)». В IV в., при Шапуре II, *арзбад*-ом был главный евнух царя Гушт-Азад [S. Simeon Bar Sabba‘e, 1907. Col. 831]. Должность *арзбад*-а, следовательно, была административной (а не, например, военной) и предполагала службу во дворце. Возможно, *арзбад* ведал тем, кто и какое место занимал при дворе и на какие почести и привилегии имел право. То, что такую должность мог занимать евнух, объяснимо: иерархия была и среди жён царя, евнухов и т.п.

[634] Как и в некоторых других религиях, в зороастризме вероотступничество считалось тягчайшим грехом; за него полагалась смертная казнь. Это иллюстрирует следующий текст: «Тот, кто отходит от закона [вероучения], которого он придерживается, прочь, к другому закону – грешник, заслуживающий смерти, оттого что он навсегда оставляет закон лучшего вероучения, постоянно совершает то, что [есть установление] дурного закона [вероучения], ибо принял худший закон [вероучения]; потому [такие люди суть] навсегда грешники, заслуживающие смерти» (*kī az dād zī-š andar estēd bē ō dād didīgar rawēd margarzān īn rād ku dād wēhdēnīn be hamāg hilēd če dād-i-*

ствовал верховный мобед Дад-Хормузд, который перед Хосровом обвинил Мар Аву в том, что тот не почитает царя и не содействует ему в укреплении государства, но выступает против зороастризма и обращает в христианскую веру его приверженцев, а кроме того – поддерживает императора ромеев и врагов Сасанидской державы [Histoire…, 1896. P. 226]. В этой связи очень интересна позиция Хосрова. Во времена Шапура II такие обвинения, тем более исходящие от верховного мобеда, могли побудить царя начать широкомасштабные преследования. Но Хосров не принял этих обвинений, за что автор жития отзывается о нём с похвалой [Histoire…, 1896. P. 227]. В дальнейшем вельможи-зороастрийцы и верховный мобед продолжали выступать против Мар Авы. Хосров дал понять, что дело следует решить посредством суда. Но и несмотря на враждебность зороастрийских судей Мар Ава не был казнён. Ему пришлось провести в ссылке семь лет, хотя и оттуда он руководил церковью [Histoire…, 1896. P. 232–248]. Мобеды и зороастрийская знать преследовали Мар Аву и далее, но им так и не удалось добиться его казни. Однажды Хосров прямо приказал не казнить католикоса [Histoire…, 1896. P. 257].

Между тем, во времена Мар Авы произошло событие, которое не могло не вызвать преследований христиан – мятеж сына Хосрова по имени Анушзад. Об этом событии подробно рассказывает Прокопий Кесарийский в истории войн с готами. Согласно Прокопию, сын Хосрова по имени Анасозад (Анушзад) провинился тем, что сожительствовал с жёнами отца, и был отправлен в ссылку в Белапатон (Бет-Лапат, т.е. Гундишапур). Через какое-то время Хосров заболел. Узнав об этом, Анушзад поднял мятеж в городе, в котором жил (очевидно – в Гундишапуре). Хосров направил против него войско Фавриза (Вехриза). Тот победил Анушзада в бою, взял его в плен и привёл к Хосрову [Procopius, 1962. P. 144–149]. Эти события, как

---

wad hamāg kunēd dād-i-wadtar griftan rād īn rād margarzān hamāg bawēd) [The Pahlavi Rivāyat…, 1990. P. 276]. О том, что такие нормы применялись на практике, свидетельствует рассказ Феофилакта Симокатты о христианской мученице Голиндухе (конец VI в.): «Он (муж Голиндухи, бывший зороастрийцем. – *Д. М.*) угрожал, что карой ей (Голиндухе. – *Д. М.*) будет смерть, как положено у персов поступать с теми, кто отринет утверждения магов» [Theophylacti…, 1834. P. 228].

считает Прокопий, происходили приблизительно одновременно с походами Хориана и Наведа в Закавказье и незадолго до истечения пятого года перемирия. На основании их анализа (см. главу 3) можно заключить, что мятеж Анушзада следует датировать 550 г.

Если судить только по известиям Прокопия, христиане не имели к мятежу Анушзада никакого отношения. Но в других источниках картина событий выглядит по-иному. Согласно житию Мар Авы, мятеж был вызван происками Сатаны и подстрекательствами язычников. Приблизительно то же самое мы читаем и в более поздних церковных историях. Вместе с тем, в житии Мар Авы обнаруживается фрагмент, в котором Хосров через посланцев обвиняет Мар Аву в том, что его единоверцы восстали против зороастрийцев [Histoire…, 1896. P. 264; Maris..., 1899. P. 50–51; Histoire…, 1950. P. 162–163]. Это находит параллели в некоторых произведениях мусульманских историков, основывавшихся на персидских традициях. Согласно им, Анушзад был сыном христианки (в «Собрании историй и рассказов» особо отмечается: из Византии), которая сохранила свою веру и воспитала в ней сына. Разгневавшись на Анушзада за приверженность христианскому вероучению, Хосров отослал его в Гундишапур. Через какое-то время Анушзаду сообщили, что Хосров умер во время очередного похода. Анушзад поднял мятеж в Хузестане, причём к нему присоединились христиане. Фирдоуси даже рассказывает, что Анушзад написал византийскому императору письмо, в котором именовал его единоверцем и призывал на помощь. Однако против Анушзада были посланы войска, которые нанесли ему поражение. Анушзад погиб в бою или был взят в плен[635].

Вероятно, мусульманские историки, следуя за своими источниками, представляют эти события так, как их воспринимали Хосров и аристократия. Поэтому такие сообщения заслужи-

---

[635] Так, с небольшими различиями, выглядит повествование об этих событиях у ад-Динавари [Ал-Ахбар…, 1960. С. 69–70], в *Шах-намэ* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2353–2366] и «Собрании историй и рассказов» [Muǧmal…, 2000. S. 61]. Ибн ал-Асир пересказывает тот же сюжет, однако считает Анушзада не христианином, а *зиндик*-ом [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 338], что, однако, противоречит данным остальных авторов и, очевидно, неверно.

вают критического осмысления. Но полностью отрицать участие христиан в мятеже не приходится. В житии Мар Авы сообщается, что Хосров поручил ему написать хузестанским христианам, призвать их сдаться и сообщить, что сопротивляющиеся будут считаться бунтовщиками. Католикос согласился. В дальнейшем Хосров послал его в Хузестан, где Мар Ава спас многих христиан, которых царские сановники и военачальники готовы были репрессировать [Histoire…, 1896. P. 266–269]. Положение, однако, было слишком тяжёлым. В церковных историях мы читаем, что Мар Аве пришлось собрать большую дань, но христиане всё равно подверглись гонениям [Maris..., 1899. P. 51; Histoire…, 1950. P. 163–164].

Через некоторое время, в первые месяцы 552 г., Мар Ава умер. Новым католикосом в мае того же года был провозглашён человек по имени Иосиф. О нём мы знаем, что бóльшую часть жизни он провёл в Византии, где изучал медицину. Затем он вернулся и явился ко двору наместника Нисибина, которого, согласно «Сиртской хронике», просил рассказать о нём Хосрову. Оказавшись таким образом при царском дворе, Иосиф излечил Хосрова от болезни. После смерти Мар Авы, Хосров предложил епископам избрать католикосом Иосифа; те согласились [Maris..., 1899. P. 53; Histoire…, 1950. P. 176].

Это событие трудно оценить однозначно. С одной стороны, очевидно, что Хосров вновь, как и в случае с Павлом, фактически назначил католикосом своего фаворита. Отметим, что Иосиф был не епископом, а лишь придворным врачом. С другой стороны, необязательно, чтобы Хосров навязал церкви свою волю. На тот момент христиане подвергались преследованиям по крайней мере в Хузестане; в них видели мятежников и, соответственно, врагов царя. Можно представить себе, что в этих условиях немногие были готовы занять освободившийся престол католикоса.

Время служения Иосифа было сложным. Новый католикос начал с реформ, затронувших, в частности, отношения церкви и государства. При нём в *канун*-е втором 865 г. селевкидской эры (январь 554 г.) прошёл собор, на котором было принято двадцать три канона. Небезынтересно, что в трёх из них – третьем, двенадцатом и шестнадцатом – указывается на недопустимость прибегать к помощи властей для решения внутрицерковных вопросов [Synodicon…, 1902. P. 95–110, 352–367]. В то же время,

авторы церковных историй относятся к Иосифу с неприязнью и утверждают, что после первых трёх лет служения он переменился, стал проявлять деспотизм по отношению к епископам и позволять себе мздоимство; его упрекают даже в присвоении денег из царской казны [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 97–98; Maris…, 1899. P. 53; Maris…, 1906. P. 42; Eliae…, 1910. P. 51; Histoire…, 1950. P. 176–177]. Вероятно, Иосиф стремился упрочить свою власть над церковью, что вызвало недовольство епископов. Начался конфликт. Несмотря на положения канонов, Иосиф и его противники обращались за помощью к царю и его сановникам. Иосиф заручился поддержкой некоего фаворита Хосрова, который в «Сиирской хронике» именуется великим *марзбан*-ом[636], и с его помощью добился изгнания некоторых митрополитов и епископов. В свою очередь, противники Иосифа обратились к царю, прося рассудить их с католикосом, но Хосров отказался вмешиваться в церковные дела. Тогда противники Иосифа устроили собор, на котором отлучили его от церкви. Хосров, который тоже не во всём одобрял действия Иосифа, утвердил его смещение, однако запретил избирать нового католикоса до достижения согласия внутри церкви. Иосиф не признал решений собора и вплоть до самой смерти, наступившей через три года, продолжал борьбу. Его противники, памятуя волю царя, не решались избрать предстоятеля. Эта тупиковая ситуация разрешилась в конце концов только со смертью Иосифа[637].

---

[636] Имя его в «Сиирской хронике» пишется как رادان فروج – вероятно, искажённое زادان فروخ, Задан-Фаррох.

[637] Об этих событиях нам известно по многим источникам [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 97–98; Maris…, 1899. P. 53–54; Maris…, 1906. P. 42–43; Eliae…, 1910. P. 51–52; Histoire…, 1950. P. 176–182], однако хронология не вполне ясна. Согласно Илии Нисибисскому, собор, на котором Иосиф был отлучён от церкви, состоялся в месяце *шват* тридцать шестого года правления Хосрова, т.е. в феврале 567 г. Иосиф прожил после этого ещё около трёх лет, причём всё это время католикоса не было. Католикос Иезекииль (о нём см. ниже) занял престол на тридцать девятом году правления Хосрова (7 июля 569 – 6 июля 570) и умер на третьем году царствования Хормузда (4 июля 580 – 3 июля 581) [Eliae..., 1910. P. 52]. Напротив, в «Сиирской хронике» мы читаем, что в феврале тридцать шестого года правления Хосрова состоялось не только смещение Иосифа, но и избрание

Новый католикос Иезекииль был, судя по данным источников, во многом похож на своих предшественников. Известно, что он служил Хосрову ещё до избрания католикосом. Наиболее подробно об этом говорится в «Сиртской хронике», согласно которой Хосров посылал Иезекииля на Бахрейн и в Йемаму за жемчугом [Histoire…, 1950. P. 192]. Амру Ибн Маттай также сообщает, что

«… царь Хосров Ануширван был благосклонен к нему (Иезекиилю. – *Д. М.*), ибо однажды поручил ему трудное дело, и он возвратился с тем, что его (Хосрова. – *Д. М.*) обрадовало» [Maris…, 1906. P. 43].

Так, видимо, продолжалось и далее. Согласно источникам, Иезекииль сопровождал Хосрова в какой-то поездке в Мидию[638]. Во время похода Хосрова на Дару (573 г.) Иезекииль находился в свите царя, хотя неизвестно, проехал ли он далее Нисибина [Maris…, 1899. P. 54; Histoire…, 1950. P. 193–194]. Отношения царя и католикоса развивались без видимых проблем. В феврале 576 г. Иезекииль провёл церковный собор[639],

---

Иезекииля [Histoire…, 1950. P. 181], причём смерть последнего также относится к третьему году правления Хормузда [Histoire…, 1950. P. 195]. Данные о длительности служения Иезекииля противоречивы. Илия Нисибисский сообщает, что Иезекииль был предстоятелем девять лет, затем ослеп и после этого прожил ещё около двух лет [Eliae..., 1910. P. 52]. Мари Ибн Сулайман также пишет, что Иезекииль пребывал на престоле католикоса одиннадцать лет [Maris…, 1899. P. 54]. Напротив, Амр Ибн Маттай утверждает, что время служения Иезекииля составило двадцать лет [Maris…, 1906. P. 43]. В «Сиртской хронике» допускаются оба варианта: одиннадцать и двадцать лет [Histoire…, 1950. P. 195]. Сопоставляя эти сведения, мы находим между ними соответствие лишь в одном случае – если предположить, что Иезекииль стал католикосом в 569/570 г. (видимо – с начала 570 г.) и умер через одиннадцать лет, в 580/581 г. Именно такие сведения, как показано выше, сообщает Илия Нисибисский.

[638] По всей вероятности, речь идёт об обычном для сасанидских царей переселении в летнюю ставку (см. главу 1 части I).

[639] В *Synodicon orientale* этот собор датируется месяцем *шват* (февраль) сорок пятого года победы Хосрова [Synodicon…, 1902. P. 110]. Что имеется в виду под «победой Хосрова» – не сообщается, однако эта неясность восполняется с помощью «Сиртской хроники», согласно которой собор прошёл на сорок пятом году правления Хосрова [Histoire…, 1950. P. 193].

на котором было установлено тридцать девять новых канонов. В одном из них резко осуждаются действия тех христиан, которые, подвергаясь наказаниям в лоне церкви, искали защиты у язычников, т.е. у персов [Synodicon…, 1902. P. 127, 386]. Сравнивая это с канонами собора 554 г., мы можем заключить, что сближение государства и несторианской церкви происходило не только на высшем – царя и католикоса – уровне, но и на более низких ступенях иерархии общества.

До настоящего времени мы рассматривали отношения между Хосровом и предстоятелями несторианской церкви. Между тем, немаловажные наблюдения можно сделать и по дошедшим до нас сообщениям о других выдающихся христианах того времени. Наши источники здесь – мученичества Григория, Яздпанаха и Ширин. Первый из них был вельможей и происходил из рейских Михранов; до крещения он именовался Пиран-Гушнасп. История его в чём-то напоминает историю Мар Авы. Пиран-Гушнасп ещё при Каваде был наместником северных областей Сасанидской державы и ведал, в частности, охраной границ в Армении и Ивирии. После того, как Пиран-Гушнасп сделался христианином, Кавад сместил его и конфисковал его состояние. Хосров, придя к власти, вновь назначил Пиран-Гушнаспа на высокую должность и направил в ту же область. Однако люди, именуемые в тексте мученичества «воинами»[640], резко выступали против Григория, требуя расправы над ним. Уступив их требованиям, Хосров сместил Григория и приказал заточить его в темницу. Впоследствии его на какое-то время выпустили, затем вновь взяли под стражу. Знать, в том числе и Михраны, требовали казни Григория. Хосров сначала противился этому, но в конце концов отдал приказ о казни.

Из мученичества Григория мы узнаём и некоторые подробности, касающиеся несторианских общин в целом. Согласно источнику, до десятого года правления Хосрова (14 июля 540–13 июля 541 г. [Parise F., 2002. P. 101]) христиане пользовались религиозной свободой, могли беспрепятственно возводить церкви и монастыри. Более того, если зороастриец обучался основам христианского вероучения, запрещалось причинять ему вред.

---

[640] Очевидно, имеются в виду вельможи, принадлежавшие к сословию воинов-*артештар*-ов.

На десятом году правления Хосрова, однако, положение изменилось; прежняя терпимость сменилась гонениями. Многие епископы и верующие миряне направились ко двору, чтобы просить царя остановить преследования, но были взяты под стражу. Среди них называются, в частности, епископы Суз и земель, расположенных по течению Большого и Малого Заба. Тогда же был казнён и Григорий [Histoire…, 1896. P. 347–387].

О Яздпанахе мы знаем меньше. Он происходил из деревни, расположенной около Суз, на первых порах принадлежал к зороастрийцам и посещал их религиозное училище. Затем, однако, Яздпанах изменил свои воззрения и стал христианином. Попытки мобедов вернуть Яздпанаха в лоно зороастризма не имели успеха. Неназванный мобед распорядился бросить Яздпанаха в темницу, где он провёл пять лет. Затем, вскоре после гибели Григория, Яздпанах тоже был казнён [Histoire…, 1896. P. 394–413].

Сюжет мученичества Ширин развивается сходным образом. Она происходила из рода мобедов, жившего в Кархе з-Бет-Слох. Отец Ширин, мобед, делал всё, чтобы дочь его стала примерной зороастрийкой. Ей запрещалось общаться с местными женщинами, так как среди них было немало христианок. Взамен отец выписал для неё наставницу из Фарса. Но, достигнув восемнадцати лет, Ширин убедилась в правильности христианского вероучения и попросила епископа крестить её. Епископ, однако,

«… сказал, что не может этого сделать, чтобы по причине знатности рода и могущества зороастрийцев не навлечь на христиан бурю и опасность» [Passio…, 1685. P. 175].

Тем не менее, Ширин добилась крещения. Узнав об этом, её отец и местный *рад*[641] пытались уговорить её вернуться в зороастризм, но тщетно. По приказу *рад*-а Ширин бросили в тюрьму, а затем под стражей отправили к царскому двору. Там Ширин вновь пришлось выдержать диспуты с мобедами. В конце концов она была задушена 28 февраля 559 г. [Passio…, 1685. P. 172–183].

Сопоставляя эти мученичества с другими имеющимися сведениями, мы можем сделать ряд наблюдений. Очевидны

[641] В тексте источника явно ошибочно *дар*. Имеется в виду *рад*, чиновник, занимавшийся сбором податей (см. главу 1 части I).

различия между событиями, описанными в мученичествах, и преследованиями эпохи Шапура II. В IV в. масштабные преследования начались после казни предстоятеля церкви и царского указа. Хосров не казнил ни одного католикоса – даже Мар Аву, который в глазах зороастрийцев был ренегатом, т.е. заслуживавшим смерти преступником. Строго говоря, мобеды и зороастрийские вельможи, выступавшие против Мар Авы и других мучеников, действовали в соответствии с религиозным законом; Хосров, наоборот, защищал ренегата.

Далее, гонения, о которых говорится в мученичестве Григория, начинаются, согласно тексту источника, практически стихийно:

«На десятом году [правления] царя Хосрова со стороны зороастрийцев (*magūšē*) развязаны были гонения на Церковь Христову. Церкви и монастыри разрушались везде, где было много язычников» [Histoire…, 1896. P. 348–349].

Обратим внимание, что Яздпанаха бросили в темницу по решению мобеда (бывшего, очевидно, судьёй), без какого-либо царского указа, за несколько лет до начала преследований. Он и Ширин были казнены также без приказа Хосрова.

Изложенные сведения позволяют заключить, что инициаторами гонений выступали мобеды и знать, но не Хосров. Царь, напротив, покровительствовал церкви, которую возглавляли верные ему люди, на чью помощь он, как показали рассмотренные события, небезосновательно рассчитывал. Исключение, несомненно, составляет случай с христианами Хузестана, которые были или считались сторонниками Анушзада. Но и в этом случае Хосров предпочёл с помощью Мар Авы убедить христиан сдаться. Репрессии, видимо, ограничились Хузестаном и не затронули другие подвластные Хосрову области.

Обращает на себя внимание дата начала преследований. Десятый год правления Хосрова пришёлся, как мы видели, на время с 14 июля 540 по 13 июля 541 г. Как будет показано в главе 3, незадолго до этого, весной 540 г., Хосров начал войну с Византией. Прежние преследования обычно совпадали по времени с войнами против Рима и Византии. Можно представить себе, что и на этот раз война с Византией вызвала подъём антихристианских настроений в среде зороастрийского духовенства и знати. Христиан вновь стали представлять внутренними вра-

гами. Мы видели, что верховный мобед Дад-Хормузд обвинял Мар Аву в том, что он – друг византийского императора.

С рассмотренными выводами интересно сопоставить следующий фрагмент из «Рескриптов Хосрова»:

مرفوع گروهي از ترسايان كه در لباس تملّق وچاپلوسي بدين درگاه پناه آورده اند بزعم اكثر منهيان بخبرگيري وجاسوسي متّهم اند

توقيع هرآنكه از طغيان بروز مادّۀ عصيان زياده بخيه بد انديشي وتيرۀ دروني بر روي كار نيفگند وابراز عداوت باطني نكند عقوبت ظاهري بدو باز نگردد

«Обращение. Несколько христиан при помощи подобострастия и лести искали во дворце защиты от того, что из-за утверждений большинства соглядатаев их обвиняли в том, что они собирают сведения [для врага] и являются лазутчиками.

Рескрипт. Того, кто не претворяет в жизнь бунтарские склонности, потаённые мысли, злые помыслы и скрытый внутри гнев, [свойственные] мятежности, и не проявляет враждебности, которая в нём, не должна постигать кара наяву» [Тавкиат…, 1845. С. 18; Тавкиат…, 1874. С. 18].

И здесь преследование начинает не государство, а недоброжелатели христиан, изображавшие их лазутчиками ромеев. Напротив, Хосров придерживается изложенного в «Завете Ардашира» принципа, согласно которому у царя нет власти над душами подданных (тем более – иноверцев). Очевидно, Хосров понимал, что христиане едва ли когда-либо станут разделять его религиозные воззрения, и прагматично удовлетворялся внешним подчинением (прежде всего – со стороны предстоятелей церкви), прибегая, однако, к репрессиям там, где его не было.

Война с Византией влекла за собой преследования христиан, но с установлением мира их положение вновь улучшалось. Заметную роль играла здесь не только политика Хосрова, но и действия Византии. Нам известен по крайней мере один случай, когда права христиан Сасанидской державы стали предметом договора между державами. Как показано в Главе 3, в 561 г. был заключён всеобъемлющий мирный договор с Византией, действовавший до конца правления Юстиниана I. Отдельная договорённость касалась христиан Сасанидской державы, которым гарантировались права

«… строить храмы, безбоязненно освящать их, беспрепятственно исполнять благодарственные гимны, как у нас принято,

не подвергаться принуждению выполнять обряды магов и против воли молиться тем, кого мидийцы считают богами. Но и христиане пусть никоим образом не дерзают обращать магов в ту веру, которая у нас. Он[642] добился также, чтобы христианам было разрешено хоронить мёртвых в могилах, как это принято у нас» [Dexippi…, 1829. P. 363–364].

Здесь следует задаться вопросом о том, на кого распространялись эти договорённости. Можно представить себе, что Юстиниана прежде всего беспокоила судьба православных пленников Хосрова, а также посланников, купцов и всех тех подданных Византии, кто так или иначе оказывался в пределах Сасанидской державы. Вместе с тем, Юстиниан не был безразличен и к несторианам и пытался наладить с ними диалог. Воспоминания об этом сохранились, в частности, в «Сиртской хронике» [Histoire..., 1950. P. 187–188]. Поэтому можно предполагать, что данные договорённости распространялись и на них. До конца правления Хосрова мы более не видим преследований христиан или мученичеств.

Отдельного рассмотрения заслуживает положение монофизитов. В правление Кавада они оправились от удара, нанесённого репрессиями Пероза, и активно участвовали в теологических диспутах. Однако монофизитские общины оставались малочисленными и слабыми в сравнении с несторианскими. Согласно церковной истории Бар Эбрея, в первые десятилетия правления Хосрова в Сасанидской державе был лишь один монофизитский епископ, резиденция которого находилась в Сингаре [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 87–88]. Эти сведения полезно сопоставить с данными других источников. Согласно житию Иоанна Телльского, монофизиты сасанидских владений предлагали своим византийским единомышленников стать у них епископами. Некоторые монофизитские деятели направились на восток, однако погибли в результате преследований со стороны «еретиков» и «язычников», т.е. несториан и зороастрийцев [Het leven…, 1882. Сир. текст, с. 41]. Показательна, заметим, и судьба самого Иоанна. Он тоже направился в сасанидские владения и подвизался в горах около Сингары. Но начались гонения на монофизитов в Византии. По просьбе византийских властей *марзбан* Нисибина

[642] Имеется в виду, кажется, византийский посол Пётр, ведший переговоры с Хосровом.

предпринял поиски Иоанна. Тот был схвачен и выдан византийцам [Het leven…, 1882. Сир. текст, с. 46–57][643].

Бар Эбрей сообщает также, что численность монофизитов возросла за счёт пленников, приведённых Хосровом из Антиохии и Эдессы [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 87–88]. Реальность этого переселения подтверждается другими источниками и вряд ли подлежит сомнению. Вместе с тем, заметного роста монофизитских общин мы не видим, не появилось и новых епархий. Некоторые монофизиты, несомненно, осели в построенном Хосровом городе Вех аз-Андив Хосров. Между тем, согласно преданиям, воспроизводимым у мусульманских авторов, старшиной над этими пленниками был поставлен христианин из Хузестана по имени Бараз (Вараз) [Annales…, 1964. Ser. I, P. 960] или Яздпанах [Ал-Ахбар…, 1960. С. 69]. Едва ли приходится сомневаться в том, что он был несторианином. Следовательно, велика вероятность того, что пленники влились в несторианскую общину.

Для более позднего периода внимание историков церкви в основном сосредоточено на фигуре Мар Ахуземме. Согласно его житию – одному из основных источников по истории распространения монофизитского учения в Сасанидской державе – Ахуземме происходил из «неверующих» (*anašē lā mhâyminē*) Арвастана [Histoires…, 1905. P. 19], но уже в юности стал приверженцем христианского вероучения. Некоторое время, кажется, Ахуземме колебался между несторианством и монофизитством. Согласно Бар Эбрею, католикос армян Христофор назначил Ахуземме епископом Арвастана [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 87–88]. Судя по хронологии, речь может идти только о Христофоре (Кристапор) I Тирариджци, который был предстоятелем армянской церкви в 539–545 гг. Однако в 554 г. Ахуземме как епископ Ниневии участвовал в соборе, устроенном католикосом Иосифом [Synodicon…, 1902. P. 109, 366]. Этот эпизод, заметим, не фигурирует в произведениях монофизитских авторов. Между тем, в конце концов выбор был сделан в пользу монофизитства. В 870 г. селевкидской эры (1 сентября 558 – 31 августа 559) Иаков Барадей сделал Ахуземме

[643] О том, когда происходили эти события, можно приблизительно судить по дате смерти Иоанна, указанной в житии – шестого числа месяца *шват* 849 г. селевкидской эры [Het leven…, 1882. Сир. текст, с. 81], т.е. 6 февраля 538 г.

митрополитом Востока [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 99–100]. Смысл этого назначения состоял, видимо, в том, что Ахуземме, став главой формировавшейся монофизитской церкви, должен был создать сеть епархий и организационную структуру наподобие тех, что были у несториан.

Определить, в какой степени Ахуземме справился с этой задачей, трудно, так как сведения источников не до конца ясны. Иоанн Эфесский повествует о том, что однажды Ахуземме в присутствии Хосрова выиграл диспут у не названного по имени несторианского католикоса. Если верить автору, Хосров одобрил учение монофизитов и запретил преследовать их. После этого диспута монофизиты избрали себе католикоса [The Third Part…, 1853. P. 388–390]. Вслед за Иоанном эту историю рассказывает Михаил Сирийский, пользовавшийся его трудом [Chronique…, 1901. P. 251]. Между тем, этот эпизод отсутствует в житии Мар Ахуземме и у Бар Эбрея. Странно, что событие такой важности (из рассказа следует, что диспут сыграл в жизни монофизитских общин поистине судьбоносную роль) игнорируется в этих источниках и особенно в житии, которое в уже силу жанра должно состоять из рассказов о наиболее достославных деяниях Ахуземме. Поэтому есть все основания предполагать, что, если такой эпизод и имел место в действительности, значение его преувеличено.

Успехи Ахуземме в распространении монофизитского учения также оказались довольно скромными. Из жития видно, что деятельность Ахуземме ограничивалась Арвастаном, причём проповедовал он главным образом среди арабов. Согласно житию, Ахудемме называл церкви именами племенных вождей [Histoires…, 1905. P. 27]. Это делало церкви достоянием знатных родов; монофизитство становилось, таким образом, для арабов своим. Судя по тому, что в житии нет никаких упоминаний о богословских диспутах, Ахуземме стремился распространить монофизитское учение прежде всего среди тех, кто не придерживался ни зороастризма, ни несторианства, т.е., в какой-то мере, занять пустовавшую нишу.

Деятельность Ахуземме прервалась в связи со следующим эпизодом. Согласно житию, один из сыновей Хосрова уверовал и поехал к Ахуземме; тот крестил его и отправил в Византию [Histoires…, 1905. P. 33–34]. И в этом случае сведения источников неоднозначны. В параллельном источнике, церковной исто-

рии Бар Эбрея, мы читаем, что Ахуземме крестил в районе Тикрита какого-то человека, принадлежавшего к царскому роду [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 101–102]. О сыне царя здесь не упоминается. Между тем, Хосров счёл действия Ахуземме враждебными зороастризму и державе. Ахуземме привезли в Ктесифон, где после двух лет заточения он был казнён 2 августа 575 г. Бар Эбрей добавляет, что вплоть до смерти Хосрова монофизитская церковь не имела предстоятеля [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 101–102; Histoires…, 1905. P. 44–46]. Причина этого видна из дальнейшего повествования Бар Эбрея, согласно которому в первом году правления Хормузда, т.е. сына и наследника Хосрова (5 июля 578 – 4 июля 579), монофизиты избрали себе предстоятеля по имени Кам-Иешу. Он назначал епископов, хотя монофизиты в то время были малочисленны [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 101–102]. Монофизиты, следовательно, были готовы избрать предстоятеля церкви, однако при Хосрове не могли этого сделать. Вероятно, после эпизода с крещением неназванного Сасанида монофизиты подверглись гонениям, и им запрещалось избирать себе предстоятеля (как было при Шапуре II), либо никто не отваживался занять место Ахуземме.

Здесь можно отметить, что гонения на монофизитов начались вскоре после казни армянских епископов и восстания Вардана Мамиконяна (об этом см. главу 3). Определить, есть ли какая-либо взаимосвязь между этим восстанием и преследованиями монофизитов в Сасанидской державе, трудно. Источники прямо не указывают на неё. Но возможно, что и в данном случае гнев против внешнего врага (сторонников Вардана Мамиконяна) обратился против тех, кого считали его единомышленниками.

– Хосров и иудейские общины

В то время, как отношения Хосрова с христианскими общинами сравнительно хорошо известны по источникам, об истории иудеев Сасанидской державы в тот период мы знаем намного меньше. У нас нет сведений о каком-либо взаимодействии между Хосровом или сасанидскими властями и «главами рассеяния», которых мы знаем лишь по именам, благодаря краткому списку в «Малой истории мира» [MJC, 1887. Vol. II, P. 77]. В этом списке, однако, нет никаких временных указаний,

и восстановить хронологию предстоятельства «глав рассеяния» и даже отнести их к какому-то определённому периоду затруднительно. Видимо, иудейские общины по-прежнему подвергались давлению со стороны властей. На это косвенно указывает тот факт, что, несмотря на всю терпимость наследника Хосрова Хормузда IV к не-зороастрийским религиозным общинам, иудеи были готовы выступить против Сасанидов. Это выразилось в поддержке, оказанной иудеями Варахрану Чубину; о ней мы знаем из труда Феофилакта Симокатты [Theophylacti…, 1834. P. 218].

– Назначение престолонаследника

Здоровье Хосрова, о котором заботились лучшие врачи (см. ниже), оставалось крепким до самых последних лет его жизни. Когда во время похода 576 г. персы подошли к Феодосиополю (Карин, Эрзурум), Хосров, как рассказывает Менандр Протектор,

«… гарцевал на коне, показывая, без всякого умысла, что крепок телом и полон сил» [Dexippi…, 1829. P. 314].

И это – не единичный случай. В том же походе персы через некоторое время попали в затруднительное положение, был захвачен их лагерь. Тогда, по сообщению Иоанна Эфесского, Хосров выехал на коне к своим воинам, призывая их сражаться [The Third Part…, 1853. P. 366].

К тому времени царю было уже за семьдесят.

Но потрясения, которые Хосров испытал во время неудачного похода 576 г., стали, несомненно, сильным ударом по его здоровью. В «Сиирткой хронике» сообщается, что от горечи поражения и потери личного священного огня у Хосрова развилась болезнь в груди, от которой он умер через сорок месяцев [Histoire…, 1950. P. 197]. Вполне возможно, что знать, чувствуя нездоровье царя, выказывала беспокойство относительно наследника престола.

По сасанидской традиции после смерти царя престол должен был отойти его старшему сыну, если у того не было увечья. Кто мог быть таким человеком? Прокопий Кесарийский называет старшим сыном Хосрова Анушзада, о котором речь шла выше [Procopius, 1962. P. 144–145]. Согласно рассмотренным выше сообщениям мусульманских авторов, мать Анушзада была христианкой. Это нельзя считать невероятным. Сам Хосров, овладев в 544 г. городом Сурой, взял в жёны некую Евфимию,

отличавшуюся исключительной красотой [Procopius, 1914. P. 302–303][644]. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани сообщает, что ал-Мунзир Лахмидский подарил Хосрову невольницу, взятую в походе против ал-Хариса Гассанидского [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 2, с. 28]. В этом последнем случае, правда, можно лишь предполагать, что женщина была христианкой. Но по зороастрийскому обычаю Хосров должен был жениться на сестре. Случись так, его первенцем наверняка был бы сын, рождённый от сестры. Но такой сын не появляется в источниках. Нельзя исключать, что сестры у Хосрова не было вовсе. Вместе с тем, Прокопий Кесарийский сообщает, что в 543 г. Хосров, будучи готов вторгнуться в земли ромеев, отменил поход из-за эпидемии чумы и спешно вернулся с войском из Азербайджана. Начались переговоры с византийцами. В составе персидского посольства был христианский священник, и его брат тайно сообщил византийцам, что сын Хосрова выступил против отца, чтобы захватить власть [Procopius, 1914. P. 474–475]. Эти события нельзя, естественно, отождествлять с мятежом Анушзада, относящимся к 550 г. Возможно, в 543 г. против Хосрова выступил его первый сын рождённый сестрой. Он погиб, и в 550 г. старшим сыном Хосрова считался Анушзад.

Таким образом, к моменту, когда встал вопрос о преемнике Хосрова, два его первых сына уже не могли претендовать на престол: один погиб, другой был изувечен. Престолонаследника следовало выбирать из остальных. Таковых было несколько человек. Фирдоуси вкладывает в уста Хосрова фразу:

«Было у нас (читай: у меня. – *Д. М.*) шесть разумных сыновей – восхитительных, милостивых и справедливых» [Ferdowsi's…, 1935. P. 2561][645].

Кроме Хормузда, о котором речь пойдёт далее, сыновья Хосрова не оставили в истории никакого следа. По имени мы знаем только одного из них, Яздандада – и то не благодаря его свершениям, а лишь потому, что один из его потомков впослед-

---

[644] Далее Прокопий сообщает, что Хосров в угоду Евфимии предложил епископу Сергиополя выкупить пленных. Это вызвало бы одобрение прежде всего у христианки.

[645] Нечто подобное сообщает и традиция ат-Табари, согласно которой у Хосрова было несколько благовоспитанных детей [Annales…, 1964. Ser. I, P. 966].

ствии вступил на престол[646]. Что касается Хормузда, то о нём – в силу того, что он стал преемником Хосрова – источники сообщают куда больше. Мы знаем, что его матерью была дочь тюркского хакана, которую Себеос называет Кайэн [Епископ Себеос, 1939. С. 33], а ал-Масуди – *Fāq.m* [Maçoudi, 1863. P. 211][647]. Наиболее подробно об этой женщине рассказывает Балами, согласно которому к послу Хосрова, прибывшему к тюркам для установления политического и брачного союза, вывели всех десятерых дочерей хакана, и он избрал ту из них, которая была дочерью великой хатуни, т.е. ханши [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 1070–1071].

Дипломатические контакты между Хосровом и правителями Тюркского каганата рассмотрены в главе 3. Из приведённого в ней анализа следует, что сближение двух держав, приведшее, в частности, к династическому браку, произошло в середине 50-х гг. VI в. К тому времени, когда встал вопрос о престолонаследнике, Хормузду, скорее всего, было немногим более двадцати лет. Это, в свою очередь, означает, что из всех остававшихся тогда в живых сыновей Хосрова Хормузд должен был быть самым младшим.

Здесь мы вправе задаться вопросом, почему выбор Хосрова пал именно на Хормузда. К концу правления Хосрова Хормузд имел уже определённые заслуги; как показано в главе 3, он успешно боролся с тюрками. Вместе с тем, очевидными были, наверное, и негативные качества Хормузда, проявившиеся в самом начале его правления[648].

---

[646] В *Фарс-намэ* утверждается, что Яздандад – дочь, а не сын, Хосрова, но в одной из рукописей этого трактата, равно как и в других источниках, говорится всё-таки о сыне [The Fársnáma…, 1921. P. 25; Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 1208; Annales…, 1964. Ser. I, P. 1066; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 387].

[647] В арабском тексте ал-Масуди – فاقم. В *Фарс-намэ* мы находим похожую форму قاقم (*Qāqum*, что, возможно, следует переводить как «соболь»), но так именуется не дочь хакана, а он сам [The Fársnáma…, 1921. P. 24, 98]. Между тем, неизвестно, чтобы кто-то из правителей Тюркского каганата назывался таким именем. Поэтому вернее вариант ал-Масуди. Заметим, что обе указанные формы допускают конъектуру قايم (*Qāyim*), что близко к написанию имени у Себеоса.

[648] В главе 3 рассмотрен случай, когда Хормузд, вступив на престол, не известил об этом византийского императора, что было расценено как грубое нарушением дипломатических обычаев.

Ценные сведения о назначении престолонаследника сообщает ад-Динавари:

«У Хосрова Ануширвана было несколько детей. Все они были сыновьями подданных (*sūqa*) и наложниц кроме его сына Хормузда, сына Хосрова, который стал царём после него. Его мать была дочерью хакана тюрков, а мать её матери – царицей *хатун*. И вот, его (Хормузда. – *Д. М.*) отец решил сделать его царём после себя. Он (Хосров. – *Д. М.*) приставил к нему (Хормузду. – *Д. М.*) соглядатаев, приносивших ему известия о нём. И то, что ему (Хосрову. – *Д. М.*) докладывали о нём (Хормузде. – *Д. М.*), нравилось ему (Хосрову. – *Д. М.*). И вот, он (Хосров. – *Д. М.*) написал для него грамоту и поместил её на хранение к предводителю праведников их вероучения[649]» [Ал-Ахбар…, 1960. С 74–75].

«Подданные» – общее понятие, но едва ли Хосров, всеми силами старавшийся упрочить барьеры между сословиями, брал бы себе жён (не считая, разумеется, наложниц) из простого люда. Очевидно, имеются в виду аристократы, которые, как и все, считались рабами царя. На то, что у Хосрова были жёны из знатных родов, указывает имя его дочери Михрангар[650], из которого угадывается принадлежность её матери к Михранам.

Мы уже отмечали сходство между действиями Хосрова и фрагментами «Завета Ардашира» и «Послания Тосара» о том, как назначать престолонаследника. Вдохновитель написания обоих текстов, которым, по всей вероятности, был Хосров, очень заботился о том, чтобы преждевременное объявление наследника не привело к конфликту между ним и остальными и междоусобице. Если это действительно было важно для Хосрова, он вполне мог считать, что, указывая на наследника, он тем самым возвышает род его матери над остальными. Это было чревато недовольством других родов и могло привести к возврату в начало правления Хосрова, когда ему пришлось бороться с оппозицией части знати. Такого Хосров не мог допустить. Вероятно, это было одной из причин того, почему он не объявлял в открытую имя наследника престола.

Если имя престолонаследника действительно сохранялось втайне до смерти Хосрова, как явствует из источников, можно

---

[649] Имеется в виду верховный мобед.
[650] О Михрангар см. с. 396.

представить себе, что дальнейшее развитие событий в немалой степени зависело от позиции знати. Некоторые данные позволяют предполагать, что и тогда, как после смерти Кавада, вступление Хормузда на престол прошло не гладко. Михаил Сирийский рассказывает, что войска провозгласили Хормузда царём в то время, когда Хосров был при смерти [Chronique…, 1901. P. 353]. Церемония объявления Хормузда царём в первый день зороастрийского года прошла не в столице, а в каком-то храме огня в Гундишапуре [Histoire…, 1950. P. 196]. Хотя братья признали воцарение Хормузда, он казнил одних из них и ослепил других. Ходили слухи, будто старший сын Хосрова бежал в Византию, однако человек, выдававший себя за такового, оказался самозванцем [The Third Part…, 1853. P. 409–411; Chronique…, 1901. P. 353; Histoire…, 1950. P. 196, Histoire…, 1983. P. 444]. Возможно, знать имела собственные предпочтения в отношении наследника престола; по мере того, как близилась смерть Хосрова, ожидание становилось всё более напряжённым. После смерти Хосрова завещание было наконец обнародовано, но не все поддержали Хормузда. Вероятно, первые упоминания о Хормузде с войском или в Гундишапуре относятся к тому времени, когда он находился среди тех, кто поддержал его. Последовавшие за этим репрессии Хормузда вполне могли быть направлены против тех, кто не примкнул к нему с самого начала.

– Человеческие качества Хосрова

О характере Хосрова источники сообщают немного, но и на основании имеющихся материалов можно сделать некоторые выводы. Сам факт того, что Хосров одержал победу в трудной борьбе за власть, подчинил себе могущественную знать, не без успеха боролся с внешними врагами, а в преклонном возрасте лично руководил походом против Византии, свидетельствует о незаурядном уме и внутренней силе, в том числе душевной. Но постоянная борьба с противниками, в том числе скрытыми, наложила свой отпечаток на характер Хосрова. В одном рассказе, приводимом у ад-Динавари, Кавад говорит Хосрову:

«Сынок, в тебе в полной мере развились те качества, которые [необходимы] для ведения всех царских дел. Однако, в тебе есть

подозрительность, а она, когда неуместна, приводит к ошибкам и делает старания напрасными» [Ал-Ахбар…, 1960. С. 67].

Согласно этому рассказу, Хосров признал себя неправым, и Кавад успокоился. Между тем, в «Повествовании о справедливом царе» у Низам ал-Мулька Хосров, держа речь перед знатью, осуждает Кавада за излишнюю доверчивость и говорит, что тот не раз обманывался – то чарами Маздака, то словами наместников [Siyar…, 1962. P. 42].

Другим качеством Хосрова, также сформировавшимся в условиях политической борьбы, стала склонность истолковывать в свою пользу любые факты. При штурме Антиохии (540 г.) Хосров заявил византийским послам, что в многочисленности человеческих жертв виноваты сами жители города, не сдавшиеся без боя. Прокопий Кесарийский, от которого мы узнаём об этом, даёт далее следующий комментарий:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) был самым ловким из всех людей в том, чтобы говорить то, чего не было, скрывать правду, и перекладывать вину на несправедливо обиженных в тех случаях, когда сам поступал неправедно. Он готов был согласиться на всё что угодно и заверить это согласие клятвой, но куда более был готов предать забвению недавно согласованное им и заверенное клятвой и ради выгоды немедленно пойти на любое злодеяние, будучи искушён в том, как естественно изображать своим видом умеренность и словами оправдывать [свои] действия. Когда он с помощью хитрости обманул не сделавших прежде ничего выходившего за рамки принятых установлений жителей Суры и указанным [мной] способом погубил, при взятии города он увидел женщину, порядочную и не низкого звания, которую за левую руку с силой тащил один из варваров. Она не хотела отпускать ребёнка, которого недавно отняла от груди, и, когда он упал наземь, волокла его другой рукой, ибо он не мог бежать так, как [его] заставляли. И здесь Хосров явил свойственную ему манеру [действовать]. Говорят, что он (Хосров. – *Д. М.*) будто бы застонал и сделал вид, что прослезился, дабы дать понять окружающим и послу Анастасию, что молится Богу, чтобы Он покарал тех, кто виновен в происшедшем зле. Он намекал на Юстиниана, зная, что сам более всех виноват в том, что произошло» [Procopius, 1914. P. 336–339].

Помимо отмеченной выше пристрастности Прокопия при интерпретации данного фрагмента необходимо учитывать и

другое. Обвинять противоположную сторону в развязывании войны или кровопролитии было стандартной практикой той эпохи. Обвинения в хитрости и двуличии выдвигаются в источниках не только против Хосрова. Процитированный выше фрагмент очень схож со словами Аммиана Марцеллина о Шапуре II:

«… Шапур был очень хитёр и, в зависимости от того, что приносило ему пользу, мог быть и униженным (*humilis*), и надменным (*elatus*)…» [Ammianus Marcellinus, 1986. P. 84–85].

Стало быть, речь идёт скорее о манере вести политику и дипломатию, чем о характере. Вместе с тем, на практике действия Хосрова были именно такими, как бы мы их ни объясняли.

Авторы, принадлежащие к различным традициям, нередко отмечают, с каким вниманием Хосров относился к своему здоровью. Ас-Саалиби утверждает, что при дворе Хосрова было сто двадцать врачей – персов, индийцев и греков [Histoire…, 1900. P. 629]. Это, возможно, преувеличение, однако по другим источникам видно, что Хосров стремился окружать себя хорошими медиками. Мы видели, что медицинские познания сыграли не последнюю роль в провозглашении Иосифа и Иезекииля католикосами. Иногда возможность найти врача имела непосредственное значение для решения вопросов войны и мира. Так, на мирных переговорах 545–546 г. Хосров требовал от Юстиниана не только уплатить дань, но и прислать врача. Речь идёт о враче по имени Трибун, о котором довольно много рассказывает Прокопий Кесарийский. Судя по его рассказу, Трибуну удалось излечить Хосрова, и тот предложил ему самому избрать награду. Трибун попросил отпустить пленников, взятых Хосровом в походах на Византию. В итоге благодаря настояниям врача было освобождено около трёх тысяч человек [Procopius, 1914. P. 514–515; Procopius, 1962. P. 144–147]. Правда, в «Сииртской хронике» этот эпизод представлен по-иному. Согласно несторианскому автору, Юстиниан по просьбе Хосрова прислал врача по имени *Ṭrīḫūmā* (в этом написании узнаётся Трибун[651]), который излечил царя от излишней тучности. Жена Хосрова (вероятно – мать Анушзада) ещё до прибытия врача послала сказать ему, чтобы в награду он попросил освободить антиохийский полон. Врач, однако, согласился принять пред-

[651] Конъектура: طريخوما (*Ṭrīḫūmā*) – طريفونا (*Ṭrīfūnā*).

ложенное Хосровом материальное вознаграждение и был казнён по приказу царицы [Histoire…, 1950. P. 161–162].

В свете этого эпизода становится понятным, почему в 574 г., т.е. в критический момент, вскоре после падения Дары и проявления психического расстройства у Юстина II, императрица София и Тиверий направили на важнейшие переговоры с Хосровом именно медика – Захария[652].

На основе изложенного вырисовывается образ Хосрова как осторожного прагматика, стремившегося не допустить ничего, что могло бы так или иначе нанести ему ущерб или противоречить его интересам. Это, видимо, соответствует действительности, но там, где практические дела не затрагивались, Хосров мог позволить себе и личные интересы, и даже отступления от принятых норм. Как показано выше, Прокопий Кесарийский замечает за Хосровом любовь ко всяческим новшествам. В рассказе того же автора о походе 540 г. мы находим и конкретные примеры этого. Около Селевкии Пиерии Хосров омылся в морской воде, хотя это и осуждалось зороастрийскими канонами[653], а затем, в Апамее, приказал устроить скачки на ипподроме [Procopius, 1914. P. 350–351, 358–359].

Широко известно увлечение Хосрова книгами и философией. В сасанидских текстах на это указывают известие о том, как врач Бурзой по поручению Хосрова привёз из Индии трактат «Калила и Димна», а также рассказы о беседах царя с мудрецами, прежде всего – с Вузургмихром (см. выше). Из византийских источников для нас важно прежде всего следующее сообщение Агафия Миринейского:

«Рассказав немного о Хосрове, я немедленно вернусь к изложенному ранее и далее буду придерживаться [линии повествования]. Его (Хосрова. – *Д. М.*) восхваляют и превозносят сверх истинных достоинств не только персы, но и некоторые из ромеев как любителя словесности и человека, достигшего у нас вершин в философии, для которого были переведены на персидский язык греческие книги[654]. Говорят, что он усвоил всего

---

[652] Этот эпизод рассматривается в главе 3.

[653] См. прим. 203.

[654] Здесь в греческом тексте Агафия стоит ὑπὸ του, что должно вводить родительный (в русском переводе – творительный) падеж для указания переводчика, однако имя отсутствует.

Стагирита[655] лучше, чем пеянский ритор[656] – сына Олора[657], исполнился учением Платона, сына Аристона, и его [рассуждения] не превзошёл бы ни “Тимей” – даже при том, что он украшен геометрическими построениями и до конца прослеживает движущие начала природы, ни “Федон”, ни “Горгий”, ни какой-либо иной из изящных и хитроумных диалогов, как, думаю, “Парменид”. Я же не стал бы считать, что у него великолепное, тем более – превосходящее всё иное образование. Как могло то, что обладает чистотой древних имён и благородством, соответствует природе вещей и времени, сохраниться на каком-то диком и грубейшем языке? Как человек, который с детства пребывал в царской спеси и среди обильной лести, был предназначен судьбой к тому, чтобы вести весьма варварский образ жизни, постоянно нацеленный на войны и борьбу, мог, ведя такую жизнь, в немалой и достойной упоминания степени наслаждаться науками и совершенствоваться в них? Если же кто-то и восхвалял его за то, что он, царь, притом перс, которому приходится заботиться о стольких народах и делах, вознамерился также каким-то образом познакомиться и со словесностью и вследствие этого пользовался славой, я и сам присоединился бы к похвалам и объявил его лучшим среди остальных варваров. Те же, кто без меры называет его мудрым, только что не превосходящим [всех] когда-либо занимавшихся философией, знающим причину и следствие во всяком искусстве и науке, человеком, которого и последователи Аристотеля считают очень образованным, и полагает так, могут быть уличены скорее не в том, что держатся неверного мнения, но в том, что следуют одной молве» [Agathiae..., 1828. P. 126–127].

Почти так же рассказывает Агафий и о впечатлениях философов, посетивших Сасанидскую державу в начале правления Хосрова:

«И разговаривая с царём, они обманулись в надеждах, так как встретили человека, который гордился тем, что философствует, но даже не слышал ни о чём из высоких материй, ибо был чужд их (философов. – *Д. М.*) учению, и утверждал иное, о чём я уже рассказал» [Agathiae..., 1828. P. 132][658].

---

[655] Т.е. Аристотеля.
[656] Т.е. Демосфен.
[657] Т.е. Фукидида.
[658] Этот отрывок относится к пребыванию эллинистических философов, среди которых был упомянутый выше Дамаский, при

Эти фрагменты отражают прежде всего негативное отношение Агафия к Хосрову. Даже по тексту Агафия видно, что Хосров обладал познаниями в философии и, по крайней мере, мог поддержать учёную беседу. В рассказе о том, как Хосров принял врача и философа Урания (к которому, правда, Агафий относится крайне отрицательно, считая его едва ли не шарлатаном), мы читаем:

«И, созвав магов, он (Хосров. – *Д. М.*) заговорил с ним (Уранием. – *Д. М.*) о творении и бытии, а также о том, бесконечен ли мир, и следует ли считать, что у всего одно начало» [Agathiae..., 1828. P. 130].

Интерес Хосрова к философии не раз отмечали христианские авторы Востока. Иоанн Эфесский пишет:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) был человеком предприимчивым и мудрым и в течение всей жизни усердно предавался философским чтениям. Говорят, что он старательно собирал книги всех вероучений, исследовал и постигал все [эти сочинения], чтобы узнать, какие [из них] истинны и исполнены мудрости, а какие – достойны презрения, лишены смысла и пустословны» [The Third Part..., 1853. P. 388].

Согласно «Сиртской хронике»,

«… он (Хосров. – *Д. М.*) знал философию и понимал её. Говорили, что он учился ей у Мар Бэр-Сэумы, епископа Кордуэны, когда пребывал у него, и персидского философа Павла, который оставил христианскую веру после того, как ему не удалось стать митрополитом Фарса» [Histoire…, 1950. P. 147].

Мари Ибн Сулайман, основываясь на сходных материалах, называл Хосрова «философствующим» (*mutafalsif*) [Maris…, 1899. P. 46].

О том, к какому времени относятся эти известия, можно приблизительно судить по упомянутым в них людям. Греческие философы были у Хосрова в начале его правления; Ураний, судя по тексту Агафия, приехал немногим позже [Agathiae..., 1828. P. 131]. Епископ Кордуэны Бэр Сэума известен по источникам тем, что направил письмо собору 554 г. с выражением поддержки его постановлению [Synodicon…, 1902. P. 109,

---

сасанидском дворе в начале правления Хосрова. Он продолжает процитированный выше фрагмент, в котором описывается реакция философов на виденные ими проявления уклада жизни персов.

366][659]. О Павле мы узнаём из церковной истории Бар Эбрея; сообщается, в частности, что он был философом и составил трактат по риторике. Упоминание о Павле помещается за рассказом о католикосе Иезекииле с пометкой «в то время» [Gregorii Barhebraei…, 1877. P. 97–98]. Значит, Павел как философ был известен главным образом в 70-е годы VI в. Сопоставляя эти данные, мы можем заключить, что интерес к философии Хосров сохранял на протяжении всей зрелой жизни. Такое увлечение не могло быть показным или мимолётным. Следовательно, рассказы источников о Хосрове как о царе-философе имеют под собой реальную основу.

– Смерть Хосрова

Будучи несомненно важным историческим событием, смерть Хосрова упоминается во многих источниках, но конкретные сведения мы находим далеко не везде. Наиболее подробно рассказывает об этом Агафий Миринейский:

«Когда Кавад умер на пятом году правления Юстиниана у ромеев Хосров, пользующийся у нас большой славой, унаследовал отцовскую власть и совершил дела, многочисленные и великие, из которых одни описаны Прокопием Ритором[660], а из остальных о некоторых я уже рассказал, а о других расскажу впоследствии. Чтобы полностью сохранить хронологическую последовательность [изложения], скажу в добавление к остальному, что он, правив сорок восемь лет, одержал много побед и сделался таким, каким прежде не казался никто иной из правивших над персами, если сравнивать его с каждым из них в отдельности из них в отдельности, назови я Кира, сына Камбиза, Дария, сыне Гистаспа, или Ксеркса, который показал, что по морю можно ездить верхом, а среди гор – плавать на кораб-

[659] В «Сиирской хронике» указывается также, что однажды Юстиниан предложил Хосрову направить в Византию персидских учёных. Хосров принял предложение, и в Константинополь в числе прочих отправился Бэр Сэума [Histoire…, 1950. P. 187]. Назвать дату этих событий трудно; в «Хронике» говорится лишь, что предложение последовало за заключением очередного мирного договора. Возможно, имеется в виду договор 561 г., одно из условий которого касалось христиан Сасанидской державы (см. главу 3).

[660] Как показано во Введении, так Агафий называет Прокопия Кесарийского.

лях. Конец жизни его был, однако, бесславным и жалким, очень непохожим на то, что было прежде. Случилось так, что он прибыл в селение Фаманон, в горы, расположенные вокруг Кардухии (Кордуэны. – *Д. М.*), вследствие летнего времени и хорошей погоды в тех местах, и находился там. [В это время] Маврикий, сын Павла, которого Тиверий, сын Константина, назначил управлять областями востока, вторгся со всем войском в землю Араксианины[661], расположенную вблизи области, где находилось это поселение, и сопредельную с ней, и беспрестанно и безжалостно разорял и грабил повсюду. Перейдя через реку Зирма[662], он двинулся вперёд, причём то, где грабил, также сжигал. И вот, когда он разорял и разрушал всё до основания, Хосров – а он был недалеко, так что мог видеть вздымавшееся пламя – не смог вынести вида зажжённого противником огня, так как ранее ему не приходилось видеть [такого]. Охваченный стыдом и страхом, он не выходил на врага и не защищался, но, будучи безмерно опечален случившимся и потеряв надежду, был тотчас же вследствие расстройства поражён страшной и неизлечимой болезнью. И вот, будучи с большой скоростью перенесён в паланкине в царские дворцы в Селевкии и Ктесифоне и совершив перемещение, подобное бегству, он вскоре закончил свою жизнь» [Agathiae..., 1828. P. 271–272].

Процитированный фрагмент ставит вопрос о дате смерти Хосрова, так как Агафий утверждает, что он правил сорок восемь лет (считая с сентября 531 г.), но в процитированном фрагменте говорит о летнем времени. Феофилакт Симокатта рассказывает о событиях 578–579 гг. в такой последовательности: скончался император Юстин II, оставив византийский престол Тиверию, а затем, в начале весны, умер «поражённый болезнью» Хосров [Theophylacti..., 1834. P. 149]. Если основы-

---

[661] Если основываться только на написании этого названия, можно заключить, что речь идёт о землях, расположенных по течению Аракса или какого-то из его южных притоков. В этом случае, однако, войско Маврикия должно было совершить длинный марш по сасанидским владениям, чтобы приблизиться к Кордуэне. Кажется, произошла графическая ошибка, и следует читать неʼΑραξιανηνή (Араксианина), аʼΑρζανηνή (Арзанена).

[662] Речь идёт о р. Бохтан-су или т.наз. Восточном Тигре (ар. *Wādī al-zarm*).

ваться на общепринятой дате смерти Юстина II (4 октября 578 г.), смерть Хосрова следует относить к весне 579 г.

Чтобы сделать выбор между этими двумя датировками, мы должны вернуться к словам Агафия о сорока восьми годах правления Хосрова. По некоторым данным можно судить, что упоминание о них не восходит к выпискам Сергия. В рассказе Агафия о Сергии мы читаем, что

«... он был лучшим из всех переводчиков, так что Хосров восхищался им как человеком, которому в обеих державах досталось первенство в умении[663]» [Agathiae..., 1828. P. 274].

Более важен вывод, который Агафий делает из рассказа о Сергии и его выписках:

«Таким образом, если Прокопий Ритор повествует о чём-то, что рассказывают о Каваде, по-другому[664], нам надлежит следовать персидским летописцам и придерживаться того, что изложено в них, как более истинного» [Agathiae..., 1828. P. 274].

Будь выписки Сергия источником Агафия Миринейского о продолжительности правления Хосрова, именно последний, а не Кавад, был бы упомянут в приведённом фрагменте. Сергий был при сасанидском дворе в правление Хосрова. По понятным причинам последними записями в сасанидских анналах были тогда записи о Каваде. Ими должны заканчиваться выписки Сергия, к которым, следовательно, сведения о сорока восьми годах правления Хосрова не относятся. Заметим, что и остальная часть приведённого сообщения о Хосрове явно не персидского, а, судя по упоминанию о Ксерксе, греческого происхождения. Вероятнее всего, приведённый текст создан самим Агафием и отражает его собственные представления.

Источник сведений Агафия о сроке правления Хосрова неизвестен. Вместе с тем, упоминания о сорока восьми годах царствования Хосрова распространены в источниках. Интересно проследить, где именно они обнаруживаются. О том, что Хосров правил сорок восемь лет, писал Иоанн Эфесский, который относил смерть царя к 890 году селевкидской эры (сентябрь 578 – август 579) [The Third Part…, 1853. P. 393]. Это утверждение повторил затем Михаил Сирийский [Chronique…, 1901. P. 338].

---

[663] Т.е. в мастерстве переводчика.

[664] Т.е. иначе чем в сасанидских дворцовых анналах, известных византийцам через посредство Сергия.

Сорок восемь лет правления отводятся Хосрову в двух зороастрийских источниках – «Книге о Джамаспе» (*Джамасп-намаг*) [The Persian Rivayats…, 1932. P. 483] и трактате Вахрама Марданшахана, известного по цитатам у Хамзы ал-Исфахани и Бируни [Hamzae…, 1844. P. 28; Chronologie..., 1878. S. 126]. Эта персидская традиция воспроизводится, кажется, и в *Шах-намэ* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2311].

В мусульманских источниках сведения о продолжительности правления Хосрова сильно расходятся. В IX в. некоторые авторы полагали, что Хосров правил сорок восемь лет [Ал-Ахбар…, 1960. С. 74; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 187]. Ат-Табари тоже говорит о сорока восьми годах, но замечает, что, согласно его основному мусульманскому информатору, Хишаму ал-Кальби, Хосров царствовал сорок семь лет [Annales..., 1964. Ser. I, P. 899].

В других источниках протяженность правления Хосрова указывается с точностью до месяцев. В IX в. Ибн Кутайба считал, что Хосров царствовал сорок семь лет и семь месяцев [Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 663]. Эти данные затем повторяются у Мутаххара ал-Макдиси [The Book of Creation…, 1962. P. 168] и в *Фарс-намэ* [The Fársnáma…, 1921. P. 96], но не только. Для настоящего исследования особенно важны следующие сведения. По «авестийскому списку» Хосров царствовал сорок семь лет и семь месяцев [Hamzae…, 1844. P. 15; Chronologie..., 1878. S. 124], а по собственным подсчётам Хамзы ал-Исфахани – сорок семь лет, семь месяцев и несколько дней [Hamzae…, 1844. P. 21]. Бируни приводит ещё два списка сасанидских царей, из которых в одном названы те же сорок семь лет и семь месяцев [Chronologie..., 1878. S. 131], а в другом – сорок семь лет, семь месяцев и пять дней [Chronologie..., 1878. S. 127]. Неизвестный автор «Собрания историй и рассказов», пользовавшийся трудом Хамзы ал-Исфахани, считал, что Хосров царствовал сорок семь лет или сорок семь лет и семь месяцев [Muǧmal…, 2000. S. 60]. Евтихий Александрийский, при всей схожести его известий о Сасанидах с тем, что даёт нам традиция ат-Табари, отводил Хосрову сорок семь лет и шесть месяцев правления [Eutychii…, 1906. P. 210][665]. Ал-Масуди первона-

[665] Заметим, впрочем, что арабские слова ستّة (*sitta*, шесть) и سبعة (*sabʿa*, семь) очень близки графически, что создаёт возможность путаницы.

чально допускал две оценки (сорок восемь лет и сорок семь лет и восемь месяцев) [Maçoudi, 1863. P. 195], но затем предпочёл первую из них [Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 101].

Из изложенного видно, что сведения о сорока восьми годах правления Хосрова восходят к христианам-монофизитам[666], которым, как мы видели, принадлежат и другие известия о Сасанидах, а также к одной персидской традиции, но литературной, не основанной на анналах, как труд Хамзы ал-Исфахани. Эти сведения были по какой-то причине распространены и считались очень достоверными. Ал-Масуди сделал окончательный выбор в их пользу. Ат-Табари фактически поступил так же, хотя первоисточник, данные которого, видимо, приводит Евтихий Александрийский, и Хишам ал-Кальби давали иные сведения. Вполне возможно, что и Агафий воспроизводит в своём труде сведения, восходящие к монофизитской традиции или персидским рассказчикам. Но это отнюдь не делает его утверждение единственно верным. В источниках, которые стоят ближе к сасанидским анналам (прежде всего – «авестийский список»), указывается, что Хосров царствовал сорок семь лет, семь месяцев и, возможно, несколько дней. Если, как в рассмотренном во Введении случае с датировкой начала правления Кавада, этот срок отсчитывается с момента фактического прихода Хосрова к власти, мы попадаем в апрель 579 г., что если и не точно совпадает с данными Феофилакта Симокатты, то, по крайней мере, весьма близко к ним. Такое сходство заставляет считать, что Хосров умер весной 579 г.

ГЛАВА 3
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНЫ

Западное направление

При первых Сасанидах северо-западное и юго-западное направления были раздельны. Но с течением времени противостояние Сасанидов с Римской империей, а позднее – с Византией

[666] Именно к монофизитам. В несторианской «Сиртской хронике» утверждается, что Хосров царствовал сорок семь лет или сорок семь лет и несколько месяцев [Histoire…, 1950. P. 195, 197].

становилось всё более масштабным; к началу правления Хосрова в него были вовлечены и гунны на севере, и арабы на юге. События на западе настолько связаны между собой, что мы вправе говорить об одном стратегическом направлении.

Бурные события последних лет правления Кавада и междоусобная война Хосрова и Кавуса отразились на положении дел на границах Сасанидской державы. Сильное войско Кавуса было отвлечено на борьбу с эфталитами, а затем – с Хосровом, что не могло не ослабить защиту северных рубежей. Воспользовавшись этим, гунны возобновили нападения в районе Дербентского прохода. По словам Мовсеса Каланкатуаци, на втором году правления Хосрова патриарший престол Кавказской Албании был перенесён из города Чола в Партав из-за набегов «врагов креста Христова» [Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С. 71], которых, видимо, следует идентифицировать с гуннами. В «Книге о Дербенте» (*Дарбанд-намэ*), одному из главных источников по истории средневекового Дагестана, мы читаем, что Хосров Ануширван, вступив на престол, поставил гарнизоны в Дербенте и прочих крепостях, а затем вернулся в Ктесифон. В то время войска правителя хазар[667] стояли в Ихране и Гельбахе, которые он отнял у полководца Хосрова, называемого в источнике *сардар*-ом [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 7–8].

Началось длительное противостояние, о ходе которого мы осведомлены очень слабо. Наиболее подробное известие встречается в пересказах легенды о Жамаспе и его потомках в традиции Ибн Исфандияра. Правда, относиться к этой легенде следует весьма осторожно: то, что мы читаем в ней о Жамаспе, не соответствует сведениям других источников (см. прим. 276). Но в легенде рассказ о Жамаспе составляет начало, которое в фамильных преданиях нередко оказывается вымышленным. У нас нет бесспорных оснований отвергать другие части легенды, в частности, сообщение о том, что сын Жамаспа Нарсе стал служить Хосрову, построил по его приказу Дербент[668], тринадцать лет вёл войну с правителями Кавказа и в конце концов подчинил их [Sehir-Eddin's…, 1850. S. 33–34, 38; Тарих-и-Руйан,

---

[667] Как показано в главе 3 части I, под «хазарами» понимаются гунны.

[668] Заслуживает внимания фраза Мараши: «Дербент, который он (Нарсе. – *Д. М.*) построил, относят на счёт Хосрова, [утверждая, что] он построил его».

1903/1904. С. 25]. Ат-Табари сообщает, что Хосров подчинил себе народ чоров (*ṣūl*) и начал перемещать их в свои владения, однако затем истребил, оставив в живых лишь восемьдесят лучших воинов, которые были поселены в городе Шахрам-Пероз [Annales…, 1964. Ser. I, P. 894–895]. Название *чор* может относиться и к области Дербентского прохода, и к восточному Чору в Гургане и Кумисе (см. ниже), однако в данном случае можно отталкиваться от того, что Шахрам-Пероз находился в Азербайджане [Histoire…, 1900. P. 578; Annales…, 1964. Ser. I, P. 874]. Следовательно, более вероятно, что речь идёт о кавказских *чор*-ах, хотя мы и не можем предложить более точной идентификации.

Для защиты от набегов гуннов Хосров, как и его предшественники, строил крепости. Согласно *Дарбанд-намэ*, ещё в правление Кавада Хосров с его разрешения воздвиг Шабиран[669], Каркар[670], Кузбаз[671], Касиран[672] (в Мушкуре) и Сул[673], где

---

[669] Крепость на реке Шабиран, протекающей к югу от Кубы в Азербайджане [Minorsky V., 1958. P. 77].

[670] А. К. Бакиханов в описании Шабирана (Шабрана) и Мушкура (Мускура) говорит о Багдад-Гергере, помещая его в одной миле от Шабирана [Бакиханов А. К., 1926. С. 34]. Учитывая фонетическую и графическую близость *к* и *г* в персидском и османо-турецком, мы можем считать, что это и есть Каркар *Дарбанд-намэ*.

[671] Форма *Кузбаз* встречается в издании 1993 г. Между тем, в издании 1851 г. мы встречаем форму *Курбар* [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 11]. Видимо, следует читать не كوزباز (*Kūzbāz*) или كوربار (*Kūrbār*), а كوديار (*Kūdiyār*) или كوديال (*Kūdiyāl*). А. К. Бакиханов идентифицирует Кудиал с Кубой в современном Азербайджане [Бакиханов А. К., 1926. С. 16].

[672] Восстановить это название непросто в связи со значительными различиями в текстах *Дарбанд-намэ*: Касиран (вероятно – كسيران) в издании 1993 г., Киран (كيران) у М. А. Казем-Бега и Кирал (كيرال) у М. Клапрота в издании 1851 г. Вероятно, на конце слова стоял всё же *нун*; тогда в названии крепости просматривается *ān* – окончание персидского множественного числа. Однако ни *Kasīrān* (букв. «бедняки»), ни тем более *Kīrān* не кажется правильной формой. Что касается Мушкура (Мускур), то его локализация затруднительна. Обычно он отождествляется с Маскатом и помещается на побережье Каспийского моря и во внутренних районах, между реками Самур и Гильгичай. Но в *Дарбанд-намэ* прямо указывается, что Маскат находится между Табарсараном и Кайтаком (на севере) и Мускуром (на юге) [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 21].

оставил гарнизоны [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 11–12; Шихсаидов А. Р., 1993. С. 18][674]. После воцарения Хосрова строительство укреплений продолжилось. Важнейшим свершением царя средневековые авторы считают постройку Дербентской стены, уходившей одним концом в море, а другим – в горы [Hamzae…, 1844. P. 57; Maçoudi, 1863. P. 2–4, 196–197; Compendium..., 1885. P. 291; The Geographical Part…, 1915. P. 354–355; Yāqūt…, 1957. T. I, P. 303; The Book of Creation…, 1962. P. 168; Китаб ал-масалик…, 1992. С. 262–263; Muğmal…, 2000. S. 61][675]. Согласно изданию *Дарбанд-намэ* 1851 г., Хосров завершил работы в Дербенте примерно за восемьдесят лет до хиджры [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 11], т.е. в сороковых годах VI в., хотя вероятно, что Дербент не переставали укреплять и впоследствии.

Известия *Дарбанд-намэ* подтверждает Себеос, по словам которого Хосров запер проходы Чора и Албанские Ворота [Епископ Себеос, 1939. С. 30].

По источникам видно, что Хосров возводил укрепления и к северу от Дербента. Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих приписывают ему основание Баланджара[676] и Семендера

---

[673] Название *Сул* следует интерпретировать как *Чор* (см. прим. 356). В связи с этим *Сул* этого фрагмента должен идентифицироваться с цитаделью Дербента – Нарын-кала.

[674] В тексте издания *Дарбанд-намэ* 1851 г. сообщается, что к югу от Дербента Хосров построил неназванный город в земле Шабирана, а также крепости Кавкаб (*Kawkab*), Шахабад (*Šāhābād*), Киран (*Kīrān*) и *Х.в.л* (*Ḥ.w.l*) [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 7]. Форма *Kīrān* разобрана выше. *Ḥ.w.l* (حول) кажется искажённым صول (*Ṣūl*), т.е. Сул или Чор. Если исходить из того, что и остальные формы так или иначе искажены, возможно, что *Kawkab* (كوكب) – вариант написания *Kūrbār* (*Kūzbāz*). Идентификация Шахабада (в другом написании – *Šahr-i-Sāl* [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 12]) затруднительна.

[675] Мы не касаемся здесь археологических аспектов изучения оборонительных сооружений Дербента, так как они выходят за рамки предмета настоящей работы.

[676] Представляется вполне обоснованным предположение М. И. Артамонова о том, что с Баланджаром следует отождествлять упоминаемый в *Дарбанд-намэ* город Балх [Артамонов М. И., 2001. С. 256]. В издании *Дарбанд-намэ* 1851 г. стоит форма *Balḫ* (بلخ), но рядом с ней помещена конъектура *Bulḫar* (بلخر) [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 6], очень близкая к بلنجر (*Balanğar*). Следует заметить, что в *Дарбанд-намэ* упоминается только Балх, тогда как арабоязычные

[Compendium…, 1885. P. 288; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 123][677]. В издании *Дарбанд-намэ* 1851 г. говорится, что Хосров основал Саманд[678], Инджи[679], Балх[680], Ихран[681], Гельбах, Сурхаб[682], Кичи-Маджар, Улу-Маджар[683], Зрихгаран[684] и Хамри[685] [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 6–8]. В издании 1993 г. со-

---

авторы неизменно говорят о Баланджаре. Об этом селении в *Дарбанд-намэ* сообщается, что оно было расположено на реке, текущей через Ихран [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 20]. А. К. Бакиханов, следуя за *Дарбанд-намэ*, сообщает, что Балх находился на правом берегу реки Сулак, но его крепость стояла на противоположном берегу [Бакиханов А. К., 1926. С. 34]. Это говорит в пользу отождествления Баланджара с Чир-Юртским городищем на Сулаке, которое предлагала С. А. Плетнёва [Плетнёва С. А., 1986. С. 25–26], хотя вопрос остаётся дискуссионным. Обзор литературы на эту тему представлен А. П. Новосельцевым [Новосельцев А. П., 1990. С. 122–125].

[677] Ибн ал-Факих добавляет к Семендеру и Баланджару также Хазаран. Речь, конечно, не может идти о части хазарской столицы в устье Волги [Китаб сурат…, 1979. С. 330]. Видимо, основу для идентификации этого Хазарана даёт версия того же рассказа о сасанидских постройках у ал-Балазури, где город Кабала называется ал-Хазар [Liber..., 1863. P. 194]. В то же время, А. К. Бакиханов упоминает о селении Хазракан [Бакиханов А. К., 1926. С. 11].

[678] Этот Саманд, очевидно, тождествен Семендеру (Тарху).

[679] По тексту издания город Инджи находился в трёх *фарсах*-ах от Семендера, на берегу моря; к моменту написания текста источника он был разрушен.

[680] Об этом Балхе см. прим. 676.

[681] В *Дарбанд-намэ* Ихран – столица эмира Гельбаха [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 20]. А. К. Бакиханов отождествляет Ихран с Аграном, т.е. селением Чильюрт на Сулаке [Бакиханов А. К., 1926. С. 33], современным Нижним Чирюртом. Однако, в последнем случае необходимо решить вопрос о том, насколько вероятна тождественность Ихрана с Баланджаром (см. прим. 676)

[682] Согласно источникам, Сурхаб стоял на месте Кизляра [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 7; Бакиханов А. К., 1926. С. 33].

[683] Идентификация Улу-Маджара и Кичи-Маджара дана у А. К. Бакиханова [Бакиханов А. К., 1926. С. 33].

[684] В *Дарбанд-намэ* – Гюбечи или Кубечи, ныне – селение Кубачи в Дагестане [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 8; Бакиханов А. К., 1926. С. 5; Шихсаидов А. Р., 1993. С. 21].

[685] В тексте – حمرى. Интерпретация этой формы затруднительна. В издании 1851 г. М. А. Казем-бек предлагал две альтернативные

общается, что Хосров построил по одному городу на каждом *мензил*-е[686] вплоть до Ихрана, а также Семендер и город в Кумуке[687]. В другом фрагменте мы читаем, что Хосров воздвиг перед Дербентом триста шестьдесят городов [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 20–21].

В крепостях были оставлены гарнизоны[688]. О переселениях в пограничные районы немало говорится в *Дарбанд-намэ*. В область лезгинских племён переселяли исфаханцев, в район «Кумукской горы» – гилянцев [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 21][689]. В

локализации: Хумри на Аварском Койсу, к юго-западу от Темир-ханшуры (Буйнакск) – вероятно, совр. Гимры, и Гамри на реке Гамриозень ок. Каякента [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 31–32]. Авторы издания 1993 г. предпочли вторую альтернативу, указав, впрочем, что есть и другие мнения [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 49]. Решающее слово принадлежит, несомненно, специалистам по истории Северного Кавказа. Может показаться заманчивым сблизить حمرى с حمرج, как в парижском издании «Промывален золота» ал-Масуди именуется столица «царя Сарира» [Maçoudi, 1863. P. 42]. Но حمرج – лишь одна из форм, встречающихся в рукописях. В каирском издании 1927/1928 г. столица «царя Сарира» называется حبرج [Мурудж…, 1927/1928. Т. 1, с. 120]. Поэтому сначала необходимо определиться с тем, какая форма была в «Промывальнях золота».

[686] Т.е. стоянке на переходе.

[687] Видимо, крепость, о которой идёт речь на с. 490.

[688] В ранних источниках воины гарнизонов именуются السّياسجيّون (*al-siyāsiğiyyūn*) [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 260] с вариантами السّياسجين (*al-siyāsiğīn*) [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 340–341], السّياسجيّة (*al-siyāsiğiyya*) [Liber..., 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 288] и السّياسيكين (*al-siyāsīkīn*) [Compendium…, 1885. P. 291]. У Якута встречается другая форма – الأنشاستكين (*al-anšāstakīn*) [Yāqūt…, 1957. T. I, P. 305]. Каждую из этих форм можно интерпретировать в отдельности. Для *siyāsiğiyyūn* и сходных форм можно предложить конъектуру السّباسجيّون (*al-sibāsiğiyyūn* и т.п.) – дериват от ср.-перс. *spāsīgān*, т.е. «служилые люди» (относительно слова *spās* в значении «служба» полагаемся на изыскания Х. С. Нюберга [Nyberg H. S., 1974. P. 178]). Слово *anšāstakīn* можно сближать со ср.-перс. *nišastagān* в значении «поселенцы». Между тем, очевидная близость этих форм может указывать на то, что они восходят к общей основе, хотя неизвестно, какой именно.

[689] Так по изданию 1993 г. По изданию 1851 г. Хосров заселил выходцами из Кашана и Гиляна всё пространство от Дербента до Кумукской горы. Прибавляется также, что подданные царя были

издании 1851 г. указывается также, что жители Маската были приведены из Шираза [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 12].

На эти земли были назначены верные Сасанидам правители. Наиболее подробно говорит об этом Хамза ал-Исфахани:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) поселил в каждой области полководца с отрядом войска[690], отдал им (полководцам и воинам. – *Д.М.*) в кормление (*aṭ‘ama-hum*) расположенные в тех местах деревни, которые после них (полководцев и воинов. – *Д. М.*) отвёл в пользу их детей. А потомки их и поныне охраняют разные участки стены. Он же (Хосров. – *Д. М.*), отправляя полководца на охрану выделенного ему участка границы, в тот же день жаловал ему парчовое одеяние с узором из каких-нибудь изображений. И облечённый властью полководец именовался по тому, какие это были изображения, так что их называли таким образом: *Baġrān-šāh*[691], *Širwān-šāh*[692], *Fīlān-šāh*[693], *Alān-šāh*[694]» [Hamzae..., 1844. P. 57–58].

расселены в Мушкуре и Мискинджe [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 8]. Мискинджа, видимо, тождественна современной Мискинджe, расположенной по реке Самур, немного ниже селения Ахты. О переселенцах мы читаем и в других местах *Дарбанд-намэ*. В издании 1993 г. говорится, что Кавад и Нуширван привели на Кавказ из Фарса многих правителей из своей свиты [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 18]. В аналогичном фрагменте издания 1851 г. мы читаем, что вновь построенные Хосровом города были заселены людьми из Фарса и Азербайджана [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 6].

[690] Читаем здесь не يقطعه من الجيش, как в цитируемом издании, а بقطعة من الجيش.

[691] Этот титул более не встречается в источниках, что делает невозможной однозначную идентификацию. Если основываться на написании ал-Балазури, возможно, что *baġrān-šāh* происходит от персидского *baġrā* (кабан). Видимому, это – один из тех случаев, о которых говорит Хамза ал-Исфахани, и имеется в виду правитель, на одеянии которого были изображены кабаны. Подобные примеры встречаются и далее.

[692] По словам Мустауфи Казвини *ширван-шах* прежде именовался *šīrān-šāh* [The Ta’ríkh-i-Guzída…, 1910. P. 115]. Хотя таких сообщений нет в других источниках, вполне возможно, что правитель Ширвана был сасанидским наместником и носил одеяние с изображениями львов (*šīr*, мн. ч. *šīrān*).

[693] *Fīlān-šāh* (فيلان شاه) ранних мусульманских источников тождествен *кылан-шах*-у (قيلان شاه) *Дарбанд-намэ*. Из этих форм выбор следует

Упоминания об этих правителях мы находим и в других источниках. Наиболее подробен список ал-Балазури, где фигурируют *Wihrārzān-šāh* (о нём см. ниже), *Fīlān-šāh*, *Ǧiršān-šāh*[695],

---

сделать в пользу первой, потому что она хорошо объясняется на основе приведённого фрагмента книги Хамзы ал-Исфахани как дериват от ср.-перс. *pīl* (слон) и указывает на правителя, на одеянии которого была соответствующая эмблема.

[694] Первое побуждение – отождествить этого *алан-шаха* с подвластным Сасанидам правителем алан, однако такая догадка, скорее всего, неверна. В списке Хамзы ал-Исфахани указаны титулы, образованные от названий животных. Кроме того, в списке «царей, которых Ардашир нарёк шахами» у Ибн Хордадбеха (см. главу 2) *алан-шах*-ом называется правитель Мугана [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17]. В другом фрагменте Ибн Хордадбех помещает Муган на пути из Мараги (Мераге) на северо-восток, через Ардебиль, в десяти *фарсанг*-ах (ок. 60 км.) от него [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17]. Другая относительно точная локализация Мугана дана у ал-Идриси. Согласно одному фрагменту, Муган находился в двух дневных переходах (*marḥala*) от Ардебиля, там, где начиналось море [Al-Idrīsī, 1976. P. 681]. В другом месте мы читаем, что путешественник, двигаясь через Гурган, Табаристан, Дейлем и Гилян, вступал в пределы Аррана; если он пересекал Муган, то через два дня пути достигал Дербента [Al-Idrīsī, 1977. P. 834]. Абу-л-Фида, основываясь на сведениях географа X в. ал-Мухаллаби, писал, что Муган находится на побережье Каспийского моря, неподалёку от него, в десяти переходах от Тебриза и в шестнадцати *фарсах*-ах от устья Куры, если двигаться по побережью на северо-запад [Géographie…, 1840. P. 400]. Исходя из этого, мы можем сказать, что для средневековых мусульманских географов Муган начинался в районах Прикаспия приблизительно около современной Ленкорани и простирался далее на север и северо-запад. Тогда получается, что в списке ал-Исфахани речь идёт о правителе Мугана, на одеянии которого были изображены рыбы (от перс. *āl*, «рыба» или «кит»). Вместе с тем, глосса Ибн Хордадбеха может оказаться и неверной. Например, Ибн Хордадбех ошибается, когда называет *туран-шах*-а правителем тюрков [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17]. Поскольку в списке *туран-шах* стоит рядом с *мукран-шахом*, понятно, что имеется в виду Туран в современном Пакистане (о нём см. прим. 436).

[695] У ал-Балазури он фигурирует как правитель лезгинских племён (*al-Lakz*). В *Дарбанд-намэ* правитель лезгинских племён Табарсарана именуется *х.дж.ран-шах* [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 12; Шихсаидов А. Р.,

царь Маската[696], *Līrān-šāh*[697], *Širwān-šāh*, а также правители народа буххов (*buḫḫ*)[698] и Зрихгарана [Liber..., 1863. P. 196–197]. Ибн ал-Асир называет «царя Сарира» (о нём см. ниже), *Fīlān-šāh*-а, правителей лезгинских племён (*al-Lakz*) и Маската [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 341]. В *Дарбанд-намэ* упоминаются правитель земель от Ихрана до Хамри, именуемый в издании 1993 г. *лутан-шах*, а в издании 1851 г. – *туман-шах*[699],

---

1993. С. 21]. В арабской графике جرشان شاه (*ǧ.r.šān-šāh*) и هجران شاه (*h.ǧ.rān-šāh*) не настолько далеки друг от друга, чтобы исключать возможность нахождения общего изначального написания посредством конъектуры. В географическом своде «Пределы мира» упоминается область Хирсан (خرسان), о которой сообщается, что она была расположена в районе Ширвана и Дербента (возможно – между ними) и примыкала к Кавказским горам [Худуд…, 1961/1962. С. 163]. Ат-Табари упоминает в одном месте о крепости خرش, которая находилась на море и во время арабского завоевания принадлежала правителю Ширвана [Annales…, 1964. Ser. II, P. 209]. Но название крепости вряд ли можно считать изначальной формой: трудно объяснить, каким образом к названию крепости в титуле прибавился персидский суффикс множественного числа *ān*. Видимо, лучше всего читать خرسان شاه (*ḫirsān-šāh*), т.е. правитель, на одеянии которого были изображены медведи (перс. *ḫirs* – «медведь»). Кажется, эта область была известна прежде всего как владение *хирсан-шах-а*, что и стало её названием.

[696] О Маскате см. прим. 672.

[697] Это написание (ليران شاه) встречается также в «Пределах мира» [Худуд…, 1961/1962. С. 163] и, в слегка изменённой форме البرانشاه, у ал-Истахри [Viae…, 1927. P. 191]; оно аналогично формам لايران شاه ал-Масуди [Maçoudi, 1863. P. 5] и لايجانشاه Ибн Хаукаля [Китаб сурат…, 1979. С. 299]. У ал-Истахри появляется также явно искажённая форма الأبخازشاه [Viae…, 1927. P. 191], которая читается как *abḫāz-šāh* и явно не соответствует историческому контексту. Сравнивая эти формы, мы должны, как представляется, согласиться с В. Ф. Минорским, который предлагал чтение *layzān* и помещал данную область в район Лахиджа, к северо-западу от Шемахи [Minorsky V., 1937. P. 408–409; Minorsky V., 1958. P. 76, 173].

[698] *Бухх*-и арабских источников, вероятно, идентичны с народом *пух*-ов, которые в географии Анании Ширакаци помещаются в Сарматии, вместе с каспами и ширванами [Армянская география…, 1877. С. 37].

[699] Этот титул встречается в рассказах средневековых мусульманских авторов о походе Марвана (будущего омейядского халифа Марвана II) в Дагестан (739 г.). Сообщается, что владения *туман-шах*-а

хиджран-шах, *кылан-шах* и *табун-шах*[700] [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 12; Шихсаидов А. Р., 1993. С. 20–21]. Нетрудно заметить, что эти списки разнятся; во всех из них фигурирует только *филан-шах*. Особенно сильны различия между ранними источниками и *Дарбанд-намэ*. Очевидно, уже в средневековье ходили разные рассказы. Нельзя поручиться, что авторы источников указывают именно наместников Хосрова, а не правителей Кавказа своего времени.

Назначая наместников, Хосров стремился упорядочить ситуацию, не допустить вражды между ними. Об этом прямо говорит ал-Масуди, согласно которому Хосров

«… поместил там (на Кавказе. – *Д. М.*) народы и царей, назначил им звания, присвоил каждому царю имя и определил границы [его владений], подобно тому, как поступил Ардашир, сын Папака, когда установил порядок для правителей Хорасана, определив каждому его место (*ḥīna rattaba mulūk Ḫurāsān*)» [Maçoudi, 1863. P. 4].

Верховным наместником был, видимо, «царь Сарира». Мы помещаем это выражение в кавычки, так как *Сарир* – не название государства, а часть эпитета правителя, записанного средневековыми арабскими и персидскими авторами. Хамза ал-Исфахани пишет:

«Одного из них (местных правителей – *Д. М.*) он (Хосров. – *Д. М.*) отличил серебряным троном (*sarīr*); он (этот правитель. – *Д. М.*) называется “царём-обладателем трона”: [по-персидски –] *sarīr-šāh*, а по-арабски – *malik al-sarīr*. *Sarīr* – не арабское, а персидское слово; оно означает “малый трон”» [Hamzae…, 1844. P. 58].

Стало быть, *malik al-sarīr* средневековых арабских авторов следует переводить как «обладатель малого трона». Этот трон был одним из атрибутов сасанидского наместника. Повествуя о

располагались между крепостью Хунзах (её упоминает только историк X в. ал-Куфи, однако в искажённой форме خيزج; правильно, кажется, خنزخ (*Ḫunzaḫ*) и Зрихгараном [Liber..., 1863. P. 208; Ал-Камил…, 1987. Т. 4, с. 450; Ibn Wādhih…, 1969. Pars II, P. 382; Китаб ал-футух…, 1991. Ч. 8, с. 264–266]. В литературе слово *туман* связывается с *туман* или *тумау* – так лаков, живших в области Гумика (район Кумуха), называли их соседи [История Дагестана, 1967. С. 126].

[700] *Табун-шах* в тексте источника называется правителем Маската.

победе Варахрана V Гора над «тюрками» (см. главу 3 части I), ат-Табари пишет, что царь, назначив в свои новые владения наместника, пожаловал ему серебряный трон. Столь же показателен рассказ того же автора о завоевании арабами Кермана. На переговорах местный правитель принял представителей арабов, сидя на троне и с тиарой на голове [Annales…, 1964. Ser. I, P. 864, 2642]. Следовательно, слово *sarīr* в этом контексте означало трон наместника, разумеется, меньший по отношению к царскому (*taḫt*)[701].

Обратим внимание, что Хосров пожаловал серебряный трон лишь одному из местных правителей, сделав его, таким образом, старшим над другими. Мустауфи Казвини пишет, что во времена Сасанидов (*akāsireh*) в Сарире (читай – во владениях «царя Сарира») находилась столица (*taḫtgāh*) подвластных им земель Кавказа [The Geographical Part…, 1915. P. 355]. Для идентификации «обладателя малого трона» важно то, что ал-Балазури отождествляет его с упомянутым выше *Wihrārzān-šāh*-ом [Liber..., 1863. P. 196]. То же самое мы видим в одной из рукописей трактата ал-Истахри, где стоит явно искаженная форма اهرراورنشاه [Viae…, 1927. P. 191]. В литературе можно встретить мнение, что за формой *wihrārzān* стоит наименование аварцев, которые, должно быть, составляли население владений «обладателя малого трона» [Minorsky V., 1958. P. 97–99; ср. История Дагестана, 1967. С. 123]. Между тем, в *Дарбанд-намэ* «царь Сарира» отождествляется с правителем Ихрана [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 20]. Если так, написание *Wihrārzān-šāh* можно интерпретировать как искажённое اهرانشاه (*Ihrān-šāh*), хотя и тогда идентификация «царя Сарира» с правителем аварцев остаётся вполне правдоподобной. Между тем, ал-Масуди называет «царём Сарира» *филан-шах*-а [Maçoudi, 1863. P. 41; Китаб ал-масалик…, 1992. С. 265]. В принципе возможно, чтобы вельможа, на одеянии которого были изображены слоны, носил од-

---

[701] Намного менее правдоподобной кажется легенда о том, что трон правителя Сарира принадлежал последнему сасанидскому царю Ездигерду III, который, отступая перед арабами, отослал его на Кавказ [Maçoudi, 1863. P. 41; Viae…, 1927. P. 223]. Но Ездигерд, до последнего сохранявший царские регалии, вряд ли стал бы отсылать трон в земли, столь отдалённые от Хорасана, где он искал убежища. Скорее наоборот, трон наместника приняли за царский.

новременно и другой титул, происходивший от названия области под его управлением. Однако наши данные о правителях Кавказа относятся к исламской эпохе, когда по сравнению со временем Хосрова I многое могло измениться.

Ибн Ростэ повествует, что Хосров Ануширван отдал «царю Сарира» хорошо укреплённую крепость, где впоследствии хранилась казна последнего. В названии крепости отчётливо читается слово *Ġūmīk* [Kitâb al-A‘lâk…, 1892. P. 148], которое, очевидно, следует сближать с названием Гумик (Кумух). При этом автор *Дарбанд-намэ* утверждает, что из царей Кавказа только правитель Кумуха происходил из рода Нуширвана, т.е. из Сасанидов [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 21]. Здесь вновь возникает параллель с *филан-шах*-ом, которого ал-Масуди считал потомком Варахрана V Гора [Maçoudi, 1863. P. 4; Китаб ал-масалик…, 1992. С. 265][702]. Правда, в средние века многие правители Кавказа считали себя потомками Сасанидов. Местное предание, изложенное в *Ахты-намэ*, утверждает, что селением Ахты был назначен править Сасанид по имени Шахбани, который привёл с собой шестьдесят семей из Фарса и триста воинов. После смерти Шахбани в Ахты правил его сын Шах-Асан [Шихсаидов А. Р., 1993. С. 68–69]. Ал-Масуди причисляет к потомкам Варахрана V и правителя Ширвана [Maçoudi, 1863. P. 4; Китаб ал-масалик…, 1992. С. 265]. Впрочем, в этом случае основываться на произведениях, созданных в исламское время, несколько рискованно: тогдашние правители Кавказа могли возводить свою родословную и к Сасанидам, бежавшим на север во время арабского завоевания.

Сообщения о строительстве крепостей полностью соответствуют сведениям легенды о Жамаспе. Сопоставляя их, мы можем заключить, что полководцы Хосрова не только отразили нападения гуннов, но и оттеснили врага на север. Помимо рассмотренного выше сообщения Мовсеса Каланкатуаци в источ-

---

[702] Зная, что сасанидские цари назначали наместниками членов правящего рода, мы можем с уверенностью предпочесть изложенную в тексте версию той, согласно которой царь Сарира был потомком Варахрана Чубина [Viae…, 1927. P. 223]. Разночтения в этих версиях вызваны, кажется, прежде всего сходством графики: формы *Гор* (ар. *Ǧūr*, جور) и *Чубин* (ар. *Ǧūbīn*, جوبين) очень близки, что вполне могло вызвать путаницу.

никах нет сведений о том, что в правление Хосрова гунны или иные народы прорывались через Дербентский проход. В издании *Дарбанд-намэ* 1851 г. говорится, что до смерти Хосрова хазары не могли захватить Дербент [Derbend-Nâmeh..., 1851. P. 8]. В источниках гунны выступают в основном как наёмники, которые за плату воевали на стороне то византийцев, то персов. При этом персы не совсем доверяли гуннам. Показателен эпизод, относящийся к 551 г. Готовясь к походу на Петру, сасанидский полководец Михр-Михрой обратился за помощью к гуннам. Всего явилось двенадцать тысяч добровольцев, но Михр-Михрой, опасаясь измены, взял с собой только четыре тысячи [Procopius, 1962. P. 184–185][703].

---

[703] Говоря о действиях Хосрова на Кавказе, мы не можем обойти вниманием популярную в восточниках источниках легенду о его переговорах с хазарским хаканом. В некоторых источниках она продолжает рассмотренный выше рассказ о вторжении «хазар» в сасанидские владения в царствование Кавада. В трудах Байхаки, Якута и Закарии Казвини мы читаем, что Хосров, придя к власти, предложил правителю хазар заключить два династических брака. Хосров должен был жениться на дочери хакана хазар, а тот – на дочери Хосрова. Но Хосров обманул хакана, послав ему вместо своей дочери служанку. Затем два правителя встретились, и Хосров, инсценировав несколько нападений на лагерь хакана, убедил него в необходимости постройки защитной стены. Так были воздвигнуты укрепления Дербента [Zakarija…, 1848. S. 340–341; Yāqūt…, 1957. Vol. I, P. 304; Ал-Махасин…, 1999. С. 98–99]. Очень похожие рассказы обнаруживаются у ал-Балазури и Кудамы Ибн Джафара, хотя нельзя не отметить, что они несколько отличаются от версий, рассмотренных выше. О набегах хазар при Каваде не упоминается, зато названо место встречи Хосрова и хакана – ал-Баршалиййя. Кроме того, сообщается, что обман со служанкой раскрылся, и хакан предпринял поход против Хосрова, но не смог преодолеть построенные тем укрепления. Интересно, что ал-Балазури говорит о тюрках [Liber…, 1863. P. 194–196], а Кудама – о хазарах [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 260–261]. В пользу хазар могла бы свидетельствовать возможная аналогия ал-Баршалиййи с «внутренней Верилией (Βερυλία)», откуда, согласно патриарху Никифору (род. около 758 г., ум. в 828 г.), пришли хазары [Sancti Nicephori…, 1837. P. 39], и этнонимом «барсилы» или «басилы», как, согласно армянским источникам, назывался союзный хазарам народ [Deux historiens..., 1870. P. 245; Мовсес Хоренаци, 1990. С. 114], который в более поздние времена мы видим в Волжской

Сходным образом, видимо, обстояли дела и в области Аланских Ворот. Фирдоуси сообщает, что в начале своего правления Хосров побывал на границе с аланами. Прежде аланы часто разоряли приграничные области, но при приближении персидского войска они покорились Хосрову. Если верить *Шах-намэ*, Хосров простил алан, но велел восстановить разрушенное; они построили новый город [Ferdowsi's…, 1935. P. 2329–2331]. Хотя в этом рассказе есть и литературные элементы, в основе его, кажется, реальные события – по сообщениям источников, Хосров отстроил укрепления Аланских Ворот [Liber…, 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 288].

По другим сведениям, в правление Хосрова были построены Ворота Шаке[704] и «Дидойские Ворота» (в Кавказской Алба-

---

Булгарии под именем *барсула*. Между тем, в легенде о Хосрове и хазарском хакане так много вымысла и анахронизмов, что найти в ней истину крайне сложно. В главе 3 части I показано, что на Кавказе во времена Хосрова I Сасанидской державе противостояли не хазары, а гунны. Кроме того, трудно представить себе, чтобы в ал-Баршалиййи – Верилии, т.е. в сердце владений хакана, можно было устроить несколько притворных нападений на его ставку. К тому же, зная осторожность и предусмотрительность Хосрова, мы не можем безоговорочно поверить в то, что он поехал в стан врага, рискуя тем, что обман со служанкой, посланной вместо царевны, мог раскрыться в любой момент. Правда, можно возразить, что ал-Баршалиййю следует отождествить с Берсилом, крепостью в области Утик [Deux historiens…, 1870. P. 267], т.е. в Кавказской Албании, подвластной Сасанидам. Согласиться на встречу в Кавказской Албании Хосров в принципе мог. Но и в этом случае сооружения в районе Дербента едва ли могли упрочить безопасность хакана, а значит, маловероятно, чтобы Хосров выдвигал такой аргумент на переговорах. Поэтому относительно правдоподобными элементами этой легенды можно считать лишь набеги на владения Сасанидов на севере, строительство укреплений и, возможно, династический брак – если, конечно, сообщение о нём не переработка рассказа о Перозе, который обманул правителя кидаритов так, как это в легенде делает Хосров.

[704] У ал-Балазури شكن, но ближе к истине, видимо, форма شكى, которую мы обнаруживаем у Ибн ал-Факиха. Очевидна аналогия с Шаке, которая у Анании Ширакаци фигурирует в числе областей Кавказской Албании [Армянская география…, 1877. С. 40]. Далее ал-Балазури называет القميران (*al-Q.m.ī.b.rān*), чего нет у Ибн ал-Факиха. Эта форма, если учитывать контекст, лучше всего объясняется через конъектуру

нии), а также «Дурдзукская крепость»[705] [Liber..., 1863. P. 194–195; Compendium…, 1885. P. 288]. Хотя расположение этих укреплений можно представить себе лишь очень приблизительно, очевидно, что Хосров стремился защитить Кавказскую Албанию.

Возвращаясь к началу правления Хосрова, мы видим, что в то время неспокойно было и на юго-западе. В арабских легендах основное внимание обращено на ал-Мунзира III, который неизменно предстаёт как союзник Хосрова. Ас-Саалиби приводит, со ссылкой на Ибн Хордадбеха, легенду о трёх желаниях, которые были у Хосрова до воцарения – вступить на престол, поставить ал-Мунзира царём над арабами и казнить вероотступников-маздакитов [Histoire…, 1900. P. 604]. Различные версии этого рассказа обнаруживаются и в других источниках [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8, с. 62; Мунтахаб…, 1945/1946. С. 58; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 336]. Согласно другой легенде, ал-Мунзир, узнав о смерти Кавада, обратился к Хосрову [Китаб ал-агани…, 1905. Т.8, с. 61–62; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 336] – видимо, с предложением союза. После смерти Кавада права Хосрова на престол ещё не считались бесспорными; оставался Кавус с его мощным войском на севере. Кажется, ал-Мунзир поддержал коронацию Хосрова и принёс ему клятву на верность как новому царю. В письме к Кавусу, пересказ которого мы находим у Ибн Исфандияра и некоторых других авторов (см. главу 1), Хосров

قمبيزان (*Qambīzān*), т.е. Камбечан, который Анания Ширакаци указывает в числе областей Кавказской Албании наряду с Шаке [Армянская география…, 1877. С. 40]. Шаке узнаётся в названии современного Шеки в Азербайджане. Камбечан, насколько можно судить по источникам (прежде всего – по упоминаниям о Камбечане у Мовсеса Каланкатуаци и Камбисине у Страбона [The Geography…, 1928. P. 228–229; Мовсэс Каланкатуаци, 1984. С, 97]), находился к северо-западу от Шаке.

[705]В арабских текстах – *Abwāb al-Dūdāniyya* и *al-Durḏūqiyya* соответственно. В обоих источниках *Dūdāniyya* – отдельный народ. Видимо, речь идёт о дидоях, которые упоминаются у Леонти Мровели, причём всякий раз наряду с дурдзуками [Histoire…, 1849. P. 66, 82, 221; Мровели Леонти, 1979. С. 33, 38]. Точная локализация «Дидойских Ворот» и «Дурдзукской крепости» затруднительна; решающее слово должны сказать специалисты по истории Кавказа.

сообщает, что готовит поход на эфталитов и собирает войско, часть которого – арабы. Если это верно, возможно, что ал-Мунзир оказал или был готов оказать Хосрову военную помощь.

Своей главной задачей ал-Мунзир, однако, считал борьбу с киндитами. Ал-Якуби прямо утверждает, что он спровоцировал вражду между сыновьями ал-Хариса – Шурахбилем и Саламой, которые по воле отца управляли различными арабскими племенами[706]. Конфликт между ними закончился сражением, известным в арабской легендарной традиции как «первая битва при ал-Кулабе» [707]. Оба войска состояли из ополчений, набранных из различных племён. Для настоящего исследования важно прежде всего то, что главной силой войска Шурахбиля были бакриты, тогда как на стороне Саламы выступали, помимо прочих, таглибиты и арабы племени Бану Бахра. Битва закончилась поражением Шурахбиля, который пал в бою [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11. с. 61; Китаб ал-икд…, 1965. Т. 5, с. 222–223; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, p. 248; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 435; Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 328; Нихайат…, 2004. С. 310–311]. Впоследствии, однако, таглибиты изгнали Саламу, и он бежал к бывшим противникам – бакритам. Примечательно, что взамен Саламы таглибиты призвали на царство ал-Мунзира III [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 437].

В источниках есть и рассказы о генеральном наступлении на киндитов. Согласно им, Хосров послал за ал-Харисом Ибн Амром, пребывавшем в Пероз-Шапуре. Тот – видимо, считая, что встреча с новым царём не сулит ему ничего хорошего – бежал. Захватив его имущество и близких, ал-Мунзир бросился в погоню с конницей, состоявшей из таглибитов, Бану Бахра и Бану Ийад. Ал-Харису удалось бежать, однако его богатства были разграблены. Таглибиты захватили в плен сорок восемь членов правящего рода киндитов. По приказу ал-Мунзира все они были казнены во владениях влиятельного хирского рода

---

[706] О том, что ал-Харис разделил власть над подчинёнными ему арабскими племенами между своими сыновьями, мы знаем из нескольких источников и традиций [Abulfedae…, 1831. P. 132; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8. с. 63, т. 11, с. 61; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, p. 246; Ал-Камил…, 1987. С. 400, 435; Тарих Ибн Халдун…, 2000. С. 328]. Разбор этих сведений составляет предмет отдельного исследования.

[707] Ал-Кулаб – источник воды между современными Куфой и Басрой.

Бану Марина. Великий поэт доисламской Аравии Имру-л-Кайс, принадлежавший к правящему роду киндитов, так оплакивал бесславную гибель пленённых родственников:

«Царей (т.е. людей из царского рода. – *Д. М.*) из потомков Худжра Ибн Амра ведут в конце ночи и убивают! Если бы пали они сражёнными в день битвы – но [погибли они] в землях Бану Марина. Головы их были обмыты не водою, но кровью. Птицы усердно выклёвывают им брови и глаза» [Диван …, 2004. С. 169; ср. Abulfedae…, 1831. P. 90; Hamzae…, 1844. P. 108; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8, с. 62; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 337].

Соотнести эти события во времени непросто. По некоторым сведениям междоусобицы между сыновьями ал-Хариса начались после его смерти [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 61; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, p. 247–248]. Но это не совсем соответствует другим сообщениям источников. Обратим внимание на состав войска ал-Мунзира, посланного в погоню за ал-Харисом. Бану Таглиб и Бану Бахра подчинялись сыну ал-Хариса – Саламе. У нас нет сведений о том, чтобы Салама примкнул к ал-Мунзиру против отца. Стало быть, ал-Мунзир сначала избавился от Саламы и установил свою власть над таглибитами, а потом начал преследовать ал-Хариса[708]. Кроме того, если считать, что междоусобицы начались после смерти ал-Хариса, непонятно, почему никто из его сыновей не попытался отомстить за отца, как впоследствии поступил Имру-л-Кайс.

Почему против ал-Хариса выступили персы? Единственное прямое объяснение этого, которое мы встречаем в источниках, сводится к тому, что ал-Харис принимал у себя бежавших *зиндик*-ов, т.е. маздакитов [Hamzae…, 1844. P. 108]. Согласно другому рассказу, киндиты поддерживали отношения с Гассанидами, обменивались с ними письмами и дарами [Nashwat…, 1982. P. 245]. Возможно, излишняя независимость киндитов привела к тому, что Сасаниды увидели в них врагов.

Хронология этих событий неясна. Мусульманские авторы обычно относят их к началу правления Хосрова. Однако их рассказы находят интересную параллель в визан-

---

[708] Этот вывод подтверждается одним арабским рассказом, согласно которому ал-Мунзир сначала подчинил себе Бану Бакр и Бану Таглиб, а затем развернул наступление на киндитов, закончившееся казнью некоторых членов их правящего рода [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 424].

тийских источниках. Судя по рассказу Иоанна Малалы, в первые годы правления Юстиниана, незадолго до рассмотренного в главе 1 похода «Ксеркса», т.е. Хосрова, и Михрана (530 г.), произошёл конфликт между византийским военным комендантом Сирии и филархом сарацин Арефой. Устрашившись византийцев, Арефа бежал в какую-то область, которую Иоанн Малала называет «индийскими пределами». Узнав об этом, Аламундар (ал-Мунзир) напал на него, захватил в плен и казнил [Ioannis Malalae…, 1831. P. 434–435]. Очень похожим образом рассказывал об этом впоследствии Феофан Исповедник, хотя его текст несколько отличается. Прежде всего, Феофан указывает дату этого события – 6021 год от сотворения мира (1 сентября 528 – 31 августа 529 г.). Кроме того, в его изложении византийский наместник начал конфликт против неназванного филарха подчинённых ромеям сарацин; тот бежал во внешние пределы империи, где на него напал ал-Мунзир [Theophanis…, 1839. P. 275]. Но, несмотря на эти различия, оба рассказа явно восходят к какому-то общему источнику, на что указывает хотя бы текстуальное сходство.

Этот рассказ продолжается так. Узнав о происшедшем, Юстиниан собрал войско, к которому присоединились филарх Арефа, а также другие вожди арабов, среди которых называются Гнуф и Нааман (ан-Нуман). Теперь уже ал-Мунзир был вынужден бежать в «индийские пределы». Византийцы и союзные им арабы разорили его ставку и с победой вернулись домой [Ioannis Malalae…, 1831. P. 434–435; Theophanis…, 1839. P. 275–276].

Арефа (Ἀρέθας) Иоанна Малалы и Феофана Исповедника – несомненно ал-Харис (ар. *al-Ḥāriṯ*). Таким образом, в источниках появляются два филарха сарацин по имени ал-Харис. Их отождествление, разумеется, невозможно хотя бы потому, что один погиб прежде, чем другой выступил в поход. Ал-Харис, выступивший в поход вместе с византийцами, по-видимому, тождествен с гассанидским правителем ал-Харисом, который при Юстиниане регулярно принимал участие в войнах с Лахмидами и Сасанидами. Ал-Харис Гассанидский именуется в арабских традициях ал-Харис Ибн Джабала, из чего следует, что погибший ал-Харис не был его отцом. Значит, погибший ал-Харис с одной стороны был достаточно крупным деятелем, чтобы ответом на нападение на него стал поход на столицу

Лахмидов, а с другой – не приходился ни отцом, ни братом тогдашнему гассанидскому царю. Возможно, погибший ал-Харис – ал-Харис Ибн Амр. Мы не знаем никакого другого ал-Хариса, который соответствовал бы тому, что следует из сообщений Иоанна Малалы и Феофана Исповедника. Как показано выше, ал-Харис Ибн Амр не погиб при погоне и, значит, мог бежать с остатками войска в византийские владения. Мы знаем, что во время погони погибли два сына ал-Хариса, Умар и Малик; последний был убит в Хите [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8, с. 62]. Следовательно, члены киндитской династии бежали вверх по Евфрату, откуда путь вёл в византийские владения. Там, в Византии, могли оценить высокое положение и военный опыт ал-Хариса. Нетрудно представить себе, что он стал вождём каких-то подчинённых Византии арабов.

Здесь мы сталкиваемся с непреодолимым противоречием. У Иоанна Малалы и Феофана гибель Арефы относится ко времени, предшествовавшему походу 530 г., тогда как согласно арабским традициям киндиты были изгнаны после смерти Кавада (531 г.). Противоречие разрешается только выбором одной из версий. Но сделать такой выбор нелегко – ошибка могла быть допущена в любом из приведённых источников. У Иоанна Малала вообще не было хронологической системы, и он подчас располагал имевшиеся у него известия в произвольной последовательности. Феофан, черпая сведения у Иоанна Малалы, интегрировал их в хронологическую систему, бывшую плодом его собственных построений. Мусульманские историки, как мы видели, нередко приписывают Хосрову то, было совершено при Каваде – например, разгром маздакитов. Поэтому датировка рассматриваемых событий остаётся сомнительной, хотя реконструкция их очерёдности соответствует историческому контексту. Киндиты сходят с исторической арены, а ал-Мунзир III предстаёт в источниках как могущественный правитель и главный союзник Хосрова среди арабов.

Ал-Мунзир деятельно упрочивал свою власть над арабскими племенами. Мы видели, что ещё до наступления на киндитов он подчинил бакритов и таглибитов. В источниках сохранились воспоминания о его войне с бакритами. На предложение подчиниться они ответили отказом; тогда ал-Мунзир начал войну и разгромил их. Был взят в плен и казнён

Язид, сын Шурахбиля [Abulfedae…, 1831. P. 144; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 437]. В итоге бакриты подчинились ал-Мунзиру.

Потомки ал-Хариса сходили с политической арены один за другим. Мадикариб, правивший племенами Кайс Айлан, умер от душевного расстройства, вызванного известием о гибели Шурахбиля [Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 329]. Другой сын ал-Хариса, Худжр, был поставлен управлять племенем Бану Асад[709]. Те, недовольные наложенной на них данью, подняли восстание, закончившееся гибелью Худжра [Ibn Qotaiba, 1904. P. 37–38, 43; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8. с. 63–64; The Book of Creation…, 1962. P. 202; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 400–403; Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 329][710].

Сведения о Худжре мы черпаем из рассказов о его сыне – поэте Имру-л-Кайсе, стих которого приведён выше. Биография и литературное наследие Имру-л-Кайса заслуживают отдельного исследования; мы, будучи связаны темой настоящей работы, рассмотрим лишь один эпизод. Желая отомстить за отца, Имру-л-Кайс привлёк к союзу бакритов и таглибитов. Бану Асад отступили, но бакриты и таглибиты отказались их преследовать. Столкнувшись с оппозицией среди союзников, Имру-л-Кайс бежал. Ал-Мунзир впоследствии преследовал его

---

[709] Об исторических местах расселения Бану Асад мы знаем благодаря ал-Якуби, согласно которому они жили на всём пространстве от Тихамы до дворцов Хиры [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, p. 265].

[710] Некоторое время прослеживается ещё по источникам последний известный сын ал-Хариса Киндитского – Кайс. Вероятно, именно к нему при Юстиниане была направлена византийская миссия, о которой известно по выпискам Фотия из рассказа посла – Нонна. В этом рассказе Кайс предстаёт как филарх (племенной вождь) и απόγονος Арефы, также филарха [Fragmenta…, 1851. P. 179]. Слово απόγονος может относиться к потомку вообще, т.е. к сыну, внуку и т.п. Но здесь απόγονος – «сын», так как иначе трудно объяснить, почему Нонн называет деда Кайса, но не говорит о его отце. Согласно тому же источнику, Кайс правил киндитами и мааддитами [Fragmenta…, 1851. P. 179]. Согласно арабским преданиям, Кайс Ибн ал-Харис был скитальцем (*sayyāra*) и правил теми, кто принимал его [Насаб…, 1988. С. 170; Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 328]. Видимо, вокруг Кайса объединялись представители различных племён, среди которых могли оказаться и киндиты, и мааддиты.

с племенными ополчениями Бану Ийад, Бану Бахра и танухитов, а также с конным отрядом, присланным Хосровом [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 8. с. 67–68, т. 19, с. 98].

Из этого рассказа видно, что таглибиты хотя бы на время отпали от ал-Мунзира. На такие действия ал-Мунзир реагировал жёстко. В источниках сохранились воспоминания о том, что ал-Мунзир воевал с таглибитами; многие из них в страхе перед ним ушли в Сирию [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9, с. 177]. Власть ал-Мунзира над оставшимися таглибитами была восстановлена и в дальнейшем поддерживалась не менее жёсткими методами. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани сообщает со слов Хишама ал-Кальби, что бакриты и таглибиты подчинялись ал-Мунзиру; тот взял заложников из обоих племён. В то же время он стремился пресечь межплеменные распри, часто возникавшие из-за того, что члены одного племени убивали представителей другого, и поиск виновных приводил к конфликту. Ал-Мунзир установил, что ответственность за смерть несёт то племя, в лагере которого найден убитый. Если же труп находили между стоянками, ответственность за убийство несло то племя, лагерь которого находился ближе всего к телу [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9, с. 171].

Сведения восточных авторов и здесь можно сопоставить с данными византийских источников. Согласно Марцеллину Комиту, в 536 г. около пятнадцати тысяч сарацин с вождями (*phylarchi*), имена которых в латинском отложительном падеже написаны как *Chabo (араб. Ka'b, Каб) и Hezido (араб. Yazīd, Язид)* переселились в Евфратисию. Марцеллин сообщает также, что они ушли от ал-Мунзира вследствие засухи и непригодности пастбищ [MGH, 1894. P. 105], но эти слова нуждаются в критическом осмыслении. В наиболее засушливые области вытеснялись прежде всего противники ал-Мунзира – значит, не исключено, что и в этом случае мы имеем дело с теми, кто так или иначе не смог приспособиться к его правлению[711].

---

[711] Это переселение не оставило следов в арабских традициях. Его нельзя отождествить ни с уходом таглибитов (хотя имя Каб встречалось среди них), ни с последующими миграциями Бану Ийад (см. ниже). Ал-Якуби называет вождём Бану Ийад времени их переселения в Сирию Каба Ибн Маму [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 258], которого можно было бы попытаться отождествить с Кабом, о

Другие важные события на юго-западе направлении связаны с Бану Ийад. В источниках обнаруживаются рассказы о том, что Бану Ийад в правление Хосрова вторгались в сасанидские владения, но потерпели поражение и в конце концов были вынуждены уйти в Византию. Во многих случаях источником сведений был исторический комментарий к стихотворению поэта Лакита[712], в котором тот предупреждал своих соплеменников Бану Ийад, что на них идут войска персидского царя [Maçoudi, 1863. P. 176; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 23–24; Ibn Qotaiba, 1904. P. 97–98; Муджам аш-шуара…, 1982. С. 175; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 72–73; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 302; Диван…, 1998. С. 72–73]. В передаче стихотворения есть разночтения. В приписываемом Хишаму ал-Кальби комментарию к стихам Лакита, а также в версиях Ибн Кутайбы, Абу-л-Фараджа ал-Исфахани и Ибн ал-Асира [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 24; Ibn Qotaiba, 1904. P. 97; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 302; Диван…, 1998. С. 73] упоминается *Кисра*, что даёт основание отнести стихотворение, самое раннее, к временам Хосрова Ануширвана, ибо прежде имя *Кисра* не применялось, но у ал-Масуди и его современника ал-Амиди этого слова нет [Maçoudi, 1863. P. 176; Муджам аш-шуара…, 1982. С. 175]. До ал-Бакри дошли оба варианта [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 72]. Видимо, уже в раннее средневековье было трудно определить время этих событий, чем объясняются расхождения.

Попробуем установить линию событий. Бану Ийад были независимым племенем. К ним применялся эпитет *laqāḥ*, т.е. независимые, не платящие дань [Ibn Qotaiba, 1904. P. 97; Диван…, 1998. С. 71]. Их кочевья, согласно источникам, располагались на пространстве от реки Синдад до Хиры. По словам Абу-л-

---

котором говорит Марцеллин Комит. Однако арабы Марцеллина Комита ушли от ал-Мунзира, тогда как Бану Ийад, о которых повествует ал-Якуби, эмигрировали из района Тикрита, никогда не входившего в число владений Лахмидов.

[712] Имя пишется по-разному: Лакит Ибн Муаммар (لقيط ابن معمَر) у Ибн Кутайбы [Ibn Qotaiba, 1904. P. 97], Лакит Ибн Ямур (لقيط ابن يعمر) в *Диван*-е Лакита, а также у Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, ал-Бакри и Ибн аш-Шаджари [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 23–24; Мухтарат…, 1925. Ч. 1, с. 1; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 72; Диван…, 1998. С. 71], Лакит Ибн Мубид (لقيط ابن مبيد) у ал-Амиди [Муджам аш-шуара…, 1982. С. 175].

Фараджа ал-Исфахани, они постоянно совершали набеги на население соседних районов Савада и нападали на царей Хиры [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 23][713].

В какой-то момент Бану Ийад перешли Евфрат и вторглись в Савад. Большинство авторов относят это к правлению Хосрова Ануширвана [Ibn Qotaiba, 1904. P. 97; Муджам аш-шуара…, 1982. С. 175; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 71; Ансаб…, 1987. С. 27; Диван…, 1998. С. 71–72]. Возможно, дело свелось бы к заурядному набегу, но в руки Бану Ийад попала ценная добыча. Согласно Ибн Кутайбе, они захватили добро, принадлежавшее Хосрову [Ibn Qotaiba, 1904. P. 97] – видимо, податные поступления, отправленные царю. По другим рассказам, Бану Ийад взяли в плен персидских женщин [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 70], жену Хосрова Ануширвана [Диван…, 1998. С. 71–72] (что кажется явным вымыслом) или женщину, принадлежавшую к персидской знати. В этой последней версии, которую приводят Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (со ссылкой на передатчиков, среди которых ал-Кальби – скорее всего, Хишам) и ал-Бакри, речь идёт даже не о племенном набеге, а о вылазке, которую совершили глупцы (*sufahā'*) и юнцы (*aḥdāṯ*)

---

[713] В арабском тексте – *wa lam yazālū yuġīrūna 'alā ahālī-him min arḍ al-Sawādi wa yaġzūna mulūk ahl Naṣr*. В другой версии того же рассказа, которая дана у ал-Бакри, эта фраза приводится по-другому: *wa baqiyat hunālak tuġīru 'alā man yalī-hā min ahl al-bawādī wa taġzū ma'a mulūk āl Naṣr al-maġāzī*, что следует интерпретировать как «и они оставались там (между Синдадом и Хирой. – *Д.М.*), нападая на жившее рядом с ними население негородских районов (*al-bawādī*) и ведя войны (вместе?) с царями из рода Насра» [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 69–70]. Путаница между *al-Sawādi* (Савад) и *al-bawādī* (негородские районы, периферия) показывает, что расхождения между текстами в основном вызваны оплошностями переписчиков, по-разному передававших исходный текст. В связи с этим довольно трудно определить, как следует читать текст ал-Бакри: имеется ли в виду, что Бану Ийад воевали с Насридами, т.е. царями Хиры, или что они воевали вместе с царями Хиры. Сравнение с текстом Абу-л-Фараджа ал-Исфахани свидетельствует в пользу первого прочтения, однако без исходного текста мы должны считаться и с возможностью того, что верно второе. Во всяком случае, *al-bawādī* ал-Бакри кажется более вероятным чем *al-Sawādi* Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, так как не в каждом набеге Бану Ийад переходили Евфрат и вторгались в Савад.

[Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 23; Муджам ма истаджам…, 1983. С. 70]. При этом в тексте ал-Бакри, в отличие от известия Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, называется имя женщины – Ширин. Это, однако, кажется скорее заимствованием из другого рассказа, который ал-Бакри приводит со ссылкой на Хишама ал-Кальби, – о том, как во времена Хосрова II Парвиза воины племени Бану Ийад совершили дерзкую вылазку и в одном закрытом саду встретили любимую жену царя – Ширин. Разгневавшись на Бану Ийад, Хосров Парвиз послал на них войска. Многие Бану Ийад погибли; остальные были вынуждены оставить Месопотамию и уйти в Сирию [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 72–75]. Очевидно, сведения этих двух смешались, чем и следует объяснять то, что источник ал-Бакри не знал, следует ли относить рассказ о пленении Ширин ко временам Хосрова Ануширвана или Хосрова Парвиза.

Действия Бану Ийад вызвали ответную реакцию. Согласно наиболее подробной версии у Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, против них выступили персы из близлежащих областей [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 23]. Можно представить себе, что это были войска из расположенных по Евфрату крепостей, отстроенных ещё при Шапуре II. При их приближении Бану Ийад стали отступать и переправились обратно за Евфрат. Сасанидские войска преследовали их и там, но в сражении, разыгравшемся около одного монастыря, расположенного недалеко от Хиры, Бану Ийад одержали победу. Согласно арабским преданиям, головы или тела погибших персов сложили в кучу, вследствие чего монастырь получил название «Монастырь черепов» (*Dayr al-ǧamāǧim*)[714]. Ибн Кутайба изображает успехи Бану Ийад ещё более внушительными: они раз за разом разбивали войска, которые против них посылал Хосров Ануширван [Ibn Qotaiba, 1904. P. 97].

Совершенно по-другому изображает эти события ал-Балазури. По его словам, Хосров Ануширван направил против Бану Ийад большое войско. Бану Ийад бежали, причём многие

---

[714] Существовала и иная точка зрения, согласно которой черепа, лежавшие возле монастыря, принадлежали арабам, погибшим в межплеменной борьбе. Её принимал на веру Ибн ал-Факих [Compendium…, 1885. P. 182–183]. Однако Хишам ал-Кальби, знавший обе версии, считал правильной ту, где говорилось о сражении с персами [Yāqūt…, 1957. T. 2, P. 504; Ансаб…, 1987. С. 26].

из них утонули при переправе через реку (Евфрат), а уцелевшие пытались найти убежище у таглибитов, но те отнеслись к ним враждебно. Вследствие этого некоторые Бану Ийад осели в Хире, причём скрывали своё происхождение, другие ушли в иные области; большинство же эмигрировало в Сирию [Ансаб…, 1987. С. 27].

Рассказы о переселении Бану Ийад, хотя и отличные от повествования ал-Балазури, встречаются и в других источниках. Ибн Кутайба рассказывает, что после победы над персами (см. выше) Бану Ийад переселились в Месопотамию. Хосров послал на них шестидесятитысячное войско. В решающей битве Бану Ийад потерпели поражение, после чего разделились: одни ушли в Сирию, другие вернулись в Савад (видимо, имеются в виду их прежние места обитания в южном Ираке), третьи остались в Месопотамии [Ibn Qotaiba, 1904. P. 97]. Сходным образом повествует об этом ал-Бакри, хотя этот последний рассказ, независимый от известий Ибн Кутайбы, содержит некоторые новые подробности. Согласно ему, Бану Ийад, изгнанные Хосровом Ануширваном, переселились в Месопотамию и осели в районах Тикрита и Мосула, а также в других областях. Хосров Ануширван послал на них войско из персов и арабов-бакритов. Решающее сражение состоялось у селения ал-Хараджиййя (*al-Ḥarağiyya*) между Тикритом и Мосулом. Многие из Бану Ийад погибли; их могилы оставались там ещё долго. Уцелевшие Бану Ийад ушли в Сирию [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 70–71].

Аналогия с этими источниками позволяет понять и дальнейший ход рассказа Абу-л-Фараджа ал-Исфахани. Согласно ему, Хосров, узнав о поражении персидского войска за Евфратом, послал против Бану Ийад некоего Малика Ибн Харису ат-Таглиби с войском, в состав которого входили также четыре тысячи персидских всадников (*asāwira*). Но битва с Бану Ийад состоялась не близ Евфрата, как можно было бы ожидать, а в Месопотамии, в месте, именуемом Мардж ал-Акам. Далее, как и в других источниках, сообщается, что Бану Ийад, проиграв решающее сражение, ушли в Сирию; прибавлено, впрочем, что они, из страха перед Гассанидами и кудаа, обосновались в районе Анкиры (Анкары) [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 23–24].

В дополнение к этим известиям ал-Бакри приводит сведения ещё одной независимой традиции, согласно которой Бану Ийад первоначально жили в аш-Шакике (неподалёку от Меди-

ны), а затем по договорённости с каким-то персидским *марзбан*-ом переселились в ас-Салабиййю, расположенную на пути, известном в более поздние времена как путь из Мекки в Куфу. По истечении срока действия договора Бану Ийад изгнали персов и двинулись в направлении Хиры. Овладев Зубалой, расположенной далее по тому же пути, Бану Ийад изгнали оттуда местных жителей. Утвердившись на новых землях, они предприняли вторжение за Евфрат и дошли до Джаббула (на Тигре, несколько выше будущего ал-Уасита), где разгромили войско персов. Оттуда Бану Ийад двинулись на северо-восток и осели в районах Мосула и Тикрита. Затем воцарился Хосров Ануширван; он послал против Бану Ийад войско из персов и арабов-бакритов. Они разбили Бану Ийад и заставили их уйти в селение ал-Хараджиййю между Тикритом и Мосулом. В состоявшемся там сражении многие Бану Ийад погибли; те, кому удалось выжить, ушли в византийские владения. Интересно, что и в этом рассказе есть упоминание о сохранившихся могилах Бану Ийад [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 341].

Рассказ о переселении Бану Ийад в Месопотамию нуждается в критическом осмыслении. Несмотря на сообщение ал-Бакри (см. выше) маловероятно, чтобы Кавад позволил им беспрепятственно совершить марш по сасанидским владениям и достичь северной Месопотамии. В главе 2 части I показано, что Кавад боролся с Бану Ийад и посылал против них войска. Поэтому в сказании, приводимом у ал-Бакри, следует видеть легенду из героического эпоса этого племени. Переселение, скорее всего, было принудительным. Вероятно, Хосров, разгромив Бану Ийад поблизости от Евфрата, подчинил их себе и переселил некоторых из них на новые места, а затем по каким-то причинам изгнал и оттуда. Согласно ал-Якуби, Хосров поселил Бану Ийад в районе Тикрита, но затем изгнал оттуда. Бану Ийад ушли в византийские владения и осели в районе Анкиры [Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 258].

Некоторые умозаключения можно сделать и по рассказам о Лаките. При всех разночтениях в источниках начало его стихотворного предупреждения во всех передачах неизменно; это обращение к тем Бану Ийад, которые находятся в Месопотамии. Таким образом, стихи Лакита следует связывать именно с рассказом об изгнании Бану Ийад из Месопотамии и битве при

ал-Хараджиййе[715]. Далее, мы знаем, что Лакит был одним из вождей Бану Ийад [Муджам аш-шуара…, 1982. С. 175] и пытался предупредить соплеменников, находясь у Сасанидов. Ал-Масуди утверждал, что Лакит находился в войске персов [Maçoudi, 1863. P. 176]. Ал-Бакри, приводя со слов ал-Кальби рассказ о встрече воинов Бану Ийад с Ширин, сообщает, что Лакит находился у Хосрова под стражей [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 72]. Здесь вновь напрашивается аналогия с временами Шапура II, который, как показано в главе 3 части I, держал вождей арабов отдельно от племён, в Пероз-Шапуре, где мог их контролировать.

Бану Ийад, которые, согласно Ибн Кутайбе, остались в Саваде, также попали под власть Сасанидов. Об этом свидетельствуют многочисленные рассказы мусульманских авторов о знаменитой битве при Зу Каре. Бану Ийад участвовали в этой кампании на стороне Сасанидов и составляли единый отряд вместе с арабами-кудаа. Этим отрядом командовал не один из Бану Ийад, а представитель племени Бану Бахра, которое относилось к кудаа [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 20, с. 134; Yāqūt…, 1957. Т. 4, P. 294; Китаб ал-икд…, 1965. Т. 5, с. 263]. Следовательно, в начале VII в. Бану Ийад играли второстепенную и подчинённую роль, что резко контрастирует со словами Ибн Кутайбы об их прежней независимости.

Датировать события, о которых идёт речь, с точностью до года, разумеется, невозможно. Согласно одному из источников ал-Бакри, Бану Ийад вторглись в сасанидские владения вскоре после воцарения Хосрова Ануширвана [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 71]. В рассмотренном выше сказании о переселении Бану Ийад из аш-Шакики вторжение происходит в

---

[715] Заметим, что о стихотворении Лакита говорит и ал-Масуди. Его рассказ о Бану Ийад похож на то, что мы находим в других источниках. Бану Ийад вторглись во владения персов и на какое-то время закрепились в них, проводя лето в Месопотамии, а зиму – в Ираке. Впоследствии персы изгнали их, и они ушли в Сирию. У ал-Масуди, как и у Ибн ал-Асира, эти события относятся к правлению Шапура II [Maçoudi, 1863. P. 175–178; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 302–303], что не соответствует сведениям большей части источников (см. выше) и потому кажется маловероятным. Но показательно, что и здесь стихотворение Лакита связано с пребыванием Бану Ийад в Месопотамии.

конце правления Кавада, а изгнание племени – уже при Хосрове. В целом рассказы о вторжении Бану Ийад в Савад кажутся тем правдоподобнее, чем ближе мы сдвигаем их датировку к началу правления Хосрова. С течением времени власть Хосрова усиливалась; само имя могущественного царя, несомненно, удерживало арабов от вторжения[716]. Скорее наоборот, вторжение должно было состояться в первые годы царствования Хосрова, когда его власть ещё не успела окрепнуть, а на евфратской границе сохранялась неопределённость. Однако решительные действия, предпринятые Хосровом, привели к консолидации власти Сасанидов на юго-западе.

Наибольшее стратегическое значение имел, однако, северо-запад, где державе Хосрова противостояла Византия. К началу своего царствования Хосров, судя по всему, был настроен по отношению к Византии весьма враждебно. Ещё совсем недавно он лично участвовал в войнах против неё, которые вёл его отец Кавад. Более того, византийские императоры уже дважды давали ему повод считать себя оскорблённым. Юстин I отказался усыновить его, чем, помимо прочего, лишил столь нужной поддержки в борьбе за власть. Юстиниан, в свою очередь, ясно дал понять, что, несмотря на все ухищрения с завещанием Кавада, не считает Хосрова законным правителем.

Всё это наложило заметный отпечаток на дальнейшее развитие событий. Через некоторое время после установления единовластия Хосрова Юстиниан возобновил мирные переговоры. Судя по источникам, они проходили очень трудно[717]. Византийским послам Гермогену и Руфину пришлось всячески уговаривать Хосрова (что Прокопий Кесарийский считал непо-

---

[716] Не следует, разумеется, забывать и о крепостях на Евфрате, построенных ещё при Шапуре II. Как показано в прим. 415, некоторые авторы утверждают, что в правление Шапура II от среднего течения Евфрата до Персидского залива был прорыт канал, на котором воздвигли крепости; другие приписывают эти работы Хосрову Ануширвану. Кажется, эти расхождения в источниках следует объяснять тем, что Хосров обновил крепости на Евфрате – в том числе и те, что были предназначены для защиты от вторжений с юго-запада – а возможно, построил и новые.

[717] Марцеллин Комит прямо называет эти переговоры «огромной каждодневной работой» [MGH, 1894. P. 103].

добающим [Procopius, 1914. P. 202–203]), подносить ему и, вероятно, сановникам, богатые дары и даже действовать через царицу-мать [Historia…, 1921. P. 100]. Хосров соглашался заключить бессрочный мирный договор, но требовал взамен вывода византийских войск из Дары, возврата Фарангиона и Вола и единовременной уплаты ста десяти кентинариев (3601,95 кг.) золота. В случае невыполнения этого требования Хосров угрожал потребовать сноса Дары[718]. При этом сам Хосров отказывался передать византийцам захваченные персами (по-видимому, войсками Кавуса) крепости Лазики. Поскольку не все требования Хосрова были приемлемы для Юстиниана, могла вспыхнуть новая война. Но в конечном счёте был заключён договор, который Прокопий Кесарийский называет вечным миром. Его условия мы в основном узнаём от того же автора. Стороны согласились вернуть друг другу все захваченные крепости (в частности, ромеи возвращали Фарангион и Вол, персы – крепости Лазики[719]). Юстиниан согласился вывести войска из Дары. Бежавшим в Византию ивирам был предоставлен выбор – остаться у императора или возвратиться на родину. Прокопий не сообщает, была ли уплачена вся сумма, которую требовал Хосров, но мы узнаём, тем не менее, что какие-то средства послы передали царю [Ioannis Malalae…, 1831. P. 477–478; Procopius, 1914. P. 202–209; Procopius, 1962. P. 186–189][720].

---

[718] По словам Прокопия Кесарийского, Хосров угрожал и тем, что потребует передать персам крепость на Каспийских Воротах [Procopius, 1914. P. 204–205]. Это, однако, кажется маловероятным, так как крепости, закрывавшие проход через Каспийские Ворота (под ними Прокопий понимает укрепления, закрывавшие проход через Дарьяльское ущелье – см. прим. 385) уже находились под властью персов (см. главу 3 части I).

[719] Из этих крепостей называются только Сканда и Сарапаны (Шорапани), прикрывавшие путь из Лазики в Ивирию.

[720] Прокопий Кесарийский относит это событие к шестому году правления Юстиниана [Procopius, 1914. P. 208–209], который, если принять во внимание манеру этого автора вести счёт годам (см. прим. 724), соответствует времени с апреля 532 г. по март 533 г. В другом месте Прокопий сообщает, что Юстиниан заключил мир с персами до начала экспедиции против вандалов, чтобы Византия не была связана войной на востоке. Велисарий был послан с войском против вандалов в июне седьмого года правления Юстиниана, т.е. в июне 533 г.

Мирный договор был выгоден и Юстиниану, и Хосрову. Первый, воспользовавшись паузой на востоке, разгромил вандалов в Африке и начал активные действия против остроготов в Италии, второй упрочивал свою власть внутри державы и укреплял границы. Но установившееся равновесие было непрочным. Каждая из держав начинала уже действовать против другой. Юстиниан продолжал вести активную политику в Закавказье. Он подчинил Лазику власти византийского наместника [Procopius, 1914. P. 280–281], и принял в Константинополе царя ивиров, который у Феофана Исповедника именуется Ζαμαναρσὸς, а у Георгия Кедрина – Ζαβαναρζὸς. Обласкав и щедро одарив этого царя, Юстиниан отправил его обратно[721]. Кроме того, Юстиниан, как показано в главе 3 части I, союзничал с правительницей гуннов-савиров Воей. Эти и другие гунны получали от Юстиниана щедрые дары[722], а взамен участвовали в войнах против вандалов в Африке и остроготов в Италии. Известно, что Юстиниан даже пытался привлечь на свою сторону ал-Мунзира III [Procopius, 1914. P. 262–263, 282–283]. Обобщая эти факты, Прокопий Кесарийский писал:

[Procopius. 1916. P. 90–91, 110–111]. Марцеллин Комит относит заключение мирного договора к году, соответствующему 533 г. [MGH, 1894. P. 103]. Известиям византийских историков соответствуют слова Иакова Эдесского о семилетнем мире [Chronica…, 1907. Сир. текст, с. 319]. Поскольку Хосров начал войну весной 540 г., мирный договор должен был быть заключён к весне 533 г. В связи с этим трудно объяснить, почему в сирийском житии мученика Григория (Пиран-Гушнаспа) говорится, что Хосров на третьем году своего правления (16 июля 533 – 15 июля 534 г.) отправил в Византию послов для упрочения мира [Histoire…, 1896. P. 360]. Если не предполагать, что автор жития ошибается, остаётся считать, что речь идёт о неизвестных нам дипломатических формальностях или о переговорах по вопросам, не охваченным мирным договором.

[721] У Феофана это событие датируется 6027 г. от сотворения мира (1 сентября 534 – 31 августа 535 г.) [Theophanis…, 1839. P. 336], у Кедрина – восьмым годом правления Юстиниана (534/535 г.) [Georgius Cedrenus, 1838. P. 650].

[722] Об этом немало говорит Прокопий Кесарийский, критически относившийся к такой дипломатии Юстиниана [Ανεκδοτα…, 1856. P. 132–133].

«И, отдав Хосрову многие кентинарии в обмен на мир, он (Юстиниан. – *Д. М.*) по самовластному решению и без всякой причины стал [затем] главным виновником расторжения мирного договора, обхаживая Аламундара (ал-Мунзира III. – *Д. М.*) и союзных персам гуннов и стараясь сделать их своими друзьями…» [Ανεκδοτα…, 1856. P. 134–135].

Укрепив свою власть в центре и на границах, Хосров через некоторое время тоже начал активные действия. Узнав о разгроме государства вандалов (534 г.), он потребовал от Юстиниана золота, обосновав это тем, что без мира на востоке экспедиция в Африку была бы невозможна. Юстиниан откупился [Procopius, 1914. P. 252–253], но это остановило Хосрова лишь на время. Вскоре Хосров принял у себя послов остроготского короля Витигиса, предлагавших ему союз против Византии [Procopius, 1914. P. 264–269]. Получив известие о том, что Велисарий начал завоевание Италии (535 г.), Хосров велел ал-Мунзиру III найти повод к войне. Арабы не упоминались в мирном договоре с Византией, и никакие действия ал-Мунзира формально не могли считаться его нарушением. Ал-Мунзир предъявил претензии к ал-Харису Ибн Джабале и потребовал издревле причитавшуюся Лахмидам дань с племён, живших к югу от Пальмиры, в местечке Страта [Procopius, 1914. P. 260–263]. Прокопий Кесарийский, от которого мы узнаём об этом, представляет дело как территориальный спор, но едва ли ал-Мунзир мог действительно притязать на область Пальмиры. По всей вероятности, требования ал-Мунзира касались ушедших от него в византийские владения арабских племён (см. выше). Возможно, ал-Мунзир требовал выдачи этих арабов или уплаты такой дани, какую они платили бы, будучи его подданными. Эти требования были, очевидно, неприемлемы для Гассанидов.

Юстиниан – видимо, понимая, как трудно воевать с персами и готами одновременно – попытался решить дело миром. Посланцы императора повели переговоры с ал-Мунзиром. Но это только помогло Хосрову. Ал-Мунзир всё равно напал на византийские владения [Procopius, 1914. P. 292–293]. Исторический контекст показывает, что этот поход был, скорее всего, направлен против Гассанидов. В этом отношении слова Прокопия Кесарийского интересно сравнить с данными традиции, сведения которой пересказывают ат-Табари и ад-Динавари. Согласно ей, гассанидский полководец Халид Ибн Джабала (судя

по всему – брат ал-Хариса) напал на владения Лахмидов, подверг их разорению и перебил немало людей [Ал-Ахбар…, 1960. С. 68; Annales..., 1964. Ser. I, P. 958]. Видимо, Халид, отразив нападение ал-Мунзира, сам совершил удачный поход на владения Лахмидов.

Происшедшее давало Хосрову множество поводов к войне. Прокопий Кесарийский так описывает позицию царя:

«Хосров, царь персов, говорил, что мирный договор был расторгнут Юстинианом, незадолго до этого обнаружившим [коварные] замыслы по отношению к его дому; [это проявилось в том], что он при действовавшем мирном договоре попытался установить дружественные отношения с Аламундаром. [Хосров утверждал, что] Сумм[723], который незадолго до этого прибыл к нему (ал-Мунзиру III. – *Д. М.*) на словах для разбирательства дела, обхаживал его, обещая немалые богатства, чтобы он перешёл на сторону ромеев, и предъявлял письмо, которое император Юстиниан написал об этом Аламундару. И некоторым из гуннов [как утверждал Хосров,] он (Юстиниан. – *Д. М.*) написал письмо, побуждая их вторгнуться в землю персов и сильно разорить те области. Он говорил, что сами гунны, явившись пред очи его, передали ему это письмо. Упрекая в этом ромеев, Хосров намеревался расторгнуть мирный договор» [Procopius, 1914. P. 262–265].

В традициях ат-Табари и ад-Динавари, к этому добавляется мотив, связанный с гассанидско-лахмидским конфликтом. Согласно им, ал-Мунзир пожаловался на Гассанидов Хосрову. Тот написал Юстиниану, требуя от него приказать Халиду вернуть захваченную в лахмидских владениях добычу и уплатить виру за убитых (ат-Табари) или покарать убивавших (ад-Динавари). Император, однако, ничего не сделал, чем вызвал войну [Ал-Ахбар…, 1960. С. 68; Annales..., 1964. Ser. I, P. 958–959]. Похожий рассказ, хотя и с некоторыми вариациями, есть и в *Шах-намэ* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2334–2336].

Чувствуя приближение войны, Юстиниан написал Хосрову, указав, что обвинять Византию в сношениях с ал-Мунзиром нельзя, так как лахмидский царь ещё совсем недавно совершал нападения на владения империи [Procopius, 1914. P. 292–293].

---

[723] Командующий византийскими войсками в Палестине, один из двух посланников, направленных Юстинианом для разрешения спора.

Но это уже не могло остановить Хосрова. В *Шах-намэ* мы читаем, что Хосров, обмениваясь письмами с императором, посылал против Византии ал-Мунзира и сам готовился к походу [Ferdowsi's…, 1935. P. 2335–2338].

Весной 540 г.[724] царь вторгся с войском в византийские пределы. В *Шах-намэ* подробно описывается построение войска Хосрова и называются имена военачальников: передовым отрядом командовал Хормузд Харрад, левым крылом – Фархад, правым – человек по имени Пероз, который уважительно именуется *ustāḏ*[725]. Центр, основная часть войска, был вверен Перозу Михрану. Главным среди полководцев называется Широй Вахрам [Ferdowsi's…, 1935. P. 2340].

Войско Хосрова наступало вверх по Евфрату. Персы двигались по тем местам, в которых обычно воевали арабы. Было бы странно, если бы в такой поход Хосров отправился без столь нужного в данной ситуации союзника как ал-Мунзир III. Поэтому, хотя источники прямо не говорят об участии ал-Мунзира в походе, оно, тем не менее, представляется вполне вероятным.

Хосров явно стремился как можно скорее пройти по течению Евфрата и вторгнуться в византийские владения. Персы

---

[724] Восстановление этой даты важно не только для настоящего исследования; оно показывает, как строил свою хронологию Прокопий Кесарийский. По его словам, Хосров начал войну в то время, когда зима сменялась весной, и близился к концу тринадцатый год правления Юстиниана [Procopius, 1914. P. 294–295]. Стало быть, для Прокопия год правления Юстиниана начинался весной. Он не был тождествен византийскому календарному году, начинавшемуся первого сентября. Очевидно, Прокопий отсчитывает годы правления Юстиниана со дня его провозглашения соправителем Юстина I за три дня до Пасхи, т.е. с 1 апреля, 527 г. [Ανεκδοτα…, 1856. P. 120–121]. Тогда тринадцатый год правления Юстиниана должен был закончиться к началу апреля 540 г. Это соответствует сведениям «Эдесского хроникона», согласно которому Хосров расторг мирный договор с Византией и вторгся в её пределы в марте 851 года селевкидской эры, чему соответствует март 540 г. [Chronica minora..., 1903. Сир. текст, с. 13]. Значит, вторжение персов началось в марте 540 г. Иные датировки, которые встречаются в источниках [Chronique…, 1899. T. 2, 1901. T. 2, P. 205; Kitab al-ʿUnvan…, 1912. P. 430; Incerti auctoris…, 1933. P. 69], представляются ошибочными.

[725] Букв.: «знаток», «мудрец».

миновали Киркесий и «город Зеновии»[726], не тратя времени на их осаду. Затем, двигаясь далее по течению Евфрата, они подошли к городу Сура[727], который взяли хитростью. Гарнизон и население Суры приготовились сражаться. Хосров начал переговоры, но, оказавшись у открытых ворот, персы заблокировали их камнем. Воины Хосрова ворвались в крепость и разорили её. Вслед за этим Хосров двинулся на Гиераполь (Манбидж). Там его встретил епископ Вереи (Алеппо) Мегас, просивший пощадить христиан Востока. Хосров повёл переговоры с ним и с посланцами жителей Гиераполя. Последним удалось откупиться двумя тысячами либр (654,9 кг.) серебра, и персы не стали осаждать город[728]. Мегасу Хосров обещал уйти, если Византия заплатит выкуп в размере десяти кентинариев золота. Но эта договорённость оказалась мертворожденной. Мегас уехал в Антиохию, а Хосров с войском двинулся на Верею. Стены города были непрочны, вследствие чего гарнизон и население укрылись в цитадели. Персы овладели городом, а затем, судя по все-

---

[726] Имеются в виду, кажется, развалины Халабиййи и Залабиййи.

[727] С Сурой (сирийское название – Шура) следует, вероятно, идентифицировать крепость Шур Аб, о взятии которой говорится в *Шах-намэ* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2343]. На пути к Суре войска Хосрова должны были миновать другую крепость – Каллиник. Фирдоуси собщает, что персы взяли крепость قالينيوس [Ferdowsi's…, 1935. P. 2345–2346]. В этой графической форме легко угадывается قالينيقوس, т.е. *Callinicus* (Каллиник). Вместе с тем, из авторов источников о взятии Каллиника говорит только Иаков Эдесский, но по какой-то причине отдельно от сообщения о походе Хосрова в Сирию. По словам Иакова, Хосров разорил Каллиник и всю Месопотамию [Chronica…, 1907. Сир. текст, с. 320]. Однако речь может идти только о событиях 540 г., так как далее Иаков повествует о походе Хосрова в Лазику. Видимо, Хосров действительно взял Каллиник во время кампании 540 г., а Иаков Эдесский просто компилирует два сообщения из разных источников.

[728] Согласно трактату Прокопия Кесарийского «О постройках», Гиераполь был главным городом этой части Евфратисии [Procopius, 1838. P. 236]. Основываясь на этом, мы можем предполагать, что Гиераполь был хорошо защищён, и Хосров решил не тратить время на его осаду. Точно так же он, подойдя к Сергиополю (совр. ар-Русафа), не смог овладеть городом и вскоре снял осаду, о чём мы узнаём из того же источника [Procopius, 1838. P. 234–235].

му, взяли также и цитадель. Однако Мегас вновь вступил в переговоры с Хосровом и добился пощады для жителей города.

Из Вереи Хосров двинулся на Антиохию, которая, видимо, была его главной целью. К тому времени к защитникам города подошли подкрепления: сначала триста воинов, затем ещё шесть тысяч. Прокопий Кесарийский сообщает, что Юстиниан направил на защиту Антиохии своего племянника Германа [Procopius, 1914. P. 308–309][729]. Приблизившись к городу, Хосров направил своего представителя – переводчика Павла на переговоры о сдаче, обещая уйти за выкуп в десять кентинариев (327,45 кг.) золота. Но жители Антиохии встретили Павла насмешками и оскорблениями. Разгневанный Хосров в ответ приказал начать штурм города. Персидские лучники обрушили на защитников города дождь стрел[730], стремясь помешать перемещениям осаждённых. Хосров наблюдал за ходом осады со специально построенной смотровой башни, где рядом с ним находился Заверган. В разгар осады византийские воины стали прорываться в пригороды. Персы пропустили их, а затем легко овладели городом[731]. Антиохия была разорена, а многие её жители – перебиты. Пленных угнали во владения Хосрова и поселили в специально построенном для них городе, который официально назывался *Вех-аз-Андив Хосров* («Лучше Антиохии [сделал] Хосров»), а в обыденном языке – *Арумиган* («поселение ромеев») или *Шахрастан-и-ног* («Новый город»).

Ещё до осады Антиохии Юстиниан направил к Хосрову послов. Один из них. Юлиан, бывший писцом Юстиниана по тай-

---

[729] Хотя Герман, судя по рассказу Прокопия Кесарийского, покинул Антиохию ещё до подхода войск Хосрова [Procopius, 1914. P. 316–319], в восточной литературе сохранились упоминания о том, что в городе находился сын императора [Maçoudi, 1863. P. 198; Histoire…, 1900. P. 612].

[730] Это выражение – *tīrbārān* – использует в описании осады персами одной из византийских крепостей во время данного похода Фирдоуси [Ferdowsi's…, 1935. P. 2343].

[731] Самая точная дата взятия Хосровом Антиохии, которую мы находим в источниках, принадлежит Иоанну Малале. По его словам, персы овладели городом в июне третьего года индикта, т.е. в июне 540 г. [Ioannis Malalae…, 1831. P. 479–480]. Если верить персидской легенде в *Шах-намэ*, осада Антиохии продолжалась всего четыре дня [Ferdowsi's…, 1935. P. 2347].

ным делам, запретил всем подданным императора платить персам какой бы то ни было выкуп [Procopius, 1914. P. 316–317]. Из этого запрета, который, заметим, отменил все договорённости, достигнутые Мегасом, явствуют как исключительный характер посольства, так и широкие полномочия послов. Вначале послы пребывали в Антиохии. При подходе персов послы вышли им навстречу, но их первые переговоры с царём не дали никаких результатов. Судя по всему, послы остались в лагере Хосрова; тот, чтобы произвести на них впечатление, вызвал их на башню, с которой наблюдал за осадой города. После падения Антиохии переговоры возобновились. Хосров в очередной раз потребовал денег. Его притязания и аргументы были очень схожи с теми, что прежде выдвигал Кавад. Прокопий Кесарийский описывает это так:

«В конце концов Хосров потребовал, чтобы ромеи передали ему немалые богатства. [При этом] он посоветовал не рассчитывать на то, что один раз передав богатства, они обеспечат мир на все времена. Ведь если дружба основана на богатствах, люди утрачивают её по мере того, как они расходуются. Поэтому ромеям следует ежегодно платить персам определённую сумму. “Таким образом”, сказал он, “персы будут держать с ними (ромеями. – *Д. М.*) прочный мир, охранять Каспийские Ворота и не пенять на них (ромеев. – *Д. М.*) из-за Дары, но будут всегда получать вознаграждение за это”. “Так значит”, сказали послы, “персы хотят, чтобы ромеи были их данниками”. “Нет”, сказал Хосров, “но в конце концов ромеи обретут в персах своих воинов и будут платить им за службу обговоренную цену. Ведь даже гуннам и сарацинам вы ежегодно платите сколько-то золота, но не потому, что вы их данники, а для того, чтобы они всегда охраняли ваши земли от разорения”» [Procopius, 1914. P. 348–351].

В конце концов Хосров согласился уйти при условии выплаты пятидесяти кентинариев (1637,25 кг.) золота в качестве единовременной контрибуции и затем – пяти кентинариев ежегодно. Послы уехали в Константинополь утверждать условия мира, оставив заложниками своих родственников.

Несмотря на согласование условий мира ситуация оставалась неопределённой. Хосров продолжал перемещаться с вой-

ском по византийским владениям. Он достиг Селевкии[732], которую нашёл опустевшей (жители покинули город), а затем двинулся к Апамее. Подойдя к городу, он потребовал от жителей впустить его. Это было сделано, но, едва вступив в город, Хосров потребовал выдать ему все ценности. Жителям города оставалось лишь подчиниться. Затем Хосров двинулся к Халкиде (Киннасрин), жители которой спаслись от штурма только ценой выкупа в два кентинария (65,49 кг.) золота. Со своей стороны Юстиниан послал Германа отбивать Антиохию, но эти попытки не увенчались успехом [Ioannis Malalae…, 1831. P. 480].

Через некоторое время Хосров двинулся назад. Он решил возвращаться не вниз по течению Евфрата, а через Месопотамию. Переправившись через Евфрат южнее Варвалисса, персы двинулись к Эдессе[733]. Теперь именно она стала целью Хосрова. Персы подошли к Батне, но не стали тратить время на осаду и сразу направились к Эдессе. Будучи нездоров, Хосров не намеревался осаждать Эдессу и вступил в переговоры с её жителями, обещая уйти за выкуп в два кентинария золота. Горожане согласились уплатить требуемую сумму.

У Эдессы к Хосрову явились послы Юстиниана, заявившие о готовности императора исполнять соглашение. Хосров отпустил заложников и стал готовиться к возвращению. На обратном пути он подчас действовал так, как если бы соглашения с Юстинианом не было. Проходя мимо Константины, он принял выкуп, предложенный её жителями. Вслед за этим Хосров попытался овладеть Дарой, но осада хорошо укреплённого города не увенчалась успехом[734]. Взяв символический выкуп – сто либр (32,745 кг.) серебра, – Хосров двинулся в свои владения[735].

---

[732] Вероятно, имеется в виду Селевкия Пиерия.

[733] По сообщениям, сохранившимся у мусульманских историков, а также у Иакова Эдесского (ссылки см. в прим. 735), Хосров взял также город Эмессу (Хомс). Но для того, чтобы достичь Эмессы, следовало совершить отдельный рейд на юг. Отвергать такую возможность было бы неправильно (Хосров мог отправить против Эмессы отдельный отряд), однако молчание на этот счёт Прокопия Кесарийского и большинства авторов Христианского Востока не позволяет безоговорочно принять это сообщение как достоверное.

[734] Согласно некоторым восточным авторам Хосров взял Дару [Ал-Ахбар…, 1960. С. 69; Annales..., 1964. Ser. I, P. 959], однако это утверждение не соответствует описанию похода у Прокопия

Попытку захватить Дару Юстиниан расценил как нарушение мирного договора, который тем самым фактически утратил силу. Державы стали готовиться к новой войне. Юстиниан отозвал из Италии Велисария. Хосров, в свою очередь, принял у себя посланцев лазов, которые, по всей вероятности, были недовольны действиями Юстиниана, отдавшего их под власть византийского наместника. Византийцы построили в Лазике крепость Петру[736], рассчитывая, видимо, сделать её своим оплотом в регионе. Но правители лазов, как показано в главе 3 части I, всегда стремились сохранять независимость, искусно лавируя между Византией и Сасанидами. Теперь это равновесие было нарушено в пользу Византии, и они обратились за помощью к Хосрову.

Идея вторжения в Лазику, судя по всему, показалась Хосрову заманчивой. Из Лазики открывался путь на Трапезунд и далее, во внутренние районы Византии и её владения в Армении. Но претворить эту идею в жизнь было трудно. Византийцы могли заблокировать ведшие в Лазику горные проходы, подтянуть резервы, усилить гарнизоны пограничных крепостей – в том числе тех, что были возвращены им по «вечному миру», и предпринять немало иных действий, которые могли бы затруднить вторжение. Понимая это, Хосров даже в походе до последнего держал свои замыслы в тайне. Скрыть продвижение войск было, разумеется, невозможно, и потому пустили слух, что царь идёт с войском на север для отражения нападения гуннов. Эта кампания дезинформации, судя по рассказам источников, достигла своей цели. Лазутчики Велисария доносили, что

Кесарийского. По всей вероятности, в процитированных источниках нашло своё отражение неверно понятое утверждение о том, что Хосров подчинил себе жителей Дары, заставив их платить выкуп.

[735] Предложенная реконструкция кампании 540 г. представляет собой результат сравнительного анализа ряда источников [Ioannis Malalae…, 1831. P. 480; Maçoudi, 1863. P. 198–200; Histoire…, 1900. P. 611–612; Chronique…, 1901. P. 205; Chronica..., 1903. Сир. текст, с. 12–13; Chronica..., 1907. Сир. текст, с. 320; Eliae..., 1909. P. 120; Procopius, 1914. P. 294–381; Ferdowsi's…, 1935. P. 2339–2349; Ал-Ахбар…, 1960. С. 68–69; Annales..., 1964. Ser. I, P. 959; Ibn Wādhih..., 1969. Pars I, P. 186].

[736] Эта крепость отождествляется с развалинами около села Цихисдзири недалеко от черноморского побережья, южнее Кобулети.

Хосров занят противоборством с гуннами [Procopius, 1962. P. 396–399]. В житии Мар Авы сообщается, что на десятом году правления (14 июля 540 – 13 июля 541 г.) Хосров направился на север, где находятся земли армян и грузин, чтобы сразиться с *kângarayē* [Histoire…, 1896. P. 227][737].

Судя по последовательности описания событий у Прокопия Кесарийского, поход Хосрова начался поздней весной или летом 541 г. [Procopius, 1914. P. 402–403]. Пройдя через подвластную Сасанидам Ивирию[738], войска Хосрова вторглись в Лазику. Посланцы царя лазов Губаза служили персам проводниками. Затем Хосрова встретил и сам Губаз, который заявил, что признаёт верховную власть персидского царя[739].

Выйдя, таким образом, на оперативный простор, Хосров с войсками направился к Петре. Византийский гарнизон оказал персам упорное сопротивление. Неудачи при осаде крепости вызвали гнев Хосрова, который казнил *айинбад*-а[740], командо-

---

[737] Имеются в виду, кажется, жители местности Кангары (Кангарк), которая в географии Анании Ширакаци помещается в области Гугарк. Согласно источнику, она находилась под властью грузин [Армянская география…, 1877. С. 52]. О Кангарке упоминает также Мовсес Хоренаци, по словам которого в древние времена некий Гушар получил в удел гору Мтин, т.е. Кангарк, половину Джавахка (Джавахетии) и другие области [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 64]. Лазар Парбеци сообщает, что войска Вахана Мамиконяна, посланные в 483 г. на помощь Вахтангу Горгасалу, на некоторое время остановились в Кангарке [Collection..., 1869. P. 336]. Всё это заставляет помещать Кангары (Кангарк) в северо-западную часть Армении, недалеко от границы с Грузией. В советское время там располагался Гугаркский район Армянской ССР, центром которого был Кировакан (Ванадзор).

[738] О подчинении Ивирии Сасанидам свидетельствует тот факт, что, согласно мусульманским авторам, при Хосрове там был построен ряд крепостей, в частности Гардабани (араб. *Ǧardamān*), Самшвильде (араб. *Samšulda*), а также не поддающиеся пока идентификации «Ворота Самцхе» (араб. *Bāb Samsaḫī*) и Согдебиль [Liber…, 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 288].

[739] Возможно, об этом эпизоде говорит Себеос, когда сообщает, что Хосров взял в плен царя эгеров [Епископ Себеос, 1939. С. 30]. О местности Егер, с которой следует связывать этих эгеров, см. прим. 377.

[740] Об *айинбад*-е и его казни см. главу 2.

вавшего первым штурмом[741]. Но затем дела персов пошли успешнее, и в конце концов защитники крепости сдали её [Procopius, 1914. P. 410–411; Chronica..., 1907. Сир. текст, с. 320]. Узнав о падении Петры, византийцы, стоявшие в других крепостях Лазики, оставили их и ушли в Трапезунд [Procopius, 1962. P. 82–83].

Тем временем Византия развивала наступление на другом направлении. Армия под командованием Велисария двинулась на Нисибин. В городе стояло сасанидское войско во главе с Наведом[742]. Возможно, поэтому Велисарий даже несмотря на успехи в первых стычках с персами не надеялся овладеть городом и отступил к крепости Сисавранон. В описании Прокопия Кесарийского Сисавранон предстаёт как поселение земледельцев, плативших подати Сасанидам [Procopius, 1838. P. 220–222]. Но тогда там находился сторожевой отряд персов под командованием человека, именуемого у Прокопия Кесарийского Βλησχάμης [Ανεκδοτα…, 1856. P. 30–31; Procopius, 1914. P. 418–419] или Βλησχάνης [Procopius, 1838. P. 221][743]. Численность отряда, по словам Прокопия, составляла восемьсот человек. Судя по всему, этот отряд должен был противодействовать локальным вылазкам из Дары. Но для противоборства с армией Велисария этих сил было недостаточно. Персы заперлись в Сисавраноне, но через какое-то время сдались из-за недостатка провианта [Procopius, 1838. P. 221–222; Ανεκδοτα…, 1856. P. 28–31; Procopius, 1914. P. 418–425].

Двигаться дальше Велисарий не стал. Прокопий Кесарийский объясняет это тем, что он хотел как можно скорее увидеться с приехавшей из Византии женой [Ανεκδοτα…, 1856. P. 26–28]. Но не исключено, что Велисарий руководствовался и стратегическими соображениями. Продвинувшись в глубь персидской территории, он оказался бы между стоявшими в Ктесифоне персами, которым могли прийти на помощь лахмидские арабы, и силами Наведа; кроме того, нельзя было исключать и возвращения Хосрова. Вперёд было выслано гассанидское вой-

---

[741] Прокопий Кесарийский, от которого мы узнаём об этих событиях, сообщает, что, по некоторым сведениям, казни подвергся другой человек [Procopius, 1914. P. 406–407].
[742] О Наведе см. главу 2.
[743] Возможно, имеется в виду *Валашан* – сын Валаша.

ско ал-Хариса Ибн Джабалы, в помощь которому Велисарий отрядил тысячу двести человек из своей личной гвардии. Ал-Харис должен был вторгнуться во владения Сасанидов за Тигром. Прокопий Кесарийский не рассказывает подробно о походе ал-Хариса, однако его молчание можно, кажется, восполнить с помощью сведений Иакова Эдесского, который сообщает, что в ответ на первый поход Хосрова ромеи разорили «область арабов» (Арвастан), Кордуэну и Арзанену [Chronica..., 1907. Сир. текст, с. 320].

Цель похода Хосрова в Лазику была достигнута, и кампания исчерпала себя. Для того, чтобы вторгнуться в византийские земли, следовало предпринять новый поход. Более того, известия о действиях Велисария показывали, что византийцы могут попытаться развить успех в районе Нисибина. Вначале Хосров попытался нанести контрудар, направив союзных ему (вернее – наёмных) гуннов на византийские владения в Армении. Но это нападение было отбито [Ανεκδοτα…, 1856. P. 30–31]. Видимо, вслед за этим Хосров принял решение возвращаться в Персию. Оставив в Петре гарнизон [Chronique…, 1901. P. 244], он двинулся назад.

На обратном пути персы изрядно страдали от недостатка провианта и трудностей перехода через горы[744]. Негативной реакцией знати на такие кампании объясняется, видимо, история третьего похода Хосрова, который, судя по рассказу Прокопия Кесарийского, начался по истечении зимы, т.е. весной 542 г. Вельможам было, несомненно, куда более по душе передвигаться по Сирии и собирать выкуп с богатых городов, чем терпеть лишения в горах Лазики и Ивирии. Хосров вновь двинулся с войском вверх по Евфрату. Осада Сергиополя (ар-Русафа) не дала результатов, однако в остальном поход развивался успешно. Византийские полководцы, командовавшие пограничными войсками, отошли в Гиераполь (Манбидж) и укрепились там, уступив Хосрову стратегическую инициативу. Не встречая сопротивления, Хосров дошёл до Евфратисии и помышлял уже о походе в глубь византийских владений, на Иерусалим.

Для борьбы с персами Юстиниан вновь направил на восток Велисария; тот с войском расположился в крепости Европос на Евфрате (Джараблус), куда подошли и византийские

[744] Этот эпизод подробно разбирается в главе 2.

войска из Гиераполя. Этот манёвр значительно осложнил положение Хосрова. Даже если бы ему удалось обойти Велисария, идти на Иерусалим, имея в тылу византийскую армию, было рискованно. Хосров мог либо двинуться на восток, в сторону Нисибина, либо попытаться устранить со своего пути Велисария. Царь направил к Велисарию парламентёром человека, имя которого у Прокопия Кесарийского – Авандан [Procopius, 1914. P. 438–439], а в более поздних передачах у Феофана Исповедника и Георгия Кедрина – Авандаз [Georgius Cedrenus, 1838. P. 653; Theophanis…, 1839. P. 342][745]. Задача этой миссии состояла, однако, не столько в проведении переговоров, сколько в том, чтобы оценить, насколько силён Велисарий. Византийский полководец устроил демонстрацию силы, показав, что в его войске собраны контингенты из многих народов. В итоге Хосров пошёл на заключение перемирия. Велисарий позволил ему переправиться через Евфрат и уйти в Персию. Но Хосров, чувствовавший настроения знати, не мог уйти, не взяв хотя бы одной крепости и не захватив трофеев. Оторвавшись от Велисария, Хосров, невзирая на перемирие, осадил Каллиник. Захватив крепость, персы взяли в ней большой полон. По какой-то причине Велисарий не смог прийти на помощь защитникам Каллиника, за что подвергся осуждению в Византии [Georgius Cedrenus, 1838. P. 652–655; Theophanis…, 1839. P. 340–344; Ανεκδοτα…, 1856. P. 42–43; Chronique..., 1901. P. 220; Procopius, 1914. P. 430–451; Historia…, 1921. P. 191].

Тем временем гассанидские арабы вновь вторглись во владения Сасанидов. Агапий Манбиджский рассказывает, что на шестнадцатом году правления Юстиниана[746] с персами сражал-

---

[745] Очевидно, речь идёт о персидском имени *Abān-dād* (букв.: «данный [священными] водами»).

[746] Здесь, разумеется, следует задаться вопросом о том, что источник Агапия и Ибн Халдуна (см. ниже) считает шестнадцатым годом правления Юстиниана. Не зная, что было этим источником, мы вряд ли сможем ответить однозначно. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что поход Хосрова на Эдессу, состоявшийся в 544 г., Агапий относит к восемнадцатому году правления Юстиниана [Kitab al-ʿUnvan…, 1912. P. 432]. Это имеет смысл только если Агапий отсчитывает годы правления Юстиниана со дня его провозглашения соправителем, т.е. с 1 апреля 527 г. Тогда восемнадцатый год правления Юстиниана придётся на время с апреля 544 г. по начало

ся ал-Харис Ибн Джабала, который нанёс поражение высланным против него войскам Хосрова и разорил много городов[747]. Затем, однако, какой-то не названный в источнике по имени персидский *марзбан* выступил против арабов, разбил их и освободил пленников [Kitab al-ʻUnvan…, 1912. P. 431]. Похожее сообщение, видимо, идущее от какой-то христианской традиции, приводит также Ибн Халдун [Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 260].

Хосров был готов возобновить военные действия и в следующем, 543 г. О событиях этого года мы узнаём из двух источников, известия которых во многом различаются. Согласно Прокопию Кесарийскому, Хосров избрал местом главного удара Армению, однако в это время в византийских владениях разразилась привезённая из Эфиопии эпидемия чумы. Случаи болезни появились и в войске Хосрова. Ходили слухи, что от чумы умер сам Хосров; поверив им, старший сын царя попытался захватить власть[748]. Хосров счёл за благо не начинать похода и вернуться в Персию. Боевые действия свелись к одному локальному столкновению в Армении, в котором успех был на стороне персов [Procopius, 1914. P. 484–487]. Вместе с тем, Агапий Манбиджский повествует о том, что на семнадцатом году правления Юстиниана[749] Хосров двинулся на Кфартуту и Ресайну, однако Велисарий отразил нападение персов [Kitab al-ʻUnvan…, 1912. P. 431].

В 544 г. Хосров продолжил войну против Византии и выступил в новый поход. В войске Хосрова были, помимо персов, арабы и гунны [Procopius, 1914. P. 490–491, 510–511]. Главной целью похода была Эдесса, жителям которой царь не мог простить того, что в 541 г. город выдержал осаду персов. Приблизившись к Эдессе, Хосров начал переговоры с горожанами, требуя от них либо заплатить огромную контрибуцию в пятьсот

апреля 545 г. Таким образом, поход арабов состоялся за два года до эдесской кампании, т.е. в 542 г.

[747] Поскольку арабы доисламской эпохи практически не умели штурмовать укреплённые города, о чём прямо говорит Прокопий Кесарийский [Procopius, 1838. P. 234–235; Procopius, 1914. P. 420–421], есть все основания полагать, что речь идёт о не обнесённых стенами сельских поселениях.

[748] Этот эпизод рассматривается в главе 2.

[749] Т.е. в период с начала апреля 543 по начало апреля 544 г. (см. прим. 746).

кентинариев (16372,5 кг.) золота, либо пустить в город персов, чтобы они сами взяли всё, что пожелают. Хотя некоторые жители Эдессы были готовы заключить с персами мир на любых условиях, большинство этого не пожелало, и ворота Хосрову так и не открыли. Исчерпав возможности переговоров, Хосров начал штурм, но и здесь не добился успеха. Тем временем осада затягивалась; согласно Агапию Манбиджскому, она продолжалась два месяца [Kitab al-ʻUnvan…, 1912. P. 432]. Неуспех персов становился всё более очевидным. В конце концов Хосров вновь начал переговоры, сильно умерил свои требования и согласился на выкуп в пять кентинариев (163,725 кг.) золота [Procopius, 1914. P. 486–515]. Иаков Эдесский сообщает также, что персы разорили Батну [Chronica…, 1907. Сир. текст, с. 321].

По всей вероятности, именно к этим событиям относится один интересный эпизод из составленного Иоанном Эфесским жития Иакова Барадея. Согласно ему, главные силы Хосрова наступали по Евфрату и сначала взяли Батну, а потом подошли к Эдессе. Попытки взять город не увенчались успехом. Тогда некий Кмита (*Qmīṭā* – возможно, титул, дериват от *comes*), который предстаёт здесь как лазутчик персов, посоветовал им построить дома вокруг города и взять его измором. Горожане, однако, обратились за помощью к Иакову, и в результате его молитв Хосрову было видение, побудившее его отступить от города [Brooks E. W., 1926. P. 262–264].

Вскоре Юстиниан начал мирные переговоры. К Хосрову направилось посольство, статус которого виден по тому, что его членами были племянник Юстиниана Марцелл и *magister militiae* Константин. Помимо них в состав посольства входил Сергий – видимо, тот, о выписках которого говорится во Введении. Византийские послы добивались возврата Лазики; Хосров, как и прежде, требовал денег. В ответ на это требование Юстиниан послал ему двадцать кентинариев (654,9 кг.) золота.

Переговоры затянулись, но в конце концов увенчались заключением мирного договора. Прокопий Кесарийский относит это к девятнадцатому году правления Юстиниана, т.е. ко времени между 1 апреля 545 г. и 31 марта 546 г., но в другом месте отмечает, что четвёртый год действия мирного договора совпал с двадцать третьим годом царствования императора [Procopius, 1914. P. 514–517, 554–555]. Следовательно, договор был заключён приблизительно в марте 546 г., и первым годом его действия

стал двадцатый год правления Юстиниана (1 апреля 546 – 31 марта 547 г.). Это в общем соответствует словам Марцеллина Комита, который сообщает о заключении мирного договора с персами под годом, соответствующим 546 г. [MGH, 1894. P. 107].

Об условиях договора источники практически ничего не сообщают. Прокопий Кесарийский в одном месте называет его пятилетним [Procopius, 1962. P. 56–57], т.е. заключённым на пять лет. По-видимому, договор предполагал просто установление мира без каких-либо территориальных изменений.

Для Хосрова, который страдал тогда от болезней (см. главу 2) этот мир был, скорее всего, передышкой в длительной борьбе. Ал-Мунзир III по-прежнему тревожил Византию набегами, в чём Прокопий Кесарийский видит стремление Хосрова нарушить договор [Procopius, 1914. P. 518–519].В одном из таких набегов ал-Мунзир захватил в плен и казнил сына ал-Хариса Ибн Джабалы[750]. Ал-Харис выступил против ал-Мунзира и нанёс ему поражение. В ходе боя гассанидские воины едва не захватили в плен двух сыновей ал-Мунзира [Procopius, 1914. P. 518–519].

Вскоре – по всей вероятности, в 548 г.[751] – Хосров стал разрабатывать новые планы территориальной экспансии на северо-западе. Согласно Прокопию Кесарийскому, Хосрова беспокоило то, что лазы, прежде поддерживавшие его против ромеев, теперь тяготились властью персов. Хосров намеревался захватить Дару, а затем, спровоцировав войну с лазами, переселить

---

[750] Согласно Прокопию Кесарийскому, сын ал-Хариса был принесён в жертву Афродите [Procopius, 1914. P. 518–519]. Это сообщение вызывает в памяти рассказ Михаила Сирийского о том, что ал-Мунзир в одном из набегов захватил в полон четыреста дев и принёс их в жертву богине ал-Уззе [Chronique…, 1901. P. 178–179], которая, видимо, и имеется в виду под «Афродитой» Прокопия. Хотя сообщение Михаила Сирийского опирается на рассказ подвижника Дады, тоже взятого тогда в плен воинами ал-Мунзира, нельзя не отметить, что известия о человеческих жертвах у лахмидских арабов исходят от носителей неарабских традиций, которые могли быть необъективны или просто спутать жестокую казнь с жертвоприношением.

[751] По словам Прокопия Кесарийского – на третьем году действия мирного договора [Procopius, 1914. P. 518–519]. Если относить заключение договора к марту 546 г., третий год его действия должен был закончиться к концу марта 549 г.

их туда, отдав Лазику персам. Претворение этих планов в жизнь было поручено двум вельможам, которых Прокопий Кесарийский именует Фавриз (видимо – Вехриз) и Исдигуснас (Язд-Гушнасп)[752] [Procopius, 1914. P. 518–519]. Но события развивались не так, как желал Хосров. Язд-Гушнасп замышлял вступить в Дару как посол; под видом свиты его сопровождали пятьсот отборных воинов. Но нашёлся перебежчик, который раскрыл этот план командующему византийским гарнизоном, и тот не разрешил персам остановиться в городе. Язд-Гушнаспа впустили лишь с двадцатью сопровождающими. Впоследствии Язд-Гушнасп, продолжая играть роль посла, отправился в Константинополь, где оставался около десяти месяцев, хотя на переговорах не обсуждалось ничего серьёзного.

Куда более серьёзные последствия имели начинания Хосрова в Лазике, где Губаз, видимо, проводивший ту же политику лавирования между державами, что и его предшественники, стал отходить от верности персам. Фавриз (Вехриз) был послан туда с отрядом в триста воинов, имея поручение устранить Губаза. Но и в этом случае персам не удалось сохранить свои намерения в тайне. Губаз в открытую выступил против них и обратился за помощью к Юстиниану. Император не желал оставлять в беде лазов, которые, как показано выше, были потенциальными союзниками Византии всякий раз, когда персы пытались утвердиться в Закавказье. Кроме того, Юстиниан не хотел позволить персам закрепиться на Черноморском побережье, откуда они могли угрожать внутренним районам Византии[753]. В Лазику было послано войско из византийцев и цанов[754]; совместно с ла-

---

[752] Вехриз, кажется, – тот самый полководец, который в 550 г. был послан против Анушзада, а в 556–557 гг. командовал войсками в Лазике. Трудно сказать, идентичен ли он с полководцем, командовавшим походом в Йемен (572 г.). *Вехриз*, как показано в главе 2, – почётное имя, а за время между 557 и 572 гг. Хосров мог присвоить его и другому человеку. Что касается Язд-Гушнаспа, он, вероятно, тождествен с Язд-Гушнаспом Зигом, который впоследствии вёл переговоры с византийцами.

[753] Так представляет точку зрения Юстиниана Агафий Миринейский [Agathiae…, 1828. P. 104].

[754] Как показано выше, цанов следует, вероятно, отождествлять с махелонами, которые жили в районе юго-восточного берега Чёрного моря и в III в. подчинялись Шапуру I (см. прим. 335). Для VI в. мы располагаем относительно подробными сообщениями Прокопия

зами оно осадило Петру. Командующий персидским гарнизоном Михран вступил в переговоры с осаждавшими в надежде выгадать время, необходимое для подхода подкреплений. Тем временем к Лазике двигалось посланное Хосровом войско под командованием Михр-Михроя. В свою очередь, Губаз попытался привлечь на свою сторону алан и гуннов-савиров. Те требовали за помощь три кентинария (98,235 кг.) золота. Не располагая такими богатствами, Губаз обратился к Юстиниану, но тот на первых порах не предоставил ему требуемых средств.

С подходом войска Михр-Михроя византийцы и лазы сняли осаду Петры. Поняв, что перевес в Лазике склоняется на сторону персов, Юстиниан принял контрмеры. Он послал денег лазам и савирам и направил в Лазику подкрепления. Ночным нападением византийцы и лазы разгромили силы Михр-Михроя. Оружие, кони и знамёна персов стали трофеями победивших. Вслед за этим войско Михр-Михроя покинуло Лазику. После ухода персов на горных проходах была выставлена стража из лазов.

Кесарийского. В истории войны с готами он опровергает распространённое в его времена мнение о том, что цаны обитают в районе Трапезунда (оно встречается, например, у Агафия Миринейского [Agathiae…, 1828. P. 278]). Напротив, по словам Прокопия, цаны живут довольно далеко от побережья, от которого их отделяют горы. За другими горами, которые именуются Цанскими, обитают армяне, подчиняющиеся Византии. О Цанских горах сообщается также, что из них проистекает река Воя [Procopius, 1962. P. 58–63]. В более ранней истории войны с персами говорится, что истоки Вои находятся поблизости от земель цанов [Procopius, 1914. P. 530–533]. Упоминание о подчинённых Византией армянах свидетельствует в пользу принятого в литературе отождествления Вои с рекой Чорох [Адонц Н., 1971. С. 25], хотя сам Прокопий в одном месте путает её с Фасисом (Риони) [Procopius, 1914. P. 532–533]. В трактате «О постройках» Прокопий указывает, что цаны жили рядом с армянами, а за их землями располагался Трапезунд [Procopius, 1838. P. 257, 260]. Всё это даёт основание полагать, что цаны жили в верхнем течении Чороха и были отделены горами как от моря, так и от подвластных Византии земель Армении. В том же фрагменте «Книги построек» мы читаем, что при Юстиниане цаны были подчинены власти ромеев [Procopius, 1838. P. 257]. Этим, видимо, и объясняется присутствие цанского ополчения в составе византийского войска.

Из рассказа Прокопия Кесарийского следует, что войско Михр-Михроя было разгромлено под стенами Петры до окончания четвёртого года перемирия и двадцать третьего года правления Юстиниана [Procopius, 1914. P. 554–555], т.е. до конца марта 550 г. Судя по тому, что Прокопий не говорит о зимовке Михр-Михроя в Лазике, его поход пришёлся на 549 г., а неудачные действия Вехриза можно отнести как к 548, так и к 549 г.

Для понимания рассматриваемых событий важны слова Прокопия Кесарийского о том, что одним из условий заключённого в конце 551 или начале 552 г. мирного договора стала выплата Византией контрибуции за

«… восемнадцать месяцев, которые прошли после [прекращения] предыдущего мирного договора до того, как они (персы и византийцы. – *Д. М.*) стали обмениваться посольствами» [Procopius, 1962. P. 208–209].

Как будет показано ниже, мирные переговоры начались весной 551 г. Отступая на восемнадцать месяцев назад, мы попадаем в осень 549 г. К тому времени срок пятилетнего договора, заключённого в 546 г., ещё не истёк. Значит, Прокопий имеет в виду фактическое прекращение мирного договора, т.е. начало войны. Это подсказывает следующую интерпретацию событий. Сначала Хосров видел в происходившем в Лазике не более чем мятеж Губаза, восставшего против своего покровителя, но столкновения с византийцами осенью 549 г. дали ему основание считать мирный договор расторгнутым.

Это хорошо объясняет и дальнейшие действия Хосрова. В 550 г. он направил в Лазику полководца, которого Прокопий Кесарийский именует Хорианом (возм. – Хварраган) и представляет как человека опытного в военном деле [Procopius, 1962. P. 56–57]. Войско Хориана было усилено вспомогательными отрядами алан. Персы и аланы дошли до местности Мухирисис[755] и встали там лагерем. Однако против войска Хориа-

[755] У Прокопия Кесарийского название Мухирисис применяется одновременно к городу [Procopius, 1914. P. 532–533] и к местности, рядом с которой протекает река Реон [Procopius, 1962. P. 204–205]. Как будет показано ниже, под Реоном Прокопий понимает участок течения Риони до её слияния с Квирилой. Из того же фрагмента мы узнаём, что местность Мухирисис находилась в одном дне пути от Археополя, который на основании данных археологии отождествляется с

на выступили объединённые силы лазов (под командованием Губаза) и византийцев. Они нанесли поражение Хориану; тот погиб в сражении, и персидское войско отступило из Лазики.

Неудачу Хориана персы восполнили на других участках. Один их отряд достиг Петры и усилил гарнизон крепости. Приблизительно тогда же за помощью к Хосрову обратились абасги (абхазы), бывшие тогда в сфере влияния Византии. Исторически абасги подчинялись лазам, их правители брали жён из Византии [Procopius, 1962. P. 76–77, 132–133]. В правление Юстиниана абасги крестились [Procopius, 1962. P. 80–81 86–87], что, несомненно, должно было ещё теснее связать их с Византией. Но абасги были недовольны всевластием империи [Procopius, 1962. P. 132–133]. Из двух их правителей один бежал к Хосрову, другой собирал силы для выступления [Procopius, 1962. P. 134–135]. Со своей стороны, Хосров направил на помощь абасгам войска под командованием Наведа. Но и византийцы послали против абасгов войско, которое овладело расположенной неподалёку от границы крепостью Трахеей [Procopius, 1962. P. 134–137][756]. Был создан плацдарм для дальнейшего наступления на абасгов. Однако в это время на стороне персов выступили апсилы, которые жили между абасгами и лазами и были в подчинении у последних [Procopius, 1962. P. 72–73]. Вельможа по имени Тирдат сдал

Нокалакеви (к северо-востоку от Сенаки). В описании похода Хориана Прокопий указывает, что персы, достигнув местности Мухирисис, встали лагерем у реки Гипп [Procopius, 1962. P. 58–59]. Страбон описывал Гипп как один из двух известных ему притоков Фасиса (Риони с её притоком Квирилой), текущий с гор [The Geography..., 1928. P. 210–211, 218–219]. Возможно, Гипп тождествен с рекой Цхенисцкали. Её название («конская река») соответствует греческому «Гипп». Правда, Вахушти Багратиони рассказывает легенду, согласно которой название Цхенисцкали появилось позднее [Description…, 1842. P. 347], однако сюжет этого сообщения (гибель шестидесяти тысяч лошадей) кажется явно неправдоподобным.

[756] Установить местонахождение этой крепости сложно. Прокопий Кесарийский сообщает, что она находилась на склонах гор, протянувшихся от Кавказа до моря; Трахеей именовали её местные жители. Между тем, в поход на Трахею Юстиниан отправил Бесса, командовавшего византийскими войсками в Лазике [Procopius, 1962. P. 134–135]. Стало быть, Трахея находилась на пути из Лазики в землю абасгов.

персам крепость, название которой Прокопий Кесарийский пишет как Цивили (Τζιβιλὴ) [Procopius, 1962. P. 140–141]. Идентификация этой крепости затруднительна, но известно, что персы, овладев ей, считали, что господствуют над Лазикой и Апсилией [Procopius, 1962. P. 142–143]. Однако затем Губаз направил против апсилов усиленное византийским контингентом войско и вновь подчинил их.

Тем временем византийцы и лазы осаждали Петру. Весной 551 г. на помощь крепости двинулось сасанидское войско под командованием Михр-Михроя. Оно двигалось к Петре, кажется, вдоль Куры, вверх по течению реки. В пути, однако, Михр-Михрой получил известие о том, что Петра пала, и повернул назад. Прокопий Кесарийский представляет дальнейшие передвижения войска Михр-Михроя следующим образом: персы вернулись, овладели перевалами, ведшими из Ивирии в Лазику, и расположились в землях, где реку Фасис можно перейти вброд. Затем они перешли вброд Фасис и Реон[757] и направились к Археополю [Procopius, 1962. P. 182–183]. Если пытаться воссоздать этот маршрут, можно представить себе, что персы двинулись по течению Куры назад, повернули на север и пришли в Лазику тем путём, о котором рассказывает Страбон, т.е. через ущелье вблизи крепости Сарапаны, а затем через Фасис [The Geography…, 1928. P. 218–219], под которым здесь понимается Дзирула. Затем они двинулись на запад, пересекли Риони в её верхнем течении и через область Мухирисис вышли к Археополю. Там, однако, Михр-Михрой узнал, что главные силы византийцев находятся не в Археополе, а близ устья Риони[758]. Он немедленно устремился туда, но выяснилось, что византийцы снялись с лагеря и ушли. Михр-Михрой вернулся к Археополю.

Войско Михр-Михроя представляло собой внушительную силу. По словам Прокопия Кесарийского, оно почти полностью состояло из конницы. Наряду с персами в нём был отряд из че-

---

[757] По этому сообщению видно, что для Прокопия Кесарийского река Реон представляла собой верхнее течение Риони, своего рода приток Фасиса.

[758] Согласно Прокопию Кесарийскому, из двенадцати тысяч византийцев, составлявших византийское войско, три тысячи находились в Археополе, а остальные – в лагере близ устья Риони [Procopius, 1962. P. 184–185].

тырёх тысяч гуннов-савиров. Михр-Михрой располагал также восемью боевыми слонами и отрядами пехоты из дейлемитов [Procopius, 1962. P. 184–185, 192–193]. Но такое войско было сильным в открытом поле, а не при осаде крепостей. Во время приступа раненые или обезумевшие слоны смешали строй персов, и их конница, не имевшая пространства для манёвра, потерпела сокрушительное поражение. Персы понесли большие потери[759], византийцы захватили четыре штандарта. Михр-Михрой отступил в Мухирисис.

Одновременно с войной в Лазике шли мирные переговоры. Согласно Прокопию Кесарийскому, по истечении пятого года действия мирного договора, т.е., скорее всего, весной 551 г., Юстиниан направил к Хосрову посольство [Procopius, 1962. P. 148–149]. Речь, несомненно, шла о предложении заключить новый мирный договор. Хосров, в свою очередь, отослал византийских послов назад и заявил им, что вскоре пришлёт в Константинополь своих представителей [Procopius, 1962. P. 148–149]. Возможно, царь рассчитывал на успех в Лазике, который усилил бы его позиции на переговорах. Но в Лазике персы потерпели неудачу, и Хосрову оставалось либо начать новую большую войну в Закавказье, либо вступить в переговоры. Едва ли персидская знать согласилась бы на новый поход в Лазику – ещё свежи были воспоминания о первой кампании. Вероятно, поэтому Хосров выбрал вторую альтернативу и направил в Константинополь посольство во главе с тем же Язд-Гушнаспом. Как и прежде, персы требовали главным образом денег; судя по тому, что из договора нам известны в основном финансовые условия, именно они составляли главный предмет переговоров.

В конце концов был заключён мирный договор. Точная дата этого события неизвестна, но о ней мы можем судить по двум указаниям Прокопия Кесарийского. Он сообщает, что договор был заключён на двадцать пятом году правления Юстиниана [Procopius, 1962. P. 208–209], т.е. между 1 апреля 551 г. и 31 марта 552 г. При этом мы узнаём, что Язд-Гушнасп, который снова вёл переговоры с персидской стороны, находился в Константинополе поздней осенью и вернулся к Хосрову по оконча-

[759] По словам Прокопия Кесарийского, погибло около четырёх тысяч персов [Procopius, 1962. P. 202–205].

нии зимы [Procopius, 1962. P. 212–215, 230–231]. Исходя из этих указаний, мы можем датировать заключение мирного договора концом 551 или, может быть, началом 552 г.

Мирный договор был заключён на пять лет. Юстиниан обязался выплатить двадцать кентинариев (654,9 кг.) золота за пять лет действия договора и ещё шесть (ок. 196,47 кг.) за те восемнадцать месяцев, о которых в процитированном выше фрагменте говорит Прокопий.

Речь, однако, шла не только о размере выплат, но и об их статусе. Мы уже видели, что всякий раз, когда Византия выплачивала Сасанидам какие-либо суммы, вставал вопрос о том, что это – дань, взнос на содержание приграничных крепостей, плата за охрану восточных рубежей империи или нечто иное. Прокопий Кесарийский не называет никаких альтернатив, для него речь идёт о дани [Procopius, 1962. P. 210–213]. Видимо, этот вопрос занимал и Юстиниана с его приближёнными. На переговорах Язд-Гушнасп требовал выплатить все двадцать кентинариев сразу. Юстиниан сначала отказывался, опасаясь, что Хосров, получив контрибуцию, затем не будет соблюдать мирный договор. Затем, однако, византийцы выплатили всю сумму разом, опасаясь, что периодические выплаты будут расценены как дань [Procopius, 1962. P. 208–209].

На трактовке условий договора сказывалось и то, что во время его заключения часть Лазики (прежде всего – Мухирисис) оставалась в руках персов. В Византии противники договора указывали на то, что он позволит персам закрепиться в Лазике, а в перспективе – и угрожать ромеям [Procopius, 1962. P. 208–209]. Пока шли переговоры, Михр-Михрой, не вступая более в сражения с византийцами и лазами, стремился подчинить как можно больше земель. Под власть персов попали, в частности, области Скимния и Свания[760]. Михр-Михрой кон-

[760] У Прокопия Кесарийского Скимния и Свания упоминаются вместе как области, расположенные за Лазикой (если смотреть со стороны Чёрного моря) [Procopius, 1962. P. 68–69, 220–221]. Из этого можно заключить, что они были соседними областями и располагались к северо-востоку от Лазики. Свания Прокопия легко идентифицируется со Сванетией, но указать на Скимнию сложнее, так как это название не встречается у других авторов. Звуковое сходство наводит на мысль о том, что Скимнию следует отождествить с областью Цхинвала, что

тролировал земли от Ивирии до земли абасгов. Чтобы прочнее утвердиться там, он зимой 551–552 гг. укрепил свои главные опорные пункты – Кутаиси и Сарапаны [Procopius, 1962. P. 220–221].

Весной 552 г. Язд-Гушнасп прибыл в Ктесифон с византийской контрибуцией. Хосров подтвердил условия мирного договора. Истолковав его в том смысле, что Лазика сохраняется за персами, царь не отозвал оттуда Михр-Михроя, а, напротив, послал ему на помощь отряды гуннов-савиров, нанятых на полученные средства. Вместе с гуннами Михр-Михрой снова вторгся земли, находившиеся под контролем византийцев. Поход, однако, закончился неудачей. Персы не смогли прорваться в Абхазию, так как проход через земли апсилов и крепость Цивили был заперт. Михр-Михрой отступил и двинулся на Археополь, но снова не смог овладеть крепостью. В бою погиб предводитель савиров. В конце концов Михр-Михрой вернулся в Кутаиси [Procopius, 1962. P. 232–233].

Здесь в наших сведениях о противостоянии в Закавказье пробел: у Прокопия Кесарийского повествование о войне с персами заканчивается на событиях 552 г., а его продолжатель Агафий Миринейский начинает рассказ на эту тему с 555 г.[761] Но, насколько можно судить по словам Агафия, положение дел в Закавказье практически не изменилось. Персы по-прежнему контролировали Мухирисис и Кутаиси [Agathiae…, 1828. P. 105].

Между тем, в этот период шла борьба на других направлениях. На Евфрате прямых столкновений между византийцами и

не противоречит и географическим данным, однако мы можем выставлять это лишь как гипотезу.

[761] Этот год Агафий Миринейский определяет так: он совпал с двадцать пятым годом царствования Хосрова, и к тому времени Юстиниан властвовал над ромеями двадцать восемь лет [Agathiae …, 1828. P. 125]. Двадцать пятый год правления Хосрова пришёлся на время с 11 июля 555 г. по 9 июля 556 г. [Parise F., 2002. P. 101]. К сожалению, из труда Агафия не видно, от какой даты он определяет начало царствования Юстиниана. Речь может идти о дате, когда Юстиниан стал соправителем Юстина I (1 апреля 527 г.) или единоличным императором (1 августа того же года). В любом случае, однако, мы вправе датировать описываемые Агафием события второй половиной 555 – первой половиной 556 г.

персами не было, что, видимо, следует объяснять действием мирного договора. Но договор, судя по всему, не распространялся на арабов; противостояние Лахмидов и Гассанидов продолжалось. К «потерянному» временному отрезку 552–555 гг. относится крупное сражение, в котором сошлись войска ал-Мунзира и ал-Хариса. Об этой битве мы знаем из сирийских хроник и арабских легенд, принадлежащих к циклу «дни [битв] арабов» (*ayyām al-ʻarab*).

Дату сражения сообщают только сирийские источники, причём сведения их несколько расходятся. В наиболее раннем из них – «Хронике 724 г.» – смерть ал-Мунзира (видимо – ал-Мунзира III) относится к месяцу *хазиран* 865 года селевкидской эры [Chronica…, 1904. Сир. текст, с. 143], т.е. к июню 554 г. Согласно Михаилу Сирийскому и «Хронике 1234 г.», сражение произошло на двадцать седьмом году правления Юстиниана [Chronique…, 1901. P. 269; Anonymi auctoris…, 1920. P. 200]. Если считать годы правления Юстиниана так, как это делает Прокопий Кесарийский, речь должна идти о промежутке времени с 1 апреля 553 г. по 31 марта 554 г. Однако двадцать шестой год правления Юстиниана у Михаила Сирийского соответствует 864 году селевкидской эры [Chronique…, 1901. P. 251]. Исходя из этого, мы вправе предположить, что годы правления Юстиниана в данном случае отсчитываются не с апреля, а с августа, когда он стал единоличным правителем после смерти Юстина I. Если так, двадцать седьмой год правления Юстиниана практически совпадает с «годом греков», и месяц *хазиран* в нём приходится на июнь 554 г.

Из сирийских источников мы узнаём и о месте сражения. Михаил Сирийский и автор «Хроники 1234 г.» сообщают, что битва состоялась при некоем «источнике удитов[762]» (*ʻâynā ḏ-ʻūdayē*) около Киннасрина [Chronique…, 1901. P. 269; Anonymi auctoris…, 1920. P. 200].

Арабские легенды значительно различаются между собой. Сражение именуется «днём Халимы» (в честь дочери ал-Хариса) [Ibn Qotaiba, 1904. P. 148; Nashwat…, 1982. P. 573],

[762] Удиты известны нам по труду Маруты (о нём см. главу 1 части I), который называет так приверженцев одного из еретических учений [The Canons…, 1982. P. 25].

битвой при ал-Хийар [Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 648][763] или Айн-Убаге [Abulfedae…, 1831. P. 144; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 426][764]. Обзор версий, имевших хождение в средневековой мусульманской литературе, можно найти у Ибн ал-Асира [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 431–432].

Из всех арабских историй ближе всего к сведениям сирийских источников рассказ о битве при Айн-Убаге в трактате Ибн ал-Асира. Согласно ему, ал-Мунзир вышел из Хиры и достиг Айн-Убага, откуда направил к ал-Харису посольство, требуя контрибуции и угрожая войной в случае её невыплаты. Ал-Харис двинулся против него. Сражение, состоявшееся у Айн-Убага, началось с поединков единоборцев, в которых погибли два сына ал-Хариса. В битве, однако, войска Гассанидов одержали победу; ал-Мунзир погиб. Развивая успех, ал-Харис дошёл до Хиры и разорил её. Находясь в Хире, ал-Харис похоронил там убитых сыновей [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 426–427]. Это похоже на сведения «Хроники 1234 г.», где сообщается, что в сражении погиб сын ал-Хариса Джабала; его похоронили недалеко от места сражения, у Киннасрина [Anonymi auctoris…, 1920. P. 200].

Несмотря на сходство двух источников столь же очевидны и различия между ними. В «Хронике 1234 г.» сражение происходит под Киннасрином на Евфрате, у Ибн ал-Асира – при Айн-Убаге, который Якут считал *вади* у Евфрата за ал-Анбаром (Пероз-Шапур) [Yāqūt…, 1957. Vol. I, P. 61]. Выбор следует сделать в пользу «Хроники 1234 г.», так как если ал-Мунзир действительно выступил в поход на Гассанидов, ему не имело никакого смысла стоять на Евфрате, давая врагу время подготовиться к обороне. Из определения места сражения следует и другой вывод: скорее всего, ал-Харис не ходил походом на Хиру и, во всяком случае, не хоронил там сыновей, так как везти тела погибших от Киннасрина вдоль Евфрата было практически

---

[763] Заметим, впрочем, что *ал-Хийар* (الحيار) – вероятно, искажённое *Зат ал-Хибар* (ذات الخبار), как Абу-л-Фида называет место, где произошло сражение при Айн-Убаге [Abulfedae…, 1831. P. 144].

[764] В некоторых версиях сражение при Айн-Убаге представляется как битва между ал-Харисом Гассанидским и ал-Мунзиром, сыном ал-Мунзира III, пытавшимся отомстить за отца [Hamzae…, 1844. P. 106; Китаб ал-икд…, 1965. Т. 5, с. 260; Нихайат…, 2004. С. 329].

невозможно. Отметим, что в других арабских легендах речь идёт не о захвате Хиры, а о разграблении гассанидскими воинами лагеря ал-Мунзира [Ibn Qotaiba, 1904. P. 148; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9, с. 172; Kitâb al-Mâʿarif..., 1960. P. 642].

Едва ли ал-Мунзир выступил бы в поход, не согласовав этот шаг с Хосровом. Значит, одновременно с действиями в Закавказье Хосров начал войну и на Евфрате. Поскольку её вёл ал-Мунзир, формально Хосров не нарушал мирный договор.

Гибель ал-Мунзира вызвала в Лахмидском государстве кризис. Мы видели, что некоторые племена подчинились ему сравнительно недавно, во время борьбы с киндитами, а таглибиты воевали с ал-Мунзиром и позднее. После гибели ал-Мунзира эти племена обрели возможность освободиться. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани сообщает, что сын ал-Мунзира Амр, вступивший на престол вместо отца, призвал таглибитов отомстить Гассанидам, но те отказались, заявив, что не станут повиноваться ему [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9. с. 173]. Очевидно, таглибиты, не ушедшие в Сирию и оставшиеся под властью ал-Мунзира, подчинились и принесли клятву на верность лично ему, и теперь этот альянс утратил силу. Но и Амр был правителем сильным, решительным и жестоким. Про ал-Мунзира сохранился рассказ, что он однажды приказал закопать неугодных живыми в землю [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 19, с. 84], но именно Амр характеризуется в источниках как жестокий правитель [Hamzae..., 1844. P. 109]. В арабских легендах Амр именуется *Muḍarriṭ al-ḥiǧāra* (тот, кто заставляет трескаться камни), и в источниках прямо указывается, что это прозвище было дано ему за твёрдость и жестокость в правлении [The Book of Creation…, 1962. P. 202; Муджам аш-шуара…, 1982. С. 206; Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 426]. Амр подавил выступление таглибитов, причём перебил многих из них и прекратил войну лишь по просьбам приближённых [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9, с. 173]. Впоследствии он взял от бакритов и таглибитов по восемьдесят или сто юношей заложниками [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 9, с. 171]. Может быть, в этом сообщении следует видеть преувеличение, но оно определённо указывает на то, что такой порукой были охвачены все знатные роды этих племён.

Необходимость утвердить свою власть над подчинёнными племенами на некоторое время отвлекла силы Амра от актив-

ных действий на Евфрате. Он выступил против Гассанидов, однако это, как мы увидим далее, произошло через несколько лет.

Весной 556 г. возобновились крупномасштабные военные действия в Лазике. Возможно, они начались бы и ранее, однако Михр-Михрой умер, и персидское войско в Лазике осталось без главнокомандующего. На смену ему Хосров направил Нахваргана (Нахораган Агафия Миринейского); тот прибыл в Мухирисис весной [Agathiae…, 1828. P. 113, 171], которая, видимо, тождественна с весной 556 г.

К тому времени византийцы несколько консолидировали свои позиции в Лазике. Губаза, который имел весьма неоднозначные отношения с византийскими военачальниками и в конце концов был убит по их приказу, на престоле сменил его младший брат Цаф, который прежде жил в Византии и получил царские регалии от императора. Во время безвластия лазы едва не отпали от Византии, но не решились на это, опасаясь, что подчинение Хосрову заставит их сменить веру. Прибывший к лазам посланец Юстиниана Сотерих попытался расширить сферу византийского влияния и двинулся на народ, который у Агафия Миринейского именуется мисимианами[765]. Если отталкиваться от сведений Агафия Миринейского, у которого они упоминаются, мисимиане жили к северо-востоку от апсилов [Agathiae…, 1828. P. 173]. Апсилы, как показано выше, к тому времени вновь были подчинены лазам, поэтому действия Сотериха следует считать попыткой распространить влияние Византии далее на северо-восток, в районы, расположенные между Сванией и находившимися под властью персов Кутаиси и Мухирисисом. Однако Сотерих вступил в конфликт с мисимианами и погиб. Несмотря на это, византийские войска в Лазике готовились к дальнейшей борьбе. Был заключён союз с гуннами-савирами, и их отряды подошли к Археополю [Agathiae…, 1828. P. 174–177].

Подготовив войско, Нахварган выступил из Мухирисиса в поход на византийцев и лазов. Несмотря на локальную неудачу (отряд дейлемитов из войска Нахваргана был разбит гуннами) персидский командующий потребовал от византийцев уйти в Трапезунд, оставив Лазику персам. Получив отказ, Нахварган

---

[765] Этих мисимиан следует, видимо, отождествить с миндимианами Менандра Протектора [Dexippi…, 1829. P. 302].

продолжил наступление; главной целью его был город Фасис (Поти). Переправившись через Риони, персы повернули на запад и, двигаясь, по всей вероятности, вдоль реки[766], подошли к городу. Подробное описание осады Фасиса мы находим у Агафия Миринейского [Agathiae…, 1828. P. 187–201]. Персы потерпели поражение и с большими потерями отступили. Византийцы не стали развивать наступление, однако, судя по дальнейшему ходу рассказа Агафия, Нахварган опасался этого. Бóльшая часть персидской конницы во главе с Вехризом была оставлена на зиму в Мухирисисе – видимо, для того, чтобы противостоять возможному нападению византийцев и лазов. Сам Нахварган с частью войска ушёл в Ивирию [Agathiae …, 1828. P. 204].

В следующем, 557 году византийцы возобновили наступление на мисимиан, которые, чувствуя ненадёжность своего положения, обратились за помощью к персам. Те вместе с наёмниками-гуннами двинулись было на помощь мисимианам, но затем по какой-то причине повернули назад [Agathiae …, 1828. P. 234–239]. В итоге византийцы нанесли мисимианам поражение и захватили крепость Цахар, которая, судя по рассказу Агафия Миринейского, была их главным оплотом[767]. Во время штурма почти все защитники крепости были перебиты

---

[766] О маршруте этого похода Агафий Миринейский сообщает две важные подробности. Нахварган стремился подойти к городу с северной, хуже других защищённой стороны, а через некоторое время после переправы через Риони персы миновали место, расположенное на полпути между Фасисом и каким-то поселением, именуемым «остров»; последнее находилось в шести *фарсанг*-ах (ок. 36 км) к западу от Фасиса [Agathiae…, 1828. P. 182–183]. Всё это наводит на мысль о том, что Нахварган вёл своё войско вдоль течения Риони.

[767] Об этой крепости Агафий Миринейский рассказывает, что она считалась неприступной, за что её называли «Железной» [Agathiae …, 1828. P. 240]. Если исходить из предложенной выше локализации страны мисимиан (между землями апсилов и сванов), можно хотя бы в качестве гипотезы выдвинуть идею о том, что Цахар следует сближать с современным Цагери на реке Цхенисцкали. Рядом с Цагери и в наши дни находятся развалины крепости Мури. Вахушти Багратиони говорит о расположенном невдалеке от Цагери поселении Мурисцихи, которое никто никогда не захватывал [Description…, 1842. P. 351].

[Agathiae …, 1828. P. 250]. Судя по всему, в результате этого похода область мисимиан вошла в сферу влияния Византии.

В сложившейся ситуации византийцы получили возможность угрожать персам с двух сторон – с севера, из земель мисимиан, и с запада, со стороны Археополя. Попытки лишить византийцев этих опорных пунктов успеха не имели. Если верить Агафию Миринейскому, Хосров даже пришёл к выводу о том, что он не в состоянии бороться за Лазику [Agathiae …, 1828. P. 204]. Нужна была мирная передышка. Хосров направил в Константинополь посольство с предложением мира. Во главе посольства стоял человек, который в источнике именуется Зихом, т.е. Зигом[768]. Договор, как его представляет Агафий Миринейский, был типичным соглашением о перемирии. Окончательное решение территориальных вопросов было отложено; державы лишь договорились пока не воевать. При этом каждая из сторон сохраняла то, что на тот момент было под её властью [Agathiae …, 1828. P. 275].

Перемирие не изменило, кажется, и обязанность Византии выплачивать оговоренную прежде контрибуцию. Агафий Миринейский об этом не упоминает, однако Прокопий Кесарийский, повествуя о договоре 551/552 г., сообщает, что за одиннадцать лет и шесть месяцев, прошедшие от его заключения до времени написания последних книг истории войны с готами, Хосров получил от Византии сорок шесть кентинариев (1506,27 кг.)[769] [Procopius, 1962. P. 212–213]. Если мирный договор был заключён в конце 551 – начале 552 г., высказывание Прокопия относится к 563 г. Видимо, выплаты продолжались в течение всего этого времени.

Наши знания о дальнейших событиях во многом определяются характером сохранившихся источников. Повествование Агафия Миринейского о противоборстве с персами заканчивается на рассмотренном выше перемирии, и нашим основным источником становятся сохранившиеся фрагменты труда Менандра Протектора, посвящённые истории дипломатии. В силу

---

[768] Этот человек, очевидно, тождествен с Исдегуснафом Зихом (т.е. с Язд-Гушнаспом Зигом), о котором говорит Менандр Протектор [Dexippi…, 1829. P. 346].

[769] Хотя Прокопий об этом прямо не говорит, речь, очевидно, идёт о золоте.

специфики источника мы мало осведомлены о военных действиях в рассматриваемое время и должны судить об их развитии по тематике переговоров, репликам их участников и т.п.

Из рассказов Менандра Протектора следует, что в 561 г. или немногим ранее Юстиниан начал переговоры о мире. Эта дата определяется следующим образом. Менандр описывает разговор византийского посланника Петра с Хосровом, причём царь замечает, что в день их беседы исполнилось десять лет с того времени, как персы овладели Сванией [Dexippi…, 1829. P. 371][770]. Свания попала под власть Сасанидов в 551 или начале 552 г. Другой ориентир – последовательность событий в рассказе Менандра: Пётр сначала встречается с посланниками Хосрова[771], по окончании переговоров остаётся в Даре, где празднует Рождество и Крещение, а затем направляется в сасанидскую столицу[772], где встречается с Хосровом [Dexippi…, 1829. P. 364–365]. Следовательно, переговоры проходили осенью 561 г., а встреча Петра с Хосровом состоялась в зимой или в начале весны 562 г., когда царь ещё не уехал на лето в Мидию.

Эта датировка позволяет строить предположения о том, чем завершился конфликт 557 г. Как мы увидим далее, византийская дипломатия не раз предлагала персам заключать соглашения о перемирии сроком на три года. Возможно, такое предложение последовало и на этот раз, и в 558 г. было заключено трёхлетнее перемирие, срок действия которого истёк в 561 г. Это не более чем предположение, однако оно вполне вписывается в исторический контекст, как мы представляем его себе по другим источникам.

Суть достигнутых в 561 г. договорённостей была такова. Мирный договор был заключён на пятьдесят лет и предполагал выплату Византией ежегодной контрибуции в размере тридцать

---

[770] Эта фраза процитирована во Введении.

[771] С персидской стороны переговоры вёл Язд-Гушнасп Зиг, упомянутый в тексте мирного договора (как его приводит Менандр Протектор) как лицо, уполномоченное на его заключение [Dexippi…, 1829. P. 346, 354]. Судя по одному фрагменту, в переговорах участвовал также Сурен [Dexippi…, 1829. P. 357].

[772] В тексте Менандра стоит Βιθαρμαῖς, что следует считать передачей сирийского *Bēṯ Aramayē*, как называлась центральная часть Месопотамии.

тысяч золотых номисм (ок. 133,5 кг. золота). За первые семь лет контрибуция выплачивалась сразу, за следующие три года – немедленно по истечении этих семи лет, а далее – ежегодно. Персы, со своей стороны, передавали ромеям Лазику [Dexippi…, 1829. P. 351–352].

Менандр Протектор приводит и другие условия договора:

«Первым было записано положение о том, чтобы персы не позволяли ни гуннам, ни аланам, ни иным варварам проникать во владения ромеев окольным путём, через горные проходы пути, именуемого Хоруцон[773], и Каспийских Ворот, а ромеи – не слали войска против персов ни в этой области, ни на иных мидийских рубежах.

Второе: чтобы сарацины, союзники обеих держав, тоже придерживались установленного (т.е. достигнутых соглашений. – *Д. М.*), и чтобы ни те, кто у персов, не ополчались на ромеев, ни те, кто у ромеев – на персов.

Как третье условие, чтобы купцы из ромеев и персов, какова бы ни была их поклажа, а также дельцы с той и с другой стороны по изначально действующему обычаю ехали через названные места сбора десятины.

Четвёртое, чтобы со всеми послами и теми, кто пользуется быстротой государственных коней для [доставки] известий, направляйся они во владения ромеев или персов, обращались уважительно, сообразно с их чинами и как подобает, чтобы о них должным образом заботились и пропускали без промедления, и чтобы они могли беспрепятственно и без каких-либо пошлин обменять товары, которые везут с собой.

Пятое. Было изложено [так], чтобы купцы из сарацин и подобных варваров из обеих держав двигались не тайными тропами, а через Нисибин и Дару и без повеления правителя не направлялись в чужие земли. Если же они осмелятся совершить что-либо в обход установленного или то, что называется укло-

---

[773] В греческом тексте – Χορουτζὸν. Последняя часть этого слова очень напоминает название Чор. Вероятно, следует читать Δορουτζὸν, т.е. *Дар-и-Чор*, «Ворота Чора». Однако в тексте упоминаются и Каспийские Ворота, которые, как показано выше, должны идентифицироваться с Чором. Вероятно, Менандр, как и Прокопий Кесарийский (см. прим. 385) ошибочно отождествляет Чор с Аланскими Воротами, т.е. с Дарьяльским ущельем.

нением от уплаты таможенных пошлин, то, когда выследят их правители пограничных областей, [должны] они быть выданы, с тем, что везут они, будь то ассирийская поклажа или ромейская, для наказания.

Шестое. Если во время, когда была война, какие-то люди перешли к персам от ромеев или от персов к ромеям, и если ушедшие захотят вернуться домой, то чтобы не было им никаких преград, и чтобы никаких препятствий им не чинили. В мирное же время перебежчиков или беглецов от одних к другим не принимать, но любым способом, хотя бы и против воли, выдавать тем, от кого они бежали.

Седьмое. [Эта] статья договора о том, что, если подданные одной державы станут обвинять подданных другой в том, что те разорили что-либо из их [имущества], спор должен быть решён судом, причём либо сами потерпевшие ущерб, либо местные жители [должны] собраться у наместников держав, с тем, чтобы тот, кто нанёс вред, возместил его.

Восьмое. Чтобы в дальнейшем персы не обвиняли ромеев из-за того, что [те] отстраивают Дару; согласовано, чтобы ни та, ни другая держава в будущем не возводила никаких защитных стен и не укрепляла никакое из пограничных поселений, дабы не стало это предлогом для раздоров, и из-за этого не был расторгнут договор.

Девятое. Чтобы [подданные одной державы] не нападали и не шли войной на народ или область, подвластные другой, но скорее оставались при своём, не делая вреда и никому не причиняя зла, так, чтобы и самим наслаждаться миром.

Десятое. Чтобы в Даре не сажали слишком большого войска, но лишь то, что будет достаточно для защиты города, и не ставили туда стратига востока, дабы не происходили из неё набеги на персов и разорения. Если же что-то такое случится, установлено, что правителю Дары следует исправить ошибку.

Одиннадцатое установление договора – если один город нанесёт вред другому или погубит что-либо принадлежащее ему, даже не в войне и не силой войска, но хитростью или воровством – а есть нечестивцы, которые делают такое для того, чтобы это стало поводом для войны, – установлено, что судьи, поставленные на рубежах обеих держав должны тщательно рассматривать такие деяния и исправлять [положение]. Если же они будут неспособны устранить вред, который жители сосед-

них поселений нанесут друг другу, согласовано, что дело следует направить стратигу востока, а если тот в течение шести месяцев не решит тяжбы, а пострадавший не получит утраченное, совершивший бесчинство должен будет заплатить пострадавшему в двойном размере. Если и на этом дело не кончится, указано, чтобы пострадавшая сторона направила посольство к царю нанёсшего вред. Если же царь не примет для неё достаточных мер, а [возмещение] вреда в двойном размере не будет получено, как это определено, в течение года, то да будет договор расторгнут в части этой статьи.

В двенадцатой статье договора ты увидишь мольбы к Богу и молитвы, чтобы Бог был милостив к миролюбивому и помогал ему во всём, а лукавому, желающему в чём-либо отступить от установленного, был противником и недругом.

Тринадцатая статья установленного: мирный договор будет пятидесятилетним, и мир будет установлен на пятьдесят годичных отрезков (ἐνιαυτοὺς), а [протяжённость] годичного отрезка будет исчисляться по старинному обычаю, [т.е.] каждый год[ичный отрезок] будет истекать на триста шестьдесят пятый день» [Dexippi…, 1829. P. 359–363].

Важность этого договора едва ли нуждается в оценке. Он фактически завершил войну в Лазике и должен был определить отношения держав на многие десятилетия вперёд. Столь масштабные договорённости не могли не быть выражением долгосрочных устремлений Хосрова и Юстиниана. Для того, чтобы понять их, мы должны взглянуть на исходные позиции сторон, которые, к счастью, известны нам благодаря Менандру Протектору. Он сообщает, что вначале позиции сторон сильно расходились. Персы настаивали на выплате им контрибуции и заключении договора на сорок или, самое меньшее, тридцать лет; византийские посланники предлагали краткосрочное перемирие без каких-либо выплат [Dexippi…, 1829. P. 351]. Если сопоставить это с условиями договора, можно заключить, что византийцы пошли на уступки и в отношении срока действия договора (который был заключён даже на более длительный период, чем изначально предлагали персы), и по части контрибуции, но получили взамен Лазику. Правда, поскольку персы контролировали только одну часть Лазики, тогда как другая оставалась под властью Византии, смысл договорённостей можно понимать и по-иному. Персы могли отказаться от притязаний на

подконтрольную Византии Лазику и тем самым как бы подарить её ромеям. Но встречная уступка персов была, несомненно, большей нежели простое обещание не воевать в Лазике. Кроме того, из текста того же Менандра Протектора явствует, что вскоре после воцарения Юстина II (565 г.) Лазика уже принадлежала Византии [Dexippi…, 1829. P. 378]. Это было, видимо, результатом исполнения мирного договора.

Тем самым, Хосров фактически обменял Лазику на долгосрочную контрибуцию. Объяснить этот поступок можно, кажется, лишь изменением политики Хосрова. Видимо, неудачи попыток захватить византийские владения в Лазике привели Хосрова к мысли о том, что в дальнейшем походы в этом направлении не принесут успеха. Более того, поход самого Хосрова в Лазику едва не привёл к мятежу знати, и не было никакой гарантии, что это не повторится. Поэтому сдача Лазики стала для Хосрова приемлемой ценой за поддержание статуса Византии как данницы персов.

Отдельно стоял вопрос о Свании. Ни Язд-Гушнасп, ни Хосров не согласились уступить её византийцам, и Пётр вернулся, так и не решив этот вопрос [Dexippi…, 1829. P. 373]. На фоне передачи византийцам Лазики такая позиция Хосрова выглядит нелогично. Её можно объяснять разве что тем, что в будущем царь хотел получить за Сванию другие уступки. Несколько лет спустя представители Хосрова, в том числе тот же Язд-Гушнасп, заявляли византийцам о готовности уступить Сванию за деньги [Dexippi…, 1829. P. 378].

Другой вопрос, по которому державы не достигли согласия, касался арабов. Ссылаясь на прежние выплаты Юстиниана ал-Мунзиру III, персы требовали, чтобы Амр также получил от Византии контрибуцию – сто либр (32,745 кг.) золота [Dexippi…, 1829. P. 358]. Пётр отверг эти притязания, заявив, что арабы получали разовые пожалования, а не систематическую дань [Dexippi…, 1829. P. 358–359, 369]. В итоге персы отказались от своих требований.

Такой результат переговоров по понятным причинам вызвал недовольство Амра, что видно по одной реплике Хосрова, приводимой Менандром Протектором [Dexippi…, 1829. P. 379]. Феофан Исповедник сообщает, что ал-Харис Ибн Джа-

бала, прибыв в Константинополь в ноябре 563 года[774], рассказал Юстиниану о том, что сотворил Амр[775] в землях Гассанидов [Theophanis…, 1839. P. 371]. Поскольку по условиям мирного договора державы обязались не посылать друг против друга арабские племена, действия Амра можно объяснять лишь его собственным почином. Должно быть, у Амра к тому времени накопилось немало обид и на Византию, и на Гассанидов (см. выше), и он, будучи человеком жестоким и решительным, начал войну даже без оглядки на Хосрова.

На первых порах мирный договор исполнялся. Незадолго до рассмотренной выше встречи с Хосровом Пётр передал персам контрибуцию за первые семь лет действия договора [Dexippi…, 1829. P. 365]. Но смерть Юстиниана и вступление на престол Юстина II (середина ноября 565 г.) резко изменили ситуацию. В отличие от Юстиниана, для которого выплаты и дары были обычным инструментом дипломатии, новый император отвергал такие средства. Это касалось не только Востока; у Менандра Протектора мы находим рассказ о том, что Юстин в самом начале своего правления отказался одаривать аваров (как это делал Юстиниан), и это вызвало конфликт с ними [Dexippi…, 1829. P. 286–290]. То же самое произошло и в отношениях с Сасанидской державой. Вступив на престол, Юстин по сложившейся традиции направил к Хосрову посольство, чтобы уведомить о своём приходе к власти. Датировка посольства вытекает из сообщения Менандра Протектора о том, что посол Юстина Иоанн Коментиол прибыл в Нисибин во время праздника, именуемого в греческом тексте Φουρδίγαν [Dexippi…, 1829. P. 374]. Речь идёт о празднике *frawardigān*, дне поминовения усопших, который у зороастрийцев отмечается несколько раз в году: в последние пять дней года, на девятнадцатый день года и на девятнадцатый день девятого месяца (*адар*) [Duchesne-Guillemin J., 1962. P. 118–119]. Поскольку шедший на момент воцарения Юстина зороастрийский год начался восьмого июля 565 г. [Parise F., 2002. P. 101], речь может идти только о третьем из перечисленных празднеств, которое должно было прийтись на март 566 г. Значит, Юстин II не

---

[774] Т.е. в ноябре 6056 года от сотворения мира (1 сентября 563 – 31 августа 564 г.).

[775] В тексте – *Аварос*, т.е. *Амру* через промежуточную форму *Амврос*.

стал отправлять посла в трудное путешествие зимой. Но по окончании зимы любая задержка могла быть расценена как нарушение сложившейся традиции. Именно это, должно быть, объясняет спешку, с которой, согласно Менандру Протектору, двигался Иоанн Коментиол [Dexippi…, 1829. P. 374].

На переговорах Коментиол ещё раз подтвердил, что Византия ничего не заплатит Лахмидам [Dexippi…, 1829. P. 377–378]. Другой вопрос, который тогда обсуждали стороны, касался Свании. Он, как показано выше, не был урегулирован мирным договором и оставался источником противоречий. Юстин специально дал послу указание провести переговоры о Свании [Dexippi…, 1829. P. 373–374]. Однако и на этот раз переговоры не привели к решению вопроса. Представители персов (прежде всего – Язд-Гушнасп Зиг) выражали готовность уступить Свании за деньги (см. выше), но выставленные ими условия, по словам Менандра Протектора, были неприемлемы для Византии [Dexippi…, 1829. P. 378].

Отпуская Коментиола назад, Хосров заявил, что направит в Византию собственное посольство. После предварительных переговоров это посольство, которое возглавлял Мехбуд[776], заменивший умершего в пути Язд-Гушнаспа, прибыло в Константинополь. Эти переговоры не привели к урегулированию конфликта; наоборот, отношения между державами обострились ещё более. Язд-Гушнасп, а затем Мехбуд должны были обсуждать вопрос о Свании, но на аудиенции Юстин не стал даже поднимать его. К тому же вместе с Мехбудом прибыло большое, состоявшее приблизительно из сорока человек, посольство Амра. Но арабских послов сначала даже не пускали к императору; аудиенция им была дана только по настоянию Мехбуда. Но на приёме Юстин уподобил Амра мелкому торговцу и назвал смехотворной саму мысль о том, что ромеи могли бы платить дань сарацинам [Dexippi…, 1829. P. 294–295].

Вернувшись, посланники Амра передали ему слова императора. Нетрудно представить себе, что Амр расценил их как оскорбление. По сообщению Менандра Протектора он поручил своему брату Кабусу (Камбос греческого текста) напасть на гассанидских арабов [Dexippi…, 1829. P. 295].

---

[776] О Меводе Сар-Нахваргане см. главу 2.

Трудно сказать, продолжались ли мирные переговоры далее. Михаил Сирийский сообщает, что на втором году правления Юстин направил к персам посольство, но одновременно пишет, что таким образом император по традиции известил Хосрова о своём приходе к власти [Histoire…, 1901. P. 282]. Не исключено, что Михаил Сирийский ошибается, и речь идёт о том же посольстве Иоанна Коментиола. Между тем, мы знаем, что формально действовавший пятидесятилетний мир вскоре утратил силу. По словам современника этих событий Феофана Византийского, сообщения которого известны в пересказе Фотия (род. ок. 810 г., ум. ок. 893 г.), это произошло по истечении второго года правления Юстина (ноябрь 566 – ноябрь 567 г.). Сам Феофан, судя по тексту Фотия, объяснял это тем, что Хосров отказался передать византийцам Сванию – а этого через Коментиола требовал Юстин [Fragmenta…, 1851. P. 270]. Безусловно, вопрос о Свании, как мы видели, остро стоял уже в начале правления Юстина, но, как видно из последующих событий, сам по себе он не стал причиной войны, которая началась не в 567–568 гг., а позднее. Гораздо важнее было то, что Юстин, отвергавший любую передачу сокровищ империи другим державам и народам, вряд ли желал исполнять мирный договор с Хосровом – по крайней мере, в части контрибуции. Именно этим объясняет разрыв мирного договора другой современник, Иоанн Эпифанийский, по словам которого

«… спор у них (византийцев и персов. – *Д. М.*) развился не в последнюю очередь из-за того (если кто-нибудь пожелает узнать самую скрытую, но истинную причину), что император Юстин никоим образом не хотел платить мидийцам каждый год по пятьсот либр[777] золота, на каких условиях был прежде заключён мирный договор, [и также не хотел, чтобы] держава ромеев навсегда стала данницей персов» [Fragmenta…, 1851. P. 274].

Почти то же самое мы обнаруживаем и в более позднем тексте Феофана Исповедника:

«Император ромеев каждый год платил по пятьсот либр золота, чтобы персы охраняли находившиеся вблизи тех мест[778]

---

[777] Т.е. по пять кентинариев [Procopius, 1914. P. 204–205].

[778] Судя по контексту, речь идёт о горных проходах, через которые гунны вторгались в Закавказье.

крепости, дабы вторгающиеся народы не уничтожили обе державы; и вот, они (персы. – *Д. М.*) охраняли крепости за счёт общих расходов. Юстин же расторг мирный договор, сказав, что было бы позором, чтобы ромеи платили дань персам» [Theophanis…, 1839. P. 379].

Воспоминания о действиях Юстина сохранились и в персидских традициях. Фирдоуси со ссылкой на «древнюю книгу» (*nāmeh-i-bāstān*), как он, судя по всему, называет свод *дехган*-а, повествует, что император ромеев умер, а его преемник оскорбил посла Хосрова неподобающим подарком и заявил ему:

«Я – не слуга и не меньший [по достоинству], чем китайцы и эфталиты» [Ferdowsi's…, 1935. P. 2543].

Слово «слуга» (*čāker*) означает здесь «подчинённый». Поскольку подчинённое положение проявлялось и в данничестве, в ответе нового императора легко узнать отказ Юстина от выплат Хосрову.

Здесь следует отметить, что срок очередной выплаты по мирному договору должен был наступить в конце 568 или начале 569 г. Отказ Юстина от выплат, несомненно, был нарушением договора, однако открытый конфликт последовал не сразу. Стороны двигались к нему постепенно, что видно по источникам. Вскоре начал развиваться конфликт в сасанидских владениях в Армении. Для понимания этих событий следует вспомнить их предысторию. Армянская знать, выступив во главе с Ваханом Мамиконяном против персов в конце правления Пероза, добилась некоторой автономии. После Вахана Арменией управлял его брат Вардан. Впоследствии, однако, господство Сасанидов над Арменией вновь стало упрочиваться. Власть со временем была передана персидским *марзбан*-ам, которые, согласно Степаносу Орбеляну, управляли Арменией тридцать шесть лет после окончания правления Мжежа Гнуни, последнего (в рассматриваемую эпоху) наместника из местной аристократии [Histoire…, 1864. P. 62]. Княжество Сюник, правители которого были давними и верными вассалами Сасанидов, сохранило автономию, однако было отделено от Армении [Епископ Себеос, 1939. С. 28–29].

По мере укрепления власти персов в стране насаждался зороастризм. Первым из *марзбан*-ов, правивших после Мжежа Гнуни, Степанос Таронеци называет Ден-Шапуха (Дин-Шапур), который строил святилища огня в области Рштуник и заставлял

христиан поклоняться огню [Всеобщая история…, 1864. С. 57–58]. Такую же картину рисует и Иоанн Эфесский: Хосров по примеру Юстиниана преследовал монофизитов, казнил трёх епископов сдиранием кожи, приказывал разрушать церкви и воздвигать святилища огня по всей Армении [The Third Part…, 1853. P. 95–98].

Дальнейшие события можно восстановить так. Армянская знать и католикос заявили *марзбан*-у[779], что остаются подданными Хосрова, но не допустят строительства на своей земле святилищ огня. *Марзбан* вернулся к Хосрову и, получив от него войско, двинулся назад с приказом применять силу, если армяне будут препятствовать строительству. Армянские вельможи направили посольство к Юстину, прося помощи, но император, кажется, не успел её оказать. Поход, тем не менее, окончился неудачей и гибелью *марзбан*-а. Согласно Иоанну Эфесскому, состоялось сражение; армянские авторы, напротив, говорят о том, что *бдеших* Вардан Мамиконян неожиданно ударил на *марзбан*-а Сурена в Двине и убил его. Голову Сурена восставшие отослали Юстину, которого провозгласили своим верховным правителем[780].

В датировке этих событий источники расходятся. Себеос относит их к сорок первому году правления Хосрова [Епископ

---

[779] Этим *марзбан*-ом, видимо, был Сурен, о котором речь пойдёт ниже. У Вардана Великого он идентифицируется с Ден-Шапухом [Всеобщая история…, 1861. С. 77], что, видимо, неправильно, так как Степанос Таронеци называет между Ден-Шапухом и Суреном ещё двух наместников – Вараздата (Вараз-дад) и Тчиховр-Вешнаспа (Чихр-Гушнасп) [Всеобщая история…, 1864. С. 57–58]. Вардан Великий обвиняет Сурена в том, что тот блудил с жёнами армянских нахараров [Всеобщая история…, 1861. С. 77], но принимать это утверждение можно только с учётом явной пристрастности автора. Не исключено, например, что за «блудом» на деле стоит зороастрийское многожёнство или зороастрийский брак вообще.

[780] Так восстанавливаются события на основе сравнительного исследования византийских, армянских и сирийских источников [Dexippi…, 1829. P. 313; Histoire..., 1841. P. 54; Evagrii…, 1844. P. 150–151; Fragmenta…, 1851. P. 270, 273; The Third Part…, 1853. P. 99–100; Всеобщая история…, 1861. С. 77; Всеобщая история…, 1864. С. 59; Histoire..., 1901. P. 282; Епископ Себеос, 1939. С. 28; Иованнес Драсханакертци, 1986. С. 77–78].

Себеос, 1939. С. 28]. Степанос Таронеци называет конкретную дату – двадцать второго числа месяца *арег* сорок первого года правления Хосрова и седьмого года правления Юстина [Всеобщая история…, 1864. С. 59]. Если отсчитывать дни месяца *арег* с девятого марта, дата сражения падает на 31 марта 572 г. Однако по словам Иоанна Эфесского, персидские владения в Армении перешли к ромеям в 880 году Александра Македонского (сентябрь 568 г. – август 569 г.) [The Third Part…, 1853. P. 104]. В «Хронике 1234 г.» восстание армян отнесено к четвёртому году правления Юстина [Anonymi auctoris…, 1920. P. 201], что в общем соответствует данным Иоанна.

Согласно Менандру Протектору, по истечении десятого года действия мирного договора (вероятно – весной 572 г.) в Византию явился персидский посол Севохф (Сибохт). Хотя к тому времени Сурен уже погиб, Сибохт делал вид, что ему ничего не известно о событиях в Армении [Dexippi…, 1829. P. 313]. Это имело смысл только если бы Сурен был убит незадолго до прибытия посольства в Константинополь. Стало быть, мы вправе принять датировку армянских источников и относить победу Вардана Мамиконяна над Суреном к 31 марта 572 г. В этом случае логично предполагать, что в 571 г. началось выступление армянской знати, приведшее к тому, что *марзбан* был вынужден покинуть Армению; он вернулся в начале следующего года.

Переговоры, которые вёл Сибохт, не дали результатов. Юстин недвусмысленно дал понять, что об удовлетворении требований Хосрова и выплате контрибуции не может быть и речи. Затем император заговорил о Лазике и заявил, что в случае войны сможет уничтожить Хосрова и дать персам нового царя. Вслед за этим он отпустил посла [Dexippi…, 1829. P. 313–316].

Помимо вопроса о контрибуции и выступления Вардана Мамиконяна между державами существовали и иные противоречия. Феофан Византийский сообщает, что против персов выступил царь ивиров Гурген, столица которого находилась в Тифлисе [Fragmenta…, 1851. P. 270][781]. Кроме того, Хосрова,

---

[781] Судя по идентичности имён, речь может идти о потомке царя Гургена, который обратился за помощью к ромеям ещё в конце правления Юстина I, т.е в 20-е гг. VI в. (см. главу 1). Однако сказать что-либо определённое мы не можем, так как в византийских источниках упоминания о царях ивиров по имени Гурген разрознены

несомненно, тревожило сближение между Византией и Тюркским каганатом [Fragmenta…, 1851. P. 270]. Эти переговоры подробно описывает Менандр Протектор [Dexippi…, 1829. P. 295–302, 380–384][782], и пересказывать его сообщение вряд ли имеет смысл. Для настоящего исследования важно то, что переговоры привели по крайней мере к официальному альянсу Византии и тюрков, направленному против Сасанидской державы.

Феофан Византийский, если верны выписки Фотия, полагал, что установление союза между Византией и тюрками стало причиной похода Хосрова в Йемен [Fragmenta…, 1851. P. 271][783]. Это утверждение представляется в принципе пра-

---

и не составляют единого целого, а в грузинских источниках их нет. К тому же, согласно Прокопию Кесарийскому, после рассмотренного выше инцидента с Гургеном персы вообще не разрешали ивирам провозглашать над собой собственного царя [Procopius, 1914. P. 520–521].

[782] Согласно Менандру Протектору, посланники тюрков прибыли в Константинополь в начале четвёртого года правления Юстина II. Ответное посольство во главе с Зимархом двинулось в тюркам в начале августа того же четвёртого года правления Юстина и второго года индикта [Dexippi…, 1829. P. 295, 380]. Четвёртый год правления Юстина, если считать его от момента фактического прихода к власти, продолжался от середины ноября 568 по середину ноября 569 г., второй год индикта – от сентября 568 г. до конца августа 569 г. Следовательно, тюркские послы прибыли в Константинополь в конце 568 г., а миссия Зимарха выехала в начале августа 569 г. В связи с этим расчётом следует, видимо, отвергнуть утверждения Иоанна Эфесского о том, что посольство Зимарха было отправлено к тюркам на седьмом году правления Юстина II [The Third Part…, 1853. P. 395].

[783] История Йемена составляет отдельный предмет исследования, который не входит в рамки настоящей работы. Как предысторию рассматриваемых событий мы принимаем следующую версию, относительно которой есть, кажется, консенсус среди исследователей. В ответ на действия царя Химьяра Иосифа Ясар Асара (Зу Нуваса мусульманских источников), который жестоко репрессировал христиан в своих владениях и захваченном им Награне (Наджран), негус Аксума (правитель Эфиопии) Калеб Элла-Асбаха предпринял вторжение в Йемен. Иосиф погиб, а Йемен был подчинён эфиопам (525 г.). На химьяритский престол был возведён представитель местной знати Сумйафа Ашва, который, однако, впоследствии был свергнут эфиопами во главе с полководцем Абрахой (530, 533 или

вильным. Прежде Хосров, как и Кавад, если не был равнодушен к Йемену, то, во всяком случае, не имел намерения воевать за него[784]. В легендах, воспроизводимых у мусульманских авторов,

---

534/535 г.) [Beeston A. F., 1954. P. 40; Smith S., 1954. P. 464–465; Ryckmans J., 1956. P. 21; Лундин А. Г., 1961. С. 49–59; История Африки…. 1990. С. 239]. Последний, судя по его надписям, в какой-то момент провозгласил себя царём [Ryckmans G., 1953. P. 278; Smith S., 1954. P. 435, 437], хотя и платил дань негусу Аксума [Procopius, 1914, P. 190–191]. Абраха фактически создал собственную династию, представители которой правили в Йемене в рассматриваемое время.

[784] Это утверждение можно проиллюстрировать примерами. Для похода на Йемен эфиопы использовали несколько судов персидских купцов, видимо, реквизировав их [Martyrium…, 1864. P. 747]. В иной обстановке такие действия могли бы стать поводом для войны, однако в данном случае мы не видим в источниках даже протеста со стороны Сасанидов. В последние годы правления Кавада Юстиниан пытался создать антисасанидскую коалицию на юге. Прокопий Кесарийский рассказывает, что император намеревался силами Абрахи поставить над арабами-мааддитами Кайса (возможно, сына ал-Хариса – см. прим. 710), который вместе с эфиопами должен был вторгнуться во владения Сасанидов [Procopius, 1914. P. 192–193]. По сообщению Иоанна Малалы, приблизительно в то же время послы Юстиниана призывали Калеба выступить против Кавада. Калеб действительно послал против персов какие-то войска, но о результатах этого похода нам неизвестно [Ioannis Malalae…, 1831. P. 458]. Судя по тому, что Юстиниан стремился проложить новый «шёлковый путь» в Индию (об этом более подробно в прим. 836), эфиопы должны были отбить у персов Оман. Но и это не привело к войне на юге. Напротив, ни Хосров, ни Абраха явно не собирались начинать крупномасштабные боевые действия. Абраха, согласно Прокопию Кесарийскому, много раз обещал Юстиниану начать войну с персами, но выступил в поход лишь однажды, да и то скоро вернулся [Procopius, 1914. P. 192–195]. Вместе с тем, Абраха упоминает в своей марибской надписи (543 г.) о том, что к нему прибыли послы негуса, императора ромеев, царя персов, ал-Мунзира III и двух Гассанидов – ал-Хариса Ибн Джабалы и Абу Караба Ибн Джабалы [Smith S., 1954. P. 440]. Хосров, кажется, предпочитал договариваться с Абрахой, который, в свою очередь, лавировал между державами. К тому же, у Хосрова был негативный опыт действий в Аравии. Ибн Дурайд описывает случай, когда правитель киндитов, живших в Аравии, Абу-л-Джабар Ибн Амр, обратился к Хосрову за помощью, чтобы утвердиться у власти. Хосров направил с ним персидское войско. Но уже в начале похода, когда

Хосров не желает посылать войска в Йемен и отказывает представителям химьяритской, т.е. йеменской, знати, обратившимся к нему за помощью[785]. Для того, чтобы Хосров решился на вторжение в Йемен, нужен был по-настоящему сильный побудительный мотив.

Таким мотивом стало, очевидно, сближение между Византией и Тюркским каганатом. На него Хосров ответил своей дипломатической инициативой. По сообщению Феофилакта Симокатты, персы стали убеждать «омиритов»[786] отложиться от ромеев. «Омириты», однако, не поддались на уговоры и в результате понесли страшный урон от вторжений персов [Theophylacti…, 1834. P. 132].

История этих вторжений восстанавливается приблизительно так. К персам примкнула какая-то часть химьяритской знати[787], и Хосров начал военные действия, рассчитывая на её

войско шло по Казиме, персидские аристократы, страдавшие от тягот пути, начали роптать. Отравив Абу-л-Джабара, они заставили его отпустить их и написать соответствующее письмо Хосрову [Carmen…, 1828. Ар. текст, с. 17–18]. Абу-л-Джабар известен по бир-мурайганской надписи Абрахи, в которой тот утверждает, что поставил его во главе киндитов. Бир-мурайганская надпись восходит к 662 году сабейской эры, т.е. к 547 г. [Ryckmans G., 1953. P. 278; ср. Ал-Иштикак…, 1991. С. 306]. Если это сообщение верно, Хосров должен был понимать, что отправка войска в Йемен вызовет недовольство знати.

[785] Это особенно заметно в одном рассказе, приводимом у ат-Табари, где Хосров прямо заявляет явившемуся к нему Сайфу Ибн Зи Язану (о последнем см. прим. 787): «Земля твоя далека от нашей, и хорошего в ней мало [разве что овцы да верблюды – а этого нам не требуется]. И вот, никогда не посылал я войско из Персии в глубь земли арабов – мне этого не надо» [Annales…, 1964. Ser. I, P. 947]. Аналогичный текст (без слов, помещённых в квадратные скобки) обнаруживается в более раннем тексте Ибн Исхака (ум. в 767 г.), дошедшем до нас в изложении Ибн Хишама (ум. в 834 г.) [Das Leben…, 1859. S. 42].

[786] Контекст показывает, что под «омиритами», т.е. химьяритами, здесь понимаются эфиопские правители Йемена.

[787] Это видно из многочисленных пересказов легенды о Сайфе Ибн Зи Язане у многих мусульманских авторов. Наиболее популярная сюжетная линия состоит в том, что после смерти Абрахи правили его сыновья – Яксум (вернее – Аксум, упоминаемый в марибской надписи Абрахи 543 г. [Smith S., 1954. P. 441]) и Масрук. В правление Масрука эфиопы стали притеснять химьяритов. Один из химьяритских

вельмож по имени Сайф Ибн Зи Язан пытался жаловаться византийскому императору, но тот отказался выступать против единоверцев-христиан. Тогда Сайф обратился к лахмидскому царю ан-Нуману Ибн ал-Мунзиру (ан-Нуман III), и тот ввёл его к Хосрову I. В конце концов Сайф добился, чтобы Хосров направил в Йемен войско [Das Leben…, 1859. S. 41–42; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 16, с. 71; Ал-Ахбар…, 1960. С. 63; Annales…, 1964. Ser. I, P. 946–947; Китаб ат-тиджан…, 1979. С. 315]. Известна и другая версия этой легенды, которую со слов Хишама ал-Кальби приводит ат-Табари. Согласно ей, к лахмидскому правителю Хиры (по мнению ат-Табари – к Амру, сыну ал-Мунзира III) обратился ал-Файйад Зу Язан, у которого Абраха отнял жену. Амр помог ал-Файйаду получить аудиенцию у Хосрова, но тот отказался посылать войска в Йемен. Впоследствии сын ал-Файйада Мадикариб обращался сначала к византийскому императору, а затем к Хосрову, который на этот раз согласился предпринять поход против эфиопов. В этом походе участвовал и Мадикариб [Annales…, 1964. Ser. I, P. 950–952]. Эта версия предпочтительнее первой, так как если правление ан-Нумана III, согласно наиболее упорядоченной хронологии Лахмидов у Хамзы ал-Исфахани, пришлось на время царствования Хормузда IV и Хосрова II [Hamzae…, 1844. P. 111], то Амр Ибн ал-Мунзир мог быть современником Абрахи. Бир-мурайганская надпись, в которой Абраха именует себя царём, относится к 547 г., тогда как Амр вступил на престол семью годами позже. Тогда, однако, следует либо не говорить о Сайфе вовсе, либо отождествить его с Мадикарибом. Против такого отождествления свидетельствует рассказ ал-Масуди, где сначала Сайф Ибн Зи Язан безуспешно просит помощи у правителей Византии и Сасанидской державы, затем он умирает, и к Хосрову является его сын Мадикариб, который впоследствии участвует в походе [Maçoudi, 1864. P. 162–163]. Но не исключено, что рассказ ал-Масуди – компиляция рассмотренных выше версий. Неопределённость, которую мы видим в легендах, усугубляется тем, что они, кажется, были созданы не на йеменской почве. В арабских и персидских источниках имя «Зу Язан» (*Ḏū Yazan*) приводится не в той форме, в которой оно встречается в йеменских надписях – *Ḏū Yaz'ān* [Ryckmans G., 1953. P. 287, 295, 298, 311]. Всё сказанное заставляет нас очень осторожно подходить к деталям и особенно именам исторических персонажей, которые мы находим в легендах, приводимых в мусульманских источниках. Но в целом их сюжет нельзя признать нереальным. Род Зу Язан, судя по надписям *кайл*-а (правителя области) Шарахила Якбула [История Африки…, 1990. С. 230–232], занимал высокое положение при царе Иосифе Ясар Асаре (о нём см. прим. 783). В правление Абрахи Зу Язаны сохранили свои позиции. Один из них упоминается в числе

помощь. В большинстве источников речь идёт об одной морской экспедиции, однако Феофилакт Симокатта, как показано выше, говорит именно о вторжениях персов, употребляя слово ἔφοδος во множественном числе. Это находит интересную параллель в *Фарс-намэ*, где утверждается, что до посылки флота в Йемен Хосров направил в Эфиопию другое войско из тысячи дейлемитов (они, судя по боевым действиям на Кавказе, составляли пехоту) и пятисот лучников. Это войско заняло Эфиопию, а затем присоединилось к силам персов в Йемене [The Fársnáma…, 1921. P. 95–96]. Утверждение о походе персов на Эфиопию не подтверждается другими источниками; к тому же, им вряд ли имело смысл распылять и без того небольшой экспедиционный корпус по разным направлениям. Скорее всего, Хосров послал в Йемен (т.е. против эфиопов) несколько отрядов, один за другим. Легенда запомнила отправку только одного отряда, который, если верить *Фарс-намэ*, был составлен из содержавшихся в заточении представителей знатных родов, в том числе – и царского [The Fársnáma…, 1921. P. 95].

В описании военных действий источники сильно расходятся. Командующим персидскими войсками Феофан Византийский называет Михрана, а мусульманские авторы – Вехриза. Сасанидское войско насчитывало восемьсот человек, распределённых по восьми кораблям (как повествует бóльшая часть легенд, в пути два корабля затонули, и до Йемена добрались только шестьсот бойцов) или семь тысяч пятьсот. Согласно некоторым традициям, персидский флот прибыл в Аден [Ал-Ахбар…, 1960. С. 64; Китаб ат-тиджан…, 1979. С. 316][788]. Туда

знати в марибской надписи Абрахи [Smith S., 1954. P. 440]. Но затем по какой-то причине Зу Язаны, а может быть – и другие роды химьяритской знати – подверглись гонениям. Вполне возможно, что они действительно обращались к лахмидскому царю: известно, что так в своё время поступал и Иосиф Ясар Асар [Martyrium…, 1864. P. 742; Incerti auctoris…, 1933. P. 57–63].

[788] К тому времени Аден уже был важным портом; Филосторг, повествуя о своём времени, т.е. начале V в., сообщал, что туда прибывали ромейские купцы [Philostorgius, 1913. S. 34]. Между тем, ал-Масуди повествует, что персидские корабли прибыли в место Масваб (*Ma<u>t</u>wab*) в Хадрамауте [Maçoudi, 1864. P. 164]. Этот топоним практически не встречается в восточной географической литературе. Только Якут характеризует Масваб как поселение в Йемене, не

же, видимо, собрались и другие войска персов, а также отряды их йеменских союзников. Вероятнее всего, они двинулись на столицу Химьяра – Зафар. Против них вышло войско эфиопского царя Йемена, которого Феофан Византийский называет Санатруком, а мусульманские авторы – Масруком. Сражение началось неудачно для персов: погиб сын Вехриза Ноузад. Но в конце концов персы одержали победу. Эфиопский царь был взят в плен (по Феофану Византийскому) или убит меткой стрелой Вехриза (согласно восточным авторам). Феофан Византийский сообщает, что персы овладели столицей неприятеля (видимо – Зафаром), разрушили город и выселили его жителей[789].

сообщая ничего более [Yāqūt…, 1957. T. V, P. 55]. Между тем, в подробном описании Йемена и Южной Аравии, составленном современником Якута Ибн ал-Муджавиром, Масваб помещается на пути из Мекки в Джидду [Ibn al-Muǧāwir, 1954. P. 42]. Поэтому отождествление места высадки персов с Масвабом не кажется убедительным.

[789] Представленная в тексте реконструкция событий основана на сравнительном анализе ряда источников [Hamzae…, 1844. P. 135; Fragmenta…, 1851. P. 270; Das Leben…, 1859. S. 41–46; Maçoudi, 1864. P. 162–167; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 16, с. 71–72; The Fársnáma…, 1921. P. 95–96; Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 638; Ал-Ахбар…, 1960. С. 63–64; Annales…, 1964. Ser. I, P. 946–958; Ibn Wādhih…, 1969. Pars I, P. 187, 226–227; Мулук…, 1978. С. 149–152; Китаб ат-тиджан…, 1979. С. 315–318]. При этом особо стоит вопрос о хронологии. Если придерживаться указаний Феофана Византийского, как это было сделано выше, поход персов на Йемен последовал за установлением союза между Византией и тюрками и отъездом Зимарха из ставки *сильзивул*-а. Как показано ниже, Зимарх уехал от тюрков весной 571 г. В таком случае можно представить себе, что на решение Хосрова повлияли рассказы послов о встрече в Таласе с *сильзивул*-ом, который недвусмысленно дал им понять, что встал на сторону Византии против персов. Описанные Феофилактом Симокаттой переговоры, на которых византийцы упрекали персов в том, что те уговаривали «омиритов» отложиться от ромеев, относятся к 571 или к началу 572 г. Это видно из того, что далее Феофилакт повествует о назначении Маркиана стратигом востока (лето 572 г.) [Theophylacti…, 1834. P. 131]. Интересная параллель обнаруживается у Феофана Исповедника, который под 6064 г. (1 сентября 571 – 31 августа 572 г.) сообщает, что в Константинополь прибыли послы химьяритов. В

Согласно восточным источникам, после победы над эфиопами Вехриз установил в Йемене персидские подати [Annales…, 1964. Ser. I, P. 949–950] и возвёл на престол верного Хосрову представителя химьяритской знати[790], а затем вернулся

основном это известие повторяет рассказ Иоанна Малалы о поездке послов Юстиниана к Элла-Асбахе. Однако Иоанн не упоминает о посольстве химьяритов [Ioannis Malalae…, 1831. P. 457–459; Theophanis…, 1839. P. 377–378]. Возможно, известие о посольстве химьяритов (читай – йеменцев, т.е. эфиопов Йемена) в Константинополь действительно относится к указанной Феофаном дате, но затем к нему присоединяется заимствованное у Иоанна Малалы сообщение о более ранних событиях. Таким образом, можно выдвинуть следующую гипотетическую хронологию событий. Послы Хосрова повели переговоры с эфиопскими правителями Йемена во второй половине 571 г. Сведения об этом дошли до византийцев, и те упомянули об этом на переговорах с персами. Поход персов следует относить к первым месяцам 572 г. Муссоны на пути движения персидского флота (из Персидского залива в Аравийское море) дуют в юго-западном направлении с декабря по март. Ал-Масуди, ссылаясь на судовладельцев Сирафа и Омана, пишет, что в морях, омывающих южные земли, наблюдаются два сезонных прилива: летний, когда вода прибывает на северо-востоке, и зимний, когда она направляется в противоположную сторону [Maçoudi, 1861. P. 251–252]. Полководцы Хосрова, разумеется, знали об этом со слов купцов. Вероятно, «химьяриты», о которых говорит Феофан, прибыли в Константинополь просить помощи в борьбе с персами. Такая реконструкция событий заставляет отвергнуть встречающиеся в трудах мусульманских авторов утверждения о том, что последний эфиопский правитель Йемена Масрук погиб от руки персов по истечении сорока пяти лет правления Хосрова [Maçoudi, 1864. P. 167], а всего владычество эфиопов над Йеменом продолжалось семьдесят два года [Hamzae…, 1844. P. 135; Das Leben…, 1859. S. 46; Китаб ал-агани…, 1905. Т. 16, с. 72; Annales…, 1964. Ser. I, P. 946].

[790] Весьма интересная версия этого сообщения обнаруживается в комментарии к «Химьяритской касыде» Нашвана ал-Химьяри (ум. в 1177/78 г.). По его словам, Хосров поручил Вехризу выяснить у местной знати, принадлежит ли Сайф к царскому роду, и, если это окажется правдой, возвести его на престол, если нет – казнить. Йеменская знать подтвердила, что Сайф – царь и сын царя, и тогда Вехриз провозгласил его правителем Йемена [Мулук…, 1978. С. 151]. Сомнения в достоверности легенд о Сайфе Ибн Зи Язане (см. прим. 787) не позволяют безоговорочно принять этот рассказ как

в Иран. Новый правитель переписывался с Хосровом и поступал по его указанию [Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 639; Китаб ат-тиджан…, 1979. С. 317][791]. Но власть персидского ставленника едва ли была прочной. Через несколько лет он был убит, и Йемен фактически распался на несколько уделов[792]. Для Хосрова это было неприемлемо, и он вновь направил Вехриза в Йемен. По одной версии, Вехриз прибыл в Йемен с четырёхтысячным войском, восстановил власть персов над страной и в дальнейшем посылал Хосрову собранные подати [Annales…, 1964. Ser. I, P. 957–958][793]. Правление персидских наместников в Йемене продолжалось до начала исламской эпохи.

Согласно одному из рассказов, приводимых у ат-Табари, Хосров вслед за завоеванием Йемена предпринял поход на остров Сарандиб и овладел им [Annales…, 1964. Ser. I, P. 965]. В источниках название *Сарандиб* применяется к Цейлону. В принципе морской поход на Цейлон нельзя считать невозможным. Козьма Индикоплов рассказывает, что на остров Тапробану (Цейлон), называемый индийцами *Сиеледива* (отсюда форма *Сарандиб*), приходили корабли из Индии, Персии и Эфиопии

исторический источник, хотя в целом его сюжет реалистичен. Хосров, очевидно, хотел быть уверенным в том, что его ставленник будет воспринят химьяритской знатью как законный правитель.

[791] В источниках, на которые сделана ссылка, речь идёт о Сайфе Ибн Зи Язане.

[792] В некоторых источниках это время в истории Йемена уподобляется эпохе досасанидской раздробленности [Kitâb al-Mâʿarif…, 1960. P. 639; Китаб ат-тиджан…, 1979. С. 317].

[793] Определить хронологию этих событий сложно. Согласно отрывочным указаниям, встречающимся в источниках, Мадикариб правил четыре года [Maçoudi, 1864. P. 172], а Вехриз после своего возвращения в Йемен – пять лет [Ал-Ахбар…, 1960. С. 64]. Это можно было бы подкрепить утверждением Бируни о том, что после вторжения персов в Йемене в течение десяти лет шла война [Garbers K., 1952. S. 49], но известно, что Вехриз умер в правление Хосрова. Для последующих времён источники сообщают лишь перечень сасанидских наместников, причём расходятся в последовательности их правления и написании имён и не содержат временных ориентиров [Hamzae…, 1844. P. 138–139; Das Leben…, 1859. S. 46; Maçoudi, 1864. P. 176–177; Annales…, 1964. Ser. I, P. 958, 988]. С уверенностью можно сказать лишь то, что Йемен находился под управлением сасанидских наместников.

[The Christian Topography…, 1909. P. 322]. Но необходимости в этом походе у Хосрова, очевидно, не было. Нанести таким образом удар по Византии было невозможно. Даже возможность перерезать «морской шёлковый путь» в Индию не была уже актуальной, так как в Византии к тому времени наладилось собственное производство шёлка. Поэтому поход на Цейлон мог привести только к тому, что в преддверии намечавшейся войны с Византией силы персов были бы отвлечены войной на востоке. В связи с этим не исключено, что источник ат-Табари спутал Цейлон с Сокотрой. В контроле над ней Хосров вполне мог быть заинтересован, так как это давало ему возможность ещё прочнее укрепиться в Аравийском море. Указаний на захват Сокотры персами в источниках нет, но ал-Хамдани (писал в первой половине X в.) сообщает, что Хосров[794] поселил там пленных из страны ромеев [Al-Hamdânî's…, 1884. S. 53].

Несмотря на неудачу миссии Сибохта переговоры между Византией и персами продолжались. В «Хронике 1234 г.» мы читаем, что Хосров трижды посылал послов к Юстину [Anonymi auctoris…, 1920. P. 201]. Но чем дольше шли переговоры, тем яснее становилось, что они ни к чему не приведут. Обе стороны обвиняли друг друга во враждебных действиях. Сначала Сибохт имел указание не поднимать вопрос об Армении, но впоследствии персидские послы обвиняли ромеев в том, что именно они побудили армян к выступлению [Theophylacti…, 1834. P. 132–133; Fragmenta…, 1851. P. 274]. Если верить «Хронике 1234 г.», Юстин даже заявлял притязания на Нисибин, утверждая, что город был передан персам лишь на время и подлежит возврату [Anonymi auctoris…, 1920. P. 202][795].

Державы медленно, но неуклонно двигались к большой войне. Как и прежде, борьбу начали арабы. Приблизительно в

---

[794] Ал-Хамдани не указывает, правда, о каком Хосрове – Ануширване или Парвизе – идёт речь.

[795] Идея о том. что Нисибин был в 363 г. передан персам лишь на время, принадлежит литературе Христианского Востока; она встречается, например, у Иисуса Столпника [Wright W., 1968. Сир. текст, с. 8–9]. По всей вероятности, она отражает скорее чаяния христианского населения, чем реальное положение дел. Вместе с тем, ничто не мешает считать, что Юстин действительно мог выдвинуть территориальные притязания, в том числе и на Нисибин, утрата которого считалась позором.

первой половине 572 г. начался новый конфликт между Лахмидами и Гассанидами. Кабус, вступивший на хирский престол после гибели Амра в середине 570 г., предпринял поход на владения Гассанидов[796]. По словам Иоанна Эфесского, от которого мы узнаём об этом конфликте, Кабус счёл удобным моментом для нападения время, последовавшее за смертью ал-Хариса[797],

---

[796] Дата прихода Кабуса к власти определяется на основе сведений о продолжительности правления Амра, которое, согласно хронологии Хишама ал-Кальби, заняло шестнадцать лет [Hamzae..., 1844. P. 110; Annales..., 1964. Ser. I, P. 900]. Амр, как показано выше, вступил на престол после гибели ал-Мунзира в июле 554 г.; следовательно, его правление должно было закончиться в середине 570 г. Этот подсчёт соответствует историческому контексту; напротив, явно неверны утверждения ал-Масуди о том, будто Амр стоял у власти двадцать четыре года [Maçoudi, 1864. P. 200]. Согласно Иоанну Эфесскому, Кабус выступил в поход в качестве царя [The Third Part…, 1853. P. 355].

[797] Точные даты правления ал-Хариса нам неизвестны. Мы видели, что в 529 г. он уже стоял у власти. В рассмотренном сообщении Феофана Исповедника о поездке ал-Хариса в Константинополь в 563 г. говорится, что гассанидский царь обсуждал с Юстинианом вопрос о своём преемнике [Theophanis…, 1839. P. 371]. Однако хронология Хишама ал-Кальби отводит ал-Харису куда менее длительное правление – двадцать один с половиной год [Hamzae…, 1844. P. 120]. Хотя история Гассанидов, несомненно, должна быть предметом отдельного исследования, необходимость анализа роли ал-Хариса в описываемых событиях заставляет нас предложить хотя бы гипотетическое решение возникающего противоречия. Длительное правление ал-Хариса, каким оно представлено в византийских и сирийских источниках, соответствует царствованию самого ал-Хариса и его сына ан-Нумана у Хамзы ал-Исфахани. В труде последнего ал-Харису отводятся 21 год и 5 месяцев правления, ан-Нуману – 37 лет и 3 месяца [Hamzae…, 1844. P. 120–121], т.е. всего 58 лет и 8 месяцев. Это почти не расходится с рассмотренными выше известиями о правлении ал-Хариса (20-е – конец 60-х гг. VI в.) и подтверждается также дальнейшей хронологией правления Гассанидов у Хамзы ал-Исфахани. Если, следуя ей, относить конец царствования ал-Хариса приблизительно к концу 60-х годов VI в., правление последнего царя династии, Джабалы Ибн ал-Айхама, придётся на предпоследнее десятилетие VII в., что едва ли верно. Кроме того, предложенная гипотеза может объяснить очевидную разницу в описаниях ал-Хариса у Прокопия Кесарийского и Иоанна Эфесского. У первого из них ал-

сыновья которого казались ему слабыми [The Third Part…, 1853. P. 345]. Хосров, по всей вероятности, не стал удерживать Кабуса, так как к тому времени Юстин уже нарушил мирный договор, что давало персидскому царю право предпринять ответные меры. На первых порах поход развивался успешно, лахмидские воины захватили немалую добычу. Затем, однако, против Кабуса выступил ал-Мунзир, которого Иоанн Эфесский называет сыном ал-Хариса[798]. Ал-Мунзир разбил лахмидское войско и овладел ставкой Кабуса, который бежал с небольшим эскортом. Через некоторое время Кабус, собрав новое войско, выступил против ал-Мунзира и, видимо, желая произвести впечатление, уведомил его об этом посланием. Ал-Мунзир, однако, устроил в пустыне засаду и вновь нанёс Кабусу поражение [The Third Part…, 1853. P. 344–346].

Далее в повествовании Иоанна Эфесского появляется стратиг Маркиан, что даёт возможность сопоставить эти сведения с рассказами других источников. У византийских авторов именно

Харис предстаёт как слабый полководец, неспособный противостоять ал-Мунзиру III и, в общем, не очень верный союзник ромеев [Procopius, 1914. P. 158–159], у второго – как грозный воитель, державший в страхе арабов, подчинённых Сасанидам [The Third Part…, 1853. P. 344]. Эта последняя характеристика куда больше подходит ан-Нуману, которого арабы, видимо, не зря прозвали «Ястребом» (*Qaṭām*) [Hamzae…, 1844. P. 121]. Возможно, уже при жизни отца ан-Нуман правил отдельными племенами, или даже вершил государственные дела и вёл войны, тогда как ал-Харис царствовал номинально.

[798] Этот ал-Мунзир представляет собой загадочную фигуру: Иоанн Эфесский прямо называет его царём [The Third Part…, 1853. P. 214], но в списке гассанидских правителей у Хамзы ал-Исфахани он отсутствует. Напротив, по словам Хамзы, преемником ан-Нумана стал ал-Айхам Ибн Джабала [Hamzae…, 1844. P. 121] – возможно, сын Джабалы, погибшего в сражении с ал-Мунзиром. Сопоставляя эти данные, мы вправе предполагать, что после ухода с исторической арены ал-Хариса и ан-Нумана в государстве Гассанидов начался раскол. За власть боролись сыновья Джабалы, сына ал-Хариса, и ал-Мунзир, который – если он действительно был сыном ал-Хариса, как утверждает Иоанн Эфесский – приходился им дядей. Если так, налицо конфликт между дядьями и племянниками – нередкое явление в династических делах. Видимо, именно этот конфликт попытался использовать Кабус.

с назначения Маркиана стратигом востока начинается рассказ о большой войне между Византией и Сасанидской державой. Согласно Феофилакту Симокатте, на седьмом году правления Юстина II мир был разорван, и Маркиан получил назначение на восток. В конце лета (т.е., видимо, лета 572 г.) он прибыл в Осроэну и, не найдя там противников, послал трёхтысячный отряд в персидскую Арзанену. О каких-либо сражениях не сообщается; дело свелось к разорению приграничных районов [Theophylacti…, 1834. P. 131–133; Fragmenta…, 1851. P. 274].

В следующем, 573 году Маркиан предпринял более масштабное наступление[799]. В самом начале весны его войско вышло из Дары и направилось на восток, в сторону Нисибина. Там, однако, вовремя узнали о приближении византийцев; навстречу им выступило войско под командованием полководца, которого Иоанн Эпифанийский именует Вараманом[800]. В сражении, состоявшемся около приграничной крепости Саргафон (недалеко от Дары), войска Маркиана одержали победу; персы оставили поле битвы. Вслед за этим византийцы[801] оса-

---

[799] Хронология этих событий нуждается в отдельном рассмотрении, причём проблема несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Из текста Феофилакта Симокатты нигде не видно, что именно он считает годами правления императора – годичные отрезки, первый из которых отсчитывался от даты воцарения, или календарные годы. Юстин II вступил на престол в середине ноября; соответственно, ранняя осень седьмого года его правления, когда состоялся поход Маркиана, приходится на 572 г. (если отсчитывать годы от даты воцарения) или на 571 г. (если речь идёт о календарных годах). Более правдоподобной кажется первая дата; сделать вывод в её пользу позволяет то, что в сирийской «Хронике 724 г.» походы персов на Дару и Антиохию, последовавшие за действиями Маркиана, датируются 884 годом Александра Македонского [Chronica minora..., 1904. P. 145], т.е. периодом с сентября 572 г. по август 573 г. У Феофилакта Симокатты и Феофана Византийского поход Маркиана отнесён к восьмому году правления Юстина [Theophylacti…, 1834. P. 134; Fragmenta…, 1851. P. 271]. Стало быть, вторжение в Арзанену приходится на осень 572 г., а поход Маркиана – на 573 г.

[800] Трудно сказать, следует ли видеть в этом слове личное имя или вариант написания *варесман* (см. прим. 492).

[801] Заметим, что, согласно Михаилу Сирийскому, приграничные бои вели не главные силы войска Маркиана, а отдельные отряды [Histoire…, 1901. P. 307].

дили другую приграничную крепость, Тевет, но не смогли взять её и отошли к Даре [Theophylacti…, 1834. P. 134; Fragmenta…, 1851. P. 274].

Стремясь задержать наступление противника, наместник Нисибина начал переговоры с Маркианом и уговорил его согласиться на четырёхмесячное перемирие. Маркиан отошёл в Эдессу, а персы стали деятельно готовиться к обороне. В город свозили припасы; чтобы лишить нападавших укрытия, персы вырубили все деревья в радиусе полёта стрелы. Встречаются упоминания об изгнании из города христиан [Histoire…, 1901. P. 307; Anonymi auctoris…, 1920. P. 202], однако они относятся к монофизитской традиции и едва ли затрагивают несториан, позиции которых в Нисибине оставались прочными.

Полный решимости захватить Нисибин, Юстин не утвердил соглашение о перемирии и приказал Маркиану немедленно начать осаду города. Маркиан вернулся и в апреле подступил к городу.

Феофан Византийский сообщает, что около Нисибина Маркиан дал персам ещё одно сражение. На стороне византийцев выступили армяне, колхи, абасги и аланы, а за персов, которыми командовали Миран (Михран) и Вараран (Варахран) – дейлемиты, савиры, а также даганы (Δαγάνες)[802]. Битва закончилась полной победой византийцев, персы с большими потерями отступили [Fragmenta…, 1851. P. 271]. Это сообщение, однако, встречается только в пересказе сведений Феофана у Фотия и не подкрепляется другими источниками. Но примечательно, что помимо персов и византийцев среди участников сражения названы в основном представители народов Кавказа и Закавказья. Это подсказывает, что Феофан мог спутать бои под Нисибином со сражениями в Армении. По словам Себеоса, после ги-

---

[802] Это название более нигде не встречается. Вероятно, Феофан говорит о даях (Δάαι), как Страбон называет скифов, живших к востоку от Каспийского моря [The Geography…, 1928. P. 248–249]. Если к названию «даи» прибавить персидский суффикс множественного числа (для данного случая – *ган*), мы получим форму *даган*, которая стоит в тексте Феофана Византийского. Нечто подобное мы видим у Птолемея, который говорит о дигах (Δῆγαι) и помещает их в соседство с кадусиями [Claudii Ptolemaei…, 1845. P. 86].

бели Сурена в персидские владения в Армении был назначен новый наместник по имени Вардан Вшнасп. Он пробыл в Армении около года, однако ничего не смог сделать с восставшими. Затем прибыл полководец Гогон Михран с двадцатитысячным войском, усиленным вспомогательными отрядами гуннов и боевыми слонами. Он получил от царя приказ истребить в Армении всех мужчин и действовал крайне жестоко. Его поход затронул не только Армению, но и Ивирию [Епископ Себеос, 1939. С. 31]. В другом – видимо, восходящем к иному источнику – фрагменте Себеос рассказывает, что после убийства Сурена Вардан Мамиконян и его сторонники «пошли на службу к грекам», то есть объявили себя подданными византийского императора. Тот прислал войска, которые совместно с восставшими изгнали персов из Двина. Затем против Вардана Мамиконяна был послан Михран Михревандак с двадцатитысячным войском. Однако в решающем сражении на Хагамахском поле Вардан Мамиконян одержал победу, персы с немалыми потерями оставили Армению [Histoire..., 1841. P. 54; Всеобщая история…, 1861. С. 72; Епископ Себеос, 1939. С. 28–29; Иованнес Драсханакертци, 1986. С. 78]. Как показано в главе 2, под именами *Вардан Вшнасп* и *Михран Михревандак* фигурирует Варахран Чубин из рода Михранов, а Гогон Михран тождествен с его родственником – *спахбад*-ом севера Горгоном Михраном. Отметим, что имена персидских командующих, указанные у Феофана (Михран и Варахран), совпадают с именами полководцев, посланных против Армении (Горгон Михран и Вахрам Чубин). Вероятно, Феофан Византийский фактически повествует о событиях в Армении, которые восстанавливаются примерно так. После гибели Сурена (31 марта 572 г.) в Армению был направлен Варахран Чубин, однако его действия не увенчались успехом. В следующем году на помощь ему пришёл *спахбад* Горгон Михран с главными силами северного округа и отрядами гуннов. Однако Вардан Мамиконян и византийцы разгромили персов. Это произошло в том же году, когда Маркиан, о котором говорит Феофан Византийский, начал наступление на востоке. Таким образом, Юстин II поддержал восставших армян и направил им в помощь войско, т.е., фактически, открыл ещё один фронт в войне против Сасанидов.

Возвращаясь к Нисибину, мы видим, что на этом театре военных действий события развивались так. Маркиан взял город в

осаду. Но пока его войско стояло под Нисибином, Хосров нанёс контрудар. Выступив с войском из Ктесифона, он двинулся вверх по Евфрату. Около крепости, которую Иоанн Эпифанийский называет Амбаран [Fragmenta…, 1851. P. 275][803], персидское войско разделилось. Шеститысячный отряд под командованием Адур-Махана[804] вместе с лахмидскими арабами ускоренным маршем двинулся на запад. Персы шли вверх по течению Евфрата, миновали Киркесий, разорили области Габбула[805] и Киннасрина и подошли к Антиохии. Судя по описанию этого похода в источниках, Адур-Махан не собирался ввязываться в длительную осаду городов и предпринимал активные действия только тогда, когда считал успех обеспеченным. Он не стал штурмовать Антиохию даже несмотря на то, что многие жители покинули город. Затем, однако, Адур-Махан овладел Селевкией Пиерией (которую, скорее всего, жители также оставили) и двинулся на юг, к Апамее. Стены города изрядно обветшали и не могли выдержать штурма. Горожане вступили в переговоры с Адур-Маханом, надеясь, что он, как и Хосров в 540 г., пощадит их и удовлетворится присвоением богатств. Это, однако, оказалось непростительной ошибкой. Персов впустили в Апамею, но они разграбили город и взяли многих жителей в плен. Вслед за этим Адур-Махан двинулся на восток, на соединение с войсками Хосрова.

Находясь в византийских владениях, Адур-Махан практически не встречал противодействия. Мы знаем лишь, что Юс-

---

[803] У Феофилакта Симокатты – Аварон [Theophylacti…, 1834. P. 134], но форма, приводимая у Иоанна Эпифанийского, куда ближе к вероятному исходному *Ambārān* (склады) и потому правдоподобнее. Оба автора, видимо, на основе какого-то общего источника, полагают, что крепость находилась в пяти днях пути от Киркесия. Предложить однозначную идентификацию сложно. Названной форме лучше всего соответствовал бы Пероз-Шапур, называвшийся в арабское время *ал-Анбар*, однако покрыть расстояние от него до Киркесия за пять дней войско не смогло бы. Вместе с тем, крепость, судя по её названию, была важным центром снабжения войска. Наиболее вероятной кажется аналогия с крепостью Алус на Евфрате, которая, как мы знаем от Ибн Ростэ, была отстроена при Хосрове I [Kitâb al-A‘lâk…, 1892. P. 107].

[804] Т.е. Варахран-Хосрова (см. главу 2).

[805] Вероятно – Джаббул к юго-востоку от Антиохии (совр. Сирия).

тин послал против него отряд под командованием Магна, однако последний отошёл, не вступая в сражение. Ничего не сделал для защиты Сирии и ал-Мунзир, который тогда враждовал с Юстином. Разбив войско Кабуса, ал-Мунзир попросил у Юстина золота, чтобы вознаградить воинов, но император, верный своему принципу не давать никаких даров, отказал. Это привело к конфликту. Юстин попытался устранить ал-Мунзира; тот, считая своими врагами ромеев, не выступил против персов. Не исключено, что какая-то часть византийских войск должна была охранять Сирию от возможных набегов гассанидских арабов, что, естественно, отвлекало от войны с персами.

Тем временем Хосров, сначала следовавший за Адур-Маханом, достиг реки Хабур. Переправившись через неё, войско царя двинулось на север, к Нисибину. Согласно рассказу Евагрия Схоластика, Юстин ничего не знал об этом манёвре Хосрова и побуждал Маркиана как можно скорее взять город. Затем епископ Нисибина написал в Ресайну о приближении персов. Это известие, кажется, вызвало гнев Юстина против Маркиана, который так и не взял Нисибин, не смог предотвратить персидское вторжение в Сирию и к тому же ничего не знал (а следовательно – и не сообщал в столицу) о подходе войск царя. Император отстранил Маркиана от командования и приказал войску отступить от Нисибина. Этот приказ сказался на боевом духе византийских воинов, уверенных в скором взятии города, и они стали в беспорядке отходить. Совершив вылазку, персы перебили многих воинов из арьергарда ромеев; остальные отступили к Мардину. Узнав об этом, Хосров направился к Даре и осадил её. Персы окружили крепость стенами, частоколами и насыпями, построили осадные башни, поставили против ворот два тарана и пытались разрушить акведук; его обливали уксусом, а затем вблизи разводили огонь. Акведук, однако, оказался прочным и не поддался разрушению, хотя по другим сведениям персам всё-таки удалось отвести от города потоки воды. Осада затягивалась. На определённом этапе Хосров вступил в переговоры с комендантом крепости Иоанном обещая уйти за выкуп в пять кентинариев[806]. Однако, Иоанн даже не передал

[806] О размере выкупа упоминает Иоанн Эфесский, который, к сожалению, не уточняет, о золоте или серебре идёт речь [The Third Part…, 1853. P. 354].

горожанам предложения царя. Переговоры зашли в тупик, и осада продолжилась. В первых числах ноября персам наконец удалось овладеть одной из стен. После семи дней ожесточённых уличных боёв защитники Дары сдались (11 ноября 573 г.)[807].

Как показано в главе 3 части I, Дара была стратегически важной крепостью, заменившей византийцам утраченный Нисибин. Сознавая это, Хосров попытался как можно прочнее утвердиться в ней. Местные жители были угнаны в Персию (в источниках встречается упоминание о почти стотысячном полоне). Дара была заселена персами. По сообщению Михаила Сирийского, Хосров оставил в Даре сильный гарнизон, состоявший из пяти отрядов; в «Хронике 724 г.» упоминаются также переселенцы [Theophylacti…, 1834. P. 134–135; Evagrii…, 1844. P. 151–154; Fragmenta…, 1851. P. 271, 274–275; The Third Part…, 1853. P. 341–360; Ioannis Zonarae…, 1870. P. 287; Histoire…, 1901. P. 307–312; Chronica minora..., 1904. P. 145; Kitab al-ʿUnvan…, 1912. P. 436; Anonymi auctoris…, 1920. P. 202–205].

Едва ли подлежит сомнению, что Хосров одержал весомую стратегическую победу. Путь по Евфрату, несмотря на все попытки Юстиниана перекрыть его крепостями[808], вновь был открыт. В Месопотамии персы овладели Дарой, которая из замка, закрывавшего путь на византийскую Осроэну, превратилась в плацдарм для нападений на неё. Ничто не мешало персам вторгнуться в Византию по любому из этих направлений. По словам Менандра Протектора Хосров полагал, что в сложившейся ситуации ромеи без боя согласятся на любые уступки, так как продолжение войны было бы для них ещё бóльшим злом [Dexippi…, 1829. P. 316]. Не утруждая персидскую знать, уставшую от длительной осады, новыми походами, Хосров направил в Константинополь посла с письмом к Юстину.

---

[807] Из процитированных в тексте авторов Феофилакт Симокатта и Агафий Миринейский сообщают, что осада Дары продолжалась шесть месяцев. Отсчитывая их назад от даты взятия города, мы приходим в май 573 г. Но в мае Хосров только начал осаду. Вероятно, поход Хосрова начался в апреле или марте.

[808] Об этом подробно рассказывает Прокопий Кесарийский [Procopius, 1838. P. 235–237].

Содержание письма Хосрова к Юстину нам неизвестно, но, благодаря Менандру Протектору, мы осведомлены о его тональности. В труде Менандра оно описывается так:

«Направленное им Юстину послание не соответствовало возрасту царя, было исполнено ребячества и, как я полагаю, не содержало ничего иного, разумного. Для другого заноситься не было бы неестественно, но ему не пристало проявлять такую спесь, гордость и неотёсанность. Послание было полно оскорблений, поношений и выражений, которые употребляют пьяные. Это послание было также исполнено высокомерия и бахвальства» [Dexippi…, 1829. P. 316–317].

Этот текст передаёт, разумеется, не столько письмо Хосрова, сколько то, как его восприняли в Константинополе. Но и сквозь слова Менандра пробиваются истинные мотивы послания Хосрова. Царь, очевидно, порицал Юстина за разрыв мирного договора и возлагал на него ответственность за развязывание войны. Из слов о «бахвальстве» можно заключить, что Хосров в послании превозносил свои победы, которые, должно быть, представлялись справедливым возмездием за действия византийцев и давали царю право предъявлять требования.

Византия была не готова к новой войне. Поражения 573 г. сами по себе стали для неё тяжким ударом. В добавление к этому Юстин был не в состоянии управлять империей. По рассказу Михаила Сирийского Юстин, узнав о падении Дары, стал немедленно готовить ответный поход на восток, но затем заболел [Histoire…, 1901. P. 312]. Это импульсивное решение, предполагавшее выступление в поход зимой, было, видимо, проявлением психической болезни императора, о которой упоминают источники. По причине этой болезни Юстин не смог принять посольство Хосрова; дипломатическими делами занимались императрица София и будущий соправитель и престолонаследник Тиверий. Они приняли персидского посланника, а затем отправили к Хосрову своё собственное посольство, наиболее заметным членом, если не главой, которого был один из императорских врачей, Захарий. Согласно Менандру Протектору, Захарий привёз в Персию контрибуцию в размере сорок пять тысяч золотых номисм (ок. 200,25 кг. золота) и заключил соглашение о перемирии на год; оно распространялось на восточные владения Византии, но не на Армению [Dexippi…, 1829. P. 389–390]. Очень похожие сведения сообщает и Михаил Си-

рийский, который, однако, расходится с Менандром в деталях. По его словам, Захарий привёз в Персию шестьсот пятьдесят либр (212,843 кг.) золота, а смысл перемирия сводился к тому, что обе державы обязались в течение пятнадцати месяцев не воевать в районе Дары [Histoire…, 1901. P.312].

Сообщения источников об этой миссии следует рассматривать в общем историческом контексте. Вероятнее всего, посольство Хосрова прибыло в Константинополь весной 574 г., а Захарий находился в Ктесифоне в середине того же года. Привезённая Захарием сумма составляла контрибуцию примерно за полтора года, что едва ли удовлетворяло Хосрова, который, несомненно, считал себя вправе получить деньги за всё то время, когда мирный договор 561 г. фактически не действовал. Именно поэтому, видимо, Захарий говорил в Ктесифоне, что скоро в Персию прибудет другое посольство для окончательного урегулирования отношений [Dexippi…, 1829. P. 389].

Восьмого декабря 574 г. Юстин II сделал Тиверия своим соправителем, и тот немедленно приступил к переговорам с Хосровом. По сложившейся традиции он отправил в Персию посольство, возвестившее о его приходе к власти [Theophylacti…, 1834. P. 138]. Это должно было произойти ранней весной 575 г. По всей вероятности, именно тогда начались переговоры о заключении нового мирного договора. С византийской стороны переговоры вели квестор Траян, принадлежавший к императорскому роду, и Захарий, с персидской – Мехбуд Сар-Нахварган. Речь шла о заключении мирного договора, по которому Византия должна была выплачивать Хосрову ежегодную дань в размере тридцати тысяч золотых номисм (ок. 133,5 кг. золота). Стороны расходились в вопросе о сроке действия договора: Мехбуд предлагал пять лет, Траян – три года. Мехбуд настоял на своём, однако достигнутые договорённости не были утверждены Тиверием. Чтобы повлиять на византийских посланников, Мехбуд приказал Тахм-Хосрову вторгнуться во владения ромеев. Тахм-Хосров разорил некоторые области около Дары, оставшиеся под властью Византии [Dexippi…, 1829. P. 390–392, 407].

Переговоры завершились согласованием условий мирного договора, причём каждая из сторон пошла на уступки. Договор был заключён на три года, но византийцы обязались ежегодно выплачивать персам контрибуцию, размер которой Менандр

Протектор определяет в тридцать тысяч золотых номисм, а Иоанн Эфесский – в три кентинария (98,235 кг.) золота. Как и прежнее перемирие, договор распространял своё действие только на Месопотамию; воевать в Армении допускалось [Dexippi…, 1829. P. 390–392; Theophylacti…, 1834. P. 139; Evagrii…, 1844. P. 155; The Third Part…, 1853. P. 363–364].

Со слов Менандра Протектора мы знаем, что после провозглашения Тиверия соправителем Юстина, но до похода Хосрова 576 г. (см. ниже), т.е. фактически в 575 г., византийские полководцы вторглись в Кавказскую Албанию и взяли заложников от савиров и иных народов. Когда войска двинулись в обратный путь, вместе с ними в Византию прибыли послы савиров и албанов. Хотя Тиверий сулил им немалые богатства (вдвое против того, что давал Хосров), савиры тем не менее отложились от Византии и вновь перешли на сторону персов. В ответ византийские полководцы вновь вторглись в Кавказскую Албанию и по соглашению с савирами и албанами переселили их в земли, расположенные по течению реки Кир (Кура) [Dexippi…, 1829. P. 317–318, 393–394][809]. Поскольку такие кампании и переговоры требовали времени, логично считать, что по крайней мере второй поход произошёл после заключения мирного договора. Если так, можно считать, что Тиверий воспользовался его условиями и открыл боевые действия в Армении, через которую шёл путь в Кавказскую Албанию.

К этому времени относится, по всей вероятности, и новая вспышка борьбы между Лахмидами и Гассанидами на Евфрате. Конфликт между Юстином и ал-Мунзиром Гассанидским вскоре сошёл на нет. По сообщению Иоанна Эфесского, ал-Мунзир достиг согласия со стратигом востока Юстинианом и снова стал союзником Византии. Вслед за этим ал-Мунзир совершил поход на Хиру и овладел городом. Гассанидские воины оставались в Хире пять дней и подвергли её страшному опустоше-

---

[809] По словам Менандра, вместе с византийскими войсками в Константинополь явились послы савиров и алан [Dexippi…, 1829. P. 317]. Но в другом фрагменте, который определённо связан с этим известием, Менандр рассказывает о контактах Византии с савирами и албанами [Dexippi…, 1829. P. 394]. Поскольку в первом фрагменте речь идёт о походе византийцев в Кавказскую Албанию, а не в земли алан за Дарьяльским ущельем, правильнее, видимо, считать, что и в нём говорится об албанах.

нию; было разорено всё, кроме церквей. Затем ал-Мунзир с победой вернулся в свои владения [The Third Part…, 1853. P. 349–352]. Правда, в труде Иоанна сообщение об этом походе помещено до описания осады Хосровом Дары, но такая последовательность изложения вряд ли правильна. Согласно Иоанну Эпифанийскому, Тиверий назначил Юстиниана стратигом востока вскоре после того, как стал соправителем Юстина [Fragmenta…, 1851. P. 275–276]. Следовательно, поход ал-Мунзира не мог состояться ранее первых месяцев 575 г. Кроме того, Иоанн Эфесский сообщает, что Юстиниан и ал-Мунзир встретились в месте, названном по имени св. мученика Сергия [The Third Part…, 1853. P. 351], т.е., скорее всего, в Сергиополе (ар-Русафа). Маловероятно, чтобы Юстиниан прибыл туда из Армении, где, как будет показано далее, находился в 576 г. Более того, если выбор места встречи был обусловлен почитанием личности св. Сергия (а в тексте Иоанна говорится, что Юстиниан и ал-Мунзир пребывали перед его мощами), логично предполагать, что и дата её была связана с мученичеством и приходилась, таким образом, на октябрь. Если так, можно заключить, что Тиверий, формально признав за собой обязанность платить контрибуцию, практически немедленно развязал новую войну, используя те возможности, которые давал договор, – право воевать в Армении и фактическое нераспространение перемирия на арабов.

Говоря о походе ал-Мунзира, мы должны обратиться к положению дел в Хире. Власть Кабуса, судя по всему, никогда не была прочной. Своим воцарением он был обязан прежде всего доверию Амра, которому приходился полнокровным братом. Известно, что Амр назначил Кабуса правителем *bādiya*, т.е. периферийных областей Лахмидского государства [Муджам аш-шуара…, 1982. С. 206]. По некоторым сведениям, Кабус официально не был провозглашён царём и занимал престол как сын одного правителя и брат другого [Abulfedae…, 1831. P. 126]. Тем самым, легитимность правления Кабуса была не бесспорной. К тому же, в арабских традициях Кабус предстаёт как правитель мягкий и слабый; судя по сообщениям источников, его презрительно называли *Qaynat al-ʻurs* («Служанка (или: певица) на свадьбе») [Hamzae…,

1844. P. 110; Nashwat…, 1982. P. 280][810]. Мягким правителем Кабус должен был казаться прежде всего в сравнении с Амром. Из этого можно заключить, что Кабус проводил менее жёсткую политику, чем его отец – возможно, потому, что стремился заручиться поддержкой элит подчинённых Лахмидам племён. Однако, предотвратить конфликты Кабусу не удалось. Известно, что он был убит каким-то человеком из племени Бану Яшкур [Hamzae…, 1844. P. 110; Nashwat…, 1982. P. 280]. Хишам ал-Кальби знает два племени Бану Яшкур; одно принадлежало к бакритам, другое – к Бану Лахм, из которых происходили и хирские Лахмиды [Насаб…, 1988. С. 79–83, 210]. О ком идёт речь в данном случае – источники не уточняют, что затрудняет интерпретацию этих событий.

Гибель Кабуса вызвала в Лахмидском государстве кризис. Это видно из того, что Хосров пошёл на прямое вмешательство в дела Хиры и назначил туда наместника[811], который, согласно Хамзе ал-Исфахани, отобрал у яшкурита то, что тот приобрёл[812], и далее правил сам.

Дата этих событий не до конца поддаётся определению. По словам Хишама ал-Кальби Кабус правил четыре года[813]; следова-

---

[810] В издании труда Хамзы ал-Исфахани слово قينة ошибочно представлено как فتنة.

[811] Имя наместника пишется в источниках по-разному: فيشهرت [Hamzae…, 1844. P. 110; Garbers K., 1952. P. 54], فيسهرب [Liber…, 1895. P. 112], فتشهرب [Nashwat…, 1982. P. 280]. Очевидно, эти различия – лишь графические, вызванные ошибками переписчиков. В элементе شهرب (*š.h.r.b*) можно видеть среднеперсидское *šahrab*, т.е. сатрап, правитель области. Этот титул сохранялся в сасанидские времена, о чём свидетельствуют надписи Шапура I и Нарсе [Herzfeld E., 1924. P. 103, 119; Sprengling M., 1953. P. 12, 19; Maricq A., 1958. P. 326–331], а также дошедший до нас оттиск печати сатрапа Гургана [Akbarzadeh D., 2012. P. 23]. Первые две графемы можно читать как فت, передачу среднеперсидского *pad* в значении «господин» или «предводитель».

[812] В тексте источника – سلبه [Hamzae…, 1844. P. 110].

[813] Эти сведения сообщает Хамза ал-Исфахани, согласно которому всё правление Кабуса пришлось на время царствования Хосрова I [Hamzae…, 1844. P. 110]. Ат-Табари, пересказывая хронологию Хишама ал-Кальби, сообщает, что Кабус правил четыре года и четыре месяца, причём только восемь месяцев из них пришлись на царствование Хосрова I [Anales…, 1964. Ser. I, P. 1038]. Это, однако,

тельно, гибель его должна была иметь место в середине 574 г. Если далее следовать этой хронологии, персидский наместник правил в Хире год [Hamzae…, 1844. P. 110]. Здесь, однако, хронология Хишама ал-Кальби содержит пробел в несколько лет, так как, согласно ей, сменивший наместника ал-Мунзир IV (сын ал-Мунзира III) правил всего четыре года, из которых только первые восемь месяцев пришлись на царствование Хосрова Ануширвана [Hamzae…, 1844. P. 110]. Поскольку Хамза ал-Исфахани не раз ошибался в подсчёте лет, нельзя поручиться, что и здесь мы не имеем дело с погрешностью. Но вероятно, что гибель Кабуса открыла дорогу племенным междоусобицам, которые, в свою очередь, должны были облегчить продвижение войск ал-Мунзира Ибн ал-Хариса, а то и побудить его к выступлению.

В следующем, 576 году началась открытая война между Византией и Сасанидской державой. Хосров лично выступил в поход; в его войске находился византийский посол Феодор[814]. Маршрут этого похода можно восстановить примерно так. Как и в 573 г., войско Хосрова первоначально двигалось вверх по Евфрату. Затем, не вторгаясь пока в византийские пределы, персы пересекли Евфрат и через Нисибин и Дару двинулись на север. В приграничных районах царило беспокойство, однако

противоречит данным сирийских источников, из которых следует, что Кабус пришёл к власти значительно раньше последнего года правления Хосрова I. По той же причине следует отвергнуть приводимое у Ибн Абд Раббихи утверждение о том, что Кабус правил четыре года при Хосрове II Парвизе [Китаб ал-икд…, 1965. Т. 5, с. 260].

[814] Дата похода определяется так. Иоанн Эфесский сообщает, что Хосров взял с собой византийского посланника Феодора и двинулся на Армению, причём стремился захватить Феодосиополь (Карин, Эрзурум) [The Third Part…, 1853. P. 364]. Это очень похоже на рассказ Менандра Протектора о посольстве Феодора к Хосрову, в котором царь с войском подходит к Феодосиополю [Dexippi…, 1829. P. 394–397]. В этом рассказе мы читаем, в частности, что Хосров вторгся в византийские владения в Армении в самом конце весны [Dexippi…, 1829. P. 395]. Вместе с тем, годичное перемирие было, по всей вероятности, заключено в середине 574 г., а трёхлетний мирный договор – по истечении срока перемирия, т.е. в середине 575 г. Таким образом, самым ранним временем, когда Хосров мог совершить поход в Армению, был 576 г., что и принимается в настоящем исследовании.

Хосров не стал формально нарушать мирный договор, продолжил свой путь и через Багреванд и Тарон[815] дошёл до Феодосиополя (Карин, Эрзурум). Город, однако, был хорошо укреплён; рядом с ним стояло мощное византийское войско, численность которого, если верить Иоанну Эфесскому, составляла более ста двадцати тысяч человек [The Third Part…, 1853. P. 364]. Во главе войска стоял стратиг востока Юстиниан, переведённый из Амиды. Сражаться с такой армией было рискованно, но и проявить нерешительность в присутствии византийского посла Хосров не мог. Феодор был послан в Константинополь с предложением начать новые переговоры, но едва ли этот шаг преследовал иную цель кроме удаления посла из лагеря. Вслед за этим Хосров повернул на восток и направился к Кесарии (Кайсери), которая издавна была оплотом Византии (а ещё раньше – Рима) в Каппадокии. Но против Хосрова выступила другая византийская армия, которая, судя по словам Иоанна Эфесского, превосходила по силе войско царя [The Third Part…, 1853. P. 365].

Хосров оказался в трудном положении. Он находился между двумя византийскими армиями, которые могли запереть его в горах Каппадокии. В то же время, марш по византийским владениям затягивался, а к тому времени не удалось взять ни одного крупного города, одержать ни одной крупной победы. Боевой дух персов падал, в войске начался ропот.

Эти обстоятельства объясняют дальнейшие действия Хосрова. Он повернул назад, сжёг оставленную жителями Севастию (Сивас), а затем направился на восток. Византийские войска преследовали его. На каком-то этапе Хосров счёл, что его войско может попасть в окружение. Персы стали отходить в горы. Это отступление было, по всей видимости, плохо организованным, и византийцы овладели лагерем персов и царской ставкой. В руки византийцев попали штандарт Хосрова, его переносной походный алтарь огня и драгоценности. Узнав о случившемся, Хосров построил войско и лично повёл его на врага[816]. Персы осыпали противника градом стрел, которые, по выражению Феофилакта Симокатты, затмевали лучи солнца [Theophylacti…,

[815] Область макравандов и таранов Менандра Протектора [Dexippi…, 1829. P. 394].
[816] Об этом эпизоде см. также главу 2.

1834. P. 144]. Однако византийцы одержали победу. Трофеи, а также захваченные в сражении слоны были отосланы Тиверию.

Не вступая в повторное сражение, Хосров двинулся дальше, в сторону Мелитины[817]. В тот момент там находился стратиг востока Юстиниан. Хосров вновь оказался между двумя византийскими армиями, которые могли даже без боя запереть его между горами и Евфратом и вынудить к сдаче. Но Юстиниан отошёл, чем позволил Хосрову взять Мелитину и открыл перед ним путь к отступлению. Персы вступили в Мелитину и сожгли её. Понимая, что Хосров вот-вот уйдёт за Евфрат и станет недостижим для преследования, византийские полководцы вызвали его на бой. Хосров принял вызов, и войска противников сошлись к востоку от Мелитины. Но ни та, ни другая сторона не начинала сражения. Через некоторое время Хосров объявил, что для боя час слишком поздний. Противники разошлись.

Ночью персы отступили к Евфрату. Византийцы двинулись за ними. Переправа персов через Евфрат проходила в крайней спешке и обернулась новыми потерями. Многие воины бросались с конями в воды реки и погибали[818]. Тем не менее, основ-

---

[817] Аслантепе поблизости от совр. Малатьи в Турции.

[818] Об этой переправе подробно рассказывает Себеос, по словам которого она имела место после сражения войска Хосрова с силами Вардана Мамиконяна (примирить это со сведениями других традиций можно, лишь предположив, что Вардан, ушедший в Византию вскоре после сражения на Хагамахском поле, находился в составе войска, преследовавшего персов). При отступлении погибли верховный мобед и многие персидские вельможи. Были захвачены лагерь персов, сокровища царя, его трон и переносной алтарь огня; в плен попала *бамбиш* [Епископ Себеос, 1939. С. 29–30], т.е. царица или женщина из сасанидского рода (от ср.-перс. *бамбишн* – см. главу 1). Но очевидное сходство этого известия с сообщением Иоанна Эфесского о захвате византийцами лагеря персов, пересказанным выше, наводит на мысль о том, что речь идёт об одном и том же событии. Более того, сам Себеос говорит о том, что сражение состоялось близ Мелитины. Но, в отличие от Иоанна Эфесского, который основывается на воспоминаниях участников событий, Себеос крайне слабо осведомлён о походе Хосрова в Каппадокию. Из его рассказа мы узнаём лишь, что Хосров, обойдя Карин, прибыл к Мелитине, причём о её взятии не сообщается. Поэтому рассказ Себеоса о захвате византийцами сокровищ Хосрова на берегу Евфрата должен относиться к событиям, предшествовавшим взятию персами Мелитины. Точно так же мы

ной части персидского войска удалось уйти за Евфрат. Византийцы, кажется, не преследовали его. Но для Хосрова трудности не закончились. Его войско находилось теперь в горной местности, где не было дорог. Царь был вынужден мобилизовать часть войска на рубку леса; из брёвен затем делали настил. В конце концов Хосрову удалось пробиться; далее в источниках упоминается о прохождении войска царя через Арзанену[819].

Успешно отразив нападение, византийцы перешли в контрнаступление. По рассказу Феофилакта Симокатты, они дошли до Гирканского, т.е. Каспийского моря, причём остались в тех областях на зиму [Theophylacti…, 1834. P. 146]. Едва ли это было возможно без поддержки местных правителей. Следовательно, византийцы ещё раз прошли через сасанидские владения в Армении и Кавказскую Албанию и, видимо, достигли земель савиров. Иоанн Эфесский, говоря о событиях, последовавших за походом Хосрова, представляет их как подчинение ромеям северных народов [The Third Part…, 1853. P. 370].

Из сообщения Иоанна Эфесского можно заключить, что действия византийских войск не ограничились вторжением в Армению и Кавказскую Албанию. Византийцы приблизились к Ктесифону на расстояние в три *mâsyūnā* [The Third Part…, 1853. P. 370]. Если Иоанн Эфесский использует понятие *mâsyūnā* в его обычном значении (10 *фарсанг*-ов), византийская армия находились в 180–192 км от Ктесифона. Против неё было послано войско под командованием Тахм-Хосрова. Согласно Иоанну Эфесскому, византийцы располагали четырёхкратным

вправе усомниться и в достоверности рассказа о пленении *бамбиш*. В принципе, участие женщины в походе нельзя считать невозможным. Мы видели, что сасанидские цари брали с собой в походы жён и дочерей; так поступили Нарсе в 298 г. и Пероз в 484 г. Но мы, будучи хорошо осведомлены о мирных переговорах, последовавших за походом (см. ниже), нигде не видим, чтобы Хосров пытался выкупить *бамбиш*.

[819] История этого похода восстанавливается по нескольким источникам, в основном – по трудам Иоанна Эфесского и Феофилакта Симокатты [Theophylacti…, 1834. P. 145–146; The Third Part…, 1853. P. 364–370]; сведения первого пересказывает Михаил Сирийский [Histoire…, 1901. P. 317], второго – Феофан Исповедник [Theophanis…, 1839. P. 386]. Сообщение Себеоса об этом походе рассмотрено в предыдущем примечании.

численным превосходством[820]. Видимо, поэтому персидский командующий избрал осторожную тактику и двигался за ними, не вступая в сражение. В Армении, однако, Тахм-Хосров внезапно напал на византийцев, разгромил их и отбил взятые ими трофеи [Theophylacti…, 1834. P. 147; The Third Part…, 1853. P. 372][821].

Одновременно шли мирные переговоры. То, что державы вели их параллельно с войной, объясняется, видимо, так: походы византийцев и Тахм-Хосрова затрагивали в основном Армению, на которую действие последнего мирного договора не распространялось. Судя по рассказу Менандра Протектора, во время вторжения ромеев в Армению Хосров направил в Константинополь посла по имени Надой. Неудачный поход заставил сасанидскую дипломатию говорить менее категорично, чем прежде. Надой не обвинял ромеев в нарушении мирного договора, а лишь риторически вопрошал, какая из сторон виновна в его разрыве [Dexippi…, 1829. P. 318]. Согласившись вступить в переговоры, Тиверий направил на границу своих представителей.

Это посольство, в состав которого входили Феодор, патриции Иоанн и Пётр, а также Захарий, известно по нескольким источникам [Dexippi…, 1829. P. 319–326; Theophylacti…, 1834. P. 147–148; The Third Part…, 1853. P. 375–378]. Дату переговоров, однако, называет только Иоанн Эфесский – 887 год Александра Македонского [The Third Part…, 1853. P. 375], т.е. сентябрь 575 – август 576 г. Достоверность её вызывает сомнения, так как в конце весны 576 г. Хосров, как показано выше, только начал вторжение в византийские пределы. Поэтому остаётся предполагать, что в самом конце лета 576 г. начались предварительные переговоры, а византийские посланники прибыли на границу несколько позже, осенью.

---

[820] Согласно тексту источника, их было сто двадцать тысяч против тридцати тысяч персов [The Third Part…, 1853. P. 372].

[821] Возможно, к этому походу в какой-то части относится высказывание Себеоса о том, что вслед за неудачным походом Хосрова (см. выше) Тахм-Хосров одержал две победы в Армении. Впрочем, следует иметь в виду, что, по словам Себеоса, Тахм-Хосров пробыл в Армении с войском два года [Епископ Себеос, 1939. С. 31]. Тем самым, известия о его победах могут относиться и к другим сражениям.

С персидской стороны переговоры вёл Мехбуд Сар-Нахварган. Он выдвинул ряд требований, в частности: возобновление действия мирного договора и уплату Византией контрибуции в размере тридцать тысяч золотых номисм (ок. 133,5 кг. золота). Это последнее условие было категорически отвергнуто Тиверием и его посланниками, которые недвусмысленно дали понять, что уплата какой бы то ни было контрибуции для Византии неприемлема. Вследствие неудачного похода в Каппадокию Хосров отказался от требования контрибуции (официально – как своего рода «жест доброй воли» ради установления мира), но оставил в силе другое требование – не претендовать на сасанидские владения в Армении и Ивирию. Понимая, что удержать эти области перед масштабным наступлением персов вряд ли удастся, Тиверий был готов согласиться, но затем – возможно, получив известие об успехах византийских войск – предложил другую формулу урегулирования, которую выразить так: персидские владения в Армении и Ивирия в обмен на Дару. Это предложение вызвало резко отрицательную реакцию Хосрова, который, согласно Иоанну Эфесскому, счёл недостойным обменивать завоёванное в борьбе (Дару) на то, что досталось ромеям без боя (персидские владения в Армении) [The Third Part…, 1853. P. 377]. Затем Тахм-Хосров одержал победу над византийскими войсками (см. выше). Известие об этом быстро распространилось и повлияло на умонастроения людей. В страхе перед новым вторжением персов жители византийских городов спешно укрепляли их стены [Histoire…, 1901. P. 318]. Воодушевившись этой победой, Хосров снова стал угрожать войной, причём заявлял даже, что готов вернуть часть уплаченной ему контрибуции за то время, пока мирный договор не будет действовать. Переговоры стали заходить в тупик. Правда, Захарий ещё пытался выторговать Дару в обмен на выкуп, однако никаких договорённостей стороны так и не достигли.

Державы начали готовиться к новой войне, и она вскоре началась. Сказать, когда именно это произошло, трудно. Иоанн Эфесский в одном месте утверждает, что переговоры на границе шли более года, но в другом относит возобновление борьбы к 888 году Александра Македонского [The Third Part…, 1853. P. 105, 381], т.е. ко времени с сентября 576 по август 577 г. Кроме того, в данном случае рассказы Иоанна Эфесского и византийских историков расходятся. Если считать, что Феофилакт

Симокатта относит описываемые им походы приблизительно ко времени смерти Юстина II (см. ниже), можно предложить следующую реконструкцию событий. Аренами противостояния стали Армения и Месопотамия. В Армении удачно действовал Тахм-Хосров. Он победил византийцев в приграничных областях Басеан и Багреванд [Епископ Себеос, 1939. С. 31], из чего можно заключить, что он вернул Сасанидской державе её владения в Армении. Из слов Себеоса о двухлетнем пребывании Тахм-Хосрова в Армении следует, что полководец находился там в 576–578 гг. Это подтверждается и словами Феофилакта Симокатты, у которого Тахм-Хосров предстаёт как командующий сасанидскими войсками в Армении [Theophylacti…, 1834. P. 147]. Одновременно, по сообщению Иоанна Эфесского Хосров слал письма армянской знати, указывал, что не сделал ей ничего дурного, и предлагал отказаться от союза с ромеями. Это предложение было принято, хотя Вардан Мамиконян и Гурген остались на стороне Византии [The Third Part…, 1853. P. 374]. Трудно сказать, получила ли армянская знать какую-либо автономию. Степанос Таронеци утверждает, что после гибели Сурена в Армению больше не назначали *марзбан*-ов-персов [Всеобщая история…, 1864. С. 60]. Но у Себеоса мы читаем, что после ухода Тахм-Хосрова прибыл полководец Вараз-Взур (*Вараз-и-вузург*, т.е., видимо, один из Варазов), который находился в Армении в течение года [Епископ Себеос, 1939. С. 31]. О назначении наместников из армянской знати не сообщается. Поэтому вероятно, что предложения Хосрова сводились лишь к амнистии для тех вельмож, которые перейдут на сторону Сасанидов.

Мы уже видели, что Тиверий скептически относился к возможности удержать персидские владения в Армении. Вероятно, поэтому он не предпринял ничего, чтобы предотвратить восстановление власти Хосрова над Арменией и, возможно, Ивирией. Единственное, что он сделал, состояло, кажется, в предоставлении убежища тем представителям армянской и грузинской знати, которые прежде ушли в Византию и не приняли предложений Хосрова; среди них Иоанн Эфесский называет Вардана Мамиконяна и Гургена [The Third Part…, 1853. P. 374].

По-иному обстояли дела в Месопотамии, где возобновилось военное противостояние. Судя по некоторым данным, боевые действия начались ещё до формального завершения за-

шедших в тупик мирных переговоров или, может быть, приблизительно в то же время. По сообщению Иоанна Эфесского, переговоры продолжались более года [The Third Part…, 1853. P. 105], т.е. должны были завершиться осенью 577 г. Но в другом месте тот же автор повествует, что один из византийских посланников оскорбил «великого *марзбан*-а» Адур-Махана, и тот в 888 году Александра Македонского (сентябрь 576 – август 577 г.) выступил в поход. Выйдя из Дары, персы разорили приграничные византийские области, а затем через район Телль-Бешме дошли до Теллы. Город, однако, не сдался, а известие о подходе византийских войск заставило персов отступить. Узнав о вторжении, Тиверий назначил стратигом востока начальника императорской гвардии Маврикия; тот направился на пограничье. Однако персы каким-то образом узнали о его прибытии. Опасаясь прямого столкновения, они направили командующему византийских войск в Ресайне письмо, вызывая его на бой через тридцать дней. Командующий призвал Маврикия. Вероятно, византийские войска начали стягиваться к Ресайне. Но персы нанесли удар севернее. Они разорили область Майферката, а затем повернули на юг и подошли к Амиде. Расстояние от Ресайны до Амиды – около восьмидесяти пяти километров. Даже будь у Маврикия в Ресайне полностью готовое войско, он не сразу подошёл бы к Амиде. Это объясняет действия персов: они спокойно стояли три дня под стенами Амиды, а затем повели с начальником гарнизона переговоры о сдаче. Предложения персов, однако, были отвергнуты. Вслед за этим подошло наконец войско Маврикия, и персы, не ввязываясь в сражение, отступили. Преследуя их, Маврикий вторгся в Арзанену и разорил область Арзана [The Third Part…, 1853. P. 378–382, 405–407].

Этим, кажется, исчерпываются события 577 г. На следующий год военные действия возобновились. Менандр Протектор сообщает, что Сар-Нахварган (очевидно – Мехбуд) побуждал Хосрова начать новую войну до истечения срока действия трёхлетнего мирного договора [Dexippi…, 1829. P. 329]. Как показано выше, договор был заключён приблизительно в середине 575 г.; срок его действия, следовательно, истекал в середине 578 г. Поэтому призывы Сар-Нахваргана относятся, скорее всего, к началу 578 г. Вторжение Маврикия в Арзанену, т.е. во владения Сасанидов, давал Мехбуду возможность утверждать, что фактически война уже началась.

Военные действия 578 г. свелись к нескольким независимым друг от друга походам. Одно персидское войско наступало, видимо, вверх по течению Хабура; оно разорило области Ресайны и Теллы, а затем повернуло на запад и через какое-то время вступило в Осроэну. Источники сильно расходятся в том, кто командовал этим походом: Иоанн Эфесский называет Адур-Махана, Феофилакт Симокатта – Сар-Нахваргана, а у Менандра Протектора мы читаем, что Хосров отправил на войну вместе с Мехбудом (т.е. Сар-Нахварганом) также Шапура Михрана [Dexippi…, 1829. P. 329, 408–409; Theophylacti…, 1834. P. 147; The Third Part…, 1853. P. 384]. Видимо, в походе так или иначе участвовали все трое. Затем, однако, против персов выступило войско Маврикия, к которому присоединился ал-Мунзир с гассанидскими арабами. В попытке оттянуть время Адур-Махан написал Маврикию, что сам явится к нему, однако византийцы и арабы продолжали наступление. Персы повернули назад и ушли в сасанидские владения.

Другое персидское войско под командованием Тахм-Хосрова наступало севернее. Оно достигло крепости Кифаризон (Китриз), а оттуда двинулось на юг, к Амиде, после чего ушло в персидскую Арзанену. Несмотря на болезнь Маврикия византийцы через какое-то время (видимо, летом) нанесли контрудар, взяли Афумон (Фум) и несколько других крепостей и некоторое время осаждали Хломарон (Килимар). Феофилакт Симокатта видит успех византийской армии ещё и в том, что в плен было взято десять тысяч девяносто персов, но среди них, судя по словам Иоанна Эфесского, могли оказаться и мирные люди [Dexippi…, 1829. P. 329; Theophylacti…, 1834. P. 148–149; The Third Part…, 1853. P. 382].

Вероятно, тогда же Византия одержала победу и на евфратском направлении. Там Хосров попытался нанести удар по Сирии. Вверх по Евфрату было послано войско из персов и лахмидских арабов. Но ал-Мунзир, узнав от лазутчиков о его приближении, быстро собрал войско и неожиданно напал на противника в пустынных районах возле Евфрата. Персы и их союзники были разбиты. По словам Иоанна Эфесского, ал-Мунзир взял *ḫīrâṯ-hōn* [The Third Part…, 1853. P. 385], под чем здесь понимается скорее лагерь войска, нежели Хира.

Посреди этих событий умер Юстин II (5 августа 578 г.). Тиверий, ставший теперь единственным правителем, отправил к

Хосрову посольство. Этот шаг был, скорее всего, данью отмеченной выше традиции, по которой византийские императоры и сасанидские цари оповещали друг друга о своём вступлении на престол. Хосрову было доставлено послание императора, текст которого приводит Менандр Протектор. Тиверий выражал готовность вернуть персам Афумон и все занятые византийцами области Арзанены, а также отступиться от Ивирии и сасанидских владений в Армении, требуя взамен Дару. Послы Тиверия Захарий и Феодор (о них см. выше) имели полномочия на заключение нового мирного договора [Dexippi…, 1829. P. 409].

Хосров ответил не сразу. Его посольство отправилось в Византию лишь в начале зимы [Dexippi…, 1829. P. 409]. Причину этого найти, кажется, довольно легко. Хосров и прежде не желал отдавать важнейший стратегический форпост Дару в обмен на отказ византийцев от притязаний на Ивирию и сасанидские владения в Армении. В Арзанене византийцы одержали победу, но Афумон был, в конечном счёте, лишь одной из приграничных крепостей, расположенной на второстепенном направлении. Ход войны ещё мог измениться, на что, видимо, и рассчитывал Хосров.

Но приблизительно в то же время Маврикий начал наступление в районе Нисибина. Послав передовые отряды к Тигру, он решительно двинулся на Сингару и осенью 578 г. взял её.

Хотя с наступлением зимы Маврикий оставил Сингару и отвёл войска в византийские владения, значимость этого похода очень велика. Никогда прежде византийцы не предпринимали такого наступления на Нисибин и Сингару. Недаром, видимо, именно в начале зимы Хосров по-настоящему повёл переговоры с Тиверием.

О посольстве Хосрова мы знаем со слов Менандра Протектора. Во главе посольства стоял не известный по другим источникам Ферогдаф[822], который доставил императору ответное послание Хосрова. Царь требовал выдать ему ушедших в Византию армян и ивиров (т.е., прежде всего, сторонников Вардана Мамиконяна и Гургена), чего, судя по сообщениям Иоанна Эфесского, добивался и прежде [The Third Part…, 1853. P. 374]. Кроме того, он выдвигал совершенно новую инициативу и предлагал Тиверию провести личную встречу на пограничье.

---

[822] Эту форму можно интерпретировать как искажённое Хварраг-дад или Фаррох-дад.

На переговорах персы, как и ранее, настаивали на заключении долгосрочного мирного договора, на что Тиверий не соглашался. Тем не менее, дело шло к заключению договора – так, во всяком случае, оценивает ситуацию Менандр Протектор [Dexippi…, 1829. P. 409–411]. Но этому помешала смерть Хосрова весной следующего, 579 г.

Северо-восточное направление

Начало правления Хосрова ознаменовалось возобновлением противостояния с эфталитами, которые, несомненно, хотели взять реванш за поражение от Кавуса. Царь должен был принять меры для того, чтобы предотвратить нападение врага. По словам Фирдоуси, в начале своего правления Хосров двинулся с войском в Хорасан и прошёл Гурган, Сари и Амоль[823], а затем приказал построить укрепления. Фирдоуси так описывает это:

«Он (Хосров. – *Д. М.*) повелел *даствар*-у: “Из Индии и страны ромеев, славных обустройством земли,

и из каждой [иной] страны выбери для этого [дела] проницательных людей, которых найдёшь искусными.

Подле воды воздвигни высокую стену с башнями – с широким основанием, высотой в десять бросков аркана.

[Сделанная] из камня и извести, она должна возвышаться из глубины вод до лика солнца.

И вот, когда мы таким образом построим укрепления, опасность не станет приходить в Иран со стороны врага” […]

[Один] старый мобед стал трудиться над этим и воздвиг стену перед пустыней на всём её протяжении.

Установили большие железные ворота, и стадо было полностью ограждено от волчьей напасти.

Во всех уголках той земли он (Хосров. – *Д. М.*) поставил стражей. И, убедившись, что всё безопасно, он увёл войско из степи» [Ferdowsi’s…, 1935. P. 2328–2329].

Если считать, что укрепления находились между Гурганом и Амолем, рассказ Фирдоуси должен относиться к оборонительным сооружениям крепости Тамишэ (в источниках на арабском языке – *Ṭamīs*), развалины которых сохранились и по сей

[823] В такой последовательности эти города перечислены в тексте источника.

день. Эта крепость находилась на границе Табаристана и Гургана, в трёх переходах или шестнадцати *фарсанг*-ах от Сари [Viae…, 1927. P. 216–217; Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 41]. Ценные сведения о Тамишэ мы находим в одном средневековом рассказе, который приводится у Ибн Ростэ и Якута:

«Первый из городов Табаристана со стороны Гургана – Тамис. Он находится на границе Гургана. Через него идёт большая дорога, и никто из жителей Табаристана не может ни попасть в Гурган, ни вернуться из Гургана в Табаристан иначе как по ней, ибо на ней – стена из кирпичей и извести[824], протянувшаяся от гор до моря. Хосров Ануширван построил её, чтобы она отгородила Табаристан от тюрков и не давала им нападать на него» [Kitâb al-A'lâk…, 1892. P. 150; Yāqūt…, 1957. T. IV, P. 41].

Далее к востоку находился другой важнейший опорный пункт Сасанидов – Гурган. И здесь при Хосрове велись работы по строительству укреплений. Ас-Саалиби прямо указывает, что он возвёл в районе Гургана крепости из камня [Histoire…, 1900. P. 611]. Ещё более интересен рассказ ат-Табари о вторжении тюрков в конце правления Хосрова. Сообщается, что по приказу царя в области Чора были построены города, крепости, каменные насыпи (*ākām*) и многочисленные сооружения. Камни для построек были вырублены в районе Гургана. Вслед за этим начинается рассказ о походе тюрков, которые не смогли пробиться за сасанидские укрепления [Annales…, 1964. Ser. I, P. 895–896]. Судя по композиции рассказа, под Чором понимается Гурган. Кроме того, едва ли для постройки кавказского Чора Хосрову потребовались бы камни из Гургана. В другом фрагменте ат-Табари называет сасанидского правителя Гургана времени арабского завоевания رزبان صول [Annales…, 1964. Ser. I, P. 2657], в чём, очевидно, следует видеть مرزبان صول (*marzbān Ṣūl*), т.е. «*марзбан* (правитель пограничной области) Чора». Эти сведения, хотя и в искажённом виде, мы находим у Ибн Хордадбеха, по словам которого *ṣūl* (*чор*) было титулом правителя Гургана [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 40]. Разумеется, *чор* – не титул наместника, а название области, происходящее от того, что *чор*-ами персы именовали народы, предпринимав-

[824] Слово «известь» отсутствует у Ибн Ростэ и вставлено по тексту Якута.

шие вторжения в северо-восточные окраины Сасанидской державы. Это видно по процитированному ниже фрагменту трактата «Города Ирана»; сходным образом Кудама Ибн Джафар сообщает, что какие-то тюрки *ṣūl* (*чор*) однажды напали на Гурган [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 261–262]. Из этих сообщений проступают, пусть и нечётко, контуры восточного, не кавказского, Чора – пограничного района, закрывавшего подступы к сасанидским владениям со стороны Гургана.

Укрепления Тамишэ и Гургана – при всей их важности – не решали всех стратегических задач Хосрова, так как эфталиты могли пройти и южнее, через Нишапур к Кумису, по дороге, описанной у Ибн Хордадбеха [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 23]. Но и на этом направлении путь им преграждали сасанидские укрепления. В трактате «Города Ирана» о городе Кумисе (т.е. о главном городе области Кумис – Дамгане) сообщается, что он «был построен в правление Ездигерда, сына Шапура (Ездигерда I – *Д. М.*; см. прим. 139) на пути набегов чоров, [и там была главная] сила войска той области» [Nyberg H. S., 1964. P. 114][825]. Поскольку Дамган существовал задолго до Сасанидов, следует считать, что Хосров обновил и укрепил оборонительные сооружения и на пути через Кумис. Остатки средневековых укреплений Дамгана известны и в наше время.

Действия Хосрова дали свои плоды. В источниках нигде не сообщается о том, что ему пришлось отражать нападения эфталитов. Наши сведения о контактах Хосрова с эфталитами до войны, в ходе которой их государство пало, исчерпываются одним сообщением из жития католикоса Мар Авы: не названный по имени правитель, именуемый в тексте *hâft.rān kūday*, прислал в Иран священника, чтобы того возвели в ранг епископа

---

[825] *pad ḫ(w)adāyīh-i-Yazdkard-i-Šāpūhrān kard andar taz-i-Čōr nērōg-i-pahr ān šahr*. В представлениях автора «Городов Ирана» чоры жили не на Кавказе, а в областях востока, за Хорасаном. В тексте источника приводится легенда о копье Спандияда (Исфандияда), воткнутом в землю в районе Балха в назидание возможным противникам, трое из которых носят титул «хакан» – *yabg ḫākān*, *sinčibīg ḫākān* и *čōr ḫākān* [Nyberg H. S., 1964. Ser. I, P. 113]. В первой форме узнаётся тюркский титул *йабгу*, во второй – *синджибу*; третьим должен быть правитель чоров.

[Histoire…, 1896. P. 266–267]. Эта форма из сирийского текста – запись среднеперсидского *haftalān ḫ(w)adāy*, т.е. «правитель эфталитов». Ничто в этом сообщении не указывает на какое-либо противостояние между Хосровом и эфталитами.

Со временем на востоке у эфталитов появился мощный противник – тюрки. Сначала они подчинялись жужаням, но в 552 г. разгромили их. После этого предводитель тюрков Бумынь принял титул *ил-хан*-а, т.е. правителя народа, который, как отмечают источники, соответствовал титулу повелителя гуннов [Julien S., 1864. P. 329–330. 350; Wieger L., 1929. P. 1230]. Появившаяся таким образом новая держава – Тюркский каганат – начала территориальную экспансию и через какое-то время вступила в борьбу с эфталитами.

Сообщения об этом противостоянии в ранних источниках лаконичны и сосредоточены на том, что эфталиты потерпели поражение, и их государство пало. Решающую роль в этом и персы, и тюрки приписывали себе. На переговорах 561 г. Зиг заявлял византийцам, что Хосров сокрушил силу эфталитов [Dexippi…, 1829. P. 354]. Однако послы *сильзивул*-а[826], прибыв-

---

[826] Это имя или титул (Σιλζίβουλος) соответствует *sinǧibū* мусульманских авторов. Менандр Протектор вкладывает в уста *сильзивул*-а слова о том, что друзья ромеев – его друзья, а враги ромеев – его враги [Dexippi…, 1829. P. 442]. В другом месте это высказывание приписывается *дильзивул*-у (Διλζίβουλος), о котором сообщается, что он прежде заключил союз с Юстином II [Dexippi…, 1829. P. 399–400]. Из этого следует, что *сильзивул* тождествен *дильзивул*-у и *дизавул*-у (Διζάβουλος), который вёл переговоры с Юстином [Dexippi…, 1829. P. 296–299, 381–384]. Аналогии с арабским *sinǧibū*, среднеперсидским *sinčibīg* (см. предыдущее примечание) и именем или титулом гуннского вождя *силгиби* (*силгби*), о котором речь шла в главе 3 части I, свидетельствуют в пользу формы *сильзивул*. Идентификация *сильзивул*-а входит в компетенцию тюркологов, однако его роль в рассматриваемых событиях заставляет нас высказать свою точку зрения. В описании прибытия византийского посланца Зимарха в страну тюрков указывается, что их хакан пребывал на горе Эктаг; в долине же находился *дизавул*, принявший посольство [Dexippi…, 1829. P. 381]. Значит, *сильзивул* был не верховным хаканом, а высоким сановником. Далее, в Константинополе послы тюрков заявили, что всего у них четыре княжества, верховная власть над которыми принадлежит *дизавул*-у [Dexippi…, 1829. P. 298]. Между тем, в рассказе о посольстве Тиверия к тюркам (576 г.) сообщается, что их

шие в Константинополь в конце 568 – начале 569 г. (см. прим. 782), заявили Юстину II, что тюрки полностью разгромили эфталитов [Dexippi…, 1829. P. 299]. Позднее, в 596 г., послы тюрков к императору Маврикию (582–602) передали ему послание своего правителя, где говорилось, что хакан[827] победил владыку эфталитов и завоевал их страну [Theophylacti…, 1834. P. 282–283]. Видимо, от тюрков (прежде всего – через послов) известия о войне попали в Византию и Китай. Феофан Византийский сообщает, что тюрки выбили эфталитов из земель сиров [Fragmenta…, 1851. P. 270]. В китайских источниках утверждается, что правитель Тюркского каганата Мугань-хан, завершив разгром жужаней, направился на запад и подчинил эфталитов [Julien S., 1864. P. 331, 350–351; Wieger L., 1929. P. 1231]. В другом месте мы читаем, что могущество эфталитов было сломлено тюрками [Specht E., 1883. P. 345].

Бóльшая часть сведений о войне с эфталитами сохранилась в произведениях мусульманских авторов. Согласно наиболее подробному сообщению, которое мы находим в *Шах-намэ*, хакан Китая (читай – тюрков. – *Д. М.*), тогда ещё не входивший в число «сильных мира сего» (*mehān*), направил посольство к Хосрову. Правитель эфталитов, именуемый в тексте источника Гатфар (*Ġātfar*), усмотрел в намечавшемся союзе тюрков и персов угрозу своей державе и распорядился перехватить посольство. В ответ хакан пошёл против эфталитов войной. Гатфар собрал против него войска из своих владений, среди которых упоми-

---

владения разделены на восемь уделов [Dexippi…, 1829. P. 399]. Если сопоставить эти сведения, получается, что *сильзивул* был своего рода вице-королём при верховном правителе – хакане и правил половиной царства, т.е. четырьмя из восьми уделов. У мусульманских авторов *синджибу* именуется хаканом. Эти сведения соответствуют тому, что мы знаем об Истеми, младшем брате хакана Бумыня и его ближайшем сподвижнике. Судя по орхонскому «Памятнику в честь Кюль-текина», Истеми был хаканом, как и Бумынь, а затем передал титул по наследству [Малов С. Е., 1951. С. 36]. После распада каганата на западный и восточный (581 г.) правителем западных тюрков стал сын Истеми по имени Тарду [Wieger L., 1929. P. 1245]. Видимо, в едином государстве Истеми управлял западными областями. Вместе с тем, поскольку дата смерти Истеми неизвестна, мы не можем сказать, с кем именно следует отождествить *сильзивул*-а – с Истеми или Тарду.

[827] Имеется в виду Мугань-хан.

наются Балх, Шигнан, Амуль, Замм, Хутталан, Термез и некое поселение, именуемое ویسه [828]. Эти войска стягивались к Бухаре, где находилась ставка Гатфара. В решающем сражении тюрки одержали победу. Эфталитская знать возвела на престол некоего Фаганиша. Персидские вельможи советовали Хосрову не вмешиваться в этот конфликт, но он всё же выступил в поход и дошёл до Гургана. Хакан, прибыв в Согд, готовился к вторжению во владения Сасанидов. Начались переговоры, на которых стороны достигли договорённости о браке между Хосровом и дочерью хакана[829]. Со стороны персов эти переговоры вёл Михран. Отправив дочь в Персию, хакан оставил Согд, Самарканд и Ташкент и ушёл в свои владения. Эфталитская знать, видя учинённые тюрками разорения, подчинилась Хосрову; её депутацию вёл сам Фаганиш [Ferdowsi's…, 1935. P. 2412–2443].

---

[828] Под Амулем здесь понимается поселение рядом с Аму-дарьёй, в районе современного Туркменабата; в рассказе Фирдоуси о походе Варахрана V оно фигурирует под названием *Āmūy* [Ferdowsi's…, 1935. P. 2201]. Замм был расположен к юго-востоку от Амуля, также по течению Аму-дарьи, приблизительно на полпути из Амоля в Термез. Наиболее полное описание Амуля и Замма с указанием их месторасположения даёт ал-Идриси [Al-Idrīsī, 1974. P. 480–481]. Что касается ویسه, то поселение с таким названием в источниках не обнаруживается. Предположительно его следует отождествлять с поселением ویزه, которое, согласно ал-Истахри, находилось на пути из Амоля в город Хорезм (см. с. 300), между Амолем и اسباس [Viae…, 1927. P. 338]. Если читать эту форму как *Исбас*, напрашивается идентификация с современным Исбазом, расположенным также на Аму-дарье, немного к северо-западу от Туркменабата. Обращает на себя внимание то, что все три поселения расположены на фарабской границе, установленной, ещё при Варахране V. Если сведения *Шах-намэ* верны, правитель эфталитов привёл на бой войска, размещённые на фарабской границе. Если войска стояли там, логично считать, что фарабская граница, пусть и под контролем эфталитов, оставалась рубежом между ними и Сасанидской державой. Это в общем соответствует высказанному ранее предположению о том, что эфталиты, разбив Пероза, не добились важных территориальных приобретений.

[829] История рождения Хормузда от брака Хосрова и дочери правителя тюрков представляется вполне достоверной. Кроме мусульманских авторов об этом браке упоминает Себеос, по словам которого Кайэн, мать сына Хосрова Хормузда III была дочерью хакана теталийцев (тюрков) [Епископ Себеос, 1939. С. 33].

Два различных рассказа приводит ат-Табари. Согласно одному из них, властелин тюрков *синджибу хакан*[830] воевал с правителем эфталитов, именуемым ورز или وزر. Несмотря на свою многочисленность эфталиты потерпели поражение; их правитель и бóльшая часть войска погибли. Тюрки заняли владения эфталитов – кроме тех, которые подчинил себе Хосров. Затем начался конфликт между Хосровом и *синджибу* [Annales…, 1964. Ser. I, P. 895]. По другой традиции Хосров породнился с хаканом тюрков, а затем, выступая против эфталитов, призвал его на помощь. Погубив правителя эфталитов и его близких, Хосров двинулся дальше, миновал Балх, дошёл до Ферганы, оставил там гарнизон и вернулся в Хорасан [Annales…, 1964. Ser. I, P. 899]. В переводе Балами это сообщение выглядит немного иначе: Хосров выступил против эфталитов через год после заключения союза. Персы и тюрки заперли в Балхе правителя эфталитов; в конце концов он погиб, а его сокровища были захвачены [Тарих-и-Балами, 1962/1963. С. 980].

Ещё одна версия обнаруживается в *Фарс-намэ*, где мы читаем, что Хосров сначала враждовал с правителем тюрков, именуемым *Qāq.m Ḫāqān*. Затем, однако, они заключили договор, по которому Хосров женился на дочери хакана, и разделили между собой земли: Мавераннахр с Ферганой отошёл персам, Туркестан от Ферганы – тюркам. После этого они общими усилиями разгромили эфталитов [The Fársnáma…, 1921. P. 94].

Из представленных выше сведений видно, что государство эфталитов было разгромлено к 561 г., когда сасанидский посланник объявил об этом византийцам. Это известие следует сопоставить со сведениями китайских источников. Согласно им, в 553 и 558 гг. эфталиты посылали в Китай посольства с дарами; вслед за этим их государство было разгромлено тюрками [Specht E., 1883. P. 345; Herrmann A., 1925. S. 578]. Следовательно, война, приведшая к краху государства эфталитов, проходила между 558 и 561 гг.

В результате войны владения эфталитов были разделены между Сасанидской державой и Тюркским каганатом. Мы видели, что, согласно *Фарс-намэ*, Мавераннахр с Ферганой достался персам, Туркестан от Ферганы – тюркам. Это указание следует, однако, исправить, так как Согдиана попала под власть

---

[830] О *синджибу*-хакане см. прим. 826.

тюрков. Повествуя о прибытии послов *сильзивул*-а к Юстину II в 569 г., Менандр Протектор отмечает, что согдийцы прежде подчинялись эфталитам, а в описываемое время – тюркам [Dexippi…, 1829. P. 295]. По словам ад-Динавари, Хосров, двинув войска в страну эфталитов, занял Тохаристан, Забулистан, Кабулистан и Чаганиян [Ал-Ахбар…, 1960. С. 68]. Ат-Табари сообщает – правда, вне связи с войной с эфталитами, – что Хосров вернул некоторые области, утраченные при Каваде: Синд, Буст[831], ар-Руххадж[832], Забулистан, Тохаристан, Кабулистан, а также местность, название которой написано как دردستان[833] [Annales…, 1964. Ser. I, P. 894; ср. Histoire…, 1900. P. 610]. Три первых области вряд ли имеют какое-то отношение к войне с эфталитами[834]; в остальном сведения ат-Табари соответствуют

---

[831] В литературе Буст идентифицируется с Кала-и-Бист в месте слияния Хельманда и Аргандаба [Ḥudūd…, 1937. P. 344].

[832] Арабское *al-Ruḫḫağ* представляет собой передачу персидского *Ruḫḫaḏ* [Муджам ма истаджам…, 1983. С. 646]. Центром этой области в исламское время был Панджвай близ Кандагара [Viae…, 1927. P. 338; Худуд…, 1961/1962. С. 103]. Вполне оправданным кажется отождествление Руххада с Арахосией античных авторов, которое встречается в литературе [Minorsky V., 1937. P. 346].

[833] Эта форма встречается только у ат-Табари. У Мискавейха, Абу-л-Фида и Ибн ал-Уарди стоит форма دروستان [Abulfedae…, 1831. P. 89; Тарих…, 1868/1869. С. 44; Таджариб…, 2003. С. 128], а у Ибн Халдуна – دهستان [Тарих Ибн Халдун, 2000. С. 209]. Эта последняя форма интересна тем, что даёт возможность высказать следующую гипотезу: вместо بست (Буст) следует читать بشت (Бушт). Бушт и Дехистан (دهستان) называются в географии ал-Истахри городами в области Бадгис [Viae…, 1927. P. 268–269].

[834] Имеющиеся сведения о Синде рассмотрены ниже. Что касается Руххада, нам известен рассказ, который встречается только у Ибн ал-Асира. Дед Хосрова по матери, именуемый в тексте источника «Давар Рейский» по какой-то причине напал на наместника Систана, но потерпел поражение и укрылся в Руххаде. Оттуда он написал Хосрову, обещая сдать крепость (возможно – Панджвай) в обмен на помилование. Хосров согласился [Ал-Камил…, 1987. Т. 1 с. 338]. Слово *dāwar* – не имя собственное. Происходя от среднеперсидского *dādwar* (судья), оно означает справедливого правителя или судью [Steingass F., 1892. P. 502]. Владения Давара, вероятно, тождественны со «страной Давара», наиболее точные описания которой даны в трактате ал-Истахри и в географическом своде «Пределы мира от

рассказу ад-Динавари. Следовательно, власть Хосрова распространилась на территорию современного Афганистана, а к северу от Аму-дарьи – на земли от Термеза до Ферганы. Граница, видимо, проходила на западе по Аму-дарье, а приблизительно от Термеза и далее к северо-востоку – по горам, в частности – по Зеравшанскому и Туркестанскому хребтам. Оконечной точкой этой границы была Фергана, где Хосров, согласно рассмотренному выше рассказу ат-Табари о войне с эфталитами, поставил гарнизон. Рассказ ат-Табари подтверждается тем, что Ибн Хордадбех приписывает строительство Ферганы Хосрову Ануширвану [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 30].

Особого внимания заслуживает сообщение Мутаххара ал-Макдиси, согласно которому Хосров подчинил себе Кашмир [The Book of Creation…, 1962. P. 169]. Это известие не повторяется в других источниках, но находит параллель в перечне «царей, которых Ардашир нарёк шахами» у Ибн Хордадбеха (см. главу 2). Мы видели, что этот перечень был, вероятно, составлен в правление Хосрова I. Помимо прочих в нём фигурируют правители Кашмира и Кабула (*qašmīrān-šāh*, *kābulān-šāh*) [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17–18]. Видимо, после разгрома эфталитов (ранее это было невозможно) Хосров распространил своё влияние и на Кашмир[835]. Но кроме ал-Макдиси ни один

востока до запада». В первом из этих источников «страна Давара» названа пограничной областью Гура, а её главные центры помещены на реке Хельманд [Viae…, 1927. P. 244–245]; во втором она локализована между Бустом и Гуром [Худуд…, 1961/1962. С. 103]. Более точная локализация «страны Давара» затруднительна. Возвращаясь к тексту Ибн ал-Асира, мы можем сказать, что описанный в нём эпизод, скорее всего, относится к начальным годам правления Хосрова, когда ещё был жив его дед. Какова была обстановка в Руххаде – неизвестно, но из рассказа Ибн ал-Асира видно, что Давар, располагая лишь остатками разбитого войска, смог сначала укрыться в крепости, а затем сдать её Хосрову. Едва ли это удалось бы, будь в крепости эфталитский гарнизон. Заметим, что, поскольку Панджвай находится восточнее Буста, можно предположить, что и Буст попал под власть Хосрова до войны с эфталитами.

[835] В этом списке мы находим также правителей с титулами *hinduwān-šāh* и ريحان شاه; о втором из них говорится, что он правил в Индии (*al-*

источник не сообщает о подчинении этой области. Молчание источников о завоевании Кашмира логично объяснять тем, что завоевания как такового не было, и местный правитель подчинился Хосрову добровольно.

Будучи изначально направлен против эфталитов, союз Хосрова и тюрков выполнил свою задачу. Но после крушения государства эфталитов победителям нужно было вновь выстраивать взаимоотношения. По рассказам Менандра Протектора, *сильзивул* направил к Хосрову посольство, состоявшее из согдийцев, которые, будучи заинтересованы в том, чтобы торговать шёлком, намеревались договориться с Хосровом о том, что сегодня назвали бы рынками сбыта. Хосров, однако, под разными предлогами не принимал послов. На совещании у царя сановник Катульф, который прежде был вхож к правителю эфталитов, а затем, как и другие вельможи, пошёл на службу к Хосрову, настоятельно советовал царю не пропускать шёлк в сасанидские владения, а купить и на виду у послов сжечь. Так и было сделано. Послы вернулись назад, крайне недовольные оказанным им приёмом [Dexippi…, 1829. P. 296, 427].

Действия Хосрова могут показаться нелогичными. Шёлк уже давно был объектом торговли; из владений Сасанидов его везли на запад. Ещё противник Ардашира I римский император Александр Север носил, хотя и нечасто, шёлковые одежды из «страны сиров» [The Scriptores…, 1924. P. 256–257]. Шёлк был незаменимым товаром, и колебания цен на него могли вызвать кризис. Прокопий Кесарийский рассказывает, что в царствование Юстиниана персы стали поднимать цены на шёлк. Византийские купцы были вынуждены делать то же самое. Борясь с ростом цен, Юстиниан установил их предельный уровень, чем заставил купцов торговать себе в убыток. Это нанесло сильный удар по ремеслу и торговле. Дошло до того, что византийские ремесленники, занимавшиеся пошивом шёлковых одежд, стали уходить во владения Сасанидов [Ανεκδοτα…, 1856. P. 298–303][836].

Hind) [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17–18]. Однако по этим формам трудно сказать что-то определённое.

[836] Именно этим, очевидно, объясняется желание Юстиниана избавиться от посредничества персов при ввозе шёлка. Согласно Прокопию Кесарийскому, Юстиниан стремился создать своего рода

Можно представить себе, что торговля шёлком не только обогащала Сасанидское государство через пошлины и подати, но при случае могла стать и рычагом давления на Византию. Едва ли у Хосрова были основания пресекать её. Его действия следует объяснять иначе. По словам Менандра Протектора Хосров не хотел пускать согдийцев в свои владения [Dexippi…, 1829. P. 296]. Это объяснение кажется правильным, но лишь отчасти. По всей вероятности, Хосров полагал, что послы и купцы могут быть разведчиками тюрков. Его опасения понятны. В результате завоеваний тюрки создали мощное государство, которое, согласно китайским источникам, в 563 г. выставило для одного из походов стотысячное войско [Julien S., 1864. P. 337; Wieger L., 1929. P. 1238]. Крушение эфталитского государства привело к тому, что буфер между тюрками и Сасанидской державой исчез, и появилась общая граница. В этой обстановке Хосров не мог не опасаться вторжения тюрков в его владения.

Через некоторое время *сильзивул* направил к Хосрову второе посольство, но царь и его сановники (в их числе был и Катульф) сочли, что эти дипломатические начинания – не более чем уловки, и с тюрками вообще не следует поддерживать отношения. Чтобы от тюрков более никто не приезжал, послов отравили. Трое или четверо выживших вернулись к *сильзивул*-у.

«морской шёлковый путь» через Южную Аравию и с этой целью пытался создать коалицию с участием Абрахи и Кайса [Procopius, 1914. P. 192–193]. Интересно, что и ранее, обращаясь к Калебу Элла-Асбахе, Юстиниан призывал его не только выступить против персов (см. прим. 783), но и сделать так, чтобы индийские купцы из Химьяра могли направляться в Александрию через завоёванные эфиопами земли (т.е. Йемен) [Ioannis Malalae..., 1831. P. 458]. Именно на этих устремлениях императора основан сделанный в прим. 784 вывод о том, что Юстиниан собирался выбить персов из Омана. Эти попытки, однако, ни к чему не привели, причём не только вследствие пассивности союзников Юстиниана. По замечанию того же Прокопия Кесарийского, персидские торговцы скупали у индийцев шёлк ещё до того, как те успевали встретиться с эфиопами [Procopius, 1914. P. 192–193]. Очевидно, неудача этих попыток заставила Юстиниана наладить разведение в Византии тутового шелкопряда. Его тайно доставили в Византию в 50-е годы VI в. [Procopius, 1962. P. 226–227]. Юстин II, принимая в 568–569 гг. тюркских послов, показал им византийский шёлк [Fragmenta…, 1851. P. 270].

Представить себе его реакцию на известие о гибели послов нетрудно. Между тюрками и персами началась вражда [Dexippi…, 1829. P. 296–297].

Сильзивул начал с дипломатического наступления. Согласно традиции ат-Табари, *синджибу-хакан*-у подчинились некоторые народы Кавказа[837], правители которых сообщили ему,

---

[837] У ат-Табари эти народы называются ابخز, بنجر и بلنجر [Annales…, 1964. Ser. I, P. 895–896]; почти такие же формы приводит Мискавейх, хотя первая из них пишется ابجر [Таджариб…, 2003. С. 128]. В аналогичном фрагменте у Ибн ал-Асира мы обнаруживаем الخزر (хазар), ابخز и بلنجر [Ал-Камил…, 1987. Т. 1, с. 338]. В литературе уже давно выдвигаются конъектуры для этих форм. Й. Маркварт считал форму بنجر ошибкой, появившейся в результате неправильного прочтения среднеперсидского ՎՎՀ, и сближал بلنجر с топонимом Баланджар (Варачан) [Marquart J., 1903. S. 16–17]. Соглашаясь с ним, М. И. Артамонов отметил, что в ابخز нельзя видеть абхазов, так как они не могли участвовать во вторжении прикаспийских народов в Азербайджан; следовательно, ابخز надлежит заменить на الخزر (хазары) [Артамонов М. И., 2001. С. 176–177]. Вместе с тем, в тексте Ибн ал-Асира есть и ابخز, и الخزر, а значит, первая из этих форм не могла появиться в результате искажения второй. Поэтому, если соглашаться с тем, что участие абхазов в боевых действиях в Прикаспии маловероятно, необходимо искать иную конъектуру. Наиболее предпочтительной представляется форма أنجر (*Ungur*), которая находит аналогию в *угур*-ах (Οὐγούροι) Менандра Протектора. Согласно этому автору, правитель *угур*-ов держал власть от *дизавул*-а (*сильзивул*-а). О местах их проживания можно судить по описанию возвращения Зимарха из страны тюрков. По словам Менандра, посольство проследовало вдоль рек Их и Даих (возможно – Илик и Яик, т.е. Урал), по болотистым районам достигло страны Аттилы, а оттуда попало к этим *угур*-ам. Там послы выяснили, что персы готовят засаду около реки Куфис (Кубань). Затем посольство двинулось к аланам. [Dexippi…, 1829. P. 301]. Под болотистыми районами должна разуметься Прикаспийская низменность, куда посольство попало, спустившись по течению Урала. *Угур*-ы, следовательно, должны были жить между Прикаспийской низменностью и владениями алан, причём достаточно близко от Кубани, чтобы известие о персидской засаде дошло до них. Что касается «страны Аттилы», то её месторасположение можно приблизительно восстановить по известиям Иордана (писал в середине VI в.). Согласно ему, гунны первоначально обитали среди болот. Далее Иордан со ссылкой на Приска добавляет, что гунны поселились на дальнем берегу Меотиды,

что Хосров платит им контрибуцию, дабы они не нападали. *Синджибу-хакан* потребовал уплаты контрибуции и тюркам, и этим народам[838]. Хосров отказался. Тогда *синджибу-хакан* выступил в поход против Сасанидской державы. Видимо, о начале этой кампании говорит Менандр Протектор, по словам которого правитель тюрков *дизавул* (*сильзивул*) двинулся с войском на персов, а Зимарх некоторое время сопровождал его. Около Та-

---

т.е. у Азовского моря [Иордан, 1997. С. 84–85, 142–143]. Можно предположить, что под «страной Аттилы» Менандр понимает то, что Иордан считает первоначальными местами расселения гуннов, т.е. западную часть Прикаспийской низменности или, может быть, какие-то области к западу от неё. Такая реконструкция вполне соответствует маршруту посольства, как его представляет Менандр Протектор. Идентификация этого народа проблематична (речь может идти, например, о протоболгарах-оногундурах, венграх или ’Ογὼρ Феофилакта Симокатты – если предполагать, что они ушли на запад [Theophylacti…, 1834. P. 283, 285]) и заслуживает отдельного исследования. Что касается формы بلنجر (*balanğar*), то следует отметить, что лучшую аналогию ей мы обнаруживаем среди этнонимов. Во время своего пребывания в Волжской Булгарии в 921–922 гг. Ибн Фадлан встретил там малочисленную общину людей, именовавшихся *baranğār* [Рисалат…, 1959. С. 135]. Чередование *balanğar* / *baranğār* входит в допустимую маржу погрешности, так как в интервокальном положении *л* может переходить в *р*. Видимо, *баранджар*-ы Ибн Фадлана были одним из ответвлений протоболгарского народа и вместе с остальными ушли на Волгу. Если так, получается, что верховенство тюрков признали над собой протоболгары и, быть может, венгры или хазары. На начальных этапах своей истории протоболгары и хазары нередко действовали заодно; Мовсес Хоренаци говорит в одном фрагменте об объединившихся горцах хазарах и басилах [Мовсес Хоренаци, 1990. С.114] (автор присоединяется к мнению М. И. Артамонова о том, что басилы / барсилы также были протоболгарами [Артамонов М.И., 2001. С. 183–185]). Каким образом этот союз подчинился тюркам, сказать сложно. Возможно, протоболгары видели в тюрках союзников и покровителей в борьбе с гуннами.

[838] Это представляется вполне возможным. В рассматриваемый период тюрки взимали дань с соседей, в том числе и с централизованных государств. К моменту смерти Мугань-хана император китайского государства Северное Чжоу ежегодно платил тюркам дань – сто тысяч шёлковых и парчовых тканей (не считая иных подношений) [Julien S., 1864. P. 343].

ласа правителя тюрков встретило сасанидское посольство, однако приём проходил в напряжённой обстановке и едва не привёл к дипломатическому инциденту[839]. Одновременно *дизавул* отпустил Зимарха и направил в Византию собственных послов [Dexippi…, 1829. P. 383–384]. К этому, видимо, имеет прямое отношение другое известие Менандра – о том, что тюрки, вторгшись в Мидию (т.е. в сасанидские владения), предложили Юстину II союз против персов, чтобы ударить на них с двух сторон. К сожалению, труд Менандра дошёл до нас лишь в отрывках, и этот фрагмент заканчивается тем, что Юстин был обрадован и в дальнейшем очень дорожил союзом с тюрками [Dexippi…, 1829. P. 311]. Однако дальнейшее развитие событий можно восстановить по труду ат-Табари, где мы читаем, что стотысячное войско *сильзивул*-а наступало на сасанидские владения со стороны Гургана. Затем, однако, тюрки натолкнулись на укрепления Чора (т.е. Гургана – см. выше) и не смогли продвинуться дальше [Annales…, 1964. Ser. I, P. 896; Таджариб…, 2003. С. 128].

Посольство Зимарха выехало к хакану и *сильзивул*-у в начале августа 569 г. (см. прим. 782), а вернулось в Византию через два года [The Third Part…, 1853. P. 398]. Сопоставляя эти сведения с изложенным выше, мы можем заключить, что поход *сильзивул*-а начался весной 571 г. Конкретных договорённостей о совместных действиях между Византией и тюрками тогда ещё не было; *сильзивул* только предлагал ударить на Сасанидскую державу с двух сторон. Но альянс Византии и Тюркского каганата, судя по словам Менандра Протектора, в целом сложился. Возможно, это так или иначе связано с последующими событиями: Юстин расторг мирный договор 561/562 г., а затем стратиг востока Маркиан начал военные действия против персов.

Другой рассказ о походе тюрков на Иран обнаруживается у ад-Динавари. Согласно ему, *синджибу-хакан* собрал войска и двинулся на Хорасан. Тюрки овладели Ташкентом, Ферганой, Самаркандом, Кишшем (Шахрисабз) и Насафом (Карши) и дошли до Бухары[840]. Хосров послал против них своего сына Хор-

---

[839] Согласно очень похожему описанию этого приёма у Иоанна Эфесского, правитель тюрков изгнал персидских послов [The Third Part…, 1853. P. 397].

[840] Это указание ад-Динавари следует истолковывать с учётом сделанного выше вывода о том, что Согдиана попала под власть

музда с войском. При его приближении тюрки отступили, оставив то, что к тому времени захватили [Ал-Ахбар…, 1960. С. 68]. Сходство сюжетов (тюрки выступают с большим войском, но не могут преодолеть границу) наводит на мысль, что речь идёт об одном и том же походе, хотя рассказы о нём различаются в подробностях. Впрочем, нельзя отрицать и возможность того, что позднее состоялся ещё один поход[841].

Это противостояние стало последним заметным событием на восточных рубежах Сасанидской державы в правление Хосрова. В дальнейшем напряжённость заместно спала. Преемник умершего в 573 г. Мугань-хана Тобо-хан более интересовался Китаем и, судя по источникам, помышлял о том, чтобы закрепиться там [Julien S., 1864. P. 353]. К тому же, союз Византии и тюрков вскоре распался, что хорошо видно по описанию посольства Тиверия, которое, судя по его датировке у Менандра Протектора, прибыло к тюркам в 576 г.[842] Тюркский сановник, которого Менандр называет Турксанф, обвинил византийцев в неверности союзу на том основании, что они приняли у себя аваров, бежавших от хакана. Послы подвергались насмешкам и издевательствам; тюрки задержали их у себя, а тем временем овладели Боспором [Dexippi…, 1829. P. 397–404]. Со своей стороны, Хосров всячески способствовал распаду этого союза. По

тюрков. Видимо, только Фергана, где стоял сасанидский гарнизон, была взята силой. Через остальные города просто прошли войска тюрков.

[841] В свете этой войны надлежит, видимо, толковать и известие ат-Табари о том, что против Хосрова выступили аланы, а также народы ابخز, بنجر и بلنجر. Они вторглись в Армению, но полководцы Хосрова разбили их и перебили почти всех, кроме десяти тысяч человек. Оставшиеся в живых были расселены в Азербайджане [Annales…, 1964. Ser. I, P. 895]. Список этих народов практически полностью соответствует перечню союзников *синджибу-хакан*-а (см. прим. 837). Возможно, эти рассказы относятся к одному и тому же противостоянию: *сильзивул* и его союзники договорились выступить одновременно и развернуть наступление по двум направлениям. Однако войска *сильзивул*-а не смогли прорваться через укрепления (см. выше), и полководцы Хосрова, оставшись один на один с союзниками тюрков, разгромили их.

[842] На втором году пребывания Тиверия соправителем Юстина II (7 декабря 575 – 6 декабря 576).

словам Иоанна Эфесского, во время переговоров, последовавших за походом Хосрова 576 г., византийские посланники объявили, что в одном из писем к тюркскому хакану царь называл ромеев своими слугами [The Third Part…, 1853. P. 377]. Формальное основание для этого давала дань, которую Византия должна была выплачивать. Очевидно, Хосров пытался дискредитировать Византию, представляя её императора подчинённым человеком, не имеющим права на собственную внешнюю политику. Эти усилия, вероятно, не имели такой важности, как «аварский» вопрос, но в любом случае распад тюркско-византийского альянса сильно снижал для Хосрова опасность новой войны на северо-восточном направлении.

Юго-восточное направление

Как и для более ранних периодов, наши сведения о положении дел на юго-восточных рубежах Сасанидской державы крайне скудны. В рассмотренном выше рассказе Фирдоуси о начале правления Хосрова мы читаем, что от Аланских Ворот царь двинулся в Индию (*Hindūstān*). Это не было, однако, завоевательным походом; из текста *Шах-намэ* можно заключить, что события разворачивались в сасанидских владениях в Мукране, Туране и Синде. Местная знать встретила Хосрова без какой-либо враждебности, однако ему сообщили, что белуджи восстали и чинят разорения. Хосров жестоко подавил это выступление [Ferdowsi's…, 1935. P. 2331–2332].

Повествование Фирдоуси следует сопоставить с сообщением о том, что Хосров вернул земли, утраченные при Каваде. Среди этих земель первым называется Синд [Histoire…, 1900. P. 610; Annales…, 1964. Ser. I, P. 894]. Однако из источников не следует, что Синд был захвачен каким-то внешним врагом. Видимо, восстание белуджей привело к тому, что сасанидские наместники утратили контроль над частью земель, а борьба между Хосровом и Кавусом помешала центральной власти принять меры. В результате похода Хосрова контроль сасанидских властей над Синдом был восстановлен.

В числе отстроенных Хосровом городов ал-Балазури и Ибн ал-Факих называют Дайбул [Liber…, 1863. P. 194; Compendium…, 1885. P. 288]. Очевидно, Хосров укреплял власть Сасанидов в низовьях Инда. Вместе с тем, в числе «ца-

рей, которых Ардашир нарёк шахами», Ибн Хордадбех называет *кикан-шах*-а (*qīqān-šāh*), о котором сообщается, что он пребывал в Синде [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 17–18]. Вполне обоснованной представляется предложенная В. Ф. Минорским идентификация этого Кикана с Кизом или Киджем географического свода «Пределы мира от востока до запада» и современным Кечем в Пакистане между Джейкобабадом и Кветтой (видимо, через промежуточные формы *kīgān* и арабизированное *kīǧān*). В «Пределах мира» мы читаем, что Кидж был резиденцией правителя Мукрана [Minorsky V., 1937. P. 373; Худуд…, 1961/1962. С. 125]. Хотя этим наши сведения и исчерпываются, их сопоставление позволяет говорить о том, что Хосров располагал по меньшей мере двумя опорными пунктами – в низовьях Инда (Дайбул) и в его среднем течении (Кеч). Рассмотренные фрагменты, наряду с полным отсутствием упоминаний о каких бы то ни было войнах с правителями Индии показывают, что Хосров, восстановив в начале своего правления власть над Синдом, впоследствии прочно удерживал её.

ЧАСТЬ III
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ПОУЧЕНИЕ ХОСРОВА АНУШИРВАНА

Высказанные во Введении сомнения в достоверности приводимых у Мискавейха и ан-Нувайри текстов «Жизнеописания» и «Поучения» Хосрова до сих пор удерживали нас от того, чтобы использовать их как исторические источники. Но, восстановив по мере возможности историческую картину эпохи Хосрова, мы можем попытаться установить если не принадлежность этих текстов царю, то хотя бы их соответствие реалиям и духу его времени. Как показывают примеры «Послания Тосара» и «Завета Ардашира», изучение источника с учётом исторического контекста позволяет определить время его создания и понять суть написанного. Таким путём целесообразно идти и в данном случае. Начнём с перевода обоих текстов.

Жизнеописание Хосрова Ануширвана

«Отрывок о жизни Ануширвана и его правлении, написанный мною на основе того, что рассказал сам Ануширван в книге, которую он составил о своей жизни и о том, как он управлял государством

Прочёл я в том, что написал Ануширван о жизни своей:

(1)[843] “Сидел я однажды в *дасткард*-е[844] – а направлялся я в Хамадан, чтобы провести там лето, и была уже приготовлена трапеза для [находившихся] при дворе послов от хакана, эфталитов, из Китая, от императора и Сына Неба[845], как вошёл чело-

---

[843] В разделении на фрагменты мы в основном следуем факсимильному изданию 1909 г., где части текста отделяются друг от друга пробелами и, как правило, особыми знаками – троеточием или точкой в кружке́. Исключение составляет лишь фрагмент 10 «Жизнеописания», который в тексте рукописи примыкает к предыдущему фрагменту. Мы выделяем этот отрывок в отдельный фрагмент для удобства анализа текста.

[844] Речь, кажется, идёт о «царском *дасткард*-е» (см. прим. 81).

[845] В тексте ан-Нувайри – نقفور (Никифор), но это – искажение исходного بغبور (*baġbūr*). О том, что на Ближнем Востоке так называли

век из всадников, обнажая меч. Дошёл он до занавески и рассёк её в трёх местах, намереваясь войти туда, где мы находились, и наброситься на нас. Тогда один из слуг посоветовал мне выйти навстречу ему с мечом. Я же понял, что, если он один, то заслонят нас от него, но, если их много, не поможет меч мой. И вот, я, не проявив страха, не двинулся с места. Схватили его стражники, и оказалось, что он – человек из Рея, принадлежащий к нашей свите и приближённым. [Окружающие] не сомневались в том, что у него немало единомышленников. Меня попросили не сидеть более на месте и не присутствовать со всеми на пиру, пока всё не прояснится[846]. Я же, однако, отказался, чтобы не видели послы от меня малодушия. И вот, я вышел на пир, а затем, когда мы расстались, пригрозил рейцу отсечением правой руки и [иными] карами[847] и сказал, чтобы он без утайки поведал мне о том, что побудило его так поступить, [добавив, что,] если он откроется мне, никакое наказание его затем не постигнет. И он рассказал, что некоторые люди составляли письма и вели речи, говорили, что всё это – от Бога, побуждали его совершить [покушение] и внушали ему, что, если он покончит со мной, убийство введёт его в рай. И, расследовав это дело, обнаружил я, что он сказал правду. Тогда приказал я отпустить рейца и вернуть ему отнятое у него имущество. Затем велел я обезглавить тех, кто присвоил себе право выступать от имени вероучения и использовал его (вероучение. – *Д. М.*), чтобы побудить его (рейца. – *Д. М.*) к действию. И из них не оставил я в живых никого”.

(2) Сказал Ануширван: “Когда велел я привести ко мне людей, бывших инакомыслящими в вероучении, и собрал их, чтобы рассмотреть их утверждения, выяснилось, что настолько дерзки они, отвратительны и одержимы бесовской силой, что для победы своего мерзкого вероучения не гнушаются смертоубийством. Когда спросил я старшего из них, стоявшего над

правителя Китая, свидетельствуют ал-Масуди и ал-Хорезми [Maçoudi, 1861. P. 306; Liber…, 1895. P. 116]. По-персидски *baġpūr* буквально означает «сын Божий», что соответствует китайским представлениям об императоре как о «Сыне Неба».

[846] Так у ан-Нувайри (*ḥattā yastabīna al-amr*). Менее правдоподобен вариант Мискавейха – «до тех пор, пока я не выясню, в чём дело» (*ḥattā astabīna al-amr*).

[847] У ан-Нувайри – «карой и отсечением правой руки».

остальными, о том, считает ли он дозволенным убить меня, ответил он: “Да, считаю я дозволенным убить и тебя, и тех, кто не следует за нами в вероучении нашем”. Не велел я казнить его, но, как настало время обеда, приказал, чтобы доставили его к трапезе, и послал ему пищи[848]. Тому же, кого послал я к нему, велел я передать ему, что, если я останусь [в живых,] будет это для него лучше, чем то, о чём он говорил. Посланник передал мне такой ответ[849]: “Это верно, но требовал от меня царь, чтобы открылся я ему, не утаив от него ничего из того, во что верую – а верую я в то, что почерпнул от своего наставника””.

(3) Сказал Ануширван: “Когда попытался император обмануть меня, и стал я воевать с ним, пошёл он на уступки, запросил мира, послал мне денег и всякого добра (*māl*) и согласился платить дань (*ḫarāǧ*) и выкуп[850]. Но велел я раздать ромеям – нищим и бесправным издольщикам[851] – десять тысяч денариев из того, что послал мне император, а это – в числе того, что взял я в походе на землю ромеев, не считая иного”.

(4) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): “[Однажды] озаботился[852] я тем, чтобы лично рассмотреть дела подданных и избавить их от бедствий, притеснений и угнетавшего их податного бремени – а это [деяние], помимо того, что оно заслуживает вознаграждения, увеличивает их благосостояние и богатство[853], а также спо-

---

[848] По всей вероятности – *ṭaraf min al-ṭa‘ām*, не *ẓarf*, как в издании текста Мискавейха, и не *ṭurf*, как в издании ан-Нувайри.

[849] В обоих текстах – «ответил» (*aǧāba*). Однако тональность приводимого далее ответа свидетельствует о том, что это – слова схваченного противника Хосрова, а не посланника.

[850] Так у Мискавейха (*fidya*). Очевидно, имеется в виду разовая контрибуция, бывшая условием отвода сасанидских войск. У ан-Нувайри – *diya* (вира), но вариант Мискавейха, очевидно, правильнее.

[851] Так у Мискавейха (*‘alā masākīn al-rūm wa ḍu‘afā’ muzāri‘ī-him*). У ан-Нувайри – «нищим и бесправным и бесправным издольщикам» (или: «и бесправным из числа их издольщиков», *‘alā masākīn al-rūm wa ḍu‘afā’i-him wa ḍu‘afā’ muzāri‘ī-him*).

[852] Так у Мискавейха (*hamamtu*). У ан-Нувайри – «повелел» (*amartu*).

[853] У Мискавейха – «увеличивает великолепие государства и их (подданных. – *Д. М.*) богатство» (*tazyīn al-dawla wa ġinā-hum*). Однако здесь, кажется, правильнее вариант ан-Нувайри (*tazyīn ahl al-mamlaka wa ġinā-hum*), так как в этом случае ясно, к чему относится *hum* в *ġinā-hum* (к *ahl*). Если следовать тексту Мискавейха, *hum* в *ġinā-hum*

собность правителя получить от них причитающееся ему, если нуждается он в этом. Некоторые из предков наших считали, что, если отменять для них (подданных. – *Д. М.*) поземельную подать на год-два или иногда уменьшать её, это добавит им силы для обработки земель. И вот, я собрал наместников и плательщиков поземельной подати. В том, чтобы собрать их воедино, не было у меня иного замысла кроме того, чтобы равномерно распределить [податное бремя] по селениям, областям, сельским округам, деревням и людям. Тогда поставил я над ними (людьми из податного сословия. – *Д. М.*) преданных и верных мне людей и назначил в каждую область, к каждому наместнику доверенных людей, чтобы они следили за ним. Кроме того, вменил я судье[854] каждой области в обязанность следить за делами жителей её. Повелел я, чтобы крестьяне обращались с делами, которые они считают нужным представить нам на рассмотрение, к судье, которого поставил я заниматься делами этой области, так чтобы наместник[855] не мог ничего потребовать сверх [установленного], чтобы поземельную подать платили в присутствии судьи, чтобы выдавали об этом (уплате. – *Д. М.*) подтверждение[856], чтобы была списана поземельная подать с умерших, чтобы не взыскивали[857] её с юношей, и чтобы судья, писец области, староста жителей селения[858] и намест-

---

следует относить к предыдущей фразе, что кажется искусственным и, по крайней мере, менее правильным, чем текст ан-Нувайри.

[854] Так у Мискавейха. У ан-Нувайри – «главному судье» (*qāḍi al-quḍāt*).

[855] Так у Мискавейха (*ʻāmil*). Явно неправильно у ан-Нувайри – «мир» (*ʻālam*).

[856] Переводим здесь по тексту ан-Нувайри (*wa an tuʻṭā bi-hi al-barāʼa*). У Мискавейха – «чтобы он выдавал подтверждение» (*wa an yuʻṭiya bi-hi al-barāʼa*), однако сомнительно, чтобы это относилось к судье.

[857] Так у Мискавейха (ولا يُراد). У ан-Нувайри – «чтобы не требовали её в повышенном размере» (ولا يُزاد). Правильнее, видимо, вариант Мискавейха, так как при Хосрове те, кому не исполнилось двадцати лет, не платили подушную подать (см. главу 2 части II).

[858] Так у Мискавейха (*amīn ahl al-balad*). У ан-Нувайри в этом месте – «писец жителей области и писец жителей деревни» (*kātib ahl al-kūra wa kātib ahl al-balad*). В этом случае, однако, непонятно, чем отличается «писец жителей области» (*kātib ahl al-kūra*) от названного в тексте ранее «писца области» (*kātib al-kūra*).

ник представляли в нашу канцелярию отчёты. И повелел я разослать письма с приказом об этом[859]”.

(5) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): “Сообщил нам верховный мобед, что некоторые люди – и он назвал их – из числа знати, из которых одних он видел при дворе, а другие находились в иных местностях, в вероучении придерживаются воззрений отличных от тех, что унаследовали[860] мы от пророка нашего[861] и мудрецов наших, ведут тайные разговоры о вероучении своём и призывают людей принять его, и что в этом – вред для царской власти, ибо тогда подданные не будут стоять на одном[862] и считать запрещённым и разрешённым в вероучении то, что таковым полагает царь. А ведь если [главенство в] этом (т.е. в вероучении. – *Д. М.*) сосредоточится у царя, усилится войско его по причине согласия между ним (войском. – *Д. М.*) и царём и сможет бороться с врагами. И вот, приказал я, чтобы привели ко мне этих инакомыслящих и спорили с ними до тех пор, пока не встанут они на истинный путь и не утвердятся на нём. И повелел я, чтобы были они изгнаны из города[863] моего, и из страны моей, и из царства моего, и чтобы преследовали каждого, кто с ними заодно, и чтобы поступали так”.

---

[859] Так у Мискавейха (*wa farraqtu al-kutub bi-ḏālik*). У ан-Нувайри этот фрагмент представляет собой продолжение предыдущего и читается как «во время написания этого» (*waqta al-katb bi-ḏālik*). Более правильным с точки зрения смысла кажется вариант Мискавейха. По всей вероятности, имеет место графическая путаница между формами فرّقت الكتب (*farraqtu al-kutub*) и وقتَ الكتب (*waqta al-katb*).

[860] Так у Мискавейха (ورثنا). У ан-Нувайри – «которые объявляем мы вслух со слов пророка нашего и мудрецов наших» (*rawaynā-hu* (رويناه) *‘an nabiyi-nā wa ‘ulamā’i-nā*). Здесь тоже имеет место путаница, вызванная схожестью графических форм.

[861] Упоминание о пророке кажется скорее анахронизмом, возникшим в результате того, что мусульманские авторы смотрели на время Сасанидов через призму своей эпохи.

[862] То есть придерживаться одних и тех же религиозных воззрений.

[863] Словом «город» мы переводим арабское *madīna*. Может возникнуть вопрос о том, почему город стоит впереди страны и царства. Возможно, в оригинале было среднеперсидское слово *šahr*, которое сначала значило «область» или «страна» (напр. Ираншахр), но в новоперсидском языке приобрело значение «город». Поэтому в тексте имеется в виду страна, т.е. владения Сасанидов.

(6) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): “Написали нам тюрки, которые обитают в северных краях, что постигла их нужда, и, если не дадим мы им что-нибудь, не останется им ничего кроме как напасть на нас. Просили они нас сделать для них несколько дел: принять их в войско наше, выплачивать им содержание и пожаловать им с земли *ал-л(к).н(р).х* и *баланджар*[864] и с той местности[865] то, с чего они могли бы жить[866]. И тогда решил я направиться по тому пути, к Воротам Чора. Хотел я, чтобы заметили правители, что предпринимаем мы походы в те земли и способны на них, когда озаботимся этим, чтобы увидели [они] царское величие[867], многочисленность войска, полноту снаряжения и совершенство оружия, с помощью чего оно (войско. –

---

[864] Первое из указанных названий пишется в источниках по-разному: اللّنح [The Tajârib…, 1909. P. 191], الكنج [Таджариб…, 2003. С. 134], الكرج [Нихайат…, 2004. С. 156]. Исходной формой было, видимо, اللّنح, которую мы видим в факсимильном издании рукописи труда Мискавейха; вероятно, *лам* с огласовкой *касра* ошибочно приняли за *каф*. Написание этого названия уже в первых списках трактата было неясным, а в дальнейшем переписчики расходились всё более. Этот фрагмент можно, кажется, объяснить на основе аналогии с сообщением ат-Табари о войне Хосрова с народами ابخز, بنجر и *баланджар*-ами – بلّنجر (см. прим. 837). Мы видели, что Хосров, нанеся им поражение, расселил пленников в Азербайджане. Так должна была появиться «земля ابخز, بنجر и *баланджар*-ов». Возможно, اللّنح рукописи Мискавейха – искажённое до неузнаваемости بنجر; тогда получается, что тюрки просились в места, которые до или после этого стали известны тем, что в них расселили пленных. Правда, в указанном примечании мы предположили, что Хосров воевал с *баланджар*-ами и прочими народами после того, как в 571 г. отразил нападение тюрков. Если так, тогда в расположении фрагментов в «Жизнеописании» нарушается хронологическая последовательность: фрагмент 7 посвящён событиям 559 г. Но если «Жизнеописание» восходит к последним годам жизни Хосрова, название «земля *ал-л(к).н(р).х(дж)* и *баланджар*» могло фигурировать в нём просто как географическое понятие, независимо от времени переселений.

[865] Словом «местность» мы переводим арабское *nāḥiya*. Очевидно, имеются в виду области, прилегающие к «земле اللّنح и *баланджар*-ов» (о ней см. предыдущее примечание).

[866] Т.е. источник дохода.

[867] Принимаем здесь чтение издателей текстов Мискавейха и ан-Нувайри – هيبة (*hayba*). В факсимильном издании рукописи – هيئة [The Tajârib…, 1909. P. 192], т.е. «вид».

Д. М.) побеждает врагов, чтобы узнали таким образом о силе того, кто стоит за ними, если будут в этом нуждаться. И пожелали мы во время этой поездки, чтобы были они (тюрки. – *Д. М.*) наделены подарками и вьючными животными, перевозящими дары, удостоены близости к обществу нашему и любезных речей, чтобы это увеличило в них любовь и тягу к нам и рвение к борьбе с противниками нашими. Ещё желал я во время поездки осведомиться о крепостях их[868] и в пути расспросить крестьян о делах их. Итак, двинулся я вперёд по дороге, ведущей в Хамадан и Азербайджан. Достигнув Ворот Чора и города Пероз-Хосров[869], отстроил я поселения эти старинные и границы, а также приказал воздвигнуть новые крепости. Когда хакану хазар стало известно о нашем пребывании в тех местах, испугался он, что нападём мы на него. И вот, написал он нам, что с того времени, как вступил я на престол, непрестанно хочет он жить со мной в мире и считает подчинение мне счастьем[870]. А один из полководцев его, видя, в каком он положении, решил оставить его и явился к нам с двумя тысячами сподвижников. Мы же приняли его, поселили вместе с всадниками[871] нашими в той местности и стали выплачивать ему и свите его жалование. Приказал я [выделить] им там крепость. Также повелел я устроить молитвенное место (*muṣallā*) для единоверцев наших, поставил туда мобеда и нескольких праведников, приказав им рассказывать признавшим власть нашу тюркам о том, что, подчиняясь наместникам [нашим], получат они вскоре выгоду в этом мире, а позднее – воздаяние в том, развивать в них любовь [к нам], преданность, справедливость, дружескую искренность и готовность помочь советом, а также усердие в борьбе с врагом, обучать юношей их воззрениям нашим и учениям. И в тех пределах устроил я для них рынки, улучшил дороги и поправил пути. И вот, взглянули мы на сопровождавшие нас конницу и

---

[868] По смыслу речь идёт не о крепостях тюрков, а об укреплённых поселениях областей, куда направлялся царь.

[869] Это поселение неизвестно по другим источникам.

[870] Так у Мискавейха (*wa anna-hu yarā al-duḫūl fī ṭā‘ati sa‘ādatan*). У ан-Нувайри отсутствует последнее слово, что меняет смысл на «и он считает [правильным] подчиниться мне».

[871] Упоминание о всадниках встречается только у Мискавейха. По всей вероятности, речь идёт не о всадниках как таковых, а об аристократах, составлявших в войске конницу.

пехоту – и [увидели, что], находясь мы с ними в центре Фарса, было бы пребывание наше с ними [вполне] достойным”.

(7) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): “Когда же прошли двадцать восемь лет правления нашего, вновь занялся я делами государства, [установлением] справедливости [по отношению] к народу, расследованием притеснений его и беспристрастным решением дел его. И приказал я мобеду каждого пограничья, города, селения и войска представить нам сведения об этом (т.е. о положении народа. – *Д. М.*). Ещё повелел я устроить смотры войскам: тем, что были в столице – в моём присутствии, тем же, кто находился на пограничье или в иных областях – в присутствии полководца, *пайгосбан*-а, судьи и доверенного человека от меня. Также приказал я, чтобы в каждой области царства моего собрали крестьян (*ahl kuwar al-ḫarāǧ*) в столицу её вместе с командующим войском, судьёй поселения, писцом и [моим] доверенным человеком. И разослал я людей, верность, преданность, благочестие и знания которых я знал и испытал, в столицу каждой области и каждый город, где находились эти слуги (*ġilmān*), наместники и народ, чтобы они собрали их и жителей их областей, людей низкого звания, и знать, и было им (т.е. посланцам Хосрова. – *Д. М.*) представлено истинное положение дел, а они – как поступит к ним на рассмотрение какое-либо дело – закончили его рассмотрение на месте, если суждение их будет крепко, а люди, участвующие в деле, согласятся с ним (т.е. с суждением. – *Д. М.*), или направили мне, если оно окажется сложным[872]. И внимание моё к рассмотрению этих дел было таким, что, не будь я должен заботиться о [борьбе с] врагами и границах, самолично занимался бы я делами поземельной подати и народа в каждой деревне, пёкся бы об этом и расспрашивал бы подданных царства моего по одному. Но опасался я, что таким образом погублено будет более важное дело. А

---

[872] Так у Мискавейха (*fa mā nuffiḏa fī-hi la-hum amr law ṣaḥḥa fī-hi qaḍā’u-hu wa raḍiya bi-hi ahlu-hu faraġū min hunā-lak*). У ан-Нувайри вместо لو Мискавейха стоит близкое по написанию أو, и текст имеет вид: *fa mā nafaḏa la-hum fī amr aw ṣaḥḥā fī-hi al-qaḍā’ fa raḍiya bi-hi ahlu-hu faraġū min-hu hunāk* («и если примут они решение по какому-либо делу или будет верным суждение их, и согласятся с этим люди (т.е., те, кто участвовал в рассмотрении дела. – *Д. М.*), то чтобы закончили они рассмотрение дела на месте»).

дело, которое – как объезд деревень – никто кроме меня не может сделать так, как мне требуется[873] и как следует, и избавить меня от того, чтобы заниматься им, – содержание подданных из числа наших воинов и тех, кого мы должны держать при себе, – ведь не хотим мы, чтобы смотрели они на нас с неприязнью, – хотя опасаемся мы, что перестанут крестьяне обрабатывать землю, или объявятся среди них те, кто будет добывать свой хлеб, направляясь к нашему двору и забросив свои деревни, реки и то, чем они должны заниматься в течение года, в соответствующее время. И вот, так мы с ними и поступили. Дали мы поручение верховному мобеду, написали об этом письма и разослали доверенных людей, желая, чтобы они поступали как мы, отправили их и поручили им заняться этим".

(8) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): "Когда же оградил Бог всех жителей царства нашего от врагов, из которых осталось лишь две тысячи дейлемитов, чью крепость тяжело было взять из-за труднопроходимости окружающих гор, сочли мы, что нет более полезного дела для царства нашего, чем то, чтобы осведомились мы о делах простонародья и людей, которых наставили мы справедливо обращаться с крестьянами. А дошло до нас, что люди эти не проявляли того рвения, которое мы считали требуемым. И вот, приказал я отправить письма судье каждой области, чтобы собрал он жителей области без ведома их наместника и тех, кто управляет ими, и расспросил их том, как их притесняли и что у них отняли, вдумчиво и тщательно всё расследовал, а затем написал нам о делах каждого человека из них, поставил свою печать и печать жителей, означающую согласие их, послал нам [донесение это] и отправил [с ним] нескольких человек, которых выберут жители по соглашению между собой – а если пожелают они, чтобы был среди этих людей кто-то из черни, то пусть он (судья. – *Д. М.*) так и сделает. И, когда прибудут они, сяду я перед людьми и разрешу им (прибывшим. – *Д. М.*) присутствовать наряду с вельможами земли нашей[874], царями их[875], судьями, *азад*-ами[876] и знатью. Изучу я

---

[873] В обоих текстах – *lā yuġnī fī-hi ġanā'ī*. Однако в факсимильном издании рукописи перед *ġanā'ī* стоит أحد [The Tajârib…, 1909. P. 194], что учтено в предлагаемом переводе.

[874] В обоих текстах – *'uẓamā'*. Вероятно, имеются в виду *вузург*-и.

[875] Вероятно – местные цари-*кадагх(в)адаи*.

то, что [описано] в донесениях этих, а также злоупотребления. И, какими бы ни были злоупотребления наместников и людей, которых назначили мы, дети[877], жёны или родственники, избавим мы их (податное население. – *Д. М.*) [от таких злоупотреблений] даже если не будет убедительных доказательств, ибо знаем мы слабость крестьян по отношению к ним (наместникам и т.п. – *Д. М.*) и гнёт сильных, [происходящий] от того, что у них (сильных. – *Д. М.*) – власть. И если какое-либо злоупотребление одного по отношению к другому станет для нас очевидным, то прикажем мы поступить по справедливости ещё до того, как будут выяснены [все обстоятельства дела]. Если же окажется дело сложным, или будет необходимо разбирать его в присутствии свидетелей из той местности и судьи её[878], направлю я доверенного человека из писцов, доверенного человека из мудрецов-богословов и ещё одного доверенного человека из слуг наших и свиты и [таким образом] обеспечу решение правильное и крепкое решение дела. И да не даст Бог родственникам нашим, слугам и людям из свиты места при нас, если не поступают они по праву и справедливости. Ведь родственникам царя и людям из свиты его свойственно заноситься мощью и силой. И если оставит правитель дела их вниманием, те, с кем они будут враждовать[879], погибнут, если только не найдётся среди них (приближённых царя. – *Д. М.*) человек, получивший такое воспитание [как царь], придерживающийся одного с ним (царём. – *Д. М.*) вероучения и покровительствующий его подданным – но немного таких. И то, что узнали мы о гнёте этих

---

[876] В обоих текстах – *aḥrāri-him*. Арабское *aḥrār*, т.е. «свободные», является здесь калькой с персидского *āzādān*.

[877] Следуем тексту ан-Нувайри (وكلاء أولادنا). У Мискавейха – «тех, кого назначили люди, назначенные нами» (وكلاء وكلائنا), однако дальнейший смысловой ряд свидетельствует в пользу правильности текста ан-Нувайри.

[878] Так у Мискавейха (*wa mā aškala aw waǧaba al-faḥṣ ʻan-hu bi šuhūd al-balad wa qāḍī-hā*). У ан-Нувайри – *wa mā aškala wa awǧaba al-faḥṣ ʻan-hu šuhūd al-balad wa qāḍī-hā*, т.е. «Если же окажется дело сложным, и расследование его потребует [участия] свидетелей из селения и его судьи». Правильнее, кажется, текст Мискавейха.

[879] Так у Мискавейха (*man ḥāwarū-hu*). В тексте ан-Нувайри – *man ǧāwara-hu*, то есть «тот, кого он (царь. – *Д. М.*) взял под покровительство».

[людей], побудило нас не требовать доказательств против них о том, что о них утверждали. Ведь мы непрестанно отвергали гнёт[880]. Хотели мы не притеснять никого кто обладал мощью при нас или же прочно занимал при нас место и положение своё – ведь право распространяется и на слабых, и на сильных, и на бедняков, и на богачей. Но, когда дела показались нам неопределёнными, [решили мы, что] обратиться против приближённых и слуг лучше для нас, чем против немощных, нищих, бедняков и нуждающихся. Знали мы, что не в состоянии немощные притеснять тех, кто составляет окружение наше. Знали мы также, что те люди из нашей знати, против которых мы обратились, пользуются благодеяниями нашими и милостью больше, чем те немощные[881]. Клянусь, что самыми любимыми вельможами и самыми преданными слугами[882] будут у нас считаться те, кто поступает так, как мы, по отношению к народу, проявляет милость к беднякам и нищим и обращается с ними по справедливости; тот же, кто вершит насилие и произвол по отношению к ним и стремится лишить их покровительства нашего, защищающего их, вершит насилие и произвол по отношению к нам".

(9) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*) : "Во время, когда истекли тридцать семь лет правления нашего[883], написали нам четыре племени тюрков из края хазар – а у каждого племени свой царь – сообщив, что постигла их нужда, и будут они с радостью служить нам. Просили они, чтобы разрешили мы им прибыть со сподвижниками их, дабы служить нам и выполнять наши повеления, не держали на них зло за то, что было до начала правления нашего, и поставили их в один ряд с другими слугами нашими – и тогда [, по словам их,] увидим мы, что во всём, что приказываем мы – будь то в бою или в ином – окажутся свершения их как лучшее из того, что видим мы от сподвижников наших. И усмотрел я несколько выгод в том, чтобы принять их – стойки они, сильны и отважны, но также опасался я, что заставит их нужда переметнуться к императору или иным ца-

---

[880] Эта фраза встречается только в тексте ан-Нувайри.
[881] Последнее слово – только у Мискавейха.
[882] Так у Мискавейха (*abarr ḫadami-nā fī anfusi-nā*). У ан-Нувайри – *āṯar ḫadami-nā*, т.е. «самыми любимыми слугами».
[883] В обоих текстах – *'alā ra's sab' wa ṯalāṯīn sana*.

рям, которые с ними станут сильнее нас. Ведь раньше нанимал император [людей] из них для борьбы с правителями земель наших и платил им большое жалование. И в войне той усиливались войска его, ибо были в них тюрки – а они не предаются наслаждениям, что, наряду с бедностью, даёт им смелость [идти] на смерть. И вот, написал я им, что примем мы тех, кто подчинится нам, и не пожалеем того, что имеем, ни для кого. Также написал я *марзбан*-у Дербента (*al-Bāb*), приказав ему впустить их по одному. И отписал он мне, что прибыло к нему пятьдесят тысяч человек с жёнами, детьми и домочадцами[884], а из предводителей их прибыло три тысячи человек с родственниками, жёнами, детьми и домочадцами. Когда дошло это до меня, пожелал я приблизить их к себе, чтобы по тому, как обласкаю я их и одарю, поняли они, что благодетельствую я им, и стали доверять военачальникам нашим[885] – с тем, чтобы, пошли мы их куда-либо с кем-то из полководцев наших, они (тюрки и полководец. – *Д. М.*) доверяли друг другу. И вот, отправился я в Азербайджан и, остановившись там, разрешил им прибыть ко мне. Тогда же доставили мне диковинные подарки от императора, прибыли послы от великого хакана[886], правителя Хорезма, царя Индии, Давара[887], кабул-шаха, правителей Цейлона и Кедаха[888] и много других послов – всего от двадцати девяти

---

[884] Фрагмент отсюда и до конца предложения приводится только у Мискавейха.

[885] У ан-Нувайри начало этой фразы (до сноски) звучит как: «Когда дошло меня это, пожелал я приблизить их к себе, чтобы поняли они, что благодетельствую я им, и возвысить их, чтобы стали они доверять военачальникам нашим»

[886] У ан-Нувайри далее упоминается «правитель ромеев» (*ṣāḥib al-rūm*), что явно неверно, т.к. император упомянут выше.

[887] О Даваре см. главу 3 части II и прим. 834.

[888] В тексте источника – كله. Согласно мусульманским географическим трактатам, так назывался остров, расположенный к западу от Банкалуса (Лангабалус, Никобар), в шести днях морского пути от него [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 66; Худуд…, 1961/1962. С. 60; Al-Idrīsī, 1982. P. 78] или пяти днях [Al-Idrīsī, 1982. P. 80]. Однако остров с таким названием не обнаруживается ни в источниках, ни на местности. В. Ф. Минорский, следуя за М. Я. Де Гуйе, предлагал

правителей, – и явились они в один день. Дошла у меня наконец очередь и до тюрков – а было их пятьдесят три тысячи. Приказал я, чтобы построили их в том месте, и выехал туда. И вот, сподвижников моих, а также тех, кто прибыл ко мне или стал подчиняться и служить мне, было в тот день столько, что не вместило их поле – а протяжённость его составляла около[889] десяти *фарсанг*-ов. И немало восхвалял я тогда Господа. Повелел я разделить[890] этих тюрков с их родственниками на семь разрядов, поставил над ними начальников из числа их, дал им пожалования[891], наделил сподвижников их одеждой, выплатил им содержание, приказал отвести им источники воды и зе́мли и поселил одних с моим полководцем в области *бурджан*[892], дру-

---

отождествить كله с Кедахом на Малайском полуострове (графическая конъектура – كده) [Minorsky V., 1937. P. 187]. С этим предположением вполне можно согласиться; слова об «острове» не опровергают его, так как средневековые арабы считали островом и часть суши, окружённую водой лишь с трёх сторон (поэтому островами считались Аравия и Испания). Вместе с тем, как показано в литературе, Кедах во времена Хосрова было народным названием страны; в книгах она именовалась Лангкасука [Winstedt R. O., 1920. P. 29]. Именно поэтому, кажется, мусульманские авторы знают именно название «Кедах». Странно, что в тексте используется именно народное название, которое послы вряд ли употребили бы. Вполне возможно, что упоминание о Кедахе принадлежит мусульманским авторам.

[889] Это слово (*naḥwa*) есть только в тексте Мискавейха.

[890] Так у Мискавейха (أن يُصنّف). У ан-Нувайри в этом месте стоит близкая по написанию форма أن يُصفّ, что меняет смысл на «построить этих тюрков … по семи разрядам».

[891] В обоих текстах – *aqṭa'tu-hum*. Как показано в главе 1 части I, существование в Сасанидской державе института *икта* (условного земельного пожалования наподобие поместья) сомнительно. Более того, об отводе земель для переселенцев говорится далее. Поэтому более вероятно, что речь идёт о пожалованиях в общем. Аналогичные примеры такого употребления глагола *aqṭa'a* мы находим в «Дополнении к арабским словарям» Р. П. М. А. Дози [Dozy R. P. M. A., 1927. T. II, P. 326].

[892] Название *бурджан* неоднократно встречается в мусульманской литературе и обычно применяется к потомкам протоболгар (в основном – к дунайским болгарам, но иногда – и поволжским булгарам). Однако эти сведения относятся к временам, намного более

гих – с полководцем в области алан, третьих – в Азербайжане[893]. Распределил я их по тем границам, где нуждались мы в них, и закрепил их за *марзбан*-ом. И неизменно видел я от них во всех городах[894], пограничных областях и других местах радовавшие нас преданность и рвение в том, что мы поручали им".

(10) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): "Написал мне великий хакан, извиняясь за некоторые случаи, когда проявил он вероломство, и прося вернуться к прежнему и простить его[895]. Упомянул он в письме своём, что на выступление против меня и нападение на землю мою подбил его один человек, к которому не присмотрелся он. И заклинал он меня именем Бога, чтобы я простил его, и давал заверения, на какие я [, как он полагал,] мог положиться. Ещё сообщил он, что император послал к нему [посольство], и представлял дело так, будто просит у меня разрешения принять их и не примет ничьих послов без моего повеления, не преступит приказа моего и без соизволения моего не будет пытаться ни от кого получить имущество или заручиться чьей-либо дружбой. Был у меня лазутчик в среде тюрков – и вот, он написал[896] мне, что и хакан, и сподвижники его раскаялись в том, что обманули меня и выступили против меня.

поздним, чем эпоха Хосрова. Для более ранних времён известно упоминание в труде, приписываемом Захарии Митилинскому, о язычниках *būrgarē*, живущих за Каспийскими Воротами; рядом с ними помещаются аланы и горцы-дидои [Historia…, 1921. P. 214]. Этих *būrgarē*, как и *бурджан* «Жизнеописания», можно, кажется, отождествить с протоболгарами. Но, если так, необходимо ответить на вопрос о том, почему в тексте «Жизнеописания» Хосров приказывает *марзбан*-у, охранявшему Дербентский проход, впустить тюрков, т.е. дать им пройти в Закавказье. Возможно, под «областью *бурджан*» понимается местность Вананд (в Армении), которая, согласно Мовсесу Хоренаци, получила своё название от переселенцев-протоболгар [Мовсес Хоренаци, 1990. С. 61].

[893] Так у Мискавейха. У ан-Нувайри упоминается только полководец в области алан.

[894] Так у Мискавейха (*al-madā'in*). У ан-Нувайри – «селениях» или «местностях» (*al-buldān*).

[895] В обоих текстах – *al-murāğa'a wa al-tağāwuz*. Первое из этих понятий можно переводить и как «вступить в переговоры», хотя контексту более соответствует, кажется, то значение, которое мы помещаем в текст перевода.

[896] Так у Мискавейха (*kātaba-ni*). У ан-Нувайри – «писал» (*yukātibu-ni*).

Тогда ответил я: “Клянусь, безразлично мне, из-за своей ли природы и по своему ли побуждению поступил ты вероломно по отношению к нам, или же послушался другого человека, проявляя к нам вероломство[897]. Ведь послушай ты другого человека или поступи по своей воле – вина одна и та же[898]. Поистине, ты заслужил самой суровой кары[899]”. [Ещё] написал я: “Не представляю я себе ничего из того, что было обязательным между мной и вами[900], чего я бы не сделал, [как] не представляю себе ничего из договора, что оставалось вам[901], в чём бы ты до сегодняшнего дня не клялся нам, а потом вы не проявили бы вероломства”[902]. Так как же станем мы полагаться на тебя и верить словам твоим, когда не можем мы доверять тебе, ибо ты сотворил вероломство, [проявил] неверность договору и [дал] ложную клятву? Сообщил ты, что у тебя послы императора – а

---

[897] Так у Мискавейха (*fī ġadri-ka bi-nā*). У ан-Нувайри – «в этом» (*fī ḏālik*).

[898] Так у Мискавейха (*wa mā ḏanabu-ka fī fī ṭā‘at man aṭa‘ta fī ḏālik illā ka ḏanabu-ka fī mā fa‘alta-hu bi ra’y nafsi-ka*). Слово «вина» (*ḏanab*) употребляется здесь, кажется, в значении «виновное деяние». У ан-Нувайри этот фрагмент выглядит по-другому: «Вина в том, что ты послушался в этом [другого человека] – не что иное как ложь, которую ты сотворил по своей воле». Эта разница, существенная для русского перевода, объясняется ошибкой переписчика: там, где в тексте Мискавейха كذنبك («[такая же,] как твоя вина», у ан-Нувайри – كذبتك («твоя ложь»).

[899] Так у Мискавейха (*wa anna-ka qad istaḥqaqta ašadd al-‘uqūba*). У ан-Нувайри – «и я считаю правильной самую суровую кару» (*wa annī qad istaḥqaqtu ašadd al-‘uqūba*).

[900] То есть договора.

[901] Т.е. то, что тюрки должны были исполнить.

[902] Так у Мискавейха. В тексте ан-Нувайри этот фрагмент приводится в ином виде: «Я не представляю себе ничего из договора, что ты мог бы сделать ради вас, кроме того, что ты прежде обратил в ничто, [как] не представляю себе ничего, в чём бы ты до сего дня [не] клялся нам, но потом вы [не] проявили бы вероломства». Хотя переводы этих фрагментов сильно различаются, расхождения вызваны ошибками переписчиков. Это видно по сходному начертанию некоторых фрагментов. Так, صنعتُه («я сделал») и بقي (здесь – «осталось») Мискавейха соответствуют ضيّعتَه («ты обратил в ничто») и تفي (здесь – «ты мог бы сделать») ан-Нувайри. Текст Мискавейха явно более строен и правилен, вследствие чего мы основываемся именно на нём.

мы договорились, что будешь ты испрашивать у меня разрешения относительно их. Не запрещаю я тебе относиться приязненно к кому бы то ни было.” Но счёл я нецелесообразным, чтобы увидел он, будто опасаюсь я и страшусь дружбы его [с императором], и сообщил ему, что мне не интересно ничто [из того,] что происходит[903] между ними”.

(11) “Затем послал я [людей], чтобы отстроить города и крепости Хорасана и свезти в них продовольствие и корм для животных, так чтобы хватило для нужд войска. [Воинам же] приказал я пребывать в готовности и бдительности, чтобы от беспечности их не повторилось то, что случилось в первый раз, когда жили они как в мирное время”.

(12) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): “Была благодарность моя Богу Всевышнему за то, чем одарил Он меня и что дал мне, неразрывно связана с изначальной милостью Его, которой облагодетельствовал Он меня при сотворении моём. А ведь благодарность и милость – как две перемётные сумы или как две чаши весов: если перевесит одна другую, то нуждается более лёгкая в добавлении, чтобы прийти в равновесие с противоположной. И если милости будет много, а благодарности мало, развалится ноша, и переломится спина несущего; если же будет равновесие, несущий [сможет] продолжать. Тот, кто даёт много милости, заслуживает изрядной благодарности, а тот, кто являет много благодарности, навлекает на себя ещё бóльшую милость.

(13) Когда обнаружил я, что благодарность может проявляться частью на словах, а частью – в делах, стал я смотреть, какое из дел угоднее всего Ему[904]. И вот, обнаружил я, что это (наиболее угодное дело. – *Д. М.*) – то, с помощью чего создал Он небо и землю, воздвиг горы, заставил течь реки и сотворил сушу, именно – право и справедливость. И стал я следовать им обоим[905], видя плоды права и справедливости в хозяйственном освоении местностей, что обеспечивает жизнь людей, скота, птицы, жителей земли. Рассмотрев это, нашёл я, что воины –

---

[903] Так у Мискавейха (*yağrī*). У ан-Нувайри глагол стоит в прошедшем времени (*ğarā*) и, соответственно, переводится здесь как «произошло».

[904] У ан-Нувайри – «Богу».

[905] В этом месте, кажется, правильнее текст ан-Нувайри (*lazimtu-humā*). У Мискавейха – *lazimtu-hu*.

наёмники тех, кто обрабатывает землю, точно так же, как и те, кто обрабатывает землю, – наёмники воинов. Воины требуют от крестьян и жителей областей платы за то, что защищают их и ведут борьбу, загораживая их собою, и те, кто обрабатывает землю, должны платить им жалование. Ведь именно с их (воинов. – *Д. М.*) помощью ведут они хозяйство. Если же они (воины. – *Д. М.*) будут действовать медлительно или небрежно, усилится враг их. Тогда счёл я, что крестьяне должны обладать лишь тем из плодов трудов своих, что даёт им возможность жить и работать в поселениях их. И тогда решил я, что не буду ни губить, ни истощать их ради казны и воинов. Ведь, поступив так, несправедливо угнетал бы я и воинов наряду с крестьянами. Если плохи дела у работника, приходит в упадок и то, что он обрабатывает, а если у крестьянина – то земля. А если не будет у крестьян того, что даёт им возможность жить и работать, погибнут и воины, так как сила их – в освоении земли и людях, которые этим занимаются[906]. Ведь не может быть освоения земель иначе как благодаря тому, что в руках крестьян. Таким образом, для того, чтобы облагодетельствовать воинов, следует мне проявить милость к крестьянам, обустроить их области и дать им возможность хорошо жить. Ведь население и крестьяне суть руки и сила воинов и войска, а воины – руки и сила крестьян. Стал я крепко размышлять об этом и счёл, что не следует мне ставить одних над другими или наоборот, ибо выяснил я, что они – как руки, делающие вместе одно дело, или ноги, шагающие по очереди. Клянусь я, что тот, кто причинит вред воинам, не избавит крестьян от гнёта, как не ослабит притеснения воинов тот, кто чинит насилие над крестьянами. И, не будь среди воинов глупцов, сделали бы они (воины. – *Д. М.*) так, чтобы крестьяне и жители селений[907] спокойно жили – как человек делает так, чтобы спокойно жило его селение, которое даёт ему средства к существованию, [то, что необходимо для] жизни, и силы. А не будь среди крестьян невежд, отдали бы они (крестьяне. – *Д. М.*) часть нужных им средств к существованию в знак того, что ставят воинов выше самих себя”.

---

[906] Слова «и людях, которые этим занимаются» отсутствуют у ан-Нувайри.

[907] Здесь переводим по тексту ан-Нувайри (*ahl al-ḫarāǧ wa al-bilād*). У Мискавейха пропущено слово *ahl*.

(14) Сказал он (Хосров. – *Д. М.*): “Когда завершили мы исправление положения народа и знати с [их] двумя столпами, крестьянами и воинами, – а было это плодом справедливости и права, при помощи которых управляет Бог творениями Своими, – и возблагодарил я Бога за милость Его и помощь[908] в том, что претворил Он в жизнь справедливость Свою для творений Своих[909], и устроили мы должным образом дела воинов и крестьян через распространение справедливости, – приступили мы к жизнеописаниям и преданиям. Начали мы с тех, которые были наиболее благотворны для нас[910] и полезны для наших воинов и подданных. И вот, изучили мы жизнеописания предков наших от Виштаспы до Кавада, ближайшего к нам из предков наших, и не миновали ничего полезного[911], не усвоив его, и ничего вредоносного, не отвергнув его. И хотя не принимали мы то, в чём не было пользы, из любви к предкам, ставили выше [её] (т.е. любви к предкам. – *Д. М.*) любовь к Богу, благодарность и покорность Ему.

(15) Когда же завершили мы изучение жизнеописаний предков наших, с которых (предков. – *Д. М.*) начали, ибо они (предки. – *Д. М.*) более всего заслуживали этого, – а [при этом] не пропустили мы ничего справедливого, не воздав ему [должное] почтение[912], и нашли, что справедливость нам ближе все-

---

[908] Зд. – *muqātala*. Это слово встречается только у ан-Нувайри, в тексте Мискавейха его нет.

[909] В арабских текстах Мискавейха и ан-Нувайри – *mawāhibi-hi* (букв.: «Его дары»), но это – скорее всего, буквальный (и неверный) перевод среднеперсидского *dādag* или *dahišn*, что может означать и «дар», и «создание», т.е. «нечто созданное». Сходным образом и *adā’ ḥaqqi-hi* вполне может быть буквальным переводом среднеперсидского *wizārišn-i-dād-š*; тогда следует переводить не «справедливость Свою» (как в тексте), а «закон Свой». Однако здесь, строго говоря, арабский текст может оказаться правильным, и в переводе мы не сочли возможным отступать от него.

[910] Основываемся здесь на тексте Мискавейха (*ṯumma bada’nā bi al-a‘ẓam fa al-a‘ẓam naf‘an la-nā wa al-akbar fa al-akbar ‘ā’idatan ‘alā ǧundi-nā wa ra‘iyyati-nā*). У ан-Нувайри вместо *naf‘an la-nā* стоит *min umūri-nā* («для дел наших»), а вместо *‘ā’idatan* – *‘ā’idan*, что, вероятно, неправильно.

[911] Переводим по тексту Мискавейха (صلاحًا). У ан-Нувайри – «улучшение» (إصلاحًا), что менее соответствует контексту.

[912] Так у ан-Нувайри (إلّا آثرناه). В издании трактата Мискавейха – «не умножив бы его» (إلّا أكثرناه). В факсимильном издании рукописи

го, – стали мы изучать деяния ромеев и индийцев и отбирали то в них, что было достойно похвалы, основываясь в суждениях на разуме и благоразумии[913]. Из всего этого взяли мы то, что укрепляло царскую власть нашу, и ввели это в обычай. При этом не устремлялись мы к тому, к чему склонялись пристрастия наши. И уведомили мы их об этом и написали им о том, что́ сочли мы предосудительным в деяниях их, сказав, что им следует отказаться от этого. И вот, обратились мы к ним по поводу этого, но не принуждали никого к тому, что расходилось с его вероучением и законом, и не возбуждали зависть к тому, что у нас. Но при этом не гнушались мы изучения того, что у них[914]. А ведь твёрдая приверженность постижению права и знанию, а также следование им – из того, что великолепно украшает царей. Из того же, что для царей наиболее вредно – пренебрежение к учению[915] и презрение к поиску знания. Ведь не бывает знающим тот, кто не учится[916].

Мискавейха мы видим форму, которая дана в издании ан-Нувайри [The Tajârib…, 1909. P. 206].

[913] В окончании данного фрагмента тексты изданий расходятся: у Мискавейха – *wa mayyaznā-hu bi-aḥlāmi-nā*, у ан-Нувайри – *wa mīzāna-hu bi-aḥlāmi-nā*. Из текста рукописи видно, что правильнее тот текст, который мы видим в издании труда Мискавейха [The Tajârib…, 1909. P. 206].

[914] Так у Мискавейха (ولا مع ذلك أنفنا من تعلّم ما عندهم, ср. The Tajârib…, 1909. P. 206). Видимо, в рукописи, которой пользовался ан-Нувайри, этот фрагмент был сильно искажён. У ан-Нувайри – ولا منع ذلك انقباض ما عندهم, т.е. «но это не помешало собирать [сведения] о том, что у них».

[915] Переводим по тексту Мискавейха (*al-ta‘allum*). У ан-Нувайри – «к знанию» (*al-‘ilm*), однако употребление в этом предложении глагола *ta‘allama* (учиться) показывает, что следует предпочесть вариант Мискавейха.

[916] Отдельные фразы из фрагментов 14 и 15 приводятся также у Ибн ал-Джаузи, в труде которого мы читаем: «Закончив [заниматься] делами частными и общими, [перешёл я] к принятию того, в чём нет ничего хорошего, а лишь ещё большее [зло], но предпочёл повиноваться Богу. Стали мы рассматривать жизнеописания ромеев и индийцев и отобрали то в них, что было достойно похвалы. А из наиболее вредоносного для царей – пренебрежение к знанию» [Ал-Мунтазам…, 1992. С. 113–114]. Сравнение первой фразы с фрагментами 14 и 15 «Жизнеописания» показывает, что она представляет собой очевидное искажение первоначального текста. Так, «дела частные и общие» (*al-umūr al-ḫāṣṣa wa al-‘āmma*)

(16) И вот, когда изучили мы мудрость этих двух народов в ведении дел и управлении, и соединил я добродетели предков с нововведениями, которые совершил я по собственному суждению, самостоятельно или черпая их у царей, не принадлежавших к нам (Сасанидам. – *Д. М.*), – стал я твёрдо держаться того, с помощью чего достиг победы и благоденствия, и отверг остальные народы, ибо у них не нашёл я ни [верного] суждения, ни разума, ни благоразумия. Обнаружил я, что свойственны им несправедливость, зависть, жестокость, алчность, скупость, неумелость в действиях, невежество, вероломство и неблагодарность – а всё это не укрепляет власть и не несёт с собой благоденствия".

Наряду с этим жизнеописанием прочёл я в конце этой книги, которую написал Ануширван о жизни своей, что Ануширван, обустроив дела царства и закончив заниматься ими, собрал к себе всадников (*al-asāwira*)[917], а вместе с ними – полководцев, знать, *марзбан*-ов, праведников, мобедов и самых достойных из людей и наставил их, сказав:

[*Поучение*[918] *Ануширвана*]

"(1) О люди!

(2) Внимайте мне, слушайте меня, будьте верны мне.

(3) С того момента, как стал я править вами, не расставался я с мечом для защиты[919] от мечей и клинков – а всё это для того,

---

представляют собой не понятые автором или переписчиком «дела народа и знати» (*umūr al-ʻāmma wa al-ḫāṣṣa*) фрагмента 14. Сходным образом, в إلّا بالأكثر (*illā bi-l-akṯar*, «а лишь ещё большее») следует видеть фрагмент إلّا أكثرناه, который, как показано в прим. 912, принимает издатель текста Мискавейха. Более того, графические элементы, на которых построен приведённый выше перевод, во многом – конъектуры издателя. Поэтому наш перевод этой фразы условен и призван показать лишь то, в каком виде она приводится у Ибн ал-Джаузи.

[917] Имеются в виду, кажется, воины-*артештар*-ы.

[918] У Мискавейха этот фрагмент называется мусульманским термином *ḫuṭba*. Это можно переводить как «назидательная речь», однако персидской традиции лучше соответствовала бы интерпретация рассматриваемого текста как поучения (*андарз*).

чтобы защитить и сохранить вас, дать благоденствие землям вашим, – то на дальнем востоке, то на крайнем западе, то на юге, то – на севере. Тех, кого обвинял я, выселил я из земель их, на земли тюрок наложил я подати, в Константинополе святилища огня поставил. И непрестанно поднимался я на горы высокие и сходил с них, шёл по равнине, а затем по пересечённой местности, претерпевал голод, страхи, холод, жару, ужасы моря и тяготы степи, желая достичь того, что совершил для вас Бог – победы над врагами, власти в стране, благополучия, могущества, достижения того, что обрели вы. А удостоились вы благодеянием и милостью Бога из благоденствия – наивысшего, а из чести и верности – наибольшего. Поразил Бог врагов ваших и перебил их, и они теперь либо убиты или погибают, либо живы, но повинуются вам и слушаются. Но остались у вас враги – немногочисленные, но сильные и могущественные. И я полагаю, что те, кто остался, страшнее для вас и более способны победить вас и возобладать над вами, нежели те враги ваши – с мечами и копьями, конные, – над которыми вы возобладали. И если вы, о люди, возобладаете над этим вторым[920] противником так, как над первым, с которым сражались вы и которого осаждали, добьётесь вы победы и обретёте силу, мощь, благоденствие, честь, единство, согласие, дружеское расположение[921] и благополучие. Если же не порадеете вы и окажетесь неспособ-

---

[919] В текстах обоих изданий (а также – в факсимиле рукописи [The Tajârib…, 1909. P. 208]) в этом месте форма غرضًا (*ġaraḍan*), которую следует переводить русским «как цель». Однако её явное несоответствие контексту заставляет искать графическую конъектуру. Вернее читать عرضًا (*ʻarḍan*), что в сочетании с предлогом *li* буквально означает «преграждать путь». Это значение принято в настоящем переводе.

[920] Так у Мискавейха (الثّاني). В тексте ан-Нувайри речь идёт об «оставшемся» (الباقي) противнике. Очевидное графическое сходство этих форм указывает на то, что ан-Нувайри в этом месте копирует неправильно.

[921] Так в тексте Мискавейха (النصيحة, ср. The Tajârib…, 1909. P. 209). Впрочем, нельзя исключать, что правильнее вариант ан-Нувайри – الصّحّة. За этим словом в обоих текстах следует *wa al-salāma*. Слова *salāma* и *ṣiḥḥa* – синонимы, означающие здесь «здоровье», «благополучие». Поэтому слово *ṣiḥḥa*, которое использует ан-Нувайри, лучше соответствует контексту.

ными, и возобладает над вами этот враг, то воистину не будет победа ваша над противником на западе и востоке, на юге и севере, победой[922]. Так старайтесь убивать этих оставшихся врагов так, как убивали вы врагов прежних. И да будут рвение и единство ваше в этом сильнее, крепче и вернее. Ведь наибольшей готовности [требует борьба] с тем из врагов, который хитрее всех их и сильнее. Те же враги, кого опасались вы и с кем сражались, и близко не стоят к тем, с кем я сейчас призываю вас бороться. Итак, ищите их и умножайте победы, силу, [взаимо]помощь, решимость и рвение. И в этом соединяются то, что есть благо[923] и совершенное благоденствие для вас, ещё бóльшая милость Бога и, с одобрения Его, счастье в будущей жизни.

(4) Знайте также, что и недруги ваши из числа тюрков, ромеев, индийцев и иных народов, одолей они вас и возобладай над вами, не причинят вам столько, сколько этот враг, если он одолеет вас и возобладает над вами – ведь он сильнее, хитрее и страшнее их.

(5) О люди! Порадел я за вас, как вы видели, повстречал [на жизненном пути] то, что вы знаете – меч и копья, пустоши и моря, равнины и горы, сражался с врагами, бросался на войска [противника], боролся с царями. Но, сражаясь с войсками и царями, не обращался я к вам за помощью так настойчиво, как сейчас, и никогда так не требовал от вас усердия, рвения, тщания и единства. А сегодня сделал я это оттого, что он (враг. – *Д. М.*) опасен для вас, могуч и обладает страшной для вас силой. И если бы я, о люди, не поборол врага этого и не отвратил его от вас, [получилось бы, что] оставил я вам величайшего из недругов, устранив более слабого. Так помогите же мне в том, чтобы изгнать этого страшного для вас и близкого к вам врага.

---

[922] Перевод этой фразы сделан по изданию Мискавейха (*fa inna al-ẓafar al-laḏī kāna min-kum bi al-maġrib wa al-mašriq wa fī al-ǧanūb wa al-šimāl lam yakun ẓafaran min-kum*). У ан-Нувайри она приводится в сокращённом виде; после слова «то» стоит «где тогда победа ваша?» (*fa ayna al-ẓafar al-laḏī kāna min-kum*). Но текст ан-Нувайри – явное искажение оригинала: в нём отсутствует концовка, что, в свою очередь, делает ненужным начальный оборот *fa-inna* (فإنّ), переводящийся как «воистину», и он заменяется на *fa ayna* (فأين), т.е. «где тогда».

[923] Здесь – как и в случае, рассмотренном в прим. 911, – صلاحكم Мискавейха правильнее, чем إصلاحكم ан-Нувайри.

Именем Бога заклинаю я вас, о люди, когда поможете вы мне, и изгоню я его от вас и изведу его из среды вашей, закончатся невзгоды мои среди вас и испытания, посланные вам Богом перед лицом моим, и снизойдёт на меня и на вас благоденствие и милость Бога, и будут [у нас] мощь и победа, честь и могущество, богатство и достоинство.

(6) О люди! Закончив книгу эту и описание милости Бога ко мне, задумался я о том, почему[924] Дарий – после того, как возобладал он над царями и народами, силой подчинил их и завладел землями их, а затем не добил этого врага[925], – погиб вместе с войском – [и это] после благополучия и успеха. А произошло это тогда, когда не одобрил он то, благодаря чему достался ему царский титул, упрочилась власть его, усилился он против врагов и исполнился благоденствием, а лучшие люди всего мира в изобилии являли к нему [своё] расположение, – и тогда при помощи различных наветов устроили козни [с тем, чтобы творил он] бесчинства[926]. И он (Дарий. – *Д. М.*) провозгласил [законом] бесчинства и зависть и этим стал усиливаться и укрепляться. А зависть вызвала ненависть бедняков к богачам, низов – к знати[927]. Затем явился к ним Александр [Маке-

---

[924] Принимаем вставку слов *bi sababi-hi* (зд.: «по причине того, о чём сказано выше»), сделанную специалистами, издавшими труд Мискавейха в 2003 г.

[925] Так у Мискавейха (*lam yuḥkim amr hāḏā al-ʻaduww*, ср. The Tajârib…, 1909. P. 211), т.е., буквально, «он (Дарий. – *Д. М.*) не сделал как следует дело по отношению к этому врагу». У ан-Нувайри текст несколько искажён: *lammā taḥakkama amr hāḏā al-ʻaduww*, т.е. «когда же он справился с этим врагом». Вариант Мискавейха предпочтителен, так как он лучше соответствует общему смыслу фрагмента.

[926] Перевод этой фразы дан по тексту Мискавейха (*ḥattā uḥtīla la-hu bi wuǧūh al-namīma al-baġy*). Ан-Нувайри ставит глагол в действительном, а не в страдательном, залоге (*ḥattā iḥtāla la-hu bi wuǧūh al-namīma wa al-baġy*), в результате чего предложение может относиться только к врагу Дария: «затем он (враг. – *Д. М.*) стал строить против него (Дария. – *Д. М.*) козни при помощи разного рода наветов и бесчинств».

[927] Переводим по тексту издания труда ан-Нувайри, который в этом месте кажется более правильным. У ан-Нувайри мы читаем: *wa daʻa al-ḥasadu buġḍa* (بغض) *ahl al-faqr li ahl al-ġinā wa ahl al-ḫumūl li ahl al-šaraf*. Напротив, в издании Мискавейха: *wa daʻa al-ḥasada baʻḍu ahl al-faqr li ahl al-ġinā wa ahl al-ḫumūl li ahl al-šaraf*. Вариант ан-Нувайри

донский] – а они [пребывали в том состоянии, когда были][928] разделённость в умонастроениях и разброд в делах, возникли ненависть и междоусобная вражда, и [имело место] разложение. И дошло до того, что убил его начальник стражи его, доверенный телохранитель – ибо охватили сердца людей зло и ненависть, и укоренились[929] в них вражда и разброд, – избавив Александра от того, что должен был совершить он.

(7) Я же извлёк уроки из этого события и запомнил его.

(8) О люди! Да не услышу я в благоденствии этом ни о разброде, ни о бесчинствах, ни о явной зависти, ни о наушничестве, ни о клеветничестве. Ведь очистил Бог от этого души наши и царскую власть нашу, милостиво избавив от этого правление наше. То же, что приобрёл я по милости Бога и благодеянию Его, было мной приобретено без каких-либо из тех мерзостей, которые отвергли люди знающие и которым гнушались мудрецы. Но достиг я такого достоинства благодаря правильности [в делах], непорочности, любви к подданным, верности слову, справедливости, праведности и рассудительности. Перестали мы брать с названных нами народов – то есть, с тюрков, берберов, зинджей, мидийцев и иных – подобное тому, что брали мы с индийцев и ромеев по причине того, что склонности к этому[930] проявлялись в них и овладевали ими. Ведь никогда не благоденствовали[931] ни народ, ни царь его, если проявлялись в них эти склонности. И первое что я отвергаю и оставляю в сто-

---

предпочтителен тем, что он лучше соответствует правилам построения арабского предложения, в котором подлежащее (здесь – *al-ḥasad*) следует за глаголом (здесь – *da‘ā*). У Мискавейха это не выдерживается. Более того, если считать подлежащим *ba‘ḍ* (некоторые), непонятно, почему оно стоит только перед *ahl al-faqr*, но не перед *ahl al-ḫumūl*.

[928] В этом месте текст ан-Нувайри тоже кажется более предпочтительным, так как содержит слова *wa hum* (а они), которых нет у Мискавейха.

[929] Так у Мискавейха (ثبت). У ан-Нувайри в этом месте близкая по написанию форма نبت («и произросли»).

[930] Т.е. склонности к разброду и прочим отрицательным явлениям, о которых говорится в начале отрывка. Словом «склонности» мы переводим арабское *aḫlāq* (букв.: «черты характера»).

[931] Так у Мискавейха (*lam taṣluḥ*). У ан-Нувайри глагол стоит в настоящем времени: *lā taṣluḥu*.

роне – эти склонности[932], которые для вас худшие враги, чем противники ваши[933].

(8) О люди! В благополучии, процветании и благоденствии, которые дал нам Бог – удовлетворение нам, позволяющее не искать того, чего добиваются такими гибельными[934] и злополучными способами – так избавьте меня от того, чтобы вы занимались этим! Разгром этих врагов и для меня, и для вас лучше чем победа над противниками вашими из тюрков и ромеев. Что же до меня, о люди, то желаю я оставить такие дела[935], уничтожить их, подавить и устранить от вас[936]; нет у меня нужды ни в них, ни в том из них, что я [мог бы быть] должен делать. Так полюбите и вы то, что полюбил я в отношении вас.

(9) О люди! Хотел я избавить вас от врага внутреннего и внешнего. Что до внешнего, то по милости и благодеянию Бога изгнали мы его. И помог нам Бог против него и разбил[937] силу его. И вы действовали в этом достойно и доблестно, сослужили службу и проявили усердие. Так сделайте же с этим (внутренним. – *Д. М.*) врагом то, что сделали с тем. Запомните то, что я советую вам, ведь я покровительствую вам и помогаю добрым советом.

(10) О люди! Тот, кто вызвал это к жизни среди нас, сделал [происходящее от] него несчастье ещё более тяжким для вас, сражаясь вместе с врагами нашими, которые воюют с нами. И он – самый злой, мощный, опасный и вредоносный в [своём] постоянстве. И знайте, о люди, что наилучший среди вас – тот, кто, потерпев от нас в прошлом, теперь сам стал помогать нам

---

[932] Имеются в виду склонности к разброду и прочим отрицательным явлениям, о которых говорилось выше.

[933] Так у Мискавейха. В тексте ан-Нувайри два последних предложения объединяются, вследствие чего смысл предлога *‘alā* изменяется, и фрагмент приобретает вид: «Ведь не благоденствует ни народ, ни правитель его при таких склонностях, которые для вас худшие враги, чем противники ваши».

[934] Так у Мискавейха (المُردية). У ан-Нувайри стоит близкая по написанию форма الرّديئة («нечестивыми»).

[935] То есть то чего добиваются недостойными способами.

[936] Всё что стоит после этих слов до конца абзаца, обнаруживается только у Мискавейха.

[937] Так у Мискавейха (خضد, *ḫaḍada*). У ан-Нувайри – «уничтожил» (حصد, *ḥaṣada*).

против себя самого. И знайте, что, если кого-нибудь победит этот – над ним возобладает и тот[938], а кто победит этого – поразит и того. Так – потому, что в здравомыслии, согласии, любви, сплочённости и взаимопомощи ваших – мощь, сила и власть. А от взаимной зависти, бесчинств, козней и разрозненности[939] исчезает мощь, уходит сила, погибает этот мир и тот. И вот, должны вы исполнять то, что мы заповедали вам. А того, что запретили мы вам, остерегайтесь. Нет могущества и силы кроме как от Бога. Следует вам проявлять сострадание к нуждающимся и гостеприимство к путникам[940]. Полной мерой давайте защиту тому, кто по соглашению [с вами] возьмётся защищать вас, хорошо обращайтесь с теми, кто пришёл к вам из народов[941]. Они находятся под моим покровительством. Не делайте им противного, не притесняйте их, не ведите себя по отношению к ним как господа и не доводите их до предела, ибо доведение до предела вызывает бунт[942]. Напротив, терпите, если они в чём-то причиняют [вам] вред, соблюдайте договорённости ваши. И держитесь тех обычаев, которые я заповедал вам[943]. Ведь не видели мы, чтобы царство или народ погибали по причинам иным, нежели забвение этих обычаев, или чтобы благоденствовали иначе, как придерживаясь их. И на Бога уповаем мы во всех делах”» [The Tajârib..., 1909. P. 187–215; Таджариб…, 2003. С. 132–142; Нихайат…, 2004. С. 154–166].

---

[938] Имеются в виду внешний и внутренний враги.

[939] Так у Мискавейха (التشتّت). У ан-Нувайри стоит близкое по написанию слово السّبّ («поношение»).

[940] Так у ан-Нувайри (السابلة), что, очевидно, правильнее, чем السائلة Мискавейха.

[941] Этот фрагмент допускает разные трактовки. У Мискавейха – *man daḫala min al-umam fī-kum* (перевод см. в тексте); слово *man* относятся к людям, приходящим от других народов. У ан-Нувайри порядок слов немного иной: *man daḫala fī-kum min al-umam*, т.е. «те из народов, что придут к вам».

[942] Первая часть этого предложения (до союза «и») отсутствует у ан-Нувайри.

[943] У ан-Нувайри к этому предложению добавляется фрагмент следующего: «и не будете вы благоденствовать иначе, как с ними (т.е. с обычаями, о которых идёт речь. – *Д. М.*). Следующее предложение – в том виде, в котором оно обнаруживается в тексте Мискавейха, – у ан-Нувайри отсутствует.

Начнём с «Жизнеописания». Против его использования как источника сразу можно возразить, что жанр воспоминаний в принципе не свойствен зороастрийской литературе. Для человека того времени чтение было занятием, приносившим пользу; поэтому записи подлежали либо религиозные нормы и их толкования, либо наставления, либо достославные деяния реальных или легендарных героев. В дошедших до нас зороастрийских текстах мы видим именно это. По отношению к таким записям, обладавшим для людей (в том числе – авторам) неоспоримой ценностью, личные воспоминания или размышления отступали на второй план, однако это не означает, что их не могло быть вовсе. Царь Нарсе, как мы видели, изложил в надписи историю борьбы за власть и вступления на престол, Кардир – историю своего возвышения. Некоторые фрагменты воспоминаний встречаются и в нарративных источниках. В нескольких исторических сводах мы находим воспоминания видного деятеля раннего ислама Салмана ал-Фариси, в том числе – о его юности в доме отца-зороастрийца[944]. В «Книге завоевания стран» ал-Балазури обнаруживается короткое сообщение о битве при Кадисии, восходящее к человеку, участвовавшему в ней на стороне персов. Судя по указанной в тексте цепочке передатчиков, рассказ передавался в семье из поколения в поколение [Liber…, 1863. P. 259–260][945]. Разумеется, воспоминания

---

[944] См. главу 1 части II.

[945] Более убедительным примером могли бы показаться воспоминания врача Бурзоя (Барзавейха) в арабском варианте «Калилы и Димны». Однако поручиться за достоверность этого текста трудно. В нём мы читаем, что отец Бурзоя происходил из сословия воинов, а мать – из знатного рода. Овладев грамотой, Бурзой увлёкся медициной, причём затем размышлял, стоит ли заниматься, говоря современным языком, частной врачебной практикой [Асар…, 1989. С. 55–56]. Но, как показано в главе 1 части I, в зороастрийском обществе каждому сословию приличествовало своё знание. Занятия медициной не были прерогативами знати. В созданных при Хосрове I «Послании Тосара» и «Завете Ардашира» медики относятся к особой прослойке и чётко отмежёвываются от знати. Поэтому Бурзой, будь он потомком знатного рода, едва ли стал бы посвящать себя медицине, а вероятно – даже счёл бы это ниже своего достоинства. Если же Бурзой, будучи аристократом, действительно занимался медициной, он стал бы своего рода живым вызовом политике Хосрова, направленной на то, чтобы

мог оставить и царь, который имел больше, чем кто-либо иной, возможностей продиктовать их писцу. Не следует забывать и любовь Хосрова к новшествам, которую во фрагменте, процитированном в начале главы 2 части II, отмечает Прокопий Кесарийский.

Можно ли утверждать, что в «Жизнеописании» воспроизводятся реалии времён Хосрова? Об этом можно судить по нескольким фрагментам, где речь идёт о конкретных исторических событиях. Наиболее интересен среди них фрагмент 9, в котором речь идёт о переселении четырех племён тюрков в сасанидские владения. Указано, что это произошло по окончании тридцать седьмого года правления Хосрова (8 июля 567 – 6 июля 568 г. [Parise F., 2002. P. 101]). Как показано в главе 3 части II, то было время значительных перемен, связанных с ростом политического влияния Тюркского каганата, в зону влияния которого попал и Кавказ. Некоторые народы Кавказского региона признали верховную власть тюркского хакана. Такое положение дел сложилось всего несколькими годами прежде: в 558–561 гг. тюрки, тогда ещё союзники Хосрова, боролись с эфталитами за обладание Средней Азией. Вполне вероятно, что распространение власти Тюркского каганата на часть Кавказского региона повлекло за собой переселение народов и людей. Те, кто не хотел подчиняться правителям каганата, переселялись в другие места. Какие-то племена могли уйти во владения Сасанидов, надеясь на их защиту. Переселенцы, заметим, появляются не только в «Жизнеописании». Как показано в главе 3 части II, в 575 г. византийские войска вторглись в Кавказскую Албанию и встретили людей, которых Менандр Протектор именует савирами, т.е. гуннами. Из рассказа Менандра не следует, что византийцы, пройдя Кавказскую Албанию, затем ушли за Дербент. Следовательно, им встретились переселенцы, а те вряд ли смогли бы осесть в сасанидских владениях без разрешения царя. Правда, прямая идентификация этих савиров с

каждая социальная группа занималась только тем, что ей отведено. Трудно представить себе, что такой человек мог бы снискать благосклонность Хосрова, как это следует из текста источника. Поэтому воспоминания Бурзоя как они представлены в переводе Ибн ал-Мукаффа кажутся скорее легендарным рассказом, который как бы обрамляет приведённые далее философские размышления.

тюрками, о которых говорится в «Жизнеописании», была бы слишком рискованной. В 575 г. савиры повели переговоры с Византией, затем вновь отложились от неё и в конце концов были расселены в её владениях. Сношения с Византией Хосров, несомненно, расценил бы как вероломство, нарушение договора, но этот мотив отсутствует в «Жизнеописании».

Историческую достоверность этого фрагмента можно было бы поставить под сомнение в связи, что список правителей, послы которых прибыли к Хосрову, весьма сомнителен. Так, в тексте говорится о прибытии посланников Давара и кабул-шаха. Между тем, в главе 3 части II показано, что в результате войны с эфталитами, т.е. между 557–560 гг. Кабулистан стал владением Сасанидов, а Давар Рейский, будучи родственником Хосрова, подчинялся ему и ранее. Можно ли предположить, что Хосров поддерживал дипломатические отношения с подчинёнными ему правителями? Если рассуждать сегодняшними категориями, это не может не показаться странным, однако в истории сасанидского периода обнаруживаются и такие примеры. Так, в надписи Нарсе, посвящённой его вступлению на престол, говорится, что многие правители прибыли к нему сами или прислали посланников. Среди этих правителей называются кушанский царь и римский император, но также «сатрапы всякого рода» [Herzfeld E., 1924. P. 117–119]. Очевидно, имеются в виду не послы в современном смысле слова, а именно посланники, в том числе – и подчинённых Хосрову правителей. Хосров, в свою очередь, мог устроить большую аудиенцию и принять всех посланников в один день.

Непосредственно за известием о переселении тюрков следует рассказ о том, как тюркский хакан напал на сасанидские владения, но затем прислал письмо с извинениями (фрагмент 10). Направление такого письма говорит о том, что поход должен был окончиться неудачей. Это очень напоминает события 571 г., когда тюрки, как показано в главе 3 части II, не смогли пробиться через укрепления Чора. В стратегическом отношении им не удалось ни уничтожить Сасанидское государство, ни даже прорваться в его внутренние районы. Для тюрков такой итог похода, резко отличавшийся от прежних побед над жужанями и эфталитами, несомненно, был бы неудачей.

Во фрагменте 10 мы обнаруживаем некоторые подробности, которые находят параллели в известных нам реалиях того време-

ни. Прежде всего, в пересказе письма хакана говорится о дипломатических отношениях между тюркской державой и Византией. Это подтверждается рассмотренными в главе 3 части II сведениями Менандра Протектора, согласно которому походу тюрков против Сасанидской державы предшествовали его дипломатические контакты с императором Юстином II (568/569–571 гг.). Если датировать эпизод с письмом хакана 571 или 572 гг., понятными становятся упрёки в вероломстве, которые Хосров адресует правителю тюрков. Союз против эфталитов, скреплённый, к тому же, династическим браком, ещё существовал, по крайней мере – формально. Поэтому поход тюрков 571 г. Хосров с полным правом мог расценить как односторонний разрыв договора, что для зороастрийца означало вероломство.

Некоторые сомнения может вызвать извинительный тон письма хакана. Но, как показано в главе 2 части II, Хосрову было свойственно представлять все события в выгодном для себя свете, даже если это расходилось с реальностью. Поэтому, если Хосров считал действия хакана вероломным нарушением договора, послание с предложением о мире он, вероятно, истолковал бы как признание прежних ошибок.

Логическое продолжение этого сюжета – фрагмент 11, в котором Хосров приказывает укреплять хорасанскую границу – то есть тот рубеж, со стороны которого нападали тюрки. О том, что Хосров деятельно укреплял северо-восточные рубежи державы, мы знаем по известиям, рассмотренным в главе 2 части II.

В связи с фрагментарностью сохранившихся сведений о Хосрове нам нелегко комментировать те отрывки «Жизнеописания», в которых описываются отдельные эпизоды. Заметим, что и в других источниках – в том числе, и признанных достоверными, – такие описания уникальны. Но и здесь мы не находим ничего, что было бы чуждо Хосрову или его времени. Иногда встречаются и аналогии, хотя и косвенные. Можно обратиться, например, к фрагменту 3. Трудно сказать, к какому времени относятся описанные в нём события, однако сюжет кажется вполне реальным. Как показано в Главе 3 Части II, Хосров не раз, сам или через посланников, обвинял Византию в нарушении мира и в результате войн добивался от неё уплаты контрибуций. О таком случае, как раздача дани неимущим византийцам, источники не сообщают. Между тем, Прокопий Кесарийский рассказывает, что

во время похода против Византии 540 г. Хосров подступил к Каррам. Далее произошло следующее:

«Жители Карр вышли навстречу [ему], предлагая многие богатства; он же, встретив их, сказал, что ему ничего не причитается, так как они в большинстве своём не христиане, но старой веры[946]» [Procopius, 1914. P. 374–375].

Таким образом, Хосров в принципе мог принести дань или выкуп в жертву эффектному жесту. Это, разумеется, не свидетельствует о достоверности текста «Жизнеописания», но всё же показывает, что фрагмент 3 нельзя считать откровенным вымыслом.

О покушении на Хосрова, описанном во фрагментах 1 и 2, мы ничего не знаем по другим источникам. Заговоры – тайные предприятия по природе своей, и далеко не все авторы источников осведомлены о них. Кроме того, если исходить из достоверности приводимых фрагментов, Хосров вышел на пир как если бы ничего не произошло. Даже очевидец, следовательно, мог бы даже не догадываться о заговоре. Между тем, само описание этой сцены кажется близким к реальности. Во время пира сасанидские цари, как и Хосров в описываемом тексте, пребывали за занавеской. В одном тексте об обычаях сасанидского двора, приводимом в «Книге короны» и у ал-Масуди, мы читаем:

«Все цари персов (*al-a‘āǧim*) от Ардашира до Ездигерда[947] были скрыты от товарищей по пиру занавеской. И между ними было двадцать локтей: десять – от занавески до царя, десять – от занавески до первого разряда [товарищей][948]» [Maçoudi, 1863. P. 158; Djâhiẕ, 1914. P. 28].

---

[946] Т.е. приверженцы эллинизма или местных культов.

[947] Имеются в виду Ардашир I и Ездигерд III, первый и последний цари сасанидской династии.

[948] Согласно тем же источникам, на царском пиру Сасанидов присутствующие рассаживались по разрядам в зависимости от общественного положения; всего таких разрядов было три. Между местами, отведенными для различных разрядов, было по десять локтей. В описании этих разрядов источники расходятся. В «Книге короны» мы читаем, что первый разряд составляли всадники (*asāwira*) и царевичи, второй – приближённые и друзья царя, третий – шуты. По словам ал-Масуди, к первому разряду относились всадники (*asāwira*) и царевичи, которые были приближёнными и друзьями царя, ко второму – *марзбан*-ы, правители областей, находившиеся при дворе, и

Можно представить себе, что реец, задержавшись на несколько мгновений у занавески, не успел дойти до царя; охрана задержала его прежде.

У рассказа о покушении на Хосрова есть интересная параллель в легендарных традициях. Ибн Зафир рассказывает, со ссылкой на персов, следующее предание. Слон, обезумевший в период спаривания, ворвался во дворец Хосрова и двинулся к зале, где находился царь со своими придворными. Те разбежались, но один воин бесстрашно двинулся навстречу слону, ранил его и заставил удалиться. В течение всего этого времени Хосров не покидал залы и оставался на троне, сохраняя полное спокойствие. Это было, заключает Ибн Зафир, для которого рассказ важен прежде всего в дидактическом отношении, проявлением наивысшей храбрости, свойственной царям [Solwan…, 1852. Vol. II, P. 43–44].

Из сопоставления этих рассказов можно, по крайней мере, заключить, что эпизод, в котором Хосров в минуту опасности проявил самообладание и остался на царском месте, действительно был. Общей между фрагментами 1 и 2 «Жизнеописания» с одной стороны и рассказом Ибн Зафира с другой можно считать только направленность сюжета; детали сильно расходятся. Стало быть, перед нами не переработки одного и того же сообщения, а два изначально различных и независимых друг от друга рассказа. Их появление можно объяснять лишь тем, что оба автора описывают какое-то реальное событие, о котором, однако, имеют очень разные сведения. При этом рассказ Ибн Зафира о слоне, который якобы пробился через охрану царского дворца и попал в парадную залу, явно представляет собой легенду – в отличие от напрочь лишённого фантастических элементов сообщения о покушении на Хосрова. Поэтому мы вправе предполагать, что реальным событием, давшим основание для этих рассказов, а может быть – и для иных, не дошедших до нас, легенд, стало именно покушение на Хосрова, о котором говорится в «Жизнеописании».

полководцы (в тексте – *испахбад*-ы), управлявшие областями, к третьему – шуты [Maçoudi, 1863. P. 153; Djâhiẕ, 1914. P. 24]. Рассказ ал-Масуди лучше соответствует тому, что мы знаем о сасанидской знати, хотя и он, видимо, был создан в исламское время, когда старые иранские реалии стали забываться.

Некоторые фрагменты «Жизнеописания» интересны не только историческими деталями, но и соответствием духу времени Хосрова. Нетрудно заметить, что в «Жизнеописании» очень часто встречается мотив справедливости; мы видим его во фрагментах 4, 7, 8, 13 и 14. Такое внимание к справедливости само по себе говорит в пользу того, что текст восходит к Хосрову. Более того, автор «Жизнеописания» понимает справедливость практически так же, как и Хосров – насколько мы можем представить себе это по источникам. Как показано в главе 2 части II, для Хосрова справедливость основывалась на двух принципах. С одной стороны, представителям каждого сословия отводилось определённое место на социальной лестнице; они не имели права ни покидать его без разрешения царя, ни заниматься несвойственными сословию делами. Стремление к чему-то большему расценивалось как нарушение этого единственно законного порядка вещей и, следовательно, как нарушение справедливости. В этом отношении всякое самостоятельное действие народных низов было для Хосрова неприемлемым; по-видимому, оно представлялось ему своего рода узурпацией того, на что не было прав. С другой стороны, статус народных низов, пусть и невысокий, исключал – по крайней мере, теоретически – произвол и насилие по отношению к ним. Теми же представлениями руководствуется и автор «Жизнеописания». Он резко осуждает произвол и злоупотребления знати и чиновников на местах (фрагменты 4, 8, 13), но в то же время полагает, что вершить правосудие следует так, чтобы не отвлекать крестьян от их основного занятия, то есть обработки земель (фрагмент 7). Для автора «Жизнеописания» основные способы установления и поддержания справедливости – посылка доверенных людей для расследования дел и принятия мер (фрагменты 4, 7) и новое рассмотрение дел судьями (фрагмент 8). В главе 2 части II показано, что именно такие меры принимал Хосров. Интересно, что состав «тройки», которую он, согласно «Жизнеописанию», посылал для расследования злоупотреблений, точно соответствует рассмотренным в главе 2 части II сведениям мученичества Издбузида[949]. Это проще всего заметить, если сопоставить имеющиеся сведения с помощью табли-

[949] Об Издбузиде см. прим. 549.

цы, в которой члены «тройки» указаны в том порядке, в котором они упомянуты в текстах источников:

«Жизнеописание Ануширвана»	«Мученичество Издбузида»
1. Доверенный человек из писцов	1. Чиновник, занимавшийся слежением за теми, кто творил ложное (т.е. неправедное), и боровшийся с ними (*druwand-agāh*). Такой человек должен был принадлежать к писцам и, учитывая важность поручения, пользоваться доверием царя.
2. Доверенный человек из мудрецов-богословов	2. Верховный мобед области Рея. Едва ли подлежит сомнению, что под «богословом» вряд ли может пониматься кто-либо кроме мобеда.
3. Ещё один доверенный человек из слуг царя и свиты	3. Человек, именуемый «слугой царя» (в латинском переводе – *regis minister*).

Как показано в главе 3 части II, политика, направленная на пересмотр дел, отражается в юридическом трактате «Книга тысячи решений».

Во фрагменте 7 содержится дата: Хосров решает заняться внутренними делами державы по истечении двадцати восьми лет своего правления. Это указание интересно сопоставить с одним рассмотренным в главе 2 части II эпизодом, известным нам по «Рескриптам». Мы видели, что на двадцать девятом году правления Хосрова чиновник, именуемый «надзирающим за наместниками» (*nāẓir-i-ʻummāl*), известил царя о злоупотреблениях правителя Хузестана, взимавшего подати сверх положенного. В ответ Хосров приказал вернуть деньги людям. Параллель между источниками очевидна и позволяет даже отчасти воссоздать ход событий: Хосров посылает людей, которые должны извещать его о положении дел в областях, и один из них сообщает ему о злоупотреблениях наместника Хузестана. Эти сведения донесены до нас в очень разных текстах, и возможность того, что они представляют собой разные передачи какого-то общего источника, практически исключена. Сходство

этих сообщений говорит в пользу того, что они имеют под собой реальную основу.

Двадцать восемь лет правления Хосрова истекли в сентябре 559 г., а двадцать девятый год его царствования пришёлся на время с 10 июля 559 по 8 июля 560 г. [Parise F., 2002. P. 101]. Как показано в главе 3 части II, между 558 и 561 гг. произошла война с эфталитами, в ходе которой Хосров предпринял масштабный поход на восток. Трудно сказать, как сочетается эта датировка с рассмотренными выше сведениями фрагмента 7 «Жизнеописания» и «Рескриптов». Возможно, Хосров поступил так, как говорится во фрагменте 8 – начал заниматься делами простонародья после того, как держава была ограждена от внешних врагов. В этом случае поход против эфталитов мог состояться в 558 или весной-летом 559 г. Можно представить себе, что посольство эфталитов, ездившее в Китай в 558 г. (см. главу 3 части II), было послано за помощью. Не исключено, впрочем, что поход против эфталитов состоялся в 560 г., а Хосров послал доверенных людей в области царства ещё и для того, чтобы убедиться в верности наместников и полководцев накануне войны.

Некоторые наблюдения можно сделать и по фрагменту 5, касающемуся религии. Ход рассуждений автора – такой же, как в «Завете Ардашира»: расхождения в вероучении влекут за собой разногласия, а затем – и распри между подданными, что, в свою очередь, приводит к неспособности общества противостоять внешнему врагу. В обоих текстах идеальным провозглашается религиозное единомыслие, при котором подданные следуют тому вероучению, которого придерживается царь. Как показано в главе 2 части II, стремление к установлению единой доктрины было основой политики Хосрова по отношению к зороастрийской религии.

Из приведённых выше аналогий видно, что у нас куда больше оснований принимать «Жизнеописание» как достоверный источник, нежели отвергать его. Сведения, которые содержатся в «Жизнеописании», вполне согласуются с тем, что мы знаем о Хосрове по другим источникам. Дело не ограничивается сходством отдельных исторических подробностей; Хосров узнаётся по рассуждениям о справедливости и религиозном единомыслии, манере представлять всё в выгодном ему свете. Вместе с тем, в тексте нет ничего, что могло бы однозначно вы-

дать в нём фальшивку. Можно, конечно, указать на такие явные анахронизмы как упоминания о хазарах или применение слова «Бог» к Ахура-Мазде, однако подобные ошибки, как мы видели, типичны для авторов более позднего исламского времени.

В ином случае этого, наверное, было бы достаточно для того, чтобы говорить если не об установлении авторства, то хотя бы о его вероятности. По мнению автора этих строк, не исключено, что Хосров действительно продиктовал воспоминания. Из изложенного выше следует, что последнее по хронологии событие, упомянутое в «Жизнеописании», – поход тюрков 571 г. Но дату создания «Жизнеописания» можно, кажется, перенести на более позднее время. В самом конце текста мы находим фрагмент об интересе Хосрова к истории его предшественников. Этот интерес, как показано в главе 2 части II, достиг своего пика в конце правления Хосрова, когда были созданы «Послание Тосара» и «Завет Ардашира». Мы не можем датировать все фрагменты «Жизнеописания», но кажется, что определённая хронологическая последовательность выдерживается. Рассказ о преследованиях инакомыслящих, которые пришлись на начало правления Хосрова, стоит одним из первых; далее идут сообщения о событиях двадцать девятого и тридцать седьмого годов его царствования. Более поздние события следуют, тем самым, за более ранними, причём и в данном случае текст не даёт оснований отвергать сделанные наблюдения. Если следовать этой логике, можно заключить, что «Жизнеописание» было создано в самом конце правления Хосрова, когда он уделял большое внимание прошлому. Вполне возможно, что интерес Хосрова к прошлому охватывал и годы его собственного царствования. Вместе с тем, хотя мы и сближаем здесь «Жизнеописание» с «Посланием» и «Заветом», ставить их в один ряд было бы неправильно. Два последних произведения определённо нацелены на то, чтобы убедить читателя в правомерности действий Хосрова. В «Жизнеописании» Хосров тоже оправдывает свои действия, однако это делается по каждому отдельному случаю и не выглядит как обоснование политики царя в целом. В этом отношении «Жизнеописание» представляет собой скорее сборник воспоминаний о памятных случаях или поучительных примеров из жизни царя. Такое произведение должно было предназначаться скорее для ближайших родственников Хосрова, кото-

рым он – и на память, и в наставление – мог рассказать запомнившиеся эпизоды своей жизни.

Несколько сложнее говорить о «Поучении». Ряд упоминаемых в нём исторических подробностей может вызвать сомнения. Кажется маловероятным, чтобы Хосров установил в Константинополе святилище огня, претерпевал ужасы морского плавания (фрагмент 1) или взимал дань с зинджей и берберов (фрагмент 7). Но по своей тональности и духу «Поучение» вполне может быть отнесено если не к Хосрову, то, по крайней мере, к его времени. Его основная идея – необходимость борьбы с внутренним врагом, стремящимся разрушить устои общества. Это хорошо иллюстрирует фрагмент 6, который, заметим, составлен в свойственном Хосрову духе: идеи царя обосновываются примером из прошлого. Разрушение устоев общества, понимаемого, естественно, как сословное, выражается в разжигании зависти и враждебности низших классов к высшим. Этот мотив, важнейший для правления Хосрова, прослеживается в «Завете Ардашира» и «Послании Тосара». В этом отношении «Поучение» хорошо вписывается в ряд произведений, созданных при Хосрове для обоснования его политики.

Не будь отмеченных выше нестыковок, мы имели бы все основания поставить «Поучение» в один ряд с «Заветом Ардашира» или «Посланием Тосара». Это заставляет ещё раз, более пристально, взглянуть на указанные фрагменты. По крайней мере один из них – упоминание о зинджах и берберах – должен принадлежать перу мусульманского переводчика или переписчика. Такая путаница в названиях народов, как мы видели на примере упоминаний о хазарах, характерна для передачи сведений о времени Сасанидов в трудах авторов более поздних эпох. Если ошибка появилась в исламское время, она сама по себе не означает, что «Поучение» не может восходить к Хосрову.

Упоминание о священном зороастрийском огне в Константинополе может показаться невероятным, однако не исключено, что оно имеет под собой реальную основу. У ат-Табари мы находим известие о том, что Хосров II Парвиз в начале своего царствования пожаловал христианам Сасанидской державы ряд привилегий. Этот рассказ продолжается далее так:

«Он (Хосров II. – *Д. М.*) обосновал это тем, что Ануширван прежде замирился с [византийским] императором (*qayṣar*) на условиях дани, которую он (Ануширван. – *Д. М.*) взимал с него

(императора. – *Д. М.*) для создания хороших условий (*istiṣlāḥ*) тем из жителей его (Ануширвана. – *Д. М.*) страны, кто пребывал в его (императора. – *Д. М.*) стране, и возведения там святилищ огня; император поставил условием [сделать] подобное этому для христиан» [Annales…, 1964. Ser. I, p. 1000–1001].

В том, что касается привилегий для христиан, слова ат-Табари, кажется, находят подтверждение в рассмотренных в главе 3 части II сведениях о мирном договоре 561 г. Привилегии для христиан стали одним из условий договора. Зная Хосрова, мы можем предположить, что едва ли он в чём-то пошёл бы на односторонние уступки: это, пусть и отчасти, ставило бы его в положение проигравшей стороны и тем самым наносило бы ущерб престижу «божественного» царя. Со стороны Хосрова было бы логично потребовать встречных равноценных уступок. Следовательно, если в Ктесифоне стояли церкви, то и в Константинополе должно было быть святилище огня. Мы не знаем, было ли такое святилище построено. В средние века среди персов ходила легенда о святилище огня, воздвигнутом возле Константинополя. Её приводит ал-Масуди, который, впрочем, приписывает постройку Шапуру I [Maçoudi, 1865. P. 80–81]. Это последнее утверждение кажется явно неверным, потому что Шапур I так далеко на запад в своих походах не продвигался, а об иных причинах строительства святилища нам ничего не известно. Вместе с тем, возможно, что Хосров считал свершением уже то, что он обязал императора согласиться на возведение святилищ огня в Византии; в какой-то степени это было равнозначно строительству.

Происхождение слов о тяготах морского пути неизвестно. В них можно видеть как откровенный вымысел автора, переработавшего исходный текст, так и результат путаницы в терминах, которую иллюстрирует следующий пример. В среднеперсидском письме *узваришн* часто применяются заимствованные из арамейского языка слова, читавшиеся, впрочем, по-персидски. Форма [illegible] по буквам читается как *y.m.a* и происходит, очевидно, от арамейского *yâmā* (море). В среднеперсидском языке, однако, эта форма читалась как *rūd* (река), что свидетельствует о реинтерпретации термина. Вместе с тем, среднеперсидское слово для обозначения моря (*drayāb*), ставшее впоследствии *daryā*, вошло в состав названий рек. Если

предполагать такую путаницу в данном случае, можно представить себе, что под «морями» в действительности понимаются реки, и автор первоначального текста говорил, например, о трудностях переправы.

Суммируя вышесказанное, мы можем предложить следующую интерпретацию «Поучения». Оно может принадлежать Хосрову и, даже если не восходит к нему напрямую, во всяком случае излагает свойственные ему идеи. В более поздние времена текст был переработан. Масштабы этой переработки нам неизвестны, но можно предполагать, что формат поучения давал куда бóльшую почву для отступлений или добавлений, чем событийное изложение, которое мы видим в «Жизнеописании». Поэтому «Поучение» в принципе можно считать источником по истории царствования Хосрова, но главным образом в части основных идей. Что касается деталей, они заслуживают критического отношения. Возможно, обретение новых источников поможет найти однозначное решение стоящей перед нами проблемы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

AB – Analecta Bollandiana
AI – Acta Iranica
AM – Asia Major
BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies
CSChO – Corpus scriptorum christianorum orientalium
CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
JA – Journal asiatique
JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
MGH – Monumenta Germaniae Historica
MJC – Mediaeval Jewish Chronicles.
PL – Patrologia Latina
PO – Patrologia Orientalis
PS – Patrologia Syriaca
RHR – Revue de l'histoire des religions
SI – Studia Iranica
SBE – Sacred Books of the East
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

Агатангелос. История Армении. Ереван: Наири, 2004.

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван: Издательство Ереванского Университета, 1971.

Армянская география VII в. по Р.Х. СПб., 1877.

Артамонов М. И. История хазар. Санкт-Петербург: Лань, 2001.

Арутюнова-Фиданян В. А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). М.: Индрик, 2004.

Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926.

Виденгрен Г. Мани и манихейство. СПб.: Евразия, 2001.

Всеобщая история Вардана Великого. Москва, 1861.

Всеобщая история Степ'аноса Таронского Асох'ика по прозванию писателя XI столетия. М., 1864.

Габриэлян Р. А. Армения и Атропатена. Ереван: Издательство РАУ, 2002.

Гаджиев М. С., Касумова С. Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI в. М.: Восточная литература, 2006.

Давид Багратиони. История Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1971.

Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси: Мецниереба, 1986.

Егишэ. О Вардане и войне армянской. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1971.

Езник Кохбаци. Книга опровержений (о добре и зле). Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1968.

Епископ Себеос. История. Ереван: Армфан, 1939.

Зороастрийские тексты. М.: Восточная литература, 1997.

Иованнес Драсханакертци. История Армении. Ереван: Советакан грох, 1986.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб.: Алетейя, 1997.

История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван: Академия Наук Армянской ССР, 1953.

История Африки в древних и средневековых источниках. М.: Наука, 1990.

История Дагестана. Т. I. М.: Наука, 1967.

История Европы. Том второй. М.: Наука, 1992.

История Егише Вардапета. Тифлис, 1853.

История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. СПб., 1862.

Кефалайа (“Главы”). М.: Восточная литература, 1998.

Киракос Гандзакеци. История Армении. М.: Наука, 1976.

Книга деяний Ардашира сына Папака. М.: Наука, 1987.

Колесников А. И. Денежное хозяйство в Иране в VII веке. М.: Восточная литература, 1998.

Корюн. Житие Маштоца. Ереван: Айпетрат, 1962.

Луконин В. Г. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1974. С. 302–307.

Луконин В. Г. Иран в III веке. М.: Наука, 1979.

Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.

Лундин А. Г. Южная Аравия в VI в. // Палестинский сборник. Вып. 8 (71). М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1989.

Мишин Д. Е. Легенда о воцарении Шапура II (309–379) в свете исторических данных // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 198–205.

Мишин Д. Е. Поход императора Юлиана Отступника на Персию (363 г.) // Восток. 2010. №1. С. 13–24.

Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван: Айастан, 1990.

Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1984.

Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М.: Наука, 1979.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.

Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1956.

Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983.

Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956.

Плетнёва С. А. Хазары. М.: Наука, 1986.

Феофилакт Симокатта. История. М.: Арктос – Вика-пресс, 1996.

Хуршудян Э. Армения и сасанидский Иран. Алматы: МИД Республики Армения, Национальная Академия Наук Республики Армения, Институт востоковедения, 2003.

Цкитишвили О. В. Ас-Савад и Табаристан по машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

Цоцелия М. В. Каталог сасанидских монет Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1981.

Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифологических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004.

Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб.: Алетейя, 2011.

Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.

Abū-Dulaf Mis‘ar Ibn Muhalhil’s Travels in Iran (circa A.D. 950). Cairo: Cairo University Press, 1955.

Abulfedae Historia anteislamica. Leipzig, 1831.

Acta Mar Kardaghi. Bruxelles, Leipzig, 1890.

Acta martyrum et sanctorum. Paris, 1891 (T. II), 1894 (T. IV).

Acta SS. Gregorii ep., Ripsimes V. et soc. MM. auctore Agathangelo // Acta Sanctorum Septembris. Antverpen, 1762. P. 320–413.

Aerpatastan and Nirangastan or the Code of the Holy Doctorship and the Code of the Divine Service. Bombay, 1915.

Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque. CSHB, 1. Bonn, 1828.

Akbarzadeh D., Daryaee T. Inscribed Sasanian Bullae at the National Museum of Iran // e-Sasanika. 12, 2012.

Al-Hamdānī. Al-Iklīl. I Buch, Heft 1. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktrykeri AB, 1954.

Al-Hamdânî's Geographie der arabischen Halbinsel. Leiden, 1884.

Al-Idrīsī. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant». Napoli, Roma: Istituto universitario orientale di Napoli, Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1982 (fasc. 1), 1971 (fasc. 2), 1974 (fasc. 4), 1976 (fasc. 6), 1977 (fasc. 7).

Alexandri Lycopolitani contra manichaei opiniones disputatio. Stutgart, 1895.

Altheim F. Mazdak and Porphyrios // History of Religions. Vol. 3, No. 1 (Summer 1963). P. 1–20.

Ammianus Marcellinus. Cambridge (Massachusetts), London: Harvard University Press, 1935 (vol. I), 1940 (vol. II), 1986 (vol. III).

Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Leiden: E. J. Brill, 1964.

Anonymi auctoris Chronicon ad annum Christi 1234 pertinens. CSChO, Scriptores syri. Series tertia, tomus XIV. Paris: E Typographeo Reipublicae, 1920.

Arriani Anabasis et Indica … Reliqua Arriani, et scriptorium de rebus Alexandri M. Paris, 1846.

Assemani S. E. Acta sanctorum martyrum orientalium et occidentalium. Pars I. Roma, 1743.

B. Theodoreti episcopi cyri opera omnia. Tomus IV. Halle, 1772.

Bahar M. Glossary of Pahlavi Bundahish. Tehran: Iranian Culture Foundation, 1967.

Bailey H. W. To the Zamasp-Namak // BSOAS. Vol. 6, 1930–1932. P. 55–85.

Barthélémy A. Gujastak Abalish. Paris, 1887.

Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn: A. Marcus und E. Webers Verlag, 1922.

Beal S. Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World. Vol. I. London, 1884.

Beeston A. F. L. Problems of Sabaean Chronology // BSOAS. Vol. XVI, 1954. P. 37–56.

Blochet E. Le livre intitulé l'Oulamâ-i Islām // RHR. Vol. 37, no. 1. 1898. P. 23–49.

Boyce M. The Letter of Tansar. Roma: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1968.

Boyce M. Textual Sources for the Study of Zoroastrianism. Totowa: Barnes & Noble Books, 1984.

Braun O. Ausgewählte Akten persischer Märtyrer. München, 1915.

Brock S. P. A Brief Outline of Syriac Literature. Baker Hill, Kottayam: St. Ephrem Ecumenical Research Institute, 1997.

Brooks E. W. John of Ephesus. Lives of Eastern Saints. Paris: Firmin-Didot et C.: 1923 (I) (PO, t. XVII, fasc. 1), 1926 (III) (PO, t. XIX, fasc. 2).

Browne E. G. Some Account of the Arabic Work entitled "Niháyatu'l-irab fi akhbári'l-Furs wa'l-'Arab," particularly of that part which treats of the Persian Kings // JRAS. 1900. P. 195–259.

Brunner Ch. J. Sasanian Seals in the Moore Collection: Motive and Meaning in Some Popular Subjects // Metropolitan Museum Journal. Vol. 14 (1979). P. 33–50.

C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. I. Libri I–VI. Lipsiae, 1906.

Carmen Maksura dictum Abu Becri Mohammedis Ibn Hoseini Ibn Doreidi Azdiensis. Hafnia (København), 1828.

Chaumont M.-L. L'inscription de Kartīr à la "Kaʿbah de Zoroastre" (Texte, traduction, commentaire) // JA. Tome CCXLVIII, année 1960. P. 339–380.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции, VI. СПб, 1903.

Chavannes E. Les pays d'occident d'après le Heu Han Chou // T'oung Pao. Série II, vol. VIII. 1907. P. 149–234.

Christensen A. Le règne du roi Kawādh I et le communisme mazdakite. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1925.

Christensen A. L'empire des Sassanides. Le peuple, l'état, la cour. København, 1907.

Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague: Ejnar Munksgaard, 1944.

Chronica minora. CSChO. Scriptores syri. Series tertia, tomus IV. Parisiis, Lipsiae, 1903 (pars prior), 1904 (pars secunda), 1907 (pars tertia).

Chronicon ad annum Christi 1234 pertinens. CSChO. Scriptores syri. Series tertia, tomus XIV. Paris: e Typographeo Reipublicae, 1920.

Chronicon Paschale. Vol. I. CSHB, 16. Bonn, 1832.

Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199). Paris. T. 1, 1899. T. 2, 1901.

Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî. Leipzig, 1878.

Claudii Ptolemaei Geographia. Tom II. Leipzig, 1845.

Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. Tome II. Historiens arméniens du cinquième siècle. Paris, 1869.

Collection d'historiens arméniens. T. II. St.-Pétersbourg, 1876.

Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî. BGA, V. Leiden, 1885.

Cribb J. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // SI. T. 19, 1990. P. 151–193.

Crone P. Kavād's Heresy and Mazdak's Revolt // Iran. Vol. 29 (1991). P. 21–42.

Damascius le Diadoque. Problèmes et solutions touchant les premiers principes. Paris, 1898. T. II.

Daryaee T. A Note on the Great Seal of Pērōz and Middle Persian *nycny* // Indo-Iranian Journal. 48, 2005. P. 195–197.

Daryaee T. Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. London, New York: I. B. Tauris, 2009.

Daryaee T. Šahrāstānīhā-ī Ērānšahr. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History. Costa Mesa: Mazda Publishers, 2002.

Daryaee T., Safdari K. A Bulla of the Ērān-Spāhbed of Nēmrōz // Nāmvarnāmeh. Papers in Honour of Massoud Azarnoush. Tehran: IranNegar, 2012. P. 163–166.

Daryaee T., Safdari K. Spāhbed Bullae: The Barakat Collection // e-Sasanika. 7, 2010.

Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishâk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hischâm. I Bd. Göttingen, 1859.

De Biberstein Kazimirski A. Dictionnaire arabe-français. Paris, 1860.

De S. Cholinduch martyre Hierapoli, ut videtur, in Syria Sylloge historica // Acta Sanctorum Julii. T. III. Antverpen, 1723. P. 509–512.

De sanctis martyribus Desa episcopo, Mariabo presbytero, Abdieso et aliis CCLXX bizabdensibus in Perside sub Sapore occisis // Acta Sanctorum Aprilis. T. I. Antverpen, 1675. P. 821–822.

De Sancto Isbozeta martyre in Perside // Acta Sanctorum Novembris. T. IV. Bruxelles: apud Socios Bollandianos, 1925. P. 191–216.

Delahaye H. Les versions grecques des martyrs persans sous Sapor II // PO. T. II, fasc. 4, no. 9. Turnhout: Brepols, 1981.

Der Bundehesn. Leipzig, 1868.

Derbend-Nâmeh or the History of Derbend. St. Petersburg, 1851.

Descriptio imperii moslemici auctore al-Mokaddasi. BGA, III. Leiden, 1906.

Description géographique de la Géorgie par le tsarévitch Wakhoucht. S.-Pétersbourg, 1842.

Deux historiens arméniens. Kirakos de Gantzac, XIIIe s., Histoire d'Arménie; Oukhtanès d'Ourha, Xe s. St.-Pétersbourg, 1870.

Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt. CSHB, 14. Bonn, 1829.

Dhalla M.N. History of Zoroastrianism. New York: Oxford University Press, 1938.

Die Chronik von Arbela. Leuven: E. Peeters, 1985.

Die Sekten der Schī'a von al-Ḥasan Ibn Mūsā an-Naubaḫtī. Istanbul: Staatsdruckerei, 1931.

Dignas B., Winter E. Rome and Persia in Late Antiquity. Neighbours and Rivals. Cambridge: University Press, 2007.

Dinkart. Book III. Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976.

Dinkart. Books IV & V. Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976.

Dinkart. Books 4–9. Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976.

Diodori Bibliotheca historica. Vol. IV. Stutgart, 1906.

Dio's Roman History. Vol. IX. London: William Heinemann, New York: G.P. Putnam's sons, 1927.

Djâhiẓ. Le livre de la couronne (Kitab el Tadj). Le Caire, 1914.

Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226±363). London, New York: Routledge, 1991.

Dozy R. P. M. A. Supplément aux dictionnaires arabes. Leiden, Paris: Maisonneuve frères, 1927.

Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. Paris: Presses universitaires de France, 1962.

Dussaud R. Inscription nabatéo-arabe d'en-Nemâra // Revue archéologique. Troisième série, tome XLI. 1902. P. 409–421.

Eliae Metropolitae Nisibeni Opus chronologicum. Paris, Leipzig, 1909 (pars posterior. CSChO. Scriptores Syri. Series tertia, t. VII), 1910 (pars prior, CSChO. Scriptores Syri. Series tertia, t. VIII).

Eliseo storico armeno del quinto secolo. Venezia, 1840.

Épître historique du R. Scherira Gaon. Anvers, 1904.

Eusebius Werke. I Bd. I T. Über das Leben des Kaisers Konstantin. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.

Eutropii Breviarium historiae romanae. Bucureşti: Tipografia «Bucovina», I. E. Torouţiu, 1936.

Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars I. CSChO. Scriptores Arabici. Series tertia, t. VI. Beyrouth, Paris, Leipzig, 1906.

Evagrii Scholastici Epiphaniensis et ex praefectis ecclesiasticae historiae libri sex. Oxford, 1844.

Faravashi B., Pahlavi Persian Dictionary. Tehran: Iranian Culture Foundation, 1967.

Farraxvmart ī Vahrāmān. The Book of a Thousand Judgements (A Sasanian Law-Book). Costa Mesa: Mazda Publishers, 1997.

F.L. Dextri necnon Pauli Orosii hispanorum chronologorum opera omnia. PL, 31. Paris, 1846.

Ferdowsi's Shahname. Teheran: Beroukhim, 1935.

Firdusii Liber regum qui inscribitur Schahname. Tomus I. Leiden, 1877.

Flavii Josephi Opera. Paris, 1865.

Fragmenta historicorum graecorum. Vol. IV. Paris, 1851.

Faravashi B. Pahlavi Persian Dictionary. Tehran: Iranian Culture Foundation, 1967.

Fück J. Sechs Ergänzungen zu Sachaus Ausgabe von al-Bīrūnīs „Chronologie Orientalischer Völker" // Documenta islamica inedita. Berlin: Akademie-Verlag, 1952.

Gagé J. La montée des Sassanides et l'heure de Palmyre. Paris: Albin Michel, 1964.

Garbers K. Eine Ergänzung zu Sachaus Ausgabe von al-Birūnīs „Chronologie orientalischer Völker" // Documenta islamica inedita. Berlin: Akademie-Verlag, 1952.

Garitte G. La passion géorgienne de Sainte Golindouch // AB. T. LXXIV, fasc. I-II, 1956. P. 405–440.

Gaube H. Mazdak: Historical Reality or Invention // Studia Iranica. Tome 11, 1982. P. 111–122.

Geographi graeci minores. Paris, 1855 (vol. I), 1861 (vol. II).

Géographie d'Aboulféda. Paris, 1840.

Georgius Cedrenus. T. I. CSHB, 34. Bonn, 1838.

Georgius Syncellus et Nicephorus CP. Vol. I. CSHB, 12. Bonn, 1829.

Gignoux Ph. D'Abnūn à Māhān. Étude de deux inscriptions sassanides // SI. T. 20 – 1991. P. 9–22.

Gignoux Ph. L'inscription de Kartir à Sar Mašhad // JA. T. CCLVI, 1968. P. 387–419.

Gihan-numa, geographia orientalis. London, 1818.

Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum. T. I. Leuven, 1872. T. III. Paris, Leuven, 1877.

Grignaschi M. Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul // JA. T. CCLIV, 1966. P. 1–142.

Gyselen R. Acta Iranica. Sasanian Seals and Sealings in the A. Saeedi Collection. Leuven: Peeters, 2007.

Gyselen R. Great-Commander (*vuzurg-framadār*) and Court Counsellor (*dar-andarzbed*) in the Sasanian Empire (224–651): The Sigillographic Evidence. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2008.

Gyselen R. La reconquête de l'est iranien par l'empire sassanide au VIe s. d'après les sources «iraniennes» // Arts asiatiques. T. 58, 2003. P. 162–167.

Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001.

Gyselen R., Gasche H. Suse et Ivān-e Kerkha, capitale provinciale d'Ērān-xwarrah-Šāpūr // SI. T. 23, 1994. P. 19–35.

Haloun G., Henning W. B. The Compendium of the Doctrines and Styles of the Teaching of Mani, the Buddha of Light // AM. No. 3. 1953. P. 184–212.

Hamzae Ispahanensis Annalium libri X. T. I. Petropoli, Leipzig, 1844.

Henning W. B. Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus // ZDMG. N. 90. 1936. S. 1–18.

Henning W. B. The Book of the Giants // BSOAS. Vol. XI, part 1, 1943. P. 52–74.

Henning W. B. Selected Papers. Téhéran-Liège: Bibliothèque Pahlavi, 1977.

Herodiani ab excessu divi Marci libri octo. Leipzig, 1855.

Herodotus. Vol. II. Books III and IV. London: William Heinemann, New York: G.P. Putnam's Sons, 1928.

Herrmann A. Die Hephtaliten und ihre Beziehungen zu China // AM. II, 3-4, 1925. S. 564–580.

Herzfeld E. Archaeological History of Iran. Oxford: University Press, 1934.

Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins. Memoirs of the Archaeological Survey of India, No. 38. Calcutta: Government of India, Central Publication Branch, 1930.

Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early Ages of the Sasanian Empire. Berlin: Dietrich Reimer / Ernst Vohsen, 1924.

Het leven van Johannes van Tella door Elias. Leiden, 1882.

Hirth F. China and the Roman Orient. Leipzig, München, Shanghai, Hongkong, 1885.

Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle. 1-re partie. S.-Pétersbourg, 1849.

Histoire de la Siounie par Stéphannos Orbélian. Saint-Pétersbourg, 1864.

Histoire de Mar Jabalaha, de trois autres patriarches, d'un prêtre et de deux laïques, nestoriens. Leipzig, 1896.

Histoire d'Arménie par le patriarche Jean VI dit Jean Catholicos. Paris, 1841.

Histoire des rois des Perses par Aboû Mansoûr ʿAbd al-Malik Ibn Mohammad Ibn Ismâʿil al-Thaʿâlibî. Paris, 1900.

Histoire des Sassanides par Mirkhond. Paris, 1843.

Histoire nestorienne (Chronique de Séert). Partie I. PO. T. IV, fasc. 3, No. 17. Paris, 1907; partie 2 (1). PO. T. VII, fasc. 2. Paris: Firmin Didot et Cie, 1950; partie 2 (2). PO. T. XIII, fasc. 4, No. 65. Turnhout: Brepols, 1983.

Histoires d'Ahoudemmeh et de Marouta métropolitains jacobites de Tagrit et de l'Orient (Ve et VIIe siècles) suivies du traité d'Ahoudemmeh sur l'homme. PO. T. III, fasc. 1, No. 11. Paris, 1905.

Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta. II. CSChO. Scriptores Syri. Series tertia, tomus VI. Paris: e Typographeo Reipublicae, 1921.

History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. Paris: UNESCO, 1996.

Hoffmann G. Auszüge aus syrischen Akten persischen Märtyrer. Leipzig, 1880.

Honigmann E., Maricq A. Recherches sur les *Res Gestae divi Saporis* // Lettres. T. XLVII, fasc. 4. 1952.

Ḥudūd al-ʿĀlam. 'The Regions of the World'. London: Luzac & Co., 1937.

Ibn 'Abd al-Munʿim al-Ḥimyarī. Kitāb al-Rawḍ al-Mi'ṭār fī Khabar al-Aqṭār. Beyrouth: Librairie du Liban, 1975.

Ibn al-Muǧāwir. Descriptio Arabiae meridionalis. Pars posterior. Leiden: E.J. Brill, 1954.

Ibn Hazm al-Andalusi. Djamharat Ansab al-‘Arab. Le Caire: Éditions al Maaref, 1948.

Ibn Khaldûn. The Muqaddimah. Vol. I. London: Routledge and Kegan Paul, 1958.

Ibn Qotaiba. Liber poësis et poëtarum. Lugduni-Batavorum, 1904.

Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja‘qubī, Historiae.... Leiden: E.J. Brill, 1969.

Incerti auctoris Chronicon Pseudo-Dionysianum vulgo dictum. Vol. I. CSChO, 91. Scriptores syri, 43. Paris: E Typographeo Reipublicae, 1927. Vol. II. CSChO, 104. Scriptores syri, 53 Paris: E Typographeo Reipublicae, 1933.

Ioannes Lydus. CSHB, 31. Bonn, 1837.

Ioannis Malalae Chronographia. CSHB, 15. Bonn, 1831.

Ioannis Zonarae Epitome historiarum. Vol. III. Leipzig, 1870.

Iulianos der Abtruennige. Syrische Erzaehlungen. Leiden, 1880.

Iustinus. Trogi Pompei Historiarum philippicarum epitoma. Leipzig, 1849.

Jâmâspi, Pahlavi, Pâzend and Persian Texts. Bombay, 1903.

Julien S. Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs) // JA. 6-ème série, tome III. 1864. P. 325–367.

Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

Kapadia D. Glossary of Pahlavi Vendidad. Bombay, 1953.

Kâtib Çelebi. Keşf-el-Zunun. Istanbul: Maaref matbaası, 1941.

Khurshudian E., Zohrabian A. Sassanian Coins of Armenia. Almaty: Desht-i Qypchaq, 2002.

Kitâb al-A‘lâk an-Nafîsa auctore ... Ibn Rosteh et Kitâb al-Boldân auctore ... al-Jakûbî. BGA, VII. Leiden, 1892.

Kitâb al-Mâ‘arif d’Ibn Qutayba. Le Caire: Ministère de la culture et d’orientation nationale, 1960.

Kitâb al-Masâlik wa’l-Mamâlik auctore … Ibn Khordâdhbeh et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja‘far. BGA, VI. Leiden, 1889.

Kitab al-ʿUnvan. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj. Paris, 1911 (Seconde partie (I). PO. T. VII, fasc. 4), 1912 (Seconde partie (II). PO. T. VIII, fasc. 3).

Kitāb al-Rawḍ al-Mi‘ṭār Fī Khabar al-Aqṭār. Beyrouth: Librairie du Liban, 1975.

Kitâb at-Tanbîh wa’l-Ischrâf auctore al-Masûdî. BGA, VIII. Leiden, 1894.

Kitāb fī Tahqīq-ī-Mā li’l-Hind or Al-Bīrūnī’s India. Andhra Pradesh: The Dairatu’l-Ma‘arifi’l-Osmania, 1958.

Klíma O. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1957.

Kugener M.-A., Cumont F. Recherches sur le manichéisme. II. Extrait de la CXXIIIe homélie de Sévère d'Antioche. III. L'inscription de Salone. Bruxelles, 1912.

Lane E. W. An Arabic-English Lexicon. Beirut: Librairie du Liban, 1968.

Latáifo 'l ma'árif, auctore … at-Tha'álibí. Leiden, 1867.

Le livre de la chasteté composé par Jésusdenah, évêque de Baçrah. Roma, 1896.

Le livre des beautés et des antithèses attribué à Abu Othman Amr Ibn Bahr al-Djahiz de Basra. Leyde, 1898.

Le Talmud. Traité Pessahim. Paris: Verdier, 1986.

Le troisième livre du Dēnkart. Paris: Librairie C. Klinksieck, 1972.

Les Actes de Mār Māri. CSChO. Scriptores syri. T. 234. Leuven: Peeters, 2003.

Les idoles de Hicham Ibn al-Kalbi. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1969.

Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa Ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. T. V. Leipzig, 1850.

Libanii Opera. Leipzig, 1903 (Vol. I, fasc. I), 1904 (Vol. II).

Liber expugnationis regionum auctore … al-Beládsorí. Pars I. Leiden, 1863.

Liber Mafâtîh al-Olûm ... auctore ... al-Khowarezmi. Leiden, 1895.

Liber superiorum seu Historia monastica auctore Thoma episcopo margensi. Paris, Leipzig, 1901.

Lubb-it Tavarich seu Medulla historiarum auctore Ommia Jahhia Abd-Ullatifi filio, Kazbiniensi... // Magazin für die neue Historie und Geographie. 17 Th. Halle, 1783. S. 1–180.

Maçoudi. Les prairies d'or. Paris, 1861 (t. I), 1863 (t. II), 1864 (t. III), 1865 (t. IV).

Macrobe (Œuvres complètes). Varron (De la langue latine). Pomponius Méla (Œuvres complètes). Paris, 1883.

Manichaean Texts from the Roman Empire. Cambridge: University Press, 2004.

Manuscript D39. Mātikān i Hazār Dātastān & 4 Handarz Texts. Shiraz: Asia Institute of Pahlavi University, 1976.

Mar Barhadbšabba 'Arbaya. Cause de la fondation des écoles // PO. T. IV, fasc. 4. No. 18. Turnhout: Brepols, 1981. P. 319–404.

Maricq A. Classica et orientalia. 5. Res gestae Divi Saporis (Pl. XXIII – XXIV) // Syria. Année 1958. Volume 35. Numéro 3. P. 295–360.

Maris Amri et Slibae de Patriarchis nestorianorum Commentaria. Pars I. Maris textus arabicus. Roma, 1899. Pars II. Amri et Slibae textus. Roma, 1906.

Marquart J. Beiträge zur Geschichte und Sage von Erān // ZDMG. N. 49, 1895. S. 628–672.

Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac‘i. Berlin, 1901.

Marquart J., Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Marseille J. Nouvelle histoire de la France. I. De la Préhistoire à la fin de l’Ancien Régime. Paris: Perrin, 2002.

Martyrium Sancti Arethae et sociorum in civitate Negran // Acta Sanctorum Octobris. Bruxelles, 1864. P. 721–762.

Mediaeval Jewish Chronicles. Oxford, 1887.

Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10th – 11th Centuries. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd, 1958.

Minorsky V., Ḥudūd al-‘Ālam. 'The Regions of the World.' A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. London: Luzac & Co., 1937.

Minorsky V. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene // BSOAS. Vol. 11, no. 2 (1944). P. 243-265.

Modi J. J. Mazdak, the Iranian Socialist // The Dastur Hoshang Memorial Volume. Bombay: Fort Printing Press, 1918.

Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi, t. XI. Chronica minora. Saec. IV. V. VI. VII. Vol II. Berlin, 1894.

Mordtmann A. D. Erklärung der Münzen mit Pehlvi-Legenden. Leipzig, 1853.

Moses Khorenats‘i. History of the Armenians. London, Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1980.

Muǧmal at-tawārīḫ wa-’l-qiṣaṣ: eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000.

Müller F. W. K. Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan. Chinesisch-Turkistan. II Teil // Sitzungsberichte der königlichen preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1904. II Halbband. Berlin, 1904. S. 3–117.

Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century, by Evliya Efendi. Vol. II. London, 1850.

Nashwat aṭ-Ṭarab fī Tārīkh Gāhiliyyat al-‘Arab by Ibn Sa’id al-Andalusi. Amman: Al-Aqsa Library, 1982.

Nau F. La seconde partie de l’histoire ecclésiastique de Barḥadbešabba ‘Arbaïa et une controverse de Théodore de Mopsueste avec les Macédoniens // PO. T. IX. Paris, 1913. P. 489–677.

Nau F. Histoire de Barhadbešabba ‘Arbaia (1ère partie) // PO. T. XXIII. Paris: Firmin-Didot et C., 1932.

New Edition of the Babylonian Talmud. New York: The Talmud Publishing Company, 1901 (Vol. IV (XII)), 1903 (Vol. X (XVIII)); Boston: The Talmud Society, 1918 (Vol. I).

Nirangistan. Bombay, 1894.

Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.

Noshirvan K. A. D. Yûnân Dastûr's Epistle to Khusrû Kavâtân // The Dastur Hoshang Memorial Volume. Bombay: Fort Printing Press, 1918. P. 494–508.

Nyberg H. S. A Manual of Pahlavi. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964 (Part I), 1974 (Part II).

Omar Khayyâm. Nowrūz Nāmah. Tehran: Kaveh Bookshop, 1933.

Ostrogorsky G. Histoire de l'état byzantin. Paris: Payot, 1956.

Œuvres complètes de Tacite. Tome premier. Annales. Paris, 1875.

Pahlavi Texts. Part I. Oxford, 1880 (SBE, V). Part II. Oxford, 1882 (SBE, XXIII). Part III. London, 1885 (SBE, XXIV).

Parise F. The Book of Calendars. Piscataway: Gorgias Press, 2002.

Parthian Stations by Isidore of Charax. Philadelphia, 1914.

Passio S. Mart. Sirae // Acta Sanctorum Maii. T. IV. Antverpen, 1685. P. 172–183.

Pauli Orosii historiarum adversus paganos libri VII. Leipzig, 1889.

Pauthier M. G. Examen méthodique des faits qui concernent le Thian-tchu, ou l'Inde. Paris, 1840.

Pâzend Texts. Bombay, 1909.

Perkins J. A Residence of Eight Years in Persia, among the Nestorian Christians. Andover, 1843.

Peters P. S. Ražden le Persan // AB. T. XXXIII, 1914. P. 294–317.

Philostorgius Kirchengeschichte. Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, Bd. 21. Leipzig, 1913.

Plutarch's Lives. Vol. III. London, William Heinemann Ltd., New York: G.P. Putnam's Sons, 1932.

Pognon H. Inscriptions mandaïtes des coupes de Khouabir. Paris, 1898.

Polotsky H. J. Manichäische Homilien. Manichäische Handschriften der Sammlung A. Chester Beatty. Bd. I. Stuttgart: Verlag von W. Kohlhammer, 1934.

Procopius. Vol. III. CSHB, 19. Bonn, 1838.

Procopius. London, New York, 1914 (Vol. I), 1916 (Vol. II).

Procopius. Vol. V. History of the Wars. Books VII (continued) and VIII. London: William Heinemann Ltd., Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962.

Quintus Curtius Rufus. Life and Exploits of Alexander the Great. New York, 1883.

Richter-Bernburg L. Mani's Dodecads and Sasanian Chronology: Kephalaia, Shāpūragān, and Codex Manichaicus Coloniensis // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. N. 95 (1993). S. 71–80.

Rostovtzeff M. I. Res gestae Divi Saporis and Dura // Berytus, 1943. P. 17–60.

Ryckmans G. Inscriptions sud-arabes // Le Muséon. LXVI (3-4), 1953. P. 267–317.

Ryckmans J. Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie Centrale // Le Muséon. LXVI (3-4), 1953. P. 319–342.

Ryckmans J. La persécution des chrétiens himyarites au sixième siècle. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch Instituut in het Nabije-Oosten, 1956.

S. Aurelii Augustini hipponensis episcopi De haeresibus ad Quodvultdeum liber unus // PL, 42. Paris, 1841. Col. 21–50.

S. Epiphanii episcopi constantientis Panaria. Tomi prioris pars posterior. Berolini, 1860.

S. Simeon Bar Sabba'e // PS. Pars prima, tomus secundus. Paris, 1907. P./col. 661–1047.

Sancti Eusebii Hieronymi stridonensis presbyteri opera omnia. T. VIII. PL, 27. Paris, 1866.

Sancti Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Breviarium rerum post Mauricium gestarum. CSHB, 32. Bonn, 1837.

Sancti Prosperi Aquitani … Opera omnia. T. I. Venezia, 1744.

Schefer Ch. Chrestomathie persane. Tome premier. Paris, 1883.

Scriptores historiae romanae minores sex. Leipzig, 1833.

Sehir-Eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan and Masanderan. Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meers. I Theil. St.-Petersburg, 1850.

Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Trustees for Harvard University, 1984.

Shaki M. The Cosmogonical and Cosmological Teachings of Mazdak // AI. Deuxième série, vol. XI. 1985. P. 527–543.

Shikand-Gûmânîk Vijâr. Bombay, 1887.

Shums-ool-Loghat or a Dictionary of the Persian and Arabic Languages. Vol. I. Calcutta, 1806.

Siyar al-Mulūk ... of Niẓām al-Mulk. Persian Texts Series, No. 8. Tehran: B.T.N.K., 1962.

Smith S. Events in Arabia in the 6th Century A.D. // BSOAS. Vol. XVI, 1954. P. 425–468.

Socrates. Kirchengeschichte. Berlin: Akademie Verlag, 1995.

Solwan or Waters of Comfort by Ibn Zafer, A Sicilian Arab of the Twelfth Century. London, 1852.

Sources syriaques. Vol. I. Mossoul, Leipzig, 1908.

Sozomenus. Kirchengeschichte. Berlin: Akademie Verlag, 1995.

Specht E. Études sur l'Asie Centrale d'après les historiens chinois // JA. Huitième série, tome II. 1883. P. 317–350.

Sprengling M. Third Century Iran. Sapor and Kardir. Chicago: Oriental Institute, University of Chicago, 1953.

Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary. London, 1892.

Synodicon orientale ou Recueil des synodes nestoriens. Paris, 1902.

Syriac Chronicles. Chronica minora III. Baghdad: Iraqi Academy, 1983.

Tandon P. The Location and Kings of Pāradān // SI. T. 41 (2012), fasc. 1. P. 25–56.

Tārikh e Banākatī. Tehran: The Society of National Monuments of Iran, 1969.

Tārikh-e Yazd. Tehran: B.T.N.K., 1960.

Táríkh-i-Kirmán (History of Kirman) known as *Sálárívya* of Ahmad ‘Alí Khán-i-Vazírí. Tehran: Persian Book Company, 1961.

The Armenian History Attributed to Sebeos. Liverpool: University Press, 1999.

The Book of Arda Viraf. Bombay, London, 1872.

The Book of Creation and History by Motahhar b. Tahir al-Maqdisi. Vol. 3. Tehran: al-Asadi, 1962.

The Book of the Himyarites. Lund: C. W. K. Gleerup et al., 1924.

The Book of the Mainyo-i-Khard. Stuttgart, London, 1871.

The Bûndahishn. Bombay, 1908.

The Cambridge History of Iran. Volume 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

The Canons Ascribed to Mārūtā of Maipherqaṭ. Leuven: E. Peeters, 1982.

The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. Cambridge, 1909.

The Cologne Mani Codex (P. Colon. Inv. Nr. 4780) “Concerning the Origins of His Body”. Missoula: Scholars Press, 1979.

The Complete Text of the Pahlavi Dinkard. Bombay, 1911.

The Dînâ î Maînû î Khrat, or The Religious Decisions of the Spirit of Wisdom. Bombay, 1895.

The Dinkard. Bombay, 1874 (Vol. I.), 1876 (Vol. II), 1881 (Vol. III), 1883 (Vol. IV), 1888 (Vol. V); 1894 (Vol. VII); 1900 (Vol. IX); London, 1911 (Vol. XII), 1912 (Vol. XIII), 1913 (Vol. XIV), 1916 (Vol. XV); London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1917 (Vol. XVI); Bombay: British India Press, 1926 (Vol. XVIII), 1928 (Vol. XIX).

The Epistles of Mânûshchîhar. Bombay, 1912.

The Fársnáma of Ibnu’l-Balkhí. London: Luzac & Co., 1921.

The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulūb composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazvīn in 740 (1340). “E. J. W. Gibb Memorial” Series. Vol. XXIII. Leyden, London, 1915.

The Geography of Strabo. London: William Heinemann Ltd., Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1928 (Vol. V), 1929 (Vol. VI), 1930 (Vol. VII).

The History of the Ancient Iran as Narrated by al-Bal'ami. Tehran: Library – Khayam, 1959.

The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela. London, Berlin, 1841.

The Karnamak i Artakhshir i Papakan. Tehran: Danesh, 1950.

The Nestorians of Persia. Philadelphia, 1848.

The Pahlavi Codex K35. Second Part containing the Epistles of Manuschihr and the Selections of Zādh-Sparam. København: Levin & Munksgaard, 1934.

The Pahlavi Rivāyat Accompanying the Dādestān ī Dēnīg. København: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 1990.

The Pahlavi Texts. II. Bombay, 1913.

The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and Others. Bombay: K. R. Cama Oriental Institute, 1932.

The Purana Text of the Dynasties of the Kali Age. London, 1913.

The Raghuvams'a of Ka'lida'sa. Cantos I–X. Bombay: Gopal Narayen & Co., 1922.

The Scriptores Historiae Augustae. Cambridge, Massachusetts – London: Harvard University Press, 1921 (Vol. I.), 1924 (Vol. II), 1932 (Vol. III).

The Shah Nameh. Vol. I. Calcutta, 1829.

The Tajârib al-Umam or History of Ibn Miskawayh. Vol. I. "E. J. W. Gibb Memorial" Series. Vol. VII, I. Leiden, London, 1909.

The Ta'ríkh-i-Guzída or "Select History" of Hamidu'llah Mustawfí-i-Qazwíní. Vol. I. London, Leyden, 1910.

The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus. Oxford, 1853.

The Works of the Emperor Julian. London: William Heinemann, New York: G. P. Putnam's Sons, 1923.

The Zend-Avesta. Part I. SBE, 4. Oxford, 1880. Part II. SBE, 23. Oxford, 1882.

Theophanis Chronographia. CSHB, 39. Vol. I. Bonn, 1839.

Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo. CSHB, 22. Bonn, 1834.

Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1896.

Titi Bostreni quae ex opere contra manichaeos edito in codice hamburgensi servata sunt graece. Berolini, 1859.

Toumanoff C. Chronology of the Early Kings of Iberia // Traditio. Vol. 25 (1969). P. 1–33.

Translation of Zand-i Khūrtak Avistāk. Bombay: The K. R. Cama Oriental Institute, 1963.

'Uyūn al-Aḫbār by Ibn Qutayba. Cairo: National Library Press, 1996.

Valentine A. Sassanian Coins. London: Spink & Son. Ltd., 1921.

Vendidâd. Vol. I – The Texts. Bombay, 1907.

Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore … al-Istakhrí. BGA, 1. Leiden: E. J. Brill, 1927.

Wallis Budge F. S. A. The Book of Governors: the Historia monastica of Thomas of Margâ A.D. 840. Vol. I. London, 1893.

Wieger L. Textes historiques. Histoire politique de la Chine depuis l'origine jusqu'en 1929. Hien-Hien: Imprimerie de Hien-Hien, 1929.

Winstedt R. O. History of Kedah // Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society. No. 81, March 1920. P. 29–35.

Wright W. The Chronicle of Joshua the Stylite. Amsterdam: Philo Press, 1968.

Yāqūt al-Rūmī. Muʻdjam al-Buldān. Beyrouth: Dar Sader, Dar Beyrouth, 1957.

Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Th. 2. Die Denkmäler der Länder. Göttingen, 1848.

Zosimus. CSHB, 30. Bonn, 1837.

Ανεκδοτα ou Histoire secrète de Justinien traduite de Procope. Paris, 1856.

Абу Хамид ал-Газали. Фадаих ал-батинийя [Постыдные дела ищущих внутренний смысл]. Каир: ад-Дар ал-каумийя ли-т-тибаа ва-н-нашр, 1964.

Ал-Ахбар ат-тивал. Талиф ... ад-Динавари [Долгие сообщения. Сочинение ... ад-Динавари]. Каир: Визарат ас-сакафа ва-л-иршад ал-кауми, ал-Идара ал-амма ли-с-сакафа, 1960.

Ал-Иштикак ли … Ибн Дурайд [Происхождение названий … Ибн Дурайда]. Бейрут: Дар ал-джил, 1991.

Ал-Камил фи-т-тарих ли ... Ибн ал-Асир [Совершенное [изложение] истории ... Ибн ал-Асира]. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийя, 1987.

Ал-Махасин ва ал-масави. Талиф … ал-Байхаки [Достоинства и пороки. Сочинение … ал-Байхаки]. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийя, 1999.

Ал-Милал ва-н-нихал. Талиф … аш-Шахрастани [Религиозные законы и вероучения. Сочинение … аш-Шахрастани]. Бейрут: Дар ал-марифа, 1993.

Ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук ва-л-умам ли ... Ибн ал-Джаузи [Упорядоченная история царей и народов... Ибн ал-Джаузи]. Ч. 2. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийя, 1992.

Ал-Фихрист ли Ибн ан-Надим [Каталог Ибн ан-Надима]. Каир: ал-Матбаʻа ар-рахманийя би-Миср, 1348 г.х. (1929/1930).

Андарз-и-Хосров Кубадан [Поучение Хосрова, сына Кавада]. Тегеран: Чапханэ-йе-Пактчи, 1326 г.дж. (1947/1948).

Ансаб ал-ашраф. Тасниф … ал-Балазури [Родословные знатных людей. Сочинение … ал-Балазури]. Каир: Дар ал-маариф, 1987. Ч. 1.

Асар Ибн ал-Мукаффа [Сохранившиеся сочинения Ибн ал-Мукаффа]. Бейрут: Дар ал-Кутуб ал-арабийя, 1989.

Дабистан-и-мазахиб [Училище учений]. Лакхнау, 1877.

Диван Имри-л-Кайс [Собрание стихов Имру-л-Кайса]. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 2004.

Китаб ал-агани ли-л-имам Аби-л-Фарадж ал-Исфахани [Книга песен имама Абу-л-Фараджа ал-Исфахани]. Каир, 1905.

Китаб ал-ахкам ас-султаниййа ва-л-вилайат ад-диниййа. Талиф … ал-Маварди [Книга о повелениях правителей и религиозных установлениях. Сочинение … ал-Маварди]. Эль-Кувейт: Мактабат Дар Ибн Кутайба, 1989.

Китаб дабистан ал-мазахиб [Книга училища учений]. Б.м., 1846.

Китаб джамхарат ал-луга ли … Ибн Дурайд [Словарь … Ибн Дурайда]. Бейрут: Дар ал-илм ли-л-малайин, 1987.

Китаб ал-икд ал-фарид. Талиф ... Ибн Абд Раббихи ал-Андалуси [Книга неповторимого ожерелья. Сочинение ... Ибн Абд Раббихи ал-Андалуси]. Бейрут: Ладжнат ат-талиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1965.

Китаб ал-масалик ва-л-мамалик ли Аби Убайд ал-Бакри [Книга путей и государств Абу Убайда ал-Бакри]. Тунис: ад-Дар ал-арабиййа ли-л-китаб, ал-Муассаса ал-ватаниййа ли-т-тарджама ва-т-тахкик ва-д-дирасат, 1992.

Китаб ал-муджам фи асар мулук ал-аджам [Книга собрания [известий] о следах [деяний] царей персов]. Рукопись. Б.м., шабан 1286 г.х. (1869).

Китаб сурат ал-ард ли Ибн Хаукал [Книга облика земли Ибн Хаукала]. Бейрут: Дар Мактабат ал-хайат, 1979.

Китаб ат-табакат ал-кабир ли … аз-Зухри [Большая книга разрядов … аз-Зухри]. Каир: Мактабат ал-Ханджи, 2001. Ч. 4.

Китаб тарих Кум. Талиф … Куми [Книга об истории Кума. Сочинение … Куми]. Тегеран: Матбаэ-йе-Маджлис, 1313 г.дж. (1934/1935).

Китаб ат-тиджан фи мулук Химйар ан Вахб Бин Мунаббих … [Книга корон о царях Химьяра со слов Вахба Ибн Мунаббиха …]. Сана: Марказ ад-дирасат ва-л-абхас ал-йаманиййа, 1979.

Китаб ал-футух ли … ал-Куфи [Книга завоеваний … ал-Куфи]. Бейрут: Дар ал-адва, 1991.

Китаб шуара ан-насраниййа [Книга христианских поэтов]. Ч. 1. Бейрут, 1890.

Муджам ал-удаба. Иршад ал-ариб ила марифат ал-адиб. Талиф Якут ал-Хамави ар-Руми [Справочник по учёным и образованным людям. Направление умного к знанию об учёном и образованном. Сочинение Якута ал-Хамави ар-Руми]. Бейрут: Дар ал-Гарб ал-ислами, 1993.

Муджам аш-шуара (*айн–йа*) ли-л имам … ал-Марзубани [Справочник поэтов (буквы *айн–йа*) имама … ал-Марзубани]. Ал-Муталиф ва-л-мухталиф фи асма аш-шуара … ва бад шири-хим ли-л имам … ал-Амиди [Согласующееся и различающееся в именах поэтов … и неко-

торых их стихах … имама … ал-Амиди]. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 1982.
Муджам ма истаджам мин асма ал-билад ва-л-маваки. Талиф ... ал-Бакри [Справочник того, что малопонятно из названий стран и мест. Сочинение … ал-Бакри]. Бейрут: Алам ал-кутуб, 1983.
Мулук Химйар ва акйал ал-Йаман. Касидат Нашван … ал-Химйари [Цари Химьяра и правители Йемена. Касыда Нашвана … ал-Химьяри]. Бейрут: Дар ал-Авда, 1978.
Мунтахаб Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат [Избранное из [книги] «Собрания рассказов и блестящие повествования»]. Ч. 1. Тегеран: Бонгах-и-эльми, 1324 г.дж. (1945/1946).
Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джаухар фи-т-тарих. Талиф … ал-Масуди [Промывальни золота и рудники драгоценных камней в [изложении] истории]. Каир: Илтизам Абд ар-Рахман Мухаммад, 1346 г.х. (1927/1928).
Мухтарат Ибн аш-Шаджари ли … Ибн аш-Шаджари [Избранные [произведения] аш-Шаджари [составленные] Ибн аш-Шаджари] . Каир: Матбаат ал-Итимад, 1925.
Насаб Мадд ва-л-Йаман ал-кабир ли … Хишам … ал-Калби [Большая родословная маддитских и йеменских арабов … Хишама … ал-Калби]. Бейрут: Алам ал-кутуб, Мактабат ан-нахда ал-арабиййа, 1988.
Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб. Таалиф... ан-Нувайри [Предел желаний в искусствах словесности. Сочинение... ан-Нувайри]. Т. 15. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 2004.
Панднамэ-йе-Ануширван [Поучение Ануширвана]. Тегеран: Матбаэ-йе-Михр, 1312 г.дж. (1933/1934).
Рисалат Ибн Фадлан [Трактат Ибн Фадлана]. Дамаск: ал-Маджма ал-илми ал-араби би-Димашк, 1959.
Табакат-и-насири Таалиф... кади Минхадж Сирадж [Насирские разряды. Сочинение... судьи Минхаджа Сираджа]. Т. 1. Кабул: Анджоман-и-тарих-и-Афганистан, 1342 г.дж. (1963/1964).
Тавкиат-и-Кисра [Рескрипты Хосрова]. Б.м., 1261 г.х. (1845).
Тавкиат-и-Кисра [Рескрипты Хосрова]. Канпур, 1874.
Таджариб ал-умам ва таакуб ал-химам. Талиф … Мискавайх [Опыт народов и чередование забот. Сочинение … Мискавейха]. Ч. 1. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 2003.
Тарих ахл Уман [История жителей Омана]. Б.м.: Визарат ат-турас ал-кауми ва-с-сакафа (Салтанат Уман), 1980.
Тарих … Зайн ад-дин Умар Ибн ал-Уарди [История … Зайн ад-дина Умара Ибн ал-Уарди]. Каир, 1285 г.х. (1868/1869).

Тарих-и-Балами [История Балами]. Тегеран: Чапханэ-и-данешкида, 1341 г.дж. (1962/1963).

Тарих-и-Гардизи [История Гардизи]. Тегеран: Донйа-и-китаб, 1363 г.дж. (1984/1985).

Тарих Ибн Халдун [История Ибн Халдуна]. Бейрут: Дар ал-фикр. 2000. Т. 2.

Тарих-и-Руйан. Талиф Мавла-на Авлияуллах [История Руйана. Сочинение Мавла-на Авлияуллаха]. Тегеран: Китабханэ-йе-Эгбал, 1282 г.дж. (1903/1904).

Тарих-и-Систан [История Систана]. Тегеран: Мухаммад Рамадани Сахиб Муассаса-и-Хавор, 1314 г.дж. (1935/1936).

Тарих-и-Табаристан. Талиф … Ибн Исфандияр [История Табаристана. Сочинение … Ибн Исфандияра]. Тегеран: Чапханэ-йе-маджлис, 1320 г.дж. (1941/1942).

Хаким Низами Ганджави. Хафт пайкар [Семь красавиц]. Тегеран: Матбаэ-йе-Армаган, 1315 г.дж (1936/1937).

Худуд ал-алам мин ал-Машрик ила ал-Магриб [Пределы мира от востока до запада]. Тегеран: Данешгах-и-Техран, 1340 г.дж. (1961/1962).

Шираз-намэ Таалиф … Ширази [Книга о Ширазе. Сочинение … Ширази]. Тегеран: Матбаэ-йе-Роушанаи, 1310 г.дж., 1350 г.х. (1931/1932).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Абалаг, Абалиш – 23.
Абан ал-Лахики – 22.
Абнон – 37, 222.
Абраха – 549, 550–553, 590,
Абу Али Ахмад Ибн Мухаммад Ибн Якуб Мискавейх – см. Мискавейх.
Абу-л-Джабар Ибн Амр – 550, 551.
Абу Дулаф – 415.
Абу Караб Ибн Джабала – 550.
Абу-л-Фарадж аз-Зинджани – 61.
Абу-л-Фарадж ал-Исфахани – 284, 287, 466, 499–503, 533.
Абу-л-Фида – 26, 285, 366, 486, 533, 588.
Абу-л-Хайр Амри – 414.
Абу Яфур Ибн Алкама аз-Зумайли – 288.
Абурсам Ардашир-хварр – 77, 78, 95.
Авандаз, Авандан – 520.
Аваретрабао – 166.
Аварос – см. Амр, сын ал-Мунзира III.
Авгар – 218.
Август, император – 251.
Августин Блаженный – 206.
Авия – 217.
Агапий (Махбуб) Манбиджский – 35, 520, 521, 522.
Агатангелос – 85, 88, 225.
Агафангел – см. Агатангелос.
Агафий Миринейский – 10, 31–33, 42, 48, 62, 74, 95, 97, 115, 116, 191, 192, 201, 339, 351, 383, 390, 391, 407, 408, 437, 472, 473–477, 479, 524, 525, 531, 535–537, 565.
Адам – 194.
Адар-Михр – см. Адармихр.
Адар-Фазавиндад – 410.
Адар-Фарнбаг – 410.
Адар-Хормузд – 410.
Адарбад – 410.
Адармихр – 410.
Ади Ибн Зайд – 317.
Адур-виндад – см. Заверган.
Адур-Гудунвад – 83, 203, 350, 351, 355, 358.
Адур-Гушнасп – 260, 415.
Адур-Махан – 28, 364–366, 376, 377, 396, 563, 564, 578, 579.
Адур-Нарсе, сын царя Нарсе – 75, 98, 99.
Адур-Фарнбаг, сын Фаррохзада, зороастрийский религиозный деятель IX в. – 23.
Адур-Фарнбаг, сын Фаррохзада, один из авторов Динкард-а – 13, 23, 24.
Адурбад, дед Вагидрог-деха – 166.
Адурбад Амидан – 23.
Адурбад Зардуштан – 116, 117.
Адурбад Махраспандан – 109, 113, 144, 190, 402, 406–408.
Адурзад – 220.
Адурзахад – см. Адурзад.
Адурфразкард – 97.
Аждахак – 162, 417.
Азад – 132.
Азад-вех – 378.
Азадсад – 410.
Айин – 177.
Айин-Хуш – 178.
Айин-Шакиб – 178.
ал-Айхам Ибн Джабала – 559.
Акакий – 207–212.
Аксум, сын Абрахи – 551.
Аламундар – см. ал-Мунзир III.
Алариан – см. Валериан.
Александр Двурогий – см. Александр Македонский.
Александр Ликопольский – 179, 181, 182.
Александр Македонский – 37, 39, 86, 90, 139, 221, 247, 249, 265, 267, 272, 288, 303, 424, 548, 560, 576, 578, 620-621.

Александр Румийский – см. Александр Македонский.
Александр Север – 220–222, 590.
Альтхайм Ф. – 169, 170.
Амазасп, царь Ивирии – см. Амзасп.
Амазасп, *шахрдар* – 231, 232, 245.
Амбазук – 267, 268.
Амзасп – 231.
ал-Амиди – 500.
Аммиан Марцеллин – 50, 71–73, 76, 98–100, 109, 124, 125, 140, 215, 221, 228, 235, 238, 239, 242, 243, 265, 282, 283, 296, 307, 336, 383, 393, 471, 499, 508.
Амр, отец ал-Хариса Ибн Амра Киндитского – 286.
Амр, сын ал-Мунзира III – 534, 542–544, 552, 558, 569, 570.
Амр Ибн Ади – 275.
Амр Ибн Маттай – 34, 126, 133, 134, 136, 138, 206, 208, 209, 447, 450, 456.
Анания Ширакаци – 229, 261, 487, 492, 493, 517.
Анасозад – см. Анушзад.
Анастасий, император – 62, 191, 211, 254, 263–265, 267, 268, 270, 335, 337.
Анастасий, посол – 470.
Андок – 246.
Антонин Каракалла – 197, 198, 218, 219.
Анушзад – 21, 373, 452, 453, 459, 465, 466, 471.
Ануширван – см. Хосров I Ануширван.
Апаош – 151.
Арда-Вираф – 156.
Ардавур – 250, 251.
Ардашир из рода Варазов, упомянутый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 77, 312.
Ардашир из рода Каренов, упомянутый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 77.
Ардашир из рода Суренов, упомянутый в надписи царя Нарсе – 85.
Ардашир из рода Суренов, упомянутый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 77
Ардашир, *бидахш* при Ардашире I – 76, 77.
Ардашир, сын Ардашира I – 422.
Ардашир, сын Папака – см. Ардашир I.
Ардашир, *хазарбад* при царе Нарсе – 76.
Ардашир I – 10, 14, 19, 22, 36, 39–41, 43–45, 62, 68, 69, 74, 76–78, 81, 85, 87–90, 95, 96, 102, 105, 109, 115, 126, 127, 130, 218, 220–222, 232, 273–275, 276, 292–294, 307, 316, 318, 348, 358, 409, 417–423, 433, 436–438, 446, 460, 468, 486, 488, 589, 590, 596, 598, 624, 628, 632–634.
Ардашир II – 51, 63, 97, 100, 243.
Ардашир Папакан – см. Ардашир I.
Ардашир Тахм-Шапур – 369.
Ареовинд – 264, 266.
Арефа, имя ал-Хариса Ибн Амра у Иоанна Малалы и Феофана Исповедника – см. ал-Харис Ибн Амр.
Арефа, имя ал-Хариса Ибн Джабалы у Иоанна Малалы и Феофана Исповедника – см. ал-Харис Ибн Джабала.
Арефа, правитель арабов, упомянутый в выписках Фотия из повествования Нонна – см. ал-Харис Ибн Амр.
Ариман – см. Ахриман.
Аристон – 473.

Аристотель – 407, 473.
Аркадий, император – 245, 326.
Арриан Никомедийский – 258, 265.
Артабан, полководец – 241, 242.
Артабан II – 221.
Артабан III – 125, 126.
Артабан IV – 19, 39–45, 78, 85, 88, 89, 109, 130, 218–220, 292, 293, 317.
Артавиды – 79, 81.
Артаксеркс – 80.
Артамонов М. И. – 482, 592, 593.
Арташес – 80.
Арташир – 254.
Арчил I – 257,
Аршавир – 80.
Аршак, основатель Аршакидского государства – 80, 86.
Аршак, царь (сатрап) Армении в середине IV в. – 241.
Аршакиды, армянские – 243, 254.
Аршакиды, парфянские – 45, 69, 73, 81, 86, 116, 130, 259, 291–293, 313.
Аспавед – см. отец Виндоя и Вистама, дядьёв Хосрова II Парвиза.
Аспагур, последний царь из династии Фарнавазидов согласно Леонти Мровели – 232, 493.
Аспагур, правитель Ивирии (IV в.) – 242, 243, 245.
Аспакур – см. Аспагур, правитель Ивирии (IV в.).
Аспарапет – см. Спахбад, отец Виндоя и Вистама, дядьёв Хосрова II Парвиза.
Аспевед, Аспед – см. Спахбад, брат матери Хосрова Ануширвана.
Аттила – 592, 593.
Ауфи – 15, 26, 87, 392, 399.
Афраг – 413.
Афродита – 523.
Аффарван – см. Нахварган, сановник царя Нарсе.
Ахадабухи – 128.
Ахай – 134, 136, 137.
Ахемениды – 86, 221, 239.
Ахмад, атабек – 27.
Ахмад-шах – см. Ахмад, атабек.
Ахмада – 177.
Ахриман – 117, 118, 171, 172, 174, 175, 177, 180, 407, 408.
Ахуземме – см. Мар Ахуземме.
Ахура-Мазда – 111, 117, 118, 151, 162, 165, 175, 321, 401, 404, 407, 408, 411, 417, 633.
Аштат – 86.
Ашуша – 259.
Бабай – 207, 208, 211, 212.
Бабек – 183, 233.
Бабой – 139, 140, 205–210.
ал-Байхаки – 8, 29, 491.
Бакиханов А. К. – 271, 481, 483.
ал-Бакри – 274, 275, 278, 500–505.
ал-Балазури – 17, 122, 272, 278, 279, 321, 483, 485, 486, 489, 491, 492, 502, 503, 596, 624.
Балами – 21, 25, 50, 56, 57, 78, 82, 84, 88, 97, 98, 101, 102, 106, 150, 151, 153, 159, 195, 200, 204, 234, 273, 282, 293, 294, 299, 304, 321, 323, 330, 392, 393, 395, 467, 587.
Балендухт – 258.
Бамдад – 166, 187.
Банакати – 26, 157, 159, 204, 314, 315, 392.
Бар Эбрей – 34, 206, 400, 461–464, 475.
Бараз (Вараз) – 462.
Барзабод – 257.
Барзавейх – см. Бурзой.
Бартам – 262.
Баттай – 186.
Бахрам Ибн Хурразад – см. Варахран Хварразадан.
Бахт-Африд – 410, 411.

Бесс – 527.
Бирой – 447–449.
Бируни – 11, 12, 18, 26, 39, 40, 44, 47, 51, 55, 61, 109, 144, 147, 151, 152, 180, 192, 382, 398, 400, 416, 420, 478, 556.
Бозаг – 447–449.
Бой – 332.
Бохтаг – 372.
Брих-Иешу – 130.
Брукс Э. У. – 334.
Будасф – см. Будда.
Будда – 15.
Бумынь – 584, 585.
Бурзмихр – 377.
Бурзой – 372, 472, 624, 625.
Бэйли Х. У. – 57.
Бэр Бэшмин – 133, 134.
Бэр Сахде – 60.
Бэр Сэума, епископ Кордуэны – см. Мар Бэр Сэума.
Бэр Сэума, епископ Нисибина – 207, 210.
Бэрхадбшабба Арвастанский – 206, 212.
Бэрхадбшабба Хульванский – 212, 408, 409.
Вагидрог-дех – 166.
Вазири – 28.
Валаш, сасанидский царь – 16, 58–60, 63, 147, 154–158, 186, 192, 193, 195, 199, 203, 210, 254, 261, 305, 306, 310, 413, 414.
Валаш, царевич, упомянутый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 76.
Валаш, царь Кермана – 422.
Валгаш (Вологез) I – 217, 292.
Валент – 240, 241, 243.
Валериан – 226–230.
Вараз-Бакур, наместник Кавказской Албании – 257, 258.
Вараз-Бакур II – 245, 257.
Вараз-Взур – см. Вараз-и-вузург.
Вараз-и-вузург – 577.
Вараз-дад – 547.
Вараздат, наместник сасанидских владений в Армении – 547 – см. Вараз-дад.
Вараздат, царь Армении – 243, 296.
Варазы, род – 77, 85, 95, 97.
Вараман – 560.
Вараран (Варахран) – см. Варахран (Вахрам) Чубин.
Варахран I – 47, 62, 70, 96, 144, 145, 275.
Варахран II – 47, 62, 70, 88, 94, 96, 115, 129, 145, 146, 382.
Варахран III – 47, 48, 63, 70, 74, 97.
Варахран IV – 51, 63, 74, 100, 117, 134, 135.
Варахран V Гор – 19, 53, 54, 63, 72, 101, 103–106, 137, 138, 140, 248-249, 250–254, 284, 285, 297–300, 308, 309, 326-327, 336, 357, 367, 379, 489, 490, 586.
Варахран (Вахрам) Чубин – 19, 69, 86, 87, 126, 246, 247, 353, 354, 371, 465, 490, 561, 562.
Варахран Рейский – см. Варахран (Вахрам) Чубин.
Варахран Хварразадан – 418.
Варахран-Хосров Адур-Махан – см. Адур-Махан
Вардан, парфянский царь – 292.
Вардан Великий – 35, 154, 261, 547.
Вардан Вшнасп – см. Варахран (Вахрам) Чубин
Вардан Мамиконян, брат Вахана Мамиконяна – 546.
Вардан Мамиконян, предводитель восстания армян в V в. – 244, 249, 255, 256, 259.
Вардан Мамиконян, предводитель восстания армян в VI в. – 36, 464, 547, 548, 562, 573, 577, 580.
Варесман – 336, 337.

Вари, сын Нахваргана – 25, 360–362.
ал-Варрак – 173.
Варскен – 259, 260.
Васак – 250, 255.
Вахан Мамиконян – 155, 209, 257, 260, 261, 517, 546.
Вахман, сын Исфандияра (Спандияда) – 316, 428.
Вахрам, имя одного из сасанидских царей в «Книге короны», приписываемой ал-Джахизу – 358.
Вахрам (Варахран), сын Адур-Гудунвада – 355.
Вахрам, сын Вахрам-Гушнаспа – см. Варахран (Вахрам) Чубин.
Вахрам Марданшахан – 11, 12, 24, 42, 48, 50, 478.
Вахрам Михревандак – см. Варахран (Вахрам) Чубин.
Вахтанг Горгасал – 35, 198, 209, 245, 257–263, 517.
Вахунам – 96, 97, 105.
Вахушти Багратиони – 333, 527, 536.
Вачэ – 256.
Велисарий – 30, 124, 332, 334, 368, 507, 509, 516–521.
Вениамин Тудельский – 140.
Ветранион – 237.
Вехвар – 136.
Вехриз, полководец Хосрова I Ануширвана (40-е–50-е гг. VI в.) – 452, 524, 526, 536.
Вехриз, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший, согласно мусульманским авторам, походом в Йемен – 352, 354, 553–556.
Вехриз, почётное имя Боя – см. Бой.
Вехруз – 14.
Вех-Шапур, зороастрийский религиозный деятель и правовед – 400, 411–413.
Вех-Шапур, *спахбад* и персидский *аспбад* – 365.
Виктория – 221.
Виндой – 312, 313.
Винтер Э. – 221.
Вируд – см. Вород.
Вистам, дядя Хосрова II Парвиза – 105, 312, 313.
Вистам, *спахбад* и *хазарбад* (VI в.) – 105, 365, 376.
Вистам, *хазарбад* (V в.) – 102, 105.
Витигис – 509.
Виштаспа – 75, 80, 84, 86, 394, 436, 615.
Влах – 333.
Воарикс – см. Воя.
Вород – 122.
Воя, правительница гуннов – 333, 508.
Вузургмихр – 187, 349, 357, 370–374, 472.
Вузургмихр Бохтаган – см. Вузургмихр.
Вшнасп Вахрам – см. Варахран (Вахрам) Чубин.
Гадар – 334.
Галлиен, император – 230.
Галлиен, император и его сын в истории, приписываемой Требеллию Поллиону – 230.
Гардизи – 26, 295, 308, 382, 397, 399, 409.
Гассаниды, жившие в Хире – 283.
Гассаниды, цари – 234, 235, 286, 334, 495, 503, 509, 510, 532–535, 543, 550, 558, 559, 568.
Гатфар – 585, 586.
Гаше Р. – 72.
Георгий Кедрин – 30, 157, 237, 269, 270, 326, 330, 333, 508, 520.
Георгий Синкелл – 11, 42, 227.
Герман – 513, 515.
Гермоген – 124, 506.

Геродиан – 220.
Герцфельд Э. – 84.
Гизелен Р. – 72, 364, 370.
Гиршман Р. – 36.
Гистасп – 475.
Глон – 264, 266.
Гнуф – 496.
Гогон Михран – см. Горгон Михран.
Голиаф – 186.
Голиндуха – 200, 452.
Гонорий – 250.
Гоок Карен – 77.
Горгон Михран – 353, 364, 365, 561, 562.
Гордиан – имя трёх римских императоров – 222.
Гордиан III – 222, 223.
Григорий (Пиран-Гушнасп) – см. Пиран-Гушнасп Михран.
Григорий Бар Эбрей – см. Бар Эбрей.
Гриньяски М. – 438, 439, 442, 444.
Губаз, царь лазов, современник императора Льва I – 261.
Губаз, царь лазов, современник императора Маркиана – 261.
Губаз, царь лазов, современник Хосрова I Ануширвана – 517, 524–528, 535.
Гударз II – 292.
Гук Карен – см. Гоок Карен
Гунабади М. П. – 56.
Гурген, правитель ивиров (согласно Прокопию Кесарийскому) в 20-е гг. VI в. – 263, 332, 548, 549.
Гурген, правитель ивиров (согласно Феофану Византийскому) в 70-е гг. VI в. – 548, 577, 580.
Гурги – 161.
Гусанастад – 82, 83, 199, 203.
Гуфрашнасп – 96.
Гушар – 517.
Гушнасп, правитель Табаристана и иных местностей согласно «Посланию Тосара» – 421, 422, 437, 446.
Гушнасп Адар-виш – 102.
Гуштасп – см. Виштаспа.
Гушт-Азад – 351.
Давар, упоминаемый в «Жизнеописании Хосрова Ануширвана» – 609, 626.
Давар Рейский – 588, 589.
Давид, царь – 141, 216.
Давид Багратиони – 320–321.
Дад-Бурзмихр – 365.
Дад-Гушнасп – 413.
Дад-Иешу – см. Мар Дад-Иешу.
Дад-Фаррох – 410.
Дад-Хормузд – 410, 411, 452, 460.
Дада – 523.
Дайзан – 16.
Дакики – 18.
Дамаский – 407, 409, 473.
Дарий, сын Гистаспа – см. Дарий I.
Дарий I – 80, 86, 475.
Дарий III – 221, 259, 313, 431, 620.
Дармстетер Дж. – 120.
Дарьяи Т. – 248.
Дачи – 263.
Де Гуйе М. Я. – 80, 120, 363, 446, 609.
Демосфен – 473,
Ден-Шапух – см. Дин-Шапур.
Денха – 55.
Деций – 224.
Джабала, сын ал-Хариса Ибн Джабалы – 533, 559.
Джабала Ибн ал-Айхам – 558.
Джавасп – 6.
Джазима – 273, 275, 278.
Джам, брат Хосрова I Ануширвана – 319, 323, 347, 350.
Джам, Джамшид, легендарный царь – 319.

Джамасп, эпический герой – 117, 478.
Джамасп, царь – см. Жамасп.
ал-Джаун, сын Худжра Ибн Амра – 286.
ал-Джаун Ибн Язид – 286.
Джафари – 28.
Джафна Ибн Амр – 286.
ал-Джахиз – 16, 29, 109, 358.
Джуаншер Джуаншериани – 35, 36, 258, 259, 262, 332.
Джузайма – см. Джазима.
ал-Джуландай Ибн Мустакбир – 277.
Дигнас Б. – 221.
Дизавул – см. Сильзивул.
Дин Вараз – 77.
Дин-Шапур – 546, 547.
ад-Динавари – 24–26, 41, 46, 54, 58, 97, 102, 103, 121, 158, 188, 192, 199, 203, 276, 298, 302, 313, 314, 354, 358–360, 363, 388, 391, 392, 453, 468, 469, 509, 510, 588, 589, 594.
Динак – 74.
Диоклетиан – 49, 232–234.
Дион Кассий – 218–220.
Дионисий Византийский – 265.
Дионисий Телль-Махрский – 35, 229, 247, 251, 267, 284, 288.
Дихин Вараз – см. Дин Вараз.
Доджон М. – 224.
Дози Р. П. М. А. – 610.
Домициан – 220.
Дошар – см. Тосар.
Евагрий Схоластик – 30, 251, 564.
Евнапий Сардийский – 80.
Евсевий Памфил – 235, 236.
Евстафий Салоникский – 231.
Евтихий Александрийский – 25, 39, 42, 51, 127, 149, 276, 478, 479.
Евтропий – 48, 98.
Евфимия – 466.
Егишэ – 35, 72, 104, 119, 123, 139, 148, 149, 249, 250, 253, 256, 300, 301.
Езник Кохбаци – 118.
Ездигерд, сын Бахрама (Варахрана) Гора – см. Ездигерд II.
Ездигерд I – 51–53, 63, 72, 73, 101–103, 106–108, 116, 117, 133–138, 141, 189, 213, 245, 247, 248, 250, 284, 326, 341, 357, 370, 382, 489, 583.
Ездигерд II – 54, 58, 61, 63, 72, 73, 106–108, 123, 139, 142, 143, 148, 149, 155, 208, 244, 248–250, 253, 255, 256, 258, 259, 300–302, 304, 369.
Ездигерд III – 14, 17, 22, 192, 628.
Елисей, католикос – 447–449.
Елисей Бэр Кузбане – 212, 447.
Епифаний Кипрский – 179,
Жамасп, брат царя Шапура II – 97.
Жамасп, сасанидский царь – 57–59, 61, 62, 147, 199, 201–204, 210, 215, 306, 319, 480, 490.
Заверган – 348, 355, 367, 513.
Зад-Спарам – 151.
Задан-Фаррох – 455.
Закария Казвини – 73, 491.
Замасп – см. Жамасп.
Зара – 241.
Заратуштра (кроме упоминаний о «Каабе Заратуштры») – 64, 109, 112, 118, 166, 177, 184, 394, 408, 417, 436.
Зардушт Хварраган – 160, 164, 165, 177, 187, 188, 191, 332, 407.
Зарех – см. Зарир, сын сасанидского царя Пероза
Зарир, сын сасанидского царя Пероза – 155, 156, 261.
Зарир, эпический герой – 75.

Зармихр – 154, 155, 158, 159, 201, 203, 204, 260, 261, 269, 311, 315, 325, 328, 329, 330, 341, 354, 367, 376.
Захарий, врач и посол – 472, 566, 567, 575, 576, 580.
Захария, патриарх – 211.
Захария Митилинский – 123, 197, 205, 288, 321, 324, 334, 393, 611.
Захир ад-Дин Мараши – см. Мараши.
Зенон, император – 58, 207, 210, 254, 262.
Зиг, имя двух сасанидских полководцев IV в. – 88, 241, 242.
Зиг, распорядитель царской трапезы при Папаке, отце Ардашира I – 87.
Зиг, распорядитель царской трапезы при Шапуре I – 87.
Зиг, сподвижник Ардашира I – 88.
Зиг, участник переговоров с Византией в VI в. – см. Язд-Гушнасп Зиг.
Зиг Забриган – 87, 348.
Зиги, род – 87, 88, 354.
Зимарх – 549, 554, 584, 592–594.
Зосим – 69, 98, 99, 100, 223, 225, 228, 230, 238.
Зохак – см. Аждахак.
Зрадашт – см. Заратуштра.
Зрван – см. Зурван.
Зрвандухт – см. Зурвандохт.
Зу Нувас – см. Иосиф Ясар Асар.
Зу Язан (Зу Язаны), род – 552, 553.
Зурван, зороастрийский бог – 118, 408.
Зурван, придворный Хосрова I Ануширвана согласно *Шахнамэ* – см. Заверган.
Зурвандад, сановник Шапура I – 118.
Зурвандад, сын Михр-Нарсе – 106, 119.
Зурвандохт – 118.
Зутра, «глава рассеяния» – см. Мар Зутра.
Иаков Барадей – 463, 522.
Иаков Эдесский – 39, 42, 46, 269, 508, 512, 515, 519, 522.
Ибн Абд Раббихи – 9, 29, 286, 570.
Ибн ал-Азрак – 272.
Ибн ал-Асир – 25, 180, 199, 271, 397, 453, 500, 505, 533, 588, 589, 592.
Ибн ал-Балхи – 6.
Ибн ал-Джаузи – 9, 25, 90, 94, 189, 280, 281, 313, 358, 390, 397, 616, 617.
Ибн Дурайд – 274, 275, 550.
Ибн Зафир – 29, 629.
Ибн Исфандияр – 28, 158, 159, 201, 203, 344–346, 354, 380, 381, 418, 421, 446, 480, 493.
Ибн Исхак – 551.
Ибн Кутайба – 13, 26, 29, 42, 51, 278, 289, 314, 478, 500–503, 505.
Ибн ал-Муджавир – 554.
Ибн ал-Мукаффа – 12, 14–16, 20, 22, 24, 372, 373, 418, 436, 625.
Ибн ан-Надим – 5, 13, 22, 25, 28, 42–44, 146, 178, 183, 184, 186, 327.
Ибн Ростэ – 29, 280, 314, 316, 490, 563, 582.
Ибн Саид – 279, 287, 290.
Ибн Сам – см. Абурсам Ардашир-хварр.
Ибн ал-Уарди – 26, 588.
Ибн Фадлан – 593.
Ибн ал-Факих – 29, 72, 141, 197, 272, 415, 482, 483, 492, 502, 596.
Ибн Халдун – 25, 240, 249, 291, 520, 521, 588.
Ибн Хаукаль – 487.

Ибн Хишам – 551.
Ибн Хордадбех – 28, 141, 229, 233, 276, 298, 309, 321, 359, 362, 363, 397, 415, 446, 482, 486, 493, 582, 583, 589, 596.
Ибн аш-Шаджари – 500.
Ибрахим ал-Байхаки – см. ал-Байхаки.
ал-Идриси – 309, 372, 486, 586.
Иезекииль, католикос – 455, 456, 471, 475.
св. Иероним – 237.
Иешу Стилит – см. Иисус Столпник.
Изат – 217.
Издбузид – 384, 630, 631.
Иисус Столпник – 57, 124, 153, 156, 157, 188, 191, 197–199, 205, 234, 247, 252–254, 262, 263, 267, 286, 304–306, 328, 332, 361, 557.
Иисус Христос – 210.
Илия Нисибисский – 34, 35, 60, 134–138, 140, 208, 209, 450, 451, 455, 456.
Имру-л-Кайс, поэт – 285, 495, 498.
Имру-л-Кайс I – 275.
Имру-л-Кайс III – 285, 286, 288.
Иоанн, комендант Дары – 564.
Иоанн, посол – 575.
Иоанн Амидский – см. Иоанн Эфесский.
Иоанн Антиохийский – 98.
Иоанн Зонара – 98, 185, 225, 227, 237, 246, 318, 319, 325.
Иоанн Коментиол – 543–545.
Иоанн Лидийский – 33, 247, 248, 267, 284.
Иоанн Малала – 31–33, 58, 59, 62, 157, 185, 186, 190, 191, 226–230, 234, 235, 240, 268, 330–337, 339, 340, 343, 347, 348, 398, 495, 496, 497, 513, 550, 555.
Иоанн Телльский – 205, 461, 462.
Иоанн Эпифанийский – 31, 32, 545, 560, 563, 569.
Иоанн Эфесский – 33, 34, 211, 212, 343, 356, 364, 369, 463, 465, 474, 477, 522, 547–549, 558, 559, 564, 567–569, 571–580, 594, 595.
Иованнес Драсханакертци – 35, 257.
Иовиан – 132, 239, 241, 242.
Иона – 130.
Иордан – 592, 593.
Иосиф, католикос – 91, 450, 454, 455, 462, 471.
Иосиф Ясар Асар – 549, 552, 553.
Иосиф Флавий – 89, 140, 217.
Ираклий – 38.
Ириней – 332, 333.
Исаак, епископ Кархи з-Бет-Слох – 131, 132.
Исаак, католикос – см. Мар Исаак.
Исдигуснас – см. Язд-Гушнасп Зиг.
Исидор Харакский – 266, 292.
Исмаил-бег Гурджи – 177.
Испахбад – см. Спахбад, сподвижник Виштаспы
ал-Истахри – 70, 127, 300, 414, 487, 489, 586, 588.
Истеми – 585.
Исфандияд, Исфандияр – см. Спандияд.
Йима – 417.
Йэбэлаха – 136, 138.
Каб – 499.
Каб Ибн Мама – 499.
Кабус – 544, 558, 559, 564, 569, 570, 571.
Кавад I – 11, 21, 31, 58, 59, 61–63, 66, 72, 82, 83, 123, 147, 157–160, 171, 183–185, 187–195, 197–205, 208, 210–212, 215, 254, 262–272, 287–291, 305–307, 311–316, 318–325, 327–330, 332, 333,

335–341, 343, 344, 346, 347, 351–354, 359–361, 367, 376, 378, 379, 385, 387, 388, 393, 395–398, 400, 401, 403, 411, 413, 414, 447, 448, 457, 461, 469, 470, 475, 477, 479, 480, 485, 491, 493, 497, 504, 506, 514, 550, 588, 615.
Кавад II – см. Широй.
Кавус, брат Хосрова I Ануширвана – 94, 319–322, 332, 334, 337, 340, 341, 343–346, 349, 480, 493, 507, 581, 596.
Кавус, царь Кермана согласно «Посланию Тосара» – 422, 423.
Казем-бек М. А. – 481, 483.
Кайс, которого Юстиниан I намеревался сделать правителем арабов-мааддитов – см. Кайс, сын ал-Хариса Ибн Амра.
Кайс, сын ал-Хариса Ибн Амра – 498, 550, 590.
Кайэн – 467, 586.
Калеб Элла-Асбаха – 549, 550, 555, 591.
Калидаса – 308.
Кам-Иешу – 464.
Камбиз – 475.
Кандира – 146.
Кападия Д. Д. – 164, 371.
Кар – 232.
Кард – 106.
Кардаг из рода Нахварганов – см. Мар Кардаг.
Кардаг, *марзбан* Нисибина – 91.
Кардир – 88, 115, 116, 129, 132, 146, 229, 382, 400, 420, 624.
Карен, имя двух приближённых Ардашира I согласно надписи Шапура I – 85.
Карен, имя, которым в «Собрании историй и рассказов» ошибочно назван Кавус – см. Кавус, брат Хосрова I Ануширвана.
Карен, основатель рода Каренов согласно Мовсесу Хоренаци – 80.
Карен, правитель Махана времени арабского завоевания – 84.
Карен, сасанидский полководец IV в. – 88, 241, 242.
Карен, сподвижник Ардашира I согласно Агатенгелосу – 85, 88.
Карен, сын Сухра – 354.
Карен Мидийский и Нехавендский – 354.
Карен Пахлав – 80, 83, 84.
Карены, род – 77, 80, 84, 85, 95, 154, 293, 354.
Карм – 19.
Катульф – 590, 591.
Каюма – 135.
Каяг – 413.
Кедорлаомер – 90.
Кедрин – см. Георгий Кедрин.
Келлор – 265, 267.
Кермани – 21, 161, 188, 189.
Кидара – 296, 297.
Килак – 241, 242.
Кир, царь – 221, 475.
Кириад – см. Мариад.
Кириак – 341.
Кирик – 333.
ал-Кисрауи – 8, 16.
Клавдий Птолемей – 235, 265, 273, 294, 561.
Клапрот М. – 271, 481.
Кмита – 522.
Козьма Индикоплов – 121, 556.
Констант – 237.
Константин, отец Тиверия – 476.
Константин, сановник Юстиниана I – 522.
Константин II – 238.
Константин Великий – 34, 131, 132, 235, 236, 238.
Констанций II – 221, 236–239, 246.
Корюн – 248.
Кошм – 80.

Красс – 292.
Крибб, Джо – 297.
Кристенсен А. – 84, 160, 169, 201, 311.
Крон П. – 160.
Ксеркс, имя, которыи у Иоанна Малалы ошибочно назван Хосров I Ануширван – см. Хосров I Ануширван
Ксеркс, царь из династии Ахеменидов – 475, 477.
Кудама Ибн Джафар – 141, 491, 583.
Кудзула Кадфиз – 292.
Куми – 29, 415.
ал-Куфи – 192, 488.
Кухандаз, Кухандиз – см. Хормузд, брат Шапура II.
Кюль-текин – 585.
Лазар Парбеци – 35, 55, 60, 107, 148, 154, 155, 159, 244, 250, 255, 260, 261, 301, 517.
Лакит (Ибн Муаммар, Мубид, Ямур) – 500, 504, 505.
Лахмиды – 92, 103, 271, 275, 283–287, 290, 291, 326, 496, 500, 501, 509, 510, 532, 534, 544, 552, 558, 568, 570.
Лев I – 206, 250, 253, 261.
Леонти Мровели – 35, 36, 231, 232, 245.
Ливаний – 71, 72, 241, 283.
Лохрасп – 436.
Льё С. – 224.
Лэйн Э. У. – 285.
Мавиндад, сын Шапура – 410.
Мавла-на Авлияуллах Амоли – 28, 203.
Маврикий – 34, 246, 476, 578–580, 585.
Магн – 564.
Магненций – 237.
Магушнасп, название зороастрийского священного огня – 197.
Магушнасп, сын Михр-Нарсе – 106.
Мадикариб, сын ал-Хариса Ибн Амра – 498.
Мадикариб, сын ал-Файйада (или Сайфа) Ибн Зи Язана – 552, 556.
Мадикариб Яфур – 288, 290.
Маздак – 21, 29, 160, 164–168, 171, 173–175, 177–191, 194–197, 200, 204, 287, 331, 332, 374, 397–399, 409, 415, 470.
Маздак Бамдадан – см. Маздак
Маздак Последний – см. Маздак
Маздак Старый – 183.
Макрин – 219.
Максенций – 234.
Максимиан – 232–234.
Максимин Фракиец – 222.
Малик, сын ал-Хариса Ибн Амра – 497.
Малик Ибн Хариса ат-Таглиби – 503.
Малик Подосак – 282.
Малхасянц С. Т. – 313.
ал-Мамун – 23, 24.
Мангнос Мамиконян – 256.
Мана – 138.
Манзик – 370.
Мани – 39, 40, 42–45, 70, 118, 143–146, 178–183, 186, 407.
Манучихр, зороастрийский автор IX в. – 24, 411, 413.
Манучихр, легендарный царь – 109.
Манучихр, отец Вагидрог-деха – 166.
Манучихр, отец Варахрана Хварразадана – 418.
Мар Ава – 385, 410, 412, 450–454, 457–460, 517, 583.
Мар Ахуземме – 462–464.
Мар Бэр Сэума – 474, 475.
Мар Гиваргис – 92, 113, 200.
Мар Дад-Иешу – 134, 138, 139, 208.
Мар Зутра, «глава рассеяния» – 214, 215, 216,

Мар Зутра, отец или дед «главы рассеяния» Мар Хуны – 213.
Мар Исаак – 134, 135, 137.
Мар Кардаг – 89–91, 130, 236, 317, 361, 362.
Мар Мари – 114, 125, 126, 128.
Мар Муайн – 130, 131.
Мар Хнина – 214.
Мар Хуна – 213–215.
Мар Эвда – 53, 137.
Мараши – 28, 322, 333, 344, 480.
Марван II – 487.
Мардбуд – 107.
Марзбан Ибн Рустам – 144.
Мари Ибн Сулайман – 34, 137–138, 189, 206–208, 447, 450, 456, 474.
Мариад – 227–229.
Марик А. – 231, 294, 295.
Маркварт Й. – 80, 276, 592.
Маркиан, император – 140, 208, 255, 261.
Маркиан, стратиг – 554, 559–562, 564, 594.
Марута – 135, 189, 532.
Марцелл – 522.
Марцеллин Комит – 33, 54, 499, 500, 506, 523.
Масрук – 551, 554, 555.
ал-Масуди – 12–15, 19, 20, 26, 47, 51, 52, 55, 59, 66, 70, 94, 119, 120, 127, 184, 188, 249, 271, 295, 298, 304, 308, 357, 361, 397, 399, 406, 415, 416, 420, 467, 478, 479, 487–490, 500, 505, 552, 553, 555, 558, 599, 628, 629, 635.
Мах-Адур – 377.
Махабуд – 368.
Машкур М. Дж. – 56.
Маштоц – см. Месроп Маштоц.
Мевод, сановник Кавада I – см. Мехбуд, сановник Кавада I.
Мевод, сын Сурена – 329.
Мевод Сар-Нахварган – см. Мехбуд Сар-Нахварган.
Мегас – 512, 513, 514.
Менандр Протектор – 31, 38, 68, 343, 353, 371, 465, 535, 537–539, 541–544, 548, 549, 565–568, 571, 575, 578, 580, 581, 584, 588, 590–595, 625, 627.
де Менассе Ж. – 161.
Мерен – см. Михран, полководец Шапура II.
Мермерой – см. Михр-Михрой.
Месроп Маштоц – 248, 259.
Мехбуд, сановник Кавада I – 328, 329, 340, 341, 348, 367, 369.
Мехбуд, сановник Хосрова I Ануширвана, упоминаемый в «Собрании историй и рассказов» – 368.
Мехбуд Сар-Нахварган – 329, 368, 369, 544, 567, 576, 578, 579.
Мжеж Гнуни – 270, 546.
Милит – 71, 130.
Мингана А. – 41, 126.
Минорский В. Ф. – 415, 487, 597, 609.
Минхадж ад-Дин ал-Джузджани – см. Минхадж Сирадж.
Минхадж Сирадж – 26.
Миран, командовавший походом в Йемен – см. Михран, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший, согласно Феофану Византийскому, походом в Йемен.
Миран, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший в 573 г. войсками в Армении – см. Горгон Михран.
Мирдат IV – 257.
Мирдат V – 257.
Мирза Джалала – 8.
Мирза Мухсин Кашмири – см. Мухсин Фани.
Мириан – 232.
Мирран, командовавший гарнизоном Петры – см. Михран,

полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший гарнизоном Петры.
Миррана (Михрана), род – см. Михраны.
Мирхонд – 26, 46, 97, 159, 189, 204, 382, 394, 401.
Мискавейх – 5, 7–9, 25, 26, 204, 420, 588, 598–605, 607–623.
Митрен – см. Михран, вельможа времён Александра Македонского.
Мифрин – см. Михран, вельможа времён Александра Македонского.
Михаил Сирийский – 34, 137, 185, 186, 247, 253, 269, 318, 324, 326, 331, 334, 343, 463, 469, 477, 523, 532, 545, 560, 565, 566, 574.
Михр-Михрой – 337, 339, 491, 525, 526, 528–531, 535.
Михр-Нарсе – 86, 101–104, 106–108, 119, 149, 251, 253.
Михр-Шапур – 135, 138.
Михрак Тосариган – 421.
Михран, вельможа времён Александра Македонского – 86.
Михран, племянник Григория (Пиран-Гушнаспа) – 352.
Михран, полководец, участвовавший в походе на Византию в 528 г. – 334.
Михран, полководец, участвовавший в походе на Византию в 530 г. – см. Пероз Михран.
Михран, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший гарнизоном Петры – 352, 525.
Михран, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший, согласно Феофану Византийскому, походом в Йемен – 352, 553.
Михран, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший, согласно Фирдоуси, войском в походе на Византию (540 г.) – 352.
Михран, полководец Шапура II – 100.
Михран, сановник Кавада I – см. Шапур Рейский.
Михран, сановник Хосрова I Ануширвана, ведший переговоры с тюрками – 352.
Михран, Аштат – см. Аштат.
Михран, Пероз – см. Пероз Михран.
Михран Михревандак – см. Варахран (Вахрам) Чубин.
Михран Рейский – 87.
Михрана, род – см. Михраны.
Михрангар – 396, 468.
Михраны, род – 86, 87, 91, 103, 108, 130, 149, 150, 159, 192, 351, 353, 354, 365, 457.
Михрдадан – 205.
Михрзад – 274.
Мовсес Каланкатуци – 35, 247, 248, 256, 480, 490, 493.
Мовсес Хоренаци – 35, 39, 52, 80, 84, 85, 102, 118, 141, 198, 225, 235, 241, 243, 245, 246, 259, 293, 517, 593, 611.
Моди Дж. Дж. – 160.
Моисей, подвижник – 341.
Мугань-хан – 585, 593, 595.
Муззир – см. ал-Мунзир III.
ал-Мукаддаси – 70, 308, 309, 402.
ал-Мунзир, сын Ма ас-Сама (Ибн Ма ас-Сама) – см. ал-Мунзир III.
ал-Мунзир, сын ал-Мунзира III – ал-Мунзир IV.
ал-Мунзир, сын ал-Хариса Ибн Джабалы – 559, 564, 568, 569, 571, 579.
ал-Мунзир I – 252, 284, 285, 326, 370.

ал-Мунзир III – 212, 286, 287, 288, 289–291, 335, 338, 399, 466, 493–500, 508–511, 523, 532–534, 542, 550, 558, 559, 571.
ал-Мунзир IV – 533, 571.
Муса Ибн Иса ал-Кисрауи – см. ал-Кисрауи.
Мустауфи Казвини – 26, 303, 316, 485, 489.
Мутаххар ал-Макдиси – 26, 42, 397, 399, 406, 478, 589.
ал-Мухаллаби – 486.
Мухаммад Акиль – см. Айин-Хуш.
Мухаммад Ибн Исхак – 183.
Мухаммад Кули Гурд – 177.
Мухаммад Саид – см. Фархад, тайный маздакит.
Мухаммад Табатабаи Завареи – см. Мирза Джалала.
Мухсин Фани – 168–174, 176, 177.
Мэкэн Т. – 17, 18.
Нааман – см. ан-Нуман, гассанидский полководец.
Навед – 368, 453, 518, 527.
Надой – 384, 385, 575.
Нарсе, брат Варахрана V Гора – 19, 299, 300, 327.
Нарсе, брат царя Пероза – 153.
Нарсе, брат Шапура II – 97, 245.
Нарсе, имя двух царевичей, упомянутых в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 76.
Нарсе, католикос – 447–449.
Нарсе, приближённый Хосрова I Ануширвана согласно «Собранию историй и рассказов» – 370.
Нарсе, сасанидский царь – 48–50, 63, 70, 71, 73, 75–79, 85, 86, 89, 91, 92, 95–98, 116, 232–234, 244, 369, 570, 574, 624, 626.
Нарсе, сын Жамаспа – 480.
Нарсе, сын Шапура I – 307.
Нарсе, сын Шапура II – см. Нарсе, брат Шапура II.
Нарсе, царевич, упомянутый в надписи царя Нарсе – 75, 78.
Нарсе, царевич, упомянутый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 76.
Нарсе, царевич, упомянутый в «Рескриптах Хосрова» – 383.
Нарсе Тахм-Шапур – 369.
Насра (Ибн Рабиа) род – см. Лахмиды.
Насрат ад-Дин Ахмад – см. Ахмад, атабек.
Насриды – см. Лахмиды.
Нахварган, отец Вари – 360.
Нахварган, полководец Хосрова I Ануширвана – 351, 535, 536.
Нахварган, сановник Хосрова II Парвиза – 192.
Нахварган, сановник царя Нарсе – 91.
Нахварганы, род – 91–93, 317, 368.
Нахораган – см. Нахварган, полководец Хосрова I Ануширвана.
Нашван ал-Химьяри – 555.
Несторий – 207.
Нёльдеке Т. – 38.
Нивандохт – 323, 324.
Низам ал-Мульк – 21, 29, 104, 107, 161, 184, 187, 189, 194–196, 343, 349, 470.
Низами – 104.
Никифор – 491.
Новосельцев А. П. – 483.
Нонн – 498.
Ноузад – 554.
ан-Нувайри – 5, 8, 9, 25, 26, 314, 598–605, 607–616, 618–623.
ан-Нуман, гассанидский полководец – 496.
ан-Нуман, сын ал-Мунзира III – 339,

ан-Нуман, сын ал-Хариса Ибн Джабалы – 558, 559.
ан-Нуман I – 284.
ан-Нуман II – 286, 288.
ан-Нуман III – 284, 552.
Нур ад-Дин Ауфи – см. Ауфи.
Нуширван (Справедливый) – см. Хосров I Ануширван.
Нуширван Марзбан Кермани – см. Кермани.
Нюберг Х. С. – 274, 484.
Оденат – 229, 230.
Олор – 473.
Олора, сын – см. Фукидид.
Омар Хаййям – 29, 375, 379.
Ормизд, Ормузд – см. Ахура-Мазда.
Павел, католикос – 449, 450, 454.
Павел, отец Маврикия – 476.
Павел, переводчик Хосрова I Ануширвана – 513.
Павел, философ – 474, 475.
Павел Орозий – 48, 230, 232.
Панах-Хосров – 103, 379.
Пап – 241, 242.
Папа – 128, 129, 146.
Папак, *бидахш* при царе Нарсе – 76.
Папак, отец Ардашира I – 64, 74, 87, 358, 436, 488.
Папак, распорядитель царской трапезы при Ардашире I – 87.
Папак, *хазарбад* при Ардашире I – 76, 77.
Папак, *хазарбад* при Шапуре I – 76.
Парандзем – 241.
Паризе Ф. – 38.
Пата – см. Хойап.
Патканов К. П. – 246, 255, 313.
Пахлав, великий Аспарапет – см. Спахбад, отец Виндоя и Вистама, дядьёв Хосрова II Парвиза.
Пахлавы – 80, 81, 313.
Пачихр Тахм-Шапур – 369.
Периханян А. Г. – 106, 385, 400, 414.
Пероз, *аспбад* – 312.
Пероз, брат Шапура I – 144.
Пероз, главный мобед области Рея – 384.
Пероз, имя, которым Иоанн Малала ошибочно называет старшего сына Кавада I – см. Кавус, брат Хосрова I Ануширвана.
Пероз, мученик – 103, 137, 138.
Пероз, полководец, участвовавший, согласно *Шах-намэ*, в походе Хосрова I Ануширвана на Византию в 540 г. – 511.
Пероз, правитель части бывших владений Кушанского царства – 297.
Пероз, сасанидский царь – 54–58, 60–63, 67, 75, 107, 124, 147–158, 184, 186, 193, 195, 196, 205–207, 209, 210, 213, 252–254, 256–261, 301–306, 324, 344, 351, 362, 414, 461, 492, 546, 574, 586.
Пероз, царевич, упоминаемый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 76.
Пероз, царевич, упоминаемый в надписи царя Нарсе – 75.
Пероз Карен – 77.
Пероз Михран – 336, 337, 378, 496, 511.
Пероздохт – 154, 306.
Пётр, стратиг – 332, 333.
Пётр Патриций – 31, 32, 78, 91, 233, 283, 461, 538, 542, 543, 575.
Пигран – 99.
Пираг Михран, писец войска – 102.
Пираг Михран, *спахбад* – 365.
Пиран-Гушнасп Михран – 87, 262, 351, 352, 457–459, 508.
Платон – 390, 473.
Плетнёва С. А. – 483.

Плиний Старший – 217, 265, 273, 291-292.
Плутарх – 81, 82.
Помпеян – 222.
Помпоний Мела – 265.
Приск – 248, 249, 253, 261, 296, 302, 592.
Прокопий Кесарийский – 11, 30–33, 66, 82, 83, 124, 155, 157, 158, 191, 197, 199, 200-201, 203, 246, 258, 263, 265–269, 289, 303, 305, 306, 311, 319, 322–328, 331, 332, 336–340, 347, 348, 350–352, 355, 356, 368, 378, 416, 452, 453, 465, 466, 470–472, 475, 477, 506–509, 511–532, 537, 539, 549, 550, 558, 565, 590, 591, 625, 627.
Прокопий Ритор – см. Прокопий Кесарийский.
Пулар – 90.
Пусиг – 72, 118, 170.
Рав Пахда, Рав Пахра – 213.
Рав Шрира – 140, 142, 143, 213, 216.
Рагху – 308.
Рам-Бурзин – 340.
Раст-Равишн – 104, 125.
Рахам – 149.
Рахш, упомянутый в надписи царя Нарсе – 85.
Рахш, упомянутый в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 85.
Руфин – 324, 327, 348, 506.
Рэббэн Бэр Сахде – 122.
Саак Багратуни – 260.
ас-Саалиби – 20, 26, 28, 97, 149, 153, 154, 167, 279, 282, 293, 295, 296, 307, 308, 314, 348, 357, 367, 373, 380, 395, 397, 417, 471, 493, 582.
Сабура – 142.
Савромакс – см. Саурмаг, правитель Ивирии.
Сагдухт – 257.
Сайф Ибн Зи Язан – 551, 552, 555, 556.
Салаба – 286.
Салама – 494, 495.
Салман ал-Фариси – 317, 624.
Саманиды – 18.
Самвел Анеци – 36, 57, 270.
Самвики – 318.
Самуил, епископ Туса – 138.
Санатрук – 554.
Санджана Б. – 161.
Саравар – см. Шапур II.
Сасан, евнух – 370.
Сасан, имя двух царевичей, упомянутых в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры» – 76.
Сасан Сурен – 77.
Сасана, потомки – см. Сасаниды.
Сасаниды – 4, 8, 9, 10, 13, 14, 16, 18, 19, 22, 24, 25, 26, 28–31, 35–39, 42, 47, 48, 52, 62, 66, 68, 70, 73–81, 84–88, 90–96, 99, 105, 106, 115, 116, 118, 124–126, 129, 130, 140, 149, 153, 193, 197, 205, 209, 213, 217, 219, 220, 231, 232, 234, 237, 239, 244–246, 248, 250, 256, 257, 259, 261, 263, 266, 271–276, 279, 284, 290, 291, 294, 298–302, 305, 307–310, 312, 313, 318, 319, 322, 327, 332, 338, 343, 344, 359, 375, 379, 383, 420, 422, 436, 464, 465, 478, 479, 485, 486, 489, 490, 492, 495, 496, 505, 506, 516–520, 530, 546, 550, 559, 562, 577, 578, 582, 583, 586, 590, 596, 602, 617, 625, 626.
Сатана – 453.
Саурмаг, правитель Ивирии – 242, 243, 245.
Саурмаг, спаспет – 245.
Себеос – 35, 153, 200, 313, 353, 467, 482, 517, 547, 561, 562, 573, 574, 575, 577, 586.

Север Антиохийский – 178, 181.
Севохф – см. Сибохт.
Секст Руф – 230, 233, 236, 237.
Сеос – см. Зармихр.
Септимий Север – 217, 218.
Сергий, мученик – 569.
Сергий, переводчик – 10, 11, 14, 25, 31, 42, 46, 47, 48, 50–54, 57, 58, 60–62, 74, 97, 408, 477, 522.
Сибохт – 548, 557.
Сид-Хош – 365.
Сила – 208–210, 212, 447, 448.
Силгиби (Силгби) – 269.
Сильван, отец Руфина – 324.
Сильзивул – 554, 584, 585, 587, 588, 590–595.
Симах-Бурзин – 370.
Симеон, армянин, получивший при Каваде I «концессию» на разработку золотых копей – 338.
Симеон Бэр Сэббаэ – 68, 131–133, 170.
Симеон Спорщик – 211, 212, 288, 290.
Синджибу-хакан – см. Сильзивул.
Сис – см. Сисинний.
Сисинний – 146.
Сиявуш (Сеос) – см. Зармихр.
Сиявуш, сын Михрана Рейского – 87.
Созомен – 130, 131, 133.
Сократ Схоластик – 137, 189, 250, 284.
Сотерих – 535.
София – 472, 566.
Спандияд Пахлав – 80, 86, 271, 583.
Спандияды, род – 85, 86, 101, 108, 130, 354.
Спахбад, брат матери Хосрова Ануширвана – 311, 313, 348.
Спахбад, отец Виндоя и Вистама, дядьёв Хосрова II Парвиза – 312, 313.
Спахбад, сподвижник Виштаспы – 80, 84.
Спахбады, род – 80, 84, 85, 97, 105, 313, 315.
Спитама – 112.
Спренглинг М. – 295.
Срош – 156, 213.
Стагирит – см. Аристотель.
Степанос Орбелян – 35, 247, 546.
Степанос (Асохик) Таронеци – 35, 211, 261, 546,–548, 577.
Стефан, врач Кавада I – 324.
Страбон – 114, 120, 226, 227, 233, 266, 272, 273, 493, 527, 528, 561.
Сумм – 510.
Сумйафа Ашва – 549.
Сун Юнь – 204, 306.
Сурен, *марзбан* Армении – 547, 548, 562, 577.
Сурен, основатель рода Суренов согласно Мовсесу Хоренаци – 80.
Сурен, парфянский полководец, упоминаемый у Плутарха – 81, 82.
Сурен, сановник царя Нарсе – 116.
Сурен, сановник Хосрова I Ануширвана, участвовавший в переговорах с Византией в VI в. – 88, 538.
Сурен, сановник Шапура II – 99, 100, 240, 282, 283, 367.
Сурен Пахлав – 80, 84.
Сурена Партава (Пахлава), род – см. Сурены, род.
Сурены, род – 77, 80, 81, 84, 85, 95, 97, 99, 108, 354.
Сухра – 154, 155, 157–160, 192, 201, 202, 305, 306, 354.
Суфрай – см. Сухра.
ат-Табари – 5, 11, 17, 21, 24–26, 29, 38, 41, 42, 46, 47, 50–52, 56–59, 66, 71, 74, 77–87, 92, 93, 102–104, 106, 109, 110,

117, 121, 122, 124, 126, 127, 130, 150, 152, 153, 158, 187, 188, 195, 200, 218, 220, 221, 231, 240, 253, 273–278, 281, 284, 286, 290, 291, 293, 296, 298–301, 303, 306, 313, 315, 321, 323, 330, 340, 358–362, 366, 377, 378, 387, 388, 392, 394, 410, 418, 435, 466, 478, 479, 481, 487, 489, 509, 510, 551, 552, 556, 557, 570, 582, 587–589, 592, 594, 595, 603, 634, 635.
Там-Хосров – см. Тахм-Хосров.
Тансар – см. Тосар.
Тарду – 585.
Тахм-Ездигерд – 139, 369.
Тахм-Хосров – 369, 370, 567, 574–577, 579.
Тацит – 292.
Теренций – 241, 242.
Тиверий – 356, 472, 476, 566–569, 572, 576–581, 584, 595.
Тигран, отец Аршака, царя (сатрапа) Армении – 241.
Тир – см. Тистар.
Тиран – см. Тигран, отец Аршака.
Тирдат – 527.
Тиридат – 225.
Тистар – 151, 175.
Тит Бострийский – 179, 181.
Тобо-хан – 595.
Томсон Р. У. – 313.
Тосар – 22, 28, 115, 130, 418–422, 437, 438, 444, 446, 468, 598, 624, 633, 634.
Траян, император – 336.
Траян, квестор и посол – 567.
Трдат – 225.
Требеллий Поллион – 227, 230.
Требониан Галл – 224, 225.
Трибун – 471.
Тумарса – 134, 135.
Турксанф – 595.
Тчиховр-Вешнасп – см. Чихр-Гушнасп.
ал-Уакиди – 79.
ал-Узза – 523.
Умар, сын ал-Хариса Ибн Амра – 497.
Умар, халиф – 37, 82.
Ураний – 474.
Усман, халиф – 79.
Ухтанес Урхаеци – 260.
Уэст Э. У. – 411.
Фавриз – см. Вехриз.
Фавстос Бузанд – 88, 118, 241–244, 259, 296, 297.
Фаганиш – 586.
Фадлуллах Ибн Абдиллах – 27.
ал-Файйад Зу Язан – 552.
Фарнавазиды – 232.
Фаррох-бохт – 138.
Фаррохан – 41.
Фаррохзад, отец Адур-Фарнбага, зороастрийского религиозного деятеля IX в. – 23.
Фаррохзад, отец Адур-Фарнбага, одного из авторов *Динкард*-а – 13, 23, 24.
Фархад, полководец, участвовавший, согласно *Шах-намэ*, в походе Хосрова I Ануширвана на Византию в 540 г. – 511.
Фархад, тайный маздакит – 177, 178.
Фарсман IV – 257.
Фарсман V – 332.
Фасварсан – см. Хосров I Ануширван.
Феодор, посол – 571, 572, 575, 580.
Феодор, правитель Софанены – 263.
Феодор Бэр Кони – 186, 206.
Феодора – 355, 367.
Феодорит – 183, 206.
Феодосий Великий (Феодосий I) – 247.

Феодосий II – 136–138, 245, 250, 251, 253, 326.
Феофан Византийский – 31, 32, 352, 353, 545, 548, 549, 553, 554, 560–562, 584.
Феофан Исповедник – 30, 33, 39, 71, 73, 137, 185, 235–238, 251, 265, 268–270, 304, 311, 318–322, 325, 326, 330, 331, 333, 335, 336, 338, 496, 497, 508, 520, 542, 545, 554, 555, 558, 574.
Феофилакт Симокатта – 31, 32, 69, 75, 79, 81, 82, 84, 86, 87, 122, 126, 200, 204, 246, 312, 313, 329, 343, 353, 356, 368, 369, 371, 379, 394, 452, 465, 476, 479, 551, 553, 554, 560, 563, 565, 572, 574, 576-577, 579, 593.
Ферогдаф – 580.
Филипп Аравитянин – 222, 223.
Филосторг – 121, 277, 553.
Фирдоуси – 6, 9, 18–21, 53, 153, 159, 191, 298, 299, 308, 315, 352, 359, 373, 377, 381, 382, 388, 389, 453, 466, 492, 512, 513, 546, 581, 596.
Флавий Луций Декстер – 222,
Флавий Юстиниан Цезарь – см. Юстиниан I.
Фотий – 498, 545, 549, 561.
Фрай Р. Н. – 43.
Фукидид – 473.
Хаджи Халифа – 20, 27, 309.
Халид Ибн Джабала – 509.
Халима – 532.
ал-Хамдани – 557.
Хамза ал-Исфахани – 11, 12, 14, 16, 24, 25, 47, 55, 71, 126, 213, 276, 285, 286, 288, 290, 303, 319, 320, 437, 478, 479, 485, 486, 488, 552, 558, 559, 569, 570, 571.
ал-Харис Ибн Амр – 286, 287, 289, 290, 291, 494, 495–498.
ал-Харис Ибн Джабала – 287, 466, 496, 509, 510, 519, 521, 523, 532, 533, 542, 550, 558, 559.
ал-Харис Гассанидский – см. ал-Харис Ибн Джабала.
ал-Харис Киндитский – см. ал-Харис Ибн Амр.
Хасан Куми – см. Куми.
Хафиз-и-Абру – 394, 401.
Хафтан-Бохт – 276.
Хафтвад – 19.
Х(в)адайдохт – 413.
Хварраг – 187.
Хварразад, сын Нарсе – см. Вехриз, полководец Хосрова I Ануширвана, командовавший, согласно мусульманским авторам, походом в Йемен.
Хинд – 291.
Хишам ал-Кальби – 150, 218, 275, 284, 288, 290, 478, 479, 499–502, 505, 552, 558, 570, 571.
Хишам Ибн Абд ал-Малик Ибн Марван – 14.
Хойап – 384.
Хонигманн Э. – 231.
Хордад, сын Нарсе – 379.
ал-Хорезми – 299, 382, 400, 599.
Хориан – 453, 526, 527.
Хормизд, Хормузд, зороастрийский бог – см. Ахура-Мазда.
Хормузан – 82, 84, 88.
Хормузд, наместник Убуллы – 378.
Хормузд, сын Хормузда II и брат Шапура II – 69, 98, 99.
Хормузд I – 46, 47, 62, 70, 115, 144, 295, 323.
Хормузд II – 48, 50, 63, 69, 97, 98, 234.
Хормузд III – 57, 61, 63, 148–150, 208, 256, 258.

Хормузд IV – 5, 6, 22, 67, 73, 199, 246, 247, 313, 315, 341, 351, 364, 365, 373, 376, 377, 392, 393, 455, 456, 464, 466–469, 552, 586, 594.
Хормузд Харрад – 511.
Хосров, правитель Персармении – 243, 244.
Хосров, претендент на престол и соперник Варахрана V Гора – 53, 54, 102.
Хосров, сын Махдада – 410.
Хормузд Вараз – 85.
Хосров (Хосров I или Хосров II), пожаловавший, согласно Якуту, *икта* (*iqṭā'*) – 94.
Хосров Старший – см. Хосров I Ануширван
Хосров I Ануширван – 4–9, 17, 19–22, 24, 25, 27–36, 38, 62, 67–69, 72, 74, 75, 87, 88, 94, 102, 121, 123, 151, 155, 157, 161, 171, 184, 193, 196, 201, 209, 211, 232, 246, 262, 266, 269, 271, 272, 278, 281, 290, 291, 310–316, 318–325, 327, 328, 331, 332, 334–338, 340–370, 372–391, 393–399, 401, 403, 406–411, 413–419, 421, 422, 435, 438, 444–485, 488–497, 499–527, 529–531, 534, 535, 537, 538, 541–557, 559, 563–591, 593–603, 605, 606, 608, 610, 611, 613, 615, 617, 624–636.
Хосров II Парвиз – 6, 14, 18, 38, 39, 69, 70, 71, 73, 94, 126, 147, 192, 211, 284, 312, 313, 317, 353, 354, 358, 362, 364, 372, 502, 552, 571, 634.
Хосров-Ездигерд - 135.
Хосрова, род – см. Сасаниды
Хошанг – 344.
Христофор (Кристапор) I Тирариджци – 462.
Худжр, сын ал-Хариса Ибн Амра – 498.
Худжр Ибн Амр – 285, 286, 495.
Хуна, «глава рассеяния», казнённый в 469 или 470 г. – см. Мар Хуна.
Хуна, «глава рассеяния», умерший в 507-508 гг. – 216.
Хуна, имя одного или двух внуков Мар Зутры по «Малой истории мира» - 213.
Хуршид – 370.
Хуш-Пуя – 177.
Хуэй Сан – 204, 306,
Цаф, правитель лазов, современник Кавада I – 268.
Цаф, правитель лазов, современник Хосрова I Ануширвана – 535.
Цзи-до-ло – см. Кидара.
Чихр-Гушнасп – 547.
Чунакова О. М. – 417.
Шабо Ж.-Б. – 127.
Шаки М. – 174, 175.
Шакиб – 178.
Шангал – 53, 309.
Шаншиев П. – 256.
Шапур, *аргабад*, упомянутый в надписи царя Нарсе – 78.
Шапур, *бидахш* при Шапуре I – 76.
Шапур, брат Шапура II – 97.
Шапур, епископ Бет-Никатора – 131, 132.
Шапур, имя одного из сасанидских царей в «Книге короны», приписываемой ал-Джахизу – 358.
Шапур, сын Ездигерда I – 52, 72, 102, 254.
Шапур, *фрамадар* – 105.
Шапур I – 16, 36, 37, 42–47, 62, 70, 73, 74, 76–79, 85–87, 95, 105, 115, 116, 121, 122, 128, 129, 143, 144, 222–231, 274, 276, 293, 294, 307, 312, 317,

323, 348, 369, 370, 371, 420, 422, 436, 524, 570, 635.
Шапур II – 16, 20, 21, 50, 51, 63, 68, 70–72, 89–91, 94, 97–100, 105, 108, 109, 113, 117, 118, 129–133, 139, 142, 147, 216, 221, 234, 236–243, 245–247, 259, 277–285, 296, 297, 307, 308, 317, 326, 339, 367, 369, 383, 406, 407, 451, 452, 459, 464, 471, 502, 505, 506, 583.
Шапур III – 51, 52, 63, 100, 118, 135, 244.
Шапур Вараз – 85.
Шапур Михран, полководец, сановник Кавада I – см. Шапур Рейский.
Шапур Михран, полководец Хосрова I Ануширвана – 353, 354, 579.
Шапур Рейский – 154, 159, 160, 192, 260, 261, 367.
Шапур Тахм-Шапур – 369.
Шарахил Якбул – 552.
Шах-Асан – 490.
Шахбани – 490.
Шахдуст – 133, 134.
Шахид И. – 283.
Шахин – 362.
аш-Шахрастани – 168–171, 173–178, 181.
Шахрат – 219, 220.
Шахрвараз – 14.
Шила – см. Сила.
Шир-Мухаммад – см. Шираб.
Шираб – 177.
Ширази – 99.
Ширин, жена Хосрова II Парвиза – 502.
Ширин, женщина из знати, упомянутая у ал-Бакри – 502, 505.
Ширин, мученица – 457–459.
Широй – 38, 39, 73, 88.
Широй Вахрам – 511.
Шихаб ад-Дин Ахмад Ибн Абд ал-Ваххаб ан-Нувайри – см. ан-Нувайри.
Шишиндохт – 141.
Штейнгасс Ф. – 161, 342.
Шурахбиль – 494, 495, 498.
Шушаника – 259.
Шэхлуфа – 128.
Эвда, мученик времён Шапура II – 68, 131.
Эвдем – 407.
Эвлия Челеби – 249.
Экибшма – 132.
Элий Спартиан – 197.
Юлиан, писец Юстиниана I по тайным делам – 513.
Юлиан Отступник – 25, 68, 72, 98, 99, 100, 142, 215, 230, 236–239, 241, 281, 327, 383.
Юлий Капитолин – 222.
Юван Ям – 414, 415.
Юнан – 151, 413, 414.
Юстин I – 268, 269, 288, 325, 327, 328, 330, 332, 334, 335, 353, 506, 511, 531, 532.
Юстин II – 356, 472, 476, 477, 542–549, 557, 559–569, 577, 579, 584, 585, 588, 591, 594, 595, 627.
Юстин Младший – см. Юстин II.
Юстиниан, стратиг востока – 568, 569, 572, 573.
Юстиниан I – 30, 68, 205, 251, 289, 330, 331, 333–337, 339, 343, 400, 410, 461, 470, 471, 475, 496, 498, 506–511, 513, 515, 516, 519–527, 529–532, 535, 538, 541–543, 547, 550, 555, 558, 565, 590, 591.
Юсуф-шах – 27.
Язд-Гушасп – 377.
Язд-Гушнасп, молочный брат царя Пероза – 149.
Язд-Гушнасп, наместник (V в.) – 102.

Язд-Гушнасп Зиг – 88, 355, 371, 524, 529, 530, 531, 537, 538, 542, 544, 584.
Яздандад – 466, 467.
Яздани – см. Баттай.
Яздпанах, мученик – 457, 458.
Яздпанах, старшина пленников из Антиохии, поселённых в Вех-аз-Андив Хосрове – 462.
Язид, один из предводителей арабов, переселившихся в 536 г. в Евфратисию – 499.
Язид, сын Шурахбиля – 498.
Яксум – см. Аксум, сын Абрахи.
Якуб Ибн Лайс – 18.
ал-Якуби – 12, 26, 47, 51, 72, 98, 100, 314, 359–363, 374, 377, 379, 494, 498–500, 504.
Якут – 7, 28, 79, 84, 94, 99, 122, 126, 233, 271, 281, 307, 308, 314, 316, 321, 416, 446, 491, 533, 553, 554, 582.
Яхья Казвини – 26.
Chabo – см. Каб.
Fadawkas – 283.
Fāhir (Māhir) – 109.
Fāq.m – 467.
Hezido – см. Язид, один из предводителей арабов, переселившихся в 536 г. в Евфратисию.
Malechus Podosaces – см. Малик Подосак
Qāq.m Ḫāqān – 587.
Qāqum – 467.
Yuvān Yam – 414.
Βλησχάμης, Βλησχάνης – 518.
Ζαβαναρζὸς – 508.
Ζαμαναρσὸς – 508.
ورز, وزر – 587.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И НЕКОТОРЫХ ИНЫХ НАЗВАНИЙ

Абаршахр – 74, 143, 293, 294, 304, 305, 313, 314, 436, 583.
Абасгов, земля – см. Абхазия.
Абхазия – 258, 527, 531.
Аварайрская равнина – 255.
Аварнак – см. Абаршахр.
Аварон – см. Амбаран.
Аварское Койсу – 484.
Авринак – см. Абаршахр.
Агран – 483.
Аден – 553.
Адиабена – 74, 96, 125, 126, 128, 129, 136, 143, 198, 207, 217, 219, 220, 231, 436.
Адур-Гушид – 414.
Адур-Гушнасп – 197, 415.
Адур-Хварра – 414.
Азербайджан – 85, 128, 183, 200, 220, 229, 233, 257, 270–272, 350, 353, 359–362, 364, 365, 376, 389, 410, 416, 436, 466, 481, 485, 592, 595, 603, 604, 609, 611.
Азия (в тексте Зосима) – 225.
Азовское море – см. Меотида.
Айас – см. Эгеи.
Айаш – см. Севастия (Айаш).
Айдынджик – 226.
Айн-Тамр – 276, 279.
Айн-Убаг – 278, 287, 533.
Аксум – 549, 550.
Алан, область – 611.
Аланские Ворота – см. Дарьяльское ущелье.
Албанские Ворота – 255, 482.
Алгонлу – см. Алханлу.
Алгонская стена – 271.
Александрия – 591.
Александретта – 224, 226.
Алеппо – 224, 512, 513.
Алпан – 271.
Алус – 280, 563.
Алханлу – 271.
Аматуни – 244.
Амбаран – 563.
Амида – 58, 61, 235, 238–240, 263, 264, 266, 267, 288, 296, 306, 324, 393, 572, 578, 579.
Амоль – 581, 586.
Аму-дарья – 298–300, 302, 344, 586, 589.
Амуль – 298, 586.
Ана – см. Аната.
Аназарб – 226.
Анамур – 226.
Анамур Бурну – 226.
Аната – 224, 230.
ал-Анбар – см. Пероз-Шапур.
Анемурион – 226.
Анкара – см. Анкира.
Анкира – 503, 504.
Антиохия (Антиохия в Сирии, Антакия) – 70, 128, 222, 224, 227–229, 335, 367, 451, 462, 470, 512–515, 560, 563.
Антиохия (Эндише-Гюней) – 226.
Антониополь – см. Констанция.
Апамея – 224, 472, 515, 563.
Апсилия – 528, 531.
Апсилов, земли – см. Апсилия.
Арабов, страна (упомянутая Юлианом Отступником в похвальном слове Констанцию II) – 236.
Аравийский полуостров, Аравия – 127, 277, 279, 290, 495, 550, 610.
Аравийское море – 555, 557.
Аракс – 270, 476.
Араксианина – 476.
Арахосия – см. Руххад.
Арбела – 126–128, 198, 219.

Арвастан, область от Нисибина до Тигра – 125, 217, 462, 463, 519.
Арвастан, область, упомянутая в «Книге деяний Ардашира Папакана» – 276.
Аргандаб – 588.
Ардашир-хоррэ – 78, 152, 282, 385.
Ардебиль – 229, 486.
Ардистан – 314, 316.
Арзан – 578.
Арзанена – 87, 123, 125, 126, 211, 233, 240, 251, 476, 519, 560, 574, 578, 579, 580.
Арийская страна – см. Иран.
Ария – 294.
Армения – 35-36, 49, 55, 74, 85, 86, 88, 102, 119, 123, 139, 141, 183, 197, 203, 209, 220, 222, 223, 225, 229, 231, 233, 234, 235, 239, 241–245, 247–250, 254–257, 259–263, 266, 270, 332, 337–339, 353, 360, 364, 384, 400, 417, 457, 517, 519, 521, 525, 546–548, 557, 561, 562, 566, 568, 569, 571, 574–577, 580, 595, 611.
Армянская страна – см. Армения.
Армянский (Восточный) Тавр – 233.
Арран – 486.
Арсам – см. Аршам.
Арсианские горы – 258.
Артагерс – 241.
Арташат – 223.
Арумиган – см. Вех-аз-Андив Хосров.
Археополь – 526, 528, 531, 535, 537.
Аршакидская держава – 292.
Аршам – 218.
А-си – см. Парфия.
Аслантепе – см. Мелитина.
Ассирия – 143, 198.
Асуристан – 91, 231.
ал-Атик – 280.
Атропатийская Мидия – 233.
Аттилы, страна – 592, 593.
Афганистан – 216, 291, 292, 294, 298, 589.
Африка – 508, 509.
Афумон – 579, 580.
Ахваз – см. Хормузд-Ардашир.
Ахты – 485, 490.
Баакуба – 70.
Бабадаг – 271.
Багаван – 242.
Багдад – 121.
Багдад-Гергер – 481.
Багреванд – 244, 571, 577.
Бадахшан – 210.
Бадгис – 293, 363, 588.
ал-Бадд – 233.
Байлакан – 270, 271.
Бактрия – 292, 295, 296.
Балад Синджар – см. Сингара.
Баланджар – 482, 483, 592.
Баласаган – 229, 231.
Баласаганская степь – 229.
Балх (в Афганистане) – 188, 292–304, 359, 363, 583, 586, 587.
Балх (в Дагестане) – см. Баланджар.
Бам – 294.
Бамиан – 188.
Банкалус – см. Никобар.
Барда, Бардаа – см. Партав.
Барм-и-Дилак – 37.
ал-Баршалиййя – 491, 492.
Басеан – 244, 577.
Басра – 78, 79, 89, 93, 127, 285, 494.
Батн Акил – 285.
Батна – 224, 225, 264-265, 522.
Бахрейн – 122, 127, 273, 276–279, 282, 285, 456.
Бейлекан – 270.
Белапатон – см. Гундишапур.
Белкис – см. Зеугма

Белуджистан – 294, 364, 396,
Берсил – 492.
Бет-Аршам – 211.
Бет-Гармай – 90, 125, 130, 136, 139.
Бет-Завде – 50, 51, 239.
Бет-Лапат – см. Гундишапур.
Бет-Никатор – 126, 131, 132.
Бет-Хевтон – см. Хефтон.
Бет-Хэзайе – 126, 127.
Бишапур – 12, 36, 275.
Ближний и Средний Восток – 4, 60, 125, 598.
Боспор – 595.
Бохтан-су – 476.
Буд-Ардашир – см. Бет-Хэзайе.
Буйнакск – см. Темир-хан-шура.
Бурджан, область – 610.
Бурзин-Михр – 64.
Бурназ – см. Катавол.
Буст – 299, 588, 589.
Бухара – 299, 302, 586, 594.
Бушандж – 363.
Бушт – 588.
Вавилон – 143, 159.
Вавилония – 213.
Вавилонян, земли – 198.
Вагабанта – 242.
Ван – 198.
Ванадзор – 517.
Ананд – 611.
Варачан – 592.
Варвалисс – 224, 515.
Вахман-Ардашир – см. Прат-Майсан.
Вендосавир – см. Гундишапур.
Верея – см. Алеппо.
Верилия, внутренняя – 491, 492.
Вех-аз-Андив Хосров – 462, 513.
Вех-аз-Андив Шапур – см. Гундишапур.
Вех-Ардашир – 70, 234, 239.
Вех-Кавад, Средний – 141.
Визак – 199.
Византийская держава, Византия – 21, 25, 31, 33, 35, 61, 121, 192, 193, 205, 210, 215, 253–255, 258, 261–263, 268, 269, 284, 300, 316, 318, 324–327, 332, 336, 337, 339, 341, 343, 348, 352, 353, 355, 360, 366, 368, 391, 410, 445, 447, 451, 454, 459, 460, 461, 463, 469, 471, 479-480, 497, 500, 506–509, 511, 512, 516, 518, 520, 521, 524–527, 530, 535–538, 541–544, 548, 549, 551, 552, 554, 557, 560, 565–568, 571–573, 576, 577, 579, 580, 585, 591, 594–596, 626–628, 635.
Виндошавор – см. Гундишапур.
Вираншехир (Константина) – см. Телла.
Вираншехир (Помпеюполь) – см. Помпеюполь.
Вол – 338, 507.
Волга – 483, 593.
Волжская Булгария – 491-492, 593.
Ворота Самцхе – 517.
Ворота Чора – 246–250, 271, 539, 603, 604.
Ворота Шаке – 492.
Восточная Римская империя – 54, 206, 245, 250, 302.
Воя, река – 525.
Габбул – Джаббул (в Сирии) – 563.
Газипаша – 226.
Газна – 299, 307, 308, 344, 345.
Гай – 141.
Галатия – 247.
Галлия – 237.
ал-Гамр – 285.
Гамри – 484.
Гамриозень – 484.
Ганг – 307,
Гандзак – 336.
Гардабани – 257, 517.
Геллала – 126.
Гельбах – 480, 483.

Герат – 292, 293, 294, 305, 363.
Германикея – 224, 225.
Гиераполь (Кастабала) – 226.
Гиераполь (Манбидж) – 224, 273, 512, 519, 520.
Гилигерд – 199.
Гилиндире – см. Келендерида.
Гильгичай – 271, 481.
Гилян – 74, 265, 294, 419, 484, 486.
Гимры – см. Хумри.
Гипп – 527.
Гиришк – 292.
Гиркания – см. Гурган.
Гирканское море – см. Каспийское море.
«Город Шапура» – см. Бишапур.
Грвандакан – 200.
Грузия – 232, 245, 259, 262, 321, 333, 517.
Гугарк – 259, 260, 517.
Гугаркский район – 517.
Гунбад Кавус – 414.
Гуджарат – 344.
Гузган – 299.
Гумик – см. Кумух.
Гундишапур – 70–72, 127, 128, 145, 199, 200, 449, 452, 453, 469.
Гур – 299, 589.
Гурган – 69, 197, 259, 265, 293, 294, 303, 305, 315, 481, 486, 570, 581, 582, 583, 586, 594.
Гурийан – см. Бушандж.
Гушасп – 64.
Гюбечи – см. Зрихгаран.
Давара, страна – 588, 589.
Дагестан – 256, 480, 483, 487.
Даих – 592.
Дайбул – 308, 309, 596, 597.
Дайр ал-Джамаджим – 280.
Дайрин – 127.
Дамаск – 334.
Дамган – 266, 583.
Дара – 268, 334, 335, 341, 353, 456, 472, 507, 514–516, 518, 523, 524, 538–540, 560, 561, 564–568, 571, 576, 578, 580.
Дарабгерд – 77, 130, 152, 402.
Даргинское ущелье – 246.
Дарин – 127, 276.
Дариниг – см. Дарин.
Дарьяльское ущелье – 229, 231, 248, 250, 253, 258, 259, 263, 265, 267, 268, 320, 492, 507, 539, 568, 596.
Дашт-и-Баласаган – см. Баласаганская степь.
Двин – 260, 547, 562.
Дейлем – 127, 183, 266, 294, 419, 486.
Дейлемитов, область – см. Дейлем.
Демавенд – 360.
Дера-Гази-Хан – 308.
Дербент – 203, 246, 248, 249, 271, 272, 320, 321, 480, 482, 484, 486, 487, 491, 492, 609, 625.
Дербентская стена – 482.
Дербентский проход – 246, 250, 255, 256, 258, 265, 272, 480–482, 491, 611.
Дехистан (в области Бадгис) – 588.
Дехистан (в области Гургана, обиталище Спахбада, сподвижника Виштаспы) – 80.
Джаббул (в Сирии) – см. Габбул.
Джаббул (на Тигре) – 504.
Джавахетия – 517.
Джавахк – см. Джавахетия.
Джалула – 87.
Джампур – 308.
Джараблус – см. Европос.
Джейкобабад – 597.
Джейхан – 226.
Джейхун – см. Аму-дарья.
Джорджанети – см. Гурган.
Джузджан – см. Гузган.
Дзирула – 528.

Дидойские Ворота – 492.
Дийала – см. Тормара.
Динавар – 84, 183, 270.
Диндебол – см. Домициуполь.
Долихе – 224.
Домициуполь – 227.
Драгиана – 295.
Дура Европос – 37, 230.
Дурдзукская крепость – 493.
Европос – 519.
Евфрат – 50, 74, 221, 224, 225, 227, 230, 234, 239, 241, 252, 263, 265, 272, 273, 278–281, 284, 287, 289, 291, 292, 299, 329, 334, 338, 497, 501–504, 506, 511, 515, 519, 520, 522, 533, 534, 535, 563, 565, 571, 573, 574, 579.
Евфратисия – 499, 512, 519.
Егер – 261, 517.
Египет – 289.
Железные ворота – см. Чор (кавказский).
Заб, Большой – 91, 126, 458.
Заб, Малый – 126, 458.
Забдицена – 125, 126, 233, 240.
Забулистан – 154, 201, 299, 354, 588.
Загрос – 50.
Закавказье – 30, 31, 35, 154, 242, 248, 254, 258, 262, 266, 332, 453, 508, 524, 529, 531, 534, 545, 561, 611.
Залабиййя – 512.
Замм – 586.
Зарандж – 292, 295.
Зат Ирк – 285.
Зат ал-Хибар – 533.
Зафар – 554.
Зеновии, город – 512.
Зеравшанский хребет – 589.
Зеугма – 224.
Зефирион – 226, 227.
Зимфа – 233.
Зирма – 476.
Зрихгаран – 483, 487, 488.
Зу Кар – 280, 505.
Зубала – 504.
Ивирия – 36, 74, 197, 198, 202, 229, 231–233, 242, 243, 245, 248, 250, 254, 257–263, 321, 332, 333, 351, 457, 507, 517, 519, 528, 531, 536, 562, 576, 577, 580.
Иерусалим – 141, 142, 519, 520.
Измит – см. Никомидия.
Изэ – 200.
Иконион – 227.
Илик – 592.
Иллирик – 237.
Ингилена – 233.
Ингури – см. Эгрис-цкали.
Инд, местность, упомянутая у Джуаншера Джуаншериани – 259.
Инд, река – 216, 292, 294, 307–310, 596, 597.
«Индийские пределы», местность, упомянутая у Иоанна Малалы – 496.
Индия – 16, 18, 122, 147, 160, 217, 292, 295, 299, 307–309, 370, 472, 550, 556, 557, 589, 596, 597, 609.
Инджи – 483.
Ирак – 73, 78, 79, 87, 90, 91, 121, 125, 126, 128, 155, 209, 213, 216, 240, 273, 274, 277, 360, 362, 391, 451, 503, 505.
Иран, Иранская держава, Иранская страна – 60, 67, 77, 78, 82, 90, 93, 102, 121, 126, 140, 141, 149, 158, 162, 165, 190, 192, 203, 216, 233, 257, 274, 278, 298, 299, 301, 303, 307, 401, 402, 404, 417, 419, 436, 437, 446, 556, 581, 583, 594.
Иран-хварраг-Шапур – см. Карха-з-Ледан.
Ираншахр – 602.
Исбаз – 586.

Искендерун, город – см. Александретта.
Искендерун, залив – 226, 227.
Ислахийе – см. Никополь.
Испания – 610.
Истахр – 12, 72, 77, 78, 188, 293, 424.
«Источник удитов» – 532.
Исфарраин – 313–315, 402.
Исфахан – 140, 141, 177, 183, 213, 314, 360, 361, 362, 436.
Италия – 508, 509, 516.
Их – 592.
Ихран – 480, 483, 484, 487, 489.
Йезд – 28, 396.
Йемама – 79, 277, 279, 286, 456.
Йемен – 89, 121, 273, 352, 354, 359, 446, 549, 550–556, 591.
«Кааба Заратуштры» – 74, 78, 85, 86, 87, 95, 105, 116, 122, 223, 224, 226, 229, 231, 276, 293, 294, 307, 312, 348, 369, 370, 371, 420, 422, 436.
Кабала – 270, 483.
Кабирлы – 270.
Кабул – 292, 293, 299, 589.
Кабулистан – 302, 588, 626.
Кавкаб – см. Куба.
Кавказ – 231, 246, 250, 259, 271, 446, 480, 485, 488–490, 492, 493, 527, 553, 561, 583, 592, 625.
Кавказская Албания – 229, 231, 246, 248, 256,–258, 262, 270, 272, 251, 480, 492-493, 568, 574, 625.
Кавказские Ворота – 265.
Кавказские горы – 216, 487.
Кавказский регион – 625.
Кадисия – 78, 82, 280, 624.
Кадусиев, земли – 198.
Казарун – 138.
Казима – 280, 551.
Кайсери – см. Кесария (Кайсери).
Кайтак – 481.
Кала-и-Бист – см. Буст.
Калат ал-Мадик – см. Апамея.
Каллиник – 232, 265, 338, 512, 520.
Кам-Пероз – 152.
Камбечан – 493.
Камбисина – см. Камбечан.
Кангарк – см. Кангары.
Кангары – 517.
Кандагар – 292, 296, 308, 588.
Кан-до-ло – см. Кандагар.
Каппадокия – 222, 225, 227–229, 247, 270, 572, 573, 576.
Караман – см. Лаpанда.
Кардухия – см. Кордуэна.
Карин – см. Феодосиополь (Карин).
Каркар – см. Багдад-Гергер.
Карры – 222, 225, 227, 230, 232, 264, 628.
Картли – 258.
Карха з-Бет-Слох – 90, 107, 126, 131, 132, 139, 147, 220, 458.
Карха-з-Ледан – 71, 72.
Кархида – см. Гугарк.
Карши – 594.
Касиран – 481.
Каспий – см. Каспийское море.
Каспийские Ворота – 250, 265, 266, 267, 270, 507, 514, 539, 611.
Каспийское море – 216, 246, 265, 266, 291, 481, 486, 574.
Кас – см. Кашгар.
Кастабала – см. Гиераполь (Кастабала).
Кастра Маурорум – 240.
Катавол – 226.
Катар – 127.
Катарийцев, область, страна – 127.
Кахраманмараш – см. Германикея.
Кашан – 484.
Кашгар – 295.

Кашкар – 126, 127, 131, 136, 329, 395, 504.
Кашмир – 292, 589, 590.
Каякент – 484.
Кветта – 308, 597.
Квирила – 526, 527.
Кедах – 609, 610.
Келасури – см. Клисури.
Келендерида – 226.
Келькит – 225.
Кемерхисар – см. Тиана.
Керман – 17, 24, 28, 74, 282, 285, 293, 294, 295, 360, 364, 396, 422, 437, 489.
Кесария (Аназарб) – 227, 228.
Кесария (Кайсери) – 227, 264, 572.
Кесария, упоминаемая в надписи Кардира – 229.
Кеч – см. Кикан.
Кидж, Киз – см. Кикан.
Кизляр – см. Сурхаб.
Кикан – 597.
Киликия – 228, 229, 247.
Килимар – см. Хломарон.
Киннасрин – см. Халкида.
Кимрал, Киран – см. Касиран.
Кир, река – см. Кура.
Киркесий – 234, 511, 563.
Киркук – см. Карха з-Бет-Слох.
Кировакан – см. Ванадзор.
Кирр – 224.
Китай – 122, 144, 147, 160, 287, 298, 301, 309, 585, 587, 595, 598, 599, 632.
Китриз – см. Кифаризон.
Кифаризон – 579.
Кичи-Маджар – 483.
Кишш – 594.
Кларджетия – 258.
Клисури – 258.
Кобулети – 516.
Колхида – 261.
Комана – 227.
Комисена – см. Кумис
Коммагена – см. Евфратисия
Константина – см. Телла.
Константинополь – 38, 244, 253, 254, 261, 327, 328, 337, 348, 355, 368, 451, 508, 514, 529, 537, 543, 544, 548, 549, 554, 555, 558, 565–568, 572, 584, 585, 618, 635.
Констанция – 238.
Конья – см. Иконион.
Корджайк – 198.
Кордрик – 198.
Кордрик, Верхний – 198.
Кордрик, Нижний – 198.
Кордрик, Средний – 198.
Кордуэна – 233, 240, 476, 519.
Корик – 226.
Красное море – 122.
Ктесифон – 18, 45, 50, 52–54, 69, 71–73, 93, 121, 128, 129, 133–136, 140–142, 154, 156, 200, 215, 220, 222, 225, 230, 232, 234, 239, 247, 260, 261, 316, 322, 326, 327, 346, 399, 415, 416, 447, 464, 476, 480, 518, 522, 531, 563, 574, 635.
Куба – 271, 481.
Кубань – см. Куфис.
Кубачи, Кубечи – см. Зрихгаран.
Кудиал – см. Куба.
Кузба – 212.
Кузбаз – см. Куба.
ал-Кулаб – 494.
Кум – 29, 360.
Кумис – 266, 481, 583.
Кумук – см. Кумух.
Кумукская гора – 484.
Кумух – 488, 490.
Кура – 248, 260, 486, 528, 568.
Куран – 402.
Кутаиси – 531, 535.
Кутруббул – см. Бет-Никатор.
Куфа – 494, 504.
Куфис – 592.
Кухандаз, крепость – 99.

Кушан, страна (упомянутая в надписи Шапура I на «Каабе Заратуштры») – 295.
Кушанское царство – 239, 292–294, 297.
«Кушунов» (кушан), страна (упомянутая у Егишэ) – 300.
Кфартута – 235, 521.
Кызылтепе – см. Кфартута.
Лазика – 261, 268, 269, 325, 332, 333, 352, 355, 356, 367, 368, 410, 507, 508, 512, 516–519, 522, 524–531, 535, 537, 539, 541, 542, 548.
Лангабалус – см. Никобар.
Лангкасука – 610.
Лаодикея – 331.
Ларанда – 227.
Лахидж – 487.
Лахмидское государство – 569, 570.
Лахор – 308.
Ленкоранская низменность – 229.
Ленкорань – 486.
Ликаония – 227.
Лоралай – 295, 308.
Луристан – 27.
Мавераннахр – 299, 363, 587.
Магушнасп – 197, 415.
Мадр – 188.
Мазандаран – 28.
Мазун – 127, 276.
Майферкат – 135, 263, 339.
Макравандов и таранов, область – см. Багреванд, Тарон.
Максимианополь – см. Телла.
Малайский полуостров – 610.
Малатья – 573.
Малая Азия – 216, 229, 231, 242, 356.
Малая Парфия – см. Мерв.
ал-Маликиййя – 240.
Малл – 226.
Манбидж – см. Гиераполь.
Марага – 486.
Марварруд – 60, 299, 300, 304.
Марга – 212.
Маргиана – 294.
Мардаг – см. Мардой-али.
Мардж ал-Акам – 503.
Мардин – 564.
Мардой-али – 244.
Мартирополь – см. Майферкат.
Масваб (в Хадрамауте) – 553.
Масваб (на пути из Мекки в Джидду) – 554.
Масйаф – 224.
Маскана – см. Варвалисс.
Маскат – 271, 481, 485, 487, 488.
ал-Массиса – см. Мопсуэстия.
Мах Нехавенд – 80.
Махан, Махов земля – 83–84, 416.
Махелония – 231.
Медина – 279, 503–504.
Мекка – 285, 287, 504.
Мелитина – 573.
Меотида – 592.
Мераге – см. Марага.
Мерв – 17, 74, 291, 292–294, 297–299, 301, 304, 305, 362, 390, 436.
Мерв Шахиган – см. Мерв.
Мерсин – см. Зефирион.
Месена – 74, 127, 136, 143, 436.
Месопотамия – 131, 219, 220, 223, 230–232, 235, 239, 242, 247, 273, 274, 279, 289, 337, 502–505, 512, 515, 538, 565, 568, 577.
Мидийцев, земля – см. Мидия.
Мидия – 41, 50, 69, 71, 73, 143, 159, 217, 220, 233, 294, 354, 360, 416, 436, 456, 538, 594.
ал-Микдадиййя – 70.
Мингрелия – 261.
Миндув – 334.
Мисимиан область, страна – 536, 537.
Мисихи – см. Пероз-Шапур.
Мискинджа – 485.

Миссис – см. Мопсуэстия.
Михран, река – см. Инд.
Михргард – 396.
Мокк – см. Моксоэна.
Моксоэна – 198, 240, 244.
«Монастырь черепов» – 502.
Мопсуэстия – 226.
Мосул – 126, 218, 220, 270, 274, 503, 504.
Мрул – 235.
Мтин – 517.
Муган – 257, 486.
Муганская степь – 229.
Мукран – 293, 294, 307–309, 596, 597.
Мултан – 308.
Мури – 536.
Мурис-цихи – 536.
Мускур – см. Мушкур.
Мухирисис – 526–531, 535, 536.
Мушкур – 481, 485.
Мцхета – 36, 232, 245, 257, 262.
Наби Хури – см. Кирр.
Награн – 288, 549.
Наджран – см. Награн.
Накш-и-Рустам – 74.
Нарын-кала – 481, 482.
Наса – 187, 188.
Насаф – 594.
Нахардея – 140, 141.
Нахр ал-малик – 141.
Нахрвара – 344.
Неджд – 287.
Нехавенд – 84, 220, 354.
Нигдэ – 227.
Нижний Чирюрт – см. Чильюрт.
Низип – 224.
Никобар – 609.
Никомедия – 236.
Никополь – 224, 226.
Ним-аз-рах – 416.
Ниневия – 462.
Нисибин – 91, 92, 121, 132, 136, 140, 142, 197, 198, 205, 207, 211, 212, 217, 219, 222, 228, 230, 232–238, 240, 242, 244, 246, 251, 253, 264–266, 276, 337, 361, 369, 454, 456, 461, 518–520, 539, 543, 557, 560–565, 571, 580.
Нишапур – см. Абаршахр.
Ниязабад – 249.
Нокалакеви – 527.
Нпат – 242.
Нусайбин – см. Нисибин.
«Обитель забвения» – 199, 200.
Оман – 121, 122, 127, 276, 277, 309, 550, 555, 591.
Оманцев, страна – см. Оман.
Орен-кале – см. Байлакан.
Османийе – 224, 226.
Осроэна – 217, 218, 234, 560, 565, 579.
Остиган-Хосров – 372.
Отлукбели – 225.
Падашваргар – см. Табаристан.
Пакдашт – 266.
Пакистан – 295, 486, 597.
Палестина – 216, 510.
Пальмира – 229, 509.
Панджвай – 588, 589.
Парадена – 294–295.
Паропанисады – 295.
Партав – 248, 256, 257, 270, 480.
Парфия – 143, 218, 220, 295, 306.
Парфян, земля – см. Парфия.
Парфянское государство – 219, 292.
Патан – 344.
Пашкивур – 295, 308.
Пенджаб – 308.
Перозамат – см. Партав.
Пероз-Кавад – 321, 370.
Пероз-Хосров – 321, 604.
Пероз-Шапур – 121, 140, 141, 222, 231, 239, 273, 275, 279–282, 290, 291, 370, 494, 505, 533, 563.
Персармения – 243, 254, 260, 332, 368.
Персидский залив – 74, 121, 127, 279, 506, 555.

Персидская держава, Персидское царство, Персия – 15, 98, 135, 204, 264, 265, 278, 280, 306, 307, 322, 378, 519–521, 551, 556, 565–567, 586.
Петра – 258, 352, 491, 516, 518, 519, 524–528.
Пешавар – см. Пашкивур.
Пирам – см. Джейхан.
Питиунт – 258.
Пицунда – см. Питиунт.
Помпеюполь – 227.
По-се – см. Персия.
Поти – см. Фасис, город.
Прат-Майсан – 127.
Прикаспий – 197, 486.
Прикаспийская низменность – 592, 593.
Причерноморье – 258.
Пумбадита – 140, 141.
Пуньят-Ардашир – 276.
Раги – см. Рей.
ар-Ракка – см. Каллиник.
Рас ал-айн – см. Ресайна.
Рафаниййя – см. Рефанея.
Рей – 80, 86, 87, 130, 150, 158, 265, 266, 297, 351, 360, 599.
Реон – 526, 528.
Ресайна – 222, 245, 265, 521, 564, 578, 579.
Рефанея – 224.
Рехимена – 240.
Рим – 25, 35, 48–50, 115, 132, 138, 139, 186, 217–219, 222, 225, 230, 232, 234, 236, 239, 241–245, 261, 459, 572.
Римская империя – 131, 217, 479.
Риони (Реон) – 526.
Риони (Фасис) – см. Фасис, река.
Ромеев страна – см. Византия.
Росс – 226, 227.
ар-Русафа – см. Сергиополь.
Руххад – 588.
ар-Руххадж – см. Руххад.
Руян – 28, 421.
Рштуник – 546.
Савад – 78, 102, 121, 127, 231, 274, 276, 278, 279, 501, 503, 505, 506.
Савиров, земли – 574.
Сагинов, пределы – 258.
Садак – см. Сатала.
ас-Салабиййя – 504.
Саманд – см. Семендер.
Самарканд – 147, 586, 594.
Самдар – см. Йемен.
Самур – 271, 481, 485.
Самшвильде – 517.
Санлыурфа – см. Эдесса.
Сар-и-Пул-и-Захаб – см. Хульван.
Сарандиб – см. Цейлон.
Сарапаны – 333, 507, 528, 531.
Саргафон – 560.
Сарды – 86.
Сари – 581, 582.
Сарир – 484, 487–490.
Сарматия – 487.
Сарудж – см. Батна.
Сасанидская держава, Сасанидское государство – 4, 9, 18, 19, 25, 31, 34–37, 55, 61, 64, 66, 68, 74–77, 85-86, 91–93, 95, 108, 115, 119, 124, 128, 131, 132, 135, 141, 148, 155, 156, 160, 182, 185, 190, 196, 205, 207, 209, 210, 212–214, 216, 230, 231, 239, 240, 242, 243, 245, 251, 250, 258, 260, 262, 263, 276, 279, 284, 293, 297, 305, 315, 324, 325, 327, 329, 331, 332, 343, 344, 348, 351, 352, 359, 361–363, 374, 389, 435, 437, 447, 452, 460–462, 464, 473, 475, 480, 492, 497, 543, 549, 552, 560, 571, 577, 583, 586, 587, 591, 593, 595, 610, 626, 627, 634.
Сатала – 225, 233, 337.
Сванетия – см. Свания.

Свания – 31, 38, 246, 530, 535, 536, 538, 542, 544, 545.
Сванов, земли – см. Свания.
Севастия (Айаш) – 226.
Севастия (Сивас) – 227, 572.
Севастополь (Сухум) – 258.
Северное Чжоу – 593.
Северный Кавказ – 248, 484.
Селевкия (Салукиййа) – 224.
Селевкия (Силифке) – 226, 227.
Селевкия на Тигре – 70, 73, 114, 133, 134, 136, 140, 215, 217, 232, 239, 273, 448, 476.
Селевкия Пиерия – 224, 472, 515, 563.
Селинус – 226.
Семендер – 482, 483, 484.
Семнан – 266.
Сенаки – 527.
Сергиополь – 466, 512, 519, 569.
Сивас – см. Севастия (Сивас).
Сиеледива – см. Цейлон.
Силифке – см. Селевкия (Силифке).
Сильван, город – см. Майферкат.
Сингара – 126, 197, 217, 236, 237, 239–241, 461, 580.
Синд, область – 122, 259, 294, 307–309, 588, 596, 597.
Синд, река – см. Инд.
Синдабайя – 233.
Синдад – 277, 278, 500, 501.
Сираф – 122, 402, 555.
Сирийская пустыня – 216.
Сирия – 49, 125, 142, 216, 217, 220, 222, 224, 225, 227–232, 234, 238, 247, 252, 274, 284, 335, 338, 400, 496, 499, 502, 503, 505, 512, 519, 534, 563, 564.
Сиров, страна – 590.
Сисавранон – 518.
Систан – 74, 75, 97, 148, 154, 216, 293, 294, 299, 307, 339, 360, 363, 436, 588.
Сканда – 333, 507.
Скимния – 530.
Скины – 273.
Согд, Согдиана – 287, 295, 298, 586, 587, 594.
Согдебиль – 517.
Сокотра – 557.
Софанена – 233, 263.
Средняя Азия – 216, 291, 295, 298, 299, 302, 625.
Сроша, святилище – 213.
«Стража Грузии», крепость – 248, 267.
Страта – 509.
Стримон – 221.
Струма – см. Стримон.
Сузы – 71, 121, 128, 130, 458.
Сук ал-Ахваз – см. Хормузд-Ардашир.
Сул – см. Нарын-кала.
Сулак – 483.
Сулеймановы горы – 308.
Сура, город на Евфрате – 466, 470, 512.
Сура, поселение с иудейским религиозным училищем – 141.
Суристан – см. Асуристан.
Сурхаб – 483.
Сухум – см. Севастополь (Сухум).
Сюник – 244, 246, 250, 255, 546.
Сюрюч – см. Батна.
Табаристан – 28, 159, 319–322, 333, 344–346, 354, 360, 419, 420, 486, 582.
Табарсаран – 481, 486.
Тавваз – 282.
Таиф – 285.
Тайк – 244.
Талакан – см. Талеган.
Талас – 554, 593.
Талеган – 301–303.
Талокан – 301.
Тамис – см. Тамишэ.
Тамишэ – 581–583.

Тапробана – см. Цейлон.
Тарон – 244, 571.
Тарс – 226, 227, 229.
Тарут – см. Дайрин.
Тарху – см. Семендер.
Тахт-и-Сулайман – 415.
Ташкент – 295, 586, 594.
Тебриз – 203, 486.
Тевет – 197, 561.
Тегеран – 266.
Телла, Телла з-Маузелат – 205, 235, 238, 264, 515, 578, 579.
Телль-Бешме – 578.
Темир-хан-шура – 484.
Термез – 302, 586, 589.
Тиана – 227.
Тибет – 147.
Тигр – 69, 70, 71, 79, 121, 126, 214, 217, 221, 233, 234, 238, 239, 266, 273, 276, 299, 339, 396, 504, 519, 580.
Тигр, Восточный – см. Бохтан-су.
Тизбон – см. Ктесифон.
Тикрит – 207, 464, 500, 503, 504.
Тиран – 177.
Тирхан – 127.
Тифлис – 245, 262, 548.
Тихама – 287, 498.
Тморик – 198.
Тоба-Какар – 308.
Токат – 227.
Тор-Брэйн – 90.
Тормара – 361.
Тохаристан – 299, 301, 302, 363, 588.
Трапезунд – 516, 518, 525, 535.
Трахея – 527.
Туран – 293, 294, 307, 486, 596.
Туранская земля – 298.
Туркестан – 345, 587.
Туркестанский хребет – 589.
Туркменабат – 586.
Туруберан – 244.
Турция – 224–226, 573.
Тус – 138, 305.
Тухар – 258.
Тюрков земля, страна – 303, 314, 592.
Тюркский каганат – 467, 549, 551, 584, 585, 587, 594, 625.
ал-Уасит – см. Кашкар.
Убулла – 121, 122, 279, 378.
Улу-Маджар – 483.
Урал – см. Яик.
Ургенч – 300.
Ути – см. Партав.
Утик – см. Кавказская Албания.
Фаманон – 476.
Фараб – 298, 299.
Фарангион – 338, 507.
Фарах – 292.
Фарнбаг – 64.
Фарр-Шапур – 307, 308.
Фарс – 6, 12, 19, 24, 29, 92, 95, 99, 109, 116, 121, 122, 128, 136, 138, 143, 151, 152, 155, 187, 196, 282, 293, 360, 402, 414, 418, 420, 421, 436, 458, 474, 485, 490, 605.
Фаса – 165, 187, 188.
Фаса Ардашир – см. ал-Хатт.
Фасис, город – 536.
Фасис, река – 525, 527, 528, 536.
Фахрадж – 293.
Феодосиополь – 244, 263, 338, 465, 571-572, 573.
Фергана – 372, 587, 589, 594.
Фирузабад – 152, 402.
Фум – см. Афумон.
Фурат ал-Басра – см. Прат-Майсан.
Хабур – 236, 564, 579.
Хагамахское поле – 36, 562, 573.
Хаджар, местность – 127, 279, 282.
Хаджиабад – 73, 79.
ал-Хаджр – 79.
Хадисат ан-Нура – 280.
Хадрамаут – 553.
ал-Хазар – см. Кабала.
Хазаран – 483.

Хазария – 249, 359.
Хаза – см. Бет-Хэзайе.
ал-Хазира – 280.
Хазракан – 483.
Халабиййя – 512.
Халкида – 224, 227, 515, 532, 533, 563.
Халхал – 248.
Хама – см. Хамат.
Хамаваран – см. Йемен
Хамадан – 69, 70, 73, 84, 183, 217, 265, 270, 436, 598, 604.
Хамат – 224.
Хамри – 483, 487.
ал-Ханафис – 121.
ал-Хараджиййя – 503–505.
Харакс – 265, 266.
Харран – см. Кары.
Хатра – 16, 43, 218, 220, 222, 274.
ал-Хатт – 127, 276, 278.
Хванирас – 404.
Хварр-Шапур – см. Фарр-Шапур.
Хельманд – 344, 588, 589.
Хефтон – 91.
Хива – 300.
ал-Хийар – 533.
Химьяр – 446, 549, 554, 591.
Хиндустан – 345.
Хира – 53, 92, 121, 212, 273–276, 283, 284, 286, 288–291, 317, 326, 378, 399, 498, 500, 501, 503, 504, 533, 534, 552, 568, 569, 570, 571.
Хирбат Глаль – 126.
Хирсан – 487.
Хит – 273, 279, 280, 497.
Хломарон – 579.
Хнайта – 126.
Хоарена – см. Хувар.
Ходжент – 303.
Хомс – см. Эмесса.
Хорасан – 18, 266, 293, 296, 299, 300, 304-305, 315, 344, 354, 359, 360, 362, 418, 488, 489, 581, 583, 587, 594, 613.
Хорезм, город – 300, 586.
Хорезм, область – 293, 344, 345, 609.
Хормузд-Ардашир – 121, 127.
Хормузд-Пероз – 107.
Хормуздаган – 41, 44
Хоруцон – см. Дербентский проход.
Хувар – 266.
Хузестан – 70, 71, 78, 88, 121, 127, 128, 136, 137, 183, 282, 314, 360, 390, 436, 447, 453, 454, 459, 462, 631.
Хузестан-Вазар – см. Хормузд-Ардашир.
Хульван – 73, 78, 126, 143.
Хумри – 484.
Хунзах – 488.
Хутарниййя – 159.
Хутталан – 586.
Цагери – см. Цахар.
Цанские горы – 525.
Цахар – 536.
Цацина – см. Ташкент.
Цейлон – 121, 556, 557, 609.
Цивили – 528, 531.
Цихисдзири – 516.
Цуртави – 260.
Цхенисцкали – 527, 536.
Цхинвал – 530.
Чаганиян – 302, 588.
Чач – см. Ташкент.
Черноморское побережье – 524.
Чёрное море – 231, 258, 524, 530.
Чильюрт – 483.
Чир-Юртское городище – 483.
Чола, город – 480.
Чор (восточный) – 481, 582, 583, 594.
Чор (кавказский) – 139, 249, 250, 260, 268, 539, 582, 626.
Чора, крепость – см. Чор (кавказский).

Чора, проходы – см. Дербентский проход.
Чорох – 244, 525.
Шабиран, крепость – 481, 482.
Шабиран, река – 481.
Шабран – см. Шабиран (крепость).
Шаке – 492, 493.
аш-Шакика – 503, 505.
Шаспиган, Шаспиганское хранилище – 419, 420.
Шахабад – 482.
Шахрам-Пероз – 481,
Шахрастан-и-ног – см. Вех-аз-Андив Хосров.
Шахризур – 416.
Шахрисабз – см. Кишш.
Шахркард – 126.
Шахруд – 266.
Шеки – см. Шаке.
Шемаха – 487.
Шигнан – 586.
Шиз – 415, 416.
Шираз – 99, 402, 485.
Ширван – 249, 270, 446, 485, 487, 490.
Шорапани – см. Сарапаны.
Шур Аб – см. Сура.
Шуштар – 82, 121.
Эгеи – 226.
Эгрис-цкали – 258.
Эдесса – 207, 212, 225–227, 229, 235, 264, 273, 324, 332, 367, 376, 462, 515, 520, 521, 522, 561.
Экбатаны – см. Хамадан.
Экер – см. Егер.
Эктаг – 584.
Эмесса – 224, 227, 228, 515,
Эндише-Гюней – см. Антиохия (Эндише-Гюней).
Эпифания – 226.
Эрбиль – см. Арбела.
Эрзурум – см. Феодосиополь (Карин).
Эрменек – 227.
Эфиопия – 521, 549, 553, 556.
Южная Аравия – 554, 590.
Юмурталык – 226.
Яик – 592.
Ecbatana – см. Хамадан.
Garama – 217.
Ġūmīk – 490.
Mazūn – см. Мазун.
Media – см. Мидия.
Samadān – 446.
Samalān – см. Йемен.
Βαλαὰμ – см. Балх.
Βιθαρμαῖς – 538.
اسباس – 586.
أستيقان – 372.
دردستان – 588.
دروستان – 588.
خرش – 487.
زالق – 344.
الطّالقان – 301.
نهرواله – 344.
ويزه – 586.
ويسه – 586.

ДОПОЛНЕНИЕ К СТР. 291

В процессе подготовки настоящей работы к печати автор этих строк обнаружил в источниках некоторые сведения, которые, кажется, подкрепляют предложенную реконструкцию событий. Мусульманский автор Абу-л-Бака Хибатуллах ал-Хилли (жил в конце XI – первой половине XII в.) в трактате «Книга мазйадитских стоянок об истории асадитских царей» (*Kitāb al-manāqib al-mazyadiyya fi aḫbār al-mulūk al-asadiyya*) сообщает, что после прихода к власти ал-Мунзира III бакриты отказались ему подчиняться и призвали на помощь ал-Хариса Киндитского. Вместе они нанесли поражение ал-Мунзиру; тот просил помощи у Кавада, но не получил её. Ал-Мунзир был вынужден оставить Хиру. Затем, однако, он послал посольство к ал-Харису и заключил с ним мир, получив в жёны его дочь Хинд. После этого ал-Харис ушёл из Хиры в свои владения и оставил союз с бакритами. Оставшись с бакритами один на один, ал-Мунзир через какое-то время подчинил их [Китаб ал-манакиб ал-мазйадиййа фи ахбар ал-мулук ал-асадиййа, талиф … Аби-л-Бака Хибатиллах ал-Хилли. Амман: Мактабат ар-рисала ал-хадиса, 1984. Ч. 1, с. 62, 121–123]. Упоминание о женитьбе члена династии Лахмидов на Хинд есть у Абу-л-Фараджа ал-Исфахани [Китаб ал-агани…, 1905. Т. 11, с. 60], однако у него речь идёт не об ал-Мунзире III, а о его сыне, что ведёт исследование в тупик (см. прим. 430). Версия ал-Хилли (заметим, более полная) «реабилитирует» для науки этот рассказ и прямо указывает на договор между ал-Мунзиром и ал-Харисом, о котором в тексте работы говорилось на уровне гипотезы.

Другой мусульманский автор, Мухаммад Ибн Хабиб ал-Багдади (ум. в 860 г.), в трактате «Изящно написанное [повествование]» (*Kitāb al-muḥabbar*) сообщает, что ал-Харис Киндитский много раз нападал на Лахмидов и отбил у них часть того, чем они обладали; его же собственные владения простирались до так называемой «Жамасповой[1] реки» (*Ṣarāt Ǧāmāsb*), находившейся вблизи Каср Ибн Хубайра [Китаб ал-Мухаббар. Бейрут: Дар ал-афак ал-джадида, б.д. С. 369]. Слово *ṣarāt* буквально означает «заводь», однако описания *Ṣarāt Ǧāmāsb* у мусульманских географов свидетельствуют в пользу перевода «река». Согласно географическим источникам, Евфрат, миновав в своём течении Хит и ал-Анбар, разделялся на два рукава. Один из них, именуемый у Кудамы Ибн Джафара и ал-Масуди *al-ʻAlqamī*, немного отклонялся к западу и тёк в направлении болот области Куфы. Другой рукав назывался «река Суры» (*Nahr Sūrā*, по названию поселения, о котором идёт речь в прим. 179). Ал-Истахри и неизвестный автор «Пределов мира» считали его отдельной рекой, вытекающей из

[1] Нельзя поручиться за то, что имеется в виду сасанидский царь.

Евфрата. Примерно то же самое мы читаем у автора первой половины X в. Ибн Серапиона, которому принадлежит подробное описание бассейнов Евфрата и Тигра. Он называет Евфратом первый из указанных рукавов, но при этом считает, что второй, именуемый «Верхней Сурой» (*Sūrā al-A'lā*), полноводнее и шире его. Около Камганского моста, по словам Ибн Серапиона, от Верхней Суры отделялась Нижняя Сура (*Sūrā al-Asfal*), которая, в частности, протекала через «город двух мечетей» (*al-Ǧāmi'ayn*). Якут прямо отождествляет это поселение с ал-Хиллой. Стало быть, Нижняя Сура – река Шатт ал-Хилла. Казалось бы, Верхнюю Суру и её дальнейшее течение на юг можно идентифицировать с современным Евфратом, но это было бы ошибкой. В описании Ибн Серапиона Верхняя Сура, миновав Камганский мост, далее называется «Великой рекой» (*al-Ṣarāt al-kabīra*), течёт в направлении ал-Хула (*al-Hūl*)[2] и впадает в реку Сабус (*Sābus*), которая, в свою очередь, вливается в Тигр. Это близко к тексту «Пределов мира», где сообщается, что река Сура отделяется от Евфрата в пределах области Кербелы (*ḥudūd Karbalā'*) и в конце концов приходит к болотам Уасита [Géographie…, 1840. P. 53; Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 233; Kitâb at-Tanbîh…, 1894. P. 52; Le Strange G. Description of Mesopotamia and Baghdād, written about the year 900 A.D. by Ibn Serapion // JRAS, 1895 (P. 1–76, 255–316). P. 16–17; Viae…, 1927. P. 85; Yāqūt…, 1957. T. II, p. 96, 294; Худуд…, 1961/1962. С. 48–49]. По этому описанию трудно отождествить «Великую реку» с чем-либо. Видимо, имеется в виду какой-то заброшенный со временем канал или комплекс каналов между Евфратом и Тигром, от которого не осталось следов.

Согласно Ибн Серапиону, «Жамаспова река» (*Ṣarāt Ǧāmās*) отделяется от Суры, а затем впадает в «Великую реку» в трёх *фарсах*-ах ниже города ан-Нил [Le Strange G., 1895. P. 17]. Почти то же самое сообщает Якут, по словам которого «Жамаспова река» вытекает из Евфрата, и на ней в исламское время был построен город ан-Нил [Yāqūt…, 1957. T. III, p. 400]. Значит, «Жамаспова река» образовывала своего рода петлю, которая могла примыкать к Суре и «Великой реке» как с севера, так и с юга. Для выбора между этими вариантами большое значение имеет месторасположение Каср Ибн Хубайра. Наиболее подробные известия источников о нём таковы:

Ал-Якуби: на реке ас-Сарат (*al-Ṣarāt*; это отдельный канал, но, судя по карте Ибн Хаукаля, имеется в виду не он, а скорее *Ṣarāt Ǧāmāsb*), отделяющейся от Евфрата, приблизительно в двух милях от ос-

---

[2] По словам Ибн Серапиона, ал-Хул находился менее чем в одном *фарсах*-е от ан-Нуманиййи, расположенной, согласно ему и некоторым другим авторам, на западном берегу Тигра, на пути из Багдада в Уасит [Kitâb al-Masâlik…, 1889. Ар. текст, с. 193; Kitâb al-A'lâk…, 1892. P. 186; Yāqūt…, 1957. T. V, p. 294; Худуд…, 1961/1962. С. 151].

новного течения Евфрата (*mu'ẓam al-Furāt*) в направлении «сурского моста» [Kitâb al-A'lâk…, 1892. P. 309].

Ибн Серапион: «Верхняя Сура» протекает позади Каср Ибн Хубайра меньше чем в одной миле от него [Le Strange G., 1895. P. 16].

Ал-Истахри: «Царская река» (о ней см. прим. 179. – *Д. М.*) одним своим ответвлением упирается в Каср Ибн Хубайра, другим – впадает в Тигр. Кербела находится к западу от Евфрата, напротив Каср Ибн Хубайра [Viae…, 1927. P. 85].

Ибн Хаукаль: на карте ал-Каср, т.е. Каср Ибн Хубайра, помещается северо-восточнее Вавилона, южнее «царской реки» и восточнее Суры [Китаб сурат…, 1979. С. 209].

Ал-Идриси: «Царская река» проходит к Каср Ибн Хубайра, который стоит на расстоянии одного полёта стрелы от Евфрата, а затем направляется к Суре [Al-Idrīsī, 1976. P. 668].

Итак, Каср Ибн Хубайра должен был находиться к северу от «Великой реки» и к востоку от основного русла Евфрата, хотя и очень близко от него. Это даёт основание для следующих выводов:

1. Рассказ Ибн Хабиба о том, будто киндиты в своих завоеваниях дошли до «Жамасповой реки» и области Каср Ибн Хубайра (сам Каср Ибн Хубайра тогда не существовал), нельзя понимать буквально. Чтобы сделать это, они должны были вторгнуться в сасанидские владения и победить персов, но такое предположение не подкрепляется источниками. Слова Ибн Хабиба следует, кажется, истолковывать в том смысле, что Кавад разрешил киндитам поселиться в районе «Жамасповой реки». Значит, Кавад не только пустил какую-то часть киндитов за Евфрат, но и позволил им осесть едва ли не в непосредственной близости от Ктесифона. Кажется, Кавад действительно благоволил к ал-Харису Киндитскому и видел в нём своего союзника – возможно, в качестве благодарности за поддержку маздакитов. Можно выдвинуть гипотезу, что Кавад всё-таки вмешался в конфликт киндитов и Лахмидов и предложил ал-Харису земли за Евфратом взамен на статус союзника, уход из Хиры и мир с ал-Мунзиром[3], и это предложение было принято.

2. Если киндиты действительно были расселены за Евфратом, они и Лахмиды оказались на разных берегах реки. Таким образом Евфрат стал границей между Лахмидами и киндитами. Произошло это, кажется, главным образом по воле Кавада, который, судя по всему, стремился избежать и войны между ними, и их объединения. Из последующих событий видно, что Кавад достиг своих целей. Но к киндитам, переселившимся за Евфрат, всё-таки относились с опаской, и это в конце концов стало одной из причин расправы над ними.

---

[3] В источниках, заметим, сохранились известия о переговорах Кавада и ал-Хариса, завершившихся переселением киндитов за Евфрат [Annales…, 1964. Ser. I, p. 888–889].

Научное издание

Мишин Дмитрий Евгеньевич

Хосров I Ануширван (531–579),
его эпоха и его жизнеописание
и поучение в истории Мискавейха

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор А.З. Алмазова
Верстка А.В. Горюнова

Подписано 5.12.2014
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 43,5. Уч.-изд. л. 38,6
Тираж 300 экз. Зак. № 947.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru. Генеральный директор С.Г. Жвирбо